

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

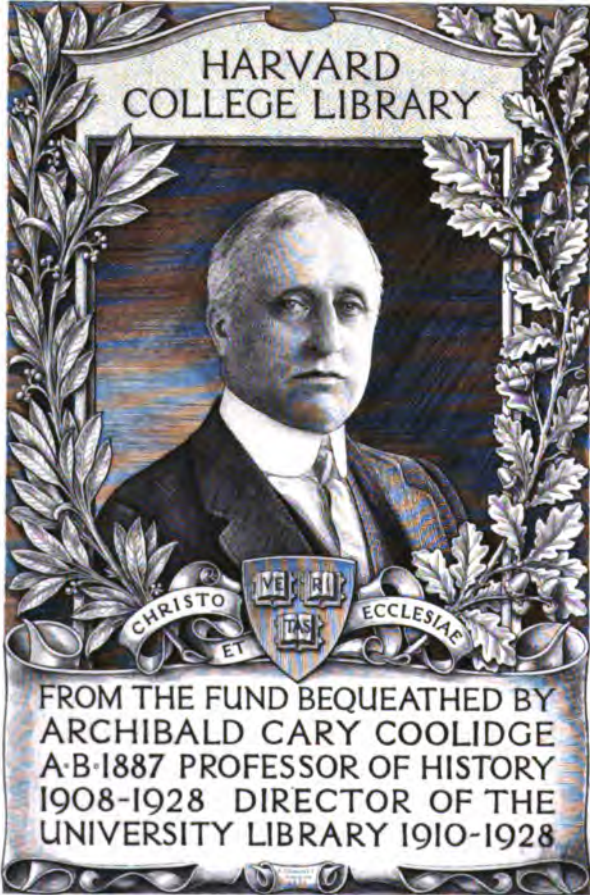
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS12V 611.20

РУССКІЙ

ТО

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

1906.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій пр., 136

1906.

Digitized by Google

305

Злая сила.

(Изъ жизни на русской окраинѣ).

I.

Феодоръ Феодоровичъ Денисьевъ, молодой подпоручикъ № пѣхотнаго полка, возвращался къ себѣ домой, весь окваченный какимъ-то особеннымъ, восторженнымъ настроеніемъ. Всего только недѣль шесть, какъ онъ переведенъ въ городъ К., и до сихъ поръ переживаетъ свой медовый мѣсяцъ влюбленности въ новый край, кажущійся ему такимъ поэтичнымъ и прекраснымъ. Чувство это свойственно очень многимъ кореннымъ русскимъ и овладѣваетъ ими, когда они прямо съ сѣвера неожиданно переселяются на одну изъ южныхъ окраинъ Россіи; подъ влияніемъ его, все, что встрѣчается имъ на пути въ ихъ новой обстановкѣ, кажется совершенствомъ. Они искренно приходятъ въ восторгъ и отъ климата, и отъ природы, и отъ новыхъ люлей съ ихъ обычаями, жадно прислушиваются къ чуждому языку, всматриваются въ незнакомыя черты новаго для нихъ тина туземцевъ, надѣляются ихъ всевозможными достоинствами, о которыхъ тѣмъ и не снилось и, что уже хуже всего, охотно готовы признать ихъ превосходство надъ угрюмымъ, забытымъ (такъ они часто думаютъ) кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Въ большинствѣ случаевъ этой влюбленности хватаетъ не надолго и скоро наступаетъ реакція, тѣмъ сильнѣйшая, чѣмъ сильнѣе было первоначальное увлеченіе. Краски, созданныя воображеніемъ, блекнутъ, появляется разочарованіе, на розовомъ фонѣ выступаютъ сначала сѣрыя, а затѣмъ и совѣтъ черныя пятна; климатъ и природа уже не кажутся такими прекрасными, какими казались еще недавно, а люди и по-

давно. И вотъ начинается другой періодъ того же настроенія, но въ обратную сторону—теперь все туземное начинаетъ представляться несноснымъ, нелѣпымъ, неудобнымъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; появляется тоска по сѣверу, по его величавой въ своей унылости природѣ; пробуждается желаніе снова увидѣть чисто-русскія лица, услышать чисто-русскую рѣчь; отъ черномазыхъ фізіономій и мягкаго южнаго говора начинаетъ претить... какая-то душевная изжога овладѣваетъ русскимъ человѣкомъ и онъ тоскуетъ, тоскуетъ крѣпко, невыносимо, пока, къ великой его радости, не наступаетъ день, когда онъ наконецъ можетъ покинуть благодатный югъ и снова вернуться на свою родину, представляющуюся ему теперь издали волшебной царицей, ласково-печальной и величественно-нѣжной.

Для Теодора Теодоровича этотъ періодъ былъ однако еще далекъ и въ эту минуту, казалось, онъ ни за какія богатства добровольно не разстался бы съ Бессарабіей, показавшейся ему раемъ, послѣ сырого, болотистаго, мрачнаго Петербурга, съ его вѣчно плачущимъ небомъ и пронизывающими вѣтрами.

— Ахъ, что за ночь, что за дивная, чудная ночь,—вслухъ восклицалъ Теодоръ Теодоровичъ, жадно вдыхая теплый, южный воздухъ, напоенный благоуханіемъ свѣжераспустившихся липъ, возвышавшихся двумя стройными рядами по обѣимъ сторонамъ пустынной улицы, погруженной въ глубокой сонъ.

Время отъ времени изъ-за высокихъ заборовъ, за которыми темнѣли купы садовъ, на Теодора Теодоровича набѣгали ароматныя волны распускавшейся сирени, абрикосовъ и бѣлой акаціи. Въ недосыгаемой глубинѣ темно-голубого безоблачнаго неба ослѣпительно горѣлъ яркій мѣсяцъ, изливая цѣлые потоки сверкающихъ лучей на бѣлыя стѣны небольшихъ домиковъ въ одинъ, рѣдко, рѣдко въ два этажа, мирно дремавшихъ, съ наглухо захлопнутыми вѣками-ставнями. Ни звука. Тишина мертвая. Словно въ сказкѣ о таинственномъ городѣ, погруженномъ въ волшебный сонъ.

— Ахъ, что за ночь, что за ночь!—въ сотый разъ повторялъ Теодоръ Теодоровичъ и какъ бы въ изнеможеніи остановился, жадно любуясь переливами свѣта и тѣней, красивымъ узоромъ ложившихся на дорогъ и на ярко освѣщенныхъ стѣнахъ, казавшихся издали мраморными.

Постоявъ съ минуту, Теодоръ Теодоровичъ глубоко вздохнулъ отъ избытка чувствъ и медленно двинулся впередъ, но не успѣлъ онъ пройти десятка шаговъ, какъ услышалъ громкіе звуки рояля и сильный женскій голосъ, наполнявшій со-

бою тишину ночи. Денисьевъ остановился и внимательно прислушался. Пѣніе и музыка неслись изъ открытаго окна небольшого домика на противоположной сторонѣ. Пораженный мелодичностью голоса, Теодоръ Теодоровичъ торопливо перешелъ улицу и остановился у стѣны, жадно ловя чарующіе звуки. Онъ тотчасъ же узналъ мотивъ пѣсни. Въ томъ домѣ, гдѣ онъ только что былъ, эту самую пѣсню пѣла извѣстная пѣвица Димитреску, оперная актриса румынскаго королевскаго театра. Димитреску пѣла очаровательно и Теодору Теодоровичу, въ первый разъ слышавшему румынскіе романсы въ хорошемъ исполненіи, чрезвычайно понравилось ея пѣніе, но теперь, слушая невидимую пѣвицу, онъ почувствовалъ нѣчто болѣе, чѣмъ восторгъ... Какъ очарованный, стоялъ онъ, вбирая въ себя незнакомыя и непонятныя ему слова романса, изливавшія на чуждомъ языкѣ чувства нѣжной страсти и тоски, одинаково близкія и родныя всему человѣчеству. Голосъ пѣвицы какъ будто рыдалъ, и когда въ концѣ cadaго куплета она жалобно протягивала послѣднюю фразу, единственно которую Денисьевъ понималъ, такъ какъ ему ее перевели словами: „Ахъ, знаешь ли ты?“—казалось, сама природа присоединялась къ этому тоскующему запросу, рвавшемуся изъ глубины разбитаго женскаго сердца. „Ахъ, знаешь ли ты?“—страстно звучало въ таинственной тишинѣ теплой, южной ночи, наполняя ее истомой, невидимкой скользило между свѣтлозелеными листьями липы, чтобы черезъ минуту безнадежно замереть въ яркихъ лучахъ мѣсяца, затоплявшихъ пустынную улицу.

— Ахъ, знаешь ли ты?

Не отдавая себѣ отчета, притягиваемый посторонней силой, Теодоръ Теодоровичъ приблизился къ окну и машинально заглянулъ въ него... Онъ увидѣлъ комнату, погруженную въ полумракъ, въ которомъ смутно чернѣли очертанія напоявшихся предметовъ. Налѣво отъ окна виднѣлась дверь; она была полуоткрыта и оттуда врывалась неширокая полоса красноватаго свѣта отъ лампы подъ краснымъ абажуромъ. Свѣтъ этотъ, не освѣщая всей комнаты, озарялъ только одну стѣну, піанино и сидящую около него на табуретѣ молодую женщину, показавшуюся Теодору Теодоровичу замѣчательной красавицей. Тонкій профиль слабо освѣщеннаго лица, граціозная фигура, словно закутанная въ полумракъ и неуловимо сливающаяся съ нимъ, волосы, пышными локонами падающіе по плечамъ, образующіе на головѣ причудливую корону изъ мелкихъ, упрямо вьющихся кудрей и большіе глаза, задумчиво устремленные на свѣтъ, въ которыхъ огненными точ-

ками отражался блескъ огня, какъ бы таявшій съ ихъ собственнымъ внутреннимъ блескомъ, все это вмѣстѣ произвело на Денисьева сильное впечатлѣніе. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на красавицу, не будучи въ силахъ оторвать своихъ глазъ.

Увлеченная пѣніемъ, молодая женщина не замѣчала его. Окончивъ романсъ, она опустила голову и въ задумчивости перебирала клавиши, какъ бы прислушиваясь къ ихъ ропоту. Но вотъ она снова выпрямилась, слегка даже откинулась назадъ всѣмъ корпусомъ, высоко, горделиво подняла голову и загѣла тоже знакомый Денисьеву румынскій романсъ.

Снова полились въ открытое окно въ объятія ночи волны красивыхъ звуковъ; они воспѣвали луну, южную, страстную, полную чарующей нѣги, и понятнымъ сердцу языкомъ говорили о любви, о страсти, безумной, жгучей, цѣликомъ унаслѣдованной отъ праотцевъ, пришедшихъ съ полей Италіи, но смягченной славянской печалью, придававшей ей особый трагизмъ.

Звуки то замирали, то снова ширились, голосъ пѣвицы то звенѣлъ, какъ одинокая струна, то выливался въ могучій аккордъ, наполняя всю комнату красивыми переливами и вдругъ разомъ оборвался... Но не надолго... Минута молчанія и вмѣсто незнакомыхъ румынскихъ словъ, Денисьевъ услышалъ, хотъ и не совсѣмъ родныя, но близкія сердцу малороссійскія рѣчи.

Віють витры, віють буйны,
Ажъ дровья гнутся.
О якъ болитъ мое сердце,
А слезы не льются...

Отъ того ли, что теперь Денисьеву было понятно каждое слово, а знакомый, родной русской душѣ мотивъ бралъ за сердце, онъ не выдержалъ и восклицаніе восторга невольно вырвалось изъ его груди вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ. Пѣвица задрогнула всѣмъ тѣломъ, инстинктивно захлопнула крышку піанино, порывисто вскочила и торопливо повернулась къ окну... Лицо ея стало сумрачнымъ, изящно-очерченные брови насупились. Она гнѣвно сверкнула глазами и сердитымъ, срывающимся голосомъ спросила:

— Кто вы такой, сударь, и что вамъ нужно тутъ подъ окномъ?

Этимъ неожиданнымъ окликомъ застигнутый врасплохъ, Денисьевъ сильно сконфузился.

— Простите ради Бога,—заговорилъ онъ смущеннымъ голосомъ,—я право нечаянно... я хочу сказать—невольно... Однимъ словомъ, шелъ и случайно услышалъ ваше пѣніе... Оно

такъ поразило, восхитило меня, что я не въ силахъ былъ продолжать путь, остановился и сталъ слушать... Не сердитесь, умоляю васъ, и не сочтите меня за какого-нибудь нахала.

При послѣднихъ словахъ Θεодора Θεодоровича молодая женщина усмѣхнулась.

— Ужъ будто бы я такъ хорошо пою, что вотъ такъ сразу же и очаровала васъ,—кокетливо улыбаясь, спросила она, подходя къ окну, и, прищурясь, внимательно посмотрѣла въ лицо подпоручика смѣющимся взглядомъ большихъ, красиво блестящихъ въ полумракѣ глазъ.

— Очаровательно. Божественно. Дивно... Однимъ словомъ, я даже не знаю, какъ и выразить свой восторгъ,—пылко отвѣчалъ Денисьевъ, въ свою очередь жадно разглядывая незнакомку, пораженный ея красотой, производившей вблизи еще болѣе сильное впечатлѣніе. Лунный свѣтъ прямо падалъ на лицо дѣвушки, отчего оно казалось матово-блѣднымъ. Большіе темные глаза мерцали въ полутьмѣ комнаты, какъ двѣ звѣздочки, придавая лицу загадочное выраженіе. Она была высока ростомъ, съ тонкой, гибкой таліей и высокой грудью. Между черными кружевами, какъ слоновою костью, бѣлѣла полуоткрытая шея и на ней ярко сверкала, переливаясь всѣми цвѣтами радуги крестикъ изъ горнаго хрустала. Обнаженные по локоть въ широкихъ рукавахъ руки, съ тонкими, нервными пальцами, были малы и изящны.

— Вы, должно быть, или большой льстецъ,—засмѣялась молодая женщина, показывая рядъ ослѣпительно бѣлыхъ, мелкихъ зубовъ,—или никогда не слышали хорошаго пѣнія, если такъ отзываетесь о моемъ мяуканьи.

— Вотъ какъ разъ и ошиблись,—торжествующимъ тономъ посмѣшиль возразить Денисьевъ,—что я не льстецъ, въ этомъ порукой мое честное офицерское слово, а относительно того, слыхалъ ли я хорошее пѣніе, вы можете сами судить: я только что возвращаюсь изъ одного дома, гдѣ весь вечеръ слушалъ Димитреску, здѣшнюю знаменитость... Она какъ разъ пѣла тотъ же романсъ, что и вы: „Шти ту...“ Я чуть съ ума не сошелъ отъ восторга, но когда я услыхалъ васъ, тогда я понялъ, что Димитреску по сравненію съ вами...

— Богиня,—перебила его молодая женщина,—ну, это само собой разумѣется.

— Нѣтъ не богиня, а музыкальная шкатулка,—горячо возразилъ Денисьевъ:

— Какъ музыкальная шкатулка?—не поняла сразу молодая женщина, съ изумленіемъ глядя ему въ лицо.

— Разумѣется, музыкальная шкатулка,—съ искреннимъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Теодоръ Теодоровичъ,—она поетъ горломъ, а вы душою своею поете... Мнѣ трудно это объяснить словами, но вы, я убѣжденъ, поймете мою мысль...

Молодая женщина звонко расхохоталась.

— Боже, какое чудовище,—всплеснула она руками,—Дмитреску сравнивать съ музыкальной шкатулкой... Да васъ за это убить мало... Ну, теперь для меня ясно, вы не только льстецъ, но изъ льстецовъ льстецъ... Кстати,—перебила она сама себя,—гдѣ же это, въ чьемъ домѣ вы слышали Дмитреску? Насколько мнѣ извѣстно, она рѣдко поетъ въ частныхъ домахъ.

— У Нускатовъ,—отвѣчалъ Денисьевъ,—я былъ у нихъ сег...

Но молодая женщина не дала ему договорить. Она вдругъ почему-то странно оживилась; неуловимая тѣнь не то удивленія, не то насмѣшки промелькнула по ея красивому лицу и въ глубинѣ загорѣвшихъ глазъ.

— У Нускатовъ?—переспросила она и засмѣялась.— Вотъ судьба-то?.. Удивительно право... Кстати, признайтесь по совѣсти,—навѣрно уже успѣли влюбиться въ Лизавету Львовну...

— Въ самую г-жу Нускатъ?—переспросилъ Денисьевъ.— Нѣтъ еще, пока не влюбился... хотя, надо признаться, такой красавицы, какъ она, я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ.

— И не встрѣтите, можете быть увѣрены,—насмѣшливо перебила его молодая женщина.

— Опять ошиблись,—я уже встрѣтилъ красоту, передъ которой красота г-жи Нускатъ меркнетъ, какъ мѣсяцъ въ лучахъ солнца, я говорю о васъ... Вы, на мой взглядъ, несравненно лучше, чѣмъ г-жа Нускатъ.

— Вы все лжете,—неожиданно разсердилась молодая женщина,—и лжете-то неумѣло... Какъ это вы ночью могли разглядѣть мою красоту... Pendant la nuit tous les chats sont gris,—добавила она хорошимъ французскимъ произношеніемъ.— Г-жу Нускатъ вы видѣли при огнѣ, въ блестящемъ освѣщеніи, въ роскошномъ туалетѣ, а меня ночью, въ домашнемъ капотѣ, какое же тутъ можетъ быть сравненіе...

— Тутъ достаточно свѣтло,—запротестовалъ Теодоръ Теодоровичъ,—чтобы судить... лунный свѣтъ...

— Дѣлаетъ меня похожей на утопленницу,—нетерпѣливо перебила его молодая женщина,—довольно... А то вы скоро

совсѣмъ зарепортуется... Скажите, лучше, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ самъ Нускатъ?

— Георгій Дмитріевичъ? Онъ мнѣ кажется человѣкомъ прежде всего добрымъ и очень благороднымъ, при томъ онъ выглядитъ совсѣмъ русскимъ... ничего молдаванскаго въ немъ нѣтъ, насколько я могу судить, ни въ манерахъ, ни въ акцентѣ...

— Онъ русскій и есть,—мать его была москвичка и воспитывалась въ Москвѣ... Вы правы, онъ добрый, черезчуръ, пожалуй, добрый и черезчуръ благородный,—добавила молодая женщина какъ бы про себя и вздохнула.—Жаль только,—продолжала она задумчиво и опять словно бы рассуждая сама съ собой,—что онъ такъ непростительно безхарактеренъ и слишкомъ рабски преклоняется передъ женой... Она не стоитъ его...

— Почему? — удивился немного Денисьевъ. — Елизавета Львовна показала мнѣ женщиной хорошей, доброй и очень умной...

— Она-то добрая?—съ неожиданной злобой воскликнула молодая женщина.—Хорошо же вы понимаете людей послѣ этого... Впрочемъ,—поспѣшила она сдержать себя,—оставимъ этотъ разговоръ... Я не судья ей, потому что слишкомъ, слишкомъ ненавижу ее.

Послѣднюю фразу молодая женщина произнесла какъ бы про себя, не придавая значенія тому, слушаетъ ли ее Денисьевъ или нѣтъ.

— Ахъ, стало быть, вы знаете Нускатъ?—воскликнулъ Теодоръ Теодоровичъ, съ нѣкоторымъ изумленіемъ всматриваясь въ нахмуренное лицо молодой женщины.

— Да, знаю,—неохотно отвѣтила молодая женщина,—въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ нашъ, поневолѣ всѣхъ знаешь... Впрочемъ это васъ не касается... и не интересно никому... Вы гдѣ познакомились съ Нускатами и давно-ли?

— Только сегодня... Я вѣдь всего лишь мѣсяць, какъ переведенъ сюда къ вамъ, въ К—ъ... почти ни съ кѣмъ еще не знакомъ... Къ Нускатамъ меня свелъ мой товарищъ по полку...

— Не Бобровъ-ли? — живо перебила его молодая женщина.

— Да, Бобровъ, а вы его знаете?

— Слышала...—уклончиво отвѣтила та,—постоянный гость... Онъ, кажется, безнадежно влюбленъ въ Елизавету Львовну... Бѣдный мальчикъ, мнѣ жаль его, его любовь отзываетъ не получить, какъ мраморъ, сердце холодно ея... Впрочемъ, все это

не къ дѣлу... Продолжайте... Значить, съ Нускатами васъ свель Бобровъ.

— Да, Бобровъ. По его совѣту я сегодня утромъ сдѣлалъ имъ визитъ и меня пригласили на вечеръ...

— Много гостей было?

— Не особенно... но зато самое избранное... Губернаторъ тоже былъ...

— А архіерей не былъ?—язвительно засмѣялась молодая женщина.—Безъ губернатора—архіерей, безъ архіерея—губернаторъ—это что-то неполное, недоконченное... Знаете, какъ въ газетахъ пишутъ: „прибыль мѣстный губернаторъ и архіерей... Его преосвященство сказалъ слово... Его превосходительство произнесъ рѣчь“.

— А вы, какъ я вижу, злая и съ душкомъ,—улыбнулся Денисьевъ.—Нѣтъ, архіерея не было, но была, какъ я вамъ уже говорилъ, Димитреску... вся въ брилліантахъ и кружевахъ.. очень похожая на жидовку...

— Много она пѣла?

— Всего четыре романса—„Шти ту“, „Луна дорми“ и еще какіе-то два, чрезвычайно мелодичные, про чьи-то очи...

— А, знаю... Однако мы тутъ съ вами заболтались, словно парочка влюбленныхъ... Покойной ночи. Вамъ домой пора, да и я спать хочу... Аддіо.

Съ этими словами молодая женщина неожиданно захлопнула окно и спустила штору передъ самымъ носомъ немного озадаченнаго такой безцеремонностью Θεодора Θεодоровича.

— Вотъ тебѣ и разъ,—не удержался и вслухъ произнесъ онъ совсѣмъ по военному... Разъ, два, три и нѣтъ... Гм... Что-жь, дѣлать нечего, приходится ретироваться.

Онъ повернулся и, не торопясь, побрелъ вдоль улицы, но не успѣлъ пройти и нѣсколько шаговъ, какъ окно сзади него съ шумомъ распахнулось и звонкій, смѣющийся голосъ крикнулъ въ догонку: „Прощайте!“ послѣ чего окно быстро захлопнулось. Все это произошло такъ быстро, что когда Денисьевъ оглянулся, то ничего не увидѣлъ, кромѣ шторы, ярко бѣлѣвшей въ лунномъ сіяніи.

— Бойкая особа,—усмѣхнулся Денисьевъ,—интересно бы знать, замужня или дѣвица?.. А можетъ быть, вдова?—сдѣлалъ онъ предположеніе, но тутъ же почему-то рѣшилъ, что незнакомка должна быть дѣвушка.

До самага своего дома Θεодоръ Θεодоровичъ шелъ въ глубокой задумчивости, перебирая въ умѣ всѣ подробности своего страннаго ночнаго приключенія.

— Кто бы она такая могла быть?—въ сотый разъ задаваль онъ себѣ вопросъ,—замужняя женщина или дѣвушка?.. Похоже, будто бы дѣвушка... А какой народности? Типъ лица не русскій, скорѣе молдавanskій... или малороссійскій, говоритъ же по-русски, какъ москвичка... И какъ хороша! Только на югѣ можно встрѣтить такихъ красавицъ... Но почему-то мнѣ ея лицо кажется знакомымъ... Точно я встрѣчалъ ее гдѣ-то, но гдѣ? Не могу даже себѣ представить?

Θеодоръ Θеодоровичъ мысленно перебралъ всѣ дома, гдѣ былъ за этотъ мѣсяць, но ни въ одномъ, какъ онъ помнитъ, ему не довелось встрѣчать женщину, хоть сколько-нибудь похожую на ночную незнакомку.

— Гдѣ же я ее видѣлъ?—сътщетнымъ упорствомъ ломалъ голову Денисьевъ и вдругъ неожиданно хлопнулъ себя по лбу... — Батюшки, — воскликнулъ онъ, и даже остановился среди улицы, — и какъ я сразу не замѣтилъ... Вотъ удивительно-то.. А вѣдь сходство страшное... Словно двѣ сестры... Типъ лица одинъ и тотъ-же, только выраженіе разное... Кромѣ того та смуглая брюнетка, а эта блондинка или очень свѣтлая шатенка, при лунѣ не видно... Странно, очень странно... Завтра же постараюсь разузнать, кто она такая... Жаль, домъ-то я, кажется, не примѣтилъ... ну-да найду... Не Петербургъ.

II.

Странный сонъ приснился Денисьеву. Снится ему, будто плыветъ онъ не то по морю, не то по рѣкѣ въ большой лодкѣ, вдвоемъ со своей ночной незнакомкой... Луна ярко горитъ въ небѣ, волны глухо рокочутъ... На горизонтѣ смутно чернѣютъ очертанія берега... Длинные водоросли тянутся со дна и, какъ цѣпкіе щупальцы водяныхъ чудовищъ, тянутся въ лодку, цѣпляются за ея борты, опутываютъ весла... Глядя на эти водоросли, Денисьевъ чувствуетъ, какъ въ немъ подымается что-то похожее на страхъ передъ этими водорослями... Онѣ преслѣдуютъ его... угрожаютъ ему, и тѣмъ сильнѣе старается онъ грести, въ надеждѣ выплыть изъ ихъ объятій, тѣмъ ихъ становится все больше и больше... тѣмъ съ большей настойчивостью присасываются онѣ къ лодкѣ... задерживаютъ ее... Денисьевъ робѣетъ и исподлобья поглядываетъ на свою спутницу... Она сидитъ на кормѣ, облитая луннымъ сіяніемъ, неподвижная, прекрасная, и задумчиво смотритъ на водную рябь, искрящуюся въ лучахъ мѣсяца... Лицо красавицы

вицы спокойно, какъ бы застыло, только глаза горятъ какимъ то особеннымъ фосфорическимъ блескомъ, какъ у кошки ночью. Денисьевъ смотритъ на нее и жуткая отдропь все больше и больше овладѣваетъ имъ... Вдругъ его словно оза-рило и онъ ясно, съ поразительной опредѣленностью, увидѣлъ и понялъ, что съ нимъ въ лодкѣ плыветъ не женщина, а русалка и что водоросли, отъ которыхъ онъ старается уплыть, не что иное, какъ сѣти, которыми она незамѣтно и искусно оплетаетъ его лодку... Смертельный ужасъ охватилъ все существо Теодора Теодоровича... руки его нѣмѣютъ... пальцы разжимаются... весла выпадаютъ изъ ослабѣвшихъ рукъ и, захлестнутыя водорослями, исчезаютъ на днѣ... Цѣпкіе, зеленые, пахнушіе тиной, щупальцы наполняютъ лодку... Она уже стоитъ неподвижная, какъ бы связанная, подобно мухѣ, попавшейся въ тенета къ пауку. Но вотъ Денисьевъ чувствуетъ, какъ водоросли мало-по-малу начинаютъ опутывать и его самого... сначала ноги... затѣмъ, подымаясь все выше и выше, онѣ уже добираются до рукъ... ихъ крѣпкія петли медленно и неумолимо захлестываютъ ему локти, бинтуютъ плечи... крѣпко давятъ грудь... Онъ задыхается, хочетъ крикнуть... Но въ эту минуту со всѣхъ сторонъ подымаются мутныя, грязныя волны... Онѣ такъ высоки, что за ними онъ не видитъ ни неба, ни мѣсяца... Въ смертельномъ ужасѣ Денисьевъ дѣлаетъ послѣднюю попытку вырваться изъ цѣпкихъ путъ водорослей, съ неимовернымъ усиліемъ разрываетъ ихъ, но уже поздно... Лодка медленно погружается въ воду, какъ бы притягиваемая ко дну невидимымъ канатомъ. Денисьевъ чувствуетъ приближеніе смерти... страшной... мучительной... Онъ хочетъ кричать... звать на помощь... открываетъ ротъ, но въ это мгновеніе русалка, какъ хищная птица, бросается къ нему на грудь... Ея зеленые глаза заглядываютъ ему въ лицо съ какимъ-то холоднымъ, злымъ любопытствомъ... Она склоняетъ надъ нимъ свою красивую голову и вдругъ крѣпко впивается ему въ губы своими холодными, посинѣвшими губами... Денисьевъ дико вскрикиваетъ и просыпается...

— Фу ты, какая только чепуха не лѣзетъ въ голову во время сна,—съ неудовольствіемъ подумалъ онъ,—должно быть, подъ вліяніемъ вчерашнихъ впечатлѣній.

Вернувшись со службы и наскоро пообѣдавъ, Денисьевъ отправился разыскивать домъ, гдѣ жила его вчерашняя таинственная незнакомка. Ему казалось, что это нетрудно будетъ

сдѣлать, такъ какъ онъ хорошо запомнилъ наружный видъ дома, но, придя на мѣсто и взглянувъ вдоль длиннаго ряда домовъ, похожихъ другъ на друга, какъ родные братья, онъ почувствовалъ себя въ положеніи сказочнаго принца, которому колдунъ приказалъ изъ двѣнадцати одинаковыхъ совершенно коней выбрать того самаго, котораго онъ видѣлъ раньше.

— Ахъ, чортъ возьми,—размышлялъ Денисьевъ, пытливо всматриваясь то въ тотъ, то въ другой изъ домовъ, стараясь угадать, по признакамъ, смутно отпечатлѣвшимся въ его памяти, который изъ нихъ ему нуженъ, но всѣ старанія его были напрасны.

Онъ видѣлъ передъ собой однѣ и тѣ-же чамурныя стѣны, желѣзныя крыши, деревянные заборы, съ выглядывавшими изъ нихъ курчавыми вершинами темнозеленыхъ яблонь, сирени и вишенъ, густо осыпанныхъ цвѣтами... Небольшія окна, съ выкрашенными въ зеленый цвѣтъ рамами и ставнями, красныя калитки длинной вереницей тянулись передъ его глазами, не нарушая общаго однообразія улицы, придавая ей вполне деревенскій характеръ. Наконецъ, одинъ изъ домовъ, по виду немного лучше другихъ, привлекъ на себя вниманіе Теодора Теодоровича и показался ему почему-то болѣе знакомымъ. Это было небольшое строеніе, въ одинъ этажъ, заново выбѣленное, съ густымъ садомъ и двухстворчатой калиткой.

— Ужъ не этотъ-ли?—задалъ самъ себѣ вопросъ Денисьевъ, пытливо взглядываясь въ домъ и напряженно роясь въ своей памяти,—кажется, какъ будто бы тотъ самый, вонъ и шторы бѣлыя... да и по наружному виду своему онъ выдѣляется изъ ряда прочихъ... Развѣ спросить кого-нибудь? Досада—никто не видать, словно поумирали всѣ... вотъ глушь-то патриархальная.

Разсуждая такъ самъ съ собой, Денисьевъ озабоченно прошелся раза два мимо, въ надеждѣ, не выйдетъ ли кто изъ дома, но, какъ на зло, никто не показывался.

Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, Теодоръ Теодоровичъ, скрѣпя сердце, послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился толкнуться въ калитку.

— Будь что будь, — одобрилъ онъ себя, — въ худшемъ случаѣ сочтутъ за нахала... Ну, что-жъ, это и правда, разумеется, нахальство лѣзть въ чужой дворъ, но я не въ силахъ преодолѣть въ себѣ желанія узнать, кто она такая... Хорошо бы было увидѣть ее случайно, хотя мелькомъ, можетъ

быть, удалось бы перекинуться двумя-тремя словами... Вотъ было бы отлично.

Питая такую сладостную надежду, Теодоръ Теодоровичъ осторожно пріотворилъ камитку и еще осторожнѣе заглянулъ въ нее. Онъ увидѣлъ довольно обширный, вымощенный камнями дворъ, съ выходящими на него дверями конюшенъ и сараевъ, съ протянутыми въ глубинѣ веревками, на которыхъ сушилось бѣлье. Въ дальнемъ концѣ, самодовольно топорщась, прогуливались индюки, тутъ же уныло бродила черная жирная кошка и о чемъ-то жалобно мяукала; посреди двора, заложивъ руки въ бѣлья, необъятной ширины шальвары, въ сдвинутой на затылокъ смушковой шапкѣ стоялъ красивый усатый паренъ и глубокомысленно смотрѣлъ на маленькую, тощую женщину, смуглую, черноволосую, одѣтую съ головы до ногъ во все черное, какъ жукъ, копошившуюся надъ большимъ ворохомъ какихъ-то тряпокъ.

— Эй ты, подойди-ка сюда, — поманилъ Денисьевъ парня.

Тотъ съ недоумѣніемъ поднялъ голову, вопросительно посмотрѣлъ на незнакомаго офицера и, съ минуту подумавъ, лѣнивой, переваливающейся походкой медленно направился къ Денисьеву.

— Скажи, пожалуйста, братецъ, чей это домъ, кто въ немъ живетъ? — спросилъ Теодоръ Теодоровичъ, торопливо сунувъ парню мелкую серебряную монету, которую тотъ ваялъ и, не глядя, флегматично опустилъ въ глубокий, какъ бездна, карманъ и послѣ этого отрывисто, какъ бы нехотя, произнесъ:

— Нушти русешти, бояръ¹⁾.

— Вотъ тебѣ на, — изумился Теодоръ Теодоровичъ, — какъ же это такъ, братецъ, живешь въ русскомъ городѣ, а не понимаешь по-русски?

— Нушти русешти, — упрямо повторилъ молдаванинъ, пожимая плечами, какъ бы желая сказать: „что дѣлать, все воля ваша, не понимаю, вотъ вамъ и все“. Вдругъ онъ, словно что сообразивъ, оживленно заговорилъ, но изъ всего его разговора Теодоръ Теодоровичъ понялъ только произнесенную нѣсколько разъ фразу: „шти молдаванешти“²⁾, на что въ свою очередь принужденъ былъ отвѣтить:

— Нушти³⁾. — Этотъ отвѣтъ почему-то привелъ парня въ особенно добродушно-радостное настроеніе. Онъ оглуши-

1) Не понимаю по-русски, баринъ.

2) Понимаешь по-молдавски?

3) Нѣтъ.

тельно расхохотался и отъ восторга даже хлопнулъ себя широкими ладонями по бедрамъ.

Его видимо очень забавляла подобная бесѣда.

— Ваше б-іе, вамъ собственно кого надоть? — раздался вдругъ за спиной Денисьева чей-то почтительно сочувствующій голосъ. Θεодоръ Θεодоровичъ торопливо обернулся и увидѣлъ передъ собой молодцоватаго солдата-драгуна, въ которомъ по отсутствію на немъ оружія и особеннымъ, почти неуловимымъ признакамъ сразу угадалъ денщика.

— Ахъ, слава Богу,—обрадовался Денисьевъ, — скажи пожалуйста, ты навѣрно здѣшній, не знаешь ли, чей это домъ?

— Этотъ самый?—переспросилъ драгунъ,—такъ точно знаю это Балбескинъ домъ, ваше б-іе.

— Какъ Балбескинъ?—немного опѣшилъ Денисьевъ.

— Такъ точно, ваше б-іе. Хвამилія такая, значить, здѣшняго хозяина Балбеска... Вотъ хошь его спросить, — кивнулъ онъ головой на молдаванина,—и, обернувшись къ слушавшему ихъ молдаванину, быстро и бойко заговорилъ съ нимъ по молдавски. Тотъ, услыхавъ родную рѣчь, оживился и закивалъ головой.

— Есте, есте, — домине Балбеску, домине Балбеску, — нѣсколько разъ подтвердилъ онъ, радостно улыбаясь.

— А кто такой этотъ Балбеско? — спросилъ драгуна Денисьевъ.

— Помѣщикъ здѣшній, молдаванъ... богатый... Унего тутъ по близости имѣнье, виноградники свои—хорошо живетъ.

Драгунъ былъ изъ словоохотливыхъ и съ видимымъ удовольствіемъ спѣшилъ давать отвѣты.

— Онъ семейный? — продолжалъ допытываться Θεодоръ Θεодоровичъ, въ то-же время внутренне краснѣя за свое любопытство.

— Такъ точно. Женка есть, сынъ и дочка... Сынъ-то малость съ придурьк, такъ его больше въ имѣніи держать, на хуторѣ, а дочка съ ними.

— А какая у нихъ дочь, молодая, красивая? — конфузясь и глядя въ сторону, съ усиліемъ спросилъ Денисьевъ и тутъ же подумалъ про себя: „Ахъ, какъ это глупо, пошло и недостойно, всѣ эти распросы, особенно солдата, что онъ можетъ подумать про меня“?.

Но драгунъ ничего не думалъ. Онъ всей душой радъ былъ услужить офицеру и, какъ умѣлъ, спѣшилъ удовлетворить его любопытство.

— Какъ вамъ доложить, ваше б-іе,—произнесъ онъ, глубо-

комысленно поводя бровями,—не могу знать, какъ по-господски, а по нашему и совсѣмъ не хороша. Прежде всего черная, пречерная, словно бы изъ трубы, глаза по блюдечку, тоже черные, брови густыя, сросшіяся, и къ тому же худокоста, то-исть совсѣмъ тѣла не держитъ, и за всѣмъ тѣ горбата немного... такъ малость самая... а въ остальномъ вушка ничего себѣ въ аккуратѣ.

Денисьевъ невольно усмѣхнулся.

— Ну, братъ, если она дѣйствительно такая, какъ ты тутъ рассказываешь, то она и по-солдатски и по-господски — равно уродъ...

— Не могу знать, а вотъ мой баринъ, штабсъ-ротмистръ Званцевъ,—можетъ, изволили слышать,—оченно одобряютъ даже жениться хотять... Только вотъ одно имъ сумнительно, что барышня ни одного слова по-русски не знаютъ, а штабсъ-ротмистръ по-молдавски... Сойдутся и говорить не могутъ больше руками разводять, на манеръ глухонѣмыхъ... Впрочемъ штабсъ-ротмистръ теперь малость подучился по ихнему, учитель къ нимъ ходитъ, а какъ совсѣмъ выучатся, такъ дѣлаютъ и предложеніе сдѣлать, потому самое, она богатая и неа жениховъ много... Но только она больше къ штабсъ-ротмистру сердце имѣетъ, какъ они изъ себя очень красивы, главная суть—въ драгунахъ служить... ну, ей и лестно...

— Такъ ты говоришь, она по-русски говорить не умѣетъ? торопливо переспросилъ Денисьевъ и тутъ же подумалъ про себя: „Ну, значить, не та, теперъ нѣтъ никакихъ сомнѣній“...

— Ни словечка. Да и всѣ тутъ по-русски ничего не смыслятъ. Ровно чумныя. Ни Балбеска самъ, ни жена его, ни дворня... поглядѣть на нихъ со стороны — нехристь, одно слово... Вотъ изволите видѣть—стоитъ дубина дубиной хоть въ зубъ толкнуть и чего ихъ хлѣбомъ кормять.

— А кромѣ этого Балбеску и его семьи никто другой не живетъ въ здѣшнемъ домѣ?—задалъ послѣдній вопросъ Денисьевъ, готовясь уйти.

— Кому-же жить, ваше б-іе? Домикъ, сами изволите видѣть, не ахти какой, только одной семьѣ помѣститься... Нѣтъ, никого не живетъ, это я доподлинно знаю.

— Ну, въ такомъ случаѣ спасибо,—мнѣ больше ничего не надо,—поблагодарилъ драгуна Феодоръ Феодоровичъ и разочарованной, неторопливой походкой побрелъ вдоль улицы, окончательно убѣжденный въ бесполезности какихъ бы то ни было поисковъ.

— Неужели я такъ никогда и не узнаю, кто она такая?—съ грустью думалъ Денисьевъ.—Не можетъ этого быть... городокъ небольшой, почти всё другъ съ другомъ знакомы; навѣрно когда-нибудь да встрѣтимся, но вотъ вопросъ — когда?

Съ такими мыслями Денисьевъ во второй разъ дошелъ почти до конца улицы, какъ вдругъ взглядъ его случайно упалъ на небольшое строеніе, выглядѣвшее жалкимъ, неряшливымъ старикомъ въ ряду другихъ, выбѣленныхъ и опрятныхъ домиковъ.

— Должно быть, бѣднякъ-какойнибудь живетъ,—подумалъ Денисьевъ, равнодушно оглядывая расплзающийся, почернѣвшій заборъ съ ветхими, покосившимися воротами и едва примѣтной калиткой.

Въ ту минуту, когда Денисьевъ проходилъ мимо калитки, она вдругъ тихо отворилась и изъ нея на улицу вышелъ бородатый старикъ, одѣтый въ донельзя поношенный офицерскій сюртукъ безъ погонь и въ офицерской фуражкѣ съ большимъ, изломаннымъ козырькомъ. Увидавъ Денисьева, старикъ съ любопытствомъ возарился на него, тѣмъ особеннымъ взглядомъ, какимъ провинціалы, знающіе всѣхъ въ городѣ, смотрять на всякаго незнакомаго имъ человѣка.

Немного смущенный подобнымъ безцеремоннымъ разглядываніемъ, Денисьевъ угрюмо насупился и поспѣшилъ пройти мимо старика, который, пропустивъ его, пошелъ за нимъ слѣдомъ ковыляющей, торопливой походкой.

Движимый какимъ-то ему самому не вполне яснымъ, безотчетнымъ брезгливымъ опасеніемъ, Денисьевъ ускорилъ было шаги, но какъ разъ въ эту минуту услыхалъ за собой задыхающійся старческій голосъ.

— Господишь поручикъ, господишь поручикъ, остановитесь, пожалуйста, мнѣ надо спросить у васъ одно слово.

Денисьевъ досадливо передернулъ плечами, но остановился и обернулся къ спѣшившему къ нему старику. Тутъ только онъ замѣтилъ у него въ петлицѣ сюртука сильно потертый орденъ св. Анны съ мечами.

При взглядѣ на этотъ орденъ, свидѣтеля боевыхъ заслугъ старика, Денисьеву стало еще больше не по себѣ, слишкомъ уже жалкимъ, несчастнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несимпатичнымъ выглядѣлъ тотъ.

Средняго роста, худощавый, сутуловатый, съ болѣзненно-блѣднымъ морщинистымъ лицомъ, густо заросшимъ длинной, неопредѣленнаго цвѣта, всклокоченной бородой, и одѣтъ былъ

онъ до крайности неряшливо, благодаря чему производилъ впечатлѣніе трущобнаго жителя, вселяя къ себѣ невольное недобріе. Впечатлѣніе это усилилось при взглядѣ на его глаза, мутные, гноящіеся, съ кровавыми жилками на пожелтѣлыхъ, словно обкуренныхъ табачнымъ дымомъ бѣлкахъ. Полуприкрытые ослабѣвшими, часто мигающими вѣками, глаза эти какъ бы всегда были насторожѣ. Зорко и подозрительно всматриваясь во все окружающее, они въ то-же время не переносили посторонняго взгляда и бѣгали во все стороны, какъ застигнутыя врасплохъ мыши. Но самой характерной особенностью старика былъ его носъ. Распухшій, синевато-багровый, весь изрѣзанный налитыми кровью жилками, онъ безпощадно выдавалъ старика съ головой, краснорѣчиво изобличая въ немъ горчайшаго пьяницу.

— Позвольте откомендоваться,—тяжело дыша, захрипѣлъ старикъ, протягивая Денисьеву грязную, побурѣвшую руку.— Левъ Львовичъ Качаловъ, капитанъ въ отставкѣ. А васъ какъ, сударь, зовутъ?

Денисьевъ съ явной неохотой назвалъ свою фамилію. Ему крайне непріятенъ былъ такой собесѣдникъ, но старикъ, повидимому, не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ, и продолжалъ говорить съ безцеремонной наглостью.

— Вы, очевидно, недавно поселились въ нашемъ городѣ? То-то я васъ первый разъ встрѣчаю, а я вѣдь всѣхъ знаю, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и знатныхъ, и незнатныхъ... Да что въ городѣ... На пятьдесятъ верстъ кругомъ всѣхъ помѣщиковъ знаю, со многими дѣла водилъ... да-съ... Вы, значить, сюда въ полкъ переведены... у кого же вы въ ротѣ?

— У капитана Малодеста...

— А, у Киріяка Киріяковича... Знаю, знаю... Когда-то пріятелями были... Теперь поссорились... Онъ большой руки осель, впрочемъ молдаване всѣ ослы, что не мѣшаетъ имъ однако быть большими плутами... Вашъ Киріякъ тоже плугъ, съ барышей отъ солдатскаго пайка домъ выстроилъ и имѣніе купилъ...

— Это неправда,—рѣзко возразилъ Денисьевъ,—капитанъ Малодеста честнѣйшій человекъ и любимъ солдатами.

— Съ какихъ это поръ?—насмѣшливо прищурился капитанъ.—Развѣ, можетъ быть, теперь, а прежде на руку охулки не клалъ, какъ и мы, грѣшные господа ротные командиры... Воровали всѣ, а попались не всѣ—вотъ въ чемъ штука... Взять хоть меня къ примѣру,—чѣмъ я хуже другихъ? Они свои до-

ходы соблюдали и я также... Они остались, многие теперь командирами отдельных частей подвзались, а я въ отставку... Хотѣли подь судъ отдать, да спасибо дочка заступилась, къ начальнику дивизіи поѣхала просить за меня, онъ у насъ бабникъ, а она, могу съ гордостью сказать, красавица первый сортъ... Въ мать лицомъ пошла, а мать у нея тоже красавица была, румынка. За одну красоту взялъ... Теперь она, разумѣется, старая и на вѣдъму смахиваетъ, а тогда... эхъ вспомнишь и себѣ не вѣришь... Купецъ одинъ въ Москвѣ спьяну двадцать пять тысячъ давалъ отступного, чтобы, значить, уступить ее ему въ сударки, но я въ тѣ времена глупъ былъ, молодъ, идеалиста изъ себя корчилъ, не только отъ своего счастья отказался, а еще въ драку съ купцомъ вступилъ и собственно-ручно бороду ему выдралъ, за что недѣли двѣ на гаупвахтѣ высидѣлъ... Вотъ что значить молодость да неопытность, да еще влюбленность глупая... Промежду пальцевъ 25 тысячъ упустилъ, теперь бы я свою благовѣрную кому угодно за 25 копѣекъ отдалъ бы, чтобы только увезли ее съ глазъ долой... Вотъ они дѣла-то какія...

Онъ тяжело вздохнулъ и замолкъ, но черезъ минуту снова заговорилъ, какъ бы наслаждаясь впечатлѣніемъ, какое произвела на Денисьева его циничная откровенность, отъ которой того видимо коробило.

— Да вотъ и подите—судите, какъ знаете. Двадцать лѣтъ тому назадъ моя благовѣрная своей красотой людей съ ума сводила, сколько за ней бѣгали, рассказать—не повѣрите. Одинъ дурень чуть не застрѣлился изъ-за нея, очень уже влюбленъ былъ, а теперь и собаки лаять не хотятъ... Сидитъ и, какъ мухоморъ, мухъ морить... Прилетитъ муха, сядетъ ей на глупую ея рожу и сейчасъ же подохнетъ отъ тоски и огорченія... Такъ вотъ и съ дочерью будетъ: теперь красавица, всѣ такъ глаза и пялятъ, а пройдутъ года—такимъ же мухоморомъ сдѣлается, какъ ея достойная маменька.

Денисьевъ съ отвращеніемъ слушалъ безстыжую болтовню капитана и упорно хранилъ молчаніе.

Не смущаясь этимъ, старикъ продолжалъ:

— У меня двѣ дочери... Одна замужемъ, здѣсь же въ городѣ, за важнымъ и богатымъ человѣкомъ... Только говорить мнѣ запрещено, потому что дочка-то любезная гнушается отцомъ... Ну, да Богъ съ ней, у всякаго свои взгляды... А младшая со мной живетъ и замужъ не собирается... потому, какъ дѣвица разумная, понимаетъ, что замужъ выходить хо-

рошо уродамъ, а при красотѣ никакого мужа не надо... Не такъ ли, молодой человекъ?

Съ этими словами капитанъ плутовато подмигнулъ и слегка толкнулъ Денисьева локтемъ. Тотъ поморщился отъ такой фамильярности и холодно отвѣтилъ:

— Не знаю. Но, по моему убѣжденію, каждая дѣвушка, если можетъ, должна выйти замужъ. Самое главное, святое назначеніе женщины—это быть женой и матерью.

— Ахъ, вы вотъ изъ какихъ,—тономъ насмѣшливаго сожалѣнія протянулъ капитанъ,—а я, судя по вашей молодости, признаюсь, предполагалъ въ васъ совершенно инныя мысли... Ну, да впрочемъ не въ этомъ суть... У каждого свои взгляды... Вотъ и у меня когда-то были свои взгляды, по милости которыхъ я, какъ баранъ стѣну, Плевну лбомъ бодаль и на Шипкѣ мерзъ, и за свои подвиги сей крестъ получилъ, никакой пользы мнѣ не принесшій ни на единый сантимъ, въ то время какъ мой родной дядюшка, у котораго тоже были свои взгляды, на интендантскомъ поприщѣ подвизался. Теперь у дяди въ Питерѣ домъ каменный въ шесть этажей и дочь за статскимъ совѣтникомъ замужемъ... Онъ и мнѣ совѣтовалъ въ интенданты пойти, но повторяю, въ тѣ времена я былъ фатально глупъ, глупъ до самозабвенія, настолько глупъ, что считалъ лазанье на Плевну занятіемъ болѣе достойнымъ, чѣмъ поставки гнилыхъ галетъ на армію... Въ результатѣ у меня эта игрушка,—онъ пренебрежительно ткнулъ въ свой орденъ,—за которую въ закладѣ три цѣлковыхъ дадутъ, а у дяди полумиліонный капиталъ, у дяди савонники обѣдаютъ, а мнѣ иной разъ и таракановъ угостить нечѣмъ.

— Не всѣмъ же быть ворами на землѣ!—неволью вырвался у Денисьева горячій возгласъ. Качаловъ точно только этого и ждалъ.

— Вы говорите, не всѣмъ быть ворами,—горячо подхватилъ онъ,—но воровство понятіе крайне условное. Возвращаюсь къ своему дядѣ. Что онъ воръ, это несомнѣннѣйшая истина, иначе откуда у него домикъ въ шесть этажей, а между тѣмъ изъ обѣдающихъ у него господъ никому и въ голову не придетъ назвать его воромъ. У меня же инспектирующій какихъ-то ста рублей не досчитался, можетъ быть, по одной оплошности не выведенныхъ въ расходъ и я чуть-чуть подъ судъ не угодили. И угодили бы, если бы не дочка... Вотъ и сопоставляйте, какъ знаете. Онъ, дядя мой,—милліонеръ и не воръ, я же нищій, а считаюсь воромъ; онъ на войнѣ христоролюбивое воинство своимъ гнильемъ до брюшного тифа дово-

диль, а я, будучи самъ впереди, путь къ славѣ прокладываль, и въ результатѣ всѣхъ сихъ противорѣчивыхъ дѣйствій ему, дядѣ моему, почетъ, слава и уваженіе великихъ міра сего, а меня родная дочь гнушается, про постороннихъ я уже и не говорю, у тѣхъ отъ моего общества съ души претъ, какъ у васъ, напимѣрь, сейчасъ.. Не оправдывайтесь, не оправдывайтесь, по лицу вижу... Меня не проведете, я не только насквозь всю вашу внутренность провѣряю, а еще аршина на два подъ вами въ землѣ вижу... Повѣрьте... Хотите, а вамъ скажу, о чемъ вы сейчасъ думаете и чего опасаетесь,—чтобы я у васъ денегъ не сталъ просить... Ага... Угадалъ... Видите... видите... Вы краснѣете, значить, мое предположеніе вѣрно... И не потому вы боитесь этого, что вамъ денегъ жалко, а единственно изъ стыда за меня, за честь мундира, который мы оба носимъ.. Но вѣдь, повторяю, все это условно и въ доказательство; сего, а также чтобы не разочаровать васъ въ вашихъ предположеніяхъ, я, не откладывая въ долгій ящикъ, и безъ лишнихъ предисловіи, дѣйствительно попрошу у васъ, дайте мнѣ займы рубль-цѣлковый... Современемъ я вамъ ихъ отдамъ, вѣрьте слову. Я не нищій и прошу не милостыни, а займы, какъ благородный человѣкъ у благороднаго...

Хотя Денисьевъ почему-то все время ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ, но тѣмъ не менѣе онъ страшно сконфузился. Не глядя въ лицо капитану, онъ порывисто полѣзъ въ карманъ, торопливо вытащилъ кошелекъ и, доставъ рублевую монету, сунулъ ее въ грязную руку капитана, послѣ чего, не оглядываясь, бросился отъ него прочь, точно самъ совершилъ какое-то скверное, безчестное дѣло. Онъ былъ возмущенъ до глубины души. Негодованіе, жалость, презрѣніе и чувство обиды, словно лично ему нанесенной, наполнило все его существо и онъ шелъ, не оглядываясь, точно спасаясь отъ погони...

Зажавъ въ кулакъ монету, старикъ проводилъ Денисьева злобно-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Ишь зарысиль,—проворчалъ онъ,—форси, форси, я тоже такимъ форсуномъ былъ, пожалуй, еще лучше тебя, да укатали бурку крутыя горки... Однако,—продолжалъ онъ рассуждать самъ съ собою,—съ чего это мнѣ взбрело на умъ попросить у него рубль?.. Вовсе мнѣ и не надо... Такъ, со зла... Ужъ больно тошно было глядѣть, какъ онъ ежился, отъ чрезмѣрнаго благородства чувствъ... честь мундира... кастовыя традиціи... офицерскій престижъ... Такъ это все изъ него наружу и выперло, даже притворяется не сѣумѣлъ... коробило его отъ одного моего вида... Еще бы, доблестное званіе унижаю... Дуракъ...

щенокъ... А я вотъ нарочно... на зло... на, моль, тебѣ... выкуси... Отставной капитанъ, въ мундирѣ и при орденѣ, да еще какомъ орденѣ-то—боевомъ, съ мечами, милостыню прошу... Вѣдь я у него милостыню просилъ подь видомъ займа... Онъ такъ и понялъ, недаромъ покраснѣлъ какъ ракъ... Хе, хе, хе, не любишь...

Старикъ засмѣялся тихимъ, злобнымъ смѣхомъ. Было что-то жуткое въ этомъ полубезумномъ смѣхѣ, отъ котораго кривился его беззубый, черный ротъ и тряслись обвисшія, какъ мѣшки, щеки. Онъ задышался и долго не могъ успокоиться... На блѣдномъ лицѣ выступили кирпичнаго цвѣта пятна.

— Бѣлоручки, лизунчики, нѣженки,—задыхаясь отъ злобы, повторялъ онъ и вдругъ, поднявъ дрожащій кулакъ, угрозилъ имъ исчезнувшему за поворотомъ улицы Денисьеву и съ ненавистью хрипло крикнулъ на всю улицу:—Будьте вы всѣ прокляты, прокляты, прокляты!

Послѣ этого онъ тяжело перевелъ духъ и разомъ успокоился. Возбужденія его какъ не бывало, глаза потухли, лицо поблѣднѣло и на немъ мелькнуло выраженіе скрытаго безпокойства. Онъ какъ будто что-то вспомнилъ, что неожиданно смутило его...

— Ахъ, чортъ,—съ искренней досадой произнесъ онъ,—вотъ будетъ исторія, какъ Лелька узнаетъ... Попадетъ мнѣ тогда... Впрочемъ, какъ ей узнать?... Если и встрѣтятся гдѣ, не будетъ же онъ ей рассказывать о томъ, какъ подалъ на улицѣ ея отцу милостыню... Разумѣется, не будетъ... Все таки напрасно я эту штуку удралялъ... И дернулъ меня чортъ... Ну, да что сдѣлано, сдѣлано... Когда-нибудь, можетъ быть, верну ему и опять сконфужу... Вотъ идея... а? Интересно будетъ на его рожу посмотреть. „Вы, милостивый государь, думали, я у васъ милостыню просилъ, а я вѣдь и въ серьезъ просилъ только взаимы... И какъ вы, будучи сами офицеромъ, могли допустить такую мысль, не стыдно вамъ?“ Ха, ха, ха... Вотъ завертится-то. Воображаю.

Качаловъ разсмѣялся мелкимъ, захлебывающимся смѣшкомъ и, совершенно успокоившись, поспѣшными шагами, насколько позволяли его больныя, расслабленныя отъ пьянства ноги, направился внизъ, подь гору, держа путь къ Нижнему Базару, населенному преимущественно евреями и цыганами.

III.

Мѣстность, носившая названіе Нижняго Базара, находилась на одной изъ окраинъ города и представляла изъ себя большую площадь, лѣтомъ чрезвычайно пыльную, а въ остальные времена года утопающую въ невылазной грязи. Со всѣхъ сторонъ тянулись къ этой площади узкія, зловонныя улицы и переулки, сплошь застроенныя небольшими домиками, гдѣ, среди невообразимой грязи и смрада, ютилось, какъ черви на трупѣ, безчисленное множество еврейскихъ семействъ. Съ ранняго утра и до заката, какъ площадь, такъ и прилегающія къ ней улицы кишѣли народомъ. Огромные возы, влекомые могучими, круторогими свѣтло-сѣрыми волами, съ пронзительнымъ скрипомъ медленно ползли по всѣмъ направлениамъ, развозя кукурузу, объемистыя бочки съ винограднымъ виномъ, кули съ мукой и копны сѣна, величиной съ домъ. Съ громомъ, свистомъ и гиканьемъ мчались длинныя коруцы, запряженныя лихими молдаванскими лошаденками, сохранившими еще до сихъ поръ, несмотря на неприглядныя условія, благородную кровь своихъ арабскихъ предковъ, на которыхъ турецкія полчища совершали нѣкогда свои кровавыя набѣги на несчастную Молдаво-Валахію. Смуглый цыганъ, лихо избоченясь, въ фуражкѣ на бекрень и серьгой въ ухѣ, сверкая зубами и бѣлками огромныхъ, нагло-смѣющихся глазъ, какъ угорѣлый носился по площади на рѣвомъ степномъ иноходцѣ, то и дѣло дико взвизгивая и щелкая арашникомъ... Какъ бы нехотя волоча по пыли свои огромные, обильно смазанные дегтемъ чоботы, медленно переваливаясь съ ноги на ногу, бредеть толпа молдаванъ, одинъ другого могучѣе, одинъ другого усатѣе, съ загорѣлыми, добродушными лицами и серьезнымъ, задумчивымъ выраженіемъ въ глазахъ. Нѣмцы-колонисты, жирные, рослые, насквозь прокопченные дымомъ дешевыхъ сигаръ и пивнымъ полугаромъ, въ сѣрыхъ спиджакахъ и парусиновыхъ фуражкахъ, степенно похаживаютъ около своихъ бѣлыхъ фургоновъ, на огромныхъ колесахъ, запряженныхъ воронными слоноподобными конями, съ гривами до земли густыми, волнистыми хвостами.

Красивыя царанки, чернобровыя, черноглазныя, съ румянцемъ во всю щеку, съ пышными алыми губами и высокой грудью, стройныя и ловкія, неторопливо разгуливаютъ между грудями краснаго товара, заманчиво разложенными венграмикоробейниками, и не спѣша, безъ суеты торгуются, съ видомъ

королевъ. И на фонѣ всей этой пестрой картины, въ ея разноплеменной сутолокѣ, подобно чернымъ тараканамъ, кишать несмѣтные полчища евреевъ... Черные, рыжіе, старыя, молодыя, маленькія и высокорослыя, тонкія и тучныя, но все одинаково рваныя, засаленныя и юркія, они проворно снуютъ по всемъ направленіямъ, то сбѣгаясь въ кучи, то, какъ ртуть, разсыпаясь по всей площади. Ихъ голоса покрываютъ собою все остальные и немолчнымъ гуломъ стоятъ въ воздухѣ. Они то и дѣло божатся, бьютъ кулаками въ грудь, жестикулируютъ и съ проворствомъ фокусниковъ у всехъ на глазахъ совершаютъ удивительно ловкія продѣлки мошенническаго характера, но съ такимъ непоколебимымъ сознаниемъ своей правоты, что одураченнымъ ими крестьянамъ не остается ничего другого, какъ недоумѣло почесывать у себя въ затылкѣ.

— Годи, бисовъ жидъ,—испуганно хватаетъ за плечо рыжаго жидка рослый, осанистый хохоль,—якіе ты мнѣ чоботы продавъ? Бачъ, псяуха, воны съ дѣрками.

Съ этими словами хохоль огорченно суетъ жиду подъ самый носъ тяжелыя сапоги, насквозь пропитанные дегтемъ. Тотъ дѣлаетъ оскорбленное лицо.

— И гдѣ же тутъ дѣрки, у тебѣ въ твоей глупой баскѣ дѣрки,—пронзительно кричитъ еврей, вырываясь изъ лапъ хохла,—дурень, чеснова слова, дурень... ти исце и не штоишь такихъ сапогъ, фэ... дѣрки.

— А якъ же не дѣрки,—продолжалъ убѣждать хохоль,—бачъ самъ, воно оно, тилько варомъ було замазано, а якъ я варъ одкулулавъ ногтемъ, оно и видать, что дѣрка.

— Ай вай и какой же ты, хохоль, мосенникъ? — всплескиваетъ руками жидъ и тономъ искренняго негодованія обращается къ кучкѣ уже спѣшавшихъ къ нему со всехъ сторонъ одноплеменниковъ,—вотъ смотрите, пожалуйста, люди добрыя, самъ прорвалъ гвоздикомъ сапогъ и теперь говоритъ, будто я ему продалъ съ дыркой, ай вай, какой нониче нехорошій народъ сталь, такъ и норовитъ обмануть бѣднаго еврея, обмошенничать... ай, ай.

Подошедшіе евреи, какъ галки, со всехъ сторонъ налетаютъ на хохла. Они окружаютъ его, кричатъ, жестикулируютъ, вырываютъ изъ рукъ другъ у друга злополучныя сапоги... Спорять, чѣмъ сдѣлана дыра, гвоздемъ или ножикомъ... Кого-то въ чемъ-то укоряютъ, кому-то за что-то грозятся, спрашиваютъ, совѣтуютъ... Словомъ, поднимаютъ вокругъ обманутаго хохла такой гвалтъ, что тотъ скоро ободѣваетъ и стоитъ, вынуча глаза, не зная, кого слушать, кому отвѣчать. Тѣмъ вре-

менемъ еврей, продавшій сапоги, незамѣтно исчезаетъ и, когда наконецъ вволю наоравшаяся еврейская толпа расходится, хохоль остается при своихъ дырявыхъ сапогахъ и при печальномъ воспоминаніи объ уплаченныхъ за нихъ деньгахъ.

— Жиды, проклятіи, хриstopродавцы, — чуть не плачетъ онъ, въ безсильной ярости потрясая въ воздухъ злополучными сапогами, — поубивать васъ мало... послѣдніе гроши украли... четыре цѣлковыхъ отдалъ... ни денегъ, ни сапогъ. Анахвемы!

Въ другомъ мѣстѣ, окруженная безсильно сочувствующей толпой, горько плачетъ старуха-царанка. Она только что продала корову какой-то еврейкѣ за пятнадцать рублей и та въ кучѣ грязныхъ, засаленныхъ, обтрепанныхъ бумажекъ, ухитрилась подсунуть ей вмѣсто трехрублевки пестро раскрашенный ярлычекъ.

— Что же ты, дура, не видѣла, что ли, что тебѣ дадутъ? — допрашиваетъ царанку деревенскій попикъ, укоризненно покачивая бородкой.

— А песь ихъ знаетъ, какъ это вышло, — съ злобой отвѣчаетъ царанка, — обступили меня жиды со всѣхъ сторонъ, за платье хватаютъ, тотъ кричитъ, другой кричитъ... одинъ говорить — дорого за корову дадено, другой ореть — неправда, дешево, жидовка торопится, деньги суетъ... Начала считать, со всѣхъ сторонъ лѣзутъ... Боишься, чтобы деньги какъ-нибудь изъ рукъ не вырвали-бы... мудрено ли тутъ проглядѣть...

— Да это, пожалуй, что и такъ, — сочувственно вздыхаютъ кругомъ, — извѣстное дѣло, жиды да цыгане — первые мошенники, изъ-подъ живого человѣка ноги украдутъ.

Пронзительный вопль: „держи, держи“ — перебиваетъ жалобы старухи. Толпа оглядывается. Нѣсколько жиденятъ, воспользовавшись оплошностью зазѣвавшейся торговки, какъ воробы, налетѣли на лотокъ и, схвативъ по яблоку, рассыпались во всѣ стороны... Кое-кто изъ зрителей бросается ловить, но маленькіе грабители ловко проскальзываютъ въ толпу взрослыхъ жидовъ, которые съ злораднымъ хохотомъ смотрятъ на всю эту потѣху.

— Ну и чего вамъ тутъ надо, — враждебно вызывающимъ тономъ встрѣчаютъ они добровольныхъ преслѣдователей, — какое вамъ дѣло, дѣти играющъ... оптавьте ихъ уфъ покоѣ.

Подъ конецъ изъ толпы отдѣляется толстый, засаленный жидъ и, подойдя къ торговкѣ, грубо дергаетъ ее за рукавъ.

— Пссс, чего ты ругаешься, — обидчивымъ тономъ говоритъ онъ, — чего крицишь, большого важности, сто у тебя дитю вжяло одно-два яблоки... пфе... Подумать, какой убытокъ... есть

изъ чего кричать на весь базаръ... глупаго баба... ты бы луцце воронъ не считала, а за товаромъ смотрѣла... Сама виновата, а всѣхъ ругаешь... Но молци, молци, а то ми позовемъ полицейскаго, а онъ тебя выгонитъ съ базара, стоби ты тутъ не скандалила... такъ-то...

— Ну ты, не очень-то разговаривай, — ввязывается въ споръ бородатый великоросъ-точильщикъ, — нечего полиціей стращать, мы и сами полицейскаго позовемъ... житья отъ васъ, жидовъ, на базарѣ нѣтъ... Мнѣ вчера тоже одинъ изъ васъ, пархатыхъ, двугривенный оловянный всучилъ... мошенники.

— А ты зацѣмъ оловянные деньги берешь, — кто же виновать, сто ты такой дуракъ, олово отъ серебра отлупить не можешь... Дураковъ надо учить — вотъ тебя и выучили... ты бы долженъ благодарить за науку, а ты ругаешься... пфе, какой глупый, — находчиво огрызается толстый еврей.

Въ толпѣ евреевъ громко хохочутъ.

— Тѣфу, Ироды, — ожесточенно плюетъ точильщикъ и сердито отходить отъ смѣющагося ему нагло въ глаза еврея, — гдѣ только у васъ совѣсть, у хриstopродавцевъ? Въ конецъ измошенничались.

Перейдя площадь, Качаловъ повернулъ въ тѣсный переулокъ, упирившійся въ длинный двухъэтажный каменный домъ, выглядѣвшій немного опрятнѣе и богаче другихъ. Домъ этотъ принадлежалъ извѣстному к-скому капиталисту Ильѣ Яковлевичу Шульмееру, всего только какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ именовавшемуся Ицкой Янкелевичемъ, а еще раньше того и просто кривымъ Ицкой.

Въ К. очень многіе помнятъ Ицку полунищимъ факторомъ, базарнымъ перекупщикомъ и поставщикомъ живого товара для богатой городской молодежи, преимущественно офицеровъ. Много колотушекъ, брани, издѣвательствъ перенесъ Ицка отъ своихъ довѣрителей, которымъ онъ служилъ, подчасъ не жалѣя собственной кожи... Чего-чего только не продѣлывало надъ нимъ иногда разгулявшееся во всю офицерство. Самой невинной забавой считалось вымазыванье лица горчицей и обливанье головы шампанскимъ, отчего Ицкина борода и волосы слипались такъ, что ему стоило большихъ усилій приводить ихъ въ первоначальное состояніе. Не довольствуясь такими невинными шутками, его главные покровители братья Ангельску, въ тѣ времена лихіе гусарскіе корнеты, подвергли его однажды испытанію, переполнившему чашу терпѣнія даже такого терпѣливаго чело-
 Digitized by Google

какъ Ицка. Разсердившись за неисполненіе какого-то порученія амурнаго характера, веселые братья, заманивъ Ицку, приказали раздѣться до нага, густо смазать все его тѣло пастою и, завернувъ въ распоротую и вывороченную на изнанку перину, выгнать на улицу... Появленіе Ицки въ такомъ видѣ днемъ на улицѣ явилось до нѣкоторой степени событіемъ и собрало вокругъ него огромную толпу народа, провожавшую его съ гикомъ и свистомъ до самаго дома. На всемъ пути Ицку преслѣдовали громкій хохотъ... Ребятишки, завидя его, визжали, какъ безумные, собаки лаяли... Прибѣжавъ домой, Ицка въ первую минуту перепугалъ всѣхъ домашнихъ, дѣти съ ревомъ бросились отъ него во всѣ стороны и долго не хотѣли вѣрить, чтобы это странное, косматое чудовище былъ ихъ отецъ... Оглушенный, измученный, ошеломленный Ицка сѣлъ на свою фамильную, подобно Ноеву ковчегу, кровать, схватился руками за голову и зарыдалъ... Первый разъ въ жизни плакалъ онъ отъ обиды, отъ признанія незаслуженнаго униженія... Онъ былъ еще молодъ, ему въ то время едва исполнилось 28 лѣтъ... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и едва-ли пятидесятипятилѣтній Илья Яковлевичъ вспоминаетъ объ этой тяжелой минутѣ въ жизни кривого Ицки. Не вспоминаетъ объ ней и Ангельску. Одинъ изъ нихъ давно лежитъ на кладбищѣ, сраженный пулей на дуэли съ пріятелемъ, другой, въ конецъ разорившейся, скромно живетъ на небольшую подполковничью пенсію и, когда встрѣчается въ обществѣ съ Ильей Яковлевичемъ, первый предупредительно стѣшится привѣтствовать его... Впрочемъ не одинъ Ангельску закиваетъ передъ Шульмееромъ; многие, занимающіе гораздо высшее положеніе, чѣмъ онъ, дорожатъ вниманіемъ бывшаго фактора, кривого Ицки, и, когда въ воскресный день Илья Яковлевичъ ураганомъ проносится на своихъ знаменитыхъ воронопѣгихъ рышкановскихъ рыскахъ вдоль главнаго бульвара, словно вѣтеръ срываетъ съ головъ шляпы у его многочисленныхъ знакомыхъ и со всѣхъ сторонъ вслѣдъ ему слышатся привѣтствія на всевозможныхъ языкахъ: русскомъ, румынскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, греческомъ, хотя самъ почтенный Илья Яковлевичъ не знаетъ никакого иного языка, кромѣ „жаргона“, на которомъ онъ говорилъ, когда еще юношей толкался на базарѣ, торгуя всякой дрянью, дохлопцкихъ дыравыхъ чоботовъ включительно.

Богатъ бывший Ицка, очень богатъ и много у него всякаго добра, но ничѣмъ не гордится онъ такъ, какъ своей парой на удивленіе рѣдкостныхъ лошадей. Въ городѣ рассказывали за

достоверное, что румынскій король предлагалъ за нихъ Шульмееру десять тысячъ, но онъ съ гордостью отказался. Особенность этихъ рысаковъ была ихъ невиданная масть. Оба они были совершенно вороные, съ бархатнымъ отливомъ, безъ единой отмѣтины, на всемъ тѣлѣ отъ ушей до копытъ, и только чолки, гривы и хвосты у нихъ были бѣлы, какъ снѣгъ... Злые языки увѣряли, будто своимъ рысакамъ или, вѣрнѣе, ихъ необычайной масти Шульмееръ обязанъ половиною своего успѣха въ обществѣ и въ этомъ была доля правды... По крайней мѣрѣ къ губернатору Шульмееръ попалъ благодаря только тому, что генераль, большой любитель и знатокъ въ лошадяхъ, увидя вороношггихъ, пришелъ отъ нихъ въ такое восхищеніе, что тутъ же, къ своему собственному изумленію, пригласилъ Шульмеера къ себѣ на чашку чая... Потомъ, одумавшись, старикъ сильно подосадовалъ на свою неожиданную экспансивность, но дѣло было сдѣлано. вмѣстѣ съ губернаторскими дверями передъ Шульмееромъ раскрылись и тѣ немногія, правда, двери, которыя до сихъ поръ еще были для него замкнуты... Бѣлогривые и бѣлохвостые рысаки вывезли...

Впрочемъ, еще за долго до появленія у Шульмеера его знаменитыхъ „бѣлогривыхъ“, какъ ихъ называли въ городѣ, онъ уже занималъ видное, солидное положеніе въ к—омъ обществѣ и считался въ числѣ первыхъ богачей губерніи. Богатство привалило къ нему какъ-то сразу, послѣ того, какъ онъ лѣтъ 15 тому назадъ, потерявъ въ одинъ годъ жену и троихъ дѣтей-всѣхъ, какія у него были, неожиданно исчезъ изъ города. Исчезновеніе кривого Ицки, разумѣется, не обратило на себя ничего вниманія. Тѣ, кому онъ служилъ, даже и не поинтересовались унать, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось; вмѣсто него къ нимъ пристроился другой Ицко, такой же проворный такой же услужливый и такъ же охотно позволяющій мазать себѣ рожу горчицей.

Но зато возвращеніе Исаака Янкелевича въ родной городъ, восемь лѣтъ спустя, было замѣчено всѣми. Многие даже не сразу признали въ щегольски одѣтомъ по послѣдней модѣ, раздобрѣвшемъ Шульмеерѣ бывшаго Ицку, а когда мѣсяць спустя онъ купилъ сразу два дома,—одинъ, роскошный полудворецъ, принадлежащій извѣстному богачу Загури, на Дворянской улицѣ—для собственнаго проживанія, а другой, значительно скромнѣе, на Новомъ Базарѣ, подъ открытую имъ торговую контору, имѣвшую отчасти характеръ банкирской, всѣ жители К—а единодушно и разомъ выбросили изъ своей памяти кривого Ицку и видѣли передъ собой только Исаака

Янкелевича, вскорѣ въпрочемъ превратившагося въ Илью Яковлевича, банкира и владѣтеля огромныхъ помѣстій, правда, подъ чужимъ именемъ.

Вотъ въ контору этого самаго Шульмеера и направлялся съ такой торопливостью отставной капитанъ Левъ Львовичъ Качаловъ.

Поднявшись по крутой лѣстницѣ во второй этажъ, капитанъ очутился передъ грязной, захватанной руками дверью, на которой красовалась мѣдная доска съ выгравированной на ней надписью:

„Контора Торговой фирмы Шульмееръ, Фальшштейнъ и К^о“.

Дверь не была заперта и, толкнувъ ее, Качаловъ, миновавъ предварительно полутемную переднюю, проникъ въ большую, свѣтлую комнату въ четыре окна, заставленную письменными столами и конторками, за которыми усердно скрипѣли перьями и шелкали костяшками счетовъ еврейскіе юноши. Блѣдые, худощавые, черномазые, съ вьющимися барашкомъ волосами и характерно изогнутыми носами.

— Илья Яковлевичъ у себя?—спросилъ Левъ Львовичъ, подходя къ одному изъ конторщиковъ, сидѣвшему ближе всѣхъ къ дверямъ.

Конторщикъ сердито нахмурился, досадливо трахнулъ головой по направленію къ противоположной двери и грубымъ тономъ лаконически произнесъ:

— Въ кабинетъ. Идите и не мѣшайте.

Качаловъ молча пошелъ черезъ контору, мимо еврейскихъ юношей, проводившихъ его презрительно-равнодушными взглядами.

— Старая собака,—проворчалъ одинъ изъ нихъ, вытягивая толстую нижнюю губу съ брезгливой миной,—отъ него разить водкой, какъ отъ спиртной бочки... пфѣ.

Левъ Львовичъ даже и бровью не повелъ, услыхавъ такую любезность, и, молча подойдя къ двери, слегка стукнулъ въ нее костяшками пальцевъ.

— Кто тамъ?—раздался чей-то раздражительно-крикливый голосъ и черезъ минуту добавилъ, но уже мягче:—Войдите.

Посреди большой, свѣтлой комнаты, съ огромнымъ несгораемымъ шкафомъ у одной стѣны и двумя обыкновенными дубовыми шкафами у другой, стоялъ массивный письменный столъ, за которымъ, весь зарывшись въ бумаги, сидѣлъ невысокаго роста плюгавенькій еврей, съ огненно-рыжей бородкой, мощно подстриженной острымъ клинушкомъ, и въ большихъ, круглыхъ, черного стекла, очкахъ, изъ-за которыхъ не видно

было глазъ. Впрочемъ, у еврея былъ только одинъ живой глазъ, а другой—искусственный, для сокрытія чего Шульмееръ носилъ черные очки.

Кромѣ письменнаго стола и шкафовъ, въ комнатѣ стояло два мягкихъ кресла, очевидно для почетныхъ посѣтителей, и нѣсколько простыхъ вѣнскихъ стульевъ, а въ глубинѣ помещалась широкая, мягкая отоманка. Окна были завѣшаны шторами, порядочно-таки грязноватыми, да и вообще вся комната выглядѣла неряшливо: полъ былъ давно не мытъ, стѣны и потолокъ закопчены, а по угламъ висѣла паутина... На шкафахъ и подоконникахъ лежалъ слой пыли...

Увидя капитана, Шульмееръ на его почтительный поклонъ небрежно кивнулъ головой и, показавъ пальцемъ на стулъ, коротко бросилъ: „садитесь“, послѣ чего снова уткнулся въ лежащее передъ нимъ дѣло.

Прошло минутъ десять.

Шульмееръ продолжалъ шелестѣть бумагой, какъ бы забывъ о капитанѣ, а тотъ въ покорно-терпѣливой позѣ сидѣлъ противъ него на стулѣ со сложенными на животѣ руками и ждалъ, съ видомъ человѣка, уже привыкшаго ждать.

Вдругъ Шульмееръ поднялъ голову, быстрымъ движеніемъ оттолкнулся отъ стола вмѣстѣ съ кресломъ, на которомъ сидѣлъ, и, сложивъ на груди руки, рѣзко спросилъ, впиваясь въ лицо Качалова своимъ единственнымъ глазомъ:

— Ну, что же, исполнено?

— Все въ точности, какъ вы просили,—съ легкимъ полупоклономъ отвѣчалъ Качаловъ.

— Ихэ, просили,—иронически поморщился Шульмееръ,—ну, пусть будетъ такъ... хотя въ торговомъ дѣлѣ какія же просьбы? Есть ордера, приказанія, порученія... а просьбы бываютъ только въ танцахъ... Кстати, какъ здоровье вашей дочери?

— Благодарю васъ,—сдержанно и сухо отвѣтилъ Левъ Львовичъ,—слава Богу здорова, если бы она была больна, некому было бы исполнить вашего порученія...

— Ну да, это такъ... совершенно вѣрно,—заторопился Шульмееръ,—я хотѣлъ въ сущности спросить, не утомила ли ее очень поѣздка... и вообще выполнение моего ордера... Ну да впрочемъ, она у васъ молодець... Ей бы мусциной быть... А впрочемъ, нѣтъ, это и лучше, что женщина... Потому что, если бы она была мусциной—одной красавицей на свѣтѣ было бы меньше... Не правда ли?—добавилъ Шельмееръ, и самъ первый разсмѣялся своей остротѣ, показавшейся ему очень удачною.

— По всей вѣроятности, вы правы,—еще суше отвѣчалъ Качаловъ.

Видя, что его лобезность не оцѣнена по достоинству, Шульмееръ слегка насупился и спросилъ сухо-дѣловымъ тономъ.

— Итакъ, ваша дочь лично видѣлась съ Исаакомъ Абрамовичемъ?

— Лично.

— Гдѣ и какъ?

— Въ домѣ одного помѣщика. У нея въ Румыніи есть одинъ знакомый помѣщикъ, живущій близъ границы... Впрочемъ, вы сами знаете его...

— Знаю,—кивнулъ головою Шульмееръ...: Ваша дочка очень вумная... Она умѣетъ дѣлать дѣла... Штало быть, Исаакъ былъ тоже у помѣщика?

— Да, ему была послана условная телеграмма, чтобы онъ пріѣхалъ.

— Отлично.... Ну, и сто же онъ сказалъ?..

— Онъ велѣлъ передать, чтобы вашъ зять это время былъ поосторожнѣе и уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ какія бы то ни было предпріятія... Необходимо выиграть время.. Впрочемъ, вотъ подробное письмо, которое онъ передалъ для врученія вамъ, и шифръ.

Съ этими словами Левъ Львовичъ вынулъ изъ-за пазухи толстый пакетъ и какую-то книжку.

— Шифръ обыкновенный тройной: число буквъ перваго слова каждой фразы письма—соотвѣтствуетъ цифрѣ страницы, втораго слова—цифрѣ строчки и третьяго—цифрѣ буквы каждаго слова...

— Знаю, знаю, не объясняйте,—нетерпѣливо перебилъ его Шульмееръ, торопливо вырывая у него изъ рукъ книгу, вмѣстѣ съ пакетомъ, и пряча ихъ поспѣшно въ столъ.

— А наша посылка передана?—спросилъ онъ.

— Разумѣется. Все, какъ вы просили, все выполнено въ точности...

— Гм... просили, просили,—съ неудовольствіемъ проговорилъ Шульмееръ,—ужасно вы любите это слово, г-нъ Качаловъ... Ну, Впрочемъ, все равно... Я во всякомъ случаѣ очень благодаренъ вашей дочери, но почему она не пришла сама?

— Во-первыхъ, ея приходъ былъ бы болѣе замѣтенъ, чѣмъ мой, а во-вторыхъ, она находитъ, что вы не умѣете держать себя съ женщинами.

— Я не умѣю,—покраснѣлъ Шульмееръ,—подумайте, какія

новости—ню все равно... Вася доць на меня немного шердится, но я думаю, это шкоро пройдетъ... Вы скажите ей, чтобы она не шердилась... Скажете?

— Скажу.

— Ну, и отличю, а теперь полуцйте васи деньги и просятъ, мнѣ некогда.

Сказавъ это, Шульмееръ досталъ изъ стола пачку засаленныхъ рублевокъ, перевязанныхъ красной ниткой, и бросилъ ихъ Качалову, который, поймавъ ихъ на лету, тутъ же на столѣ принялся пересчитывать.

— Ню, и цего вы считаете?— съ неудовольствіемъ проворчалъ Шульмееръ, косясь на капитана,—только мѣсаете мнѣ заниматься, неузели вы думаете, я обеситаю васъ?

— Избави Богъ,—замахалъ руками капитанъ, укладывая въ боковой карманъ сюртука сосчитанную пачку,—я считаю, чтобы не получить лишнихъ на тотъ случай, если бы вы просчитались, въ ущербъ себѣ, уважаемый Ильѣ Яковлевичъ.

Шульмееръ сдѣлалъ кислую гримасу.

— Вы, Левъ Львовичъ, любите суцить,—промямлилъ онъ,—но не всякій любитъ слушать васи сутки. До жвиданью, мнѣ оцень некогда.

— До свиданья, и мнѣ недосугъ,—весело отвѣчалъ Качаловъ и, кивнувъ головой Шульмееру, торопливо пошелъ изъ кабинета. Теперь, съ деньгами въ карманѣ, онъ чувствовалъ себя несравненно самостоятельнѣй, чѣмъ полчаса тому назадъ, когда, приниженный и робкій, входилъ въ контору Шульмеера, Фальшштейна и К^о.

IV.

Въ полумракѣ обширнаго будуара, наполненнаго мягкой, тяжелой мебелью и перегороденнаго во всю свою ширину высокими ширмами, съ огромными, причудливыми цвѣтами, яркими пятнами выступавшими на темномъ фонѣ матеріи, сидѣла въ качалкѣ миниатюрная молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, съ крошечнымъ лицомъ, большими глазами и характернымъ еврейскимъ носомъ. Ярко-рыжіе, густые волосы женщины были зачесаны вверхъ въ пышную прическу, дѣлавшую ея голову, особенно по сравненію съ узкими плечами и тощей грудью, неестественно огромной. Одѣта молодая женщина была въ скромное темное платье, изъ легкой лѣтней матеріи, перетянутое въ талии обыкновеннымъ кожанымъ поя-

сомъ. Единственнымъ украшеніемъ этого скромнаго костюма была брилліантовая брошь, въ видѣ ящерицы. Въ полутьмѣ комнаты брошь эта, мигая разноцвѣтными огоньками, по временамъ казалась какъ бы ожившей и производила особенно красивое впечатлѣніе.

Откинувшись своимъ худощавымъ, стройнымъ тѣломъ на эластичную спинку качалки, женщина лежала почти неподвижно, съ задумчиво устремленными передъ собой глазами и съ серьезнымъ, блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, которое было бы очень некрасиво, если бы не глаза, большіе, темносиніе, съ мягкимъ, задушевнымъ выраженіемъ, въ которомъ свѣтилось больше доброты, чѣмъ ума.

Противъ женщины, развалясь въ небрежной позѣ, на небольшомъ диванчикѣ полулежалъ рослый, худощавый, жилистый и мускулистый человекъ, лѣтъ за тридцать, съ энергичнымъ, блѣднымъ, чисто выбритымъ лицомъ, въ которомъ, при всей его красотѣ было тѣмъ не менѣе что-то непріятное. Не смотря на полное несходство физіономій—добродушной и простоватой у женщины, злой, но чрезвычайно умной у мужчины, въ чертахъ ихъ лицъ чувствовалось явное фамиліное сходство, какое можетъ быть только у брата съ сестрой, каковыми они и были.

Молодая женщина была жена Шульмеера, Сара Боруховна или, какъ ее звали въ русскихъ домахъ, Софья Богдановна, а мужчина—ея родной братъ Самуиль Соломоновичъ Фальшштейнъ.

— Итакъ, Самуиль, ты безропотно рѣшилъ возвратиться въ Петербургъ?—тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ спросила Сара, продолжая ранѣе начатый разговоръ.

Фальшштейнъ утвердительно мотнулъ головой, въ отвѣтъ на что молодая женщина только тяжело вздохнула и посмотрѣла ему въ лицо жалостнымъ взглядомъ.

— Ахъ, Самуиль, Самуиль, если бы ты могъ знать,—заговорила она снова послѣ минутнаго молчанія,—какой тоскою наполняется мое сердце, когда я думаю о твоей поѣздкѣ... Она несказанно огорчаетъ меня, такъ какъ я чувствую, что рано или поздно, но все это кончится для тебя очень плохимъ... Хорошо еще, если только ссылкой, а если... — она не договорила своей фразы и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, закрыла лицо руками.

При послѣднихъ словахъ сестры, Самуиль тоже вздрогнулъ, слегка поблѣднѣлъ, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, загово-

рилъ голосомъ, въ которомъ подъ видимымъ спокойствіемъ, чувствовалось раздраженіе и упрекъ.

— Затѣмъ, Сара, ты безпокоишь себя такими мрачными мыслями? Опасность далеко не такъ велика, какъ тебѣ кажется... Я слишкомъ остороженъ и у меня слишкомъ много друзей, чтобы попасться врасплохъ, какъ какой-нибудь гимназистъ... Я твердо убѣжденъ, что не только я, но и никто изъ нашего кружка вкогда не будетъ арестованъ, увѣряю тебя.

— Не понимаю, почему ты такъ убѣжденъ въ своей безопасности, — пожала плечами Сара, — точно мало попадается людей твоего образа мыслей... Всѣ тюрьмы полны ими...

— Почему? Очень понятно—почему: въ силу того же самаго закона, по которому на войнѣ простыхъ солдатъ убиваютъ десятки, даже сотни тысячъ, офицеровъ въ младшихъ чинахъ уже несравненно меньше, едва-ли одного на сотню, потеря ихъ исчисляется сотнями; что-же касается генераловъ, то ихъ гибнетъ всего нѣсколько человекъ... Я генералъ въ нашемъ дѣлѣ и у меня очень мало шансовъ погибнуть.

— Достаточно и одного шанса, чтобы я не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью... Ахъ, Самуиль, Самуиль, какой злой духъ внушилъ тебѣ выбрать этотъ опасный путь, гдѣ, какъ страшные призраки, мерещатся въ концѣ кандалы, Сахалинъ, а можетъ быть, и висѣлица?.. Почему ты, какъ остальные наши братья, не занялся торговлей, не пошелъ...

— Куда?—рѣзко перебилъ сестру Самуиль, —Укажи мнѣ, пожалуйста, куда въ Россіи можетъ пойти некрещенный еврей... Вездѣ, куда ни сунься, его сковываетъ по рукамъ и ногамъ ненавистный процентъ... въ присяжные повѣренные процентъ, въ доктора—тоже, на государственную службу дороги нѣтъ... Словомъ, всѣ пути, всѣ дороги заказаны... Что же удивительнаго, если наши единоплеменники занимаются разными темными дѣлами: торговлей живымъ товаромъ, тайнымъ ростовщичествомъ, корчемствомъ, контрабандой... Если честный трудъ запрещенъ, а жить надо, поневолѣ приходится мошенничать... Вотъ ты все упрекаешь меня за мою революціонную дѣятельность,—съ новымъ порывомъ заговорилъ Самуиль, стремительно поднявшись съ дивана и остановившись передъ сестрой съ разгорѣвшимся лицомъ и сверкающимъ взглядомъ,—но что намъ дѣлать, лучшимъ представителямъ народа, какъ не бороться съ его вѣковѣчными угнетателями? Пойми, Сара, мы, еврей, всегда, во всѣ времена являлись революціонерами, это наше провиденціальное назначеніе... Сперва противъ римской тираніи, затѣмъ въ средніе вѣка противъ

инквизиции, наконецъ въ новѣйшіе—противъ государственнаго строя тѣхъ странъ, гдѣ мы живемъ... Годъ за годомъ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, вѣкъ за вѣкомъ, съ терпѣливымъ упорствомъ титановъ, устилая своими трупами землю, обильно поливая ее своей кровью, уносясь въ зловонномъ дымѣ ко-стровъ къ враждебнымъ намъ небесамъ христіанскаго Бога, мы постепенно завоевывали себѣ право, сначала только пользоваться землей, водой и воздухомъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, право всякаго животнаго, каждой гадины, а затѣмъ мало-по-малу и права гражданъ... О, какъ трудна была эта борьба, Сара, и не обладай нашъ народъ геніальностью, нечеловѣческой мудростью и живучестью,—онъ навѣрно бы давно погибъ... Повѣрь мнѣ, Сара, если бы любого изъ европейскихъ народовъ, такъ гордящихся своей культурой, англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, о русскихъ я уже и не говорю, поставить только на сто лѣтъ въ тѣ условія, въ какихъ прожили наши предки въ средніе вѣка хотя бы въ Испаніи, отъ нихъ не осталось бы никакого слѣда... Они бы, какъ снѣгъ, растаяли и слились съ своими поработителями, перенявъ ихъ вѣру, языкъ, обычай... Возьмемъ примѣръ: кому, не знающему исторію, придетъ въ голову, что пруссаки это бывшіе славяне боруссы, что Дрезденъ назывался Дрозды и Лейпцигъ—Липецкъ, что осталось отъ нихъ—ровно ничего... Нѣмцы, кровные нѣмцы безъ намека на что-либо славянское... А въ Турціи? Три четверти турокъ—потуреченные славяне, совершенно превращенные въ мусульманъ... Я взялъ особенно рѣзкій, наглядный примѣръ, но въ Европѣ есть и другія племена, утратившія свою народность и религію... Одной Варфоломеевской ночи было достаточно, чтобы изгнать изъ Франціи даже память о протестантахъ, а сколько Варфоломеевскихъ ночей пережилъ нашъ народъ, начиная съ времянь фараоновъ... Подумай только, Сара, о всѣхъ этихъ потокахъ еврейской крови, пролитой за нѣсколько тысяче-лѣтій... И вотъ мало-по-малу, цѣной невѣроятной усилій, сломившихъ бы совокупную мощь десятка народовъ, мы побѣдили и изъ рабовъ становимся господами... Въ Англии еврей Дигарраэли управляетъ судьбами государства, во Франціи—Ротшильды дѣлаются владыками международныхъ биржъ, въ Австріи вѣнскіе банкиры украшаютъ свои головы, поверхъ ермолки, графскими и баронскими коронами, презрительно нося гербы и титулы, передъ которыми наши предки лежали во прахъ, моля, какъ о величайшей милости, о дозволеніи дышать воздухомъ и грѣться на солнцѣ... Въ Германіи—вся промышленность въ нашихъ рукахъ и нѣмецкій бюргеръ

очутился въ положеніи свиньи, которую фермеръ откармливаетъ на убой... Сидя въ своей закутѣ и милостиво принимая подносимое ей пойло, она думаетъ, будто она госпожа своего фермера, а не понимаетъ того, что если тотъ захочетъ, онъ по своему капризу можетъ уморить ее съ голоду... Но фермеръ умный человѣкъ, онъ этого не сдѣлаетъ, напротивъ, онъ раскормитъ свинью, чтобы она была еще жирнѣе, и когда она нальется саломъ, какъ бочка, заколетъ ее и съ лихвой вернетъ затраченное на ея прокормъ... Пусть свинья до послѣдняго издыханія воображаетъ себя госпожей, — въ послѣдній моментъ подъ ножомъ она узнаетъ правду... Въ торжествующихъ глазахъ своего слуги-господина она съ ужасомъ прочтетъ страшный приговоръ за всѣ тѣ безпокойства, хлопоты, а подчасъ и толчки, которые онъ переносилъ по ея милости... И это будетъ скоро, увѣряю тебя, очень скоро и тѣмъ скорѣй, чѣмъ скорѣй мы побѣдимъ Россію... Да, Сарочка, вотъ въ чемъ наша священная задача... Пока Россія крѣпка, пока ея государственный строй не расшатанъ, зданіе нашего всемірнаго владычества стоитъ какъ бы безъ крыши... Дождь, снѣгъ и вѣтеръ попадаютъ въ него и тормозятъ работу прилежныхъ строителей, но когда намъ удастся наконецъ забрать стропилами потолокъ и оградить себя отъ непогодъ извнѣ, мы со всѣмъ рвеніемъ, безъ помѣхи примемся за окончательную отдѣлку и наше зданіе, какъ дивный дворецъ, единственный достойный великаго народа, народа-титана, народа-мудреца, засіяетъ на землѣ, какъ второе солнце... Тогда мы примемся очищать вокругъ него мѣсто и скоро свалимъ въ одну мусорную кучу дворцы и замки прежнихъ владѣльцевъ или обратимъ ихъ въ лакейскую для нашихъ христіанскихъ слугъ.

Самуиль умолкъ и, прижавъ ладони рукъ къ пылающему лбу, прошелся раза два по комнатѣ. Сара молча и вдумчиво слѣдила за нимъ кроткимъ взглядомъ.

— Видишь, Самуиль, — заговорила она немного смущенно, — я, конечно, многого не понимаю, къ тому же я не питаю къ христіанамъ такой ненависти, какую питаешь ты, у меня въ гимназіи было много подругъ-христіанокъ и я, признаюсь тебѣ, съ ними чувствовала себя всегда лучше, чѣмъ съ дѣвцами нашего племени; онѣ проще себя держали и не придавали такого значенія богатству, какъ наши еврейки; мнѣ случалось бывать въ домахъ ихъ родителей и я до сихъ поръ сохранила самыя лучшія воспоминанія о томъ радушіи и любезности, какими меня окружали тамъ... Можетъ быть, эти

семьи были исключеніемъ изъ другихъ христіанскихъ семействъ,—я не знаю и не объ этомъ я хочу сказать... Мнѣ хочется повторить тебѣ еще разъ слова мужа. Онъ, какъ и ты, ненавидитъ русскихъ и вообще христіанъ, но находитъ, что мы, евреи, должны бороться съ ними только на экономической почвѣ, захватывая въ свои руки ихъ богатство, но отнюдь не вмѣшиваясь во внутреннюю политику... Онъ говоритъ, что во время революціи евреи могутъ прежде всѣхъ пострадать, какъ это уже не разъ и бывало... И мнѣ кажется, онъ правъ. Вспомни казачьи бунты въ польскомъ королевствѣ при Хмѣльницкомъ, и въ послѣдующемъ столѣтіи при Екатеринѣ Великой раньше всѣхъ начали рѣзать евреевъ... А во время польскихъ возстаній сколько было перебито и перевѣшано нашихъ... Поляки придутъ — грабятъ, бьютъ, вѣшаютъ, появляются русскіе—тоже самое... Нѣтъ, нѣтъ, что ни говори, а въ этомъ случаѣ мужъ рассуждаетъ правильно: намъ, евреямъ, не только не слѣдуетъ возбуждать народъ противъ правительства, но, напротивъ, всячески поддерживать его, такъ какъ оно одно только и является нашей защитой отъ произвола черни...

— Перестань говорить глупости... Твой мужъ, я готовъ согласиться, человѣкъ умный, но совершенно необразованный, ветхозавѣтнаго закала, потому онъ такъ и рассуждаетъ, ты же, какъ женщина, и подавно ничего не понимаешь въ подобныхъ дѣлахъ... Борьба на почвѣ экономической, о которой говоритъ твой мужъ, имѣетъ огромное значеніе, кто съ этимъ спорить, но у нея одинъ недостатокъ: она слишкомъ отдаляетъ часть побѣды... Пойми, что, обогащаясь сами, мы вмѣстѣ съ тѣмъ обогащаемъ и страну, гдѣ мы живемъ... Правда, львиная доля все-таки остается за нами, но тѣмъ не менѣе на долю христіанъ все же перепадаетъ немало... Появляясь въ какой-нибудь труппѣ, евреи скоро превращаютъ ее въ цивилизованный пунктъ и тамъ, гдѣ до нихъ люди жили, какъ медвѣди въ берлогѣ, съ ихъ приходомъ начинается заводиться торговля, ремесла... появляется спросъ на предметы, о которыхъ раньше никто даже и не думалъ... Мѣстные жители пробуждаются отъ своей спячки, придумываютъ новыя средства къ добыванію денегъ, средствъ къ жизни... Однимъ словомъ, наступаетъ культура, а это не всегда намъ на руку. Совѣмъ иное дѣло будетъ, если намъ удастся замутить умы, натравить одно сословіе на другое, разжечь взаимную ненависть, породить междоусобіе... Тогда мы сразу станемъ господами положенія и примкнемъ къ той сто-

ронѣ, которая побѣдитъ, и, пользуясь утомленіемъ враждующихъ сторонъ, захватимъ власть въ свои руки... И не думай, чтобы это было такъ уже невозможно... Печать почти уже вся въ нашихъ рукахъ, мы сильно вліяемъ на молодежь и во многихъ случаяхъ она, сама того не замѣчая, вѣрой и правдой служить нашимъ интересамъ... Но этого мало, мы искусно разжигаемъ націоналистическіе вопросы... До сихъ поръ Россія вѣдалась только съ поляками, и у нея былъ только одинъ вопросъ — польскій; теперь уже нарождается вопросъ армянскій, крѣпнеть вопросъ финляндскій... Надо будетъ, мы воздвигнемъ вопросъ самоѣдскій, камчадальскій, якутскій... Словомъ, столько вопросовъ, сколько народностей входитъ въ составъ Имперіи. Это тѣмъ легче, что, какъ я говорилъ, печать въ нашихъ рукахъ и при помощи ея мы поднимемъ такой гвалтъ, что даже самые умные и честные люди потеряютъ головы... Всѣхъ тѣхъ изъ русскихъ талантливыхъ людей, которые сознательно или безсознательно будутъ подрывать авторитетъ церкви и государства, мы превознесемъ до небесъ, прославимъ геніями, ихъ сочиненія мы будемъ распространять въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ, мы окружимъ ихъ туманомъ лести и создадимъ имъ такой успѣхъ, который иссушитъ завистью сердца менѣе даровитыхъ и заставитъ и ихъ пойти по тѣмъ же путямъ, въ чаяніи такой же прибыли и почета... Вотъ наша программа и ей мы должны слѣдовать, каждый по своему разумѣнію...

— Но ты, Самуиль, къ сожалѣнію, избралъ путь самый рискованный... Откажись, пока не поздно...

— Уже поздно,—глухимъ голосомъ угрюмо замѣтилъ тотъ,— мнѣ теперь дорога назадъ отрѣзана... Если бы я захотѣлъ отступить, мнѣ не позволятъ мои товарищи... Я слишкомъ много знаю, слишкомъ скомпрометированъ, чтобы могъ безучастно и спокойно доживать свой вѣкъ... Если меня помируетъ правительство, то не пощадятъ мои товарищи... Словомъ, мнѣ нѣтъ выхода...

— Въ такомъ случаѣ уѣзжай за границу,—горячо воскликнула Сара,—надѣюсь, это сдѣлать не трудно.

— Относительно эмиграціи за границу я уже и самъ подумываю, но пока нахожу, что еще рано... Прежде, чѣмъ окончательно разстаться съ Россіей, я обязанъ выполнить одно порученіе нашего комитета. Годъ тому назадъ я самъ вызвался и теперь уже не могу отказаться...

— Что-нибудь очень опасное,—встревожилась Сара.—Ахъ, Самуиль, Самуиль, какой ты безумецъ...

— Не бойся, сестра,—усмѣхнулся Самуиль, — особенной опасности нѣтъ, порученіе больше дипломатическое... и такое, что, кромѣ меня, трудно кому-нибудь поручить...

— А ты не можешь сказать, въ чемъ дѣло?—робко заискивающимъ тономъ спросила Сара.

— Почему же не сказать, — снисходительно улыбнувшись ея безпокойству, отвѣчалъ Самуиль,—особаго секрета нѣтъ. Мнѣ поручено переговорить съ Лейзеръ-Мееромъ и заставить его раскошелиться на два, на три десятка тысячь...

— Ну, если дѣло идетъ о Лейзеръ-Меерѣ, то впередъ могу предсказать тебѣ полную неудачу: не только десяти тысячь, онъ не дастъ и десяти рублей, будь спокоенъ... Во-первыхъ, онъ чудовищно скупъ, а второе — принадлежитъ къ тѣмъ евреямъ, которые, ни подъ какимъ видомъ не рѣшатся участвовать ни въ чемъ антиправительственномъ.

— Положимъ, можно заставить, —многозначительно повелѣ бровью Самуиль,—впрочемъ, все это еще пока дѣло будущаго, теперь меня больше интересуетъ вопросъ, удастся ли твоему мужу оборудовать дѣло, которое я ему поручилъ...

— Если за исполненіе взялась дочь этого несчастнаго капитана... какъ его... я все забываю...

— Качалова,—подсказалъ Самуиль.

— Да, да, Качалова, — то навѣрно все будетъ выполнено мастерскъ, она замѣчательно ловкая женщина... хотя я не знаю, благоразумно ли поступаете вы съ мужемъ, довѣряясь ей въ такомъ дѣлѣ. Развѣ нельзя было поручить кому-нибудь изъ нашихъ служащихъ отвезти эти бумаги... У мужа есть люди, очень ему преданные.

— Не въ преданности дѣло. Преданные есть, но нѣтъ способныхъ... Впрочемъ, даже и не то.. Если бы понадобилось провезти обыкновенную контрабанду, товаръ какой-нибудь, я бы даже самъ, безъ помощи твоего мужа, нашель для этой цѣли десятокъ ловкихъ молодцовъ среди нашихъ к—ихъ евреевъ, но совсѣмъ иное дѣло, когда вопросъ касается контрабанды политической. Въ этомъ случаѣ евреи совершенно не годятся, они слишкомъ опасаются... Имъ мерещится Сибирь, кандалы и они при первомъ же намекѣ на опасность такъ теряются, что съ головой выдаютъ себя... Такая же особа, какъ, напримѣръ, дочь Качалова, напротивъ, охотнѣе повезетъ контрабанду политическую, чѣмъ товаръ,—ее легче спрятать, а быть пойманной она нисколько не опасается, увѣренная, что ее, какъ русскую дворянку, безъ явныхъ уликъ, никто не осмѣлится остановить и допросить.

— А въ Румыніи у васъ тоже есть единомышленники? — освѣдомилась Сара.

— Гдѣ ихъ нѣтъ? На всемъ земномъ шарѣ и во всѣхъ государствахъ... Кстати, разъ уже мы разговорились, хочешь, я поражу и изумлю тебя?

— Въ чемъ дѣло?

— Имѣешь ты представленіе о масонахъ?

— Признаться, смутное... Впрочемъ, я знаю, что ты собираешься сказать,—ты хочешь сообщить мнѣ, что масоны и евреи идутъ рука объ руку... Я объ этомъ уже слышала, хотя плохо понимаю скрытый смыслъ этого явленія.

— Смыслъ тотъ, что люди, въ основу своего ученія положившіе нравственное усовершенствованіе людей на началахъ всеобщаго равенства и братства, соединились съ нами, никакого братства съ христіанами не допускающими и не могущими допустить. Впрочемъ, въ томъ, что еврейство ~~сливается~~ съ масонствомъ, еще нѣтъ ничего особенно удивительнаго, но что бы сказали наши предки, если бы кто-нибудь предсказалъ имъ, что наступитъ день и тѣ самые іезуиты, которые нѣкогда являлись ихъ самыми лютыми врагами и безпощадно жгли и истребляли ихъ *ad majorem Dei gloriam*, протянуть руку еврейству, какъ своему союзнику? Такой абсурдъ не вмѣстился бы въ ихъ мозгу, какъ не вмѣщается въ головахъ нѣкоторыхъ наивныхъ людей смѣшеніе двухъ, казалось бы, совершенно противоположныхъ началъ,—соціализма, радѣющаго о благѣ рабочаго, и еврейской эксплуатаціи того же самаго рабочаго... Можешь ли ты понять всѣ эти несообразности?

— Нѣтъ, — искренно созналась Сара и добавила просто-душно,—я, должно быть, слишкомъ глупа для этого.

— А между тѣмъ секретъ очень простъ... Масоны и соціалисты требуютъ равенства, иначе говоря, уничтоженія отдѣльной личности въ угоду обществу, словомъ, обезличенія народовъ... И не должны ли мы горячо содѣйствовать его скорѣйшему осуществленію? Вѣдь въ утерѣ христіанскими народами ихъ личности и кроется залогъ нашего будущаго успѣха. Помогая имъ терять ихъ національность, мы сами, однако, ее не потеряемъ никогда и всегда, во всѣ времена, до скончанія міра, останемся евреями, избраннымъ народомъ Божиимъ. Наступитъ часъ и станутъ лицомъ къ лицу—съ одной стороны безличная христіанская толпа народовъ, порвавшихъ связь съ своимъ историческимъ прошлымъ, равнодушныхъ къ своей религіи, отказавшихся отъ своего личнаго „я“ и превратившихся въ какое-то отвлеченное понятіе, а съ другой—жизне-

стойкое еврейство, до мелочи сохранившее всю свою национальность, свою религію, свои идеалы, свои принципы, пронесенные евреями черезъ всю древнюю, среднюю и новую исторію. Надо ли объяснять, кто побѣдитъ въ борьбѣ такихъ неравныхъ по нравственной силѣ противниковъ? Впрочемъ, и борьбы никакой не будетъ, а просто-на-просто вожаки еврейства возьмутъ свои посохи и погонятъ передъ собой, куда пожелаютъ, безвольное и трусливое стадо... Скажи мнѣ, Сара, можешь ты представить себѣ въ своемъ воображеніи стадо, ну, хотя бы даже пантеръ, подгоняемое ударами бича? Конечно, нѣтъ, а стадо воловъ, лѣниво идущихъ впереди семилѣтняго подпаса, мы видимъ ежедневно. Между тѣмъ, каждый волъ въ отдѣльности сильнѣе пантеры и однимъ легкимъ движеніемъ ноги можетъ раздавить пастуха на смерть. Въ то время, когда каждая пантера защищалась бы самостоятельно, каждая на свой ладъ, рискъ и страхъ, по своему, ей одной свойственному способу, ни одному изъ воловъ не пришла бы даже мысль о сопротивленіи. Сгоните ихъ тысячу, десятокъ тысячъ, они всѣ будутъ такъ же покорно брести, повинаясь крику семилѣтняго ребенка... Почему это такъ? Потому, что волы давно утратили понятіе о свободѣ и высшимъ благомъ считаютъ теплый клѣвъ и обильную пищу, за это они готовы переносить побои, тяжкій трудъ, униженіе... Стадное начало убило въ нихъ всякую самостоятельность, каждый изъ нихъ есть точное повтореніе другого, потому они и бредутъ вмѣстѣ, всѣ какъ одинъ... Они достигли идеала равенства, ибо всѣ равно ничтожны, лѣнивы и глупы...

Самуэль говорилъ горячо, самъ увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ и не столько ради вразумленія сестры, сколько изъ невольнаго желанія высказать мысли, выношенные имъ въ его душѣ и казавшіяся ему особенно красивыми и убѣдительными.

Сара слушала его слова, плохо вникая въ ихъ смыслъ, но съ горделивымъ чувствомъ сестры, горячо любящей брата—гордость всей семьи.

V.

— Однако, отчего твой мужъ такъ долго не ѣдетъ?—послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ Фальшштейнъ.—Я начинаю немного тревожиться...

— По всей вѣроятности много дѣлъ въ конторѣ,—успокоила брата Сара, — иногда мужъ засиживается до разсвѣта... Впрочемъ сегодня онъ навѣрно пріѣдетъ не позже десяти, такъ какъ въ одиннадцатъ у него какой-то дѣловой визитъ, по продажѣ одного изъ имѣній Заркати...

— Какъ? Неужели и Заркати тоже банкротятся?—воскликнулъ Фальшштейнъ.—Когда это они успѣли разориться? Удивительно даже. Вѣдь еще недавно ихъ дѣла были блестящи.

— Говорятъ, они много потеряли на какихъ-то акціяхъ... Кромѣ того, ихъ какъ-то коснулось паденіе цѣнъ на землю... Впрочемъ до полного разоренія еще далеко...

— Но брешь все таки уже сдѣлана и голову кладу на отсѣченіе, что это печальное для Заркати дѣло не обошлось безъ участія твоего мужа... Я давно замѣтилъ, что во всѣхъ разореніяхъ здѣшнихъ помѣщиковъ, за послѣднія 10 — 15 лѣтъ, такъ или иначе чувствуется его благосклонное участіе... Кстати, вотъ тебѣ еще одинъ примѣръ въ подтвержденіе моихъ словъ о гениальности нашего народа... Кто былъ твой мужъ въ первую половину своей жизни? Ничтожный факторъ, почти нищій, не выдавшій въ своихъ рукахъ одновременно суммы большей ста рублей,—и что же мы видимъ теперь? Едва грамотный, нигдѣ ничему не учившійся, не имѣющій представленія не только о политической экономіи и теоріи накопленія богатствъ, одной своей смѣткой—превращается въ миллионера, созидаетъ грандіозныя финансовыя предпріятія, въ которыхъ запутываются, какъ мухи въ паутинѣ, люди съ высокимъ образованіемъ, съ дѣтства привыкшіе къ обращенію съ огромными капиталами, какъ на примѣръ Заркати. И это, имѣй въ виду, еще при существующихъ со стороны закона стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ, какъ гири, висящихъ у него на рукахъ, а дай ему полную свободу дѣйствій...

— Я бы тогда, въ три—четыре года, перевелъ всѣ богатства здѣшнихъ глупцовъ въ свои карманы, — раздался изъ мрака насмѣшливый голосъ и отъ дверей, не спѣшно ступая мягкими подошвами, къ разговаривающимъ подошелъ Шульмееръ.

— Да, да,—проговорилъ онъ, крѣпко пожимая руку зятю и довольно небрежно и равнодушно кивнувъ головой женѣ,—я говорю совершенно серьезно, дайте только намъ права, равныя съ правами остальныхъ русскихъ гражданъ и мы въ нѣсколько лѣтъ завладѣемъ краемъ.

— И такъ, Илья Яковлевичъ, и вы стоите за равенство?—лукаво подмигнулъ сестрѣ Самуиль.

— О разумѣется,—съ азартомъ воскликнулъ Шульмееръ,— равенство прежде всего... При всеобщемъ равенствѣ, мы сдѣлаемся господами.

— Вы почти слово въ слово повторили сейчасъ то, что я говорилъ сестрѣ: для насъ уравненіе въ правахъ съ остальными—равносильно полученію огромнаго преимущества, такъ какъ мы болѣе талантливы и дѣятельны, чѣмъ прочія націи...

— Христіане это иначе объясняютъ,—задумчиво вставила отъ себя Сара,—они говорятъ, будто преимущество наше заключается отъ томъ, что мы, евреи, не принадлежимъ къ націи, въ которой живемъ, не связаны съ нею никакими обязательствами, не считаемся ни съ ея исторіею, ни съ ея будущностью, что намъ безразлично, будетъ ли она процвѣтать или погибнетъ; избавленные отъ всего этого, мы, при полученіи одинаковыхъ правъ, будемъ пользоваться всѣми благами, не неся за это никакой тяготы. Въ доказательство они приводятъ хотя бы такой примѣръ — объявляется война Германіи. Для русскихъ не все равно, кто побѣдитъ, Россія или Германія. Въ послѣднемъ случаѣ Россіи, какъ государству, угрожаетъ гибель, а евреямъ это безразлично... Не все ли равно, кому продавать и съ кого наживаться, съ нѣмцевъ ли или съ русскихъ... Они ничѣмъ не связаны, никакими соображеніями, никакими обязательствами—они посторонніе зрители, равно близкіе и далекіе обѣимъ враждующимъ сторонамъ...

— Голову даю на отсѣченіе, что это ты повторяешь слова Нускаты,—засмѣялся Фальшштейнъ.—Онъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ нашихъ враговъ въ здѣшнемъ краѣ... Жаль, что онъ не любитъ никакихъ спекуляцій и не втягивается въ выгодныя предпріятія, а то дорого бы заплатилъ онъ за его проповѣди, не правда-ли, Илья Яковлевичъ?.. Вы бы первый постарались вразумить его.

— Дай срокъ, вразумимъ,—самонадѣянно отвѣчала Шульмееръ,—посильнѣй его были люди и тѣхъ вразумляли.

Оба самодовольно разсмѣялись, обмѣнявшись многозначительными взглядами.

Сара несочувственно покачала головой.

— Мнѣ кажется, господа,—тихо проговорила она, скользнувъ по ихъ лицамъ печальнымъ взглядомъ,—вы оба жестоко ошибаетесь, и вы, и подобные вамъ. Ошибка ваша въ томъ, что вы хотите сводить старые счеты, по документамъ давно просроченнымъ... Мнѣ, какъ еврейкѣ, становится тоже тяжело и грустно, когда я вспоминаю о страданіяхъ, перенесенныхъ нашимъ народомъ, но что-же дѣлать? Нельзя же вертѣть

обратно колесо исторіи... Когда-то москвичи вырѣзали Новгородъ, но было бы дико, если бы теперь новгородцамъ вздумалось мстить москвичамъ за пролитую новгородскую кровь... Если бы даже и возможно было привести въ исполненіе такой нелѣпый планъ, то оно вызвало бы не удовлетвореніе отъ уплаты по счетамъ, а новыя бѣдствія... Тоже самое и съ нами, евреями: не подсчитываться съ христіанами мы должны, а думать только о томъ, какъ бы затушить и безъ того долго тянувшуюся вражду.

— Ты рассуждаешь не какъ еврейка, — сердито воскликнул Шульмееръ.—Я на твоёмъ мѣстѣ постыдился бы говорить такія вещи... Впрочемъ, ты давно душой на сторонѣ христіанъ,—добавилъ онъ презрительно.

VI.

Подъ впечатлѣніемъ непріятной, унижительной встрѣчи съ отставнымъ капитаномъ, у Денисьева на нѣкоторое время отпала охота разыскивать свою ночную незнакомку, образъ которой, какъ это ни странно, почему-то какъ бы слился въ его воображеніи съ непривлекательнымъ, отталкивающимъ образомъ Качалова.

Онъ зналъ, что если хорошенько разспросить своихъ товарищей по полку, хотя бы того же Боброва, знавшаго по пальцамъ всѣхъ жителей К., то ему, навѣрно, скоро бы удалось узнать, кто такая молодая женщина, съ которой онъ свелъ такое неожиданное, мимолетное знакомство. Но отъ подобныхъ разспросовъ его удерживало чувство застѣнчивости и боязнь породить разные шуточные намеки и предположенія... Онъ хорошо зналъ, что товарищи не утерпятъ, чтобы не начать подтрунивать надъ нимъ, непременно выдумаютъ, будто онъ влюбленъ и всячески станутъ его изводить и говорить легкомысленныя пошлости, какъ это водится среди холостой молодежи, и что Денисьеву, относившемуся къ женщинамъ еще съ кадетски-рыцарскимъ почтеніемъ, было всегда крайне непріятно.

Припоминая до мелочей свой разговоръ съ молодой женщиной, Теодоръ Теодоровичъ больше всего задумывался надъ фразами, сказанными ею про госпожу Нускать, въ которыхъ чувствовалась глубоко затаенное презрѣніе и ненависть, какъ къ лютому врагу, тѣмъ болѣе странныя, при поразительномъ сходствѣ обѣихъ молодыхъ женщинъ.

— Тутъ есть какая-то тайна, — думаль Денисьевъ, и это еще больше раздражало въ немъ любопытство и желаніе познакомиться ближе съ загадочной пѣвицей.

Прошло нѣсколько дней, но впечатлѣнія ночной встрѣчи все еще были живы и ярки въ памяти Теодора Теодоровича и онъ усиленно ломаль голову, какъ бы разыскать свою незнакомку, никого въ это дѣло не вмѣшивая, но ничего не могъ придумать.

Однажды, послѣ занятій съ солдатами въ казармѣ, куда онъ аккуратно ходилъ каждое утро, ротный командирь Киріакъ Киріаковичъ Малодеста, добродушнѣйшій толстякъ, немного лукавый и вкрадчивый, какъ большинство молдаванъ, пригласилъ его къ себѣ на рюмку водки.

— Мнѣ благопріятель одинъ, — пояснилъ Малодеста, — прислалъ вчера настоящей Константинопольской ракіи, здѣсь такой на вѣсь золота не достанете... восторгъ одинъ, а не ракія... вотъ увидите.

Капитанъ Малодеста жилъ не дальше пяти минутъ ходьбы отъ казармъ своей роты, въ собственномъ небольшомъ домикѣ. Домикъ этотъ, бѣленькій, чистенькій, съ выкрашенными въ ярко-зеленую краску ставнями, оконными рамами и крышей, выглядѣлъ чрезвычайно уютно, главнымъ образомъ благодаря густому фруктовому саду, съ трехъ сторонъ окружавшему его.

Послѣ жены и сына, воспитывавшагося въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ, Малодеста больше всего на свѣтѣ любилъ свой домъ, относился къ нему какъ-бы къ живому существу и много тратилъ на его украшеніе. Развелъ цвѣтникъ, выстроилъ птичникъ, конюшню, сарай, разныя хозяйственныя приспособки и все это не просто, какъ обыкновенно воздвигаются подобныя строенія, а съ вычурной рѣзбой по карнизамъ, коньками и пѣтухами на крышѣ и красиво окованными бѣлой жестью дверями. Даже голубятня, помѣщавшаяся посреди двора, была сдѣлана на подобіе швейцарскаго домика и притомъ исключительно руками самого капитана. Впрочемъ многое въ домѣ и на дворѣ было дѣломъ его рукъ, чѣмъ капитанъ чрезвычайно гордился.

Завтракъ былъ сервированъ на террасѣ, позади дома. Терраса выходила прямо въ садъ; тамъ было прохладно, а отъ распускающихся яблонь, персиковъ и шелковицы несся бальзамическій запахъ, особенно пріятный послѣ малоароматныхъ запаховъ улицы. Прямо противъ террасы, царственно возвышаясь надъ прочими деревьями, росъ могучій клень,

раскидывая во всё стороны свои темно-зеленныя вѣтви, подъ которыми ютились небольшая скамеечка, безмолвная свидѣтельница всей жизни Малодесты. На этой скамейкѣ, сиживала его мать, держа его младенцемъ на рукахъ, на ней онъ отдыхалъ маленькимъ ребенкомъ, послѣ возни и бѣготни по саду, здѣсь же онъ зубрилъ уроки, пріѣзжая кадетомъ на каникулы; эта скамейка видѣла его молодымъ офицеромъ, стройнымъ, красивымъ, съ черными изящными усиками на румянномъ лицѣ, и наконецъ на ней же, на этой скамейкѣ, цѣлыми часами просиживаетъ онъ теперь, состарившійся, оплывшій жиромъ, страдающій отдышкой, съ длинными сивыми усами и головой, густо посыпанной инеемъ...

— Крѣпко строили въ прежнія времена и дерево словно бы крѣпче было,—размышлялъ иногда Малодеста, сидя на скамейкѣ и, какъ друга, ласково поглаживая ее широкой ладонью.

Жена капитана Малодесты была, какъ и онъ, молдаванка и, какъ большинство молдаванокъ, въ молодости отличалась красотой, стройнымъ станомъ и восточной граціей въ движеніяхъ. Отъ всего этого у нея теперь остались только огромные, черные глаза, до сихъ поръ еще живые и блестящіе, казавшіеся чужими на блѣдномъ, морщинистомъ лицѣ старушки.

Звали ее Марія Ивановна, но мужъ называлъ ее по-молдавански Марицей. Она была молчалива, степенна и, присутствуя за столомъ, почти не вмѣшивалась въ разговоръ, что впрочемъ не мѣшало ей быть очень гостепріимной и радушной хозяйкой.

— Скажите, Киріякъ Киріяковичъ,—спросилъ вдругъ Денисьевъ, послѣ того, какъ они выпили уже по третьей рюмкѣ дѣйствительно замѣчательно вкусной ракіи,—что это за субъектъ отставной капитанъ Качаловъ?

— А вы гдѣ-же съ нимъ познакомились?—полюбопытствовалъ Малодеста.

Денисьевъ немного смутился.

— Совершенно случайно, я проходилъ по улицѣ, какъ разъ, когда онъ выходилъ изъ дома, своего или чужого, — не знаю. Онъ окликнулъ меня, для чего-то откомендовался и завелъ разговоръ... Между прочимъ упоминалъ и васъ...

— Навѣрно, здорово ругалъ,—добродушно разсмѣялся Малодеста.

— Нѣтъ... видите-ли, какъ бы сказать,—конфузился Денисьевъ,—онъ, признаться, мнѣ вообще показался очень озло-

бленнымъ и какъ бы ненормальнымъ... Про васъ онъ говорилъ только, что былъ когда-то съ вами знакомъ... Правда ли это?

— Не только знакомы, а прямо пріятелями, онъ полка-то не нашего, но одной бригады, а я одно время былъ прикомандированъ къ ихнему полку... Давно, впрочемъ, это было, тогда и онъ не такой былъ, какъ теперь... хорошій былъ офицеръ, а теперь...

— А теперь?—спросилъ Денисьевъ, видя, что Кириакъ Кириковичъ замолчалъ на полусловѣ.

— Теперь? — вздохнулъ Малодеста.—Теперь онъ жалкій пьяница... Впрочемъ это бы еще ничего, пьянство—болѣзнь и нерѣдко нападаетъ и на хорошихъ людей, бѣда, что онъ не честный человѣкъ... Даже дѣти родныя гнушаются его.

— А у него есть дѣти?

— Двѣ дочери. Одна дочь, впрочемъ, замужемъ и окончательно порвала съ отцомъ, при ней даже имени его не упоминаютъ, а другая, еще дѣвица, живетъ при отцѣ и матери. Старикъ-то уже совсѣмъ опустился... Ну, да о немъ жалѣть нечего, старый, больной, скоро, должно, въ сырую землю пойдетъ, а вотъ дочь жалко... очень жалко...

— А что-же съ ней такое?

— Въ отца пошла... Темными дѣлами занимается... А вѣдь какая красавица, если-бы вы ее видѣли, еще лучше сестры. Хотя и та дьявольски хороша... Да вы, кажется, замужнюю сестру знаете, помнится мнѣ, какъ будто-бы Бобровъ васъ успѣлъ познакомить,—г-жа Нускатъ, Лизавета Львовна.

— Какъ?—воскликнулъ Денисьевъ.—Нускатъ дочь Качалова... этого противнаго, грязнаго старика, уличнаго попрошайки,—быть не можетъ.

— А на самомъ дѣлѣ это такъ,—родная дочь. Впрочемъ, какъ я уже вамъ говорилъ, она давно порвала съ отцомъ, да уже за одно и съ матерью и сестрой...

— Скажите, пожалуйста,—все еще немного взволнованно спросилъ Денисьевъ,—эта вторая сестра, что живетъ съ отцомъ, какъ выглядить изъ себя?

— Она очень похожа на Нускатъ, хотя въ то-же время у нихъ совершенно разные типы. Елизавета Львовна, какъ вы сами видѣли, жгучая брюнетка, типичная румынка, какъ и ее мать; Елена же Львовна блондинка, у нея свѣтло-пепельные волосы и черные глаза, при этомъ черты лица ея болѣе нѣжны и тонки, чѣмъ у сестры... Однимъ словомъ, красавица и ко всему этому дивно поетъ... Она могла бы смѣло поступить

на сцену, но почему-то не хочетъ. Вообще странная дѣвушка .. очень странная...

— Значить, это была она,—неожиданно для самого себя вслухъ воскликнулъ Денисьевъ и невольно сконфузился.

— Гдѣ, кто?—изумился Малодеста.—Про что вы говорите? Денисьевъ замялся, покраснѣлъ, но, подумавъ, вдругъ разомъ, спѣша и сбиваясь, какъ бы торопясь скорѣй высказаться, принялся разсказывать Малодестѣ о своемъ посѣщеніи Нускаты, о пѣвицѣ Димитреску, какъ онъ былъ очарованъ ея пѣніемъ и подѣ этимъ очарованіемъ возвращался домой и вдругъ услышалъ женскій голосъ.

— Голосъ этотъ поразилъ меня до глубины души своею задушевностью и я не въ силахъ былъ пройти мимо дома, чтобы не остановиться. Вотъ тутъ-то и произошло наше знакомство...

Далѣе Денисьевъ подробно передалъ Малодестѣ весь свой разговоръ съ молодой женщиной и въ заключеніе сообщилъ о неудачныхъ поискахъ.

Малодеста внимательно, не перебивая, выслушалъ разсказъ молодого офицера и, когда онъ замолчалъ, увѣренно произнесъ.

— Да, это была Леля... Но странно, какъ же вы не нашли дома... Вотъ откуда выходилъ Качаловъ, это и есть ихъ домъ... они тамъ всѣ трое живутъ, отецъ, мать и дочь...

— Мнѣ самому удивительно,—пожалъ плечами Денисьевъ,— не знаю почему, домъ Качалова ночью показался такимъ красивымъ, наряднымъ, тогда какъ это какая-то полуразрушенная хибарка.

— Бываетъ,—лукаво ухмыльнулся Малодеста и, обратясь къ женѣ, спросилъ ее, добродушно подмигивая.—Помнишь, Марица, въ ту пору, какъ мы съ тобой женихались, тоже ночью, сидѣли какъ-то въ саду и какая-то пичужка надъ нами пискала, а мы потомъ увѣряли, будто бы соловей пѣлъ?..

— И мы были правы,—съ ласковой улыбкой, поднимая на мужа бархатистый взглядъ своихъ все еще дивныхъ глазъ, отвѣтила старуха,—соловей дѣйствительно пѣлъ...

— Гдѣ? Какой соловей? Тамъ за десять верстъ въ ту пору и полъ-соловья не было...

— Соловей пѣлъ не на деревѣ, а въ нашихъ сердцахъ,—съ той же чарующей улыбкой тихо отвѣтила Марія Ивановна.

— Развѣ что такъ,—засмѣялся старый капитанъ и, обернувшись къ Денисьеву наставительнымъ тономъ добавилъ:— вотъ и съ вами произошло нѣчто подобное: очарованный пѣ-

нѣмъ и пѣвицей, вы свое восхищеніе распространили и на домъ и онъ показался вамъ замкомъ фей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ—это поросячій хлѣвъ, а не домъ.

— Пожалуй, вы правы,—улыбнулся Денисьевъ,—но разъ уже вы начали рассказывать, то расскажите все до конца... Какими темными дѣлами занимается младшая дочь Качалова?

— На это трудно отвѣтить,—задумчиво отвѣчалъ Малодеста,—явныхъ обвиненій въ какихъ-нибудь мошенничествахъ я привести не могу... Да, пожалуй, и никто не приведетъ... Все больше слухи, предположенія, догадки, основанныя на постоянномъ якшаніи Лели съ жидами, а какія съ нашими жидами могутъ быть дѣла у молодой русской дѣвушки? Сами подумайте. Кромѣ того она часто ѣздитъ за границу и одна и съ отцомъ,—это тоже подозрительно... А главное, дурную репутацію ей дѣлаетъ ея постоянная возня съ нѣкоторыми, адѣшными молодыми помѣщиками изъ молдаванъ... Она вертитъ имъ головы, а они, какъ бараны, ходятъ вокругъ нея и глаза пучатъ, того и гляди лбами биться начнутъ... Особенно тутъ одинъ Балбеску, вы еще сами упоминали, что чуть было не забрались въ ихъ домъ во время вашихъ поисковъ, сынъ богатыхъ родителей и немного придурковатый... Вотъ на него то Лелюшка и обратила было особое вниманіе, чуть-чуть не окрутила парня, да отецъ какъ-то счумѣлъ во-время обуздать полоумнаго сынка и отправить на мельницу подъ присмотръ стараго ватавы... 1). Да что Балбеску, года два тому назадъ она чуть-чуть у сестры своей, Елизаветы Львовны, мужа не отбила... Скандалъ вышелъ на весь городъ... Бѣдовая дѣвица, у насъ ее Копчикомъ зовутъ,—знаете, птичка есть такая хищная, какъ вцѣпится когтями, хотя бы и въ большую птицу—не выпуститъ, такъ и задушитъ... Вотъ и Елена Львовна такая-же... Бѣда въ ея коготочки попасть... Не совѣтую вамъ...

— Ну, гдѣ же мнѣ,—усмѣхнулся Денисьевъ,—если она дѣйствительно такая хищная птица, какъ вы рассказываете, ей нужна жертва покрупнѣе и пожирнѣе, чѣмъ скромный пѣхотный подпоручикъ, живущій жалованьемъ да подачками изъ дому. Она очевидно бьетъ болѣе цѣнную дичь.

— Ну, это еще какъ цѣнить,—глубокомысленно возразилъ Малодеста и добавилъ нравоучительнымъ тономъ,—не слѣдуетъ быть чрезчуръ скромнымъ... Положимъ, нахальство и самоувѣреніе большіе пороки,¹ но и самоуничиженіе не добродѣтель... Въ жизни люди часто страдаютъ въ равной мѣрѣ и

1) Вродѣ управляющаго.

отъ того, что слишкомъ дорого и не по заслугамъ себя цѣнить, и отъ того, что слишкомъ малую цѣну даютъ себѣ... Качаловъ, по моему, погибъ отъ первой причины... Много, черезчуръ много думалъ о себѣ, считалъ себя умнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ въ полку, а на повѣрку вышло далеко не такъ...

— Онъ говорить, будто его уволили за мошенничество...

— Вреть это онъ, нарочно, со зла поклепъ на себя взводить... Положимъ, официальная причина была, дѣйствительно, какая-то вздорная растрата казенныхъ денегъ, гроши какіе то, въ одну минуту можно было пополнить, да и не его, почти, и вина была... Это такъ, все видимость одна... Настоящая, скрытая, главная причина была иная... Онъ выкинулъ одно некрасивое колѣнце... Прямо подлость совершилъ... Черезъ это и погибъ.

— Что-же именно?—заинтересовался Денисьевъ.

— Не люблю я, знаете, о такихъ вещахъ рассказывать...—поморщился Малодеста,—все равно, какъ бы грязныя солдатскія портянки ворошить... Вонь и мерзость одна... Впрочемъ, если васъ ужъ такъ интересуешь, я вамъ, пожалуй, расскажу... Назидательный случай, а для васъ, какъ молодого еще и не опытнаго офицера, и тѣмъ болѣе... Марица,—крикнулъ онъ женѣ, уже успѣвшей встать отъ стола,—распорядись намъ винца подать... Если рассказывать, то надо все какъ слѣдуетъ подробно... Исторія длинная, безъ вина въ горлѣ запершить...

Малодеста лукаво улыбнулся. Какъ природный молдаванинъ, онъ былъ патриотомъ мѣстнаго, бессарабскаго вина и могъ пить его сколько угодно, никогда не хмѣлѣя и не теряя своего добродушнаго спокойствія. Когда вино подали, онъ бережно налилъ до краевъ два высокихъ узкихъ стакана и, чокнувшись съ Денисьевымъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ отпилъ нѣсколько глотковъ.—Винцо недурное, такъ по жиламъ и перебѣгаетъ,—замѣтилъ онъ и, доливъ снова стаканы, заговорилъ, запивая время отъ времени свои слова темно-краснымъ душистымъ виномъ.—Исторія занимательная, хоть и скверная... Произошла она десять или около десяти лѣтъ тому назадъ... Качаловъ былъ тогда ротнымъ командиромъ... Роту онъ еще на войнѣ принялъ и не по старшинству, а за отличіе... Надо правду говорить—человѣкъ онъ былъ храбрый, толковый и службу зналъ въ совершенствѣ... За войну онъ два ордена получилъ съ мечами, чинъ капитана и роту... Вообще по службѣ ему везло, въ нѣсколькихъ серьезныхъ бояхъ былъ, а только разъ контуженъ...

Но не повезло ему въ частной, или вѣрнѣе сказать, въ семейной жизни... Женился онъ задолго еще до войны, на одной румынкѣ... Гдѣ и какъ онъ съ ней познакомился—не знаю, знаю только, родомъ она изъ Яссы, дочь разорившагося помѣщика... Красоты она была необычайной, только въ Румыніи такія красавицы и встрѣчаются, да и то рѣдко... Жили они дружно, какъ слѣдуетъ, любили другъ друга и такъ у нихъ шло до турецкой войны... Къ этому времени у нихъ уже двое дѣтей было: Лиза, вотъ что за Нускатомъ теперь, и Леля, съ которой вы познакомились. Лизѣ было, должно, лѣтъ 8, а Лелѣ года 3.

Собираясь на войну, Качаловъ рѣшилъ отправить семью къ роднымъ въ Москву, сестра у него, что-ли, тамъ была, хорошенько не знаю...

Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, тоже сказать не умѣю, можетъ быть для того, чтобы въ случаѣ, если бы его убили, жена хотя бы на первое время не осталась совершенно одна, безъ всякой поддержки, по другимъ ли какимъ причинамъ—ему одному вѣдомо.

Кончилась война. Пріѣзжаетъ Качаловъ въ отпускъ и застаетъ цѣлый романъ. Пока онъ воевалъ, въ его жену влюбился одинъ богатый, пожилой купецъ, семейный... Какъ это у нихъ произошло, тоже въ подробностяхъ не знаю... Слышалъ, мелькомъ, будто-бы купецъ ее въ церкви запримѣтилъ, куда она каждое воскресенье молебны за мужа служить ходила... По крайней мѣрѣ Качаловъ самъ говорилъ—ходила къ Богу, а выходила чорта.

Ну-съ вотъ... пріѣзжаетъ Качаловъ съ войны въ отпускъ въ Москву... Не успѣлъ съ женой и переговорить какъ слѣдуетъ послѣ двухлѣтней разлуки, какъ является къ нимъ господинъ купецъ и безъ всякой церемоніи, по купеческой манерѣ, все на рубли переводить, предлагаетъ Качалову: отдай моль, мнѣ жену твою, а я тебѣ за нее 25 тысячъ выложу... Отъ такого предложенія Качаловъ пришелъ въ неистовство и, не долго думая, схватилъ купца въ охапку—да въ окно... Смолodu онъ сильный былъ... ну да и разолился очень... Вылетѣлъ купецъ со второго этажа на мостовую и, хотя остался живъ, но расшибся, разумѣется, вдребезги... За такое самоуправство Качалова предали суду, но по Монаршей милости онъ былъ прощенъ и, вернувшись въ полкъ, принялъ роту... Жену онъ привезъ съ собой, но съ тѣхъ поръ сталъ очень скверно съ нею обращаться, ревновалъ ко всѣмъ рѣшительно... Никуда не пускалъ изъ дому... Даже бивалъ не разъ... Она

терпѣла, не жаловалась, но стала какая-то странная, вродѣ какъ бы не въ своемъ умѣ... Жалѣли ее въ полку очень, командиръ полка пытался даже повліять на Качалова, урезонить его, но ничего не вышло, если еще не хуже... Такъ прошло года четыре... Вдругъ переводится къ намъ офицеръ, молодой тоже, москвичъ и къ тому же дальній родственникъ того купца, котораго Качаловъ изъ окна выбросилъ... Купецъ, кстати, уже померъ, у него послѣ паденія нутро отшибло... Приѣхалъ офицеръ въ полкъ, а вскорѣ послѣ того стали ходить слухи, будто бы дѣло съ купцомъ было не совсѣмъ такъ, какъ на судѣ выяснилось, и что Качаловъ соглашался жену отдать, но требовалъ за нее сорокъ тысячъ и дѣтей, а она безъ дѣтей къ купцу не ѣхала... Сначала этому слуху плохо вѣрили, но когда появилось и начало ходить по рукамъ собственноручное письмо г-жи Качаловой къ купцу, яко бы написанное ею подѣ диктовку мужа, гдѣ дѣйствительно говорилось о сорока тысячахъ и о дѣтяхъ, среди офицеровъ поднялся ропоть... Стали поговаривать о необходимости офицерскаго суда, дабы выяснить, насколько было правды во всѣхъ этихъ слухахъ... Но тутъ возникъ вопросъ, удобно ли возбуждать вновь дѣло, по которому уже разъ состоялось Высочайшее рѣшеніе... Начались споры, пререканія. Одни говорятъ одно, другіе—другое. Образовались партіи. Тѣ, кто были за офицерскій судъ, говорили, что Высочайшее рѣшеніе послѣдовало по дѣлу искалѣченія купца, а офицерскій судъ будетъ касаться только вопроса—былъ ли или не былъ фактъ торговли женою, и такимъ образомъ одно дѣло ничего не имѣетъ общаго съ другимъ. Другіе съ этимъ не соглашались, выходя изъ тѣхъ соображеній, что де разъ Качаловъ помилованъ, то этимъ самымъ все дѣло кончено навсегда... Долго спорили обѣ партіи, но въ концѣ концовъ по всей вѣроятности противники суда побѣдили бы, но тутъ разыгралась странная исторія... Въ одинъ прекрасный день г-жа Качалова явилась къ командиру полка и заявила, будто бы ея мужъ собирается продать свою старшую дочь, пятнадцатилѣтнюю Лизу, старику Нускаты. Старикъ Нускаты жилъ въ своемъ имѣннѣ старымъ вдовцомъ, никуда не показывался, словно филинъ въ дуплѣ, былъ золь, скупъ, безобразенъ и развратникъ, какихъ мало.

По словамъ г-жи Качаловой, мужъ ея уговорился съ Нускатою приѣхать въ имѣніе съ дочерью и оставить ее тамъ на полную волю старика, а потомъ распустить слухъ, будто бы она сама бѣжала къ нему, прельстясь его богатствомъ.

— Но, позвольте,—изумился командиръ полка,—Нускать вдовець, онъ можетъ, если захочетъ, жениться.

— Жениться онъ не хочетъ, такъ какъ большая часть его состоянія принадлежитъ не ему, а его покойной женѣ, и по сдѣланному ею завѣщанію должно быть у него отобрано въ пользу дѣтей въ тотъ день, какъ онъ снова женится. Поэтому онъ готовъ дать за Лизу сорокъ тысячъ, но жениться на ней не соглашается....

Командиръ полка задумался, выходило похоже на правду. Особенно странно показалось ему совпаденіе цифръ. За жену съ купца — сорокъ тысячъ, и за дочь съ старика Нускать тоже сорокъ, ни больше, ни меньше.

— Скажите, пожалуйста, по всей правдѣ,—спрашиваетъ командиръ полка,—вѣрно ли, что вашъ мужъ продавалъ васъ купцу за сорокъ тысячъ?.. Простите ради Бога, за такой нелѣпный вопросъ, но въ виду вашего теперешняго заявленія, мнѣ это необходимо знать?..

— Правда, и вотъ какъ это было,—твердо отвѣтила г-жа Качалова.—Когда мужъ былъ еще на войнѣ, я ему писала о купцѣ все чистоседечно и просила развода. Въ отвѣтъ на это онъ прислалъ мнѣ грубое письмо, а затѣмъ, очевидно поразмысливъ, отвѣтилъ: согласенъ, требую сорокъ тысячъ отступнаго и дѣтей себѣ. Я показала это письмо купцу, но тотъ отвѣтилъ: „Ладно, пускай пріѣзжаетъ, тогда поторгуемъ“. Но онъ ошибся; пріѣхавъ въ Москву, мужъ мой ни о какихъ уступкахъ не хотѣлъ и слышать... Съ первыхъ же дней между нимъ и мужемъ произошла ссора, во время которой купецъ сказалъ, что захочетъ и безъ всякихъ денегъ возьметъ, жена не крѣпостная раба, вольна уйти отъ мужа и жить, съ кѣмъ хочетъ. За эти слова Левъ Львовичъ хотѣлъ ударить купца, но тотъ самъ ударилъ его раньше, послѣ чего мужъ схватилъ его за горло и, подтащивъ къ открытому окну, вытолкнулъ на улицу.

— Но почему же на судѣ купецъ не заявилъ объ этомъ?—изумился командиръ полка.

— Я умоляла его молчать. Онъ очень любилъ меня... Я пошла къ нему и сказала, что если онъ покажетъ, какъ было дѣло, мужа засудятъ и я останусь съ дѣтьми на улицѣ... Онъ былъ тогда боленъ, ожидалъ себѣ смерти и не захотѣлъ взять грѣха на душу: повторяю, онъ любилъ меня, очень любилъ,—къ тому же считалъ случившееся съ нимъ какъ бы наказаніемъ Божиимъ за свой грѣхъ — любовь ко мнѣ, замужней женщинѣ, когда и самъ онъ былъ женатъ... Онъ даже и су-

даться не хотѣлъ, но дѣло возбудили помимо его, по настоянїи прокурора...

Выслушалъ командиръ полка это и сейчасъ же послалъ за старшими офицерами. Въ ихъ присутствїи Качалова снова повторила свое обвиненїе противъ мужа въ томъ, что будто бы онъ хочетъ продать Лизу старику Нускату, и со слезами просила заступиться за дѣвочку.

Всѣ офицеры были страшно поражены, вѣрить не хотѣлось такой исторїи, и послѣ короткаго совѣщанїя рѣшено было, что командиръ полка вызоветъ Качалова и припугнетъ его хорошенько.

Такъ и сдѣлали.

Но когда командиръ полка сталъ выговаривать Качалову, тотъ страшно оскорбился на такую клевету.

— Жена у меня—полусумасшедшая женщина, больная,—ей вообразилось, а вы повѣрили и оскорбляете меня такими гнусными подозрѣнїями... Я буду жаловаться,—гордо объявилъ онъ командиру полка и дѣйствительно подалъ жалобу бригадному генералу.

Заварилась каша.

Первымъ дѣломъ притянули къ допросу Нуската. Тотъ, разумѣется, отперся... Я, говорить, и не думалъ, и въ мысляхъ ничего дурного не держалъ, просто сваталъ Лизочку для своего сына, а г-жа Качалова все выдумала.

Дѣйствительно, какъ разъ въ эту пору прїѣхалъ изъ заграничнаго путешествїя сынъ Нуската, всего только два года тому назадъ окончившїй университетъ, и поспѣшилъ познакомиться съ Лизой, послѣ чего не прошло и мѣсяца, какъ Лизочка вышла за него замужъ... Какъ это у нихъ тамъ все устроилось—не знаю. Можетъ быть, старикъ Нускатъ настоялъ на этой свадьбѣ, чтобы этимъ снять съ себя подозрѣнїе въ столь позорномъ дѣлѣ, а можетъ быть, сынъ, узнавъ объ исторїи и видя, что дѣвочка скомпрометирована, пожелалъ, какъ человѣкъ благородный и очень добрый, загладить грѣхъ отца, жениться на молодой дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе, что она, какъ вы и сами знаете, красавица на рѣдкость. Женитьба эта, сдѣлавъ Качалова тестемъ одного изъ богатѣйшихъ нашихъ помѣщиковъ, сразу обратила къ нему всѣ симпатїи общества и большинство стало открыто осуждать командира полка; особенно горячились всѣ тѣ, кто почему-либо былъ имъ недоволенъ... Въ концѣ концовъ, дѣло кончилось тѣмъ, что командиру сдѣлали келейное внушенїе и Качалова посадили на десять сутокъ на гаупвахту, за что?—довольно трудно понять. Отси-

дѣвъ десять сутокъ, Качаловъ снова вступилъ въ командованіе своей ротой, но съ этой минуты на него посыпались со всѣхъ сторонъ непріятности и не прошло и полгода, какъ послѣ какой-то ревизіи онъ принужденъ былъ подать въ отставку. Выйдя въ отставку, онъ очутился въ большой нуждѣ и сначала собирался было поселиться у зятя, но Лиза и слышать объ этомъ не хотѣла. Не пустивъ къ себѣ ни отца, ни мать, г-жа Нускатъ вмѣстѣ съ тѣмъ однако тотчасъ же поспѣшила взять къ себѣ въ домъ свою десятилѣтнюю сестру Елену. Изъ этого страннаго на первый взглядъ поступка Лизы, изъ того недоброжелательства, какое она, видимо, питала къ отцу, стараясь держать отъ него подальше младшую дочь, словно боясь и не довѣряя ему, для многихъ стало очевидно, что въ исторіи со старикомъ Нускатомъ не все была выдумка, какъ раасказывалъ самъ Качаловъ. Къ матери дѣти относились лучше, но она послѣ отставки мужа совсѣмъ впала въ какое то оступѣніе и молча высиживала цѣлые часы, упорно смотря въ уголъ, ко всему равнодушная, словно пришибленная... Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и вдругъ года два тому назадъ разразился скандалъ... Нускатъ выгнала свою сестру изъ дому, за то будто бы, что она хотѣла увлечь ея мужа... Много говорили тогда объ этой исторіи, всего и не перескажешь. Съ тѣхъ поръ Леля живетъ у отца, несмотря на то, что старикъ совсѣмъ опустился и принялся за такія дѣла, что и сказать стыдно. Глядя на него, и Леличка повела себя совсѣмъ не какъ порядочная дѣвица, а какъ Богъ вѣсть кто. Нускатъ отъ нихъ окончательно отвернулся, а за ними и все здѣшнее общество, по крайней мѣрѣ всѣ семейные дома... Вотъ и все... Конечно, я могъ бы сообщить вамъ о Качаловѣ и его Лелюшкѣ много разныхъ свѣдѣній, весьма челестныхъ, но это уже были бы сплетни, а сплетенъ я терпѣть не могу... Впрочемъ, поживете въ городѣ — наслушаетесь о ихъ подвигахъ вдоволь, а многое и сами увидите... Во всякомъ случаѣ, искренно, по-дружески совѣтую держаться отъ нихъ подальше...

VII.

Денисьевъ слушалъ Малодесту съ тяжелымъ чувствомъ разочарованія. Ему было грустно, подобно тому, какъ бываетъ грустно человѣку, когда ему скажутъ о смерти близкаго знакомаго. За эти десять-двадцать дней, которые прошли со дня

его ночной встрѣчи, онъ успѣлъ создать въ своемъ воображеніи вокругъ неизвѣстной ему красавицы-пѣвицы ореолъ таинственности. Она смутно представлялась ему чѣмъ-то особеннымъ, полной достоинствъ, съ прекрасной, поэтической душой, искавшей въ дивныхъ звукахъ грустныхъ мелодій откликъ волновавшимъ чувствамъ... И вдругъ все это разлетѣлось, какъ дымъ... Прозрачная пелена спала и вмѣсто феи, поэтически прекрасной, какъ мечта поэта,—Денисьевъ былъ немного поэтъ въ душѣ, — передъ нимъ предстала провинціальная барышня, съ дурной репутаціей, успѣвшая даже приобрести себѣ далеко не поэтическую кличку „копчикъ“... Эта метаморфоза положительно огорчала Денисьева.

Даже вернувшись къ себѣ домой, онъ все никакъ не могъ успокоиться и, лежа на кушеткѣ, упорно перебиралъ въ памяти слышанное отъ капитана Малодесты.

За этимъ занятіемъ засталъ его поручикъ Бобровъ, съ которымъ у Денисьева была большая дружба, завязавшаяся между ними чуть ли не съ перваго дня поступленія Феодора Феодоровича въ полкъ.

Бобровъ былъ изъ тѣхъ, кого обыкновенно называютъ славный паренъ: прямодушный, веселый, всѣмъ сердцемъ преданный полковымъ традиціямъ и товариществу, всегда готовый поддержать компанію, беззаботный, постоянно нуждающийся въ деньгахъ, но до щепетильности аккуратный въ денежныхъ расчетахъ. Собой Бобровъ былъ не высокъ ростомъ, худощавъ, съ пріятными, тонкими чертами блѣдно-матоваго лица и большими голубыми веселыми глазами. Волосы у него были свѣтлые, слегка вьющіеся, и небольшіе усики, закрученные въ колечки.

Одѣвался онъ всегда съ иголки, на лѣвой рукѣ носилъ панцирный золотой браслетъ, на указательномъ пальцѣ массивный золотой перстень съ печаткой и маленькое бриллиантовое колечко на мизинцѣ.

Войдя къ Денисьеву своей обычной, стремительной походкой и увидя его лежащимъ на кушеткѣ, съ глазами, устремленными въ потолокъ, Бобровъ всплеснулъ руками.

— И не стыдно тебѣ, Федька?—воскликнулъ онъ укоризненно.—Погода дивная, а ты лежишь, какъ бревно... Ну, одѣвайся, я пришелъ за тобой, идемъ къ Нускатамъ. Елизавета Львовна вчера спрашивала про тебя: почему ты нигдѣ не появляешься, даже на бульварѣ тебя не видать? Я ей сказалъ на это, что ты влюбленъ. Допытывалась—въ кого, но я отговорился секретомъ,—нельзя сказать!..

— И чего ты все врешь?—съ легкимъ неудовольствіемъ перебилъ друга Денисьевъ.

— И ничуть не вру... Скажешь, не влюбленъ? Ну-ка, побожись... Я даже знаю, въ кого и съ какого дня.

— Въ кого, это любопытно?—усмѣхнулся Денисьевъ, въ тоже время безпокойно настораживаясь.

— Не притворяйся. Точно я не вижу, — закричалъ Бобровъ,—я вѣдь за тобой слѣжу, братъ, и отлично замѣтилъ, съ какого дня ты захандрилъ. Какъ разъ съ того вечера, когда мы были съ тобой у Нускатъ. Помнишь — румынскій романсъ, что пѣла Димитреску, еще Нускатъ перевелъ тебѣ самъ: „Очи черныя, какъ ночь, сердце мнѣ сожгли“. Такъ вотъ, въ эти-то очи ты и влюбленъ.

Денисьевъ громко расхохотался и такъ искрено, что Бобровъ даже опѣшилъ.

— Неужели не угадалъ?—съ изумленіемъ вытаращилъ онъ глаза,—но въ такомъ случаѣ въ кого-же ты влюбленъ?

— Да ни въ кого, вольно тебѣ выдумывать.

— Ну, братъ, шалишь, я не выдумываю, —упрямо заговорилъ онъ, — ужь меня не проведешь... насквозь вижу... по всѣмъ примѣтамъ... Помнишь, у Пушкина есть стихотвореніе:

Узнаю коней ретивыхъ
По заводскимъ ихъ таврамъ,
Юношей влюбленныхъ
Узнаю по ихъ глазамъ...

Такъ кажется, а можетъ быть, и вру... Ну, однако, нечего болтать, вставай и идемъ.

— Куда? — не мѣняя позы, флегматично спросилъ Денисьевъ.

— Какъ куда? Вѣдь я же тебѣ говорилъ, къ Нускатамъ... Повторяю, Елизавета Львовна интересовалась тобой... Она всегда интересуется всѣми новыми лицами, пріѣзжающими къ намъ въ городъ, пока они не обживутся и не намоволятъ всѣмъ глаза, какъ напимѣръ я, многогрѣшный... Да вставай же, тюлень, а то за ноги стащу.

— Нѣтъ, Ляня, я никуда не пойду, не хочется,—лѣниво отвѣчалъ Теодоръ Теодоровичъ,—мнѣ и дома хорошо.

— Но какъ же ты послѣ этого не влюбленъ?—съ азартомъ закричалъ Бобровъ.—Вѣдь только влюбленные могутъ породить такую чушь... Первая красавица въ городѣ желаетъ его видѣть у себя въ домѣ, а онъ объявляетъ, что не хочетъ... Ну, такъ, братъ, я такого варварства не допущу... Сте-

панюкъ, — крикнулъ онъ во весь голосъ, — Степанюкъ, иди скорѣй.

За дверью раздались торопливые, тяжелые шаги и въ комнату, стремглавъ, очевидно внезапно разбуженный отъ сладкаго сна, вбѣжалъ небольшого роста, коренастый солдатъ, черный, какъ жукъ, съ квадратной головой и самъ весь какъ бы четверугольный. Остановившись посреди комнаты, онъ съ недоумѣніемъ выпучилъ глаза на Боброва и замеръ въ ожиданіи, готовый по первому слову ринуться исполнять какое угодно приказаніе. По природѣ своей Степанюкъ былъ порядочно глупъ и безтолковъ, сознавалъ это и стремился эти недостатки восполнять рьянымъ усердіемъ, не всегда впрочемъ бывавшимъ кстати.

— Одѣвай твоего барина, живо,—скомандовалъ Бобровъ, указывая пальцемъ на лежащаго Денисьева.

Степанюкъ ринулся было къ кушеткѣ, но, подбѣжавъ къ барину, остановился надъ нимъ, какъ вкопанный, недоумѣвая, какимъ образомъ приступить къ одѣванью человѣка, неподвижно лежащаго и къ одѣванью никакой склонности не проявляющаго.

— Да встанешь-ли ты, наконецъ?— уже не на шутку разсердился Бобровъ,—это же, просто, свинство. Ты и меня задерживаешь.

Денисьевъ со вздохомъ медленно поднялся съ кушетки.

— Неугомонный ты, Ленъка, покою отъ тебя нѣтъ... Присталъ, какъ съ ножомъ къ горлу... Ну уже если тебѣ такъ непремѣнно хочется, идемъ, только подожди немного, пока я переодѣнусь.

Черезъ часъ оба пріятеля уже подходили къ большому, красивому дому Нускатовъ, въ восточномъ стилѣ, со множествомъ колонокъ, балконовъ и стекляннымъ куполомъ посреди крыши, стоявшему на лучшей улицѣ города, Александровской.

Бобровъ всю дорогу болталъ, не умолкая. Денисьевъ, напротивъ, шелъ молча, задумчиво глядя передъ собой. Его занимала мысль, казавшаяся ему странной, почему судьбѣ было угодно, чтобы онъ въ тотъ-же день, какъ познакомиться съ Елизаветой Львовной Нускатъ, встрѣтилъ при такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ и ея сестру, а на слѣдующій день столкнулся и съ отцомъ обѣихъ—старымъ капитаномъ Качаловымъ, котораго онъ до того дня, проживая въ К—ѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, нигдѣ ни разу не видѣлъ. Вотъ и сегодня, не успѣлъ онъ всего часа два тому назадъ, и опять таки же

случайно, узнать всё обстоятельства жизни семьи Качаловыхъ, какъ неожиданно является Бобровъ и тащить его къ Нускатамъ.

— Точно что толкаетъ меня на ихъ путь,—размышлялъ Денисьевъ,—словно таинственныя нити внезапно протянулись откуда-то и начинаютъ мало-по-малу опутывать меня... связывать мою судьбу съ ихней... Почему это такъ? Кто можетъ угадать?..

Теодоръ Теодоровичъ былъ немного суевѣренъ, допускалъ матеріализацію духовъ, астральность тѣлъ, четвертое измѣреніе, воздѣйствіе на людскую психику высшихъ сферъ, перевоплощеніе душъ и. т. п. чертовщину, какъ выражался Бобровъ, относившійся къ жизни и ея явленіямъ съ реализмомъ прямого, безхитростно-вѣрующаго русскаго православнаго чело-вѣка.

— Послушай, Леня,—спросилъ вдругъ Денисьевъ, замедляя шаги,—скажи, пожалуйста, ты, конечно, знаешь все во всѣхъ подробностяхъ, что за чело-вѣкъ Елена Львовна и насколько права Елизавета Львовна въ своей ненависти и къ ней, и къ отцу?

— А что?—изумился Бобровъ такому неожиданному вопросу.—Съ чего это тебѣ пришло въ голову заговорить объ этомъ?

— Такъ,—уклончиво отвѣчалъ Денисьевъ,—просто любопытно знать твое мнѣніе, ты здѣшній уроженецъ, знаешь подноготную всего города, а въ то-же время не сплетникъ и не злословъ, стало быть, твоя аттестація самая правильная и справедливая.

— А тебѣ она зачѣмъ понадобилась?—все больше и больше удивляясь, допрашивалъ Бобровъ.—Ты развѣ познакомился съ Лелькой? Гдѣ и когда? Это интересно. Расскажи пожалуйста.

— Послѣ когда-нибудь, теперь мнѣ не хочется,—отвѣчалъ Теодоръ Теодоровичъ,—да ты еще и не отвѣтилъ на мой вопросъ... Мнѣ твой отвѣтъ нуженъ для нѣкоторыхъ соображеній.

— Ну, ладно. Я не любопытенъ. Захочешь—расскажешь, не захочешь—твое дѣло. Я же на твой вопросъ могу тебѣ отвѣтить только одно—не знаю. Какъ честный чело-вѣкъ, не знаю, т. е. видишь-ли, сплетни, какія ходили по городу послѣ ссоры сестеръ, я, конечно, знаю всё до одной, со всѣми вариациями, но вотъ что мнѣ невѣдомо,—сколько правды въ нихъ...

— Значить,—съ живостью перебилъ пріятеля Денисьевъ,—

ты не вѣришь, въ то, что Елена Львовна хотѣла увлечь Нускату и заставить бросить ради нея жену...

— И вѣрю, и не вѣрю. Отъ Лелички можно ожидать многого—эта вѣ сомнѣнія, особенно по части мороченья головъ господамъ мужчинамъ, недаромъ ее прозвали „копчикъ“; но, наряду съ этимъ, надо принять во вниманіе и чудовищную ревность Елизаветы Львовны... Молдаванки вообще страшно ревнивы. Ты, напримѣръ, до сихъ поръ имѣвшій дѣло только съ сѣверянками, у которыхъ въ жилахъ вмѣсто крови течетъ жидкій, тепленькій клюквенный кисель, даже и представить себѣ не можешь такой ревности; для этого надо быть южанкой, горячей, какъ южное солнце, съ расплавленной лавой въ жилахъ... Въ своей ревности молдаванка доходитъ до изступленія, теряетъ всякій разсудокъ, всякую власть надъ собой, дѣлается слѣпой и глухой ко всякимъ доводамъ и доказательствамъ, словомъ, превращается въ безумную... Теперь, посуди самъ, если такова обыкновенная, такъ сказать, рядовая молдаванка въ вопросахъ ревности, то какая же должна быть Елизавета Львовна, про которую даже здѣшнія дамы-молдаванки говорятъ, что она черезчуръ ревнива?..

— Н-н-да, воображаю,—повелъ бровью Денисьевъ,—должно быть, нѣчто ужасное...

— Полтора раза ужасное, два съ половиной раза ужасное, словомъ, нѣчто фантастическое. При такой ревности было бы удивительно, если бы ей не показалось въ отношеніяхъ мужа и сестрицы, прибавь красавицы, кокетки, болѣе молодой и изящной, чѣмъ она, чего-нибудь предосудительнаго... Это было неизбежно, и потому, когда неизбежное случилось, невольно является сомнѣніе въ справедливости не только подозрѣній, но даже фактовъ, разъ эти факты прошли черезъ голову и руки г-жи Нускаты... Теперь понимаешь, почему я не могу по совѣсти, со всею точностью отвѣтить тебѣ на твой вопросъ, вѣрю ли я или нѣтъ—тѣмъ обвиненіямъ, какія взваливаетъ Елизавета Львовна на сестру.

— Но ты говоришь, что Елена Львовна—дѣвушка отчаянная, кокетка и вообще способная на многое. На что именно? Какъ надо понимать твои слова?

— А такъ и понимай, какъ я говорю. Прежде всего я не поручусь за нее, дѣвушка ли она, а во-вторыхъ, если-бы у меня были деньги, разумѣется, большія, я бы постарался спрятать ихъ какъ можно подальше отъ нея, въ третьихъ, если-бы я былъ таможенный чиновникъ или пограничный офицеръ, съ

многими изъ которыхъ она въ большой дружбѣ, я бы зорче слѣдилъ за ней, когда она появляется на границѣ въ качествѣ гостыи или ѣдетъ за границу къ одной своей подругѣ, живущей въ ближайшемъ мѣстечкѣ, ибо къ Лелечкѣ смѣло можно приписать французскую поговорку: Il n'y a rien de sacré pour un sarrasin, что въ переводѣ на русскій діалектъ соотвѣтствуетъ: добродуру—все впору. Однако вотъ мы и пришли... Кстати, не задумай у Нускатовъ заговорить о Лелечкѣ или о капитанѣ Качаловѣ, это будетъ съ твоей стороны большой безтактностью, все равно, если бы ты заговорилъ о висѣлицѣ съ вдовой по-вѣшеннаго.

Послѣднія слова Бобровъ произнесъ уже на крыльцѣ дома Нускаты и, весело разсмѣявшись своей острогѣ, дернулъ за ручку звонка. Имъ отворила высокая, красивая горничная, цыганскаго типа, съ плутоватымъ выраженіемъ большихъ карихъ глазъ и ярко-малиновыми, точно выкрашенными губами.

— Барыни дома нѣтъ, а баринъ дома, занимаются у себя въ кабинетѣ,—сообщила она, кокетливо рисуясь въ дверяхъ,—прикажете доложить?

Говоря такъ, она многозначительно повела глазами, какъ бы придавая своимъ словамъ особый тайный смыслъ.

Бобровъ поморщился.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же мы будемъ мѣшать ему?—нерѣшительнымъ тономъ произнесъ онъ.—Не правда-ли, Федя?

— Разумѣется,—поспѣшилъ подтвердить Денисьевъ,—ну, чего же ты еще ждешь,—идемъ?

— Идемъ,—согласился Бобровъ и, любезно поклонившись дѣвушкѣ, онъ сдѣлалъ ей ручкой, и проговорилъ шутливо-нѣжнымъ голосомъ: „Au revoir“, на что она въ свою очередь съ граціознымъ поклономъ весело отвѣтила: „Addio“.

— Какая хорошенькая,—замѣтилъ Феодоръ Феодоровичъ, когда они отошли отъ дома.

— Кто, Катринка? Да, хорошеньшая и плутъ, какихъ мало. Она уже лѣтъ пять какъ служить у Нускатовъ... Я давно ее знаю.

— Вотъ ты говоришь, будто Елизавета Львовна ревнива, а какъ же, въ такомъ случаѣ, она держитъ такую хорошенькую горничную въ домѣ?

— Ну, это другая статья... Надо знать Нускату, чтобы понять, насколько онъ далекъ отъ возможности увлеченій такого рода. Онъ очень серьезный человѣкъ, и мнѣ кажется, если онъ способенъ обратить вниманіе на женщину, то развѣ только на такую, которая чѣмъ бы нибудь выдѣлялась...

— Ахъ, кстат и,— засмѣялся Денисьевъ,— правду говорятъ про тебя, будто бы ты безнадежно влюблёнъ въ Елизавету Львовну? И уже давно, нѣсколько лѣтъ? Признавайся-ка.

— Вадоръ,— вспыхнулъ Бобровъ и нахмурился, но, пройдя молча нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ добродушно улыбнулся, лицо его просвѣтлѣло и въ немъ отразилось выраженіе мечтательной задумчивости. — Впрочемъ,— заговорилъ онъ негромко и не глядя въ лицо Денисьеву,— къ чему скрывать? Съ другимъ я бы не сталъ говорить объ этомъ, но съ тобой можно, ты не похожъ на остальныхъ нашихъ зубоскаловъ... Тебѣ я, такъ и быть, покаюсь,— да, я люблю Елизавету Львовну и люблю, какъ ты вѣрно сказалъ, нѣсколько лѣтъ... Но не думай, чтобы въ моей любви было что-нибудь грязное, вульгарное... Ей-Богу, нѣтъ... Вначалѣ, какъ только мы съ нею познакомились, пожалуй, и было съ моей стороны нѣчто вроде пошлаго ухажи ванья, но, узнавъ ее ближе, я круто измѣнился и теперь я просто боготворю ее... Когда-то мнѣ довелось читать какой-то рассказъ о жрецѣ, влюбленномъ въ богиню. Вотъ я такой жрецъ... Повнимаешь, что я хочу сказать? Я восхищаюсь, люблюсь ею, и какъ женщиной, и какъ человѣкомъ, она чрезвычайно нравится мнѣ, но того, что я чувствую къ другимъ красивымъ женщинамъ, я къ ней не чувствую... У меня нѣтъ желанія обладать ею, какъ мимолетной прихотью... Вотъ если бы она согласилась ради меня бросить своего мужа, уйти со мной, какъ жена, на всю жизнь, я былъ бы безконечно счастливъ.

— Развѣ она такая хорошая женщина?.. Въ первый разъ, когда я былъ у нихъ, она не произвела на меня впечатлѣнія чего нибудь особеннаго.

— Это со всѣми такъ... При поверхностномъ знакомствѣ Елизавета Львовна можетъ показаться даже заурядной, но чѣмъ ближе ее узнаешь, тѣмъ большее и большее впечатлѣніе производитъ она... Я понимаю, что мужъ ее обожаетъ... Знать ее близко и не обожать, по моему мнѣнію, невозможно.

— Но что же въ ней такого особеннаго?

— Что особеннаго? Да какъ бы тебѣ сказать? Особеннаго, если хочешь, ничего нѣтъ, но она „человѣкъ“. Повнимаешь, „человѣкъ“? Человѣкъ, какого искалъ Діогенъ съ своимъ фонаремъ.

— Ну, это что-то слишкомъ туманно,—недовѣрчиво усмѣхнулся Денисьевъ.—Объясни, если можешь.

— Да что же тутъ объяснять? Объяснять нечего. Если у тебя имѣется въ головѣ образъ настоящаго человѣка, то Ели-

завета Львовна какъ разъ то самое и есть. Прежде всего—она удивительно справедливый и правдивый человекъ. Всякая ложь, всякая неправда ее коробитъ, но при этомъ она никогда не беретъ на себя роли обличительницы и ментора нравовъ, какъ это дѣлаютъ многія дамы, въ сто разъ хуже ея, она просто отходитъ въ сторону, какъ бы замыкается... Если ты представишь себѣ ложь въ видѣ пьяной, отвратительной женщины, нагло лѣзущей въ домъ, то Елизавета Львовна не станетъ ее гнать, бранить, укорять ее за развратный видъ, не будетъ осуждать тѣхъ, кто принимаетъ эту скверную бабу, она только запретъ двери своей комнаты, сядетъ въ уголокъ и будетъ терпѣливо ожидать, когда нахалка, наскучивъ стучать и ломиться въ запертую дверь, — уйдетъ и оставить ее въ покоѣ... Ненавидя ложь, она ненавидитъ и всякую позу... Ее очень трудно разжалобить притворными слезами и нытьемъ... Она не сочувствуетъ общественной благотворительности, разнымъ тамъ базарамъ, вечерамъ и концертамъ съ благотворительными цѣлями и очень неохотно участвуетъ въ нихъ, при чемъ не проявляетъ большой щелрости, за что здѣшнія дамы считаютъ ее скупой, черствой и чуть ли не безсердечной, но какъ это далеко отъ истины! Когда Елизаветѣ Львовнѣ приходится сталкиваться съ настоящей нуждой, — она проявляетъ такую чуткость души, такую доброту, что если бы рассказать объ этомъ въ городѣ, мало кто бы и повѣрилъ... Со мной она дружна... У насъ, разъ было одно объясненіе, какое—я не могу рассказать, но послѣ этого объясненія я точно прозрѣлъ, понялъ, какая это прекрасная женщина, и навсегда сдѣлался ея другомъ... Такъ вотъ мнѣ она довѣряетъ и благодаря этому я много знаю ея хорошихъ дѣлъ, но связанъ клятвой молчать о нихъ... Одно скажу тебѣ — во всемъ городѣ нѣтъ женщины, хоть сколько-нибудь достойной ея.

— А съ мужемъ, какъ она, хорошо живутъ?

— Прекрасно. Она обожаетъ его, считаетъ лучшимъ изъ людей, немного черезчуръ высоко цѣнить его умъ, ученость и серьезность, что на мой взглядъ немного его портитъ. Безъ этого, онъ, мнѣ кажется, больше бы цѣнилъ ее, ярче сознавалъ ея достоинства... Впрочемъ, правду надо сказать, онъ ее очень любитъ...

— Словомъ, примѣрная парочка,—засмѣялся Денисьевъ, — могла для всякихъ надеждъ на удачу въ ухаживаньи... Не такъ ли?

— Не говори пошлостей, — сердито отвѣчалъ Бобровъ, — а то я буду раскаиваться въ своей съ тобою откровенности.

— Ну, ладно, ладно не сердись, это я такъ.. Видишь ли, не въ обиду будь тебѣ сказано: глядя на тебя, какъ-то не вѣрится въ твою способность на серьезное чувство... Ты всегда такой живчикъ, балагуръ, дамскій баловень, всюду порхаешь какъ мотылекъ, цѣлователь дамскихъ ручекъ и т. д., и т. д.

— Свинья ты, Ѳедька,—засмѣялся Бобровъ,—право, свинья. Ну, да Богъ съ тобой, смѣйся, если охота есть, но только объ одномъ прошу, чтобы нашъ сегодняшній разговоръ остался между нами...

— Ну, это само собой разумѣется,—поспѣшилъ успокоить друга Денисьевъ, крѣпко пожимая ему руку...—Однако, куда же мы зашли?—спросилъ, онъ неожиданно останавливаясь и оглядываясь по сторонамъ. Было темно. Южная ночь, безъ сумерокъ, сразу, словно шапкой, покрыла землю. Тусклые фонари, далеко разставленные другъ отъ друга, слабо освѣщали улицу, погруженную въ мертвую тишину и мракъ, въ которомъ тихо шелестѣли листья невидимыхъ деревьевъ...

— Вотъ штука-то,—разсмѣялся Бобровъ,—знаешь, гдѣ мы? въ „Глухой“ улицѣ, гдѣ живетъ старый Качаловъ, вонъ и его домъ. Видишь, тамъ вдали, и по обыкновенію освѣщенъ... Наверно у Лельки цѣлое сборище... Хочешь, зайдемъ?

— Нѣтъ, къ чему, избави Богъ,—поспѣшилъ отказаться Денисьевъ,—вѣдь я даже съ ней почти что не знакомъ.

— Вотъ вздоръ!—воскликнулъ Бобровъ.—Какія церемоніи, нечего артачиться, идемъ, идемъ.

И не слушая возраженій Денисьева, Бобровъ схватилъ его за руку и почти силой потащилъ впередъ. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, хотя и упирался, но не очень энергично: въ немъ, помимо его воли, смутно забродило желаніе снова увидѣть Лелю.

VIII.

Еще нѣсколько саженой, не доходя до дома капитана, пріятели услышали громкій смѣхъ и гулъ голосовъ, рвавшихся изъ открытыхъ оконъ въ безмолвный мракъ пустынной улицы. Кто-то, очевидно зря, стучалъ клавишами піанино и онѣ издавали жалобно-болѣзненный звукъ, точно печалась на безпокойство, причиненное имъ грубой рукой.

Бобровъ подошелъ къ окну и заглянулъ въ него, Денисьевъ отошелъ шага на два въ сторону и ждалъ. Сердце его слегка замирало. Ему было и жутко, и непріятно и въ то же время

имъ овладѣвалъ порывъ радости, что вотъ-вотъ онъ снова увидитъ дѣвушку, произведшую на него такое сильное впечатлѣнiе.

— Честной компанiи миръ, совѣтъ и любовь—услыхаль Денисьевъ веселый возгласъ Боброва, на который отозвался цѣльный хоръ голосовъ, и среди нихъ Денисьевъ сразу узналъ голосъ Лели.

— Что-жъ вы не входите?—спрашивала она съ ласковымъ радушиемъ.—Идите, гостемъ будете.

— Я не одинъ, а съ товарищемъ,—отвѣчалъ Бобровъ.

— Ну такъ что-жъ, тащите и его. Кто таковъ?—полюбопытствовала Леля.

— А вотъ приведу, сами увидите,—отозвался Бобровъ. Подхвативъ Денисьева подъ руку, онъ потащилъ его въ домъ.

— Вотъ мы пришли, шли, величаво...

Шли величаво, два Аякса, вдругъ

Громка побѣды слава, слава, бѣды слава,

Нашихъ сильныхъ рукъ, на триста веретъ вокругъ,—

приплясывая пропѣлъ Бобровъ, входя въ комнату и волоча, немного сконфуженнаго такой безцеремонностью, Денисьева.

Комната была довольно велика и, какъ показалось Денисьеву, не бѣдно и со вкусомъ обставлена, но разглядывать подробно ему было некогда.

Только что они переступили порогъ, имъ на встрѣчу поднялась сама хозяйка, Елена Львовна, и, ласково улыбаясь, протянула имъ руки.

— Милости просимъ, Леонидъ Леонидовичъ, давно не видѣлись, а это кто?—спросила она, безцеремонно устремляя на Теодора Теодоровича любопытствующий взглядъ.—Ахъ, Боже мой, да мы ужъ знакомы... Не правда-ли?—Она крѣпко, по-мужски пожала руку Денисьеву, обдавая его всего искрящимся взглядомъ своихъ прекрасныхъ, большихъ глазъ.

— Знакомы?—разинулъ ротъ Бобровъ.—Когда же? Вотъ bestiaria, я и не подозрѣвалъ даже... Ну, Федька, не ожидалъ, чтобы ты такъ умѣлъ притворяться...

— Я-жъ тебѣ говорилъ, что имѣлъ честь видѣть Елену Львовну,—продолжая конфузиться, но въ то же время стараясь не показать этого, оправдывался Денисьевъ.

— Говорилъ? Ой, кажется, врешь, что-то такого разговора не помню,—покачалъ головой Бобровъ и пошелъ здороваться съ наполнявшими комнату молодыми людьми. Ихъ было пятеро. Одинъ однополчанинъ Боброва и Денисьева, слышавшій въ

полюку подь кличкой поручика Пети-Бумъ-бумъ, двое драгунъ, одинъ—корнетъ, высокій, тощій, хлыщеватый, съ моноклемъ въ глазу, извѣстный всему городу подь именемъ Сержъ, другой—штабсъ-ротмистръ Полуэктовъ, богачъ, имѣвшій цѣлую скаковую конюшню и большую часть жизньъ проводившій на ипподромахъ. Остальные двое были штатскіе, съ типичными фізіономіями молдаванскихъ помѣщиковъ, загорѣлые, черномазые, въ чечунчовныхъ курткахъ, высокыхъ охотничьихъ сапогахъ и красныхъ галстукахъ.

— Я знаю, вы разыскивали меня,—вполголоса произнесла Леля, глядя въ глаза Денисьеву,—я глядѣла въ окно, какъ вы бродили по улицѣ и озирались во всѣ стороны, какъ пудель, потерявшій хозяина.

— Сравненіе не лестное,—засмѣялся Денисьевъ,—но не въ этомъ дѣло, а отчего вы меня не окликнули?

— Я было думала, но тутъ какъ разъ вышелъ мой отецъ и заговорилъ съ вами, тогда я уже не захотѣла васъ звать.

При этомъ напоминаніи Федоръ Федоровичъ невольно намурился. Ему живо представилась невзрачная фигура отставного капитана и легкая тѣнь невольно пробѣжала по лицу молодого человѣка.

Леля, очевидно, замѣтила неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на Денисьева упоминаніемъ объ отцѣ, но она нисколько не смутилась этимъ и, продолжая ласково смотрѣть въ глаза Денисьеву, продолжала тѣмъ же невозмутимымъ тономъ.

— Я вижу, онъ вамъ сильно не понравился. Впрочемъ это не удивительно: развѣ можетъ какому-нибудь порядочному человѣку понравиться такой мерзавецъ?

Услышавъ послѣднее слово, произнесенное совершенно спокойно и просто, Денисьевъ въ изумленіи во всѣ глаза глянулъ въ лицо дѣвушки... Въ первую минуту ему показалось, что онъ ослышался, такъ странно и дико было слышать въ устахъ дочери столь рѣзкій отзывъ объ отцѣ.

— Вотъ такъ фунтъ,—невольно мысленно воскликнулъ онъ,—если она объ отцѣ такъ выражается, то какъ бы она отозвалась о постороннемъ?.. Странная дѣвушка.

Онъ пристально во всѣ глаза посмотрѣлъ на Лелю, какъ бы стараясь проникнуть въ ея душу, угадать, что она за человѣкъ, но тутъ же долженъ былъ сознать свое полное безсиліе въ разрѣшеніи этой загадки.

Она стояла передъ нимъ, прекрасная, какъ дивное произведеніе великаго художника—природы, съ немного надменнымъ выраженіемъ лица, насмѣшливой улыбкой и какимъ-то осо-

беннымъ русалочьимъ, дразнящимъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, казавшихся бездонными и непроницаемыми.

Даже въ костюмъ ея было что-то особенное, съ чѣмъ Денисьевъ раньше не встрѣчался, какая-то вызывающая, бьющая въ глаза, эффектная оригинальность. Это было не то капотъ, не то платье изъ странной, не виданной Денисьевымъ матеріи, блестящей и переливающейся золотисто-красновато-темнымъ цвѣтомъ... Денисьевъ вспомнилъ, что когда-то гдѣ-то видѣлъ змѣю, неизвѣстной породы, съ окраской, похожей на цвѣтъ этой необыкновенной матеріи. Высокій воротникъ, туго обхватывая шею дѣвушки, подпиралъ подбородокъ, а рукава, узкіе во всю длину и только у кистей рукъ расширяшіеся раструбомъ, совершенно скрывали въ густыхъ складкахъ кружевъ пальцы, отчего руки казались неестественно длинными. Золотистые волосы были зачесаны по-гречески и завязаны пышнымъ узломъ, заколотымъ большой черепаховой стрѣлой. Кромѣ маленькихъ брилліантовыхъ сережекъ, искрившихся равноцвѣтными огоньками, никакихъ другихъ украшеній не было... ни броши, ни браслетъ, ни даже колець, ничего рѣшительно. Отсутствіе золотыхъ вещей придавало всему костюму особый колоритъ, особую художественную цѣльность впечатлѣнія.

Леля по выраженію лица Денисьева угадала неотразимое впечатлѣніе, произведенное ею, и самодовольная улыбка промелькнула по ея лицу; она слегка прищурилась и, сдѣлавъ невинные глаза, произнесла:

— Однако, что-жъ это мы стоимъ одинъ противъ другого? Садитесь... Кстати, надѣюсь, вы знакомы?—повела она рукой по направленію остальной компаніи,—значить, представлять не надо... Ну, а теперь, господа,—обратилась она къ Боброву, доставивъ Денисьеву тѣмъ временемъ обмѣниваться рукопожатіями съ ея гостями,—чѣмъ прикажете угощать? Чаемъ, пуншемъ или шампанскимъ. Есть и то, и другое, и третье. Чего хотите? Чай—мой собственный, шампанское—Сержа, а пуншь—общій.

— Почему-же шампанское Сержа?—спросилъ Бобровъ.—Развѣ онъ опять проигралъ пари?

— Разумѣется,—засмѣялась Леля,—по обыкновенію онъ спорилъ и проспорилъ цѣлую поль-дюжину.

— О чемъ же былъ споръ?—полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Онъ утверждалъ, будто мнѣ не удастся обскакать Леди Макбетъ на Полуэктовскомъ Голубѣ, по той причинѣ, что Голубъ никогда въ жизни подъ дамскимъ сѣдломъ не ходилъ,

ну, я и доказала ему противное... И теперь мы пьемъ шампанское. Урра! Да здравствуетъ Голубы!

Съ этими словами Леля подняла бокаль, полный пѣны, и хотѣла поднести его къ губамъ, но Полуэктовъ съ безцеремонной фамильярностью удержалъ ея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не согласенъ,—закричалъ онъ,—хотя Голубь-мнѣ и очень дорогъ и я горячо желаю ему здоровья, но справедливость раньше всего... Побѣдой своей надъ Леди Макбетъ онъ обязанъ исключительно дивной наѣздницѣ. Итакъ, господа, я провозглашаю тостъ за нашу царицу амазонокъ, мадмуазель Элень. Урра!

— Урра!—повторили всѣ присутствующіе, поднимая бокалы.

— За belle Hélène,—дико расхохотался вдругъ одинъ изъ юнкъ помѣщиковъ,—за belle Hélène—повторилъ онъ нѣсколько разъ, очевидно очень довольный своей остротой.

Леля иронически взглянула на него.

— Форкатти, я бы вамъ совѣтовала помнить изреченіе Бисмарка, я уже вамъ его неоднократно повторяла: „Глупость есть несомнѣнно даръ, ниспосланный Богомъ, но зачѣмъ же имъ злоупотреблять?“

— А развѣ я опять сказала какую-нибудь глупость?—съ трогательной наивностью спросилъ Форкатти.

— Мнѣ кажется,—тонко съиронизировала Леля.

Всѣ громко расхохотались и громче всѣхъ добродушный Форкатти.

— Богиня,—вскликнулъ онъ, въ восторгѣ взмахивая руками.—Богиня, отъ васъ не только колкости, но я готовъ снести даже удары хлыста.

— Мнѣ почему-то кажется, что вы ихъ скоро заслужите,—небрежно бросила ему Леля и, отвернувшись, обратилась къ Сержу, фатовато развалившемуся на креслѣ.—Ну что-жъ, Сержъ, вы хотѣли рассказать мнѣ про какой-то курьезъ со смотромъ въ вашемъ полку... Рассказывайте.

Сержъ неподражаемо ловко взбросилъ монокль себѣ въ глазъ и, скрививъ лицо, дѣланно закартавилъ:

— О смотрѣ, о какомъ смотрѣ? Ахъ, да, вспомнилъ... Пре-завабный, доложу вамъ, случай, о немъ говорить весь городъ... Дѣло въ томъ, что въ нашъ городъ одновременно пріѣхали два генерала—одинъ инспектировать драгунскій полкъ, а другой—пѣхотный. Оба пріѣхали съ однимъ поѣздомъ, остановились въ одной и той же гостинницѣ и оба съ вечера назначили одинъ и тотъ же часъ для смотра своихъ частей, но только въ разныхъ концахъ города. Ну-съ, прекрасно... Насту-

паеть утро. Въ гостиницу являються адъютанты, нашъ драгунскій — „Prince Piette“ и пѣхотный—Лукоянскій... Какъ это произошло, не умѣю вамъ сказать, но только адъютанты какимъ-то неосторожнымъ образомъ перемѣшали своихъ генераловъ. „Prince Piette“ провель пѣхотнаго къ намъ, а Лукоянскій нашего къ себѣ... Вообразите, какой вышелъ изъ сего камуфлетъ. У насъ, впрочемъ, все сошло благополучно. Заблудившійся пѣхотный генераль сразу сообразилъ свою ошибку, добродушно разсмѣялся и приказаль везти себя въ пѣхотныя казармы, но у пѣхоты вышелъ съ нашимъ генераломъ настоящее, какъ говорятъ, ки-про-ко. На бѣду онъ оказался близорукимъ и, издали не разглядѣвъ формы обмундирования, но замѣтивъ, что люди не на коняхъ, какъ онъ распорядился, съ мѣста, съ пѣной у рта, набросился на командира полка.

— Почему вы, полковникъ, вывели полкъ въ пѣшемъ строѣ?.. Кто вамъ приказаль?

— Какъ же было иначе, ваше п—во?—растерялся тотъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— А такъ, какъ я приказываль, на лошадахъ, мнѣ пѣшій строй вашъ не нуженъ, я на вашъ пѣшій строй плевать хочу... Мнѣ лошадей подайте, лошадей-съ, г-нъ полковникъ, лошадей-съ.

— Но, ваше п—во, у насъ лошадей нѣтъ-съ,—ошеломленный генеральскимъ крикомъ, еле-еле пролепеталь полковникъ, недоумѣвая, о какихъ лошадахъ говоритъ генераль.

Теперь пришла очередь изумляться генералу.

— Какъ нѣтъ лошадей? Гдѣ же ваши лошади? Куда вы ихъ дѣли?

— Никуда-съ, онѣ въ конюшнѣ. Я не ожидалъ, что ваше п—во пожелаете первымъ долгомъ смотрѣть обозныхъ лошадей... Разрѣшите, я прикажу ихъ вывести...

— Затѣмъ мнѣ обозныхъ,—заволновался генераль,— мнѣ строевыхъ подайте... строевыхъ... Понимаете-ли, полковникъ, строевыхъ, что вы смѣтаетесь надо мной, шутите что ли?..

— Но, ваше п—во...

— Никакихъ но, потрудитесь исполнять, что приказываютъ..

Окончательно растерявшійся полковникъ не зналъ, что ему дѣлать, но въ эту минуту разсерженный генераль пристальнѣй взглянулъ на него... Взглянулъ, да такъ и ахнулъ, только теперь замѣтивъ, что на полковникѣ не драгунскій мундиръ, а пѣхотный... Онъ чуть языка не лишился, открылъ глаза и смотреть и тотъ на него смотреть... Глядятъ въ глаза другъ

другу и только мигаютъ, слова произнести не могутъ—такъ это ихъ обоихъ опарашило.

— Экое вранье-то,—воскликнула Леля,—ну кто вамъ повѣрить, чтобы такая чепуха могла быть въ дѣйствительности?

— Честное слово, правда,—увѣрялъ Сержъ,—вотъ хоть ихъ спросите,—указаль онъ на Денисьева и Боброва,—они сами были на смотре.

Леля вопреительно взглянула на Денисьева.

Тотъ чуть-чуть покраснѣлъ и, нерѣшительно улыбаясь, заговорилъ.

— Оно, дѣйствительно, не совсѣмъ такъ было, какъ вы рассказываете. Вашъ генераль дѣйствительно пріѣхаль къ намъ на плацъ, но вовсе не потому, что его ошибкой завезли къ намъ, а нарочно, повидаться съ нашимъ командиромъ полка, такъ какъ они родственники: женаты на двухъ родныхъ сестрахъ...

— А какъ же вашъ генераль попалъ къ намъ?—спросилъ Сержъ.—Если они не перепутались, то зачѣмъ вашему инспектирующему было ѣздить къ другимъ?

— Онъ, насколько мнѣ извѣстно, былъ послѣ вашего смотра, отдавалъ визитъ вашему командиру, а изъ этого вывели цѣлую исторію. Вѣдь вы сами должны были это знать... Развѣ вы на на вашемъ смотре не были?

— Нѣтъ, я былъ въ Одессѣ и только вчера вечеромъ вернулся, а смотръ былъ утромъ... Значить, мнѣ наврали?

— Или вы сами выдумали,—перебила его Леля,—вѣдь вы извѣстный фабрикантъ всѣхъ городскихъ сплетень... Кстати, что еще новаго?

— Новаго?—вмѣшался Полуэктовъ,—да ничего рѣшительно... Ахъ нѣтъ, впрочемъ, есть одна новость—Афанасопуло купилъ новую четверку лошадей. Ему Шульмееровскіе „Бѣлогривы“ спокойно спать не давали, {онъ все мечталъ затмить ихъ, да все не удавалось...

— А развѣ теперь удалось?—спросила Леля.—Я сама этихъ лошадей еще не видѣла, но слыхала о нихъ отъ очевидца—самыя обыкновенныя лошади—буланья съ черными гривами и хвостами, такой масти лошадей сколько угодно.

— Если, божественная Елена Львовна, вамъ такъ говорили, то тотъ, кто сказалъ или самъ не видалъ этихъ лошадей, или умышленно сбреднулъ... Я самъ ѣздилъ сегодня утромъ къ Афанасопуло и, признаюсь, опеломленъ... Такой масти я еще не встрѣчалъ, если только онѣ не подкрашены... Вообразите себѣ слегка обкуренную пѣнку, при чемъ спины немного тем-

нѣе, бока и животъ свѣтлѣе, а ноги и головы совсѣмъ темны... Однимъ словомъ, точь-въ-точь, какъ на пѣнковыхъ трубкахъ... При этомъ сложены идеально, настоящіе арабы, нервныя, сухіе, съ лебедиными шеями, глаза, какъ серпъ, и ноздри, какъ кумачъ... Дивныя лошади и на мой взглядъ Бѣлогривы имъ подъ пятку не годятся... Вотъ увидите, какой будетъ эффектъ, когда Афанасопуло выѣдетъ на нихъ кататься... Онъ хочетъ запрягать ихъ въ шоры, цугомъ, чтобы не скрывать ремнями сбруи ихъ формъ... Жаль только одного, хвосты придется обрѣзать, а хвосты у нихъ, какъ у арабовъ, пышные, на отлетѣ.

— Дорого даль?—освѣдомился Пети Бумъ-бумъ.

— Говорить, будто бы двадцать тысячъ, но я, грѣшный человѣкъ, не вѣрю этому.

— Разумѣется, вретъ, — замѣтила Леля. — Афанасопуло скупъ, какъ... какъ...

— Какъ грекъ,—подсказалъ Полуэктовъ,—этимъ все сказано. Трудно допустить, чтобы онъ далъ такія деньги за лошадей.

— Тутъ не въ лошадяхъ дѣло,—вмѣшался Бобровъ,—а въ самолюбіи. Афанасопуло и Шульмееръ во всемъ и всегда соперничаютъ другъ съ другомъ; сколько они оба изъ-за этого соперничества денегъ зря побросали... И вѣдь что удивительно, оба скупые, а ни тотъ, ни другой не хочетъ уступить... Особаго рода говоръ.

Въ эту минуту дверь стремительно распахнулась и на порогъ появилась уже знакомая фигура калитана. При его появленіи, всѣ замолкли. Леля угрюмо нахмурилась и строго посмотрѣла въ лицо отцу.

— Миръ вамъ и я къ вамъ,—слегка заискивающимъ голосомъ, громко проговорилъ Качаловъ и, пошатываящейся походкой, двинулся впередъ, съ упорствомъ пьянаго человѣка, не желающаго считаться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ производитъ на окружающихъ. Онъ былъ сильно навеселъ, но одѣтъ приличнѣе и чище, чѣмъ тотъ разъ, когда Денисьевъ встрѣтился съ нимъ. Даже борода и волосы были подстрижены, но лицо отъ того не стало благообразнѣе; напротивъ, Денисьеву показалось, будто оно еще больше опухло, а носъ изъ синебагроваго сталъ ярко-пунцовый. По всему было видно, что Качаловъ пьетъ запоемъ, пьетъ давно, упорно, безъ просыпу. Запилъ онъ вскорѣ послѣ того, какъ былъ у Шульмеера и получилъ отъ него пачку денегъ. Отдавъ половину изъ нихъ Лелѣ, онъ остальную спряталъ въ укромное, ему одному извѣстное мѣсто, и съ этого дня началъ все чаще и чаще.

отлучаться изъ дому... Съ каждымъ днемъ онъ пилъ все сильнѣй, ожесточеннѣй... Изъ спрятанныхъ денегъ оставалось уже немного и это какъ бы еще больше распаяло жажду отставного капитана.

Ни жена, ни дочь ни единымъ словомъ не вмѣшивались въ его образъ жизни, предоставивъ ему дѣлать что угодно; онъ объ глядѣли на него, какъ на пропащаго человѣка и въ душѣ были совершенно равнодушны, особенно жена, которая цѣлыми днями молча и неподвижно сидѣла у себя въ комнатѣ, ко всему апатичная, какъ бы уже на половину уснувшая.

— Зачѣмъ вы пришли?—строго спросила Леля, мѣрая отца съ головы до ногъ холодно-враждебнымъ взглядомъ, — идите къ себѣ спать.

— Я уже выспался,—буркнулъ въ отвѣтъ Качаловъ,—не-чего меня укладывать, не младенецъ.

Онъ говорилъ умышленно грубымъ тономъ, но въ то-же время старательно избѣгая смотрѣть въ глаза дочери. Явно было, что онъ ея боится, хотя и не хочетъ открыто сознаться въ этомъ.

Леля сердито передернула плечами, но промолчала.

Капитанъ еще разъ всѣмъ раскланялся, но руку протягивать не рѣшился, и затѣмъ, подойдя къ столу, налилъ себѣ стаканъ пунша.

— За ваше здоровье, господа,—произнесъ онъ среди всеобщаго молчанія и съ наслажденіемъ принялся тянуть крѣпкій напитокъ, не отрывая губъ отъ краевъ стакана, пока не выпилъ его весь до дна.

— Хорошая штука, — крикнулъ онъ и, обтеревъ ладонью усы, откинулся съ самодовольнымъ видомъ.

Въ эту минуту глаза капитана встрѣтились съ глазами Денисьева, смотрѣвшаго на него съ нескрываемымъ омерзѣніемъ.

— А, старый знакомый,—закричалъ Качаловъ и лицо его расплылось въ пьяную улыбку,—вотъ неожиданная встрѣча... Очень радъ, очень радъ... Кстати,—вспомнилъ онъ и въ его заплывшихъ, выдвѣтшихъ глазахъ сверкнуло затаенное, злое чувство,—кстати,—повторилъ онъ,—я вѣдь вашъ должникъ... Вотъ хорошо, что мы встрѣтились... По крайней мѣрѣ, рассчитаемся... Ты знаешь, Лелюшка,—обратился онъ съ невиннымъ видомъ къ дочери,—господинъ поручикъ былъ такъ любезенъ далъ мнѣ однажды въ долгъ три рубля... Теперь я могу расплатиться... Извольте получить.

Говоря такъ, Качаловъ полѣзъ въ карманъ и, вытащивъ

скомканную, засаженную трехрублевую бумажку, протянул ее Денисьеву. Тот инстинктивно отшатнулся, съ брезгливымъ ужасомъ глядя на потную, грязную руку капитана, съ черными ногтями и красными, одеревенѣлыми пальцами.

— Отстаньте вы съ вашими деньгами,—воскликнулъ онъ,— прежде всего, я давалъ вамъ не займы... а во вторыхъ, вы получили отъ меня рубль, а не три.

— Нѣтъ, три, я отлично знаю, что три,—запѣтушился капитанъ.—Что это значитъ? Вы отказываетесь получить обратно долгъ, это оскорбительно... Я не нищій и по улицамъ не христарадничаю... Я у васъ занялъ, какъ равный у равнаго, и требую принять мой долгъ...

— Но, повторяю, вы ошибаетесь, я вамъ далъ всего рубль, а не три.

— Неправда, три, — настаивалъ капитанъ, суя деньги въ руки недоумѣвающему Денисьеву,—я отлично помню, что три, и вы не смѣете отказываться... Лелюшка, — обернулся онъ къ дочери,—что же это значитъ? Скажи хоть ты, чтобы онъ взялъ.

— Мосье Денисьевъ,—заговорила Леля, внимательно вглядываясь въ лицо Θεодора Θεодоровича, — если отецъ у васъ занялъ деньги, то вы не вправѣ отказываться получить отъ него обратно его долгъ вамъ.

— Но, Елена Львовна,—змолился Денисьевъ,—войдите въ мое положеніе... Я даю вамъ слово, что далъ только рубль. Вашъ отецъ или не помнитъ, или нарочно хочетъ поставить меня въ нелѣпное положеніе... Если онъ не желаетъ брать подачекъ отъ меня, то мнѣ и подавно не пристало брать отъ него...

— Ахъ, вотъ оно что,—многозначительно протянула Леля,— понимаю... Папаша, позвольте деньги.

Капитанъ, невольно, инстинктивно повинуваясь строгому голосу дочери, протянулъ ей трехрублевку. Леля взяла ее кончиками пальцевъ и съ брезгливой гримасой поднесла ее къ огню свѣчки. Бумажка разомъ вспыхнула.

— Что ты дѣлаешь?—вскричалъ капитанъ, порываясь вырвать деньги изъ рукъ дочери, но было уже поздно: сильно просаленная бумажка сгорѣла почти мгновенно. Леля сдунула пепелъ съ пальцевъ и спокойно договорила.

— Теперь, когда споръ конченъ, я еще разъ убѣдительно прошу, уходите... Вы намъ мѣшаете.

Капитанъ, котораго гибель трехрублевки привела въ бѣшенство, злобно сверкнулъ глазами и, задыхаясь, прохрипѣлъ, являя пальцемъ:

— У, змѣя подколодная, погоди, дай время, тебѣ скоро скоро хвостъ прищемать... Я шель къ тебѣ по хорошему, предупредить тебя, предостеречь, а ты вотъ какъ! Ну, ладно же, припомнишь... Я ничего не скажу...

Онъ круто повернулся и заковылялъ къ двери, но, дойдя до дверей, остановился, оглянулся назадъ и, съ выраженіемъ злобнаго, пьянаго торжества въ лицѣ, громко крикнулъ:

— Фальшштейнъ арестованъ въ Петербургѣ! Поздравляю!

При этихъ неожиданныхъ словахъ, Леля вдрогнула всѣмъ тѣломъ. Легкая блѣдность покрыла ея лицо, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она произнесла, повидимому, совершенно спокойно:

— А мнѣ какое дѣло, онъ мнѣ не свать, не братъ и не женихъ... Арестованъ, такъ арестованъ, меня это не касается.

— Будто бы,—прищурился капитанъ и многозначительно улыбнулся.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но случайно встрѣтившись взглядомъ съ гнѣвно-сверкнувшими глазами дочери, вдругъ разомъ съежился, понурилъ голову и торопливо шмыгнулъ за дверь.

— Кто это Фальшштейнъ?—освѣдомился Сержъ.—Не madame Шульмееръ братъ?

— Тотъ самый,—объяснила Леля.

— За что же онъ арестованъ?

— О немъ ходили слухи, будто бы онъ сильно замѣшанъ въ революціонной пропагандѣ, — отвѣчала Бобровъ, всегда лучше всѣхъ освѣдомленный обо всемъ, касающемся городской жизни.—Одно время онъ былъ высланъ изъ Петербурга и жилъ подъ надзоромъ полиціи... Но потомъ говорили, будто это была административная ошибка, и что Фальшштейнъ заподозрѣнъ напрасно... Если извѣстіе объ его арестѣ подтвердится, значить слухи объ его неблагонадежности были правильны...

— Ну, и чортъ съ нимъ, правильны, такъ правильны, охота о какомъ-то жидѣ толковать, нашли разговоръ,—презрительно воскликнула Леля,—говорите лучше о чемъ-нибудь другомъ...

— Что касается меня,—посмотрѣлъ Бобровъ на часы,—то мнѣ домой пора... Завтра рано вставать, на ученье идти...

— Вадоръ, вадоръ,—завопилъ Форкатти и вдругъ запѣлъ:

Отъ бессонныхъ ночей голова не болитъ,
А болитъ у того, кто не пьетъ ничего...

— Въ такомъ случаѣ у васъ никогда не заболитъ,—сердито осадилъ его Леля.

— Разумѣется, никогда,—согласился Форкатти.

Денисьевъ поднялся вмѣстѣ съ Бобровымъ. Ему было не по себѣ. Леля замѣтила это и не стала удерживать.

— Вамъ у меня не понравилось?—шепнула она, провожая его до дверей.

— Признаюсь, да,—со спокойной откровенностью отвѣчала Денисьевъ, — мнѣ кажется, что ни общество, ни тѣмъ болѣе способъ проводить время не достойны васъ... Простите за откровенность.

— Ничего, я люблю людей откровенныхъ, — улынулась Леля.—Приходите какъ-нибудь одни, когда у меня никого не будетъ, мнѣ хочется потолковать съ вами кое о чемъ и я надѣюсь, что вы тогда правильнѣй будете судить обо мнѣ. Приходите же, смотрите, я буду ждать.

Вмѣсто отвѣта, Теодоръ Теодоровичъ почтительно поклонился и, еще разъ пожавъ крѣпко протянутую руку Лели, поспѣшилъ догнать ушедшаго впередъ Боброва.

— Ну, что?—спросилъ тотъ, когда Денисьевъ догналъ его.—Какъ тебѣ понравилось?

На этотъ вопросъ Теодоръ Теодоровичъ только пожалъ плечами, но ничего не отвѣтилъ.

IX.

Капитанъ Качаловъ уже съ недѣлю, какъ пересталъ пить. У него было свойство натуры, послѣ сильныхъ и продолжительныхъ загуловъ, нѣсколько дней не касаться водки, и чѣмъ продолжительнѣй былъ загулъ, тѣмъ дольше длилось воздержаніе капитана. Въ эти періоды онъ, если и пилъ, то только пиво и дешевое бессарабское вино, не производившее на его голову никакого впечатлѣнія.

Впрочемъ, дома онъ все-таки же не сидѣлъ, а слонялся по разнымъ городскимъ вертепамъ, съ утра до ночи переполненнымъ всякимъ сбродомъ: евреями, перекупщиками, цыганами, ворами, конокрадами, поставщиками живого товара, контрабандистами и т. п. темнымъ людомъ, среди которыхъ у Качалова было много пріятелей. Оффиціальное положеніе капитана среди всего этого люда было—ходатая по дѣламъ у мировыхъ судей и составителя всякаго рода бумагъ и прошеній, въ чемъ онъ имѣлъ большой навыкъ и даже нѣчто вродѣ таланта. Но помимо этихъ занятій, дававшихъ ему скудный заработокъ и обильное угощеніе, Левъ Львовичъ промышлялъ

и другими дѣлами не столь невиннаго характера, но такъ какъ никогда еще до сей поры ни въ чемъ и ни разу не былъ уличенъ, то столкновенія съ правосудіемъ еще не имѣлъ и находился только на замѣчаніи у полиціи, не выпускавшей его изъ-подъ своего негласнаго наблюденія. Впрочемъ, полиція въ К. была настоящая провинціальная, проникнутая патриархальными традиціями. Суровая и строгая къ прїѣзжающимъ въ городъ на базаръ мужикамъ, раболѣпно-почтительная передъ богатыми и чиновными, снисходительно-добродушная къ мошенникамъ всѣхъ профессій и отбѣнковъ.

Съ такой полиціей можно было легко уживаться и Качаловъ чувствовалъ себя съ нею какъ нельзя лучше.

Была суббота. День склонялся къ вечеру и благодаря тому, что всѣ евреи сидѣли у себя по домамъ, городъ казался вымершимъ. Почти всѣ лавки и корчмы были закрыты и только изрѣдка кое-гдѣ попадались гостепривно отворенныя двери торговыхъ заведеній, содержимыхъ греками и рѣже молдаванами.

Только въ извѣстные часы по субботамъ, проходя по безлюднымъ улицамъ К. и приглядываясь къ его временному вымиранію, можно было дать себѣ ясное представленіе, какой силой являлись въ немъ евреи. Съ прекращеніемъ ихъ дѣятельности—прекращалась всякая жизнь и городъ, точно въ сказкѣ, цѣпенѣлъ въ безмолвномъ спокойствіи. Въ цѣлыхъ кварталахъ нельзя было купить ни фунта хлѣба, ни коробки спичекъ, и за самой необходимой необходимой вещью надо было бѣжать за тридевять земель и платить втридорога, такъ какъ многіе продавцы-христіане, по преимуществу греки, пользуясь отсутствіемъ всемогущей еврейской конкуренціи, спѣшили вознаграждать себя съ лихвой за лишеніе большихъ барышей въ обыкновенные дни.

Особенно хорошо работали корчмы, такъ какъ по городу шаталось много празднаго люда, а кабаковъ, открытыхъ для торговли, было мало.

На одной изъ окраинъ города, въ глухомъ и пустынномъ переулкѣ, помѣщалась грязная корчма, надъ дверью которой красовалась вывѣска съ вовсе не подходящимъ названіемъ: „Прекрасныя Афины“.

Содержалъ эту корчму грекъ Атанасъ и во всемъ городѣ не было притона съ болѣе плохой репутаціей, чѣмъ „Прекрасныя Афины“, служившія мѣстомъ сборища для всякаго темнаго люда. Близость заставы, за которой, пройдя только небольшое поле, начинался густой лѣсъ, особенно благопріят-

ствовала посѣщенію корчмы разбойниками, конокрадами, грабителями и тому подобныиъ народомъ, собиравшимся сюда утолять голодь, проигрывать и проигрывать въ карты и кости награбленное добро и сговариваться для новыхъ преступлений; но такъ какъ днемъ продѣлывать все это было не такъ удобно, какъ ночью, то поэтому жизнь въ корчмѣ начиналась съ вечера, а къ разсвѣту замирала. Днемъ рѣдко посѣщали „Прекрасныя Афины“, развѣ забредеть какой-нибудь случайный бродяга или мужичекъ изъ дальней деревни, не знающій о ея дурной славѣ, заѣдетъ выпить кружку вина и купить пачку „стамбульской махорки“.

Въ одинъ изъ такихъ безлюдныхъ часовъ, когда въ корчмѣ кромѣ самага хозяина, огромнаго, одноглазаго мужчины, дремавшаго за стойкой, въ неуклюжихъ креслахъ, находилось всего только двое посѣтителей, уныло сидѣвшихъ по угламъ комнаты, за отдѣльными столиками, отставной капитанъ Качаловъ вошелъ въ „Прекрасныя Афины“ и, внимательно осмотрѣвшись, неторопливой походкой направился въ дальній уголъ, гдѣ сидѣлъ [пожилой, бритый человекъ, одѣтый въ какія-то лохмотья.

Увидя подходившаго Качалова, оборванецъ поднялъ голову и, скрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, проговорилъ сильнымъ голосомъ, изобличавшимъ въ немъ безнадежнаго алкоголика.

— Что-жъ это вы, ваше высокородіе, такъ замѣшкались, я уже и ждать пересталъ.

— Дѣло было,—угрюмо буркнулъ капитанъ и, опустившись рядомъ на скамью, спиной къ двери, громко стукнулъ ладонью по столу.

— Вина!—звчнымъ голосомъ рявкнулъ онъ.

Грязный и черный, какъ навозный жуечекъ, худой, какъ скелеть, и болѣзненный на видъ, мальчишка-греченокъ торопливо принесъ большой глиняный кувшинъ и два засаленныхъ стакана.

Капитанъ собственноручно разлилъ вино и придвинувъ одинъ стаканъ оборванцу, другой себѣ—облокотился на столъ обими локтями, понурилъ голову и произнесъ отрывисто, глядя внизъ.

— Ну?

— Что „ну“? — какъ-бы поддразнивая его, переспросилъ оборванецъ, жадно хватаясь за вино,—не нукай, не запрөгъ еще. Ты вотъ что, ваше высокородіе, брось эту манеру, не

нравится она мнѣ, что ты все срыва да съ сердцемъ... Ты по хорошему, по великатуному...

Онъ явно ломался, нарочно говоря престонароднымъ жаргономъ.

— Я тебѣ дамъ по „великатуному“,—сверкнувъ глазами, крикнулъ капитанъ,—говори сейчасъ, зачѣмъ вызвалъ меня сюда, или я тебѣ, мерзавцу, этимъ самымъ кувшиномъ всю морду раскроваю... Понялъ?

Онъ угрожающе поднялъ и приамахнулся на оборванца тяжелымъ кувшиномъ. Тотъ струсиль и робко-зайскивающимъ голосомъ зашепталъ.

— Ну, полно, ваше высокородіе, полно, уже и разсердился... Какой горячій, сейчасъ видать, военная косточка...

— А тебя сейчасъ видать, крапивное сѣмя,—презрительно усмѣхнулся капитанъ,—мелешь-мелешь языкомъ, что жерновомъ, а никакого толку, говори короче, коли есть; что говорить.

— Кабы не было, развѣ бы я осмѣлился васъ обезпокоить,—засмѣялся оборванецъ и, наклонясь всѣмъ тѣломъ впередъ, тихо и бояливо прошепталъ:

— Фальшштейнъ въ Петербургъ арестованъ. Слыхали?

— Эка новость,—расхохотался капитанъ,—я объ этомъ десять дней тому назадъ зналъ.

— Знали? Отъ кого?—разочарованнымъ тономъ спросилъ оборванецъ,—впрочемъ не въ этомъ дѣло. Знали, такъ знали... Ну, а еще что вамъ по этому дѣлу вѣдомо?

— Еще? Еще пока ничего.

— Такъ-съ,—самодовольно осклабился оборванецъ,—стало быть, ничего-съ... Ну, въ такомъ случаѣ мы можемъ вамъ кое что сообщить... Фальшштейнъ бѣжалъ и теперь находится здѣсь.

— Здѣсь?—изумился капитанъ.—Какимъ образомъ?

— Какимъ образомъ, я этого не знаю, да, признаюсь, меня это мало заботитъ. Бѣжалъ такъ бѣжалъ—его дѣло, а вотъ о чемъ я хочу спросить ваше высокородіе, что вы сказали бы, если-бы я предложилъ вамъ пятьсотъ рублей.

— Пятьсотъ?—задумчиво сморщилъ брови Качаловъ.— А за что?

— Помогите мнѣ захватить Фальшштейна и сдать его жандармамъ, но такъ, чтобы по крайней мѣрѣ первые три-четыре дня никто бы не зналъ.

— Кто платитъ деньги?

— Афанасопуло.

— Афанасопуло? — изумился Качаловъ. — Этого-то при чемъ? Ему какая забота?

— Длинная исторія. Видите-ли, когда Фальшштейнъ бѣжалъ, губернаторъ призвалъ къ себѣ Шульмеера и спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ его родственникъ и не находится ли онъ гдѣ-нибудь въ окрестности города. Шульмееръ поклялся, что Фальшштейна не только нѣтъ здѣсь, но что ему, Шульмееру, достоверно извѣстно, будто бы Фальшштейнъ бѣжалъ черезъ Финляндію въ Америку, о чемъ онъ ему самъ сообщилъ телеграммой. Въ подтвержденіе своихъ словъ Шульмееръ даже телеграмму показалъ губернатору, полученную имъ будто-бы изъ какого-то приморскаго города Финляндіи... Губернаторъ повѣрилъ и донесъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Афанасопуло пронюхалъ какъ-то, что Фальшштейнъ тутъ, и пришло ему на мысль захватить его и выдать жандармамъ. Этимъ онъ первымъ долгомъ докажетъ свою преданность русскому правительству, что ему, какъ греческому подданному, очень важно, а второе—подрѣжетъ своего врага и конкурента Шульмеера, скомпрометировавъ его передъ губернаторомъ и русской властью.

— Гм... вотъ оно что,—покачалъ головой капитанъ,—теперь и я понимаю, въ чемъ штука. Что-жь,—продолжалъ онъ,—я не прочь, готовъ содѣйствовать, но чтобы мнѣ быть совершенно въ сторонѣ.

— Разумѣется,—поспѣшилъ подтвердить оборванецъ,—ваша помощь должна заключаться лишь вотъ въ чемъ. Вы должны выслѣдить его и указать намъ, а мы уже сѣмъ захватить его. У меня такой планъ: затѣять ссору, драку и потомъ потащить его въ участокъ, будто жаловаться на буянство, а тѣмъ временемъ дать знать Афанасопуло, а тамъ ужъ его дѣло, самому пріѣхать или жандармскому офицеру сообщить. Ловко придумано?

— Ловко,—согласился капитанъ,—но гдѣ мнѣ его выслѣдить?

— Онъ скрывается въ цыганскомъ таборѣ и иногда бываетъ здѣсь... Я бы самъ его выслѣдилъ, но плохо знаю въ лицо, боюсь ошибиться. Вамъ-же онъ, какъ мнѣ извѣстно, хорошо знакомъ... Вы его въ разныхъ костюмахъ видали—не ошибетесь, я думаю.

— Разумѣется, не ошибусь, только бы увидеть. Но странно, почему онъ не бѣжитъ за границу?

— Должно, какія-нибудь дѣла задерживаютъ, или ожидаютъ, когда на границѣ немного успокоится... Теперь тамъ о

его побѣгъ уже извѣстно и, на первыхъ порахъ, караулять во всѣ глаза, а пройдетъ мѣсяць, надзоръ поослабнетъ—онъ и прошмыгнетъ.

— Пожалуй, такъ. Ну, стало быть, что-жъ мнѣ надо дѣлать?

— Да пока что, почаще навѣдываться сюда и выжидать. Я тоже тутъ буду околачиваться. Придетъ онъ, ты мнѣ и укажи—вотъ молъ онъ,—а ужъ тамъ видно будетъ. Ежели нельзя будетъ тогда же устроить облаву, въ другой разъ устроимъ... Главное дѣло—выслѣдить. По рукамъ?

— По рукамъ? А деньги когда и какъ?

— Деньги получишь отъ меня. Надѣюсь, вѣришь?

— Въ нашемъ дѣлѣ безъ довѣрія нельзя,—усмѣхнулся капитанъ,—хоть плачь, да вѣрь... Вѣрю, чортъ съ тобой...—заключилъ онъ, сильно хлопнувъ рукой по ладони оборванца.

Ө. Ө. Тютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Манчжурскій вопросъ. ¹⁾

Въ послѣднее время въ повременной печати по поводу судьбы Манчжуріи или совсѣмъ ничего не пишутъ, или же весьма осторожно, почти робко намекаютъ на возможность оставленія нами этого края, южная часть котораго послужила недавно ареной кровавой борьбы двухъ государствъ. Правда, борьба эта велась въ сущности не изъ-за южной Манчжуріи и даже не изъ-за Портъ-Артура съ Квантунской областью, на занятіе которыхъ нами послѣ побѣдоносной войны Японіи съ Китаемъ первая имѣла полное основаніе выразить свое неудовольствіе. Но вѣдь кому же охота докапываться до корня вещей, до глубокихъ историческихъ причинъ только что закончившейся кровавой распри? Хлесткія статьи по поводу манчжурской эпопеи, въ которыхъ мы бичуемъ сами себя, оплевываемъ себя, забрасываемъ грязью все намъ родное, не стараемся найти истинную причину несчастья, а сваливая все на лицъ, вродѣ Безобразова e tutti quanti, которыя вовсе не играли первой роли во всемъ этомъ грустномъ дѣлѣ. Эти хлесткія статьи мы читаемъ нарасхватъ; статьи серьезныя, характера нетенденціознаго, обречены остаться въ журналахъ неразрѣ-

¹⁾ Русское дѣло на Дальнемъ Востокѣ слѣдуетъ отстоять во что бы то ни стало, независимо отъ какихъ бы то ни было партійныхъ программъ: это дѣло общее, государственное и притомъ относящееся до внѣшней политики по преимуществу. Мнѣ хотѣлось бы, конечно, чтобы мои взгляды встрѣтили сочувствіе и поддержку; но уже и то будетъ большимъ успѣхомъ, если статью прочтутъ и обсудятъ. Можетъ быть, я и не правъ, заблуждаюсь, ошибаюсь. Но мой голосъ, голосъ мѣстнаго обывателя, такъ сказать, очевидца—долженъ же быть выслушанъ. Не до скончанія же вѣка окраинные вопросы будутъ рѣшаться на основаніи предвзятыхъ соображеній, создавшихся въ отдаленныхъ центрахъ, имѣющихъ или крайне туманное, или просто превратное понятіе объ окраинахъ, о нашихъ тамъ задачахъ, о нуждахъ тамошнихъ обывателей, лишенныхъ права отстаивать свои интересы въ международной Думѣ?

Не ставьте, господа, мнѣ въ упрекъ, что я, быть можетъ, расхожусь съ вами въ политическихъ убѣжденіяхъ. Есть нѣчто выше, нѣчто такое, что должно быть дороже всего, ради чего можно поступиться и партійной тактикой, и партійной нетерпимостью. Все, что ко благу родины,—хорошо, что во вредъ—должно быть отвергнуто. *Асторъ.*

занymi. Таковъ историческій моментъ. Мы живемъ сейчасъ неадекватной жизнью. мы горимъ. Мы сознательно прожигаемъ свою жизнь, задавшись цѣлью въ одинъ годъ пережить два столѣтія. Такова ужъ славянская натура. Что намъ исторія, что намъ наука? Спокойно и объективно мы мыслить не умѣемъ. Надъ нами властвуетъ чувство, и мы ему отдаемся всецѣло. Мы готовы въ полгода пережить пять-шесть революцій, для которыхъ французамъ, народу, кажется, наиболѣе экспансивному, все же потребовалось бы лѣтъ двѣсти. И вотъ, когда въ насъ заговорило чувство, рассудокъ молчитъ: мы мчимся, какъ въ бѣшеной скачкѣ—безъ оглядки назадъ, не задумываясь серьезно о будущемъ и ужъ совсѣмъ забывая о прошедшемъ. Разумъ—это потомъ. Вотъ погодите, наскачемся, натворимъ ворохъ всякихъ несуразностей, тогда начнемъ одумываться. А подъ горячую руку намъ никто не попадается. Придетъ время—успокоимся, начнемъ почесывать у себя въ затылкѣ, тогда съ нами можно и серьезно поговорить. Это ужъ у насъ въ характерѣ.

И слава Богу, что вершить судьбу Манчжуріи придется не сейчасъ, а когда страсти поулягутся, взволновавшееся море нѣсколько успокоится и періодъ стихійныхъ беспорядковъ придетъ къ концу. Вѣдь только при этихъ условіяхъ можетъ собраться на совѣщаніе наше высшее законодательное учрежденіе, которое и обсудить,—можетъ быть, даже въ первую очередь, — какъ намъ поступить съ Манчжуріей. Въ запальчивости и раздраженіи можно, конечно, рѣшать всякіе вопросы, но здравое рѣшеніе въ этомъ случаѣ можетъ получиться только совершенно случайно; въ спокойномъ же состояніи человѣку свойственно обдумывать вопросъ и долго, и добросовѣстно, прежде чѣмъ изречь сужденіе. Основательно, слѣдовательно, ожидать, что и Дума наша вопросъ относительно Манчжуріи обсудитъ тщательно, принявъ во вниманіе и тѣ денежные средства, которыя на нее затрачены, и тѣ сотни тысячъ жизней, которыми родина наша заплатила за этотъ край,—и, можетъ быть, однѣ эти грандіозныя жертвы будутъ служить достаточнымъ аргументомъ за то, чтобы рѣшиться удержать этотъ край за собой.

Надо думать, надо вѣрить, надо надѣяться, что въ этомъ высокомъ учрежденіи соберутся люди, искренно любящіе свою родину, которые возьмутъ на себя тяжелую задачу законодательства только тогда, когда убѣдятся въ собственной своей подготовленности. И вотъ, когда наконецъ вопросъ о Манчжуріи будетъ обсуждаться не въ кабинетахъ архаическихъ канцелярій, а передъ лицомъ всего народа, имѣющаго право потребовать отчетъ, куда, зачѣмъ и почему истрачено столько его денегъ, загублено столько жизней,—тогда, надо вѣрить, настанетъ конецъ всѣмъ этимъ разнорѣчивымъ проектамъ, возникавшимъ въ головахъ разныхъ начальниковъ канцелярій, изъ которыхъ одни не были совсѣмъ въ Манчжуріи, другіе изучали ее только изъ окна вагона, совершая командировочную повѣзку для ознакомленія съ вопросомъ на мѣстѣ. И вѣдь

надо только подумать, на какой почвѣ — на почвѣ личныхъ расчетовъ, личныхъ выгодъ, мелкаго самолюбія, интригъ, коварства, зависти и злобы возникали эти государственные проекты. Люди боролись изъ-за власти, изъ-за вліянія, изъ-за карьеры... А родина, ея выгоды, ея интересы—гдѣ они? Думали-ли о нихъ, сообразовались-ли съ ними?

И, прежде всего, кто вѣдалъ эти вопросы, кто составлялъ эти проекты? Отъ кого зависѣло повернуть дѣло въ ту или другую сторону? Принимались-ли въ соображеніе интересы государственные, народные, или же больше вѣсу имѣли личные, частные расчеты, интересы отдѣльной кучки людей? Вѣрно-ли, справедливо-ли, что г.г. Безобразовы и К^о, какъ это въ рядѣ статей въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ доказывалъ г. Гурьевъ, стараясь выгородить Витте,—имѣли первенствующее вліяніе на дѣла Дальняго Востока? Все это, конечно, очень важно, очень интересно обсудить для исторіи пережитой нами эпохи отъ занятія Квантуна до Портсмутскаго позора включительно. Но не болѣе-ли важно, особенно теперь, когда уже все кончено, когда уже прошедшаго не вернуть, не болѣе-ли важно, оставивъ исторію для историковъ, обратиться къ современному положенію вещей и не подъ вліяніемъ справедливаго негодованія къ виновникамъ постигшихъ насъ несчастій, а съ мыслью о будущемъ, о тѣхъ лучшихъ дняхъ, когда уже невозможны будутъ такіа авантюры, какъ лѣсныя концессіи, поставки Циммермана и К^о и т. д.,—не болѣе ли важно для насъ обсудить вопросъ о Манчжуріи спокойно и безпристрастно?

Не все ли теперь равно, какъ и почему создалось настоящее положеніе вещей, благодаря которому все еще существуетъ въ Манчжуріи линія желѣзной дороги, связывающая кратчайшимъ путемъ Сибирь съ единственнымъ незамерзающимъ ¹⁾), удобнымъ портомъ на крайнемъ Востокѣ; линія, вдоль которой расселилось очень и очень рѣдкое русское населеніе и стоятъ и будутъ стоять въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ войска для ея охраны; линія, вѣтвь которой, наиболѣе выгодная для общества Китайской Восточной желѣзной дороги, связывала до войны Харбинъ съ Артуромъ и Дальнимъ, причемъ общество желѣзной дороги вело неустанную борьбу съ исторически развившимся портомъ Инкоу, дѣятельность и значеніе котораго никакіе тарифы не могли забыть, который продолжалъ посылать товары изъ своихъ складовъ гужомъ, на лошадахъ, когда желѣзная дорога бойкотировала ихъ,—который навѣрное будетъ продолжать таковую дѣятельность и теперь, если японцы окажутся столь же близорукими, какъ мы, и повторять бесплодную попытку зазывать въ Дальній пароходы, везущіе свои товары въ Инкоу. Богъ знаетъ! Времена мѣняются... Такъ вотъ не все ли равно, какъ это создалось, какъ все это случилось, и почему, и кто тутъ виноватъ. Повторяю,

¹⁾ Известно уже давно, что съ помощью двухъ-трехъ ледоколовъ, конечно надлежащей конструкціи, владивостокская гавань круглый годъ можетъ быть свободна ото льда.

предоставимъ историкамъ писать исторію... Но далеко не все равно, пойдетъ ли дѣло такъ и впредь, какъ шло раньше. Будетъ ли продолжаться тотъ порядокъ, при которомъ интересы государственные такъ перепутаны съ интересами частныхъ обществъ и частныхъ лицъ, что положительно не разберешься, гдѣ кончается роль послѣднихъ и гдѣ начинается область государственныхъ интересовъ? И въ чемъ тутъ суть, и почему государство съ такой настойчивостью приноситъ гекатомбы жертвъ на поляхъ Манчжуріи?

Или ему не дороги миллиарды народныхъ денегъ и безчисленное количество потухшихъ жизней лучшихъ сыновъ нашей страны? Вѣдь не ради же интересовъ миеическаго общества кит.-вост. жел. дороги будемъ мы держать теперь на Дальнемъ Востокѣ дорого стоящую армію и рисковать—быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ—новой войной съ той же Японіей или съ другимъ народомъ?

И для чего мы заняли эту страну? Чтобы торговать съ нею? Чтобы возить чрезъ ея степи и горы къ далекому океану груды заготовленныхъ внутри Россіи товаровъ въ обмѣнъ на заморскіе? Чтобы колонизировать страну, расселивъ въ ней наше оскудѣвшее крестьянство? Чтобы разрабатывать ея природныя богатства, добывать изъ нѣдръ земли дорогіе минералы? Вотъ теперь намъ понадобилась и Монголія. Съ живѣйшимъ интересомъ мы готовы, какъ будто, взяться за изученіе и изслѣдованіе этого невѣдомаго края, этой безграничной, почти ровной степи съ бродячимъ пастушескимъ населеніемъ. Зачѣмъ все это? Что мы будемъ дѣлать въ Монголіи? Покупать скотъ? Ввозить товары? А кто ихъ будетъ покупать? Или мы и Монголію собрались колонизировать?.. И, наконецъ, кто будетъ осуществлять эти колонизаторскіе и торговые проекты? Общество китайской дороги? Или наши министерства? Дума, наконецъ? Но вѣдь Дума въ состояніи разсмотрѣть и правильно оцѣнить только разработанный проектъ, обоснованный на цѣнныхъ и дѣствительныхъ данныхъ, и, наконецъ, надо надѣяться, что только тотъ проектъ можетъ получить ея одобреніе, который будетъ согласованъ съ интересами народа, который будетъ содѣйствовать государственному благосостоянію, а не подрывать его. А то вѣдь это такъ просто—передать дѣло въ вѣдѣніе общества китайск. дороги, у него же къ тому есть и подлежащее учрежденіе: коммерческая часть съ его агентствами, на обязанности которыхъ какъ разъ лежитъ изучать и изслѣдовать здѣшнія страны. Чего, казалось бы, проще? Но только не лучше ли, не цѣлесообразнѣе ли будетъ отдѣлать область, которую должно вѣдать общество желѣзной дороги, отъ области, подлежащей вѣдѣнію государственныхъ учреждений? И это все равно, въ какой бы мѣрѣ близости ни стояло это общество къ государственному казначейству и разнымъ нашимъ финансовымъ учреждениямъ. Вѣдь считаемъ же мы необходимымъ и вполне отвѣчающимъ народному благу раздѣленіе дѣятельности высшихъ учреждений нашихъ? Создали же мы самостоятельныя министерства съ ограничен-

ными сферами дѣятельности? Казалось бы, совершенно основательно было и дѣятельность правленія общества кит. дороги ограничить строго опредѣленными рамками. Правда, правленіе это въ большой мѣрѣ подчинено министерству финансовъ, быть можетъ, даже находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ него. Но хорошо ли это? А между тѣмъ такой порядокъ вещей уже далъ себя почувствовать весьма и весьма сильно и далеко не въ пользу и не къ благу нашей родины.

I.

Я здѣсь хочу прежде всего остановиться на вопросѣ о колонизаціи Манчжуріи. О ней говорили, о ней писали очень мало въ періодической печати и очень много въ разныхъ подлежащихъ и неподлежащихъ канцеляріяхъ. И еще теперь можно бы было покопаться въ ихъ архивной пыли, если бы кому-нибудь пришло въ голову заняться приведеніемъ въ систему гнѣющихся и истлѣвающихъ тамъ всевозможныхъ докладовъ, докладныхъ записокъ, мнѣній, справокъ, отчетовъ, проектовъ. Не знаю однако, былъ ли бы отъ того какой толкъ: все это такъ запутано, такъ разнорѣчиво и прежде всего такъ безсистемно, что, я полагаю, привести всю эту груду дѣлъ въ систему такъ и не удалось бы.

Незадолго передъ войной, именно въ 1903 году, была сдѣлана попытка подойти къ вопросу колонизаціи Манчжуріи, — я не говорю: разрѣшить его, а именно подойти, потому что тогдашнему проекту такъ и суждено было остаться въ области первоначальныхъ соображеній и подготовительныхъ работъ. И это не потому, что намъ тогда помѣшали японцы. То есть, они, конечно, помѣшали бы: во время войны было бы не до такихъ проектовъ; но вѣдь дѣло провалилось еще до войны.

Я здѣсь веду рѣчь объ идеѣ, а не объ ея осуществленіи. Отвергнута была самая идея, когда политическій горизонтъ былъ еще достаточно чистъ, китайцы были покладисты, кредитъ заграницей еще не былъ испорченъ, революція еще не начиналась; словомъ, проектъ могъ бы быть осуществленъ и, можетъ быть, въ очень даже широкихъ размѣрахъ ¹⁾, если бы не помѣшала война. Но, къ сожалѣнію, онъ провалился еще до войны.

Генераль-адъютантъ Алексѣевъ (впослѣдствіи намѣстникъ) пользовался громаднымъ вліяніемъ въ нашихъ правящихъ сферахъ и поддерживалъ проектъ. Въ тиши канцеляріи созда-

¹⁾ Я здѣсь не останавливаюсь ни на способахъ выполненія проекта, ни на оцѣнкѣ его размѣровъ, я говорю лишь объ идеѣ въ возможности, вообще. Осуществленіе проекта на практикѣ встрѣтило бы большія затрудненія во времени и пространствѣ.

лась и выросла идея переселенія въ Манчжурію милліона семей изъ російскихъ предѣловъ съ надѣленіемъ ихъ здѣсь землею, съ выдачей субсидій на первое обустройство. Милліонъ семей! Какой масштаб! Вѣдь это же цѣлое маленькое государство, населеніе двухъ губерній такихъ, какъ Тамбовская. Какой проектъ, какой проектъ!

Помню, въ ту пору спрашивали меня кое-кто изъ солдатъ, зачѣмъ это провели тутъ желѣзную дорогу, зачѣмъ мы вообще пришли въ Манчжурію? Какъ мнѣ было просто и легко отвѣчать на эти вопросы! Семейства ихъ тамъ, гдѣ-то, въ Россіи, живутъ въ тѣснотѣ, на малыхъ клочкахъ земли,—вотъ онъ просторъ-то, вотъ онѣ, тѣ земли, которыхъ имъ не хватаетъ. И глаза спрашивавшихъ искрились, они приставали съ новыми вопросами: „да какъ? да когда?“—Вотъ, подожди, дай сроку все устроить...

Милліонъ семействъ! Какой контингентъ новобранцевъ, запасныхъ, ополченцевъ всѣхъ категорій способно было бы дать такое населеніе отдаленной колоніи! Вѣдь если бы этотъ проектъ осуществился, намъ не страшна была бы война съ Японіей, потребовавшая безконечно долгой перевозки арміи по одноколейной дорогѣ. Уже китайцы не стали бы наивно спрашивать: „Чего это ваши войска вози, вози, японцы ихъ рубли, рубли, а ваши опять вози“? Тутъ сразу, подъ рукой была бы большая армія. И какая армія! Армія, состоящая изъ людей, которые смотрѣли бы на объявленіе войны Японіей, какъ на посягательство на ихъ личные интересы. Люди шли бы въ бой съ врагомъ, одухотворенные весьма естественнымъ желаніемъ отстоять свои дома, свои пожитки, жизнь и имущество своихъ родныхъ. Такія чувства и ближе, и понятнѣе, чѣмъ идея политическаго могущества и даже нежели идея объ отечествѣ. Словомъ, осуществи мы этотъ проектъ заселенія Манчжуріи, все, можетъ быть, было бы иначе. А то во время войны задавали мнѣ вопросы солдаты, зачѣмъ эта война и что намъ Манчжурія,—ну, что имъ отвѣтишь?...

А тогда было не такъ. Само правленіе дороги, повидимому, шло навстрѣчу этому проекту. Оно торопило отдѣлъ отчужденія закончить поскорѣе дѣло экспроприаціи земель для нуждъ желѣзной дороги. Убѣдившись въ томъ, что дѣятельность бюро чрезвычайно непродуктивна, постигнувъ изъ отчетовъ, что, несмотря на истекшія нѣсколько лѣтъ, несмотря на истраченные милліоны,—земель, предназначенныхъ къ отчужденію, къ 1903 году было отчуждено всего 3%, правленіе дороги рѣшило пригласить человѣка, хорошо ознакомленнаго съ дѣломъ, который ускорилъ бы столь важную операцію и, умудренный опытомъ, повелъ бы дѣло съ полнымъ тщаніемъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Идея ген.-ад. Алексѣева удостоилась, такъ сказать, одобренія правленія общества Кит. дороги. Подыскали подходящаго человѣка, завѣдывающаго Амурской переселенческой партіей Кафѣрку, и пригласили его произвести подготовительныя работы, чтобы, чтобы... посмотреть, что изъ этого выйдетъ. Взявъ съ собой нѣсколько

землемѣровъ и производителя работъ, Каффка прибылъ въ Манчжурію. Ознакомившись со страной и придя къ заключенію на основаніи различныхъ соображеній, что наиболѣе подходящей областью для колонизаціи могла бы служить полоса земли, прилегающая къ западной линіи дороги, Каффка командировалъ землемѣровъ для производства съемокъ въ разныхъ пунктахъ линіи. Были, впрочемъ, произведены съемки и на восточной линіи и отчасти на южной. Но особенное вниманіе было обращено на западную часть Манчжуріи, которая, будучи безлюдной, конечно болѣе соотвѣтствовала колонизаціоннымъ цѣлямъ.

Къ тому времени относятся переговоры Отдѣла отчужденія съ выборными отъ племени салоновъ, переговоры, закончившіеся заключеніемъ какого-то договора о приобрѣтеніи обширной площади земель, въ басейнѣ рѣки Ялу. Китайцы въ то время охотно отдавали въ пользованіе желѣзной дороги земли, прилегавшія къ ней. Отчужденіе можно было производить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. За земли, не принадлежавшія частнымъ лицамъ, а составлявшія собственность китайской казны, дорога ничего не платила, за частныя земли была высокая цѣна только на югѣ, въ другихъ мѣстахъ таксировка была не высока ¹⁾, а на западѣ почти сплошь шли однѣ казенныя земли. Дѣло обѣщало дать благоприятные результаты ²⁾. Партія Каффки составила планы, начертила на нихъ проекты надѣловъ въ количествѣ 15 десятинъ на дворъ. Не былъ еще вырѣшенъ вопросъ, давать ли по 15 десятинъ или же по 30 на каждую семью. Были запрошены забайкальскіе казаки, не пожелаютъ ли иные изъ нихъ переселиться на извѣстныхъ условіяхъ въ Манчжурію. Забайкальцамъ надѣлъ показался малымъ, и они отказались. Можно было бы, конечно, найти другихъ переселенцевъ, изъ внутреннихъ губерній Россіи и среди запасныхъ на Дальнемъ Востокѣ. Только кликнули бы кличъ, а желающихъ нашлись бы!

Конечно, миллионъ семей переселить не такъ-то легко и просто. При правительственной опеке и при существующей волокитѣ нашихъ канцелярій, такое переселеніе, потребовавъ громадныхъ денегъ, едва-ли дало-бы благоприятные резуль-

¹⁾ Вонъ такса земель по разрядамъ:

1) Земли высокой культуры и усадеб.	за шань 50—90 р.
2) Пашня	45 »
3) Лугъ съ кустарникомъ	30 »
4) Лугъ безъ кустарника	15 »
5) Болото, пески, дороги	бесплатно.

Шань=1555,2 кв. саж.—для запада и юга; на востокъ для ровнаго счета принимали шань за 1620 кв. саженой.

²⁾ Долженъ оговориться, что г. Каффка, въ виду доклада агронома—его производителя работъ, былъ не особенно высокаго мнѣнія о качествѣ здѣшнихъ земель. Я думаю, что агрономъ искалъ здѣсь черноземъ, а нашель глину и потому вывелъ свое безотрадное заключеніе. Но здѣшняя глина родитъ самъ 30—40, а нашъ черноземъ даетъ впятеро—вдесетеро худшіе урожан. Нужны, разумѣется, и не наши орудія, и не наша обработка. Впрочемъ, разсужденія объ этомъ выходятъ изъ рамокъ настоящей статьи.

таты. Я лично придерживаюсь мнѣнія, что переселеніе вообще должно быть производимо по доброй волѣ и безо всякаго пособія отъ казны, ибо для успѣшности колонизаціи нужны люди энергичные, способные, трудолюбивые, не боящіеся борьбы съ нуждой и умѣющіе устраиваться безъ подачекъ. Другой вопросъ—о льготахъ по отбыванію воинской повинности въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ—вопросъ очень важный и очень, въ сущности, щекотливый, потому что, высялая населеніе на беспокойныя окраины, государству естественно принимать въ расчетъ военныя цѣли и даже ихъ-то въ особености. Тутъ мы встрѣчаемся какъ-бы съ противорѣчіемъ: съ одной стороны—для привлеченія переселенцевъ надо имъ дать льготы по воинской повинности, съ другой—именно на окраинѣ такая нужда въ солдатахъ мѣстнаго призыва. Я не берусь разрѣшить это противорѣчіе, точно такъ же, какъ не согласился бы подписаться подъ проектомъ о переселеніи въ Манчжурію милліона семей средствами государства. Самую колонизацію я понимаю нѣсколько иначе и смотрю на дѣло гораздо шире. Думаю однако, что вопросъ объ охранѣ окраинъ тѣсно связанъ съ развитіемъ коммунаціи.

Можно утверждать одно, что наши манчжурскія затѣи не имѣли бы никакого смысла, никакого оправданія, если бы мы не мечтали о прочномъ занятіи страны, потому что только при этомъ условіи можно было бы рассчитывать на то, чтобы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ край этотъ пересталъ поглощать ежегодно крупную часть нашего бюджета. Занявъ его исключительно съ цѣлями стратегическими и торговыми и не дѣлая попытки его колонизовать, мы играли бы очень опасную игру, рискуя потерять и его, этотъ дорого стоящій край, и сосѣднія съ нимъ отдаленныя наши области.

Но какъ бы ни рѣшался этотъ вопросъ, его государственное значеніе несомнѣнно. Такъ смотрѣли на дѣло намѣстникъ и Каффка. Послѣдній, будучи самъ чиновникомъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, имѣлъ, конечно, указанія отъ своего министерства, получалъ указанія отъ намѣстника, руководился собственными взглядами и убѣжденіями и наконецъ получалъ извѣстныя предположенія и указанія отъ Правленія Общества Китайской Восточной дороги. И прежде всего Каффка считалъ, что заселеніе Манчжуріи, надѣленіе здѣсь русскихъ людей землей, особенно въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это тогда предполагалось, всего правильнѣе и цѣлесообразнѣе было бы передать въ вѣдѣніе того учрежденія, которому надлежитъ объ этомъ заботиться преимущественно, т. е. въ вѣдѣніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и ген.-ад. Алексѣевъ. Правленіе же дороги держалось другихъ взглядовъ. Оно считало, что заселеніе Манчжуріи непосредственно связано съ тѣми задачами, которыя преслѣдуетъ Общество Китайской Восточной желѣзной дороги, можетъ и должно быть осуществлено въ тѣхъ предѣлахъ и на тѣхъ основаніяхъ, какіе Общество признаетъ для себя нан-

Болѣе выгодными и удобными. Словомъ, Общество смотрѣло на колонизацію Манчжуріи, какъ на вопросъ чисто хозяйственнаго характера, относящейся непосредственно къ эксплуатаціи линіи, тѣсно связанной съ эксплуатациею прорѣзываемой ею страны. Оно соглашалось оставить Каффкѣ мундиръ министерства земледѣлія, оно соглашалось оставить на службѣ министерства земледѣлія даже нѣсколькихъ служащихъ, ближайшихъ помощниковъ Каффки; но на передачу дѣла въ вѣдѣніе министерства оно ни въ какомъ случаѣ не могло согласиться. Чтобы убѣдить Каффку согласиться принять завѣдываніе дѣломъ на этихъ условіяхъ, правленіе Общества не останавливалось передъ затратами: оно предложило Каффкѣ самому выработать штаты новаго учрежденія, оно заранѣе утверждало эти штаты, но только съ тѣмъ, чтобы министерство земледѣлія было тутъ не при чемъ. Оно не могло примириться со вторженіемъ въ ея вѣдомство,—вѣдомство частнаго общества,—учрежденія государственнаго. Наконецъ, правленіе прямо и откровенно рассматривало вопросъ исключительно съ точки зрѣнія интересовъ Общества, отвергая вмѣшательство государства. Оно признавало, что манчжурскій вопросъ есть вопросъ чрезвычайной государственной важности: государство должно давать деньги, посылать войска для охраны линіи, содержать флотъ на Дальнемъ Востокѣ и т. д.; но вмѣшиваться въ дѣятельность Общества, въ его внутренніе порядки оно не должно.

Съ точки зрѣнія Общества дороги, это совершенно логично и послѣдовательно. И если оно будетъ и дальше дѣйствовать въ такомъ же направленіи, то не будетъ ничего удивительнаго, если въ одинъ прекрасный день мы узнаемъ, что Общество дороги, найдя для себя невыгоднымъ по какимъ-нибудь причинамъ дальнѣйшую дѣятельность желѣзнодорожнаго предпріятія, выйдетъ, напримеръ, въ сношенія съ какимъ-нибудь иностраннымъ обществомъ, или хоть съ Китаемъ, или съ Японіей,—въ переговоры о продажѣ за ту или другую цѣну всего предпріятія. Вѣдь могла же появиться въ „Харбинскомъ Вѣстникѣ“ статья, въ которой доказывалась совершенная ненужность намъ Манчжуріи. „Харбинскій Вѣстникъ“ — органъ желѣзнодорожный, официальный, онъ проводитъ взгляды правленія Общества, это его задача. И если въ ней, въ этой официальной желѣзнодорожной газетѣ, возможно появленіе такой статьи, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, то возможно и дальнѣйшее развитіе изложенныхъ тамъ мыслей до ихъ осуществленія включительно.

Но какъ бы то ни было, право или не право было правленіе Общества Китайской дороги, рассматривавшее проектъ общегосударственной важности съ точки зрѣнія хозяйственныхъ своихъ интересовъ, ему не удалось удержать у себя на службѣ Каффку и его партію. Не соблазнившись предложеннымъ ему большимъ окладомъ содержанія, Каффка вернулся продолжать службу на Амуръ, удовольствовавшись скромнымъ жалованьемъ отъ своего министерства, но не поступив-

шись своими убѣжденіями. Конечно, Обществу не трудно было подыскать другого, болѣе покладистаго человѣка на мѣсто Каффки, но тутъ въ воздухѣ запахло войной, которая и не замедлила разразиться. Дѣло колонизаціи было окончательно забыто, и точка зрѣнія правленія Общества нашла свое оправданіе, такъ сказать, въ самомъ порядкѣ вещей, созданномъ военными событіями. вмѣсто колонизаціи принялись осуществлять простую эксплуатацію земель.

II.

Правда, правленіе не отказалось окончательно отъ прежняго, болѣе широкаго, проекта, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ тѣми цѣлями, какъ это предполагалъ сдѣлать намѣстникъ. Оно оставило въ смѣтѣ предназначеннаго къ сформированію земельного отдѣла двѣсти тысячъ рублей на раздачу пособій поселенцамъ, которыхъ предполагено было вербовать изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, преимущественно бывшей охранной и пограничной стражи. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1904, и 1905 годы) кредитъ этотъ не былъ даже затронутъ. Въ нынѣшнемъ году этой цифры уже нѣтъ въ бюджетѣ отдѣла, и если она входила въ смѣту предшествовавшіе два года, то это, повидимому, было одно лишь недоразумѣніе. Въ сущности, еще въ 1904 г. рѣшено было ограничиться устройствомъ поселковъ, маленькихъ городковъ при всѣхъ станціяхъ и развѣздахъ желѣзной дороги. Дѣло повели чисто хозяйственнымъ способомъ, безо всякой помѣхи или вмѣшательства со стороны нынѣ уже упраздненнаго министерства земледѣлія. Сформировали подвижную комиссію съ большимъ штатомъ: представитель службы пути, секретарь, дѣлопроизводитель, конторщики, техники, переводчикъ, десятники, артельщикъ и т. д. Всѣмъ платили большое жалованье, суточные. Для жилья приспособили нѣсколько теплушекъ, устроили въ нихъ кухню, столовую. Кто былъ рангомъ выше, жилъ въ пульмановскомъ вагонѣ перваго-второго класса. И цѣлый поѣздъ началъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, со станціи на станцію, производя раздачу участковъ въ аренду на мѣстѣ. Кажется, все было сдѣлано, забыли только объ одномъ пустомъ обстоятельстве, забыли дать хорошіе и вѣрные планы. А планы были, и на нихъ начертили проекты поселковъ. Вся бѣда только въ томъ, что планы эти, изготовленные въ отдѣлѣ отчужденія за время его продолжительной дѣятельности, оказались совершенно непригодны. Что тутъ дѣлать? Комиссія уже образована, все дѣло налажено, и вдругъ нѣтъ плановъ. Рѣшено было сдѣлать планы. Послали землемѣровъ отдѣла отчужденія, командировали землемѣровъ земельного отдѣла, стали изготовлять планы. А комиссія ждала недѣлями въ бездѣйствіи по станціямъ, пока изготовлялись планы.

Это уже не была колонизація съ затратой извѣстной суммы

денегъ; тутъ собирались, наоборотъ, получать доходы. Ожиданія, впрочемъ, какъ это бываетъ зачастую, не оправдались. Комиссія поглотила двухъ годовой доходъ тѣхъ самыхъ участковъ, которые она сдала въ аренду; а если къ расходамъ на комиссію прибавить ту сумму, которая пошла на содержаніе землемѣровъ отдѣла отчужденія и земельного отдѣла, то расходъ на всю затѣю еще болѣе увеличится. Конечно, этотъ расходъ случился только одинъ разъ, одновременно, а тамъ ужъ потекутъ одни доходы. Теперь вѣдь не понадобится уже такой массы служащихъ, такой уймы денегъ на эксплуатацію. Давай Богъ! Впрочемъ, если это интересъ чисто хозяйственный, если это дѣло относится до внутренняго распорядка въ учрежденіяхъ Общества Китайской дороги, то и намъ совсѣмъ до него дѣла нѣтъ: какъ хотите, такъ и устраивайтесь.

Сдается мнѣ однако, что это не такъ и что дѣятельность Общества дороги въ большой мѣрѣ касается интересовъ еще большаго общества, русскаго общества, русскаго народа. Что бы тамъ ни говорили, какую бы кличку ни давали этому желѣзнодорожному предпріятію, на чьи бы деньги оно ни было создано, коль скоро Россія затратила столько денегъ и жизней на удержаніе за собою страны, по которой идетъ желѣзная дорога, она, Россія, вправѣ требовать отчета отъ этого Общества, она вправѣ контролировать и направлять дѣятельность его.

III.

Пора кончить играть въ жмурки. Давно пора разоблачить всѣ эти секреты, которые ни для кого за границею не тайна; только отъ русскаго народа зачѣмъ-то скрываютъ истину. Пора передать эту дорогу въ непосредственное вѣдѣніе подлежащихъ государственныхъ русскихъ учрежденій и этимъ сразу разрѣшить всѣ наболѣвшіе вопросы о дѣятельности мнѣческаго общества. Государственные вопросы должны вѣдаться государствомъ. И вопросъ о заселеніи Манчжуріи, хотя бы даже объ этихъ мелкихъ городскихъ поселкахъ по станціямъ, долженъ также подлежать вѣдѣнію государства. И если бы это было сдѣлано раньше, если бы дѣло заселенія Манчжуріи, хотя бы въ тѣхъ миниатюрныхъ размѣрахъ, какъ это дѣлаютъ теперь, взяло на себя государство, каждый русскій, пожелавшій поселиться и основаться здѣсь, въ Манчжуріи, чувствовалъ бы себя несравненно спокойнѣе. Онъ зналъ бы, что позади него стоитъ государственная власть, блюдущая его интересы, а не частное общество съ его эксплуатаціей. Государство могло, можетъ быть, и поступиться выгодами эксплуатаціи въ высшихъ дѣляхъ. Оно могло устроить самое дѣло гораздо надежнѣе. Наконецъ, при непосредственныхъ переговорахъ съ китайцами, которыхъ вѣдь все равно не обманешь, государство могло бы имѣть несравненно болѣе

шіе шансы на успѣхъ. И, надо надѣяться, при правильной постановкѣ вопроса не должно было бы случиться, чтобы общество дороги отдавало въ аренду частнымъ русскимъ предпринимателямъ подъ постройку домовъ тѣ участки земли, которыми оно само еще не имѣетъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію,—какъ это имѣло мѣсто въ Имяньпо, на Пограничной, въ Эхо и т. д. Надо надѣяться, что, чувствуя себя отвѣтственнымъ передъ правительственной властью, правленіе общества не могло бы такъ поставить дѣло отчужденія земель въ Манчжуріи, что, истративъ миллионы, оно почти ничего на нихъ не сдѣлало. Съ 1897 года по сіе время едва успѣли только приступить къ закрѣпленію земель за желѣзной дорогой на долгосрочномъ арендномъ правѣ. А между тѣмъ, эти земли, еще не принадлежація желѣзной дорогѣ, она уже эксплуатируетъ.

Интересно знать, какой оборотъ можетъ принять теперь дѣло отчужденія земель и устройства поселковъ по линіи дороги, если переговоры въ Пекинѣ ¹⁾ будутъ неблагоприятны? И отъ чьего имени ведутся тамъ переговоры? Неужели все по прежнему отъ имени общества Китайской Восточной желѣзной дороги? Вѣдь такъ, пожалуй, даже харбинскіе домовладѣльцы могутъ быть неспокойны за свое имущество. Правда, земля отъ Харбина отчуждена окончательно,—онъ составляетъ пріятное исключеніе,—но огромная часть харбинской территории пріобрѣтена въ собственность и на документъ есть печать покойнаго гиринскаго цзянь-цзюня, а вѣдь по китайскимъ законамъ для продажи земли въ собственность требуется императорская печать. Или въ Пекинѣ интересы общества желѣзной дороги, кромѣ ея агента, будетъ также поддерживать и нашъ посланникъ? Достаточно ли вѣско и убѣдительно будетъ его слово? Не гораздо ли болѣе мы выиграемъ, если заявимъ прямо, что манчжурская желѣзная дорога принадлежит русскому государству и что, защищая интересы дороги, государство защищаетъ непосредственно казенные интересы? Такая постановка вопроса будетъ куда болѣе убѣдительною.

Извѣстно, что въ политикѣ выигрываетъ тотъ, кто ведетъ смѣлую и открытую борьбу. Въ жмурки можно играть только до поры до времени, а когда настанетъ минута вскрыть свои карты, надо это дѣлать прямо и рѣшительно. Но, можетъ быть, такая политика будетъ невыгодна нѣкоторымъ прикосновеннымъ къ желѣзнодорожному предпріятію лицамъ? Тогда, раз-
don...

¹⁾ Когда писались эти строки, переговоры въ Пекинѣ были прерваны съ надеждою возобновить ихъ въ іюнь. См. объ этомъ мою передовую статью и корреспонденцію изъ Пекина въ № 63 «Новаго Края» за 1906 годъ.

IV.

„Харбинскій Вѣстникъ“¹⁾, возвѣщая всѣмъ давно извѣстную истину, что *согласно общему закону земля въ Китаѣ не можетъ быть продаваема въ руки иностранцевъ*²⁾, за справкою о чемъ офиціозному желѣзнодорожному органу потребовалось однако входить „въ сношенія съ мѣстною китайскою администраціею“,—возвѣщая всѣмъ эту истину, почтенная газета тѣмъ не менѣе объявляетъ намъ не переставать „твердить: берите-же, арендуйте, устраивайтесь здѣсь скорѣе, русскіе люди“.

Такое воззваніе звучить донельзя странно и повергаетъ въ крайнее недоумѣніе всѣхъ знакомыхъ съ прежнею политикою учрежденія, субсидирующаго газету. Это учрежденіе нѣкогда ставило всевозможныя препоны Чайковскому, когда онъ затѣвалъ постройку перваго въ Манчжуріи винокуренного завода на землѣ, прибрѣтенной въ аренду отъ богача-манчжура Инсесана за безумно дорогую цѣну³⁾, которой я никогда не повѣрилъ бы, если бы не читалъ самаго договора; это учрежденіе мѣшало г. Токишу, когда онъ создалъ планъ устройства Нижняго Харбина на землѣ, *ou les lois contre les étrangers n'existent pas* (гдѣ въ отношеніи иностранцевъ не существуетъ ограничительныхъ законовъ), какъ объ этомъ гласили широкообъщательныя объявленія въ русскихъ, японскихъ, шанхайскихъ и иныхъ газетахъ; оно, это учрежденіе, даже еще весьма недавно, можно сказать, на-дняхъ обпародовало отъ лица своего уполномоченнаго г. Даніеля въ томъ же самомъ „Харбинскомъ Вѣстникѣ“, что оно запрещаетъ частнымъ лицамъ прибрѣтать въ аренду отъ китайцевъ какія-либо земли въ окрестностяхъ Харбина, такъ какъ обширная площадь земли въ 50.000 десятинъ добавочнаго отчужденія уже намѣчена здѣсь для нуждъ общества жел. дороги; и даже въ сторонѣ отъ Харбина, повсюду вдоль линіи дороги—желающій арендовать какой-нибудь клочекъ земли у пограничнаго съ *намяченною* къ отчужденію полосою мѣстнаго землевладѣльца встрѣтитъ навѣрное всяческое препятствіе со стороны все того же учрежденія, органъ котораго собирается теперь твердить свой тщетный призывъ.

Призывъ этотъ тщетенъ потому, что, какъ это сказано выше, вблизи полосы отчужденія снимать землю въ долгосрочную аренду очень затруднительно; а вѣдь кому же охота удалаться отъ линіи—при извѣстныхъ всѣмъ прелестяхъ здѣшнихъ грунтовыхъ дорогъ и совершенной необезпеченности тамъ, вдали, личности и имущества отъ посягательствъ всякихъ подозрительныхъ личностей отечественнаго и неотечественнаго происхожденія?

1) № 698 статьи «Еще объ отчужденіи китайскихъ земель».

2) Курсивъ «Харб. Вѣстн.».

3) За 30.000 руб. со вносомъ платы за каждое десятилѣтіе впередъ—площадь 25 десятинъ.

Сколько мнѣ извѣстно, единственная попытка устроить сельско-хозяйственную экономію вдали отъ желѣзной дороги была сдѣлана нѣсколько еще лѣтъ назадъ г. Калининымъ, который снялъ у китайцевъ въ аренду на 30 лѣтъ, съ правомъ перерендованія, около 1000 десятинъ земли въ 18 верстахъ отъ Харбина внизъ по Сунгари. Сначала былъ составленъ имъ домашній договоръ съ владѣльцами, затѣмъ договоръ этотъ былъ явленъ у Фана, тогдашняго уполномоченнаго гиринаскаго цзянь-цзюня въ Харбинѣ. Фанъ оставилъ этотъ договоръ у себя и держалъ его до той поры, пока самъ не былъ смѣщенъ съ должности; впрочемъ, онъ совѣтовалъ Калинину заводить пока-что съ полнымъ спокойствіемъ хозяйство на арендованномъ участкѣ, все обѣщая въ скорости покончить всѣ формальности и выдать ему надлежащее удостовѣреніе, такъ сказать, нотаріальное-государственнаго характера. Такъ смотрѣлъ на дѣло Фанъ, а ашихэйскій фудутунъ, нынѣ гиринаскій цзянь-цзюнь, Да-гуй, въ округѣ котораго находилась заимка, принималъ всѣ мѣры, чтобы разрушить сдѣлку. Смѣнившій Фана Чжаомянь былъ менѣе покладистъ, нежели Фанъ, и скорѣе держалъ сторону Да-гуя. Положеніе стало усложняться. Владѣльцы земель были посажены въ тюрьму распоряженіемъ китайской власти, гдѣ и отсидѣли по шести мѣсяцевъ каждый. Хлопоты же передъ нашимъ дипломатическимъ чиновникомъ увѣнчались также весьма малымъ успѣхомъ. Калининъ вноситъ теперь ежегодную плату этому чиновнику, тотъ передаетъ ее китайскому, а этотъ послѣдній уже распоряжается ею по своему усмотрѣнію. Владѣльцы земель плачутся на лишеніе ихъ и земли, и денегъ за нее, а когда арендаторъ отсылаетъ ихъ за полученіемъ аренды къ китайскому начальству, тѣ отвѣчаютъ совершенно резонно: „нашъ капитанъ сильно сердись, наша все равно пропади есть“. Не имѣя надлежащаго обезпеченія въ видѣ формальнаго аренднаго договора, встрѣчая неудовольствіе со стороны китайской администраціи, можетъ быть, естественное, хотя и незаслуженное озлобленіе со стороны владѣльцевъ земли и ихъ родныхъ и знакомыхъ, живущихъ въ ближайшемъ округѣ; наконецъ, не находя надлежащей поддержки со стороны того Россійскаго установленія, которому именно поручается въ подобныхъ случаяхъ сугубое попеченіе объ интересахъ нашихъ соотечественниковъ,—Калининъ едва ли теперь вздумаетъ заняться серьезно сельскимъ хозяйствомъ на своей (?) заимкѣ. Послѣ же того, какъ въ 1904 году, въ самый канунъ Рождества, на этой заимкѣ было совершено загадочное убійство жены и работника Калинина,—при томъ, безъ всякаго сомнѣнія, не съ цѣлью грабежа,—арендатору могло показаться уже слишкомъ рискованнымъ продолжать начатое дѣло. Въ прошломъ 1905 году заимка была почти заброшена, и если желаніе вернуть затраченныя на нее деньги можетъ побудить арендатора приняться за пахоту земли нынѣшней весной, то уже, конечно, мысль о введеніи рациональнаго хозяйства давно разсѣялась, какъ дымъ.

Другимъ повезло нѣсколько больше, но вѣдь какія это

вызывало хлопоты! Воображаю, чего стоила Чайковскому его побѣдка въ Петербургъ, гдѣ онъ отстаивалъ свои права противъ сильной оппозиціи со стороны правленія общества Кит. Вост. жел. дороги; воображаю, какъ было удовлетворено его самолюбіе, когда онъ съ побѣдой вернулся въ Манчжурію и началъ воздвигать свое кирпичное зданіе прямо противъ дома того самаго главнаго инженера Юговича, который особенно усердствовалъ не въ его пользу. Но и послѣ того, сколько еще было всякихъ стѣсненій, всякихъ тревогъ даже за самое существованіе предпріятія, которое приходилось вести при полной неуверенности въ завтрашнемъ днѣ!

Не лучше, конечно, обстояло дѣло и у г. Локиша. Впрочемъ, его затѣя совершенно особеннаго сорта и, какъ мнѣ кажется, съ нашими колонизаціонными задачами ничего общаго не имѣетъ.

Точно также мало представляетъ для насъ интереса и затѣя г. Мягкова, снявшаго на нѣсколько лѣтъ отъ управленія дороги дороги довольно большіе участки земли по нѣкоторымъ безлюднымъ станціямъ и развѣздамъ съ цѣлью эксплуатаціи, связанной—какъ это объяснялъ предприниматель въ своемъ прошеніи—съ „культурною“; послѣднее весьма сомнительно, если понимать это слово въ его правильномъ смыслѣ. Все это однако такъ мелко, такъ незначительно...

Можно упомянуть еще о нѣсколькихъ лицахъ, арендовавшихъ еще до войны землю у китайцевъ невдалекѣ отъ линіи—и на западѣ, и на востокѣ. Вотъ, на примѣръ, винокуренный заводъ близъ развѣзда Фуляэрти, передъ войной, когда цѣна на водку упала до двухъ рублей за ящикъ, едва влачившій свое существованіе, съ совершенно пустою кассой. Когда открылись военныя дѣйствія и многотысячная армія—со всѣми ея тыловыми учрежденіями, интендантами, инженерами, лазаретами, толпой всякихъ прихлебателей, ловцовъ наживы—нахлынула изъ Россіи, о, тогда заводъ имѣлъ около 1500 рублей чистаго ежедневнаго дохода; нынѣ ему опять дѣлать нечего, а современемъ и вовсе придется ликвидировать свои дѣла. Но заводчику печалиться нечего: онъ свое взялъ, онъ выполнилъ свою культуртрегерскую миссію, его бумажникъ теперь наполненъ, и ни участь Манчжуріи, ни судьба русскаго дѣла въ ней его совершенно не интересуютъ.

Надо сознаться, мало, очень мало надежды на то, чтобы русскіе люди, которыхъ „Харб. Вѣстн.“ настойчиво зоветъ селиться въ странѣ при тѣхъ удивительныхъ условіяхъ, которыя здѣсь существуютъ,—чтобы такіе люди, такіе пионеры оказались въ значительномъ количествѣ. А будь-ка условія получше, понормальше, а жизнь болѣе обезпеченной, желающихъ оказалось бы очень много. И въ первую очередь здѣсь захотѣли-бы разживиться землицей тѣ тысячи запасныхъ, которымъ въ Россію возвращаться не охота, потому что тамъ земельная тѣснота мѣстами безысходная; она гонитъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній на далекія окраины всю эту массу пересе-

ленцевъ, которые теперь бродятъ по Харбию со своими семьями и выпрашиваютъ Христовымъ именемъ подаваніе въ надеждѣ съ помощью добрыхъ людей добраться какъ-нибудь до тѣхъ завѣтныхъ мѣстъ, гдѣ всего волю: и земли, и лѣсу, и звѣря, и рыбы. Дай имъ Богъ счастья на новыхъ мѣстахъ. Хоть и не текутъ тамъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, а все же—жить можно. И пусть лучше туда направляются и всѣ эти бѣдные солдатики, уроженцы худородныхъ и малоземельныхъ уѣздовъ; а здѣсь, въ Манчжуріи, какъ это ни горько, какъ это ни обидно имъ, проливавшимъ за нее свою кровь, густо усѣявшимъ почву своими трупами, здѣсь имъ пока, при теперешнихъ порядкахъ, дѣлать нечего.

Пусть они не вѣрятъ широковѣщательнымъ приказамъ о надѣленіи усадебною землею по 600 квадратныхъ сажени на cadaго съ выдачей большого пособія, какъ о томъ заднимъ числомъ изволить оповѣщать „Амурскій Край“¹⁾. Ошибка, милье, ошибка, горькое, обидное недоразумѣніе. Самъ главнокомандующій безсиленъ сдѣлать что-нибудь противъ того, что соблаговолило рѣшить правленіе Общества жел. дороги. Оно здѣсь всеильно, оно отпускаетъ и кредиты на пособіе, оно отводитъ здѣсь и всякіе участки, и даже далеко за полосу отчужденія простирается его всеильное вліяніе. Было, родные мои, было когда-то такое предположеніе, чтобы и землицы вамъ дать, и деньжонками одѣлать на обзаведеніе домишкомъ; да только—было, да сплыло. А нынѣ этотъ расходъ и въ смѣту не включень, да и землицы-то на вашу долю не осталось.

А обѣщали—мало ли что обѣщали! Вотъ и желѣзнодорожнымъ служащимъ тоже какъ-то обѣщали дать на льготныхъ условіяхъ участки, и проектъ былъ написанъ, и переписанъ, и одобренъ, но такъ ничего и не вышло. А служащіе все надѣялись. И когда подвижная коммиссія пріѣдетъ, бывало, на какую-нибудь станцію раздавать участки, то сейчасъ являются служащіе, агенты дороги, и просятъ оказать имъ преимущество, и получаютъ—отказъ. И разлетаются какъ, пухъ, ихъ мечты. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, оно было и совершенно резонно, потому что нельзя же было въ самомъ дѣлѣ кидать жребій о томъ, кому достанутся дома Кунста-Альберса и Сизова, Смирнова—на этомъ, между прочимъ, настаивали въ Пограничной въ эпоху торжества всякихъ свободъ, которые понимались въ смыслѣ: *ôte-toi delà que je m'y mette*, т. е. все мое-мое и все твое-мое²⁾; или невозможно же было предоставить безъ жребія, а по особому снисхожденію, самыя лучшіе участки въ Цицикарѣ тѣмъ лицамъ, которые не могли возвести на нихъ и плохонькаго домишка, а откровенно признавались, что имѣли въ виду тотчасъ же сдать ихъ въ аренду богатымъ коммерсантамъ, съ коихъ, по образному выраженію одного конторщика, можно было содрать шкуру за прошлыя ихъ прегрѣшенія въ видѣ высокихъ цѣнъ на товары и т. д.

1) См. «Новый Край», № 32, отъ 7 марта. Хроника Дальняго Востока.

2) Такъ переводилъ эту фразу Достоевскій.

Въ задачу подвижной комиссіи, разумѣется, не входило устраивать такія неподходящія сдѣлки. Но отчего бы въ самомъ дѣлѣ правленію дороги о своихъ служащихъ немного не позаботиться? А то составили проектъ и—ни гу-гу.

Впрочемъ, нѣтъ, виноваты, пробовали какъ будто пойти на встрѣчу желаніямъ служащихъ обзавестись здѣсь домишками, и, хотя потихоньку, подъ сурдинку, но кое-кто на льготныхъ условіяхъ и участки пріобрѣлъ, и маленькимъ хозяйствомъ обзавелся. Конечно, удалось такъ устроиться отчасти при помощи искрометныхъ женскихъ глазокъ, которые въ былое время производили такое неотразимое дѣйствіе на прежнее желѣзнодорожное начальство, отчасти при посредствѣ связей, знакомствъ, искательства и всякаго угодничества. Но то времена давнишнія. Было, да былѣмъ поросло.

А то еще недавно, во время войны, насаждали русское поселеніе близъ Старога Харбина—теперешнюю Алексѣевку. И тамъ кое-кто изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ успѣлъ устроиться, нашлись такіе счастливы, преимущественно изъ состава отдѣла отчужденія, гдѣ происходила самая раздача участковъ. Тамъ, въ небольшомъ отдѣльномъ кабинетѣ двое агентовъ производили жеребьеваніе. Совершалось оно не гласно и не въ извѣстный назначенный день, а по мѣрѣ того, какъ появлялись по-одиночкѣ желающіе, приносящіе свои заявленія. Тутъ изъ таинственнаго ящика вынимали они загадочные билеты, и были такіе счастливы, что съ сіяющимъ лицомъ выходили изъ кабинета. Были, конечно, и неудачники. Что дѣлать! Видно, не всѣмъ уготовано счастье.

И вотъ, такой милый порядокъ вдругъ прекратился, двое служащихъ этихъ были уволены, а слѣдующая жеребьевка была произведена и гласно, и съ подобающими предосторожностями, и всякими формальностями уже въ новорожденномъ земельномъ отдѣлѣ. А жаль, право, жаль. Уволить такихъ изобрѣтателей, да еще безъ суда, а по одному усмотрѣнію. Впрочемъ, они не жаловались. Но вчужѣ обидно. За что? Въдѣ ихъ же такъ мило, такъ торжественно, публично рекомендовало начальство, передавая съ сожалѣніемъ своихъ агентовъ въ возникавшее учрежденіе. Отъ восторга перешли къ лобызаніямъ. Всѣ были растроганы. И вдругъ—уволить! Нѣтъ, просто удивительно, какъ это у насъ не цѣнятъ выдающихся людей.

V.

Въ предыдущихъ статьяхъ я пытался выяснитъ всю ненормальность современнаго порядка вещей въ Манчжуріи, при которомъ важнѣйшіе обще-государственные интересы ввѣрены попеченію номинально частнаго общества, а de facto—таинственнаго учрежденія, которое портсмутскимъ договоромъ, повидимому, было сопричислено къ государственнымъ, потому

что состоящее въ его распоряженіи имущество было признано военной добычей,—и дѣятельность котораго, тѣмъ не менѣе, до сей еще поры ограничивается исключительной заботой о своихъ хозяйственныхъ, эксплуатационныхъ выгодахъ. Это и придаетъ учрежденію характеръ частнаго, независимо отъ того, таково ли оно *de jure* или же оно входитъ въ составъ какого либо министерства; ибо, если бы это послѣднее, преслѣдуя исключительно свои задачи, стало бы дѣйствовать несоотвѣтственно политикѣ всего государства, какъ цѣлаго,—оно, это министерство, не взирая на свою официальную кличку, превратилось бы въ совершенно частное учрежденіе. Полагая теперь, что государство неизбежно, и въ самомъ недалекомъ будущемъ, наложить на это предпріятіе свою властную руку, мы, такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что и существующій нынѣ порядокъ самъ собою прекратится и въ основаніе дальнѣйшей политики будетъ поставлено наилучшее и наиболѣе согласное съ интересами русскаго народа достиженіе не тѣхъ хозяйственныхъ цѣлей, которыя нынѣ исключительно преслѣдуетъ правленіе общества Китайской Восточной желѣзной дороги, а цѣлей гораздо болѣе широкихъ, которыя могутъ иногда не совпасть или даже пойти прямо въ разрѣзъ съ интересами желѣзнодорожно-эксплуатационнаго предпріятія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ прежде всего поставить два главныхъ, основныхъ вопроса, которые въ первую же очередь придется разрѣшить Государственной Думѣ; говоримъ—въ первую очередь, какъ потому, что съ дальневосточными дѣлами медлить нельзя, такъ и потому, что отъ рѣшенія именно этихъ двухъ основныхъ вопросовъ будетъ зависѣть дальнѣйшее направленіе всей дальневосточной политики, стоившей намъ такихъ денегъ и столькихъ жертвъ людьми въ недалекомъ прошломъ и могущей привести еще къ горшимъ послѣдствіямъ, если мы не перемѣнимъ курса.

Я знаю, что я забѣгаю впередъ, подходя къ общему рѣшенію послѣ того, какъ я успѣлъ коснуться предмета лишь съ одной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія здѣшняго русскаго обывателя, пожелавшаго пріобрѣсти здѣсь осѣдность. Слѣдовало бы, конечно, разобрать подробно очень и очень многое, близко относящееся къ дѣлу колонизаціи края. Но, во-первыхъ, тотъ, такъ сказать, частный вопросъ, котораго я успѣлъ коснуться, есть самый важный и можетъ и долженъ быть разрѣшенъ немедленно; тогда какъ все остальное еще можно на время отложить, отложить до той поры, когда еще будетъ достаточно выяснено, всѣ стправныя точки окончательно установлены и—это самое существенное—когда именно два подлежащихъ первоначальному разрѣшенію основныхъ вопроса будутъ удовлетворительно разрѣшены.

Итакъ, вотъ два вопроса, которые надо вырѣшить теперь же, съ самаго начала.

Должны ли мы удержать за собой Манчжурію, разумѣя подъ этимъ именемъ мѣстность, не только прилегающую непосредственно къ линіи желѣзной дороги, но и простираю-

щуюся къ сѣверу отъ нея до Амура и къ югу до нѣкоторой границы, которую трудно указать въ настоящую минуту и о которой можетъ быть поставленъ вопросъ дополнительный?

Если на этотъ вопросъ послѣдуетъ отвѣтъ утвердительный, то выдвигается второй вопросъ:

Въ какія соглашенія мы должны войти по этому поводу съ сосѣдними державами?

Оба вопроса находятся въ такой тѣсной связи между собою, что ихъ можно разбирать только совместно. При этомъ необходимо пояснить, что,—оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе тѣхъ историческихъ причинъ, которыя обуславливали наше многовѣковое стремленіе расширять государственныя границы въ направленіи къ Тихому океану, каковое стремленіе въ значительной степени объясняется, по аналогіи, физическимъ закономъ, трактующимъ о линіяхъ наименьшаго сопротивленія,—мы разсматриваемъ предметъ исключительно съ точки зрѣнія современности и сквозь призму личныхъ непосредственныхъ наблюденій, собранныхъ на мѣстѣ.

Пусть тѣ, кто возьметъ на себя трудъ выяснитъ многосложныя событія, послужившія завязкой разыгравшейся драмы,—еще, надо полагать, не закончившейся,—укажутъ намъ главныя и второстепенныя роли и разберутъ и оцѣнятъ по достоинству игру актеровъ и оповѣстятъ намъ имя главнаго героя многоактной исторической пьесы; отложимъ въ сторону безплодный споръ о томъ, нужно или не нужно было проводить южную вѣтку къ Артуру, позабывъ о Владивостокѣ и Приморской области, оставшихся фактически отрѣзанными отъ родины и послѣ того, какъ окраина эта была связана желѣзнодорожнымъ путемъ съ Сибирью; не будемъ разбирать вопросъ о томъ, насколько отвѣчало русскимъ интересамъ обогащать южную Манчжурію, которая никогда не могла быть колонизирована уже въ виду ея густого мѣстнаго населенія, но которая давала и сулила въ будущемъ крупныя выгоды обществу желѣзной дороги и еще въ первой половинѣ 1903 года—въ первое (и послѣднее) полугодіе ея правильной эксплуатаціи—завалила дорогу грузами мѣстной перевозки, и могла бы дать ихъ вдвое, втрое, вчетверо больше, еслибы были установлены надлежашіе тарифы отъ Инкоу. Нынѣ мы должны считаться съ тѣмъ, что осталось и еще можетъ остаться въ нашихъ рукахъ. Мы сохранили за собой огромную линію отъ Забайкалья до Владивостока съ вѣтвью на Хабаровскъ на востокъ и другой вѣтвью на Срѣтенскъ съ западнаго конца. Фактически, вся сѣверная Манчжурія осталась подъ нашимъ вліяніемъ.

Удѣлѣвшій отъ посягательствъ японцевъ край населенъ весьма негусто на востокъ, а на западѣ почти совершенно безлюденъ. Торговныя сношенія здѣсь могутъ быть установлены только съ населеніемъ Гиринской провинціи да съ пастухами-монголами. Разработка нѣдръ земли на концессионномъ правѣ пока еще составляетъ вопросъ открытый, и, надо думать,—при тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ теперь со-

гласно извѣстному договору, выработанному нашими милыми дипломатами, дѣло это не можетъ быть для русскихъ предпринимателей особенно соблазнительнымъ ¹⁾. Транзитная торговля можетъ дать небольшой барышъ желѣзно-дорожному хозяйству и, конечно, представляетъ нѣкоторый интересъ общегосударственнаго характера, поскольку вообще государство озабочено развитіемъ въ странѣ торговыхъ оборотовъ; но едва ли можно ожидать, по крайней мѣрѣ—въ близкомъ будущемъ, особаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, а съ проведеніемъ проектируемой сѣверной дороги къ Аляскѣ,—если этотъ планъ осуществится,—транзитная торговля по манчжурской линіи должна будетъ почти совершенно прекратиться. При этихъ условіяхъ, да если еще принять во вниманіе тѣ затраты, которыхъ будетъ требовать Манчжурія въ послѣдующіе годы, удерживать за нами этотъ край представляется совершенно нецѣлесообразнымъ, насколько бы линія дороги ни была важна въ отношеніи стратегическомъ.

Но, если существовавшій и существующій порядокъ, при которомъ длинная линія дороги, не смотря на всю ея многотысячную охрану, въ сущности виситъ въ воздухѣ, если этотъ порядокъ попробовать измѣнить и, выработавъ надлежащее соглашеніе съ сосѣдями, приступить къ правильной и разумной колонизаціи края,—тогда этотъ край пріобрѣтетъ для насъ такое огромное значеніе, что, если бы удержаніе его за нами не стоило столькихъ денегъ и такой массы жизней, если бы онъ намъ достался совершенно даромъ, то и въ этомъ случаѣ надо было бы употребить всѣ средства, всѣ силы, все наше поколебленное несчастною войною вліяніе на дальнемъ востокѣ и на ближнемъ западѣ, чтобы удержать за собою эту чудную страну, хранищую въ почвѣ и въ глубокихъ нѣдрахъ неоцѣненныхъ сокровища. Это особенно важно для насъ теперь, именно въ настоящую минуту, когда намъ предстоитъ разрѣшить громадную, труднѣйшую, почти неодолимую задачу надѣленія нашихъ голодающихъ крестьянъ землею.

Въ цѣломъ рядѣ статей и очерковъ ²⁾, разбросанныхъ въ различныхъ поврежденныхъ россійскихъ изданіяхъ, достаточно ясно и убѣдительно выяснено и установлено то положеніе, что, даже если отчудить для надѣленія крестьянъ всѣ удѣльныя, кабинетскія, казенныя, монастырскія и помѣщичьи земли, заселить тундры Архангельской губерніи и пески Астраханской,—и тогда земли не хватитъ для удовлетворенія существующей въ ней потребности; уже не говоря о томъ, что такая радикальная мѣра мало похожа на продуманную реформу,

¹⁾ По договору, арендаторъ, напр., золотого пріиска, долженъ отдавать китайскому правительству 25% валовой выручки и 15% чистаго дохода, не говоря уже о другихъ тяжелыхъ условіяхъ. При такомъ порядкѣ вещей честно вести предпріятіе нельзя, можно лишь хищничать и показывать въ отчетахъ невѣрныя цифры, чтобы уберечь себя отъ неизбежнаго разоренія. Въ подробности объ этомъ вопросѣ не вхожу, но и приводимыхъ соображеній, я полагаю, достаточно.

²⁾ См. между прочимъ „Право“ 1906 г. № 1, статью А. Кауфмана: „Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи“.

а скорѣе можетъ быть названа катаклизмомъ, неисчислимыя послѣдствія котораго даже не могутъ быть приблизительно взвѣшены. И, главное, этотъ катаклизмъ въ сущности измѣнить положеніе оскудѣвшаго крестьянства въ весьма лишь незначительной степени: 45 милліоновъ душъ все-таки останутся безъ надѣла; ихъ надо будетъ выселить куда-нибудь на окраины. Словомъ, такой катаклизмъ, перевернувъ все вверхъ дномъ, не дастъ ожидаемаго благополучія.

Надо полагать, что къ коренному перевороту прибѣгнуть не рѣшатся и что Дума придумаетъ болѣе раціональныя мѣры, хотя бы и не столь рѣшительныя, и что въ будущемъ — съ примѣненіемъ болѣе производительныхъ способовъ обработки земли (связанныхъ съ химико-техническими производствами, съ болѣе совершенной системой удобренія и т. д.) и прежде всего съ поднятіемъ уровня просвѣщенія крестьянской массы, — въ будущемъ острый нынѣ кризисъ разрѣшится не только путемъ дополнительнаго надѣла, котораго всегда, съ приростомъ населенія, будетъ не хватать, а главнымъ образомъ путемъ развитія культуры, подъема нашей индустріи и отвлеченія рабчихъ рукъ, занятыхъ исключительно земледѣліемъ, къ другимъ промысламъ. Въ данную минуту однако даже всякая полумѣра хороша. Поэтому нельзя не привѣтствовать расширенія дѣятельности крестьянскаго банка, какъ бы ни были безотрадны взгляды на него оппозиціонной прессы; нельзя въ то же время не возлагать извѣстныхъ упованій въ разрѣшеніи кризиса на правильно поставленное переселенческое дѣло, на заселеніе Сибири и особенно Уссурійскаго края. Послѣдній не великъ и не можетъ вмѣстить значительнаго населенія; но пока тамъ еще мѣста свободнаго много. Главная бѣда въ томъ, что онъ разобщенъ съ метрополію, и если бы мы рѣшились теперь оставить Манчжурію, то Уссурійскій край, да и все Приморье висѣли бы въ воздухѣ, будучи совершенно необезпечены отъ возможныхъ посягательствъ со стороны Японіи, которая, можетъ быть, уже теперь точитъ зубы на эту окраину. Въ этомъ отношеніи манчжурская желѣзная дорога, связанная съ сибирской магистралію, при условіи укладки второго пуги, представляетъ громадное стратегическое значеніе.

Рабирая тотъ же вопросъ, но съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія общества желѣзной дороги, у котораго одна цѣль — „получить % на затраченный капиталъ“, исчисляемый всего въ полмилліарда (т.-е. въ 6—7 разъ меньше дѣйствительнаго), когда „развивающаяся (на русскія деньги и цѣной русскихъ жизней?) въ экономическомъ отношеніи страна дастъ колоссальныя доходы для нашей желѣзной дороги, равно промышленность и торговля пожнутъ здѣсь свои лавры“, — такъ вотъ, рабирая съ этой точки зрѣнія вопросъ, г. П. Т. ¹⁾ указываетъ также на стратегическое значеніе Манчжуріи

1) См. „Харб. Вѣстн.“, № 702, ст. „Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ“...

какъ продовольственной базы, безъ которой „мы не можемъ воевать съ Японіей“. Таковая база, дѣйствительно, у насъ здѣсь была въ прошлую кампанію; но, по мѣрѣ того, какъ мы отступали къ сѣверу, база эта уменьшалась въ размѣрахъ, и продовольствіе войскъ становилось все болѣе затруднительнымъ, когда богатая хлѣбомъ южная Манчжурія перешла въ руки японцевъ. Въ настоящее время, пока южная часть Гиринской провинціи, Нингутинскій и Ашихайскій округа въ нашихъ рукахъ, мы стоимъ, такъ сказать, на базѣ; причемъ мясо получаемъ преимущественно изъ Монголіи, т.-е. съ фланга. Въ случаѣ наступательной войны базу мы сможемъ сохранить, при войнѣ оборонительной придется уже съ самаго начала отступать къ Харбину и, можетъ быть, дальше, и продовольственный вопросъ уже не удастся разрѣшить такъ просто. Въ этомъ случаѣ неизбежно придется создавать базу въ тылу, который, надо полагать, будетъ не на сѣверѣ, а на западѣ, ибо путь отступленія конечно не къ Хабаровску, а къ Хингану. Впрочемъ, и на сѣверѣ, и на западѣ безразлично—хлѣба нѣтъ, мяса также; мясо можно еще будетъ получать по прежнему изъ Монголіи, но уже не такъ легко и не въ такомъ количествѣ, потому что тамъ будутъ производить реквизиціи и японцы. Словомъ, вопросъ о продовольственной базѣ далеко уже не такой безспорный; пользуясь же исключительно выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ и избравъ операционную линію, на примѣръ, черезъ Монголію къ Цицикару, чтобы дѣйствовать на сообщенія, японцы могутъ испортить всѣ наши расчеты. Конечно, отъ насъ будетъ зависѣть улучшить наше стратегическое положеніе, путемъ заключенія договора съ Китаемъ, о чемъ рѣчь ниже,—а главное, обративъ надлежащее вниманіе на Монголію и Хэйлунцзянскую провинцію и озабочившись обезпечить еще въ мирное время сообщеніе съ Владивостокомъ.

Другое положеніе, выставленное г. П. Т., именно, что „безъ сѣверной Манчжуріи Россія не въ состояніи вести сколько-нибудь активную борьбу за обладаніе своими владѣніями въ Приамурьи (а въ Приморьи?)“ — совершенно правильно; но только не потому, что „безъ продовольственной базы въ сѣверной Манчжуріи наша армія умретъ съ голоду“, ибо эта база весьма проблематична, а потому, что по сѣверной Манчжуріи идетъ коммуникаціонный путь, по которому придется подвозить войска. Если же этотъ путь бросить, замѣнивъ его Амурской желѣзной дорогой, то стратегическое положеніе ухудшится еще болѣе и по многимъ причинамъ, которыя неоднократно обсуждались и совокупность которыхъ именно привела наши военные авторитеты къ убѣжденію въ желательности проведенія кратчайшей коммуникаціи по чужой странѣ, причемъ южная вѣтка въ военномъ смыслѣ также была чрезвычайно важна.

Итакъ, во всякомъ случаѣ можно считать установленнымъ, что для удержанія за собой отдаленныхъ нашихъ окраинъ сѣверная Манчжурія намъ необходима. Но стремленіе сохранить

путемъ такихъ огромныхъ затратъ — на проведеніе второго пути, на содержаніе охраны линіи и нѣсколькихъ корпусовъ на случай внезапной войны, прибавивъ еще сюда всѣ грандіозные расходы въ прошломъ, да весь бюджетъ Приморья и Приамурья, — стремленіе сохранить при этихъ условіяхъ отдаленную окраину не могло бы быть оправдано никакими соображеніями; такая политика поведетъ неукоснительно только къ еще большому оскудѣнію центра, цѣной чего мы еще не приобрѣтемъ надлежащей увѣренности въ цѣлости и безопасности той самой окраины съ незначительнымъ населеніемъ, изъ-за которой будемъ продолжать разорительные займы, пока еще намъ вѣрятъ на денежномъ рынкѣ. Можно смѣло сказать, что такая политика поведетъ весьма быстро и вполнѣ успѣшно къ финансовому краху и, можетъ быть, даже къ полному банкротству. Сохрани Богъ...

Совершенно измѣняется вся обстановка, если мы будемъ смотрѣть на манчжурскую дорогу, какъ на артерію нашей колоніи, а не только какъ на стратегическую магистраль; если она будетъ обслуживать не чужую страну, а нашу собственную; если деньги, которыя мы шлемъ сюда изъ петербургскаго казначейства, будутъ оставаться въ рукахъ русскихъ колонистовъ, а не исчезать въ кубышкахъ хитроумныхъ маньчжуровъ; если, поднимая благосостояніе края, мы будемъ знать, что это край нашъ, что мы здѣсь у себя дома. И пусть тогда насъ будутъ увѣрять, что японцы заняли очень выгодное положеніе стратегическое, пусть они будутъ намъ грозить войною. О, разъ здѣсь мы осядемъ прочно, мы не дадимъ себя другой разъ въ обиду; ибо война тогда уже не будетъ авантюрой, она будетъ народнымъ дѣломъ.

Намъ нужна Манчжурія, но не для эксплуатационныхъ цѣлей желѣзнодорожнаго общества, а для самой широкой ея колонизаціи. Пусть государство приметъ на себя выполненіе этого огромной важности проекта и не довѣряетъ дѣла общегосударственнаго даже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, въ самыхъ незначительныхъ деталяхъ постороннему обществу, имѣющему — какъ ни какъ — несомнѣнный характеръ частнаго. Возможно, что колонизація потребуетъ большихъ затратъ, но затраты эти съ лихвой окупятся. Собственно говоря, самое переселеніе малоземельныхъ крестьянъ не вызоветъ никакихъ расходовъ: разрѣшите имъ, и они поѣдутъ на свой счетъ и даже дадутъ заработокъ казенной Сибирской дорогѣ, приобретая проѣздные билеты хотя бы и по удешевленному тарифу. За то современемъ сократятся военные расходы на весьма почтенную сумму. Расходы же, надо полагать, потребуются на другое дѣло. Но объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Прямая и откровенная постановка вопроса о колонизаціи Манчжуріи русскими людьми въ самыхъ широкихъ размѣрахъ само собою подразумеваетъ окончательное присоединеніе края къ Россіи. Это единственно правильное и искреннее рѣшеніе манчжурскаго вопроса. Есть другое рѣшеніе — оставить Манчжурію, что повлечетъ за собой постепенное отпа-

деніе большей части Восточной Сибири, быть можетъ, до самаго Байкала. Но промежуточнаго рѣшенія, такъ называемаго компромисса, быть не должно, потому что подобныя компромиссы уже слишкомъ дорого намъ стоили, а въ будущемъ просто невозможны. Мы стоимъ, какъ сказано, за первое рѣшеніе.

Но какъ его выполнить и въ какія соглашенія надо войти съ дальневосточными сосѣдями? Намъ кажется, что насколько умѣло и искренно мы поведемъ наши переговоры съ Китаемъ, настолько дешево и легко мы приобрѣтемъ и право на край. Договоръ можетъ быть выработанъ ко взаимному удовольствію; больше того, откровенными и положительными требованіями мы можемъ завоевать полное довѣріе Китая и даже вступить съ нимъ въ дальнѣйшія соглашенія, заключить съ нимъ наступательно-оборонительный союзъ. Это можетъ послужить исходною точкою для переговоровъ.

Въ послѣднее время было много толковъ, предлагалось много совѣтовъ, какъ бы намъ вступить въ соглашеніе то съ Японіей, то съ Англіей и такимъ образомъ обезвредить нашихъ исконныхъ враговъ. Намъ кажется, что въ союзъ слѣдуетъ вступать съ другомъ, а не съ врагомъ, если хотятъ, чтобы союзъ этотъ былъ искренній и плодотворный. Китай же намъ именно другъ и другъ давнишній, и отъ насъ зависитъ усилить и развить дружественныя отношенія. Бѣда въ томъ, что у насъ привыкли смотрѣть на Китай, какъ на une *quantité négligeable*. Но это глубокое заблужденіе. Уже не далеко тотъ часъ, когда этому предубѣжденію суждено будетъ расцвѣтаться самымъ прискорбнымъ образомъ. Китай спалъ, спалъ слишкомъ долго, но, получивши рядъ самыхъ неожиданныхъ и неприятныхъ толковъ, спящій начинаетъ просыпаться. Онъ уже приступаетъ къ формированію грозныхъ военныхъ дружинъ ¹⁾, и отъ насъ будетъ зависѣть — принять ли готовящійся ударъ на себя или обратить его противъ нашихъ милыхъ сосѣдей-японцевъ, использовавъ его живую силу безъ ущерба для себя и къ вышшему укрѣпленію долготѣлейшей нашей дружбы съ пятисотмилліоннымъ народомъ, границы территоріи котораго составляютъ и нашу безконечную азіатскую границу, каждую пядь которой намъ придется защищать, если мы будемъ продолжать относиться къ сосѣду съ предубѣжденіемъ, а не постараемся войти съ нимъ въ тѣсное соглашеніе. Это соглашеніе будетъ лишь развитіемъ и дополненіемъ тѣхъ договоровъ, которые мы заключили съ Китаемъ раньше, при существовавшихъ тогда взглядахъ на это государство, какъ на очень многолюдное, но и очень слабое, — но которые были выработаны все же путемъ мирныхъ сношеній, а не исторгнуты посредствомъ насилія. Правда, мы сдѣлали крупнѣйшую ошибку, совмѣстно съ другими державами предпри-

¹⁾ Старыхъ знаменныхъ войскъ уже больше нѣтъ. Теперь введена система ландвера по рецепту Штейна и Шарнгорста. Объ этомъ я говорю подробнѣе въ другихъ статьяхъ, частью еще не напечатанныхъ.

нявъ пекинскій походъ 1900 года; но то была ошибка, которую можно будетъ заглазить, которую можно заставить позабыть. Былого не воротить. И если послѣдствіемъ ошибочнаго шага было возникновеніе извѣстнаго недовѣрія въ китайскихъ правящихъ сферахъ, то отъ насъ теперь будетъ зависѣть—это недовѣріе разсѣять. Во всякомъ случаѣ, у Китая есть много основаній искать нашей поддержки, искать союза съ нами для того, чтобы дать отпоръ наступательному движенію англичанъ изъ Индіи и нахальству японцевъ, которое послѣ побѣдоносной войны съ первоклассною европейскою державою возросло теперь до безконечности.

Японцы хозяйничаютъ на югѣ Манчжуріи далеко не такъ перемонно, какъ мы на сѣверѣ, беззащѣнно обращая страну въ свою колонію, въ свою провинцію и несомнѣнно претендуя на первенствующее вліяніе въ Пекинѣ, гдѣ они уже чувствуютъ себя хозяевами. Если мы посягаемъ только на сѣверную Манчжурію,—японцы, не удовольствовавшись полнѣйшимъ подчиненіемъ себѣ Кореи и южной Манчжуріи, простираютъ свои вождѣлѣнія еще гораздо дальше, мечтая въ будущемъ переправиться съ острова Формозы на континентъ и отъ Хайчена и Инкоу повернуть правымъ плечомъ на сѣверныя провинціи кореннаго Китая, чтобы сначала сдѣлаться полными властителями Чжилійскаго залива и Желтаго моря, а позднѣе приступить къ раздѣлу Китая, взявъ себѣ все и не удѣливъ и цяди европейцамъ.

О, у Японіи прекрасное стратегическое положеніе, она доминируетъ на азиатскомъ востокѣ, а аппетиты ея ненасытны. И вы думаете, китайцы этого не понимаютъ? Вы полагаете, что они смотрятъ на японцевъ, какъ на друзей? Нѣтъ, они, конечно, волей-неволей, должны будутъ подчиниться силѣ; но если бы Россія теперь, именно теперь пришла на помощь Китаю съ самыми искренними, твердыми и опредѣленными намѣреніями,—Китай охотно вступилъ бы въ соглашеніе. Оно возможно, оно желательно для самаго Китая, о немъ мечтаетъ теперь все южно-манчжурское населеніе; эта мысль проникла въ сознаніе народа. Послушайте-ка, что рассказываютъ сотни, тысячи бѣглецовъ изъ южной Манчжуріи, несчастныхъ изгнанниковъ, которымъ невмоготу стало терпѣть безстыдныя вымогательства нищихъ-японцевъ. Они бѣгутъ ¹⁾ къ намъ сюда, на сѣверъ, зная нашу щедрость, наше гуманное обращеніе. Бывали и у насъ прискорбные факты насилія и всякихъ несправедливостей; но мы ихъ порицаемъ сами, мы на столбцахъ газетъ обличаемъ виновныхъ, а японцы возводятъ насилія и вымогательства въ систему. Это ихъ политика. И бѣглецы ищутъ нашей защиты, и въ народѣ китайскомъ

¹⁾ Говорятъ о правительственномъ проектѣ переселенія китайцевъ въ сѣверныя области. Этотъ проектъ очень давнишній. Переселеніе до извѣстной степени поощряется по отношенію къ жителямъ кореннаго Китая. Но изъ Мукденской (Шен-Цзинской) провинціи идутъ бѣглецы, а не переселенцы.

крѣпнеть мысль о неиабѣжности войны съ Японіей, и онъ съ упованіемъ взираетъ на насъ.

Таковъ моментъ. Напрасно боятся симпатіи китайцевъ къ японцамъ: она готова была возникнуть передъ войной, она до извѣстной степени существовала во время войны; но ея теперъ нѣтъ, она исчезла, не успѣвъ окрѣпнуть, какъ только китайцы поняли истинныя цѣли, истинныя намѣренія японцевъ и разоблачили ихъ коварную политику. Обманъ раскрылся. Японцы теперъ страшны для Китая, какъ военная сила, но китайцы болѣе не вѣрятъ ихъ лживымъ обѣщаніямъ. А мы—мы должны теперъ протянуть Китаю руку друга и заключить договоръ о союзѣ. Мы приобрѣтемъ грознаго и сильнаго союзника. Ему нужны лишь деньги для того, чтобы сформировать и вооружить большую армію, и эти деньги мы должны ему найти, ему ихъ дать.

Это будетъ вознагражденіемъ за сѣверную Манчжурію, которая, все равно, уже никогда въ будущемъ не отойдетъ назадъ къ Китаю; она можетъ сдѣлаться добычей японцевъ, ее можно передать намъ, дружественной націи, на выгодныхъ для самого Китая условіяхъ, но сохранить ее въ своемъ обладаніи Китаю не удастся. Это можно доказать какъ дважды два, въ этомъ можно вполнѣ убѣдить пекинскій дворъ и пекинскихъ сановниковъ. И они согласятся, они отдадутъ намъ добровольно уже находящіяся въ нашемъ фактическомъ, хотя и неполномъ, владѣніи провинціи. А деньги? Да, мой Богъ, развѣ же можно что-нибудь въ мірѣ сдѣлать безъ денегъ! Онѣ найдутся, онѣ должны найтись, тѣмъ болѣе, что затрата окупится съ лихвою при надлежащемъ использованіи земель въ цѣляхъ разумной колонизаціи и разработки природныхъ богатствъ края. А мѣста много, охъ, какъ много! Сколько милліоновъ семей здѣсь можно расселить ¹⁾ и какъ облегчится разрѣшеніе нашего внутренняго аграрнаго вопроса, самаго важнаго изъ всѣхъ, стоящихъ нынѣ на очереди; уже не говоря о томъ, какой смыслъ, какое значеніе приобрѣтутъ для насъ тогда нашъ Уссурійскій край и вся Сибирь, какъ оживятся наши дальнія окраины и какъ выгоденъ для оскудѣвающаго центра будетъ новый установившійся порядокъ, при которомъ Дальній Востокъ превратится въ неизсякающій источникъ государственныхъ доходовъ, а не будетъ требовать, какъ прежде, безконечныхъ непріозвездительныхъ расходовъ.

И, повѣрьте, когда союзъ этотъ осуществится, японцы почувуютъ силу и пойдутъ сами на рядъ уступокъ. Тогда можно будетъ съ ними поторгаться и достигнуть соглашения, обезпечивающаго наши государственные интересы, а не нарушающаго ихъ. И на востокъ водворится миръ прочный, на-

¹⁾ Не въ одинъ годъ, конечно.

дежный и продолжительный. Многого можно достигнуть побѣдоносной войной, но никогда завоеванное мечемъ не будетъ такъ прочно, какъ то, что достигается путемъ мудрой мирной политики. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы о государственныхъ интересахъ имѣло попеченіе само государство, а не частное общество.

Семигоровъ.

Харбинъ, апрѣль 1906 г.

ПОДЪ ЗНАКОМЪ СОЛЦА.

Р О М А Н Ъ.

XXXI.

Безслѣдныя мгновенія.

Васса Валентиновна тоже отбыла немедленно. Секретарша дворянства видимо вся горѣла отъ нетерпѣливаго желанія пуститься по городу съ извѣстіями о прибытіи барона - дуэлиста и о ссорѣ, происшедшей между Филофеемъ Никодимовичемъ и Станиславомъ Станиславовичемъ. А старый эпикуреецъ попросилъ оставшихся статистиковъ и барона съ Петрушечкой въ садъ. Садъ этотъ былъ расположенъ по горѣ и спускался къ Днѣпру и старой городской стѣнѣ.

Много тутъ было сливныхъ, грушевыхъ и яблочныхъ деревьевъ. Вѣтки барбариса гнулись отъ крупныхъ гроздій розовыхъ плодовъ. Цѣлыя заросли вишенника, цѣлыя рощи терновника, гряды клубники и земляники перемѣшивались съ горами дельфиніума, сннги, піоновъ, съ цвѣтущими зарослями жасмина и шиповника. Изъ сосѣднихъ садовъ тоже лѣзли вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, отягченныя плодами.

Въ глубинѣ сада стоялъ лѣтній домикъ Станислава Станиславовича, увитый каприфолью, дикимъ виноградомъ, хмѣлемъ, эпомеями, вьющимися настурціями. Около него стояла тепличка и насажено было множество цвѣтовъ. На особой луговинкѣ пылили медоносныя травы. Подъ грушами стояли ульи. А подъ одной, особенно толстой грушей, съ образомъ покрови-

1) См. «Русск. Вѣстн.» августъ 1906 г.

телей пчеловодства, Ивосима и Савватія, помѣщался круглый столъ и скамейки.

Сидя подъ этой грушей, можно было любоваться чуднымъ видомъ на городъ и Днѣпръ, на бѣлый, воздушный соборъ, на дальніе холмы и на всю днѣпровскую долину.

Станиславъ Станиславовичъ повелъ гостей своихъ въ домикъ, отлично меблированный старинной мебелью и состоявшій изъ трехъ комнатъ.

— Прощу въ библіотеку,— сказалъ онъ,— отворяя маленькую дверь въ перегородкѣ.

Въ этой „библіотекѣ“ стоялъ только перегонный кубъ и множество бутылей и бутылокъ съ разноцвѣтными жидкостями.

Никакого присутствія книгъ въ „библіотекѣ“ не замѣчалось.

— Эхъ, какъ не стыдно Прокопу Ивановичу,—сказалъ сокрушенно Станиславъ Станиславовичъ,— второй день въ городъ—и глазъ не кажетъ!

— А я здѣсь!—вдругъ раздался голосъ.

Всѣ обернулись. Дядюшка Кривскій стоялъ въ дверяхъ „библіотеки“ съ неизмѣнной коробкой и мундштучкомъ въ рукахъ.

— Прокоша, милый другъ!—открывая объятія, сказалъ Станиславъ Станиславовичъ.

— Станиславъ, ангелъ мой!—отвѣчалъ дядюшка Кривскій, простирая короткія ручки съ багровымъ ладонями.

Они обнялись и поцѣловались.

— Вотъ за это спасибо! Теперь идемъ, милый, подъ грушу. Но прежде... Я попотчую и тебя, и Петрушечку, и моихъ гостей... Вотъ это ренклодовка! Это, я тебѣ скажу, и по цвѣту—изумрудъ, и по вкусу—прелесть, и запахъ изумительный! А вотъ это рябиновка. Скажешь, дрянъ? Обыкновеннѣйшая вещь?

— Зная твое несравненное искусство по части травничковъ и настоечекъ, никогда не скажу даже о твоей рябиновкѣ уничижительно, дорогой Станиславъ,—съ комической серьезностью отвѣчалъ дядюшка Кривскій.

— Отвѣдай!—наливая въ маленькія рюмочки и рябиновки, и ренклодовки, предложилъ Станиславъ Станиславовичъ.—Отвѣдайте, господа! Только пригубьте, прошу васъ! Вѣдь цвѣтъ какой! Камни драгоценныя! Вся роскошь востока и Месопотаміи!—наполняя другія рюмочки, цѣлымъ полчищемъ стоявшія на столѣ, убѣждалъ гостей своихъ старецъ.

Всѣ отвѣдали. И аромать и вкусъ были дѣйствительно замѣчательны.

— Это не рябиновка, нѣтъ, Станиславъ, нѣтъ! Узнать невозможно нашу ягоду простецкую,—смакуя золотисто-оранжевую жидкость, говорилъ дядюшка Кривскій.

— Но ты попробуй этотъ травничекъ,—говорилъ, блаженствуя, Станиславъ Станиславовичъ.—Это изъ семи травъ выгнано, новое изобрѣтеніе. Холодитъ небо и щиплетъ языкъ, отнимаетъ память о скорбяхъ житейскихъ, навѣваетъ пріятное расслабленіе чувствъ. Отъ семи лихорадокъ!

Попробовали травничекъ отъ семи лихорадокъ. Но за этимъ травничкомъ послѣдовали другіе, потомъ наливки, потомъ ягодное вино, съ шипомъ и отбоемъ въ переносѣ, потомъ еще травнички. Рюмочки были не больше наперстка. Отказать Станиславу Станиславовичу было невозможно, до того онъ былъ краснорѣчивъ. Вкусъ и цвѣтъ его произведеній были неподражаемы. И просилъ онъ только попробовать—пригубить, только на языкъ взять, посмаковать. Однако оглянуться не успѣли, какъ почувствовали, что изрядно пьяны. Въ головѣ шумѣло, руки и ноги утратили координацію, и сердце въ самомъ дѣлѣ стало колотиться. Къ своему ужасу, даже баронъ Фабианъ почувствовалъ, что голова у него начинаетъ кружиться и всѣ предметы окружаетъ какая-то радужная дымка. Что касается „стѣновѣда“ съ „могиловѣдомъ“, то они взялись подъ ручку и ухмылялись до ушей. Дядюшка Кривскій былъ трезвѣе всѣхъ. А Станиславъ Станиславовичъ сталъ шумень и безпощаденъ въ подпаиваніи гостей.

— Прокопъ Иванычъ! Бери эту бутылку, эту и эту. А я возьму эту, эту и эту,—кричалъ онъ.—Тамъ подъ грушей Марина справила кофей, я знаю. Идемте. Захватите рюмочекъ, рюмочекъ захватите, господа, прошу васъ!

— Ну, я вижу, что Филофей Никодимовичъ былъ правъ совершенно, когда назвалъ ваши травнички отравничками,—сказалъ Петрушечка,—чортъ знаетъ, что такое! У меня ноги не идутъ.

Однако, двинулся за Станиславомъ Станиславовичемъ, а за ними и всѣ остальные.

Баронъ не помнилъ, какъ они очутились затѣмъ подъ грушей. Красивая, полная женщина, Марина, ставила на столъ поднось съ чашками, разливавшими аромать кофе. Станиславъ Станиславовичъ наливалъ въ рюмочки травничковъ и настоечекъ, чмокалъ, пригубливалъ, смотрѣлъ на свѣтъ.

Баронъ больше не пилъ и молча любовался видомъ, раз-

вертывавшимся подъ его ногами. Кругомъ все цвѣло и искрилось на солнцѣ. Въ сосѣдномъ саду кричали грачи. Городской шумъ достигалъ сюда, въ зеленый уголокъ, смягченный и гармоничный. Легкое опьяненіе охватило теперь пріятной истомой барона. Станиславъ Станиславовичъ говорилъ правду. Отъ его травничковъ забывались всѣ скорби житейскія и проносились предъ воображеніемъ радостные сны наяву. Пролетали безслѣдныя мгновенія. И душа отдыхала и искрилась. И чувства воспринимали все въ радужныхъ оболочкахъ.

Дотолѣ молчаливый „могиловѣдъ“ Ежовъ Парфеній сталъ распространяться о 1812 годѣ и о братскихъ могилахъ павшихъ. Зайцевъ Арсеній, своимъ нѣжнымъ, дѣвичьимъ голосомъ, предлагалъ тостъ за наставниковъ.

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня ала, за благо воздадимъ!

Онъ произнесъ эти стихи со слезами на глазахъ.

Станиславъ Станиславовичъ прочелъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Жалоба драгуна на укія рейтузы“.

Между тѣмъ Петрушечка, хотя нѣсколько и заплетающимся языкомъ, сталъ подъ шумокъ разспрашивать дядюшку Кривскаго, какимъ это образомъ по городу разошлась исторія о дуэли барона съ Володей Шналленштейномъ.

— Наталья Платоновна узнала о вызовѣ отъ Лизы Осбальдистонъ,—отвѣчалъ дядюшка, крутя папироску и соря табакомъ,—а той Володя сказалъ. Кстати онъ вѣдь ей сдѣлалъ предложеніе, или она ему сдѣлала предложеніе—ужь не знаю навѣрное. Во всякомъ случаѣ, Володя, изъ принципа высказываясь за сожитіе внѣ брака, однако, не отказывается выполнить и отжившій предрасудокъ, жениться какъ слѣдуетъ, съ попомъ и шаферами, на чемъ, конечно, настаиваетъ Лиза. Наталья Платоновна проболталась затѣмъ о дуэли, которая едва не состоялась у нея въ Княжихъ Межахъ, его превосходительству, бесполезному директору никому не нужнаго департамента, князю Дольскому. Я узналъ и взялъ съ него слово молчать. И, конечно, только напортилъ. Князь на меня золъ, и едва мы пріѣхали и онъ попалъ въ клубъ, подъ рукой навралъ и наплелъ всѣмъ, кому могъ. Къ утру сплетня уже обошла весь городъ и мнѣ проходу не давали, разспрашивали.

— Я самъ такъ думалъ,—сказалъ Петрушечка.—А баронъ хочетъ потребовать объясненій у князя.

— Боже упаси!—сказалъ дядюшка Кривскій.—Баронъ, неужели вы хотите связываться съ этимъ геморoidalнымъ чинушкой?—обратился онъ къ барону Фабіану.—Оставьте. Не троньте—не услышите дурного запаха. И вообще, милый баронъ, позвольте преподать вамъ верховный, руководящій въ русской жизни принципъ.

— Что это за принципъ?—улыбаясь, спросилъ баронъ.

— Наплевать. Вотъ какой принципъ. Безъ него въ Россіи не прожить, вѣрьте мнѣ. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, скажите только: „наплевать“!—и все станетъ просто, ясно и благополучно. А теперь, мой благороднорожденный баронъ, и ты, Петрушечка, надо спасаться отъ „отравничковъ“ Станислава. Не то онъ напоитъ насъ до безчувствія. Это коварнѣйшій злодѣй! Встанемте вдругъ, разомъ и безъ объясненій, не прощаясь, молча уйдемъ. Если только ноги наши не откажутся.

Всѣ трое разомъ встали благополучно и пошли вонъ изъ сада.

— Куда? Куда?—обезсиленно завопилъ Станиславъ Станиславовичъ. И ухватился за статистиковъ, чтобы и они не ушли.

Но ежъ съ зайцемъ такъ уже употчивались, что если-бы и хотѣли встать, не могли-бы.

Они блаженно улыбулись и вдругъ дуэтомъ, довольно складно зашѣли, но другъ другу въ ротъ:

Заворуй—воруй—воруйка,
Сила маленькій дѣтинка!
Проторилъ Сила дорожку,
Мимо вала землянова,
Мимо сада зеленова,
Архирейскаго, большова,
Ко Ярилину подворью,
Ко Варварину здоровью!

XXXII.

Въ Королевскомъ саду.

Дядюшка Кривскій, Петрушечка и баронъ Фабіанъ вышли изъ сада Станислава Станиславовича черезъ маленькую калитку въ монументальномъ каменномъ заборѣ, отдѣлявшемъ садъ съ одной стороны отъ переулка.

Евдокія Кузминична не забыла передать ключъ отъ этой

калитки Петрушечкѣ, дабы не стѣснить молодыхъ людей, если-бы тѣ вернулись среди ночи или подь утро.

Переулочъ заросъ густой муравою, въ которой чуть проторена была дорожка и пропадали слабые слѣды колесныхъ колеи. Когда случалось проѣзжать по этому переулку экипажу, изъ шляхетскихъ домиковъ, съ зелеными палисадничками, подь старыми грушами и кленами, во всѣ окна, двери, ворота и даже подворотни глазѣли любопытные.

И теперь, появленіе трехъ господъ, изъ коихъ одинъ былъ совершенно незнакомъ, произвело въ переулкѣ волненіе. Прежде всего забеспокоилось четвероногое населеніе переулка, въ видѣ свињи съ дюжиной поросятъ, пестрой телочки и еврейской козы съ оттянутымъ до земли выменемъ, кормилицы цѣлой семьи шапочника Вассермана, ютившагося въ двухъ-оконномъ домишкѣ надъ обрывомъ оврага, которымъ оканчивался этотъ переулочъ съ одной стороны. Заготало и зашипѣло и двуногое, пернатое населеніе улицы, въ видѣ утокъ и гусей, кормившихся въ канавѣ, заросшей лопушникомъ и снытью, и оставляющихъ повсюду изумрудные слѣды обильнаго питанія. Наконецъ, ребятишки, бѣжавшіе куда-то со змѣемъ, остановились въ нѣмомъ изумленіи, въ домикахъ стали открываться окошки и форточки, на крыльцо вышла толстая женщина, съ голыми, выпачканными мукой руками и пылающими отъ кухоннаго жара дебелими щеками, въ кофтѣ, съ грудью, какія бывають только у лѣсныхъ нимфъ на мифологическихъ картинахъ. Въ калитки выглянули мужскія фигуры въ жилеткахъ, а шапочникъ Вассерманъ даже выскочилъ изъ окна и поспѣшно прошелъ мимо господъ и, остановившись въ отдаленіи, сталъ смотрѣть имъ въ спину.

— Да, тутъ незамѣченнымъ не пройдешь,—сказалъ дядюшка Кривскій.—Я понимаю теперь слова Цезаря о томъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. Идемте, господа, въ Королевскій садъ. Дорогой насъ вѣтеркомъ обвѣетъ и испарятся изъ мозга Станиславовы „отравнички“.

Они скоро затерялись въ безконечныхъ заборахъ, изъ-за которыхъ только глядѣли вѣтви яблонь и грушъ. Улица шла то по краю оврага, то по дну его и, наконецъ, неожиданно вышла на берегъ Днѣпра, весь застроенный лачугами, съ возвышавшимся посреди нѣ большимъ каменнымъ трехъэтажнымъ зданіемъ.

Сильный спиртовый запахъ, разлитый въ воздухъ, поразилъ обоняніе барона Фабіана.

— Отчего это такъ спиртомъ пахнетъ?—спросилъ онъ.

— А прочтите вывѣску на семьъ зданіи,—отвѣчалъ Петрушечка, указывая на каменный домъ, казавшійся великаномъ среди окружавшихъ его хижинъ.

„Казенный Ректификаціонный заводъ“—значилось на вывѣскѣ.

— Это собраніе гнилыхъ лачугъ называется у насъ Калачевкой. Населеніе здѣсь самое бѣдное, самое пьяное и самое вороватое во всемъ городѣ, но много живетъ калачницъ. Пекутъ калачи изъ сѣрой муки и продаютъ на Днѣпровскомъ мосту,—объяснилъ дядюшка Кривскій.—Посмотрите, однако, на эту фигуру!

На углу стоялъ малый въ рубищѣ, съ трясущимися членами. Но, видимо, онъ вдыхалъ сладострастно спиртуозную атмосферу, распространяемую заводомъ. Тонкія ноздри его длиннаго, лиловаго носа раздувались. Онъ приплясывалъ на мѣстѣ, прищелкивалъ пальцами и облизывалъ воспаленнымъ языкомъ сухія губы.

— Эхъ, господа честные!—возопилъ онъ, запримѣтивъ „чистую публику“.—Пожертвуйте хотя на мерзавчикъ. А то на соблазнъ заводъ поставленъ. Духъ около носа такъ и вѣтается, а въ руки не дается!

Дядюшка Кривскій далъ малому гривенникъ и тотъ сталъ кланяться до земли и размахивать шляпенкой.

— Это вѣдь муки Тантала!—сказалъ дядюшка.—Подумайте, каково здѣшнему запойному народу постоянно пребывать въ спиртовой атмосферѣ, распространяемой заводомъ, а? Какъ-то этотъ заводъ погорѣлъ. Воспламененный спиртъ стали спускать въ Днѣпръ. Что-же, толпа нищихъ пропойць собралась къ этой огненной рѣкѣ и, ставъ на колѣни, стала лакать пылающія волны спирта. Волосы, рожи, глотки себѣ опалили.

Пройдя еще, они увидѣли большое мѣсто огороженное деревяннымъ заборомъ. На немъ ничего не было, кромѣ какого-то балаганчика и столба съ колесомъ на вершинѣ. Въ воротахъ устроены были деревянные, вертящійся крестъ и маленькая будочка съ надписью „касса“. Надъ воротами красовалась вывѣска: „Садъ интеллигентныхъ развлеченій для бѣднѣйшаго населенія города Общества Поощренія Воздержанія, Цѣломудрія и Трезвости имени Почетнаго Гражданина Михаила Ицковича“.

— А вотъ здѣсь отвлекаютъ обывателей Калачевки отъ искушеній спиртуозной атмосферы, распространяемой заве-

домъ, — объяснилъ дядюшка. — За это пустое мѣсто Ицековичъ и почетное гражданство получилъ.

Мимо сѣдой стѣны, избитой, съ обвалившимися зубцами и поросшей кустами и цѣлыми деревьями, поднялись вверхъ къ городскому саду.

Садъ назывался Королевскимъ, потому что былъ расположенъ на мѣстѣ старой польской крѣпости и съ одной стороны ограждался громаднымъ насыпнымъ валомъ, сооруженнымъ королемъ Сигизмундомъ III.

Садъ былъ великъ, съ тѣнистыми аллеями, съ старыми деревьями и наливными, стоячими прудами. Вода въ этихъ прудахъ зацвѣла ряской и тиной, похожа была на ботвинью и хоры лягушекъ самодовольно урчали въ ней. Посреди сада была площадка и длинное деревянное зданіе съ навѣсомъ, гдѣ помѣщался ресторанъ.

Тутъ играла обыкновенно музыка, устраивались фейерверки и иллюминаціи, въ большомъ балаганѣ помѣщался циркъ и музей съ „анатомическимъ“ кабинетомъ, куда не пускали гимназистовъ черезъ переднія двери и куда они проникали черезъ заднія. Подъ деревьями на площадкѣ стояли столики, равно какъ и подъ навѣсомъ.

Бритая компанія опереточныхъ актеровъ въ желтыхъ башмакахъ и свѣтлыхъ „петанлерчикахъ“, обшитыхъ ленточкой, съ шлемами изъ люфы, жокеями и соломенными шляпами на головахъ, — съ тросточками, сопровождая тощую актрису съ острыми локтями и глазами, выскакивающими изъ орбитъ, съ шумнымъ разговоромъ, смѣхомъ, подпѣвая и показывая, какъ имъ весело и беззаботно живетъ, прошла къ пруду, разсѣлась въ лодки, и стала медленно кататься по „ботвиньѣ“, произведя разстройство въ лягушечьихъ хорахъ.

Дядюшка Кривскій предложилъ подняться на валъ и полюбоваться открывающейся оттуда чудной панорамой.

И правда, видъ былъ чудный, на десятки верстъ. Идя по валу, они замѣтили на скамейкѣ двухъ молоденькихъ, изысканно одѣтыхъ евреечекъ. Съ ними сидѣлъ русскій студентъ въ мундирѣ и со шпагой, съ хитровой бѣлорусской физиономіей. Одна изъ евреечекъ, по своему хорошенькая, что-то читала изъ книжки.

— Подождемте, господа, послушаемъ, что это они читаютъ, — сказалъ дядюшка Кривскій. — Вонъ рядомъ скамеечка. Можно присѣсть. Замѣьте, у цивилизованныхъ евреевъ считается особеннымъ шикомъ, чтобы молоденькія евреечки — невѣсты

гуляли съ русскимъ студентомъ хорошей фамиліи. А русскіе студенты хорошихъ фамилій, но съ оскудѣніемъ наслѣдственныхъ маетностей, кажется, не отвращаютъ практическаго взора отъ банкирскихъ богатыхъ дочекъ. Хотя онѣ имъ не достаются никогда. Папахенъ уже заготовилъ зятя изъ Вильны или изъ Минска, этого сѣверо-западнаго центра іудейской цивилизаціи. Подойдемте. Ихъ это не смутить. Онѣ нарочно сидятъ, чтобы ихъ видѣли, и нарочно читаютъ, чтобы ихъ слышали.

Дядюшка Кривскій, Петрушечка и баронъ Фабіанъ сѣли на ближней скамейкѣ. Евречки кинули на нихъ косвенные взгляды маслинообразныхъ глазокъ и опять сосредоточились на читаемой книжкѣ. Онѣ были модно причесаны и пошевеливали перетянутыми таліями, чтобы шелковыя юбки, поднимавшіяся надъ ихъ ножками въ золотистыхъ башмачкахъ, шуршали и свистѣли, обличая благородный матеріалъ, изъ котораго были сшиты. Онѣ были еще очень юны, лѣтъ 16—17-ти, обѣ на одно лицо, съ горбатыми носиками, алыми щечками и припухлыми губками. Только у одной вся правая сторона усѣяна была роями веснушекъ.

Студентъ курилъ папиросу и довольно разсѣянно слушалъ читавшую дѣвушку, которая подняла голосъ, едва замѣтила постороннихъ.

— Народное собраніе—асамблѣ насіональ—въ лицѣ представителей дворянства и духовенства постановило полную перемѣну формы правленія съ замѣной автократіи тираніи на суверенитетъ народа.

Еврейка читала съ упоеніемъ и благоговѣніемъ и къ книжкѣ, и къ самой себѣ, читающей такую премудрость. Читала она наставительно, видимо, считая своей культуртрегерской миссіей просвѣтить русскаго грубаго студента на счетъ великой французской революціи. Какъ всегда, обиліе буквы „р“ въ терминологіи заставляло дѣвушку глотать воздухъ и мило картавить.

— Ну,—сказалъ дядюшка Кривскій, поднимаясь,— это уже ново. Мы это уже давно слышали—и „суверенитетъ народа“, и „полную перемѣну формы правленія“. Проїдемте по валу, да и обѣдать пора. Тамъ въ рестораціи увидимъ прелюбопытныя губернскія фигуры.

Они пошли дальше, любуясь видомъ.

— Третье сословіе—тіеразъ эта—которое было ничѣмъ и стало всѣмъ...—донеслось до нихъ картавое чтеніе шикарно-цивилизированной еврейки.

Обойдя садъ по валу, они уже собирались спуститься къ ресторану, когда замѣтили внизу, въ оврагѣ запачканнаго мальчишку, безъ шапки, босого, распоясаннаго, съ торчащей изъ дыръ штанишекъ рубашкой, который бѣжалъ съ лихимъ видомъ и на бѣгу подщелкивалъ себя пятками.

— А у насъ нонѣ,—кричалъ онъ пронзительно, въ восторгѣ, точно сообщалъ нивѣсть о какомъ вкусномъ блюдѣ,—а у насъ нонѣ жидовъ б-б-и-и-и-ть б-б-у-у-ду-уть!

— Замѣьте, господа,—сказалъ дядюшка Кривскій,—какое трогательное единодушіе и взаимное пониманіе у этого „представителя народа“ и тѣхъ культурныхъ интеллигентовъ съ имъ „полной переменной формы правленія“.

XXXIII.

Губернская ресторація.

Появленіе дядюшки Кривскаго съ Петрушечкой и барономъ подѣ навѣсомъ рестораціи Королевскаго сада произвело волненіе. Лакеи въ грязныхъ фракахъ бросились указывать столъ и отодвигать стулья, низко кланяясь.

— Позовите Митрошку,—приказалъ дядюшка, усаживаясь.

Митрошка—толстякъ съ ударной шеей и рябой, распухшей физиономіей—явился и, почтительно кланяясь, освѣдомился давно ли изволили въ городъ пожаловать.

— Вчера вечеромъ, братъ. Да не въ этомъ сила,—сказалъ дядюшка.—Накорми ты насъ.

— Затѣмъ и ресторанъ держимъ-съ,—отвѣчалъ Митрошка,—вотъ-съ по картѣ изволите приказать.

— Накорми ты насъ!—ударяя на словѣ „накорми“,—опять повторилъ дядюшка.

— Слушаю-съ. Разумѣю-съ,—встрепенулся Митрошка.

— А разумѣешь, такъ дѣйствуй, чтобы не стыдно было гостя. Это не кто-нибудь—баронъ. Ему надо тонко подать.

— Разумѣю-съ. Удовлетворю-съ,—отвѣчалъ Митрошка и, размахивая руками, устремился пузомъ въ свою кухню.

— Ужасный мошенникъ!—сказалъ дядюшка Кривскій.—Но онъ меня знаетъ и накормитъ отлично. И вина хорошаго подастъ. Конечно, сдеретъ за это. Но за то вы полюбуетесь галлереей губернскихъ типовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ саду стали появляться обычные за-всегдатаи ресторана и за привычными столиками усаживаться подѣ навѣсомъ.

Въ дальнемъ углу уже сидѣла актерская компанія. Потомъ явилось нѣсколько судейскихъ. Всѣ они были одѣты у московскаго портного и, подойдя къ столику, гдѣ сидѣлъ дядюшка Кривскій, азоровались съ нимъ, бросая любопытные взгляды на прямую и строгую фигуру заѣзжаго барона.

Дядюшка Кривскій не счелъ однако нужнымъ ихъ представлять барону и они усѣлись въ сторонкѣ, скромно спросивъ шнелъклопсовъ и пива.

Изъ глубины ресторанныя помѣщенія шелъ достаточно неприятный чадъ. Въ биллиардной слышался грескъ шаровъ-Митрошка, двигаясь пузомъ, размахивая руками, появился опять съ донесеніемъ, что есть рябчики, есть рыба, есть спаржа и есть дыня.

— Ну, и неси намъ этихъ рябчиковъ, рыбу, спаржу и дыню, — распорядился дядюшка.

Къ нему подошелъ молодой человекъ въ бѣломъ, чечучевомъ сюртучкѣ, сильно на ходу вилявшій задомъ, съ отличными черными бакенбардами, но съ какимъ-то оплывкомъ вмѣсто носа. Это былъ не служащій шалопай, молодой губернский дворянинъ, только что получившій наслѣдство и уже прокучивавшій его при помощи мѣстныхъ значныхъ учреждений съ солидною неторопливостью. Съ дядюшкой онъ былъ на „ты“ и они обнялись.

— Ну, что, Борисъ, шалопайничаешь? — спросилъ его дядюшка.

— Ахъ, такая тоска! Такое однообразіе! Зачѣмъ я здѣсь? — вскричалъ молодой наслѣдникъ, пожимая руку Петрушечки.

— Здѣсь ты вѣроятно затѣмъ, чтобы обѣдать. Садись къ нашему столику. Позвольте вамъ представить, баронъ, сей отпрыскъ дворянскаго древа жизни. Садись-же, садись, отпрыскъ!

— Зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ я вообще въ Россіи, когда мнѣ слѣдуетъ ѣхать доканчивать мое образованіе въ Оксфордъ? — продолжалъ „отпрыскъ древа жизни“. — Кто отвѣтитъ? Лѣнь, русская лѣнь, и я сижу здѣсь, въ этомъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ никакой жизни. Я такъ полагаю, баронъ, — продолжалъ молодой дворянинъ, садясь и обращаясь къ барону Фабіану. — Я такъ полагаю, что вопреки мрачнымъ предсказаніямъ славянофиловъ, Западная Европа продолжаетъ быстро развиваться, — скороговоркой проговорилъ „отпрыскъ древа жизни“.

— Положимъ, что развивается, — сказалъ дядюшка Кривскій, тебѣ-то, Боря, какое дѣло до этого быстрого развитія? Вѣдь ты классическую гимназію... не кончилъ.

— Я убѣжденъ, что развитіе Западной Европы идетъ впередъ,—отворачиваясь отъ дядюшки, быстро продолжалъ „отпрыскъ“.—Никогда еще она не была здоровѣе и могущественнѣе, чѣмъ теперь!.. Ея техника, ея приемы борьбы съ природою за жизнь безконечно совершенствуются! Наука съ ея точными методами изслѣдованія, съ ея положительнымъ знаніемъ дѣйствительности дѣлается достояніемъ широкихъ массъ...

— Да, пощади, Борисъ,—взмолился дядюшка,—изъ какого это ты либеральнаго псалтыря вычитываешь?

— ...Массъ. Личность западнаго европейца пользуется такою свободою и неприкосновенностью, какая еще никогда не была достигнута. Въмѣстѣ съ тѣмъ, его личность выработала въ себѣ способность и умѣнье дѣйствовать въ союзѣ съ другими, коллективно. Всѣ эти начала, въ своей совокупности созданныя Западомъ, придаютъ ему такую мощь, которая не можетъ быть сокрушена ни однимъ изъ отсталыхъ народовъ въ ихъ теперешнемъ состояніи. Наоборотъ...

— Ахъ, чортъ тебя возьми!—сказалъ дядюшка Кривскій,—да откуда ты эту гиль выучилъ?

— Наоборотъ, каждый изъ нихъ при столкновеніи съ Западомъ, обреченъ, рано или поздно, на полное пораженіе. Это обстоятельство начинаетъ становиться понятнымъ для самыхъ отсталыхъ народовъ. Передъ каждымъ изъ нихъ...

— Варваръ,—простоналъ дядюшка, затыкая уши,—долго-ли ты будешь извергать изъ себя эти пошлости?

— Возникаетъ неизбѣжная альтернатива—или, усвоивъ съ возможною быстротою начала западно-европейской культуры, развернуть всѣ свои силы и такимъ образомъ въ технику борьбы за жизнь сравняться съ западомъ, или, пренебрегши западно-европейскимъ опытомъ и сохранивши преданность „національнымъ началамъ“, погибнуть. Другого выбора нѣтъ.

На сосѣднемъ столикѣ, гдѣ сидѣли за шнелъклопсами судейскіе, раздались аплодисменты. „Отпрыскъ древа жизни“ всталъ и самодовольно раскланялся въ сторону аплодисментовъ.

— Другого выбора нѣтъ,—повторилъ онъ, ударивъ себя въ грудь.—И тѣ народы, у которыхъ инстинктъ самосохраненія еще не притупился, жертвуютъ старо-національными привычками и энергично прививаютъ себѣ западно-европейскія начала...

Дядюшка Кривскій поспѣшно налилъ рейнъ-вейна и сувулъ „отпрыску“ къ устамъ, въ то-же время дернувъ его за фалды и усадивъ.

— Да замолчи Бога ради, Борисъ!—умоляль онъ.—Что это такое? Откуда ты вызубрилъ эту галиматью?

— Это моя политическая исповѣдь, а не галиматья,—обиженно отвѣчалъ „отпрыскъ“.

— Я ни откуда не училъ. А это программа нашей фракціи. Развѣ ты не знаешь, что я вступаю въ компанію на паряхъ, которую организуетъ Соломонъ Соломоновичъ съ цѣлью покупки „Вѣстника“ у генерала Подчеревнаго? Какъ-же, дѣло совсѣмъ уже налажено. И сейчасъ сюда явится вся наша фракція. Цвѣтъ и прогрессъ! Прогрессъ и гласность! Гласность и децентрализація!

— Эхъ, братъ, видно, что ты по малоусиѣнности изъ четвертаго класса вышелъ,—съ досадой сказалъ дядюшка Кривскій.—Обережь тебя Соломонъ. Вотъ увидишь. Имѣніе-то заложилъ?

— Заложилъ!—сіяя самодовольствомъ, отвѣчалъ „отпрыскъ“ древа жизни“.

— Ужъ лучше-бы въ самомъ дѣлѣ въ Оксфордъ уѣхалъ, право. А имѣніе какое чудное досталось. Помню, у отца твоего превосходная бібліотека была богословская. Переводы отцовъ церкви славянскіе. Онъ любитель былъ.

— Ну, эту рухлядь я всю отправилъ на чердакъ,—сказалъ „отпрыскъ“.—Кому это теперь надо? Кого можетъ занимать? Отцы церкви какіе-то? Я составилъ себѣ новую бібліотеку по указанію Соломона Соломоновича, на нѣмецкомъ языкѣ. Все социалисты, талмудисты, экономисты, утописты, педагогисты утилитаристы, пессимисты...

— Пстой, пстой, педагогистъ! Вѣдь ты нѣмецкаго языка не знаешь?

— Я учусь, что-жъ такое? Да и бібліотеку еще не прислали изъ Берлина. Послалъ заказъ. Библиотеку я, однако, въ деревню не увезу, а буду здѣсь въ своемъ домѣ держать, чтобы ея могли пользоваться наши сіонисты. Я вѣдь сіонистъ, да. И въ бібліотекѣ будетъ полный талмудъ на древне-еврейскомъ языкѣ.

— Талмудъ! Борисъ, да ты что-же, обрѣзался, что-ли? Какое тебѣ дѣло до сіонистовъ? И почему отцовъ церкви ты выбросилъ, а талмудъ выписываешь? Ты меня просто изумляешь! Слишкомъ ужъ дико, даже и для нашихъ мѣстъ.

— Ты немного отсталъ, мнѣ кажется, отъ вѣка,—возразилъ не безъ важности „отпрыскъ дворянскаго древа жизни“,—теперь всѣ передовые люди—сіонисты. Всѣ понимаютъ, что и не будучи евреями, они нравственно обязаны помочь имъ наконецъ получить

законно-охраняемое отечество. Это—первая задача всякаго прогрессиста, и пока эта основная цѣль не достигнута, всѣ остальные должно отложить въ сторону. Я—русскій дворянинъ и даже уважаю гуманную личность основателя христіанства, но я—убѣжденный сіонистъ. Я пожертвовалъ обществу шкловскихъ сіонистовъ знамя и три тысячи рублей и они мнѣ прислали адресъ на еврейскомъ языкѣ. Приходи ко мнѣ, покажу.

— Смотри, ты по-еврейски еще не выучился...

— О, я учусь!

— Но еще не выучился и никогда не выучишься, такъ-же какъ и нѣмецкому. Тамъ, можетъ бѣть, твои шкловскіе сіонисты въ насмѣшку тебя въ этомъ адресѣ выругали, какъ нельзя хуже. А ты и не знаешь.

— Ну, какъ это можно предполагать? Что ты! Я-же имъ послалъ шитое золотомъ знамя еврейскихъ національныхъ цвѣтовъ и три тысячи...

— Знаешь, если бы я былъ евреемъ, то, не смотря на знамя и тысячи, все-таки тебя въ адресѣ выругалъ бы тайнымъ манеромъ. Стоить! Съ какой стати ты отцовское наслѣдство трапишь на еврейское отечество? Да и на что имъ это отечество въ Палестинѣ, когда скоро къ ихъ услугамъ будетъ вся Россія?

— Съ какой стати! Ну, ужъ если признаться, такъ я...— „отпрыскъ“ понизилъ голосъ,—взялъ на содержаніе такую жидовочку, что прелесть! Ради нея и сіонистомъ сталъ. Но вотъ идетъ наша фракція! Ты знакомъ съ Соломономъ Соломоновичемъ?

— Какъ-же, знакомъ. Съ кѣмъ я только не знакомъ!—отвѣчалъ дядюшка Кривскій.—Но ты сажай свою фракцію въ сторонкѣ. Все равно можно будетъ и слышать, и наблюдать.

— Ахъ, это гораздо лучше! Знаешь, Соломонъ Соломоновичъ считаетъ тебя врагомъ евреевъ и ретроградомъ... Я даже скрою, что знакомъ съ тобою, чтобы не повредить своей репутаціи.

XXXIV.

Собраніе мѣстныхъ силъ.

„Отпрыскъ дворянскаго древа жизни“ торопливо перебѣжалъ за столикъ судейскихъ.

Подъ навѣсъ рестораціи между тѣмъ вступала сіонистская „фракція“.

Впередѣ шелъ въ широкополой шляпѣ и въ парѣ бле-

электрикъ самъ мѣстный публицистъ Соломонъ Соломоновичъ. Это былъ молодой, худощавый еврей, съ сѣрымъ, нервнымъ лицомъ, совершенно безпросвѣтнаго выраженія и съ горящими мстительнымъ огнемъ впалыми глазами. Бритыя щеки и губы его отливали оливково-синеватымъ оттѣнкомъ. Онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и былъ-бы даже довольно строенъ, если-бы не сутулыя плечи и не впалая грудь.

Онъ шелъ, глядя прямо передъ собою, съ самоуглубленіемъ и какъ-бы въ остолбенѣннѣи передъ своимъ призваніемъ и сіонистской идеей. Тонкими, желтоватыми, какъ у мертвеца, пальцами согнутыхъ рукъ онъ какъ-бы нѣчто невидимое передъ собою ощущивалъ, напоминая движущагося въ тѣсотѣ слѣпого. Рядомъ съ нимъ поспѣшала, забѣгая то справа, то слѣва, старенькая, но кругленькая, румянькая, сдобненькая дамочка, съ стриженными въ скобку волосами, прикрытыми мужскимъ, низкимъ цилиндромъ, съ пестрымъ, яркимъ галстучкомъ на пластронѣ, выгнутомъ на обширной груди, въ открытомъ пиджачкѣ и короткихъ юбкахъ, изъ-подъ которыхъ выставлялись большія ноги въ штиблетахъ съ высокими каблуками. Въ рукахъ дама держала, увязанное въ ремешкахъ, полное собраніе сочиненій Михайловскаго, переплетенное въ одинъ чудовищный томъ и напоминавшее тяжелый сундучекъ. Изъ кармановъ юбочки у дамы торчали свертки рукописей. Это была извѣстная всему городу идейная дама, госпожа Мирликійская, дочь протоіерея, но прогрессивно-передовыхъ убѣжденій. Въ редакціи мѣстнаго „Вѣстника“ она исполняла должность секретаря и преклонялась предъ двумя геніями — Михайловскимъ, съ сочиненіями котораго никогда не разставалась, и редакторомъ губернскаго органа Соломономъ Соломоновичемъ. За вождемъ и секретаршей двигалась остальная „фракція“, состоявшая впрочемъ только изъ пяти человекъ: члена управы, писавшаго въ газетѣ по экономическимъ вопросамъ, Модеста Кукушкина, одѣтаго въ желтую крылатку и котелокъ и сильно напоминавшаго факельщика погребальной процессіи, адвоката Щечкина и официального редактора-издателя, старца-генерала Подчеревнаго, съ младенческимъ выраженіемъ сморщеннаго личика съ вытѣзшими волосами на черепѣ, бровяхъ, губахъ и подбородкѣ, но съ густыми, сѣдыми клоками на оттопыренныхъ ушахъ. Редакторъ-издатель одѣтъ былъ въ теплую шинель на ватѣ, несмотря на лѣтнее время, и двигался, опираясь на костыль. При взглядѣ на него припоминался и сѣдой Харонъ, перевозящій тѣни умершихъ черезъ Стиксъ. и тѣ отставныя существа, которыя, кряхтя и охая, взбираются за

пенсіей въ нарочитый день по лѣстницѣ казначейства. Генералъ былъ такъ старъ, что уже не помнилъ не только настоящаго, но и прошедшаго, а одно только давно-прошедшее. И тѣмъ не менѣе энергично враждовалъ съ губернаторомъ. „Фракцію“ дополняли еще двѣ личности—„студентъ“ Заушевичъ, носившій, дѣйствительно, университетскую фуражку, и молодой человѣкъ, въ костюмѣ полового съ суковатой дубинкой въ рукахъ. Онъ раньше служилъ приказникомъ въ книжной лавкѣ. Но городъ посѣтилъ „великій Максимъ“ и, когда справлялся въ лавкѣ о количествѣ проданныхъ экземпляровъ его піесы „На днѣ“ съ цѣлю опредѣлить степень культуры обывателей, разговорился съ приказникомъ и открылъ въ немъ беллетриста-мыслителя. Онъ благословилъ его своею собственною дубинкою и портретомъ съ автографомъ. Послѣ этого молодой человѣкъ приглашенъ былъ сотрудникомъ въ „Вѣстникъ“ и помѣщалъ въ немъ рассказы „максимовскаго“ жанра.

— Соломонъ Соломоновичъ!—крикнулъ „отпрыскъ дворянскаго древа жизни“, когда „фракція“ вступила подъ навѣсъ ресторана.—Я здѣсь!

Но Соломонъ Соломоновичъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ возгласъ и, приблизившись къ свободному столику, снялъ шляпу и положилъ ее, обнаруживъ черную, какъ смоль, и курчавую, какъ у негра, шевелюру.

Госпожа Мирликійская поспѣшно шлепнула рядомъ со шляпой Соломона своего Михайловскаго и стала разстегивать пряжки ремешковъ и снимать ихъ, чтобы имѣть эту „энциклопедію прогрессивно-мыслящаго человѣчества“, какъ она выразилась, подъ руками всякую минуту для справокъ.

„Фракція“ между тѣмъ разсаживалась кругомъ.

„Отпрыскъ дворянскаго древа жизни“ подскочилъ и сталъ униженно кланяясь, пожимать всѣмъ руки. Несмотря на его пожертвованія и будущую роль пайщика газеты, „фракція“ обходилась съ нимъ чрезвычайно свысока и небрежно. Соломонъ Соломоновичъ еле удостоилъ ему протянуть руку.

— Кажется, я еще не ѣлъ сегодня,—меланхолически произнесъ великій еврей.—А я такъ много работалъ для дѣла и такъ усталъ!

Онъ безнадежно опустился на стулъ.

— Да! Да! Соломонъ Соломоновичъ, вы еще ничего сегодня не ѣли,—аатараторила мадамъ Мирликійская,—это ужасно! Вы себя не бережете! А вы такъ нужны, такъ безконечно важны для дѣла теперь, когда у человѣчества такъ мало геніевъ и самого Николая Константиновича не стало.

— Да, я еще не ѣлъ сегодня, — опять меланхолически повторилъ Соломонъ Соломоновичъ. — А кажется, я заработалъ свой кусокъ хлѣба съ солью и свой стаканъ воды.

— Че-а-экъ! — рявкнулъ членъ управы Модестъ Кукушкинъ. — Водки! Закуски! Пива! И восемь обѣдовъ! Вы съ нами обѣдаете? — [кинулъ онъ черезъ плечо „отпрыску дворянскаго древа жизни“.

— Конечно, мосье Борисъ обѣдаетъ съ нами, — пропищала мадамъ Мирликійская. — Онъ же насъ пригласилъ и за все платить.

— Конечно! Разумѣется! Я весьма охотно! — поспѣшилъ сказать тотъ.

— Я шамъ жа шебя плашу, — прошамкалъ генераль Подчеревный. — И мнѣ капушту, одну капушту!

— Интересная черта бытовыхъ особенностей отживающаго строя, Соломонъ Соломоновичъ, — сказалъ беллетристъ, одѣтый половымъ, играя „дубинкою Максима“, — здѣсь позвали лакея словомъ „человѣкъ“. Такъ въ этомъ догнивающемъ строѣ священнѣйшее изъ званій дается служающимъ парямъ. „Человѣкъ! это звучитъ гордо!“ сказалъ гениальный Максимъ. И вотъ, это гордое слово раздается у насъ въ трактирахъ! Характерно!

— Характерно! — какъ эхо, повторилъ за беллетристомъ „студентъ“ Заушевичъ.

— Ваша мысль оригинальна и рекомендую вамъ написать передовую статью о челѣвѣкѣ и „челѣвѣкѣ“ — прощрительно сказалъ Соломонъ Соломоновичъ, которому подали тарелку съ бутербродами изъ свѣжей икры и рюмку старой мадеры вмѣсто „хлѣба и воды“.

— Это я распорядился, — льстиво сказалъ ему „отпрыскъ“, вырывая изъ рукъ лакея тарелку и самъ ставя ее передъ Соломономъ Соломоновичемъ. — Я знаю, что вы любите свѣжую икру. И ваша мадера! Обѣдъ тоже мною заказанъ напередъ, господа, — обратился онъ къ остальной „фракціи“. — И капуста для васъ, генераль!

— Я шамъ жа шебя плашу, — упрямо прошамкалъ генераль Подчеревный.

— Сигары и папиросы! Что-же сигары и папиросы! — засуетился „отпрыскъ“ и побѣжалъ въ глубь ресторации.

— Какъ онъ суетится! — пожимая плечами, сказалъ Соломонъ Соломоновичъ и съ брезгливымъ видомъ сталъ жевать бутербродъ, въ то-же время развернувъ передъ собою номеръ сіонист-

ской газеты на древне-еврейскомъ языкѣ, дабы не терять времени даромъ.

Между тѣмъ у беллетриста и мадамъ Мирликійской поднялся споръ объ опредѣленіи слова „человѣкъ“.

— Человѣкъ — это звучитъ гордо! — повторялъ беллетристъ. — Это гениальное опредѣленіе.

— Это, конечно, гениально, какъ всякая строка Максима Горькаго и Леонида Андреева, согласилась мадамъ Мирликійская, — но это не философское и не социологическое опредѣленіе.

— Къ чорту социологію и философію! — сказалъ беллетристъ. — Это опредѣленіе босяцкое и довольно.

— И совершенно довольно, — повторилъ, какъ эхо, „студентъ“ Заушевичъ.

— Я совершенно согласна, что босякъ скажетъ новое слово человечеству... — заторопилась мадамъ Мирликійская.

— Онъ ужъ его сказалъ! — рѣшительно крикнулъ беллетристъ и стукнулъ крѣпко „дубинкою Максима“ по столу.

— А-ахъ! — сдѣлалъ Соломонъ Соломоновичъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и уронивъ бутербродъ на древне-еврейскую газету. — Можно-ли такъ неожиданно стукать! Нужно имѣть нервы гиппопотама!

— Я совершенно согласна, что босякъ уже сказалъ новое слово человечеству, — торопилась мадамъ Мирликійская. — Но истинно социологическое и позитивно-философское опредѣленіе слова „человѣкъ“ можно только найти у Николая Константиновича. Позвольте! — дама поспѣшно надѣла на свой кругленькій носикъ черепаховое пенсне и ухватилась за чудовищный томъ полнаго собранія сочиненій Михайловскаго, — вотъ тутъ въ изслѣдованіи „Что такое прогрессъ?“ — 1423-й столбецъ, 31-я строка снизу.

Дама стала перелистывать томище.

— Ахъ, какой вѣтеръ вы сдѣлали! — нервно содрогаясь, поднимая воротникъ пальто и загоразживаясь древне-еврейской газетой, сказалъ редакторъ.

— Извините, ради Христа и... — дама подумала, — Моисея и Лассалья, — скороговоркой прибавила она. — Вотъ опредѣленіе! — съ торжествомъ воскликнула мадамъ Мирликійская и прочла: — „Субъективно-объективное опредѣленіе человѣка, не во гнѣвъ будь сказано мистеру Спенсеру и російскимъ гамлетизированнымъ поросятѣмъ, не поддается социальному анализу, но, какъ среда идейныхъ ферментовъ, квалифицируется въ личности героя и растворяется въ безличности толпы, какъ общественность на подкладкѣ біолого-экономико-

«соціологической проблемы». Вотъ полное опредѣленіе чело-
вѣка, данное незабвеннымъ Николаемъ Константиновичемъ.
Онъ самъ мнѣ подчеркнулъ его оранжевымъ карандашемъ!
Можно ли хоть слово прибавить къ этому опредѣленію? Это
гениально!

— Обѣдь, господа! Уха!— возгласилъ, появляясь, въ сопро-
вожденіи лакея, несшаго большую миску, „отпрыскъ“.

Онъ схватилъ суповую ложку и самъ поспѣшилъ налить
ухи въ тарелку Соломона Соломоновича.

— Охъ, какъ вы неожиданно плеснули! — воскликнулъ
нервный редакторъ, содрогаясь съ ногъ до головы. — Дайте
мнѣ, пожалуйста, мой *cali bromati!*— обратился онъ къ секре-
таршѣ.

XXXV.

Чаша страданій еврейскаго народа.

Мадамъ Мирликійская достала изъ объемистаго кармана
склянку съ лекарствомъ, налила столовую ложку *cali bromati*
и подала Соломону Соломоновичу.

Нервный редакторъ проглотилъ и принялся за уху.

— Это что же, вмѣсто водки, вы *cali bromati* пьете, Соло-
монъ Соломоновичъ? — полюбопытствовала Модестъ Кукуш-
кинъ.

— У всѣхъ геніевъ обнаженные нервы, — съ глубокимъ
вздохомъ сказала секретарша. — У покойнаго Николая Кон-
стантиновича бывали такіе припадки нервной раздражитель-
ности, что онъ запирался въ отдѣльную, пустую комнату и
тамъ швырялъ о полъ желѣзнымъ стуломъ.

— А! Бываютъ дни, когда я чувствую желаніе всему чело-
вѣчеству пустить въ голову желѣзнаго стула! — сказалъ
Соломонъ Соломоновичъ.—Здѣсь!—онъ показалъ на древне-
еврейскую газету,—достаточно обвинительнаго матеріала, чтобы
признать челоѣчество достойнымъ желѣзнаго стула.

— Это какъ у великаго Максима, его герои часто выра-
жаютъ желаніе плюнуть всему челоѣчеству въ глаза,—ска-
залъ беллетристъ.

— И стоитъ наплевать за страданія евреевъ всему челоѣ-
честву въ глаза!—отозвалось эхо, въ лицѣ „студента“ Зауше-
вича.

Соломонъ Соломоновичъ посмотрѣлъ на „студента“ благо-
склонно.

— Генераль, вотъ ваша капуста,—сказаль „отпрыскъ“, наклоняясь къ оттопыренному и поросшему сѣдымъ мѣхомъ, но глуховатому уху генерала, который дремаль, открывъ ротъ.

— А?!—просыпаясь, спросиль старецъ.

— Я говорю, передъ вами капуста!

— Я шамъ жа капушту плашу,—угрюмо прошамкаль генераль.

— Чтобы скорѣе приступить къ дѣлу, господа, я приказаль подать шампанское,—объявилъ „отпрыскъ“, между тѣмъ, какъ лакей съ бутылками обходилъ членовъ „фракціи“, наполняя бокалы.—Вамъ Apollinagis, Соломонъ Соломоновичъ,—самъ подавая бутылку, продолжалъ „отпрыскъ“.—Я знаю, что вы ничего не пьете. Господа, позвольте мнѣ, разъ уже вы собрались здѣсь по моему приглашенію...

— Мосье Борисъ,—попросила мадамъ Мирликійская,—велите подать большихъ грушъ; я унесу домой моимъ племянникамъ, дѣтямъ доктора Пентикостаріева.

— Принесите грушъ... По моему приглашенію, какъ будущаго пайщика переходящей въ руки „фракціи“ газеты, въ немногихъ словахъ изложить мою политическую исповѣдь. Я полагаю, что вопреки мрачнымъ предсказаніямъ славянофиловъ, западная Европа быстро развивается. Наука, съ ея точными методами изслѣдованія, съ ея положительнымъ знаніемъ дѣйствительности...

— Позвольте, я ужъ это утромъ сегодня прочель въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и даже отчеркнулъ краснымъ карандашомъ для отдѣла „Отголосковъ печати“,—сказаль Модестъ Кукушкинъ и досталь изъ крылатки измятый номеръ газеты.—Вотъ оно: „Вопреки мрачнымъ предсказаніямъ славянофиловъ, западная Европа...“ Слово въ слово! Ну, валяйте дальше, а я по газетѣ буду провѣрять. Посмотримъ, крѣпка ли ваша память?

„Отпрыскъ“ переконфузился и покраснѣль.

— Меня перебили. Это, дѣйствительно, я сталъ цитировать статью „Петербургскихъ Вѣдомостей“... А потомъ было бы мое собственное.

За столомъ судейскихъ, уже разъ прослушавшихъ „цитированіе“ молодого „пайщика“, раздался смѣхъ.

— Вотъ онъ откуда жариль,—сказаль вполголоса и дядюшка Кривскій, какъ зритель изъ ложи, съ интересомъ наблюдавшій и внимавшій, сидя за своимъ столикомъ.

Подъ деревьями, между тѣмъ, появились военные музыканты и играли для начала какой-то маршъ. Въ саду стала прибывать публика. Двое купцовъ угощали опереточныхъ актеровъ и тощая актриса, съ глазами, выскакивающими изъ орбитъ, заливалась „сценическимъ“ смѣхомъ.

Въ компаніи „фракціи“ поднялись насмѣшки надъ будущимъ „пайщикомъ“.

— Если ужъ надо провозгласить наше идейное credo, то не пожелаетъ ли „фракція“ прочесть 567 и 845 столбцы изъ четвертой части сочиненій Николая Константиновича?—ухватившись за томище, предложила Мирликійская. — На этихъ страницахъ изложено все, во что долженъ вѣрить всякій прогрессивный человѣкъ въ окончательной и прогрессивной формѣ.

— Я бы предложилъ прочесть страницу изъ Максима Горькаго,—сказалъ беллетристъ.

— Или же Леонида Андреева,—дополнилъ „студентъ“ Заушевичъ.

— Не дерзая стать рядомъ съ названными великими именами,—провозгласилъ вдругъ адвокатъ Щечкинъ, поднимаясь и одной рукой держа бокаль, а другую закладывая за борть фрака, — я позволю предложить свое слово, съ позволенія г. предсѣдателя. Полагаю, что мы единогласно и единодушно выберемъ нашимъ предсѣдателемъ сегодня Соломона Соломовича! — обводя взглядомъ сидѣвшихъ за столомъ, добавилъ адвокатъ.

Это былъ ражій малый, хотя и съ фальшивой грудью. Волосы онъ стригъ коротко, но щеголялъ усами, торчащими вверхъ по новѣйшей нѣмецкой модѣ, введенной императоромъ Вильгельмомъ.

— Господа,—началъ адвокатъ,—сегодня мы приступаемъ къ новому дѣлу, хотя оно и связано корнями со старымъ. Почтенный органъ мѣстной печати, созданный достопочтеннымъ генераломъ Подчеревнымъ, переходитъ въ руки нашей фракціи. Конечно, новое дѣло не измѣнитъ старой прогрессивной окраски органа, въ сторону ея поблѣднѣнія. Нѣтъ, приступая къ новому дѣлу, съ отвагой въ груди мы не станемъ блѣднѣть!

— Не хочеть-ли онъ сказать, что они будутъ краснѣть, приступая къ новому дѣлу?—замѣтилъ дядюшка Кривскій своимъ застольникамъ.

— Мы не поблѣднѣемъ, но намъ не къ чему и краснѣть. Не къ чему, въ какомъ-бы смыслѣ это ни пони-

мать. Намъ не за что краснѣть, потому что наше прошлое есть прошлое прогрессивныхъ гражданъ, всегда высоко несшихъ знамя прогрессивной европеизаціи. Намъ не къ чему краснѣть и въ смыслѣ болѣе крайней политической программы. Мы — крайніе, хотя и строго лояльные и легальные граждане. Наша фракція марксистовъ-сіонистовъ поставила на своемъ знамени слова: капитализація и европеизація! Хартія и гарантіи! Равноправность и свобода для всѣхъ! Уничтоженіе черты осѣдлости и законно-охраняемое отечество для евреевъ.

„Фракція“ оглушительно захопала. Изъ темныхъ нѣдръ рестораціи вырвался клубъ чаднаго угара. Актриса, которой одинъ изъ купцовъ пустилъ въ лицо струю сигарнаго дыма, залилась хохотомъ. Оркестръ заигралъ штраусовскій вальсъ.

— Господа, — продолжалъ адвокатъ Щечкинъ, — мы всѣ здѣсь русскіе люди и христіане, кромѣ нашего дорогого товарища и редактора Соломона Соломоновича. Встрѣчая въ современномъ прогнившемъ обществѣ только одно человѣко-ненавистничество, Соломонъ Соломоновичъ, какъ еврей, можетъ и не догадаться, что христіанская религія есть религія самоотверженія, всепрощенія и смиренія. Но мы, какъ христіане, слишкомъ хорошо помнимъ, не исполняемый конечно на дѣлѣ, завѣтъ Человѣколюбца: „Большій изъ васъ, да будетъ всѣмъ слуга“. Да, мы, русскіе, должны наконецъ исполнить этотъ великій завѣтъ и стать слугами тѣхъ народностей, которыя доселѣ угнетали и которыя между тѣмъ безконечно насъ культурнѣе и просвѣщеннѣе. Вотъ почему я поднимаю этотъ бокалъ за гонимое, но гениальное еврейское племя, за Сіонъ и за великаго еврея, нашего редактора, товарища и русскаго публициста Соломона Соломоновича!

— Ура! Да процвѣтаетъ Сіонъ! — закричала „фракція“.

Соломонъ Соломоновичъ поднялся съ бокаломъ въ рукѣ.

— Т-с-съ! Соломонъ Соломоновичъ сейчасъ будетъ говорить! — съ блаженной улыбкой глядя въ отверзающуюся ротъ „великаго еврея“, сказала Мирликійская.

— Silentium! — возгласилъ „отпрыскъ“, желая показать, что онъ знаетъ латынь.

— Господа, — началъ Соломонъ Соломоновичъ, — я смотрю на этотъ бокалъ и думаю: пусть въ немъ будетъ не искрометная влага минеральной воды Apollinaris, а всѣ страданія несчастнаго, но въ самомъ униженіи гениальнаго и великаго народа Израильскаго. О, какъ безмѣрно громадны эти страданія! Если-бы этотъ бокалъ сталъ величиною въ земной шаръ, и то лишь незначительная самая часть пролитыхъ

слезъ, пота и крови еврейскимъ гонимымъ племенемъ могла бы въ этой громадной чашѣ умѣститься. Но совершается чудо, и вотъ въ этомъ маленькомъ хрустальномъ бокалѣ я держу всё страданія евреевъ!

Соломонъ Соломоновичъ поднялъ высоко бокалъ и визгливо повторилъ:

— Въ этомъ бокалѣ всё страданія евреевъ!

Мадамъ Мирликійская, какъ-бы въ молитвенномъ экстазѣ, преклонила голову предъ бокаломъ еврейскихъ страданій, положивъ обѣ ладони на томище Михайловскаго.

— Ну, и что-же?—продолжалъ Соломонъ Соломоновичъ.— Должны-ли быть отомщены наконецъ всё эти страданія евреевъ? И какое возмездіе можетъ ихъ искупить? Предыдущій ораторъ говорилъ, что я, какъ еврей, не знакомъ съ ученіемъ Христа. Это не вѣрно. Я отлично съ нимъ знакомъ и помню наставленіе, данное основателемъ вашей религіи подставлять правую щеку, когда бьютъ по лѣвой. Что-же, если-бы все угнетавшее и оскорблявшее, обворовывавшее и тиранившее евреевъ, человѣчество имѣло одно лицо и, стоя на колѣняхъ передо мною, подставляло мнѣ то правую, то лѣвую щеку, и я сто лѣтъ, тысячу лѣтъ, миллионъ лѣтъ, цѣлую вѣчность все билъ-бы и билъ-бы по этимъ подлымъ щекамъ, то неужели вы думаете, что хотя сотая часть страданій еврейскаго народа была отомщена? Никогда!

Соломонъ Соломоновичъ на мгновеніе умолкъ.

— Однако!—сказалъ дядюшка Кривскій за своимъ столикомъ.—Это даже не сложные проценты!

— Страданія еврейскаго народа столь безмѣрно велики, что искупить ихъ невозможно. Но еврейское благородство столь-же безмѣрно. И... слушайте вы, называющіе себя христианами!—взвизгнулъ Соломонъ Соломоновичъ.

— Слушайте! слушайте!—повторила благоговѣнно Мирликійская.

— Мы, евреи, васъ прощаемъ! И не только прощаемъ, но осыпаемъ васъ благодѣяніями. Безъ насъ вы бы сгнили и разложились въ невѣжествѣ. Мы, евреи,—піонеры цивилизаціи и европеизаціи Россіи и несемъ вамъ блага культуры. Въ этомъ городѣ—все еврейское, что только говоритъ о просвѣщеніи и культурѣ. Газета—еврейская; трамвай—еврейскій; электричество—еврейское; аптеки, доктора, аптекарскіе склады—еврейскіе. А это вашъ старыи христіанскій городъ и еще двадцать лѣтъ тому назадъ насъ здѣсь была самая чуточка. Прогрессъ! Культура! Гласность! Свобода! Вотъ что несетъ

униженный и оскорбленный еврей вамъ, называющіе себя христіанами, и во всемъ мірѣ—это дары евреевъ, это—ихъ благородное мщеніе за гоненія и неисчислимыя страданія. Пью этотъ бокаль за еврейское великодушіе!

Соломонъ Соломоновичъ осушилъ свой Apollinaris. Члены „фракціи“ шумно чокались съ нимъ. Новый клубъ угарнаго чада вырвался изъ рестораціи, вмѣстѣ съ трескомъ шаровъ въ билліардной. Актриса, плеснувшая въ лицо купцу коньякомъ, залилась хохотомъ. Оркестръ заигралъ попури изъ русскихъ пѣсенъ.

— Митрофанъ Митрофанычъ,—позвалъ толстаго ресторатора адвокатъ Щечкинъ.—Пожалуйста, прикажите музыкантамъ сыграть сіонистскій „маршъ-Дрейфусъ“.

— Сію минуту,—отвѣчалъ рестораторъ и устремился пузомъ къ музыкантамъ распорядиться.

— Я полагаю, что мы не останемся слушать маршъ-Дрейфусъ?—сказалъ дядюшка Кривскій.

Баронъ Фабіанъ пожаловался на головную боль отъ ресторанныаго запаха.

XXXVI.

На древнихъ стѣнахъ.

Дядюшка Кривскій заявилъ, что совсѣмъ не расположенъ осматривать достопримѣчательности города,

— Во первыхъ, я ихъ давно знаю и видѣлъ. А потомъ старыя зданія наводятъ на меня уныніе. И наконецъ мои больныя ноги не выдержатъ путешествія по стѣнамъ. Я васъ оставляю, молодые друзья мои, и поѣду къ одному моему старому пріятелю, провести вечерокъ за воспоминаніями прошлаго. Пушкина почитаемъ, А то, какъ на васъ, баронъ, ресторанный чадъ, такъ на меня скверно подѣйствовало еврейское великодушіе. Въ мозгу какое-то черное облако стоитъ.

Дядюшка Кривскій направился къ той аллеѣ сада, гдѣ обыкновенно стояли извозчичьи коляски.

Возницы привѣтствовали его, снимая шапки и возглашая:

— Со мною пожалуйста, Прокопъ Ивановичъ, меня не обижайте! Я завсегда васъ вожу!

— Успокойтесь, друзья мои,—говорилъ дядюшка, влѣзая въ одну изъ колясокъ.—Со всѣми разомъ не поѣдешь!

И сдѣлавъ ручкой барону Фабіану и Петрушечкѣ, уѣхалъ.

Друзья углубились въ садъ. Онъ частью примыкалъ къ валу, а частью къ древнимъ городскимъ стѣнамъ. Здѣсь все заглохло, разрослось и переплелось. Звуки оркестра глухо долетали съ ресторанной площадки. Старыя деревья сплетали трепетную кровлю надъ заросшими травой дорожками.

— Вѣтъ здѣсь я знаю лазейку на стѣны,—сказалъ Петрушечка!—Еще гимназистомъ, бывало, ею пользовался.

Они стояли у самой стѣны, сложенной въ нижней части изъ громадныхъ известняковыхъ плитъ и затянутой мохомъ и изумрудной плѣсенью. Узкая сводчатая лазейка вела во внутреннюю камеру, гдѣ когда-то скрывались бойцы, стрѣляя по непріятелю въ щелевидное окошечко. Изъ этой камеры каменные ступеньки вели наверхъ стѣны. Петрушечка полѣзъ туда. Баронъ Фабіанъ за нимъ.

Стѣны были такъ широки, что по нимъ могъ-бы легко проѣхать шестерикъ. Въ этомъ мѣстѣ сохранились и зубцы. Тамъ и сямъ разверзались провалы, едва соединенные остаткомъ свода. На стѣнѣ росли кусты и цѣлыя деревья, смѣшивая свои вѣтви съ вершинами старыхъ ясеней, росшихъ въ саду.

Молча, любясь развернувшейся панорамой города, шли друзья вдоль стѣнъ и, наконецъ, достигли большой граненой башни. Въ ней прежде было три этажа. Но полы провалились и въ окошко видна была только наполненная горами кирпича, гнилыми бревнами и всякими обломками пустота внутренности башни.

— Эта башня называется Грохотухой,—сказалъ Петрушечка.—Станьте въ окнѣ. Слышите?!

Баронъ сталъ. Глухой, тяжкій и раскатистый грохотъ поразилъ его слухъ. Онъ то замиралъ, то усиливался. Стучали-ли это остатки желѣзныхъ листовъ крыши на дубовыхъ стропилахъ, или завывалъ вѣтеръ въ пустотѣ башни? Но и самое названіе свое—Грохотуха—башня получила отъ этого непрерывающаго гула.

— Про эту башню ходитъ легенда, что въ ней таится сокровище, задѣланное въ камняхъ въ 1812 году, и сторожить это сокровище привидѣніе—гренадеръ въ медвѣжьей шапкѣ. Будто-бы въ лунныя ночи можно видѣть, какъ привидѣніе обходитъ стѣны дозоромъ. И кто пытался проникнуть ночью въ башню, съ цѣлію похищенія сокровища или такъ изъ любопытства, привидѣніе того сбрасывало со стѣны. Но есть и другая легенда. Говорятъ, что въ этой башнѣ погребены рыцари Старой Польши, павшіе во времена короля Сигизмунда

при одномъ изъ штурмовъ стѣнъ. Это будто-бы они и стучать въ подвалѣ башни оружіемъ, просятся на волю. Оттого и грохочетъ башня. Но будто-бы настанетъ часъ, размечутъ камни рыцари Старой Польши и выйдутъ, вооруженные съ ногъ до головы старинными доспѣхами, съ копьями и орифламмой Польши и выведутъ коней, и сядутъ, и помчатся въ Вильну, Варшаву и Краковъ. И тогда будетъ восстановлена Польша отъ моря и до моря. Это польская легенда. И ее очень любить мѣстные поляки рассказывать. Хотя нѣкоторые прибавляютъ, что грохотъ въ башнѣ происходитъ отъ того, что рыцари старой Польши и въ могилѣ не забыли тѣхъ ссоръ и счетовъ, которые были у нихъ при жизни и, сводя ихъ, дерутся въ слепѣ, поражая другъ друга мечами. И что такъ они будутъ драться вѣчно и никогда поэтому не выйдутъ на защиту Польши. Неправда-ли, характерный вариантъ?

— Да, очень характерный,—согласился баронъ Фабіанъ. Онъ сѣлъ между зубцами стѣны. Подъ его ногами отвѣсъ ея спустился въ глубокій ровъ, такъ что посмотрѣвъ—голова кружилась. Во рву мирно паслись коровы. Стрижи весело носились, проскальзывая между зубцами. Въ башнѣ гудѣло и гремѣло. Дальніе звуки музыки доносились вмѣстѣ съ шумомъ городской жизни.

— Есть и еврейская легенда о башнѣ,—сказалъ Петрушечка.—Въ ней будто-бы жилъ нѣкогда королевскій астрологъ, ученѣйшій еврей. Онъ обѣщаль королю открыть тайну превращенія металловъ. А король изрядно нуждался въ золотѣ! Только для этого алхимику требовалась невинная кровь христіанской дѣвушки. Онъ и заманилъ къ себѣ дочь одного купца и зарѣзалъ ее надъ алхимическимъ котломъ. Но вдругъ башня потряслась съ верхушки до основанія, всѣ полы и потолки провалились и открылась подъ ней черная, пышущая огнемъ яма до самаго ада. Нечестивый алхимикъ туда и полетѣлъ. Тамъ подхватили его когтистыми лапами прокопченные черти и принялись хохотать и грызть его. А невинная жертва занеслась на небо, поддерживаемая ангелами. Теперь и слышенъ въ башнѣ подаемный хохотъ чертей. Это они грызутъ алхимика, и будутъ грызть до кончины міра.

Баронъ слушалъ рассказы своего друга и слѣдилъ за полетомъ звенящихъ стрижей. Они стаями теперь носились кругомъ башни. Въ трещинѣ стѣны росъ, занесенный сюда вѣтромъ, синий василекъ. Баронъ захотѣлъ сорвать его и, съ опасностью свалиться внизъ, спустился на карнизъ стѣны, держась за зубецъ.

— Что вы дѣлаете, баронъ? Вы оборветесь,—сказалъ спокойно Петрушечка.

Но баронъ не отвѣчалъ, наклонился и сорвалъ цвѣтокъ. При этомъ онъ невольно посмотрѣлъ внизъ, по отвѣсу и почувствовалъ, что голова его кружится. Карнизъ подался подъ его ногами. Обломокъ кирпича сорвался и полетѣлъ въ ровъ. Онъ звонко ударился въ воду. Испуганныя коровы, подошедшія было напиться, шарахнулись.

Баронъ однако ловко поднялся опять на стѣну и вложилъ въ петлицу смиренный, завоеванный имъ цвѣтокъ.

— Какъ я любилъ, еще будучи гимназистомъ, эти старыя стѣны,—сказалъ Петрушечка.—Бывало, уйдешь сюда и бродишь отъ башни къ башнѣ, и смотришь, лежа въ травѣ, въ небо, какъ облака плывутъ. А то вотъ на эти старыя деревья влѣзаешь, со стѣны да по вѣтвямъ на самую вершину. И сидишь тамъ, какъ бѣлка. Осенью здѣсь особенно хорошо. Садъ весь въ золотѣ и багрянцѣ. Изъ дому грушъ и яблокъ принесешь. Ышь и ни о чемъ не думаешь. Потомъ, въ старшихъ классахъ, мы здѣсь на стѣнахъ засѣданія тайнаго общества устраивали. Тайное общество это имѣло цѣлью что-то такое великое, чего я и до сихъ поръ не пойму; Преображеніе души и тѣла. Вотъ какое это было общество. У насъ были и евреи и поляки. И никто, никогда не думалъ о своей національности! Тогда еще сіонизма и въ поминѣ не было, а евреи такъ же, какъ и всѣ мы, мечтали о какомъ-то великомъ преobraженіи міра. Покойный Перепеловскій былъ нашимъ вождемъ. Замѣчательная личность. Заядлый классикъ. Онъ и умеръ отъ чахотки надъ Гомеромъ. Всѣ мы тогда были, конечно, влюблены. На этой стѣнѣ мнѣ одна барышня свиданье назначала!

Петрушечка задумался, улыбаясь.

— Посмотрите, баронъ,—продолжалъ онъ, показывая рукою.— Видите вы на томъ берегу Днѣпра приземистое такое, безобразное зданіе? Это заводъ пивоваренный. Мы тогда на лодкахъ ѣздили маевку справлять. Покупали большой кувшинъ свѣтлаго пива—кувшинами тамъ продавали пиво желающимъ—распивали и потомъ торжественно топили кувшинъ въ Днѣпрѣ. Еще на островкѣ—вогъ тамъ, гдѣ ивы разрослись!—костеръ зажигали.

Петрушечка легъ на спину и сталъ глядѣть въ небо. Легкія, какъ пѣна, на глади небесной проплывали облачка.

Далеко были волненія, тягостныя думы, сомнѣнія и печали.

Стрижи звенѣли. Вѣтерокъ перебиралъ листы ясеней и

шелестилъ травой. Бабочка сѣла на сѣдой камень зубца и замерла, сложивъ крылья надъ спиной, и только глаза ея, какъ бисерины, переливались огнями. Хрупкое созданіе безопасно сидѣло на камняхъ, столько разъ политыхъ человѣческой кровью.

XXXVII.

Дождливые дни.

Погода перемѣнилась. Дымка дождя затянула горизонтъ. Наступилъ „сѣногной“. То блистало солнце по лоснящейся травѣ, въ то время какъ на концахъ листьевъ трепетали скопившіяся капли дождя, точно наворачнушіяся слезы на длинныхъ рѣсницахъ красавицы, то лился тихій, теплый дождикъ, поднимая пузыри на поверхности лужицъ.

Это не мѣшало барону Фабіану съ Петрушечкой бродить по городу и его окрестностямъ.

Они посѣщали старинныя церкви и монастыри и входили въ соборъ, когда тамъ читали акафистъ мѣстной чудотворной иконѣ Богоматери, покровительницѣ города.

Акафистъ установлено было читать еще въ эпоху татарскаго нашествія, когда Богоматерь отвела полчища варваровъ отъ своего города.

Въ громадной пустотѣ обширнаго собора ропталъ голосъ чтеца и хоръ, точно изъ отдаленія, воспѣвалъ хвалу небесной покровительницѣ. Четыреугольныя столпы возносились къ куполу. Золотая рѣзьба иконостаса кружевомъ спускалась въ облакахъ кадильнаго дыма.

На желѣзныхъ плитахъ пола стояли на колѣняхъ женщины, дѣти, дѣвушки. Иногда виднѣлась бѣлая свитка смиреннаго старца-бѣлорусса.

Кругомъ, на столпахъ, на стѣнахъ, съ большихъ картинъ работы художниковъ XVII столѣтія смотрѣли все вооруженные съ ногъ до головы святые жены и мужи. Великомученицы Варвара и Екатерина съ мечемъ въ длани, съ копьями, поспѣшали на помощь вѣрнымъ. Архистратиги мчались на коняхъ, попирая дышащихъ пламенемъ чудовищъ. Весь храмъ былъ вооруженъ и сонмы силъ торопились на помощь городу, здѣсь, на рубежѣ Литвы и Руси, столько нашествій уже видѣвшему.

Баронъ Фабіанъ и Петрушечка бродили въ окрестностяхъ

города, побывали въ дѣбряхъ овраговъ, гдѣ изъ обрывовъ и ямъ весеннія воды вымывали человѣческія кости и гдѣ нѣкогда спасались подвижники-старцы, въ земляныхъ пещерахъ. Или они сажались въ лодку и плыли по Днѣпру, любясь берегами и выходили гдѣ-нибудь въ лугахъ, на широкомъ раздольи, добирались до деревеньки, когда уже вечерѣло, стадо возвращалось домой, пахло молокомъ и все женское населеніе выходило навстрѣчу своимъ овцамъ и коровамъ. И звонкіе крики неслись. Скотина ревѣла, разбѣгаясь по узкимъ переулкамъ и посиѣщая къ знакомымъ воротамъ.

Они просили парного молока и выпивали его гдѣ-нибудь подъ яблоней, между пряно пахнущимъ коноплянникомъ и пчельникомъ, въ компаніи съ кудлатыми, бѣлоголовыми дѣтишками. Тутъ Петрушечка заносилъ не одну головку на страницы своего альбома.

Приходили друзья также и на городской базаръ, гдѣ возлѣ грязныхъ рядовъ съ скобянымъ, скорняжнымъ и „краснымъ“ товаромъ, поднимался лѣсъ оглоблей крестьянскихъ телѣгъ. Евреи факторы шныряли между возами. Съ природнымъ юморомъ, медлительные бѣлоруссы подтрунивали надъ суетливостью израильтянъ.

Особенно интересовалъ Петрушечку тотъ уголь площади, гдѣ продавали пѣвчихъ птицъ и голубей, и собирались любители-артисты. Какіе шумные споры велись! Въ какія тонкости входили знатоки голубинаго спорта! И тутъ немалая пожива была художнику. Его искусная рука быстро зарисовывала характерныя лица и сцены.

А баронъ Фабіанъ наблюдалъ и размышлялъ.

Онъ видѣлъ передъ собою жизнь стараго земледѣльческаго города, древняго, вѣчевого и удѣльнаго, хранимаго Богородицей.

Вокругъ простирались необозримые луга и поля, лѣса и пустоши. Тамъ, подъ древнія обрядовые пѣсни совершались свой трудовой годъ сельскій людъ. Пахарь и косецъ, жница и сѣвецъ терялись въ этихъ пространствахъ, какъ мурашки какіе. Но ихъ трудомъ созидались горы зерна, волокна, древесины. Ихъ трудами табуны и стада бродили по раздольямъ.

Народъ этотъ жилъ такъ, какъ отдаленнѣйшіе предки его. Вѣрилъ въ тѣ-же примѣры, пѣлъ тѣ-же пѣсни, такъ-же былъ беззаботенъ посреди заботъ повседневныхъ. Такъ-же былъ въ полномъ подчиненіи у природы и земли. И такъ-же былъ независимъ и свободенъ духомъ.

Пастушенокъ, сидя надъ свѣтлыми водами извилистой рѣчки, осѣненной старыми ольхами, глядя на свержающіе воды ея, игралъ на самодѣльной свирѣли, въ то время, какъ овцы ползали по склонамъ холмовъ и красавицы-коровы покойно паслись съ полнымъ выменемъ, покачивая рога-тыми головами. Этотъ пастушенокъ игралъ для себя и никто его не слушалъ, кромѣ матери-природы. Онъ игралъ, чтобы издавать звуки посреди пѣвчаго пернатого населенія прибрежныхъ кустарниковъ. А надъ нимъ голубѣло безконечное небо. И солнце лило животворный свѣтъ. И въ эту минуту пастушенокъ былъ царемъ своего маленькаго царства, самъ себѣ голова. Свирѣль пѣла и далеко разносились мелодичные звуки. Эти звуки были прекрасны, потому что ихъ создала тысячелѣтняя древность и геній народа. Простой мотивъ пѣсенки не придумалъ-бы самый ухищренный ученый музыкантъ. Эта пѣсня самодѣльной свирѣли раздавалась и тогда еще, когда на холмахъ города, вмѣсто златоглаваго собора, осѣненнаго крестами, стоялъ высокій тынъ, обвѣшанный лошадиными головами и посреди него деревянные расписные идолы. Деревня, эта соха, этотъ сѣвецъ, изъ мощной руки котораго со свистомъ вылетаетъ зерно и вбивается въ мягкую землю, этотъ пастушенокъ со свирѣлью были древнѣе собора, поповъ и монаховъ, присланныхъ Византіей. И покорные и попамъ, и монахамъ, и боярамъ, и князьямъ, дѣти земли оставались все-таки единственными ея господами. Они одни умѣли заставить нѣдра этой земли давать зерно и волокно, питать и поить сосцы вѣчной матери-природы. Укладъ и обрядъ, которымъ они повиновались, были древнѣе собора и города. Надъ дѣтьми Дажь-Бога, Краснаго Солнца все еще царили древніе боги—Волосъ, скотій богъ, и Лель, обвитый хмѣлемъ, беззаботный пастухъ, и Ладъ, кующій золотымъ молотомъ свадьбу, принесшій сюда съ Востока въ посохъ мохнатую пчелу и научившій дѣтей своихъ варить пьяные меды.

Но что это? По узкой дорожкѣ среди необозримой ржи, волнами перекатывающейся подъ дуновеніемъ вѣтерка, идетъ съ желѣзной палкой въ рукѣ, съ непокрытой головой, въ длинной женской рубашкѣ, съ большимъ, тяжелымъ, мѣднымъ крестомъ на груди, босой, высокій юноша. Его тонкая шея потемнѣла отъ загара. Волосы сваялись въ паклю и клоками осѣняютъ блѣдное лицо съ голубыми глазами, которые глядятъ нездѣшнимъ взглядомъ и на нездѣшнее. Кто это? Юродивый, подвижникъ Христовъ.

А вонъ по большой дорогѣ, осѣненной старыми березами,

идутъ бабы и старики съ котомками. Куда? Въ святые монастыри на богомолье. Деревня ищетъ святыни и своихъ святыхъ подвижниковъ, о которыхъ не знаетъ гордый „интеллигентъ“. И святая Дѣва—Матерь, Госпожа хранимаго Ею града, обитающая въ соборѣ, не неприступною богинею тамъ обитаетъ. Она обходитъ деревни, посѣщаетъ хаты, утѣшаетъ мать, скорбящую надъ больнымъ ребенкомъ, благословляетъ юную, любящуюся чету, помогаетъ старцу донести изъ колодца ведро воды. Она даетъ плодородіе полямъ и стадамъ, и отводитъ болѣзни отъ своихъ подданныхъ.

Небесная Царица, она близка народу. А въ годину невзгодъ, когда приближается врагъ, надѣваетъ бранные доспѣхи и идетъ передъ воинами. Она становится на стѣнахъ города. И вражьи стрѣлы перестаютъ долетать. И страхъ обнимаетъ сердца враговъ, тьма окутываетъ ихъ глаза. Они бѣгутъ. И окруженная сонмами святыхъ женъ и дѣвъ, и подвижниковъ, и благовѣрныхъ царицъ, и князей, и царей, въ сопровожденіи полковъ ангеловъ, Небесная Защитница края идетъ и гонитъ робкаго врага.

Попы и монахи только поднимаютъ Ея чудотворный Ликъ, и вдругъ эти поля, луга, долины, пустоши начинаютъ шевелиться волнами. Идутъ рати богатырей святорусскихъ. Каждый снопы въ полѣ превращается въ вооруженнаго воина. Микула Селяниновичъ бросаетъ свою сошку за ракивовъ кустъ и выѣзжаетъ въ ратное поле вмѣстѣ съ Ильей, Добрыней и вѣщимъ Вольгою, умѣющимъ оборачиваться туромъ и волкомъ. И сколько военныхъ грозъ пронеслось надъ этими мирными холмами и долинами! Сколько братскихъ могилъ на всѣхъ путяхъ, на всѣхъ перекресткахъ! И упитанная кровью земля, по прежнему та-же святая русская земля и удѣлъ Богородицы.

Наблюдая народную жизнь, труды и торги, молитвы и веселье; слушая пѣсни слѣпыхъ на базарѣ о богачѣ немилостливомъ и нищемъ Лазарѣ; въ священномъ колодцѣ подъ стѣнью осьмиконечнаго креста испивая ключевую холодную воду; бесѣдуя со старикомъ-постникомъ о старинныхъ временахъ; даже подъ старой грушей пробуя травнички и настоечки, баронъ Фабіанъ проникался этой тихой, мирной жизнью и ему становилось понятно прошеніе православной службы:

„Да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ!“

Безмолвіе и чистота, и мирный прудъ, и медлительно бредущія стада, и волнующіяся нивы, вотъ она—Русь!

И какъ смѣшны и жалки казались теперь тѣ потуги свергнуть эту тысячелѣтнюю жизнь народную съ ея пути и русла, которыми тѣрзались пришлецы и отщепенцы—горожане, по книжкамъ представляющіе себѣ Россію!

Тутъ и дворянчики, уничтожающіе творенія отцовъ и прибрѣтающіе Талмудъ; и семинаристы съ схоластикой и контроверзой своей, грезящіе графомъ Сперанскимъ; и судейскіе съ жаждой политической карьеры; и выстарившіеся и выболтавшіеся старцы-шестидесятники съ готовностью обезличенія народа во имя „европеизаціи“; и марксисты, и декаденты, и „подмаксимники“ съ суковатыми дубинками и босяцкимъ сквернословіемъ на устахъ; и бюрократы—тунеядцы и бюрократы—реформаторы, почеркомъ пора сметающіе старое и насаждающіе новое, тутъ всякіе недоучки, межеумки, умственные холопы и просто пришлецы и пошлецы; и евреи, еврей, —истерзанные завистью, скорбно-надменные, трусливо-наглые, съ раздавленнымъ самолюбіемъ и неврастеничнымъ азартомъ. Вся эта тля, точно мошкара, въ жаркій лѣтній день надъ лужей, гудитъ, жужжитъ, толчется, поднимается и присѣдаетъ, и вверхъ, и внизъ, и клубомъ вьется... Дунетъ вѣтеръ и подшибетъ ей крылья. И весь этотъ гнусъ попадетъ въ лужу.

XXXVIII.

А т с а м ѣ н.

Баронъ Фабианъ собрался домой. Его влекла картина. Хотѣлось работать. Хотѣлось и уединенія, тишины и сумерокъ, чтобы разобраться въ новыхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ.

Съ Петрушкой и дядюшкой Кривскимъ онъ возвратился въ Княжія Межи, чтобы проститься съ гостепріимными хозяевами.

Но его не сразу отпустили, да и самъ онъ какъ-то утратилъ волю и день за днемъ проводилъ въ этомъ миломъ обществѣ добродушной Натальи Платоновны, дядюшки Кривскаго и молодежи.

Лиза Освальдистонъ совершенно прибрала къ рукамъ Володю Шналленштейна и они по цѣлымъ днямъ ворковали то въ библиотекѣ, то въ уголкѣ гостиной.

Дожди продолжались. Дождь съялъ съ утра. Маленькая Люси даже нашла „облачко“, упавшее съ неба, на копнѣ въ яблочномъ саду, который скосили передъ самыми дождями.

Хозяинъ былъ мраченъ. Подходилъ то къ барометру, то къ окнамъ. То выбѣгалъ въ садъ и смотрѣлъ облака и направленіе вѣтра. То, наконецъ, приказывалъ запретъ въ дрожки пѣгана и надѣвъ непромокаемый плащъ уѣзжалъ въ луга, по-смотреть, что стало съ сѣномъ.

— Ну, что?—спрашивала его Наталья Платоновна по возвращеніи.

— Гниеть! Грибы растутъ! Останемся безъ сѣна! — безнадежно махнувъ рукой говорилъ хозяинъ. Но молодежи, предводимой дядюшкой, не было никакого дѣла до хозяйственныхъ соображеній. Дождливая погода способствовала объединенію. Около рояля, въ библиотекѣ, проводили цѣлые дни всѣ вмѣстѣ.

Баронъ Фабіанъ, возвратившись, уже не засталъ дядей-предводителей и полковника Беркута. Но пріѣздъ послѣдняго оставилъ слѣдъ. Фелицата продолжала сіять счастьемъ и казалась розой, отъ брызгъ дождя становящейся еще роскошнѣе, еще душистѣе. Оба студента и гимназистъ молча изнѣвали въ ея присутствіи и служили у нея на побѣгушкахъ.

Дождь не переставалъ. Выдался особенно мрачный и вѣтренный вечеръ. Въ гостиной затопили каминъ, чтобы прогнать сырость, какъ-то быстро скопившуюся въ нижнемъ этажѣ стараго дома, гдѣ и всегда былъ полусумракъ, такъ загородили окно кусты и деревья своею листвою.

Лиза Освальдистонъ играла въ залѣ Шумана „Am samin“.

И загадочные звуки великаго романтика музыки какъ нельзя больше подходили къ сырому и сѣрому вечеру, къ шуму дождя и пылавшему камину.

Фелицата сидѣла, озаренная трепетнымъ блескомъ пламени. Лампъ еще не зажигали.

Баронъ Фабіанъ подошелъ къ ней и слѣдилъ за игрою тѣней и свѣта, и слушалъ Шумана.

— Завтра, по предсказаніямъ вашего батюшки, — сказалъ онъ, садясь за плечомъ Фелицаты, — кончится дождь. И я уѣду.

— Отчего вы такъ торопитесь, баронъ?—сказала Фелицата.

— Я не тороплюсь. Но мнѣ хочется заняться моею картиною. А здѣсь я ужъ зажился. Ваше семейство такъ радушно и вы приняли меня, какъ родного.

— Вы и родной намъ, и всегда имъ останетесь;—сказала Фелицата, протягивая руку барону.

Онъ почтительно пожалъ тонкіе пальчики дѣвушки. Каминъ трещалъ. Изъ пламени вылетѣлъ снопъ искръ. Дождь ударилъ дробью по стекламъ. Звуки Шумана неслись изъ залы и сливались, и съ этимъ шумомъ дождя и съ игрою пламени и тѣней, и съ рукопожатіемъ Фелицаты.

— Если бы я сталъ родной вамъ, если бы Россія стала мнѣ родной, я былъ бы счастливъ. Но и немногіе часы и дни, проведенные близъ васъ и въ вашемъ семействѣ, будутъ для меня дорогимъ воспоминаніемъ,—сказалъ баронъ Фабіанъ.

— Какъ рано уже вы собираетесь жить воспоминаніями, баронъ,—пошутила Фелицата.

— Ахъ, порою мнѣ кажется, что я самъ какое-то воспоминаніе давно-давно отжитого. Помните у Майкова:

Остатки прежнихъ поколѣній,
Съ былою вѣрностью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы, какъ шуты на площади.
И понемногу вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей.

— Вы всегда такъ грустны, баронъ?—спросила Фелицата, съ симпатіей поднимая на него свои сіяющіе глаза.

— Я не грустенъ,—отвѣчалъ онъ.—Даже когда смотрю въ чужіе глаза, полные счастья, и знаю, что это счастье — для другого.

— Опять балтійскіе комплименты!—сказала Фелицата.

— Чего-же вы хотите отъ живого воспоминанія? Представьте себѣ, что тотъ портретъ вашего предка, что виситъ въ библіотекѣ, ожилъ и говоритъ съ вами. Рѣчь его непременно показалась-бы старомодной.

— Ахъ, я такъ боюсь этого портрета! Я-бы приказала вынести его на чердакъ, если-бы мама съ папой позволили.

— Благодарю васъ, Фелицата Павловна,—смирненно сказалъ баронъ.

— Милый, милый, баронъ Фабіанъ, простите меня. Я не хотѣла сказать вамъ что-нибудь грубое,—сказала огорченная Фелицата.—Васъ я никогда не отправлю на чердакъ. Я буду васъ помнить и хранить въ моемъ сердцѣ. Вы спасли жизнь Володѣ, хотя онъ и противный, дважды спасли,—подчеркнула она,—я знаю.

— Храните, если хотите, меня и на чердакъ вашихъ вос-

поминаній, какъ старый портретъ. Я не обижусь. Что я для васъ? Васъ ждетъ счастье и блестящая жизнь. И дай Богъ вамъ побольше радости. А я уйду такъ-же, какъ и пришелъ. Случайно поровнявшійся съ вами на жизненномъ пути прохожій. Вотъ кто я для васъ.

— Я думаю, что мы не даромъ встрѣчаемся въ жизни. Зачѣмъ-нибудь да встрѣчаемся. Сразу не видно. А потомъ становится ясно. Да мы еще будемъ видаться съ вами зимою въ Петербургѣ. Да?

— Да. Но и вы навѣстите меня. И знаете съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ Люси. Я уже пригласилъ ее. И она обѣщалась.

— Вотъ кто будетъ по васъ скучать, когда вы уѣдете. Люси такъ къ вамъ благоволитъ, какъ ни къ кому.

— Это прелестный и глубоко чувствующій ребенокъ.

Баронъ Фабианъ смотрѣлъ на Фелицату. Ему хотѣлось запомнить, запечатлѣть въ своей памяти и унести съ собою образъ дѣвушки, вмѣстѣ со всей обстановкой, съ переливами каминнаго пламени, съ ропщущими звуками затихавшаго дождя и загадочной мелодіей рояля.

— Какъ я люблю Шумана,—сказалъ онъ.—Вы пріѣдете въ замокъ Шналленштейнъ, неправда-ли?

Фелицата склонила головку въ знакъ согласія. Ей было хорошо, и грустно и немного смѣшно около этого страннаго барона.

— Вы, вѣроятно, оттого такъ настроены, что живете около своей старой башни, и она васъ такъ и старить, — сказала она.

— Я даже пользуюсь этой башней, какъ студіей. Тамъ у меня устроена мастерская и родъ музея, съ древностями, касающимися нашей фамиліи.

— Ну, вотъ! Къ чему намъ это мрачное прошлое? Люди тогда были такіе жестокіе и жизнь—грубая, скудная, тяжелая. Вы вотъ изъ Майкова стихи привели, а я напому вамъ стихъ Грибоѣдова:

Что, сударь, плачете? Живите-ка смѣясь!

Она говорила. И въ самомъ дѣлѣ все въ ней словно смѣялось. И на подбородкѣ явилась ямка.

— Вы счастливы, да?—спросилъ баронъ съ глубокой почти-тельностью и нѣжностью.

Фелицата ничего не отвѣчала.

— А вотъ я не буду вѣроятно счастливъ,—вдохнувъ, сказала баронъ.—Я не буду счастливъ, мнѣ помѣшаетъ именно это прошлое, котораго вы не любите. Съ нимъ я не могу разстаться.

— Вотъ вы и рисуете все изъ скандинавскихъ сагъ. Это опять такъ мрачно и величественно. Ваши саги васъ составили. Я знаю, тамъ все другъ друга дожидаются, — сказала Фелицата.

— Дожидаются? То-есть какъ это?

— Въ скандинавскихъ сагахъ вѣчно другъ друга ждутся,—стала объяснять Фелицата улыбающемуся барону.—Онъ любилъ ее, а она любила его. Но онъ ушелъ куда-то далеко, на край свѣта. И она ждала его тридцать лѣтъ и оставалась ему вѣрна. И онъ, дѣйствительно, возвратился. И они прожили вмѣстѣ еще тридцать лѣтъ. И все сидѣли въ башнѣ и смотрѣли въ окно на море.

— Да, они сидѣли вмѣстѣ у окна башни ровно тридцать лѣтъ,—сказалъ баронъ Фабианъ,—и смотрѣли, какъ по небу проносились тѣни боговъ и героевъ въ Валгаллу. И черезъ тридцать лѣтъ, когда солнце опускалось, багровое и громадное, какъ круглый щитъ, въ туманы и волны океана, они объ руку незамѣтно умерли. Ихъ тѣла остались у окна старой башни. А вѣрныя души вырвались изъ плѣна изменной плоти и тоже понеслись по небу, вслѣдъ за тѣнями боговъ и героевъ, и вступили въ свѣтлую Валгаллу, пировать за дубовыми столами.

— Какъ мрачно! Какъ страшно!—сказала, вздрагивая, Фелицата.

Пламя потухало въ каминѣ. Вѣтеръ ударялъ дождемъ и вѣтвями деревьевъ въ стекла потемнѣвшаго покоя. Звуки Шумана крались изъ залы, какъ тоскующіе духи.

— Нѣтъ, я не могла бы ждать тридцать лѣтъ и быть вѣрной,—сказала, качая головкой, съ слегка поблѣднѣвшимъ личикомъ Фелицата.—Я-бы пождала годъ, два и забыла-бы. Да, я-бы забыла,—повторила она.—И я терпѣть не могу дожидаться. Ахъ, какъ я не люблю дожидаться! Я никогда и не жду никого.

— Даже полковника Беркута?—спросилъ баронъ Фабианъ,

— И его я не жду,—отвѣчала спокойно Фелицата,—потому что я знаю, когда онъ пріѣдетъ и... могу всегда написать или телеграфировать и онъ сейчасъ, сейчасъ пріѣдетъ,—съ гордостью достигнутаго обладанія прибавила она.

— Но представьте себѣ, что началась война тамъ гдѣ-

нибудь, далеко въ Азіи. Полковникъ уѣдетъ и вамъ придется его дожидаться.

— О, я тоже уѣду съ нимъ!—одушевленно отвѣчала Фелицата.—Я уѣду съ нимъ,—повторила она.

— Но васъ не пустятъ же за полковникомъ въ отряды дѣйствующей арміи,—возразилъ баронъ Фабіанъ.

— Пустятъ. Я буду тамъ сестрой милосердія.

— Значитъ, не милосердіе къ страдальцамъ будетъ вами двигать, а желаніе быть около любимаго человѣка, жениха или мужа? Побужденіе чисто эгоистическое.

— Вы любите добираться до корней и ищете химически чистыхъ чувствъ, какъ продается въ гигиеническихъ лабораторіяхъ и аптекарскихъ складахъ,—сказала Фелицата.—Впрочемъ, полковникъ Беркутъ еще и не мой мужъ, и не женихъ, и даже не „любимый человѣкъ“. Я его очень уважаю. Онъ мнѣ нравится и... я ему видимо нравлюсь. Мы—пріятели, не больше. Вотъ и все!

— Вотъ и все? — повторилъ вопросительно баронъ Фабіанъ.—Впрочемъ, развѣ я смѣю вмѣшиваться разспросами въ отношенія ваши къ полковнику. Вы только можете быть со мною откровенны именно потому, что я случайный прохожій на вашемъ свѣтломъ и озаренномъ солнцемъ пути.

— Я со всѣми и всегда откровенна. Что мнѣ скрывать? Я очень говорлива. И у меня на лицѣ все написано. Я люблю солнце, это правда, люблю свѣтъ и свободу. За любимаго человѣка и даже за друга я отдамъ жизнь. Я знаю, что отдамъ. Но ждать... Нѣтъ, я совсѣмъ не могу ждать! Или не давайте мнѣ совсѣмъ ничего, или ужъ отдайте сразу, сейчасъ.

— И я думаю, что судьба никогда не заставитъ васъ томиться ожиданіемъ. Солнце, которое вы любите, подъ знакомъ котораго вы родились, будетъ помогать вамъ. Красное Солнце! Великій Хорсъ! Свѣтлый Дажь-Богъ!

— Вотъ вы меня завлекли въ какой-то магическій кругъ,—сказала Фелицата.—Вы такъ подходите, идете рядомъ или сядете за плечомъ и начинаете плестъ свою паутину. Плетете, плетете и какими-то щупальцами очень искусно вывѣдаете чужую душу. Вы точно всѣхъ къ присягѣ приводите! Фу, какъ противно тухнетъ каминъ! Какой синій пламень ползаетъ! И какъ стучитъ вѣтеръ и дождь! Что это не несуть лампы? И зачѣмъ это Лиза играетъ Шумана! Я не могу. Я хочу движенія, веселья, свѣта. Я хочу танцовать.

Фелицата порывисто встала и направилась въ залу.

— Лиза! Лиза! Перестань играть Шумана! Сыграй вальсъ.

Мы будемъ танцовать. Баронъ, вы не откажетесь? — лукаво улыбаясь, съ блескомъ искрящихся весельемъ глазъ своихъ, спросила Фелицата.

Баронъ поклонился.

— Господа! Грушевичъ! Володя! Идите въ залу. Мы будемъ танцовать! Баронъ будетъ танцовать!—кричала Фелицата.

— А! Баронъ будетъ танцовать. Это весьма любопытно,—сказалъ дядюшка Кривскій, появляясь изъ библіотеки съ непамѣнной коробкой въ одной рукѣ и недопитой рюмкой милдифольной въ другой, между тѣмъ какъ мундштукъ дымился въ углу его рта.

Молодежь тоже высыпала. Вышла и Наталья Платоновна съ маленькой Люси.

— Если ужъ задумали танцовать,—сказала она,—такъ я вамъ поиграю. А Лиза тоже будетъ танцовать. И Люси. Да гдѣ Володя? Все Маркса читаетъ? Не намарксился зимой!—сочинила вдругъ Наталья Платоновна новый глаголь и, сѣвъ къ роялю, заиграла какой-то прямо медовый „Вальсъ цвѣтовъ“.

— Володя, по моему, не только (намарксился, но даже перемарксился,—сказалъ дядюшка.—Авось его Лиза отчистить.

— Я его позову. Онъ сейчасъ будетъ танцовать,—съ увѣренностью, лукаво и гордо улыбаясь, сказала Лиза. И дѣйствительно, вытащила Володю изъ библіотеки. Онъ шелъ неохотно, горбясь и загребая ногами, но шелъ. Лиза сама положила его руку около своей талии, повисла у него на шеѣ и они, разбѣжавшись, открыли импровизированный балъ. И Володя, немного попутавши ногами, сталъ весьма недурно танцовать.

— Сколько скрытыхъ талантовъ оказывается у Володи. Нужны были только женскія ручки, чтобы ихъ добыть изъ него,—сказалъ дядюшка Кривскій.

Фелицата стояла, улыбаясь и ожидая барона. Но баронъ Фабианъ встрѣтилъ взглядъ большихъ печальныхъ глазъ маленькой Люси. Взглядъ этотъ выражалъ сильное желаніе танцовать и именно съ большимъ барономъ, большимъ красивымъ другомъ.

Баронъ Фабианъ подошелъ почтительно къ дѣвочкѣ и просилъ ее танцовать. Она съ достоинствомъ кивнула пепельной головкой и подняла ручку къ локтю склонившагося барона. Они побѣжали и завертѣлись. Баронъ танцевалъ съ рѣдкимъ изяществомъ. Ножки Люси чуть касались паркета. Она казалась пушинкой, увлекаемой вѣтромъ.

— Bravo, bravo, Люси!—сказалъ дядюшка Кривскій. Наталья Платоновна, улыбаясь, съ нѣжностью смотрѣла на вы-

сокаго барона, танцующаго съ печальной дѣвочкой, и играла свой цвѣточный и сладкій вальсъ. Личико Люси все такъ-же было серьезно и печально. Только легкій румянецъ заигралъ на щекахъ. И въ глубинѣ глазъ, снизу вверхъ смотрѣвшихъ на барона, выразалось удовольствіе.

„Противный! — подумала Фелицата.—Онъ таки заставилъ меня ждать, хотя я только-что сказала ему, какъ ненавижу дожидаться“.

И сейчасъ-же разсмѣялась.

Толстый гимназистъ Грушевичъ пустился за даму съ однимъ изъ студентовъ, удачно пародируя губернскую аристократку, танцующую съ благотворительной цѣлью.

Фелицата понеслась со студентомъ княземъ Дольскимъ. Дядюшка Кривскій размахивалъ въ тактъ рюмкой съ остаткомъ зеленой влаги. Въ окна ломились ночь, дождь и вѣтеръ. Обѣ дѣвушки сіяли красотой и юнымъ счастьемъ. И сладкій вальсъ, который наигрывала Наталья Платоновна, дѣйствительно, казался вальсомъ цвѣтовъ. Точно въ залу ворвалось солнце, запорхали въ ней бабочки и запахло розами, резедой и фіалками.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXXIX.

Письмо барона Фабіана къ Петрушечкѣ Кривскому.

„10 августа 190* г. Замокъ Шналленштейнъ въ Эстляндіи. Дорогой Петрушечка. Вотъ уже мѣсяць, какъ мы расстались съ вами и я опять вижу, изъ окна моей комнаты, море, сѣрые валуны, сосны и цвѣтуція заросли розоваго вереска. Странно. Когда я возвращался изъ Княжихъ Межь, по мѣрѣ приближенія къ ливонскому берегу, мнѣ казалось, что небо постепенно тускнѣетъ, сѣрѣетъ и опускается надо мной. Въ самомъ ли дѣлѣ это такъ? Не знаю. Выпе-ли ваше небо ливонскаго? Я знаю одно, что на нашемъ пейзажѣ легли мертвыя, тусклыя краски. Чѣмъ западнѣе, чѣмъ ближе къ Польшѣ, тѣмъ нѣжнѣе и разнообразнѣе палитра природы, тѣмъ акварельнѣе тоны.

Но я люблю это низкое небо, и камни, и верескъ, и сосны, искривленные господствующимъ вѣтромъ, раскинувшія вѣромъ вѣтви, и наше сѣверное небо.

Когда я пишу вамъ эти строки, море играетъ и блещетъ трепещущими огнями. Бѣлыя чайки сидятъ недвижимо на камняхъ. Парусныя суда тихо проходятъ мимо.

Какъ я далеко отъ Княжихъ Межъ и отъ древняго русскаго города въ зубчатыхъ стѣнахъ! Какъ вся ваша жизнь мгновенно ушла и отодвинулась отъ меня!

Я эту жизнь переживалъ весь этотъ мѣсяць. Я привыкъ жить своими мыслями и чувствами, въ своемъ внутреннемъ мѣрѣ. Мысль—быстрѣе всего. Какъ много переживешь въ немногихъ минутъ! Магометъ говоритъ, что душа его облетѣла всѣ семь небесъ, поднялась къ престолу Аллаха, испустилась въ бездны подземнаго міра, когда его кувшинъ опрокинулся. И вода изъ кувшина не успѣла вылиться, какъ душа уже окончила это путешествіе и успѣла вернуться.

Вспоминая дни, проведенные въ Княжихъ Межахъ, я прежде всего вижу передъ собою... кого-бы вы думали? Маленькую Люси. Прелестный ребенокъ съ печальными глазами и пепельными локонами! Я горжусь тѣмъ, что заслужилъ довѣріе милой Люси и удостоился даже присутствовать при кормленіи ежа.

Кстати, скажите Люси, что здѣсь множество ежей. И я особенно полюбилъ этихъ смѣшныхъ звѣрьковъ, потому что, при взглядѣ на нихъ, мнѣ вспоминается моя маленькая пріятельница.

Съ неизмѣннымъ удовольствіемъ вспоминалъ я и дядюшку-философа, съ его миллифольной, и опять-таки этотъ скромный, невзрачный цвѣтокъ, котораго такъ много всюду, съ его смолистымъ запахомъ, съ собраніемъ бѣленькихъ пушистыхъ головокъ, съ его хвоистыми листочками сталъ мнѣ дорогъ. Я срываю миллифоль и, глядя на нее, припоминаю философскія разсужденія дядюшки Прокопа Иваныча. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ истинный мудрецъ!

Потомъ передо мною выступаетъ мой антагонистъ Володя Шнааленштейнъ и я не могу безъ улыбки вспомнить нашу размолвку и его рѣчи съ „титлами“. Какъ вся ваша жизнь и всѣ вы мнѣ близки и дороги! Какимъ свѣтлымъ и сверкающимъ слѣдомъ прошла въ душѣ моей и воспоминаніяхъ минута нашего разставанія, когда сказала въ васъ вся славыянская доброта и привѣтливость. Какъ сухъ и чопоренъ теперь показался тонъ нашихъ бароновъ!

Передайте-же мой привѣтъ и поклонъ всѣмъ вашимъ.

Вы, конечно, спросите, далеко-ли я подвинулся въ работѣ надъ моей картиною?

Увы, я въ этой работѣ совсѣмъ не подвинулся. Въ моемъ „майоратѣ“, въ башнѣ стараго Шналленштейна, я поставилъ громадный подрамникъ съ загрунтованнымъ холстомъ и каждый день сажусь противъ него, но на этомъ холстѣ нѣтъ ни единой черты и ни единого мазка. Я не могу себя заставить взяться за уголь и за кисти! Я смотрю на чистый холстъ и вотъ передо мною, на его сѣромъ грунтѣ, начинаютъ выступать фигуры, онѣ движутся, идутъ, летятъ. Я вижу весь „полетъ въ Валгаллу“ и удовлетворяюсь этимъ соверпаніемъ внутренняго творчества. Съ каждымъ днемъ фигуры проясняются, углубляется ихъ экспрессія. Я вношу мысленныя поправки въ свое созданіе. Оно зрѣетъ и совершенствуется. Но... его еще нѣтъ въ реальной дѣйствительности. Полотно совершенно пусто. Палитра чиста. Кисти сухи. Такъ-то занимаюсь я ежедневно работой. И даже запираю при этомъ на ключъ дверь въ студию, чтобы мнѣ не помѣшалъ кто-нибудь, изъ пріятелей-бароновъ, иногда ловящихъ рыбу у береговъ Шналленштейна, или травящихъ лись въ его верскахъ,—„работать“.

Вы улыбаетесь затѣямъ барона Фабіана? Дорогой другъ, я сказалъ: мое созданіе—„Полетъ въ Валгаллу“,—зрѣетъ и совершенствуется, но его еще нѣтъ въ реальной дѣйствительности. Да правда-ли это? Что такое дѣйствительность? Развѣ я не вижу мое созданіе? Развѣ оно не стоитъ передо мною? Оно—есть. Миръ—наше представленіе,—говорить Шопенгауеръ. И нашъ милый дядюшка-философъ признаетъ, что мысль—есть вещь и самая главная и прочная вещь. Сказать ли, что именно, подъ вліяніемъ его философіи, я предаюсь природной лѣности и не касаюсь холста ни углемъ, ни кистью. Его опредѣленіе искусства, что оно есть полнота ощущенія даннаго прекраснаго мгновенія, мнѣ кажется совершеннымъ. И сидя по утрамъ противъ моего холста, подъ сводомъ старой башни, въ то время, какъ въ стрѣльчатое окно смѣтается море, я переживаю и ощущаю всю полноту прекраснаго мгновенія. И въ эти минуты—я творецъ и художникъ. И мое созданіе несомнѣнно существуетъ. Но лишь только я возьмусь за кисть, оно перестанетъ существовать. Оно исказится. Полнота его утратится. Я убью его моею кистью. Я это знаю.

Вы скажете, дорогой другъ Петрушечка, что вѣдь мое не-созданное созданіе вижу и знаю только я одинъ, и никому другому оно не доступно. Да, я его вижу, я одинъ—

Въ очахъ души моей, Горацио!

Но зачѣмъ-же нужно, чтобы мое наслажденіе кто-либо раздѣлялъ? Зачѣмъ выставлять на показъ свои творческіе замыслы? Чтобы услышать „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“? Чтобы его разбирали пошляки въ газетныхъ рецензіяхъ? Чтобы продать холстъ? Я не такъ бѣденъ.

Нѣтъ, оставайся со мною, мое прекрасное созданіе, между очами моей души и этимъ сѣрымъ полотномъ! Живи со мною и наполняй мою жизнь, дѣвственное, никому незримое. Потому что только никому незримое—совершенно прекрасно. Мысль, что написанное будетъ разглядывать холодная толпа и какъ-бы захватываетъ мое твореніе своими сальными взглядами, отравить его своимъ нечистымъ дыханіемъ, приводитъ меня въ ужасъ, вселяетъ въ меня глубокое отвращеніе. Вотъ что со мною происходитъ, милый другъ. Можетъ быть, вы найдете мое настроеніе болѣзненнымъ, объясните его „неврастеніемъ“. Я самъ понимаю, что это не совсѣмъ обычное состояніе. „Но что до того? Въ эти утренніе часы, одинокій въ своей студіи, я переживаю минуты высокаго наслажденія. Я забываюсь въ возвышенныхъ грезахъ. Передо мною проходитъ въ могучихъ образахъ вся героическія исторія Скандинавіи и Руси. Да, я связалъ, наконецъ, мое созданіе съ исторіей моего отечества! Оттуда, съ сѣвера, изъ Скандинавіи вышли первые князья Руси и ихъ дружинники. И вотъ въ моемъ замыслѣ, въ Валгаллу летятъ тѣни русскихъ богатырей, предводимыя скандинавскими витязями. Тутъ и жены-воительницы, удалыя „паляницы“, русскія валкирии-дѣвы! Тутъ и герои „Слова о полку Игоревѣ“! Въ моемъ замыслѣ воплощается то чудное сліянiе германскаго и славянскаго духа, которое совершилось на зарѣ исторіи Руси. Вотъ чѣмъ я теперь живу. Впрочемъ, я и кистью, и карандашемъ работаю, но лишь надъ этюдами и рисунками къ моей картинѣ. Наконецъ, къ занятіямъ собственно скандинавскими древностями я присоединяю и занятія древностями славянскими и русскими, которыя, какъ вы можете понять, теперь, съ расширеніемъ первоначальнаго плана моей картины, совершенно необходимы.

Часто брожу я по морскому берегу. И когда море отходитъ, по набросаннымъ валунамъ далеко ухожу въ него и сижу цѣлыми часами, окруженный морскою гладью, и слушаю приплескиваніе моря о сѣдые камни. Одно стихотвореніе Ламартина при этомъ всегда припоминается мнѣ. И я даже перевелъ его на русскій языкъ. Конечно, прозою. Прилагаю этотъ переводъ. Это моя первая литературная попытка. Дайте это и речесъ Прокопу Ивановичу. Привѣтъ ему отъ меня и мой

почтительный поклонъ вашему батюшкѣ и Натальѣ Платоновнѣ, и всему вашему семейству.

Вашъ искренній другъ

баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ.

Post-Scriptum.

ЗАКАТЪ.

(Изъ Ламартина).

И море стихло, какъ пѣнящійся котель, что опадаетъ, едва поблѣднѣлъ пламень очага;

И словно на покой гоня отъ берега еще кипящій валъ, оно возвращается въ свое великое ложе;

И звѣзда, прядая съ облака на облако, на волнахъ безъ лучей проложила свой путь;

И уже половина ея кроваваго лика потонула; такъ корабль, объятый пламенемъ, уносится и нисходитъ за горизонтъ;

И половина неба поблѣднѣла; и безсильное, безгласное дыханіе вѣтра шелеститъ въ парусахъ; и набѣжали тѣни; и въ ихъ сѣромъ сумракѣ все сливается на небѣ и на водахъ;

И въ душѣ моей все блекнетъ, блѣднѣетъ, всѣ земные волненія и звуки никнутъ, вмѣстѣ съ заходящимъ днемъ; и какъ въ природѣ, что-то во мнѣ плачетъ и молится, страждетъ и вмѣстѣ благословляетъ;

И только одинъ востокъ разверстъ, какъ сверкающая дверь; тамъ волнуются потоки золотого свѣта; тамъ гигантскій пламенникъ обвить нетлѣнными пеленами пурпурнаго эфира;

И тѣни, и вѣтры, и бездна морская—все, кажется, мчится подъ эту огненную арку; словно боится природа и все, что дышетъ, теряя свѣтъ,—умереть.

И вечерняя пыль летитъ отъ земли; и бѣлые хлопья пѣны плывутъ; за ними слѣдуетъ мой долгій, печальный, блуждающій, безвольный взоръ; и его застилаютъ слезы безъ скорби;

И все исчезаетъ; и моя угнетенная душа пуста и подобна померкшему горизонту;

Но вотъ единая мысль возстаетъ во мнѣ, какъ пирамида среди пустыни;

О, свѣтъ! Куда ты уходишь? Шаръ, оскудѣлый пламенемъ, облака, вѣтры, волны, куда вы убѣгаете? Пыль, пѣна, мглавы, мои взоры, ты, моя душа, скажите, если знаете, къ чему все стремится?

Къ тебѣ, великое Все; къ тебѣ, чья блѣдная искра—эта звѣзда; гдѣ успокоится и ночь, и день, и духъ; божественный отливъ и приливъ всемірной жизни; безбрежный океанъ всепоглощающаго бытія.

Перев. бар. Ф. ф.-Ш^а.

XL.

Отвѣтъ Петра Кривскаго—барону Фабіану.

„Прокопался съ отвѣтомъ вамъ, дорогой баронъ, сами знаете лѣнь нашу славянскую. За письмо спасибо большое. Всѣ наши вамъ кланяются. Дядюшка Кривскій, ознакомившись съ вашимъ переводомъ и новымъ способомъ писать картины безъ красокъ, во-первыхъ, просилъ васъ и за переводъ, и за картину обнять и расцѣловать на разстояніи. Но совѣтуетъ не читать больше Ламартина, и не писать картинъ безъ красокъ, и не презирать толпы. Пусть однако выносить ваша душа художническая картину. И вы почувствуете, что надо браться за кисти. Дядюшка просилъ вамъ напомнить слова Писанія: „Жена, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, но когда родить, не помнитъ ничего отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ“. Дядюшка жалѣетъ, что его нѣтъ съ вами. Онъ бы, какъ Сократъ, былъ повивальной бабкой вашего замысла.

Вы знаете, милый другъ, что я обладаю легкомысленной польской натурой. Замыслы мои маленькіе. Пишу „штучки“. Люблю похвалы даже и газетныхъ рецензентовъ, хотя и сочиняю ихъ иной разъ самъ за бутылкой шампанскаго съ какимъ-нибудь премудрымъ „знатокомъ искусства“.

У насъ въ библиотекѣ есть полное собраніе сочиненій знаменитаго рифмоплета графа Хвостова. На каждомъ томѣ эпиграфъ: „Люблю писать стихи и отдавать въ печать“. Ну, вотъ и я, какъ графъ Хвостовъ, въ простотѣ души люблю писать картинки, выставлять ихъ и потомъ продавать. Въ Петербургъ привезу цѣлую серію „Поганокъ“ и „триптихъ“ — „Лягушки, просящія царя“. Дядюшка хвалить!

Послѣ вашего отъѣзда у насъ заварилась какъ-разъ самая веселая каша. Понаѣхали родственники. Множество барышень, студентовъ. Всѣ другъ въ друга перевлюблились. Но серьезныхъ романовъ только пока одинъ. Володя Шналленштейнъ положительно помолвленъ съ Лизой Освальдистонъ. Какъ она его къ рукамъ прибрала! Послушень, словно овечка.

А затѣмъ, всѣ мы влюблены. Пѣсни, танцы, смѣхъ, пикники, катанья—праздная-жизнь. Фелицата кланяется вамъ.

Кстати, не смотря на наши старанія, сплетня на счетъ вашей дуэли съ Володей Шналленштейномъ не только не угасла, а наоборотъ, стала развиваться и увеличиваться, какъ лавина. Плели, плели, и сплели цѣлую поему. Оказывается,

вы стрѣлялись не только съ Володей, но и съ дядюшкой Кривскимъ. При этомъ попеременно становились на обрывъ въ Гремучей рощѣ, спиною къ озеру и послѣ удачнаго выстрѣла бездыханное тѣло падало въ воду и всѣ поиски его оказывались тщетными, такъ какъ стрѣлялись въ глухую полночь.

По одной версіи, то было тѣло дядюшки, по другой—Володи, по третьей—ваше. Но этого мало. Лиза Освальдистонъ съ отчаянія утопилась.

Напрасно дядюшка, Володя и Лиза предприняли совмѣстную прогулку въ городъ и по губерніи. Слухи не умолкали. И между прочимъ, особенно злостныя версіи пускалъ „содержатель гимназическаго подвала“. Этого... (въ текотѣ письма находилось непечатное выраженіе, нами ради приличія выпущенное. *Изд.*) такія мерзости сталъ врать, что пришлось ему пригрозить и очень крупно. И все же онъ ослабилъ Лизу, такъ что очень хорошо, что она уже помолвлена съ Володей Шналленштейномъ. А Володя ко всему относится „скепти-титически“. Онъ былъ, дядюшка рассказывалъ, великолѣпенъ во время ихъ путешествія по губерніи. Всюду проповѣдовалъ вѣбращное сожитіе и предлагалъ немедленно уничтожить

Церковь, собственность, семейство—
Міра стараго злодѣйство!

Слухи о дуэли со всѣми прикрасами достигли, наконецъ, ушей нашего милѣйшаго, слабѣйшаго и благодуннѣйшаго градоправителя. Старикъ перетревожился и прислалъ своего чиновника особыхъ порученій, Фюфочку Скрипачевскаго, въ Княжія Межи, разузнать, что и какъ. Володя съ дядюшкой предложили ему заняться раскапываніемъ холма въ Гремучей рощѣ, съ цѣлью отысканія ихъ труповъ, тамъ скрытыхъ. Фюфочка много хохоталъ и ухаживалъ за Фелицинькой, которая поднимала его на смѣхъ.

Вы видите, что ваше пребываніе не осталось безъ слѣда въ жизни нашей губерніи. Мало того, исторія дуэли, съ инициалами и украшеніями талмудическаго ума попала въ газету Соломона. По этому поводу его для распеканціи призывалъ нашъ градоправитель. Старикъ былъ ужасно недоволенъ и встрѣтилъ Соломона грознымъ окрикомъ:

— Вы это что за мерзкія сплетни печатаете въ газетѣ?

— Было напечатано въ отдѣлѣ слуховъ, ваше превосходительство,—возразилъ трепещущій Соломонъ.

— Но вы не имѣете правъ жительствова, какъ непрактикующій фельдшеръ. Я васъ въ двадцать четыре часа вышлю въ черту осѣдлости.

— Газета выходитъ съ предварительной цензурой, ваше п-во.

— Съ предварительной! А кто цензоръ? Отставной ветеринаръ. Онъ, можетъ быть, и много знаетъ въ ящурѣ и сибирской язвѣ, а въ политикѣ что онъ смыслить?

— Цензоръ назначенъ вашимъ п—омъ.

— Ну, да, я же и виновать! Я же и виновать! Я не мѣшаю вамъ развивать сiонизмъ. А вы какъ меня благодарите? Печатаете гнусныя сплетни, порочащія лучшія фамиліи губерніи?

— Виновать, ваше п—во! Это ошибка метранпажа. Статья мною была назначена въ разборъ.

— Стрѣлочникъ виновать! Знаю. У насъ вездѣ такъ, вездѣ. Ну, такъ вотъ что, господинъ непрaktикующій фельдшеръ, чтобы у меня впередъ никакихъ лживыхъ слуховъ про почтенныхъ людей не пускать въ газету, а то плохо будетъ. Слышите!

— Ваше п—во! Будьте увѣрены, что я приложу всѣ силы...

— Ладно. На васъ еще полиціймейстеръ жаловался. Пишите о сосѣдней губерніи все, что хотите. А моей полиціи не смѣть затрогивать. Слышите? Это подрываетъ престижъ власти.

— Такъ о сосѣдней губерніи можно?—ободраясь, спросилъ Соломонъ.

— Можно, но осторожно.

— Даю вамъ честное слово, что о вашей полиціи не будетъ напечатано ни строки въ моей газетѣ, п—во. Но зато прошу васъ позволить мнѣ разъ въ недѣлю писать противъ правительства.

— Разъ въ недѣлю? Ну, это можно,—рѣшилъ нашъ старикъ.

Этотъ безсмертный діалогъ намъ сообщилъ тотъ же Оффочка, который къ намъ повадился и учить Филиньку играть въ лаунъ-тенисъ. Вотъ вамъ наши новодти.

Нѣтъ, еще не всѣ. Есть еще одна, очень печальная. Скончался Станиславъ Станиславовичъ, у котораго мы угощались травничками и настоечками. Скончался безболѣзненно, непостыдно, мирно, пробуя новый травничекъ подъ знакомой вамъ грушей. Тетушка Евдокія въ великомъ горѣ. Мы всѣ ѣдили погребать старика. Розовая окраска дома, какъ видите, была къ трауру. Тетушка Евдокія жуутъшна и сразу одряхлѣла. Думаю, что и она скоро послѣдуетъ за старымъ гастрономомъ. Эта кончина немного ускромнила наше веселое времяпровожденіе. Мы не танцуемъ и не поемъ. Въ виду близости осени, собираемъ боровики, которыхъ въ нынѣшнемъ году

неистоцимыя полчища. Признаться, старика съ его настоячками мы сейчасъ же и позабыли. Только тетю Евдокію жалко. Мама съ Филей часто ѣздятъ теперь въ городъ, чтобы проводить время со старухой и утѣшать ее.

Правду сказать, хочется уже въ Петербургъ и заграницу. Въ Петербургъ ѣдетъ и Фидинька. Скоро, значить, свидимся. А пока, жму вашу руку. Искренній вашъ

Петръ Кривскій“.

XLI.

Письмо барона Фабіана—Фелицатъ Кривской.

„20-го августа 190* г. Замокъ Шнааленштейнъ въ Эстляндіи.

Милостивая государыня,

Фелицата Петровна.

Дни, проведенные мною въ Княжихъ Межахъ, сливаются въ одно свѣтлое воспоминаніе и отождествляются для меня съ вашимъ образомъ. Я думаю, что въ желаніи моемъ побесѣдовать съ вами я не встрѣчу отказа. Хотя я и люблю родные верески и валуны, но какъ показались они мнѣ печальны, послѣ тихаго, прелестнаго и солнечнаго уголка Бѣлоруссіи, гдѣ живете вы. Такъ и вижу я ваши цвѣтники, паркъ, широкую аллею, клены, розы и васъ, лучшую розу этихъ цвѣтниковъ и парковъ. Вы видите, что я остаюсь вѣрнымъ самому себѣ и начинаю письмо „балтійскими“ комплиментами, надъ которыми вы такъ потѣшались. Но въ старомъ обычаѣ комплиментовъ было много добраго, много человѣколюбія. Complimentъ позволялъ и постороннему человѣку выражать чувства восторга передъ красотой и умомъ женщины или дѣвушки. Я не настолько самомнителенъ, чтобы полагать, что вы долго сохраняли послѣ моего отъѣзда воспоминаніе обо мнѣ. Хотя дружеское расположеніе, которое вы и все ваше милое семейство выразили мнѣ именно въ послѣдніе часы и минуты моего пребыванія въ Княжихъ Межахъ, поощряютъ меня питать болѣе лестныя надежды. Но я знаю, я уже вынесенъ „на чердакъ“ и въ самый дальній уголокъ. Случайный прохожій на вашемъ пути, я остановился, видѣлъ васъ, говорилъ съ вами... А затѣмъ наши пути разошлись по пароболгъ, вѣтви которой, чѣмъ дальше, тѣмъ больше раздвигаются.

Такъ, вы уже меня забыли. Но я-то васъ не забылъ. Образъ вашъ я унесъ съ собою. Я вижу васъ, сидя въ моей

башнѣ. Этого мнѣ мало. Я хочу и говорить съ вами. Напишите мнѣ нѣсколько строкъ, съ позволенія вашей матушки, которой вы, конечно, покажете это письмо. Напишите мнѣ. Вѣдь вы обѣщали большее—посѣтить старый Шналленштейнъ съ маленькимъ моимъ другомъ, Люси.

Я писалъ вашему брату и вчера, наконецъ, получилъ отъ него отвѣтъ. Онъ сообщаетъ мнѣ всѣ ваши новости и поклонъ вашъ. Значить, вы помните меня. Сказать мнѣ вамъ нужно очень много.

Мнѣ вѣкъ нужно сказать, что въ окно стараго Шналленштейна смѣется въ эту минуту море и ропотъ его точно подкрадывается ко мнѣ и напѣваетъ таинственную сагу. Мнѣ вамъ нужно сказать, что я вижу васъ посреди моря, сидящей на большомъ валунѣ. Солнце запуталось въ вашихъ волосахъ. И вы поете. Я слышу вашъ голосъ. Еслибы я могъ знать, что вы дѣлаете въ данную минуту, что чувствуете и о чемъ думаете!

Впрочемъ, вы счастливы и оттого счастливъ всякій, кто теперь недалеко отъ васъ. Это свойство молодого счастья. Оно, какъ солнце, разливаетъ кругомъ и свѣтъ и тепло.

Простите, милостивая государыня, что осмѣлился писать вамъ. Если я не имѣю на это правъ родственника, то все же у меня есть право однофамильца и почтительнаго друга вашего милаго семейства, которому шлю сердечнѣйшій привѣтъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга

баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ“.

Второе письмо барона Фабіана—Фелицатъ Кривской.

„27 августа 190* г. Замокъ Шналленштейнъ въ Эстляндіи.

Милостивая государыня,

Фелицата Петровна.

Моя смѣлость наказана вашимъ суровымъ безмолвіемъ. А я рѣшаюсь, однако, беспокоить васъ еще разъ, хотя моими смиренными извиненіями. Я полагалъ, что хотя и не имѣю правъ родственника вашего, все же, какъ вашъ недавній гость, обласканный теплымъ привѣтомъ вашей семьи, какъ однофамилецъ, и наконецъ, снискавшій нѣкоторую долю вашего довѣрія, выразившагося хотя бы обѣщаніемъ вашимъ посѣтить этой осенью старый Шналленштейнъ, съ моимъ маленькимъ другомъ, Люси, я не нарушу приличій, не выкажу назойливости, осмѣлившись писать къ вамъ и ждать отвѣта вашего.

Можетъ быть, въ письмѣ моемъ, при всей его почтительной сдержанности, проявились тѣ чувства искренняго восторга, который вамъ не новъ, невольно вызываемый во всѣхъ, кто имѣетъ счастье къ вамъ приближаться.

Эти чувства совершенно законны. Скрывать, что воспоминаніе о васъ является свѣтлымъ, радостнымъ лучемъ въ моемъ, не совсѣмъ веселомъ, уединеніи, я не могъ и не хотѣлъ.

Но самая строгая щепетильность, казалось мнѣ, не могла бы усмотрѣть въ выраженіяхъ моего письма перейденной черту строгой благопристойности, которая всегда должна лежать между молодыми людьми, которымъ тѣмъ не запрещается же и общій смѣхъ, и общій разговоръ, и общая скромная симпатія.

Милостивая государыня, молчаніе ваше слишкомъ сурово, слишкомъ удручило меня. Я не могъ истолковать это молчаніе, какъ безпечную разсѣянность, хотя на письмо мое къ вашему уважаемому брату отвѣтъ послѣдовалъ лишь черезъ десять дней. Но мнѣ слишкомъ больно повяты это молчаніе и какъ внезапное прекращеніе нашего, столь счастливо начавшагося было, знакомства. Это послѣднее обстоятельство и заставило меня еще разъ имѣть смѣлость писать вамъ. Признаюсь, мнѣ было бы тяжело окончательно убѣдиться въ разрывѣ нашихъ отношеній. Быть можетъ, несчастная размолвка съ младшимъ Шналленштейномъ, порожденная, однако, какъ это вамъ хорошо извѣстно, дерзкой и ничѣмъ съ моей стороны не вызванной выходкой, хотя и кончилась благополучно, теперь принесла слишкомъ много непріятностей вашему семейству, какъ объ этомъ сообщалъ въ почтенномъ письмѣ вашъ уважаемый братъ, такъ что вамъ въ самомъ дѣлѣ непріятно воспоминаніе о вашемъ оствѣйскомъ однофамильцѣ.

Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, милостивая государыня, принять выраженіе моей почтительной преданности и такого же уваженія.

Баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ“.

Николай Энгельгардтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Болѣзнь Гоголя.

(К р и т и ч е с к о е и з с л ѣ д о в а н і е).

Д-ра Каченовскаго.

„БОЛѢЗНЬ ГОГОЛЯ“—ПРОФЕССОРА ЧИЖА.

Гоголь, по проф. Чижу, не могъ любить людей униженныхъ и оскорбленныхъ, хотя и возбудилъ любовь къ Акакіямъ Акакіевичамъ и Поприщинымъ. Значитъ, это не было эгоизмомъ, да и не могло быть имъ, ибо своими произведеніями онъ сѣялъ и не случайно,—ибо говорилъ о томъ,—добро людямъ. Почему же онъ не особенно сочувствовалъ крѣпостнымъ? Это вполне понятно у больного Гоголя и проф. Чижъ отчасти справедливо говоритъ: *„уже одни, почти не прекращающіяся нервные страданія настолько отравляли жизнь, настолько сосредоточивали все вниманіе на самомъ себѣ, на собственномъ спасеніи, что ему ни до кого и ни до чего, кромѣ себя, не было дѣла“*. А кому изъ здоровыхъ людей было дѣло тогда до больного гениальнаго нашего поэта: щадил ли тогда Гоголя высокообразованные люди, какъ Бѣлинскій, С. Т. Аксаковъ, Тургеневъ и пр. и пр.: не били ли они по самолюбію малообразованнаго, плохо воспитаннаго, а потому и нуждающагося въ снисхожденіи Гоголя? Бѣлинскій, вѣдь, жертвовалъ самолюбіемъ больного Гоголя для спасенія многихъ людей! Отчего поступки Гоголя разсматриваются проф. Чижомъ (а также и д-ромъ Баженовымъ) безъ отношенія къ окружающимъ тогда Гоголя людямъ и обстоятельствамъ

1) См. «Русск. Вѣстн.», августъ 1906 г.

того времени, воспитанію и образованію юношества, средѣ, гдѣ жилъ и служилъ Гоголь и пр. и пр. 1). Можетъ быть, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, мы удивились бы тогда, почему Гоголь, болѣвшій еще къ тому же маляріей, дѣйствительно, не сошелъ съ ума, какъ то произошло въ наше уже время со многими нашими талантливыми писателями, можетъ быть, никакими болѣзнями не болѣвшими. Всѣ эти соображенія могли бы привести проф. Чижа къ разъясненію себѣ того, почему умственно здоровый Гоголь относился сравнительно безучастно къ страданіямъ своихъ сосѣдей, какъ то дѣлаютъ и душевнобольные, и онъ не сталъ бы дѣлать того сравненія, что разъ такъ поступаютъ душевнобольные, то, стало быть, Гоголь душевнобольной. Поэтому, проф. Чижь опять правильно пишетъ: „только здоровые (*свободные и хорошо воспитанные люди*, прибавлю я) могутъ любить свободу, истину, человѣчество; возмущаться произволомъ, стремиться къ свѣту, облегчать страданія оскорбленныхъ и униженныхъ“ (да, и то вонъ такіе люди, свободные и здоровые, какъ англичане, забрали, однако-жь, золотonosный Трансвааль, и надругались надъ истинной, свободой, правомъ, справедливостію и пр. и пр.) и какъ больной человѣкъ, онъ ни умомъ, ни сердцемъ не понималъ и не сочувствовалъ тому, что такъ дорого всѣмъ намъ и въ „Ревизорѣ“ и въ „Мертвыхъ Душахъ“. Такъ ли это? Несомнѣнно онъ былъ и малообразованный, и больной, хотя и не душевной болѣзнью. Гоголь выпрашивалъ деньги, пособія, пенсію, но вѣдь онъ сначала много гениальнаго написалъ, а потомъ протягивалъ руку за помощію и едва нашлись люди, которые не окончательно отвернулись отъ него.

Вотъ почему Гоголь считалъ для себя оскорбительнымъ самое названіе „либераль“ и предпочелъ казенную благонамѣренность: „либералы“ глумились надъ Гоголемъ со школьной еще скамейки и меньше всего онъ ихъ могъ понять потому, когда они обращались къ нему, Гоголю, хлопотать о тепломъ мѣстечкѣ у него, или помочь имъ своей статьей увеличить доходность ихъ газеты, а сами не нашли возможнымъ ему тоже помочь безъ этого. Очень возможно, что Гоголь считалъ консерваторовъ болѣе гуманными людьми: *они, правда, возьмутъ взятку*, но больному уже навѣрно дадутъ хотя отно-

1) Я уже не говорю о томъ, что малярики-хроники вообще большіе эгоисты и черствые люди и, несмотря на *видимую* мягкость нравовъ въ малярійныхъ мѣстностяхъ, драмъ бываетъ тамъ много; вообще люди тамъ часто бываютъ раздражительны и надо умѣть съ ними обходиться.

сительный покой. Проф. же Чижевъ полагаетъ, что у Гоголя „это объясняется тѣмъ, что душевно-больные всегда съ особымъ увлеченіемъ придерживаются модныхъ, въ то время консервативныхъ, господствующихъ идей“. *Cette comparaison n'est pas raison*, ибо тогда въ Россіи, оказывается, почти всѣ были сумасшедшіе. Но и при такомъ толкованіи для проф. Чижева остается неяснымъ, почему у Гоголя сложились такіе благонамѣренныя взгляды, ибо немало людей, мало учившихся, исповѣдуютъ радикальныя и даже анархическія идеи“. Такимъ сложнымъ кажется характеръ Гоголя проф. Чижу, что не поддается его анализу. Зачѣмъ же тогда, казалось, смотрѣть ему на Гоголя съ точки зрѣнія душевной болѣзни у него? Хитрый, даже гениально хитрый Гоголь совершенно сбиваетъ съ толку профессоровъ психіатріи. Даже теоретическія работы графа Льва Толстого стоятъ ниже художественныхъ произведеній послѣдняго, почему же никто Л. Толстого не считаетъ душевно-больнымъ на основаніи того, что онъ часто берется не за свое дѣло (напр., пашетъ въ полѣ, издаетъ теоретическія работы и пр.). Я думаю потому, что самъ Л. Толстой отъ души посмѣялся бы надъ такими людьми, которые ничего не найдутъ у него, кромѣ душевной болѣзни и художественныхъ произведеній, просматривать у него вообще человѣка съ необыкновенно доброй душой, какъ и у Гоголя. Критикъ Волынской, увидѣвшій въ „Выбранныхъ мѣстахъ“ языкъ „пророческаго вдохновенія и поэтическаго энтузіазма“ и повторившій за Л. Н. Толстымъ: „это оклеветанная, это великая книга“ („Выбранныя мѣста“), вызоветъ, будто бы, по проф. Чижу, удивленіе и образованнаго человѣка, и специалиста ученаго— слова эти очень рѣзки и энтузіазмъ, хотя и не поэтическій, у проф. Чижева ясно проглядываетъ при защитѣ своего малообоснованнаго мнѣнія о душевной болѣзни Гоголя. Вѣрнѣе всего признать, что книгу „Выбранныя мѣста“ Гоголь писалъ главнымъ образомъ для выясненія себя друзьямъ и уясненія себѣ нѣкоторыхъ вопросовъ для задуманнаго имъ тогда большаго сочиненія, въ которомъ онъ хотѣлъ создать положительные типы, и этимъ послѣднимъ, вѣроятно, объясняется выраженіе его въ одномъ письмѣ: „Еще одинъ Левиафанъ затѣвается и т. д. Съ точки зрѣнія художника-аскета ему стало казаться, что его прежнія произведенія заключали въ себѣ ошибку, что онѣ бывали легкомысленнымъ смѣхомъ, внушали раздраженіе и чуть ли не внушены злымъ духомъ“. Вотъ почему онъ отвергъ свои прежнія сочиненія. (Пыпинъ. „Характеристики литературныхъ мнѣній“, изд. 2-е, заимствовано изъ

„Богословск. Вѣстника“ 1902 г., III, стр. 610—611). Также это сочиненіе („Выбр. мѣста“) было ему вродѣ отдыха при занятіи беллетристикой. Какъ читатель ни утомился уже приводимыми все большею частью сомнительнаго достоинства доказательствами проф. Чижа въ защиту его мнѣнія, все-таки, въ виду важности предмета, я долженъ продолжать мой разборъ: проф. Чижъ очень уважаетъ количество доказательствъ. Проф. Чижъ говоритъ, что „Выбранныя мѣста“ Гоголя, какъ и другія теоретическія работы Гоголя, отличаются тѣмъ, что всѣ, даже самыя сложныя вопросы, разрѣшаются крайне просто и при томъ въ самой категорической, не допускающей возраженія, формѣ; нѣтъ никакихъ сомнѣній, недоразумѣній... Ницше говоритъ вполне вѣрно: „возраженіе, осторожность, сомнѣніе, иронія — суть признаки здоровья; все, что абсолютно, находится въ области патологическаго“.

Врядъ ли это, однако, справедливо. Иначе, что я могу подумать объ авторѣ этого разбираемаго мною сочиненія, самомъ проф. Чижѣ, ибо Гоголя могъ всякій учитель географіи, исторіи и даже просто всякій изъ публики оспаривать, а кто можетъ возражать проф. Чижю? Что могутъ сдѣлать даже врачи, если они не профессора: вотъ что проф. Чижъ говоритъ, напр., про д-ра Тарасенкова, отнесшагося критически къ насилію надъ бѣднымъ Гоголемъ своихъ товарищей, выше его стоящихъ: „едва ли можно одобрить то высокоуміе, съ которымъ онъ (Тарасенковъ) отнесся къ сужденіямъ болѣе его свѣдущихъ (это относительно-то болѣзни Гоголя!) товарищей; къ сожалѣнію такое отношеніе нерѣдко“ (какъ и наоборотъ, прибавлю я, что еще, къ сожалѣнію чаще бываетъ).

Проф. Чижъ, на основаніи своего свыше двадцатипятилѣтняго изученія душевно-больныхъ, говоритъ, что онъ можетъ лишь подтвердить, что этотъ больной философъ (Ницше) правъ. Относительно „всезнаѣства“ кто же не знаетъ, что не только во времена Гоголя, но и теперь многіе статскіе и военные генералы считаютъ себя, хотя и относительно только, специалистами чуть ли не по всякой отрасли знанія.

Какіе мотивы руководили Гоголемъ при изданіи теоретическихъ работъ, мы не знаемъ и судить о нихъ очень трудно.

Свербеевъ, уважавшій и любившій Гоголя, писалъ, однако: „надувается ли онъ (отъ чего, Боже сохрани) прежде чѣмъ самъ надувается, или же надувается прежде самъ, а потомъ уже надуваетъ своихъ читателей“. Относительно того, что Гоголь, будто-бы, считалъ *скопидомство* величайшей мудростью и добродѣтелью, какъ говоритъ проф. Чижъ, — въ этомъ можно

усумниться, но что онъ говорилъ, что расточительность величайшій порокъ, то это онъ видѣлъ часто на примѣрахъ русскихъ, прѣзжающихъ въ Италію, Францію и пр. прожигать русскія деньги. Также онъ зналъ хорошо, что мы, русскіе, не умѣемъ жить по средствамъ, а гениі у насъ умираютъ съ голода. Только онъ одного не зналъ, что протяни кто-либо изъ гениальныхъ людей руку за помощью, его свои же русскіе назовутъ попрошайкой, а то и прямо сумасшедшимъ и не очень-то много раскошелятся для него. Впрочемъ, можетъ быть, Гоголь и это зналъ и при своемъ „черствомъ“ характеръ, гордости и высокомеріи все таки протягивалъ руку за помощью и всячески старался обезпечить себя. Кроме того, причиной проповѣди Гоголя и расточительности было и преждевременное увяданіе его организма, но, конечно, не отъ душевной болѣзни.

Неправильное объясненіе даетъ проф. Чижевскому тому, отчего Гоголь въ 1842 г. писалъ много писемъ. Онъ говоритъ,—что причина тому—угасаніе его гениі, погасшаго окончательно въ 1841 г., тогда какъ „патологическая его организація осталась, на почвѣ которой и развилось это болѣзненное явленіе“ (зудъ писательства теоретическихъ статей).

Вотъ это невѣрно, ибо причиной того были слѣдующія обстоятельства: больной Гоголь, дѣйствительно, не могъ уже работать съ той силой, какъ раньше, и ему въ это время понадобился отдыхъ, понадобилось общество, захотѣлось какого бы ни было общенія съ людьми: болѣе *легкій* трудъ (письма) сравнительно съ предыдущей его дѣятельностью, къ каковому труду старые люди болѣе всего склонны.

Проф. Чижевскому (какъ и д-ръ Баженовъ), авторитетно извѣщавшій насъ при каждомъ представлявшемся ему случаѣ о томъ, какъ постепенно угасалъ гениі Гоголя, вдругъ раздражается слѣдующей рѣчью: „Намъ очень трудно слѣдить за развитіемъ болѣзни Гоголя, во-первыхъ, вслѣдствіе скрытности его, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что *болѣзнь нашего великаго поэта нѣсколько своеобразна*, въ третьихъ, вслѣдствіе несовершенства психіатріи, а Гоголь скрывалъ свою болѣзнь отъ друзей“. „Эти болѣзненные страхи, эти непонятныя безпокойства, эти безпрестанныя ожиданія чего-то страшнаго, долженствующаго сейчасъ же разразиться, все это уже у меня было, хотя я и скрывалъ это въ себѣ и не показывалъ наружно. Это было еще тогда, когда вы были въ Римѣ“, пишетъ Гоголь Смирновой 4 іюля 1846 (стр. 138 — 139), отлично обрисовывая настроеніе малярика-хроника во время припадковъ маляріи. Ум-

ный, одаренный художественнымъ чутьемъ, сумасшедшій самую нелѣпую идею сумѣеть смягчить, облечь въ приличную форму, говоритъ проф. Чижъ, и по отношенію къ умному человѣку мы должны отнестись строже, если онъ начнетъ говорить глупости, чѣмъ къ глупому человѣку въ такомъ же положеніи.

Это не совсѣмъ вѣрно: если душевно-здоровый, но больной и раздражительный, хотя бы то былъ и самъ гениальный Гоголь, назоветъ мужиковъ, да еще въ крѣпостное время... *неумными рылами*, то я отнесусь къ нему болѣе снисходительно, чѣмъ къ тѣмъ двумъ психіатрамъ, которые въ наше уже время рассказали психіатра-товарища, д-ра Якобія, совершенно не стѣсняясь въ выраженіяхъ послѣ произнесенія ими (первыми двумя) надгробныхъ умилительныхъ рѣчей на могилѣ незабываго психіатра же С. С. Корсакова, ихъ учителя. Но и тогда я скажу про нихъ только: они не вѣдали, что творили, а не приведу словъ Бѣлинскаго: или они больны и имъ надо спѣшить лѣчиться, или... и т. д. Въ виду грубости тогдашнихъ нравовъ, Гоголь не виноватъ въ отступленіи своемъ отъ установленнаго тогда кодекса нравственности, а какъ объяснить поступокъ вышеупомянутыхъ двухъ психіатровъ въ нынѣшнее время—я не знаю. Не смѣю же я подумать, слѣдуя логикѣ проф. Чижа, что у данныхъ психіатровъ—это были способы къ достиженію ими каедръ. Всѣ приводимыя проф. Чижомъ выдержки изъ писемъ Гоголя на стр. 141 и 142 его труда несомнѣнно указываютъ, что Гоголь болѣлъ тогда хронической маляріей; такъ въ одномъ письмѣ (къ матери) говорится: „вліяніе ли климата, или что другое, дурно то, что *это дѣйствуетъ на мои умственныя занятія* и я до сихъ поръ не въ силахъ привести въ порядокъ дѣлъ своихъ“. Болѣзнь, дѣйствительно, не даетъ Гоголю заняться, сосредоточиться, но геній его, конечно, не угасалъ: не было только *физической* возможности заниматься. Эти обмороки, сомнамбулическое состояніе Гоголя, о которыхъ онъ самъ писалъ Балабиной, въ февралѣ 1842 г., включительно до сонной болѣзни, или продолжительнаго сна больного, что встрѣчается на югѣ въ малярійныхъ мѣстностяхъ, а также и до меланхолическихъ состояній включительно—все это также одни изъ признаковъ (симптомы) маляріи. Не будучи больнымъ хронической маляріей, или не зная ничего о такихъ больныхъ, дѣйствительно, судя по поступкамъ этихъ больныхъ, какъ Гоголь, можно подумать, что они душевно-больные люди: до того странны ихъ радости по поводу хотя небольшого облегченія отъ своихъ болѣзней и печали, или даже страшнаго иногда отчаянія, когда ихъ

болѣзнь хроническая обостряется. (Болѣе всего замѣтно это у лицъ, занимающихся умственной работой, лицъ, расходующихъ сильно свою нервную систему и пр.). Поэтому нисколько не удивительна пѣздка Гоголя въ Иерусалимъ, хотя проф. Чижъ почему-то удивляется, отчего Гоголь сначала не поѣхалъ въ русскій какой-либо монастырь, и приписываетъ это идеѣ величія у Гоголя, что ему подобаетъ молиться только въ самомъ главномъ святомъ мѣстѣ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы подобная, крайне нелѣпая мысль могла бы явиться въ головѣ Гоголя. Нѣсколько мистическое направленіе мыслей у Гоголя, глубоко-вѣрующаго человѣка, подало поводъ проф. Чижу такъ относиться къ Гоголю, какъ будто, онъ, Гоголь, настолько боленъ уже въ 1842 г., что не понимаетъ даже упадка своего творчества; тогда какъ Гоголь въ это время пишетъ: „я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе“... и считаетъ, что первая часть „Мертвыхъ душъ“ въ сравненіи съ другими, „имѣющими послѣдовать“, похожа „на продѣланное губернскимъ архитекторомъ наскоро крыльцо ко дворцу, который задуманъ строиться въ колоссальныхъ размѣрахъ“. Проф. Чижъ, говоря здѣсь, что Гоголь настолько боленъ въ 1842 г., что не замѣчаетъ въ себѣ упадка творчества, на 167 стр. говорить, что „Гоголь самъ ясно сознавалъ (и это было въ концѣ 1850 г.) упадокъ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ“, что на Гоголя почти за годъ до смерти, якобы, нашло просвѣтленіе ума и это въ то время, какъ слабоуміе, или распадъ духовной жизни у Гоголя съ 1847 года, будто бы, все болѣе и болѣе прогрессировало!

Гоголь не считался, конечно, со своей болѣзнью: она раньше не лишала его возможности творить гениальныя вещи; онъ не зналъ, что эта болѣзнь можетъ прогрессировать. Гоголь пересталъ творить вслѣдствіе того, что впадалъ чуть ли не въ отчаніе въ виду невозможности отъ припадковъ болѣзни (марьяри) работать такъ, какъ желалъ и раньше работалъ, боясь написать произведенія, которыя могли оказаться хуже изданныхъ уже, за отсутствіемъ наблюденій русской жизни и такихъ цѣнителей его таланта, какъ Пушкинъ. Это отчасти сознаетъ самъ Гоголь: „виновать ли я въ томъ, что у меня точно нѣтъ теперь никакихъ впечатлѣній и что мнѣ все равно, въ Италиі ли я, или въ дрянномъ нѣмецкомъ городкѣ, или въ Лапландіи... Въ томъ воля Бога“ (письмо Данилевскому 20 іюня 1843 г.).

Онъ, повидимому, скорѣе согласенъ, чтобы сочли его за сумасшедшаго, чѣмъ за человѣка, пережившаго свою славу.

Какъ извѣстно, Гоголь имѣлъ много предрасудковъ, но вѣрилъ ли онъ въ то, что можетъ пророчествовать, обладаетъ „внутреннимъ чутьемъ“ и пр.—это вопросъ. „Гоголь жилъ, говоритъ проф. Чижа, всегда такъ, какъ нравилось ему; онъ и теперь очень толково обдѣлалъ свои денежныя дѣла, поручилъ дѣла своимъ московскимъ друзьямъ, чрезъ Смирнову получалъ пособія и отъ Двора, и изъ казначейства“, и т. д.; словомъ, жилъ такъ, что объ „аскетизмѣ“ его говорить нѣтъ основаній. О такихъ удивительныхъ душевно-больныхъ, если принять во вниманіе все вышесказанное, еще что-то не было слышно. Такъ пріятно живя, Гоголю легко было, конечно, пророчествовать и писать, напр., Языкову, что онъ, Гоголь, обладаетъ внутреннимъ чутьемъ, которымъ можетъ „прозрѣвать“ изъ Дюссельдорфа въ Москву, что „отъ тебя (Языкова) не такъ далеко время писанья и работы“. Гоголь употреблялъ, дѣйствительно, гипнозъ и самогипнозъ: разъ врачи ни ему, ни другимъ больнымъ въ Италіи и дома не могли помочь, то Гоголь сталъ себя и другихъ лечить гипнозомъ, а также обратился къ помощи Божіей, чѣмъ приводитъ въ большое смущеніе проф. Чижа. Гоголь въ томъ же письмѣ Языкову (отъ 4 ноября 1843 г.) пишетъ: „нужно молиться и окажутся въ душѣ вопросы...“ И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собой превратится въ восторгъ; а къ концу какой-нибудь недѣли увидишь, что уже все составилось, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила, и глубокой внутренней смыслъ — все; стоитъ только взять въ руки перо да писать“.

Вѣра въ сверхъестественное была очень распространена въ Петербургѣ даже въ 80-хъ годахъ, когда меньше думали о Богѣ, нежели во времена Гоголя. Во время пребыванія моего въ Гатчинскомъ институтѣ (въ 70-хъ г.г.) въ Петербургѣ была большая вѣра въ спиритизмъ. Я помню, какъ одинъ воспитатель посадилъ насъ, воспитанниковъ старшаго отдѣленія, за столы, велѣлъ положить руки на столы и ждалъ, когда послѣдніе завертятся. Когда мой столъ сталъ вертѣться, то всѣ подошли къ нему и у всѣхъ насъ ощупывали мышцы, не напряжены ли онѣ, и не находили этого, ибо я ихъ ослаблялъ въ это время, но я не выдержалъ и вдругъ расхохотался, этимъ только доказавъ, что это я вертѣлъ столъ. Воспитатель плюнулъ и ушелъ къ себѣ, а онъ былъ образованнѣе Гоголя и писалъ ученныя статьи въ журналахъ и теперь состоитъ профессоромъ. Что же удивительнаго въ томъ,

что самъ Гоголь, несмотря на предрасудки и вѣру въ чудесное, не ждалъ ни откуда уже помощи и обращался къ Богу, подолгу молился, и во снѣ ему иногда снилось то, о чемъ онъ думалъ на-яву?

Но уже и это средство не помогаетъ ему; проф. Чижа говорилъ, что самъ Гоголь лечился въ разныхъ мѣстахъ и у знаменитостей, а Языкова поучалъ, что „болѣзнь надо побѣждать“.

Во-первыхъ, онъ не могъ матеріально помочь Языкову, а во-вторыхъ, ему, Гоголю, и знаменитости не могли помочь; немудрено, что и самому Гоголю оставалось побѣждать болѣзнь самовнушеніемъ о томъ, что онъ выздоровѣетъ и тоже совѣтовать Языкову: разъ болѣзнь у Гоголя не распознали и не излечили, то это, дѣйствительно, до поры до времени оставалось единственнымъ средствомъ въ рукахъ Гоголя и другихъ, подобныхъ ему, больныхъ и практикуется и теперь. Во всякомъ случаѣ такой практической и умный душевно-больной, какъ Гоголь, вызываетъ прямо чувство раздраженія у проф. Чижа, въ виду большой возни съ нимъ, чтобы доказать ненормальность у него умственныхъ способностей, что совершенно излишне, такъ какъ временные припадки меланхолическихъ состояній могутъ быть и у совершенно здороваго въ умственномъ отношеніи человѣка, но больного маляріей.

Доказывать, да еще заднимъ числомъ, что кромѣ временныхъ болѣзненныхъ состояній, что отчетливо и правильно подмѣтилъ д-ръ Баженовъ, Гоголь былъ уже съ дѣтства душевно-больной человѣкъ и, какъ таковой, только и могъ сдѣлаться гениальнымъ писателемъ, ему, какъ мы видимъ здѣсь, даже съ такими натяжками, какъ онъ дѣлаетъ, не представляется возможнымъ, да это вовсе и не нужно. Во-первыхъ, ни тогда, ни теперь, никто этому не повѣритъ и не вѣрятъ, а во-вторыхъ, сначала надо доказать или установить, что всѣ гениальные люди—душевно-больные. Тогда относительно Гоголя нечего будетъ и доказывать. Намекъ на это есть у д-ра Баженова, который говоритъ, что у всѣхъ почти гениальныхъ лицъ находятся и психопатическія низменныя черты характера и, хотя какъ исключеніе, онъ быдо привелъ двухъ лицъ: Леонардо-да-Винчи и Гете, но и они собственно, по его выраженію, не представляютъ идеала гармоніи душевныхъ силъ у человѣка. ?

Увы, идеальныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія намъ, простымъ смертнымъ, всѣ гениальные и выдающіеся люди кажутся вродѣ какъ бы душевно-

больныхъ; они бредятъ о высококомъ своемъ призваніи, о благѣ себѣ подобныхъ, до самозабвенія, иногда до помѣшательства, говоря, что они должны это дѣлать и дѣлиться съ немущимъ, тогда какъ у насъ собственное благо на первомъ планѣ. Поэтому намъ слѣдуетъ отмѣчать геніевъ, запасавшихся пенсіей подъ шумокъ религіознаго мистицизма, консерватизма и пр. измовъ, такъ какъ это нашъ удѣлъ, простыхъ смертныхъ, а ужъ никакъ не геніевъ, долженствующихъ умирать съ голода въ виду ихъ дикихъ взглядовъ на жизнь. Впрочемъ, мы можемъ снизойти къ нѣкоторымъ изъ нихъ, якобы, изъ глубокаго уваженія къ нимъ, да и то къ тѣмъ, у кого здраваго смысла (практичности) больше, и объявить ихъ душевно-больными, благо и у нѣкоторыхъ душевно-больныхъ геніальныхъ наблюдается большая практичность. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ повясть, что Гоголь неоднократно говорилъ, что у него, кромѣ чемодана, ничего нѣтъ и онъ „за комфортомъ не гонится“, но, какъ говоритъ проф. Чижевъ, останавливался онъ всегда въ хорошихъ гостиницахъ, а всякій, кто много путешествовалъ, знаетъ, какъ стѣсняетъ путешественника громоздкій багажъ.

Съ другой стороны проф. Чижевъ обрушивается на Гоголя за то, что тотъ въ своей гипнотизаціи людей дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ, до того, что свои наставленія сравниваетъ съ явленіями Бога, называетъ Вѣльегорскую „блугуханнѣйшей“, „благодатной“, а стараго пріятеля такимъ сквернымъ словомъ, которое назвать въ печати нельзя. Вообще по проф. Чижу *„трудно и даже невозможно считать истинно религіознымъ человека, который говоритъ: „трудно человѣку придумать, чѣмъ бы оскорбить меня“ и вмѣстѣ съ тѣмъ ругаетъ* Погодина за то, что онъ приложилъ къ своему журналу его портретъ, Плетнева за то, что тотъ высказалъ свое мнѣніе о недостаткѣ образованія у Гоголя“. Оказывается, что друзья Гоголя, которыхъ онъ якобы гипнотизировалъ и которые по стрункѣ у него ходили, тоже не остаются у Гоголя въ долгу и даже затрогиваютъ у него самое больное мѣсто. Очень жаль, что Гоголь недоволенъ былъ помѣщеніемъ своего портрета въ журналъ: въ случаѣ, если бы Гоголь остался доволенъ, это послужило бы хорошимъ предлогомъ считать маніей величія у Гоголя—восхвалять себя. Это очень не нравится проф. Чижу, который удивляется злобности, съ которой Гоголь ругаетъ Погодина за помѣщеніе въ своемъ журналѣ его, Гоголя, портрета. Намъ это только радуется: Гоголь былъ и очень практическій и очень умный господинъ, а, главное, въ силу этого

совершенно душевно-здоровый человекъ. По проф. Чижу „добродушный“ (должно быть, очень здоровый душевно) Плетневъ, повѣривъ увѣреніямъ Гоголя, что онъ желаетъ указанія его ошибокъ, написалъ ему (Рус. Вѣстн. 1840, XI, 36): „ты только гений—самоучка, поражающій творчествомъ своимъ и заставляющій жалѣть о своей безграмотности и невѣжествѣ въ области искусства“. Очевидно, были основательныя причины иногда, почему Гоголь раздражался. Отъ Аксакова (С. Т.) онъ получилъ еще болѣе рѣзкое письмо съ поученіемъ его Гоголя, не совѣтовать ему старику (Аксакову) читать Оуму Кемпійскаго, да еще въ узаконенное время, какъ мальчику, читать по главамъ, тогда какъ онъ, Аксаковъ, читалъ его, еще когда Гоголь не родился. Нѣкоторыя слова Гоголя наводятъ сомнѣніе на него, Аксакова (въ душевной болѣзни Гоголя): „терпѣть не могу нравственныхъ рецептовъ, ничего похожаго на вѣру въ талисманы... Дрожу, чтобы не пострадалъ художникъ“.

Несомнѣнно, что Аксаковъ не только не понималъ Гоголя, но и нехорошо относился къ нему, а *это письмо подтверждаетъ только мое мнѣніе, что Аксаковъ никоимъ образомъ не думалъ, что Гоголь сумасшедшій; къ сумасшедшимъ такихъ писемъ не пишутъ и съ ними не считаются такъ, какъ считались также и Тургеневъ и Бѣлинскій и др. съ Гоголемъ.* Нехорошо С. Т. Аксаковъ относился къ Гоголю, вѣроятно, потому, что онъ считалъ Гоголя въ лагерѣ, противоположномъ Бѣлинскому, Тургеневу и др., къ которому Аксаковъ принадлежалъ, горько ошибаясь, конечно, въ этомъ: Гоголь ни къ какому лагерю не принадлежалъ.

Такія письма писали *больному* Гоголю его друзья, вызывая только сильное раздраженіе со стороны послѣдняго, который сталъ относиться съ подозрѣніемъ даже къ ближайшему другу своему Анненкову, выхвативъ у послѣдняго разъ изъ рукъ свой отрывокъ изъ малороссійской драмы: повидимому, Анненковъ дозволилъ себѣ что-либо лишнее, напр., улыбнуться при чтеніи его, хотя бы и безъ всякой задней мысли. Съ больными вообще надо быть очень осторожными въ обращеніи. Послѣднее письмо Аксакова написано 7 апр. 1844 г., а въ 1845 г. Гоголь пишетъ свящ. Базарову: „пріѣзжайте ко мнѣ причастить,—я умираю“. Совѣтовался Гоголь со многими врачами, но леченіе въ Карлсбадѣ, по совѣту одного изъ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало ухудшеніе.

То, что у Гоголя распухали руки, указываетъ на пораженіе у него стѣнокъ сосудовъ (или сосудистой системы): отеки

при хронической маляріи нерѣдки, какъ безбѣлковые, такъ и съ бѣлкомъ въ мочѣ. Также интересенъ тотъ фактъ, что ухудшеніе болѣзни у Гоголя теперь (въ 1845 г.) не сопровождается тоской, печалью или хандрой; настроеніе было весьма удовлетворительно. При маляріи не обязательно бываютъ каждый разъ меланхолическія состоянія, при обостреніи ея.

„Духъ мой, писалъ Гоголь, становится въ такое время связнымъ и расположеннымъ къ дѣлу“. Если мы припомнимъ, что наканунѣ еще смерти своей онъ занимался редактированіемъ и изданіемъ своихъ сочиненій, то о какой-либо душевной болѣзни у Гоголя не можетъ быть и рѣчи.

Даже самъ проф. Чижевскій говоритъ: „теперь уже ясно, что ухудшеніе здоровья Гоголя, послѣдовавшее въ 1845 г., не было припадкомъ меланхоліи, а потому никоимъ образомъ нельзя, какъ то дѣлаетъ д-ръ Баженовъ, всю болѣзнь считать періодической меланхоліей.“ А между тѣмъ д-ръ Баженовъ былъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ проф. Чижевскій: все таки меланхолическія состоянія бываютъ чаще при маляріи, чѣмъ симптомы другой какой-либо психической болѣзни. Меланхолическія состоянія, описываемыя самимъ Гоголемъ, бывали у него довольно часто. Это нервное состояніе больного замѣчено многими врачами, не находившими, однако, у него никакихъ другихъ признаковъ душевной, или другой какой-либо болѣзни. Точь-въ-точь тоже самое и теперь бываетъ и бывало раньше со многими моими пациентами, ѣздившими въ Москву и губернскіе города, тщетно ища тамъ помощи отъ хронической маляріи. Вотъ почему проф. Чижевскій пишетъ, съ чѣмъ я совершенно соглашаюсь: „можно, конечно, дѣлать предположенія и догадки (о болѣзни Гоголя), но они ничего намъ не выясняютъ и потому я не могу согласиться съ д-ромъ Баженовымъ, съ его крайне простымъ опредѣленіемъ болѣзни Гоголя.“

Въ концѣ книги проф. Чижевскій становится на реальную почву, что нужно было бы ему давно сдѣлать, а не фантазировать, и говорить: „я думаю, что гораздо правильнѣе ограничиться указаніемъ того, что намъ болѣе извѣстно о болѣзни Гоголя. Тяжкія физическія страданія, были ли они вызваны, дѣйствительно, какимъ либо органическимъ заболѣваніемъ ¹⁾, или были чисто ипохондрическаго характера (функциональныя?), весьма напугали Гоголя, сдѣлали его набожнымъ, т. е. болѣе набожнымъ, хотя проф. Чижевскій и отрицаетъ вообще набожность Гоголя до

1) Мой курсивъ.

развитія (?) болѣзни (155 стр.) (а когда его болѣзнь начала развиваться?). Проф. Чижъ говоритъ, что вслѣдствіе страданій, пережитыхъ Гоголемъ въ 1846 г., послѣдній заговорилъ уже другимъ языкомъ. Съ этого года, будто бы, развилась и набожность Гоголя: „даже въ 1848 г. Гоголь не обнаруживалъ особой набожности и къ церковнымъ обрядамъ относился *небрежно*. Гоголь не только совѣтовался съ врачами, принималъ лѣкарства, пилъ воды, пользовался гидротерапевтическимъ леченіемъ, уѣхалъ на югъ, но усердно молился Богу о выздоровленіи, просилъ всѣхъ, кого могъ, молиться о своемъ выздоровленіи“, т. е. дѣлалъ все, какъ дѣлаютъ это и душевно-здоровые люди и нерѣдко въ томъ же порядкѣ, но „до этого времени Гоголь“ яко-бы „не отличался *особой* набожностью.“

Несомнѣнно, что проф. Чижъ, говоря на стр. 154 вообще о набожности, а на 155 объ особой набожности Гоголя, имѣлъ въ виду *особую* набожность, а не вообще набожность Гоголя, которую онъ не имѣетъ, конечно, права отрицать у Гоголя вообще съ самаго дѣтства. Что у Гоголя явилась съ 1845 года, когда его болѣзнь сдѣлалась почти неизлѣчимой, особая набожность,—это не должно никого удивлять, ибо онъ извѣрился уже въ помощи врачей. Въ 1846 г. онъ пишетъ: „чувствую, что больше всего мнѣ слѣдуетъ надѣяться на святыхъ мѣста... чѣмъ на докторовъ и леченіе.“ Проф. Чижъ говоритъ по поводу того, что въ припискѣ къ одному письму Гоголь проситъ прибавить пропущенную строку въ молитвѣ его въ предъидущемъ письмѣ, а въ самомъ письмѣ проситъ узнать о порошкахъ. „Какъ-то и грустно, и неловко читать такое сопоставленіе порошковъ и молитвъ: *только болѣзнь доводитъ до такого малодушія*, что человѣкъ не знаетъ, что важнѣе—порошки или молитвы. Истинно религіозные люди не пишутъ въ письмѣ о цвѣтѣ порошка, а въ постскриптумѣ о пропущенной строкѣ молитвы“.

Да, но пишутъ такъ не только одни *душевно*-больные люди. Гоголю просто трудно было переписывать свои письма, да онъ и не думалъ, что его письма подвергнутся столь тщательному разбору психіатровъ, также и всѣ врачи не могутъ серьезно относиться къ *больному* Гоголю и требовать отъ него того, что требуемъ мы отъ здоровыхъ совершенно людей, тоже, однако, могущихъ сдѣлать эту же самую оплошность. Если Гоголь дѣлается мелочнымъ, сознавая себя въ разсѣянности въ одномъ письмѣ (пропустилъ строчку молитвы), то мы уже не будемъ уличать больного Гоголя еще въ большей разсѣянности въ другомъ.

Если набожность Гоголя, постоянство которой оспариваетъ

для своей цѣли проф. Чижъ, не служить доказательствомъ болѣзни, то она несомнѣнна, хотя бы и въ противность убѣжденію проф. Чижа (что Гоголь былъ душевно больной), увѣряющаго, что во многихъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ имѣются храмы и всѣ психіатры убѣждены въ необходимости богослуженія въ этихъ заведеніяхъ; должно сказать, что *постоянная, неизмѣнная набожность, усилившаяся* во время болѣзни у Гоголя, скорѣе доказываетъ здоровое душевное состояніе его, при прочихъ данныхъ психическаго здоровья: его практичности, глубокаго знанія характера людей и пользованія ими для своей цѣли, поведенія своего во время болѣзни и пр.; исканіе помощи у врачей и усиленное обращеніе къ помощи Божіей—все это въ природѣ вещей и обычно встрѣчается у больныхъ душевно-здоровыхъ и религіозныхъ, а относительно того, насколько мужественно душевно-здоровые люди смотрятъ на болѣзни или страданія и въ глаза смерти, еще иногда даже и не испытывъ тяжелыхъ болѣзней, мы видимъ на примѣрѣ Самого Спасителя нашего, на одно мгновеніе впавшаго въ человѣческую слабость и воскликнувшаго: „Отче, о если бы Ты благоволилъ пронести Чашу сію мимо Меня“... Поэтому намъ, врачамъ, часто присутствующимъ при болѣзняхъ и смерти людей, и даже самыхъ религіозныхъ, лучше всего помолчать объ этомъ (особенно относительно маляриковъ и всѣхъ, у кого смерть наступаетъ преждевременно или вслѣдствіе преждевременной старости), и я полагаю, что за небольшими исключеніями душевно-больные люди относятся къ смерти по меньшей мѣрѣ такъ же, какъ и здоровые люди.

Если же малорелигіозные люди по проф. Чижу „страшно боятся смерти, возлагаютъ упованіе то на порошки, то на молитвы, заказываютъ молебны, собираютъ консиліумы“, т. е. прибѣгаютъ къ молитвѣ, только когда грянетъ громъ, то это не совсѣмъ правильно, ибо такое отношеніе къ болѣзни и смерти оказываютъ люди и не потому, что они мало или много религіозны, а вслѣдствіе особенностей своего организма и болѣзни, которою они одержимы: малярики большею частью самый безпокойный народъ и на первыхъ порахъ страшно разстраиваются и растериваются, а Гоголь представляетъ только типичный примѣръ ихъ. Проф. же Чижъ, если и настаиваетъ на томъ, что „Гоголь не былъ истинно религіознымъ человѣкомъ и только тяжкія страданія сдѣлали его набожнымъ“, то не потому, что это было въ дѣйствительности, а потому, что это ему нужно. Проф. Чижъ говоритъ, что подъ вліяніемъ все ухудшающагося здоровья, у Гоголя окончательно выработы-

вается мысль, что онъ живетъ въ какое-то особенное время, что онъ переживаетъ какую-то болѣзненную эпоху, и въ началѣ онъ высказываетъ эту мысль въ неопредѣленной формѣ (въ письмѣ къ Языкову 21 дек. 1843 г.).

„Чувствую, что беспокойство духа, смѣшанное съ непонятной тоской, есть нынѣ болѣзнь повсемѣстная вслѣдствіе какого то тягостнаго расположенія въ воздухѣ: всѣ времена перепортились“. Здѣсь Гоголь только замѣтилъ, что почти у всѣхъ окружающихъ людей нервы не въ порядкѣ и что это не зависитъ отъ времени юда. Прежде ему бывало хуже всего въ концѣ лѣта, а въ настоящее время, когда болѣзнь приняла хроническое теченіе, естественно припадки болѣзни появлялись и во всякое другое время. Несомнѣнно, что въ 1845 г. болѣзненное его состояніе тоже представляетъ образецъ бывшихъ раньше меланхолическихъ состояній, ибо Гоголь въ это время очень много говоритъ о болѣзненномъ своемъ состояніи, полагая, что и многія другія изъ окружающихъ лицъ тоже болѣютъ такимъ же нервнымъ расстройствомъ. Такъ, въ письмѣ къ Смирновой (отъ 2 мая 1845 г.) онъ говоритъ: „въ этомъ году особенно на всѣхъ наведено болѣе или менѣе нервическое расстройство“...

Было ли тому основаніе въ дѣйствительной тогда жизни итальянцевъ, что вѣрнѣе, такъ какъ тогда бывали эпидеміи маляріи, или это было обычное у него осложненіе маляріи—меланхолическое состояніе,—объ этомъ теперь трудно судить, но самъ проф. Чижъ намекаетъ на это, говоря: едва-ли чѣмъ либо, кромѣ болѣзни ¹⁾, можно объяснить, что Гоголь рѣшительно не понималъ, что готовится въ Германіи и Италиі. Почему мы знаемъ, понималъ ли послѣднее онъ, или не понималъ? Очень возможно, что не только понималъ (если кто-нибудь объ этомъ ему сообщилъ), но можетъ быть, и не сочувствовалъ этому, но боялся ясно говорить о томъ, что видно изъ письма его Жуковскому (отъ 16 марта 1841 г.): „въ продолженіе путешествія я устроилъ такъ, чтобы въ дорогѣ писать, потому что трудъ мой нуженъ: *приходитъ такое время, когда появленіе моей поэмы есть существенная необходимость для теперешняго положенія дѣлъ и мыслей*“. Весною 1846 г. онъ путешествуетъ и ему удалось хорошо провести лѣто (поправился онъ въ Остенде).

Относительно завѣщанія Гоголя проф. Чижъ говорить:

1) Почему же нельзя допустить, что во время пандеміи маляріи и всѣ народы болѣе нервны, чѣмъ въ обычное время?

„ужь, кажется, о завѣщаніи (Гоголя) не можетъ быть двухъ мнѣній“ и удивляется, какъ „почтенный Барсуковъ не находитъ ничего страннаго“ въ одномъ пунктѣ завѣщанія, хотя бы и изданнаго до смерти еще Гоголя. Дѣйствительно, проф. Чижевскій старается затушевать всякое альтруистическое чувство у Гоголя: сумасшедшій и альтруистъ—два несомвѣстимыя понятія, и потому ему нужно доказать, что Гоголь не обладалъ особой любовью къ ближнимъ. Увы! это ему не удается сдѣлать. Самое лучше, что Гоголь сдѣлалъ для удостовѣренія въ здравости его ума—это то, что онъ опубликовалъ это завѣщаніе до своей смерти. Гоголь правъ, что онъ внутренне не измѣнился, оставаясь съ рожденія и до самой смерти самимъ собою. Если у него есть несимпатичныя черты въ его характеръ, то за это нужно обвинять не его, а все русское общество, однимъ изъ представителей котораго былъ и Гоголь. Что Гоголь былъ, дѣйствительно, боленъ, но не душевной болѣзью, а маляріей, тому служить доказательствомъ также кромѣ другихъ вышеуказанныхъ симптомовъ еще и раздражительность: на всѣ обращенныя къ нему упреки относительно „Выбранныхъ мѣстъ“ Гоголь, даже сознавшись, что изданіе этой книги было плодомъ его болѣзненнаго переходнаго состоянія (отъ болѣзни къ здоровому состоянію; что онъ вѣрно подмѣтилъ), тѣмъ не менѣе пишетъ гр. Толстому: „образовалось что-то вродѣ демонскаго возстанія къ тому, чтобы воспрепятствовать ея выходу. Какія-то таинственныя партіи европейцевъ и азіатцевъ вмѣстѣ совокупились, чтобы смутить и сбить съ толку цензуру“ и поручаетъ Плетневу: „печатай полное изданіе третье, не заботясь о томъ, что не разошлось второе“...

Шевырева-же проситъ: „поручай и другимъ узнавать, что говорятъ о ней во всѣхъ слояхъ общества, не выключая даже и дворовыхъ людей“... Гоголь видѣлъ, что его вопросы волновали все тогдашнее общество: два изданія его книги „Выбранныя мѣста“ раскупились въ недѣлю! „Послѣ моей книги все какъ-то напряженно, всѣ болѣе или менѣе, какъ противники, такъ и защитники, находятся въ положеніи неспокойномъ“. Самъ Гоголь сознаетъ „дикость, рѣзкость и заносчивость“ въ книгѣ, но она „расшевелитъ и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей. Что же дѣлать, если такова натура русскаго человѣка, что его не заставишь до тѣхъ поръ говорить, пока не выведешь изъ терпѣнія, зацѣпя за самую живую струну“... „И многіе въ желаніи указать мнѣ мои ошибки стали бы рассказывать тѣ вещи, которыя именно мнѣ и нужны.

А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить "... Слѣдовательно, „Выбранныя мѣста“ написаны не сумасшедшимъ, хотя, быть можетъ, во время только что происшедшаго ослабленія припадковъ маляріи онъ рѣшилъ издать эту книгу. Хотя Гоголь, по убѣжденію проф. Чижа, и боялся, будто бы, предрержащихъ властей, но Бѣлинскаго, обладавшаго тогда диктаторскою властью надъ умами значительнаго большинства „Гоголь не очень то испугался, хотя письмо Бѣлинскаго къ нему и произвело подавленное состояніе духа“ у Гоголя, отлично появившаго это письмо, вопреки мнѣнію проф. Чижа: иначе подавленнаго состоянія у него не было бы. По проф. Чижу, Гоголь, будто бы, равнодушно относился къ смерти близкихъ людей; равнодушіе его къ смерти Языкова и есть, будто бы, тяжелый симптомъ: ослабленіе чувствованій указываетъ на переходъ болѣзни въ заключительный періодъ, указываетъ на начинающійся распадъ духовной жизни (!). Проф. Чижомъ совершенно непонято состояніе въ это время Гоголя, такъ какъ кромѣ душевной болѣзни Гоголя онъ не хочетъ допустить у него никакой другой болѣзни. Во время смерти Языкова у Гоголя были припадки маляріи, состоявшіе по описанію самого Гоголя гр. Толстому (6 февр. 1847) въ слѣдующемъ (что приводитъ предъ вышеупомянутой фразой и самъ проф. Чижъ на стр. 164): „недугъ мой состоитъ въ *бессонницахъ* ¹⁾, которыя продолжаются уже два мѣсяца, въ *разслабленіи тѣла, въ сыпяхъ на ногахъ, но несмотря на все это, даже на волненія нервовъ, душа, по милости Божіей, пребываетъ въ спокойномъ состояніи* ²⁾. Самая смерть (Языкова) не произвела во мнѣ тревожныхъ чувствъ, но что-то неопредѣленное и какъ бы свѣтлое. Какъ будто бы онъ для меня не умеръ“. Это есть самогипнозъ у Гоголя:—для успокоенія себя. На самомъ же дѣлѣ, бессонницы указывали, какъ Гоголь тогда сильно волновался (по поводу смерти Языкова) и боялся смерти ³⁾. Во всякомъ случаѣ во время бессонницъ врядъ ли могло быть у Гоголя спокойное состояніе, хотя, быть можетъ, онъ и старался выработать у себя равнодушіе къ смерти, придти къ

1) Мой курсивъ.

2) Мой курсивъ.

3) Въ этомъ отношеніи я приведу въ примѣръ самого себя: будучи очень нервнымъ, я, получивъ тяжелую обиду или неприятность, стараюсь подавить ее, забыть, что часто и удается, но, подавивъ въ себѣ эту обиду, я *цѣлую ночь иногда не сплю въ этотъ день* и съ трудомъ нахожу причину этой бессонницы въ обидѣ, мнѣ причиненной.

сознанію ея неизбѣжности и въ смерти Языкова видѣть что-то какъ бы свѣтлое.

При этомъ въ высшей степени возбужденномъ состояніи Гоголя (безсонницы ¹⁾), бывающемъ при маляріи и описываемомъ проф. Чижемъ неправильно, какъ маниакальное возбужденіе какой-то невѣдомой душевной болѣзни, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то ослабленіи чувствованія у Гоголя въ это время и началѣ распада (?!) душевной жизни у него вслѣдствіе этого, такъ какъ такое состояніе у него и раньше бывало. Теперь ясно, почему проф. Чижъ говоритъ, что неважно, какая была душевная болѣзнь у Гоголя, и что онъ расходится въ мнѣніи съ д-ромъ Баженовымъ.

Нѣтъ, это чрезвычайно важно и интересно было бы узнать, къ какой формѣ психическихъ заболѣваній отнесутъ психіатры тѣ многочисленнѣйшія и разнообразнѣйшія разстройства психики, которыя наблюдаются при маляріи? По Rasmussen'у эти психіазы носятъ характеръ меланхоліи и состоянія отупѣнія и у Гоголя; казалось бы, именно къ этой формѣ нужно было отнести его заболѣваніе, какъ о томъ говоритъ д-ръ Баженовъ, но проф. Чижъ болѣе правильно говоритъ, что болѣзнь Гоголя никакъ нельзя считать исключительно меланхолией, хотя меланхолическія состоянія и бывали у Гоголя. Не смотря на долготѣнее занятіе психіатріей профес. Чижъ категорически отказывается подвести душевное заболѣваніе Гоголя подъ какой-либо видъ существующихъ душевныхъ болѣзней и это есть, правда, инстинктивное, но вѣрнѣйшее разрѣшеніе вопроса, такъ какъ при маляріи не бываетъ ясно выраженнаго душевнаго заболѣванія въ томъ случаѣ, если нѣтъ послѣдственнаго расположенія къ душевной болѣзни; все это только какія-то меланхолическія состоянія и больше ничего, да періоды возбужденія и въ высшей степени радостнаго чувства при выздоровленіи—радость жизни, вслѣдствіе той быстроты, съ какой (чего не бываетъ ни при какой другой болѣзни) наступаетъ полнѣйшее или временное (исцѣленіе отъ болѣзни).

Если люди здоровые съ радости пляшутъ на улицѣ, какъ то было даже съ почтенными лордами въ Англіи по поводу взятія бурскаго вождя, Кронье, въ плѣнъ, то такое же состояніе бурной радости, пріятнаго ощущенія жить и вновь сильно мыслить бывало и у Гоголя по временамъ при быстро

¹⁾ Такой продолжительной вслѣдствіе маляріи и слабости мышечной системы у Гоголя.

наступавшемъ ослабленіи припадковъ у него маляріи, что нерѣдко наблюдается у маляриковъ. Вотъ почему никакого, понятно, распада душевной жизни у Гоголя не было, да и не могло быть, но грубыя выходки вообще въ высшей степени сдержаннаго всегда Гоголя, не только по отношенію къ кроткому (?) *больному* Иванову, но и другимъ лицамъ, могли быть у него. Характерная прибавка эпитета къ *больному* Иванову „кроткій“ сдѣлана проф. Чижемъ съ очевидной цѣлью усилить впечатлѣніе о грубости Гоголя по отношенію къ Иванову, но уже безъ прибавки, что онъ „больной“ и „кроткій“, хотя о Гоголѣ намъ извѣстно больше, чѣмъ объ Ивановѣ, что онъ (Гоголь) былъ альтруистъ отъ мозга до костей и кроткій, если его не раздражали сильно.

По проф. Чижу самъ Гоголь замѣтилъ въ себѣ ослабленіе чувствованій. Онъ пишетъ Шевыреву (2 дек. 1847 г.): „но въ груди моей равнодушно и черство и меня устрашаетъ мысль о затрудненіяхъ“.

Много разъ уже трактовалъ проф. Чижъ о черствости Гоголя (между прочимъ зависящей и отъ отсутствія полового чувства у Гоголя, какъ говорилъ раньше и самъ проф. Чижъ), но почему Гоголь у него вдругъ съ 1847 года сдѣлался еще *черствѣе*—это мнѣ совершенно непонятно; развѣ потому, что самъ Гоголь лишній разъ замѣтилъ у себя „ослабленіе чувствованій“, или, какъ онъ это называетъ „черствостью“ (стр. 165). Вотъ это и есть распадъ душевной жизни Гоголя и „признаки его, яко-бы, стали очевидны въ слѣдующемъ (за 1847 г.) періодѣ жизни Гоголя уже всей Москвѣ“.

Это, по проф. Чижу, заключительный періодъ душевной болѣзни Гоголя, но... тутъ должна быть маленькая поправка. „Если такое состояніе“, говоритъ проф. Чижъ, „развивается у обыкновеннаго человѣка, мы называемъ его вторичнымъ, или *заключительнымъ слабоуміемъ, но мы не имѣемъ права такъ называть состояніе Гоголя, установившееся съ 1848 года*“. Совершенно вѣрно, и, значитъ, Гоголь душевнобольнымъ не былъ, значитъ, напрасно проф. Чижъ писалъ такой большой трактатъ о болѣзни Гоголя? Нѣтъ, проф. Чижъ тутъ удивительно находчивъ; онъ говоритъ: „если такое несчастіе постигаетъ даровитаго человѣка, то остается все-же больше, чѣмъ у неумныхъ людей“.

Намъ казалось бы, что, наоборотъ, распадъ душевной жизни будетъ тѣмъ сильнѣе и мозгъ тѣмъ болѣе сильно пострадаетъ, чѣмъ онъ нѣжнѣе, т. е. чѣмъ болѣе развиты у этого человѣка высшіе мозговые центры, но у проф. Чижа наоборотъ. Это,

вѣроятно, ошибка съ его стороны, ибо приводимый имъ ниже эпизодъ изъ жизни одного ученаго, страдавшаго слабоуміемъ, въ подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія какъ разъ подтверждаетъ только высказанное сейчасъ мною, а не имъ. Вотъ этотъ эпизодъ: „я слышалъ“, говоритъ проф. Чижу, „лекціи весьма извѣстнаго ученаго, страдавшаго слабоуміемъ; не зная его болѣзни, я былъ удивленъ его плохой лекціей и не зналъ, чѣмъ объяснить, что лекція такого великаго ученаго *ниже посредственныхъ* 1). Потомъ я узналъ, въ чемъ дѣло. Понятно, что гениальный, богато одаренный Гоголь, даже въ послѣднемъ періодѣ своей болѣзни превосходилъ своимъ умомъ обыкновенныхъ смертныхъ“. Оказывается, если повѣрить на слово проф. Чижю, что высокообразованный и *великій ученый*, заболѣвъ слабоуміемъ, читалъ потомъ невозможно плохія лекціи, а малообразованный, да еще односторонне развитый Гоголь при заболѣваніи той-же болѣзью, *слабоуміемъ*, „все еще превосходить своимъ умомъ обыкновенныхъ смертныхъ“ (стр. 166—167).

Односторонне развитый, малообразованный, душевно-больной Гоголь, по проф. Чижю, не могъ, яко-бы, заболѣть слабоуміемъ, такъ какъ у него было, будто бы, столько ума, что онъ, даже сдѣлавшись слабоумнымъ, превосходилъ своимъ умомъ обыкновенныхъ смертныхъ и что, будто бы, замѣтить, насколько распалась нѣкогда поразительно богатая душевная жизнь гениальнаго сатирика, можно только сравнить Гоголя 1838 г. съ Гоголемъ 1848 г. (стр. 167)! Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можно дойти, если сильно увлечься какою либо идеей. Какія же данныя для этого имѣются у психіатра? А вотъ какія: „Сологубъ замѣтилъ, что тупо глядѣлъ на все окружающее его (Гоголя) потускнѣвшій взоръ (въ 1848 г.), слова утратили неумолимую мѣткость“, и этотъ знакомый не сомнѣвался, что онъ, Гоголь, очень боленъ, что у него „затемнѣніе памяти“ 2). По словамъ Берга, отъ прежняго Гоголя оставались однѣ развалины и его взоръ потерялъ „прежній огонь и быстроту“. Также, по проф. Чижю, „значительное ослабленіе душевныхъ силъ (а не физическихъ?), такъ сказать, объективно проявляется въ томъ, что за этотъ періодъ переписки Гоголя очень сокращается“ (стр. 167).

Увлечшись своей идеей, проф. Чижу даже приписываетъ

1) Мой курсивъ.

2) Никакого затемнѣнія памяти не происходитъ, конечно, у хрониковъ-маляриковъ, а только ослабленіе ея *вслѣдствіе малокровія* (при маляріи и другихъ ведущихъ къ анеміи болѣзней).

Гоголю то, о чемъ послѣдній вовсе и не думалъ, именно, будто бы „самъ Гоголь ясно сознавалъ упадокъ (?) физическихъ и духовныхъ (?) силъ, причѣмъ объяснялъ это печальное явленіе старостью, забывая, что нормальная старость приходитъ гораздо позже“ (?). Проф. Чижу неизвѣстно, вѣроятно, что въ малярійныхъ мѣстностяхъ, гдѣ средней возрастъ жизни бываетъ иногда около 24 лѣтъ, старость наступаетъ много раньше, чѣмъ обыкновенно; кромѣ того она наступаетъ раньше у всѣхъ почти лицъ, занимающихся умственнымъ трудомъ при исключительно сидячемъ образѣ жизни и у многихъ больныхъ хроническими болѣзнями (у сифилитиковъ, маляриковъ, алкоголиковъ и пр.), или наслѣдственно-слабыхъ вслѣдствіе этихъ болѣзней у родителей ихъ, а не только подъ вліяніемъ душевныхъ болѣзней. Гоголь же говорилъ не объ упадкѣ своихъ умственныхъ силъ, а только о неспособности своей къ работѣ и лучше проф. Чижа понималъ, что это зависитъ не отъ душевной болѣзни, о которой онъ ничего не говоритъ, ибо ссылается или на климатъ, или на изнурительную болѣзнь и пр. Въ письмѣ къ Плетневу (21 янв. 1851 г.), почти *за годъ до кончины*, Гоголь пишетъ: „не могу понять, что со мной дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго въ насъ вяло и лѣнливо, *отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его* ¹⁾, но я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летитъ такъ, какъ я еще никогда не помню“...

Догадка его относительно изнурительной болѣзни справедлива, если имѣть въ виду малярію, благодаря только которой и у него, какъ и у отца его, смерть наступила раньше, чѣмъ слѣдуетъ, и, если у Н. В. Гоголя еще раньше, чѣмъ у отца, то причины этому: изнѣженное воспитаніе, неупражненіе мускуловъ и большой умственный трудъ съ дѣтскаго еще возраста при сидячемъ образѣ жизни. Всѣ эти обстоятельства и обусловили наступленіе у него преждевременной старости. Самъ проф. Чижъ говоритъ объ ослабленной работоспособности у Гоголя, какъ то утверждаетъ и Гоголь, т. е., что у него по временамъ ослабѣвало вниманіе. Вотъ это только и могло быть главнымъ образомъ вслѣдствіе, теперь уже часто бывающихъ, припадковъ маляріи у Гоголя: оживлявшая всѣ

¹⁾ Несомнѣнно, что Гоголю кто-либо говорилъ о вредѣ жить въ болотныхъ мѣстностяхъ: вѣдь не проста же онъ это говорилъ, какъ раньше, о санитарныхъ безпорядкахъ въ городахъ за границей. Повидимому, Гоголь понималъ свою болѣзнь лучше, чѣмъ врачи тогда.

ткани кровь претерпѣла большія измѣненія, какъ и нѣкоторыя другія ткани и органы тѣла его, и мозгъ, какъ самая чувствительная къ этому измѣненію крови ткань, не могъ, конечно, не пострадать. Вотъ почему у него являются часто всякіе страхи, а въ 1848 г., быть можетъ, даже галлюцинаціи. Вотъ что Гоголь говорилъ тогда объ этомъ состояніи своемъ Чижевѣ (Шенрокъ, IV, 725): „У меня все разстроено внутри; я, напримѣръ, вижу, что кто-нибудь споткнулся, тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начнетъ развивать все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучаютъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы“. Проф. Чижевъ старается тоже эти призраки объяснить въ свою пользу, т. е. что они были навязчивыми идеями, или обманами чувствъ, которыя какъ разъ и бываютъ при психическомъ вырожденіи, или дегенеративномъ помѣшательствѣ, но такъ какъ объ нихъ почти ничего неизвѣстно у Гоголя, то, скрѣпя сердце, проф. Чижевъ упоминаетъ, что эти призраки были просто галлюцинаціями. А я добавлю, что это и были именно галлюцинаціи малярика, о чемъ упоминаетъ мимоходомъ и д-ръ Баженовъ, но которыя ему еще болѣе не нравятся, чѣмъ проф. Чижевѣ. Это еще одинъ изъ симптомовъ хронической маляріи, ибо обманы чувствъ бывали у Гоголя, какъ говорилъ проф. Чижевъ и раньше¹⁾. „Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ онъ дѣлалъ свои душевныя открытія? Какимъ путемъ онъ получалъ отвѣты на свои просьбы, когда находился въ молитвенномъ экстазѣ... Это были минуты, когда его посѣщали небесныя видѣнія“. Впрочемъ, проф. Чижевъ, говорящій объ обманахъ чувствъ у Гоголя, повидимому, и минуты вдохновенія Гоголя тоже считаетъ „обманомъ чувствъ“ у него. Такъ, проф. Чижевъ приводитъ съ этою цѣлью слова Гоголя, что онъ считалъ милостью Божіею свое выздоровленіе въ 1840 г., которое, хотя такъ и считаютъ многіе больные, „но явленія, о которыхъ пишетъ Гоголь, были такъ чудны, что Римъ, какъ святыня, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершавшихся надо мною, пребываетъ вѣченъ“. Рецидивъ маляріи,

1) Вотъ почему ихъ нельзя объяснить пріемами большихъ дозъ хинина, отчего, будто бы, это тоже бываетъ, а о психической болѣзни, конечно, и рѣчи быть не можетъ, особенно ранѣе этого времени. Но психіатры стараются приписать неизвѣстную душевную болѣзнь Гоголю съ самаго дѣтства, почему психіатрамъ и пришлось сознаться, что Гоголь болѣлъ еще невѣдомою доселѣ душевною болѣзнью, на чемъ проф. Чижевъ и настаиваетъ.

обостреніе болѣзни при маляріи—это состояніе столь тяжелое, особенно для впечатлительныхъ и нервныхъ людей, что неудивительно, если больной будетъ приписывать чуду свое выздоровленіе (какъ то нерѣдко и бываетъ, что можно видѣть въ описаніяхъ чудесныхъ исцѣленій нашихъ святителей, жившихъ въ болотныхъ мѣстностяхъ). „Никогда послѣ 1800-го года такъ не выражался о своихъ заболѣваніяхъ и выздоровленіяхъ (въ дѣтствѣ, въ гимназій, заболѣвъ припадкомъ маляріи, Гоголь тогда еще говорилъ, что онъ былъ *опасно* боленъ; послѣ того рецидивъ маляріи былъ въ 1833 г. и теперь въ 1840 г. (см. письмо къ Погодину 17 окт. 1840 г.) онъ *долженъ уже* выражаться о качествѣ своей болѣзни въ превосходной степени. Л. К. 1); въ томъ же письмѣ, и это очень важно, Гоголь говоритъ, что „властью вышекъ облечено отнынѣ мое слово“. Долженъ же былъ Гоголь имѣть матеріалы для такихъ заключеній, а такимъ матеріаломъ могли быть только (?) *обманы чувствъ*“. Отчего именно „только обманы чувствъ“? Гоголь, болѣвъ маляріей, не могъ ничего написать сносно,—образы, въ его головѣ носившіеся, расплывались подъ вліяніемъ маляріи (дурная кровь не могла хорошо питать мозгъ, раздражала его, а физическимъ основамъ мысленія проф. Чижевскаго, въдѣ, самъ придаетъ, и совершенно основательно, большое значеніе), и потому, написавъ что-либо, Гоголь тотчасъ же зачеркивалъ, впадалъ въ уныніе и почти въ отчаяніе, молился Богу; припадки хронической болѣзни, какъ то бываетъ по временамъ, ослабѣвали и онъ въ одинъ присѣсть, какъ говорится, схватывалъ основныя черты своего типа; т. е. его поспѣвало, какъ поэты говорятъ, въ это время божественное вдохновеніе, тѣ именно чудныя явленія, которыя намъ непонятны въ геніи Гоголя и которыми самъ Гоголь восхищался, вычурно такъ описывая ихъ и окончателью тѣмъ смущая психіатровъ въ пользу ихъ точки зрѣнія на Гоголя, какъ на душевно-больного 2).

1) Въ письмѣ же къ Балабиной въ 1842 г. Гоголь уже выражается такъ о своей болѣзни: «Я былъ боленъ, очень боленъ и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзанъ моя выражается такими припадками, какихъ никогда со мной еще не было»..

2) Въ первый пріѣздъ мой въ Воронежскую губ. изъ Петербурга (въ 1886 г.) на меня такъ сильно подѣйствовалъ климатъ Воронеж. губ. что я не могъ почти заниматься тамъ лѣтомъ умственной работой. Я былъ какъ бы подавленъ чѣмъ-то. Во второй разъ я былъ чрезъ годъ тамъ, а спустя нѣкоторое время по пріѣздѣ въ Петербургъ заболѣлъ инфлюенціей, тянувшейся у меня нѣсколько лѣтъ, такъ какъ я не зналъ тогда, что хининъ меня могъ бы быстро излечить. По прибытіи

Что я ближе къ истинѣ, чѣмъ проф. Чижъ, этому доказательствомъ можетъ служить также еще та безумная радость, когда Гоголю удалось написать Плюшкина. Эта радость, по видимому, происходитъ у него не потому только, что онъ изобразилъ хорошо задуманный типъ (Плюшкина); вѣдь онъ и раньше гениально писалъ, а потому именно, что почувствовалъ, что „силы его умственныя тѣ же“,—какъ онъ писалъ иногда (по такому поводу). Очень возможно, что мимолетно и самому Гоголю приходили мысли объ умопомѣшательствѣ; поэтому неудивительно, что онъ такъ сильно радовался, когда у него выходилъ отчетливо типъ, какой онъ задумалъ, что раньше, вслѣдствіе болѣзни, ему не удавалось иногда изобразить. По этому поводу я никогда не забуду случая, когда по пріѣздѣ на мѣсто въ Ворон. губ. во время припадка маляріи у меня (въ 1897 г.) сдѣлался истерическій припадокъ (смѣхъ смѣнился плачемъ во время озноба), хотя онъ продолжался всего нѣсколько минутъ, но я помню, какъ быстро промелькнули даже у меня мысли о моемъ умопомѣшательствѣ, и только то, что я такъ хорошо рассуждаю, убѣдило меня, что это особая болѣзнь и, можетъ быть, это явленія маляріи, что и подтвердилось быстро, когда я сталъ принимать хининъ. Я былъ здоровъ въ однѣ сутки. (На другой день я уже принималъ больныхъ). Потомъ подобное явленіе съ разными видоизмѣненіями я видѣлъ много разъ у больныхъ, быстро излѣчивая ихъ.

Дѣйствительно, галлюцинаціи у Гоголя были, по свидѣтельству Боткина, въ 1840 г. и относительно этого года можно утверждать теперь, что у Гоголя были припадки маляріи еще въ Вѣнѣ. Проф. же Чижъ совершенно произвольно говорить, что предположеніе д-ра Баженова, что галлюцинаціи были вызваны повышенной температурой, обусловленной римской маляріей, ни на чемъ не основано: *нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить о маляріи въ 1840 г.*, такъ какъ Гоголь въ 1840 г. заболѣлъ въ Вѣнѣ и поправился въ Римъ (?). Это указываетъ только на нѣкоторое самоопѣніе проф. Чижа, ибо онъ говоритъ авторитетно о такихъ вещахъ, которыя ему мало извѣстны и понятны ¹⁾. Гоголь могъ, конечно, вполне болѣть

въ 1896 г. зимой опять въ Вор. губ., я вновь заболѣлъ въ 1897 г. болѣзью, похожей на раньше бывшую у меня. Однако, теперь очень скоро поправился, благодаря хинину, который употребляю около 8 лѣтъ, и избавляю посредствомъ его отъ разнообразныхъ болѣзней, связанныхъ съ болотной мѣстностью.

¹⁾ У проф. Чижа нѣтъ причинъ категорически говорить такъ о маляріи,—болѣзнь и до сихъ поръ еще мало изученной, а онъ между

тогда римской маляріей, хотя и заболѣлъ, еще не доѣзжая до Рима, ибо онъ раньше 1840 жывалъ въ Римѣ. Съ другой стороны и тогда и теперь можно болѣть, хотя бы и не одной „римской“ лихорадкой, а на примѣръ: полтавской, австрійской, вѣнской и пр.; можно заболѣть и теперь маляріей почти на всякомъ мѣстѣ земного шара, только разъ иногда побывавъ въ одной изъ малярійныхъ мѣстностей, и будетъ неизвѣстно, какая это малярія: полученная на новомъ мѣстѣ, или прежняя, гдѣ-либо ранѣе приобрѣтенная, почему и говорить о вѣнской, римской или миргородской и пр. маляріи не приходится.

Между тѣмъ проф. Чижъ совершенно невѣрно утверждаетъ, что нѣтъ основаній говорить о маляріи у Гоголя въ 1840 г., потому только, что Гоголь въ 1840 г. заболѣлъ въ Вѣнѣ (лихорадкой), а *поправился въ Римѣ*; если Гоголь въ это время не болѣлъ римской, то могъ болѣть русской, или австрійской и могъ, наконецъ, болѣть рецидивами римской лихорадки. Малярія можетъ быть хронической болѣзью, отъ которой иногда и вовсе нельзя поправиться, а возможны бываютъ только переходы отъ улучшенія къ ухудшенію (обостреніе болѣзни) и наоборотъ, причемъ во время улучшеній никоимъ образомъ нельзя еще говорить, что больной отъ полученной имъ раньше гдѣ-либо маляріи вполне „поправился“. Галлюцинаціи у Гоголя были, по мнѣнію проф. Чижа, и въ послѣдніе годы его жизни, что вполне возможно. По опредѣленію проф. Чижа „вся картина болѣзни Гоголя не вмѣщается въ рамки періодической меланхоліи“. *„Такъ какъ весьма строгтно, что Гоголь страдалъ обманамъ чувствъ, то вся картина его болѣзни и все его поведеніе понятны за исключеніемъ ухудшенія 1845 г.“*. Это и должно быть такъ, ибо душевная болѣзнь Гоголя, по проф. Чижу, основывается почти только на предположеніяхъ, да еще и на томъ, что эта душевная болѣзнь донынѣ не была извѣстна въ наукѣ; это особая-де душевная болѣзнь гениальныхъ людей. Работа проф. Чижа прекрасный урокъ всѣмъ врачамъ, спорящимъ о душевной болѣзни того лица, котораго они ни при жизни не видѣли, ни вскрытія тѣла его не дѣлали и болѣзнь котораго не была разгадана въ свое время лечившими его врачами, изъ которыхъ были и знаменитости для своего времени. Проф. Чижъ правильно

тѣмъ говоритъ, какъ и о помѣшательствѣ Гоголя; вотъ такимъ же образомъ и Гоголь писалъ свои «Выбранныя мѣста» о малоознакомыхъ ему предметахъ, и малообразованному Гоголю это, пожалуй, болѣе протитительно.

замѣчаетъ нѣкоторое ослабленіе воли съ 1848 г. у растерявшагося Гоголя, который, видя, что въ Римѣ болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ, не улучшается, не знаетъ, куда ѣхать и гдѣ жить, т. е. Гоголь проявляетъ несвойственную ему, но свойственную малярикамъ и нѣкоторымъ другимъ больнымъ пассивность. Тѣ же нейрастенія и малярія, помимо наслѣдственныхъ и потомъ еще приобретенныхъ качествъ его характера, могутъ быть у Гоголя и причиной „капризнаго и причудливаго его поведенія“ и его раздражительности, „такъ какъ Гоголь не могъ владѣть собою при малѣйшей непріятности“, что такъ характерно для маляриковъ-хрониковъ. Особой же причудливости въ поведеніи Гоголя, указываемой проф. Чижемъ, не можетъ быть, если мы вспомнимъ, что Гоголь привыкъ жить *одинъ* въ Римѣ: если и раньше общество людей нерѣдко смущало его, то послѣ 1848 г. объ этомъ нечего и говорить. Если, однако, поведеніе Гоголя и было капризное, особенно въ обществѣ, то „съ людьми, умѣвшими его сдерживать и ему нужными, Гоголь держалъ себя иначе“ (стр. 173), и, слѣдовательно, принимая во вниманіе все вышеизложенное, о душевной болѣзни его въ тѣсномъ смыслѣ слова нѣтъ и рѣчи въ самомъ концѣ его жизни до самой смерти его. Есть указанія даже, что и объ окончательномъ упадкѣ творчества Гоголя нельзя было говорить, такъ какъ Матвѣевъ („Рус. Страница“ 1903 г. II, 301) находитъ, что художественность описанія Палестины въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому (28 февр. 1850) не подтверждаетъ этого, и напрасно по этому поводу проф. Чижевъ говоритъ, что „гдѣ замѣшаны политическія симпатіи, споръ бевполезенъ“, такъ какъ и самъ проф. Чижевъ, не будучи заинтересованъ ни въ какой политикѣ, тѣмъ не менѣе всѣхъ, не правящихся и мѣшающихъ ему изслѣдователей жизни и твореній Гоголя насильственно пригибаетъ къ своей точкѣ зрѣнія и въ то же время опирается на лицъ противной стороны (Бѣлинскаго, Тургенева, Аксакова), тоже иногда не вполне безпристрастно относившихся, какъ мы уже видѣли, къ Гоголю. Гоголь, правда, вслѣдствіе болѣзни, но только не душевной, физически почти не въ состояніи былъ писать, о чемъ много разъ говорилъ и писалъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ, но это не значитъ, что онъ вовсе уже былъ способенъ творить.

Ослабленіе организма Гоголя несомнѣнно прогрессировало, но и только, и этотъ періодъ, т. е. три—четыре послѣдніе года жизни Гоголя не могутъ указывать ни на что, кромѣ того только, что организмъ, пораженный глубоко маляріей съ пере-

рожденіемъ тканей многихъ органовъ тѣла (цохожимъ на старческое перерожденіе ихъ), насъ уже долженъ меньше всего интересоватъ; насъ долженъ только интересоватъ мозгъ Гоголя, который сравнительно мало пострадалъ, именно вслѣдствіе того, что у Гоголя не было наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ болѣзнямъ, не было вырожденія въ его семьѣ и, отсюда, не было у него, конечно, и душевной болѣзни, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, хотя измѣненія въ мозгу могутъ наблюдаться и при маляріи.

Самъ проф. Чижевскій говоритъ, что онъ многократно убѣждался, что *„когда наступаетъ старость и перерожденіе сердца и сосудовъ достигаютъ значительной степени, тогда сознаніе своего безсилія вмѣстѣ съ безотчетнымъ страхомъ порождаетъ у этихъ лицъ идеи грѣховности, боязнь за будущее“*. Это весьма близко къ истинѣ, какъ и то, что у Гоголя вслѣдствіе маляріи несомнѣнно было пораженіе и сосудистой и нервной системы и другія измѣненія въ тѣлѣ его, свойственныя маляріи.

Гоголь былъ весьма послѣдовательнымъ человѣкомъ и держался до самой смерти подальше отъ либеральной партіи, но тѣмъ не менѣе ему приходилось часто имѣть дѣло съ однимъ изъ членовъ этой партіи, С. Т. Аксаковымъ, не смотря на то, что оба другъ друга не долюбивали.

Очень возможно, что Гоголь велъ это знакомство вслѣдствіе какихъ-либо расчетовъ, причемъ, можетъ быть, ему хотѣлось знать, что происходитъ въ лагерьъ противной ему стороны, о чемъ болѣе или менѣе подробно и узнавалъ, хотя С. Т. Аксаковъ подозрительно относился къ Гоголю, который объ этомъ, могущемъ ему повредить знакомствѣ, ничего не говорилъ Смирновой. Онъ писалъ только (вѣроятно отвѣчая на вопросъ) послѣдней (отъ 20 мая 1847), что *„объ Аксаковыхъ, какъ вы можете себѣ припомнить, я даже вамъ никогда не говорилъ... Хотя я очень уважалъ старика и добрую жену его за ихъ доброту, любилъ ихъ сына Константина за его юношеское увлеченіе, рожденное отъ чистаго источника, не смотря на неумѣренное, излишнее выраженіе его, но я всегда, однакоже, держалъ себя вдали отъ нихъ. Бывая у нихъ, я почти никогда не говорилъ о себѣ... Я видѣлъ съ самаго начала, что они готовы залюбить не на животь, а на смерть... Словомъ, я бѣжалъ отъ ихъ любви, ощущая въ ней что-то приторное, я видѣлъ, что они способны смотрѣть распаленными глазами на предметъ своей любви“*. 10 іюня 1847 г. онъ увѣрялъ С. Т. Аксакова въ своемъ къ нему расположеніи, просилъ его о милосердіи. Этотъ инцидентъ указываетъ только на то, какъ трудно тогда

жилось писателямъ нашимъ вообще и въ частности даже гениальному Гоголю и, конечно, съ точки зрѣнія того времени, а отчасти и нашего, нельзя строго судить *больного* Гоголя, тѣмъ болѣе, что за Гоголемъ, быть можетъ, былъ устроенъ надзоръ. Иначе нельзя понять, почему онъ такъ оправдывался передъ Смирновой въ своемъ знакомствѣ съ либеральнымъ семействомъ Аксакова, ругалъ въ письмѣ либеральную партію и пр. Вообще, мнѣ кажется, что ни тогда, ни теперь Гоголя все еще не понимаютъ. Проф. Чижъ, разбирая отношенія Гоголя къ друзьямъ, находитъ, что Гоголь не только требовалъ отъ нихъ больше, чѣмъ могъ самъ давать имъ, а просто какъ бы эксплуатировалъ ихъ. Но онъ забываетъ, что отъ Гоголя друзья его требовали иногда невозможнаго, напр., чтобы онъ поступился своими убѣжденіями. Вотъ что находимъ по этому поводу въ книгѣ самого проф. Чижа: Гоголь въ письмѣ къ Смирновой (дек. 1844) писалъ: „жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ (представителей либеральной партіи) любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во 1-хъ, не вполне раздѣлялъ ихъ мысли, во-вторыхъ“... Гоголю для поддержанія его „бѣднаго существованія“ необходимо, будто-бы, было свои сочиненія печатать отдѣльно. Несомнѣнно, что первое было гораздо важнѣе, ибо небольшіе рассказы Гоголь могъ бы написать для нихъ, между тѣмъ проф. Чижъ почему-то говоритъ, что „такъ какъ Гоголь не хотѣлъ *чѣмъ-либо* жертвовать для Погодина“... Это „что-либо“ были убѣжденія Гоголя, которыми онъ оставался вѣренъ всю жизнь свою.

Все вышесказанное далеко не составляетъ *что-либо* для Гоголя еще и потому, что, вѣдь, его могли лишить субсидіи. Вотъ почему онъ разсердился на Погодина даже за одно помѣщеніе своего портрета въ „Москвитянинѣ“, на что онъ тоже не далъ бы согласія. Если находились все-таки въ Россіи люди, безкорыстно служившіе Гоголю, то служили они не просто Гоголю, а *гениальному русскому писателю*, и не потому, какъ пишетъ проф. Чижъ, что они были загипнотизированы Гоголемъ, а потому, что всякій *больной*, а не только знаменитый русскій писатель, нуждается въ уходѣ, и у насъ, у русскихъ, почти всегда находятся лица, иногда очень преданно и сердечно ухаживающіе за больными людьми. Даже совсѣмъ будто бы загипнотизированный Анненковъ, который лучше другихъ уживался съ Гоголемъ, и тотъ въ концѣ жизни Гоголя разошелся съ послѣднимъ и потому „безспорно“, что самымъ преданнымъ поклонникомъ Гоголя былъ (больной художникъ)

Ивановъ, [такъ какъ этимъ больнымъ (Гоголю и Иванову), прїѣхавшимъ лѣчиться въ Римъ, нельзя уже было разойтись: оба были неизлѣчимо больны. Врядъ ли поэтому интересна будетъ для кого-либо дружба ихъ, хотя проф. Чижа говорить, что для психіатра дружба этихъ лицъ почему-то должна быть интересна.

Одни больные сходятся между собою, другіе нѣтъ, тоже какъ у здоровыхъ людей бываетъ. Что же тутъ интереснаго можетъ быть? Впрочемъ, какъ оказывается, и они въ концѣ концовъ не ужились между собою и дружба ихъ оборвалась. Разбирать отношенія Гоголя къ случайнымъ его знакомымъ въ Римѣ нѣтъ нужды: это знакомство намъ не можетъ ни на что указывать. Не могъ же сидѣть дома живой и любознательный Гоголь, любившій все русское и не знавшій итальянскаго языка! Отношенія Гоголя къ Смирновой, разбираемыя проф. Чижемъ на многихъ страницахъ своего сочиненія, можно охарактеризовать нѣсколькими словами: Гоголь заискивалъ у Смирновой. Такое отношеніе больного Гоголя къ Смирновой нисколько не можетъ унижать его въ нашихъ глазахъ. Другое дѣло, если бы Гоголь былъ здоровъ. Вотъ что должно особенно остановить на себѣ вниманіе читателя въ книгѣ проф. Чижа: *„ни одинъ изъ нашихъ художниковъ не имѣлъ такъ много почитателей и друзей въ разныхъ общественныхъ кругахъ, какъ Гоголь“*.

Да, это имѣетъ глубокое, поучительное значеніе. По этому поводу Гоголю, какъ и Суворову, можно воскликнуть: „дайте же сколько-нибудь и ума мнѣ!“

Относительно заявленія проф. Чижа объ истинной болѣзни Гоголя: „намъ совершенно неизвѣстно, отчего собственно умеръ Гоголь, поэтому о болѣзни, сведшей въ могилу нашего гениальнаго сатирика, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, да въ сущности никакого особаго значенія ни для уясненія личности и дѣятельности Гоголя, ни въ медицинскомъ (?) отношеніи, самъ по себѣ вопросъ, отъ какой болѣзни умеръ Гоголь, конечно (!) не имѣетъ“, — я могу только удивляться по поводу такого самомнѣнія проф. Чижа, если онъ думаетъ, что болѣзнь Гоголя интересна только съ его, проф. Чижа, точки зрѣнія и можетъ быть объяснена только съ этой послѣдней. Галлюцинаціи, бывшія у Гоголя очень незадолго до смерти его, вмѣстѣ со многими ранѣе указанными симптомами его болѣзни, скорѣе всего подтверждаютъ то, что Гоголь умеръ отъ маляріи. Вѣроятнѣе всего смерть Гоголя произошла отъ истощенія силъ и нарастающаго паралича жизненныхъ цент-

ровъ, такъ какъ всѣ ткани и органы тѣла у него подверглись такому сильному измѣненію, вслѣдствіе малярійныхъ процессовъ (разрощенія соединительной ткани), что дольше жизнь Гоголя не могла продолжаться, не смотря ни на какія уже средства медицинскія и не-медицинскія. Страхъ передъ смертью, какъ у Гоголя, чаще бываетъ у лицъ, умирающихъ преждевременно. Проф. Чижа справедливо говоритъ: „какъ ни горячо молился несчастный Гоголь, молитвы не успокаивали его. Конечно, утѣшенія и убѣжденія почтенныхъ пастырей церкви и Толстого также не облегчали страданій Гоголя; увь, мы знаемъ, что слова, самыя лучшія, безсильны *противъ органическихъ процессовъ* 1) и смертельная тоска, страхъ смерти, всецѣло наполняли душу поэта въ послѣдніе дни его мученической жизни“. Выраженіе проф. Чижа, что „Ломброзо былъ вполнѣ правъ, указавъ на тотъ фактъ, что многіе великіе люди страдали душевною болѣзью, были надѣлены психопатической организаціей“ (стр. 215), какъ бы, указываетъ на то, что здоровымъ психически людямъ сдѣлаться геніями очень трудно. Впрочемъ, онъ оговаривается: „но великіе люди, насколько мы можемъ судить *по тѣмъ, далеко не полнымъ и не совсемъ точнымъ свидѣніямъ о ихъ жизни* 1), какими мы обладаемъ, страдали своеобразными душевными заболѣваніями (вѣроятно, каждое лицо на свой манеръ. Л. К.), *весьма отличными отъ тѣхъ, какими заболѣваютъ обыкновенные люди*“ 2). Это заявленіе проф. Чижа примиряетъ меня съ его работой въ томъ отношеніи, что ему, какъ психіатру, повидимому, иначе и нельзя было поступить: для психіатровъ, чтобы судить о патологическихъ чертахъ характера людей, нужно имѣть предъ глазами типъ нормальнаго человѣка: геніи, конечно, такимъ типомъ быть не могутъ, а заурядный человѣкъ, или чиновникъ, хотя бы такой, какъ выставленъ въ комедіи „Ревизоръ“, вполнѣ подходит подъ типъ умственно-здороваго человѣка, такъ какъ и Гоголемъ такіе чиновники изображены не какъ душевнобольные, а, наоборотъ, какъ типичные представители вообще тогда у насъ чиновниковъ, которыхъ скорѣе надо считать за очень здоровыхъ и практичныхъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ, будучи чиновникомъ, Гоголь занимался дѣломъ, которое мало имѣло отношенія къ дѣлу чиновниковъ въ житейскомъ смыслѣ этого слова; обыкновенный чиновникъ могъ сдѣлать ему замѣчаніе, а тѣ изъ чиновниковъ, которые

1) Мой курсивъ.

2) Мой курсивъ.

были повыше, вѣроятно, и дѣлали, да и судъ, если бы дѣло дошло до суда, конечно, вмѣстѣ съ психіатрами, отнесся бы къ Гоголю, если бы послѣдній не былъ такъ знаменитъ, подозрительно.

Почему человѣкъ, самъ просившій мѣсто чиновника, обычнымъ дѣломъ, свойственнымъ чиновнику, не занимается, а дѣлаетъ какія-то тамъ наблюденія, совершенно неизвѣстно съ какою цѣлью? Конечно, тутъ могутъ возникнуть сомнѣнія въ психическомъ здоровьѣ этого человѣка; если это шпионъ, представленный слѣдить за чиновниками, то были бы доносы, разслѣдованія и пр.; если бы это былъ маменькинъ сынокъ, то за него дѣлали бы дѣло подчиненные, а между тѣмъ Гоголь самъ старался справляться съ чиновничьимъ дѣломъ (это было нужно для его наблюденій надъ бытомъ чиновниковъ), а не возлагалъ это на ниже его стоящихъ чиновниковъ, какъ дѣлаютъ маменькины сынки, которымъ бабушка воровитъ. Меньше всего чиновники могли его понять и имъ, какъ психіатрамъ и судьямъ, оставалось предположить только, что это былъ ненормальный въ психическомъ отношеніи человѣкъ. Единственно странно только, какъ не могъ понять въ этомъ отношеніи Гоголя проф. Чижевъ? Неужели, только будучи ослѣпленъ своей идеей, онъ могъ такъ далеко зайти? Съ другой стороны, гени большею частью и не могутъ быть похожи на обыкновенныхъ людей, особенно больные, если они пожелаютъ *развиваться* по своей специальности. Вотъ почему проф. Чижевъ правъ, но только *со своей точки зрѣнія*, что „изученіе болѣзни Гоголя подтверждаетъ еще разъ, что Гоголь былъ человѣкъ необыкновенный, надѣленный, увы! непонятной намъ (проф. Чижу?) организаціей; въ самомъ дѣлѣ, развѣ намъ понятно сочетаніе дивнаго творчества и душевной болѣзни, развѣ намъ понятно, какъ въ одномъ и томъ же мозгу происходило созданіе „Мертвыхъ Душъ“ и писемъ къ калужской губернаторшѣ?“

Проф. Чижу это непонятно, а вотъ простые люди не вѣрятъ, напр., тому, что ученому человѣку не надо кушать и иногда даже лучше ихъ, и нерѣдко говорятъ: ученый-то ученый, это такъ, но умѣетъ зашибить и удержать въ своихъ рукахъ лишнюю копѣчку на хуже насъ, грѣшныхъ“. Я хочу этимъ сказать, что простые люди хотятъ отмѣтить тотъ фактъ, что ученые и гениальные люди весьма походятъ на нихъ, простыхъ смертныхъ, во многихъ отношеніяхъ и что грѣшить свойственно и самымъ гениальнымъ людямъ, т.-е. какого бы ни взяли исключительнаго человѣка (какъ, напр., Гоголь), и у

того найдутся нѣкоторыя несимпатичныя черты характера: если онъ не откладывалъ про черный день денегъ, то выпрашивалъ пенсію, пособія. Другими словами, люди останутся людьми, какими бы они ни были гениями. Поэтому, вопреки мнѣнію проф. Чижа, изученіе, съ его точки зрѣнія, болѣзни Гоголя не научитъ насъ отдѣлять здоровое отъ больного въ произведеніяхъ и дѣятельности нашего гениальнаго писателя, какъ скоро мы только будемъ отыскивать бревно въ глазахъ другихъ людей, не замѣчая даже сучка въ своихъ глазахъ. Одно явленіе утѣшительно въ книгѣ проф. Чижа,—это то, что онъ инстинктивно признаетъ достойнымъ уваженія Гоголя, *„которому даже тяжелая душевная болѣзнь не помѣшала совершить великое дѣло“*.

Какой хаосъ онъ поселяетъ этимъ въ головахъ читателей, которые врядъ ли поймутъ, что тяжелый душевно-больной человѣкъ можетъ творить гениальныя вещи, хотя бы въ области беллетристики и быть величайшимъ альтруистомъ! Уваженіемъ же къ душевно-больнымъ людямъ русскій народъ всегда отличался, а за юридическими признавалось даже въ одно время право прорицать будущее, хотя тотъ же русскій народъ нерѣдко многихъ, выдѣлявшихся изъ среды его умомъ, еще раньше психіатровъ, тоже называлъ сумасшедшими. Гоголь былъ бы вполне уравновѣшеннымъ, если бы былъ образованнымъ человѣкомъ и если бы болѣзнь и его профессія ему не мѣшали въ томъ. Но жизнь его мало отличается отъ жизни обыкновенныхъ здоровыхъ душевно-людей.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что попытка д-ровъ Баженова и Чижа представить Гоголя сумасшедшимъ, такъ и останется, къ счастью, только попыткой. Въ виду отсутствія наслѣдственнаго расположенія у Гоголя къ душевному заболѣванію онъ могъ заболѣть психически только при какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Предположеніе проф. Чижа, что гениальные люди, заболѣвъ душевно, будутъ рѣзко отличаться отъ другихъ сумасшедшихъ, въ виду того, что у нихъ имѣется, такъ сказать, излишекъ ума и *они весь его, будто бы, не могутъ потерять*—есть только каламбуръ и ничего болѣе, такъ какъ никогда не будетъ класса просто сумасшедшихъ и гениально-сумасшедшихъ, которые будутъ вести за собою все челоуѣчество, а всегда будетъ только одинъ классъ сумасшедшихъ. Я не стану перечислять тѣхъ писателей нашихъ, которые не признаютъ Гоголя душевно-больнымъ, но упомяну только о такихъ, какъ Л. Толстой, Суворинъ 1), іеромонахъ

1) „Нов. Время“. № 9338—1902 г.

Михаилъ, и вообще всѣ духовные писатели считаютъ Гоголя душевно-здоровымъ. Несомнѣнно, истина на сторонѣ этихъ писателей. Я уже выше приводилъ мнѣніе духовныхъ писателей о Гоголѣ—выдержку изъ „Странника“ (1902 г. № 2); изъ нея несомнѣнно слѣдуетъ, что современные критеріи психіатрической науки неправильны, какъ то видитъ читатель и изъ моей работы.

Какъ д-ръ Баженовъ, такъ и проф. Чижевъ, считаютъ интеллектуальныя разстройства у Гоголя скорѣе количественными, и „если къ этому и примѣшивались, говоритъ д-ръ Баженовъ, въ извѣстной степени нѣкоторыя качественныя разстройства интеллекта, то только въ формѣ отрывочныхъ идей ипохондрическаго характера и, можетъ быть, нѣкоторой переоцѣнки своей личности“. Приводя эти строки, д-ръ Капланъ говоритъ („Практ. Врачъ“ № 14, стр. 362—363, 1904 г.), что такія изслѣдованія психіатровъ должны быть *„съ видѣнъ вполне объективно-научнаго психіатрическаго вывода, покоющагося на данныхъ, которыми мы располагаемъ“*. „Надо замѣтить, говоритъ онъ далѣе, что, изучая болѣзнь великаго человѣка, мы должны идти путемъ вполне непредубѣжденнаго изслѣдователя имѣющагося матеріала и только въ конечномъ результатѣ этого изученія должны получить болѣе или менѣе ясную и полную картину „душевной драмы“ этого человѣка и только такая картина даетъ намъ право признать у него ту или другую форму душевной болѣзни. Съ этой точки зрѣнія (а по моему и со всякой другой, напр., съ той точки зрѣнія, что сначала люди существовали, а потомъ появились трактаты и нужно не людей подгонять къ трактатамъ, а, наоборотъ, изучая людей, видоизмѣнять трактаты, всегда далекіе отъ совершенства), едва ли методически правильно подтверждать діагнозъ путемъ сопоставленія характеристики страданія изъ распространеннаго учебника психіатріи и описанія болѣзненныхъ явленій и ощущеній въ перепискѣ самого больного или близкихъ къ нему лицъ—наблюдателей.

„Едва ли также правильно, на мой взглядъ, давать ту или другую оцѣнку біографическимъ указаніямъ, исходя изъ поставленнаго уже тѣмъ или другимъ путемъ, въ томъ или иномъ смыслѣ, діагноза. Вотъ почему, мнѣ думается и авторъ самъ на это указываетъ въ своей статьѣ, *„что многіе факты изъ многострадальной жизни Гоголя все еще остаются для насъ темными, съ нашей спеціальной точки зрѣнія“*.

„Вотъ почему, говоритъ д-ръ Капланъ, на статью автора (д-ра Баженова), мнѣ кажется, слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ

на популярное изложенеіе вопроса... чѣмъ на попытку строю критически изучить важный вопросъ съ спеціальной научной точки зрѣнія". Вотъ почему и о трудѣ проф. Чижа можно, по меньшей мѣрѣ, сказать тоже самое.

Если руководствоваться приемами д-ровъ Баженова и Чижа для психіатрическаго изученія личности и трудовъ Гоголя, то о нашемъ многострадальномъ писателѣ можетъ получиться столько мнѣній, сколько будетъ изслѣдователей, и многіе изъ нихъ будутъ представляться съ перваго взгляда справедливыми. Казалось бы, какія несомнѣнныя доказательства своей психической болѣзни оставилъ Гоголь. Но при ближайшемъ изученіи этихъ доказательствъ оказывается, что не можетъ быть и рѣчи о какой-либо душевной болѣзни у Гоголя, а рѣчь можетъ идти развѣ только о скоропреходящихъ (главнымъ образомъ количественныхъ) расстройствахъ психической дѣятельности у него въ связи съ припадками маляріи.

Несогласія у психіатровъ въ опредѣленіи душевной болѣзни Гоголя какъ нельзя болѣе доказываютъ отсутствіе всякой душевной болѣзни у Гоголя и утвержденіе д-ра Каплана, что періодическій депрессивный психозъ не исключаетъ галлюцинаторныхъ явленій и бреда религиозно-мистическаго характера (последняго, между прочимъ, у Гоголя и не было), не подтверждается проф. Чижемъ, который въ виду, яко бы имѣющихся у Гоголя признаковъ другихъ психическихъ болѣзней, оспариваетъ діагнозъ болѣзни Гоголя, поставленный д-ромъ Баженовымъ, въ свою очередь утверждая, что діагнозъ психической болѣзни Гоголя теперь трудно постановить, т. е. что у Гоголя не было опредѣленной душевной болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ не было періодическаго циркулярнаго психоза, въ силу чего и вопреки мнѣнію проф. Чижа о какой-то особенной психической болѣзни у Гоголя, нельзя и говорить вообще о томъ, что Гоголь страдалъ душевной болѣзью.

Поэтому я настаиваю на своемъ мнѣніи, что если психическія расстройства у Гоголя и были, то это было вслѣдствіе маляріи, которой страдалъ Гоголь, и какъ таковыя, бывающія весьма разнообразными даже у одного и того же лица, не могутъ быть подведены подъ какую-либо одну болѣзнь, хотя бы чаще всего болотные психозы и выражались въ видѣ меланхолическихъ состояній. Эти душевныя расстройства, чаще всего бывающія скоропреходящими, не представляютъ изъ себя истинной душевной болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ которую (какую-либо психическую болѣзнь) они, при имѣю-

щемся предрасположеніи у даннаго лица или другихъ благоприятныхъ условіяхъ, и могутъ перейти, что въ болотныхъ мѣстностяхъ и случается, но къ счастью, очень рѣдко. По поводу болѣзни Гоголя я долженъ сказать еще слѣдующее: жизнь Гоголя весьма поучительна и назидательна для насъ, но и своею смертію отъ якобы неизвѣстной болѣзни онъ какъ бы поучаетъ насъ, съ какою осторожностію надо относиться къ памяти вообще людей, а не только къ памяти гениальныхъ и дорогихъ намъ людей: „съ печатнымъ словомъ надо обращаться честно“ (Гоголь), т.-е. съ большою осторожностію. Такимъ образомъ можно сказать словами (нѣсколько видоизмененными) проф. Чижа, что тщательное изученіе жизни и произведеній Гоголя даетъ намъ, хотя и не вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ и проф. Чижемъ, а вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, *утѣшеніе думать, что многострадаальный Гоголь въ силу своей болѣзни (не душевной, конечно), своего воспитанія и нравовъ того времени совершенно неотвѣтственъ за свои дурные поступки.*

Разрытый курганъ.

Въ степи раскопали высокій курганъ,
 Но въ немъ ничего не нашли.
 Поникъ головою степной великанъ,
 Свой вѣкъ доживая въ пыли.

—Зачѣмъ вы безжалостно взрыли меня?
 Какой васъ притягивалъ кладъ?—
 Доспѣхи? Уборъ боевого коня?
 Проржавленный древній булатъ?

Иль просто: искали вы цѣнныхъ монеть,
 Чтобъ ихъ подороже продать?
 Иль царскихъ сокровищъ? Богатства?.. Но нѣтъ!—
 Что скрылъ я, то вамъ не видать.

Я скрылъ не богатства, но славу царя,—
 Насыпанъ по слову его.
 Пожаромъ свѣтилась степная заря
 Надъ пиромъ царя моего.

Меня окропили священнымъ виномъ,
 Зажгли лучезарный костеръ.
 И мудраго старца—пѣвца о быломъ
 Ввели къ властелину въ шатеръ.

И весело старца привѣтствовалъ царь
И гусли подать повелѣлъ:
— „Побѣдною пѣсней по струнамъ ударь!
Я славно врага одолѣлъ!“—

И дрогнули звуки, звеня и дробясь,
И пѣлъ онъ про царскій походъ.
И пѣнію, доблести царской дивясь,
Внималъ восхищенный народъ.

На утро, — едва заблѣлась заря,
Гоня предрасвѣтнѣй туманъ,
Шума и скликаясь, по слову царя,
Поднялся воинственный станъ.

И долго за войскомъ въ пространствѣ степномъ,
Прощаясь, я грустно слѣдилъ...
Вѣка пролетѣли таинственнымъ сномъ:
Я славу царя пережилъ.

Въ степи надо мною рыдала метель,
Кружилась знойная пыль,
Въ вечернюю пору грустила свирѣль,
Волнуясь, шептался ковыль.

На мнѣ ночевали степные орлы,
Сидѣли купцы у огня,
А звѣздная полночь свѣтилась изъ мглы,
Таинственной пѣсней звеня.

Меня умывала ночная роса
И вѣтеръ, шутя, обнималъ;
Я слышалъ степныхъ удалцовъ голоса
И пѣснямъ о прошломъ внималъ.

И дѣвичьи слезы, о миломъ печаль,
И гнѣвъ на измѣну друзей,
Порывы души въ безконечную даль,—
Все видѣлъ я въ жизни моей.

Безмолвную память о прошломъ храня,
Я жилъ для царя моего.
Зачѣмъ вы, зачѣмъ разорили меня?—
Вѣдь вы не нашли ничего!

К. Гребенской.

Подъ натискомъ революціи.

П о в ѣ с т ь .

I.

Семья помѣщиковъ Орскихъ оставила деревню и ликвидировала деревенскія дѣла задолго до начавшихся крестьянскихъ беспорядковъ. Последнюю осень Орскіе проводили на югѣ, въ окрестностяхъ большаго города, славящагося своими лечебными грязями и морскими купаньями. Софья Степановна Орская лечилась грязями отъ разыгравшагося у нея ревматизма, Иванъ Александровичъ забывалъ въ новой обстановкѣ свое деревенское крушеніе и вкушалъ въ полной мѣрѣ сладость покоя и прелести дачной жизни, а дочь ихъ, юная и мечтательная Наташа, увлекалась купаньями, ѣздой на велосипедѣ и по вечерамъ, когда сладкая нѣга и свѣжесть ночи окутывали истомленную зноемъ землю, она бродила по морскому берегу и слушала тихіе методическіе всплески морской волны.

Орскіе занимали нѣсколько комнатъ на дачѣ своихъ старыхъ знакомыхъ Гришевскихъ, у которыхъ тоже семья была маленькая, состоявшая изъ четырехъ лицъ: отца, гласнаго думы и мѣстнаго домовладѣльца, его жены, пожилой и болѣзненной женщины Клавдіи Петровны, шестнадцатилѣтняго сына Мити и девятнадцатилѣтней дочери Кати, сверстницы Наташи и ея задушевной подруги. Барышнямъ было вмѣстѣ не скучно, старики предоставили имъ свободу въ прогулкахъ и развлеченіяхъ, которыми тѣ по праву лѣтняго отдыха и пользовались полномѣрно.

Дача Гришевскихъ была чудная: съ большой террасы открывался широкій видъ на море, мимо оконъ проходили па-

роходы, шедшіе изъ большой гавани города въ Крымъ, на Кавказъ, въ Константинополь, отъ дачи спускался уступами внизъ обширный разросшійся садъ, упиравшійся въ приморскія низины и скалы. По ночамъ надъ синѣющимъ моремъ свѣтиль сосѣдній электрической маякъ, а изъ общественного сада доносились звуки музыки... По праздникамъ и воскресеньямъ надъ этимъ мирно дремлющимъ уголкомъ раздавались звуки колокольного звона изъ сосѣдняго большого монастыря, красиво повисшаго надъ морскимъ обрывомъ.

— Какъ у тебя хорошо здѣсь!—говорилъ Гришевскому не избалованный такими картинами у себя въ деревнѣ Иванъ Александровичъ Орскій.—Сколько красотъ природы... Какая поэзія!..

— Недурно это—вѣрно,—отвѣчалъ Гришевскій,—но отчасти и плохо. Дача бездоходная, строилъ я ее для себя. ... Что я имѣю съ этой дачи. Мои сосѣди устроили у себя по десяти—пятнадцати квартиръ, сдаютъ ихъ евреямъ и имѣютъ доходы,

— Отчего же евреямъ?—спросилъ Орскій.

— А оттого, что здѣшній городъ еврейскій. Евреи здѣсь самое богатое населеніе.

— Такъ отчего же ты не устроишь квартиръ для дохода?—спросилъ Орскій.

— Потому что это будетъ одно мученіе. Не дай Богъ имѣть дѣло съ евреями... Тяжело, особенно съ этими крупными еврейскими карасями. Найметъ такой субъектъ дачу и уже хочетъ быть хозяиномъ, думаетъ, что онъ тебя облагодѣтельствовалъ, заводитъ свои порядки, никого не признаетъ. Очень это властолюбивая и жестокая нація,—прибавилъ Гришевскій,—а мы, русскіе, мягки и уступчивы.

— Такъ отчего же тебѣ не заявить свои права?..—продолжалъ Орскій.

Гришевскій расхохотался.

— Ну, вѣрноты плохо знаешь евреевъ,—коротко замѣтилъ онъ.

Осень была чудная. Въ сентябрѣ грѣло солнце, только по вечерамъ и рано утромъ поднимался на морѣ туманъ и пароходы, шедшіе въ сосѣднюю гавань, давали на разсвѣтѣ зычные протяжные гудки—для предупрежденія встрѣчныхъ судовъ.

Наташа Орская по субботамъ отправлялась съ Катей въ сосѣдній монастырь ко всенощной. Наташа была религіозна. Она имѣла въ своей комнатѣ походный кіотъ съ образами, передъ которыми утромъ и вечеромъ молилась и мечтала о поѣздкѣ въ Иерусалимъ. Катя Гришевская называла ее въ шутку „мовахиной“.

— Ну, монахиня, ѣдемъ въ церковь, — говорила ей Катя и обѣ дѣвѣнцы, сѣвъ на своихъ стальныхъ коней, быстро и граціозно катились по ровной и пыльной дорогѣ къ бѣлѣвшимъ вдали монастырскимъ стѣнамъ, надъ которыми высились куполы нѣсколькихъ церквей.

Монастырь былъ богатый. Его населеніе составляли преимущественно монахи-малороссы изъ южныхъ губерній, говорившіе „хиба“, „що“, и „треба“.

Наташа и Катя подъѣзжали на велосипедахъ къ монастырскимъ воротамъ, стоявшимъ довольно высоко на горѣ и тамъ сдавали своихъ коней на попеченіе хохла—привратника-сторожа монастырской гостиницы. Поднявшись въ гору, Наташа раскраснѣлась и тяжело дышала. На велосипедистокъ набрасывались собаки изъ соедняго поселка.

— Устала, монахиня, запыхалась?—спрашивала Катя, глядя на раскраснѣвшіяся щеки подруги.—А тутъ еще эти псы не даютъ покоя.

— Шо це таке „устала“?—спрашивалъ со своимъ характернымъ малороссійскимъ выговоромъ монастырскій сторожъ.

— Устала,—значить, запыхалась,—говорила Катя.

— Такъ тожъ „уморилась“,—добродушно поправлялъ сторожъ и кричалъ на расходившихся собакъ:—чего вы гавкаете? Хи-ба-жь это чужіе?.. Сусіды приіхалы... Не треба гавкати.

Барышни входили въ ворота на широкой монастырской дворъ, гдѣ все дышало величіемъ церкви и покоемъ.

Монастырская служба въ освѣщенномъ огнями большомъ соборѣ шла долго; раздавалось пѣніе сильнаго хора свѣжихъ молодыхъ голосовъ. Много народу стекалось ко всеобщей и въ монастырской церкви, въ теплые вечера, несмотря на раскрытыя окна, было душно. Когда Наташа и Катя выходили изъ храма, черная ночь уже неподвижно висѣла надъ моремъ... Хороводъ свѣтлыхъ огнистыхъ звѣздъ смотрѣлъ съ темнаго, голубого неба: по сторонамъ дороги, когда ѣхали барышни, чернѣли, какъ привидѣнія, силуэты тополей, каштановъ и разросшихся акацій. Съ моря вмѣстѣ съ соленой влагой воздуха долетали медленные вѣдохи морского прибоя.

— Наташа, поѣдемъ туда, близко-близко къ обрыву,—предлагала Катя.—Тамъ, должно быть, свѣжо, хорошо.—И обѣ барышни мчались къ краю берега, гдѣ подъ выступомъ скалы зіяла темная морская бездна и плавно ударяли въ скалу и медленно отходили волны. Когда смотришь съ этой высоты внизъ, духъ захватываетъ.

— Какъ здѣсь жутко и пріятно,—говорила Катя.—Ну, по-

дойдемъ, подойдемъ сюда,—подбадривала она Наташу, и объ барышни съ замираніемъ сердца висѣли надъ обрывомъ, лежа на скалѣ и смотря внизъ на колеблющуюся пучину.

Что думали онѣ, что испытывали эти дѣвушки въ эту минуту?.. Имъ казалось, что онѣ летятъ внизъ въ безпокойную и издали такую заманчивую бездну... Сердце у нихъ замирало и онѣ скоро съ испугомъ пятились назадъ, но потомъ опять подвигались ближе и ближе, чтобы взглянуть туда, откуда доносился плескъ необъятнаго моря.

Молодость!

Смѣлая, безпокойная молодость любитъ ощущенія страха бури, грозы, отъ которыхъ щадить ее пока дѣйствительная жизнь.

— А что, если-бы насъ увидѣла здѣсь Софья Степановна?—говорила Катя про строгую и вспыльчивую Наташину мамашу.

— Ну не сдобровать-бы намъ,—сказала Наташа.

И объ дѣвушки при такой мысли весело разсмѣялись.

Наступилъ октябрь. На дачѣ стало по ночамъ жутко и холодно, стали завывать вѣтры, безпокойно бурлило море и многіе запоздавшіе дачники перебирались въ городъ на зимнія квартиры.

— Довольно, братъ, мы посидѣли здѣсь,—говорилъ Иванъ Александровичъ Гришевскому,—надо и въ Петербургъ ѣхать.

— Побудь еще недѣлку-другую,—уговаривалъ его Гришевскій,—переѣдемъ вмѣстѣ въ городъ. Осень на югѣ прекрасна, а у васъ въ Питерѣ теперь слякоть и дожди.

— Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Александровичъ, чего намъ такъ торопиться?—замѣчала его жена, Софья Степановна, всегда обращавшаяся къ мужу „на вы“.—Посидимъ еще немного, успѣемъ еще надышаться нашей петербургской сыростью.

Но главными противниками отъѣзда въ Петербургъ были дѣвицы Наташа и Катя, которыя подняли дѣлу бурю.

— Какой Петербургъ, зачѣмъ Петербургъ? Здѣсь только-что кончились жары, настаетъ прохладная погода—и отъ этой благодати уѣзжать. Никогда! ни за что!—говорили онѣ.

Въ половинѣ октября Орскіе переѣхали въ городъ вмѣстѣ съ Гришевскими, рѣшивъ пробыть на югѣ еще недѣлю—другую.

Въ городѣ они застали странное настроеніе. Это была пора объявленной автономіи университетовъ. Въ мѣстномъ университетѣ начались-было лекціи, но тотчасъ прекратились, такъ какъ въ университетскихъ стѣнахъ происходили митинги, въ которыхъ принимали участіе не только студенты, но и желѣзно-

дорожники и рабочіе. Цѣлыя толпы стояли въ аудиторіяхъ, группы студентовъ унизывали университетскія лѣстницы. Только и было слышно „товарищи“, „свобода“, „за свободу“. Въ группахъ студентовъ сновали курсистки. Всѣ лица у молодежи были разгоряченныя. Митинги устраивались и въ другихъ мѣстахъ. Представители студенчества, рабочихъ, а иногда и люди прямо съ улицы проносилъ на митингахъ зажигающія рѣчи. Митинги усердно посѣщались гимназистами. Ходилъ на нихъ и Митя Гришевскій. Да и нельзя было не ходить.

— Иду я домой,—разсказывалъ онъ,—и меня останавливаютъ на улицѣ какіе-то незнакомые гимназисты-евреи и говорятъ: товарищъ, сегодня митингъ... Знайте объ этомъ и приходите непременно... Ну, я и пошелъ.

Молодежь была одурманена броженіемъ, выросшая курсистка тайкомъ отъ родителей убѣгала на митинги, гдѣ впивали въ себя изобильный горячечный ядъ революціонныхъ призывовъ. Озадаченные родители терялись, утрачивали всякую власть и вліяніе на молодежь. Учебное начальство бездѣйствовало. Въ Петербургѣ въ это время царилъ нерѣшительность гр. Витте, отражавшаяся въ удвоенной порціи въ провинціи, которая старательно примѣнялась къ петербургскимъ взглядамъ и вѣяніямъ.

Митинги расцвѣтали. Началась вакханалія „свободы“, широко и задорно разыгравшихся въ условіяхъ университетской автономіи. Предводительствовали въ движеніи профессора изъ красныхъ и студенты-революціонеры. Митя Гришевскій попалъ на многолюдный митингъ. Громадный залъ былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ, который въ этотъ день не бастовалъ. Добрая тысяча народа:—студентовъ, мастеровыхъ и рабочихъ—собралась обсуждать политическія нужды Россіи. Всѣ въ залѣ испытывали приподнятое настроеніе, называя другъ друга „товарищами“, и это были дѣйствительно товарищи и единомышленники въ эти минуты. Особенно воодушевлены были женщины, которыя съ раскраснѣвшими лицами и лихорадочными, жадными глазами впивались въ столь непривычную въ нашихъ нравахъ картину митинговъ. Онѣ переживали особую остроту нервнаго раздраженія.

— Товарищи, мы сильны,—неслось съ эстрады, гдѣ говорилъ нафаршированный революціонерами желѣзнодорожный рабочій, —еще немного борьбы и ненавистная намъ противная партія (слѣдовали непечатныя слова) сложить оружіе! Мы явимся побѣдителями. На нашей сторонѣ весь сознательный

пролетаріатъ, рабочіе классы и учащаяся молодежь. А это какая-же сила!

— Долой ненавистный режимъ,—возглашала молодой человекъ съ черными усами и черными глазами. Онъ имѣлъ такой писарской видъ, точно еще вчера мирно сидѣлъ въ канцеляріи и кропалъ важное отношеніе: „Доносъ Вашему Превосходительству о прискорбномъ броженіи умовъ, рвущихся къ свободѣ, симъ свидѣтельствуемъ, что ждемъ 20-го числа“.

— Свѣтъ и свобода!—воскликнула еврейка, съ типическимъ длиннымъ носомъ и красными глазами.—Наши товарищи отправились по деревнямъ просвѣщать крестьянство,—продолжала она,—крестьянство за насъ, товарищи... За насъ!... А намъ надо вооружаться...

Шуму и воодушевленія было достаточно. Ораторы были удачные и неудачные. Простые люди говорили лучше ученыхъ и студентовъ. Нѣкоторыми ораторами проводилась необходимость забастовки, которую нужно было осуществить черезъ день.

— Всеобщая забастовка покажетъ нашу силу,—воскликнули они,—мы добьемся всего, чего хотимъ. Забастуютъ фабрики, станутъ желѣзныя дороги, прекратится торговля. Вотъ будетъ торжество... Мы „имъ“ покажемъ!

И рѣшенная на митингѣ желѣзнодорожная забастовка была утверждена. Не всѣ, однако, были рады этому рѣшенію.

— Неладно это,—говорили крестьяне,—безъ хлѣба сидѣть придется.

А по всѣмъ линіямъ, ведущимъ съ юга, были залежи сотенъ тысячъ пудовъ хлѣба. Хлѣбъ и безъ всякой забастовки уже гнилъ подъ осенними дождями.

— Что предпринять?—совѣтовались между собой желѣзнодорожные агенты.

— Ничего невозможно сдѣлать,—рѣшали они.—Наши агенты тоже замѣшаны въ забастовкѣ.

Странное это было время. Революція, почувствовавъ себя атмосферѣ объявленныхъ свободъ, вздохнула полной грудью. Во всей Россіи началась дикая и безобразная революціонная каша, а въ томъ южномъ уголкѣ, гдѣ жили Гришевскіе и Орскіе, творилось и много обиднаго и оскорбительнаго для русскаго самолюбія.

— Видишь-ли,—разсказывала Орскому Петръ Васильевичъ Гришевскій,—есть у насъ тутъ одинъ еврейскій адвокатъ Брентхапентъ. Это видный предводитель здѣшняго революціоннаго движенія. Этотъ самый Брентхапентъ—какъ-бы брантъ-

маіоръ революціи, захочеть—разожжетъ ее, захочеть—потушить. Вся еврейская молодежь у него въ подчиненіи и онъ командуетъ здѣшними революціонерами. Здѣсь давно раскусили этого субъекта и онъ былъ высланъ изъ города въ отдаленныя прохладныя мѣста, но теперь онъ не только возвращенъ сюда, но и ѣздилъ въ столицу разговаривать съ графомъ Витте.

— Неужели же петербургскій сановникъ принимаетъ подобнаго субъекта?—недоумѣвающе спросилъ Орскій.

— Не удивляйся, пожалуйста, —отвѣчалъ Гришевскій, —мы здѣсь въ провинціи тоже знаемъ кое-что. Посмотрѣлъ бы ты, какой вернулся отъ Витте этотъ Brentхапентъ. Онъ привезъ важныя вѣсти для евреевъ, и съ его мнѣніемъ какъ будто считается и мѣстное начальство.

— Да не можетъ быть?—удивлялся Орскій.

— А послушай,—продолжалъ Гришевскій, не отвѣчая на его слова, — какіе разговоры у насъ въ думѣ. Вчера въ думскомъ засѣданіи чествовали этого Brentхапента, какъ представителя боеваго направленія. Наши лѣвые гласные называли его лучшимъ гражданиномъ своей родины. Посмотрѣлъ бы ты, какого тамъ наговорили чорта въ стулѣ. Это защитникъ и спаситель отечества, нашъ городъ ему обязанъ сознательнымъ движеніемъ. Спокойные гласные, конечно, безмолвствовали, но лѣвые прямо съ ума сошли.

Орскіе собирались выѣхать въ Петербургъ и назначили было день отъѣзда, но въ этотъ самый день началась желѣзнодорожная забастовка. Югъ былъ отрѣзанъ отъ сѣвера. Поѣзда не приходили и почта не получалась. Они застряли въ городѣ при самыхъ непріятныхъ обстоятельствахъ. На улицѣ, гдѣ находился домъ Гришевскаго, начались революціонныя шествія: непрерывно двигались взадъ и впередъ группы еврейской учащейся и неучащейся молодежи, которая носила красные флаги и громко и назойливо выкрикала: „да здравствуетъ свобода, долой самодержавіе“, остальная еврейская молодежь восторженно подхватывала эти возгласы и прыгала отъ восторга.

Погода была теплая. Гришевскіе и Орскіе сидѣли у открытыхъ оконъ и съ любопытствомъ смотрѣли на это, никогда еще въ русскомъ городѣ невиданное торжество еврейскихъ революціонеровъ.

— Какъ это допускаютъ подобную гадость? — удивлялся Орскій

— Не удивляйся ничему въ нашемъ городѣ,—продолжалъ

Гришевскій.—Власти не могутъ препятствовать, потому что полученъ тайный приказъ изъ Петербурга: не мѣшать революціи.

— Ты шутишь,—сказаль Орскій.

— Не знаю,—отвѣчалъ Гришевскій,—можетъ, и шучу, но здѣшніе евреи называютъ даже и автора этого тайнаго приказа. Ужъ не результатъ ли это поѣздокъ въ Петербургъ нашего Brentхапента?

Во время этого разговора вбѣжалъ въ комнату взволнованный и запыхавшійся Митя.

— Откуда ты?—спросилъ его отецъ.

— Ахъ, папаша, такое тамъ дѣлается,—отвѣчалъ молодой человекъ, едва переводя духъ.—Сейчасъ слушалъ рѣчи революціонныхъ ораторовъ. Кругомъ ихъ собралась большая толпа, кричали, потомъ начали качать этихъ ораторовъ, еле изъ толпы пробился. Совсѣмъ было придавили.

— Да кто же тамъ ораторствовалъ?—спросилъ Гришевскій.

— Сначала какіе-то два еврея, одинъ старый, другой молодой. Молодой такой видный, красивый.

— А, это вѣрно Brentхапентъ,—подсказаль отецъ.

— Да, да онъ самый,—встренулся Митя.—Послѣ говорилъ какой-то русскій; голосъ у него, какъ труба, и рожа злая, какъ у цѣпной собаки. Онъ тоже все въ пользу евреевъ кричалъ и его стали на рукахъ качать.

— Ну, это профессоръ Подонкинъ,—догадался Гришевскій и, обращаясь къ Орскому, сказалъ:—это извѣстный въ городѣ революціонеръ... Изъ русскихъ, но хуже жиды.

Положеніе въ городѣ часъ отъ часу становилось безпокойнѣе. Шумныя процессіи съ красными флагами ходили до ночи. Вечеромъ публика, предводительствуемая революціонерами, направилась къ городской думѣ, гдѣ началось странное собраніе гласныхъ радикаловъ и представителей социалистическихъ союзовъ. На собраніи обсуждалось въ тысячу первый разъ современное положеніе Россіи и даже трактовался вопросъ объ объявленіи мѣстной республики.

Любопытный Митя всюду поспѣвалъ и приносилъ въ домъ озадачивавшія всѣхъ странныя вѣсти.

— Народу тамъ видимо, невидимо,—говорилъ онъ,—въ залѣ духота, давка. Студенты уже не пропускаютъ больше публики, но и на площади слышны рѣчи.

— И опять тѣ-же ораторы?—спрашивали Митю.

— И тѣ и другіе... новые,—отвѣчалъ онъ и прибавилъ:—здорово говорятъ еврей, если-бы не акцентъ, совсѣмъ Цице-

роны. Трубить и профессор Подонкинъ. Требуется смѣщенія властей, вывода изъ города войскъ... Хотятъ учредить городскую милицію. Говорятъ, уже послали въ Петербургъ телеграмму о смѣщеніи администраціи и надѣются, что тамъ на все согласятся, ибо Витте за евреевъ.

— Какой вздоръ!—воскликнулъ Орскій.—Этого не можетъ быть.

Но на слѣдующій день этотъ вздоръ сталъ совершившимся фактомъ. На улицахъ исчезли военные патрули, полиція, а революціонныя безобразія достигли крайнихъ предѣловъ. Всѣмъ открыто командовали еврей-революціонеры. Они учредили къ вечеру собственную вооруженную милицію. Городъ погрузился во тьму, электричество забастовало, а на полицейскихъ постахъ появились милиціонеры-студенты, имѣвшіе своими подручными взрослыхъ гимназистовъ.

— Прямо, точно въ сказкѣ,—удивился Орскій.

Одна ночь прошла спокойно, но на слѣдующій день начался въ городѣ жесточайшій еврейскій погромъ. Послѣ службы въ соборѣ въ городѣ появились было процессіи съ иконами и портретами Государя, но еврейскіе революціонеры стрѣляли въ манифестантовъ изъ прикритій, изъ оконъ и съ крышъ домовъ и даже бросали въ нихъ бомбы. Въ домахъ лопались стекла, на улицахъ гибли люди. Это былъ настоящій содомъ. Выстрѣлы не замолкали ни на минуту. Убіиства наводили панику. Въ домахъ закрывались окна и ставни, наглухо запирались ворота, нормальная жизнь въ городѣ окончательно прекратилась.

— Вотъ такъ положеніе!—говорили Орскіе, попавшійся въ чужомъ городѣ, какъ куръ во щи.

Въ квартирѣ Гришевскихъ, находившейся въ первомъ этажѣ окнами на улицу, было не безопасно. Гришевскіе временно оставили парадныя комнаты и должны были перейти въ часть квартиры, обращенную во дворъ, которую они представили Орскимъ. Обѣ семьи расположились вмѣстѣ и ожидали конца террору. Мадамъ Гришевская и барышни были напуганы. Софья Степановна Орская лежала больная, одинъ только Митя не унывалъ и при первой возможности убѣгалъ изъ дому, дѣлалъ прогулку по ближайшимъ улицамъ и всегда приносилъ обильный запасъ новостей.

— Городъ словно вымеръ,—говорилъ онъ.—Вездѣ около воротъ стоятъ группы евреевъ и высматриваютъ. Должно быть, это еврейская самооборона, они то спрячутся, то опять

вылѣзуть. А кругомъ стрѣляютъ, только неизвѣстно, кто и откуда.

Митя не успѣлъ еще окончить свой рассказъ, какъ невдалекѣ отъ дома раздался сильный взрывъ и у Гришевскихъ задрожали стѣны дома.

— Вѣрно опять бросили бомбу,—сказалъ Митя.—Надо бы пойти узнать, что такое.

— Ну, ужъ это оставь,—сердито отозвался отецъ.—Еще самъ попадешь подъ выстрѣлы.

— Боже, да что же это?—воскликнула нервная Гришевская, къ которой пугливо жались испуганныя барышни.

Невдалекѣ отъ дома Гришевскихъ дѣйствительно революціонеромъ была брошена бомба. Толпа народу окружила это мѣсто. Среди улицы въ лужѣ крови лежалъ убитый бомбою неизвѣстный человѣкъ съ оторванными кусками тѣла.

II.

Орскіе торопились въ Петербургъ. Что происходитъ тамъ, имъ было неизвѣстно. Почты съ сѣвера не получалось. Тревожные слухи носились на югъ. Последнее письмо, полученное ими, было отъ ихъ земляка и стараго знакомаго Замятинова изъ деревни. Онъ писалъ имъ:

„Дорогіе Софья Степановна и Иванъ Александровичъ.

„Еслибъ вы увидѣли, что дѣлается теперь въ нашей деревнѣ, когда-то близкой и родной вамъ! Срамъ и позоръ! Старую деревню не узнать... Все зашевелилось, какой-то нездоровый азартъ всколыхнулъ нашу прежнюю мирную жизнь.

„Въ народѣ ходятъ „скубенты“ и разжигаютъ аграрное движеніе, поднимая прежде всего деревенскую чернь. Положительное крестьянство при теперешнемъ беззаконіи боится этой черни и могу васъ увѣрить, что и оно пойдетъ на приступъ, ибо ему не на что опереться. Ни защиты, ни охраны. У насъ были разгромы и поджоги усадебъ и я удивляюсь, какъ еще уцѣлѣли ваша Орсовка и моя злополучная мукомольня, на которую впрочемъ уже охотились революціонеры. Съ этими новыми свободами въ деревнѣ житья не стало. Деревенская молодежь совсѣмъ обалдѣла, зачитывается революціонными призывами, пьянствуетъ и скандалить. У насъ усилились забастовки: рабочій народъ предъявляетъ невозможныя требованія.

„Кажется, что можетъ быть доходнѣе паровой мельницы. Но

и мои дѣла пошатнулись. Какая это работа. Три дня работаютъ, недѣлю бастуютъ и мельница приноситъ однѣ потери. Мы живемъ на мельницѣ, какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ постоянномъ ожиданіи революціонныхъ грабежей. Всѣ деньги свыше дневной потребности отправляемъ въ городской банкъ, но и насъ обокрали: выслѣдили артельщика, везущаго деньги, и пятнадцати тысячъ какъ не бывало. Я часто объ васъ вспоминаю, Какъ во-время вы продали имѣніе. Какая теперь жизнь въ деревнѣ, одно мученіе. Что будетъ дальше?.. Грустно и тяжело... Зимой собираюсь въ Петербургъ гдѣ непременно навѣщу васъ, а пока прошу принять мой привѣтъ и передайте мой поклонъ Натальѣ Ивановнѣ. Вашъ П. Замятиновъ“.

Орскіе ѣхали въ Петербургъ круговыми путями. Желѣзнодорожныя забастовки въ это время были въ разгарѣ. Однѣ дороги работали, другія бастовали, станціи охранялись войсками. Въ попутныхъ городахъ было неспокойно. Революціонное движеніе сплотило на югѣ все боевое еврейство; своими бомбами и выстрѣлами оно держало въ осадѣ города, въ другихъ мѣстахъ напротивъ неистовствовало крестьянство: выведенный изъ терпѣнія народъ учинялъ еврейскіе погромы, мстя „жидамъ“ за ихъ вторженіе въ русскую жизнь.

Графъ Витте своими уступками такъ неосмотрительно и жестоко отдалъ жизнь на растерзаніе еврейской революціи!

На маленькихъ станціяхъ юга Орскіе видѣли толпы вооруженныхъ дубинами крестьянъ, которые явились бить жидовъ и „смутьяновъ“. Все мирное населеніе городовъ и селъ проклинали свободу графа Витте, послужившія источникомъ кровавыхъ жертвъ и оскорбленій для русскаго чувства.

Послѣ четырехъ дней дороги, Орскіе пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ послѣ всего видѣннаго и пережитаго ими на югѣ они нашли сравнительное спокойствіе и благополучіе.

— Здѣсь только рабочіе бунтуютъ,—разсказывали Ивану Александровичу.—Учредили союзъ рабочихъ депутатовъ, который распоряжается всѣмъ движеніемъ и устраиваетъ забастовки.

— А что-же графъ Витте?

— Сидитъ въ Зимнемъ дворцѣ и ублажаетъ революціонеровъ благосклонными разговорами, уступками и обѣщаніями новыхъ свободъ...

— Премудрый сановникъ!—воскликнулъ Орскій.—Нашель себѣ подходящее занятіе, когда кровь льется въ Россіи.

III.

Совсѣмъ странная жизнь потекла въ деревнѣ послѣ пронесшейся волны крестьянскихъ погромовъ. Помѣщики бросали свои насиженные углы и уѣзжали въ города, богатые мчались за границу, другіе, кто побѣднѣе, оставались на мѣстѣ и съ тревогой смотрѣли въ будущее. Лишь въ немногихъ углахъ Россіи было спокойно. Вездѣ въ большей или въ меньшей степени пронесся терроръ, крестьянскіе беспорядки періодически возобновлялись. Не только помѣщики, но и крестьяне, особенно зажиточные, опасались бѣды: грабежей, поджоговъ. Замѣчательно, что эти ужасныя вспышки погромовъ обрушивались и на тѣхъ помѣщиковъ, которые были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ крестьянствомъ. Если свои не грабили, то грабили чужіе.

Въ усадьбу популярнаго среди крестьянъ небогатаго помѣщика Вощенко, владѣвшаго экономіей въ сосѣдствѣ съ Орсовкой, пришла грабительская орда и опустошала его амбары. Грабители были пьяны и Вощенко, видя, что ничего съ ними не подѣлаешь, вооружился возможнымъ при такихъ обстоятельствахъ кладнокровіемъ. Выйдя во дворъ, гдѣ происходило опустошеніе его амбаровъ, онъ увидѣлъ тощаго мужика, несшаго на своей спицѣ громадный мѣшокъ хлѣба и изнемогавшаго подъ его тяжестью.

— Зачѣмъ такую тяжесть себѣ взвалилъ?—иронически сказалъ Вощенко.—Тебѣ не донести, еще надорвешься, лучше бы положилъ на подводу.

— Та у меня нема подводы,—отвѣчалъ хохоль.

— А вотъ,—сказалъ Вощенко, указывая на стоявшую во дворѣ телѣгу.

— Хиба-жь это моя?—отвѣчалъ крестьянинъ.—Вина чужая.

— А хлѣбъ-то твой?..—продолжалъ Вощенко,—тоже не твой? Такъ бери подводу и лошадей. Доброму вору все въ пору!

Нагруженный крестьянинъ остановился въ нерѣшительности. Онъ былъ сбить съ толку и даже уронилъ свой тяжелый мѣшокъ.

„Якій чудный баринъ“,—подумалъ пристыженный мужикъ.

Вощенко видѣлъ, что въ этомъ приземистомъ грабителѣ совѣсть проснулась и на минуту онъ восторжествовалъ. Въ его амбарахъ свободно хозяйничали пришлые мужики, и онъ обратился къ своимъ, которые тоже собрались глазѣть на грабежъ, но ничего не предпринимали.

— Что-жь вы, ребята, не заступитесь?—сказаль онъ.— Видите, меня грабятъ.

— Это не наши, они чужіе,—отвѣчали крестьяне.

— А когда я вамъ чинилъ ваши хаты, спрашиваль я васъ свои вы мнѣ или чужіе?.. Всѣ пользовались, а вы не можете сберечь моего добра,—съ упрекомъ сказаль Вощенко.

— Да мы ихъ знаемъ, мы всѣ на судѣ покажемъ противъ нихъ,—заговорили крестьяне.

Такъ никто и не вступился за Вощенко: его пограбили основательно и хорошо еще, что не сожгли, а Вощенко былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ крестьянами.

„Вотъ и живи въ ладу съ мужикомъ,—съ горечью упрекалъ себя Вощенко.—Все равно отъ бѣды не уйдешь...“

Другіе помѣщики шли на встрѣчу жаждѣ крестьянъ въ землѣ и стремились продать имъ свои земли.

— Но что тутъ подѣлаешь?—жаловались они.—Крестьянскій банкъ вмѣсто того, чтобы помогать намъ, только мѣшаетъ. Сговоришься съ мужиками, они цѣну землѣ знаютъ, даютъ по 200 рублей, а банкъ сдѣлки не утверждаетъ, говоритъ—дороже 160 руб. нельзя. Да позвольте имъ самимъ цѣнить землю. Къ чему эта опека? На дѣлѣ выходитъ, что нужно обманывать банкъ: крестьяне впередъ уплачиваютъ помѣщику разницу противъ банка, а форменная сдѣлка совершается въ такой суммѣ, какъ этого желаетъ банкъ.

На паровой мельницѣ инженеръ-технолога Петра Ивановича Замятинова, находившейся на границѣ Орсовки и скупавшей хлѣбъ у окрестныхъ помѣщиковъ, было скверное положеніе. Близость къ городу распространяла на мельницу рабочее движеніе и забастовки. Пришлые агитаторы снимали рабочихъ, мельница подолгу бездѣйствовала, механики и рабочіе уходили въ городъ на митинги слушать рѣчи революціонныхъ ораторовъ. Такъ какъ помощь рабочимъ изъ забастовочныхъ фондовъ была самая микроскопическая, то рабочими постоянно поднимался вопросъ объ уплатѣ имъ денегъ за забастовочные дни, чего не въ состояніи выдержать самое доходное предпріятіе.

— Богъ знаетъ, что такое,—жаловался Петръ Ивановичъ.— Мельница еще не окупила расходовъ, она стоила полмилліона, а тутъ плати за безработицу. Явное разореніе!

Жизнь Петра Ивановича на мельницѣ въ тревожные и тяжелые дни деревенской смуты была тоже нѣкоторымъ испытаніемъ. Въ своей комфортабельной квартирѣ съ электрическими люстрами онъ вѣчно оставался одинъ, и съ душевной

тягостью переживалъ свои разочарованія. Дѣло, въ которое онъ такъ вѣрилъ, только-что имъ созданное, уже рушилось на его глазахъ... Онъ ожидалъ и разгрома, и нападений, одно изъ которыхъ уже было, но не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ произведенные революціонерами выстрѣлы встревожили все мельничное населеніе и оно поспѣшило на помощь. Въ нервномъ волненіи Петръ Ивановичъ шагаль по своему кабинету, или до поздней ночи засиживался съ бухгалтеромъ, подводя итоги все возрастающимъ потерямъ.

— За этотъ мѣсяць тридцать пять тысячъ,—говорилъ ему старикъ-бухгалтеръ,—но тутъ не включена еще амортизація капитала.

— А вы думаете еще о погашеніи капитала?—иронически спрашивалъ его Петръ Ивановичъ и прибавлялъ.—Какъ бы его совсѣмъ не потерять!..

— Ну, положимъ,—говорилъ бухгалтеръ,—вѣдь начнется же когда-нибудь нормальная работа, и наступятъ болѣе спокойныя времена...

— А вы въ это вѣрите?—говорилъ Петръ Ивановичъ.—Наступятъ?.. Да наступятъ-ли... Скоро, кажется, и терять намъ будетъ нечего...

Такъ шли смутные, тревожные дни въ деревнѣ, полные неопредѣленности, потерь, хозяйственнаго разстройства и Петръ Ивановичъ много уже разъ, когда мельница бездѣйствовала, встрѣчалъ въ тревожной безсонницѣ заглядывавшія къ нему въ цвѣтныя окна лучи восхода.

Онъ былъ одинокій, холостой, ему, кромѣ бухгалтера, не съ кѣмъ было даже подѣлиться своими мыслями.

Жизнь Петра Ивановича Замятинова сложилась капризно и своеобразно. Онъ не зналъ молодости, юныхъ забавъ и увлеченій. Юность онъ провелъ въ домѣ своего отца, въ суровой обстановкѣ купеческой семьи. Его отецъ тогда выбивался въ миллионеры и спѣшилъ поставить дѣтей „на дорогу“. Получивъ хорошее школьное и техническое образованіе, Петръ Ивановичъ съ головой ушелъ въ науки, зарылся въ техническихъ книгахъ и не видѣлъ, не замѣтилъ, какъ пробѣжала юность. А она такъ летитъ, и когда опомнишься отъ кошмара науки—ея уже нѣтъ! Потомъ отецъ устроилъ ему заграничную поѣздку. Онъ побывалъ во Франціи, въ Германіи, въ Бельгіи, въ Голландіи, изучалъ паровыя мельницы, вникалъ въ техническія мелочи своей специальности, постигалъ новѣйшія изобрѣтенія, а когда онъ пріѣхалъ на родину, то у него было уже собственное дѣло, созданное ему отцомъ, и ему нужно было ра-

ботать и работать, не покладая рукъ. И надо правду сказать, онъ увлекался этой работой, радовался быстрымъ результатамъ ея и весь пылъ, весь жаръ своей молодости внесъ въ дѣло. Когда прошелъ угаръ дѣлового увлеченія и явились эти новыя невозможныя условія, созданныя терроромъ, онъ потерялъ энергію. Власть смуты и безурядицы нагло врывается и въ его образцовое предпріятіе, онъ понималъ, что при пошатнувшейся работѣ, которой раньше онъ отдавался съ такимъ рвеніемъ, не сладка его одинокая жизнь, жажда чего-то свѣтлаго, новаго, другой жизни проснулась въ немъ и съ неудержимой силой звала его въ иной міръ, въ другія мѣста, подалше отъ этого омута терзаній, потерь и неудачъ.

— Въ этой каторгѣ ничего хорошаго не дождешься!—рѣшилъ онъ.

Одинъ разъ, во время вечернихъ совѣщаній съ бухгалтеромъ, который сообщилъ ему цифры одна другой безотраднѣе, Петръ Ивановичъ сказалъ въ досадѣ:

— Придется, пожалуй, ликвидировать дѣло... приостановить мельницу или продать ее.

— Продать?—воскликнулъ бухгалтеръ съ изумленіемъ, показавшимся Петру Ивановичу не совсѣмъ искреннимъ.—Но кто же купить? По нынѣшнимъ временамъ, такихъ и капиталовъ въ нашей мѣстности ни у кого не найдется.

Бухгалтеръ былъ человѣкъ хитрый, по его лицу было замѣтно, что онъ не прочь продолжать этотъ непріятный для Петра Ивановича разговоръ.

— Вамъ придется много потерять при продажѣ мельницы,—замѣтилъ онъ.

— Я готовъ и на это,—равнодушно замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Съ потерей-то, пожалуй, продадите,—продолжалъ бухгалтеръ и замолчалъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ какъ бы невзначай уронилъ:

— Есть тутъ одинъ охотникъ.

— Кто?..—поинтересовался Петръ Ивановичъ.

— Это секретъ, но если вы хотите знать, я скажу вамъ—господинъ Блювшъ,—отвѣтилъ бухгалтеръ,—господинъ Веніаминъ Блювшъ.

— Вотъ кто!..—удивился Петръ Ивановичъ.—Это управляющій графовъ Постовыхъ, но я удивляюсь, какъ онъ можетъ заводить свое дѣло. У него, говорятъ, и въ собственномъ имѣніи неладно, какія-то исторіи съ рабочими, со служащими. Ёго недавно побили.

— Вотъ потому-то онъ и стремится въ новое мѣсто. Если вы желаете, я переговорю съ нимъ,—замѣтилъ бухгалтеръ.

— Пожалуйста, прошу васъ,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.— Заодно опредѣлите также свой процентъ за комиссію.

Бухгалтеръ какъ будто не слышалъ этихъ словъ и вышелъ.

Прошло нѣсколько дней и тотъ же бухгалтеръ сообщилъ Петру Ивановичу, что дѣло съ Блювшемъ какъ будто налаживается.

— А какъ вы съ нимъ сговорились? — поинтересовался Петръ Ивановичъ.

— Да онъ предлагаетъ половину стоимости мельницы.

— Но развѣ это возможно?—ужаснулся Петръ Ивановичъ.

— Подумайте,—отвѣтилъ бухгалтеръ,—онъ подождетъ, но только бы ему не подвернулась другая подходящая покупка.

Петръ Ивановичъ видѣлъ, что его бухгалтеръ весь уже на сторонѣ Блювша, и это его огорчило.

— Я согласенъ терять, но не разоряться,—сердито сказалъ онъ.

— Такія времена, такія обстоятельства... онъ тоже рискуетъ,—сказалъ бухгалтеръ про Блювша, и на этомъ разговоръ ихъ прекратился.

Прошло двѣ недѣли, когда къ Петру Ивановичу пріѣхалъ извѣстный въ городѣ маклеръ еврей Каценеръ.

— Господинъ Блювшъ желалъ бы видѣть васъ,—сказалъ онъ.—Когда онъ можетъ пріѣхать къ вамъ?

— Но я прежде всего не могу согласиться на условія господина Блювша,—рѣшительно заявилъ Петръ Ивановичъ.

Маклеръ Каценеръ прищурилъ одинъ глазъ и замѣтилъ:

— Что онъ вамъ предлагаетъ—это не такъ важно... Важнѣе, что мы вамъ дадимъ.

— А вы что же, компаніонъ г. Блювша?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

Тотъ уклончиво отвѣтилъ:

— Тамъ видно будетъ. Я бы совѣтовалъ только вамъ пойти намъ навстрѣчу. Можетъ быть, и сойдемся.

— Но я меньше трехсотъ тысячъ взять не могу.

— Это много... Но я сдѣлаю вамъ любезность: подожду, а вы подумайте... Вѣроятно, сойдемся.

Петръ Ивановичъ остался въ грустномъ размышленіи.

— Евреи пришли ко мнѣ...—подумалъ онъ.—Значить, будетъ мнѣ крышка!..

IV.

Петръ Ивановичъ Замятиновъ выѣхалъ на время изъ своей губернской глуши въ Петербургъ, гдѣ онъ засталъ своихъ земляковъ Орскихъ, у которыхъ бывалъ еще юношей вмѣстѣ со своимъ покойнымъ отцомъ въ ихъ Орсовкѣ—сосѣдней съ его мельницей.

Старикъ Орскій очень обрадовался ему.

— Ну, какъ-же вы работаете? — спрашивалъ онъ Петра Ивановича.

— Ужъ не говорите, Иванъ Александровичъ,—печально замѣтилъ Замятиновъ,—времена тяжелыя; безобразныя. Совсѣмъ работать невозможно. Волненія, забастовки заѣдаютъ насъ и я хочу ликвидировать свою мельницу.

— Неужели?—удивился Орскій.—Жаль, жаль, у васъ дѣло такъ прекрасно поставлено, сколько денегъ стоила ваша мельница—и вдругъ ликвидировать.

— А что-же дѣлать?... Развѣ съ этимъ народомъ можно теперь ладить? У насъ трудъ недурно оплачивается, но они все недовольны, выдумываютъ все новыя требованія, а изъ чего мы платить будемъ, если мельница бастуетъ и даетъ только убытокъ? Въ губерніи уже многіе фабрики и заводы закрылись.

— Печально,—проговорилъ Орскій.—Вотъ мы, помѣщики, ликвидируемъ дѣла, потому что невозможно стало жить въ деревнѣ, но наша часть всегда была печальная. Земледѣліе въ Россіи было не въ авантажѣ: у насъ поощряли больше промышленность и можно было думать, что она расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ. А теперь вотъ и вы, промышленники, бросаете поле дѣйствій. Что-же, въ концѣ концовъ, будетъ со страной?

— Не отъ сладости бѣжимъ,—угрюмо замѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Въ мою мельницу мой отецъ все вложилъ, что имѣлъ, я работалъ добросовѣстно и усердно, а теперь я продаю ее съ потерей болѣе двухсотъ тысячъ... Да и то думаю, какъ бы только продать.

— Ой, ой, ой,—замѣтилъ Орскій.—Значитъ, совсѣмъ плохо пришлось.

Въ гостиную, гдѣ они разговаривали, вошла дочь Орскаго, Наташа. Петръ Ивановичъ удивился, какъ она похорошѣла, возмужала. Высокая, стройная брюнетка, съ большими, прекрасными, немного печальными глазами, съ правильными и симпатичными чертами лица, она плѣняла своимъ изяществомъ и миловидностью.

— Какъ вы измѣнились!—замѣтилъ ей Петръ Ивановичъ.

— Немудрено,—отвѣтила она.—Вѣдь давно мы съ вами не видались. Вы тоже перемѣнились,—продолжала она, вглядываясь въ него и съ сожалѣніемъ сказала:—вы даже посѣдѣли!

— Эхъ, Наталья Ивановна,—досадливо уронилъ Замятиновъ,—подлѣя времена настали... Оттого и старимся, и сѣдѣемъ. Ни жизнь, ни работа теперь не радуютъ.

— Да, вотъ мы читаемъ въ газетахъ,—продолжала Наташа,—аграрныя волненія въ деревнѣ, беспорядки, грабежи и думаемъ: хорошо, что мы продали наше имѣніе и разстались съ Орсовкой. А что у васъ на мельницѣ? Я думаю тоже неспокойно.

— Да, бѣда съ рабочими. Эти умники думаютъ, что мы выдержимъ ихъ натискъ, а мы разоряемся, намъ не на что уже вести дѣло.

И Петръ Ивановичъ сталъ рассказывать Наташѣ исторію своего предпріятія, когда-то блестящаго, доходнаго, широко поставленнаго... Все съѣли неестественныя условія, тревожныя времена и вотъ онъ теперь наканунѣ своего крушенія. Петръ Ивановичъ былъ удивленъ, что эта милая молодая дѣвушка, которой его рассказъ могъ-бы показаться скучнымъ, слушала его со вниманіемъ и интересомъ, выникала въ подробности и когда Петръ Ивановичъ сказалъ о необходимости продать мельницу, она остановила его вопросомъ.

— Да кто-же купитъ? Всѣ теперь боятся приобретать.

— Есть охотникъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ,—одинъ австрійско-подданный Блювшъ.

— Ну, развѣ что австрійско-подданный,—съ улыбкой замѣтила она.—А русско-подданныхъ теперь только грабятъ.

Замятиновъ, какъ грустно ему ни было, разсмѣялся.

— Вы правы, Наталья Ивановна,—согласился онъ.—Что за подлое время—стыдно быть русскимъ. Вѣдь у насъ теперь въ авантажъ только воры и революціонеры.

Наталья Ивановна произвела впечатлѣніе на Замятинова. Ему понравился ея серьезный, вдумчивый тонъ, ея любознательность, симпатичная грусть ея прекрасныхъ глазъ, съ ней такъ легко и пріятно говорилось. Онъ, знавшій по большей части черствыхъ и продажныхъ женщинъ, ощутилъ послѣ бесѣды съ Наташей чарующую теплоту хорошей и глубокой женской души, прелесть нѣжнаго женскаго участія. Точно къ нему прикоснулось что-то благородное, чистое, святое. Такими чувствами онъ не былъ избалованъ въ жизни и ему впервые пришло на мысль:

— Какая милая, чудная дѣвушка... Можетъ быть, она была

бы прекрасной женой“. Но скептической умъ холостяка не даль ему долго лелѣять эти грезы и черезъ минуту онъ рѣшилъ: „Всѣ онѣ хороши, пока не замужемъ. А какъ выйдутъ замужъ—такъ и просыпается въ нихъ сварливая и грубая жена“.

Петръ Ивановичъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ все таки внимательно присматривался къ Наташѣ и она ему все болѣе нравилась.

— Ужь не жениться-ли въ самомъ дѣлѣ?—колебался онъ...— Но нѣтъ, нѣтъ...

Въ его занятой, однообразной жизни, созданной его паровой мельницей, его до сихъ поръ не занималъ вопросъ о женитьбѣ. Онъ не имѣлъ достаточнаго спокойствія, чтобы обдумать и рѣшить такой шагъ.

Дѣла не дали Петру Ивановичу долго засиживаться въ Петербургѣ. Въ одно прекрасное петербургское утро, когда нахмуренныя тучи напоминали осеннюю ночь, онъ получилъ двѣ телеграммы изъ своего города.

Одна была отъ Блювша, она гласила:

„280 тысячъ, сдѣлка сейчасъ. Расходы мои. Въ случаѣ согласія немедленно пріѣзжайте. Планы могутъ измѣниться“.

Другая была отъ Каценера такого содержания:

„Совѣтую пріѣхать. Блювшъ горячится, хочетъ купить. Десятокъ тысячъ вамъ надбавить. Не теряйте ни минуты. Есть другая подходящая покупка“.

Петръ Ивановичъ собрался въ дорогу и черезъ два дня былъ у себя на мельницѣ. Когда онъ вошелъ въ раззолоченныя пустыя палаты своего административнаго флигеля, тоска одиночества проснулась въ немъ съ удвоенной силой и желѣзными тисками сдавила ему душу. Мертвецкій саванъ забастовки окутывалъ бездѣйствующую мельницу и его когда-то уютное жилище, гдѣ раньше кипѣла жизнь, работала мысль, рождалась энергія и инициатива. Мрачно высились мельничные корпуса, прекрасныя машины были неподвижны и покрывались пылью. Было печально и гадко! Горечь обиды и ожесточенія гнала его прочь отсюда и онъ желалъ скорѣе покончить дѣло съ Блювшемъ.

— Пусть пропадаетъ честное дѣло, пускай эти жида открываютъ здѣсь хоть фабрику бомбъ,—говорилъ онъ въ досадѣ.

Его навѣстили пріѣхавшіе изъ города его братъ Василій Ивановичъ съ женою, которые привезли тоже не радостныя вѣсти.

— Фабрики всѣ стоятъ,—говорилъ Василій Ивановичъ.— Нѣкоторыя ликвидируютъ дѣла. А на механическомъ заводѣ

случилась скверная вещь: убили директора. Эти революционеры и забастовщики совсѣмъ задавятъ промышленность.

Петру Ивановичу въ его уныломъ одиночествѣ все чаще и чаще вспоминался симпатичный образъ Наташи, и онъ думалъ, какъ бы хорошо было, продавъ мельницу, бросить этотъ опротивѣвшій уголь и начать новую жизнь, гдѣ-нибудь тамъ далеко, далеко. „Можетъ быть, я найду съ ней счастье!“

— Такая чудная, благородная дѣвушка навѣрное будетъ хорошей подругой жизни. Нѣтъ, я женюсь,—рѣшилъ Петръ Ивановичъ.

Въ разгаръ его заманчивыхъ мечтаній о будущемъ ему доложили, что на мельницу пріѣхалъ Каценеръ и желаетъ его видѣть. Петръ Ивановичъ очнулся отъ грезъ и велѣлъ просить Каценера къ себѣ въ кабинетъ.

Нарядный мужественный еврей съ испанскими усами, съ золотой цѣпью по всему животу и съ коллекціей брилліантовъ на пальцахъ, съ торжествующимъ видомъ вошелъ въ его кабинетъ. Петру Ивановичу на минуту показалось: ужъ не сдѣлалъ ли онъ ошлошности, поспѣшно пріѣхавъ изъ Петербурга на еврейское приглашеніе?

— Вотъ и отлично, что вы поторопились,—замѣтилъ Каценеръ,—а то Блювша соблазняютъ другимъ дѣломъ. Тогда пропадутъ ваши 280 тысячъ.

— Какъ 280?—удивился Петръ Ивановичъ.—Вы мнѣ телеграфировали, что десять тысячъ надбавляете, значитъ 290. Я потому и пріѣхалъ.

— Не станете же вы изъ-за какихъ-нибудь десяти тысячъ разстраивать большое дѣло,—авторитетно замѣтилъ Каценеръ.

— Я и безъ того теряю,—сказалъ нетерпѣливо Петръ Ивановичъ.—Вамъ извѣстно, что мельница стоила полмилліона.

— Ну, не горячитесь,—болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ Каценеръ,—горячность плохой совѣтникъ въ большихъ дѣлахъ. Знаете,—продолжалъ красивый еврей, играя брилліантовымъ кольцомъ,—не поѣдемъ ли мы съ вами сейчасъ къ Блювшу. Онъ теперь въ городѣ совершаетъ сдѣлку по покупке одного пострадавшаго имѣнія.

— Пострадавшаго имѣнія?—переспросилъ Петръ Ивановичъ.—Да что же онъ, скупаетъ всѣ пострадавшія имѣнія... по дешевой цѣнѣ?

— О, нѣтъ, онъ не миллиардеръ,—спокойно замѣтилъ Каценеръ.—Это такъ наклюнулось одно особенно выгодное дѣло владѣльцы бѣжали отъ безпорядковъ... Ну, онъ ихъ и выручилъ: купилъ имѣніе за половину стоимости.

— Выручилъ... за половинную цѣну,—шутливо повторилъ Петръ Ивановичъ.—А сколько они потеряли?

— Они ничего не потеряли,—сказалъ Каценеръ.—Имѣніе не купленное, а наслѣдственное.

Петръ Ивановичъ разсмѣялся:

— И это вы называете,—ничего не потеряли!

— Такъ поѣдемте,—продолжалъ Каценеръ.

— Но я не вижу необходимости,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Соглашеніе нами еще не достигнуто.

— Но я берусь вамъ устроить это,—съ апломбомъ воскликнулъ Каценеръ.

— Когда вы устроите, тогда я и попрошу васъ пожаловать ко мнѣ.

Они разстались на этомъ, но на другой же день на мельницу къ Петру Ивановичу прилетѣлъ изъ города запыхавшійся верховой, который еще за версту кричалъ мельничнымъ сторожамъ.

— Блювшъ ѣдетъ, Блювшъ ѣдетъ.

И всѣ, слышавшіе этотъ возгласъ, проникались великимъ благоговѣніемъ къ имени могущественнаго и популярнаго во всей губерніи г-на Блювша.

Черезъ часъ прискакалъ изъ городъ тотъ же Каценеръ и въ самомъ азитированномъ состояніи возгласилъ:

— Къ вамъ сейчасъ пріѣдетъ самъ г-нъ Блювшъ.

Что же это за свѣтло губерніи, что это за магъ и волшебникъ, этотъ господинъ Блювшъ?

V.

Веніаминъ Наумовичъ Блювшъ происходилъ изъ австрійскихъ евреевъ, но давно уже акклиматизировался въ Россіи и считалъ себя необычайно умнымъ и передовымъ русскимъ. Онъ управлялъ большими графскими имѣніями и лѣсными хозяйствами. Аристократы, владѣльцы имѣній, никогда не жили въ деревнѣ и г. Блювшъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ положенія. Онъ умѣлъ внушать къ себѣ въ подчиненныхъ робость и почтительность, и такъ какъ владѣльцы имѣнія, занятые столичной жизнью, совсѣмъ не входили въ дѣла, то голосъ г. Блювша звучалъ всегда полновластно, а распоряженія его исполнялись безпрекословно, иначе служащимъ грозило удаленіе. Въ имѣніяхъ была масса служащихъ, старшихъ и младшихъ, завѣдывавшихъ разными хозяйствен-

ными дѣлами. Особенно деспотиченъ и суровъ былъ г. Блювшъ съ маленькими служащими, которыхъ онъ третировалъ en canaille.

— Все это вы дѣлаете не такъ, все не то, — ворчалъ онъ на нихъ съ озлобленнымъ и презрительнымъ видомъ и недовольно фыркалъ себѣ подъ носъ, сверкая своими злыми тупыми глазами. — Гадость, мерзость, — выкрикивалъ онъ, горячася.

— Да вы объясните сначала, Веніаминъ Наумовичъ, что вамъ требуется, — возражали безпрестанно обижаемые имъ служащіе. — А когда объясните, — тогда и требуйте.

— А я почему знаю, чортъ васъ возьми! — кричалъ г. Блювшъ. — Вы сами должны знать! — и г. Блювшъ при этихъ нервныхъ, нетерпѣливыхъ выкрикахъ безпощадно ругался.

Маленькіе служащіе дрожали: г. Блювшъ могъ въ любую минуту лишить каждаго куска хлѣба. Со многими, даже старыми служащими экономіи, онъ поступалъ безцеремонно, выбрасывая ихъ на улицу. Но г. Блювшъ держался при этомъ особой тактики: онъ никогда самолично не отказывалъ нелюбимымъ служащимъ, а начиналъ съ того, что пускалъ въ разговорахъ незамѣтныя, но ядовитыя шпильки. Когда же онъ рѣшилъ уже отказать кому-нибудь, то прятался за чужую спину, преимущественно за спину своего старшаго бухгалтера.

— Намъ бы надо смѣнить такихъ-то, — начиналъ г. Блювшъ и называлъ имена предназначенныхъ къ смѣщенію.

Бухгалтеръ выслушивалъ, но говорилъ:

— Да вѣдь это же старые служащіе, Веніаминъ Наумовичъ. Они здѣсь, какъ свои, они обжились здѣсь... Какъ же выкидывать людей на улицу?

— Ахъ, что вы разсуждаете! — нервно выкрикивалъ г. Блювшъ и поводилъ своими презрительно-злыми глазами и сопѣлъ себѣ подъ носъ.

— Какъ вамъ угодно, — говорилъ опѣшившій старый бухгалтеръ.

И люди выбрасывались изъ экономіи одни за другими по капризамъ г. Блювша. Нѣкоторые, не зная за собой никакой вины, приходили къ г. Блювшу, чтобы объясниться съ нимъ, пробудить въ немъ человѣческія чувства, но этого никогда не достигали.

— Это меня не касается, — дерako обрывалъ ихъ г. Блювшъ. — Это дѣло старшаго бухгалтера. У меня нѣтъ никакого желанія объясняться со всякимъ.

И онъ спѣшилъ быстро скрыться.

— Но позвольте, г. Блювшъ, такъ же невозможно... Надо по человѣчеству,—говорили они,—мы тоже люди...

Тутъ уже г. Блювшъ выходилъ изъ себя, сверкалъ глазами, подергивался и кричалъ, какъ бѣшенный.

— Не хочу говорить съ вами... Оставьте меня... Идите вонъ...

И разсвирѣпѣвшій г. Блювшъ тотчасъ скрывался за сердито захлопнутой дверью.

— Что же это такое?.. Гдѣ же защита отъ этого негодяя?.. — говорили обездоленные, стоя передъ закрывшейся передъ ними дверью.

Нѣкоторые писали владѣльцамъ имѣнія, жаловались, но никогда ничего изъ этого не выходило.

Г. Блювшъ имѣлъ нравъ плантатора. Всѣ младшіе у него были рабы и его злобное высокомеріе, вызывающій тонъ всегда тяжело били по чужому самолюбію.

Въ своихъ преслѣдованіяхъ онъ выскивалъ самыхъ покорныхъ людей. Былъ въ экономіи приказчикъ Антоненковъ, человѣкъ понимающій, работающій, добросовѣстный и очень смиренный. Г. Блювшъ часто издѣвался надъ нимъ и изводилъ его незамѣтно, роняя по его адресу какъ бы нечаянно, вырвавшіяся полусловечки:

— Да вы съ хитрецей, лукавенькій,—говорилъ онъ ему.

— Что вы, Веніаминъ Наумовичъ,—возражалъ обиженный.— Съ чего вы взяли?

— Да я такъ себѣ... Не слушайте,—и г. Блювшъ уже смотрѣлъ въ другую сторону, не давая ни отвѣтить, ни оправдаться.

Среди постоянныхъ дрягъ, ссоръ и скандаловъ протекала жизнь въ экономіи Блювша, но замѣчательно везло ему: онъ имѣлъ около себя терпѣливыхъ и порядочныхъ людей, которые, по силѣ возможности, ограждали имѣніе и его самого отъ большихъ бѣдъ, каковы были рабочія забастовки, крестьянскіе погромы. Сельско-хозяйственныхъ рабочихъ временами трудно было нанять, но тотъ же Антоненковъ умѣлъ уладить съ ними дѣло. Рабочіе сначала капризничали, объявляли неслыханныя цѣны и цѣлой артелью отказывались идти на работу, но по зову Антоненкова всѣ потомъ приходили по одиночкѣ и работали.

Блювшъ не цѣнилъ Антоненкова, грубо обижалъ его, какъ и другихъ своихъ помощниковъ, на которыхъ держалось благополучіе имѣній. Замѣчательно, что, причинивъ всѣмъ болѣе или менѣе крупныя неприятели, г. Блювшъ чувствовалъ себя превосходно и по вечерамъ его всегда видѣли улыбающагося и весело играющаго въ карты въ губернскомъ клубѣ.

— Ну, погоди, когда-нибудь нарвешься,—говорилъ Антоненковъ, изучившій его злобную натуру.—Отольются волку овечьи слезки.

Антоненковъ, старый служащій экономіи, былъ удалень Блювшемъ такъ неожиданно, что тотъ не успѣлъ даже приискать себѣ мѣста и остался съ семьей въ сильной нуждѣ. Однажды Антоненковъ встрѣтилъ Блювша, безпечально идущаго въ клубъ, и вся горечь перенесенныхъ обидъ вспыхнула въ немъ. „Неужто погибать изъ-за этого негодяя?—подумалъ онъ.—Неужели никакъ нельзя въ немъ пробудить человѣческаго чувства?“

— Господинъ Блювшъ,—сказалъ ему Антоненковъ, — я долженъ поговорить съ вами!

Блювшъ сверкнулъ своимъ злобнымъ, тупымъ взглядомъ и замѣтилъ съ пренебреженіемъ:

— Теперь не время... Не желаю разговаривать съ тобой.

— Но для меня, можетъ быть, рѣшается вопросъ жизни!

Г. Блювшъ вскипѣлъ:

— Не желаю я васъ слушать, идите къ чорту.

Тогда Антоненковъ вспылить.

— Я заставлю васъ выслушать меня,—вскрикнулъ онъ.

— Это насиліе,—отвѣчалъ г. Блювшъ, и протянулъ руки, чтобы оттолкнуть Антоненкова.

И Антоненковъ ударилъ этого надменнаго человѣка, испортившаго ему жизнь.

Вѣсть о побитіи г. Блювша разнеслась въ городскомъ клубѣ и прошла по деревнѣ.

Г. Блювшъ не пожелалъ оставаться во ввѣренной его благодѣяніямъ экономіи, гдѣ всѣ его горячо ненавидѣли, и началъ изобрѣтать какія-то великія комбинаціи для перенесенія своей резиденціи въ другое мѣсто, гдѣ онъ становился собственникомъ.

Сдѣлка съ Блювшемъ была совершена на 285 тысячъ, а 5 тысячъ руб. предприимчивый Каценеръ причислилъ къ своему коммисіонному гонорару. Блювшъ обязался выплатить деньги въ два срока.

Все созданное и выхоленное личными заботами мельничное дѣло Петръ Ивановичъ передавалъ въ руки Блювша раньше полного расчета. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что и покупатель рискуетъ.

Когда сдѣлка была оформлена, Петръ Ивановичъ спросилъ Каценера.

— Скажите, пожалуйста, какъ этотъ Блювшъ не боится,

что при теперешнихъ безпорядкахъ ему разрушать мельницу?

— Гм. — улыбнулся тотъ. — Онъ австрійскій подданный и тогда предъявить искъ къ русскому правительству.

Каценеръ сѣлъ въ шикарное ландо Блювша, запряженное сѣрыми рысаками, и оба самодовольныхъ еврея умчались по новымъ дѣламъ и покупкамъ.

VI.

Петръ Ивановичъ воспользовался оставшимся свободнымъ временемъ до окончательнаго расчета съ Блювшемъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Слишкомъ ужъ имъ завладѣло увлеченіе Наташей, которая рисовалась его воображенію добрымъ гениемъ его будущей жизни. Чуткая Наташа, казалось ему, угадывала его чувство. Въ первый же день пріѣзда онъ пришелъ къ Орскимъ.

— Наталья Ивановна, — сказала онъ ей, — не удивляйтесь моимъ словамъ... Вы бы вышли замужъ?

Наташа, вмѣсто отвѣта, разсмѣялась и сказала ему:

— Замужъ... ха, ха... Это не особенно заманчиво. Въдѣ теперь молодья люди женятся на капиталѣ, совершаютъ сдѣлку, а жену берутъ только въ приданое. Я не обольщаюсь перспективой быть такимъ приданнымъ.

— Что вы, что вы, Наталья Ивановна, — сказалъ онъ.

— А что же, — замѣтила она, — развѣ иначе бываетъ?.. А въдѣ я безприданница. Отецъ когда-то имѣлъ средства, но... когда-то. Какія жѣ теперь могутъ быть средства у прогорѣвшихъ помѣщиковъ? Вы видите, — закончила она, — я совершенно застрахована отъ возможности выйти замужъ.

— А если бы кто-нибудь горячо полюбилъ васъ? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

Наташа сдѣлала большіе глаза, внимательно посмотрѣла на Петра Ивановича и потомъ опять перешла на шутливый тонъ:

— Безъ приданого никто не полюбитъ.

— Не шутите Наталья Ивановна, — настойчиво продолжалъ онъ, — можетъ быть... я люблю васъ, но я не ишу вашихъ капиталовъ.

— Вы? — удивленно воскликнула Наташа и вмѣсто ожидавшагося Петромъ Ивановичемъ патетическаго момента, снова раздался ея смѣхъ и она равнодушно продолжала. — Какъ это не интересно. Мы съ вами знакомы съ дѣтства, вы бывали у

насъ еще въ Орсовкѣ. Это совсѣмъ не то. Я мечтала, что придетъ какой-нибудь герой, котораго я никогда не видѣла раньше и онъ будетъ просить моей руки, а тутъ вдругъ... вы,— закончила она тономъ разочарованія.

Петру Ивановичу нравилась своеобразная дружеская болтовня предестной Наташи. Она говорила такъ шутливо, мило, но вмѣстѣ съ тѣмъ умно устраняла съ дороги всѣ щекотливые вопросы и все передъ нимъ было ясно.

Петръ Ивановичъ какъ-то заѣхалъ къ Орскимъ невзначай и засталъ Софью Степановну разсерженной, а Наташу недовольной. Онѣ видимо только что поссорились. Почему-то ему показалось, что онѣ говорили именно о немъ.

— Подите, поговорите съ ней, она сегодня такая злюка,— сказала ему Софья Степановна на ходу.—Онѣ прошелъ въ комнату къ Наташѣ.

— Сейчасъ съ мамашей пресорились,—сказала ему она. На лицѣ Наташи играла та же благодушная улыбка, которую онъ такъ привыкъ видѣть у нея.—Мамаша говоритъ,—продолжала Наташа,—что я на васъ не обращаю вниманія и что если бы она такъ же поступала въ своей молодости,—то она никогда бы не вышла замужъ за моего отца. Видите, какія я вамъ передаю семейныя подробности. Вы уже у насъ учитываетесь, какъ женихъ,—торжественно объявила она.

И смотря на него своими прекрасными глазами, въ которыхъ и при ея улыбкѣ всегда свѣтилась тайная грусть, она сказала ему съ шутливой досадой:

— Знаете, другъ мой, забудемте нашъ прошлый разговоръ, я не хотѣла бы выходить замужъ и особенно за васъ. Вы можете сдѣлать болѣе выгодную партію.

Петръ Ивановичъ любовался этой милой, изящной дѣвушкой. Подъ впечатлѣніемъ всего передуманнаго имъ въ своей тяжелой одинокой жизни на мельницѣ, онъ уже безповоротно рѣшилъ, что она и есть его избранница, его добрый гоній.

— Милая Наталья Ивановна,—вдругъ заговорилъ онъ, самъ удивляясь возраставшему въ немъ волненію.—Бросьте шутки, не смѣйтесь, я люблю васъ. Я все передумалъ, и если вы можете раздѣлить мое чувство, я прошу и умоляю васъ, будьте моей женой. Я не ишу вашего приданаго, Богъ съ нимъ... Я ишу чистую, хорошую душу и я вижу ее въ васъ. Вы не испорчены жизнью. Я вижу въ васъ чуткую дѣвушку, которая поможетъ мнѣ осуществить мое и ваше счастье и мы начнемъ новую, можетъ быть, свѣтлую, заманчивую жизнь...

Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на Наташу и вдругъ замѣтилъ въ ней рѣзкую пережѣву. Улыбка на минуту исчезла съ ея лица, ея грустные глаза серьезно остановились на немъ и, какъ ему показалось, въ нихъ стояли слезы.

— Милая, дорогая Наташа,—воскликнулъ онъ съ волненіемъ.—Такъ пусть будетъ такъ, какъ я говорю.

Она съ минуту ничего не отвѣчала, онъ ждалъ. Потомъ она упала на стулъ и залилась слезами.

— Дорогая Наташа, къ чему эти слезы?—воскликнулъ онъ. Я зову тебя къ новой жизни, которая будетъ лучше теперешней. Клянусь тебѣ, я все сдѣлаю для твоего счастья.

— Неужели, мой... милый?—тихо спросила она.

— Да, да,—повторилъ онъ.

— Такъ пусть будетъ такъ,—чуть слышно произнесла она.

Онъ припалъ къ ея лицу, отиралъ ея слезы своими горячими поцѣлуями и ему казалось въ эту минуту, что небо прояснилось надъ ними, всѣ неудачи были забыты и къ нему, разоренному, измученному и обозленному на судьбу, пришло новое, прекрасное, истинное счастье, котораго онъ еще никогда не зналъ.

VII.

Петръ Ивановичъ Замятиновъ долго засидѣлся въ Петербургѣ. Приближалась весна, нарождались новыя событія, въ Петербургъ переносился въ это время центръ политической жизни страны, въ столицѣ созывалась Государственная Дума, въ остальной Россіи свирѣпствовали бомбы, ножовыя расправы, смута и революціонное кровопролитіе. Въ Петербургъ пріѣхалъ братъ Замятинова, Василій Ивановичъ, оказавшійся въ числѣ выборныхъ въ Думу отъ своей губерніи. Пріѣхалъ и другой избранникъ населенія, Охрѣенко, воспрянувшій изъ пепла капиталистъ, поклонникъ всѣхъ свободъ и революцій, другъ евреевъ! и горячій сторонникъ уступчивой политики Витте и еврейскаго нашествія на Россію.

— Поздравь, братъ, меня,—сказалъ Петръ Ивановичъ,—я женюсь на Наташѣ Орской.

— Поздравляю,—отвѣчалъ тотъ, отъ души поздравляю. Она милая и умная дѣвушка, но и ты поздравь меня: я какимъ-то чудомъ выбранъ въ депутаты въ Думу.

— Отчего: какимъ-то чудомъ? — спросилъ Петръ Ивановичъ. Ты землевладѣлецъ, хорошо знаешь деревенскія дѣла и нужды. Тебѣ и книги въ руки.

— Ха, ха,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ,—да развѣ это нужно по нынѣшнимъ временамъ? Теперь нужны Охрѣнки и какъ это меня выбрали—не постигаю. Ты вотъ былъ въ развѣздахъ, а еслибъ ты видѣлъ, какъ у насъ шли выборы—прямо срамъ. Проводили заваятыхъ революціонероѡ и анархистовъ. Лѣвые списки навязывались всѣмъ и каждому, чуть не бомбами грозили, если подашь голосъ не за того, за кого требуется.

— Тѣмъ большая побѣда для тебя, тѣмъ большій успѣхъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Ну, ужъ какая тутъ побѣда?—съ улыбкой возразилъ Василій Ивановичъ.—По моему, просто случайность и, пожалуй, очень прискорбная случайность для моихъ избирателей. Вѣдь я же не буду проводить въ Думѣ революціонныхъ идей и проповѣдовать жидовскій походъ на Россію.

Оба брата съ минуту помолчали.

— До какихъ временъ-то мы дожили,—съ грустной улыбкой замѣтилъ Василій Ивановичъ.—Революціонеры хотятъ хозяйничать въ Думѣ, которая должна быть помощницей русскаго Царя. А все эта проклятая политика Витте. Вѣдь сначала же намѣтили цензъ для избранниковъ, потомъ отмѣнили его въ угоду революціонерамъ.

Въ это время къ бесѣдовавшимъ вошелъ легкій на поминѣ губернскій фразеръ, завязанный модный либераль Охрѣнко. Послѣ краткаго привѣтствія онъ заявилъ:

— До какихъ блестящихъ временъ мы дожили: въ Россіи народное представительство. Мы „имъ“ покажемъ и онъ пригрозилъ въ воздухѣ кулакомъ по адресу кого-то какъ будто стоявшаго вблизи. Теперь „они“ уже ничего не посмѣютъ,—продолжалъ онъ.—Мы поведемъ страну къ торжеству пролетаріата, свободы. Всю Россію подыдемъ.

— Да вы ужъ, кажется, одинъ разъ подняли ее,—иронически замѣтилъ Петръ Ивановичъ,—и вамъ сожгли вашъ заводъ.

— Но я ничего на этомъ не потерялъ,—бодро отвѣтилъ Охрѣнко.—Страховыя общества мнѣ все возвратили.

— А я вотъ разоренъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Видите какъ: одни наживаются на смутѣ, другіе разоряются.

— Можетъ быть,—равнодушно замѣтилъ Охрѣнко,—ктонибудь наживется и на вашей мельницѣ!—законилъ онъ.

— Уже нажились,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Кто-же, кто?—полюбопытствовалъ Охрѣнко.

— Ваши друзья... жида,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

У Орскихъ, гдѣ Замятиновъ бывалъ каждый день, появля-

лись все новыя лица изъ провинціи. Приѣхаль съ юга Гришевскій, который привезъ цѣлый коробъ мѣстныхъ новостей.— На югѣ,—разсказываль онъ,—командовали выборами евреи и революціонеры. Они настойчиво проводили своихъ кандидатовъ и устраняли другихъ. Вы знаете, кто отъ насъ выбранъ въ Думу?—продолжалъ Гришевскій.—Сначала хотѣли выбрать Брентхапента, помните этого революціоннаго оратора, котораго такъ чествовали у насъ. Но потомъ евреи нашли такого русскаго, передъ которымъ поблѣднѣлъ и Брентхапентъ. Выбрали Подонкина, помните профессора Подонкина, онъ участвовалъ въ октябрьскихъ безобразіяхъ, ораторствовалъ на митингахъ и сдѣлался правителемъ нашей временной республики. Наше боевое еврейство теперь въ восторгѣ. Фаворитъ еврейства Витте на вершинахъ власти, а Подонкинъ представитель города. Что-же нужно еще для полнаго блаженства?

— Ну, чего же глядѣло ваше русское населеніе?—изумлялся старикъ Орскій.—Вѣдь въ вашемъ городѣ три четверти русскихъ.

— И вы удивляетесь?—съ горечью воскликнулъ Гришевскій.—Да русскому населенію поперекъ горла всѣ эти революціонныя свободы. Оно отвернулось и отъ нихъ, и отъ Думы, порожденной революціоннымъ насиліемъ. Русское населеніе видѣло всѣ тайныя пружины революціи. Оно охладѣло ко всѣмъ этимъ новшествамъ; можетъ быть, это была и крайность, но оно приняло самое малое участіе въ выборахъ, а жида и революціонеры дѣйствовали во всю. Вотъ вамъ секретъ происхожденія такихъ избранниковъ, какъ Подонкинъ, который представляетъ дѣйствительно подонки населенія. Это врагъ правительства, врагъ народа. Но посмотрите, какъ онъ будетъ ораторствовать, какъ Цицеронъ, и непремѣнно отъ имени всего населенія города.

— Это возмутительно,—говорилъ Орскій.—Чего-же ждять отъ такой думы, отъ такихъ представителей?

— А вотъ дождетесь,—продолжалъ Гришевскій.—Они покажутъ себя во славу революціи. Ихъ цѣль во что бы ни стало захватить власть въ свои руки. Они будутъ грабить и разорять страну революціей, возставать противъ всѣхъ ограниченій. Только революціонныя бомбы и грабежи, по ихъ мѣнью, способствуютъ благоденствію и расцвѣту Россіи. Вы еще увидите, что за фрукты созрѣютъ въ вашей Думѣ.

Предсказанія Гришевскаго скоро оправдались на дѣлѣ. Представитель его города, знаменитый профессоръ Подон-

кинъ сказалъ въ Государственной Думѣ замѣчательную рѣчь. Гришевскій читалъ ее вслухъ Орскому.

— Правительство,—говорилъ Подонкинъ,—упорно отстаиваетъ свое ужаснѣйшее право управлять Россіей системой чрезвычайныхъ законовъ. Я нахожу, что эти чрезвычайные законы тормозятъ жизнь и разоряютъ тотъ городъ, представителемъ котораго я являюсь. Отъ имени своего города, я требую преданія суду того министра, который незаконными своими дѣйствіями подорвалъ благосостояніе „моего города“.

— Какой нахаль!—замѣтилъ Орскій.—Городъ разоренъ революціей, которой предводительствовалъ самъ Подонкинъ, а онъ требуетъ преданія суду министра.

— Но вы посмотрите,—замѣтилъ Гришевскій.—Вѣдь этому скандалисту аплодируютъ въ Думѣ. Читайте: шумные аплодисменты лѣвой, центра и польскаго кола. Интересно: при чемъ тутъ это польское коло? Но, это еще не все. Читайте дальше, смотрите, какъ этотъ революціонный крикунъ подыгрывается къ арміи. „Ни я, ни большинство моихъ товарищей,—говоритъ онъ,—вовсе не враги арміи, а скорѣе ея друзья. Если бы намъ предложили законъ, который могъ-бы улучшить положеніе арміи и сравнять армію въ правахъ съ гвардіей, мы бы его приняли“... Не угодно-ли? Такой фразеръ и самозванецъ уже армію реформируетъ, опору государства... Они непременно хотятъ захватить власть въ свои руки. И эти мятежники—представители русскихъ университетов!.. воспитатели нашего юношества,—негодовалъ Гришевскій.—Чего-же намъ ждать отъ нашей молодежи, при такихъ ея вдохновителяхъ?

VIII.

Свадьба Наташи съ Петромъ Ивановичемъ Замятиновымъ состоялась скромно въ присутствіи только родныхъ и близкихъ. На свадьбу пріѣхала въ Петербургъ жена Василія Ивановича Замятинова, Надежда Григорьевна, которая когда-то провела свою молодость въ Орсовкѣ, въ помѣщичьемъ домѣ Орскихъ и очень любила Наташу.

— Наташечка, милая,—говорила взволнованная Надежда Григорьевна.—Поздравляю тебя. Какъ я рада... Вѣдь Петръ Ивановичъ такой хорошій человекъ! Желаю тебѣ счастья и не сомнѣваюсь, что ты его найдешь. Пріѣзжайте же теперь къ намъ, погостите у насъ. Петръ Ивановичъ все время былъ такъ разстроенъ своими дѣлами.

Наташа смотрѣла на Надежду Григорьевну и удивлялась. Изъ этой бѣдной дѣвушки - сироты, дочери ихъ бывшаго управляющаго, вышла теперь такая нарядная, такая славная и видная дама.

— Благодарю васъ, Надежда Григорьевна, — сказала Наташа, — мы должны пріѣхать на нѣкоторое время на мельницу. Петя долженъ получить деньги съ Блювша, и мы, конечно, навѣстимъ васъ. Потомъ мы отправимся въ поѣздку за границу.

— Въ Парижъ? — спросила Надежда Григорьевна.

— О, нѣтъ. Въ Парижѣ мы съ вами были, — сказала Наташа. — Помните: ѣздили давно вмѣстѣ съ моей мамашей.

— Еще бы не помнить, — улыбулась Надежда Григорьевна, — вся моя юность прошла у васъ, я была постоянной спутницей вашей мамы въ ея поѣздкахъ.

Надежда Григорьевна внимательно посмотрѣла на Наташу, взгляды ихъ встрѣтились. Въ нихъ обѣихъ проснулись на минуту далекія родственныя воспоминанія.

— Куда же вы поѣдете? — спросила Надежда Григорьевна.

— Мы поѣдемъ въ интересныя мѣста, — сказала Наташа, — на Востокъ... въ Царьградъ, можетъ быть, въ Іерусалимъ...

— Милочка моя, — воскликнула Надежда Григорьевна, — что вы задумали! — И, обнявши Наташу, она нѣсколько разъ ее поцѣловала.

Отъѣздъ молодыхъ былъ назначенъ черезъ три дня.

Старику Орскому было тяжело разставаться надолго съ любимой дочкой, но онъ зналъ Петра Ивановича, и въ душѣ соглашался съ тѣмъ, что лучшей партіи для Наташи и желать нечего. Ему не улыбалась только его одинокая теперь стариковская жизнь съ капризной и взбалмошной женой, не отличавшейся ни логикой, ни разсудительностью. Тяжелый у нея былъ характеръ.

— Я бы тоже поѣхала съ молодыми, — сказала Софья Степановна мужу.

Иванъ Александровичъ разсмѣялся.

— Ну ужъ, матушка, — замѣтилъ онъ, — избавь ихъ отъ такого удовольствія. Наши новобрачные навѣрно будутъ противъ твоего предложенія. Нужно было включить этотъ пунктъ въ условія свадьбы. Впрочемъ, — продолжалъ Орскій, — тогда-бы нашъ милѣйшій Петръ Ивановичъ, при всей его любви къ Наташѣ, навѣрное бы не женился на ней.

Софья Степановна разсердилась на эту шутку мужа и не разговаривала съ нимъ нѣсколько дней.

IX.

Странное чувство испытывала Наташа, когда она съ мужемъ прѣхала въ родную деревню. Знакомая обстановка: тѣ же безконечныя, разбросанныя по овальнымъ холмамъ, крестьянскія и помѣщичьи поля, тѣ же лѣсочки и рощи, опущенные теперь таящимъ весеннимъ снѣгомъ, тотъ же чистый и вольный воздухъ, такъ-же мирно свѣтитъ солнце и такъ же весело щебечуть птицы, выводя свои первые, робкіе еще, весенніе мотивы. Все старое, знакомое, но нѣтъ въ ея душѣ прежняго родственнаго чувства къ этому углу, все кругомъ какое-то холодное чужое, да и люди какъ будто стали другіе. А вѣдь въ этомъ уголкѣ протекла ея юность, здѣсь она бѣгала по полямъ, ловила рыбу въ зеркальныхъ прудахъ, рвала полевые цвѣты, слушала въ зеленой чащѣ отцовскихъ рощъ безконечныя трели жаворонокъ. По вечерамъ къ ихъ балкону доносились пѣсни крестьянъ, то заунывныя, то веселыя, но такія простыя и сердечныя. Она помнитъ чудныя ночи надъ тихими, сонными прудами, когда среди застывшихъ въ дремотѣ деревьевъ появлялась луна, внимательно смотрѣвшая изъ голубой синевы въ зеркальную водяную лазурь и пробуждавшая въ ея нѣжной и чувствительной душѣ мечтательность. Какая здѣсь была тогда безмятежная жизнь и тихая трудовая обстановка, созданная ея милымъ отцомъ. Теперь она видитъ что-то другое, незнакомое. Изъ сосѣдней деревни, вмѣсто заунывныхъ пѣсенъ, долетаютъ пьяные возгласы и грубые назойливые звуки гармоникъ, настроенныхъ на ухарскій городскій ладъ. Слышатся какіе-то революціонные припѣвы, вѣроятно, пущенные въ оборотъ нынѣшними просвѣтителями деревни—„субубентами“.

— Поганый народъ нынче сталъ,—говоритъ Наташѣ встрѣтившій ея старый, еще отцовскій, приказчикъ Семень Осиповъ.— Народъ Бога забылъ, ни во что не вѣритъ, всѣ пьянствуютъ и безчинствуютъ, кругомъ одно озорство. Молодежь выпшла изъ послушанія. Никакого у нихъ страха, никакого стыда. Работать въ деревнѣ не хотятъ, а больше все въ городъ идутъ на легкіе заработки, франтятъ тамъ и колобродятъ. Конечно, заработки въ городѣ прибыльнѣе, а только, что пользы: что заработаетъ, то и пропьетъ и якшнется тамъ со всякой, извините, сволочью, ходятъ они по кабакамъ да по трактирамъ, а возвращается парень въ деревню, разбойникъ разбойникомъ. Все потому, полагаю, что законъ легкій сталъ, никого не стѣсняетъ. Всѣ воры и конокрады теперь напираютъ на свободу... Не мѣ-

шай имъ, не препятствуй. Всякая мусть подыалась. И на что намъ эта свобода, когда мирному крестьянину житья нѣтъ. Худыя времена,—закончилъ Семень Осиповъ съ тяжелымъ вздохомъ.

На мельницѣ Петра Ивановича было запусъвнiе. Наташа поинитъ, что она бывала адъсь еще дѣвочкой вмѣстѣ съ отцомъ и всегда видѣла тутъ живую суету людей, веселый шумъ жужжащихъ колесъ, мелькающихъ рукавовъ, полныхъ муки. Тутъ все было жизнь и движенiе, теперь все умерло на мельницѣ по капризу забастовокъ, сковавшихъ фабрики и мукомольни.

Непрятно чувствовала себя Наташа въ пышныхъ и пустующихъ хоромахъ своего мужа, гдѣ царило раньше такое оживленiе. Тутъ когда-то собирались близкiе ей люди, окрестные помѣщики.

Гдѣ они? Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!

Рухнулъ весь старыи строй деревни, а что пришло на смѣну старинѣ? Позоръ запусъвнiя, развратъ, революцiя!

— Милая барынька, поздравляю васъ,—сказалъ ей прiѣхавшii къ нимъ въ гости сосѣдъ, старыи помѣщикъ Платининъ, знавшii Наташу еще дѣвочкой.—Хорошо,—продолжалъ онъ, что вашъ отецъ раздѣлался съ Орсовкой. Теперь для насъ мученье. Съ рабочими бѣда, они совсѣмъ съ ума сопли. Моя земля вотъ въ арендѣ у крестьянъ, платять пока, а тамъ, что Богъ дастъ, времена смутныя.

— Дорогой Кузьма Сергѣевичъ, спросила Наташа,—вы все время живете въ деревнѣ? Не бываете въ Петербургѣ?

— Куда ужъ намъ въ Петербургъ,—отвѣчалъ Платининъ,—по нынѣшнимъ временамъ и уѣхать нельзя. Не на кого положить, не на кого оставить свое добро, сожгутъ и разграбятъ...

— Вотъ теперь въ Петербургѣ Государственная Дума—замѣтила Наташа...—Разсуждаютъ о деревенскихъ дѣлахъ...

— Ну ужъ и Дума,—отвѣтилъ Платининъ.—Мы сначала надежды на нее возлагали, хотѣли выбрать лучшихъ людей, но въ Петербургѣ повернули такъ, что въ Думу пошли одни анархисты... Кто-же станеть работать съ ними? Я думаю, что Василiй Ивановичъ уже раскаивается, что попалъ въ прятную компанiю разныхъ забулдыгъ и скандалистовъ.

Петру Ивановичу Замятинову приходилось двѣ недѣли пробить на мельницѣ, чтобы получить деньги съ Блювша. Онъ былъ занятъ ликвидацiей мельницы, но Наташа все-таки уговорила его съѣздить съ ней въ сосѣднii монастырь къ о. Саввѣ, популярному среди деревенскаго населенiя подвиж-

нику, благодѣтелю сырыхъ и бѣдныхъ. Наташа хорошо помнила этого умнаго, славнаго старика съ жизнерадостнымъ лицомъ, про котораго рассказывали въ народѣ, что онъ святой, что онъ отвергаетъ пищу и питается только просфорами.

— Добро пожаловать,—встрѣтилъ ихъ отецъ Савва, блѣдный и согнувшійся монахъ съ прозрачнымъ лицомъ, но съ живыми еще и бодрыми глазами.—Это ваша жена?—спросилъ онъ Петра Ивановича про Наташу.

— Да,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.—Вы ее помните. Наташа Орская.

— Помню, помню,—воскликнулъ привѣтливо старикъ.—Вы пріѣзжали къ намъ въ монастырь съ вашимъ отцомъ въ тотъ годъ; когда я открывалъ здѣсь пріютъ для крестьянскихъ сиротъ. Ну что Иванъ Александровичъ,—продолжалъ отецъ Савва,—здоровъ ли онъ?

— Папа въ Петербургѣ,—отвѣчала Наташа.—Онъ живетъ на покой по-стариковски. Орсовку мы давно продали.

— Я слышалъ,—сказалъ о. Савва, обращаясь къ Петру Ивановичу,—что и вы мельницу продаете?

— Да, работать невозможно,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ—забастовки, покушенія... Не столько наработаешь, сколько намучишься. Мельница въ послѣднее время давала большой дефицитъ.

— Здѣсь говорили,—продолжалъ о. Савва,—что къ вамъ на мельницу являлись грабители. Вотъ къ намъ въ монастырь тоже являлись вооруженные люди, требовали отца казначея, видно затѣмъ, чтобы монастырскую кассу выдалъ, но у насъ во-время ударили въ набатъ, сбѣжались крестьяне изъ сосѣдняго поселка и отстояли монастырь. Слава Богу, все кончилось благополучно, а то вѣдь монастырь кормитъ окрестное крестьянство.—Безъ него и мы, и они пропадутъ. Вы не изъ Петербурга ли пріѣхали?, спросилъ о. Савва молодую чету.

— Да, изъ Петербурга,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Ну что, какъ тамъ?—продолжалъ о. Савва.—Возлагаютъ ли надежды на Государственную Думу?

— Петербургъ довѣрчивъ, — сказалъ Петръ Ивановичъ.—Представьте, что тамъ лучше относятся къ Государственной Думѣ, чѣмъ во внутренней Россіи. Петербургъ, знаете зараженъ этимъ новымъ теченіемъ.

— Да, да...—съ грустью продолжалъ отецъ Савва.—Государственная Дума слишкомъ ужъ поощряетъ революцію. Оно и немудрено: она стремится завладѣть властью и стать

хозяйкой страны. Она выдвигаетъ на первый планъ какихъ-то смутьяновъ и евреевъ. А настоящій хозяинъ страны, русскій народъ, пока безмолвствуетъ. Помните притчу о виноградарѣ: „пойдемъ, убьемъ его, — сказали виноградары, — и наслѣдство будетъ наше. И, схвативъ его, убили и выбросили вонъ изъ виноградника“. Притча говоритъ такъ: „Когда прійдетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями?“ И отвѣчаетъ: „злодѣевъ сихъ предасть злой смерти, а виноградникъ отдасть другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои“. Неужели же,—продолжалъ о. Савва,—русскій народъ отдастъ великую, историческую Россію на поруганіе анархіи?.. Развѣ эта Дума хозяева? Это и есть временные виноградары, о которыхъ говорить притча, это плантаторы и враги русскаго народа. Народъ видитъ все, но онъ еще не проснулся и не почувалъ опасности... Плохо будетъ виноградарямъ, когда онъ проснется. Но приступы этого пробужденія уже сказываются.

Наташа съ мужемъ отслужили панихиду на могилѣ погребеннаго въ монастырѣ отца Петра Ивановича и уѣхали на мельницу, а черезъ два дня совсѣмъ покинули родныя мѣста...

X.

Большой океанскій пароходъ отходитъ изъ русскаго порта въ Средиземное море и сегодня идутъ спѣшныя приготовленія къ рейсу. Грузятъ турецкіе продукты, везутъ скотъ. Пассажировъ мало, многочисленныя на этомъ пути русскіе богомольцы еще передъ Пасхой прослѣдовали на Аѳонъ, и въ Іерусалимъ. Сегодня большой христіанскій праздникъ и храмы южнаго города полны народа, въ нихъ душно и жарко отъ массы горящихъ свѣчей, вездѣ идутъ торжественныя службы, церкви убраны цвѣтами.

Пароходъ тоже убранъ зеленью и расцвѣченъ флагами. Русскихъ на немъ не видно, кромѣ экипажа, пассажиры все больше турки, арабы, греки.

— Подождите, тамъ компанія будетъ еще почище,—говоритъ пассажирамъ морякъ, помощникъ капитана, — увидите арабовъ-бедуиновъ въ соломенныхъ шапкахъ и въ однѣхъ рубашкахъ. Тамъ уже солнце припекаетъ на совѣсть...

Стоянка парохода на рейдѣ проходитъ скучно, громыхаютъ лебедки, опускающая грузы въ глубокіе трюмы. Сутолока боль-

шого порта не затихаетъ и въ праздники. На рейдѣ расцеѣтились флагами десятки русскихъ, греческихъ и иностранныхъ судовъ. Приходятъ пароходы съ Крыма и съ Кавказа, прибываютъ германскіе пароходы изъ Константинополя и маленькія турецкія суда изъ разныхъ захолустій Анатолиі; прибываютъ трембаки и шхуны съ рыбой, солью, дровами. Медленно, съ опущенными полотняными крыльями, входятъ они на рейдъ и потихоньку пробираются къ берегу, становясь въ ряды съ другими такими же невзрачными посудинами. По рейду снуютъ катера и лодки.

Вотъ и пароходъ отходитъ. Раздался зычный, громогласный гудокъ, — швартовы сняты. Что-то забурило въ водѣ и красивый пароходъ двинулся въ путь.

Большая гавань, въ которой только-что стоялъ пароходъ, исчезаетъ вдали. Проходить полчаса, часъ и скоро отъ Россіи остается на горизонтѣ только узенькая полоска берега, которая съ каждымъ оборотомъ винта все болѣе тускнѣетъ, суживается. Вотъ скоро она скроется. Впереди разстилается широкое, безграничное, синѣющее море, на которое ложатся уже блѣдныя сумерки тихой весенней ночи.

Петръ Ивановичъ стоитъ рядомъ съ Наташей на самомъ концѣ палубы, на кормѣ, подъ которой бѣлымъ водоворотомъ кипитъ выбрасываемая винтомъ вода, онъ всматривается въ этотъ дальній уголокъ суши, гдѣ онъ оставилъ всѣ свои неудачи, пережитыя страданія, свое разореніе.

— Прощай, Россія, — думаетъ онъ. — Бѣдная страна, я такъ вѣрилъ въ тебя. Всѣ въ тебя вѣрили, но ты гонишь насъ, своихъ вѣрныхъ сыновъ. Въ тебѣ торжествуютъ измѣнники! Они вторгаются въ твою чистую жизнь, а ты даже не имѣешь силъ отбросить ихъ. Прощай, уступчивая, мягкосердечная Россія, оставайся съ твоимъ позоромъ, которому я помочь не могу. Я бѣгу на просторъ, на свѣтъ солнца, къ чужимъ людямъ, гдѣ нѣтъ такихъ страданій и обидъ, и отъ глубины оскорбленной души я проклиная торжествующихъ враговъ твоихъ.

Нѣжный и влажный вѣтерокъ поднималъ на морѣ еле замѣтную рябь, скользилъ около Петра Ивановича и освѣжалъ его разгоряченную мыслями голову. Сюда на корму доносился мягкій, методическій шумъ пароходной машины, которая плавно дышала, мча ихъ дальше и дальше отъ Россіи въ неизвѣданныя и прекрасныя дали.

Узкая полоска суши, наконецъ, совсѣмъ скрылась на горизонтѣ. Море плотно сомкнулось кругомъ.

— Жалѣть ли,—сказалъ Петръ Ивановичъ Наташѣ,—что мы увѣжаемъ изъ Россіи? Нѣтъ, прибавилъ онъ, лучше ужъ забыть родину или увидѣть ее новой, воскресшей, счастливой! Мое счастье со мной и я спокоенъ.

Онъ нѣжно посмотрѣлъ въ лицо Наташѣ и обнялъ ее.

— Ты видишь, мое дорогое дитя,—продолжалъ онъ,—сейчасъ море сомкнулось. Кругомъ ничего.. Прошлое осталось тамъ далеко, его нѣтъ!.. Наше будущее наступило. Мы съ тобой оскорбленные русскіе люди. Я русскій купецъ, ты дворянка, помѣщица. Какъ болѣло наше сердце тамъ въ Россіи. Что мы видѣли, что испытали... Это стыдно, но я счастливъ теперь, я не хочу больше видѣть Россію. Какъ ты думаешь, Наташа, люблю ли я ее?.. или нѣтъ, не люблю...

— Ты горячо ее любишь,—сказала Наташа.

— Но отчего же я такъ страстно хочу забыть родину?

— Это тебѣ не удастся,—отвѣтила она.

Наташа съ минуту ничего не говорила. Она смотрѣла въ даль моря. Солнце закатилось, наступила темнота, море утратило свои нѣжныя, синія краски и разстиралось кругомъ потемнѣвшее, посылая къ пароходу мѣрные шипящіе всплески волнъ. На безоблачномъ небѣ зажглись звѣзды и передъ глазами Наташи стала во всей красотѣ ясная и яркая Большая Медвѣдица, которая недавно свѣтила ей тамъ, на покинутой мельницѣ.

— Посмотри, Петя,—сказала мужу Наташа,—какая яркая здѣсь Большая Медвѣдица. Это наше родное созвѣдіе, это, огоньки Россіи. Они провожаютъ насъ и гдѣ бы мы ни были вездѣ мы увидимъ эту рѣдную, милую лампаду. Вотъ ты говоришь, что забудешь Россію... Ты говоришь это подъ вліяніемъ настроенія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачъ. А родина, гдѣ бы ты ни былъ, будетъ свѣтить тебѣ изъ родного далека, какъ эти звѣзды... Увидишь, она будетъ звать тебя домой. Она созоветъ всѣхъ насъ, испугнутыхъ птицъ, разлетѣвшихъ въ стороны, и мы...

Наташа на минуту замолкла.

Петръ Ивановичъ смотрѣлъ на нее.

— И мы... повторилъ онъ.—Что же ты остановилась?

Она тихо сказала:

— И мы всѣ придемъ спасти ее...

Путникъ (Н. Н. Лендеръ).

* * *

Ко мнѣ въ баракъ, въ открытое окошко,
На трепетно горѣвшій огонекъ,
Влетѣлъ неосторожный мотылекъ
И крылышки обжегъ себѣ немножко...

Мнѣ было жаль бѣдняжку-мотылька,
Стремился онъ изъ тьмы такъ жадно къ свѣту
И вдругъ за смѣлую затѣю эту
Такъ былъ наказанъ... Съ книжнаго листка,

Куда упалъ, кружася, мотылекъ,
Я снесъ его обратно въ сумракъ сада,
Въ таинственный и тихій уголокъ,
Обвѣянный душистою прохладой...

Тамъ, подъ цвѣтущей липой, на просторѣ,
Прильнувъ къ ея пахучимъ лепесткамъ,
Повѣдаетъ онъ ночи свое горе,
О немъ расскажетъ травкамъ и цвѣтамъ!..

* * *

Ночь пришла, подобралась тайкомъ
И раскинула властныя чары,
Надъ землею повѣяла сномъ,
Въ небесахъ засвѣтила стожары.

И алмазной росой цвѣты
На поляхъ и лугахъ окропила,
Ко мнѣ въ душу вошла—и мечты
Въ истомленной душѣ пробудила...

Ночь пришла, ночь подкралась тайкомъ,
Убаюкала душу мнѣ сказкой
И обвѣяла нѣгой и лаской
Мірѣ, объятый властительнымъ сномъ...

В. Глинка.

— 28 —

Паутина.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

XIV.

Стоялъ, теплый и ясный осенній вечеръ. На большой террасѣ господскаго дома въ Туровѣ сидѣли Милица и Китти. Сначала онѣ разговаривали, а затѣмъ бесѣда изсякла и каждая ушла въ собственныя думы.

Маленькая баронесса похорошѣла; свѣжая и розовая, она была истиннымъ воплощеніемъ тихаго семейнаго счастья.

Милица же, наоборотъ, осунулась и поблѣднѣла; выраженіе прежней беззаботной веселости смѣнилось спокойной и грустной задумчивостью.

Рядомъ съ ней стояла хорошенькая золоченая колыбелька, украшенная кружевными занавѣсами и подбитая голубымъ шелкомъ, и Милица, свѣсивъ свою руку, играла, въ раздумьи, костяной погремушкой.

Съ момента отъѣзда изъ Креницы время для нея выдалось тяжелое. Вернулась она въ Петербургъ въ воинственномъ настроеніи, твердо рѣшивъ вынудить у мужа разводъ, а потому тотчасъ же написала Кромскому, чтобы вызвать его для совместнаго обсужденія положенія дѣлъ.

Но Ростиславъ, какъ она узнала, отправился въ командировку въ Одессу и письмо, вѣроятно, послано было ему въ слѣдъ, а за этотъ періодъ неожиданное обстоятельство поколебало рѣшимость Милицы.

Еще въ Креницѣ она часто чувствовала недомоганье, но приписывала его всякаго рода неприятностямъ и своему нерв-

1) См. «Русск. Вѣстн.» августъ, 1906 г.

ному состоянію; въ Петербургѣ болѣзненные приступы проявились столь настойчиво, что она рѣшила посоветоваться съ докторомъ.

— Милая графинюшка, да просто-на-просто беременна, — качая головой, сказала ей какъ-то Марфа.

Предположеніе няни ее страшно взволновало, а когда докторъ подтвердилъ догадку Марфы Сидоровны, Милица впала въ уныніе и лишилась покоя. Она готовится быть матерью и въ тоже время собирается разводиться съ мужемъ... Родится ребенокъ и отецъ не увидитъ его и не благословитъ!.. Или эта новая связь повлечетъ за собой новыя осложненія и Эгонъ станетъ совсѣмъ неприступенъ?.. Она знала, до какой степени графъ желалъ имѣть ребенка, — мальчика-ли, дѣвочку-ли, все равно, — и сотни разъ говорилъ ей объ этомъ, а теперь, когда его заветное желаніе сбывается, — сомнительно, чтобы онъ возвратилъ свободу женщинѣ, которую безумно любитъ, что тоже ей было извѣстно. А возвращаться въ Германію и подчиниться унижительнымъ требованіямъ, предъявленнымъ ей совѣтникомъ фонъ-Кюлемъ, она не согласится ни за что на свѣтѣ; но какъ же быть тогда?

Конечно, можно было-бы утаить отъ графа истину, пока она не получитъ разводъ; но подобная фальшь была противна ея честной, открытой натурѣ; а между тѣмъ сказать всю правду значило навѣрняка все погубить.

Въ этомъ смутномъ настроеніи, вызванномъ глухой нравственной борьбой, телеграмма о прибытіи Ростислава, а затѣмъ и самый его пріѣздъ еще болѣе усугубили разладъ въ душѣ Милицы.

Но, тѣмъ не менѣе, она открыла истину своему другу дѣтства и упросила потерпѣть, пока не выяснится этотъ важный вопросъ между ней и мужемъ.

Какъ ни тяжело было ему это сообщеніе, но онъ рѣшительно заявилъ, что остается по прежнему ея другомъ, и посоветовалъ извѣстить обо всемъ графа; оставаясь при незыблемомъ рѣшеніи насчетъ развода; а положеніе ребенка можно было рѣшить съ обоюднаго согласія. Милица рѣшила послѣдовать его совѣту.

Въ этихъ колебаніяхъ и переговорахъ прошли три недѣли, какъ вдругъ изъ Ревеля получено было отъ Матильды Фердинандовны письмо, къ которому прилагалось посланіе отъ баронесы Дауницъ на имя Луизы Францовны.

Баронесса рассказывала, что въ ночь отъѣзда Милицы Беренклау покушался на самоубійство и что только благо-

даря счастливой, почти необъяснимой случайности, пуля слегка уклонилась и миновала сердце. Старый лакей, не спавшій въ это время, услыхавъ выстрѣлъ, бросился въ комнату и нашель графа на полу, безъ чувствъ. Онъ позвалъ на помощь и послалъ за докторомъ, а главное, самъ тотчасъ же перевязалъ рану, что несомнѣнно и спасло графа. Въ теченіе двухъ недѣль жизнь Беренклау буквально висѣла на волоскѣ, однако теперь доктора, если и не высказываются рѣшительно, все же подаютъ нѣкоторую надежду. Баронесса Дауницъ прибавляла, что старый графъ въ отчаяніи и что Вильма самоотверженно помогаетъ дядѣ ухаживать за раненымъ.

Попытка мужа покончить съ собой поразила Милицу, точно громомъ, и она горько упрекала себя, что такъ невеликодушно передала ему тогда пустую переписку, позорившую его мать и бросающую тѣнь на его собственное происхожденіе. Это-то обстоятельство и было, по ея мнѣнію, главной причиной его отчаяннаго поступка.

Теперь, когда онъ боролся со смертью, ея первымъ побужденіемъ было желаніе, во что-бы то ни стало, вернуться въ Креницу; но мысль столкнуться у изголовья мужа съ противной Вильмой и съ ея не менѣе ненавистной матерью вызвала въ Милицѣ такое отвращеніе, что добрый порывъ смѣнился неприязненнымъ чувствомъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого волненія Милица занемогла и пролежала въ постели около двухъ недѣль; но едва она немного оправилась, какъ новое извѣстіе разомъ разсѣяло ея сомнѣнія и колебанія. Это было письмо отъ повѣреннаго графа, въ которомъ онъ приглашалъ графиню начинать разводъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражалъ готовность принять съ своей стороны всѣ необходимыя для сего мѣры.

Милица вздрогнула и поблѣднѣла, читая это посланіе, возвращавшее ей свободу, а внутри просыпалось непонятное, сложное чувство. Ея самолюбіе было оскорблено, такъ какъ въ душѣ она ждала, что первой, сознательной мыслью раненаго будетъ вернуть ее, а вмѣсто того онъ разрывалъ самъ... Ничто, значить, не могло сломить или согнуть эту стальную душу и, изъ-подъ обломковъ разбитой любви и счастья, онъ вставалъ гордый и твердый, пренебрежительно кидая ей желанный разводъ. Но былъ ли бы онъ такъ стоекъ, если бы зналъ *все*?

То странное, внушенное ей графомъ чувство, которое то отталкивало, то влекло ее къ нему, теперь властно проснулось въ ней и слеза, причину которой трудно было бы объ-

снить, скатилась на письмо, окончательно разлучавшее ихъ. Но черезъ мгновенье она небрежношвырнула на столъ письмо; гнѣвъ и оскорбленная гордость взяли верхъ.

— Ты самъ этого хотѣлъ и теперь ты ничего не узнаешь до рожденія ребенка.

Радость Ростислава при извѣстии, какъ все благополучно устраивалось, цѣлительно подѣйствовала на изболѣвшееся сердце Милицы, хотя она все же упростила Кромскаго уѣхать и вернуться не ранѣе окончанія развода; сама же она рѣшила перебраться, до родовъ, во Всесвятское.

Новымъ знакомъ проявленія энергіи Беренклау была присылка ящичковъ съ приданнымъ графини, безъ всякаго письма.

Наконецъ, во Всесвятскомъ родился сынъ. Милица, долго и опасно болѣвшая, оправлялась медленно; разводъ близился къ концу и оставалось выполнить кое-какія формальности. Однако, для того, чтобы окрестить ребенка, необходимо было снестись съ графомъ, о которомъ знали только, что онъ, выйдя въ отставку и жилъ въ Креницѣ.

Деревнинъ всегда возставалъ противъ молчанія Милицы въ такомъ дѣлѣ, которое кровно касалось графа. Поэтому, онъ тотчасъ же написалъ Беренклау, извѣщая ему о рожденіи сына и прося выслать документы.

Нужныя бумаги прибыли со слѣдующей почтой и сопровождались письмомъ. Въ очень сдержанныхъ, вѣжливыхъ выраженіяхъ графъ выражалъ Дмитрію Павловичу свое неудовольствіе на то, что его оставили въ невѣдѣніи о столь важномъ обстоятельстве.

„Тѣмъ не менѣе,—добавилъ онъ,—разъ Милица Юрьевна носить еще пока мое имя, я не откажу родившемуся отъ нея ребенку въ правѣ также носить его. Я слишкомъ увѣренъ въ высокой порядчности графини, чтобы допустить, хотя бы на мигъ, что она можетъ потребовать это имя для ребенка, въ жилахъ котораго течетъ чуждая графу фонъ-Беренклау кровь“.

Подъ конецъ, онъ заявлялъ, что до шестилѣтняго возраста онъ оставляетъ мальчика на рукахъ матери; но что затѣмъ возьметъ сына къ себѣ, чтобы самому наблюдать за его воспитаніемъ.

Это посланіе чуть было не вызвало ухудшеніе въ положеніи Милицы и горячія слезы полились изъ ея глазъ на очаровательное личико ребенка.

Ахъ, какъ бы она желала отказаться для него отъ имени Беренклау, которое она вдвойнѣ возненавидѣла въ эту минуту за незаслуженное оскорбленіе. Такъ вотъ какъ онъ принялъ

навѣстіе о рожденіи столь желаннаго сына, въ законности котораго *она* не смѣлъ однако усумниться? Ее выводило изъ себя, что она не въ состояніи оградить сына отъ правъ, принадлежащихъ ему по закону, и не могла даже бросить тѣни сомнѣнія на его происхожденіе.

— Попробуй только отнять его у меня и ты меня узнаешь. *Никогда* я его тебѣ не отдамъ,—пробормотала она вызывающе.

Это прошлое вставало теперь въ памяти Милицы, пока она задумчиво сидѣла на террасѣ, и заслоняло собою окружающее ее настоящее.

Чистый и звонкій голосокъ, слышавшійся изъ колыбельки, вызвалъ ее изъ задумчивости; она живо раздвинула занавѣски и нагнулась къ ребенку, который проснулся и плакалъ, протягивая розовыя рученки. Она взяла его на руки и покрыла поцѣлуями; къ сыну у нея была нервная, страстная, почти болѣзненная нѣжность.

А мальчуганъ продолжалъ кричать. Въ эту минуту торопливо вошла озабоченная Марфа; она никому не уступила права блюсти и воспитывать „басурманчика“, какъ она прозвала крошку, и не довѣряла приставленной ей въ помощь подьянкѣ.

Повидимому, тевтонская кровь не заявляла пока протеста противъ *русской* няни; наоборотъ, ребенокъ, казалось, былъ съ ней въ самыхъ нѣжныхъ отношеніяхъ и, лишь только очутился на рукахъ старухи, какъ пересталъ плакать и улыбнулся.

Маленькій графъ Юрій Эгоновичъ былъ очаровательнымъ ребенкомъ, удивительно большимъ и крѣпкимъ для своего возраста, съ шелковистыми, бѣлокурыми кудрями и голубыми глазами.

— Поразительно, право, какъ этотъ бутузъ похожъ на графа,—замѣтила Китти, смѣясь и провожая глазами Марфу, уносившую ребенка въ комнаты. — Черты, взглядъ и въ особенности улыбка—отцовскія; тебѣ должно быть тяжело имѣть постоянно передъ глазами живой портретъ бывшаго мужа. Во всякомъ случаѣ, если бы Эгонъ видѣлъ Юрія, то, конечно, воздержался бы отъ обидѣвшихъ тебя злобныхъ и незаслуженныхъ намековъ.

— Какъ знать? Онъ не изъ тѣхъ, чтобы воздержаться отъ обиднаго слова, если оно можетъ только успокоить собственную злость. Наконецъ, онъ такъ мало интересуется Юріемъ, что ни разу не осведомился, какъ онъ растетъ и даже не выразилъ желанія имѣть его портретъ. Не могу не сознаться,

что такое его равнодушіе вназываетъ, съ моей стороны, только благодарность, ибо доказываетъ, что онъ всецѣло оставляетъ мнѣ воспитаніе крошки и не выводитъ своей утробы потребовать его къ себѣ.

Китти промолчала, хотя въ душѣ сильно сомнѣвалась въ справедливости подобнаго заключенія.

— Будемъ надѣяться, — сказала она и затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, испытующе глядя на Милицу, сказала: — Не нервничай такъ; ты слишкомъ много думаешь и роешься въ прощломъ, а это вредно. Надо положить этому конецъ и думать объ ожидающемъ тебя спокойномъ и свѣтломъ будущемъ. Я понимаю, что всѣ происшедшія событія губительно подѣйствовали на твои нервы и что трудно вычеркнуть совсѣмъ изъ своей жизни человека; женой котораго ты была около двухъ лѣтъ; да и Эгонъ — такая властная и цѣльная натура, которая не забывается. Но дѣлать нечего: между вами фатально возникли такія осложненія, что разрывъ былъ почти неизбеженъ. Конечно, согласись Эгонъ переѣхать въ Россію, все было бы иначе и ты не права, что не предложила этого ему.

Горькая, презрительная усмѣшка мелькнула на лицѣ Милицы при послѣднихъ словахъ кувины.

— На этотъ счетъ ты ошибаешься и я дважды предлагала графу поселиться во Всесвятекомъ. Въ первый разъ онъ обратилъ мое предложеніе въ шутку; а во второй, — это было недолго спустя послѣ прошествовія съ Лудольфомъ, — когда я со слезами умоляла его объ томъ же, онъ отвѣтилъ мнѣ возмутительнымъ образомъ.

— Но что же онъ могъ сказать?

— „Милая моя, — отвѣтилъ графъ, — твоя просьба доказываетъ только, что ты такъ же слѣпа и легкомысленна, какъ и масса твоихъ соотечественниковъ, которые пляшутъ и пируютъ на вулканѣ, не подозрѣвая о готовящейся опасности. Ты желаешь вырвать меня изъ почвы, на которой я выросъ; чтобы пересадить на твои земли; а увѣрена ли ты, что будешь ими владѣть еще черезъ десять, а можетъ быть и черезъ пять лѣтъ? Вы, русскіе, плохо освѣдомлены, а кругомъ васъ всѣ видятъ и знаютъ, что эта „великая“ Россія, которой ты такъ гордишься, легко можетъ рушиться, въ одинъ прекрасный день, и погresti васъ подъ развалинами. Въ странѣ все подрыто; высшіе классы, — продажныя и денационализированныя, — являются либо измѣнниками, либо лакеями иноземцевъ и безъ стыда продаютъ первому встрѣчному интересы родины. У васъ все сгніло: министры, генералы, офицерство, администрація и

ваша не учащаяся молодежь съ своими педагогами; а подъ этимъ пластомъ продажной пошлости, индифферентизма, взяточничества и разложенія умственного, нравственного и матеріальнаго, готовится анархія, которая пожаромъ охватитъ твое отечество съ четырехъ концовъ и опрокинетъ все, что еще держится пока на ногахъ. А когда начнется этотъ ураганъ, твои же крестьяне сожгутъ у тебя крышу надъ головой съ заводами и лѣсами и вынудятъ тебя бѣжать *нищей*. И вѣдь никто другой, а сами твои соотечественники влекутъ дорогую тебѣ родину къ разрушенію и безславію, и ваше правительство готовитъ иноземное вторженіе и расчлененіе страны, гдѣ, подъ конецъ, ни одинъ русскій не найдетъ себѣ куска хлѣба. Будь ты предусмотрительнѣе, ты продала бы имѣнія и реализовала бы капиталъ заблаговременно, пока не нахлынулъ неизбежный и окончательный разгромъ, благодаря загѣмъ Бога, что можешь жить въ государствѣ, гдѣ царитъ порядокъ, гдѣ обезпечены жизнь и собственность каждаго гражданина, не рискующаго пасть жертвой бомбы или пули". Ты понимаешь, что послѣ подобной отповѣди, я не настаивала на своемъ предложеніи; мнѣ было ясно, что счастливый обитатель земного рая, именуемаго Пруссіей, никогда не переселится въ разбойничью страну, которую такъ картинно описалъ.

И она презрительно рассмѣялась.

— Ахъ, чуть было не забыла: при такомъ удобномъ случаѣ, онъ еще отпустилъ нѣсколько пощечинъ по нашему адресу. „Чего стоитъ ваша молодость, до какой степени она развращена и безчестна, тебѣ ясно обрисовала исторія съ доблестнымъ Игоремъ Загаринымъ. Будь увѣрена, что и твой другъ Кромскій, тоже продуктъ вашего гнилого общества, менѣе зараженный, можетъ быть, но все же невротать, безъ принциповъ, который никогда не учился имѣть твердую волю и быть цѣльнымъ человѣкомъ, который не поднимется надъ толпой и будетъ сметень; не говоря уже о томъ, что въ качествѣ честнаго *русскаго* человѣка, онъ будетъ несомнѣнно влечить очень незавидное существованіе“.

Китти сидѣла задумчиво и слушала, видимо встревоженная.

— Разумѣется, только будущее можетъ показать, каковъ Ростиславъ Ивановичъ,—замѣтила она разсѣянно. — Конечно, онъ—человѣкъ добрый, работающій и образованный; но какова будетъ его энергія въ области политики—неизвѣстно.

— А мнѣ извѣстно,—запальчиво возразила Милица.—Ростиславъ—человѣкъ дѣятельный и патриотъ душой и тѣломъ,

а не невропать, вродѣ Беренклау, который и браниль-то его изъ ревности.

— Конечно, конечно! Я это именно и хотѣла сказать,— спохватилась Китти.— Но мнѣ хочется поговорить съ тобой о другомъ: вообрази, какъ это ни печально и ни неправдоподобно, а предсказаніе Эгона, какъ будто, имѣетъ основаніе и готовится что-то скверное. Еще въ прошломъ году Митя рассказывалъ мнѣ про какія-то подозрительныя личности жидовскаго облика, которыя шныряютъ всюду кругомъ; выдаютъ они себя за комми-вожеровъ, а мужъ считаетъ ихъ за революціонныхъ агентовъ, потому что они рыщутъ по кабакамъ, фабрикамъ, селамъ, разбрасываютъ прокламаціи и говорятъ разныя возмутительныя рѣчи, волнующія крестьянъ. Митя даже дѣлалъ попытки задержать этихъ негодяевъ, но все было напрасно, а когда онъ обратился къ самому губернатору, такъ тотъ разсмѣялся ему въ лицо, объявивъ, что у него, должно быть, революціонный кошмаръ и что смѣшно притѣснять, безъ всякаго повода, мирныхъ торговцевъ. Затѣмъ, школьный учитель Кукерманъ—прямо ужасенъ; это — крещеный еврей и настоящий анархистъ: дѣтей не пускаетъ въ церковь, издѣвается надъ вѣрой и тайнствами, нагло и открыто бранитъ Царя и правительство, словомъ, портитъ мальчишекъ. Митя уже дважды на него жаловался и все безъ всякихъ результатовъ. Пока, все это меня только бѣсило, и я особаго значенія этому не придавала; но теперь слова Беренклау озарили мнѣ картину инымъ свѣтомъ и всѣ подобные факты тѣсно другъ съ другомъ связаны. А новый священникъ, замѣстившій убитаго отца Никандра? Вѣдь онъ тоже никуда не годится.

— Правда, отецъ Агафангелъ препротивный и мнѣ ужасно жаль добраго и славнаго отца Никандра. Досадно, что его убійца такъ и остался неразысканнымъ,—вздохнула Милица.

— Я убѣжденъ, что это—кто-нибудь изъ шарлотентальскихъ штундистовъ, а не то—школьный учитель; если бы слѣдствіе велось не такъ небрежно, негодяя навѣрно нашли-бы,—негодующе отвѣтила Китти.— Покойный былъ штундистамъ и школьному учителю—какъ бѣльмо на глазу. А вотъ Агафангелъ—другое дѣло: онъ пріятель m-me Кукерманъ, дружитъ съ колонистами и блещетъ „либерализмомъ“; говорятъ, основанная отцомъ Никандромъ школьная библиотека набита теперь социалистическими и антирелигіозными сочиненіями.

Разговоръ былъ прерванъ человѣкомъ, подавшимъ Милицѣ телеграмму.

— Ростиславъ извѣщаетъ, что прибудеть послѣ завтра,— сказала Милица, пробѣжавъ депешу.

— Слава тебѣ, Господи! Вѣнчайся поскорѣй, да начинай новую жизнь, а то ты слишкомъ задумываешься. Что кончено, то кончено и надо надъ нимъ поставить крестъ,—живо отозвалась Китти.

— Аминь,—отвѣтила Милица, смѣясь и обнимая подругу.— Я и сама жажду вычеркнуть прошлое, а это не такъ-то легко дѣлается. Замужество, видишь-ли ты, даже съ человѣкомъ, котораго не любила страстно, это своего рода паутина, которая пристаесть къ внутреннему твоему существу и ее такъ легко не стряхнешь, особенно... если въ этихъ тенетахъ барахтается „басурманчикъ“. Но я твердо вѣрю, что выйдя за Ростислава, я найду полное душевное равнодушіе. Въ связи съ этимъ прошлымъ, я должна рассказать тебѣ очень грустную для меня вѣсть. Вообрази, Дуня собирается выходить замужъ за лѣсника изъ Креницы и покидаетъ меня; они, должно быть, сошлись еще тамъ и переписывались, а теперь онъ предложилъ ей выйти за него. Какъ я ее ни убѣждала, не выходить замужъ за иноземца, какъ ни доказывала, какія непріятности и горе ждуть ее, разъ она сдѣлается нѣмецкой подданной, ничто не дѣйствовало; она стоитъ на своемъ и твердитъ: „Когда любишь, все равно, гдѣ ни жить, а Креница мнѣ понравилась. Правда, Францъ строгъ, но все же добрый и не пьяница“.—Дѣлать нечего, приходится ее отпустить; но я дамъ ей три тысячи въ приданое, чтобы она была независима.

— Ахъ, Боже мой! Креница напомнила мнѣ полученное утромъ извѣстіе, которое я забыла передать тебѣ: Дауницы продали Каролиненгофъ и домъ въ Познани, а сами переехали въ Берлинъ. И Эгонъ купилъ имѣніе.

— Вотъ какъ? Что же могло побудить ихъ продать имѣніе, которымъ они, повидимому, очень дорожили.

— Оказывается, что это случилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но теперь сама баронесса написала объ этомъ *татан* и та предполагаетъ, что вѣроятно что-нибудь вышло между Вильмой и Эгономъ.

— Каково! Неужели она произвела новую, тщетную атаку на графа? Право, это жестоко съ его стороны—не наградить такую вѣчную любовь; какую образцовую хозяйку онъ приобрѣлъ бы для Креницы,—насмѣшливо замѣтила Милица.

XV.

Прибытіе Ростислава и приготовленія къ свадьбѣ, назначенной черезъ недѣлю, отвлекли мысли Милицы. Любовь и счастье, ясно свѣтившіяся въ глазахъ Кромскаго, и его нѣжность согрѣли сердце, вернули ей спокойствіе и веселость, а съ этимъ исчезла и боязнь, что будущій мужъ не полюбитъ маленькаго Юрія.

Ростиславъ, казалось, не видѣлъ разительнаго сходства ребенка съ его соперникомъ; онъ весело взглянулъ на него и, подкидывая крошку, радостно замѣтилъ:

— Превосходный тевтончикъ!

И сразу завоевалъ расположеніе „тевтончика“, который уже протягивалъ ручки, едва замѣчалъ его.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, Ростиславъ съ Деревнинымъ сидѣли на террасѣ и курили. Сначала они говорили о дѣлахъ Турова и Всесвятскаго, объ убійствѣ отца Никандра, а затѣмъ перешли къ штундистамъ, дѣйствія которыхъ, по мнѣнію Деревнина, становились день ото дня нахальнѣе и насильственнѣе.

— Богъ вѣсть, чѣмъ это кончится; вся эта иноземная шайка подняла голову,—съ вздохомъ замѣтилъ Кромскій.—Кстати, Дмитрій Павловичъ, Милица передавала утромъ, что ты недоволенъ священникомъ и школьнымъ учителемъ. Скажи, что тутъ такое?

— Правда, эти двѣ каналы не мало гадостей творятъ у насъ. Повидимому, они спѣлись и, такъ это ни странно, а отца Агафангела съ жидомъ Кукерманомъ теперь водой не разольешь, такіе это друзья. Ихъ вредное вліяніе очень чувствуется; но ужаснѣе всего то, что они всюду находятъ поддержку. Прежде мы страдали особенно отъ нѣмцевъ, а теперь жида забрали такую силу, что не знаешь, право, какъ отъ нихъ огородиться. Въ прошломъ году, умеръ хозяинъ Окуловки, а наслѣдники продали имѣніе еврею Розенблатту; съ тѣхъ поръ вся округа заражена евреями. Но я собственно хотѣлъ поговорить съ тобой о Кукерманѣ и попѣ. Школьный учитель занимается самой разнообразной дѣятельностью; онъ и учитъ, и ростовщичествоуетъ, и разводитъ свиней; супруга его—первая ему помощница, и оба они, несмотря на крещеніе, остались, разумѣется, закоренѣлыми жидами. На словахъ Кукерманъ—величайшій русскій патриотъ; на дѣлѣ—это коммунаръ,

прививающій дѣтямъ анархистскія бредни, ненависть къ собственникамъ и религиозный индифферентизмъ. Но мало того: школа, заводы и пивныя сдѣлались теперь мѣстами сборищъ для разнаго рода проходимцевъ, держащихъ возмутительныя рѣчи, раздающихъ прокламаціи и призывающихъ къ забастовкамъ, какъ непобѣдимому средству борьбы противъ имущихъ классовъ. Роль попа—еще болѣе гнусная, потому что онъ-то, вѣдь, *русскій* и человекъ образованный, но, къ несчастью, онъ изъ священниковъ новой формаціи и прикрывается своимъ „священствомъ“, чтобы возвеличить свой авторитетъ въ глазахъ развращаемаго имъ населенія. Долженъ сознаться, что дѣло онъ ведетъ очень ловко, особенно на заводахъ, гдѣ онъ организовалъ среди рабочихъ воскресныя чтенія и духовныя бесѣды, а самъ, вмѣсто христіанскаго братства, проповѣдуетъ космополитизмъ. Любовь къ родинѣ у него выставляется въ видѣ эгоизма; война, какая бы то ни была, оказывается отвратительнымъ пережиткомъ варварства. А что этотъ достойный пастырь дѣлаетъ съ понятіемъ о свободѣ? Боже мой! Свобода, по его мнѣнію, это—безпрепятственное отправленіе всякихъ крайностей, съ цѣлью создать, разумѣется, земной рай всѣмъ обездоленнымъ.

— Но, вѣдь надо же было предупредить архіерея и разоблачить дѣйствія этого негодяя,—возмутился Ростиславъ.

— О! Во-первыхъ, нашъ архіерей самъ „либераль“, а вторыхъ, онъ покровительствуетъ Агафангелу, такъ что, съ этой стороны, ничего подѣлать нельзя; но и у губернатора я не добился большаго успѣха: въ качествѣ финляндскаго барона, ему плевать на интересы *русскихъ*. А пока все идетъ, какъ по маслу: здѣсь появилась цѣлая плеяда разныхъ негодяевъ и нравственная зараза растекается, словно чернильное пятно. Земскій врачъ, землемѣръ, акушерка—все нѣмцы, либо поляки; разумѣется, всѣ они отъявленные „либералы“, и, конечно, пріятели Кукермана и попа. Въ эту минуту, вся эта шайка крайне озабочена. Дѣло идетъ о томъ, чтобы пристроить двоихъ изъ нихъ и, судя по ихъ старанью, дѣло это они приняли близко къ сердцу; но я все таки надѣюсь, что всѣ ихъ хлопоты пропадутъ даромъ, такъ какъ рѣшеніе зависитъ... отъ Милицы Юрьевны,—лукаво закончилъ Деревинь.

— Какъ? Отъ Милицы?—удивился Кромскій.

— Именно. Милица Юрьевна устроила на заводѣ богадѣльню, больницу, родильный пріютъ и т. д. Но такъ какъ всѣ эти учрежденія содержатся на средства графини, то и админи-

стративный персоналъ зависитъ отъ нея же. На прошлой недѣлѣ умеръ аптекаръ, а пріютская акушерка вывалилась изъ экипажа, сломавъ себѣ обѣ ноги и, Богъ вѣсть, будетъ ли еще въ состояніи нести свои обязанности: я даже склоненъ думать, что нѣтъ. Милица Юрьевна назначила ей, въ случаѣ неспособности къ труду, маленькую пенсію. Такъ вотъ, на обѣ эти вакансіи у нашего достойнаго пастыря и его не менѣе достойнаго пріятели нашлись свои кандидаты-евреи. Особенно важно для нихъ мѣсто акушерки, дающее большое вліяніе среди фабричнаго люда и потому бѣдной Ивановой, достойной женщиной, очень любимой и уважаемой окрестнымъ населеніемъ, давно уже дѣлали разныя гадости и сыпали на нее лживыми доносами. Даже самый происшедшій съ нею несчастный случай мнѣ крайне подозрителенъ, но доказать ничего нельзя.

— Однако, если Милица отказала уже доблестнымъ кандидатамъ, дѣло значитъ разъяснилось.

— Не совсѣмъ. Они еще не просили графиню лично и у меня есть соображенія, что атака была отложена до твоего пріѣзда.

— Моего пріѣзда? Это забавно, — усмѣхнулся Кромскій и пожалъ плечами.

— Видишь ли, Ростиславъ Ивановичъ, тебя считаютъ, — справедливо или нѣтъ, — *либераломъ*, человѣкомъ, исполненнымъ „передовыхъ“ идей; кромѣ того, ты прибылъ изъ столицы, изъ самаго, такъ сказать, очага интернаціональной заразы, и потому надѣются, что ты внушишь твоей будущей женѣ безпристрастіе, которымъ долженъ быть исполненъ всякій *интеллигентный* человѣкъ. Разумѣется, я только подозрѣваю у нихъ такой планъ, но...

Вдругъ Деревнинъ разразился смѣхомъ и указаль собесѣднику на аллею, ведущую къ террасѣ.

— Смотри, вонъ оба пріятели уже шествуютъ, а потому будь готовъ къ штурму.

— Хорошо, а вонъ и Милица съ Екатериной Леопольдовной. Значитъ, силы сосредоточены и готовы къ бою, — со смѣхомъ отвѣтилъ ему Ростиславъ.

— Пусть пожалуютъ, — съ улыбкой отвѣтила Милица, когда ее посвятили въ дѣло, и сѣла рядомъ съ женихомъ, смотря на приближавшихся къ терасѣ.

Священникъ былъ человѣкъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія; загорѣлое, съ крупными чертами лицо было обрамлено темной бородой. Онъ былъ въ сѣрой коломенковой рясѣ

и изъ-подъ соломенной шляпы виднѣлись густые волосы, подстриженные гораздо короче, чѣмъ обыкновенно у духовенства.

Школьный учитель былъ маленькій, кривоногій и тощій человѣчекъ, рѣзкаго еврейскаго типа и съ хитрыми глазами.

Посѣтителей встрѣтили довольно холодно; священнику Милица, Кромскій и Деревнины подали руки, а учителю пришлось удовольствоваться кивкомъ головы, чѣмъ онъ, повидимому, ни мало не обидѣлся и скромно сѣлъ въ сторонкѣ.

Поздравивъ Милицу съ прибытіемъ жениха, священникъ сразу приступилъ къ интересовавшему его вопросу и въ горячій рѣчи сталъ расхваливать знанія, добросовѣстность, работоспособность и безкорыстіе, словомъ, всѣ добродѣтели своей кандидатки, которая оказывалась, по его словамъ, достойнѣе всѣхъ другихъ занять мѣсто, открывшееся послѣ несчастья съ бѣдной Ивановой.

— А что, эта особа—ваша родственница? Скажите, служила она гдѣ-нибудь раньше, какихъ она лѣтъ и гдѣ теперь находится?—спокойно спросила Милица.

Священникъ оживился.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, она мнѣ не родня. Но мой двоюродный братъ, студентъ-медикъ московскаго университета, очень рекомендовалъ ее мнѣ, а кромѣ того, г-жа Натансонъ можетъ представить похвальное удостовѣреніе отъ доктора Ривкина, у котораго служила въ его родовспомогательномъ заведеніи. Это дѣвушка двадцати восьми лѣтъ и проживаетъ пока у супруги г-на Кукермана. Если вы позволите, то она завтра же явится сама просить за себя.

— Она еврейка?—спросила Милица.

— Да, Лія Соломоновна израильтянка, но, я полагаю, что въ такомъ дѣлѣ, гдѣ главное значеніе имѣютъ знанія и опытность, національный и тѣмъ болѣе религіозный вопросъ не играетъ роли,—покраснѣвъ, отвѣтилъ отецъ Агафангелъ.

— Извините, батюшка, но для меня вопросъ національности имѣетъ первенствующее значеніе и я предпочитаю держать у себя моихъ соотечественниковъ.

— Но вѣдь русскіе израильтяне тоже ваши соотечественники или вправѣ, по крайней мѣрѣ, требовать, чтобы ихъ считали таковыми.

— Можетъ быть, но отъ меня они *требовать* ничего не могутъ и я ни мало не скрываю, что не питаю симпатій къ евреямъ и еще тѣмъ менѣе довѣряю ихъ дѣятельности. По-

этому г-жѣ Натансонъ совершенно излишне беспокоиться приходить ко мнѣ: помѣщать у себя я ее не желаю.

— Ахъ, ваше сіятельство! Какъ можете вы, женщина высоко интеллигентная, руководствоваться такими несправедливыми и отсталыми воззрѣніями? Взгляните на мою кандидату и разсудите сами. Я увѣренъ, что вы оцѣните познанія и высокое развитіе этой достойной особы и перемените ваше мнѣніе. Г-нъ полковникъ, — обратился онъ къ Кромскому, — поддержите меня передъ вашей невѣстой. Вы человѣкъ несомнѣнно „либеральный“, прибывшій изъ центра, такъ сказать, прогрессивнаго движенія, и конечно, не раздѣляете столь несправедливыхъ воззрѣній Милицы Юрьевны на несчастный, угнетенный народъ, являющійся, тѣмъ не менѣе, у насъ смѣлымъ піонеромъ прогресса и свободы.

— Крайне сожалѣю, отецъ Агафангелъ, что не могу оправдать ваше доброе мнѣніе. Во-первыхъ, я никогда не стану вліять на рѣшенія моей невѣсты въ ея личныхъ дѣлахъ, а во-вторыхъ, живя въ Вильнѣ, я довольно насмотрѣлся на „дѣятельность“ несчастнаго, якобы „угнетеннаго“ народа и вынесъ очень неблагоприятное о немъ мнѣніе, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что истинные угнетатели это — жидаи и что несчастное христіанское населеніе задыхается подъ ихъ жидовскимъ игомъ.

— Конечно, — вмѣшался Деревнинъ. — Да у насъ и такъ довольно жидовъ. Даже Окуловка — уже маленькая Палестина, не считая всѣхъ, такъ называемыхъ, странствующихъ торговцевъ и прочихъ „израильтянъ“, подъ разными видами развѣжающихъ по селеніямъ, да фабрикамъ и проповѣдующихъ въ кабакахъ идеи, ничего общаго не имѣющихъ съ патріотизмомъ. Теперь вообще нажнулись на крестьянство и развращаютъ его со всѣхъ сторонъ, а штундисты съ жидами идутъ словно рука объ руку, чтобы подорвать православіе и чувство народности. Я полагаю, батюшка, что давно пора вамъ начать дѣйствительно религіозныя собесѣдованія.

Священникъ былъ въ ярости, въ виду неудачи его ходатайства. Лицо покрылось красными пятнами, маленькіе глаза горѣли злобой и вся грубость невыдержанной натуры сказалась въ громкомъ, презрительномъ, дерзкомъ смѣхѣ, которымъ онъ встрѣтилъ слова Дмитрія Павловича.

— Ха, ха! Религіозныя собесѣдованія, на которыхъ я сталъ бы поучать свою паству уважать исправника, да почитать помѣщиковъ? Словомъ, увѣщевалъ бы оставаться послушнымъ стадомъ, которое можно стричь сколько угодно, такъ, что ли?

Нѣтъ-съ, достоуважаемый Дмитрій Павловичъ, прошло то время, когда „попъ“ былъ неразумнымъ и пассивнымъ орудіемъ административной тираніи. Свобода, процвѣтающая въ окружающихъ насъ странахъ, уже грядетъ; она должна обновить и Россію. Я же здѣсь для того, чтобы просвѣтить народъ, растолковать ему его права и требованія, которыя онъ вправѣ предъявить; а поэтому я считаю преступленіемъ внушать бѣдному люду обскурантныя, рабскія убѣжденія, полезныя лишь богатымъ, да чиновникамъ, жирѣющимъ отъ своего мздоимства. Да, наконецъ, наши крестьяне и рабочіе уже не прежній спокойный, покорный рабочій скоть; они поняли свои человѣческія права и готовы защитить ихъ противъ деспотизма и алчности имущихъ классовъ. Къ тому же, какъ пастырь христіанской церкви, я не дерану, подѣ предложомъ защиты Православія, проповѣдывать нетерпимость, расовую ненависть и тому подобныя глупыя предрасудки, которые ведутъ къ самымъ возмутительнымъ насиліямъ. Что мнѣ за дѣло до штундистовъ? Это такіе же люди, какъ и мы, и, вдобавокъ, гораздо нравственнѣе насъ. Вообще, я всею душою и всѣмъ помышленіемъ алчу часа, когда падутъ, наконецъ, цѣпи, сковывающія духъ человѣческой. Когда всѣ вѣроисповѣданія станутъ равны и не будетъ болѣе ни эллина, ни іудея, ни ужасающей имущественной разницы между согражданами.

— Вы сногшибательный „либераль“, почтенный отецъ Агафангелъ, и православная церковь вправѣ гордиться, если у нея много столь же ретивыхъ служителей, какъ вы, — насмѣшливо отвѣтилъ ему Кромскій.—А вашъ преосвященный знаетъ и одобряетъ благородную дѣятельность, которой вы отдались?

— Да-съ, знаетъ и одобряетъ, потому что это человѣкъ просвѣщенный, либеральный и терпимый, безъ всякихъ предрасудковъ, который и самъ работаетъ надъ обновленіемъ страны,—вызывающе отвѣтилъ священникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это для меня новость, чтобы служители извѣстнаго вѣроученія считали своимъ долгомъ какъ можно болѣе вредить ему. А можетъ быть вашъ почтенный архіерей таитъ замыселъ и вовсе уничтожить православіе, чтобы замѣнить его... хотя бы іудействомъ? — презрительно сказалъ Кромскій.

— Уничтожить православіе? Нѣтъ. А снять съ него бремя преобладанія, которое является отрицаніемъ основного начала въ христіанствѣ — равенства, — конечно! Въ нашъ про-

свѣщенныѣ вѣкъ нельзя дѣлать изъ религіи темницу, въ коеѣ исповѣдывающіе извѣстное вѣроученіе прикованы закономъ, какъ нѣкогда рабы къ своему клочку земли. Всякій долженъ имѣть право почитать Бога, какимъ ему угодно образомъ, и съ той поры, какъ исчезнутъ священники, проповѣдующіе нетерпимость, расовую ненависть и восхваленіе войны, не будетъ болѣе слугителей Ваала и всѣ будутъ братьями..

— Вы не угадали своего призванія, батюшка! Вамъ бы не рясу имѣть, а тогу революціоннаго трибуна и фригійскій колпакъ. Но ваша миссія въ Россіи преждевременна,—презрительно сказала Милица.

— Повидимому, графиня, вы придерживаетесь прежняго патріотизма и не допускаете измѣненія устарѣлыхъ законовъ,—сладкимъ голосомъ вмѣшался Кукерманъ.—А между тѣмъ, Россія всегда была, какъ бы, младшей сестрой окружающихъ ее просвѣщенныхъ народовъ и многое уже отъ нихъ заимствовала; поэтому можно ли удивляться, если ея передовые люди съ завистью глядятъ на великолѣпнѣе конституціоннаго устройства Англіи, или на широкую свободу, процвѣтающую въ Франціи, гдѣ не слѣпой случай рожденія, а личныя достоинства выдвигаютъ на вершину власти гражданина, свободно избраннаго цѣлымъ народомъ, хотя бы изъ самой скромной среды. Конечно, Россія еще не созрѣла для столь великихъ преобразованій, но жаждаютъ ихъ, готовятъ молодежь и общественный духъ для неизбѣжныхъ реформъ и свободы, которая должна быть здѣсь,—развѣ это не долгъ cadaго преданнаго своей странѣ патріота?..

— А между такими патріотами вы, вырочно, считаете и себя, г-нъ Кукерманъ? Сознаюсь, что перспектива пробить дорогу отъ корчмы до Зимняго дворца крайне соблазнительна, но только русскихъ примѣромъ Франціи вамъ не заманить; стоитъ лишь вспомнить процессъ Дрейфуса, гнусную исторію Панамы и нынѣшнее правительство маѣонской шайки, упрочивающей будто бы величіе страны тѣмъ, что разстраиваетъ армію и флотъ, проповѣдуетъ дезертирство, поноситъ религію и грабитъ церковныя имущества. Нѣтъ, избави Богъ Россію и отъ этихъ *плодовъ просвѣщенія* и отъ людей, которые пожела-ли бы пересадить къ намъ всю нравственную и политическую гниль этой злосчастной страны,—негодующимъ тономъ сказала Милица.

— Да, и грустно, и стыдно смотрѣть, какъ слугитель церкви поноситъ и презираетъ вѣру, въ которой выросъ, съеть раздоръ и смуту и унижается до того, что становится слѣпымъ,

послушнымъ орудіемъ вражескихъ происковъ, направленныхъ на погибель его родины. Что къ этой цѣли стрѣмятся жида, меня нисколько не поражаетъ; еще со временъ Египта они неизмѣнно вносили въ каждую пріютившую ихъ страну раздоры, разложеніе и разореніе; но для *русскаго*—позорно быть въ союзѣ съ нашими злѣйшими врагами.

Кромскій всталъ, презрительнымъ взглядомъ смѣривъ поа-измѣнника своей вѣрѣ и народу.

Агафангелъ тоже поднялся, сдѣлавъ знакъ и Кукерману. — Вы очень радикальны, г-нъ полковникъ, и нетерпимы къ противоположнымъ мнѣніямъ,—проворчалъ онъ сердито.— Что дѣлать! Каждый по своему понимаетъ благо своей страны: вы въ ненависти и угнетеніи всякой иной національности, я— въ терпимости, свободѣ и уваженіи къ человѣку, его знаніямъ и качествамъ, какого бы происхожденія и религіи онъ ни былъ. Въ виду того, что взгляды и мнѣнія выяснились и опредѣлились, я полагаю, Захаръ Абрамычъ, что не слѣдъ утруждать графиню просьбой, которую ты собирался изложить; она такъ же будетъ мало успѣшна, какъ и моя, и по той же причинѣ. Мое почтеніе.

Оба они неловко раскланялись и ушли.

— Пойдите, канальи аристократическія!—злбно рычалъ Агафангелъ, когда они съ пріятелемъ ушли въ аллею.—Когда пробьетъ часъ освобожденія, тогда собьютъ вашу спесь, да запалятъ ваши роскошныя берлоги, выстроенныя изъ крестьянскаго, ворованнаго добра.

— Охъ, придетъ ли эта минута, когда и мы отводемъ себѣ подобающее мѣстечко на солнцѣ?—скромно вздохнулъ еврей, и по той неумолимой злобѣ, которая блеснула въ его хитрыхъ глазахъ, видно было, каково его смиреніе.

По ихъ уходѣ на террасѣ нѣсколько минутъ молчали.

— Ну что, не правъ я былъ?—замѣтилъ Деревнинъ.—Развѣ это не мерзавцы? Еслибы у нашего правительства была хоть тѣнь чувства долга, и само оно было смышленѣе, а не относилось къ странѣ злѣе всякаго внѣшняго врага, ихъ надо бы было пробрать какъ слѣдуетъ, выгнать отсюда прочь.

Ростиславъ сѣлъ и нетерпѣливымъ жестомъ провелъ рукой по лбу.

— Да, это ужасно, что дѣлается. Тамъ, въ виленскомъ округѣ, гдѣ поляки и жида подали другъ другу руки, чтобы намъ вредить, революціонная пропаганда ведется, я знаю, почти открыто; но я не воображалъ, чтобы зараза проникла въ русскія губерніи и захватила даже священниковъ.

— Къ несчастью, попы вродѣ Агафангела уже не рѣдкость. Еще покойный отецъ Никандръ рассказывалъ мнѣ, какое ужасающее невѣріе и какая развращенность господствуютъ въ семинаріяхъ; а въ школахъ заражаетъ молодежь кишашее тамъ жидовство.

Кромскій поднялся съ мѣста и сталъ ходить по террасѣ.

— Вездѣ хорошо, куда ни взглянешь. На окраинахъ царить полное непониманіе государственныхъ интересовъ и продажность. Одна Польша, гдѣ еврейскій „Бундъ“ усиленно разжигаетъ революцію, поднесетъ въ одинъ прекрасный день такой орѣшекъ, который сразу и не раскусишь. Наша слѣпая дипломатія, съ халуйской угодливостью передъ западомъ, вѣчно идетъ на помочахъ у нашихъ враговъ и, одинъ Богъ знаетъ, какіе сюрпризы намъ готовить. А армія?

— Тутъ, кажется ты увлекаешься, армія у насъ чудная, — заступился Деревнинъ.

— Я ни минуты не сомнѣваюсь, что войска геройски выполняютъ свой долгъ, когда будетъ нужно; но вѣдь до того надо ихъ выучить, одѣть, обуть и накормить. Попробуй порыться въ этомъ и ты сразу наткнешься на воровство. А командный персоналъ? Всюду интриги, рутина, неспособность и халатность. Я не разъ пробовалъ открывать глаза, кому слѣдуетъ, и доказывалъ, что пора наконецъ ваяться за дѣло. А мнѣ на это съ идиотской улыбкой отвѣчаютъ: „Вы ужасно безпокойный человекъ и вашъ „патріотизмъ“ заставляетъ васъ видѣть все въ черномъ цвѣтѣ. Успокойтесь, все будетъ въ свое время, не раньше и не позже“. Мнѣ тогда стоило большого усилія удержаться, чтобы не плюнуть этому господину въ фізіономію. Право, иногда во всемъ чувствуется чья-то предательская рука, упорно подготовляющая нашъ разгромъ.

— Да, да, — съ разстановкой, задумчиво сказалъ Деревнинъ. — Тамъ, наверху, думаютъ только о карьерѣ, да о наживѣ и ни мало не стыдятся, когда министерскій портфель прицѣпленъ къ грязнымъ юбкамъ какой-нибудь уличной блудницы, разыгрывающей затѣмъ роль рѣшительницы судебъ.

Появленіе лакея съ докладомъ, что чай готовъ, прервалъ разговоръ.

Позже, когда женихъ съ невѣстой остались одни, Кромскій ваялъ руку Милицы и поднесъ къ губамъ.

— Я еще не сказалъ тебѣ великую новость про себя; меня ждетъ перемѣна служебнаго положенія, на которое ты, надеюсь, согласишься.

— Если ты находишь его для себя подходящимъ, то я согласна заранѣе.

— Я покидаю военную службу.

— Что ты говоришь?

— Да, я перехожу въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ и назначаюсь вице-губернаторомъ въ юго-западный край. Мнѣ это устроилъ дядя Загаринъ, который въ отличныхъ отношеніяхъ съ министромъ, и я съ часу на часъ жду моего назначенія. И такъ, моя дорогая, придется пожить въ К.—скверномъ польско-жидовскомъ городишкѣ. Но, что дѣлать, надо поработать и для родины.

Милица поблѣднѣла.

— Ахъ, какое ты нехорошее время выбралъ для своего перевода. Ты самъ говорилъ, что тамъ, Богъ знаетъ, что дѣлается, а евреи, заодно съ поляками готовятъ революцію и можетъ даже вспыхнуть возстаніе; а съ этимъ вмѣстѣ, губернаторъ—старый, выжившій изъ ума нѣмецъ,—я это знаю,—и, такимъ образомъ, вся отвѣтственность падеть на тебя. И это, какъ разъ, къ нашей свадьбѣ; я никогда не буду знать покоя. Прошу тебя, Ротя, не принимай этого назначенія. Мы, слава Богу, достаточно обезпечены и не нуждаемся въ такомъ рискѣ; а вѣдь я тебя знаю: ты захочешь, во что бы то ни стало, отстаивать русскіе интересы, бороться съ предательствомъ и въ результатъ такой борьбы ты себѣ только сломаешь шею.

Ростиславъ нагнулся къ ней и строгимъ повелительнымъ взглядомъ заглянулъ ей въ глаза.

— Тебя-ли я слышу, Милица? Во-первыхъ, богата ты, а не я и стала-ли бы ты любить и уважать меня, увидавъ, что я—трусъ и лѣнтяй, сторонящійся отъ всякой серьезной дѣятельности, чтобы только веселиться съ пріятелями, пировать да бражничать и разглагольствовать на патріотическія темы, мечая громъ и молніи, за высоты своего величія, на малодушную, бездѣятельную толпу? Нѣтъ! Чтобы имѣть право осуждать другихъ, надо самому выступить на арену и смѣло начать бой, а не беречь свою драгоценную шкуру, не загораживаться и не любоваться нашимъ разгромомъ, сложа руки. Сохрани меня Богъ оказаться подобной тыквой, салоннымъ болтуномъ, все мужество котораго сводится къ тому, чтобы очаровывать дамъ пустыми, громкими фразами. Нѣтъ, я вѣрю въ тебя, Милица; ты—недаромъ дочь Юрія Михайловича, смѣлая, гордая женщина, которая не потерпѣла, будучи даже женой нѣмца, глумленія надъ національнымъ чувствомъ. Мое непоколебимое убѣжденіе, что ты для меня будешь надежной опорой въ труд-

ныя минуты. Затѣмъ, дорогая, для всякой человѣческой жизни есть предназначеніе, либо несчастное, либо счастливое. Коли мнѣ суждено погибнуть, я все равно погибну, какимъ бы то ни было образомъ, хотя бы просто случайно; а если мнѣ предстоитъ жить, никакая преступная рука меня не тронетъ. Наконецъ, неужели намъ, русскимъ, суждено всюду пятиться, открывая двери и окна иноземцамъ да предателямъ? Честный человѣкъ долженъ свято исполнять свой долгъ, а въ остальномъ положиться на Бога. Развѣ ты желаешь, чтобы я увеличилъ собою ряды героевъ „собственнаго спокойствія“?

Милица крѣпко пожала ему руку и ея лучистые глаза заблестѣли восторженно и смѣло.

— Ты правъ, Ротя; не прячься, а работай и дѣлай, что вѣдешь долгъ; я же постараюсь быть сильной и раздѣлю съ тобой всѣ опасности, потому что хочу быть достойной тебя. Теперь я хочу обратиться къ тебѣ съ просьбой: мнѣ не хочется, чтобы насъ вѣнчалъ противный Агафангень, а потому устрой, если можно, нашу свадьбу въ церкви Знаменскаго, гдѣ настоятелемъ старый о. Исидоръ.

— Я радъ, что предугадалъ твое желаніе и Дмитрій Павловичъ уже дѣло устроилъ на будущее воскресенье. А за твое обѣщанье спасибо отъ всего сердца,—отвѣтилъ Кромскій, горячо цѣлуя невѣсту.

XVI.

Теперь вернемся въ Креницу, къ тому времени, когда Беренклау, послѣ покушенія на самоубійство, былъ при смерти.

Слухъ о происшествіи разнесся быстро и привелъ въ волненіе провинціальное гнѣздо, вызывая нескончаемые пересуды и сплетни.

Когда прибылъ вызванный телеграммой старый графъ, то нашелъ уже баронессу Дауницъ съ дочерью у постели больного, который былъ въ горячечномъ состояніи и никого не узнавалъ.

Графъ Зигфридъ былъ въ полномъ отчаяніи, ухаживая за сыномъ; никогда Эгонъ не былъ ему такъ дорогъ, какъ теперь когда онъ каждую минуту могъ его потерять. Въ эти мучительные, тоскливые дни у смертнаго ложа, старый повѣса впервые почувствовалъ ребячество и пустоту своего безцѣльнаго существованія и горько упрекалъ себя, что не былъ около сына. Можетъ быть, его вмѣшательство, во-время сказанное

слово примиренія и помѣшало бы разрыву, удержавъ Милицу отъ необдуманнаго отъѣзда, а Эгона отъ покушенія.

Была ночь и графъ сидѣлъ у больного; ему удалось убѣдить баронессу съ дочерью пойти отдохнуть. Непомѣрное стараніе и заботы Вильмы его раадражали.

Онъ тревожно прислушивался къ тяжелому, порывистому дыханію сына, какъ вдругъ тотъ открылъ глаза и лихорадочнымъ, но вполне сознательнымъ взглядомъ обвелъ тонувшую въ полутьмѣ комнату. Затѣмъ, горькое выраженіе мелькнуло на устахъ и глаза закрылись; отца онъ, казалось, не замѣтилъ. Черезъ нѣсколько минутъ рука больного нащупала повязку и попыталась ее сорвать, но быстро подскочившій графъ Зигфридъ успѣлъ во-время остановить.

— Бога ты не боишься, Эгонъ! Пожалѣй хоть стараго отца.

Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу раненаго, изъ груди вырвался глухой стонъ и рука опустилась на одѣяло; это усиліе, словно утомило его, и онъ снова впалъ въ тревожное забытѣе.

Но все же молодой, мощный организмъ восторжествовалъ и вотъ, однажды утромъ, послѣ долгаго, укрѣпляющаго сна, Эгонъ открылъ глаза въ полномъ сознаніи, хотя онъ былъ все еще очень слабъ, и докторъ предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

Оставшись какъ-то съ глазу на глазъ съ отцомъ, молодой графъ воспользовался, чтобы спросить, увѣдомлена ли Милица и не вернулась ли она?

— Королина говорила мнѣ, что писала обо всемъ Матильдѣ, но отъ самой Милицы Юрьевны мы не имѣли извѣстій.

— Можетъ быть, она въ отсутствіи, — успѣшилъ утѣшить отецъ, видя, что на лицѣ сына мелькнуло горькое, недовольное выраженіе.

Во весь остальной день больной не проронилъ ни слова, что крайне безпокоило графа; но на слѣдующее же утро онъ попросилъ отца вызвать повѣреннаго и поручить ему начать переговоры о разводѣ.

Графъ Зигфридъ сталъ было убѣждать не рѣшать окончательно, а главное, не торопиться въ такомъ важномъ вопросѣ, который слѣдовало зрѣло обдумать и серьезно обсудить.

— Не мучь меня возраженіями, отецъ. Я все обдумалъ, и мое рѣшеніе неизмѣнно, — отвѣтилъ на это Эгонъ тихимъ, но твердымъ голосомъ. — Я не искалъ бы смерти, если бы жизнь не стала мнѣ невыносимой; но разъ неумолимая судьба повелѣваетъ мнѣ жить и я долженъ, изъ любви къ тебѣ, влачить

свое существованіе, такъ предоставь мнѣ устроить его по моему усмотрѣнію.

Старый графъ не возражалъ болѣе и переговоры о разводѣ были начаты къ глубокой, хотя и молчаливой радости Вильмы.

Выздоровленіе шло медленно; тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ прибывали силы раненаго, возстановлялось, какъ будто, и его обычное спокойствіе. Лишь въ минуты одиночества, вдали отъ посторонняго глаза, онъ давалъ волю своему безутѣшному горю. Самолюбіе его было жестоко оскорблено покинутіемъ и равнодушіемъ Милицы. Значить, она его никогда не любила, если даже въ такой страшный моментъ, когда онъ, благодаря ей же, очутился на краю могилы, она не вернулась ухаживать за нимъ, усладить его, можетъ быть, послѣднія минуты, сказать на прощаніе теплое слово утѣшенія, дать послѣдній поцѣлуй. Жестокая,—она сперва завоевала и поработила его, а потомъ бросила, какъ ненужную игрушку. Но самымъ ужаснымъ было сознаніе, что не смотря на свои душевныя раны и всѣ усилія, онъ не могъ вырвать изъ сердца роковую любовь къ женщинѣ, которой самъ вернулъ свободу, а эта свобода неизбежно приведетъ Милицу въ объятія другого.

Не меньше мучило его и безчестье матери, и подозрѣніе, пятнавшее его собственное происхожденіе. Воспоминаніе о той роковой случайности, отдавшей позорную тайну въ руки Милицы, обдавало его, словно кипяткомъ; иногда ему казалось, что онъ сходить съ ума отъ отчаянія. Но всѣ эти внутреннія бури разыгрывались втихомолку; наружно молодой графъ казался совершенно спокойнымъ и съ горячей любовью относился къ отцу, а теткѣ и кузинѣ выражалъ холодно-вѣжливую признательность за ихъ попеченія.

Онъ уже былъ въ состояніи ходить по комнатѣ, когда графъ Зигфридъ получилъ письмо отъ генерала Маркхольма. Съ неподдѣльной радостью, старый пріятель сообщалъ, что происшедшія въ Креницѣ событія вызвали полную реакцію въ пользу его сына; даже въ высшихъ сферахъ сожалѣли о томъ, что черезчуръ, можетъ быть, строго отнеслись къ неосторожнымъ проступкамъ молодой женщины, чуть не ребенка, и этимъ вызвали разрывъ, который едва не стоилъ жизни bravому офицеру. Словомъ, все разъяснилось. Эгонъ совершенно обѣленъ отъ всякаго соучастія въ происшедшихъ грустныхъ осложненіяхъ и полки дивизіи Маркхольма сочтутъ за честь имѣть графа въ своей средѣ; такимъ образомъ, пе-

реводъ его въ полкъ, расположенный въ Майнцѣ, будетъ сдѣланъ безъ промедленія, если только онъ самъ не передумаетъ и не предпочитаетъ остаться въ своемъ полку.

Когда старый графъ передалъ ему письмо генерала, онъ почувствовалъ удовлетвореніе, но къ нему примѣшалось и чувство горечи; рана, нанесенная его самолюбію, была слишкомъ глубока, чтобы залечиться такъ легко.

Всѣ эти „товарищи“, изъ которыхъ одни поспѣшили осудить, не зная его и не разобравъ дѣла, а другіе пошлыми выходками много способствовали его семейному разладу и довели Милицу до крайностей,—внушали ему отвращеніе. Не раздумывая долго, онъ самъ отвѣтилъ генералу, горячо благодаря его за неизмѣнное къ нему участіе и за сообщеніе пріятнаго, лестнаго извѣстія.

„Но, къ великому моему сожалѣнію, — заканчивалъ онъ свое письмо,—я не могу воспользоваться добрымъ согласіемъ гг. офицеровъ принять меня въ ихъ среду, и прошу ваше превосходительство передать имъ мою признательность. Потрясеніе, вынесенное моимъ организмомъ, будетъ еще долго чувствоваться и дѣлаетъ меня неспособнымъ къ военной службѣ; не менѣе тяжелый ударъ перенесла моя душа, а для того, чтобы возстановить мое душевное равновѣсіе, мнѣ нужны одиночество и работа. Эти два условія я обрѣту, выйдя въ отставку, чтобы быть уже вполне свободнымъ и отдаться всецѣло управленію Креницей“.

Въ тотъ же день онъ послалъ въ полкъ рапортъ объ отставкѣ. Дня черезъ два, однако, самъ полковникъ фонъ-Рамбергъ пріѣхалъ навѣстить его, выразить ему сожалѣнія всего полка и горячо убѣждалъ взять рапортъ обратно. Графъ выразилъ полковнику и товарищамъ благодарность, за оказываемую честь, но продолжать службу отказался наотрѣзъ, утверждая, что чувствуетъ себя для этого слишкомъ слабымъ и больнымъ.

Слѣдовавшіе засимъ мѣсяцы текли однообразно. Хотя всякая опасность миновала, выздоровленіе шло страшно медленно; вѣчно хмурый и молчаливый, Беренклау старался быть одинъ и оживалъ лишь, когда дѣло касалось имѣнія. Отецъ его, вызванный дѣлами, уѣхалъ въ Берлинъ; баронессы Дауницъ тоже перебрались въ Каролиненгофъ, но Вильма часто навѣщала Креницу и продолжала разыгрывать „добраго генія“, наблюдая за хозяйствомъ и совѣщаясь съ фрау Линдербъ о благополучіи выздоравливавшаго и разныхъ деликатессахъ, которыми можно было бы его угостить.

Графу эти нескончаемыя посѣщенія были въ тягость; но, стѣсняясь открыто выразить это своей кузинѣ, онъ сначала просто избѣгалъ ее и кончилъ тѣмъ, что пересталъ ее замѣчать. Тѣмъ менѣе обратилъ онъ вниманіе на пристальные, лукаво-насмѣшливыя взгляды, украдкой бросаемыя на него съ нѣкоторыхъ поръ Вильмой.

Послѣднее время онъ былъ особенно разстроены и грустенъ, что бывало съ нимъ всегда, когда какой-нибудь случай бередилъ его душевную рану. Вальнекъ, единственный изъ прежнихъ товарищей, съ которымъ графъ сохранилъ дружескія отношенія, передалъ ему, что домъ, купленный когда-то Милицей въ ихъ городкѣ, проданъ теперь по приказанію графини, а вся мебель идетъ съ аукціона. Это-то неожиданное извѣстіе оживило тысячи воспоминаній и усилило его мучительное, но властное чувство къ женѣ.

Вслѣдъ за симъ онъ получилъ письмо отъ повѣреннаго, который сообщалъ, что процессъ о разводѣ идетъ къ концу, и прилагалъ на подпись нужную бумагу. Графъ подписалъ и тотчасъ же отослалъ пакетъ; но лишь только лакей, уносившій письма, вышелъ за дверь, какъ онъ облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. Сознаніе, что послѣдняя, соединявшая его съ Милицей, связь порвана, мучительно отзывалось въ сердцѣ и будило ревность; ему дышалось съ трудомъ и болѣзненный вздохъ, не то стонъ вырвался изъ груди.

Поглощенный своими тоскливыми мыслями, графъ не замѣтилъ, какъ дверь безшумно пріотворилась и на порогѣ появилась Вильма. Страстнымъ, мрачнымъ и ревнивымъ взоромъ взглянула она на него и вдругъ лицо ея вспыхнуло. Она видимо колебалась, волнуясь и вздрагивая по временамъ; но наконецъ рѣшилась. Тихо крадучись, подошла она къ графу и опустила на колѣни у его кресла, положивъ свою руку на его.

— Эгонъ, Эгонъ! Опять ты предаешься отчаянію и все изъ-за безсердечной, неблагодарной кокетки, которая никогда тебя не любила, не цѣнила и создала тебѣ цѣлый адъ, — тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ сказала она. — Попытайся же забыть ее. Взгляни вокругъ; можетъ быть, ты и замѣтишь преданное сердце, которое за райское блаженство сочтетъ возможность украсить твою жизнь, окружить тебя любовью и преданностью, будетъ счастлива исполнить малѣйшее твое желаніе и создать у твоего очага пріютъ мира и горячей привязанности.

При первыхъ ея словахъ, графъ выпрямился и вдрогнулъ

точно его разбудили; разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ онъ стоявшую на колѣняхъ кузину и ея смущенный, но страстный взглядъ, вымаливавшій его любовь. Затѣмъ, сознание его прояснилось и онъ вскочилъ.

— Вильма! Ты на колѣняхъ передо мной! Подумай, что ты дѣлаешь,—пробормоталъ онъ, поднимая ее насильно и сажая въ свое кресло.

Блѣдный и тяжело дыша, онъ въ первую минуту не могъ говорить отъ волненія и молча глядѣлъ на Вильму, которая сидѣла съ поникшей головой, нервно стиснувъ руки, словно ожидая свой приговоръ.

Овладевъ собой, графъ придвинулъ табуретъ и сѣлъ противъ нея.

— Прости мнѣ, дорогая Вильма, то, что я тебѣ скажу, но такъ велить мнѣ моя честь,—тихо, но твердо началъ онъ.— Я знаю, что ты меня любишь и глубоко признателенъ тебѣ за твою привязанность и заботы обо мнѣ, которыхъ не стою, потому что люблю тебя только, какъ сестру; всякое другое чувство во мнѣ умерло. Я никогда не женюсь, такъ какъ не желаю дѣлать несчастной ту, которая станетъ моей женой. Ты же, Вильма, достойна полного, глубокаго чувства и ты найдешь его, я въ этомъ увѣренъ. Меня ты забудешь и наступитъ минута, когда ты скажешь: спасибо, Эгонъ, что не воспользовался моей слабостью и не сдѣлалъ изъ меня экономку, не давъ мнѣ любви. То, что тебѣ кажется счастьемъ въ данную минуту, обратится впоследствии въ адъ; для женщины слишкомъ тяжело быть только *терпимой* любимымъ человекомъ, а я ужъ больше любить не могу. Милица унесла съ собой мое сердце. Я буду работать и, со временемъ, обрѣту равновѣсіе; но я долженъ быть одинъ и не имѣю права приковывать къ себѣ другое существо.

Вильма вскочила и ея блѣдное лицо покрылось красными пятнами.

— Такъ вотъ твой отвѣтъ?—глухимъ, прерывистымъ голосомъ пробормотала она.— Ты отталкиваешь меня, ради этой вывезенной тобой изъ Россіи проходимки? И эту искательницу любовныхъ приключеній, женщину безъ принциповъ и чести, которая отравила твою жизнь и довела до самоубійства, ты все еще не можешь забыть? Ты не въ состояніи вырвать ее изъ твоего сердца? Изъ-за нея у тебя не хватаетъ силы полюбить другую, которая была бы твоей рабой и принадлежала бы тебѣ душой и тѣломъ? Мнѣ ты предпочелъ потаскуху, которая обманывала тебя, пока наконецъ не бросила?

Графъ всталъ и глубокая складка сложилась на лбу; голосъ его зазвучалъ гнѣвно и строго.

— Я не позволю *никому* — слышишь? — дурно отзываться объ Милицѣ; она не обманывала и не измѣняла, потому что не была способна на ложь. Насъ разлучили несчастныя обстоятельства, но я цѣню въ ней независимость ея мнѣній и ея гордую чистую душу, которая всегда была для меня открытой книгой. Еще скажу, что никогда не жаждалъ имѣть въ женѣ—рабу, и сколь ни прекрасно въ жизни человѣческой олицетвореніе добродѣтели и долга,—мнѣ этого недостаточно, и я предпочитаю недостатки, капризы и даже выходки Милицы.

Видя, что Вильма поблѣднѣла и запаталась, онъ продолжалъ уже болѣе мягкимъ тономъ:

— Прости, что я высказываю тебѣ такія горькія истины. Я никогда бы себѣ этого не позволилъ, еслибы ты сама не вызвала этого объясненія; но я хотѣлъ разомъ рѣшить вопросъ, чтобы ты не лелѣяла несбыточныхъ надеждъ на будущее.

— О! Я тебя поняла,—вѣ себя, крикнула Вильма,—ты еще надѣешься, что *она* вернется? Такъ ты самъ не убаюкивай себя напрасными надеждами: мнѣ извѣстно, что она выходитъ замужъ за Кромскаго...

— Я это зналъ,—повелительно перебилъ ее графъ,—но не все ли равно? Ставши свободной, Милица вольна выходить замужъ, за кого вздумается, равнымъ образомъ и я, ставши свободнымъ, желаю такимъ остаться. Твои слова доказываютъ только, какъ трудно проявлять кротость, когда ревнуешь и когда требуешь того, на что не имѣешь даже никакого права. Что же было бы, еслибы у тебя оказались права на меня? Отчего вмѣсто погони за химерами, ты не хочешь быть разумной, Вильма, и отталкиваешь возможное счастье? Я знаю, что докторъ Роденъ тебя любитъ, это—вполнѣ порядочный чловѣкъ, обладающій всѣми достоинствами ума и сердца, чтобы сдѣлать женщину счастливой. Выходи за него; новыя обязанности возстановятъ твое спокойствіе, а мужъ станетъ врачомъ твоей души.

Вильма стала пунсовой.

— Пожалуйста, не заботься о моемъ счастьѣ, я сама о немъ позабочусь. А ты, безумный оставайся вѣренъ твоей „казачкѣ“ и оплакивай ее до смерти; она сама отмститъ за меня и докажетъ независимость своихъ взглядовъ. Ея „чистота“ готовитъ тебѣ сюрпризъ, которому я не завидую, но не желаю портить тебѣ его свѣжесть,—крикнула Вильма, вылетая, какъ ураганъ, изъ кабинета.

Изъ окна графъ видѣлъ, какъ она сбѣжала съ крыльца, бросилась въ свой шарбанъ и помчалась по дубовой аллеѣ; второпяхъ она даже забыла свою шляпу.

Когда экипажъ кухни исчезъ вдали, онъ облегченно вздохнулъ и презрительная усмѣшка мелькнула на лицѣ.

— Судьба—насмѣшница одному даетъ то, къ чему онъ равнодушенъ, и отнимаетъ у другого то, чего тотъ жаждетъ, — прошептала онъ, усаживаясь въ кресло.—Вильма клянчить мою любовь, Милица топчетъ ее ногами, а мое сердце изнашиваетъ по той, которая отъ меня отвернулася, отталкиваетъ ту, которая меня обожаетъ. Но что она подразумѣвала, говоря о какомъ-то сюрпризѣ, повидимому неприятномъ? Должно быть, это какая-нибудь грязная сплетня, которую она бросить мнѣ при случаѣ.

Утомленный и взволнованный выдержанной стеной, графъ взялъ шляпу и вышелъ погулять; ему хотѣлось побыть одному и онъ пошелъ къ лѣсу. Живительный воздухъ и тишина, царившая подъ высокими вѣковыми деревьями, ободряюще на него подѣйствовали. Задумавшись, съ опущенной головой, онъ медленнымъ шагомъ шелъ по тропинкѣ, какъ вдругъ его собака, бѣжавшая впереди, громко залаяла. Беренклай поднялъ голову и увидалъ, что его Варъ съ лаемъ подходитъ къ сидѣвшей сбоку, на пнѣ, женщинѣ; рядомъ съ ней на землѣ лежалъ большой узелъ. Графъ отозвалъ собаку и взглянулъ на женщину, испуганно вскочившую съ мѣста и пытавшуюся ввалить на спину свою ношу. Это была старуха съ морщинистымъ лицомъ цыганскаго типа.

Ему стало жалко ея; вынувъ изъ кармана мелочь, онъ подаль ей и затѣмъ пособилъ поднять узелъ.

— Какъ это ты, бабушка, таскаешь этакую тяжесть?

— Да вѣдь надо же кому-нибудь, а больше некому, господинъ хорошій. Богъ тебя благослови за твою доброту къ старухѣ,—отвѣтила она, принимая деньги, и, удержавъ руку графа въ своей, принялась разсматривать его ладонь.

— Брось, старая. Я не хочу гадать, да и не вѣрю въ гаданье,—сказалъ графъ, отнимая руку.

Цыганка подняла на него свои удивительно блестящіе и живые, не смотря дряхлое лицо, глаза и покачала головой.

— Такъ, такъ, теперь ты не хочешь гадать, потому что несчастенъ и сердце твое пронзено. Но не горюй: ты—богаче, чѣмъ думаешь, и скоро объ этомъ узнаешь; а все, что ты потерялъ, опять вернется. Это тебѣ старая Маріамъ говоритъ.

— Спасибо за предсказанье, бабушка; да только есть на

свѣтъ вещи, которыя, если разъ утратишь, назадъ никогда не вернешь,—горько улыбнувшись, замѣтилъ Беренклау и далъ ей еще денегъ.

Послѣ длинной прогулки онъ поздно вернулся домой, усталый, и, послѣ обѣда, принялся разсматривать доставленную почту. Первымъ бросилось ему въ глаза письмо изъ Россіи со штемпелемъ „Екатеринославъ“.

Онъ удивился и торопливо вскрылъ его, но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ посланіе Деревнина, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о рожденіи сына, мертвенная блѣдность покрыла его лицо и онъ откинулъ голову на спинку кресла. Новость обрушилась ему, какъ снѣгъ на голову.

— Господи Боже мой,—съ мучительной тоской прошепталъ онъ.—Ужели еще не полна чаша моего горя? Теперь, когда все кончено—стать отцемъ и быть навсегда лишеннымъ этого высшаго счастья.

Но тутъ же его охватило чувство глубокаго негодованія. Какъ посмѣла она скрыть отъ него такое важное обстоятельство? Да кто-жъ онъ, наконецъ, чтобы она рѣшилась такъ дерзко и жестоко издѣваться надъ нимъ и его священнѣйшими правами? Она, должно быть, побоялась, что онъ не вернетъ ей свободу и помѣшаетъ выйти за другого, узнавъ, что она въ интересномъ положеніи.

— Погоди, я еще себя покажу; ты ошиблась, если воображала, что я оставлю тебѣ сына. Основываясь на ея недостойномъ поведеніи, я потребую немедленно ребенка, чтобы она не воспитывала въ немъ моего врага,—пробормоталъ графъ, берясь за перо.

Онъ тутъ же набросалъ негодующее письмо, полное тяжелыхъ обвиненій, въ силу которыхъ требовалъ, чтобы Милица немедленно вернула ему сына, если желаетъ избѣжать суда, на которомъ онъ уже стѣсняться не будетъ.

Къ счастью, письмо могло быть отправлено лишь на слѣдующій день; а въ теченіе длинной, безсонной ночи, разсудительная натура одержала верхъ; онъ все зрѣло обдумалъ и, несмотря на разныя тягостныя мысли, толпившіяся въ его измученной головѣ, пришелъ къ утѣшительному рѣшенію. У него былъ сынъ, было существо, для котораго стоило жить и работать, которое давало цѣль его разбитому существованію и воспитанію котораго онъ отдастся душой и тѣломъ; а требовать къ себѣ ребенка теперь же было опасно для самого крошки: если не отказаться отъ управленія имѣньемъ, то все равно придется оставлять его цѣлыми днями на наемныхъ

рукахъ; а главное, это лишить его незамѣнимаго материнскаго ухода.

Онъ разорвалъ писанное наканунѣ письмо; но все же его глаза гнѣвно сверкали и губы нервно вздрагивали, пока изъ подъ его пера выходили холодныя, обидныя выраженія, глубоко оскорблявшія Милицу.

Теперь онъ понималъ намеки Вильмы на измѣну Милицы; она, стало быть, разнюхала какъ-нибудь про беременность графини и, въ своей злобѣ, приписала ее измѣнѣ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ презрѣніе и отвращеніе къ своей кузинѣ, — и сознание того, что онъ ее долго не увидитъ, его нѣсколько утѣшило.

Дѣйствительно, прошло болѣе трехъ недѣль, а отъ тетки не было никакихъ извѣстій.

— Извѣстно-ли графу, что Каролиненгофъ продается? — спросила его однажды фрау Линдеръ, подавая ему счета.

— Нѣтъ. Да правда-ли это?

— Сегодня утромъ я встрѣтила кое-кого оттуда. Тамъ идетъ укладка, а часть мебелировки уже отослана въ Берлинъ, куда переезжаетъ баронесса.

Извѣстіе объ отъѣздѣ тетки его крайне обрадовало. Сообразивъ, онъ рѣшилъ купить Каролиненгофъ, поля и луга котораго были-бы очень полезны Креницѣ.

При посредствѣ повѣреннаго, сдѣлка была кончена и баронесса фонъ-Дауницъ, къ великому неудовольствію, слишкомъ поздно узнала, что покупщикомъ оказался племянникъ.

Не теряя времени, графъ переселился въ новую усадьбу.

Въ Креницѣ все слишкомъ напоминало ему прошлое, всюду виталъ образъ Милицы, на каждой вещи лежалъ, словно, отпечатокъ ея самой, а его сердечная рана не закрывалась и болѣла. Теперь все измѣнилось. Комнаты графини, его матери, опустѣли и были заперты; ходщевые чехлы снова закрыли стѣны и обстановку *рококо*.

Въ новомъ домѣ, обставленномъ съ чисто пуританской простотой, уже ничто, по крайней мѣрѣ наружно, не напоминало хозяину его развѣянныхъ грезъ любви.

Беренклау уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ Каролиненгофѣ и работалъ, что называется, съ остервенѣніемъ, чтобы заглушить осаждавшія его докучныя воспоминанія и ревность. Когда отецъ, дважды навѣщавшій его, упрекалъ сына въ преутомленіи, тотъ, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Я хочу сдѣлаться миллионеромъ.

Большую радость доставило ему посѣщеніе его крестнаго

отца, князя Раковица, извѣстнаго дипломата и друга ихъ семьи.

Пробывъ года три внѣ Европы, онъ поверхностно зналъ про женитьбу графа. И вотъ, какъ-то идя вдвоемъ, онъ спросилъ, не будетъ-ли Эгону слишкомъ тяжело посвятить его въ эту, столь различно толкуемую исторію.

— Съ Зигфридомъ объ этомъ говорить нельзя; онъ тотчасъ вспыхиваетъ, какъ порохъ,—прибавилъ князь.

Беренклау описалъ ему коротко все, что случилось, а затѣмъ показалъ портретъ Милицы, и князь пришелъ въ восторгъ.

— Ахъ, какое очарованіе! Настоящій мотылекъ! Неужели только патриотизмъ этого ребенка могъ все испортить? Не полюбить Германіи? Чортъ воьми, вотъ такъ женщина! И какъ это ты, такой красивый малый, не сумѣлъ перемѣнить ея воззрѣнія?

— Мои соотечественники постарались поселить въ ней отвращеніе ко всему нѣмецкому,—отвѣтилъ графъ, хмурая брови, и рассказалъ сплетни и пошлыя выходки общества противъ Милицы.

— Это глупо! Но ты тоже хорошъ, заперевъ эту прелестную женщину, воплощенное изящество, въ вашъ здѣшній Krähenest. А тебѣ дѣйствительно не повезло, коли ты попалъ именно на такую же патриотку, потому что, въ этомъ отношеніи, она, конечно, является рѣдчайшимъ исключеніемъ среди русскихъ. Въ продолженіе моихъ многолѣтнихъ скитаній, я еще не видалъ народа, у котораго до такой степени было бы атрофировано *національное сознание*. Это справедливое и законное, для каждой другой націи, чувство совершенно отсутствуетъ у русскихъ; съ какимъ презрѣніемъ, вообще говоря, они относятся ко всему родному, какъ оплевываютъ его и надъ нимъ глумятся!.. Никому въ Россіи такъ плохо не живется, какъ русскому, никто такъ не безправенъ, какъ онъ, ничьи интересы не топчутся въ грязь съ наглой беззастѣнчивостью, какъ интересы чисто русскихъ людей. Вся администрація набита ивородцами, обнаглѣвшими до того, что забыли даже, какъ надо вести себя въ *чужомъ* домѣ, безнаказанно расхищающими народное добро и работающими... смѣшно сказать—*pour le roi de Prusse*, либо въ пользу Англии; на права русскихъ они давно махнули рукой. А всего удивительнѣе, что никто противъ этого не протестуетъ, никто не добивается своихъ правъ и даже не пытается произвести распорядокъ у

себя дома. Ну, право, это русскіе—несчастнѣйшій въ мірѣ народъ.

— Такъ что-жь! Намъ, нѣмцамъ, не приходится на это жаловаться; отъ подобнаго порядка вещей мы несомнѣнно выиграемъ,—усмѣхнулся Беренклау.

— Еще бы! Польшу мы сорвемъ, какъ спѣлое яблочко, а балтійскія провинціи сами придутъ къ намъ въ руки.

— А правда-ли, крестный, что въ Берлинѣ собираются преградить наплывъ русской молодежи въ наши школы? Это была-бы прекрасная и разумная мѣра, потому что русское юношество очень испорчено.

— Гм! Мало сказать *испорчено!* Одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и изучавшій постановку образованія въ Россіи, увѣрялъ меня, что въ большинствѣ это настоящіе невѣжды, кретины и лѣнтяи, не признающіе никакой дисциплины, въ которыхъ замерло всякое сознаніе долга, относительно семьи и родины, которые вопятъ объ уравниеніи съ ними въ правахъ своихъ душителей—жидовъ, и съ ними ведутъ дружбу. Естественно, что въ нашихъ университетахъ не пожелали имѣть такихъ паршивыхъ овецъ; да и что, кромѣ вреда, можетъ внести эта разнузданная, жалкая молодежь въ среду нашего работающаго, дисциплинированнаго и патріотичнаго юношества?

— Въ этомъ ты, разумѣется, вполне правъ и нѣтъ презрѣннѣе негодая, смѣющаго оплевывать и позорить свою родину; однако, я убѣжденъ, что той ржавчиной, о которой ты говорилъ, изъѣдены лишь верхи русскаго общества, а прочая масса русскихъ энергична и патріотична и, когда-нибудь, встанетъ, какъ одинъ человекъ, на защиту родной страны. Милица—лучшее доказательство моихъ словъ и какъ она устойчива въ своемъ патріотизмѣ. По правдѣ говоря, я всегда уважалъ въ ней это чувство и мнѣ очень больно, что съ ней у насъ такъ грубо обошлись.

— Да, несомнѣнно, для тебя все это приняло дурной оборотъ и, конечно, здѣсь могли бы быть гораздо мягче къ такому очаровательному ребенку. Но неужели зло непоправимо? Зигфридъ сказывалъ мнѣ, что у васъ родился сынъ; а ребенокъ есть та мистическая связь, которая, можетъ быть, и возстановитъ миръ между отцомъ и матерью.

Беренклау отрицательно покачалъ головой.

— Ребенокъ, это—моя надежда и цѣль въ жизни, но мать потеряна навсегда. У меня есть основанія предполагать, что

въ данное время, она уже замужемъ за своимъ другомъ дѣтства, полковникомъ Щепинъ-Кромскимъ.

Раковицъ ничего ему на это не отвѣтилъ и перемѣнилъ разговоръ.

XVII.

Свадьба Милицы и Ростислава прошла очень скромно, въ самомъ тѣсномъ кругу. Хотя молодая чувствовала себя счастливой, но будущее внушало ей смутный страхъ.

Уже двѣ недѣли послѣ свадьбы спокойствіе медоваго мѣсяца было нарушено полученіемъ извѣщенія о назначеніи Кромскаго к—мъ вице-губернаторомъ. вмѣстѣ съ этимъ пришло письмо отъ стараго князя Загарина, который совѣтовалъ Ростиславу какъ можно скорѣе отправляться къ мѣсту служенія, потому что губернаторъ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, сильно нуждался въ молодомъ помощникѣ. Кромскій рѣшилъ ѣхать черезъ недѣлю, чтобы позаботиться о квартирѣ, а Милица должна была послѣдовать за нимъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Первое полученное отъ мужа письмо проникнуто было грустью и разочарованіемъ; но Милица приписала тоскливое настроеніе мужа отсрочкѣ ея отъѣзда, вызванной неиабѣжной передѣлкой единственной въ городѣ подходящей квартиры. Наконецъ, мѣсяца черезъ два она прибыла въ К.

Милицу поразило, что Ростиславъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ; это ее встревожило. Оставшись съ мужемъ вдвоемъ, она спросила его: не боленъ-ли онъ?

— Нѣтъ, я только усталъ, потому что работы у меня сверхъ головы и, долженъ сознаться, работы скверной, на которой всегда болѣешь душой и совѣстью,—отвѣтилъ Ростиславъ, порывисто швыряя папироску.—Сколько злоупотребленій—прямо ужасно: все куплено и все продано, а во главѣ этой мерзости,—стыдно сознаться,—мой достойный *шефъ*. Онъ старъ и боленъ, но свой постъ обратилъ въ какую-то синекуру; и вмѣсто того, чтобы уступить мѣсто болѣе молодымъ силамъ, онъ сиднемъ сидитъ, потому что у него есть „связи“, а еще потому, что онъ человѣкъ *удобный* и *спрныи*, который никогда не стѣснить тѣхъ, которыхъ не слѣдуетъ стѣснять. Мнѣ не довѣряютъ и я окруженъ интригами, потому что слишкомъ ясно все вижу; меня даже не рискуютъ купить. У меня уже было столкновение съ губернаторомъ по поводу цѣ-

лаго ряда гадостей, чинимыхъ жидами съ поляками одному православному приходу, и когда я, изложивъ дѣло, выразилъ мнѣніе, что необходимо дать энергичный отпоръ этимъ нахамъ, онъ на меня руками замахалъ.

— „Ради самого неба, поменьше ненужнаго патріотизма! У насъ тутъ полное спокойствіе. Къ чему вызывать неудовольствіе и беспорядки, а можетъ быть даже мщеніе со стороны тѣхъ же жидовъ и поляковъ? Это только мнѣ повредить, да и вамъ тоже“.

— „Однако, ваше превосходительство, русскіе жалуются вездѣ на свое невыносимое положеніе и притѣсненія со стороны инородцевъ“,—замѣчаю ему я.

— „Пусть себѣ говорятъ, что угодно, а вы не обращайтесь вниманія. Русскіе—очень неуживчивые люди и всегда чѣмъ нибудь недовольны“.

— Ты понимаешь, какъ пріятно имѣть дѣло съ такимъ мудрымъ праведникомъ.

— Милый, не волнуйся! Ты молодъ, полонъ силъ, горячъ, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, видишь все въ черномъ цвѣтѣ,—примирающе замѣтила Милица.

— Что ты говоришь? Нѣтъ такихъ черныхъ чернилъ, чтобы нарисовать то, что творится здѣсь, клянусь тебѣ! Государственное дѣло здѣсь продано и предано. На *русское* направленіе смотрять, какъ на преступленіе противъ „цивилизаціи“; наглость жидовъ и поляковъ переходитъ всѣ границы и я попрошу тебя быть какъ можно осторожнѣе въ словахъ, потому, что мы окружены доносчиками. На дѣлѣ еще хуже. Здѣсь есть тайное еврейское общество, подъ названіемъ „Бундъ“, и я открылъ, что эти господа завели свою типографію, гдѣ печатаются возмутительнѣйшія прокламаціи и распространяются ватѣмъ повсемѣстно; но когда я доложилъ объ этомъ нашему „помпадуру“ и замѣтилъ, что необходимо произвести обыскъ и захватить главарей шайки, онъ былъ внѣ себя. Онъ не посмѣлъ, конечно, отказать мнѣ; тѣмъ не менѣе, когда полиція явилась на мѣсто—все исчезло, и у меня есть данныя предполагать, что самъ г-нъ губернаторъ изволилъ предупредить жидовъ о грозившей имъ опасности.

— Это возмутительно. Однако, я предвижу, что наша жизнь здѣсь будетъ не изъ пріятныхъ,—полусмѣясь, полугрустно замѣтила Милица.

Мужъ обнялъ ее и сказалъ въ утѣшеніе, что если ужъ станетъ очень невыносимо, то онъ уйдетъ на другое мѣсто, и постарался переимѣнить разговоръ.

Предвидѣніе Милицы, что пребываніе ихъ въ К. будетъ не изъ пріятныхъ, исполнилось довольно скоро.

Въ домашней жизни она была вполнѣ счастлива; Ростиславъ ее обожалъ, и ничто не смущало гармоніи ихъ отношеній, а чисто отцовская привязанность къ маленькому Юрію ее трогала и вызывала чувство благодарности.

Зато общество, въ которомъ приходилось вращаться, ей крайне не нравилось, за изъятіемъ очень тѣснаго кружка, который она себѣ составила. Въ широко гостепріимномъ домѣ Кромскихъ бывало не мало поляковъ, съ которыми они знакомились у губернатора, но, не смотря на ихъ вѣжливость и предупредительность, Милица не довѣряла имъ, инстинктивно чувствуя всю ихъ лживость, враждебность и даже ненависть, таившіяся подъ маской угодливости. А что особенно тревожило Милицу, такъ это та непрестанная борьба, которую продолжалъ вести Ростиславъ съ своимъ начальникомъ, пристрастіе и услужливость котораго передъ жидами и поляками и пренебреженіе русскихъ интересовъ глубоко возмущали Кромскаго.

Всѣ его старанія оградить своихъ соотечественниковъ были систематически подрываемы, а смѣлость инородцевъ, чувствовавшихъ поддержку и покровительство властей, которыя обезпечивали имъ полную безнаказанность, возростала день ото дня.

Русское населеніе, хоть и возмущалось несправедливостями, но пока молчало, будучи увѣрено, что всегда окажется неправымъ при столкновеніи съ баловнями губернской администраціи; однако все новыя и новыя факты только подогрѣвали это глухое возбужденіе.

Такъ, напримѣръ, русскій булочникъ поселился въ одномъ изъ наиболѣе оживленныхъ кварталовъ города, къ великому неудовольствію евреевъ, захватившихъ исключительно всю торговлю хлѣбомъ въ свои руки.

Несмотря на тайныя и открытыя нападки, торговецъ держалъ себя молодцомъ и даже приобрѣлъ себѣ обширный кругъ покупателей, въ томъ числѣ и Кромскихъ. Тогда евреи порѣшили уничтожить его. Въ одну прекрасную ночь въ булочной вспыхнулъ пожаръ и весь домъ сгорѣлъ до тла.

Энергичнымъ разслѣдованіемъ подъ наблюденіемъ Ростислава, было установлено, что евреевъ видѣли по близости дома съ пучками соломы, а одинъ жиденокъ даже былъ пойманъ булочницей въ тотъ моментъ, когда поливалъ керосиномъ заборъ, но затѣмъ ловко свалилъ ее и самъ удралъ.

Однако, обвиняемые въ поджогъ были оправданы, будто бы за отсутствіемъ доказательствъ; а на булочника возведено было обвиненіе въ томъ, что свой домъ онъ поджогъ самъ, съ цѣлью полученія страховой преміи. Въ концѣ концовъ несчастный уѣхалъ изъ города разоренный, чуть не нищимъ.

Мѣсяца два спустя, случилось иное происшествіе, ближе затронувшее Милицу и вызвавшее большое неудовольствіе въ вице-губернаторскомъ домѣ.

Пробѣдомъ въ Дембовку, къ матери, Китти гостила съ недѣлю у Милицы.

Какъ-то утромъ, Деревнина отправилась за покупками въ городъ; но каково же было изумленіе Милицы, когда ея кузина вернулась домой въ слезахъ; платье ея было все въ грязи и испорчено, а съ самой случился нервный припадокъ.

А съ ней приключилось вотъ что: войдя въ одинъ изъ большихъ магазиновъ, Китти стала выбирать матеріи, какъ вдругъ замѣтила исчезновеніе маленькаго мѣшечка со ста рублями, положеннаго около себя на прилавокъ. Встревоженная, она стала искать кругомъ и объявила о пропажѣ мѣшка съ деньгами; но хозяева магазина—евреи—возмутились и принялись ругать Китти, говоря, что та—мошенница, ищетъ то, что никогда не теряла и только бросаетъ тѣнь на ихъ магазинъ. Прикащикъ и нѣсколько покупателей приняли сторону несправедливо обиженныхъ хозяевъ; ругань и оскорбленія сыпались дождемъ, а такъ какъ возмущенная Китти продолжала стоять на томъ, что ее обокрали, то жидъ схватилъ ее за мантилью, вышвырнулъ вонъ изъ магазина, причемъ та споткнулась и полетѣла въ грязь. На крикъ быстро сбѣжалась толпа жидовъ и гиканьемъ, свистомъ, да прибаутками встрѣтила паденіе Китти.

Взбѣшенный Ростиславъ позвалъ полиціимейстера и приказалъ принять мѣры къ отысканію украденнаго мѣшка и вора, прибавивъ, что будетъ жаловаться въ судъ на дерзкаго жида, посмѣвшаго оскорбить его родственницу. Часа черезъ два мѣшокъ былъ уже найденъ, будто бы у входной лѣстницы, гдѣ, должно быть, его и обронили, а самъ жидъ—хозяинъ, покорный какъ собака, явился съ извиненіями. Онъ не подозрѣвалъ, что „пани“—родственница вице-губернатора, а вспылалъ потому, что не разъ уже бывалъ жертвой подобнаго рода шантажа и подвергался несправедливымъ обвиненіямъ.

Китти, съ своей стороны, тоже просила прекратить дѣло, но тѣмъ не менѣе вечеромъ въ окно гостиной былъ брошенъ

камень, къ счастью никого не задѣвшей; но Милица съ гостьей были очень испуганы звономъ разбитыхъ стеколъ и паденіемъ статуэткы; виновный же такъ и остался неизвѣстенъ.

Такъ проходило время, пересыпанное, хотя и не важными, но все же неприятными происшествіями. Кромскій уже два года служилъ въ К., упорно и ловко отстаивая забытые *русскіе* интересы, которымъ неизмѣнно отводилось послѣднее мѣсто. Среди русскихъ онъ съ женой пользовались большой популярностью, но поляки на нихъ косились, а еврейство такъ положительно ихъ ненавидѣло. Не разъ уже онъ получалъ анонимныя письма съ совѣтами убираться прочь и сопровождаться угрозами. Но Ростиславъ бросалъ всѣ эти посланія въ печку и ни на волосъ не измѣнялъ намѣченному образу дѣйствій; страхъ былъ ему чуждъ, а въ томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ, сдѣлокъ съ совѣстью онъ не допускалъ.

Милица, встревоженная этой глухой борьбой, которая могла вредно отозваться на здоровьи мужа, много разъ просила его бросить мѣсто, или хотя бы хлопотать о переводѣ, въ виду того, что его старанія не увѣнчиваются успѣхомъ. Но Ростиславъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, утверждая, что если всѣ честные люди уйдутъ, русскіе окончательно падутъ духомъ, останутся уже безъ всякой защиты на произволь окружающихъ враговъ.

Былъ чудный осенній день и Милица съ мужемъ, въ сопровожденіи Юрія, которому было уже около трехъ лѣтъ, вышли на прогулку. Въ виду узкости тротуара мальчикъ съ няней шелъ впереди, а за ними уже шли Милица и Ростиславъ, держа на цѣпочкѣ собаку. Остановясь у магазина, Кромскій вошелъ внутрь, а Милица осталась у двери снаружи и взяла собаку, а ребенокъ съ Марфой Сидоровной медленно подвигались впередъ.

Въ это время имъ на встрѣчу быстро съ озабоченнымъ видомъ шелъ шегольски одѣтый молодой человекъ, рѣзкаго семитическаго типа. Задравъ гордо голову, онъ дерзко расталкивалъ попадавшихъ на пути прохожихъ. Милица вспыхнула, увидавъ, какъ этотъ нахаль грубо пихнулъ локтемъ Марфу Сидоровну, и собиралась уже сама посторониться, но тотъ уже былъ подлѣ нея и такъ ее толкнулъ, что она потеряла равновѣсіе, не удержалась и упала на колѣни въ широкую канавку, окаймлявшую тротуаръ и наполненную грязью послѣ прошедшаго утромъ дождя.

Въ эту минуту изъ магазина вышелъ Кромскій и видѣлъ происшедшее. Въ два прыжка догналъ онъ улепетывавшаго нахала, и схвативъ его за шиворотъ, сталъ трясти и осыпать ударами бывшей въ рукѣ собачьей плетки. Цилиндръ еврея слетѣлъ на землю, а самъ онъ заоралъ благимъ матомъ и старался высвободиться, но въ эту минуту Кромскій швырнулъ его въ канаву, изъ которой успѣла выбраться Милица, и тотъ растянулся во весь ростъ, окунувшись съ головой въ грязь. Внѣ себя, онъ выкарабкался и разразился потокомъ ругани. Кругомъ стала собираться толпа зѣвакъ.

Въ толпѣ оказались солдаты, русскіе крестьяне и много евреевъ; съ обѣихъ сторонъ сыпалась брань, угрозы, и вѣроятно дѣло закончилось бы общей свалкой, еслибы не подошла во-время полиція. За это время подошедшіе офицеры помогли Кромскому съ семьей выбраться изъ толпы и дойти до дома знакомыхъ, куда за ними пріѣхалъ экипажъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Кромскаго позвалъ къ себѣ губернаторъ, встрѣтившій его очень сухо.

— Что это вы, Ростиславъ Ивановичъ, *manu propria* бьете евреевъ на улицѣ? Я сейчасъ получилъ жалобу присяжнаго повѣреннаго Лаусзонъ, обвиняющаго васъ въ насиліи: вы его жестоко исколотили, подбили глазъ и бросили въ канаву.

Ростиславъ вспыхнулъ.

— Вамъ не такъ доложили, ваше превосходительство. Лаусзонъ посмѣлъ столкнуть мою жену въ канаву, откуда ужъ проходящіе помогли ей выбраться: у меня на это есть десятка два свидѣтелей. Такую наглость со стороны пархатаго жида я не потерплю; да и вы, я думаю, поступили бы такимъ же образомъ, коснись дѣло вашей семьи.

— А, а! Я, дѣйствительно, не зналъ, что онъ оскорбилъ вашу супругу; это мѣняетъ обстоятельство и я надѣюсь забыть это дѣло. Но все-таки, было бы лучше обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ закону, а не давать воли рукамъ.

Кромскій презрительно улыбнулся.

— Наша Θεмида давно ходитъ безъ пояски и настолько пристрастна къ евреямъ, что христіанину трудно добиться удовлетворенія, а потому я рѣшилъ уже самостоятельно покарать виновника. Нахаль получилъ то, что заслужилъ, за то въ другой разъ будетъ осторожнѣе. Жаловаться онъ можетъ, сколько угодно; но вѣдь, я полагаю, вы не потребуете отъ меня, чтобы я передъ нимъ извинился?

— А, кто про это говоритъ,—возразилъ губернаторъ.—Я понимаю, что вы дѣйствовали въ запальчивости, и устрою

дѣло. Но вы, всетаки, ужасно непокладливый, ядовитый человекъ; я совѣтую вамъ быть осторожнымъ, пока вы останетесь за меня. Я получилъ уже разрѣшеніе на отпускъ и послѣ завтра уѣзжаю. Поэтому прошу васъ, въ мое отсутствіе, избѣгать всякихъ столкновеній съ евреями. Они буйны и задорны, но, право, не злы; тогда какъ русское населеніе дико и кровавадно и всегда ихъ задираетъ. Въ случаѣ, если возникнуть безпорядки, направленные противъ миролюбиваго еврейскаго населенія, прибѣгните въ огражденіе его къ вооруженной силѣ; пусть въ губерніи знаютъ, что всякая попытка къ буйству и грабежу наказывается по всей строгости законовъ.

— Такъ вы желаете, чтобы малѣйшее возмущеніе населенія противъ жидовъ было строго подавляемо и чтобы оскорбленія со стороны евреевъ національнаго и религіознаго чувства христіанъ были выносимы въ молчаніи? Но увѣрены ли вы, ваше превосходительство, что народное долготерпѣніе не истощилось уже? А между тѣмъ, вызовы сыплются чуть не ежедневно. Не далѣе, какъ вчера, въ первой гимназіи жиденокъ сорвалъ и уничтожилъ портретъ государя, оскорбилъ учителя, а на кладбищѣ оказалось много поломанныхъ крестовъ. Смѣю васъ увѣрить, что все это можетъ очень скверно кончиться.

Губернатору было не по себѣ.

— Все это совершенно справедливо, но вѣдь евреи задираютъ исподтишка, и виновные остаются всегда неразысканными, а христіане собираются тотчасъ толпами и начинаютъ громить и убивать невинныхъ.

— Преступники изъ евреевъ остаются неразысканными потому, что у нихъ сообщники вездѣ, въ каждой лавченкѣ и въ каждомъ домѣ. Но, разъ вы требуете, то въ случаѣ безпорядковъ, я буду нейтраленъ и не сдѣлаю ничего, что могло бы не понравиться вашему превосходительству и жидамъ, а въ остальномъ умываю руки.

— Отлично, Ростиславъ Ивановичъ, держитесь въ сторонѣ. Вы еще слишкомъ молоды и горячи, чтобы относиться къ событіямъ спокойно, а въ случаѣ какого-нибудь происшествія предоставьте дѣйствовать полиціймейстеру. Онъ—человѣкъ опытный и сразу прекратитъ безпорядки.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ съ отъѣзда губернатора, и въ городѣ было тихо. Насталъ день крестнаго хода, совершавшагося ежегодно въ память избавленія отъ холеры и собиравшаго обыкновенно толпы богомольцевъ.

Процессія обошла кругомъ города и вышла на соборную

площадь, какъ вдругъ изъ какого-то еврейскаго дома раздался выстрѣлъ и пуля разбила стекло въ кіотѣ большого образа Николая Чудотворца; въ тоже время посыпавшимся градомъ камней былъ раненъ священникъ и нѣсколько чело-вѣкъ, стоявшихъ съ нимъ рядомъ.

Въ толпѣ произошло замѣшательство, затѣмъ раздались негодующіе крики.

— Жиды оскорбляютъ святыни!

Пока духовенство и причтъ торопливо уходили въ соборъ, толпа съ криками ринулась на жидовскіе дома, разбивая двери и окна въ лавкахъ и беспощадно избивая каждого, попадавшагося подъ руку еврея. Полиціймейстеръ съ сильнымъ отрядомъ городскихъ и жандармовъ явился на выручку разбиваемыхъ лавокъ. Не смущаясь кидавшимися въ него камнями и криками: „Чортъ тебѣ шею сверни, жидовскій батько!“—онъ дѣйствовалъ такъ энергично, что черезъ полчаса площадь была очищена отъ толпы, вездѣ водворенъ порядокъ и лишь лужи крови, да лохмотья лапсердаковъ, разбитая посуда и выбитыя стекла указывали на ярость битвы.

Милица и Кромскій смотрѣли на буйство изъ окна гостиной, выходившаго на площадь.

— Боже, какой ужасъ,—шептала она.

— О, потомъ еще хуже будетъ. Нельзя такъ обращаться съ народомъ.

— Ради Бога, уѣдемъ отсюда, Ростиславъ. Мои нервы не выдержатъ этой вѣчной тревоги; я ни одной ночи не сплю спокойно.

— Успокойся, милая. Мнѣ это тоже становится невтерпѣжъ, я постараюсь перевестись куда-нибудь, гдѣ поменьше жидовъ. Какъ только вернется любезный нашъ „помпадуръ“, я съѣзжу въ Петербургъ и начну дѣло о переводѣ,—отвѣтилъ онъ, обнимая и цѣлуя жену.

Послѣ этого происшествія, въ городѣ все, казалось, успокоилось и, до времени, царилъ порядокъ.

Домъ, гдѣ жили Кромскіе, выходилъ одной стороной на соборную площадь, а другой въ улицу, которая вела на еврейскій рынокъ. Милица была въ дѣтской и смотрѣла, какъ одѣвали Юрія, какъ вдругъ шумъ и крикъ на улицѣ привлекли ея вниманіе. Испуганная, она кинулась къ окну и увидала, что толпа съ крикомъ бѣжала къ еврейскому рынку, откуда слышался смутный гулъ, покрываемый иногда дикими воплями.

Приказавъ Марфѣ увести ребенка въ спальню, выходящую въ садъ, она бросилась въ кабинетъ предупредить мужа, но Кромскій уже слышалъ шумъ и, входя, она столкнулась съ поспѣшно уходившимъ полицейскимъ офицеромъ.

— Господи, что это опять происходитъ?—сказала Милица, бросаясь къ мужу, одѣвавшемуся, чтобы выйти.

— Помощникъ пристава только что былъ съ докладомъ. У аптекаря Бинштока живетъ прислуга христіанка; такъ вотъ его сынокъ, негодяй-мальчишка, лѣтъ пятнадцати, не нашелъ ничего забавнѣе, какъ взявъ освященные куличъ, пасху и образъ, бросить ихъ въ отхожее мѣсто. Открывъ это кощунство, женщина съ крикомъ бросилась на улицу и рассказала прохожимъ. Мигомъ собралась толпа и жиденокъ чуть не былъ разорванъ; а теперь народъ приступомъ беретъ аптеку. Но теперь праздникъ и фабрики не работаютъ; кромѣ того, въ городѣ масса пришлаго крестьянства, а потому исторія эта легко можетъ принять большіе размѣры. Сомнѣваюсь, чтобы „жидовскій батько“ одинъ удержался съ толпой, а потому послалъ къ начальнику дивизіи просить войска,—насмѣшливо замѣтилъ Кромскій.

Въ эту минуту подъ окнами проходила новая ватага съ криками:

— Смерть жидамъ—кровопійцамъ!.. Погоди, пархатые, вотъ мы вамъ покажемъ!

— Неужели ты будешь стрѣлять въ нихъ? За что? Вѣдь, сами евреи вызвали всю эту смуту,—боязливо освѣдомилась Милица.

— Напротивъ, я постараюсь оградить ихъ; но долженъ же я остановить грабежъ,—отвѣтилъ Ростиславъ, поспѣшно прощаясь съ женой.

Однако ввести въ русло разлившійся и бушевавшій потокъ сразу было трудно; лишь съ наступленіемъ ночи были разсѣяны послѣднія сборища и наступила тишина. Загромождавшіе улицы обломки скарба, разгромленные и опустошенные магазины и дымившіеся сожженные дома указывали на пронесшуюся грозу народнаго гнѣва.

Но жида—не изъ тѣхъ, чтобы терпѣливо вынести заслуженное наказаніе. Въ разказахъ ихъ каждое разбитое стекло, каждый разорванный лапсердакъ, распоротая перина, всякая сѣдѣнная „грабителями“ селедка принимали размѣры государственной важности, а потому жалобы градомъ посыпались въ Петербургъ. Вся еврейская ярость обрушилась на вице-губернатора, открыто обвинявшагося въ пристрастіи, даже

„провокакторствъ“, или, по крайней мѣрѣ, въ преступномъ равнодушіи къ „невиннымъ жертвамъ“ погрома, объ участи которыхъ онъ гораздо менѣе заботился, чѣмъ объ ограждаемыхъ имъ „злодѣяхъ“. А это объяснимо лишь соучастіемъ или попустительствомъ.

Изъ Петербурга летѣли молніеносныя предписанія и требованія объясненій по поводу „бездѣйствія“ власти, допустившей подобныя проявленія дикаго насилія надъ мирнымъ населеніемъ, которое администрація обязана охранять. Сколько при этомъ пострадало христіанъ и что было коренной причиною бунта, объ этомъ никто не освѣдомился.

Губернаторъ спѣшно вернулся изъ отпуска и наговорилъ Кромскому много неприятнаго, а вслѣдъ за нимъ изъ Петербурга прибыло чиновное лицо для производства разслѣдованія безпорядка.

Особа тоже упрекнула Кромскаго въ томъ, что онъ мало проявилъ энергіи и не стрѣлялъ въ мятежниковъ.

— Я дѣйствовалъ согласно приказаніямъ его превосходительства, — отвѣтилъ Ростиславъ, указывая на губернатора. — Я долженъ былъ обѣщать какъ можно меньше вмѣшиваться и все поручить полиціймейстеру; а если я не стрѣлялъ направо и налево въ бѣдный народъ, то потому, что считалъ неудовольствіе толпы справедливымъ. Но, можетъ быть, бросаніе иконовъ и священныхъ предметовъ въ помойную яму признается дозволеннымъ?

— Ну кто-жъ это скажетъ? Разумѣется, подобныя дѣйствія терпимы быть не могутъ; но вѣдъ слѣдовало принять въ соображеніе, что вѣдъ то была глупая шалость ребенка, религиозныя убѣжденія котораго были задѣты.

— Дѣйствительно, подобныя соображенія не пришли мнѣ въ голову и я думаю, что разъ государственная религія не по вкусу сему юному каторжнику или его единомышленникамъ, то ничто не мѣшаетъ имъ устроиться въ иномъ мѣстѣ, — твердо отвѣтилъ Ростиславъ и въ скоромъ времени откланялся.

— Пренеприятный человекъ, отъ котораго я очень желалъ бы избавиться, — замѣтилъ потомъ губернаторъ, — но, къ несчастью, это почти невозможно. Онъ — племянникъ стараго князя Загарина, а вы знаете, что тотъ сродни министру и имѣетъ прочныя связи при Дворѣ. Долженъ сознаться, что я его дѣйствительно просилъ вмѣшиваться поменьше въ дѣйствія полиціймейстера въ случаѣ безпорядковъ. Онъ не терпитъ евреевъ и, въ душѣ, радъ, что ихъ разгромили, но вѣдъ,

въ концѣ концовъ, тѣ ему и самому что-нибудь подстроить; еврей его положительно ненавидятъ, особенно послѣ его исторіи съ адвокатомъ Лаусзономъ,—очень вліятельнымъ въ городѣ челоувкомъ,—которому Кромскій нанесъ личное оскорбленіе.

Всѣ эти непріятности тяжело дѣйствовали на Милицу и она вновь просила мужа уѣхать поскорѣе.

— Я чувствую, что они хотятъ убрать тебя отсюда.

Но, къ огорченію Милицы, ея слова произвели какъ разъ обратное дѣйствіе тому, на что она надѣялась.

— Я это отлично знаю, но именно потому, что *они* этого хотятъ, я и не тронусь съ мѣста. Недостаетъ только, чтобы я далъ этимъ канальямъ себя выгнать; пусть-ка попробуютъ меня смѣстить,—негодующимъ тономъ отвѣтилъ Ростиславъ.

Съ этихъ поръ Милица не заикалась больше о переводѣ, скрывая смертельное, угнетавшее ее безпокойство. Ей попались нѣсколько угрожающихъ писемъ по адресу мужа, и она жила въ ожиданіи какой-нибудь катастрофы. Она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ, а когда Ростислава не бывало дома, то тревога за него и нервное раздраженіе отнимало у нея покой.

Свой будуаръ и дѣтскую она перенесла въ комнаты, выходившія на дворъ и въ садъ, и сидѣла большею частью тамъ.

Какъ-то Ростиславъ вернулся съ подвязанной рукой; въ карету былъ брошенъ камень и осколки разбитыхъ стеколъ его ранили. Съ этого дня Милица была, какъ въ лихорадкѣ, каждый разъ какъ мужъ выѣзжалъ изъ дому, и этотъ постоянный страхъ, въ которомъ она жила, сталъ вредно отзываться на ея здоровьѣ.

Разъ ночью, въ началѣ мая, Милица была разбужена страшнымъ взрывомъ, отъ котораго чуть было не слетѣла съ кровати; стекла разбивались со звономъ, двери сами собой распахнулись, а одна изъ нихъ слетѣла съ петель и лежала на полу; издали доносился грохотъ, точно что-то рушилось.

Ростиславъ былъ уже на ногахъ и торопливо одѣвался. Милица, съ трясущимися руками, послѣдовала его примѣру. Она накинула на себя капоть, какъ въ комнату влетѣла Марфа съ Юріемъ, плакавшимъ отъ испуга. Съ улицы доносился гулъ и крики собравшейся толпы, а въ домѣ слышался громкій говоръ разбуженной взрывомъ и въ безпокойствѣ snowавшей прислуги.

— Иди съ ребенкомъ въ садъ и захвати брилліанты, а я пойду взглянуть, что случилось,—сказалъ Ростиславъ.

Въ эту минуту изъ гардеробной вышелъ жандармъ и попросилъ Кромскаго тоже выйти черезъ садъ, такъ-какъ наружный фасадъ дома и главная лѣстница настолько пострадали, что проходить тамъ, до полнаго осмотра, было опасно.

Милица поспѣшно вынула изъ ящиковъ туалета и уложила въ мѣшокъ свои драгоценности и деньги, а затѣмъ съ ребенкомъ и Марфой спустилась въ садъ. Оттуда она прошла во дворъ и спряталась въ кучерской, въ ожиданіи, пока запрягутъ или приведутъ экипажъ, чтобы отвезти ихъ въ гостиницу. Но Милица объявила, что безъ мужа она не поѣдетъ и подождетъ, пока тотъ кончитъ свой осмотръ.

Было уже утро, когда прибыли слѣдственные власти; домъ былъ оцѣпленъ войсками и полиціей, и приступлено къ допросу пойманнаго преступника. Было удостовѣрено, что въ окно канцеляріи, расположенной въ первомъ этажѣ, подъ кабинетомъ Кромскаго, была брошена бомба; разрушительная сила была громаднa: полъ въ кабинетъ былъ уничтоженъ, стѣна треснула, а въ гостиной, билліардной и библиотекѣ вся обстановка перековеркана, парадная лѣстница обрушилась. Виновный, котораго дежурный дворникъ и постовой городской задержали, не смотря на его отчаянное сопротивленіе и раны, которыя онъ нанесъ обимъ ножомъ,—оказался юношей евреемъ, студентомъ-технологомъ. Ему, несомнѣнно, удалось бы скрыться, если бы бронзовый, выброшенный взрывомъ столъ не ранилъ его тяжело въ плечо.

Все это Кромскій разсказалъ женѣ и упросилъ ее ѣхать съ сыномъ въ гостиницу, гдѣ были уже готовы для нихъ комнаты; самъ онъ немедленно пріѣдетъ къ нимъ, какъ только очистятъ изъ-подъ обломковъ его письменный столъ. При этой очисткѣ онъ долженъ лично присутствовать, такъ какъ въ столѣ хранятся крайне важныя бумаги.

Когда Милица прибыла въ гостиницу, ей сдѣлалось дурно; первое потрясеніе было слишкомъ для нея сильнымъ. Въ теченіе дня была нанята въ той же улицѣ другая квартира, куда пересели остатки обстановки, а къ вечеру переехала и разстроенная Милица.

Губернаторъ побывалъ на мѣстѣ происшествія, но не видалъ Кромскаго, отвозившаго хранившіяся въ его столѣ бумаги. Только на слѣдующій день Ростиславъ свидѣлся съ своимъ начальникомъ, выразившимъ ему свои соболѣзнованія.

— Не предупреждалъ ли я васъ, Ростиславъ Ивановичъ, что *они* отомстятъ,— говорилъ онъ, качая головой.— Видите, какъ я былъ правъ.

— Несомнѣнно, ваше превосходительство, отчего имъ не мстить, разъ имъ все дозволено, а намъ воспрещено защищаться.

— Ахъ, какой вы! Я самъ буду слѣдить за слѣдствіемъ и мерзавецъ этотъ понесетъ строгое наказаніе; у него должны быть сообщники.

— Разумѣется, но... только ихъ не найдутъ, повѣрьте. Я знаю, какъ производятся подобныя слѣдствія,—презрительно отвѣтилъ Ростиславъ.

— Вы не справедливы къ слѣдственнымъ властямъ. Вы сами, наконецъ, не могли бы ничего больше найти.

— О! Я въ два часа нашель бы и шайку убійць и убѣдиль бы кагалъ возмѣстить причененные мнѣ убытки, по меньшей мѣрѣ, въ десять тысячъ рублей. Стоило бы только сдѣлать отвѣтственной въ преступленіи здѣшнюю еврейскую общину. Если разбить жидовскую миску, или выпустить хоть одну перину, то вся Европа стонетъ отъ жидовскихъ воплей и всѣ спѣшатъ тройнѣ вознаградить пострадавшихъ; а вотъ возмѣстить мнѣ мои потери никому и въ голову не придетъ.

— Однако, вѣдь нѣтъ такого закона, который невинныхъ дѣлалъ бы отвѣтственными за виновныхъ.

— Одинаково, какъ нѣтъ закона, который предусматривалъ бы истребленіе динамитомъ слугъ государства; мы только случайно остались живы. Но вѣдь новыя преступленія неизбежно вызываютъ и новыя карательныя мѣры, — отвѣтилъ Кромскій.

В. КРЫЖАНОВСКАЯ

(РОЧЕСТЕРЬ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хаосъ и свѣтъ.

Посвящается учащейся молодежи.

Всюду въ природѣ, окружающей насъ, существуетъ удивительная гармонія и жизненность во всѣхъ явленіяхъ и царствахъ природы. Хотя люди далеко еще не въ состояніи понять всю глубину природы въ этомъ отношеніи, понять въ точности ея цѣлесообразность и разумность, всю ея животворность и пр.—да и поймутъ-ли они ее когда окончательно?—однако, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ уяснялъ себѣ окружающія явленія, онъ весьма часто и самъ становился творцомъ въ природѣ и въ состояніи бывалъ частью значительно усиливать природныя силы искусственнымъ путемъ, удовлетворяя тѣмъ весьма разнообразнымъ практическимъ и инымъ цѣлямъ человѣческаго существованія, о чемъ могутъ болѣе всего засвидѣтельствовать науки, а также наши всѣхъ родовъ промыслы и занятія. Замѣтимъ, что сознательный трудъ на пользу ближнихъ, какъ и непосредственное общеніе съ созидательной работой природы, для многихъ людей является источникомъ подъема творческаго духа въ томъ или другомъ направленіи и причиной весьма многихъ счастливыхъ и радостныхъ минутъ.

Нѣчто совершенно обратное наблюдалось и наблюдается очень часто во внутренней жизни людей, а именно—въ ихъ душевной дѣятельности или въ умственно-нравственныхъ свойствахъ, если присмотрѣться къ нашей частной, семейной и общественной жизни. Здѣсь нерѣдко царитъ какая-то темнота, безформенность и хаотичность, отвлекающія человѣка отъ плодотворнаго труда, удручающія и мертвящія душу весьма многихъ людей и даже иногда отнимающія у нихъ сознаніе смысла существованія на землѣ. Думается, что съ теченіемъ времени въ нашей внутренней жизни слѣдуетъ ожидать или наступленія полнѣйшаго хаоса или, напротивъ, появленія большаго или меньшаго свѣта въ ней, смотря по тому, какъ отнесемъ мы къ нашему универсальному злу,

отнесемъ-ли къ нему совершенно безучастно или постараемся ослабить и уничтожить его.

Въ послѣднее время подобные очень важные вопросы настоятельно предъявляетъ для разрѣшенія сама жизнь и особенно переживаемое нами, русскими, внутреннее состояніе родины, которое должно считаться рѣзко переходнымъ къ новому личному и общественному строю.

Мы должны вѣрить, что все обойдется благополучно для насъ, что тьма и хаотическое состояніе существуютъ передъ желаннымъ и скорымъ разсвѣтомъ и для большаго торжества разсвѣта, но, конечно, мы обязаны отнестись къ великому дѣлу нашего устроенія самымъ активнымъ образомъ.

Но вотъ въ чемъ было и есть наше глубокое несчастье: правда, мы видимъ наши слабыя стороны и неурядицы, стараемся ихъ объяснить и освѣтить и предлагаемъ мѣры противъ нихъ, но всѣ эти объясненія и мѣры въ сущности чрезвычайно неопредѣленны, разнообразны и притомъ часто диаметрально противоположны. Слѣдовательно, если это такъ, то ясно само собой, что въ нашемъ очень серьезномъ дѣлѣ господствуетъ субъективизмъ, и мы въ правѣ сказать, что еще надо считать невыясненнымъ окончательно, въ чемъ же на самомъ дѣлѣ заключается тьма и хаосъ и гдѣ свѣтъ или гдѣ коренится зло и какія средства слѣдуетъ принять противъ него. Вѣдь *правда въ этомъ отношеніи должна быть только одна*, а гдѣ эта правда, мы въ настоящее время съ положительностью еще не знаемъ. Несомнѣнно, рѣшеніе важныхъ личныхъ и общественныхъ вопросовъ потребуютъ всякій разъ наибольшей точности и опредѣленности и рѣшительно немислимо на основаніи чисто субъективныхъ взглядовъ.

Всѣ слѣдующія строки представляютъ попытку пособить читателю разобраться по возможности объективно въ самыхъ насущнѣйшихъ вопросахъ жизни.

Посвящаются строки учащейся молодежи, какъ людямъ наиболѣе отзывчивымъ на эти вопросы, наиболѣе интересующимся ими и какъ людямъ, которые и должны болѣе другихъ интересоваться этими вопросами, такъ какъ въ ихъ рукахъ будущность нашего отечества.

Сопоставляя и взвѣсивая всѣ тѣ разнообразныя явленія, которыя могутъ повести насъ къ хаотическому состоянію, мы полагаемъ, что причина ихъ гнѣздится въ насъ самихъ и, по нашему мнѣнію, можетъ быть формулирована такъ: современное намъ общество, хотя и пользуется различнаго рода открытіями и техническими усовершенствованіями, являющимися выраженіемъ внѣшняго прогресса, однако, слѣдуетъ считать, особенно русское общество, почти сплошь состоящимъ *изъ людей, находящихся въ большей или меньшей спячкѣ въ религіозно-нравственномъ и умственномъ отношеніи и лишь въ довольно дѣятельномъ состояніи въ чисто животномъ*

отношеніи. Вслѣдствіе всего этого среди интеллигенціи обыкновенно господствуютъ—апатія, мертвенность, спутанность, безразличіе къ окружающему, формализмъ при исполненіи обязанностей и, наконецъ, эгоизмъ, эгоизмъ въ предѣлахъ между такими поступками, которые обыкновенно поощряются и такими, которые должны считаться преступными. Разумѣется, исключенія имѣются и имѣются верѣдко.

Надо замѣтить, что огромная масса крестьянъ, рабочихъ и вообще людей безъ образованія, занятыхъ исключительно физическимъ трудомъ, какъ извѣстно, обречены на невольное хожденіе въ темнотѣ, на невѣжество. Хотя въ этой средѣ верѣдко возможно встрѣтить удивительно здравыя сужденія по многимъ вопросамъ жизни, однако, эта питающая насъ среда въ послѣднее время, повидимому, все болѣе и болѣе деморализуется, развращается въ умственно-нравственномъ отношеніи, благодаря, надо полагать, столкновеніямъ ея частью съ интеллигенціей, но главнымъ образомъ съ подонками фабрично-заводскаго міра.

Въ самое послѣднее время болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ вліяніемъ переживаемыхъ нами событій, среди нашей интеллигенціи и отчасти среди народа наблюдаются *признаки нѣкотораго пробужденія общественнаго сознанія*, но, къ сожалѣнію, это благое движеніе затемняется часто признаками значительнаго разстройства психики, признаками, какъ говорятъ, *политическаго психоза*.

Полагаю, что все только-что сказанное врядъ-ли вызоветъ возраженіе по существу. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же объяснить доказанную теперь нашу никчемность, вызвавшую массу неурядицъ, недостатковъ въ нашей личной, общественной жизни и во внѣшней и внутренней политикѣ, какъ не нашей апатіей, какъ не нашимъ соннымъ состояніемъ, а переживаемыя нами страницы исторіи въ самое послѣднее время въ высокой мѣрѣ необычны, ненормальны, такъ что наша ненормальность въ душевномъ отношеніи, наряду съ нѣкоторымъ пробужденіемъ общества, является очевидно для всякаго.

Въ виду сказаннаго, пожалуй, могутъ возразить, что дѣло не въ нашей никчемности, а въ нашей бюрократіи, которая де и вызвала всѣ неурядицы и бѣдствія въ нашей странѣ. Если и допустимъ, что это отчасти справедливо, то все-таки надо считаться съ тѣмъ фактомъ, что сама-то бюрократія не берется же изъ пространства, а есть наша плоть и кровь. Къ тому же послѣ манифеста 17 октября, когда намъ даны всѣ свободы и право проявлять инициативу для всѣхъ мѣропріятій, мы обязаны оглядѣться, взглянуть на себя, провѣрить свой багажъ и рѣшить, какъ намъ лучше жить на свѣтѣ.

Такимъ образомъ, для насъ теперь весьма важно коснуться фактической стороны и выяснить, въ чемъ же собственно обнаруживается наша апатія и спячка и наше ненормальное состояніе въ психическомъ отношеніи и какія средства слѣдуетъ имѣть въ виду для избавленія отъ нихъ, т. е. что

требуется для нашего пробужденія и для нашего оздоровленія.

I.

Апатія, спячка и формализмъ, а также эгоизмъ.

Апатія, спячка и формализмъ обнаруживаются почти во всѣхъ областяхъ нашей жизни и прежде всего и болѣе всего въ основѣ нашей жизни, а именно—*въ религіозно-нравственномъ отношеніи*. Извѣстно, что религіозно-нравственное или моральное воспитаніе почти совершенно отсутствуетъ въ современномъ намъ обществѣ: оно очень слабо проводится и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ послѣдующей жизни, хотя такое воспитаніе, начавшись какъ слѣдуетъ, должно продолжаться и усовершенствоваться всю жизнь. Нельзя не сознаться, что представители, напр., христіанскихъ религій въ лучшемъ случаѣ бываютъ озабочены тѣмъ, чтобы пасомые усвоили себѣ столько же форму, внѣшность и обрядность религіи, сколько и ея сущность, но во многихъ случаяхъ сущность или, такъ сказать, сердце, ядро религіи, напр., общехристіанскія начала, присущія всѣмъ христіанскимъ религіямъ, отступаютъ на задній планъ. Многие изъ насъ и обыкновенно въ юную пору болѣе или менѣе отстраняются отъ религіозной обрядности и внѣшности, какъ отъ чего-то слишкомъ второстепеннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко становятся совершенно равнодушными и къ религіознымъ истинамъ основного свойства, нисколько не заботясь о проведеніи ихъ въ жизнь. А между тѣмъ, несомнѣнно, эти общерелигіозныя и общехристіанскія истины должны быть фундаментомъ нашего частнаго, общественнаго и политическаго строя, словомъ, фундаментомъ всей нашей жизни во всѣхъ отношеніяхъ (см. ниже).

Отчасти вслѣдствіе слабой религіозности и при нашей апатіи и спячкѣ существуетъ весьма замѣтный застой *въ школѣ*, во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ. Здѣсь все дѣло сводится почти всегда на чисто формальное отношеніе къ дѣлу, и притомъ очень непріятному и скучному, какъ для учащихся, такъ и для учащихся. Между тѣмъ какъ школа—это въ сущности святое, самое важное, живое и интересное дѣло—требуетъ и заслуживаетъ того, чтобы люди вложили въ него весь свой умъ, всю свою душу и всю силу своего творчества (см. ниже).

Формализмъ и спячка *въ области знаній и наукъ* обнаруживается—конечно, не у насъ только, русскихъ—между прочимъ въ пониженіи интереса общества и молодыхъ людей къ нимъ, въ слабой разработкѣ основъ наукъ и въ почти исключительномъ развитіи техники въ ущербъ ихъ сущности.

Та же апатія и спячка при отсутствіи истинно-религіознаго воспитанія порождаетъ цѣлый рядъ нашихъ *нравствен-*

ныхъ недостатковъ, крайне разнообразныхъ въ зависимости отъ разнообразія индивидуальныхъ особенностей человѣка въ соматическомъ и душевномъ отношеніяхъ и отъ разнообразія тѣхъ условій, въ которыхъ находятся люди съ внѣшней стороны. Трудно съ надлежащей полнотой отмѣтить всѣ наши недостатки. Тѣ небольшія указанія въ этомъ отношеніи, которыя мы позволимъ себѣ сдѣлать, конечно, далеко не будутъ исчерпывающими вполне. Недостатки эти будутъ слѣдующіе: 1) Нерѣдко можно встрѣтить у людей сознаваемое или несознаваемое безразличіе ко всему окружающему и отсутствіе пониманія смысла жизни; 2) отсутствіе простоты, прямоты, чувства справедливости и здраваго смысла; 3) отсутствіе самообладанія и воздержности; 4) отсутствіе инициативы въ дѣлахъ; 5) отсутствіе энергіи, настойчивости въ дѣлахъ и отсутствіе силы воли; 6) спутанность понятій; 7) растерянность; 8) распушенность, распутство и безпутство всякаго рода; 9) лживость; 10) хвастовство; 11) лѣнь; 12) небрежность; 13) расточительность; 14) злоба, алорадство и желаніе видѣть спицу въ глазѣ брата и скрыть бревно въ своемъ; 15) поклоненіе золотому тельцу; 16) поклоненіе и лесть сильнымъ міра; 17) зависть; 18) многіе признаки пустого, мелочнаго и преступнаго эгоизма и др.

Отмѣченные въ общемъ смыслѣ недостатки многихъ изъ насъ ведутъ къ крайне разнообразнымъ и болѣе или менѣе *неблаговиднымъ поступкамъ* въ частности, начиная отъ самыхъ невинныхъ до крайне тяжелыхъ, до преступленій, напр., до убійства. Примѣры. Наше бездѣйствіе часто сопровождается тягостнымъ ощущеніемъ скуки, на которую можно смотрѣть, какъ на возмущеніе самой природы противъ преступнаго ничегонедѣланія. Однако, скука обыкновенно заглушается не дѣломъ, не физическимъ трудомъ, а напр., пьянствомъ или картами, или посѣщеніями театра и пр. зрѣлищъ, какъ и безцѣльнымъ и безтолковымъ чтеніемъ книгъ, для чего существуетъ и подходящая литература, способствующая пріятному усыпленію, или иногда безусловно предосудительными поступками, которыми человѣкъ въ своемъ лицѣ закидываетъ грязь образъ и подобіе Божіе. Далѣе, наши чувства и мысли бываютъ иногда настолько ненормально настроенными, что считается почти что отсталостью и слишкомъ зауряднымъ, неинтереснымъ говорить о нравственности, о религіи, а также доказывать какую-либо мысль при помощи аксіомъ и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, между тѣмъ, какъ нѣтъ другихъ способовъ говорить правду и доказывать истину.

Нравственная растерянность или распушенность сказывается на дѣлѣ между прочимъ, такъ сказать, отсутствіемъ дисциплины ума и сердца. Такъ напр., одни люди нерѣдко желаютъ понять основныя религіозныя истины только умомъ, тогда какъ эти истины воспринимаются по преимуществу сердцемъ и чувствомъ, умъ же въ состояніи только привести доказательства цѣлесообразности и необходимости въ религіи для человѣческаго существованія, и лишь только науки являются

созданіемъ ума и объекты ихъ познаются болѣе умомъ. Нѣкоторые авторы совершенно неосновательно стараются расширить значеніе естественныхъ и др. наукъ до степени религіи, провозглашая, напр., „борьбу за существованіе“ по *Дарвину* въ числѣ основъ для поведенія человѣка; но слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что только религія, проистекая изъ области человѣческаго духа, представляетъ истинную руководительницу человѣку въ его жизненномъ пути (см. ниже). Область духа не можетъ быть заполнена никакой наукой, какъ бы высоко она ни стояла на ряду съ другими науками. И только о религіозныхъ истинахъ можно говорить, какъ объ истинахъ „единыхъ и вѣчныхъ“, истины же наукъ не вѣчны, а намѣняемы, не едины, а множественны.

Рѣдко люди не злоупотребляютъ рѣчью, хотя и безъ всякаго умысла: одни почти всегда говорятъ и пишутъ много, гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ, другіе же, напротивъ, говорятъ и пишутъ слишкомъ мало, такъ что искусство говорить и писать не больше и не меньше, чѣмъ слѣдуетъ, свойственно весьма немногимъ. Кромѣ того, нѣкоторые говорятъ ради красиваго словца или ради пустого высмѣиванія и пр., пользуясь великимъ даромъ природы, какъ бы нѣкотораго рода спортомъ или, лучше сказать, пустой забавой.

Мы очень часто только съ внѣшней стороны стараемся показать себя людьми порядочными, воспитанными и отзывчивыми, какъ будто съ тою цѣлью, чтобы тѣмъ прикрыть свою внутреннюю безсодержательность, недоброжелательность и эгоистичность.

Старая поговорка — „не говори, кто ты, а скажи, съ кѣмъ знаешься“ въ настоящее время, пожалуй, должна быть изменена такъ: „не говори, кто ты, а скажи, что читаешь“. По нашему мнѣнію, современную читающую публику слѣдуетъ попрекнуть между прочимъ „босаяцкой литературой“, которой она, что называется, „зачитывается“: говорятъ, что спросъ на сочиненія такого рода громаднѣе, гораздо больше, чѣмъ спросъ на классическія беллетристическія сочиненія. Между тѣмъ, какъ въ этой новой литературѣ, заключающей въ себѣ якобы „новое слово“, кромѣ удивительныхъ и забористыхъ словечекъ и выраженьицъ, мы часто встрѣчаемся съ непонятной и измышленной идеализаціей несчастныхъ и больныхъ людей, которые въ минуты просвѣтлѣнія сами сознаютъ свое полнѣйшее ничтожество, и съ еще менѣе понятнымъ и несправедливымъ глумленіемъ надъ нашимъ крестьяниномъ, создателемъ русской земли, нашей родины и, можно сказать, ея гордостью. Надо полагать, что возрожденіе нашего общества обнаружится прежде всего возвратомъ широкаго круга читающей публики къ безсмертнымъ авторамъ изящной и пр. литературы. Конечно, только сонное состояніе нашего общества могло допустить предпочтеніе босаяцкой литературы литературѣ классиковъ нашихъ, получившихъ уже высокую оцѣнку въ старомъ и новомъ свѣтѣ, и классиковъ иноземныхъ.

Отчасти то же сонное состояніе нашего общества является

причиной процвѣтанія за послѣднее время самыхъ крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій, если судить по довольно значительному распространенію въ публикѣ ихъ литературы, послѣ того, какъ фактически были дарованы свобода слова и другія свободы; хотя, впрочемъ, распространеніе этой литературы объясняется также и чрезмѣрной бодростью и энергіей представителей этихъ партій (см. ниже).

Надо сознаться, что патриотизмъ, любовь къ отечеству, развить у насъ довольно слабо: вспомнимъ, хотя бы, наше равнодушіе во время минувшей войны, опять-таки отчасти вслѣдствіе той же склонности нашей, хотя, какъ было сказано, въ самое послѣднее время интересъ общества къ внутреннимъ событіямъ нашей родины, несомнѣнно, началъ возрастать.

Недостатки отъ чрезмѣрнаго себялюбія и эгоизма иногда почитаются людьми чуть ли не за добродѣтели. Такъ, умѣнье очень бойко постоять во что бы то ни стало за свою персону считается большимъ достоинствомъ, тогда какъ въ религіозно-нравственномъ смыслѣ достоинство человѣка измѣряется степенью его любви къ идеалу, любви и отзывчивости къ ближнимъ, самопожертвованіемъ для блага людей и пр. Общепринятая доза самолюбія часто вредитъ человѣку, напр., тѣмъ, что отвращаетъ его отъ откровеннаго и весьма полезнаго общенія съ другимъ человѣкомъ, отъ обмѣна мыслей и чувствъ „по душѣ и по-братски“, а также очень часто разстраиваетъ добрыя человѣческія отношенія и удаляетъ людей другъ отъ друга, дѣлая ихъ иногда недругами. Желаніе и исполненіе этого желанія—весьма многихъ изъ насъ—какъ можно лучше попить, поѣсть и вообще пожить роскошно, по-барски также считается не предосудительнымъ, а вполне законнымъ. Засимъ слѣдуютъ уже болѣе или менѣе предосудительныя и даже преступныя обнаруженія эгоизма, а именно—большое самолюбіе, самопоклоненіе, тщеславіе, жадность, корыстолюбіе, безцеремонное отношеніе къ чужой собственности, особенно къ общественному достоянію и пр.

Надо замѣтить, что *недостатками славянскаго племени*, по сравненію съ недостатками другихъ племенъ, многіе авторы считаютъ лѣнь, отсталость, безпечность, беззаботность, небрежность, непостоянство, беспорядочность (неаккуратность), слабость воли, ея неустойчивость, отсутствіе выдержки, разрозненность между отдѣльными лицами и цѣлыми обществами и пр. Недостатками *русскихъ* считаются—„авось да какъ-нибудь“, апатичность, лѣнь, отсутствіе предусмотрительности, безцѣльное самобичеваніе и самооплеваніе и пр. (*А. Фульг* и др.). Все только что сказанное не противорѣчитъ приведенному выше, что русскіе, дѣйствительно, болѣе, чѣмъ другіе народы, страдаютъ особаго рода спячкой, апатіей и прочими весьма многими недостатками, связанными съ этими главными качествами.

Необходимо упомянуть также, что къ числу нашихъ недостатковъ отъ той же спячки слѣдуетъ отнести *нѣкоторое пре-*

небреженіе къ труду вообще и къ физическому труду въ особен-ности. Физическій трудъ долженъ быть постояннымъ и систематическимъ, съ цѣлью оздоровленія всего тѣла и въ томъ числѣ для оздоровленія нашего духа и, слѣдовательно, для поддержанія нашего нравственнаго благосостоянія. Гимнастическія же упражненія дѣтей въ школѣ, тѣмъ болѣе слабо развитыхъ и малокровныхъ и притомъ зимою въ душныхъ комнатахъ, между классными занятіями, могутъ скорѣе вести ко вреду отъ утомленія, чѣмъ къ пользѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на ряду съ *голоданіемъ и недотданіемъ* весьма многихъ бѣдныхъ и малообеспеченныхъ людей уживается *невоздержностъ въ ядѣ и злоупотребленіе мясной пищею* людьми обеспеченными болѣе или менѣе, какъ и *злоупотребленіе алкогольными напитками* со стороны тѣхъ и другихъ. Сложилось мнѣніе, что для здоровья надо ѣсть какъ можно больше; поэтому люди мало-мальски обеспеченные, часто при сравнительно ничтожномъ трудѣ, стараются ѣсть не настолько, чтобы утолить голодь, а значительно болѣе того, чѣмъ слѣдуетъ для уничтоженія чувства голода; мало того, принимаются мѣры для возбужденія аппетита, а именно—пьютъ вино, пиво и водку передъ и во время ѣды, и тѣмъ, конечно, наносятъ почти всегда вредъ организму, отягощая его пищевыми продуктами и заставляя его усиленно работать съ цѣлью разложить химически и выдѣлить пищевой избытокъ и продукты его разложенія различными путями. Правда, организмъ отчасти привыкаетъ къ переѣданію (а иногда послѣднее полезно, напр., въ случаяхъ малокровія и болѣзняхъ легкихъ), такъ что при нѣкоторомъ воздержаніи отъ пищи онъ въ первое время можетъ обнаружить незначительное расстройство, какъ это бываетъ въ большой мѣрѣ при воздержаніи отъ алкогольныхъ напитковъ, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать внѣ всякаго сомнѣнія, что на почвѣ переѣданія могутъ возникнуть различнаго рода заболѣванія и предрасположенія къ нимъ, а также ослабленіе умственныхъ и интеллектуальныхъ способностей, нѣкотораго рода сонное состояніе, ощущаемое, какъ извѣстно, всегда болѣе или менѣе послѣ ѣды, и повышеніе чисто животныхъ влеченій. Огромный вредъ наносится людямъ *пьянствомъ*, что всѣмъ хорошо извѣстно, но, къ сожалѣнію, извѣстно весьма не многимъ, что, какъ это съ положительностью доказано, вредно не только неумѣренное, но даже и умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ, особенно если оно повторяется часто (см. хотя бы—„О вредѣ умѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ“, публичная лекція проф. Вл. Никольскаго, изд. 1-го московскаго общества трезвости, 1905 г. ц. 6 к.). Никоимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что алкоголь очень сильный и коварный ядъ, такъ какъ онъ, вызывая совершенно мнимое возбужденіе и кажущееся благосостояніе организма, на самомъ дѣлѣ мало-по-малу подтачиваетъ здоровье съ той или другой стороны, смотря по особенностямъ организма, и также вліяетъ разрушительно на умственный и

нравственный складъ челоуѣка. При этомъ алкоголь слѣдуетъ считать ядомъ „снотворнымъ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Именно. Ядъ этотъ по своему дѣйствию въ большихъ приемахъ относится къ такимъ снотворнымъ средствамъ, какъ хлороформъ, морфій, опій и т. п. вещества, а въ небольшихъ количествахъ, при умѣренномъ употребленіи, онъ также является усыпителемъ, но только усыпителемъ въ нравственномъ смыслѣ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что даже очень незначительное количество алкогольных напитковъ, напр., рюмка вина вызываетъ почти всегда пріятное настроеніе, очень часто веселость, а иногда даже неудержимый смѣхъ, ради чего ихъ и пьютъ. Такимъ образомъ, алкогольные напитки почти всегда притупляютъ или уничтожаютъ чувство нашего неудовлетвореннаго состоянія, т. е. то вполне нормальное чувство челоуѣка, которое является стимуломъ и залогомъ для прогресса и улучшенія нашей жизни и для самоусовершенствованія. Слѣдовательно, въ числѣ причинъ спячки, а потомъ и нашего хаотическаго состоянія, слѣдуетъ между прочимъ имѣть въ виду какъ умѣренное, такъ и неумѣренное употребленіе алкогольных напитковъ, именно, такое употребленіе ихъ, которое въ Россіи, къ нашему великому несчастію, весьма распространено.

Сопоставляя все приведенное относительно нашихъ недостатковъ, понятны будутъ и *недостатки нашихъ бюрократовъ, чиновниковъ*, которые въ большей своей части обрѣтаются въ той же апатіи и спячкѣ, какъ и мы. Бюрократія всѣхъ родовъ, при указанныхъ условіяхъ и при постоянной опекѣ со стороны начальства, не въ состояніи вложить свою душу въ предоставленное ей дѣло, а относится къ нему почти исключительно формально и согласно предписаніямъ, при чемъ чаще всего имѣется въ виду получить побольше, какъ говорятъ, кусокъ отъ общественнаго пирога и преслѣдуется иногда одна конечная цѣль—по возможности скорѣе почить на лаврахъ съ возможно большимъ окладомъ пенсіи. Отсюда главнымъ образомъ наши всякаго рода недалеконидность и непредусмотрительность во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, могущихъ повести насъ къ бѣдствіямъ и хаотическому состоянію. До сихъ поръ мы относились слишкомъ формально къ дѣлу воспитанія своихъ и чужихъ дѣтей, къ народному образованію, не только почти вовсе не боролись съ пьянствомъ, но и сами занимались таковымъ въ обширныхъ размѣрахъ, до сихъ поръ почти что игнорировали рабочій и особенно крестьянскій, земельный вопросы и пр. А послѣдняя недавно оконченная война? Опозорились мы съ ней на рѣдкость передъ цѣлымъ свѣтомъ... Разаумѣется, мы обязаны тщательно разслѣдовать это наше дѣло на основаніи фактическаго матеріала, вполне спокойно и объективно и воспользоваться какъ слѣдуетъ тѣмъ урокомъ, который получили мы отъ японцевъ, чтобы не повторять нашихъ ошибокъ.

Но вотъ уже занялась заря новыхъ дней!.. Передъ нами свобода всѣхъ родовъ. У насъ конституція и представительное правленіе, принятыя всѣми высококультурными народами. Теперь мы можемъ надѣяться на свободный починъ въ скоромъ времени въ дѣлѣ усовершенствованія нашей внутренней жизни путемъ пробужденія обществъ и отдѣльныхъ лицъ ради самодѣтельности въ самомъ широкомъ смыслѣ и въ разнообразнѣйшихъ направленіяхъ. Всмотримся въ наше пробужденіе.

II.

Пробужденіе, освободительное движеніе и политическій психозъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что за послѣднее время въ нашей жизни наблюдается нѣкоторое пробужденіе отъ спячки, находящееся въ связи съ послѣдними крупными политическими событіями, особенно съ освобожденіемъ насъ отъ чиновнической опеки, съ нестѣсненіемъ собраній, союзовъ, печатнаго и устнаго слова, а болѣе всего въ связи съ перемѣной образа правленія нашего государства, благодаря которой каждый мыслящій гражданинъ сознаетъ, что онъ обязанъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе относительно внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ своей родины.

Пробужденіе это выразилось прежде всего весьма разумно образованіемъ различнаго рода союзовъ и партій, съ цѣлью выясненія нашихъ нуждъ и необходимыхъ реформъ и преобразованій.

Но такъ какъ наше пробужденіе послѣдовало далеко не при нормальныхъ условіяхъ, а, какъ мы видѣли, послѣ такой спячки, которая можетъ считаться и нравственной неуравновѣшенностью, нравственнымъ дефектомъ, недостаткомъ (напр., въ смыслѣ отсутствія религіозно-нравственнаго воспитанія и пр.), то уже заранѣе можно было предвидѣть, что все наше пробужденіе и освободительное движеніе въ самомъ началѣ и не могло выразиться въ совершенно разумной, нормальной формѣ. И дѣйствительно, мы имѣемъ массу фактовъ, которые вполне подтверждаютъ эту мысль.

Начнемъ съ упомянутыхъ партій и союзовъ. Почти всѣ они страдаютъ безжизненностью, неорганизованностью и слишкомъ большимъ разногласіемъ, настолько большимъ, что они не въ состояніи по многимъ насущнымъ вопросамъ столкнуться и примириться и такимъ образомъ фактически образовать какъ бы одинъ союзъ, который представлялъ бы и наиболѣе разумныя мнѣнія о нашихъ нуждахъ и требуемыхъ преобразованіяхъ, и притомъ такой союзъ, которому сочувствовала бы если не вся Россія, то большая часть ея. Ничего подобнаго у насъ еще не создано. Если въ послѣднее время такъ выгукло подчеркивается побѣда конституціонно-демократической партіи, изъ которой, дѣйствительно, составилось чуть ли

не большинство членовъ нашей первой Государственной Думы, то это обстоятельство объясняется вовсе не популярностью этой партіи среди русскаго народа, а сплоченностью и энергіей членовъ, ея по сравненію съ другими политическими партіями и союзами. Къ глубокому сожалѣнію, среди насъ, славянъ, всегда царила, а теперь царить въ особенности какая-то *непримиримость, предвзятость, партійность*, въ силу которыхъ люди очень часто не то не могутъ, не то почему-то не желаютъ ко всему отнестись по существу, по здравому разумѣнію и все разсудить по Божески, по-просту, безъ затѣй. Зараженные этимъ зломъ, люди, вопреки всякой справедливости и самому элементарному здравому смыслу, интересы своей партіи ставятъ выше интересовъ дѣла, интересовъ родины. Нашей первоходной Думѣ приходилось работать при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ: съ одной стороны, партійность въ самой высокой степени, съ другой, изумительная и лихорадочная энергія крайнихъ лѣвыхъ фракцій, положительно не давали ей возможности дѣйствовать согласно, разумно и въ законныхъ границахъ.

Далѣе, слѣдуетъ сознаться, что наше пробужденіе и такъ называемое освободительное движеніе сказываются нерѣдко *признаками ненормальнаго состоянія въ душевной области*: здѣсь имѣются въ виду давно констатированныя явленія *политическаго психоза*, которымъ, къ сожалѣнію, страдаютъ теперь очень часто и притомъ наиболѣе энергичные и отзывчивые люди.

Изъ ненормальныхъ признаковъ прежде всего обратимъ вниманіе на нѣкоторое *возбужденное* состояніе организма въ предѣлахъ совершенно необычныхъ для данныхъ индивидуумовъ на политической почвѣ. Приведемъ для примѣра слѣдующее. Въ „Бирж. Вѣд.“ (отъ 23 апр. 1906 г.) читаемъ вотъ что. „Въ г. N. (указано, въ какомъ городѣ) между профессорами такого-то факультета во время происходившихъ испытаній произошли крупныя пререканія на политической почвѣ. Пререканія эти привели къ тому, что экзамены на этомъ факультетѣ на время прерваны, пока не удастся привести къ соглашенію поссорившихся профессоровъ“. Хотя мы не имѣемъ подтвержденія этого случая и не вѣримъ, чтобы все произошло такъ, какъ описано въ этой газетной замѣткѣ, однако мы полагаемъ, что нѣчто подобное могло имѣть мѣсто въ засѣданіяхъ совѣта и факультета нашихъ университетовъ именно въ переживаемое нами смутное время, хотя прежде подобные случаи, въ ученыхъ обществахъ, при нормальномъ ходѣ академическихъ занятій, не могли имѣть мѣста, за исключеніемъ развѣ диспутовъ въ ученыхъ обществахъ спеціально по политическимъ вопросамъ, да и то дѣло до ссоры профессоровъ и ученыхъ доходило весьма рѣдко.

Къ признакамъ уже тяжелаго психическаго расстройства на политической почвѣ надо отнести между прочимъ *изустрство и фанатизмъ* самыхъ крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій; для такихъ людей позволительны всѣ средства ради

достиженія якобы благихъ цѣлей. Эти люди самымъ убѣдительнымъ доводомъ считаютъ бомбы, браунинги, а также пользуются забастовками, бойкотами и пр. видами насилія преступнаго свойства, при содѣйствіи которыхъ, однако, страдают и гибнутъ ни въ чемъ неповинныя жертвы и иногда сотни и тысячи рабочихъ и бѣдныхъ людей. Да и сами бомбометатели и пр. рискуютъ погибнуть, если не отъ руки правосудія, то при самомъ покушеніи на жизнь людей, если не въ этотъ разъ, то въ другой, третій и пр. Здѣсь прекрасно оправдываются слова Спасителя—„поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ“. Но, къ глубокому несчастію, въ наше смутное время ряды людей крайнихъ мнѣній и поступковъ пополняются новыми несчастными жертвами политическаго психоза, почему всякаго рода насилія и убійства отъ руки безумныхъ людей все продолжаютъ и продолжаютъ и, быть можетъ, еще долго будетъ продолжаться, не смотря на всю чрезвычайную нелѣпность этихъ убійствъ и насилій. Говорятъ, что при помощи всѣхъ этихъ преступленій желаютъ бороться противъ гнета капиталистовъ за обездоленныхъ бѣдныхъ людей и рабочихъ, принуждая, напр., первыхъ повысить заработную плату послѣднимъ. Конечно, цѣль прекрасная, но употребленныя средства достигаютъ какъ разъ совершенно противоположныхъ результатовъ по сравненію съ тѣми, которыхъ желали достигнуть. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что заработная плата рабочимъ будетъ повышена изъ кармана потребителей, т. е. главнымъ образомъ за счетъ тѣхъ же рабочихъ и бѣдняковъ, которые послѣ такого повышения будутъ за всѣ предметы платить дороже, а капиталисты и такъ называемый буржуазный классъ, какъ люди сравнительно болѣе обеспеченные, чѣмъ бѣдные рабочіе, отъ такихъ насилій будутъ страдать менѣ послѣднихъ. А сколько рабочихъ оказываются въ бѣдственномъ положеніи вслѣдствіе забастовокъ?! Всѣ дѣйствія крайнихъ въ этомъ направленіи тѣмъ непонятнѣе, если допустить у нихъ хоть каплю здраваго смысла, а не болѣзнь, что именно въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, всѣ мы и въ томъ числѣ крайніе элементы имѣютъ средства помочь ближнимъ болѣе основательно при нашемъ представительномъ управленіи страной, когда всѣ сочувствующіе бѣднымъ людямъ и сами они могутъ заявить о своихъ нуждахъ, куда слѣдуетъ, и получить справедливое удовлетвореніе. Говорятъ, что при помощи убійствъ и насилій разнаго рода желаютъ достигнуть террора и обезсилить правительство. Но рѣшительно нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній, кромѣ чисто теоретическихъ и фантастическихъ допустить достиженія этихъ преступныхъ цѣлей и преступными средствами. Но вотъ чего надо опасаться: человѣческому герпѣнію, какъ извѣстно, положень предѣлъ, и оно можетъ лопнуть даже у спокойныхъ людей; сами жители, такъ сказать, стихійно могутъ взятъ за само-судъ и будутъ безпощадно преслѣдовать подстрекателей безпорядковъ и несчастныхъ психически-больныхъ людей, а также

попутно рѣшительно ни въ чемъ неповинныхъ людей... Отврати насъ, Боже, еще отъ этой бѣды!

Галлюцинаціи, иллюзіи и манія преслѣдованія, какъ болѣзненные припадки тѣхъ же крайнихъ партій, извѣстны очень хорошо. Говорятъ онѣ о „провокаціи“, о какой-то „черной сотнѣ“; видятъ онѣ не существующую до сей поры „реакцію“ со стороны правительства, которое на самомъ дѣлѣ старается поступать только по закону въ отношеніи преступленій крайнихъ, да и то оно въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ, повидимому, нерѣшительно и вяло, такъ что, если уже до сихъ поръ въ чемъ-либо слѣдуетъ обвинять правительство, то вѣрнѣе—въ большой снисходительности, чѣмъ въ чрезмѣрной строгости и тѣмъ болѣе—въ реакціи. Увѣряютъ; далѣе, что наше правительство вызываетъ еврейскіе и другіе погромы и все то смутное время, которое мы переживаемъ. Но, конечно, и тутъ—галлюцинація.

Манія величія также является однимъ изъ основныхъ признаковъ разсматриваемаго психоза. Извѣстно, что крайніе элементы заявляютъ о себѣ, какъ о людяхъ совершенно непогрѣшимыхъ и не подлежащихъ суду критики, суду печати, забывая, что безъ ошибки и безъ грѣха только одинъ Богъ. Далѣе, всѣ свои дѣйствія они называютъ не иначе, какъ „освободительнымъ движеніемъ“. Можетъ быть, исторія укажетъ намъ, въ чемъ собственно заключается освободительное движеніе, вызванное крайними. Разумѣется, слѣдуетъ имѣть въ виду вліяніе на наше обновленіе умѣренныхъ либераловъ и умѣренныхъ прогрессистовъ; но болѣе всего оно вызвано, какъ и всѣ великія русскія реформы, высшими правительственными сферами во главѣ съ Государемъ Императоромъ, который нашелъ своевременнымъ уничтожить узко-бюрократическій старый режимъ, оказавшійся непригоднымъ для успешнаго веденія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ Россіи, и призвать русскій народъ къ самодѣятельной жизни. Очень бойкая и ничѣмъ не стѣсняющаяся литература тѣхъ же крайнихъ партій иногда заявляетъ, что въ 1861 гѣду произведено освобожденіе крестьянъ по приказанію этихъ партій, но спрашивается, въ такомъ случаѣ, за что же убить тотъ добрый и доблестный человекъ, который такъ охотно исполнилъ ихъ приказаніе и освободилъ крестьянъ. Можетъ быть, тѣ же господа стануть доказывать намъ, что и Гаагская международная конференція объ уничтоженіи войнъ также есть результатъ „освободительнаго движенія“ крайнихъ, а не результатъ добраго сердца нашего Государя, какъ до сихъ поръ всѣ это думаютъ.

Но, пожалуй, наиболѣе характернымъ признакомъ политическаго психоза слѣдуетъ считать *нецѣлесообразность поступковъ*, не отвѣчающихъ дѣйствительному положенію дѣлъ, какъ и *отсутствіе логики, здраваго смысла и послѣдовательности въ сужденіяхъ*, съ массою противорѣчій и неисполнимыхъ требованій какъ это мы отчасти видѣли выше. По поводу убійствъ, производимыхъ крайними лѣвыми, въ печати раздавались вопросы:

„почему, съ какой цѣлью, какой смыслъ этого звѣрскаго поступка“? На это слѣдовалъ примѣрно такой отвѣтъ: „Чѣмъ непонятнѣе, абсурднѣе убійство, тѣмъ оно лучше достигаетъ цѣли“. Впрочемъ, для объясненія своихъ непонятныхъ мыслей и соображеній, люди этого лагеря придумали и непонятное объясненіе: они говорятъ, что ихъ поступки такого рода не что иное, „какъ тактическій приѣмъ“. Для доказательства сказаннаго приведемъ слѣдующіе примѣры. Начнемъ съ того, что чѣмъ лѣвѣе крайніе, тѣмъ они съ большимъ стараніемъ отрѣшаются отъ религіи, и если иногда они имѣютъ въ виду религію, то очевидно только въ силу „тактическаго приѣма“, такъ-какъ есть много людей, которые не въ состояніи отрѣшиться отъ нея. Такъ, къ числу фракцій, принадлежащихъ къ крайнимъ политическимъ партіямъ, относится между прочимъ и „союзъ христіанской политики“; здѣсь весьма легко и развязно соединяютъ то, что никоимъ образомъ соединить невозможно, какъ масло и воду: это, съ одной стороны, насиліе и политическія убійства, а съ другой стороны, христіанство, проповѣдывающее любовь не только къ ближнимъ, но и къ врагамъ. Далѣе говорятъ о какихъ-то перемѣнахъ въ этическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ понятіяхъ людей, но забываютъ, что всѣ эти понятія, какъ было упомянуто, едины, вѣчны и неизмѣнны: отъ временъ Каина до самыхъ послѣднихъ дней убійство, противъ котораго говорило и будетъ говорить этика, нравственность и религія.—Затѣмъ уже давно замѣчено, что чѣмъ лѣвѣе партія, тѣмъ болѣе онѣ требовательны, тѣмъ болѣе самодержавны и деспотичны, т. е. тѣмъ болѣе онѣ обнаруживаютъ сами то, противъ чего они яко-бы ратуютъ, т. е. деспотизмъ и абсолютизмъ. Тѣ же наиболѣе лѣвыя партіи требуютъ у правительства полной отмѣны смертной казни, но въ то же время сами очень часто приговариваютъ людей къ смерти, настойчиво выполняютъ приговоръ и рукоплещутъ убійствамъ съ политической цѣлью.

Мнѣнія и стремленія анархистовъ, социалистовъ и пр. крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій ложны и по самому существу. Пожалуй, можно допустить, что у нихъ понятенъ и логиченъ, но только первый шагъ, а о дальнѣйшихъ шагахъ они вовсе не желаютъ думать, между тѣмъ все дѣло въ этихъ шагахъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти партіи рѣшили выразить протестъ существующему жизненному строю и вести борьбу противъ правительства. Конечно, этотъ первый шагъ слѣдуетъ считать весьма разумнымъ и достойнымъ всякаго сочувствія, если, дѣйствительно, жизненный строй требуетъ измѣненій и правительство заслуживаетъ отрицательнаго отношенія къ себѣ. Затѣмъ должны послѣдовать дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи путемъ преобразованій общественныхъ и правительственныхъ сферъ. Но дальнѣйшіе шаги, предпринимаемые этими партіями, совершенно непонятны и абсурдны и, несомнѣнно, ведутъ къ хаосу и къ бѣдствіямъ во всѣхъ отношеніяхъ, если только ихъ цѣль будетъ достигнута. Если

нѣчто подобное получилось отъ одной непродолжительной желѣзно-дорожной и почтово-телеграфной забастовки, то тѣмъ болѣе всего этого слѣдуетъ ожидать отъ многихъ попытокъ разрушенія жизненнаго и государственнаго строя, какъ того именно желаютъ эти люди. Всѣ мѣры, предлагаемыя этими крайними, такъ же справедливы и логичны, какъ если бы врачъ вмѣсто лѣченія болѣзни задумалъ убить большого и такимъ образомъ уничтожить болѣзнь, или если бы хозяинъ ветхаго дома разрушилъ его, не выстроивъ предварительно новаго зданія. Говорятъ одни изъ этихъ людей такъ: уничтожимъ обветшалый строй, а тамъ видно будетъ, какъ взяться за дѣло. Другіе говорятъ, что послѣ уничтоженія государственнаго строя сложатся сами собою естественныя и разумныя отношенія между людьми. Но, спрашивается, почему все это будетъ такъ; совершенно неизвѣстно, почему все неестественно теперь, а будетъ все естественно потомъ; опять неизвѣстно и непонятно, почему все плохое нельзя измѣнить къ лучшему, никого не насилуя, не убивая и никого не обижая. Еще болѣе непонятнымъ является отношеніе крайнихъ политическихъ партій къ современному переходному состоянію нашей родины: эти партіи, можно сказать, стучатся и ломятся въ открытую дверь и притомъ крайне предосудительно, чтобы не сказать болѣе. Наше правительство, отказавшись отъ бюрократическаго строя, по манифесту 17 октября и другимъ, само сдѣлало первый шагъ къ нашему обновленію и возрожденію, личному, общественному и политическому и, предоставивъ намъ всѣ свободы, за исключеніемъ свободы производить преступления, призвало всѣхъ гражданъ къ устроенію земли русской законодательнымъ путемъ. Казалось бы, слѣдуетъ только начать дѣло... Но вотъ, одни изъ насъ и большинство еще не проснулись, какъ слѣдуетъ, а другіе, поддавшись политическому психозу, начали сказку про бѣлаго бычка, начали борьбу съ призраками, затребовали непонятнаго, завѣдомо неисполнимаго, проливаютъ кровь ни въ чемъ неповинныхъ людей и пр. Къ числу предъявляемыхъ ими завѣдомо неисполнимыхъ требованій относятся — уничтоженіе собственности и общность имущества, націонализація земель, полное уничтоженіе эксплуатаціи капитала и др.

Наконецъ, для характеристики людей, страдающихъ политическимъ психозомъ, укажемъ на ихъ полную *неспособность зиняться живымъ и полезнымъ дѣломъ, плодотворнымъ трудомъ*. Встрѣчая на каждомъ шагу очевидныя и фактическія возраженія страннымъ стремленіямъ и нестысенные въ словахъ, всѣ эти люди, при обсужденіи общественныхъ и др. вопросовъ, обыкновенно обнаруживаютъ не объективное, серьезное и спокойное отношеніе къ дѣлу, въ виду его важности, а полнѣйшія — голословность, тенденціозность и разнузданность, постоянно полемизируя, а также преувеличивая, извращая и измышляя факты, такъ что все это рѣшительно подрываетъ успѣхъ того дѣла, за которое они берутся. Мало того, получается такое впечатлѣніе, что все это продѣлывается

крайними какъ бы умышленно для того, чтобы, какъ говорится, „провалить“ дѣло устроенія нашей родины. Очевидно для насъ, что это дѣло будетъ происходить тѣмъ медленнѣе, чѣмъ большую силу возьмутъ у насъ самые крайніе элементы.

Надо предполагать, что во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ политической психозъ, выражающійся въ дѣйствіяхъ наиболѣе лѣвыхъ политическихъ партій, кромѣ бѣдствій (припомнимъ казнь Лавуазье и мн. друг.), ничего не давалъ человѣчеству. Улучшеніемъ человѣческихъ и общественныхъ отношеній и установленіемъ болѣе правильныхъ и справедливыхъ способовъ управленія государствомъ мы обязаны разнообразнымъ историческимъ моментамъ и въ особенности религіи, морали, мыслителямъ, ученымъ и вліяніямъ всѣхъ политическихъ партій, за исключеніемъ самыхъ крайнихъ лѣвыхъ и, вѣроятно, самыхъ крайнихъ правыхъ политическихъ партій, и вообще обязаны добрымъ и рѣшительнымъ людямъ, которые готовы жертвовать всѣмъ и даже своею жизнью для успѣшной проповѣди своего ученія и для проведенія въ жизнь новыхъ и болѣе разумныхъ началъ. Стало быть, мы обязаны всѣмъ наилучшимъ въ нашей жизни не тѣмъ, которые убиваютъ людей вслѣдствіе психоза или преступныхъ цѣлей (см. ниже), а тѣмъ, которыхъ иногда убиваютъ по глубокому недоразумѣнію и которые совершенно не помышляютъ объ убійствѣ другихъ, а только о ихъ благѣ.

Какой вредъ принесли и приносятъ такъ называемые крайніе прогрессисты въ переживаемое нами время, мы видимъ очень хорошо, а исторія еще подробнѣе разъясняетъ намъ это. Для насъ несомнѣнно, что, благодаря этимъ людямъ произошли декабрьскія событія въ Москвѣ, ограбленія кровью родной земли ни въ чемъ не повинными жертвами долга, особенно на окраинахъ Россіи, иллюминаціи, — какъ они, крайніе, называютъ, весьма многихъ помѣстій, распущеніе Государственной Думы, весьма частыя ограбленія почтъ, виновныхъ лавокъ и пр. и, наконецъ, то, что права, дарованныя намъ еще 17 октября прошлаго года, до сихъ поръ нами почти еще не использованы къ общему благополучію страны. Если же наступитъ „реакція“, то и этимъ опять-таки мы будемъ обязаны исключительно тѣмъ же крайнимъ элементамъ, которые могутъ внести настолько невыносимую смуту на почвѣ нарушенія законовъ, что правительство, быть можетъ, также рѣшится на крайнія и сильныя средства и постарается совершенно парализовать дѣйствія этихъ элементовъ, при чемъ дѣло, вѣроятно, не обойдется безъ кровавыхъ расправъ вообще и въ частности по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ виноваты только тѣмъ, что въ наше тревожное и безпокойное время допустили себя до развитія политическаго психоза. Все это будетъ тѣмъ болѣе прискорбно, что, какъ мы предполагаемъ, далеко не всѣми крайними руководителями и руководятъ узкіе эгоистическіе расчеты и злая воля преступнаго свойства. Но рѣшительно невозможно сомнѣваться въ томъ, что есть и такіе люди, которые, не думая о политикѣ

и не заботясь о благѣ ближнихъ, а напротивъ, дѣйствуютъ, вѣроятно, въ союзѣ съ крайними, изъ чисто личныхъ интересовъ, ради наживы и изъ злого умысла. Вотъ этимъ и объясняется эта масса убійствъ и грабежей всякаго рода, явленіе очень характерное для нашего такъ называемаго „освободительнаго движенія“.

Подъ конецъ замѣтимъ, что въ нашей періодической медицинской прессѣ есть указанія на то, что „во многихъ случаяхъ нашего освободительнаго движенія политическіе преступники находятся въ психически-ненормальномъ состояніи и въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости“. Остается пожалѣть, что многіе изъ такихъ людей и ихъ окружающіе слишкомъ поздно сознаютъ ихъ ненормальное состояніе, когда лѣченіе становится уже невозможнымъ.

Мы глубоко вѣруемъ въ разумность и жизненность чело-вѣческой природы и полагаемъ, что политическій психозъ—такая болѣзнь, которая заблаговременно излѣчивается сравнительно легко и очень основательно. Впрочемъ, возможно излѣченіе ея весьма нежелательнымъ способомъ, а именно—путемъ перехода этого болѣзненнаго состоянія въ нашу обыкновенную апатію и спячку, т.-е. нѣкоторымъ образомъ путемъ превращенія болѣзни активной въ болѣзнь пассивную, которой подвержены весьма многіе изъ насъ. Нѣчто подобное наблюдается въ томъ случаѣ, когда въ наше время изъ горячаго и краснаго либерала получается со временемъ заурядный чиновникъ. Такое излѣченіе нельзя считать разумнымъ и желательнымъ. Но если бы представлялся выборъ изъ двухъ золъ меньшаго, то, конечно, слѣдовало бы избрать лучше безобидную (?) спячку, чѣмъ зловредный и преступный психозъ. Во всякомъ случаѣ, весьма желательно видѣть превращеніе активной болѣзни въ активное же нормальное состояніе, т.-е. освободиться отъ политическаго психоза, какъ и отъ спячки, и обновиться и возродиться къ новой болѣе разумной жизни. Достигается это путемъ сначала спокойнаго и вдумчиваго взвѣшиванія собственныхъ силъ (познанія самого себя) и обсуждения окружающихъ явленій, а потомъ путемъ окончательнаго рѣшенія о собственномъ отношеніи къ нимъ и выполнения на дѣлѣ этого рѣшенія, съ провозглашеніемъ девиза — „соотвѣтствующій трудъ и работа“, при полномъ внутреннемъ удовлетвореніи и достиженіи жизнерадостнаго чувства въ теченіе всей жизни... Но для этого всѣмъ намъ необходимо избавиться отъ неопредѣленности, темноты и хаотичности въ нашей душевной жизни и твердо знать, гдѣ свѣтъ, гдѣ смыслъ нашего жизненнаго существованія.

III.

Свѣтъ. Религіозное сознаніе.

Итакъ, давно пора однимъ изъ насъ пробудиться, а другимъ освободиться отъ политическаго психоза, успокоиться, а тѣмъ и другимъ добиться душевной удовлетворенности и душевнаго равновѣсія, уяснивъ себѣ все то, что такъ волнуетъ насъ въ настоящее время, и дѣятельно приняться за плодотворную работу для ближнихъ, для родины и для человѣчества.

Надо всегда помнить, что намъ дано очень много наилучшаго, и этимъ мы должны воспользоваться, если не желаемъ получить наихудшее. Отъ насъ самихъ зависитъ и свѣтъ и хаосъ, красота и безобразіе, счастье и отчаяніе, жизнь и смерть. Благо, находящееся внутри насъ, выше благъ матеріальныхъ, благъ окружающаго міра, и зло наше—хуже всякаго зла, находящагося въ мірѣ. Почти всегда обладатели многихъ матеріальныхъ благъ бываютъ недовольны и собою и окружающимъ, а, напр., извѣстно, что христіане первыхъ вѣковъ съ радостью шли на мученіе и смерть: ихъ жизнерадостность и счастье, вслѣдствіе сознанія ихъ правоты и вслѣдствіе предвѣднія будущей жизни, были настолько велики, что даже перспектива страшныхъ мученій и смерть не могли нарушить ихъ внутренняго благосостоянія.

Гдѣ же свѣтъ, красота, счастье и жизнь? Все это должно заключаться и въ нашемъ религіозно-нравственномъ сознаніи, и въ томъ внутреннемъ умиротвореніи и удовлетвореніи, которыя должны получаться нами всякій разъ послѣ выполненія труда, работы, согласно велѣніямъ этого сознанія.

Что *религія составляетъ основу жизни человѣка*, это такъ же вѣрно, какъ всякая аксіома или истина, не требующая доказательствъ по своей очевидности. Нѣтъ во всемъ мірѣ столь великаго блага для человѣка, какъ его религія, религіозное сознаніе, заключающееся въ немъ самомъ, и нѣтъ для человѣка такого глубокаго несчастія, какъ отрѣшеніе его отъ религіи. Основныя заповѣди Христа—исканіе Бога, Его царствія на землѣ, любовь къ Богу, какъ къ существу по сравненію съ нами высшему, разумному и всемогущему, а также любовь къ ближнимъ и др.,—должны пребыть основами нашего общественнаго устройства и частной жизни. Нельзя не согласиться съ тою мыслью, что безвѣріе это—тонкій ледъ, по которому, пожалуй, еще можетъ пройти одинъ человѣкъ, но цѣлый народъ упадетъ въ бездну. Но и для внутренняго благосостоянія каждаго человѣка религія—самое неогнѣнное благо, и отсутствіе ея даетъ о себѣ знать самымъ печальнымъ образомъ и является плодомъ недоразумѣнія и извращенія чувства или ошибкой слабого и полуспящаго ума, преимущественно вслѣдствіе отсутствія правильнаго воспитанія и самовоспитанія.

Не зря говорили весьма проникательные и умные люди, что, если бы не было Бога, то Его, ради благосостоянія людей, слѣдовало бы изобрѣсти, а ученые считаютъ доказаннымъ, что Иисусъ Христосъ есть центръ исторіи и ея геній или, попросту, какъ давно говорилъ народъ и какъ утверждалъ то Самъ Христосъ, „Онъ Богъ и Спаситель міра“. Извѣстно, что весьма многія и великія общественныя преобразованія всегда были и будутъ послѣдствіемъ религіозныхъ движеній.

Къ числу самыхъ сильныхъ доказательствъ, что все только что сказанное о религіи дѣйствительно справедливо, если, впрочемъ, потребовались бы такія доказательства, надо отнести то, что все приведенное когда-либо противъ религіи и противъ существованія Бога въ сущности не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и представляетъ не что иное, какъ очевидную нелѣпость и абсурдъ, такъ что все, что приводилось и можно было привести противъ существованія Бога и признанія и исповѣдыванія религіи, является очень вѣскимъ доказательствомъ за существованіе и необходимость отвергаемаго.

Возьмемъ для примѣра *религіозное невѣріе и религіозный индифферентизмъ*, вырастающіе на почвѣ нравственной спячки при отсутствіи какого бы то ни было воспитанія и самовоспитанія. Это—случаи наиболѣе частые. Но спросите людей такого рода въ минуты ихъ пробужденія и просвѣтленія, какъ они оцѣнятъ хотя бы такія заповѣди Христа, какъ: блаженны чистые сердцемъ; любите ближняго, какъ самого себя; благословляйте ненавидящихъ васъ; ищите прежде всего царствія Божія и правды его и этого всего достигнете, и многое другое, подобное этому. Развѣ эти люди не должны сознаться, что, дѣйствительно, это—святыя заповѣди и Божіи слова! Можно только пожалѣть тѣхъ, которые не понимаютъ и не знаютъ, что все самое великое и самое разумное для насъ уже находится въ числѣ основныхъ истинъ Христовой вѣры. Развѣ мы не обязаны устраивать наши отношенія къ людямъ и наши общественныя дѣла именно такъ, какъ это слѣдуетъ по законамъ религіи, если хотимъ добиться полного и прочнаго благосостоянія людей? Вѣдь только любовью и справедливостью держится и движется жизнь! Истины и заповѣти Христа такъ глубоки и высоки, что для насъ въ настоящее время полное пониманіе ихъ рѣшительно еще невозможно, и, вѣроятно, потребуется много вѣковъ, чтобы приблизиться людямъ къ полному уясненію (умомъ) Евангелія, этой Божественной книги (такъ ясно и просто понимаемой сердцемъ и чувствомъ), и устроить жизнь согласно ея предписаніямъ въ видахъ созданія царствія Божія на землѣ. Наше невѣріе и индифферентизмъ въ религіозномъ отношеніи правильнѣе назвать *непониманіемъ религіи или нежеланіемъ познать ее или бессиліемъ познать религіозныя истины*.

Итакъ, на свѣтѣ можно жить, а не прозябать въ полудремотѣ, но только тогда, когда есть смыслъ и цѣль жизни и

притомъ настолько высокіе, что ради осуществленія ихъ на дѣлѣ можно было бы не только приложить всѣ свои силы, но даже и пожертвовать своею жизнью. Такой смыслъ и такая цѣль заключаются только въ религіи, въ религіозномъ сознаніи, а главное—въ дѣйствительномъ проведеніи завѣтовъ Христа въ жизнь.

Надо имѣть въ виду, что большая часть людей, живущихъ въ религіозномъ невѣріи и безразличіи, рано или поздно возвращается къ той религіи, на лонѣ которой они родились и отъ которой они отстали, начиная потомъ соблюдать лишь ея обрядности, но, къ глубокому сожалѣнію, довольно часто и это бываетъ слишкомъ поздно, только на склонѣ лѣтъ. Нѣкоторые люди, отстранивъ себя отъ религіи и не видя никакого смысла для своего существованія, кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Но многіе изъ этихъ людей, по той же причинѣ, если не погибаютъ, то влачатъ свое жалкое существованіе часто безъ всякаго довольства собою и своею дѣятельностью до конца своей жизни; иногда, впрочемъ, они оживляются по временамъ, благодаря или самопоклоненію или поклоненію какому-либо авторитету.

Разобранный типъ безрелигіозныхъ людей, по нашему мнѣнію, довольно часто сочетается съ другимъ типомъ невѣрующихъ людей, а именно — съ людьми невѣрующими по идеѣ, съ *нигилистами и матеріалистами*; но эти послѣдніе врядъ-ли встрѣчаются въ жизни въ чистой формѣ, безъ комбинаціи съ людьми предыдущаго сорта. По поводу этого типа людей скажемъ слѣдующее. Познаніе Бога и усвоеніе Его ученій, по Евангелію, нераздѣльныхъ съ Нимъ, есть вполне естественное и реальное дѣло сердца и чувства, и нашъ умъ не можетъ не признать того, что дѣйствительно имѣется въ природѣ нашего внутренняго сознанія, ничѣмъ не усыпленнаго и не слѣдывшагося одностороннимъ и узкимъ, напр., исключительнымъ изученіемъ наукъ. Въ самомъ сердцѣ нашемъ предначертаны основы христіанскаго ученія и представленіе о существованіи въ природѣ чего-то высшаго, мудраго и весьма цѣлесообразнаго по сравненію съ нами, слабыми и переполненными недостатками. Говоря фактически, объективно, Иисусъ Христосъ, дѣйствительно, былъ Богъ, т. е. Существо высшее, чѣмъ человѣкъ: въ Его природѣ въ огромной мѣрѣ было то, что въ насъ; и притомъ въ наиболѣе одаренныхъ, вложено лишь въ очень незначительномъ количествѣ, какъ говорится, въ видѣ „искры Божіей“. Онъ исцѣлялъ весьма многихъ больныхъ и Онъ преподавалъ намъ такое ученіе, которое въ полномъ смыслѣ должно считаться ученіемъ отъ Бога, а не отъ человѣка. Мы, люди, еще не можемъ не только всецѣло слѣдовать ему, но, какъ было разъяснено, и понять его, какъ слѣдуетъ: это ученіе выше всякой человѣческой мудрости и выше всѣхъ наукъ. Науки вовсе не говорятъ противъ существованія Бога, воскресенія душъ, возмездія за грѣхи и пр. Противъ всего этого можетъ еще говорить грубый матеріализмъ и механизмъ, которыхъ въ настоящее

время уже не признають естественныя науки въ основѣ своего міросозерцанія, въ основѣ происхожденія животныихъ существъ и пр., но видятъ онѣ въ основѣ всего этого совершенно иное, а именно—начала эволюціи, высшее совершенствованіе и высшее развитіе животнаго и растительнаго царства, что вполне согласно съ началами нравственности и съ признаніемъ существованія всесовершеннѣйшаго Бога, Творца совершенной природы. Прогрессъ наукъ никогда не находился въ противорѣчій съ основами религіи и вѣры, и истинно религіозный человѣкъ никогда не былъ и не будетъ обскурантомъ, какъ это иногда утверждается узкими представителями современной науки, конечно, если только подъ религіей не подразумѣвается одна только ея скорлупа, одна обрядность и внѣшность ея. Припомнимъ *Ньютона*, всегда столь искренно выражавшаго свои чувства благоговѣнія передъ Творцомъ вселенной, что этотъ славный ученый, могучій и бессмертный геній человѣчества, не могъ упоминать имя Бога съ покрытой головой. Припомнимъ *Колумба*, котораго побудило открыть новыя страны желаніе проповѣдывать въ нихъ истины Евангелія. Припомнимъ *Песталоцци* и весьма многихъ другихъ педагоговъ, ученыхъ и мыслителей, у которыхъ геніальный умъ и былъ геніаленъ вслѣдствіе того, что онъ, по выраженію *Бьлинскаго*, былъ осердеченъ истинами религіи.

Не слѣдуетъ забывать, что въ сущности *все въ нашей жизни—тайна*. Всѣ явленія, окружающія насъ—и весьма обыденныя и простыя, и тѣ, которыя изучаютъ науки, представляются нашему уму, какъ нѣчто неизвѣстное и тайное, и если они не кажутся намъ такими съ перваго раза, то только потому, что они для насъ сдѣлались уже очень обыденными. Науки стремятся раскрыть эти тайны; но, надо думать, онѣ не раскроютъ намъ этихъ тайнъ окончательно, даже въ томъ случаѣ, если движенія наукъ впередъ никогда не остановятся, хотя всѣ науки даютъ и всегда будутъ давать людямъ очень многое для ума, для улучшенія ихъ существованія въ различныхъ отношеніяхъ. Только религія такъ ясно, просто и окончательно раскрываетъ намъ тайны бытія въ опредѣленномъ смыслѣ и путемъ таинствъ приобщаетъ насъ къ духовной жизни всей вселенной, вѣчной и разумной.

Далѣе, говорятъ теперь „объ идеалѣ общества, управляемаго наукой“, „о культѣ разума, составляющемъ религію“. Но слѣдуетъ всегда помнить, что обществомъ и отдѣльными лицами должна управлять только религія и что *только религія въ состояніи указать намъ на смыслъ жизни, на цѣль нашего существованія, науки же представляютъ намъ отнюдь не цѣль для нашего существованія, а только средства для выполненія нашихъ жизненныхъ цѣлей въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ*. Наука обыкновенно ставитъ себѣ различнаго рода цѣли, но исключительно для рѣшенія своихъ собственныхъ задачъ. Ни социологія, ни политическая экономія, ни какая-либо иная наука не въ состояніи указать намъ цѣль и смыслъ

жизни, хотя онѣ могутъ служить намъ въ качествѣ методо- и способо- для достиженія намѣченныхъ нами при помощи религіи цѣлей. Какъ было сказано, только истины религіи „едины, вѣчны и неизмѣняемы“, истины же наукъ — множественны, невѣчны и измѣняемы и даже по существу должны быть измѣняемы. *Религія*, хотя и не враждебна прогрессу, но сама въ своихъ основахъ прогрессировать не можетъ и не имѣетъ въ томъ нужды. Только люди должны прогрессировать въ возможно болѣе правильномъ пониманіи ея основъ — съ юныхъ лѣтъ до конца своей жизни.

Итакъ, должно быть у cadaго истинно интеллигентнаго человѣка „вѣчто“ несравненно высшее, чѣмъ науки, т. е. религиозныя вѣрованія. Но если все наше развитіе и всѣ наши стремленія не идутъ далѣе „последняго слова науки“, то, слѣдовательно, наши самые высокіе и благороднѣйшіе идеалы не переходятъ за предѣлы культа науки, т. е. за предѣлы поклоненія тому же человѣку. Въ виду этого и долженъ быть высокій идеалъ, божественныя истины, къ которымъ мы должны возможно болѣе приближаться въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ, чтобы сдѣлать жизнь наиболѣе содержательной и привлекательной.

Все сказанное нами до сихъ поръ о религіи, какъ мы думаемъ, подтверждается между прочимъ мыслями *Фигге*, извѣстнаго ученаго и матеріалиста, который въ статьѣ подъ заглавіемъ — „Назначеніе человѣка“ приходитъ къ тому заключенію, что назначеніе человѣка сводится „къ реализаціи въ земной жизни Божественнаго первообраза“.

Невѣрующіе люди, чтобы хоть немного понять смыслъ и цѣль своего существованія и оправдать свои поступки, прибѣгаютъ къ различнаго рода неопредѣленнымъ и смутнымъ *суррогатамъ религіи*, напр., говорятъ о всечеловѣческомъ идеалѣ, о морали, моральномъ сознаніи, или объ этикѣ, этическихъ цѣляхъ, объ альтруизмѣ, альтруистическихъ цѣляхъ и пр. А тамъ, гдѣ нужно говорить о Богѣ, упоминаютъ, напр., о совершенно непонятномъ „абсолютѣ“. Такъ, между прочимъ тотъ же *Фигге* въ упомянутомъ сочиненіи говоритъ, что „міръ представляетъ порожденіе абсолюта“. Но, конечно, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ „абсолютѣ“, слѣдуетъ прочесть нѣсколько томовъ, книгъ философскаго содержанія и убѣдить себя подъ конецъ въ томъ, что этотъ „абсолютъ“ болѣе или менѣе понятенъ.

Своего рода спячка и инерція, хотя и не у однихъ только русскихъ людей, обнаруживаются на весьма многихъ лицахъ, исповѣдывающихъ религію, и часто на представителяхъ ея, съ виду ревностныхъ, именно — сосредоточеніемъ ихъ „только“ или „болѣе всего“ на *обрядностяхъ и внѣшностяхъ религіи*. Отсюда лишь формальное и поверхностное отношеніе къ основамъ религіи, настолько, что поступки многихъ людей рѣшительно не согласуются съ основными заповѣдями Христа.

Вслѣдствіе чего, какъ было разъяснено, происходятъ главнымъ образомъ всѣ наши недостатки и неурядицы въ личной и общественной жизни, во внутренней и внѣшней политикѣ.

Съ другой стороны, рѣшительно невозможно согласиться съ тѣми людьми, которые, придавая огромное значеніе заповѣдямъ Христа, однако, желали бы совершенно отрѣшиться отъ религиозныхъ обрядностей и внѣшностей и даже отъ христіанской церкви. Ставя выше всего единственно только дѣятельное проведеніе въ жизнь заповѣдей Христа, мы глубоко убѣждены въ томъ, что ради такого проведенія люди безъ внѣшностей и обрядностей въ религіи и тѣмъ болѣе безъ церкви обойтись никоимъ образомъ не могутъ. Дѣло въ томъ, что наше внутреннее религиозное сознаніе должно извѣстнымъ образомъ формироваться, реализироваться посредствомъ внѣшнихъ впечатлѣній, конечно, съ тою цѣлью, чтобы отрѣшиться, хотя бы временно, отъ житейской суеты, настроить себя на особый ладъ и приблизиться къ высшему идеалу, къ Богу премудрости, совершенства и правды, при содѣйствіи тѣхъ таинствъ, священнодѣйствій и пѣній, которыя были установлены въ древнѣйшія времена отцами церкви. Какъ умирительно, трогательно и свято присутствовать на такомъ богослуженіи, которое было учреждено болѣе, чѣмъ 1500 лѣтъ тому назадъ! Послѣдующимъ и современнымъ представителямъ православной церкви мы обязаны торжественностью богослуженій и ихъ благотворнымъ влияніемъ на вѣрующіихъ, а также сохраненіемъ богослуженій въ той чистотѣ, въ какой они были въ глубокой древности. Богослуженія эти, цѣлесообразныя и для нашихъ дней, показываютъ намъ, что обрядности и особенно истины христіанской вѣры и отношенія къ нимъ людей должны быть вѣчны и юны во всѣ времена. И простой рабочій, и высокообразованный человекъ, но съ открытымъ и чистымъ сердцемъ, найдутъ въ этихъ богослуженіяхъ то, чего ищутъ—успокоенія, умиротворенія и вразумленія для своихъ и общественныхъ дѣлъ.

Разумѣется, нельзя сочувствовать и противоположнымъ взглядамъ на религиозныя обрядности и внѣшности, которымъ придается иногда почти первостепенное значеніе. Если бы всѣ христіанскія религіи придавали наибольшее значеніе именно исповѣдыванію основныхъ заповѣдей Христа, то тѣмъ самымъ фактически совершилось бы и соединеніе церквей, такъ какъ истины евангелія однѣ и тѣ же, и кромѣ того, при этихъ условіяхъ, былъ бы излишенъ переходъ изъ одной религіи въ другую, и тѣмъ болѣе старанія представителей ея совращать людей къ такому переходу, несомнѣнно, представляютъ явленія весьма жалкія, такъ какъ въ этихъ случаяхъ придаютъ значеніе не столько сущности христіанскихъ религій, которая для нихъ одна и та-же, сколько внѣшностямъ и обрядностямъ, г. е. тому, что слѣдуетъ считать, хотя и необходимымъ, но второстепеннымъ.

Закончимъ эту главу словами извѣстнаго педагога *К. Ушинскаго* о различныхъ религіяхъ. „Православная религія *сра-*

няетъ въ себѣ не только общія основныя истины христіанства, но и свои древнія формы, и можетъ сдѣлаться религіей великаго и образованнаго народа, быстро и неуклонно идущаго по пути общей европейской цивилизаціи. Главнымъ мотивомъ католицизма служило не распространеніе истинъ христіанства, а земное владычество католическихъ прелатовъ... Протестантизмъ силенъ лишь до тѣхъ поръ, пока протестуетъ... Православная религія величественно идетъ по своему пути: она свято сохраняетъ древнія формы христіанства, не объявляетъ никакихъ претензій на земную власть, но благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ" (*Ушинскій К.*, „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“, 1894 г.).

IV.

Воспитаніе, самовоспитаніе и школа, а также направленіе реформъ.

Итакъ, вся наша жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ, должна быть дѣятельнымъ выраженіемъ нашего истинно-религіознаго и нравственнаго сознанія и ближе всего это сознаніе должно касаться воспитанія и школы, которыя, въ свою очередь, при соотвѣтственной организаціи, будутъ служить намъ основами и руководителями нашей дѣятельности во всѣхъ отношеніяхъ и въ теченіе всей жизни. Отсюда до нѣкоторой степени опредѣляется важность всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые связаны съ сущностью воспитанія и съ устраненіемъ школъ различныхъ родовъ — элементарныхъ, общеобразовательныхъ и специальныхъ. Рѣшительно нѣтъ никакого преувеличенія въ прекрасныхъ словахъ того же *Ушинскаго*, а именно: „Устройство хорошихъ народныхъ школъ, правильно развивающихся и правильно воспитывающихъ народъ, есть одна изъ самыхъ выгодныхъ и самыхъ прочныхъ финансовыхъ операцій... Время, трудъ, честность, знаніе, умѣніе владѣть собою—физическія, умственные и нравственные силы человѣка—это единственные творцы всякаго богатства“ (*Ушинскій, К.*, см. выше). Ясно само собой, что все дѣло не столько въ хорошихъ общественныхъ учрежденіяхъ и хорошихъ государственныхъ управленіяхъ, сколько въ честныхъ, дѣловыхъ и знающихъ людяхъ: такіе люди и плохія учрежденія и управленія сдѣлаютъ сносными, тогда какъ плохіе люди, безъ сомнѣнія, испортятъ и самыя лучшія общественныя и государственныя учрежденія. „Тщетны всѣ попытки улучшить жизнь міра, — говоритъ *Францъ Гартманъ*, — до тѣхъ поръ, пока сами люди не станутъ лучше; улучшеніе каждаго отдѣльнаго человѣка есть вѣрнѣйшее средство улучшенія жизни міра“.

Разумѣется, въ виду чрезвычайной важности школьнаго дѣла и дѣла воспитанія, въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо, требуются такія *опредѣленность, ясность*

и индивидуальность, которыя въ состояніи были бы дать намъ полную убѣжденность и увѣренность въ томъ, что мы поступаемъ въ этомъ дѣлѣ правильно. Но, къ великому сожалѣнію, говоря словами *Сикорскаго*, „мы очень мало свѣдуци въ дѣлѣ воспитанія“ (*Сикорскій*, И. „Психологическія основы воспитанія“, рѣчь, Кіевъ. 1905). Къ такой неосвѣдомленности, общей для всего цивилизованнаго міра, присоединяются еще наши апатія, сонливость и слѣдовательно, безпечность, равнодушіе и пр. Здѣсь мы постараемся дать небольшой матеріалъ для уясненія сущности и направленія воспитанія и школьнаго дѣла, но предварительно скажемъ слѣдующее.

Существуютъ у насъ немалыя препятствія для правильнаго пониманія воспитанія и школьнаго дѣла. Въ настоящее время мы еще разное понимаемъ слова—умный, воспитанный и религиозный. Умнымъ человѣкомъ весьма многіе называютъ человѣка ловкаго и практичнаго для себя, воспитаннымъ—человѣкомъ—того, кто усвоилъ себѣ пріятныя манеры, и религиознымъ—того, кто занятъ почти исключительно одной внѣшностью и обрядностью религіи. На школу и воспитаніе мы смотримъ почти всегда, какъ на „дойную корову“, какъ на средства къ жизни, и только. Почему-то всѣ стараются, если позволяютъ средства, дать своимъ дѣтямъ во что бы то ни стало непременно высшее образованіе, даже въ томъ случаѣ, если они не склонны къ нему, но при этомъ забывается, что для государства, общества и отдѣльныхъ лицъ выгоднѣе и полезнѣе имѣть хорошаго мастерового, дѣльнаго рабочаго, чѣмъ плохого интеллигентнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, есть много людей съ высшимъ образованіемъ, занимающихъ значительныя и отвѣтственныя должности, но которые съ большей пользой для себя и для общества могли бы занимать другія мѣста. А между тѣмъ какая масса талантливыхъ людей, которые за недостаткомъ средствъ для дальнѣйшаго образованія, не въ состояніи занимать мѣста, соответствующія ихъ дарованіямъ. Не должна ли, кстати сказать, колоть глаза нѣкоторымъ, а можетъ быть многимъ изъ насъ та правда, что люди цѣлью прохождение школы и своего образованія ставятъ почти исключительно наживу или достиженіе различныхъ плановъ эгоистическаго и честолюбиваго свойства, пользуясь протекціей, умѣлой ворожкой бабушекъ и пр. Но прискорбнѣе всего видѣть то, что весьма многіе изъ молодыхъ людей превращаются со временемъ изъ горячихъ либераловъ въ самыхъ обыкновенныхъ бюрократовъ. Объ этомъ стоитъ призадуматься... А какъ будетъ названа объективно исторіей русская школьная забастовка, все еще продолжающаяся до сихъ поръ, которую такъ единодушно проводитъ болѣе взрослая молодежь почти во всѣхъ высшихъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и которая ведетъ къ параличу всѣхъ умственныхъ способностей у учащихся (см. *Сикорскій*, I. с.)?..

Теперь обратимся къ школамъ и воспитанію. Должна существовать тѣсная связь между реформами школы и воспитанія, съ одной стороны, и реформами общественной жизни,

съ другой, т. е. нельзя говорить о первыхъ, не имѣя въ виду вторыхъ и наоборотъ. Возможно допустить, что есть счастливыя натуры, которыя могутъ развиваться и расцвѣсти, несмотря на неблагоприятныя общественныя условія и, быть можетъ, именно—благодаря этимъ неблагоприятнымъ условіямъ; но большинство людей, несомнѣнно, будетъ съ большимъ вредомъ для своего внутренняго развитія нести гнетъ общественнаго неустроенія. Если внѣшнія условія сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ на свойства растений и животныхъ, то тѣмъ болѣе эти условія могутъ повліять на развитіе человѣка въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ. Далѣе, существуетъ также связь между школою и воспитаніемъ: нельзя строго отдѣлять воспитаніе отъ школы и школу отъ воспитанія; тамъ, гдѣ школа, слѣдуетъ и воспитывать, и тамъ, гдѣ воспитываютъ, должна быть и школа. Подъ школою почти всегда понимаютъ обученіе въ томъ или другомъ направленіи, начиная отъ обученія ремеслами и грамотою, до высшаго техническаго обученія или образованія. Подъ воспитаніемъ слѣдуетъ подразумѣвать религіозно-нравственное развитіе. Образование предполагаетъ сравнительно высокій уровень воспитанія и школьнаго обученія. Различаютъ самовоспитаніе, самообученіе и самообразование, веденныя болѣе или менѣе самостоятельно самимъ воспитывающимся и образующимся.

Мы полагаемъ, что *самовоспитаніе*, какъ и *самообученіе* и *самообразование*, слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ это принято, такъ какъ въ сущности никто не воспитываетъ человѣка, не обучаетъ его и не образуетъ, но всегда человѣкъ самъ воспитываетъ себя или самъ обучаетъ и образуетъ себя, хотя при большемъ или меньшемъ содѣйствіи постороннихъ лицъ, учебныхъ предметовъ, внѣшнихъ обстоятельствъ и пр. Вотъ, благодаря такому самовоспитанію или самообученію, или самообразованію, которыя всякій разъ имѣются въ дѣйствительности, различные люди, различные индивидуумы обнаруживаютъ крайне различный результатъ своего саморазвитія въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, какъ и въ физическомъ, несмотря на одинаковую школу, одинаковое обученіе и вообще одинаковое воспитательное воздѣйствіе. Кромѣ того, быть можетъ, съ большей пользой для дѣла слѣдуетъ всегда имѣть въ виду не воспитаніе вообще, а въ частности данное самовоспитаніе или *индивидуальное воспитаніе*, *индивидуальное обученіе* и пр., подобно тому, какъ въ медицинѣ общее понятіе о лѣченіи болѣзней различными средствами съ большою пользою для дѣла замѣняется частнымъ понятіемъ о самоизлѣченіи даннаго больного индивидуума при содѣйствіи примѣняемыхъ *врачемъ* средствъ. Такимъ образомъ, физиологія самоизлѣченія различныхъ индивидуумовъ, какъ проявленія цѣлебной *силы* природы, направляемой цѣлесообразно *врачебными мѣра*ми, и представляетъ не что иное, какъ сущность индивидуализированнаго лѣченія больныхъ людей. Слѣдовательно,

сущность индивидуальнаго воспитанія и пр. или сущность самовоспитанія etc. сводится къ большей или меньшей способности различныхъ индивидуумовъ развиваться во всѣхъ отношеніяхъ при содѣйствіи разнообразныхъ педагогическихъ и иныхъ мѣрѣ. Разумѣется, существуетъ связь между индивидуальнымъ самовоспитаніемъ и пр. и индивидуальной физиологіей и психологіей, но, къ сожалѣнію, все это такія области знанія, которыя требуютъ разработки спеціальнаго характера.

Теперь, согласно всему сказанному, постараемся выяснить *цѣль, направленіе и принципы воспитанія и школьнаго образованія*. Достиженіе свѣта человѣкомъ или достиженіе разумнаго, человѣческаго счастья и *жизнерадостности* мыслимо только *при подъемѣ нашего духа и при существованіи душевнаго и тѣлеснаго зоревья и вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе всего вслѣдствіе сознательнаго осмысленности нашего существованія вообще и въ частности вслѣдствіе удовлетворенности удачно выполняемыми частными дѣлами на пользу ближнихъ и нашу*. Разумѣется, воспитаніе и школа обязаны дать людямъ соотвѣтствующія въ большей или меньшей мѣрѣ подготовки въ духовномъ, умственномъ и спеціальномъ отношеніяхъ, а также въ физическомъ отношеніи, въ видахъ достиженія каждымъ человѣкомъ, по мѣрѣ его силъ и способностей, возможно большаго успѣха при выполненіи его дѣла. Такимъ образомъ, цѣлью воспитанія во всѣхъ школахъ будетъ усвоеніе и усовершенствованіе основъ человѣческаго духа, а именно—религіозно-нравственныхъ началъ, различнаго рода чувствъ вообще и моральныхъ чувствъ въ частности—чувства правды, справедливости, красоты, долга, чести и пр., а также усовершенствованіе и развитіе мышленія (ума), воображенія и воли, при гармоническомъ сочетаніи всѣхъ этихъ способностей, при чемъ производится и нѣкотораго рода нивеллировка ихъ и, напротивъ, развитіе тѣхъ или другихъ добрыхъ индивидуальныхъ качествъ. Кромѣ того, несомнѣнно слѣдуетъ имѣть въ виду физическое развитіе и физическій трудъ. При этомъ подразумѣвается и собственно школьное воспитаніе и обученіе всѣхъ родовъ, начиная отъ элементарнаго образованія, средняго—общеобразовательнаго и кончая высшимъ спеціальнымъ и техническимъ образованіемъ всѣхъ видовъ, а также знакомство съ ремеслами и пр. Въ результатъ прохожденія каждой изъ этихъ школъ должна быть воспитана идея *о необходимости дальнѣйшаго внѣшкольнаго самоусовершенствованія въ различныхъ отношеніяхъ, въ нравственномъ, умственномъ, а также въ спеціальномъ, техническомъ и пр. отношеніяхъ*“. Кромѣ того, каждая школа обязана выдвинуть наиболѣе способныхъ, достойныхъ и даровитыхъ молодыхъ людей, а общество дать матеріальныя средства, для дальнѣйшаго усовершенствованія такихъ людей по различнымъ спеціальностямъ.

Теперь подойдемъ къ дѣлу нѣсколько ближе. Всѣмъ школамъ должна быть предоставлена автономія, въ смыслѣ самостоятельности и самодѣятельности педагогическихъ совѣтовъ

въ постановкѣ и рѣшеніяхъ специальныхъ школьныхъ вопросовъ, но, конечно, всякій разъ послѣ подробнаго обсуждения дѣла, при широкой гласности и съ вѣдома и съ утверждения представителей народа и высшей правительственной власти въ случаяхъ наиболѣе важныхъ. При этомъ вполнѣ устраняются изъ школы административный бюрократизмъ, формализмъ канцелярій и сословность. Далѣе, въ виду огромной важности школьнаго дѣла и для достиженія возможно большей производительности школъ, въ нихъ самымъ тщательнымъ образомъ должна быть исключена всякая (активная) политика, которая, не достигая здѣсь цѣли, однако, можетъ только отвлечь юношей отъ ихъ серьезнаго дѣла. Школьное дѣло, какъ и семейное воспитаніе, должно основываться на тѣснѣйшемъ и искреннѣйшемъ взаимодействіи воспитанниковъ и воспитателей съ преобладаніемъ естественнаго авторитета послѣднихъ по отношенію къ первымъ. Поэтому здѣсь прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду опредѣленный уровень совершенства и подготовки самихъ учителей, главнымъ образомъ въ религіозно-нравственномъ и умственномъ отношеніи. Каждый *воспитатель* и *учитель* обязаны вложить въ это дѣло всю свою душу и все свое разуміе и должны сдѣлаться отцомъ, другомъ и товарищемъ юношей. Н. Пироговъ въ подразумѣвалъ слѣдующія качества учителей и профессоровъ: 1-е—прямодушіе, 2-е—преданность своему дѣлу и убѣжденность въ истинѣ преподаваемаго и 3-е—довѣріе къ ученикамъ. „Всѣ знаютъ, что надо почитать старость, но и молодость должно уважать“, говорилъ этотъ замѣчательный ученый и мыслитель во время господства розги, какъ самой важной педагогической мѣры. При разумномъ отношеніи къ своему живому дѣлу всякій преподаватель невольно заинтересуется своимъ дѣломъ и полюбитъ его. Сами ученики цѣнятъ въ своихъ учителяхъ—любовь къ дѣлу, веселость, твердость, внимательность къ ученикамъ, спокойствіе и пр. (Л. С. „Учителя среднихъ школъ съ точки зрѣнія учащихся старшихъ классовъ (въ Америкѣ)“ „Вѣстникъ Воспитанія“, № 1, 1906).—Вообще все школьное дѣло слѣдуетъ поставить такъ, чтобы и педагоги и ученики съ охотою и съ живымъ интересомъ занимались своимъ дѣломъ и скучали только по праздникамъ внѣ занятій. *Воспитываемымъ и учащимся* желательно было бы внушить мысль—не слишкомъ торопиться дѣлаться взрослыми людьми. Исусъ Христосъ, обращаясь къ Своимъ ученикамъ со словами—„будьте, какъ дѣти“, тѣмъ самымъ весьма высоко цѣнилъ качества дѣтей. Кстати замѣтить, люди еще не воспользовались для цѣлей воспитанія этими божественными словами, хотя въ нихъ заключается глубочайшій смыслъ. Джонъ Рескинъ, по нашему мнѣнію, отчасти раскрываетъ этотъ смыслъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вся разница между гениемъ и остальными людьми состоитъ въ томъ, что гений, большею частью, остается ребенкомъ, смотрящимъ на міръ широко раскрытыми глазами, полными безконечнаго

удивленія, при сознаніи не своего великаго значенія, а своего безпредѣльнаго невѣжества и въ то же время своей мощи".— Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что науки, приучающія умъ къ точному анализу фактовъ, могутъ тѣмъ самымъ способствовать воспитанію юношества въ умственномъ отношеніи и развивать въ немъ здравыя сужденія. Весьма важно постоянное, хотя бы слабое упражненіе воли, особенно, какъ утверждаютъ, для насъ, славянъ, которыхъ характеризуютъ между прочимъ, какъ племя, обладающее сравнительно слабо развитой волевой способностью. Какъ въ воспитаніи дѣтей, такъ и въ самовоспитаніи взрослыхъ, важно пользоваться какъ можно чаще подходящими примѣрами, взятыми изъ самой жизни, и, по возможности, избѣгать отвлеченныхъ правоченій, въ которыхъ мы сами нерѣдко запутываемся, напр., противорѣчіемъ.

Въ настоящее время очень много говорятъ и пишутъ о реформахъ и новыхъ уставахъ для школъ всѣхъ родовъ и особенно для общеобразовательныхъ и для высшихъ специальныхъ, для университетовъ и пр. Все это, конечно, очень хорошо, но мы опять должны сказать, что для насъ требуются не столько хорошіе реформы и уставы школъ, сколько наше пробужденіе, обновленіе и, слѣдовательно *поднятіе духа школъ*, все же остальное приложится само собой и притомъ въ наиболѣе соответствующемъ видѣ.

Мы не будемъ останавливаться подробно на разборѣ другихъ личныхъ и общественныхъ реформъ и преобразованій, столь настоятельно необходимыхъ для насъ и такъ непозволительно упущенныхъ нами, благодаря главнымъ образомъ нашей апатіи и спячкѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Скажемъ только, что истинно-религіозное, всегда бодрствующее сознаніе подскажетъ намъ направленіе и характеръ для всѣхъ этихъ реформъ и преобразованій, а науки и знанія, опытность, здравый смыслъ, укажутъ намъ, какимъ образомъ слѣдуетъ выполнить на дѣлѣ намѣченныя преобразованія и реформы. Какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго, изъ всѣхъ преобразованій наиболѣе существеннымъ, настоятельно необходимымъ и спѣшнымъ слѣдуетъ считать тѣ, которыя относятся къ школѣ, къ воспитанію и образованію, а именно—въ томъ направленіи, какъ это отчасти нами было только-что намѣчено. Остальныя реформы и преобразованія, напр., тѣ, которыя связаны съ вопросами—аграрнымъ, рабочимъ, окраиннымъ и пр., хотя и потребуютъ весьма многихъ специальныхъ соображеній и работъ, но должны быть рѣшены такъ-же, какъ и школьные вопросы, на религіозно-нравственныхъ основахъ и на началахъ любви къ ближнимъ и справедливости. Другія же основы и начала, какъ-бы они не казались намъ заманчивыми и научными, не только не помогутъ послужить намъ для совершенно правильнаго разрѣшенія упомянутыхъ и всѣхъ дру-

гихъ личныхъ и общественныхъ вопросовъ, но даже, въ чемъ мы нисколько не сомнѣваемся, могутъ повести насъ къ бѣдствіямъ анархіи и къ невыразимо ужаснымъ послѣдствіямъ хаоса. Степень нашего пробужденія и будетъ измѣряться тѣмъ, насколько мы выполнимъ наши обязанности передъ ближними устройствомъ нашего отечества.

Проф. Вл. Никольскій.

Журнальное и литературное обозрѣніе.

З. Н. Гиппіусъ. Не го. (*Неужная исторія*). „Вѣсы“ № 6.

I.

Въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ мы указали психологическія пружины такъ называемой „идейной“ беллетристики, ея незамысловатую и грубоватую технику, отсутствіе объединяющаго центра въ мышленіи и творчествѣ, пассивность и безсмліе совѣсти и логики передъ исключительнымъ положеніемъ и случайными комбинаціями, кадетскую игру въ „иллюминаціи“, чтобы привлечь вниманіе къ пустякамъ и закатать въ туманъ истинное значеніе типа или факта.

Цѣль или, какъ говорятъ теперь, „тенденція“ этого идейнаго „творчества“, — точнѣе, конечно, сочинительства, всегда одна и та же: опорочить, оболгать и оклеветать „существующій“ міръ въ славу и честь міра не только не существующаго, но и не осуществимаго.

Отвлеченность и тенденціозность этого извращеннаго стремленія побуждаетъ идейныхъ беллетристовъ поднимать на идейные пьедесталы воровство и убійство, подлость и глупость. Они тоскуютъ и страдаютъ, потому что ихъ заѣла пошлая и низменная среда, хотя при болѣе внимательномъ изслѣдованіи всегда оказывается, что они низменнѣе и пошлѣе среды, т. е. на словахъ тянутся впередъ и выше, а на дѣлѣ двигаются назадъ, къ звѣринымъ повадкамъ, и ниже, на самое дно общественной помойной ямы. Для этого имъ часто приходится нарушать всѣ здоровыя нормы здраваго, смысла. Но самое понятіе о здоровомъ смыслѣ у нихъ, хотя и въ туманѣ, все-таки остается. Это видно уже по усиліямъ и потугамъ ихъ софистики. Они считаютъ обязательнымъ и для себя приводить какія по силамъ доказательства и придавать своимъ мечтамъ

внѣшніе признаки правдоподобія. Талантливость здѣсь видятъ въ новизнѣ и затѣйливости приѣмовъ идейнаго шуллера, который находитъ новую форму передержекъ въ трепанной и замасленной крапленой колодѣ.

Безумія здѣсь много. Но не все безуміе: есть расчетъ, есть хитрость, есть умѣнье бить на эффектъ. Есть цѣль, хотя и фантастическая.

Но представьте себѣ беллетристическую идейность, которая порываетъ и эти послѣднія земныя узы и на коврѣ-самолетѣ поднимается въ тѣ возвышенныя сфѣры, откуда вся земля представляется сѣрымъ, безцвѣтнымъ и ничтожнымъ комочкомъ грязи. Даже вершины горъ кажутся какими-то ничтожными бородавками, а океанъ — каплями пота на старческомъ и скопчески-морщинистомъ лицѣ карлика.

Боюсь, что даже разумные и образованные люди, которые по умному инстинкту не читаютъ современныхъ шедевровъ текущей беллетристики, не повѣрятъ мнѣ на слово, не повѣрятъ тому, что не только возможно, но и существуетъ и такой видъ помѣшательства, что такіе виртуозы нелѣпостей находятъ издателей и, значитъ, читателей.

Но доказать это легко. Примѣровъ подъ руками сколько угодно. И если хорошенько подумать, то иначе и быть не могло.

Вся нервная система текущаго поколѣнія — децентрализована. Для этого вся голова острижена подъ гребенку. Каждый волосокъ — одинаковой мѣры. Всѣ лицо въ лицо, умъ въ умъ, совѣсть въ совѣсть. И поэтому всякій отдѣльный нервный узелокъ можетъ стать центромъ всей нервной системы.

Русскій интеллигентъ — это Самсонъ послѣ ножницъ Далилы. Львиная грива свалилась въ минуты любовнаго забвенія и нѣги, а съ голымъ черепомъ, безъ обильной и лохматой шевелюры о. Пояркова, каждый кадетъ немедленно слѣпнетъ. Ему не надобно выкалывать глаза: онъ такъ радикально зажмурится самъ, что и при наличности здоровыхъ глазъ все равно ничего не увидитъ. И онъ послушно идетъ ворочать тяжелые и грубые жернова лѣвой партіи филистимскихъ и филистерскихъ трудовиковъ.

II.

Тутъ есть одна любопытная аналогія. Марксисты, — съ особенною ретивостью г. Милюковъ, — чуть не двадцать лѣтъ подъ рядъ доказываютъ, что законы историческаго развитія одинаковы для всѣхъ народовъ. Тамъ, гдѣ прошелъ нѣмецкій социаль-демократъ, особенно

изъ евреевъ, пройдетъ и долженъ пройти англичанинъ, французъ, русскій, тунгузъ. и „другъ степей“ калмыкъ. Это на идейномъ языкѣ называется „монизмомъ“. У всѣхъ народовъ одинаковый умъ, одинаковая совѣсть и одинаковый пролетаріатъ. Вся штука въ борьбѣ неимущихъ съ имущими. Остальное — пустышки, надстройки надъ экономическимъ базисомъ.

Понятно, что всякій, кто только надѣваетъ эти темные очки монизма, сразу же перестаетъ видѣть. Для него всё кошки становятся сѣрыми. Всюду единство, нигдѣ никакого различія. Одно слово: монизмъ—и ничего больше.

Страховъ когда-то далъ любопытныя заповѣди того монизма, который все подводитъ къ одному знаменателю — и не только въ исторической области.

„Между Богомъ и природою нѣтъ различія. Богъ есть природа, олицетворенная человѣческой фантазіей.

„Между духомъ и матеріею нѣтъ различія. Духъ есть нѣкоторая дѣятельность матеріи.

„Между организмами и мертвыми тѣлами нѣтъ различія. Организмы суть созданія физическихъ и химическихъ силъ.

„Между животными и растениями нѣтъ различія. Чувствительность и, такъ называемое, произвольное движеніе суть явленія рефлексовъ, совершающихся механически.

„Между человѣкомъ и животными нѣтъ различія. Душевные движенія у человѣка совершаются точно такъ же, какъ у животныхъ.

„Между душою и тѣломъ нѣтъ различія. Душа есть нѣкоторая дѣятельность тѣла.

„Между мужчиною и женщиною нѣтъ различія. Женщина есть какъ бы безбородый мужчина меньшаго роста, чѣмъ обыкновенно бываютъ мужчины.

„Между нравственностью и стремленіемъ къ счастью нѣтъ различія. Нравственно то, что ведетъ къ человѣческому благополучію.

„Между прекраснымъ и полезнымъ нѣтъ различія. Прекрасно только то, что ведетъ къ нѣкоторой пользѣ.

„Между наукою и искусствомъ нѣтъ различія. Искусство есть только особая форма для популяризаціи истинъ науки“.

Этотъ краткій синодикъ объ устраненіи различія написанъ давно. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Теперь этотъ списокъ растянулся на всевозможные виды различія, такъ что и подсчитать ихъ невозможно. Кадетская дума всегда и во всемъ дѣйствовала безъ различія пола и возраста, національности и вѣроисповѣданія, и только рѣзко и грубо отличала политическое убійство отъ смертной казни.

Это былъ единственный видъ различія, который видѣли и понимали кадеты и трудовики.

На нашихъ глазахъ монизмъ заползалъ во всѣ щели русской сознательности и мыслящая Россія давно уже стоитъ по ту сторону добра и зла, добродѣтели и порока, подвига и преступленія, героизма и пошлости. Всѣ эти различія скомканы въ линючемъ и бессмысленномъ единствѣ, гдѣ все говоритъ не своимъ голосомъ, выступаетъ не подъ своими именами, все дѣлаетъ шиворотъ-на-выворотъ, ходитъ на головѣ, размахивая въ воздухѣ ногами, на которыя возложены всѣ функціи головного мозга.

На русской почвѣ монизмъ сталъ синонимомъ безстыдства, пошлости, противоестественности и помѣшательства.

Было бы неправдоподобно, если бы этотъ мнимо-научный монизмъ не проникъ и въ идейную беллетристику. И онъ проникъ. И у него, какъ у хлыстовъ, есть свои саваоы, свои пророки и пророчицы. Въ саваоахъ ходитъ В. В. Розановъ, въ пророчкахъ два неразлучныхъ Аякса, гг. Мережковский и Минскій, въ пророчицахъ супруга г. Мережковского, З. Н. Гипсіусъ.

Это сверхъ-человѣческіе тайнодѣлатели въ области сверхъ-идейности. Супруги Мережковскіе взяли на себя чрезвычайную сверхъ-идейную задачу: Дмитрій Сергіевичъ тщится доказать сверхъ-жизненность мыслящей Россіи и передовыхъ умовъ, т. е. отрицаетъ всякое различіе между живымъ человѣкомъ и покойникомъ, — а Зинаида Николаевна доказываетъ сверхъ-полость избранныхъ натуръ, т. е. всякое различіе между мужчиною и женщиною.

III.

На этотъ разъ мы хотимъ поговорить о сверхъ-естественномъ рассказѣ г-жи Гипсіусъ. Онъ напечатанъ въ 6-й книжкѣ сверхъ-мистическаго и сверхъ-монистическаго московскаго журнала „Вѣсы“. Но мнѣ кажется, что этотъ рассказъ будетъ недостаточно понятенъ, если мы не отмѣтимъ тѣхъ стихотвореній г. Мережковского и г-жи Гипсіусъ, которыя были помѣщены въ 3-й и 4-й книжкѣ этого же журнала.

Подражая параллелямъ Страхова, главную мысль г. Мережковского слѣдовало бы формулировать такъ:

„Между живымъ и мертвымъ нѣтъ различія. По крайней мѣрѣ, я этого не замѣчаю“

Вотъ его подлинныя слова.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,—

не то меланхолически, не то кокетливо напѣваетъ онъ Д. Н. В.—ной, которой посвящено это стихотвореніе. Бѣдная Д. Н. В.—на! Что ей дѣлать? Пить ли ей: „Я твоя—отнынѣ и на вѣки“, или пригласить мѣстный причтъ для совершенія панихиды надъ интереснымъ упокойникомъ?

Насколько мнѣ извѣстно, это первый опытъ поэтического апофеоза новой разновидности почти неправдоподобнаго флирта. Любовь живого къ мертвому въ судебной медицинѣ, на сколько мнѣ помнится, называется некрофилией. Но какъ назвать любовь покойника къ живой? Не принадлежитъ ли поэтъ къ беспокойной породѣ упырей, вурдомаковъ или вампировъ? Но какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что въ порывѣ уравниенія всѣхъ на почвѣ осводительнаго движенія, г. Мережковскій хочетъ ослабить существующее различіе между живыми и мертвыми, чтобы очистить мѣсто для утвержденія строя еще не существующаго.

З. Н. Гиппиусъ тщится удалить одно фиктивное различіе на другой почвѣ.

„Между мужчиной и женщиной,—въ звучныхъ стихахъ утверждаетъ она,—нѣтъ различія, ибо я чувствую себя то женщиной, то женщиной“.

Въ подлинникѣ это изображено такъ:

*Ждалъ я и жду я зари моей ясной,
Неутолимо тебя полюбила я,
Встань же, мой мѣсяцъ, серебряно-красный,
Выйди, двурога, милый мой, милая..*

Когда З. Н. Гиппиусъ говоритъ: „полюбила“, она, повидимому, остается въ предѣлахъ земной возможности: она женщина. Но когда про себя же она говоритъ: „ждалъ“,—она, очевидно, возвышается надъ предѣлами существующаго строя, все-таки основаннаго на почвѣ полового различія и для cadaго пола имѣющаго свои глагольныя окончанія.

Но если это такъ, если она стоитъ внѣ пола и идетъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“,—возникаетъ трудный и сложный вопросъ, кого же она ждетъ? Его или ее? При существующемъ строѣ отвѣтъ былъ бы простъ. Но при строѣ еще не существующемъ—эта загадка не скоро дождется своего Эдипа.

То „мѣсяцъ серебряно-красный“, такъ связать, „онъ“,—то „двурога“, надо думать: „она“. То „милый“, то „милая“. И по всѣмъ примѣтамъ на свиданіе придутъ не двое, а что-то одно—безъ различія пола и возраста, національности и вѣроисповѣданія.

Обычный козырь кадетской логики! Но какъ все это спутано и неразрѣшимо!

Итакъ, въ основѣ новаго идейнаго разсказа мы имѣемъ монизмъ,—т. е. смѣшеніе всякаго пола и возраста, нѣчто единое и нераздѣльное, какъ социальная республика.

Это все же Ариаднина нить, безъ которой было бы рискованно забираться въ идейные лабиринты Зинаиды Николаевны.

IV.

Впрочемъ, есть и еще одна ниточка. Не слѣдуетъ забывать, что именно понимаетъ поэтесса подъ „существующимъ строемъ“. Стихотвореніе, гдѣ выясняется этотъ жгучій вопросъ, имѣетъ заглавіе довольно вертлявое: „Все кругомъ“.

Страшное, липкое, грубое, грязное,
 Жестко тупое, всегда безобразное,
 Медленно рвущее, мелко нечестное,
 Скользкое, стыдное, низкое, тѣсное (?),
 Явно-довольное, тайно-блудливое,
 Подло-смѣшное и томно-трусливое,
 Вязко, болотно и тинно-застойное,
 Жизни и смерти равно недостойное,
 Рабское, хамское, гнойное (?), черное,
 Иарѣдка сѣрое, въ сѣромъ упорное,
 Вѣчно лежачее (?), дьявольски косное (?),
 Глухое, сохлое (?), сонное, злостное,
 Трупно-холодное, мелко-ничтожное,
 Непереносное, ложное, ложное.
 Но жалобъ не надо, что жалости въ плачѣ?
 Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе.

Дѣйствительно, если вѣрить поэтессѣ, „все кругомъ“ очень нехорошо. Это, очевидно, существующій кругомъ ея строй. И ни одинъ ветхозавѣтный пророкъ не бичевалъ такъ тогдашняго существовавшего строя, какъ это дѣлаетъ русская освободительная поэтесса. Что и говорить? Лексиконъ ея... обличительной словесности—богатъ и обиленъ, хотя никакой картины и не даетъ.

Становится болѣе понятнымъ, почему при такомъ безсиліи „Всего кругомъ“, жизнерадостная поэтесса хочетъ стать выше своего пола и своего возраста.

Но, слава Богу, „все будетъ иначе“, Зинаида Николаевна это „знаетъ, знаетъ“... Но скажетъ ли она намъ, какъ же будетъ? Въ разсказѣ „Не то“ она попробовала было заговорить, но, повидимому, ничего не вышло. Романы и увлеченія внѣ пола и возраста понятны только кадетамъ и трудовикамъ. Подождемъ, не дадутъ ли своихъ авторитетныхъ разъясненій гг. Родичевы и Аладыны.

V.

Въ разсказѣ все великолѣпно. Каждая подробность ставить въ тупикъ. Сразу видишь, что изъ лабиринта выхода нѣтъ и придется капитулировать передъ волей и голосомъ авторитетной поэтессы.

А онъ достоинъ самаго серьезнаго вниманія — этотъ бездарный и непрстойный идейный разсказъ, потому что онъ даетъ намъ ключъ въ руки отъ того беллетристическаго ящика идейной Пандоры, изъ котораго уже много лѣтъ сыплются на мыслящую Россію обильныя сѣмена воровства и убійства, порока и преступленія, безстыдства и противоестественнаго разврата.

Читатель, надѣюсь, не поскучаетъ надъ нѣкоторыми подробностями этого разсказа, которыя наглядно покажутъ ему, до чего доходить болѣзненное стремленіе стать выше пола и возраста, при истощенности организма искать вычурныхъ формъ полового изступленія, истощать давно анемичный мозгъ прихотливыми мечтаніями состарѣвшейся вакханки. По этимъ подробностямъ онъ увидитъ, до чего „созрѣла“ „мыслящая“ Россія, какъ она понимаетъ утонченность нравовъ, въ чемъ видитъ лучшіе дары поблекшей Венеры и какимъ образомъ половое безразличіе служитъ великимъ задачамъ освободительнаго движенія.

Оказывается, что для успѣха этого движенія надо погасить не только послѣднія искорки здраваго смысла, съ корнемъ выкорчевать послѣдніе пни нравственности и приличія, но, отбросивъ въ сторону всякое половое различіе, разбудить и развить противоестественныя инстинкты, чтобы на этой почвѣ создать будто-бы еще не существующій строй.

Еще маленькая оговорка. Въ „Ненужной исторіи“ З. Н. Гипіусъ курсива нѣтъ нигдѣ. Курсивъ въ выдержкахъ изъ ея „творенія“ вездѣ нашъ.

VI.

Героиня „Ненужной исторіи“ — Вика. Мать называетъ ее еще Витенька, Виктуся. И имя какое-то двуполое. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ думать, что это барышня. Должно быть, не Викторъ, а Викторія. Можетъ быть, это своеобразный символическій намекъ. Викторія — побѣда. И великое горе существующему строю, если это дѣйствительно такъ.

Вика — героиня не только въ беллетристическомъ смыслѣ этого

слова. По мысли повтессы, она героиня и въ жизни. Своеобразная героиня.

Еще бы! „Въ семнадцать лѣтъ она на курсы уѣхала, „революционеркой“ стала, въ заключеніи годъ провела, потомъ въ Женеву ѣздила...“

Черезъ восемь лѣтъ она вернулась домой, въ родную семью, къ отцу и матери, къ „существующему міру“, почти въ монастырь или, точнѣе, около монастыря.

„Здѣсь нѣтъ жизни для людей, это правда. Живыя звѣзды, живая вода... Викѣ вспомнилось, какъ она восемь лѣтъ тому назадъ, рвалась отсюда, изъ монастыря, въ „жизнь“ къ „живымъ людямъ“.

„И ушла. Что-жъ, жила? Видѣла живыхъ людей, за которыхъ отдала живую воду и звѣзды?“

„Вика не знаетъ. Она мало думала объ этомъ. Некогда было. Никогда не умѣла долго заниматься своей психологіей. И теперь она не знаетъ, когда была жизнь у нея ея собственная, и идѣ она. Тамъ, здѣсь—вездѣ какъ будто монастыри. Ужасно разные, со звѣздами или безъ звѣздъ, но монастыри. И вездѣ — не то, что очень душно, но все-же нѣтъ чего-то, что, можетъ быть, какъ разъ и есть „жизнь“.

„Викѣ давно стыдно.

„Отъ глухого стыда она и пріѣхала домой, въ ямку спрятаться. Ей стыдно, что то, что она признавала настоящей жизнью, настоящимъ дѣломъ, за что страдала и боролась,—вдругъ ей... не то наскучило, не то ее утомило, почти физически. И не наскучило, и не утомило, а какъ-то отпала она, точно больная стала, безучастна, безъ вкуса. Сначала думала, что пройдетъ. Особенно яркаго участія въ кружкѣ она никогда не принимала, прямого: террористкой не была; не любила и говорить о „дѣйствіяхъ“, *которыя, однако, молчаливо признавала, какъ необходимыя.* Тутъ и въ слабости себя не укоряла и всѣ знали, что она сама на прямое „дѣйствіе“ не пойдетъ, не изъ трусости, а по своему характеру. *Она своей смерти не боялась, а чужой.* Къ чужой смерти не могла близко подойти, *тутъ тупа была и упряма.*

Однако, много *дѣлала* (?), все время, всѣ восемь лѣтъ въ одномъ этомъ пробыла, какъ одинъ день восемь лѣтъ. Сколько разнаго (?), страшнаго, неожиданнаго,—а обернуться назадъ—какъ одинъ день, потому что все въ одномъ кругѣ, въ однихъ этихъ чувствахъ и мысляхъ. Одиннадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ—и это тоже самое, какъ каждая минута въ томъ-же днѣ.

„Такъ шло, а потомъ она замѣтила, что устала. Устала отъ этого безконечнаго *дня.* Можетъ быть, пройдетъ. *Само вышло,*

что сюда захотѣлось поѣхать. Здѣсь другое, здѣсь ночь, здѣсь отдохнуть. А потомъ вернется.

„И что-жь? Опять за безконечное дневное дѣло, все одинаковое къ одинаковымъ людямъ? Они живые. *Вѣроятно*, живые. Они дѣлають (?), горять (?), умирають. Конечно, живые.

„*Только Вика ихъ совѣсьмъ не знаетъ. Она никого не любила, некогда любить, заниматься другъ другомъ, когда вмѣстѣ работашь. Такъ и не присмотрѣлась, не успѣла.* Теперь старается исполнить... Трудно! Но конечно, живые люди.

„Теперь пока лучше не думать о нихъ. И ни о чемъ. Отдохнуть просто“.

VII.

Удивительная логика и удивительная психологія!

Вика совѣсьмъ глупенькая дурочка, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ничего не думаетъ и задираетъ свой революціонный носикъ куда-то выше ночи и дня, выше звѣздъ и „жизни“. У этого больного идейнаго полудурья, ума, знанія, мышленія — ни синь пороха, но оно, безполое и чувственное, смотритъ на жизнь съ какой-то сверхъ-человѣческой высоты, съ которой уже рѣшитель-но ничего не видно, кромѣ своего воробьиного носа.

Эта ночь и этотъ день, эти „здѣсь и тамъ“ — повидимому, говорятъ о какой-то опредѣленности въ мысляхъ, о какомъ-то рѣшеніи спорнаго вопроса, о костяхъ и скелетѣ молодаго тѣла. Но это иллюзія, миражъ. На самомъ дѣлѣ какая-то расплывчатая безформенная первобытная слизь, студенистый кисель, что-то вродѣ лягушечей накваки весною въ болотной лужѣ.

„Все, все равно“ — по безпутной логикѣ Вики и автора-позтессы.

Это бессознательная и произвольная сатира на кадетовъ. Чтобы признать ихъ „живыми людьми“, надо отказаться отъ „живыхъ звѣздъ“ и „живой воды“, т. е. изъ существующаго міра перенестись въ міръ несуществующій.

По мнѣнію Э. Н. Гиппіусъ, и у нихъ „монастырь“. Но это невѣрно. Пусть они убивали и бросали бомбы не сами, пусть не своими руками они вершили „прямое дѣйствіе“, но они, какъ Вика, признавали эти „дѣйствія, какъ необходимыя“. Это уже не „монастырь“, а политическій люпанаръ. Подъ краснымъ знаменемъ чужими руками вынимать каштаны изъ огня — „прямая“ подлость. И никакого другого имени для такого, нынѣ, — увы — „существующаго строя“ и характера — на человѣческомъ языкѣ нѣтъ. Ложь и то, будто они не боялись своей смерти, а боялись чужой. Рѣчи

гг. Милюковыхъ, Струве и Котляревскихъ по поводу убійства Герценштейна ясно показали, какой смерти они бояли съ. Они дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ „туны были и упрямы“.

„Живые“—ли они люди,—эти кадеты и трудовики?

Живые,—послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній говоритъ г-жи Гиппиусъ,—но для того, чтобы ихъ признать живыми, надо отказаться отъ „живыхъ звѣздъ“ и „живой воды“, потому что это „ночь“ природы, вѣчное уродство существующаго міра.

VIII.

Но Вика—не въ примѣръ прочимъ. Она „революціонерка“. Но не только по „идеологіи“, по „программѣ“, по партійности, но и по *половому темпераменту*—выше революціи и революціонеровъ. Это уже не партійный, а свой собственный козырь азартной игры З. Н. Гиппиусъ въ душной и спертой атмосферѣ таинственнаго и молчаливаго алькова.

Именно темпераментъ Вики по освѣщенію почти маститой поэтессы поднимаетъ Вику выше дерева стоячаго, выше облака ходячаго. Въ немъ лучшее сіяніе ея идейнаго величія и превосходства.

„Романовъ“ въ ея жизни не было, ибо подъ романами въ идейной беллетристикѣ понимается простой и естественный адультеръ. Но было что-то гораздо хуже, пакостнѣе и неприличнѣе всякихъ романовъ.

„У Вики было красивое, смуглое, очень строгое лицо. *Почти до тупости строгое.*

— Строгая ты какая, Виетуся,—сказала мать робко.—Молодая дѣвушка, а все читаешь—и одѣваешься, какъ монашенка. Всѣ у васъ въ Питерѣ такія, что-ли?

„Вика улыбнулась. Припомнилось вдругъ, что ее и „тамъ“ строгой называли. „Радина—точно монахиня.“ Впрочемъ, въ шутку. Да и всѣ, если припомнить, немножко такія-же были. Она только помолчаливѣе другихъ.

„Тася—братъ услыхалъ.

— Она сильная, мама. На лодкѣ ѣздила—такъ не устаетъ, гребетъ, точно мужчина. А только-только выучилась.

„Вика подружилась съ Тасей. *Но все чего-то въ немъ не понимала. Что-то есть.*

— Охъ, замужь-бы тебѣ, Витенька,—сказала мать, ужъ совсѣмъ робко.—Да жениховъ у насъ нѣтъ.

„И окончательно испугалась, потому что Вика встала и вышла, сказавъ со скукой:

— Ну, мама, какіе тамъ женихи...

„А Тася засмѣялся:

„Не выйдеть она за вашихъ жениховъ! У нея, можетъ, такіе женихи въ Петербургѣ! Сказали тоже!“

Такъ судилъ о темпераментѣ Вики „существующій строй“. Но ему-ли было понять утонченность и возвышенность сверх-половой чувственности Вики, для которой земныя искушенія и наслажденія по этой части были дольнимъ прахомъ и болотною грязью?

IX.

„Вика услышала, выходя, слова Таси и не улыбнулась, а еще болѣе задумалась. *Ей въ первый разъ пришло въ голову, что вѣдь дѣйствительно у нея могли бы быть женихи, что можно выходить замужъ, а съ маминой точки зрѣнія даже должно. Ну, это глупости, конечно, замужъ и женихи, но вѣдь есть любовь... Какъ-то объ этомъ и не думалось пристально.* Тоже некогда было. Случалось у нихъ, всего бывало, конечно, но Вика вспомнила, что она съ величайшимъ презрительнымъ осужденіемъ, даже съ негодованіемъ относилась ко всѣмъ этимъ исторіямъ. Время-ли заниматься личными страстишками, да психологіями. Вика была пряма (?) и строга (?)

„Ей пришла на память одна старая исторія. И теперь, на обрывѣ (она опять была на монастырскомъ обрывѣ, и солнце садилось за рѣкой), Вика безъ отвращенія и почти съ любопытствомъ, стала припоминать эту исторію.

„Студентъ Леонтьевъ. Красивый, смуглый, черный, румяный. Давно въ Сибирь сосланъ, пропалъ гдѣ-то тамъ. А дѣльный былъ человекъ, горячій малый. Такъ вотъ онъ, одинъ разъ... Это было еще, когда она на третій курсъ переходила, на шестой линіи Острова въ узенькой-преузенькой комнаткѣ жила.

„Онъ пришелъ вечеромъ, по дѣлу. Чай пить остался. Ничего она раньше въ немъ, кромѣ полезнаго и хорошаго (?), не замѣчала. Ближе другихъ онъ ей былъ, это правда. Говорили долго, потомъ умолкли. И вдругъ онъ съ своего стула повернулся къ ней круто, обнялъ крѣпко, сразу, — и тихо, и горячо что-то сталъ говорить. Вика помнитъ его влажные, сіяющіе и счастливые глаза. Потомъ онъ поцѣловалъ ее въ самыя губы, и еще разъ, и опять.

„Вика хочетъ быть искренней теперь, здѣсь, на солнечномъ обрывѣ надъ водой. И она вспоминаетъ, что эти первые три поцѣлуя обьямъ ее странной жутью, а мыслей никакихъ не было. Не было ихъ и въ

слѣдующее мгновеніе, когда эта сладкая и властная жуть превратилась сама собою въ такое-же властное отвращеніе, отталкиваніе отъ красиваго и грубо-сильнаго чловѣка. Онъ захватывалъ ее, таскалъ, дѣлалъ что-то съ нею, цѣловалъ ее, потому что такъ ему было пріятно, и ей показалось, что она превращается въ неподвижную вещь. Безъ словъ и безъ мысли показалось, только стало страшно и насквозь отвратительно.

„Она тотчасъ-же встала, и говорила какія-то обычные, возмущенныя слова, говорила, что возмущена и негодуетъ. Леонтьевъ понялъ, что она точно, непритворно, оскорблена и негодуетъ.

— Значить, вы меня не любите?—сказалъ онъ грустно. И не то притихъ, не то опустился.

„Она даже не отвѣтила. Выпроводила его съ тѣмъ-же отвращеніемъ. Онъ ушелъ. Потомъ она избѣгала его намѣренно. *Любовь! Физиологія, и больше ничего.* Ей не нужна эта физиологія, и слава судьбѣ.

„Осталось, однако, странное воспоминаніе жути первыхъ поцѣлуевъ.. Но сплетенное съ такимъ-же страннымъ отвращеніемъ, ощущеніемъ чуждаго захвата, ничѣмъ не оправдываемаго насилія одного чловѣка надъ другимъ.

„Ну, вотъ и все. Раздумывать надъ этимъ некогда было, да и скучно. *Да и не умѣла Вика размышлять надъ такими вещами и перепорачивать ихъ.* Любовь просто не для нея, ежели любовь такова. Потому что въдѣ въ смыслъ чловѣческой привязанности она очень любила Леонтьева, больше другихъ уважала его.

„Что-же было еще? Рѣшительно ничего. Она такъ искренно-строгo держала себя съ тѣхъ поръ, что никому и въ мысль не приходило объясняться ей въ любви. Впрочемъ, если сказать правду, то и у всѣхъ, съ кѣмъ она тогда общалась, мало было любовныхъ исторій. Тоже некогда.

— Дѣйствительно, монастырь,—подумала Вика и улыбнулась.— Это-то хорошо!..“

X.

— Рѣшительно ничего,—утверждаетъ Вика.

Но это не совсѣмъ такъ. Было и нѣчто другое. Это первый романъ, не романъ,—скорѣе, какой-то скрытый дефектъ въ дѣвической организаціи Вики. Но какъ еще многое неясно. Главное потомъ. Здѣсь-же отмѣтимъ одну характерную черточку.

Восемь лѣтъ Вика была революціонеркой, искала живыхъ людей и бѣгала отъ „живыхъ звѣздъ“ и „живой воды“. И она совершенно забыла, что „можно выходить замужъ“.

Новое доказательство того, что неестественно коротка дѣвичья память. Въ какомъ-же обществѣ она вращалась? „Кругомъ себя“, кромѣ „мыслящаго студенчества“ и „сознательнаго пролетаріата“, она не видѣла никого въ „существующемъ мірѣ“?

Тамъ не было людей женатыхъ, замужнихъ женщинъ, законныхъ дѣтей — если не у профессоровъ и знакомыхъ, то среди прислуги? Тамъ, — какъ любить говорить Вика, — только любовь и фізіологія?

Кто-бы повѣрилъ, что на крещеной Руси, — хотя-бы въ Петербургѣ, можно прожить восемь лѣтъ, ни разу не натолкнувшись на институтъ законнаго брака? Положимъ, что Вика — дурочка. Это З. Н. Гиппиусъ незамѣтно для себя постоянно подчеркиваетъ. Это неразумное дитя не природы, а революція, которое ради своего сомнительнаго „дѣла“ не только про звѣзды и ночь, но даже и про жениховъ забыло. Перешагнула порогъ, — и память о существующемъ мірѣ сразу отшибло.

Что-то ужъ очень скоропалительно. Но не совсѣмъ неправдоподобно. Такова уже сила революціонныхъ идей и особенно революціонныхъ фразъ. Я думаю, что если-бы г. Стаховичъ и графъ Гейденъ „въ одинъ прекрасный день“ настолько набрались храбрости и мужества, чтобы съ думской трибуны членораздѣльно и явственно удостовѣрить, что въ предѣлахъ русскаго центра еще можно выходить замужъ и жениться по обрядамъ греко-россійской православной церкви, — всѣ Аладьины и Онипки, всѣ Плохошили трудовой группы, разразились бы хохотомъ и табуннымъ ржаньемъ: „Долой! Въ отставку! Погромщики! Каины! Собакины дочери!“

Партіійность, какъ таковая, сосредоточивая все вниманіе члена партіи на пунктахъ политической программы, отвлекаетъ его съ логическою необходимостью отъ всѣхъ формъ и нормъ существующаго обществѣ и освобождаетъ его отъ всякой не только національной, но и отъ брачной семейной исключительности.

Позволю себѣ, въ качествѣ только моего личнаго предположенія, думать, что Вика принадлежала къ конституціонно-демократической партіи, ибо и этой партіи, какъ и Викѣ, „раздумывать надъ этимъ“ (т. е. надъ такими вопросами) было некогда, да и скучно“.

„Фізіологія, и больше ничего“.

Но это только кстати. Наша тема — темпераментъ Вики. Кое-что для выводовъ есть, но здѣсь только одна сторона дѣла. Пойдемъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“.

XI.

Быль у Вики и еще одинъ романъ...

Впрочемъ, не романъ, а такъ... просто... Физиологія...

Это уже гораздо тоньше и, такъ сказать, зяирнѣе. Что-то почти невѣсомое. Но не случайное, а органическое. Впрочемъ простыми и точными словами говорить объ этомъ стыдно и нелѣпо. Предоставимъ слово самой составительницѣ „Неужной исторіи“. Она отличная пряха: тонко кружево прядеть.

Вспомнился Викѣ „и другой случай ея жизни“.

„Тоже въ Петербургѣ, тоже въ маленькой студенческой комнаткѣ на Островѣ, бѣлой весенней ночью.

„Поздно, часу въ первомъ, къ ней пришла, прибѣжала, вся въ слезахъ, ея товарка, Юля Власьева. У Вики не было близкихъ друзей и подругъ, *къ женщинамъ она относилась такъ-же просто, товарищески-отдаленно и уважительно, какъ и къ мужчинамъ.* Но эта Юля, маленькая, слабая и безпомощная, хотя вѣрная (?) и всегда на все (?) готовая, внушала Викѣ смутную, жалостливую заботливость. Что съ ней будетъ? Она такая горячая. Но ей надо во время указать, во время навести...

„И вотъ Юля прибѣжала къ ней ночью (почему именно къ Викѣ—она и сама не знала)—сказать, что арестовали и увезли ея брата. Всѣ знали, что, если его реастуютъ—то ужъ не выпустятъ. Онъ былъ изъ „серьезныхъ“.

„Юля сидѣла на постели, сложивъ руки на колѣняхъ, а слезы такъ и бѣжали по ея щекамъ.

„— Ты не знаешь, Радина, ты не знаешь... Колю я обожаю, я не могу, не могу... Пусть это слабость, но пусть-бы меня взяли, или кого угодно, только не его... Это такой ужасъ... Надо дѣйствовать, я понимаю, но что дѣлать? И какъ я могу это перенести?

„Вика, *не допуская никакой нѣжности, невольно, однако, обняла* плачущую дѣвочку, утѣшала ее, какъ умѣла, не упрекала въ слабости, просто гладила по волосамъ. Не говорила серьезно, хотя само по себѣ дѣло ареста Власьева было серьезное.

„Но Вика думала о Юлѣ; хотѣлось, чтобы она не плакала. Хотѣлось прижать ее къ себѣ, успокоить, утѣшить. Поцѣловать крѣпко, заставить улыбнуться, можетъ быть, заставить забыть брата. Жалость и сладкая нѣжность къ этому безпомощному, одинокому ребенку томила сердце.

„Когда Юля, наплакавшаяся, заснула на постели Вики, по-ребячески подложивъ руку подъ щеку, Вика долго еще стояла у окна, глядѣла на блѣдно-зеленое расцвѣтающее небо, и ей было странно.

не то весело—не то грустно, не то жалко Юли, не то досадно, что она такъ плачетъ о братѣ, такъ любитъ его.

— Если бы я была ея братомъ... Я бы охраняла ее, я бы вела ее... Николай все-таки мало думалъ о ней... А ей нужно, чтобы объ ней думали, заботились... Она — мягкой воскъ... Любящая и покорная...

„Такъ думалось ей. Или чувствовалось. Потомъ вдругъ обернулась, взглянула на дѣтски-спящую Юлю, безпомощную, нѣжную и неподвижную, и вдругъ эта Юля стала ей противна. Самая жалость обратилась въ отвращенье. Вести, нести ее, точно вещь! Нѣтъ, хорошо, что Юля не любитъ ее, не цѣпляется за нее; не хочетъ Вика куда-то ее тащить, дѣлать за нее, дѣлать что-то изъ нея! И чего она пришла съ своими бесполезными, бабьими слезами! И вѣдь утѣшилась, чуть въ щеку поцѣловали! Вика хотѣла разбудить ее и сказать, какъ это унижительно и глупо. Но не разбудила.

„А на утро все прошло. Николая, къ удивленію, скоро выпустили и они съ сестрой тотчасъ-же уѣхали за границу. Вика потомъ встрѣтила Юлю мелькомъ въ Женевѣ. Юля растолстѣла (?), стала крикливая. Вика ни о чемъ (?) не вспомнила.

„Отчего вдругъ теперь вспомнила, думая о себѣ, о Леонтьевѣ? *Влюблена* она, что-ли, въ эту Юлю была тогда? Какое слово гадкое. И какъ тутъ все дико и глупо спутано“.

XII.

Вамъ не кажется совершенно неожиданнымъ и почти необъяснимымъ этотъ странный вопросъ „влюблена-ли“? Казалось, что все дѣло идетъ на чувствахъ, если не христіанскаго состраданія, христіанской жалости, то на блѣдныхъ и отвлеченныхъ перемѣнахъ и отгнѣнахъ разсудочной гуманности, партійнаго товарищества, общаго дѣла.

И вдругъ — „любовь“. „Физиологія, и ничего больше“. Юля растолстѣла, стала крикливой. Почему сіе важно? Для чего это сказано? Почему чувство „сладкой нѣжности“ надъ „дѣтски-спящей Юлей“ связано съ такимъ-же брезгливымъ чувствомъ физиологическаго отвращенія, какъ и жгучая жуть отъ первыхъ поцѣлуевъ Леонтьева?

Зачѣмъ въ идиллію милосердія, жалости и снисходительности внесена горячая струя плотской чувственности и каеихъ-то нечистыхъ инстинктовъ?

Это только намекъ. Начало той ариадниной нити, которая поведетъ насъ въ узкіе и извилистые переходы таинственнаго лаби-

ринта, гдѣ ждетъ случайнаго путника пламенная по виду и очамъ, но холодная и мертвая, какъ камень, сверхъ-идейная минотавресса.

Мы уже немного знаемъ героиню. Герой обнаружитъ свое геройство по самому ходу дѣйствія. Къ своеобразному любовному дуэту присоединитъ свой юный и звонкій голосъ влюбленный подголосокъ. Образуется случайное тріо, которое окончитъ полной дисгармоніей и расколится на три разныя стороны.

Утомленная отъ безплодныхъ желаній Клеопатра подниметъ узорный покровъ надъ своимъ золоченымъ ложемъ и въ гнѣвъ броситъ укоръ злой и шаловливой Венерѣ, обманувшей ее манящими, но ускользающими призраками ночи.

Но это—и не элевзинскія мистеріи, не праздникъ въ честь богини плодородія. Это уголокъ Лысой горы, гдѣ тѣни и призраки играютъ въ любовь и сладострастіе. Но эта любовь призрачна и случайна.

„Физиологія, и ничего больше“.

ХІІІ.

Въ родной семьѣ Вика всѣмъ и совсѣмъ чужая. Въ старомъ домикѣ за восемь лѣтъ почти ничего не перемянилось.

„Такъ-же пахнетъ геранью и кухней въ маленькомъ домикѣ за оградой Спасо-Троицкаго монастыря, такъ-же обѣдаютъ они въ залцѣ съ окнами въ палисадникѣ, и мать съ отцомъ совсѣмъ такіе-же. Старообразные, тихіе, всему, чего не понимаютъ, разъ навсегда покорившіеся. Безъ злобы и безъ особенной доброты, а просто.

„Вотъ только братъ Тася—новый. Вика едва помнитъ его, трехлѣтняго, ревушаго и буйнаго. А теперь за столомъ сидитъ худенькій, тихій мальчикъ въ парусинной блузѣ и смотритъ на Вика большими, чужими глазами. *Кто онъ—неизвѣстно*. Вика про него знаетъ только, что онъ не гимназистъ, а семинаристъ, самъ пожелалъ; что у него теперь каникулы, что онъ смиренный и задумчивый, совсѣмъ не шалунъ“.

Странно звучать эти слова. „Кто онъ—неизвѣстно“, когда рѣчь идетъ о мальчикѣ-братѣ, которому „быть кѣмъ-нибудь“ еще слишкомъ рано. Очевидно, у Вики и З. Н. Гиппіусъ есть свои сокровенные вопросы, на которые они ищутъ себѣ отвѣта даже въ томъ случаѣ, если рѣчь идетъ о мальчикѣ-братѣ.

Это уже нѣкоторый намекъ. Ниже мы увидимъ, чего искалъ чужой взоръ сестры въ тихомъ мальчикѣ. Она нашла, чего искала. И онъ былъ нуженъ для „Ненужной исторіи“.

Кстати. Вотъ доказательство, что З. Н. Гиппіусъ совсѣмъ не

знаеть той среды, которую она описываетъ. Тася — одиннадцать лѣтъ. Только минимумъ черезъ три года онъ можетъ поступить въ семинарію. Пока онъ ученикъ духовнаго училища перваго класса.

Если Вика все, что она знаетъ, знаетъ такъ плохо, то очевидно, что онъ ничего толкомъ не знаетъ.

XIV.

А вотъ и главный герой „Ненужной исторіи“. Пока еще за кулисами.

„О томъ, что было съ Викой за эти восемь лѣтъ, почему за все время не выбралось недѣли, чтобы повидаться—родители не спрашиваютъ. Въ общемъ знаютъ, письма получали, а спрашивать—что-же? Не поймутъ они, только горько и страшно.

„Мать въ сущности довольна, что у Вики здоровый видъ, ей ужъ начинаетъ казаться, что и перемены особенныхъ въ лицѣ нѣтъ; мало-по-малу и она забываетъ, что прошло восемь лѣтъ. Такъ, разставались—а вотъ, слава Богу, и свидѣлись. И она свое рассказываетъ, торопится, о томъ, что у нихъ въ углу случилось, чего Вика не знаетъ.

— А помнишь ты, Вика, отца Геннадія нашего? Протоіерея? Ужъ такое близкое намъ семейство было, такое близкое...

„Вика вспоминаетъ ясно и семейство, и самаго толстаго, крикливаго и рослаго отца Геннадія.

— Такъ вотъ ихъ здѣсь больше нѣтъ, Витенька, въ Нижній перевели. Жалость такая. А тутъ еще несчастіе у нихъ случилось...

— Ну, какое-жъ это несчастіе... Сказать несчастіе — нельзя, вставилъ кротко отецъ.

— А счастье по твоему? Ужъ помалкивай, Паль Федоровичъ. Одно только, гляжу я и думаю, обойдется это. Ты, Виктуса, помнишь ихъ сына второго, Васюту?

— Да, кажется, помню, мама.

— Онъ постарше, должно быть, тебя будетъ. А не то помоложе. Такого ума былъ мальчикъ, такого ума... Первымъ шелъ въ семинарію, мало этого — въ Петербургъ поѣхалъ, да академію кончилъ. И что же ты думаешь? О. Геннадій въ полной увѣренности, что ему дорога открывается—а онъ, на тебѣ, въ монастырь!

— Въ монастырь?

— Да вѣдь что! При его образованіи онъ бы вскорѣ архіереемъ могъ быть, хоть и молодъ очень. Это, вѣдь, тоже какая дорога! А онъ—ни два, ни полтора, постригаться—не хочу, іереемъ — недостойнъ еще, а въ послушники пошелъ! Въ простыхъ послушни-

вахъ ужъ съ годъ, въ нашемъ же монастырѣ. О. Геннадій радуется, что хоть въ знакомомъ мѣстѣ. Приходить къ намъ часто, ну такъ я присмотрюсь, что изъ него дальше будетъ.

— Всякому свое,—сказалъ отецъ покорно и скучно.—Вотъ хорошо у меня мѣсто частное, тихое, домикъ свой—и такъ мы проживемъ вѣкъ безъ метанья. Да я къ духовенству, хоть и жили все рядкомъ, склонности не имѣлъ никогда. А есть призванія... Подвижническое стремленіе...⁴

XV.

„Онъ“—на горизонтѣ. Но пока еще все тихо. Вика по своему отдыхаетъ.

„Викъ не было скучно. Такъ хорошо, тихо, время не двигается, *все все равно*. Послѣ обѣда отецъ пошелъ спать. Тася куда-то безмолвно исчезъ. Было жарко, но не мучительно жарко, а ласковая духота стояла.

„Зазвонили къ вечернѣ, тяжело и близко. Садъ монастырскій—точно лѣсъ, деревья высокія, густыя. До самаго обрывистаго берега рѣки.

„Сидѣть тамъ, на этомъ обрывѣ, въ ласково-душный июльскій вечеръ, слушать колоколъ вечерень, *и больше ничего не нужно*.

„Впрочемъ—это кажется только, что хорошо. Кажется, что не было восьми лѣтъ. Но если-бъ и не было? Вѣдь когда не было, и Вика, упрямой и рововой гимназисткой, сидѣла на берегу и слушала колокола,—тоже было нехорошо, тоже хотѣлось совсѣмъ другого, и даже до ненависти къ тишинѣ, къ рѣкѣ и колоколамъ—хотѣлось!

„Теперь ненависти нѣтъ. Тихая грусть—и радостное удивленіе. Точно восемь лѣтъ Вика не видала неба, воды, деревьевъ. А они есть. И это почему-то ужасно хорошо, что они есть. Но почему?“

Таковъ философскій скептицизмъ простоватой и придурковатой дѣвушки, у которой мысли безпомощно и бессильно ползутъ, какъ мухи по патокѣ, которая ни на чемъ не можетъ сосредоточить свое вниманіе, у которой лѣнныя, туманныя и ненужныя мечты замѣняютъ мышленіе и сознаніе.

Это маленькій комочекъ истрепанныхъ нервовъ, который раздерганъ до того, что ему, „все все равно“, мертвый для жизни и мышленія, брошенный въ темный уголокъ, потому что онъ никому не нуженъ. Да, тамъ была своя работа, безтолковая и неосмысленная суетня, дѣло, къ которому ея сердце не лежало, рутиня, въ

которой она разобраться не могла, вѣчное паденіе по наклону, по инерціи отъ какого-то ви́шняго толчка.

„Все все равно“. Какой это безчеловѣчный, пошлый и подлый принципъ. Можно ли вѣрить такому человѣку? Онъ всегда солжетъ, всегда измѣнитъ, онъ не беретъ на себя ответственности ни за свое слово, ни за свое дѣло, онъ опасенъ, потому что имѣетъ внѣшній обликъ человѣка, но подъ этой оболочкой скрывается тупая мертвенная апатія, непробудное равнодушіе, звѣриная невѣроятность, спертая духота одинокаго и бессмысленнаго эгоизма. Это ткань гвилыхъ мечтаній и надменнаго ничтожества.

Бѣда тому, кто повѣритъ ея честному слову, потому что она сама не знаетъ, что она думаетъ, что она чувствуетъ, что говорить. Это болотная трясина, которая въ жидкой, липкой и вонючей грязи топить всякаго, кто къ ней подойдетъ близко. При внѣшней подвижности и суетливости, она спитъ, спитъ безпробуднымъ сномъ и, если на минуту и проснется, то подъемомъ нездоровой чувственности, половой блажи, не страстью, а мечтами о страсти.

Это догнивающій кусокъ первобытной идейной слизи, который дрожить и качается, какъ студень на тарелкѣ, если столъ дрожить отъ шаговъ прохожаго.

Спитъ мысль, спитъ совѣсть, спитъ сердце. Спитъ и плоть, хотя порой по ней пробѣгаютъ мимолетные токи отвлеченной и бессмысленной чувственности.

XVI.

„Пришелъ дня черезъ два вечеромъ и сынъ о. Геннадія, Васюта.

„Вошелъ робко, весь узенькій, высокій, въ черной ряскѣ (?) съ кожанымъ поясомъ. Волосы у него отросли, и слабо, вяло закручивались у плечъ. Бороды и усовъ почти не было. Лицо испуганное, нѣжное и строгое.

„Вика съ любопытствомъ на него поглядѣла. Онъ взглянулъ разъ и потомъ долго не глядѣлъ“.

Чувствуется старый избитый шаблонъ, какой-то трафаретъ. Очевидно, Э. Н. Гишпюсъ никогда не видала настоящихъ послушниковъ. Послушники рясы не носятъ, а носятъ подрясники. Ряса и кожаный поясъ — это изъ какой-то балаганной фееріи не на русской почвѣ. Ну, это обычный lapsus идейныхъ беллетристовъ: они всегда — ляпаютъ.

Васюта знаетъ, что Вика — „революционерка“.

„А такая простая. Курсинокъ онъ мелькомъ въ Петербургѣ

видалъ. Но вообще съ женщинами никогда не разговаривалъ. Боялся онъ, и не было интереса.

— У Васи голосъ хорошъ,—сказала Анна Ивановна.—На клиросѣ поеть. Вотъ пойдѣ, Вика, послушай какъ-нибудь.

— А развѣ вы въ церкви бываете?—проговорилъ Вася какъ-то въ сторону и вдругъ покраснѣлъ, и сжалъ брови.

— Я давно не бывала... Здѣсь же, въ нашемъ монастырѣ бывала, когда дома жила,—отвѣтила Вика съ удивленіемъ: *ей пришло въ голову, что за восемь лѣтъ она въ первый разъ вспомнила, что люди въ церковь ходятъ. Точно тамъ, гдѣ она жила, не было церквей такъ же, какъ не было воды, лѣса и неба.*

— Я теперь почти никогда не пою,—продолжалъ Вася.—Но вы все-таки пойдите. У насъ хоръ славный.

„И замолокъ. У Вики было красивое, смуглое, очень строгое лицо. Почти до тупости строгое. Вася и такъ боялся, потому что это была женщина, а отъ строгости у него даже внутри дрожало что-то.

„Вышелъ братъ Тася, взглянулъ, *странно, неуклюже поздоровался съ Васильемъ Ивановичемъ, вспыхнулъ весь и тотчасъ же скрылся.*

„Мать говорила. Вика послушала-послушала и вышла на крыльцо. Мигали теплыя, большія, предъавгустовскія звѣзды. Деревья сада монастырскаго недвижно чернѣли впереди.

— До свиданья,—это-то сказалъ около нея.

„Вика обернулась и сразу не сообразила, что это Вася-послушникъ. Не узнала его въ длинной рясѣ.

— Вы уходите? Вамъ прямо? Я съ вами сойду. Мнѣ пройтись хочется.

„Вася ничего не отвѣтилъ. Пошли молча. *Вика сообразила, что, можетъ быть, нельзя ходить съ послушникомъ-монахомъ (?) ночью.*

— Можетъ быть, вамъ нельзя со мною?—спросила она неловко.

— Нѣтъ, отчего-жъ? Вы за оградой живете; да, пожалуй, и ворота еще не заперты. Мнѣ недалеко, вотъ черезъ двѣ аллеи.

„А Викѣ все-таки чудилось, что она что-то неловкое ему дѣлаетъ. Отстать хотѣлось, но вмѣсто того она вдругъ спросила:

— Вы вѣдь не монахъ?

— Нѣтъ, я послушникъ.

„Вика это знала. Ей захотѣлось, чтобы онъ съ ней поговорилъ просто.

— А я слышала... Вы вѣдь академію кончили... Вы могли бы сразу... *какъ это?* Священникомъ-монахомъ быть, если-бъ захотѣли.

— Да... Но я чувствовалъ себя недостойнымъ постриженія. И вообще... да впрочемъ что объ этомъ... Извините..

„Вика *ободряюще* повернулась въ черной узенькой тѣни, которая двигалась немного сзади ея. И ей стало жалко почему-то, что онъ идетъ сзади и боится.

— Вы меня боитесь?—спросила она.

— Нѣтъ, такъ... Я не привыкъ разговаривать.

— Ни съ кѣмъ не привыкли?

— Да, и вообще...

— Грѣхъ это, что-ли?

— Отчего грѣхъ? Нѣтъ, что вамъ? Вы даже не изъ любопытства спрашиваете. А такъ. Ну, и не стоитъ.

„Викѣ сдѣлалось непріятно и странно. Зачѣмъ она, правда, спрашиваетъ? *Видь онъ точно съ другой планеты. Совѣсть не человекъ для нея. Монахъ. Она и забыла совѣсть, что есть монахи.* Потомъ она вспомнила, что онъ академію кончилъ. Не просто же монахъ. Да и не монахъ онъ еще.

„Они уже повернули во вторую аллею.

— Ну, прощайте,— сказала Вика.— Я теперь пойду одна. Еще къ обрыву, можетъ, пойду.

„Вася остановился и нерѣшительно, какъ-то издали, протянулъ ей руку.

— А не боитесь? Тамъ темно очень теперь.

„И прибавилъ торопливо:

— Вы меня простите, не сердитесь. Я рѣдко съ кѣмъ разговариваю, не приходится. Можетъ быть, не такъ что-нибудь... Вы спрашиваете меня, а я не отвѣчаю. *Я изъ-за непривычки. У васъ жизни, вы приехали и опять въ свою жизнь увидите, а жизни и не видывалъ никогда. Я мертвый.*

— Что вы? Отчего мертвый? Вы...

„Но она не знала, что сказать еще. Такъ ей было странно.

„А онъ безмолвно поклонился и какъ-то сразу исчезъ за деревьями.“

XVII.

И все-то это враки и вздоръ. З. Н. Гиппіусъ совѣсть разошлась съ существующимъ міромъ. Долго до того, что родной сынъ о. *Геннадія* становится у нея почему-то Васильемъ *Ивановичемъ*. Поэтесса совѣсть обратилась въ какую-то знатную иностранку. Чтобы поколебать наличность, силу и мощь существующаго строя, г-жа Гиппіусъ не устаетъ повторять, что Вика за восемь лѣтъ „въ первый разъ вспомнила, что люди въ церковь ходятъ“, что „она совѣсть забыла, что есть монахи“. Пока она была въ тюрьмѣ и

въ Женевѣ, можетъ быть, она могла забыть и не помнить этого. Но въ Петербургѣ—есть и церкви, есть и монахи. Чтобы не видѣть ихъ, надо быть слѣпой.

Очевидно, что и здѣсь есть тенденція. Г-жа Гиппиусъ старается представить свою героиню кокетливой душой, щеголяющей круглымъ невѣжествомъ. Или у самой составительницы „Ненужной исторіи“ такой же крупный недочетъ въ знаніи и опытѣ.

Мы думаемъ, что здѣсь поэтесса преувеличиваетъ и сочинительствуетъ. Реальный фактъ идейнаго невѣжества ради своихъ сокровенныхъ цѣлей она доводила до абсурда. „Мыслящая“ Россія, кромѣ идейной литературы, почти ничего не знаетъ. Но о наличности церкви и монаховъ она все же освѣдомлена. Вѣроятно, и за эти восемь лѣтъ она упорно отрицала и церковь, и монаховъ. Вѣдь она отрицаетъ ихъ, но не игнорируетъ.

Но если, по свидѣтельству г-жи Гиппиусъ, невѣжество ея героини такъ полно и всесторонне, то сынъ о. Геннадія, Василій почему-то Ивановичъ—совершенный идиотъ, дуракъ, какихъ свѣтъ не производилъ, какая-то богословски-атеистическая козявка, отмѣчающая своимъ полнымъ ничтожествомъ идейность и величіе глупенькой и невѣжественной Вики.

Во всякомъ случаѣ это богословскій, философскій и политическій памфлетъ на учащій и учащійся персоналъ с.-петербургской духовной академіи.

Смѣю увѣрить многоуважаемую З. Н., что такихъ кандидатовъ богословія нѣтъ, не бываетъ и быть не можетъ. Послушники типа Васюты изъ академій не выходятъ. Изъ академій выходятъ люди другого сорта.

И противъ голословныхъ утвержденій идейной поэтессы я могу привести несомнѣнные факты.

Студенты академій видятъ курсистокъ не „мелькомъ“; видятъ ихъ не только на вечеринкахъ, а и на партахъ своихъ аудиторій.

Въ 1882 или въ 1883 году,—точно года не помню,—двѣ курсистки въ мужскомъ костюмѣ явились въ академію на лекцію по исторіи философіи и прослушали двѣ лекціи подрядъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ подвигъ во имя и славу науки. Тотъ же профессоръ читалъ исторію философіи и на женскихъ курсахъ. По городу давно ходили темные и глухіе слухи, что на курсахъ профессоръ читаетъ философію пожиже, а въ академіи много погуще. Вполнѣ естественно, что любознательнымъ курсисткамъ захотѣлось отвѣдать не млека любомудрія, а тройной жестокой мудрости и для этого онѣ рискнули на довольно опасный маскарадъ.

Большой переполохъ произвелъ въ свое время этотъ характерный инцидентъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія и въ пе-

тербургскихъ полицейскихъ установленіяхъ. Поэтому даже въ стѣнахъ академіи юному дѣвственнику и отшельнику спасенія отъ курсистокъ нѣтъ.

Тотъ же соблазнъ проникаетъ за эту ограду и другими путями.

Могу сослаться на очевидцевъ и многихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что студенты с.-петербургской духовной академіи за послѣднее время съ женщинами разговариваютъ и, по всей видимости, ихъ не боятся. Были ли отступленія отъ этого правила, въ какомъ смыслѣ и въ какомъ количествѣ, документально сообщить не могу, но убѣжденъ, что, если это когда-нибудь и было, то теперь

Andre Zeiten, andre Vögel
Andre Vögel, andre Lieder.

Кромѣ того, далеко не всѣ кандидаты богословія мямли и зайки. Между ними давно завелись ораторы, которые и Аладьину ность утрутъ. Окончилъ академію, значить говорилъ и съ каеэды,—не только церковной, но и свѣтской. Хорошо ли, худо ли они изучаютъ полный курсъ богословскихъ наукъ, вопросъ другой, но я не допускаю и мысли, чтобы при успѣшномъ окончаніи академическаго курса они становились такими косноязычными и юридивыми, какимъ представленъ „Васюта“ Ивановичъ, Геннадіевъ сынъ, въ разговорѣ съ „строгой“ и блистательной Викою.

И еще одна подробность.

Есть здѣсь нѣкоторое смѣшеніе личностей. Васюта обвиняется въ плагиатѣ.

— Я мертвый,—говорить будто бы онъ.

Но это говорить не онъ, а г. Мережковскій. Вы помните?

Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю.

Поэтому разубѣждать убѣжденнаго почти-покойника г-жѣ Гиппиусъ слѣдовало не въ лицѣ Васюты, а въ другомъ лицѣ.

XVIII.

Вика на краю обрыва вспоминаетъ свою раннюю молодость, свою строгость, свой темпераментъ и свою „физиологію, и ничего больше“.

„Вика повернула голову. Увидала на краю обрыва, поодаль, тоненькую, черную фигурку въ подрясникѣ. „Вася этотъ, монахъ!“ догадалась Вика. По длиннымъ вялымъ волосамъ узнала, камиллаву (?) онъ снялъ.

„Сидитъ, не оборачиваясь, согнулся, на закатъ смотреть. А солнце уже зашло, сумерки.

„*Сама не зная, зачѣмъ*, Вика его окликнула:— „Васюта!“ И неловко ей стало. Но какъ-же его позвать?

„Онъ вздрогнулъ, спохватился, но тотчасъ-же всталъ и подошелъ къ ней.

— Вы извините, Василий... Геннадіевич (наконецъ-то!),—заторопилась Вика,—я васъ Васютой... Но просто не сообразила...

— Нѣтъ, вы ужъ пожалуйста... У васъ всё издавна меня такъ зовутъ. Я ужъ привыкъ...

„Онъ стоялъ передъ ней, не зная, что ему дальше дѣлать.

— Сядьте, здѣсь рѣка виднѣе,—сказала Вика.—Вы на рѣку смотрѣли?

„Онъ *неловко стѣлъ, поджавъ ноги*. Вѣтеръ чуть шевелилъ его слабыя длинныя волосы. Узкое лицо казалось нѣжно-розовымъ въ лучахъ заката. Что-то безпомощное и странное—но и суровое было въ немъ, въ складкахъ длиннаго платья и въ выраженіи губъ.

— На солнце смотрѣлъ,—проговорилъ онъ.—Хорошо закаты вается. Я часто сюда подъ вечеръ прихожу.

— Вы любите природу?

„Рѣшительно Вика не знала, что съ нимъ говорить и какъ.

— Нѣтъ, что-жъ,—сказалъ онъ—и потушился.

„Испугался.

„Тогда Викѣ стало его мучительно жалко, но и досадно, что онъ такъ боится, а она не умѣетъ завязать съ нимъ разговора. И она спросила почти грубо:

— Что-же вы любите?

— Вотъ, сидѣть здѣсь люблю. *Еще службу предпраздничную торжественную, особенно архіерейскую люблю*. Приходите ко всеобщей въ среду, подъ Спасъ. Архіерей прійдетъ. Я навѣрно иподіакономъ буду. Очень хорошо у насъ служить.

— Странно, вы академію кончили, въ Петербургѣ жили, а *совсѣмъ не интеллигентны*,—сказала Вика жестко.

„Боится—такъ пусть-же и боится. Или пусть обидится.

„Но Васюта не обидѣлся. Кротко и просто подтвердилъ:

— Да куда-же мнѣ! Я не умѣю разговаривать. Въ Петербургѣ жилъ истинно затворнически. Здѣсь тоже. Вообще *я мертвый человекъ*.

— Почему-же мертвый?—*сердито* сказала Вика.—Вѣчно повторяете. Что-жъ, отъ *мертвосты* и въ монахи пошли?

— Нѣтъ, я не монахъ. Я, можетъ, и не постригусь никогда.

— Такъ и будете все послушникомъ? Или что будете дѣлать?

— Самъ еще не знаю,—сказалъ Васюта медленно; онъ смо-

трѣлъ въ даль, *охвативъ руками колѣна*.—Характеръ у меня нерѣшительный. *А сомнѣнія у меня великія.*

„Вика заинтересовалась.

— Сомнѣнія? Какія, религіозныя?

— Да какъ вамъ сказать? *Самъ не знаю*. Просто скажу. Въ Бога вѣрю. И въ Христа вѣрю...

„Тутъ онъ строго и твердо взглянулъ на Вика, она (?) даже сконфузилась и опустила глаза.

— А что грѣхъ и что не грѣхъ—разобраться не могу,—докончилъ онъ.—И какъ жить, поэтому, тоже не знаю...

— Но вѣдь въ Евангеліи написано... и Церковь учить...—сказала Вика очень серьезно и почти робко.

— Учить... *Вотъ я и рѣшилъ было, что все—грѣхъ. И солнце, и житье въ міру съ людьми, а въ монастырь спасеніе. Пожилъ—вижу, не то. Душа не вполне принимаетъ. То есть плоть—то усмиренная, мертвый я,—а умственный и душевный сомнѣнія большія.* Да что я вамъ?—вдругъ опомнился онъ.—Вы вотъ объ Евангеліи... А вы сами-то, вѣрите? Вѣдь не вѣрите?

„И опять поглядѣлъ на нее строго. Вика молчала. *Не нашлась. Не знала, открыть или не открыть. Никто никогда не спрашивалъ ее объ этомъ. Сама не думала раньше. А сказать первое попавшееся—ему, какъ-то было нельзя.*

— Вы, можетъ, и убійства разныя устраивали?—сказалъ Васюта еще серьезно. Очень это было неожиданно.

„Вика вся вспыхнула.

— Неправда! Неправда! *Не говорите о томъ, чего не понимаете! Ничего я не устраивала! И не могу! Это совѣсть не то! И людей не осуждайте, ничего не зная, не понимая, чѣмъ они движимы! Они, можетъ, святѣе вашихъ монаховъ! Да и навѣрно святѣе! И они живые, а не мертвые! Вотъ вы не знаете, какъ жить, а они ученіе христіанское, высоко-моральное, въ жизнь проводятъ! И я сама... какъ-же можно не открыть этому? Какъ тутъ можно сомнѣваться?*

„Ей теперь казалось искренно, что она всегда открыла—въ христіанство, и даже въ него только и открыла. Только не опредѣляла этого.

„Васюта весь сжался и поблѣднѣлъ. Испугался окончательно. Оба одинаково не понимали другъ друга и обоимъ было нехорошо.

— Извините меня, пожалуйста,—сказала Вика, опомнившись.

„Виновать былъ онъ, а не она (?), но очень ужъ у Васюты лицо отъ страха измѣнилось, и Вика опять стало его мучительно жаль. Васюта махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не умѣю я разговаривать. Куда мнѣ. Простите, Богаради. Я пойду, мнѣ пора.

„Вскочилъ, ушелъ, почти убѣжалъ. А Вика осталась въ недоумѣннѣ, жалости и досадѣ. Думала о томъ, во что она вѣрится, во что нѣтъ.“

„За ней Тася пришелъ,—чай пить. Вика вдругъ спросила его:

— Тася, ты любишь службу въ церкви, предпраздничную?

„Вася покраснѣлъ и засіялъ:

— Ужасно люблю. Въ среду будетъ. Архіерейская.

— А будешь самъ архіереемъ?

— Я? Зачѣмъ мнѣ? Я просто люблю, когда служить. Какъ хорошо, какъ хорошо, Вика“.

XIX.

Да, этотъ камень, брошенный въ воду г-жей Гиппіусъ, трудно вытащить и десяти мудрецамъ. Но изъ этой бездонной пучины попробуемъ извлечь нѣсколько перловъ.

Васюта вездѣ и во всемъ униженъ и оскорбленъ. Вика, какъ кадеты, вездѣ и во всемъ торжествуетъ побѣду.

— Вы совсѣмъ не интеллигентны,—жестко говоритъ Вика.

Это самая отравленная парейнская стрѣла въ колчанѣ мыслящей Россіи. О сущности интеллигентности и идейности здѣсь теперь говорить не будемъ. Сколько нелѣпости и вздора прячется подъ этимъ нищенскимъ рубищемъ, становится виднѣе съ каждымъ днемъ. Станемъ на точку зрѣнія г-жи Гиппіусъ.

Вика—не права. „Интеллигентности“ у нея меньше, чѣмъ у Васюты. Вѣдь студенты с.-петербургской духовной академіи не переодѣвались въ женское платье, чтобы контрабандой слушать профессоровъ высшихъ женскихъ курсовъ, а курсистки—переодѣвались въ пиджаки и мужскіе панталоны.

Этимъ роковой вопросъ рѣшенъ разъ и навсегда, абсолютно, принципиально, для всѣхъ временъ и народовъ. Вика, побѣдоносная, какъ кадеты, и жетъ, какъ кадеты. Тому примѣровъ много. Вика съ мѣста въ карьеръ, какъ трудовики, начинаетъ съ крѣпкихъ словъ и шумныхъ возгласовъ: „долой“.

Но выйдемъ изъ предѣловъ волшебной интеллигентности.

На Васюту клевететь не только Вика, но и г-жа Гиппіусъ: не могъ говорить того Васюта, что будто-бы онъ говорилъ. Не могъ такъ говорить кандидатъ богословія. Не пошелъ бы въ послушники такой безпринципный атеистъ, какъ выдуманный призракъ Васюты, нигилистъ до мозга костей. Все, что говорится о грѣхѣ—идейный.

взоръ. Тамъ, гдѣ нѣтъ строгаго и точнаго понятія о грѣхѣ, тамъ гдѣ люди не знаютъ, „какъ жить“,—нѣтъ никакой религіи и нѣтъ мѣста для нея. Гдѣ нѣтъ понятія о грѣхѣ, нѣтъ Бога и нѣтъ Христа.

Это простая, старая истина. Ее знаетъ не только Васюта, но и маленькій Тася. Едва-ли кандидату богословія прилично томиться великимъ сомнѣніемъ, какъ жить, что дѣлать,—

Идти-ли въ храмъ молиться Богу,
Иль въ лѣсъ прохожихъ убивать.

Если-бы этотъ вопросъ былъ имъ не рѣшенъ еще на школьной скамьѣ, ему не дали бы академическаго диплома. Если-бы онъ сталъ имѣть „великія сомнѣнія“ въ этой области по окончаніи курса, его слѣдовало сослать въ монастырь на покаяніе или лишить всѣхъ правъ на служеніе церкви. Вѣдь и иподіакону не надлежитъ быть строго послѣдовательнымъ нигилистомъ и атеистомъ.

Если-бы игуменъ монастыря узналъ о такихъ „вѣроваціяхъ и убѣжденіяхъ“ безбожника-иподіакона, его отдали-бы подъ начальство строгому старцу или попросту выгнали-бы изъ обители, пребываніе въ которой такъ-же недопустимо для г-жи Гиппіусъ, какъ для гг. Розанова, Минскаго, Тернавцева, Бѣлявскаго, Карташева и Мережковскаго. Въ монастыряхъ пока-что еще не вездѣ совершается шабашъ на Лысой горѣ.

Но намъ кажется, что дѣло до этого не дошло. Думается мнѣ, что г-жа Гиппіусъ и Вика... фантазируютъ. Ученый иподіаконъ этого не говорилъ. Дамамъ это только такъ показалось. У нихъ часто бываютъ галлюцинаціи слуха. Они будто-бы слышатъ то, что имъ хочется слышать. Въ интересахъ идейнаго беллетристическаго эффекта надо было совсѣмъ опоганить вяло-волосаго иподіакона и на его спинѣ поставить пьедесталъ для глупенькой Вики, которая жметъ, какъ... кадеты, боззастѣнчиво, грубо, нагло, съ обязательнымъ оглядомъ на лѣво.

Со словъ г-жи Гиппіусъ, мы уже достовѣрно знаемъ, что Вика „молчаливо признавала“ „дѣйствія“, „какъ необходимыя“. На это имѣется официальный документъ, скрѣпленный подписью и печатью г-жи Гиппіусъ.

Съ чего-жѣ Вика такъ изолгалась? Пусть она „ничего не устраивала“. Но она прямо говоритъ, что тѣ, которые совершаютъ идейныя убійства, „святѣ вашихъ монаховъ“. Она „спряталась въ ямку“, дома, потому что стала сомнѣваться, дѣйствительно-ли революціонеры живые люди, а теперь, по побужденіямъ партійной дисциплины, прячетъ свое „великое сомнѣніе“. И вдобавокъ, — ложь лжей и вѣнецъ лжи,—утверждаетъ, что кинжалщики и бомбомета-

тели истинные пророки и апостолы христіанства, что они „движимы“ силою христіанской любви и всепрощенія.

Васюта *не испугался*, потому что онъ, какъ человѣкъ образованный, видѣлъ насквозь софистику и фальшь въ заказной декламации разочарованной революціонерки, а *устыдился* за нее. Да и прямо неловко, когда въ глаза говорятъ такія нелѣпицы и небывлицы, считая собесѣдника длинноухимъ осломъ и медицински-удостовереннымъ идиотомъ. Вика грубо и цинично сказала все, что такъ рѣзко противорѣчитъ дѣйствительности, и торжествовала побѣду, видя въ своей наглости свое идейное превосходство.

Впрочемъ, мы готовы думать, что г-жи Гиппиусъ сдѣлалъ это безъ явнаго злаго умысла. Просто, въ глубинахъ хаоса ея дремучаго невѣжества и въ абсурдахъ жизни разверзались такія идейныя хляби, что оттуда фонтаномъ брызнула грязная струя болотной жижи.

Во всемъ, конечно, надо искать лучшихъ побужденій, какъ бы ни были циничны и нелѣпы выводы. Вѣдь и кадеты лгали не совсемъ по доброй волѣ: они тоже „испугались окончательно“. На нитъ строго смотрѣли слѣва и они готовы были „соскочить“ и „убѣжать“, пока внѣшнія обстоятельства не упростили и не облегчили ихъ положенія.

Нѣтъ, правдивости и искренности—подъ желѣзною дисциплиною идейности и интеллигентности—мѣста нѣтъ...

XX.

Но побѣдили—не Вика и кадеты, а Васюта и архіерейская служба.

„Они пошли въ среду.

„Въ саду темно, церковь огнями горить. Народу, богомольцевъ со вчерашняго дня еще кучи привалило (?) въ монастырь.

„Вика съ Тасей рано пошли, успѣли впередъ пробраться. *Вика пошла изъ любопытства. Какъ-то все вмѣстѣ у нея не вязалось. Сама не знала, зачѣмъ пошла.*

„Вспомнила, что была въ церкви и въ Петербургѣ. Въ соборѣ на панихидѣ. Но точно и не была тогда. А вотъ дѣвочкой, здѣсь-же въ монастырѣ,—вотъ это она ярко, вспомнила. Только не вспомнила, что думалось тогда. Кажется то же, что и теперь. *Правда, теперь она знаетъ, что это просто культъ, форма известной религіи и больше ничего. Но какъ-то не въ томъ (?) дѣло. Культъ, такъ культъ.* Но она тутъ дѣвочкой была. И своимъ, роднымъ, коновымъ на нее пахнуло. *А мысли тутъ все мимо.*

„Теплая, пахучая, восковая духота. Волны сизаго кадильнаго

дыма. Волны набѣгающія томительнаго пѣнія. Огни—и золото, мерцающее въ огнѣ. И медленныя, торжественныя движенія людей, стариковъ, одѣтыхъ въ золото.

„У Таси горящее лицо, нездѣшнiе глаза. Но онъ слѣдитъ за одной точкой. Онъ ждетъ. Вика сразу не узнала Васюту, когда онъ вышелъ слѣва на середину церкви, за архіерею и священниками, въ бѣлой блестящей діаконой ризѣ, съ высокимъ двусвѣчникомъ въ рукахъ. Онъ казался ей выросшимъ, удивительнымъ, свѣтлымъ и далекимъ. Тася тоже, впрямую, онъ казался такимъ, только онъ его сразу узналъ, потому что такимъ именно и любилъ, и ждалъ его отъ самаго начала. Это была его великая и святая тайна. Ему казалось, что все счастливы, какъ онъ, потому что каждый здѣсь любитъ и ждетъ кого-нибудь, одного, ему одному известнаго, съ такой же сладкой жутью и блаженствомъ, и такимъ же этотъ одинъ дѣлается здѣсь, въ церкви, таинственно-свѣтлымъ и святымъ. А тайна въ томъ, что это выше человека, и еще въ томъ, что никто не знаетъ, кто кого любитъ. Тася полюбилъ Васюту именно такимъ, здѣсь, и когда онъ приходилъ къ нимъ простой, въ подрясникъ,—на немъ все равно лежали здѣшнiе лучи. Тася все равно знала, какой онъ настоящій.

„Поютъ, поютъ,—это прославляютъ торжество любви каждого, благодарятъ Бога за даръ такого несмысленнаго блаженства. Кто любитъ владыку? Тася, можетъ быть, любилъ бы его, если-бъ ужъ не любилъ Васюту. У владыки такое прекрасное лицо, точно у Бога-Отца. Тася и его, конечно, любитъ, ужасно любитъ, но ужъ потому, что любитъ Васюту сперва, съ томительнымъ и святымъ блаженствомъ. А кого любитъ владыка? Можетъ быть, тоже Васюту? Пусть! Пусть! Пусть бы и Вика любила Васюту.

„Молодой иподіаконъ чуть перевелъ глаза и поглядѣлъ въ ихъ сторону. Но скользкимъ, едва видящимъ глазомъ. Сквозь сизыя облака опять лицо его показалось Викѣ удивительнымъ, не мужскимъ и не женскимъ. Ангельскимъ, сказалъ бы Тася твердо. Викѣ это не пришло въ голову.

„Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“

„Тася всталъ на колѣни, крестился, кланялся и шепталъ: слава, слава!

„Вика не кланялась, только по вдругъ вынырнувшей (?) изъ прошлаго привычкѣ крестилась. Ничего не шептала—но и не думала ни о чемъ. Ей было хорошо и странно. Голова немного болѣла и кружилась. Устала, но не хотѣлось уходить. Такъ же, какъ иногда съ обрыва, отъ рѣки.

„Она съ Тасей подошла къ аналою, гдѣ ей сдѣлали крестъ на лбу душистымъ и теплымъ масломъ. Поцѣловала тяжелое золотое

Евангеліе. И точно это было другое какое-то Евангеліе, а не та высоко-гуманная человѣческая книга, вѣру въ которую она недавно отстаивала. Ихъ было два, но ей казалось въ эту минуту, что она вѣрить, и всегда вѣрила,—въ оба“.

XXI.

Какъ во всякомъ идейномъ беллетристическомъ произведеніи при описаніи православнаго богослуженія, здѣсь есть, конечно, слѣды кощунства и святотатства. Но легкій оттѣнокъ явнаго садизма придаетъ у г-жи Гиппіусъ языческой характеръ христіанскому „культу“. Въ мечтахъ Таси—есть признаки какого-то эротическаго помѣшательства.

„Великая и святая Тасина тайна“ отзывается чѣмъ то нездоровымъ, болѣзненнымъ. Эта любовь каждаго къ одному, эта секретная радость по поводу того, что „никто не знаетъ, кто кого любитъ“, это „неслыханное блаженство“ въ сознаніи „торжества любви“, этотъ владыка съ лицомъ „Бога-Отца“, этотъ молодой иподіаконъ съ лицомъ „не мужскимъ и не женскимъ“—вносятъ какой-то языческой,—мистической и сладострастный оттѣнокъ въ архіерейскую „предпраздничную“ службу.

Обычная формула Вики: „физиологія, и ничего больше“,—превращается здѣсь въ формулу: „культъ, и ничего больше“, но какъ-то туманно превращается въ еще болѣе интимный выводъ: „интересный иподіаконъ, и ничего больше“.

Но это грязь какой-то мечтательной и импотентной физиологіи и, отмѣтивъ ее, можно на ней не останавливаться.

Для фабулы разсказа важно только то, что за этой службой начался платоническій и безполый романъ отдыхающей революционерки и сомнѣвающегося иподіакона. Дѣло приобретаетъ нѣсколько лубочный характеръ и поставщикамъ рыночной макулатуры можно было бы порекомендовать такое пикантное заглавіе для исключительной ходкости новаго товара на злободневныя темы.

До сихъ поръ всегда и во всемъ верхъ брала Вика. Васюта только пугался и отступалъ. Теперь временное превосходство на сторонѣ о. иподіакона. Онъ сіяетъ огнями высокаго двусвѣчника, какъ какой-то обольстительный статистъ изъ церковнаго балета.

„Они странно встрѣтились, Вика и Васюта, черезъ два дня послѣ всенощной. Опять на берегу обрыва, въ быстро чернѣющей, душный августовскій вечеръ.“

„Онъ, Васюта, былъ прежній, робкій и неловкій послушникъ въ черномъ подрясникѣ—и вдругъ строгій и взыскательный. Но онъ“

уже былъ и тѣмъ легкимъ юношей среди огней и дыма съ двусвѣщникомъ въ рукахъ. Вика по-прежнему не знала, о чемъ съ нимъ говорить, но какъ будто бы и не очень надо было говорить. То-есть разсуждать. Все такъ сложно, запутано и непонятно, что лучше ужъ бытъ совѣмъ попросту (?).

— Ночь душная, тополями пахнетъ,—сказалъ Васюта.

— Садитесь со мной. Да, душно... точно въ церкви за всеюнощной, только иначе,—сказала Вика и усмѣхнулась.

— А вѣдь хорошо служили?

— Очень хорошо. Послушайте, Васюта. Вотъ вы меня спрашивали, вѣрю ли я въ Бога. Мнѣ кажется, я вѣрю и всегда вѣрила. Только объ этомъ надо говорить... какъ-то съ другой стороны, что ли.

„Она затруднилась. Онъ промолчалъ, не понялъ. Она продолжала:

— На время все забыть—а только съ другой стороны смотреть... Ну, я не знаю, все равно. А въ грѣхъ я не вѣрю,—прибавила она неожиданно.

„Васюта взволнованно и тихо кивнулъ головой.

— Вотъ и я тоже. То есть не вообще въ грѣхъ, челоуѣкоубійство, напимѣръ... А какъ считается, повсюду у насъ... До чего доходить! Вѣдь на небо голубое посмотрѣть—и грѣхъ. Нѣтъ, это не такъ. Все Божье. И люди Божьи. Господня земля и все, что наполняетъ ее.

„Вика едва различала въ душныхъ сумеркахъ узкое лицо послухника, овѣянное слабо вьющимися волосами. Онъ казался ей нѣжнымъ, строгимъ и прекраснымъ.

— Да все хорошо,—сказала она.

„Онъ повторилъ, просто:

— Все хорошо. Очень.

„Они были какъ дѣти, ничего не знающіе, все забывшіе и равные въ этомъ незнаніи. Только чувствовали, что все „хорошо“.

— Можно мнѣ поцѣловать васъ?—спросила Вика и даже не удивилась этимъ своимъ словамъ, хотя и не ожидала ихъ.—Мнѣ хочется ужасно. Мнѣ кажется, что я васъ люблю.

„Онъ тоже какъ будто не удивился. Съ готовностью повернулся къ ней.

— Да, поцѣлуйте. И я васъ поцѣлую, если можно. И я васъ люблю. Я только говорить не привыкъ и боялся. Но я давно думаю, что это (?) — не грѣхъ, а хорошо, нужно, свято.

„Они торопливо шептались, хотя кругомъ было пустынно, темно и тихо, даже кузнечики молчали въ короткой августовской травѣ, даже съ рѣки, снизу, не слышалось шелеста воды.

„Вика обняла худенькія плечи юноши и щекой коснулась его

лица. Потомъ они поцѣловались, оба вмѣстѣ, неговко и *радостно соединивъ губы*. Потомъ, все молча, еще разъ поцѣловались, и еще.

„Давно забытая, но знакомая сладкая жуть облила Вику. Она, было, *испугалась чего-то*, но испугъ тотчасъ-же прошелъ, ей было хорошо. И грустно. И ему тоже вѣроятно, потому что онъ сказалъ:

— Мнѣ плакать хочется. Но какъ это радостно. Спасибо вамъ. Меня никто не цѣловалъ. И я никого.

„Вика шепнула:

— Молчи. А то мнѣ будетъ страшно. *Я едѣь сама ничего не понимаю*.

„Онъ покорно умолкъ, только нашелъ робко ея руку и поцѣловалъ. Она не отняла руки. Такъ они просидѣли, обнявшись долго, потомъ еще разъ, медленно, жарко и нѣжно поцѣловались и разошлись“.

XXII.

Просто. Пожалуй, слишкомъ просто. Немного было нужно, чтобы стало *„все хорошо“*. Что-то въ родѣ райской идилліи. „Ничего не знавшіе, все забывшіе, равные въ незнаніи“. Первый въ мірѣ романъ и грѣхъ.

И Васюта не удивился, когда Вика, „строгая“ Вика,—„точно монахиня“ по отзыву товарокъ и товарищей по революціи, которой некогда было *„заниматься личными страстишками и психологіями“*, которая благословляла судьбу за то, что *„ей не нужна эта фізіологія“*,—первою бросается въ атаку и проситъ у о. иподіакона поцѣлуевъ!

Они цѣловались и—*ничего не понимали*. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Викѣ. Но она ошибалась: Васюта—понималъ. Да и героиня несуществующаго строя мало-по-малу и незамѣтно для себя переходила въ строй существующій, хотя все еще жила и чувствовала на оба фронта.

„Мысли, серьезное (?) дѣло, отвѣтственность (?)—это съ одной стороны,—а рѣка, звѣзды, захолустная тишь, огни всеоночной, золотое евангеліе и Васюта на берегу обрыва—это все съ другой стороны. И тутъ, съ этой другой стороны, у Вики уже не было никакихъ размысленій, она даже не пыталась думать, *даже не знала, гдѣ она-то, сама Вика, на этой или на той сторонѣ?* Можетъ быть, и здѣсь и тамъ, по половинкѣ. *Значитъ, собственно нигдѣ. Ну, не все-ли равно. Только бы обѣ были. И даже какъ-то спокойнѣе, что онъ разорванъ*.

„Не то въ затменіи, не то въ обычномъ полуснѣ жила Вика.

Вѣроятно, она думала, что и Васюта живетъ такъ-же. Они по прежнему ни о чемъ не могли путно разговаривать, и Вика не хотѣлось. Видѣлись въ церкви и дома. По вечерамъ, темнымъ, луннымъ и звѣзднымъ, сходились на краю обрыва, и цѣловались и Вика вторила ему: „люблю“, а когда онъ разъ спросилъ ее, любила-ли она еще кого-нибудь, она съ увѣренностью отвѣчала, что нѣтъ, и что не могла бы любить никого, кромѣ него.

— Значить, на всю жизнь?—обрадованно сказалъ онъ.

— Ну да, конечно, на всю жизнь.

„Онъ умолкъ, долго, серьезно, молчалъ. Потомъ вдругъ сказалъ:

— И я тоже, на всю жизнь—одну. Я говорилъ, что у меня характеръ нерѣшительный. Это неправда. И вы въ меня новую силу влили. Вы вся—точно источникъ жизни для меня. Вотъ вы увидите...

„Она вдругъ испугалась. Но не знала, чего. Разспрашивать — не хотѣлось. Лучше такъ сидѣть. Звѣзды тихія, снизу водой пахнетъ, и онъ, милый, странный, робкій и строгій,—близко. Чувствовать его нѣжную и близкую теплоту. И еще чего-то ждать, вѣчно на что-то надѣяться, что—придетъ или не придетъ, все равно счастье.

„Онъ поцѣловалъ ее какъ-то особенно, можетъ быть, даже слишкомъ крѣпко и властно... Но Вика пришла домой въ томъ-же полуснѣ, надѣясь на завтра“...

XXIII.

„Физиологія, и ничего больше“... Психологія сонная, вялая, пассивная. Логика нѣтъ и въ заводѣ.

А у Васюты все это было. Онъ вдругъ куда-то скрылся и въ письмѣ—миломъ и нѣжномъ,—увѣдомилъ свою невѣсту, что онъ скоро вернется.

Двѣ половинки Вики стали колебаться, хотя и не сразу.

Прочитала письмо и, какъ всегда, „ничего не поняла“.

„Васюта-ли писалъ? О чемъ онъ? Не хотѣлось размышлять. Вернется скоро—на этомъ успокоилась. Вернется, а тамъ уже все будетъ хорошо, какъ нужно“.

„Вика сидѣла дома, въ маленькой комнатѣ съ кисейными занавѣсками. Сначала такъ сидѣла, все еще въ полуснѣ и затменіи, точно въ облакъ дыма кадильнаго. Не читала. А потомъ начала svolакиваться (?), измѣняться. То есть не ушло ничего, но рядомъ и другое стало подниматься. Препнее, дневное, рабочее, нудное (?),—но трезвое. Ей надо ѣхать. Не то, что хочется, или необходимо, но туго тянетъ, нужда какая-то. Потому что, если не ѣхать, то что-же?“

„Но сдѣлалось не хорошо. Безпокойство вставало. Ночи прошли, опять день, вѣчный, однообразный. Не мучила совѣсть, потому что ночи—правда, и любовь эта ея къ Васютѣ, робкому и строгому—правда. Но если правда—зачѣмъ-же уходить отъ нея, ради чего покидать? А если есть и другое, другой монастырь,—„другая сторона“, какъ она себѣ говорила,—то теперь ихъ разрывъ и раздѣленіе были съ каждымъ днемъ все мучительнѣе, все недоумѣннѣе.

„Потомъ стала придумывать выходъ.

— Это вѣдь не одна фізіологія, моя любовь, а любовь. И вѣдь не романтизмъ же сантиментальный. Это надо какъ-нибудь въ трезвую жизнь ввести. *Я пока совѣсть не знаю ея*—узнаю. Найду его въ Петербургѣ. Тамъ все выяснится, ближе сойдемся, поговоримъ. Надо трезво разсуждать.

„Забыла, что сама не хотѣла говорить съ нимъ, все смутно боялась чего-то, вовсе не разсуждала.

„Такъ мѣсяць прошелъ, и полтора“.

„Она рѣшила ѣхать черезъ два дня. Сегодня ей хорошо, весело, чуть-чуть грустно, все кажется милымъ. Рада, что Васюта не вернется сюда, она найдетъ его въ Петербургѣ. Любить его, помнить его, близкаго, милаго, свѣтлаго.

„Вика знаетъ, догадывается, что Тася тоже „влюбленъ“ въ Васюту и это ей нравится. Теперь Викѣ не кажется гадкимъ слово „влюбленъ“. Это хорошо, свѣтло, близко. Тутъ живое, тутъ не вся жизнь, но цѣлая половина.

„Впрочемъ,—не опредѣленія у нея умственные, не выводы психологическіе, а такъ чувствуется. Пока только чувствуется—и легко, и вѣришь, что все выяснится, а начнетъ Вика, *при ея непривычнѣ*, надъ этимъ думать,—мучительный, перепутанный во всѣхъ концахъ, узелъ“.

XXIV.

Разъ осеннимъ вечеромъ случилось „нѣчто неожиданное“ (?). Вернулся Васюта. Онъ нашель себѣ мѣсто преподавателя въ Петербургѣ, надѣялся стать священникомъ и профессоромъ.

„Вика едва сообразила, что это Васюта. Потому что ни слѣда Васюты не было. Даже странно, что можетъ человѣкъ вдругъ такъ измѣниться. Передъ Викой стоялъ молодой семинаристъ (академикъ?), довольно пріятной наружности, не особенно ловкій, одѣтый во все дешевенькое и новенькое, не безъ претензіи—и, что главное,—очень довольный собой. Онъ и говорить сталъ иначе—гораздо больше, громче и увѣреннѣе.

„Тася, молча, прослушалъ его рассказъ о томъ, какъ онъ полу-

чиль мѣсто, какъ ѣздилъ,—потомъ всталъ и ушелъ куда-то. Вик не ушла, но тоже молчала и глядѣла въ странномъ недоумѣніи.

„Долго онъ сидѣлъ и все говорилъ. Мать вышла. Только что она вышла, — Василій Геннадіевичъ какъ-то выпрямился, подвинулъ свой стулъ къ Викѣ и сказалъ:

— Вѣдь я все для васъ, дорогая моя! Я жизнь черезъ васъ понималъ. Энергію вы въ меня новую вдохнули. Я руки вашей просить пріѣхалъ. Что я былъ? Мертвый человѣкъ! И давно ли? А вы любовью своей меня преобразили. Тяжелыя, мучительныя сомнѣнія мои разсѣяли. Я мальчишка былъ, дитя,—а тутъ взрослымъ мужчиной себя почувствовалъ. Теперь ужъ не разстанемся!

„И онъ еще придвинулся къ ней, взялъ за руку съ неуловимымъ, вѣроятно, инстинктивнымъ, правомъ будущаго мужа, хотѣлъ, кажется, обнять и поцѣловать ее. Потянулся.

„Вика вскочила въ смертельномъ ужасѣ. Какая-то чернота (?) накрыла на нее, густая, и она точно тонула въ ней! Чернота голову накрывала. Кто это? Не Васюта,—конечно, не онъ! Но даже и не студентъ Леонтьевъ (хотя общее съ Леонтьевымъ мелькнуло что-то), а человѣкъ со всѣхъ сторонъ, и съ этой, и съ той, далекій ей ненужный, совсѣмъ чужой. Да, студентъ Леонтьевъ, и *дневной рабочей жизнью съ ней не связанный*.

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормочетъ Вика растерянно, отстраняя тянущія къ ней руки молодого человѣка. — Извините... *Вы не понимаете (?)*. Я не могу... Это недоразумѣніе...

„И вдругъ закричала:

— Вы права, наконецъ, не имѣете... Уйдите, пожалуйста...

„Онъ искренно удивленъ. Ничего не понимаетъ. *И Вика ничего не понимаетъ*. Васюты нѣтъ. Былъ ли Васюта, отважный, звѣздный, со свѣтильниками—или это все только глупо снилось?

„Что-то робкое, прежнее глянуло на минуту изъ него.

— Я уйду, уйду... Вы разстроены сегодня... Я, можетъ, неожиданно все очень... Я завтра утречкомъ приду...

„И ушелъ, неловко, задомъ, пятясь къ дверямъ, смѣшной въ своемъ новенькомъ кургузомъ пиджачкѣ.

„Вика слышала, какъ хлопнула дверь. Пошла медленно въ свою комнату, рядомъ съ Тасиной,—крошечной каморкой.

„И вдругъ услышала странные звуки. Точно кто-то глухо лаялъ. Это плакалъ Тася, уткнувшись въ подушку. Когда Вика вошла къ нему со свѣчей,—онъ поднялся, угрюмо сѣлъ на постели и зло (?) посмотрѣлъ на сестру.

— Чего ты?—сказала она.

— Чего чего? Почему 'я знаю?

„Опять поглядѣлъ на нее. Видно было, что онъ дѣйствительно не знаетъ.

— А ты-то чего? Ты-то?—вскричалъ онъ вдругъ злобно, указывая на нее пальцемъ.

„Вика было не поняла, но потомъ вдругъ замѣтила, что она тоже плачетъ. Это было удивительно, она и не помнила, когда плакала.

— Я.. не знаю... — растерянно, уже откровенно сквозь слезы сказала она.

„Мальчикъ съ рыданіемъ и злорадствомъ крикнулъ:

— Да! И сама тоже! А еще образованная, большая, петербургская! Ну, уйди! Ну, и пусть!

„И опять уткнулся въ подушку.

„Но Вика не ушла, сѣла на постель, рядомъ, обняла Тасю сзади и, прижавшись къ его черному, вспотѣвшему мальчишескому затылку, стала плакать тихонько, вздыхая.

„Оба плакали, не зная о чемъ, а еслибы знали, то, можетъ быть, слезы были бы еще солонѣе и тяжелее. Знали смутно, что плакали о Васютѣ, настоящемъ, котораго можно было любить и котораго по настоящему никогда не было“.

XXV.

Что-же случилось? Гдѣ же разгадка этого беллетристическаго и идейнаго ребуса? Куда исчезло то золотое сіяніе, которое еще такъ недавно окружало голову интереснаго о. иподіакона?

Все, что коробило знакомыхъ Васюты и его невѣсту, исчезло. Кандидатъ богословія пересталъ быть послушникомъ, не увлекался сценическою ролью иподіакона за архіерейской службой. Онъ учитель. Онъ хочетъ быть профессоромъ. Правда, онъ хочетъ быть и священникомъ. Но это недоразумѣніе. Его взглядъ на грѣхъ и грѣхи закрываетъ для него всѣ виды духовнаго служенія и ставитъ его внѣ религіи.

Развѣ это не прогрессъ? Не ростъ личности и правового сознанія? Теперь онъ вполне подходящий и даже завидный женихъ для всякой молодой дѣвушки, даже революционерки, потому что и Васюта не лькомъ шить,—можетъ идти и впередъ, и выше.

Въ кургузомъ пиджакѣ онъ былъ неловокъ. Но въ ярскѣ (?) и камилавкѣ (?) онъ вѣдь тоже не былъ свѣтскимъ дэнди. И Викѣ даже нравилась его угловатость. И съ чего Вика чувствуетъ себя такой патриціанкой и аристократкой? Вѣдь и сама она одѣвалась, „какъ монахиня“. Да развѣ костюмъ имѣетъ такое рѣшающее зна-

ченіе? Онъ одѣтъ въ „дешевенькое и новенькое“. Что же? Дѣло поправимое. Новенькое обносится, а дешевенькое можно будетъ замѣнить другимъ: у о. Геннадія водятся деньжонки, да и у Васюты мѣсто приличное.

Это уже забота молодой жены, пожалуй, невѣсты — одѣтъ со вкусомъ и вполне пристойно.

Или только въ томъ дѣло, что онъ доволенъ собой? Но что за радость вѣчно кукситься, пугаться и топтать себя въ грязь? Вѣдь это именно Вика и порицала въ Васютѣ. Онъ избавился отъ этого недостатка — и сталъ хуже!

Да и съ чего ему пѣтъ Лазаря? Не кислякъ, человекъ съ головой, энергичный и находчивый, — захотѣлъ и сдѣлалъ. Словомъ сказать, молодецъ!

Онъ человекъ не рабочій? Ну, повидимому, Леонтьеву-то онъ девяносто очковъ впередъ дастъ. Леонтьевъ доработался только до Сибири. А талантливый профессоръ можетъ доработаться до горячей любви и высокаго уваженія своей аудиторіи и степеней извѣстныхъ. Правда, онъ не прославить себя террористическими „дѣйствіями“. Но и Вика сама не убивала и, хотя это ремесло признавала необходимымъ, но свои холенныя ручки берегла отъ чужой крови.

Что же въ Васютѣ перемѣнилось? Онъ тотъ же и даже сдѣлалъ огромный шагъ впередъ. И развѣ можно любить только о. иподіакона, а нельзя любить профессора?

Да, это предположеніе совпадаетъ съ подробностями разсказа. Тася лаетъ, какъ собака. Ну, это понятно. По молодости и поступаетъ. Мечтательный ребенокъ, въ періодъ пробуждающейся половой зрѣлости поддразнивающій неопытную чувственность мистически-сладоэротическимъ толкованіемъ церковной обрядности. Для ребенка слишкомъ увлекательны ризы и свѣчи иподіакона. Это и понятно.

А вѣдь Вика „большая, образованная, петербургская“. Чѣмъ же она увлеклась въ иподіаконѣ, хотя бы и съ „двусвѣщникомъ“ въ рукахъ? Только званіемъ и костюмомъ? Но казалось, что она полюбила душу, совѣсть и духовную сущность Васюты, которая отъ кургузаго пиджака нисколько не измѣнилась.

Что-же это такое? Глупый и грубый капризъ богатой, а иногда и знатной дуры къ татарину-проводнику въ Ялтѣ? Экзотическіе орнаменты плѣнили вульгарную и низменную похоть распутной бабы, жадной до пестроты и разнообразія? Одна изъ разновидностей того обожанія акробатовъ, атлетовъ и кулачныхъ бойцовъ, которые стало дешевою мишенью даже уличныхъ юмористическихъ листовъ? Что-то въ родѣ Шалапино-маніи и Собиново-маніи, съ давно осмѣянными героинями? Или подобіе того цинизма, съ которымъ русскія

безстыдницы искали вниманія и ласки отъ плѣнныхъ турецкихъ и японскихъ солдатъ?

Есть въ Викѣ, конечно, и эта черта. Въ ея платоническомъ и болѣзненномъ сладострастіи слышны и экзотическія нотки. Для нея о. иподіаконъ чловѣкъ почти не отъ міра сего. А профессоръ, какъ ни почетно это званіе, свой чловѣкъ. Это пріѣлось. Были когда-то въ ходу и такіе романы, но теперь идейный флиртъ ушелъ впередъ. Вотъ иподіаконъ—это совсѣмъ особъ-статья. Это дѣйствительно новое слово въ идейно-порнографической литературѣ.

Весь смакъ здѣсь собственно заключается вотъ въ чемъ. При извѣстномъ наклоніи идейнаго воображенія можно представить, что и иподіаконъ, какъ и всѣ педанты и рутинеры русской революціи, также принадлежитъ къ „несуществующему“ строю, хотя бы особому и своеобразному. Вотъ точка соприкосновенія между Викою и Васютою съ двусвѣщникомъ.

Пріѣхалъ изъ Петербурга профессоръ и—

Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной спячки,

И душа опять полна возможнымъ.

Это свѣше мѣры терпѣнія новыхъ людей новой правды. И волшебнo-скоро осыпались поблекшіе листы недавно свѣзаго и благоуханнаго вѣнка, отгорѣли огни, пепель покрылъ холодныя листья. Пустякъ очароваль—и пустякъ разочароваль.

XXVI.

Всмотритесь во всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой воистину „не-нужной исторіи“. Въ стариковъ Радиныхъ, Тасю, Васюту, Леонтьева, Власьеву и другихъ, названныхъ и не названныхъ въ этомъ разсказѣ.

Вика глупѣе и подлѣе всѣхъ ихъ. Она „нудно“ и „въ просонкахъ“ дѣлаетъ какое-то глупое дѣло, котораго она не понимаетъ и котораго не любитъ. Она создала себѣ пошлую философію о своихъ двухъ „половинкахъ“, которая даетъ оправданіе всякому безстыдству и предательству. Она для себя не признаетъ никакой отвѣтственности и ей всегда „все все равно“. Она рѣшительно ничего не знаетъ, и рѣшительно ничего не думаетъ. Она даетъ честное слово честной женщины любящему ее чловѣку и, какъ продувная кокетка, подло измѣняетъ этому слову. Свой дикій капризъ она ставитъ выше всего на свѣтѣ и относится къ людямъ и событіямъ, какъ полоумная и шалая дѣвчонка. Это самолюбенное ничтожество—и пошлость, мечтательная, высокомерная, стоящая, какъ кадетская дума, внѣ критики и укора.

Пошлѣ и глупѣ Вики трудно себѣ что-нибудь и представить.

Васюта въ сравненіи съ ней — чище альпійскаго снѣга. Это серьезный и дѣльный человѣкъ. Онъ самъ себѣ судья и его судъ строгъ. Онъ не побоялся поступить въ монастырь послушникомъ, хотя его отецъ, родные, знакомые и, вѣроятно, академическое начальство были противъ этого. Онъ, не боясь укоровъ и насмѣшекъ, снялъ съ себя ременный поясъ, подрясникъ и скуфью послушника, когда любимая дѣвушка дала ему торжественное обѣщаніе идти съ нимъ „на всю жизнь“.

Это не мямля и не кислякъ. У него есть воля и энергія. Захотѣлъ и сдѣлалъ, — сумѣлъ сдѣлать, безъ громкихъ фразъ, безъ пышныхъ обѣщаній. И прежде всего, это человѣкъ честный. Нигилистическія рѣчи приписаны ему по-бабьи легкомысленно. Его хотѣли представить идиотомъ, но это не удалось. На отвѣтственную службу не приняли бы такъ скоро и охотно дурачка и нигилиста. Онъ уменъ.

Уменъ и честенъ. А Вика?...

XXVII.

Но въ этомъ-то именно и состоитъ вся задача идейной беллетристики.

Принизить все живое и здоровое и поставить надъ нимъ все отвлеченное и больное, поднять на недосыгаемую высоту бродягу и хулигана и оплевать разумнаго, бережливаго и трудолюбиваго хозяина, увѣнчать ничтожество и пошлость и бросить въ грязь истинное достоинство и благородство, видѣть въ убійствѣ, погромѣ и поджогѣ ростъ личности и правового сознанія, и лишить права самообороны честныхъ и порядочныхъ людей, — не зная ни церкви, ни религіи, издѣваться надъ религіею и церковью, пѣть гимны въ честь и славу люпанаровъ, чтобы смѣяться надъ укладомъ широкой и чистой семейственности — вотъ тенденціи современной и текущей беллетристики.

Фактически доказать это не трудно. Примѣровъ и доказательствъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много, такъ много, что при этомъ новомъ беллетристическомъ потоцѣ никакая критика не успеетъ справиться съ своимъ дѣломъ.

Изъ всѣхъ щелей передовой печати фонтаномъ бьетъ такая вонючая жижа, что всѣ порядочные и пристойные люди сторонятся отъ этого наводненія, ниспосланнаго намъ за наши грѣхи, — сторонятся, чтобы попусту не пачкаться.

Какія-же средства пущены въ ходъ для этой цѣли? Я уже говорилъ, что на этотъ предметъ имѣется цѣлая система исключительныхъ случаевъ и положеній. То глупому эгоисту-офицеру придѣлають „осетриную морду“, чтобы жалость къ этому уродцу заставила насъ снисходительнѣе относиться къ подлости и глупости его рѣчи. То представлять для героя такую „окружающую среду“, въ которой мухи дохнутъ.

И все это ложь. Они заѣдаютъ среду, а не среда заѣдаетъ ихъ. Развѣ Вика не портитъ чужую жизнь? Развѣ она не отравляетъ окружающую среду міазмами гнѣющаго мозга и гнѣющаго сердца? Развѣ не въ ней ферментъ гнилостнаго броженія?

Но то средство для той-же цѣли, которымъ пользуется г-жа Гиппиусъ и другіе идейные мистико-порнографическіе беллетристы, носить слишкомъ специфическій оттѣнокъ, чтобы войти въ общую моду. Ихъ герои и героини выше толпы, выше окружающей толпы по утонченности и изысканности своей половой извращенности или по взглядамъ, основаннымъ на безсильи и неспособности.

Это дико и глупо, но имѣетъ успѣхъ въ нашемъ обществѣ, которое уже давно ищетъ „новыхъ путей“ непременно черезъ болото, черезъ дебри и трущобы, черезъ ночлежки и кабаки, чтобы при видѣ каждой тайной или явной блудницы-эротоманки, каждаго отъявленнаго мазурика и прощадыги съ гордостью говорить: „человѣкъ—это звучитъ гордо“.

Н. Скифъ.

Современная лѣтопись.

Приведены ли ослушники закона къ подчиненію „всею силою государственной мощи“?—Возстановленъ ли „быстро, твердо и неуклонно“ порядок?—Итоги грабежей по имперіи за истекшій съ 9 іюля мѣсяць.—Итоги убійствъ и бунтовъ за тотъ же срокъ.—Военные бунты въ Полтавѣ и Красноводскѣ.—Возстаніе въ свеаборгской крѣпости, въ Кронштадтѣ и на крейсерахъ «Память Азова» близъ Ревеля.—Подвиги «красной гвардіи» и капитана Кока.—Звѣрства матросовъ.—Убійство бывшего члена Г. Думы М. Я. Герценштейна.—Убійство самарскаго губернатора.—Убійство генерала Маркграфскаго.—Избиеніе полицейскихъ и солдатъ въ Польшѣ 2 августа.—Покушеніе на жизнь генерала Скалона и убійство Вонлярлярскаго.—Покушеніе на жизнь председателя совѣта министровъ П. А. Столыпина 12 августа.—Жертвы варыва.—Убійство командира семеновскаго полка генерала Мина 13-го августа.—«Максималисты». — Распространеніе «Выборгскаго воззванія». — Слѣдствіе по обвиненію бывшихъ членовъ Думы по 129 ст.—«Требованія» партіи «кадетовъ». — Воззваніе Союза 17 октября и партіи Мирнаго Обновленія.—Программа правительства въ офиціозной «Россіи». — Возможно ли «законопроектами» удовлетворить анархистовъ, социалистовъ, кадетовъ и сепаратистовъ?—Единственный выходъ.

I.

Въ манифестѣ отъ 9 іюля о распушеніи Государственной Думы было заявлено: „Да будетъ вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своевластія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ“.

Премьеръ-министръ г. Столыпинъ въ телеграммѣ отъ 11 іюля „генераламъ-губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ и для свѣдѣнія намѣстнику на Кавказѣ“, согласно полученнымъ имъ отъ Государя Императора указаніямъ „требовалъ“ „быстро, твердо и неуклоннаго возстановленія порядка“. Открытые безпорядки должны встрѣчать неослабный отпоръ! Революционные замыслы должны пресѣкаться законными средствами!

Прошелъ мѣсяць. Что же, приведены въ дѣйствія эти прекрасныя намѣренія? Порядокъ возстановленъ? Ослушники закона приведены къ подчиненію всею силою государственной мощи?

Гр. Витте и И. Л. Горемыкинъ были председателями Совѣта Министровъ безъ портфеля. По образцу западныхъ странъ П. А. Столыпинъ остался министромъ и именно внутреннихъ дѣлъ. Повидимому, въ рукахъ его сосредоточилась огромная власть. И, обозрѣвая протекшіей съ 9 іюля по 15 августа мѣсяць, видимъ проявленія дѣятельности новаго премьера, третьяго съ 17 октября прошлаго года (то есть за время въ одиннадцать мѣсяцевъ): попытку столь же неудачную, какъ и опытъ графа Витте, привлечь къ министерскимъ портфелямъ „общественныхъ дѣятелей“. Переговоры велись съ гг. Стаховичемъ, гр. Гейденомъ, Львовымъ и др. двѣ недѣли и не привели ни къ чему; шталмейстеръ Философовъ былъ назначенъ министромъ торговли и промышленности, шталмейстеръ князь Васильчиковъ—главноуправляющимъ землеустройства и земледѣлія, камергеръ Извольскій—оберъ-прокуроромъ Синода; затѣмъ въ печати сообщалось, что кабинетъ вырабатываетъ политическую программу. Что же въ это время происходило въ странѣ?

Правда, въ сущности страна приняла съ полнымъ равнодушіемъ роспускъ Думы. Но революціонная дѣятельность нисколько не ослабѣла и не была ослаблена мѣрами правительства. Изложимъ хронологически кровавыя событія истекшаго мѣсяца.

Кавказская смута не прекращалась. Въ телеграммахъ отъ 15 іюля сообщалось: въ Шущѣ рѣзня, городъ горитъ; ежеминутно пушечные выстрѣлы. Отъ 16 іюля: шушинскіе армяне и татары выкинули бѣлые флаги и заключили миръ. Надъ городомъ видно зарево, надо полагать, въ качествѣ иллюминаціи по случаю заключенія этого „мира“. Въ телеграммахъ отъ 17 іюля сообщалось, что Шуша продолжаетъ горѣть и „миръ“ мало измѣнилъ положеніе вещей. Татары, армяне, казаки, полчища „кочевниковъ“ прилежно другъ друга осаждаютъ и понять что-либо въ этой кровавой кашѣ обыкновенному обывателю не дано.

Обращаясь къ лѣтописи грабежей по Имперіи, мы получаемъ такую разительную вереницу фактовъ:

15 іюля въ поѣздѣ около Ченстохова ограбленъ на 16,000 р. таможенный вагонъ семью неизвѣстными пассажирами, которые стали стрѣлять по конвою, причемъ убили кассира таможи, надсмотрщика и пять конвойныхъ солдатъ пограничной стражи. Ъхавшіе въ сосѣднемъ вагонѣ начальникъ округа пограничной стражи генералъ Вестерникъ и бригадный генералъ графъ Цукато, услышавъ выстрѣлы, вышли на площадку вагона и стали отстрѣливаться.

но сейчас же были убиты. Ранено нѣсколько (сколько же?) человекъ изъ публики. Забравъ деньги, „неизвѣстные пассажиры“ просто „выскочили изъ вагона“ и скрылись, а тѣла 10 убитыхъ отвезены въ Ченстоховъ. Въ Варшавѣ ограблено девять казенныхъ винныхъ лавокъ. 16 іюля ограбленъ въ поѣздѣ около станціи Разказово желѣзнодорожный артельщикъ на сумму свыше 10,000 руб.; грабители скрылись. Въ Обираловкѣ подѣ Москвой ограбленъ на 5,000 руб. подрядчикъ. Около станціи Прутково тридцать вооруженныхъ людей остановили поѣздъ, забрали около ста тысячъ рублей, вывѣсили красный флагъ съ надписью „Польская социалистическая партія“ и скрылись. Тогда же грабежи въ Харьковѣ на 1,500 руб., въ Харбинѣ на 700 руб.; въ Екатеринославѣ на 1,400 руб. А изъ Одессы были *высланы* въ Архангельскъ 11 человекъ какихъ-то „анархистовъ-индивидуалистовъ“, занимавшихся... вооруженными грабежами. Къ 18 іюля въ Варшавѣ изъ 110 винныхъ лавокъ болѣе половины было закрыто, а остальные охранялись военными постами. На ст. Люблинѣ похищено 6,000 руб.; въ Ростовѣ-на-Дону—3,600 руб.; 19 іюля въ Варшавѣ ограблены три закрытыхъ винныхъ лавки, аптека, магазинъ спичекъ Лапшина. 21 іюля въ Одессѣ на кладбищѣ убитъ сторожъ и ограблена на 8,400 руб. церковь въ Мозырѣ; ограбленъ на 5,000 руб. акцизный сборщикъ. Отъ 27 іюля изъ Верхнеудинска со станціи Слюданки сообщалось объ ограбленіи желѣзнодорожнаго артельщика; было похищено 95,000 рубл. Начались вооруженные грабежи и на Нижегородской ярмаркѣ. Причемъ пятью вооруженными ограблена лавка, гдѣ находилось 12 приказчиковъ. Отъ 4 августа сообщалось, что на Нижегородской ярмаркѣ ограблена на 10,000 контора пароходства „Надежда“. Въ Саратовѣ былъ ограбленъ артельщикъ сталелитейнаго завода на 4,000 руб. Въ Ростовѣ-на-Дону 5 августа былъ раненъ и ограбленъ тремя неизвѣстными лицами на 3,000 руб. (казенныхъ) начальникъ телеграфной конторы Михельсонъ. 8 и 9 августа было весьма обильно грабежами и полученіями изъ банковъ по подложнымъ чекамъ. Изъ Тамбова сообщали, что ограбленъ въ вагонѣ артельщикъ четырьмя „лицами въ студенческой формѣ“; у него взяли только 1,000 руб., а 15,000 остались... Почему? По подложнымъ чекамъ въ Кіевѣ получено 1,300 руб., въ Полтавѣ—7,700 руб.; въ Астрахани ограбили купца на 1,500 руб.; въ Минской губ. волостное правленіе на 3,000 руб.; въ Харьковѣ складъ на 810 руб. Въ посадѣ, въ Херсонѣ десять замаскированныхъ 10 августа ограбили купца Новикова на 8,800 руб. 11 августа за день сообщено объ одиннадцати случаяхъ грабежей, не считая столицъ; крупнѣйшіе: въ Кинешмѣ на 28 тыс. руб.; въ селѣ Кохмы на 18 тыс. руб.; въ Орѣховѣ на 10,000 руб. Въ

Юзовѣ 13 августа ограбили на 65 руб. торговца и убили, нанеся 40 колотыхъ ранъ. Этотъ списокъ, конечно, далеко не полонъ. Мы перечислили только самые выдающіеся грабежи. А грабили и по мелочамъ, на сотни и десятки рублей ежедневно по всей Россіи. Однако, подсчитавъ вышеуказанныя крупныя суммы грабежей, мы получимъ за мѣсяць съ 15 іюля по 15 августа итогъ „принудительнаго отчужденія“ въ 356,675 рублей...

Какъ видимъ, „всею силой государственной мощи“ въ этой области ровно ничего не сдѣлано. Грабежи шли, все разростаясь, и совершавшіе ихъ „неизвѣстные“ оставались неразъсканными...

II.

Обратимся теперь къ лѣтописи вооруженныхъ возстаній и убійствъ.

Въ Полтавѣ 15 іюля вечеромъ производился обыскъ въ будкѣ, гдѣ продается сельтерская вода и гдѣ собирались руководители революціонныхъ организацій, въ томъ числѣ 18 солдатъ Сѣвскаго полка и два артиллериста. При обыскѣ былъ задержанъ солдатъ Сѣвскаго полка. Узнавъ это, группа солдатъ стала возбуждать нижнихъ чиновъ перваго батальона сѣвцевъ. Въ 10 час. вечера батальонъ этотъ, поднявъ тревогу и смѣшавшись съ собравшейся толпою, двинулся по улицѣ. Увѣщанія начальства были безуспѣшны. Толпа отправилась къ артиллерійскимъ казармамъ, силою запрягла лошадей въ нѣсколько орудій и двинулась къ арестантскому отдѣленію, гдѣ заключены политическіе. Вызвавъ всѣ войска, начальникъ гарнизона выдѣлилъ отрядъ, встрѣтившій ломившуюся въ ворота толпу бѣглымъ огнемъ пулеметовъ. Толпа въ паникѣ разбѣжалась. Убитъ одинъ, ранены 4 нижнихъ чина.

Порядокъ возстановленъ къ 2 час. ночи.

Въ Красноводскѣ 16 іюля рота желѣзнодорожнаго батальона, съ оружіемъ въ рукахъ, желая освободить арестантовъ, ссылаемыхъ за ташкентскіе беспорядки, отправилась, сопутствуемая толпой рабочихъ, къ тюрьмѣ, надѣясь на помощь 8-го резервнаго батальона, но послѣдній къ ней не только не примкнулъ, но и заставилъ ее разойтись. Арестантовъ отправили пароходомъ въ Баку. Благодаря тактичности (!) мѣстной администраціи, все обошлось благополучно. Въ городѣ спокойно.

Телеграммы изъ Гельсингфорса возвѣстили о происшедшемъ 17 іюля въ Свеаборгской крѣпости возмущеніи минной роты, къ которому примкнули артиллеристы. Официально сообщалось, что въ управление порта на Скатуденѣ проникло нѣсколько десятковъ „частныхъ

лицъ“, которымъ матросы роздали оружіе. Вслѣдъ за тѣмъ началось возмущеніе. Дальнѣйшія сообщенія удостовѣрили замѣчательный фактъ. Броженіе среди частей свеаборгскаго гарнизона не было новостью и проявлялось еще въ прошломъ году. Многіе солдаты участвовали въ митингахъ. Казармы были засыпаны прокламаціями. Взбунтовавшіеся артиллеристы захватили въ Свеаборгѣ три острова—Михайловскій, Артилерійскій и Инженерный. Мятежники, занявъ батареи на трехъ островахъ, начали обстрѣливать сосѣдніе острова, гдѣ находилась пѣхота, оставшаяся вѣрной присягѣ.

Въ рукахъ мятежниковъ оказались и орудія, и пулеметы. Въ то же время на островѣ Скатуденѣ, возлѣ самаго Гельсингфорса, и гдѣ находится портовое управленіе и домъ командира порта, взбунтовалась морская команда. Къ Скатудену, гдѣ въ портовой гавани стояли миноносцы, подошли лодки „съ нѣсколькими статскими“. Они-то и взбунтовали матросовъ.

Матросы послѣ разговоровъ со статскими отправились къ дому командира порта и подняли на немъ красный флагъ. Въ Гельсингфорсѣ это было замѣчено и для разслѣдованія былъ посланъ молодой мичманъ. Несчастный юноша былъ убитъ возмущившимися матросами. Когда это открылось, вышеназванные минные крейсера открыли пальбу по морскимъ казармамъ на Скатуденѣ и заставили мятежниковъ смириться.

Въ Гельсингфорсѣ между тѣмъ поднялась „красная гвардія“. Вотъ дѣянія сихъ доблестныхъ „гвардейцевъ“.

Между станціями Рихимяки и Руттила днемъ былъ взорванъ мостъ черезъ ручей Хапахухта; на мѣстѣ взрыва оставлена стража красной гвардіи. 80 вооруженныхъ красныхъ гвардейцевъ и рабочихъ, захвативъ паровозъ и 2 вагона, силою заставили машиниста повести поѣздъ и испортили полотно между станціями Диккурсбю и Корсо.

Сообщалось, что въ воскресенье 9 іюля былъ праздникъ красной гвардіи и явились Леонидъ Андреевъ (?), члены Думы Михайличенко, Гамартели и говорили соответственныя рѣчи. Замышлявшаяся рабочими и красной гвардіей общая забастовка въ Гельсингфорсѣ не удалась. Возставшіе въ Свеаборгѣ убили и бросили въ воду артиллерійскаго полковника Натарова. Нѣкоторые офицеры присоединились къ возставшимъ и приняли начальство надъ ними. Одинъ офицеръ, финнъ, застрѣлился. 19 іюля весь день въ Свеаборгѣ шла перестрѣлка, какъ орудійная, такъ и ружейная.

Въ пять часовъ дня взорвался пороховой погребокъ на Михайловскомъ островѣ, занятомъ возставшими. Къ вечеру прибыли „Богатырь“ и „Цесаревичъ“ и открыли огонь по всѣмъ фортамъ, заня-

тымъ возставшими. 20 іюля въ 10 часовъ утра возставшія части, увидѣвъ, что эскадра не присоединяется къ нимъ, а мѣтко стрѣляетъ, изъявили покорность. Въ 12 часовъ утра на всѣхъ фортахъ былъ водруженъ государственный флагъ, вмѣсто краснаго. Руководители мятежа бѣжали на шлюпкахъ. Одна изъ нихъ была потоплена, но остальные благополучно достигли берега. Прибывшіе вышли и... скрылись! Убитыхъ и раненыхъ, писали, 28 офицеровъ и до 400 солдатъ. Красная гвардія принимала активное участіе въ возстаніи. Члены ея находились и въ Свеаборгѣ. Они снабдили возставшихъ провіантомъ. Желая помѣшать прибытію войскъ въ Гельсингфорсъ, красная гвардія повредила желѣзнодорожный путь въ трехъ мѣстахъ. Воззваніе капитана Кока къ всеобщей забастовкѣ не имѣло успѣха. Какъ глухо было сказано въ краткихъ телеграммахъ, послѣ этого гвардія въ Гельсингфорсѣ „обратилась къ насиліямъ“. Въ городѣ начался бой между красной гвардіей, полиціей и коммунальной охраной.

Официальное сообщеніе 20 іюля возвѣстило о возстаніи или, какъ мягко сказано, „безпорядкахъ“, въ Кронштадтѣ 19 іюля, начавшихся около 11 час. вечера.

Официальное сообщеніе изложило факты такъ. Матросы 4-го флотскаго экипажа, спѣшно надѣвъ черныя куртки, выбѣжали изъ казармъ и, смѣшавшись съ ожидавшей ихъ толпой рабочихъ и *другихъ постороннихъ лицъ* (кто же они?!), двинулись къ дому, занимаемому командиромъ порта.

Вызванною немедленно пѣхотною частью толпа была разсѣяна.

Въ это же время началось волненіе и въ другихъ экипажахъ; матросы начали собираться и выходить изъ казармъ, но ихъ удалось уговорить и они вновь разошлись по казармамъ.

Между тѣмъ вновь образовавшаяся изъ матросовъ 4-го экипажа и постороннихъ лицъ толпа бросилась къ арсеналу, но снова была разсѣяна пѣхотою при помощи пулеметовъ. Послѣ этого, снова собравшись, мятежная толпа направилась къ форту Константинъ, гдѣ несомнѣнно рассчитывала на поддержку, такъ какъ съ приближеніемъ толпы на фортъ былъ выкинутъ красный флагъ, и заняла фортъ.

Фортъ Константинъ былъ обстрѣлянъ и къ 5 час. утра мятежники сдались.

При столкновеніи мятежной толпы съ войсками у арсенала изъ толпы была открыта стрѣльба изъ браунинговъ, причемъ убиты: капитанъ 1-го ранга Родіоновъ, капитаны 2-го ранга Добровольскій и Шуманъ и штабъ-капитанъ Стояновскій, и ранены: контръ-адмиралъ Беклемишевъ, капитаны 2-го ранга Криницкій, Паттонъ

и мичманъ Мальцевъ. Утромъ порядокъ въ крѣпости былъ восстановленъ.

„С.-Петербургское Агентство“ одновременно дало болѣе яркую картину бунта, сообщивъ, что 19 іюля около 11 час. ночи совершенно неожиданно возникъ бунтъ нижнихъ чиновъ крѣпостной минной роты. Убивъ командира роты подполковника Александрова, его помощника капитана Врочинскаго, его мать, сестру Александра г-жу Якоби, мятежники направились вооруженными на батарею Литке, гдѣ арестовали командира крѣпостной санитарной роты подполковника Григорьева и бывшихъ съ нимъ офицеровъ, которыхъ всѣхъ заперли въ сарай. Нижніе чины саперы также примкнули къ бунтующимъ. Захвативъ поѣздъ крѣпостной желѣзной дороги, минеры и саперы, среди которыхъ были и вольные агитаторы, даже женщины, отправились на фортъ Константинъ. Дежурившіе здѣсь артиллеристы отказались примкнуть къ мятежникамъ и были арестованы, а офицеры связаны. Однако нѣсколькимъ артиллеристамъ удалось снять замки съ крѣпостныхъ орудій, за исключеніемъ одного. Завладѣвъ фортомъ, мятежники подняли красный флагъ и сдѣлали одинъ выстрѣлъ изъ орудія.

Вскорѣ на нихъ съ дамбы были направлены пулеметы и полевые орудія гвардейской артиллеріи. Орудія дали 5 выстрѣловъ. Бунтовщики сначала отвѣчали залпами изъ ружей, но затѣмъ смѣшались и начали прятаться по казематамъ, бросаться въ воду. Часть покинула фортъ на артиллерійскомъ пароходѣ „Минеръ“, за которымъ послана погоня. Въ 5 часовъ утра мятежники сдались. Надъ ними учрежденъ военно-полевой судъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-майора Ракинта. Въ числѣ арестованныхъ оказалось 15 чело-вѣкъ статскихъ.

Около полуночи 19 іюля началось вооруженное возстаніе морскихъ командъ во флотскихъ экипажахъ, причемъ убиты командующіе экипажами капитанъ 1-го ранга Шумовъ 2-й, Добровольскій, ротный командиръ штабсъ-капитанъ Стояновскій. Тяжело ранены контръ-адмиралъ Беклемишевъ, лейтенанты Паттонъ-де-Верайень-Криницкій, мичманъ Мальцевъ. Изъ экипажей матросы бросились въ арсеналъ, валомали его, но патроновъ не нашли, а ружья оказались въ разобранномъ видѣ. Тѣснимые войсками Енисейскаго и Финляндскаго полковъ, бунтовщики частью разбѣжались, остальные арестованы.

Сообщенія корреспондентовъ газетъ дали рядъ холодящихъ душу, ужасающихъ подробностей кронштадтскаго бунта. Минеры ворвались въ квартиру капитана Врочинскаго и звѣрски убили его. 90-лѣтняя старушка безсильными руками старалась защитить сына, но и ее тоже убили звѣрски штыками. Тутъ же рядомъ квартира бывшаго

начальника минной роты, полковника Александра. Онъ получилъ уже назначеніе въ понтонный баталіонъ и пріѣхалъ въ Кронштадтъ проститься съ бывшими сослуживцами и подчиненными. Полковникъ сидѣлъ у капитана Врочинскаго, когда вошли минеры и стали души́ть капитана. Александровъ бросился къ своей квартирѣ за оружіемъ, его догнали, сбили съ ногъ прикладомъ ружья, а какой-то штатскій, бывший вмѣстѣ съ солдатами, выстрѣлилъ и убилъ его наповаль.

Уже мертвѣго солдаты кололи штыками. Жена Александра хотѣла защитить мужа. Ее изранили, переломали ноги и бросили. Она умерла въ морскомъ госпиталѣ около 3 часовъ дня, промучившись болѣе полусутокъ.

Лишь только минеры начали бунтъ, поднялись по первому выстрѣлу и матросы, живущіе въ экипажахъ. Живущіе и дежурившіе въ экипажахъ офицеры были перебиты или переранены.

Въ самомъ Кронштадтѣ происходило слѣдующее: въ двѣнадцатомъ часу ночи толпа матросовъ изъ разныхъ экипажей, приблизительно около 300 человекъ, двинулась по Красной и Приморской улицамъ, чтобы разграбить арсеналь, захватить тамъ орудія, снаряды, ружья, которыми предполагалось вооружить тѣхъ, у кого ихъ не было. Мятежные матросы, чтобы отличить своихъ отъ постороннихъ, сняли съ шапокъ бѣлые чахлы и ленты, а вожаки ихъ перевязали себѣ правыя руки бѣлыми повязками, а черезъ плечо надѣли красныя ленты.

Они рассчитывали на сочувствіе пѣхоты и ошиблись. Енисейцы и финляндцы на приглашеніе присоединиться въ отвѣтъ посылали залпъ за залпомъ. Мятежники не выдержали огня и бросились въ разсыпную. Енисейцы обстрѣливали тѣ улицы, гдѣ пытались собираться разбѣжавшіеся матросы. При этомъ пѣхота съ такой ненавистью отнеслась къ мятежникамъ, что на требованіе офицеровъ прекратить стрѣльбу, солдаты, не обращая вниманія на отбой, продолжали осыпать пулями возставшихъ.

Во имя чего произведенъ былъ бунтъ?

Одинъ изъ арестованныхъ матросовъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, сказалъ арестовавшему его офицеру: „опять сорвалось, ваше высокоблагородіе, а ужъ погуляли бы, камешка на камешкѣ не оставили; охъ, не дали намъ добраться до минной лабораторіи, заплакали бы тогда денежки у богатѣевъ, затрещали бы тогда купеческія лавочки да господскія головы“. Вотъ тотъ принципъ пугачевщины, которымъ руководились мятежники. А часть агитаторовъ (если не всѣ!) ушла благополучно на паровомъ катерѣ „Понто-неръ“...

III.

Возстаніе въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ заслонило еще два факта, кратко сообщенныхъ въ телеграммахъ отъ 19 іюля: „въ Брестъ-Литовскѣ возмутились крѣпостные артиллеристы, но всѣ были арестованы. На Кавказѣ, въ Дешлагарѣ взбунтовался батальонъ Самурскаго полка. Были убиты командиръ полка, священникъ и 4 офицера. Съ прибытіемъ казаковъ, взбунтовавшіеся выдали четырехъ зачинщиковъ и принесли повинную.

Краткая телеграмма была пополнена слѣдующими, которыя мы воспроизводимъ въ полной точности, какъ отголосокъ творящагося на Кавказѣ:

Тифлисъ, 21 іюля. Спеціальный корреспондентъ с.-петербургскаго агентства, командированный въ Шушу, пробывъ тамъ болѣе десяти дней, въ самый городъ, однако, пробраться не могъ, а жилъ въ Ханкендахъ. Стрѣльба вокругъ не прекращалась вплоть до 18 іюля. Корреспондентъ рѣшилъ съ опасностью жизни возвратиться въ Тифлисъ, въ обществѣ одного акцизнаго чиновника. Дорогою, не доѣзжая 20 верстъ до Евлаха, они были остановлены шайкой 10 вооруженныхъ татаръ. Послѣдніе совѣщались, а затѣмъ, въ виду того, что путники принадлежали къ *нейтральнымъ національностямъ* (?), *отпустили ихъ, потребовавъ съ нихъ денегъ*. На всемъ пути Шуша-Евлахъ не встрѣчается армянъ, которые заняли проходы, ведущіе въ городъ, съ цѣлью не пропустить туда кочевниковъ и курдскую конницу, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ Шушу. Около Аскерана разставлена пѣхота и казаки. Командированные отсюда стрѣлки и артиллерія сегодня должны прибыть въ Шушу. Вокругъ полный разгромъ. *Русскому населенію роздано оружіе для защиты отъ разбойничьихъ татарскихъ бандъ* (?). Сегодня должны закончиться мирные переговоры (?).

Тифлисъ, 21 іюля. Сегодня здѣсь выпущено въ громадномъ количествѣ экземпляровъ на русскомъ и туземномъ языкахъ выборгское воззваніе, которое распространяется среди населенія. Въ Дешлагарѣ выѣхали военныя и судебныя власти для участія въ военно-полевомъ судѣ надъ арестованными бунтовщиками.

Тифлисъ, 21 іюля. По разсказу очевидца, сообщаются слѣдующія подробности о мятежѣ въ Самурскомъ полку. Солдаты, постановивъ на митингѣ политическія требованія, направились къ командиру полка, но встрѣтившійся офицеръ приказалъ имъ разойтись, и когда они не послушались, выстрѣлилъ. Тогда солдаты, до команды одного изъ нихъ, дали залпъ въ группу офицеровъ, изъ которыхъ шестеро были убиты на мѣстѣ, а четверо ранены. Командиры полка и ба-

талюна были сперва арестованы, а затѣмъ убиты бунтовщиками; одинъ офицеръ, исколотый штыками, и полковый священникъ были повѣшены. Бунтовщики стали раздавать населенію оружіе, призывая его идти за Царя и Думу.

Владикавказъ, 21 іюля. При возмущеніи пяти ротъ Самурскаго полка въ Дешлагарѣ убиты командиръ полка полковникъ Лемкуль, батальонный командиръ подполковникъ Покровскій, священникъ Пальмовъ, капитанъ Саркисовъ и штабъ-капитанъ Моргуновъ, ранены: капитанъ Харламовъ и поручикъ Гринкевичъ, нижнихъ чиновъ убито два, ранено два.

Елисаветполь, 25 іюля. Въ Шушѣ рѣзня прекратилась. Между враждующими сторонами заключенъ миръ, причемъ ими дано торжественное обѣщаніе не нарушать его. Телеграфъ возстановленъ.

Официальное сообщеніе 25 іюля о свеаборгскомъ бунтѣ дополнило картину еще одной деталью. Въ теченіе цѣлой недѣли, предшествовавшей возстанію, въ Гельсингфорсѣ происходили митинги собравшихся здѣсь русскихъ революціонеровъ и финляндской красной гвардіи *съ участіемъ нижнихъ чиновъ свеаборгскаго гарнизона*. Отдѣльно отъ этихъ митинговъ устраивались засѣданія русскаго революціоннаго комитета совмѣстно съ начальствующимъ персоналомъ красной гвардіи.

Спрашивается, гдѣ находилось въ это время то „правительство“, которое сообщаетъ столь чреватый выводами фактъ?!

Приговоромъ военно-полевого суда въ Кронштадтѣ, состоявшагося 20 іюля по дѣлу о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кронштадтѣ въ ночь съ 19 на 20 сего іюля, семь нижнихъ чиновъ приговорены за убійство офицеровъ къ смертной казни.

Приговоръ этотъ того же 20 іюля приведенъ въ исполненіе.

А что же „агитаторы“, неизвѣстные „статскіе“, и вообще всѣ тѣ, что подстрекали и устраивали возстаніе?!

О нихъ ничего какъ-то не слышно. Только былъ арестованъ и преданъ суду бывший членъ Госуд. Думы Онипео.

Съ 19 на 20 іюля на крейсерѣ I ранга „Память Азова“, стоявшемъ вмѣстѣ съ мелкими судами артиллерійскаго отряда въ бухтѣ Папенвикъ, въ 40 мил. къ востоку отъ Ревеля, тоже произошла бунтъ. Въ 12^{1/2} ч. ночи съ 19 на 20 іюля старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Мазуровъ, проходя по жилой палубѣ, открылъ совершенно постороннее лицо — агитатора, жо паспорту мѣщанина Тарасова.

Было отдано распоряженіе списать неизвѣстнаго на минный крейсеръ „Воевода“, который долженъ былъ идти за провизіей въ Ревель, для доставки его на берегъ для передачи властямъ. Черезъ полчаса послѣ этого, на верхней палубѣ крейсера „Память

Азова“ раздались два выстрѣла, которыми былъ раненъ стоявшій на вахтѣ мичманъ Зборовскій.

Капитанъ 2 ранга Римскій-Корсаковъ побѣжалъ внизъ доложить объ этомъ начальнику отряда, флагъ-капитаномъ котораго онъ былъ, и увидѣлъ въ канцеляріи, помѣщенной въ самой кормѣ, командира, раздававшего ружейные патроны. Офицеры бросились къ ружьямъ, стоявшимъ въ пирамидѣ, но у послѣднихъ оказались вынутыми замки. Въ то же время на крейсера потухло электричество. Офицеры бросились тогда наверхъ, но здѣсь ихъ встрѣтили выстрѣлами, причемъ лейтенанты Вердеревскій и Селитренниковъ оба были ранены въ ногу, а командиръ крейсера капитанъ 1 ранга Лозинскій—тяжело въ грудь. Послѣ этого офицеры рѣшили, въ виду явнаго мятежа судовой команды, направленною противъ нихъ, выйти на балконъ адмиральской каюты и оттуда спуститься на таранный баркасъ, стоявшій на бакштаговѣ.

Съ крейсера „Память Азова“ былъ открытъ по баркасу взбунтовавшейся командой огонь изъ ружей и 47-миллиметровыхъ орудій. Однимъ изъ выстрѣловъ былъ перебитъ румпель и ранены: тяжело—лейтенантъ Унковскій и въ ногу—капитанъ Дабичъ. Баркасъ продолжалъ путь. Во время слѣдованія снарядомъ съ крейсера „Память Азова“ былъ убитъ командиръ капитанъ 1 ранга Лозинскій и оторвано объ ноги мичману Погожеву (вскорѣ же скончался). Стрѣльба на время прекратилась, и въ это время отъ крейсера „Память Азова“ отвалилъ паровой катеръ, который сталъ преслѣдовать баркасъ, обстрѣливая его ружейнымъ огнемъ и орудійнымъ изъ 37-миллиметровыхъ орудій. Когда баркасъ приткнулся къ мели, офицеры бросились въ воду и достигли вплавь берега.

Выйдя на берегъ, офицеры разсыпались по лѣсу, чтобы укрыться отъ преслѣдовавшихъ ихъ матросовъ. По рассказамъ, флигель-адъютантъ Дабичъ, вслѣдствіе полного изнеможенія, легъ на землю и приказалъ себя оставить.

Въ тотъ же день крейсеръ „Память Азова“ прибылъ въ Ревель, гдѣ часть экипажа, оставшаяся вѣрною долгу, сама справилась съ бунтовщиками и выдала всѣхъ участниковъ бунта.

IV.

Свеаборгъ, Гельсингфорсъ, Кронштадтъ—ворота столицы и Финляндіи. И здѣсь разразился, хотя и неудачный, но кровавый, позорный, чреватый самыми грошными послѣдствіями военный бунтъ. Гдѣ же была „государственная мощь“, направленная къ водворенію порядка?..

Переходимъ теперь къ лѣтописи отдѣльныхъ террористическихъ убійствъ. 18 іюля убитъ въ Теріокахъ бывший членъ Государственной Думы отъ города Москвы, Михайль Яковлевичъ Герценштейнъ. Когда онъ возвращался домой на дачу по берегу моря со своей женой и старшей дочерью въ 10 часовъ вечера, изъ-за забора, съ поросшаго лѣскомъ пустыря, внезапно раздались два, одинъ за другимъ, револьверныхъ выстрѣла. Первая же пуля, пробивъ спину и сердце, вышла навывлетъ, поразивъ на смерть Герценштейна. Преступникъ скрылся въ кустахъ. При этомъ легко въ руку была ранена и дочь покойнаго. Это преступленіе красная печать приписывала, однако, какой-то „черносотенной“ организаціи. Но кромѣ стихійныхъ погромовъ разъяреннымъ народомъ евреевъ,—народомъ, ни къ какой партіи не принадлежащимъ, мы не знаемъ даже случаевъ простой самообороны „сознательныхъ“ консерваторовъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о томъ—кто именно убилъ Герценштейна?—остается открытымъ.

Въ Ялтѣ 20 іюля, въ 10 часовъ вечера по всему городу слышался оглушительный трескъ. Оказалось, что на Пушкинскомъ бульварѣ два сидѣвшихъ на скамейкѣ человекъ уронили бомбу. Взрывомъ оба были разорваны въ клочки. Мѣсто оцѣпили войска. Но для кого, собственно, эти бомбы предназначались?!

Въ Самарѣ 21 іюля въ 6 часовъ вечера взрывомъ бомбы былъ убитъ на углу Воскресенской и Вознесенской улицъ губернаторъ Блокъ. Ему оторвало голову и ноги. Кучеру оторвало ноги. 24 іюля при огромномъ стеченіи народа состоялось отпѣваніе убитаго губернатора.

Несмотря на разосланныя наканунѣ письма съ предупрежденіемъ, что въ процессію будутъ брошены бомбы, публики было много. Убійца, сынъ ремесленника Фроловъ, послѣ долгаго заперательства сознался. Обнаружены сообщники. Въ день убійства кромѣ Фролова были разставлены на Алексѣевской площади и Дворянской улицѣ, въ мѣстахъ предполагавшагося проѣзда губернатора, сообщники Фролова, поджидавшіе съ бомбами и оружіемъ. На слѣдующій послѣ убійства день на симбирскомъ берегу Волги были слышны взрывы подобно орудійнымъ выстрѣламъ. Полагаютъ, что уничтожались неиспользованныя бомбы.

Въ Варшавѣ 20 іюля убитъ генераль Маркграфскій и его сынъ, шестилѣтній мальчикъ. Генераль съ семействомъ жилъ на дачѣ въ Отвоцкѣ. Приѣхавъ туда изъ Варшавы въ 3 часа дня, онъ въ собственной коляскѣ съ женой, сыномъ и дочерью отправились на дачу. По дорогѣ съ обѣихъ сторонъ человекъ 10 открыли перекрестный огонь по экипажу, убили отца и сына и ранили легко кучера. Что вынесли несчастная жена и дочь покой-

наго во время этого разстрѣла? За что убили Маркграфскаго? Изъ краткихъ телеграфныхъ сообщеній ничего не узнаешь.

Варшава вообще, какъ и многіе города окраинъ, стала гнѣздомъ „бандитизма“. Какъ далеко зашло здѣсь дѣло, видно изъ того, что „Еврейскій комитетъ п. п. с.“ (партіи польскихъ социалистовъ), нашелъ необходимымъ выпустить прокламацію, въ которой предостерегалъ: „Товарищи, большая опасность грозитъ пролетариату. Ядъ деморализація и бандитизма проникаетъ въ пролетаріатскіе ряды“. Но воззваніе, однако, дѣйствія на „товарищій“ никакого не оказало. Теперь, къ половинѣ августа, положеніе торговцевъ въ Варшавѣ невозможное. *Они держатъ наготовѣ деньги на случай появленія грабителей*; всякое сопротивленіе казнится смертью.

Прислуга въ ресторанахъ, извозчики, мастеровые, мелкіе рабочіе и ремесленники остаются вовсе безъ работы или работаютъ два, три дня въ недѣлю, остальное время уступаютъ голоднымъ товарищамъ. Улицы переполнены нищими, стонъ этихъ темныхъ жертвъ революціи покрываетъ всю Варшаву.

„Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ характерную подробность—золотые цѣпи и часы, дорогія трости, булавки и прочія цѣнные вещи теперь варшавяне, выходя на улицу, никогда не надѣваютъ. Все это припрятано. Носятъ грошовую „имитацію“. Въмѣсто серебряныхъ портсигаровъ носятъ портсигары изъ корельской березы.

20 августа въ день католическаго праздника Успенія въ Варшавѣ, Плоцкѣ, Радомѣ, Лодзи и другихъ городахъ Царства Польскаго совершены были массовыя убійства русскихъ полицейскихъ. Произошло нѣчто, напоминающее Вареломеевскую ночь... За 2 августа въ Варшавѣ было ранено болѣе 100 частныхъ лицъ и убито 14. Кромѣ того, убито 13 городовыхъ, 4 околоточныхъ, 7 жандармовъ, 4 солдата, ранено 8 городовыхъ, 2 околоточныхъ, 2 жандарма и 6 солдатъ. Сколько вдовъ и сиротъ осталось въ одинъ только день въ одной лишь Варшавѣ! Нападенія на чиновъ полиціи совершены были въ разныхъ участкахъ одновременно. Телеграмма отъ 3 августа изъ Варшавы сообщала, что ружейными выстрѣлами 2 августа было ранено 150 человѣкъ и убито 16. Стрѣльба происходила болѣею частью въ еврейскихъ кварталахъ.

Осколками брошенныхъ бомбъ въ семьмъ участкѣ искалѣчено около тридцати человѣкъ. Въ Плоцкѣ 2 августа по сигналу рожкомъ на всѣхъ постахъ были частью перебиты, частью ранены стражники. Убито 5 и ранено 2 стражника и 1 солдатъ. Въ Лодзи 2 августа въ шесть часовъ вечера сдѣлано было нападеніе на 2-й полицейскій участокъ. Со всѣхъ сторонъ раздавался трубный сигналъ. Затѣмъ послѣдовали два оглушительныхъ взрыва, слышныя во всѣхъ

частяхъ города. Нападеніе было сдѣлано такъ: нѣсколько десятковъ лицъ, разбившись на три группы, прибыли къ участку съ трехъ сторонъ, и по данному рожками сигналу, открыли стрѣльбу изъ браунинговъ и ранили часового. Затѣмъ одновременно было ими брошено пять бомбъ въ кабинетъ пристава, канцелярію участка и около караульнаго помѣщенія. Канцелярія разрушена. Находившіяся во время метанія бомбъ на балконѣ приставъ засыпанъ осколками, жена пристава ранена; обстановка разрушена; потолокъ въ одной изъ комнатъ обвалился. Бомбой ранено три солдата; двое умерли. Револьверными выстрѣлами ранены двое. Находившіеся въ участкѣ солдаты начали стрѣлять по направленію убѣгавшихъ убійцъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ ранили.

Варшавскія убійства закончились покушеніемъ на жизнь генераль-губернатора Скалона 5 августа. Генераль Скалонъ былъ съ визитомъ у германскаго вице-консула барона Лерхенфельда, которому нанесено было оскорбленіе явившимся на квартиру къ нему „неизвѣстнымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ офицерскую форму“. Когда генераль Скалонъ возвращался, въ него было брошено 6 бомбъ съ балкона дома № 12 по Натолинской улицѣ изъ квартиры, только что снятой тремя жандармами. Двѣ бомбы разорвались около тротуара и вырыли воронки въ 2 аршина въ діаметрѣ. Генераль Скалонъ остался невредимъ, но ранены были три казака-кубанца, околочный надзиратель и дѣвочка.

Изъ неразорвавшихся бомбъ 2 были въ видѣ коробокъ съ конфетами, завернутыхъ въ бумагу, и 2 въ формѣ кирпичей. Убійцы скрылись. Квартира въ № 12 оказалась пустой. На окнахъ ея были спущены занавѣси. Генераль Скалонъ при взрывѣ легко былъ контуженъ въ область праваго уха. Его Величество послалъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Благодарю Господа Бога, чудесно спасаго вашу жизнь на пользу Миѣ и Россіи. Не падайте духомъ и будьте тверды въ борьбѣ съ безумною крамолой.

НИКОЛАЙ“.

9 августа въ Варшавѣ около дома № 14 по Маршалковской улицѣ десятью выстрѣлами изъ браунинговъ былъ раненъ въ лицо штабъ-офицеръ для порученій при канцеляріи помощника генераль-губернатора по полицейской части полковникъ графъ Стенбокъ-Ферморъ. Злодѣи бросились затѣмъ во дворъ дома. Патруль кинулся туда и стрѣлялъ. При этомъ былъ случайно убитъ находившіяся во дворѣ техникъ Моравскій, а злодѣи проходнымъ дворомъ скрылись.

Въ Сѣдлецѣ былъ убитъ полиціймейстеръ Гольцевъ.

Былъ торговый день. Много пріѣзжаго народа находилось на

Пенкной улицѣ, населенной евреями. Санитарная комиссія шла осматривать фабрику газированныхъ напитковъ. Изъ воротъ между двумя домами была брошена бомба. Полиціймейстеру оторвало обѣ ноги. Ранены: фельдшеръ, стражникъ и частныя лица. Доставленный домой полиціймейстеръ скончался. Одновременно со взрывомъ началась револьверная стрѣльба изъ 4 еврейскихъ домовъ. Прибывшія войска отвѣчали. Задержано 182 человекъ; изъ нихъ арестовано 33 еврея. Въ еврейской больницѣ зарегистрировано: евреевъ убитыхъ 3, умершихъ отъ ранъ 3, раненыхъ 2, тяжело раненый бомбой мальчикъ, раненая пулей еврейка. Въ христіанской больницѣ 3 раненыхъ еврея; одинъ изъ нихъ умеръ.

Изъ числа раненыхъ женщинъ 3 христіанки. Въ городѣ убитъ случайной пулей лакей-христіанинъ. Многіе раненые скрылись, нѣкоторые уѣхали. Масса евреевъ покинули городъ. Всюду охрана. Въ 10 час. вечера въ патруль бросали камнями изъ дома невдалекѣ отъ мѣста взрыва. Патруль стрѣлялъ.

Кто убиваетъ, при равнодушіемъ злорадствѣ польскаго мирнаго населенія и трусливомъ молчаніи русскаго, въ Варшавѣ солдатъ и полицейскихъ—„москалей“? Сообщалось въ печати, что это „боевики польской социалистической партіи“ (P. P. S.). Солдаты страшно озлоблены, что и понятно и при малѣйшемъ подозрѣніи стрѣляютъ. Такъ, за одно 6 августа въ Варшавѣ было 22 случая пораненій ружейными выстрѣлами. Въ корреспонденціяхъ сообщалось и о „тактикѣ“ г. г. боевиковъ, однообразно примѣнявшейся при массовыхъ убійствахъ городскихъ и солдатъ:

- 1) дѣйствіе тройками или пятерками (см. „Бѣсы“ Достоевскаго),
- 2) приближеніе къ намѣченной жертвѣ въ разстегнутомъ пиджакѣ, помахивая возможно непринужденно тросточкой въ лѣвой рукѣ,
- 3) подойдя къ намѣченному вилотную, обыкновенно сзади, моментальное вытаскиваніе изъ бокового кармана пиджака браунинга и выпусканіе нѣсколькихъ пуль,
- 4) немедленное вкладываніе браунинга въ боковой карманъ и удираніе зигзагами во всѣ лопатки до слѣдующаго угла, а тамъ закуриваніе папироски и возможно-непринужденное продолженіе пути.

Варшавскія убійства за обозрѣваемый нами періодъ съ 15 іюля по 15 августа завершило 14 августа убійство временнаго генералъ-губернатора Варшавы Вонлярлярскаго. Онъ проѣзжалъ на пароконномъ извозчикѣ домой изъ комендантскаго управленія. На поворотѣ съ площади Александра на Вейскую улицу, гдѣ производятся мостильныя работы и потому экипажъ ѣхалъ шагомъ, неизвѣстный молодой человекъ сдѣлалъ четыре выстрѣла, пробившихъ верхъ экипажа, поднятый по случаю дождя. Извозчикъ погналъ лошадей въ Уздовскій госпиталь, находящейся вблизи. Генералъ-

Вонлярлярскій, перенесенный туда, умеръ. Пули попали ему въ сердце и спину.

V.

Ужасный итогъ! Прибавьте сюда аграрные погромы. Забудьте, что указано лишь главное и въ существеннѣйшихъ чертахъ. Мы могли-бы наполнить еще многія страницы, если-бы хотѣли дать полный отчетъ о царящемъ въ странѣ кровавомъ безумномъ террорѣ. Гдѣ-же „государственная мощь“?! Гдѣ „быстрое, твердое и неуклонное возстановленіе порядка“?!

Покушеніе на жизнь предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина 12 августа и убійство командира л.-гв. Семеновскаго полка Мина 13 августа завершаютъ ужасную лѣтопись.

Мы столько пережили ужасовъ съ дня убійства министра Плеве, что трудно подѣйствовать на наши притупившіеся нервы. Но бойня 12 августа превзошла все, до сихъ поръ бывшее. По звѣрству, ужасающей обстановкѣ, множеству жертвъ и бессмысленности, это преступленіе займетъ видное мѣсто даже и на страницахъ исторіи, какъ разительное доказательство прогрессированія преступности вырождающагося человѣчества.

12 августа въ 3 часа 15 минутъ дня, во время приѣма у предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, къ дачѣ его на Аптекарскомъ островѣ у Ботаническаго сада подѣхало наемное ландо, изъ котораго вышло три (или два) лица — одно въ штатскомъ, а двое въ формѣ жандармскихъ офицеровъ.

Запись посѣтителей была прекращена и прислуга не хотѣла ихъ пустить. Неизвѣстные проявили намѣреніе силой проникнуть въ слѣдующую за прихожей приѣмную комнату, гдѣ ждали своей очереди многочисленные посѣтители (до 60) и весь штатъ должностныхъ лицъ министра. Тутъ однимъ изъ злодѣевъ и былъ брошенъ разрывной снарядъ.

Раздался сильный глухой взрывъ, напоминавшій пушечный выстрѣлъ. Почти одновременно послышался трескъ разрушающагося зданія, звонъ разбитыхъ стеколъ и раздрающіе крики раненыхъ. Надъ дачей взвился столбъ желтоватаго дыма и пыли, а торцовая мостовая передъ дачей мгновенно была вся сплошь покрыта обломками стѣнъ дачи и мебели; здѣсь же въ ужасныхъ мукахъ корчились нѣсколько раненыхъ и умирающихъ и бились запугавшіяся въ постромкахъ и упавшія лошади привезшаго злоумышленниковъ ландо.

Напоромъ газовъ отъ взорвавшагося снаряда часть фасада была

разрушена совершенно и обломки стѣнъ и мебели были выброшены далеко на улицу. Находившаяся во второмъ этажѣ гостиная провалилась; обвалились также потолки у нѣкоторыхъ комнатъ. Полъ въ прихожей провалился; окна были всѣ выбиты, штукатурка на стѣнахъ была сорвана. На деревьяхъ передъ дачей висѣли клочки оконныхъ гардинъ и окровавленного мяса, куски котораго были найдены также и на парходной пристани. Передъ крыльцомъ, среди кучи обломковъ, находилось исковерканное ландо, бились упавшія лошади и виднѣлись раненые и убитые. Изъ окутанной дымомъ и пылью дачи неслись крики раненыхъ. Все кругомъ было забрызгано кровью; вездѣ были разбросаны части человѣческаго тѣла.

Всѣ находившіеся въ прихожей и у наружной стѣны пріемной комнаты лица были убиты. Министръ П. А. Столыпинъ остался невредимъ. Но была тяжело ранена дочь его, Наталья Петровна Столыпина, 15 лѣтъ, и двухлѣтній сынъ его Аркадій. Дѣти съ няней сидѣли на балконѣ, провалившемся при взрывѣ, у бѣдной дѣвочки раздроблены обѣ ноги, съ переломомъ голени правой и съ открытіемъ суставовъ. У мальчика—пораненія головы и переломъ правой ноги.

У няни разбита голова. Общее число пострадавшихъ доходить до 60, а можетъ быть и до 100. Къ семи часамъ дня въ ближайшей къ дачѣ Петропавловской больницѣ находилось 25 раненыхъ. Въ шестомъ часу вечера раскопками, производившимися нижними чинами Гренадерскаго и Московскаго полковъ и пожарными командами пяти городскихъ частей, обнаружены двадцать пять труновъ и 24 съ разными болѣе или менѣе тяжкими поврежденіями. Трупы большею частью съ оборванными частями тѣла, многіе имѣютъ видъ безформенныхъ массъ, безъ головъ, рукъ и ногъ. Взрывъ бомбы былъ такъ силенъ, что напротивъ, черезъ Неву, разбиты окна на патронной фабрикѣ Барановскаго. Дача, гдѣ жилъ П. А. Столыпинъ,—старая, деревянная въ два этажа. Стеклянные балконы выходили въ садъ, окруженный оградой.

Министра предупреждали о готовящемся покушеніи. За два дня рокового событія въ Петербургъ прибыли двое, назвавшіеся супругами Морозовыми, съ горничной, изъ Москвы и остановились въ меблированныхъ комнатахъ д. № 49 по Морской ул. Они заняли двѣ комнаты, за которыя уплатили 250 руб. впередъ. Вслѣдъ затѣмъ къ нимъ прибылъ еще одинъ мужчина, прописавшійся подъ именемъ Миронова, и горничная. Въ день пріѣзда въ томъ же экипажѣ, они ѣздили въ „Олимпию“. Экипажъ взятъ былъ на извозничьемъ дворѣ въ Максимиліановскомъ пер., ландо съ красными колесами.

Все время оба прїѣзжихъ злоумышленника ходили въ штатскомъ. 12 августа они, напойвъ швейцара до-пьяна, вышли переодѣтыми въ жандармскихъ офицерскихъ мундирахъ, а по пути къ нимъ присоединился третій въ штатскомъ.

Послѣ ихъ отъѣзда, горничная ихъ сказала прислугѣ меблированныхъ комнатъ, что должна отлучиться, прибавивъ, что барыня вызоветъ и дастъ деньги на обѣдъ. Послѣ долгаго ожиданія прислуга вошла сама въ занятыя прїѣзжими комнаты, но никого уже тамъ не нашла. Вся компанія такимъ образомъ исчезла. Въ комнатѣ найденъ лишь пиджакъ, въ карманѣ котораго оказались записки съ прощальнымъ привѣтомъ къ товарищамъ. Тутъ же оказался фунтъ тянушекъ и 4 букета цвѣтовъ.

Среди убитыхъ есть несомнѣнно трупъ одного изъ злоумышленниковъ. Подъ мундиромъ жандармскаго офицера на немъ одѣтымъ оказался статскій жилетъ и грязное бѣлье. Лицо его совершенно простонародное.

Опознаны трупы: генерала для особыхъ при министрѣ порученій ген.-м. А. Н. Замятина, члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ д. с. с. С. А. Хвостова, управляющаго канцеляріей московскаго генералъ-губернатора церемоніймейстера А. А. Воронина, непремѣннаго члена ярославскаго губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія к. ас. Н. Ю. Слефогтъ, подполковника В. Ф. Шульца, ст. сов. Вербицкаго, гвардіи штабъ-ротмистра отдѣльнаго корпуса жандармовъ Н. Д. Федорова, швейцара дома министра Л. К. Клементьева, курьеровъ министерства внутреннихъ дѣлъ П. Г. Синягина и Н. И. Евдокимова, официантовъ Ф. Стомедуса и Солдатенкова, околоточнаго надзирателя Горбатенко, владѣльца типографіи Буссель и Терлецкаго; княгини Евдокіи Артемьевны Кантакузенъ, дворянки Ольги Истоминой и ея восьмилѣтняго сына. Пять труповъ остаются неопознанными, въ томъ числѣ одинъ женскій. Въ покойницкой при Петропавловской больницѣ 17 августа, къ 2 час. дня, оставалось изъ 29 труповъ девять,—въ числѣ ихъ тѣла гражданскаго инженера І. І. Терлецкаго, княгини Кантакузенъ и Истоминныхъ, матери съ сыномъ.

Его Императорское Величество, 12 августа, удостоилъ предсѣдателя совѣта министровъ нижеслѣдующей телеграммой:

„Не нахожу словъ, чтобы выразить Свое негодованіе. Слава Богу, что вы остались невредимы. Отъ души надѣюсь, что ваши сынъ и дочь поправятся скоро, также и остальные раненые.

„НИКОЛАЙ“.

Среди многочисленныхъ телеграммъ предсѣдателемъ совѣта министровъ получена также телеграмма отъ гр. С. Ю. Витте изъ Гомбурга:

„Je vous prie de recevoir et de remettre à madame Stolypine mes sentiments les plus indignés de l'horrible attentat contre vous et votre famille. Je suis certain que tous les honnêtes gens remercient et prient le bon Dieu de vous avoir sauvé et pour la convalescence de votre fils. Que Dieu vous soutienne.

Comte Witte“.

Медицинскій осмотръ трупа одного изъ преступниковъ, взорвавшихъ министерскую дачу, именно въ формѣ жандармскаго офицера, обнаружилъ, что преступникъ былъ еврей.

Въ „Москов. Вѣдом.“, „Русскомъ Знамени“, „Новомъ Времени“ воспроизведенъ слѣдующій необычайный обмѣнъ телеграммами.

„Вильгельмсгее.

Его величеству императору Вильгельму II.

Всѣ фракціи Русской монархической партіи въ древнемъ градѣ Св. Владиміра—Кіевѣ, прочитавъ телеграфное извѣстіе о новыхъ знакахъ монаршаго вниманія и милости, оказанныхъ вашимъ величествомъ графу Витте, считаютъ долгомъ по сему поводу выразить вамъ, государь, чувства глубокой скорби.

Русскому сердцу больно видѣть, что столь блестящій представитель и глава симпатичнаго и дружественнаго Россіи германскаго народа такъ мало считается съ чувствомъ народа русскаго и *отмъчаетъ своимъ высокимъ вниманіемъ и милостями* того, кого вся Русская страна единодушно признала виновникомъ бѣдствій, обрушившихся надъ злосчастною Родиной нашей и главнымъ виновникомъ террористическаго движенія, питаемаго фанатизмомъ и злобой пользующагося особымъ покровительствомъ графа Витте еврейскаго народа“.]

Подписали предсѣдатели кіевскаго отдѣла Русскаго собранія, кіевской Русской монархической партіи, Русскаго братства, партіи Правового порядка, союза Русскаго народа и Патріотическаго содружества рабочихъ.

На эту телеграмму предсѣдатель Кіевскаго отдѣла Монархической партіи г. Юзефовичъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Дѣйствительному статскому совѣтнику Борису Юзефовичу, предсѣдателю Монархической партіи.

Кіевъ.

Вслѣдствіе телеграммы вашей на имя его величества императора, г. Чирскій, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что телеграмма ваша основана на ошибочномъ предположеніи, ибо его величество *никому и ни въ какой формѣ не обнаруживалъ* по отношенію къ графу Витте, *такъ намъ треній, которыя приписаны* его величеству въ вашей телеграммѣ, вѣроятно, на основаніи слуховъ, распространяемыхъ тенденціоз-

ными газетами. Прошу васъ поставить объ этомъ въ извѣстность лицъ, подписавшихъ телеграмму.

Фонъ-Микель, германскій повѣренный въ дѣлахъ“.

13 августа въ Новомъ Петергофѣ убитъ усмиритель московскаго вооруженнаго возстанія командиръ л.-гв. семеновскаго полка ген.-м. Г. А. Минъ.

Генераль съ женою и дочерью около 8 ч. вечера пріѣхалъ на вокзалъ, чтобы встрѣтить знакомыхъ. Пройдя въ конецъ открытой платформы, онъ сѣлъ на дальней скамейкѣ. Тутъ-же прогуливалась небольшого роста брюнетка, безъ шляпы, въ длинномъ макинтошѣ. Пройдя по краю платформы за скамейкой, на разстояніи шага, она выхватила револьверъ-бульдогъ и почти въ упоръ стала разстрѣливать генерала Мина. Изъ пяти пуль—четыре попали въ спину генерала. Онъ опустился на полъ; его отнесли въ желѣзнодорожный пріемный покой, гдѣ онъ, не приходя въ сознание, скончался. У генерала оказались прострѣленными печень, легкія, желудокъ и позвоночный столбъ, всѣ раны безусловно смертельны. Убийцу схватили за руку и отняли у нея револьверъ. Оказалось, что она съ 30 іюля проживала на дачѣ рядомъ съ дачей генерала Мина у сѣдого старичка, еще мѣсяцемъ раньше тутъ поселившася. Оба выслѣживали генерала.

Незадолго до 13 августа генераль Минъ отказался отъ охраны и отпустилъ агентовъ; онъ находилъ охрану совершенно излишней, тѣмъ болѣе, что собирался переѣзжать на свою петербургскую квартиру, гдѣ считалъ себя въ безопасности. Передъ смертью имъ было получено нѣсколько предупредительныхъ писемъ о готовящемся на него покушеніи, но генераль не придавалъ имъ значенія.

Въ телеграмахъ отъ 10 августа сообщалось, что во Владикавказѣ убитъ командиръ апшеронскаго полка Рахманинъ и убійцы скрылись, а на ст. Мопухской ю.-в. ж. д. убитъ командиръ сотни 36 донскаго полка.

VI.

Старый государственнй аппаратъ еще цѣлъ и работаетъ по инерціи. Есть законы, есть чиновники и администрація. Установившійся государственнй обрядъ совершается. Производятся слѣдствія, дознанія, судятъ, заточаютъ, казнятъ. Все по закону. Но нѣтъ центральной власти, нѣтъ единства дѣйствія и направляющей все твердой руки. Рядомъ съ старой государственной организаціей въ странѣ

дѣйствуетъ организація революціонная. Это боевыя дружины анархистовъ; крестьянскій союзъ социалистовъ-революціонеровъ, рабочія организаціи социаль-демократовъ; бунды; національныя инородческія организаціи и во главѣ „союзъ союзовъ“, „кадеты“, „выборгскіе“ члены Государственной Думы и примыкающіе къ конституціоналистамъ-демократамъ наши либералы-конституціоналисты. Это—государство въ государствѣ съ правительствомъ въ правительствѣ. Есть-ли здѣсь централизація, и мощная направляющая рука? Едва-ли. И тутъ идетъ стихійный, погромный процессъ. Революція уже приобрѣла свою инерцію, свою рутину, свою табель о рангахъ и даже прямо „революціонныхъ чиновъ“. Одна изъ организацій революціи—это банды „безработныхъ“ обѣихъ столицъ, содержащевъ городского самоуправления, передъ которыми отцы города совершенно безсильны, потакають имъ во всемъ. Въ Петербургѣ благодаря „работамъ безработныхъ“ уже провалился Ново-Михайловскій мостъ. Въ Москвѣ банда „безработныхъ“ болѣе разнуздана. Безработные держатъ себя съ инженерами фамиллярно, хлопають ихъ по плечу, отпускають по ихъ адресу трехъэтажныя ругательства, всегда держатъ на готовѣ тачку, чтобы вывозить „буржуевъ“. Они, говорятъ, оскорбляютъ всякаго, носящаго крахмальное бѣлье, ѣдзящаго на велосипедахъ. Руководить ими знаменитый г. Рамишвили.

Революція идетъ своимъ порядкомъ, а отправленіе государственнаго стараго обряда своимъ. Такъ, въ Москвѣ ведется общее слѣдствіе о вооруженныхъ ограбленіяхъ, въ столицѣ бывшихъ, и всѣ отдѣльныя случаи будутъ объединены въ одномъ огромномъ процессѣ, который и думаютъ разсматривать въ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей. Объявленіе предъявятъ къ цѣлому „преступному сообществу“, составившему „оппозиціонную фракцію социаль-революціонной партіи“ и включившему въ свою программу „насильственную экспроприацію на нужды революціи“. Къ этому-же дѣлу будутъ приобщены всѣ дѣла объ открытыхъ въ Москвѣ лабораторіяхъ и фабрикахъ бомбъ.

Такъ, три лабораторіи взрывчатыхъ веществъ, обнаруженныя въ Москвѣ на Татарской улицѣ и въ Банномъ переулкѣ, оказались „летучими лабораторіями летучей боевой организаціи“. Въ одной изъ лабораторій кромѣ готовыхъ бомбъ и пороха было найдено 2 пуда динамита и 3 фун. грумучей ртути. Такого количества грумучей ртути хватило-бы на сотню бомбъ. Арестованный въ Александровской улицѣ въ домѣ Ратциха революціонный комитетъ, въ числѣ 25 человекъ, оказался „крестьянскою организаціей оппозиціонной фракціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“. Объяснялось въ печати, что эта оппозиціонная фракція представляетъ въ

соціалъ-революціонной партіи группу „максималистовъ“, которые стоятъ за немедленное вооруженное возстаніе, за учредительное собраніе и за насильственную экспроприацію частной собственности. Во главѣ комитета „максималистовъ“ была Елизавета Ивановна Эфронъ, племянница члена государственнаго совѣта.

Слѣдствіе идетъ, многоотный матеріалъ подшивается, но что, если его постигнетъ та-же участь, что и колоссальное дѣло о мятежѣ, украденное у военно-морскаго суда въ Севастополь? Можетъ быть, и матеріалы по дѣлу о вооруженныхъ грабежахъ и фабрикахъ бомбъ въ Москвѣ въ одно прекрасное утро исчезнутъ.

Въ Москвѣ захвачены довольно крупныя революціонныя дѣятели, но главари не открыты, *такъ какъ они находятся внѣ предѣловъ Россіи*. Причина уважительная. За то былъ арестованъ... автомобиль, принадлежащій оппозиціонной фракціи соціалъ-революціонеровъ. Этотъ автомобиль, какъ сообщаютъ газеты, давно уже разгуливалъ по Москвѣ, безъ нумера, и на немъ дѣятели партіи производили развѣдочныя работы. Автомобиль былъ арестованъ на улицѣ. Ну, а развѣдчики? Объ этомъ не пишутъ. За то сообщаютъ съ внушительной краткостью, что московскій комитетъ соціалъ-революціонной партіи („минималистовъ“?) получилъ увѣдомленіе, что шедшій изъ-за границы въ Москву большой транспортъ оружія, состоящій изъ ружей, револьверовъ и 75 пулеметовъ системы Ротта, арестованъ на границѣ. Транспорты оружія идутъ и въ Финляндію, о чемъ даже извѣщали финскія газеты.

Какъ извѣстно, часть членовъ разогнанной Государственной Думы, собравшись въ Выборгѣ, составила воззваніе къ русскому народу. О содержаніи его можно судить по контръ-воззванію московскаго губернатора, которымъ онъ обратился къ населенію московской губерніи 17-го іюля:

„Бывшіе члены Г. Думы, распущенной по повелѣнію Государя Императора, составили *преступное воззваніе къ народу, въ которомъ приглашаютъ стоять за нихъ, не давать рекрутовъ, не платить податей и не платить по тѣмъ займамъ, которые заключило правительство безъ согласія Думы*. Воззваніе это бывшіе члены Думы стараются распространить среди населенія. Считаю священнымъ долгомъ своимъ предостеречь населеніе Московской губерніи не поддаваться внушеніямъ, которыя дѣлаютъ бывшіе члены Думы въ своемъ воззваніи, такъ какъ это воззваніе имѣетъ *явно мятежный характеръ*“.

Воззваніе бывшихъ членовъ Думы распространяется въ народѣ цѣлыми тучами и во многихъ городахъ было отпечатано „принудительно“, революціоннымъ путемъ захвата тинографій.

Официально въ газетахъ отъ прокурора С.-Петербургской судебной палаты было сдѣлано такое сообщеніе:

„Въ виду появляющихся въ повременной печати неправильныхъ свѣдѣній о распоряженіяхъ прокурорскаго надзора по вопросу объ уголовномъ преслѣдованіи лицъ, подписавшихъ составленное въ гор. Выборгѣ обращеніе къ населенію, озаглавленное „Народу—отъ народныхъ представителей“, считаю необходимымъ сообщить, что, получивъ экземпляръ этого обращенія и свѣдѣнія о его распространеніи въ городѣ Петербургѣ, я 15 іюля предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ Бѣлевцову приступить къ производству предварительнаго слѣдствія по обвиненію всѣхъ подписавшихъ указанное обращеніе въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 51 и 3 п. I части 129 ст. угол. улож.“

Дѣло къ половинѣ августа еще въ періодѣ „предварительнаго слѣдствія“.

Всѣ эти дѣйствія суда происходятъ по той простой причинѣ, что онъ еще есть и пишетъ бумаги. Но приводятъ-ли къ какому-либо результату эти дѣйствія? Объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Слѣдствіе, безконечное слѣдствіе по революціи идетъ своимъ порядкомъ, а революція совершается своимъ чередомъ, и одно другому не мѣшаетъ.

VII.

При полномъ бездѣйствіи центральной власти, механически, по рутинѣ отправляется еще старый государственный обрядъ. Рядомъ движется революція, создавшая правительство въ правительствѣ и государство въ государствѣ. Революціонныя организаціи дѣйствуютъ, но и тутъ общій ходъ стихіенъ. Наконецъ, въ виду предстоящихъ новыхъ выборовъ въ Думу стали выпускать свои программы и наши политическіи партіи.

На происходившихъ въ Петербургѣ и Москвѣ совѣщаніяхъ бывшихъ членовъ Г. Думы и членовъ центрального и губернскихъ комитетовъ партіи народной свободы между прочимъ обсуждался вопросъ о ближайшихъ задачахъ партіи въ настоящей политической моментъ. Совѣщаніе остановилось на трехъ пунктахъ, которые должны служить предметомъ партійной агитаціи среди широкихъ слоевъ населенія, а именно: 1) требованіе немедленнаго созыва народнаго представительства; 2) требованіе немедленной замѣны нынѣшняго министерства отвѣтственнымъ министерствомъ, составленнымъ изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ большинства Г. Думы и могущихъ принять на себя *осуществленіе программы.*

изложенной въ отвѣтномъ адресѣ бывшей Г. Думы на тронную рѣчь, и 3) требованіе немедленнаго приступа къ аграрной реформѣ, въ основаніе которой долженъ быть положенъ принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель.

Московский центральный комитетъ союза 17 октября выпустилъ 11 августа слѣдующее воззваніе.

„Государственная Дума распущена. Предстоятъ новые выборы. Эти выборы должны протекать при условіяхъ, еще болѣе тяжелыхъ, чѣмъ прежде. Россія заливаема кровью; она стонетъ отъ великихъ беззаконій и небывалыхъ преступленій. Жизнь человѣческая не цѣнится ни во что; ежедневныя убійства совершаются десятками и даже сотнями; пожары, погромы и грабежи все шире разливаются по всей странѣ; авторитетъ власти и закона въ корнѣ поколебленъ; ложь, клевета, обманъ затуманили нравственное чувство; вражда и взаимное ожесточеніе достигли такимъ размѣровъ, что получаютъ видъ повальнаго безумія. Рядомъ съ неизбежной борьбой противъ устарѣвшаго государственнаго строя происходитъ борьба противъ всякаго государственнаго строя; борьба за политическую и гражданскую свободу нерѣдко принимаетъ такое направленіе, которое должно привести лишь къ гибели всякой свободы; борьба за экономическіе и культурные интересы народныхъ массъ при тѣхъ формахъ, которыя ей стараются навязать, грозитъ смыть остатки всякаго благосостоянія и культуры и довести народное хозяйство до полнаго разоренія; кровавые способы борьбы надолго отравятъ народную совѣсть, заложатъ въ общественномъ сознаніи сѣмена будущей вражды, будущихъ раздоровъ и насилій. Когда-то славное, могучее и грозное государство наше унижено вышними неудачами, въ конецъ обезсилено внутренней смутой, уже принимающей характеръ междоусобной войны, беззащитно передъ покушеніями извнѣ и можетъ сдѣлаться легкой добычей сосѣдей. Какъ черныя тучи, скопились всякія бѣды надъ нашей многострадальной родиной и не видно имъ конца. Въ такое печальное и грозное время каждый русскій гражданинъ обязанъ принять посильное участіе въ умиротвореніи и устроеніи потрясеннаго государства. Только мы сами можемъ спасти наше отечество отъ гибели; безъ помощи самого народа ни одному правительству не подъ силу такая задача. Вся надежда на спасеніе Россіи въ правильномъ и мощномъ народномъ представительствѣ, состоящемъ изъ людей, дѣйствительно выражающихъ нужды страны и желанія народа, ясно сознающихъ весь ужасъ положенія и готовыхъ самоотверженно отдать свои силы на спасеніе родины. Поэтому союзъ 17 октября считаетъ своимъ долгомъ напомнить избирателямъ, въ чемъ онъ видитъ выходъ изъ существующаго положенія и какъ

онѣ понимаетъ задачи будущей Г. Думы. *Безповоротный разрывъ съ прошлымъ, обновленіе нашей государственной жизни во всѣхъ областяхъ*, — таковы великія задачи нашего времени. Но союзъ рѣшительно стоитъ на убѣжденіи, что не путь крови и огня приблизитъ Россію къ лучшему будущему, а путь мирной борьбы законными и мирными средствами за торжество правды, свободы и разумнаго порядка. Эта борьба должна быть только мирной, въ ней не должно быть мсты ни для какихъ насилій и ни для какихъ возбужденій къ насилію. Права народа на участіе въ законодательствѣ и управленіи страной даютъ несомнѣнно возможность для такой мирной и закономѣрной борьбы. Нашъ союзъ осуждалъ и осуждаетъ всякое насиліе и беззаконіе, откуда бы они ни исходили: сверху или снизу, отъ правительства или отъ тѣхъ, кто съ нимъ борется. И во всемъ другомъ союзъ остается вѣрнымъ своему прежнему знамени. Царь, правящій страной въ единеніи со своимъ народомъ; народное представительство, избранное на основахъ *всеобщаго голосованія*; свобода, охраняемая законами; равенство всѣхъ передъ закономъ; *равноправіе всѣхъ народностей Россіи*, широкое развитіе духовныхъ, умственныхъ и экономическихъ силъ страны; усовершенствованіе рабочаго законодательства и подъемъ благосостоянія трудящихся классовъ; всемѣрное улучшеніе условій крестьянскаго землевладѣнія съ расширеніемъ его площади и съ примѣненіемъ въ случаяхъ необходимости *принудительнаго отчужденія частной земельной собственности по справедливой оцѣнкѣ*; коренное преобразованіе арміи и флота соотвѣтственно современнымъ требованіямъ военнаго дѣла и международному положенію Россіи. Вотъ тѣ начала, которыя будутъ проводиться въ жизнь нашими единомышленниками въ будущей Г. Думѣ. Старый государственный порядокъ пережить; онъ не вернется. Но отъ русскаго народа потребуются напряженіе всѣхъ его силъ, потребуется вся его вѣками нажитая политическая мудрость и вся его нравственная выдержка, чтобы разразившіяся надъ нами страшныя испытанія привели Россію не къ распаденію и гибели, а къ обновленію и свѣтлому возрожденію въ новой свободной и разумной жизни“.

„Кадеты“, опираясь на революцію, „требуютъ“.

„Октябристы“, въ сущности принимая революціонную программу, какъ-то полагаютъ возможнымъ ее провести мирнымъ путемъ. Ихъ точка зрѣнія выражена русскимъ органомъ союза 17 октября въ Прибалтійскомъ краѣ, „Рижскимъ Вѣстникомъ“:

„Полная гармонія въ обществѣ и государствѣ можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если сторонники и устроители порядка будутъ *воздерживаться отъ реакціонныхъ стремленій*, а защитники и проводники прогресса будутъ *избѣгать анархическихъ понозновеній*“.

Но „защитники и проводники прогресса“ явно не желаютъ избѣгать „анархическихъ поползновеній“. Въ такомъ случаѣ могутъ-ли „сторонники и устроители порядка“ воздерживаться отъ „реакціонныхъ стремленій“? Не будетъ-ли это отказомъ отъ законной самозащиты?

И кто долженъ первый начать?

Отъ 27 іюля партіей „Мирнаго Обновленія“ обнаружено за подписью гр. П. А. Гейдена, Н. Н. Львова и М. А. Стаховича воззваніе такого содержания:

„Среди членовъ Государственной Думы, не примкнувшихъ къ тому направленію, котораго держалась партія народной свободы, возникло сознаніе необходимости объединиться на общей программѣ, чтобы имѣть возможность проводить сообща въ Думѣ свои взгляды“.

„Основнымъ началомъ было стремленіе создать въ Россіи *конституціонное монархическое государство*. Высшей идеѣ государства должны быть подчинены отдѣльные, частные и классовые интересы. Сильная монархическая власть, народное представительство, свобода, основанная на правѣ, и равенство всѣхъ передъ закономъ—таковы условія для возрожденія Россіи. *Всѣ народности, населяющія Россію, должны пользоваться одинаковыми политическими и гражданскими правами, и эта идея равноправія должна явиться связующимъ звеномъ окраинъ съ центромъ*. Вступивъ на путь преобразования Россіи, Верховная Власть должна создать сильное закономѣрное правительство, чуждое произвола и усмотрѣнія, неуклонно проводящее въ жизнь свободы, провозглашенныя 17-го октября 1905 года“.

„Власть должна окончательно и безповоротно *порвать со старымъ порядкомъ, губительнымъ для страны*“.

„Важнѣйшими условіями являются закономѣрный созывъ Государственной Думы, усовершенствованіе законовъ, опредѣляющихъ ея полномочія, *отвѣтственность министерства, какъ залогъ единства законодательной и исполнительной власти*. По важнѣйшему въ данное время земельному вопросу группа признавала необходимымъ не останавливаться передъ допустимостью *обязательнаго отчужденія* потребнаго количества частновладѣльческихъ земель для созданія прочнаго крестьянскаго землевладѣнія. Въ основу этой реформы полагалась личная или общинная собственность“.

„Проводя мысль о невозможности вернуться къ старымъ порядкамъ, думская группа приняла названіе „мирнаго обновленія“, желая указать на то, что она враждебна насилію и произволу, откуда и отъ кого-бы они ни исходили. Обновленіе нашей родины возможно лишь путемъ преобразованій, а не дѣйствіями насилія, убійствами и грабежомъ. Не взаимной злобой и насиліемъ возро-

дится Россія, а уваженіемъ къ праву, огражденіемъ каждого самаго слабого отъ посягательства сильнаго. Только черезъ законъ и въ законѣ могутъ получить справедливое удовлетвореніе многообразныя нужды народа. Укрѣпить уваженіе къ закону, какъ источнику высшей справедливости, является первѣйшей задачей среди господства насилій и самоуправства“.

„Таковы въ общихъ чертахъ основанія, на которыхъ члены Государственной Думы объединились въ группу „мирнаго обновленія“.

„Прилагаемая программа можетъ послужить почвой для объединенія всѣхъ лицъ, сочувствующихъ указанному направленію. Дальнѣйшая разработка и необходимыя измѣненія будутъ задачей перваго съѣзда партіи“.

Эта программа триликой „партіи“ Мирнаго Обновленія только болѣе блѣдна, чѣмъ программа Союза 17 октября, но ничѣмъ существеннымъ отъ нея не разнится.

Наконецъ, въ офиціозной „Россіи“, въ передовой отъ 15 августа изложена программа, принятая печатью, какъ выраженіе намѣреній правительства. „Россія“ писала:

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что террористическія покушенія дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на общество, но было бы большою ошибкою думать, что терроръ анархистовъ долженъ повлечь за собою *terrоръ правительственный*. Въ твердой и разумно составленной правительственной программѣ не можетъ быть перемѣнъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ покушеній и убійствъ. Программа опредѣляется нуждами и пользами страны, а совѣмъ не желаніями тѣхъ или другихъ лицъ, поставленныхъ у власти. Носители власти, отстаивая ее, отстаиваютъ не свои личные интересы, а интересы страны и народа.

„Если бы покушеніе на убійство или самое убійство министра могло вызвать какое-либо измѣненіе въ направленіи государственной политики, тогда правительственная власть въ странѣ оказалась бы въ рукахъ политическихъ убійцъ, они сдѣлались бы господами положенія и получили бы возможность мѣнять по своему желанію направленіе государственной жизни.

„Правительство съ другой стороны не будетъ, разумѣется, ослаблять борьбу съ революціей, какими бы ужасами ни угрожали ему ея дѣятели. Оно будетъ по прежнему отличать *закономѣрную оппозицію* отъ тѣхъ враговъ государственнаго строя, которые проповѣдуютъ его уничтоженіе словомъ, дѣйствіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ. Оно предоставитъ *закономѣрной оппозиціи* средства мирной борьбы путемъ печати и собраній, но съ тѣмъ болѣею строгостью оно будетъ преслѣдовать нарушителей закона“

порядка, какими бы идеями нарушители эти ни оправдывали свою дѣятельность.

„Правительство понимаетъ, что страна страдаетъ отъ нарушенія законовъ и отсутствія закономѣрнаго порядка. *Закономѣрный порядокъ создается не слабостью власти и не диктатурою*, нарушающею и отмѣняющею обычное теченіе жизни, *онъ создается неуклоннымъ соблюденіемъ закона*, равно обязательнаго для носителей власти, какъ и для гражданъ. *Для подавленія преступныхъ покушеній и дѣйствій у правительства достаточно власти, но подавленіе это совсѣмъ не составляетъ его исключительную цѣль и основную задачу его дѣятельности.* Правительство считаетъ своею ближайшею обязанностью *изготовить* для будущей Думы *законопроекты* по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые требуютъ законодательнаго разрѣшенія.

„Вопросы острые, не терпящіе отлагательства, будутъ разрѣшены до созыва будущей Думы указанными въ законѣ средствами, находящимися въ рукахъ правительства. И какъ бы ни стремились дѣятели революціи остановить своими преступленіями эту творческую работу правительства, они заранѣе осуждены на неудачу, такъ какъ замѣна однихъ носителей власти другими не можетъ повлечь за собою отказъ правительства отъ выполненія тѣхъ реформъ, необходимость которыхъ давно уже сознается спокойными и просвѣщенными классами населенія“.

Трудно высидѣть что-либо болѣе жалкое и лицемѣрное, чѣмъ эти увертки министерскаго офиціоза.

Кромѣ покушенія на жизнь министра, цѣлый мѣсяць со дня роспуска Думы совершаются вопіющія преступленія, по всей странѣ грабежи, убійства сотенъ русскихъ людей, жгутъ и грабятъ помѣстья, возстаютъ команды, Свеаборгъ и Кронштадтъ собрались было „принудительно отчудить“ у Россійской Имперіи, а офиціозъ заявляетъ, что „подавленіе преступныхъ покушеній и дѣйствій“ „совсѣмъ не составляетъ основную задачу [дѣятельности]“ правительства. Ему, изволите видѣть, надо заготовлять „законопроекты“!

Далѣе, цѣлый мѣсяць продолжается по всей странѣ „кровавая баня“, а офиціозъ заявляетъ небрежно, что у правительства „достаточно власти“. Ну, такъ что-же оно не докажетъ этого на дѣлѣ? Почему не приложить эту власть и не возстановить порядокъ?

Порядокъ создается... неуклоннымъ соблюденіемъ закона. Истина самоочевидная. Но если законъ не исполняютъ? Обязанность государства всею своею мощью принудить законъ исполнять.

Офиціозъ говоритъ, что правительство и не будетъ „ослаблять борьбы“ съ революціей. Еще-бы! Какъ-же ослабить и безъ того ос-

лабѣвшее до паралича! Правительство „будетъ преслѣдовать нарушителей закона и порядка“.

Но терроръ анархистовъ... не повлечетъ за собою терроръ правительственный! Что за галиматья? Какъ-же преслѣдовать грабителей и убійцъ, крамольниковъ и измѣнниковъ, а главное, какъ прекратить грабежи и убійства, не прибѣгая къ террору? Да онъ всѣми буквами въ законѣ прописанъ.

Вѣдь будетъ-же правительство сажать въ казематы, ссылатъ и даже казнить. Какого-же еще „террора“?

Въ странѣ необходимо прекратить грабежи и убійства, водворить порядокъ всѣми средствами, какія только въ распоряженіи у государства. Анархисты, „максималисты“ и всякіе убійцы терпимы быть не могутъ. И это первая и пока единственная задача правительства. Пока порядокъ въ странѣ не будетъ восстановленъ, никакихъ законопроектовъ провести нельзя и никакихъ реформъ. Программу первой Думы осуществить нельзя. А поэтому революціонеровъ невозможно удовлетворить и остается только обуздать, утратить, раздавить.

VIII.

Возможно-ли какими либо „законопроектами“ удовлетворить анархистовъ?

Ясно, что невозможно, потому что анархисты—противники всякой формы государственнаго общенія. А между тѣмъ у насъ не мало прежде всего теоретиковъ анархизма, который и созданъ тремя русскими: Бакунинымъ, кн. Кропоткинымъ и гр. Львомъ Толстымъ. Ученіе послѣдняго признано наукой совершенно анархическимъ, отрицающимъ государство и всѣ его устои. А гр. Л. Толстой, со всею мощью гения, уже четверть вѣка проповѣдуетъ свое ученіе и увлекаетъ умы.

Затѣмъ вся текущая литература, беллетристика толстыхъ журналовъ у насъ пропитаны нравственнымъ анархизмомъ (аморализмомъ). Писанія Леонида Андреева проникнуты анархизмомъ нравственности. Наши декаденты тоже внесли и вносятъ разлагающую струю анархизма, даже съ помощью пластическихъ искусствъ. Проповѣдь „босячества“ въ яркихъ произведеніяхъ г. Горькаго тоже есть особая форма анархизма. А Горькимъ упивались самые широкіе круги публики, не только интеллигенты, но и „сознательные“ фабричные, мастеровые и проч.

Анархизмъ широко посѣянъ у насъ въ умахъ. А отъ словъ переходитъ и къ дѣлу. Боевая дружина анархистовъ дѣйствуетъ. И

эта боевая дружина—учрежденіе международное. Анархисты всѣхъ странъ объединяются. Анархиста невозможно удовлетворить никакими законопроектами, ибо онъ отрицаетъ самый законъ, самое право. А между тѣмъ adeptовъ анархизма у насъ весьма много.

Невозможно терпѣть ни проповѣдь теоріи анархизма, ни тѣмъ менѣе практику анархизма. Невозможно дозволить разрушеніе въ умахъ и сердцахъ народа основъ нравственности и права, устойевъ государственнаго общежитія. А фанатиковъ анархизма-бомбометателей надо обезвредить.

Съ этой категоріей революціонеровъ можно бороться только репрессіями. Удовлетворить анархистовъ нельзя. Ихъ можно только утратить, обуздать, раздавить.

Но возможно-ли удовлетворить социалистовъ-революціонеровъ и социаль-демократовъ, идеалы которыхъ, какъ извѣстно, одинаковы? Нѣтъ, министерство не можетъ изготвить такіе „законопроекты“, которые-бы удовлетворили эту категорію революціонеровъ.

Социалисты отрицаютъ и полицейское, и правовое государство, и абсолютную, и конституціонную монархію, и даже республику; всѣ эти формы государства основаны на принципѣ частной собственности.

А социалисты отрицаютъ частную собственность. Всѣ тѣ государственныя формы, которыя существуютъ въ данное время у человечества, социалисты отрицаютъ и требуютъ своего социальнаго государства.

Очевидно, что министерство и социаль-демократія всегда будутъ говорить на разныхъ языкахъ. Министерство именно въ вопросѣ о частной собственности не можетъ идти даже и на малѣйшія уступки. Какъ-бы ни были либеральны министерскіе законопроекты, они не могутъ удовлетворить социаль-демократовъ.

„Максималисты“ едва ли отличаются на практикѣ отъ анархистовъ. Социаль-революціонеры и социаль-демократы у насъ суть партіи кроваваго террора, грабежа и насилія. Ихъ теоріи еще шире распространены въ умахъ. Ихъ организаціи своими развѣтвленіями пронизали все государство, широко раскинулись по всей странѣ во всѣхъ слояхъ населенія, и что особенно страшно, въ многомилліонномъ крестьянствѣ. Ясно, какъ день, что никакіе министерскіе законопроекты не могутъ удовлетворить с.-р. и с.-д. Что же дѣлать? Остается всею мощью государства обуздать, утратить, раздавить эти организаціи, обезсилить и обезвредить ихъ. Ни въ какіе компромиссы входить съ ними нельзя.

Но возможно ли удовлетворить „кадетовъ“? Невозможно.

„Кадеты“ требуютъ „осуществленія программы, изложенной въ отвѣтномъ адресѣ бывшей Государственной Думы на тронную рѣчь“. Вѣдь ясно же, что осуществить эту программу нельзя. Амнистія

убійць, поджигателей, громилъ и грабителей приведетъ только къ воцаренію самосуда, „линчеванія“ и къ гражданской войнѣ. Если государство перестанетъ карать преступниковъ, оно тѣмъ самымъ узаконитъ самозащиту самого населенія. Настанетъ война всѣхъ съ убійцами и насильниками. Однопалатный парламентъ съ подчиненіемъ ему министерства, при всеобщей подачѣ голосовъ передастъ власть въ руки людей съ улицы. Осуществленіе аграрнаго проекта „кадетовъ“ разоритъ страну. Вообще, отвѣтныи адресъ былъ нарочито наполненъ явно неисполнимыми требованіями, чтобы поставить министерство въ безвыходное положеніе, и затѣмъ эксплуатировать отказъ министерства исполнить неисполнимое для того, чтобы раздуть смуту въ странѣ. Адресъ составлялся съ единственною цѣлью получить возможность сказать выборщикамъ:

„Дума требовала для народа всю землю и всю волю, а министры не даютъ народу ни земли, ни воли“.

Итакъ „кадетовъ“, послѣ роспуска Думы вступившихъ на путь явно нелегальный и преступный, обратившихся къ населенію съ анархическимъ предложеніемъ не платить податей и по займамъ и не давать рекрутовъ, обвиняемыхъ по 129 ст. угол. улож., министерство явно не можетъ удовлетворить своими „законопроектами“, ибо, удовлетвори оно „кадетовъ“, то прокурорскому надзору пришлось бы привлечь самое министерство по 129 ст. Министерство не можетъ и не имѣетъ права удовлетворить „кадетовъ“. Но оно обязано обуздать ихъ, устрашить, раздавить, если надо. Преступная дѣятельность конституціоналистовъ-демократовъ заливаеь кровью страну, какъ и злодѣянія анархистовъ и социалистовъ.

Но можетъ ли министерство своими законопроектами удовлетворить фанатическихъ сепаратистовъ, финляндскихъ, польскихъ, армянскихъ патриотовъ, федералистовъ и автономистовъ и въ особенности евреевъ-сіонистовъ?

Очевидно, не можетъ. Законопроекты, которые удовлетворили бы требованіямъ инородческихъ патриотовъ, были бы преступленіемъ министерства предъ русскимъ народомъ, покушеніемъ на единство и цѣлость имперіи, на державныя права русскаго народа, были бы прямо измѣной и крамолой.

Сепаратистовъ, федералистовъ и автономистовъ министерство своими законопроектами не можетъ удовлетворить, а именно инородцы и прежде всего евреи и финляндскіе патриоты идутъ въ челѣ революціи и безпощаднымъ терроромъ хотятъ добиться своихъ столь же безумныхъ, сколь и преступныхъ цѣлей.

Имъ министерство всего менѣе можетъ уступить, ибо они—головка того ужаснаго солитера—пожирателя, который развился въ чудовищнаго змѣя въ организмъ русскаго народа. Сколько бы вы

ни отрывали члениковъ этого паразита, пока цѣла головка, — живъ и солитеръ. Уничтожьте головку и солитеръ погибнетъ.

Сепаратистовъ удовлетворить своими „законопроектами“ министерство не можетъ. Но оно должно всею государственною мощью, какъ прекратить развращающую народности проповѣдь идей сепаратизма, соблазняющую и губящую „малыхъ сихъ“, такъ и уничтожить активную ихъ злодѣйскую работу, ихъ комплоты и союзы. Всею мощью государственной власти министерство должно обуздать, утратить, раздавить сепаратистовъ.

Вотъ четыре категоріи революціонеровъ, удовлетворить которыя „законопроектами“ министерство не можетъ, а обязано обуздать, утратить, раздавить ихъ—это анархисты, социалисты, конституціонисты-демократы, сепаратисты.

Кажется, логика вещей здѣсь ясна. Сколько ни прячь голову, какъ страусъ, въ кустъ, все же ее потеряешь... отъ бомбы. Удовлетворить эти четыре категоріи невозможно, бороться съ ними и побѣдить ихъ надо, ибо иначе будешь истребленъ ими.

IX.

Можетъ-ли министерство создать „космо-терроро-анархію“?

Не можетъ.

Значитъ, *удовлетворить* „законопроектами“ анархистовъ оно не можетъ. Но должно ли оно *обуздать, утратить, раздавить* анархистовъ?

Должно. Это обязанность власти.

Почему?

Анархисты грабятъ и убиваютъ.

Можетъ ли министерство уничтожить частную собственность, осуществить „экспропріацію экспропріирующихъ“, учредить пролетарскую республику?

Не можетъ.

Значитъ, и *удовлетворить* „законопроектами“ социалистовъ оно не можетъ. Но должно ли оно *обуздать, утратить, раздавить* социалистовъ?

Должно. Это обязанность власти.

Почему?

Социалисты грабятъ и убиваютъ.

Можетъ ли министерство осуществить программу „кадетовъ“, уничтожить Государственный Совѣтъ, наполнить парламентъ толлою, избранной по „четырехвосткѣ“, раздѣлить землю по аграр-

ному проекту „кадетовъ“, уничтожить репрессіи, провозгласить полную амнистію?

Не можетъ.

Значитъ, и *удовлетворить* „законопроектами“ кадетовъ оно не можетъ. Но должно ли оно *обуздать, устрашить, раздавить* кадетовъ? Да прокурорскій надзоръ уже привлекаетъ ихъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ. Они призываютъ къ возстанію.

Можетъ ли, наконецъ, министерство *удовлетворить* „законопроектами“ сепаратистовъ? Можетъ ли оно расчленивъ Россію на автономныя государства, создать автономную Польшу, Литву, Малороссію, Арменію и т. д.?

Не можетъ. Но обязано ли *обуздать, устрашить, раздавить* сепаратистовъ?

Обязано.

Почему?

Они *грабятъ и убиваютъ*.

Но, быть можетъ, скажутъ, что министерскіе законопроекты могутъ удовлетворить людей „мирнаго обновленія“, либераловъ-конституціоналистовъ?

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, никакъ не могутъ. И это потому, что у насъ либерализмъ представляетъ мутную микстуру старыхъ, отжившихъ, давно опровергнутыхъ жизнью и наукою запада, космополитическихъ, антинаціональныхъ теорій. Старая, истощенная и давно опровергнутая наукою и жизнью запада теорія конституціонализма и парламентаризма, составляющая нынѣ чистое ретроградство, слыветъ у насъ за либерализмъ.

Попытка министерства провести въ „законопроектахъ“ идеи нашихъ либераловъ и западниковъ будутъ ниспровергнуты самою жизнью, потому что это *мертвья, отжившія* теоріи и при помощи ихъ невозможно управлять Россіей и ее обновить!

Теорія раздѣленія верховной власти съ парламентомъ—безсмысленна. Власть раздѣляемая есть власть уничтоженная. Суверенитетъ единъ, недѣлимъ и непередаваемъ. Монархическій принципъ есть основаніе здоровой государственности. Самодержавіе есть сущность государства, не утратившаго политической независимости. Представительныя учрежденія Англіи на континентѣ остались *неподражаемыми*. Только наследственное историческое представительство имѣетъ смыслъ и жизнь въ себѣ. Создать представительство указомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ отъ огромной страны, отъ 140 милліоновъ, отъ 25 народностей—невозможно. Въ Россіи наследственное, историческое представительство—въ лицѣ помазанника Церкви Монарха. Идея раздѣленія властей на практикѣ всюду выказала полную свою несостоятельность.

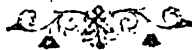
Главное же, почему идеи нашихъ либераловъ не годны, какъ руководящія начала государственной политики, это потому, что онѣ безцерковны, антинаціональны и беспочвенны, и что либералы наши съ одной стороны стоятъ за равноправіе евреевъ, у нихъ служить, а съ другой — не опираются на чувства живого патриотизма, на творящее національное чувство.

Доктрины нашихъ космополитовъ-либераловъ для государственной политики не могутъ дать твердыхъ и жизненныхъ руководящихъ началъ.

Власть съ той лишь минуты почувствуетъ подъ собой твердый материкъ, когда опрется на тысячелѣтное прошлое Русскаго народа, на его организаціонную церковно-государственную идею. Только въ живомъ чувствѣ патриотизма, въ національномъ самознани, въ религіозномъ строѣ народномъ власть можетъ найти истинную опору. Только свѣтъ этихъ чувствъ и идей можетъ озарить тотъ мракъ, въ которомъ блуждаютъ наши государственные люди. Но до этого ихъ не допускаютъ и оплевываютъ жизненосныя, творческія идеи Русскаго народа, думая опозорить ихъ кличкою „черносотенныхъ“. Но мать сырая земля черна. Однако древній богатырь черпалъ всю силу изъ земли и, чтобы его побѣдить, врагъ его поднялъ на воздухъ. Наши государственные люди подняты тоже на воздухъ и потому совершенно безсильны. Пока они не коснутся *черной земли*, все питающей и на себѣ носящей, они не обрѣтутъ силы.

Николай Энгельгардтъ.

19 августа 1906 г. Спб

Обзоръ внѣшнихъ событій.

Сумерки тройственнаго союза.

I.

Воздвигнутое искусными руками желѣзнаго канцлера зданіе тройственнаго союза, направленнаго, главнымъ образомъ, противъ Россіи, недолго сохранило тотъ внушительный видъ, который данъ былъ ему княземъ Бисмаркомъ. Спайка, сдѣланная геніальнымъ ковалемъ, соединила между собою части повидимому слишкомъ разнородныя, вслѣдствіе, чего то тутъ, то тамъ стали появляться трещины, достигавшія иногда солидныхъ размѣровъ: ихъ, конечно, безотлагательно замазывали, подправляли, но всетаки въ реставрированной грандіозной политической комбинаціи чувствовалось то отсутствіе истинной сплоченности, которая одна даетъ ручательство долгаго существованія. Наименѣе прочнымъ элементомъ тройственнаго союза оказалась Италія, привлеченная къ нему лишь исключительно ловкостью создателя германской имперіи.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ Бисмаркъ писалъ всемогущему итальянскому демагогу Мадзини слѣдующее:

„Родство языка и расы и аналогія темперамента, нравовъ и обычаевъ слишкомъ недостаточны для союза между двумя государствами. Политическіе союзы зиждутся только на общности интересовъ и оцѣниваются только тѣми выгодами, какія можно извлечь изъ нихъ. Когда два государства, имѣющія такое географическое положеніе, что каждое изъ нихъ можетъ развивать систему своихъ дѣйствій и увеличивать свое могущество промышленностью, торговлею и войною, не только не становясь на пути другого, но своими силами увеличи-

вая силу другого, тогда эти государства являются естественными союзниками. Наоборотъ, когда два государства имѣютъ такое географическое положеніе, что ни одно изъ нихъ не можетъ распространить сферу своихъ дѣйствій безъ того, чтобы не вредить другому, когда торговля одного не можетъ процвѣтать иначе, какъ разрушая торговлю другого, когда, однимъ словомъ, цѣль, намѣченная обоими для достиженія своего полного развитія, есть одна и та же, и притомъ такого рода, что если одно изъ нихъ достигаетъ ея, то другое никогда не можетъ достигнуть, и вслѣдствіе этого будетъ находиться въ постоянной зависимости отъ перваго, — тогда между такими государствами есть неизбежное соперничество, которое во всякое время можетъ превратиться во вражду.

„Исходя изъ этихъ принциповъ, единственно отвѣчающихъ разуму, не трудно сказать, кто является естественнымъ союзникомъ Италіи и кто ея соперникъ. Естественный союзникъ Италіи — Германія, а соперникъ — Франція.

„Представимъ себѣ Италію свободною распорядительницею своихъ судебъ, сильною своимъ политическимъ единствомъ, и сдѣлавшеюся складочнымъ пунктомъ своихъ продуктовъ, столь разнообразныхъ и представляющихъ собою произведенія юга, вообразимъ себѣ и Германію, столь же сильную своимъ политическимъ единствомъ и сдѣлавшеюся складомъ своихъ продуктовъ сѣвера, причемъ Италія — хозяйка Средиземнаго моря, а Германія — Балтійскаго... Представимъ себѣ эти державы, самыя интеллигентныя и самыя цивилизованныя, раздѣляющія Европу на двѣ части и образующія центръ ея, державы, такъ хорошо разграниченныя и ясно очерченныя, такъ различныя по языку и темпераменту и выражающія свои дѣйствія въ столь различныхъ смыслахъ, что никогда Италія не можетъ желать преобладанія въ Балтійскомъ морѣ, а Германія въ Средиземномъ, — и спросимъ себя: могутъ ли онѣ поступать иначе, какъ помогая другъ другу и любя другъ друга всѣмъ сердцемъ?

„Италія и Германія окружены народами, проникнутыми желаніемъ вырости за ихъ счетъ. На сѣверѣ Англія тяготѣетъ надъ Германіей, а въ одинъ прекрасный день востокъ начнетъ давить на Италію. Ясно, слѣдовательно, что на югѣ, и только на югѣ, блеститъ для обѣихъ звѣзда будущности, — на югѣ, гдѣ Германія опирается на Италію и гдѣ Италія имѣетъ передъ собою Средиземное море, которое можетъ сдѣлаться итальянскимъ озеромъ...

„Народъ, который сдѣлалъ 1814, 1848 и 1866 гг., есть настоящій союзникъ того, кто сдѣлалъ 1848, 1849 и 1860 гг.

„Къ концу года Германія должна образовать одно могущественное государство, простирающееся отъ Балтійскаго моря до Альпъ, отъ Рейна до Вислы и Дравы. Италія не должна болѣе имѣть провинцій въ чужихъ рукахъ, иначе ни одна, ни другая не поймутъ ихъ взаимнаго положенія.

„Что касается Италіи и Франціи, то такъ какъ конфигурація земного шара не можетъ измѣниться, то и эти державы всегда будутъ соперницами и часто врагами. Природа бросила имъ яблоко раздора, которое онѣ не перестанутъ оспаривать— это Средиземное море, великолѣпный рейдъ въ центрѣ Европы, Азіи и Африки, каналъ изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ, окруженный самыми благословенными небомъ землями. Не было ли бы безуміемъ думать, что Франція не можетъ испытывать зависти къ Италіи, уходящей такъ далеко въ Средиземное море и владѣющей чудными берегами, самыми населенными и самыми богатыми, къ Италіи, которая представляетъ собою прямую дорогу изъ Европы на Востокъ и въ Индію?

„Съ другой стороны, Италія не можетъ терпѣть постоянной угрозы Франціи въ каждый моментъ овладѣть Тунисомъ, отъ котораго для нея будетъ всего лишь одинъ переходъ, чтобы достигнуть Сардиніи. Въ виду этого, Италіи необходимо устроить свое положеніе такимъ образомъ, чтобы она не дрожала за свои берега, за свою торговлю и свои области при всякомъ нахмуриваніи бровей французскаго Юпитера.

„Франція владѣтельница Средиземнаго моря? Франція съ границею на Рейнъ? Нѣтъ! Италія и Германія не должны дозволить этого какою бы то ни было цѣною. Для нихъ обѣихъ— это вопросъ жизни и смерти...

„Италія и Франція не могутъ эксплуатировать Средиземное море сообща. Это море представляетъ собою не наслѣдство, которое слѣдуетъ дѣлить между родственниками. Средиземное море неоспоримо принадлежитъ Италіи, которая владѣетъ на немъ береговою линіею въ двѣнадцать разъ большею, чѣмъ Франція. Марсель и Тулонъ не могутъ быть и сравниваемы съ Генуей, Ливорно. Неаполемъ, Палермо, Анконою, Венеціей и Триестомъ. Овладѣніе Средиземнымъ моремъ должно быть постоянною мыслью Италіи, цѣлью, которую должны преслѣдовать итальянскіе министры, базою итальянской политики.

„Заклучивъ союзъ, Пруссія и Италія могли бы продиктовать миръ Вѣнѣ, отбросивъ въ славянскія земли монархію

Габсбурговъ, которая сдѣлалась бы опасностью для Россіи, переставъ быть роковою для Германіи и Италіи. Пруссія могла бы тогда завершить объединеніе Германіи.

„Въ теченіе всего времени, пока Италія и Германія будутъ дѣйствовать, за одно, имъ будетъ принадлежать преобладаніе въ Европѣ“.

Такою аргументаціе Бисмаркъ добился не только полного нейтралитета Италіи въ войну 1870 г., но зачаровавъ итальянскихъ правителей мыслью о превращеніи Средиземнаго моря въ итальянское озеро, дѣйствительно бросилъ между Франціей и Италіей яблоко раздора, разорвалъ между двумя родственными народами всякую духовную связь и, въ концѣ концовъ, вовлекъ Италію въ качествѣ участницы въ смѣнившій прежній союзъ трехъ императоровъ тройственный союзъ, составленный изъ Германіи, Италіи и Австріи, той самой Австріи, которую германскій канцлеръ считалъ нѣкогда опасною для Италіи и собирался направить на славянскія земли, долженствовавшія и въ этомъ случаѣ платить за чужіе разбитые горшки.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на официально существовавшій союзъ, отношенія между Италіей и Австро-Венгріей никогда не могли принять отпечатка истинной дружбы или сердечности. Съ самого времени образованія итальянскаго королевства между обоими государствами создавался постоянный объектъ тренія—это австрійская область, выходящая къ Адриатическому морю, населенная итальянскимъ элементомъ и составляющая такъ называемую неискупленную Италію, *Italia irredenta*. Въ Трентино всегда тлѣла національная вражда и политическіе хозяева постоянно, хотя и тщетно, стремились мѣрами административными и законодательными, ослабить хозяевъ территоріальныхъ. Всѣмъ памятна кровавая столкновенія обѣихъ народностей въ Триестѣ, Триентѣ и др. городахъ, ознаменовавшія въ 1903 году разрѣшеніе университетскаго вопроса.

Антиавстрійское движеніе въ Италіи приняло тогда очень широкіе размѣры. Во многихъ городахъ Италіи передъ зданіями австро-венгерскихъ консульствъ происходили враждебныя манифестаціи. Толпы манифестантовъ сжигали австрійскіе флаги и гербы. Изъ Сѣверной Италіи движеніе распространилось на югъ и въ Неаполѣ студенты мѣстнаго университета въ сопровожденіи массы народа направились къ австрійскому генеральному консульству и пропѣли передъ нимъ гимнъ: „Да здравствуетъ Триентъ и Триестъ!“

Такое обостреніе борьбы Италіи къ Австріи произошло благодаря тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ подверглись итальянцы въ Иннсбрукѣ. Итальянское населеніе областей южной Австріи давно уже хлопотало объ открытіи въ Триестѣ или въ Триентѣ итальянскаго университета. Но подобныя стремленія не встрѣчали сочувствія въ Вѣнѣ; подь конецъ, австрійское правительство рѣшило сдѣлать уступку итальянскому элементу своего государства путемъ учрежденія при Иннсбрукскомъ университетѣ итальянскихъ курсовъ. Эта уступка была встрѣчена весьма недоброжелательно нѣмецкими студентами Иннсбрука, которые при открытіи лекцій итальянскаго профессора Лоренцони произвели нападеніе на его слушателей. Къ враждебнымъ дѣйствіямъ студентовъ противъ итальянцевъ присоединились и жители Иннсбрука.

Эти факты вызвали всеобщій взрывъ негодованія въ Италіи. Оказалось, что идея отторженія отъ Австріи областей, принадлежавшихъ ранѣе Италіи, еще господствуетъ въ умахъ итальянцевъ. Идея эта, правда, дотолѣ открыто не высказывалась и даже наиболѣе пылкіе патріоты говорили о необходимости поддержать итальянскій элементъ въ Австріи, безъ всякой мысли о возвращеніи провинцій къ югу отъ Альпъ, съ помощью оружія, а предположеніе о войнѣ Италіи съ Австро-Венгерію, состоящихъ къ тому-же въ союзныхъ отношеніяхъ, не могло не казаться безразсуднымъ. Однако, послѣ иннсбрукскихъ происшествій, страсти такъ разыгрались, что въ Италіи стали раздаваться голоса, требующіе объявленія войны Австріи. На эту тему произнесъ тогда пламенную рѣчь одинъ изъ профессоровъ университета въ Павіи, и вызвалъ восторженныя демонстраціи со стороны слушателей. Наэлектризованная его словами толпа произвела торжественное сожженіе австрійскаго флага и требовала, чтобы австрійцы были изгнаны за Альпы.

Въ австрійскихъ предѣлахъ, конечно, эти событія не могли не вызвать отголоска среди итальянскаго населенія, которое также стало волноваться и было сдержано лишь сильною рукою правительства. Подобное настроеніе уже тогда заслуживало особаго вниманія, давая наилучшее доказательство слабости узъ, соединяющихъ Италію и Австро-Венгерію, а также указывая, въ какую ненадежную политическую комбинацію уже тогда превратился тройственный союзъ, для прочности котораго, очевидно, надо было бы послѣдовать рецепту, прописанному Бисмаркомъ, въ вышеприведенномъ письмѣ къ Мадзини, и требовавшему, чтобы прежде всего итальянскія области не были въ чужихъ рукахъ.

Объ остромъ возбужденіи итальянцевъ противъ союзной Австріи свидѣтельствовали не только уличныя демонстраціи: въ политическихъ сферахъ точно также не стѣснялись выражать полное недовѣріе къ союзной націи; послѣ инсбрукскихъ безчинствъ запросы въ палатѣ, болѣе или менѣе имѣвшіе отношеніе къ Австріи, сдѣлались чуть не ежедневными, и правительству пришлось употребить чрезвычайныя усилія, чтобы сохранить корректное положеніе относительно Австріи. Многіе уже тогда находили, что, съ политической точки зрѣнія, существующая система союзовъ Италіи не отвѣчаетъ, въ виду ея прогресса и стремленій, ея требованіямъ, вслѣдствіе чего она неизбежно вынуждена будетъ измѣнить эту систему и искать въ другомъ мѣстѣ поддержки, какая ей необходима.

Видные итальянскіе дѣятели высказывали, что „наслѣдство, оставленное Петромъ Великимъ на Балканскомъ полуостровѣ, узы, соединяющія черногорскій домъ съ Россіей и Италіей, новыя условія Европы со времени берлинскаго трактата—все это способствуетъ союзу Россіи съ Италіей“.

Неуспѣхъ попытокъ завязать болѣе тѣсныя торговныя сношенія Россіи съ Италіей, и въ особенности новое подтвержденіе австро-русскаго соглашенія въ Мюрцштегѣ не замедлили разрушить благоприятный психологическій моментъ, когда можно было надѣяться на осуществленіе проекта латинскаго союза подъ эгидой Россіи.

По этому поводу слѣдуетъ упомянуть о недавно вышедшей интересной книгѣ Пеллегрини, занимавшаго видный постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, во времена Цанарделли. Книга называется „Verso la guerra“ („На пути къ войнѣ“) и посвящена обсужденію австро-итальянскихъ отношеній.

Пеллегрини является убѣжденнѣйшимъ противникомъ Австріи, и какъ начинаетъ, такъ и кончаетъ свою книгу положеніемъ, ставшимъ для него аксіомой: „Австрія является такимъ же официальнымъ врагомъ Италіи, какъ официально она союзница Италіи“.

Съ цѣлью изученія австро-итальянскихъ отношеній на мѣстѣ ихъ главныхъ современныхъ столкновеній, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ, Пеллегрини предпринялъ путешествіе по этому полуострову, и выводъ его изъ поѣздки тотъ, что интересы союзниковъ діаметрально противоположны.

Вообще Пеллегрини—врагъ тройственнаго союза, находя, что, какъ прежде, такъ подавно и теперь, онъ не имѣетъ

raison d'être. Онъ утверждаетъ, что Италия въ тройственномъ союзѣ играла роль прислужницы, союзники же сплошь и рядомъ выѣзжали на ней, ничего взаменъ ей не давая. Отъ Австріи Италия ничего не видѣла, кромѣ уколовъ своему самолюбію, крупныхъ и мелкихъ, не говоря уже о притѣсненіяхъ австрійцами итальянцевъ въ Триестѣ, Триентѣ и пр. Такому положенію Италиі не мало способствовала ея внѣшняя слабость, ея политика отъ соглашенія по тунисскимъ дѣламъ вплоть до несчастной войны въ Абиссиніи. Постепенно, однако, Италия поняла свои ошибки и постаралась ихъ исправить, чему способствовала и женитьба короля Виктора-Эммануила на княжнѣ черногорской, воспитанной въ Россіи. Пеллегрини—противникъ тройственнаго союза и Австріи въ особенности. Онъ, между прочимъ, твердо убѣжденъ въ тайномъ соглашеніи Австріи съ Греціей на Балканскомъ полуостровѣ и видитъ въ этомъ двойную игру союзницы, въ ущербъ итальянцамъ. Онъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ и лицамъ, находящимся во главѣ управленія Италией, постараться завязать болѣе интимную дружбу съ Россіей, единственной, по его мнѣнію, страной, интересы которой нисколько не противорѣчатъ, а даже, напротивъ, отвѣчаютъ интересамъ его родины на Балканскомъ полуостровѣ, заселенномъ расами славянской и латинской, всегда симпатизировавшими одна другой. Если между Италией и Россіей еще нѣтъ интимной дружбы, то въ этомъ Пеллегрини видитъ австрійское вліяніе. Кому, какъ не Австріи, выгодно было помѣшать пріѣзду Государя Императора осенью 1903 года въ Римъ? Для этого, по его словамъ, она пустилась во всевозможныя интриги. На страницахъ ея печати пошли нескончаемыя толки о полнѣйшей невозможности для итальянской полиціи, охранить особу русскаго монарха во время пребыванія его въ Римѣ. Австрійская печать страшно раздула исторію съ еврейско-русскимъ революціонеромъ Герцомъ, чѣмъ и вызвала, рассчитанный на скандалъ, запросъ въ итальянской палатѣ, повлекшій за собою паденіе министерства. Такимъ образомъ, австрійское вліяніе одержало верхъ. Помѣшавъ отвѣтному визиту, ставшему ей поперекъ горла, Австрія рѣшила, что мюнхенскимъ соглашеніемъ она поставила прочную стѣну между Италией и Россіей.

Пеллегрини не теряетъ надежды на паденіе этой стѣны. Онъ надѣется, что въ скоромъ времени и русское общество, и русское правительство замѣтятъ ошибку, въ которую ихъ вовлекла Австрія совмѣстно съ Германіей, тѣмъ болѣе, что

„душа славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова послѣ австро-русскаго соглашенія не лежитъ уже къ своей старшей сестрѣ“. Взаимнъ тройственнаго союза, окончательно утратившаго смыслъ, Пеллегрини мечтаетъ о соглашеніи Италіи, Франціи, Россіи и Англіи. Въ этомъ соглашеніи четырехъ державъ и заключается, по мнѣнію автора, дѣйствительно прочный залогъ мира въ Европѣ.

II.

За послѣдніе два года международное положеніе Италіи подверглось радикальному измѣненію: она перестала ходить на помочахъ прочихъ участницъ тройственнаго союза и стала вести самостоятельную политику. Одновременныя соглашенія ея съ Франціей и съ Англіей обезпечиваютъ ея положеніе на Средиземномъ морѣ и позволяютъ ей сосредоточить свое вниманіе на своихъ интересахъ въ Адриатическомъ морѣ, гдѣ она нашла себѣ весьма удобную базу въ Черногоріи.

Энергично подвинутое впередъ развитіе итальянскаго флота сдѣлало его уже теперь вдвое сильнѣйшимъ австро-венгерскаго, и, благодаря сближенію Квиринальскаго кабинета съ Парижскимъ и С.-Джемскимъ, весь флотъ Италіи можетъ быть употребленъ въ Адриатикѣ. Невозможность бороться на морѣ признана самими австро-венгерскими морскими властями, недавно рѣшившими оставить главную стоянку своего флота въ Полѣ, какъ доступную нападенію превосходной въ силахъ эскадры, и перевести всѣ суда, равно какъ и верфи и доки въ Себенико, гдѣ глубокая, лежащая за городомъ бухта даетъ имъ безопасное убѣжище.

На сушѣ Габсбургская монархія сохраняетъ прежнее превосходство, но итальянцы рассчитываютъ парализовать вторженіе австро-венгерской арміи диверсіей съ юго-востока. Корпусъ итальянцевъ высадится въ южной Далмаціи, соединится съ союзной черногорской арміей и съ помощью возстанія, одновременно поднятаго въ Герцеговинѣ и Босніи, овладѣетъ всею Далмаціей, оба элемента населенія которой—горожане—итальянцы и сельскіе жители—славяне, встрѣтятъ итало-славянскія войска, какъ освободителей. При движеніи послѣднихъ къ сѣверу въ нихъ руки легко попадетъ весь австро-венгерскій флотъ, запертый въ Себенико. Если же къ тому времени Венгрія разорветъ связь съ Австріей, то ничто не помѣшаетъ арміи итало-славянъ двинуться прямо на Вѣну.

Конечно, проекты эти—отголоски мнѣній отдѣльныхъ личностей и круговъ, но нельзя отрицать, что за послѣднее время движеніе въ пользу сближенія съ славянами широко уже развито въ Италіи и руководители его стремятся сблизить славянъ и съ румынами, ставшими въ открыто враждебныя отношенія съ греками,—и распространить вообще идею сближенія латинскихъ и славянскихъ народовъ между собою для отпора пангерманизму.

Безпорядки, обливающіе христіанскою кровью Македонію точно также послужили поводомъ для итальянской печати снова обсудить „адриатическій вопросъ“ въ связи съ ролью Италіи на Балканскомъ полуостровѣ и придти къ заключенію о выгодахъ итало-славянскаго союза. Аргументація автора одной изъ статей, помѣщенныхъ въ вліятельномъ „Secolo“, историка Ферреро построена на томъ, что населяющія Балканскій полуостровъ славянскія народности переживаютъ процессъ перехода отъ патриархальныхъ обычаевъ къ европейской культурѣ и цивилизаціи. Въ такомъ фазисѣ развитія всякій народъ нуждается въ помощи и содѣйствіи со стороны старшихъ культурныхъ націй, а послѣднія тоже извлекаютъ изъ того свою пользу, наводняя рынки этихъ странъ продуктами своей болѣе развитой промышленности, произведеніями своихъ болѣе зрѣлыхъ искусствъ и науки, своими техниками, инженерами и другими специалистами. Кто же можетъ оказать славянскимъ народамъ Балканскаго полуострова подобное широкое содѣйствіе? „Очевидно Австрія или Италія... Австрію народы эти ненавидятъ не меньше, нежели Турцію. Движимые отвращеніемъ къ интригующей австрійской политикѣ, славяне охотно пойдутъ на сближеніе съ естественными врагами нѣмцевъ, съ итальянцами... Одно несомнѣнно: Адриатическое море есть море итало-славянское, такъ какъ его побережья заселены представителями той и другой народности, нѣмцы же—непрощенные пришельцы, вторгшіеся благодаря организаторской ловкости, настойчивости и терпѣнію, а подчасъ насилію и деморализаціи“. Всѣ эти соображенія приводятъ автора къ убѣжденію, что „итало-славянскій союзъ съ цѣлью отнять у нѣмцевъ господство на Балканскомъ полуостровѣ и тѣмъ самымъ закрыть для нихъ путь къ Адриатическому морю не заключаетъ въ себѣ ничего фантастическаго. Самостоятельно, ни итальянцы, ни славяне не въ состояніи оказать должнаго сопротивленія нѣмцамъ, поддерживаемымъ Австріею, за спиной которой стоитъ сильная Германія и въ чьихъ интересахъ работаетъ такъ же Венгрія, гдѣ мадьярская олигархія, несмотря

на всѣ торжественныя увѣренія, является все же орудіемъ въ рукахъ нѣмцевъ для подавленія мелкихъ славянскихъ народностей. Почему бы итальянцамъ и славянамъ не объединиться?“

Всѣ подобные толки и разсужденія являются, безъ сомнѣнія, знаменіемъ времени, доказывающимъ, какъ износилась подкладка горделиваго бисмарковскаго творенія и какъ мало находятъ въ немъ удовлетворенія народныя чувства двухъ изъ участниковъ тройственнаго союза, нынѣшнія отношенія которыхъ стали отмѣчены явнымъ недовѣріемъ и взаимной подозрительностью. Прислушиваясь къ народному голосу и правительства Австро-Венгрии принимаютъ рядъ соотвѣтствующихъ мѣръ.

Римская газета „Momento“ указала на чрезвычайныя вооруженія Австро-Венгрии на итальянской границѣ. Вся триестская область и весь Нижній Тироль обратились въ огромный укрѣпленный лагерь, врѣзывающійся въ Италію клиномъ между Миланомъ и Венеціей. Повсюду австрійцами возводятся новыя крѣпости и старая крѣпостная артиллерія замѣняется новою. Около Фриуля вся мѣстность перерѣзана вновь проложенными стратегическими дорогами. Гарнизоны вблизи границы усилены, сформированы новыя артиллерійскіе парки и военное управление подверглось реорганизации.

Параллельно съ усиленіемъ сухопутной границы, однѣ стратегическія желѣзныя дороги которой обошли ей за послѣдніе годы около 40 милліоновъ, Австро-Венгрия приступила къ укрѣпленію своей адриатической береговой полосы. Она укрѣпила Каттаро, а противъ Анконы, какъ это уже упомянуто выше, образуетъ въ бухтѣ Себенико новую сильную базу и съ цѣлью уравнивать свои морскія силы съ итальянскими, дополняетъ адриатическую эскадру резервнымъ отрядомъ.

Италія, въ свою очередь, стянула 6-й армейскій корпусъ въ направленіи Удине-Монфальконе и усилила всѣ пограничныя гарнизоны.

По этому поводу германскій журналъ „Der Deutsche“ писалъ: „Tout change et tout passe. Сегодняшній другъ завтра можетъ стать врагомъ. Въ особенности это часто бываетъ въ политикѣ. Скрытая враждебность между двумя сосѣдними и союзными странами—между Италіей и Австріей, которая никогда и не были искренними и сердечными друзьями, вызвана четырьмя причинами. Усилія Австрии для улучшенія своего стратегическаго и тактическаго положенія, какъ на сухопутныхъ границахъ, такъ и въ Адриатическомъ морѣ, не

менѣе раздражили Италію, какъ и успѣшная конкуренція австрійскихъ навигаціонныхъ линій. Отсутствие серьезныхъ, прочныхъ базъ для итальянскаго флота въ Адриатическомъ морѣ и, вслѣдствіе этого, превосходство австрійскаго флота, располагающаго на адриатическомъ побережьи такими портами, какъ Пола и Каттаро, являются третьей причиною раздраженія Италіи, а эта послѣдняя своей ирредентистской политикой вызываетъ недовѣріе и недовольство въ Вѣнѣ.

„Австрійскія военныя газеты тоже еще болѣе подливаютъ масла въ огонь, открыто проповѣдуя, какъ напр. „Dantzer's Argeme Zeitung“, необходимость для выполненія балканскихъ плановъ Австріи — раздавить Италію, причемъ газета доказываетъ, что на сторонѣ Австріи неизбѣжно будетъ полный успѣхъ въ этой кампаніи. Все это ухудшаетъ и безъ того шаткое положеніе тройственнаго союза. Черезъ два года исполнится двадцать пять лѣтъ его существованія, но врядъ ли можно будетъ шумно отпраздновать эту годовщину, а не провести ее въ грустномъ молчаніи, даже если бы союзъ былъ возобновленъ“.

III.

Если можно сказать, что многіе факты уже издавна удостоверяли скрытую враждебность между Италіей и Австріей то такое же чувство Италіи къ третьей участницѣ тройственнаго союза — Германіи проявилось лишь въ нынѣшнемъ году, по случаю алжезирасской конференціи, исходъ перваго голосованія которой изумилъ всѣхъ. Германію поддержали лишь Австрія и Марокко, благоприятное же для Франціи предложеніе Англіи было поддержано Россіей, Испаніей и Италіей. Такимъ образомъ, впервые тройственный союзъ оказался раздѣленнымъ.

Какъ извѣстно, тройственный союзъ не гарантируетъ Италіи ея притязаній на африканскомъ побережьи. Когда подписывался первый текстъ союза, Манчини тщетно добивался того, чтобы гарантія взаимныхъ интересовъ была распространена на Средиземное море и окружающія его территоріи. Такое же фіаско постигло итальянскихъ дипломатовъ и въ 1887 году, при первомъ возобновленіи союза. Тогда въ девятидесятыхъ годахъ Италія стала искать сближенія сначала съ Англіей, а потомъ и съ Франціей. Оба эти государства обязались сохранять status quo въ предѣлахъ африканскаго по-

бережья. Соглашения эти были сообщены Германии в момент послѣдняго возобновленія тройственного союза и 8 января 1902 года германскій канцлеръ принужденъ былъ официально заявить, что франко-итальянское соглашение не противорѣчитъ тройственному союзу, такъ какъ оно имѣетъ своимъ предметомъ совсѣмъ инныя области.

Когда на алжезирасской конференціи Германия и Австрія выработали проектъ распредѣленія мароккскихъ портовъ, согласно которому семь изъ нихъ отходили къ Франціи и Испаніи, а восьмой ставился подъ совмѣстное покровительство всѣхъ державъ, представленныхъ на конференціи, итальянскій уполномоченный, маркизъ Висконти-Веноста отказался присоединить свою подпись къ подписямъ двухъ союзницъ. Онъ сослался на существующія между Италіей и Франціей сепаратныя соглашения, не дозволяющія первой поддерживать какое бы то ни было начинаніе, направленное къ тому, чтобы уменьшить права Франціи на мароккскую территорію. Въ этомъ заявленіи германскія газеты усмотрѣли явную измѣну идеѣ тройственного союза и начали ожесточенную полемику противъ Италіи. Французскія же и итальянскія газеты съ меньшимъ жаромъ стали доказывать, на основаніи предъидущихъ историческихъ фактовъ, полную корректность Италіи въ Алжезирасѣ, такъ какъ Италія не виновата въ томъ, что Германия, до самаго послѣдняго времени считавшая Средиземное море стоящимъ внѣ ея спеціальныхъ интересовъ и сама противодѣйствовавшая предложенію включить его въ область дѣйствія союза, теперь такъ круто повернула фронтъ. Будучи осведомлена объ обязательствахъ, связывающихъ Италію съ Франціей, она не могла и не должна была рассчитывать на поддержку союзницы въ совершенно чуждомъ союзу вопросѣ.

Вся итальянская печать начала относиться къ Германии недружелюбно, а иногда прямо враждебно. Такъ, римская газета „Vita“ обсуждая образъ дѣйствій Германии въ Алжезирасѣ, говорила: „Какovy бы ни были результаты конференціи, во всякомъ случаѣ она обнаружила потребности, стремленія и честолюбивыя замыслы Германии. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что необходимость заставляетъ Германию искать расширенія за предѣлами ея границъ, которыя становятся слишкомъ тѣсными для ея экономическаго развитія и все увеличивающагося населенія. Франція, Великобританія и Соединенные Штаты замѣтили германскую опасность, которая вчера проявилась въ Китаѣ, сегодня проявляется въ Марокко,

а завтра дастъ себя чувствовать въ Триполи, въ ущербъ стремленіямъ Италіи. Германія, прежде всего, набрасывается на наименѣе могущественныя націи. Нападеніе ея на Францію въ Марокко есть только прелюдія къ другимъ столкновеніямъ. Великобританія оказываетъ поддержку Франціи, въ надеждѣ остановить побѣдоносное шествіе германцевъ въ борьбѣ, въ которой Англія придется, можетъ быть, не одной сразиться съ Германіей“.

Дѣйствительно, стремленіе Германіи утвердиться на сѣверѣ Африки является прямою угрозою для одного изъ самыхъ чувствительныхъ пунктовъ итальянской внѣшней политики— для Триполи.

Газета „Voce della Verita“ опубликовала рядъ сенсационныхъ разоблаченій, имѣющихъ цѣлью доказать наличность планомерной и весьма обширной нѣмецкой пропаганды въ этомъ излюбленномъ итальянцами пунктѣ сѣверо-африканскаго побережья: руководство всей кампаніи принадлежитъ будто бы нѣкому Опенгейму, живущему въ Каирѣ; предполагается устроить линія безпроводочнаго телеграфа Константинополь—Родось—Триполи, съ согласія султана, нѣмецкая торговая экспедиція и т. д. „Evening Standard“ дополнилъ это извѣстіе сообщеніемъ, что экспедиція эта будетъ имѣть весьма важный политическій и научный характеръ: она должна будетъ проѣхать черезъ всю страну и попытаться проникнуть черезъ пустыню до озера Чадъ.

Отправленіе германской миссіи въ Триполи, подъ предлогомъ научныхъ изысканій, вызвало сильное негодованіе въ итальянской печати и недовѣріе въ итальянскихъ политическихъ кружкахъ. Въ отправкѣ этой экспедиціи итальянцы усмотрѣли попытку германской дипломатіи запугать Италію. По ихъ мнѣнію, это ни болѣе, ни менѣе, какъ открытая угроза, предназначенная для того, чтобы дать понять Италіи, что въ случаѣ выхода ея изъ тройственнаго союза, она встрѣтится на своемъ пути съ Германією, которая будетъ препятствовать достиженію ея законнѣйшихъ плановъ относительно Триполи.

Происходившій въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года разговоръ одного изъ вліятельныхъ въ Римѣ итальянскихъ политическихъ дѣятелей съ корреспондентомъ „Новаго Времени“¹⁾ даетъ понятіе о томъ, какъ постепенно накалило у Италіи

1) «Новое Время» 1 апрѣля 1906 г.

чувство раздраженія противъ Германіи: „Германскій императоръ никогда не соглашался предоставить намъ малѣйшую свободу дѣйствій. Онъ всѣми мѣрами противодѣйствовалъ нашему сближенію съ Франціей и въ то-же самое время не желалъ дать намъ никакихъ гарантій для охраны нашихъ интересовъ въ Сѣверной Африкѣ. Онъ приглашалъ насъ оказать содѣйствіе германскимъ интересамъ въ Марокко и отказывалъ въ поддержкѣ нашихъ интересовъ въ Триполи. Онъ требовалъ отъ насъ строгаго соблюденія лояльности по отношенію къ союзникамъ, а самъ не хотѣлъ сдѣлать малѣйшаго шага въ пользу итальянцевъ, живущихъ въ Австріи. Онъ налагалъ на насъ обязательства по отношенію къ Австро-Венгріи, отъ Австріи же онъ никогда не требовалъ лояльнаго отношенія къ Италіи. Въ тройственномъ союзѣ Германія и Австрія всегда были вдвоемъ противъ Италіи и злоупотребляли своей силой и перевѣсомъ надъ нами, чтобы навязать намъ свою волю. Всякій разъ, когда въ томъ или иномъ политическомъ вопросѣ возникали сомнѣнія о будущемъ образѣ дѣйствій, являлся германскій императоръ и, какъ всевластный распорядитель политическихъ судебъ, давалъ намъ приказанія или осыпалъ насъ упреками. Все это подрывало престижъ нашего правительства и въ концѣ концовъ вызвало всеобщее раздраженіе противъ назойливаго вторженія императора въ наши дѣла.

„Когда Висконти-Веноста отправлялся въ Алжезирасъ, ему была дана короткая и ясная инструкция. „Попытаться примирить требованія Германіи съ притязаніями Франціи, не жертвуя интересами одной стороны въ пользу другой“... На первомъ же засѣданіи конференціи Висконти-Веноста убѣдился, что роль его очень нелегка. Какъ только онъ попробовалъ высказаться въ пользу Франціи, берлинскій кабинетъ началъ бомбардировать Римъ депешами, похожими на приказанія германскіе офиціозы начали громко кричать противъ поведенія Италіи, обвиняя ее въ отсутствіи лояльности къ своему союзнику. Одновременно съ этимъ Австро-Венгрія предложила свой проектъ, принятіе котораго дало бы ей моральную побѣду надъ Италіей и парализовало бы всѣ усилія Веносты. Франція не могла принять этотъ проектъ во всемъ объемѣ и Италія была одного мнѣнія съ ней. Такимъ образомъ вскрылось внутреннее противорѣчіе тройственного союза. Германская печать продолжала обвинять насъ, утверждая, будто мы обманули Германію, на самомъ дѣлѣ Германія пыталась провести насъ. Она бросила новое яблоко раздора между нами

и Австріей. Теперь пунктомъ раздора и несогласіи является не только вопросъ объ Албаніи, но вообще вся международная политика. Что же касается до возможныхъ послѣдствій, то газета „Leipziger Tageblatt“ напечатала: „Австрія проявила себя истиннымъ другомъ Германіи; если Италія окажется въ числѣ нашихъ враговъ, убытки придется платить не намъ“. Конечно, это пустыя слова. Если Италія вступить въ союзъ съ Франціей и Англіей, тогда она не будетъ нуждаться ни въ Австріи, ни въ Германіи“.

IV.

По окончаніи работъ алжезирасской конференціи, результаты которой, въ особенности въ смыслѣ создавшейся новой группировки державъ, далеко не могли удовлетворить Германіи, императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ графу Голуховскому: „Примите мою искреннюю признательность за непоколебимую поддержку, оказанную германскимъ представителямъ. Это славный поступокъ вѣрнаго союзника. Вы показали себя блестящимъ секундантомъ на полѣ поединка и можете рассчитывать, въ случаѣ надобности, на подобную же услугу съ моей стороны“.

Телеграмма эта встрѣтила суровую оцѣнку со стороны печати почти всего міра, увидѣвшей въ ней несдержанную вспышку гнѣва, а американская газета „New York Times“ охарактеризовала ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Эта телеграмма была оскорбительна для Франціи и весьма мало лестна для Австро-Венгріи. Она въ то-же время явилась обидой для Италіи и циническимъ признаніемъ отсутствія искренности въ мирныхъ заявленіяхъ императора, которыя дѣлались въ Алжезирасѣ“.

Особенно сильное раздраженіе было вызвано въ Италіи, гдѣ считали, что телеграмма императора обозначаетъ конецъ тройственного союза, тѣмъ болѣе, что изъ цивилизованныхъ государствъ цѣлаго міра одна Германія не выразила прискорбія и соболѣзнованія пострадавшимъ отъ происшедшаго тогда изверженія Везувія. Сильное неудовольствіе высказывалось и въ Соединенныхъ Штатахъ: тамошняя печать протестовала противъ инсинуаціи, будто другія нейтральныя державы, кромѣ Австріи, не выполнили обязанностей добрыхъ секундантовъ. Неудовольствіе проявлялось даже въ Австріи, гдѣ телеграмма Вильгельма II только увеличила число против-

никовъ графа Голуховскаго, обвиняемаго въ презѣрной услужливости Германіи.

Возникшая по этому поводу газетная полемика между нѣмецкими и итальянскими публицистами побудила сенатора де Мартино обратиться въ засѣданіи сената 11/24 апрѣля къ министру иностранныхъ дѣлъ, Гуиччардини съ категорическимъ запросомъ относительно того, въ какой степени вѣрны сообщаемые въ печати слухи о предстоящемъ распаденіи тройственного союза. „Я полагаю,—сказалъ де Мартино,—что для Италіи не можетъ быть сомнѣнія въ необходимости оставаться вѣрной тройственному союзу и это по тремъ основаніямъ: первое потому, что Италія, отказавшись отъ союза, могла бы нанести вредъ общему миру въ Европѣ, второе потому, что Италіи необходимо поддерживать *status quo* на Балканскомъ полуостровѣ, и третье потому, что Германія, быть можетъ, единственная европейская держава, съ которой у Италіи никогда не было прямого столкновенія интересовъ“.

Въ виду всего этого, де Мартино полагаетъ, что тройственный союзъ долженъ остаться неизмѣннымъ и непоколебимымъ основаніемъ иностранной политики Италіи. Поэтому, онъ просилъ въ своей интерпелляціи точныхъ указаній относительно того, насколько поведеніе итальянскаго уполномоченнаго въ Алжезирахъ соотвѣтствовало или не соотвѣтствовало духу тѣхъ соглашеній, которыя соединяютъ Италію съ остальными европейскими державами.

Если относительно двухъ первыхъ основаній, выставляемыхъ де Мартино, можно допустить, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, что они не лишены справедливости, то по поводу третьяго нельзя не замѣтить, что де Мартино забываетъ, вѣроятно, что въ экономической области нѣмцы захватили въ свои руки почти всѣ торговыя предпріятія сѣверной Италіи и что быстро развивающаяся промышленность Германіи съ каждымъ днемъ создаетъ сильную конкуренцію самой Италіи на заграничныхъ и въ особенности на африканскихъ рынкахъ. Онъ забываетъ, что на Балканскомъ полуостровѣ и въ Адриатикѣ Италіи мѣшаетъ не Австрія, а пангерманизмъ. Въ Триестѣ—нѣмцы тѣснятъ итальянскій элементъ: Боснія и Герцеговина наводнены нѣмцами въ ущербъ славянамъ и когда эта работа германизации будетъ выполнена, Далмація и все побережье Адриатики попадутъ въ нѣмецкую пасть. Ничто иное, какъ пангерманизмъ, толкаетъ Австро - Венгрію къ Новому Базару и онъ же захватитъ въ свои цѣпки руки Албанію подъ самымъ носомъ итальянцевъ.

Сущность заявленій Гуиччардини сводится къ тому, что не отрицая и не уменьшая значенія тройственнаго союза, какъ важнаго фактора европейскаго мира, онъ подчеркнул значеніе итало-французскаго и итало-англійскаго специальныхъ соглашеній въ такой категорической формѣ, которая рѣдко употребляется въ официальныхъ рѣчахъ: „Искренне вѣрные тройственному союзу, мы сохранимъ традиціонную близость съ Англіей и сердечную дружбу съ Франціей, дабы этимъ путемъ сохранить значеніе умиротворяющей и связующей державы“.

Несмотря на эти официальные завѣренія, общественное мнѣніе Европы не могло отдѣлаться отъ мысли, что, благодаря фактическому ослабленію связи съ Италіей, тройственный союзъ склоняется къ закату, что для него настали уже сумерки, когда всѣ предметы теряютъ рѣкую опредѣленность очертаній. Поводомъ къ новымъ коментаріямъ по тому же вопросу послужило посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ въ прошломъ маѣ мѣсяцъ Вѣны.

По словамъ „Globe“, „все съ несомнѣнностью доказываетъ, что визитъ императора германскаго вызванъ опасеніемъ за результаты англо-русскаго соглашенія и желаніемъ повліять на холодность венгерцевъ къ тройственному союзу.....Склонившись за послѣднее время передъ силою вещей, Германія измѣнила своей агрессивной политикѣ и устремила свои усилія на закрѣпленіе узъ съ Австро-Венгріей. Поспѣшный визитъ Вильгельма II Векерле, указываетъ на то, что главная основа взаимнаго довѣрія лежитъ въ лояльности Франца-Иосифа, съ уходомъ котораго съ политической сцены сближеніе съ Венгріей, давшей уже доказательства своей „независимости“, можетъ оказаться крайне полезнымъ. Италія, въ виду балканскаго вопроса, представляется еще менѣе надежной союзницей“.

Подъ вліяніемъ сложившагося убѣжденія въ сомнительной надежности Италиі, императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ попытку личнаго воздѣйствія и, по его иниціативѣ, была послана итальянскому королю за подписью императоровъ Вильгельма и Франца-Иосифа слѣдующая телеграмма: „При нашей встрѣчѣ шлемъ нашему третьему вѣрному союзнику выраженіе нашей неизмѣнной дружбы“. Король Викторъ-Эммануиль отвѣтилъ телеграммой, адресованной императору Францу-Иосифу: „Раздѣляю радость вашего величества и императора германскаго по поводу вашей встрѣчи. Прошу моихъ двухъ союзниковъ принять мою благодарность за любезное привѣтствіе и увѣренность въ моей вѣрной, неизмѣнной дружбѣ“.

Обмѣнъ этихъ телеграммъ вызвалъ немалый шумъ во всей Европѣ. Въ итальянской печати мнѣнія раздѣлились: одни находили, что тройственный союзъ продолжаетъ существовать, другіе восхваляли императора Вильгельма за его попытку изгладить дурное впечатлѣніе отъ его телеграммы о „секундантъ“, наконецъ, третьи подчеркивали дипломатическое искусство отвѣта короля Виктора-Эммануила (который ограничился вѣжливымъ поздравленіемъ *deux* союзниковъ) и подтверждали свое отвращеніе къ тройственному союзу.

Среди итальянскаго народа телеграмма короля встрѣтила полное одобреніе. Всѣ нашли, что онъ отвѣтилъ съ большимъ искусствомъ, сохранивъ за собой полную свободу и въ то же время отдавъ долгъ вѣжливости двумъ императорамъ, приносившимъ ему поздравленія.

Въ Европѣ занялись, главнымъ образомъ, попыткою разъяснить вопросъ — посылалъ ли король Викторъ-Эммануиль привѣтъ *своимъ* союзникамъ или просто *обоимъ* союзникамъ.

Исключительное значеніе, приданное западною печатью этой, казалось бы, мелочи, свидѣтельствуетъ, что прочность тройственного союза не важна, если нуждается въ такихъ формальныхъ доказательствахъ и византійскихъ тонкостяхъ. Насколько германская печать отнеслась серьезно къ этому вопросу, видно изъ того, что вслѣдствіе весьма добросовѣстной, хотя и безрезультатной провѣрки сомнительнаго текста, телеграмма эта появилась въ берлинскихъ газетахъ на двѣнадцать часовъ поздне, чѣмъ въ остальныхъ газетахъ Европы, а оффиціальныи ея текстъ не появлялся и доселѣ.

Какъ „Vossische Zeitung“, такъ и другія газеты очень сдержанно обсуждали отвѣтъ короля Италіи, находя, что тройственный союзъ потерялъ нынѣ свое прежнее значеніе и что союзничество Италіи приняло вообще проблематическій характеръ. „Hamburger Nachrichten“ высказывались даже въ томъ смыслѣ, что императору Вильгельму лучше было бы не предпринимать поѣздки въ Вѣну, что отпаденіе Италіи отъ тройственного союза является только вопросомъ времени, и что отвѣтъ итальянскаго короля представляетъ уже теперь отреченіе отъ союза съ обѣими имперіями.

Сопоставляя всѣ эти статьи съ отзывами печати остальныхъ странъ, можно заключить, что, судя по главной звучащей въ нихъ нотѣ, императору Вильгельму, по инициативѣ котораго, какъ сказано выше, была послана упомянутая телеграмма, не удалось устранить существующій между Италіей и Германіей разладъ.

IV.

Заявленіе итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Сенатѣ о вѣрности Италиіи тройственному союзу не положили все же конца обсужденію въ европейской печати отношеній, существующихъ въ данный моментъ между различными членами этого союза, и указаніемъ на критическое положеніе, имъ переживаемое, тѣмъ болѣе, что печать итальянская не скрывала, что тройственный союзъ былъ Италіею возобновленъ только для того, чтобы обезопасить себя со стороны Германіи и Австріи, а что нынѣ союзъ этотъ значитъ лишь на бумагѣ и ни къ чему ихъ не обязываетъ.

Вліятельная лондонская газета „Globe“ замѣтила, что „последнее свиданіе императора Вильгельма съ Францемъ-Иосифомъ въ Вѣнѣ—событіе громадной важности въ политикѣ центральной Европы. Однако, ближайшіе результаты свиданія показали, что тройственный союзъ не можетъ заставить Италію подчиниться той политикѣ, которую онъ считаетъ враждебной своимъ интересамъ. Съ другой стороны, что касается Австріи, то поддержка Италіи будетъ имѣть для нея цѣну только какъ нѣкоторая задержка процесса распаденія Австро-венгерской имперіи. Со всѣхъ точекъ зрѣнія можно считать тройственный союзъ силой, уже переставшей существовать: она принадлежитъ только прошлому!“ По мнѣнію той же газеты, обезпечить миръ въ Европѣ можетъ только союзъ пяти западныхъ государствъ: Англіи, Франціи, Италіи, Испаніи и Португаліи.

Официально, Австро-Венгрія устами графа Голуховскаго въ засѣданіи комиссіи венгерской делегаціи заявила о продолжающейся неизмѣнности тройственнаго союза, причемъ австрійскій премьеръ призналъ въ то же время, что съ Италіею имѣли мѣсто небольшія размолвки.

Издающійся же въ Вѣнѣ еженедѣльникъ „Parlamentär“ органъ австрійскихъ славянъ, помѣстилъ обширную статью, въ которой, между прочимъ, говорилъ: „Средне-европейскій тройственный союзъ пережилъ самъ себя и сталъ ненужнымъ. Отдѣльные, входящіе въ составъ его члены тяготятся имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ не оправдалъ своей цѣли и своего назначенія. Созданіе Бисмарка, Андраши и Криспи должно было защитить вновь основанную съ Пруссіею во главѣ, германскую имперію отъ французской республики и русской имперіи, въ случаѣ если бы европейскій Западъ и европейскій Востокъ

заключили союз. Тройственный союз действительно породил эту новую политическую комбинацию, но, так как этот славяно-романский и республиканско-монархический союз не выказывал ни малейшаго желанія нарушить существующій въ Европѣ порядокъ вещей и оставлялъ германскую имперію въ покоѣ, то между отдѣльными членами тройственного союза началось постепенное охлажденіе и отдаленіе, такъ какъ у каждаго изъ нихъ были свои особыя нужды и потребности. Италію соединяла съ Австро-Венгріею только Пруссія, итальянскія симпатіи къ романской Франціи проявлялись все яснѣе и яснѣе. Союзъ Италіи съ Пруссіей былъ чисто историческимъ воспоминаніемъ, когда Италія соединялась съ Пруссіей противъ Австро-Венгріи, и союзъ Италіи съ этою послѣднею, при посредствѣ Германіи, былъ совершенно неестественнымъ. Распаденіе должно было произойти и начало было сдѣлано младшимъ членомъ тройственного союза — Италіей. Мароккская конференція доказала, что Италія принадлежитъ къ союзу только по имени. Но опасность тройственному союзу грозитъ также и со стороны Австро-Венгріи, гдѣ, послѣ введенія всеобщаго избирательнаго права, рано или поздно, нужно будетъ ожидать славянскаго большинства въ парламентѣ, а отношеніе славянъ къ тройственному союзу хорошо извѣстно.

По мнѣнію другихъ наблюдателей, послѣдній часъ для тройственного союза пробьетъ со стороны Венгріи. До сихъ поръ обращали мало вниманія на тѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть для международнаго положенія движеніе, происходящее въ Венгріи. Симпатіи между итальянцами и мадьярами существуютъ издавна и постоянно подогреваются общей враждой къ Австріи и потому понятно, что Венгрія должна сыграть крупную роль въ разрушеніи тройственного союза и въ созданіи новыхъ союзныхъ сочетаній.

Такимъ образомъ, судя по всему, тройственный союзъ осужденъ на разрушеніе, которое произойдетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе наступитъ измѣненіе нынѣшняго status quo въ Австро-Венгріи. Въ Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ политическіе круги убѣждены въ чрезвычайной близости и внезапности переворота. Въ предисловіи къ недавно вышедшей „Исторіи войны за австрійское наслѣдство“, фельдмаршалъ лордъ Робертъ сравниваетъ нынѣшнее положеніе Европы съ предшествовавшимъ описываемой въ книгѣ войнѣ. Въ 1906 году, какъ и въ 1740, судьбы обширнаго, но полнаго центробѣжныхъ стремленій государства зависятъ отъ одной жизни мастигаго государя. Теперь, какъ и тогда, есть нетерпѣливый, хорошо во-

оруженный сосѣдь, претендующій на значительную часть наслѣдства. Британскій фельдмаршалъ взымаетъ къ Англіи и Европѣ не дать застать себя врасплохъ, быть готовыми защищать цѣлость габсбургской имперіи и равновѣсіе Европы.

Россія болѣе, быть можетъ, чѣмъ кто-либо другой, должна готовиться къ надвигающимся случайностямъ, въ особенности въ виду положенія, уже занятаго Италіей. Соглашенія этой державы съ Франціей и Англіей, дополняемая ея временнымъ и фактическимъ примиреніемъ съ папствомъ, гарантировавъ ей безопасность извнѣ, какъ и внутри, поволяетъ ей вести энергичную иностранную политику, одною изъ главныхъ чертъ которой является союзъ съ юго-славянами, благодаря чему эти послѣдніе прямо или косвенно очутятся въ зависимости отъ Италіи, а можетъ ли великая славянская держава, хотя временно и ослабленная, равнодушно взирать на переходъ южныхъ славянъ отъ государства со многими народностями къ государству, строго національному и централизованному?

В. Тепловъ.

Условія приѣма объявленій въ «Русскомъ Вѣстникѣ»:

- 1) За объявленіе, напечатанное въ началѣ книжки и занимающее цѣлую страницу, взимается 30 р., за занимающее половину страницы—15 р. за одинъ разъ; за объявленіе, напечатанное въ концѣ книжки на цѣлой страницѣ—20 р., на половинѣ страницы—10 р. за одинъ разъ.
- 2) Чтобъ объявленіе могло быть напечатано или приложено къ книжкѣ журнала, выходящаго ежемѣсячно, 1-го числа, объявленіе должно быть доставлено въ контору журнала не позже 20-го числа текущаго мѣсяца.
- 3) За каждую тысячу экземпляровъ отдѣльныхъ приложений для разсылки ихъ при журналѣ взимается: за 1000 экземпляровъ приложений въсомъ не болѣе 1 лота каждое, по 7 р. 50 к., въсомъ отъ 1 до 2 лотовъ—10 руб., отъ 2 до 3 лотовъ—12 р. 50 к., отъ 3 до 4 лотовъ—15 р. и т. д.
- 4) Объявленія печатаются въ журналѣ или рассылаются при немъ не иначе, какъ по полученіи въ конторѣ журнала причитающейся за то платы.

М. Н. КАТКОВЪ.

Полное собраніе передовыхъ статей

„Московскихъ Вѣдомостей“ 1863—1887.

Изданіе С. П. Катковой.

Изданіе состоитъ изъ 25 томовъ, отъ 35 до 60 листовъ въ каждомъ. Цѣна: безъ пересылки 62 р. 50 к.; съ пересылкою 75 р. Съ требованіями обращаться въ контору «Владимира Чичерина» въ Москвѣ, Малая Луговая, домъ Страховаго Общества „Россія“.

В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ (Рочестеръ).

Свѣточи Чехіи.

Истор. ром. изъ эпохи пробужденія чешскаго народнаго самосознанія.

ПРОДАЕТСЯ: въ книж. магаа. «Новаго Времени» (СПБ., Москва, Харьковъ, Саратовъ, Ростовъ-на-Дону и Одесса) и проч. значительныхъ книготорговляхъ.

Цѣна 1 р. 80 к.

!!Выписывающіе отъ автора (СПБ., Невскій, 158) за пересылку не платятъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣлено допустить книгу въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

ВОЗЗВАНІЕ.

Боголюбивые благотворители, дорогіе братья и сестры во Христѣ!

Именемъ Господнимъ умоляемъ васъ: во славу Божию и на молитвенное поминаніе о здравіи и благоденствіи васъ, а также и объ упокоеніи въ райскихъ обителяхъ дорогихъ вамъ вашихъ покойниковъ, помогите вашей посильной жертвой, хоть даже самой небольшой лептой, воздвигнуть намъ храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ построеніи храма нужда самая вопіющая и неотложная. Средствъ же нѣтъ, прихожане—крестьяне совершенно бѣдные. Вся надежда на вашу добрую помощь.

Господи, благослови и помоги!

Адресъ: почт. ст. Шарковщина, Виленской губ. Строительному комитету по сооруженію Старо-Шарковской св.-Успенской церкви.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1906 г.,

издаваемый В. В. Комаровымъ.
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

«Русскій Вѣстникъ» въ 1906 году выходитъ по прежней программѣ, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

1 Января 1906 года «Русскій Вѣстникъ» закончилъ первое пятидесятилѣтіе и вступилъ въ пятьдесятъ первый годъ своего изданія.

Кромѣ обширныхъ отдѣловъ беллетристики и журналистики, «Русскій Вѣстникъ» въ 1906 г. будетъ специально разрабатывать государственные вопросы, вызываемые къ жизни освободительнымъ движеніемъ и Высочайшимъ Манифестомъ, опредѣляющимъ бытіе Государственной Думы.

Подписная цѣна на годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: съ доставкой въ С.-Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкою во все мѣста Россіи 16 р., а за границу 20 р.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ 8 р., на 3 мѣсяца 4 р. съ пересылкою и доставкой.

Книжные магазины пользуются уступкою по 50 коп. съ годового экземпляра.

Подписка на сроки меньше года принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Редакторъ-Издатель **В. В. Комаровъ.**

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

305 2
ТОМЪ ТРИСТА ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

1906.

О К Т Я Б Р Ъ .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій пр. 136

1906,

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	стр.
I. ЗЛАЯ СИЛА. X—XVII. Ө. Ө. Тютчева.	403
II. ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦІЯ. Н. Э.	481
III. ПАДШАЯ. М. Нестерова.	499
IV. БОРЬ. Стихотвореніе К. Гребенского.	514
V. ПОДЪ ЗНАКОМЪ СОЛНЦА. Романъ. XLII—LV. Николая Энгельгардта.	517
VI. ГОНЧАРОВЪ-ЦЕНЗОРЪ. Неизданные матеріалы для его біографіи.	571
VII. ПАУТИНА. Романъ. Часть III. XVIII—XXI. В. Крыжановской (Рочестеръ).	620
VIII. НАДО МНОЮ НЕБОСКЛОНЪ ЛУЧИСТЫЙ.. Стихотвореніе В. Глинни.	678
IX. ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ. (Изъ мнѣхъ воспоминаній). В. Пичуна.	679
X. ЖУРНАЛЬНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Н. Симова.	690
XI. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. «Маленькая статистика». — Полторы тысячи жизней въ жертву «освобожденія». — Варывъ бомбы на свадебномъ вечерѣ. — «Скальпированіе» въ Со- сницѣ. — «Харакири» въ Москвѣ. — Какъ велика армія Бунда? — Конкуренція союзовъ анархистовъ. — Резолюція комитета с. д. и Бунда противъ экзпропріаціи частныхъ имуществъ. — Переполненіе университетовъ. — Борьба совѣ- товъ профессоровъ съ совѣтами студенческихъ старостъ. — Резолюція сходокъ. — Резолюція академическаго союза и ея неуспѣхъ. — Пріемъ евреевъ. — Правительственное сообщеніе 24 июля. — Изъ лѣтописи «отдѣльныхъ террористическихъ актовъ», которые «знаменуютъ скорѣе безсиліе револю- ціи». — Событія въ г. Сьдлецѣ и въ г. Камышнянѣ. — Положе- ніе Балтійскихъ губерній. — Финляндія — убѣжище револю- ціи. — Анархія на Кавказѣ. — Вопросъ о безработныхъ. — Со- вершенное оскудѣніе земскихъ кассъ. — Ликвидация помѣст- наго хозяйства крестьянскимъ банкомъ. — Передача крестьянству двѣнадцати миліоновъ десятинъ. — Синдикатъ ино- странцевъ для ссуды подъ эти земли. — Наказъ землеустро- ительнымъ комиссіямъ. — Незбѣжное политическое дав- леніе на продавцовъ и покупателей. — Конституція и пре- дупредительныя связи. — Трансакція русскихъ финан- совъ. — Проектъ омоложенія арміи. — Берлинскіе синдикаты для скупки Сибири. — Поддержка забастовочнаго движенія въ Польшѣ. — Ученая классификація пятнадцати русскихъ партій. — Публичныя письма кн. Евг. Н. Трубецкого, А. И. Гучкова, проф. В. И. Герье и Дм. Н. Шипова. Н. А. Энгельгардта.	736
XII. ОБЗОРЪ ВНѢШНИХЪ СОБЫТІЙ. Македонія. В. А. Теплова.	782

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИСТА ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

О К Т Я Б Р Ъ.

1906.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій, 196.

1906.

Δ
P 5/12/1930

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

May 31 1930

Злая сила.

(Изъ жизни на русской окраинѣ).

X 1).

Послѣ неудачнаго визита къ Нускаты, когда они не застали дома Елизавету Львовну, Бобровъ нѣсколько разъ звалъ Денисьева идти съ нимъ, но Теодоръ Теодоровичъ упорно отказывался. Ему, при его чувствѣ къ Лелѣ, почему-то тяжело и неприятно было идти къ ея сестрѣ. Онъ въ душѣ обвинялъ Нускатовъ за то, что они допустили Елену жить въ томъ обществѣ, въ какомъ она жила. А общество это ему было хорошо извѣстно. Лучшимъ былъ Полуэктовъ, что-же касается Сержа, Пети Бумъ-бумъ, Форкатти, Prince Pierr'a и прочихъ, то все это были шалопаи перваго разбора, кутилы и скандалисты, вовсе не подходящая компанія молодой дѣвушки. Воспоминаніе о нихъ отравляло ему всякое желаніе пойти къ ней и, собираясь каждый день, онъ все откладывалъ и откладывалъ свое посѣщеніе на неопредѣленное время. Однажды, недѣлю спустя, онъ встрѣтилъ Лелю въ амазонкѣ, на знаменитомъ полуэктовскомъ Голубѣ, очень зломъ и капризномъ жеребцѣ, на которомъ даже Полуэктовъ не находилъ особаго удовольствія ѣздить. Увидя Денисьева, Леля подняла своего коня въ галопъ и, радостная и оживленная, остановилась подлѣ него. Слегка растрепанные волосы золотыми прядями выбились изъ-подъ цилиндра, глаза горѣли, лицо разрумянилось, туго стянутая чернымъ корсажемъ съ бѣлой крахмальной манишкой, грудь прерывисто дышала. Она граціозно склонилась на сѣдлѣ и протянула Денисьеву свою крошечную ручку, какъ бы облитую бѣлоснѣжной замшей.

1) См. «Русск. Вѣст.», сентябрь 1906 г.

— Здравствуйте, Теодоръ Теодоровичъ. Что-жъ вы не заходите ко мнѣ?—спросила она, ласково улыбаясь.—Я васъ всѣ эти дни поджидала.

Денисьевъ покраснѣлъ и пробормоталъ что-то въ свое оправданіе.

Онъ смотрѣлъ на Лелю во всѣ глаза, восхищаясь ею и въ то-же время чувствуя въ сердцѣ своемъ смутную, щемящую боль, происшедшую отъ сознанія, какъ далека и недоступна для него эта гордая, избалованная, своенравная красавица, которая, если бы ему вздумалось предложить ей навсегда раздѣлить съ нимъ его судьбу, навѣрно бы только расхохоталась такому предложенію.

Леля усмѣхнулась и лукаво прищурилась.

— Ваши оправданія однѣ пустыя отговорки, мой милый,— пропѣла она, грозя пальчикомъ, и я слышать ихъ не хочу... Завтра же жду васъ къ себѣ, слышите... Кстати, вы ѣдите верхомъ?

— Бѣжу, но плохо,—отвѣтили Денисьевъ, особенно по сравнению съ центаврами, окружающими васъ.— Онъ многозначительно повелъ бровью въ сторону Полуэктова, Сержа и Форкати, рисовавшихся не подалеку отъ нихъ на своихъ красивыхъ коняхъ.—Къ тому же у меня и лошади нѣтъ, добавилъ Денисьевъ.

— Ну, это бы еще поль-бѣды, лошадь можно было бы достать, но если вы дѣйствительно плохо ѣдите, то, конечно, лучше вамъ не ѣдить. Мнѣ было бы непріятно, если бы они въ моемъ присутствіи стали трунить надъ вами.

Сказавъ это, она ловко и смѣло, на однѣхъ заднихъ ногахъ повернула своего коня и, махнувъ хлыстикомъ поджидавшимъ ее кавалерамъ, пустила коня рѣзвымъ галопомъ и черезъ минуту вся кавалькада исчезла изъ глазъ Денисьева въ густомъ облакѣ поднятой ею пыли.

Денисьевъ вздохнулъ и побрелъ домой, размышляя, что бы значила фраза, брошенная ему Лелей.

— Мнѣ было бы непріятно, если бы въ моемъ присутствіи они стали трунить надъ вами? повторилъ онъ про себя, стараясь разгадать внутреннее побужденіе, подсказавшее Лелѣ эти слова, въ которыхъ ему смутно чудилось что-то похожее на зарождающееся расположеніе.

— А можетъ быть, просто такъ сказала, изъ любезности— подумалъ онъ,—да и навѣрно такъ... Какой интересъ могу я представлять для нея? Во всякомъ случаѣ меньше Полуэ-

ктова, Сержа и Форкатти... Тѣ богачи и всячески балуютъ ее, даже нашъ Петя Бумъ-бумъ и тотъ имѣетъ то преимущество, что потѣшаетъ ее своими глупостями, а я и говорить то съ ней не умѣю.

На другой день однако Денисьевъ все-таки пошелъ къ Лелѣ, но не засталъ ее дома. На его звонокъ вышла сама Екатерина Петровна, вяло и какъ бы нехотя объяснившая ему, что Леля уѣхала въ гости къ сестрѣ Форкатти.

— У нихъ тамъ что-то вродѣ пикника затѣялось... не знаю хорошенько — шамкала старуха, безучастно глядя въ лицо Денисьеву унылымъ, потухшимъ взглядомъ, — неожиданно прѣехали, цѣлая орда нагрянула и увезли съ собой... Не успѣла даже спросить, когда вернется... Только сегодня врядъ-ли... Можетъ, быть завтра прѣдетъ, а можетъ быть, и дня три прогостить, не знаю...

— И это часто такъ бываетъ? — неожиданно для самого себя не удержался и спросилъ Денисьевъ.

— Хороводы то эти? съ едва уловимымъ отгѣнкомъ неудовольствія проворчала Екатерина Петровна, — да почти каждый день... Что дѣлать, молодая, вѣтренная... пустяки на умѣ.

Качалова вздохнула и, кивнувъ головой Денисьеву, безцеремонно заперла дверь, чуть не подъ самимъ его носомъ.

Денисьевъ вернулся домой, смущенный, опечаленный и немного обиженный.

— Сама приглашала, — размышлялъ онъ, настаивала, чтобы непременно былъ, сама назначила день и уѣхала, не поручивъ даже ничего сказать, очевидно совершенно забывъ о немъ. Впрочемъ, не удивительно, и приглашала-то она такъ, не придавая своему приглашенію никакого значенія, просто свѣтская лѣбезность... А я, дуракъ, кажется уже въ мечты пустился... Подѣломъ, знай сверчокъ свой шестокъ... Да оно, пожалуй, и къ лучшему, я ей не пара и всѣ эти посѣщенія и знакомства только бы сердце надрывали...

Онъ рѣшилъ не ходить къ Лелѣ и стойко держался своего рѣшенія, тѣмъ болѣе, что со стороны Лели не было никакихъ попытокъ поколебать его стойкость.

— Ну, братъ, сегодня, какъ ты хочешь, а долженъ идти и слышать ничего не хочу, иначе шабашъ, мы больше не друзья, не хочу тебя и знать.

Съ этими словами, Бобровъ, по обыкновенію всегда весе-

лый и оживленный, бросилъ фуражку на подоконникъ и бросился въ ближайшее кресло.

— Уфъ, усталъ,—вдохнулъ онъ, протягивая ноги,—цѣлыхъ два часа съ m-lle Форкатти по бульвару гулялъ, загоняла совсѣмъ.

— Кстати, скажи, кто такая Форкатти? — спросилъ Денисьевъ.

— Не желаешь-ли, посватаю. Одна изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ городѣ... хорошее имѣнье, капиталъ тысячь сто и при этомъ, что рѣдко бываетъ съ богатыми невѣстами, не только не уродъ, но прямо прехорошенькая миниатюрная брюнеточка, лѣтъ 24-хъ...

— Вотъ бы ты и сватался,—перебилъ Денисьевъ,—зачѣмъ дѣло стало?..

— Избави Богъ,— съ комическимъ ужасомъ всплеснулъ руками Бобровъ.—Мнѣ жизнь еще не надоѣла. Эта Форкатти какая-то вбалмошная, ѡдичать на бѣшеныхъ лошадахъ, носить въ карманѣ револьверъ, держать на дворѣ на свободѣ медвѣдей... Словомъ, что-то ужасное по своей эксцентричности.. Кстати, она большая подруга твоей Лели...

— Какой моей Лели?—наморщилъ брови Денисьевъ.

— Лели Качаловой—вѣдь ты безъ ума отъ нея.

— Оставь, прошу тебя, говорить глупости, если ты будешь дразнить меня Еленой Львовной, я стану дразнить тебя г-жей Нускатъ...

При этихъ словахъ Денисьева Бобровъ вскочилъ съ кресла и дурачливо схватился за голову.

— Ахъ я риноцеровъ,—завопилъ онъ, сажу и трачу время въ праздно болтовнѣ, когда насъ ждуть... Идемъ, идемъ скорѣй!

— Куда?

— Къ Елизаветѣ Львовнѣ. Она насъ сегодня ждетъ.

— Не такъ ли, какъ тотъ разъ? Помнишь, какъ мы поцѣловали тогда пробой и отправились домой.

— Нѣтъ, сегодня она дома. Я видѣлъ ее утромъ въ магазинѣ и она сказала, что, если мы пожелаемъ, можемъ заѣхать къ ней вечеромъ на чашку чаю.

— Кто мы?

— Я и ты, разумѣется, кто же другой?

— Вотъ какъ. Значить она и меня приглашала? Очень лестно, но почему такое вниманіе?

— Я ей какъ-то говорилъ о тебѣ и, должно быть, не плохо, потому что она поинтересовалась поближе познакомиться съ тобой...

— Вотъ оно что, покорно благодарю за рекомендацію, боюсь только, оправдаю-ли ее... Ты вѣдь, немного, фантазеръ...

— Ну, ладно, ладно,—одѣвайся скорѣй.

На этотъ разъ Денисьевъ не сталъ отговариваться и черезъ нѣсколько минутъ оба друга уже шли по улицамъ К.

На поворотѣ они неожиданно наткнулись на старую цыганку, въ рваномъ красномъ платкѣ, толстую, морщинистую и грязную.

Увидя офицеровъ, старуха осклабила широкій ротъ, съ желтоватыми обломками вмѣсто зубовъ и, безцеремонно схвативъ за рукава, принялась тягучимъ, завывающимъ тономъ выклянчивать позволеніе погадать на ручку.

— Вѣдь ты все, старая карга, наврешь,—засмѣялся Бобровъ.

— Зачѣмъ врать, старая Мариуца никогда не вретъ. Дай ручку, самъ увидишь, правду-ли я скажу.

— Ну на, пожалуй,—продолжая смѣяться, согласился Бобровъ, протягивая старухѣ раскрытую ладонь, съ лежащими на ней двумя серебряными монетами.

Цыганка поспѣшно сунула деньги въ карманъ и устремила свои острые, черные глаза на руку офицера. Солнце склонялось къ закату, было еще совсѣмъ свѣтло и очень мало прохожихъ.

— Ты скоро, баринъ, женишься,—заговорила цыганка,—на богатой и красивой, жена будетъ у тебя хорошая, но только воли ей не давай.

Бобровъ расхохотался.

— Прибавь еще: доживешь до ста лѣтъ и будешь генераломъ.—Вѣдь вы офицерамъ всѣмъ предсказываете одно и тоже, слово въ слово...

— Нѣтъ, генераломъ ты не будешь, а сдѣлаешься помѣщикомъ, богатымъ, богатымъ... А жить будешь долго, это вѣрно.

— Ну, а какова изъ себя моя будущая невѣста?

— Красавица, брунетка и глаза во,—цыганка сдѣлала изъ пальцевъ обѣихъ рукъ по большому кружку, наглядно показывая, какіе глаза будутъ у будущей жены Боброва.

— Ну и прекрасно,—крикнулъ Бобровъ,—идемъ, Федя.. Невѣста будетъ, деньги будутъ, чего намъ тужить.

— А развѣ баринъ не позволитъ старой Мариуцѣ погадать?—лукаво прищурилась цыганка, попридерживая Денисьева за рукавъ его кителя,—дай, баринъ, ручку, погадаю, судьбу скажу.

— Я и самъ ее знаю,—улыбнулся тотъ,—скоро женюсь на богатой, съ глазами во, брунетка и жить буду долго... Не такъ ли, Бобровъ?

Оба офицера добродушно разсмѣялись.

Пользуясь ихъ благосклонностью, цыганка поймала руку Денисьева, почти насильно разжала ладонь и, словно клюнувь ее своимъ длиннымъ крючковатымъ носомъ, начала внимательно разсматривать пересѣкавшія ладонь линіи.

Вдругъ она подняла голову и зорко глянула въ глаза Денисьеву.

— Баринъ, ты не трусь? Хочешь знать правду? Не бойшьяся, а?—съ вызывающимъ видомъ трянула головой цыганка.—Если хочешь—скажу, а бойшьяся—ступай себѣ съ Богомъ и денегъ не давай—не надо.

Эти страннѣя слова разожгли любопытство молодыхъ людей.

— Ну нѣтъ, шалишь,—воскликнулъ Денисьевъ,—если начала, то досказывай... На рубль, только ври складнѣй.

Цыганка укоризненно покачала головой.

— Напрасно не вѣришь Мариуцѣ, баринъ, а она тебѣ правду скажетъ... Лючше вѣрь, бѣду минуешь... Сказавъ это, цыганка сдѣлала серьезное, даже какъ бы испуганное лицо и таинственно зашептала:—берегись, баринъ, за спиной у тебя смерть... Опасайся женщины и никому не вѣрь.

— Какая смерть, когда, почему?—невольню поддавшисъ суевѣрному страху, такъ-же шепотомъ спросилъ Денисьевъ.

— Не знаю,—печально отвѣтила цыганка,—руки говорятъ только: — большая опасность, смерть грозитъ, беречтисъ надо, бѣда отъ женщины. Больше рука ничего не говоритъ, а чего не говоритъ рука, того Мариуца не знаетъ... Будь осторожень... Опасность очень велика.

Сказавъ это, цыганка запахнула свой платокъ, поклонилась и пошла дальше.

— Фу ты, чепуха какая, — съ досадою воскликнулъ Бобровъ,—обморочила хитрая баба... Вѣдь это она нарочно, съ досады... Я посмѣялся надъ ней, сказавъ, что она всѣмъ и тоже пророчить: — богатую невѣсту и долгую жизнь, вотъ она на зло взяла и напороочила тебѣ худое... Не правда-ли?

— Можетъ быть,—задумчиво отвѣчалъ Денисьевъ,—ты и правъ, а можетъ быть она и не наврала...

— Какъ такъ не наврала,—горячо возразилъ Бобровъ,—разумѣется же, наврала... эхъ, — съ досадою добавилъ онъ, — и нужно же ей было сказать это тебѣ, ты вѣдь суевѣрный, вѣришь во всякую кабалистику... Лучше бы она мнѣ сказала, я, слава Богу, ни въ какую магію не вѣрю...

— Да и я въ черную магію не вѣрю, — перебилъ друга Денисьевъ,—а только согласисъ самъ, развѣ мы можемъ до-

пустить мысль, будто съ нашей смертью все кончается... Если мы видимъ, что въ природѣ ничто не исчезаетъ безъ остатка, а только перевоплощается, даже при горѣніи, когда, казалось бы, должно все улечуться, то какъ же можетъ исчезнуть безъ слѣда то, что называется человѣческой душой... Тотъ всеобъемлющій, могучій духъ, родственннй Божеству, который, даже скованный плотью, творить чудеса, заставляетъ трепетать земной шаръ, подчиняетъ себѣ не только законы природы, но даже законы исторіи... Если отъ брошенной въ печку охапки дровъ, послѣ того, какъ дерево сгоритъ, остается нѣчто, что мы понимаемъ подъ словомъ теплота и что въ свою очередь вызываетъ разныя явленія, хотя бы напримѣръ кипяченіе воды и т. п., то какъ я могу повѣрить, чтобы по разрушеніи тѣлесной оболочки міроваго генія, какъ напримѣръ Наполеонъ, или нашъ Петръ Великій, ихъ огромная душа, ихъ мощный духъ исчезъ въ абсолютномъ ничто? Ну, скажи самъ, возможно-ли это?

— Разумѣется, да развѣ я когда нибудь отрицалъ безсмертіе души... я христіанинъ, вѣрующій... И въ церкви, и въ Евангеліи... однимъ словомъ вездѣ говорятъ... А впрочемъ, вотъ мы и пришли... Оставимъ-ка на время нашъ диспутъ... я, признаться, и не особенный охотникъ до такихъ разговоровъ... Звони-ка лучше.

Денисьевъ позвонилъ.

Имъ открыла та-же хорошенькая горничная и, улыбаясь и жеманясь, впустила въ широкія, просторныя сѣни.

— Пожалуйте,—распахнула она передъ ними дверь въ гостиную,—черезъ гостиную въ будуаръ, барыня тамъ.

Какъ у многихъ молдаванскихъ богачей, квартира Нускатовъ была убрана и обставлена въ фантастически-восточномъ стилѣ. Дорогіе турецкіе ковры по стѣнамъ и на полу, обтянутые полосатымъ шелкомъ диваны, тахты, пуфы, маленькіе круглые и квадратные столики съ вычурной рѣзбой, инкрустаціей и арабесками изъ перламутра и дерева на верхней доскѣ, на которыхъ были изображены или фантастическіе птицы и звѣри или просто шашечницы, съ разставленными на нихъ фигуристыми шахматами изъ чернаго дерева и слоновой кости. Съ высокихъ, лѣпныхъ, куполообразныхъ потолковъ свѣшивались, на шелковыхъ шнурахъ и бронзовыхъ цѣпочкахъ, вычурной формы разноцвѣтные фонари, украшенные кистями и шелковыми занавѣсочками. Множество стариннаго оружія, богато отдѣланнаго въ золото, серебро, перламутръ и слоновую кость, висѣло по стѣнамъ, составляя прихотливые узоры изъ

кривыхъ турецкихъ сабель, ятагановъ, осыпанныхъ бирюзой, кинжаловъ всякихъ формъ и величинъ, луковъ, засунутыхъ въ парчевые, наполненные стрѣлами, колчаны, небольшихъ круглыхъ щитовъ, испещренныхъ арабскими надписями изъ корана и украшенныхъ ковскими хвостами бунчуковъ, нѣкогда грозно красовавшихся въ рукахъ кровожадныхъ пашей.

Когда оба пріятеля, неслышно ступая по мягкимъ коврамъ и минуя цѣлый рядъ слабо освѣщенныхъ комнатъ, достигли наконецъ небольшого уютнаго будуара, видоми и украшеніемъ своимъ напоминающаго гаремъ, какимъ его рисуетъ пылкое воображеніе французскихъ путешественниковъ, они увидѣли Елизавету Львовну, пріютившуюся въ уголку огромнаго турецкаго дивана, съ высокой спинкой и множествомъ подушекъ. Она сидѣла, поджавъ ноги, склонивъ голову на обнаженную руку, и внимательно читала какую-то книжечку въ сафьяновомъ переплетѣ съ золотыми застежками. Замѣтивъ входившихъ офицеровъ, Елизавета Львовна торопливо отбросила книжку въ сторону и съ очаровательной улыбкой поднялась на встрѣчу гостямъ.

Сегодня она была одѣта по домашнему очень просто. На ней было темнаго цвѣта платье, изъ легкой, лѣтней матеріи, съ широкими рукавами и низко вырѣзаннымъ ворѣтомъ. Сквозь черныя кружева, какъ слоновою костью, бѣлѣли обнаженныя отъ локтей руки и красивая, чуть-чуть смуглая шея, изящными линіями сливавшаяся съ стройнымъ, какъ у дѣвушки бюстомъ.

— Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны, господа, что вы рѣшились поскучать со мной—радушно заговорила Елизавета Львовна, крѣпко пожимая руки обоимъ пріятелямъ и какъ бы лаская ихъ взглядомъ своихъ черныхъ, красивыхъ глазъ. — Очень, очень мило... Я сегодня цѣлый день одна и страшно скучаю... Мужъ еще вчера уѣхалъ по дѣламъ въ имѣнье и вернется только поздно ночью, а то и завтра утромъ... Ну, садитесь-же и занимайте меня, а то я скоро съ тоски не знаю, куда дѣться.—Что новаго въ городѣ, о чемъ сплетничаютъ?.. Рассказывайте.

— Съ какихъ это поръ вы начали любить сплетни, Елизавета Львовна?—усмѣхнулся Бобровъ, подсаживаясь ближе къ хозяйкѣ.—Прежде что-то за вами этого грѣха не водилось.

— Что дѣлать, мой другъ, старѣть начинаю, а старухи всѣ сплетницы, — засмѣялась Елизавета Львовна, кокетливо прищуривая глаза.

— На такія слова, кажется, полагается отвѣчать комплиментомъ, но я, къ сожалѣнію, не умѣю...

— Вы то не умѣете?—перебила Елизавета Львовна.— Охъ какой лгунъ... Да вѣдь вы на весь городъ первый дамскій кавалеръ и комплиментныхъ дѣлъ мастеръ... Скажете, неправда? Или вы, можетъ быть, считаете, что я не стою, чтобы изъ за меня ломать голову надъ придумываніемъ любезностей...

— Отчасти правда; дѣйствительно, зачѣмъ трудиться изобрѣтать комплименты, когда даже самый вычурный, самый льстивый и замысловатый комплиментъ въ примѣненіи къ вамъ не выразилъ бы и сотой части вашихъ достоинствъ...

— Какъ? Какъ вы сказали? Повторите, — широко открыла глаза г-жа Нускатъ, при чемъ все лицо ея озарилось лукаво-добродушной улыбкой, — и это еще не „комплиментчикъ“, какъ говорить моя Катрунка... Кстати, вы знаете, она серьезно влюблена въ васъ.

— Мнѣ очень лестно, что въ этомъ домѣ я пользуюсь хоть чьей нибудь благосклонностью, — съ особымъ удареніемъ отвѣтилъ Бобровъ.

— Ахъ, алой. Вотъ злюка-то. Не стыдно вамъ такъ говорить? Въ этомъ домѣ вы пользуетесь не только благосклонностью, а прямо таки всеобщою симпатіею... Скажите, неправда развѣ?

— Симпатія вещь растяжимая, — вадохнулъ Бобровъ, — у моей квартирной хозяйки на дворѣ есть козель, препротивная скотина, а она увѣряетъ всѣхъ, будто онъ ея единственная симпатія.

Елизавета Львовна улыбнулась.

— Положимъ, про козла это вы сейчасъ выдумали, для краснаго словца, чтобы уязвить меня, но я неуязвима и ваши стрѣлы не попадутъ въ цѣль... Кстати о симпатіи. Знаете-ли, кто къ вамъ питаетъ особую симпатію? Я только недавно узнала. Угадайте?

— Не знаю, даже не могу себѣ представить, чтобы я могъ заслужить чью-нибудь особую симпатію.

— Ахъ, какая скромность, совсѣмъ какъ у институточки. Въ такомъ случаѣ, я сама вамъ скажу, хотя и убѣждена, что вы сами прекрасно знаете. Къ вамъ питаетъ большую симпатію m-lle Форкати. Совѣтую принять это къ свѣдѣнію. Она богата, хороша собой, круглая сирота и не имѣетъ сестры. Послѣднія два обстоятельства особенно важны.

— Но имѣетъ брата, — многозначительно подчеркнул Бо-

бровь.— Мы съ вами сейчасъ говоримъ, какъ пишутъ составители нѣмецкой грамматики; моя тетушка имѣетъ два чепчика, а ея племянница имѣетъ одного брата. И къ тому же полоумнаго. Это я уже отъ себя прибавляю, по адресу молодого Феркатти.

— Ужъ будто онъ такой полоумный... Если бы онъ былъ полоумный, онъ навѣрно бы женился на одной извѣстной вамъ особѣ, а между тѣмъ объ этомъ что-то не слышно...

—, Можетъ быть, извѣстная особа сама не желаетъ этого брака...

— А развѣ вы что-нибудь слышали?—встрепнулась Елизавета Львовна.—Если слышали—разскажите, вы вѣдь знаете, какое все это имѣетъ для меня значеніе.

— Слышать ничего, положимъ, не слыхалъ, но таково мое мнѣніе...

— Если вы не ошибаетесь, то это грустно,—покачала головой Елизавета Львовна и лицо ея какъ-то сразу затуманилось,—очень грустно,—еще разъ повторила она и задумалась.

Денисьевъ, внимательно прислушивавшійся къ разговору Боброва съ Елизаветой Львовной, инстинктивно догадался, что они говорятъ о Лелѣ, и ему стало непріятно. Что-то похожее на чувство враждебности къ Елизаветѣ Львовнѣ шевельнулось въ немъ и онъ далеко не дружелюбно взглянулъ на нее, но, пораженный страдальческимъ выраженіемъ лица Елизаветы Львовны и почувствовавъ къ ней невольную жалость, смутился.

„Нѣтъ, тутъ что-то да кроется, какая-то драма,—подумалъ онъ,—но вотъ вопросъ, кто изъ нихъ виноватъ больше“?

Теперь, когда онъ познакомился съ Лелей, ему захотѣлось провѣрить то впечатлѣніе, какое произвела на него г-жа Нускакъ при первомъ ихъ знакомствѣ. Въ городѣ многіе находятъ Елизавету Львовну красивѣе сестры; Бобровъ первый былъ того же мнѣнія, но Денисьевъ никакъ не могъ согласиться съ этимъ взглядомъ.

Вотъ и теперь, украдкой разглядывая сидѣвшую полъ-обортомъ къ нему г-жу Нускакъ, онъ мысленно ставилъ рядомъ съ ней образъ Лели и, сравнивая обѣихъ, находилъ Лелю лучше.

„Хотя и эта дивно хороша,—думалъ Денисьевъ, любясь классически строгими чертами лица Елизаветы Львовны,—и вѣдь рождаются такія красавицы на свѣтѣ... Что значить южный типъ. Въ Петербургѣ, сколько я жилъ, ни одной такой не видалъ... даже не вѣрилъ, что есть такія. Нѣтъ ничего мудре-

наго, что Ленька потерялъ голову, жаль бѣднягу, право жаль... влюбленъ, какъ котъ, и безнадежно.

Денисьевъ усмѣхнулся и повелъ глазомъ на Боброва, который сидѣлъ понурясь, немного блѣднѣе обыкновеннаго, съ какой-то особенной, растерянной улыбкой на губахъ, какой въ обыкновенное время у него не было.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Первая очнулась Елизавета Львовна.

Она быстро подвѣла голову и прищурилась, что очень шло къ ней, благодаря длиннымъ, густымъ рѣсницамъ, красиво отгнѣвающимъ смуглую блѣдность ея строго классическаго лица съ тонкимъ, изящнымъ носомъ и пышными алыми губами.

Таже привычка щуриться и прятать за рѣсницами выраженіе глазъ была у Лели, но у нея это выходило еще красивѣе, чѣмъ у сестры. По крайней мѣрѣ, такъ казалось Денисьеву.

— Однако, господа, что-жъ это мы сегодня точно на панихиду съѣхались, — напуская на себя веселость, воскликнула Елизавета Львовна. — Леонидъ Леонидовичъ, я васъ просто не узнаю, вы какой-то сегодня особенно мрачный...

— Я, нѣтъ, помилюйте, — оживился Бобровъ, — напротивъ, и съ чего мнѣ быть грустнымъ? Сейчас мы встрѣтили цыганку и она мнѣ предсказала скорую женитьбу на богатой красавицѣ.

— Ну, вотъ видите, не даромъ я вамъ говорю о Форкатти, какъ разъ подходитъ... А вамъ, Федоръ Федоровичъ, — обратилась Нускатъ къ Денисьеву, — что посулила цыганка, навѣрно тоже невѣсту?

— Къ сожалѣнію, я не такъ счастливъ, какъ мой другъ Леонидъ Леонидовичъ, — съ шутилой сокрушенностью вздохнулъ Денисьевъ, — ему судьба приготовила невѣсту, а меня ждетъ смерть.

— Какъ такъ? — удивилась Елизавета Львовна.

— Глупости все, — поморщился Бобровъ, — просто цыганка въ отместку за наши насмѣшки надъ нею, предсказала ему какую-то близкую опасность, да еще отъ женщины... Чепуха, однимъ словомъ...

— А вы вѣрите предсказаньямъ? — полюбопытствовала Елизавета Львовна, заглядывая въ лицо Денисьеву.

— Въ отдѣльности онъ ничему не вѣрить, — отвѣчалъ за друга Бобровъ, — ни предсказаньямъ, ни предчувствіямъ, ни привидѣніямъ, ни снамъ... словомъ, ничему тому, о чемъ говорила ему нянька въ дни его юности; но, сомнѣваясь

въ существованіи русскихъ русалокъ, домовыхъ и дѣшихъ, онъ почему-то свято вѣритъ шарлатанскимъ выдумкамъ англичанъ-медіумовъ... Своеобразная русская черта, даже бѣсовщину выписывать изъ за границы, пренебрегая отечественнымъ производствомъ.

— Это зло, — усмѣхнулась Елизавета Львовна. — У васъ, я замѣчаю, языкъ дѣлается все острѣй и острѣй... Скоро вамъ не нужно будетъ въ цирюльню ходить.

— Вы думаете, что къ тому времени мой языкъ замѣнитъ мнѣ бритву, — сомнѣваюсь...

— А я не сомнѣваюсь... Однако, — снова обратилась Елизавета Львовна къ Денисьеву, — вы мнѣ такъ и не отвѣтили на мой вопросъ: вѣрите-ли вы въ возможность правдивыхъ предсказаній, обывающихся впослѣдствіи?

— Рааумѣется, вѣрю, — горячо воскликнулъ Денисьевъ.

— И въ предчувствія вѣрите? — еще серьезнѣе допытывалась Елизавета Львовна.

— И въ предчувствія вѣрю.

— И я вѣрю, — тихо, словно бы про себя, подтвердила Нускатъ и, помолчавъ немного, добавила: — у меня въ жизни нѣсколько разъ бывали предчувствія, но не всѣ они исполнились... Сказать по совѣсти, неисполнившихся было больше, но вмѣстѣ съ тѣмъ, были случаи прямо поразительные, произведшіе на меня очень сильное и глубокое впечатлѣніе... Я бы могла разсказать вамъ, но какъ-то жутко, на ночь глядя, подымать такой разговоръ, тѣмъ болѣе, что меня и сейчасъ гнететъ какое-то тайное предчувствіе... И знаете, уже не первый день, а дня три... Мнѣ все чего-то страшно, точно я жду, что вотъ-вотъ должно-случиться какое-набудь несчаствіе... особенно сегодня съ утра... Ночью я видѣла сонъ, но какой, не помню. У меня отъ него осталось только впечатлѣніе какой-то мрачной пустоты, холодной бездны, въ которой я металась въ неустойчивой тоскѣ, ища выхода, но выхода не было... Кругомъ меня были однѣ отвѣсныя стѣны и царилъ леденящій холодъ. Не замораживающій, а проникающій внутрь, наполняющій все существо... Словомъ, что-то такое, чего я разсказать не умѣю... Подъ впечатлѣніемъ этого сна, я уже начинаю опасаться, не случилось ли чего-нибудь съ мужемъ...

— Господи, какое малодушіе! — воскликнулъ Бобровъ. — Какъ вамъ не стыдно? Снамъ вѣрять только богадѣленки.

— Вы, стало быть, Леонидъ Леонидовичъ, отрицаете даже историческіе сны... хотя бы, напримѣръ, сонъ жены Цезаря наканунѣ его гибели...

— Разумѣется, отрицаю,—это потому выдумали. При желаніи, каждому сну можно придать пророческій смысл. Почему я никогда, ни разу во всю свою жизнь не видалъ ни одного пророческаго сна? Потому что не вѣрю въ ихъ существованіе, а кто вѣритъ, вотъ какъ Федя, тотъ видитъ... Кстати, онъ еще недавно видѣлъ какой-то сонъ, который тоже считаетъ пророческимъ... Какую-то лодку, рѣку, русалку... Словомъ, белиберду ужаснѣйшую... Теперь еще цыганское предсказаніе—одно къ одному, по пословицѣ: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“.

— Не у всѣхъ есть способность къ ощущеніямъ, какъ бы другого порядка, не строго реальныхъ, — начала Елизавета Львовна, — а основанныхъ на внутреннемъ движеніи души, сердца или какъ тамъ хотите назовите, какъ не у всѣхъ есть, напримѣръ, даръ къ музыкѣ, къ уловленію звуковъ... Вотъ я про себя скажу...

XI.

Она хотѣла продолжать, но вдругъ страшно поблѣднѣла, глаза ея расширились и съ ужасомъ устремились въ одну точку, она откинулась всѣмъ тѣломъ назадъ и даже руки подняла, точно отстраняя отъ себя призракъ... Бобровъ и Денисьевъ, сидѣвшіе спиной къ дверямъ, съ изумленіемъ оглянулись, по направленію взгляда Елизаветы Львовны и въ свою очередь оба вздрогнули отъ неожиданности... Въ темномъ четвероугольникѣ открытой двери они увидѣли Лелю... Она стояла, какъ привидѣніе, откинувъ рукой портьеру и пристально глядя въ лицо сестры, ошеломленной ея внезапнымъ появленіемъ.

Съ минуту обѣ сестры смотрѣли, не сводя глазъ другъ съ друга, какъ бы единоборствуя взглядами, въ которыхъ свѣтилась глубокая взаимная ненависть, при чемъ у Елизаветы Львовны она усиливалась выраженіемъ презрѣнія, почти граничащей съ гадливостью, а глаза Лели горѣли насмѣшкой заставлявшей трепетать ея пышныя, ярко-красныя губы тонкія, словно кисточкой вырисованныя, брови.

Изумленные не менѣе г-жи Нускатъ такимъ неожиданнымъ визитомъ, Бобровъ и Денисьевъ вскочили съ своихъ мѣстъ и стояли, какъ бы сравнивая ихъ. При чемъ симпатіи друзей раздѣлялись—Боброва влекло къ Елизаветѣ Львовнѣ, а Денисьевъ всецѣло былъ на сторонѣ Лели, казавшейся ему, въ

ея свѣтломъ костюмѣ, большой шляпѣ со страусовымъ перомъ, съ золотистыми локонами и блѣдно-матовымъ, чуть-чуть разгорѣвшимся лицомъ, гораздо красивѣе и изящнѣй своей старшей сестры. По сравненію съ Лелей, у которой овалъ и черты лица были тоньше, цвѣтъ кожи нѣжнѣе, а стройный станъ гибче, Елизавета Львовна съ ея роскошными формами двадцативосьмилѣтней брнетки выглядѣла немного отяжелѣвшей, слишкомъ смуглой, прозаичной. Она была яркая, жизнерадостная, блестящая солнечными лучами весны, другую можно было сравнить съ лучезарной ранней осенью, въ полномъ расцвѣтѣ, но уже накануне наступающаго увяданія.

Первая прервала молчаніе Елизавета Львовна.

Она поднялась съ своего мѣста, выпрямилась и сдержаннымъ, вѣжливо-холоднымъ тономъ спросила.

— Что вамъ угодно отъ меня, сударыня? Надѣюсь, только весьма важныя причины могли заставить васъ забыть ваше обѣщаніе никогда не переступать порога этого дома.

— Разумѣется, — съ надменной и вызывающей улыбкой поспѣшила отвѣтить Леля, — можете быть увѣрены, меня привели къ вамъ не родственныя симпатіи.

Сказавъ это, Леля, легкимъ, эластичнымъ шагомъ, подошла къ столику, стоявшему передъ диваномъ и опустилась на торопливо подставленный Денисьевымъ пуфъ, нѣсколько наискось отъ сестры, снова усѣвшейся на диванѣ, со скрещенными на груди руками и съ пристально устремленнымъ взоромъ на непрошенную гостью.

— Я явилась къ вамъ, по порученію матери, она проситъ васъ, не медля не минуты, пріѣхать къ намъ... У насъ несчастіе, по крайней мѣрѣ, такъ принято называть то, что теперь совершается въ нашемъ домѣ — однимъ словомъ, умираетъ нашъ отецъ... Докторъ не ручается больше, какъ за два часа, много-много три... Я оставила его почти въ безсознательномъ состояніи... Онъ бредитъ вами и зоветъ васъ... Совѣтую поспѣшить, иначе рискуете его не застать въ живыхъ, а это прежде всего будетъ невыгодно для васъ самихъ... Теперь, все общественное мнѣніе за васъ, вы жертва... Вы римская матрона... олицетвореніе благородства... Ну, а тогда, если вы откажете умирающему отцу пріѣхать принять его послѣдній вздохъ, тогда ужъ не прогнѣвайтесь, всѣ здѣшніе куконы и куконицы пальцемъ будутъ на васъ показывать, какъ на чудище...

При этомъ извѣстіи Елизавета Львовна широко открыла

глаза и по ея лицу пробѣжала тѣнь испуганнаго изумленія и затаеннаго недоуверія.

— Это неправда,—горячо воскликнула она.—Развѣ онъ былъ боленъ? Я ничего объ этомъ не слыхала... все вздоръ... Когда онъ могъ успѣть захворать, да еще и смертельно?.. Ложь, ложь!

— Почему ложь? Развѣ старому человѣку неестественно заболѣть, хотя бы и смертельно. Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о какой-нибудь обыкновенной болѣзни... Нашъ отецъ не заболѣлъ, а просто на просто смертельно изувѣченъ.

— Изувѣченъ?—переспросила Елизавета Львовна.—Кѣмъ? Когда?

— Подробностей я сама не знаю. Тутъ въ городѣ, или вѣрнѣе почти за городомъ, есть какой-то притонъ — „Прекрасныя Афины“, или что-то въ этомъ родѣ... Отецъ за последнее время часто ходилъ туда... Что онъ тамъ дѣлалъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ, навѣрно мало хорошаго... Какъ бы то ни было, но сегодня онъ тоже отправился въ эти милыя „Афины“ и былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы весьма доволенъ... Уходя, онъ сказалъ матери, что явится очень поздно и принесетъ денегъ... У нихъ опять ни гроша... Ушелъ, а полчаса тому назадъ Георгій Дмитріевичъ привезъ его къ намъ въ видѣ безформенной массы, всего изуродованнаго, избитаго, умирающаго.

— Георгій Дмитріевичъ?—стремительно спросила Елизавета Львовна.—Гдѣ же онъ съ нимъ встрѣтился?

— По словамъ вашего мужа, онъ нашелъ отца распростертымъ на шоссе, почти безъ признаковъ жизни, за заставой въ полуверстѣ отъ Афинъ, всего въ крови, уложилъ его въ свой шарабанъ и привезъ въ нашъ домъ.

— Стало быть, Георгій Дмитріевичъ теперь въ домѣ отца?—спросила Елизавета Львовна, дѣлая неимовѣрныя усилія казаться спокойной. Но при этомъ вопросѣ голосъ ея дрогнулъ и она поспѣшила опустить глаза, чтобы не выдать своего волненія.

— Да, у насъ,—съ торжествующей ноткой въ голосѣ отвѣчала Леля.—Онъ тоже просилъ, чтобы вы поспѣшили пріѣхать.

— Хорошо, я сейчасъ пріѣду, — овладѣвъ собой, холодно сказала Елизавета Львовна... Мнѣ надо только переодѣться и немного придти въ себя... Пока до свиданья.

Не подавая руки, она сдѣлала легкій поклонъ, давая этимъ понять, что между ними всѣ объясненія кончены.

— До свиданья,—небрежно уронила Леля и, взглянувъ на

сестру, граціозной, скорой походкой пошла изъ комнаты, красиво покачиваясь на ходу гибкимъ, стройнымъ станомъ.

— Мое предчувствіе начинаетъ сбываться, — воскликнула Елизавета Львовна, когда Леся вышла.— Это только еще начало—какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ, что за этимъ несчастіемъ послѣдуютъ другія, болѣе тяжелыя.

Она тяжело вздохнула и горько поникла головой въ грустномъ раздумьи.

Бобровъ стоялъ передъ ней взволнованный, слегка поблѣднѣвшій.

— Елизавета Львовна, не печальтесь... Съ моей стороны, конечно, дерзость говорить то, что я сейчасъ скажу, но мы старые друзья и намъ не пристало лицемѣрить одинъ передъ другимъ... Скажемъ правду—вѣдь смерть капитана Качалова—это не несчастіе, а скорѣе наоборотъ... Подумайте, какимъ позоромъ ложилось его существованіе не только на васъ, а даже и на все наше общество?.. Богъ съ нимъ, пускай умираетъ.—Даже для него самого смерть лучшій исходъ въ жизни—простите за невольный каламбуръ.

— Меня тревожитъ не смерть отца, его мнѣ не жаль... Это съ моей стороны, можетъ быть, очень безсердечно, жестоко, но передъ вами я не стану притворяться... Я не любила его и давно ужъ; его существованіе отравляло мнѣ жизнь, но при мысли о его смерти мнѣ почему то становится страшно... Меня гнететъ смутное предчувствіе, что послѣ его смерти Елена перейдетъ въ наступленіе... Вы понимаете, о чемъ я говорю... Она еще больше, чѣмъ я, презираетъ и ненавидитъ отца, но какъ это ни странно, его присутствіе сдерживаетъ ее... Она знаетъ, что какъ ни низко палъ нашъ отецъ, онъ въ нашемъ спорѣ на моей сторонѣ и, хотя между нами по этому поводу не было произнесено ни разу ни одного слова, но я вѣрю, что въ случаѣ крайности отецъ съумѣлъ бы найти въ себѣ нравственную силу обуздать эту дѣвчонку. Теперь, когда онъ умретъ, ея руки будутъ развязаны... Мать ей не помѣха... И я боюсь, боюсь за мое счастье...

Елизавета Львовна закрыла руками лицо и Боброву показалось, будто она всхлипнула.

— Полноте, Елизавета Львовна. Что за ребячество. Простите за такую дерзость. Зачѣмъ раньше такъ волноваться и пугаться какихъ-то призраковъ?.. Вы знаете, я и не скрываю, мнѣ вашъ супругъ не особенно по душѣ, но я признаю за нимъ огромное благородство души... Онъ никогда не рѣшится на поступокъ столь низкій, наконецъ онъ обожаетъ васъ... Это

даже со стороны видно, на посторонній взглядъ. При такой любви съ его стороны смѣшно даже опасаться измѣны... Это въ васъ говоритъ ваша ревность, вашъ единственный, за то колоссальнѣйшій порокъ.

— Ахъ, нѣтъ, не говорите,—безнадежно потрясла головой Елизавета Львовна.—Вы еще юны и малоопытны. Вы себѣ и представить не можете, какая страшная, сатанинская сила, ничѣмъ непреодолимая—красивая, наглая женщина, неразборчивая на средства, какъ моя сестра... Передъ чарами женской красоты, когда онѣ соединены съ умомъ, хитростью и смѣлостью—никто не можетъ устоять... Вѣрьте мнѣ, что я говорю это не изъ ревности...

Пока Бобровъ, оставшійся въ будуарѣ, разговаривалъ съ Елизаветой Львовной, Денисьевъ, потрясенный всею видѣнной имъ сценой, разстроенный до того, что забылъ даже проститься съ хозяйкой, стремительно выскочилъ слѣдомъ за Лелей на улицу.

Она уже успѣла сѣсть въ пролетку ожидавшаго ее у подъѣзда извозчика, когда Денисьевъ подбѣжалъ къ ней и прерывающимся голосомъ, торопливо заговорилъ:

— Елена Львовна, у васъ случилось—простите, я не знаю, какъ вы сами на это смотрите—несчастіе, происшествіе, когда вамъ можетъ понадобится искренній другъ... Другъ настоящій, не такіе, какъ Сержъ, Петя Бумъ-бумъ и имъ подобные. Осмѣлюсь просить васъ, если вы будете нуждаться въ такомъ другѣ, вспомните обо мнѣ... Позовите и я явлюсь къ вамъ зашиму вѣрнымъ, преданнымъ слугой... Я, видите, не умѣю красиво выражаться, но мнѣ кажется, вы сами понимаете, что я хочу сказать.

Тѣнь легкаго недоумѣнія съ быстротой молніи промелькнула по лицу Лели. Она внимательно посмотрѣла въ глаза Денисьеву и, крѣпко сжавъ ему руку своими тонкими, цѣпкими пальцами, произнесла просто, но съ большой задушевностью въ голосѣ:

— Благодарю васъ, Теодоръ Теодоровичъ.—Я очень тронута. Тѣмъ болѣе тронута, что ваше предложеніе дружбы какъ нельзя больше кстати, ибо я чувствую, что скоро придетъ время, когда мнѣ понадобится искренне-добрый другъ, вѣрный и преданный... А мнѣ кажется, вы способны быть такимъ. Не правда-ли?

Она улыбулась, кивнула головой и словно приласкала его всего, долгимъ, лучистымъ взглядомъ, отъ котораго у Денисьева на мгновеніе даже сердце замерло.

Пролетка рванулась и быстро покатила по шоссированной улицѣ, поднимая за собой цѣлыя облака пыли.

Денисьевъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, пристально смотря ей вслѣдъ и только, когда она исчезла за поворотомъ въ сосѣднюю улицу, онъ очнулся, поправилъ на головѣ фуражку, мелькомъ оглядѣлся по сторонамъ и направился домой, неторопливой, усталой походкой, почти утомленный всѣми только что пережитыми впечатлѣніями.

XII.

Домъ, въ которомъ жилъ отставной капитанъ Качаловъ, былъ невеликъ, самой обыкновенной архитектуры и сильно запущенъ. Узкимъ сквознымъ корридормъ онъ дѣлился на двѣ половины—меньшую, состоящую изъ двухъ комнатъ съ окнами на улицу, и большую изъ трехъ комнатъ и кухни, выходящихъ окнами на дворъ. Въ первой половинѣ жила Леля, во второй старики Качаловы и единственная ихъ прислуга—толстая, нескладная хохлушка, Оксана, служившая у Качаловыхъ съ незапамятныхъ временъ.

Подѣхавъ къ дому, Леля приказала извозчику ждать, а сама, пройдя черезъ калитку во дворъ, торопливо поднялась на лѣстницу. Здѣсь ее встрѣтила мать, старуха Качалова, очевидно давно поджидавшая дочь. Екатерина Петровна была высока ростомъ, худощава, съ изогнутымъ, какъ клювъ хищной птицы, носомъ и острымъ подбородкомъ. Космы сѣдыхъ волосъ, выбиваясь изъ-подъ чепчика, беспорядочно падали на угловатя плечи. Болѣзненно-блѣдное лицо было все изрѣзано глубокими морщинами. Большіе, смолоду прекрасные глаза потускнѣли, горѣвшій въ нихъ огонь давно потухъ и теперь они смотрѣли уныло и безжизненно.

— Это ты, Леля?—прошамкала старуха, пропуская мимо себя дочь.—Ну, а Лиза гдѣ? Отчего она не пріѣхала?

— Сейчасъ пріѣдетъ,—поспѣшила успокоить старуху Леля и, кивнувъ головой на дверь, спросила:

— Ну что, какъ онъ?

— Живъ еще,—безучастнымъ тономъ отвѣтила старуха.— Но должно, ужъ не долго ему мучиться... Едва дышитъ и почти безъ сознанія... Все Лизу спрашиваетъ...

По лицу Лели пробѣжала едва уловимая тѣнь насмѣшливаго презрѣнія.

— Еще-бы, недаромъ онъ Лизу зоветъ—живой упрекъ моеи

совѣсти.—А когда и вспомнить о совѣсти, какъ не передъ смертью? Что говорить докторъ—долго еще протянетъ?

— Что докторъ?—махнула рукой старуха.—Развѣ доктора могутъ теперь помочь чѣмъ-нибудь? Даетъ ему тамъ что-то нюхать, чтобы хоть сколько-нибудь боли утихли... А больше что же онъ можетъ сдѣлать?

— Разумѣется. А гдѣ Георгій?—послѣдній вопросъ Леля задала шопотомъ, наклонясь къ самому уху матери. вмѣсто отвѣта, Екатерина Петровна показала рукой на дверь, въ собственную комнату Лели.

— А... хорошо,—кивнула та головой и добавила,—теперь ты, мама, ступай къ отцу, предупреди его о пріѣздѣ Лизы, а я пройду сначала къ Георгію: мнѣ еще надо до пріѣзда Лизы успѣть поговорить съ нимъ кое о чемъ.

— Хорошо, ступай,—кивнула головой Качалова и торопливо засемила по корридору, направляясь къ дверямъ, ведущимъ на половину стариковъ, а Леля повернула налѣво, гдѣ въ полутьмѣ виднѣлась обитая клеенкой дверь ея квартиры.

Квартира эта состояла изъ двухъ комнатъ и совершенно не походила на остальные комнаты въ домѣ, по сравненію съ которыми онѣ казались изящными бомбоньерками, брошенными среди клама мусорной ямы. Насколько въ остальныхъ комнатахъ, похожихъ болѣе на звѣринья логовища, чѣмъ на человѣческія жилища, было грязно, неряшливо, тѣсно и темно, настолько тамъ было свѣтло, уютно, со вкусомъ и аккуратно прибрано. Особенно первая комната, въ одно и то же время служившая Лелѣ кабинетомъ, будуаромъ и гостиной, обращала на себя вниманіе своей изящностью. Вещи, наполнявшія ее, были далеко не богаты, но въ ихъ выборѣ и разстановкѣ чувствовался художественный вкусъ обладательницы. Мягкіе диванчики, кушетки, пуфы, обтянутые какою-то замысловатой матеріею на подобіе старинныхъ турецкихъ шалей, были перемѣшаны въ поэтическомъ безпорядкѣ съ кропечными столиками, этажерками, уставленными бездѣлушками и жардinerками, наполненными зеленью. Небольшое фортепяно, полускрытое трельяжемъ изъ дикаго винограда, занимало боковую стѣну, смежную съ слѣдующей комнатой—спальной. Кромѣ двухъ стѣнныхъ лампъ, старинной бронзы подъ красными абажурами, висѣвшихъ по сторонамъ большого портрета, съ потолка спускался фонарь-шаръ неопредѣленнаго голубовато-желтаго цвѣта. Когда его зажигали, онъ испускалъ изъ себя свѣтъ, наподобіе луннаго сіянія. Такимъ образомъ, при желаніи, въ комнатѣ можно было имѣть или красноватый свѣтъ,

когда зажигались лампы, или лунный, когда вмѣсто нихъ горѣлъ одинъ фонарь.

Большой во всю комнату коверъ, страннаго рисунка и окраски, одинъ изъ тѣхъ старинныхъ молдаванскихъ ковровъ, которыхъ теперь давно уже не ткуть и встрѣтить которые можно, и то очень рѣдко, въ старинныхъ усадьбахъ родовитыхъ молдаванскихъ бояръ, покрываль полъ, придавая вмѣстѣ съ портьерами на окнахъ, тоже изъ какой-то не встрѣчающейся нынѣ матеріи, особый характеръ.

— Вотъ я и вернулась, Георгій Дмитріевичъ, и, какъ видите, цѣла и невредима,—голосомъ, въ которомъ слышалась насмѣшка и какъ бы злорадное торжество, произнесла Леля, входя въ комнату и обращаясь къ мужчинѣ среднихъ лѣтъ, одиноко сидѣвшему на диванѣ, въ глубокой задумчивости.

При этихъ словахъ, тотъ, кого она назвала Георгій Дмитріевичъ, медленно поднялъ голову и, взглянувъ ей пристально въ лицо, спокойно и холодно произнесъ.

— Въ вашей цѣлости я не сомнѣвался. Я только плохо вѣрилъ въ успѣхъ вашей миссіи...

— И напрасно... Миссія моя выполнена блестяще и черезъ нѣсколько минутъ вы увидите вашу супругу здѣсь, почему совѣтую вамъ поскорѣе спастись бѣгствомъ, чтобы не быть застигнутымъ на мѣстѣ преступленія.

— Какого преступленія? — чуть-чуть нахмурился Георгій Дмитріевичъ.—Я не понимаю вашихъ словъ.

— Неужели?—насмѣшливо прищуриваясь, протянула Леля.— А развѣ не преступленіе, что вы сидите у меня въ комнатѣ, да еще при такомъ поэтическомъ освѣщеніи, точно въ замкѣ волшебницы?.. Вѣдь при лунномъ свѣтѣ, говорятъ, только влюбленнымъ полагается быть?

— Во-первыхъ, — усмѣхнулся Георгій Дмитріевичъ, — я не виноватъ, что у вашего фонаря лунный свѣтъ, а во-вторыхъ, гдѣ мнѣ сидѣть, развѣ я у васъ въ домѣ? Тамъ,—онъ кивнулъ головой, по направленію второй половины дома,—я не въ состояніи быть... Онъ такъ стонетъ, а въ моменты просвѣтленія такъ страшно ругается и богохульствуетъ, что у меня морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда я его слушаю... Надо быть такою самоотверженной и терпѣливой женщиной, какъ ваша мать, чтобы выносить все это...

— Да, мама терпѣлива, — задумчиво согласилась Леля.—Я сама удивляюсь на нее.

— Сидя тутъ, въ вашемъ отсутствіи, — продолжалъ Нускать,—я отъ нечего дѣлать разглядывалъ ея портретъ.. Ко-

торый разъ я его вижу и всякій разъ онъ производитъ на меня новое впечатлѣніе... Какая неземная красота!.. Простите за откровенность, но даже вы, по моему, менѣ красивы. Про Лизу я уже и не говорю.

— Ба,—перебила его Леля,—что я слышу! Косвенный, но очень лестный комплиментъ...

— Это не комплиментъ, а только правда,—тѣмъ же спокойнымъ тономъ продолжалъ Нускатъ.—И я вамъ это сто разъ говорилъ... То же я говорилъ и женѣ...

— Но она, разумѣется, съ этимъ никакъ не можетъ согласиться. Ну еще бы!—засмѣялась Леля.—Даже я не согласна съ этимъ... Лиза лучше меня, у нея типъ матери, хотя болѣе грубый, русская кровь сказывается... У меня же и тѣмъ болѣе... Я настоящая сѣверянка, даже бѣлобрысая...

— Зачѣмъ умышленно говорить неправду? — тономъ укорины серьезно возразилъ Георгій Дмитріевичъ.—Вы отлично знаете, что вы лучше сестры, и сама первая сознаете это. У васъ болѣе нѣжныя черты лица, и хотя вы и не брюнетка, но въ васъ больше чувствуется южанка, чѣмъ въ Лизѣ... Въ ней нѣтъ ни вашей нѣги, ни вашей томности, смѣняющейся бурными порывами необузданнаго, чисто южнаго характера... Когда я смотрю на васъ, мнѣ припоминается Венеція. Тамъ среди старинныхъ, аристократическихъ родовъ, встрѣчаются женщины вашего типа... Тоже бѣлокурыя, какъ вы, съ такими же черными глазами и тонкими чертами лица, какъ у васъ... Это, можетъ быть, странно, но это такъ... И все-таки ваша мать лучше васъ... Посмотрите,—указалъ онъ рукой на портретъ,—какой очаровательный овалъ лица, какой характерный разрѣзъ глазъ, какія длинныя рѣсницы, придающія взгляду томномечтательное выраженіе!.. А цвѣтъ кожи? Не смуглый, какъ у Лизы, и въ то же время не блестящій бѣлизной, какъ у васъ, а блѣдно-блѣдно оливковый съ неуловимымъ розоватымъ оттѣнкомъ на щекахъ, придающимъ лицу какую-то прозрачность, одухотворенность... Гдѣ-то, кажется во Франціи, я видѣлъ картину: „Предсмертная греза янычара“ или что-то вродѣ того... На ней была представлена выжженная солнцемъ пустыня. На заднемъ планѣ нѣсколько человѣческихъ и конскихъ труповъ... поломанное оружіе... стая хищныхъ птицъ... на первомъ планѣ израненный янычаръ, съ глубоко впившейся въ грудь стрѣлой... Онъ лежитъ, раскинувъ руки, его гаснущій взоръ устремленъ въ небеса, откуда въ видѣ облака спускается къ нему гурія рая. Формы тѣла едва-едва вырисовываются, туманнымъ призрачнымъ пятномъ, сквозь которое просвѣчи-

ваются лучи палящаго солнца; выдѣляется только одно лицо и часть бюста, съ протянутыми къ умирающему воину руками... Помнится, я долго стоялъ передъ картиной, не будучи въ силахъ оторвать глазъ отъ лица гуріи... Это было какое-то особенное лицо... не женское и не ангельское. Въ выраженіи его не замѣчалось ничего небеснаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничего земнаго... Надо было удивляться, какъ художникъ-христіанинъ съумѣлъ искусно воплотить идею чисто мусульманскую. Въдъ вы знаете, что по ученію корана гуріи вѣчно юны и вѣчно дѣвственны... Давая правовѣрнымъ самыя сладострастныя наслажденія, какія только можетъ создать восточное воображеніе, онѣ пребываютъ вѣчно цѣломудренными и невинными, какъ дѣти... Чары любви не оставляютъ на нихъ слѣда... Онѣ не знаютъ ни утомленія, ни пресыщенія... Онѣ остаются чисты какъ свѣтъ... На той картинѣ, про которую я говорю, художникъ изобразилъ именно такое существо, не плоть и не духъ... Цѣломудренно-сладострастное, зовущее къ наслажденію и въ то же время недосыгаемо-чистое... Такою же представляется на портретѣ и ваша мать, если только художникъ изобразилъ ее вѣрно...

— Мама говоритъ, что она была именно такою, какъ на портретѣ... Портретъ этотъ былъ сдѣланъ за годъ до свадьбы, когда ей было всего 16 лѣтъ... Рисовалъ ее одинъ влюбленный въ нее художникъ-еврей въ Вѣнѣ, въ то время, когда мама жила тамъ. Потомъ этотъ портретъ долго висѣлъ у дѣдушки, отца нашей мамы, и только послѣ его смерти былъ присланъ намъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ... Это все, что мама получила въ наслѣдство отъ своего отца... Одно время, послѣ московской исторіи, отецъ чуть было не изрѣзалъ его ножомъ, но мама успѣла спрятать и таила до тѣхъ поръ, пока я не стала самостоятельной и не взяла портретъ подъ свое покровительство... Теперь мама приходитъ иногда ко мнѣ въ комнату и подолгу стоитъ передъ портретомъ и все смотреть, смотреть... Ей теперь какъ будто самой не вѣрится, что это она...

— Да, разница огромная, — грустно улыбнулся Нускаты. — Большая, чѣмъ между землей и небомъ... Придетъ время и съ вами будетъ то же, и отъ вашей красоты ничего не останется, кромѣ морщинъ и сѣдыхъ волосъ...

— Со мной этого никогда не будетъ, — горячо воскликнула Леля.

— Почему? — удивился Нускаты. — Или вы, — добавилъ онъ

«съ улыбкой, — считаете себя небожительницей, не подчиненной законамъ времени?»

— Ничѣмъ я себя не считаю, — съ досадой перебила его Леля, — и меньше всего небожительницей. Если я говорю, что се мной не повторится того же, что съ моей матерью, то потому только, что я не переживу своей молодости... Въ тотъ самый день, какъ я увижу въ своей головѣ первый сѣдой волосъ, я покончу съ собой!

— Богъ дастъ, до этого не дойдетъ, — недовѣрчиво улыбнулся Нускатъ. — Къ тому времени, какъ у васъ появятся сѣдые волосы, вы давно будете замужней женщиной, любящей женой и матерью многочисленнаго семейства, въ заботахъ о которомъ вы даже и не вспомните о теперешнихъ вашихъ мрачныхъ словахъ...

— Нѣсколько минутъ тому назадъ вы, Георгій Дмитріевичъ, сказали мнѣ: „зачѣмъ умышленно говорить неправду?“ Тоже самое скажу и я теперь вамъ: зачѣмъ вы лжете? Вы прекрасно знаете, ничьей женой я не буду... По крайней мѣрѣ такую, какая рисуется въ вашемъ воображеніи: мать семейства, домовитая хозяйка и прочее, и прочее... Я могу выйти замужъ, я даже на всякій случай намѣтила было себѣ мужа, идиота Форкатти, но если бы даже я и вышла за него замужъ я все-таки же не была бы женой...

— А чѣмъ же? — добродушно-лукаво спросилъ Нускатъ.

— Не злите меня вашими глупыми шутками, — раздраженно крикнула Леля. — Вы отлично все понимаете... Я уже не разъ говорила вамъ и теперь повторю, ничьей женой, ничьей любовницей я никогда не сдѣлаюсь. По крайней мѣрѣ душой своей я никому не буду принадлежать никогда... Никогда, слышите ли, никогда...

— Не вижу причины этому, — серьезно возразилъ Георгій Дмитріевичъ. — Вы молоды, хороши собой. Почему вамъ и не полюбить кого-нибудь?

— Почему? Вы спрашиваете, почему? — хриплымъ голосомъ переспросила Леля, близко наклоняя свое пылающее лицо къ лицу Нуската, — но вѣдь вы же сами прекрасно знаете, почему? Потому, что я люблю и могу любить только одного человѣка, — это тебя, Георгій. Другіе мужчины для меня не существуютъ... Больше того, они мнѣ противны... Тебя же я люблю съ самаго дѣтства... Ты это знаешь такъ же хорошо, какъ и я. Зачѣмъ же ты меня дразнишь?.. Это вѣдь даже и не великодушно съ твоей стороны... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я томлюсь любовью къ тебѣ, Георгій... Сколько разъ я дѣлала попытки

сломить твое упорство, сколько разъ я старалась доказать тебѣ, насколько ты не правъ, отвергая мою любовь... Какъ жалки тѣ подмостки какой-то ходульной морали, на которые ты взобрался и думаешь, будто, стоя на нихъ, ты недосягаемъ!.. Какое заблужденіе!.. Стоитъ только посильнѣе толкнуть и они рассыплются... Смѣшно отговариваться отъ жизни, отъ ея проявленій... Ломать себя, лишать доступнаго счастья, изъ-за какихъ-то фантастическихъ кодексовъ морали?.. О, если бы ты могъ сбросить съ себя всю мертвечину условности и отвѣтить мнѣ такой же страстью, какая горитъ во мнѣ... Какъ бы мы могли быть безконечно счастливы!

Во все время пока Леля говорила, Нускаты нѣсколько разъ пытался остановить ее. Но она возвышала голосъ и продолжала свою рѣчь, сверкая глазами и вся дрожа отъ волненія. Наконецъ, ему удалось перебить ее.

— Елена Львовна,— строгимъ голосомъ заговорилъ онъ,— опомнитесь... Я разъ навсегда запретилъ вамъ говорить со мной о вашихъ чувствахъ, которыхъ я не знаю и знать не хочу... Я люблю васъ, какъ сестру, желаю вамъ всякаго благополучія. Чтобы сдѣлать васъ счастливой, я готовъ на какія угодно жертвы. Но я не только не могу раздѣлять вашихъ чувствъ, я не желаю даже слышать о нихъ... Особенно теперь, въ такую минуту... Вспомните о томъ, что происходитъ теперь въ этомъ домѣ... Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда умираетъ вашъ отецъ, а вы...

— Что мнѣ за дѣло до отца?— пылко воскликнула Леля.— И къ чему вы вспоминаете о немъ?.. Отецъ умираетъ... знаю... Ну, такъ что же изъ этого?.. Рано ли, поздно ли всѣ умрутъ. Вы отлично знаете, у меня нѣтъ къ нему ни любви, ни уваженія, къ чему же жалкія слова?.. Лицемеріе и ханжество... Все это доказываетъ только вашу трусость... Вы боитесь жены, боитесь скандала, городскихъ сплетенъ, боитесь боженьки... Не настоящаго Бога, нѣтъ... Настоящій Богъ, милосердный, все прощающій, все понимающій, слишкомъ великъ и лучезаренъ для вашей жалкой душонки. Вамъ по плечу именно только вашъ, вашъ выдуманный боженька, близорукій педантъ, укладывающій человѣчество въ перегородочки, какъ дитя укладываетъ кубики... кубикъ къ кубику по цвѣту и очертанію фигуры... Вы боитесь его, такъ какъ представляете себѣ его не иначе, какъ съ занесенной надъ вами розгой... Вы жалки, мелочны и боженьку своего выдумали такимъ же мелочнымъ и придиричиво сердитымъ...

— Да замолчите вы ради Бога, — зажимая уши восклик-

нуль Георгій Дмитріевичъ.— Ну семейка! — разведь онъ руками. — Тамъ отецъ, готовясь къ загробной жизни, богохульствуетъ и изрыгаетъ проклятія за то, что Богъ не далъ ему того, на что онъ, по его мнѣнію, имѣлъ право, здѣсь—дочка...

— Что дочка?—запальчиво перебила его Леля.—Что дочка? Дочка не виновата, если вы не доросли до понятія объ истинномъ Богѣ... Я не богохульствую... Напротивъ, вы богохульствуете, изобрѣтая вашего боженьку и подмѣнивая имъ настоящаго Юга, Творца вселенной, Бога, создавшаго природу, вдунувшаго въ человѣка живую душу... Мой Богъ, Богъ великаго разума и справедливости. Онъ не сталъ бы разрушать законовъ, имъ самимъ сотворенныхъ... Гасить огонь, имъ же зажженный...

— Елена Львовна, пощадите, вѣдь это все фразы, фразы и фразы, — завопилъ съ отчаяніемъ въ голосъ Георгій Дмитріевичъ.—О какомъ Богѣ вы толкуете? Подумайте. Вникните въ смыслъ вашихъ словъ и вы сами увидите, что созданный вами Богъ — Богъ языческій... Мало того, что языческій, но даже и не эллинскій, а римскій... Богъ разнузданныхъ Цезарей и императоровъ языческаго Рима, не знавшихъ и не признававшихъ ничего, кромѣ своей воли, кормившихъ муренью человѣческимъ мясомъ, не останавливавшихся передъ кровосмѣшеніемъ... Васъ послушать, такъ и Неронъ, взявшій къ себѣ въ наложницы сначала родную мать, а потомъ родную же дочь, дѣйствовалъ съ Божьяго соизволенія, такъ какъ поступалъ согласно своей природѣ, разъ его природа влекла къ такимъ поступкамъ... Это же явный абсурдъ.

— Ахъ, при чемъ тутъ Неронъ. Глупо даже,—досадливо отмахнулась рукою Леля.—Оставьте Нерона въ покоѣ. Неронъ — Нерономъ и останется, а вы останетесь...

— Ну, чѣмъ я останусь?—добродушно шутливымъ тономъ подразнилъ ее Нускатъ, видя, что она замялась, подбирая выраженіе.

— Устрицей... да простой, обыкновенной устрицей, безъ крови въ жилахъ и темперамента, но за то устрично-добродѣтельной... Странно—продолжала она, какъ бы рассуждая сама съ собой—по настоящему я бы должна презирать васъ, ненавидѣть за слякотность вашей природы. Въ женщинѣ, страстной и смѣлой, какъ я, мужчина-слюнтяй можетъ возбуждать только отвращеніе, а между тѣмъ я люблю и продолжаю любить васъ... Почему это такъ?

— Потому, дорогая Елена Львовна,—серьезнымъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ Нускатъ,—что вы сами прекрасно знаете,

насколько не подходящи ко мнѣ всѣ тѣ эпитеты, какими вы меня наградили въ вашемъ несправедливомъ негодованіи... Я не устрица и не слякоть и презирать меня не за что... Если я противлюсь вашему желанію, то прежде всего изъ любви и расположенія къ вамъ, изъ горячаго желанія вамъ добра, изъ боязни взять на свою душу страшную отвѣтственность, а за тѣмъ..

— Изъ боязни къ женѣ,— снова раздражаясь прервала его Леля.—Я это знаю.

— Не изъ боязни, а изъ любви къ ней... Да, я люблю Лизу и вы это прекрасно знаете... Я десять лѣтъ живу съ ней счастливо. Она какъ бы создана для меня и я благодарю...

— Боженьку,—ядовито ввернула Леля.

— Нѣтъ, не боженьку, а Бога, пославшаго мнѣ такую разумную, преданную и добрую жену.

— Что не мѣшаетъ однако вамъ находить меня и красивѣе и изящнѣй...

— Совершенно вѣрно, на томъ же основаніи, какъ любовь къ ней не мѣшаетъ мнѣ отличать черный виноградъ отъ бѣлаго..

— Э, нѣтъ... виноградъ—это совсѣмъ другая статья... Не философствуйте, а то умъ вскружится... Когда любишь, то не будешь производить анализы красотамъ и взвѣшивать, чья больше, чья меньше... Отдавая, справедливо или нѣтъ, предпочтеніе моей красотѣ, вы уже этимъ самымъ доказываете, что охладѣли къ Лизѣ. Только изъ упрямства, да изъ боязни къ боженькѣ, не хотите открыто въ этомъ сознаться.

— Вы, Елена Львовна, какъ женщина, иначе и не можете рассуждать. У васъ на первомъ планѣ физическое влеченіе... Красота—вотъ краеугольный камень вашего мышленія, фундаментъ, на которомъ строится чувство... Для васъ, какъ женщины, непонятно, какъ мы, мужчины, можетъ любить одну и въ то же время восхищаться красотой другой, восхищаться, какъ дивнымъ произведеніемъ художника—природы...

— Стара пѣсня, стара пѣсня, мой милый—иронически прищурилась Леля.—И что тамъ ни говорите, а я вамъ скажу, разъ вы начали такъ рассуждать, то значить фонды Елизаветы Львовны пошатнулись и скоро наступитъ день, когда даже боженька, за котораго вы такъ цѣпляетесь, не спасетъ ее...

— Отъ чего не спасетъ?—глухимъ, негодующимъ тономъ спросилъ Нускать...

— Отъ непріятности быть вами покинутой...

— Этого никогда не будетъ,—горячо воскликнулъ Нускать.

— А я говорю, что будетъ... будетъ, будетъ—возвысила

голосъ Леля, сверкая глазами и тяжело дыша.— Будеть, потому что я хочу этого... И сколько бы вы ни сопротивлялись, сколько бы ни прятались за вашего боженьку, я вытащу васъ изъ вашей добродѣтели, какъ охотникъ вытаскиваетъ лису изъ норы... Пусть ваша жена страдаетъ, пусть ея счастье разлетится на тысячу кусковъ. Какое мнѣ дѣло? Мы обѣ любимъ одного и того же человѣка и, такъ какъ я сильнѣе, моложе, красивѣе и умнѣе ея, то значить и побѣда должна остаться за мною... Разбивая ея жизнь, я не чувствую и не хочу чувствовать себя виноватой, какъ не виновата саранча, обездоливающая цѣлый край... Богъ ее создалъ, далъ ей прозорливость, снабдилъ челюстями и пустилъ по вѣтру... И она летитъ и на пути своемъ обрацаетъ все въ пустыню... Такъ-же и я...

— Послушайте, Елена Львовна, довольно, перестанемте говорить на эту тему... Нѣсколько минутъ тому назадъ, я вамъ сказала, что люблю васъ, какъ сестру, и желаю вамъ всякаго блага. Но, простите меня, когда вы принимаетесь такъ разсуждать, какъ вотъ вы сейчасъ разсуждаете, во мнѣ начинается подыматься нехорошее чувство противъ васъ, нѣчто похожее на ненависть... Да, ненависть... Мнѣ больно говорить вамъ это, но это такъ...

— Что-жъ. Меня это радуетъ...—спокойно возразила Леля,— Ненависть это все-таки шагъ впередъ... Я предпочитаю, чтобы вы ненавидѣли меня, это лучше, чѣмъ равнодушіе... Ненависть и любовь—близнецы... Часто даже не знаешь, какому чувству служишь, и принимаешь ненависть за любовь и обратно... И такъ, прошу васъ, ненавидьте меня, и чѣмъ сильнѣе будетъ ваша ко мнѣ ненависть, тѣмъ скорѣе я достигну своей цѣли... Видите, какъ я откровенна...

— Даже черезчуръ, — угрюмо проворчалъ Нускатъ.— Въ вашихъ глазахъ я, очевидно, теленокъ, котораго можно захлестнуть веревкой за шею и тащить куда угодно... Увѣряю васъ, я, хотя, по вашему мнѣнію, и устрица, но не совсѣмъ уже потерялъ волю и ничьей игрушкой не буду...

— Посмотримъ,—загадочно улыбулась Леля.— Впрочемъ, я противъ этого ничего не имѣю. Напротивъ, чѣмъ упорнѣе борьба, тѣмъ пріятнѣй побѣда...

— Однако, съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, почти три года тому назадъ, вы сильно измѣнились и стали особенно самоувѣренны къ себѣ. Прежде вы были скромнѣе.

— Мало ли что было прежде? Прежде была овечка, а теперь во мнѣ развилась самоувѣренность, неотъемлемое свойство всѣхъ сильныхъ натуръ.

- А вы сильная натура?
 — А какъ бы вы думали?
 — Не столько сильная, сколько упрямая.
 — Упрямство тоже сила.
 — Ну, это съ какой стороны взглянуть...
 — Съ какой угодно... Тсс... Я слышу громъ колесъ по мостовой... Это ваша супруга мчится, какъ Плутонъ на колесницѣ. Помните:

Плещуть воды Флегетона,
 Своды Тартара дрожать,
 Кони мрачнаго Плутона
 Быстро къ нимфамъ Пеліона
 Изъ Анда бога мчатъ.

— Кстати, совѣтую добродѣтельной устрицѣ спастись бѣгствомъ, пока не поздно.

Георгій Дмитріевичъ спокойно улыбнулся.

— Добродѣтельная устрица,—произнесъ онъ, — не только не желаетъ спастись бѣгствомъ, но покорнѣйше просить самонадѣянную сирену пойти на встрѣчу Елизаветѣ Львовнѣ и попросить ее сюда, раньше, чѣмъ она пройдетъ къ отцу. Мнѣ необходимо предварительно поговорить съ нею.

— Слушаюсь, храбрая госпожа устрица, ваше желаніе будетъ исполнено въ точности... Можете сидѣть и ворковать, сколько вамъ угодно, а я, чтобы не мѣшать, пройду къ отцу... Ужъ какъ онъ стонетъ... Даже сюда слышно... Хоть бы уже скорѣе...

— Ахъ, Леля, Леля, можно ли говорить такъ?—укоризненно покачалъ головой Нускатъ.

— Или и этого боженька не велить?.. Какой же лицемѣръ вашъ боженька, если онъ не позволяетъ вслухъ говорить того, о чемъ думаешь! Вѣдь и вы, какъ и я, въ душѣ желаете смерти моему отцу, но почему-то не дерзаете честно и открыто сознаться въ этомъ... Устричная мораль.

— Лучше устричная мораль, чѣмъ никакой, — полушутя, полусерьезно возразилъ Нускатъ.—А вотъ и жена подъѣхала. Идите, мой другъ, поскорѣй ей на встрѣчу и скажите, что я прошу ее придти сюда,

— Слушаюсь, — иронически присѣла Леля. — Лечу безъ оглядки.—И, сказавъ это, она вышла изъ комнаты, раздражительно хлопнувъ дверью.

XIII.

Оставшись одинъ, Георгій Дмитріевичъ тяжело вздохнулъ и нервнымъ движеніемъ сжалъ ладонями свою голову.

— Когда же, наконецъ, все это кончится? — прошептала она. — И что она нашла во мнѣ? Съ ея красотой и умомъ она могла легко найти себѣ партію... Даже репутація отца не помѣшала бы... Но ей почему-то нравлюсь только я... Что же это такое? Капризъ, принимаемый за чувство, или настоящее чувство? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — все это очень грустно и страшно.

Онъ всталъ съ дивана и, обернувшись къ висѣвшему надъ нимъ зеркалу, овальной формы, въ золоченой рамѣ, остановился передъ нимъ въ глубокой задумчивости, какъ бы что-то провѣряя: Изъ прозрачной глубины зеркала на него глянуло худощавое лицо темнаго шатена, съ прямымъ носомъ, большимъ, высокимъ лбомъ и остро подстриженной бородкой. Лицо заурядное, если бы не высокой лобъ и большіе темно-сѣрые глаза, добродушно смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей. Въ глазахъ этихъ какъ бы свѣтилась вся душа Георгія Дмитріевича, — прямодушная, благородная и ко всѣмъ доброжелательная. Преждевременная сѣдина чуть-чуть серебрила виски и бороду, поперекъ лба и у глазъ легло нѣсколько глубокихъ морщинъ. Ему казалось лѣтъ сорокъ, хотя въ дѣйствительности онъ былъ значительно моложе.

Дверь отворилась и въ комнату вошла Елизавета Львовна.

Георгій Дмитріевичъ увидалъ ее въ зеркалѣ, замѣтилъ скорбное выраженіе ея лица и ему сдѣлалось досадно и обидно.

„Ревнуетъ, — подумалъ онъ. — Ревнуетъ и не вѣритъ, а между тѣмъ я чистъ и правъ передъ ней, какъ Христосъ передъ Пилатомъ“.

Георгій Дмитріевичъ обернулся и пристально взглянулъ въ лицо жены. Съ минуту они смотрѣли въ глаза другъ другу, какъ бы стараясь прочесть мысли одинъ другого.

— Георгій, зачѣмъ ты здѣсь? — заговорила Елизавета Львовна, съ печальнымъ укоромъ. — Ты обѣщалъ мнѣ никогда не бывать въ этомъ домѣ... Избѣгать встрѣчъ съ „нею“... Гдѣ же твое общаніе, гдѣ твое слово? Ты знаешь, какъ я боюсь этихъ встрѣчъ?

— Не понимаю, чего тебѣ бояться, Лиза? Неужели ты не вѣришь мнѣ, подозрѣваешь?.. Думаешь, будто я могу обманывать тебя?..

— О, нѣтъ, я знаю, ты обманывать не станешь. Но отъ этого мнѣ не легче... Я не тебѣ не вѣрю, я не вѣрю сестрѣ... Ты ее не знаешь и думаешь, будто я изъ ревности черню ее, но увѣряю тебя, я не преувеличиваю... Мы оба съ тобой правдивые люди, а она лжива и коварна.— Я хочу предостеречь тебя отъ ея вліянія и потому такъ упорно настаиваю, чтобы ты не видался съ нею, а ты объясняешь это ревностью, безсердечіемъ, не вѣришь мнѣ и довѣрчиво идешь къ краю пропасти.

Нускаты добродушно усмѣхнулся.

— Какая ты фантазерка, Лиза. Сейчас и пропасть. Никакой пропасти нѣтъ, а просто огромное недоразумѣніе, въ которомъ мы все виноваты... И ты, и Леля, вы обѣ слишкомъ горячія и страстныя натуры и обѣ преувеличиваете. Одна преувеличиваетъ свою страсть, другая — ревнивую боязнь... Вотъ дай срокъ, выйдетъ Леля замужъ и все пойдетъ, какъ по маслу. Предоставь мнѣ дѣйствовать, не мѣшай, и я все улажу, безъ драмъ, безъ надрывовъ. А то теперь мы похожи на двухъ людей, изъ которыхъ одинъ распутываетъ смотавшійся клубокъ нитокъ, а другой спутываетъ... Въ концѣ концовъ, они такъ заматываютъ нитки, что клубокъ придется выбросить...

— Что-жъ, это, пожалуй, было бы самымъ лучшимъ рѣшеніемъ задачи. Въ данномъ случаѣ клубокъ, о которомъ ты такъ краснорѣчиво говоришь, твои отношенія къ Лелѣ... Для чего тебѣ надо ихъ распутывать? Не проще ли порвать ихъ, выбросить вонъ, о чемъ я и просила тебя неоднократно, а всякія эти распутыванія, въ концѣ концовъ, кончатся еще большимъ запутываніемъ...

Георгій Дмитріевичъ хотѣлъ что-то возразить, но, озаренный внезапно пришедшимъ ему на умъ соображеніемъ, промолчалъ и задумался.

— А вѣдь въ этомъ, что она сейчасъ говоритъ, есть, пожалуй, доля правды, — размышлялъ онъ. — Дѣйствительно, чѣмъ больше стараешься все распутать, уладить, тѣмъ больше запутываешься въ хаосъ противорѣчивыхъ чувствъ, побужденій и словъ... Но что же тогда дѣлать, гдѣ выходъ?

Онъ нервно потеръ ладонью свой лобъ и, искоса взглянувъ на жену, сидѣвшую противъ него съ грустно-печальнымъ выраженіемъ лица, заговорилъ дѣловитымъ тономъ:

— Ну, полно, Лиза, не волнуйся. Не будемъ спорить. Теперь не время: твой отецъ съ минуты на минуту долженъ умереть...

— Леля сказала мнѣ, будто бы ты нашелъ и привезъ его... Какъ это случилось?

— А вотъ какъ. Я возвращался домой... Вдругъ подъ самымъ городомъ чуть-чуть не наѣхалъ на какого-то человѣка, лежавшаго посреди дороги... Я думалъ, какой-нибудь пьяный валяется и хотѣлъ проѣхать мимо, но случайно взглянулъ и, къ ужасу своему, узналъ Льва Львовича. Онъ лежалъ лицомъ вверхъ, весь въ крови, безъ чувствъ... Разумѣется, я сейчасъ же соскочилъ съ шарабана, осмотрѣлъ и убѣдился, что твой отецъ кѣмъ-то страшно избитъ... Я теперь начинаю подозревать, не убійство ли это, которому хотѣли придать видъ драки...

— Весьма воаможно,—согласилась Елизавета Львовна. — Послѣднее время отецъ велъ компанію съ такими подонками общества, отъ которыхъ можно всего ожидать. Но во всякомъ случаѣ, если это и убійство, то намъ не слѣдуетъ возбуждать никакихъ вопросовъ... Пусть будетъ драка, это лучше.

— Почему?

— Чтобы при дознаніи не выяснились какіе-нибудь особенные подвиги отца... Довольно и такъ грязи...

— Пожалуй, ты права, а я чуть было уже не послалъ къ судебному слѣдователю, но потомъ рѣшилъ раньше поговорить съ тобой...

— А онъ сознаетъ, что умираетъ?

— Вполнѣ... Но не только не хочетъ исповѣдываться и причащаться, но бранится и клянеть все и всѣхъ... Волосъ дыбомъ становится его слушать... Я пробовалъ урезонить, но куда тамъ. Еще хуже... Въ концѣ концовъ принужденъ былъ зажать уши и уйти...

— Онъ всегда былъ озлобленный...

— Я это знаю, но не ожидалъ, чтобы озлобленіе его было такъ велико... Смерть обыкновенно примиряетъ самыхъ непримиримыхъ...

— А развѣ нѣтъ уже никакой надежды?

— На выздоровленіе? Разумѣется, никакой... Надо только удивляться, какъ онъ выжилъ и не умеръ тогда же сразу... Онъ весь изувѣченъ... Черепъ пробитъ въ двухъ мѣстахъ, грудь раздроблена, сломано нѣсколько реберъ, обѣ руки перебиты, одна выше локтя, другая у кисти... Словомъ, это нѣчто ужасное... Даже докторъ, на что привычный человѣкъ, содрогнулся, увидя его... Очевидно, его били не руками, а камнями...

— Онъ не говоритъ, кто его избилъ?

Р. В. 1906. IX.

— Какіе-то цыгане, съ которыми онъ поссорился, пьянствуя въ корчмѣ „Прекрасныя Афины“. А изъ-за чего, не объясняетъ... Вообще, все это очень странно и загадочно... Я, впрочемъ, очень не настаивалъ... Совѣстно какъ-то разспрашивать человѣка въ такихъ страданіяхъ... Пойди сама къ нему... Тебѣ онъ, можетъ быть, что-нибудь и скажетъ; недаромъ онъ все звалъ тебя... Ступай скорѣй, пока онъ еще въ памяти.

— А ты?

— Я останусь здѣсь... Мнѣ слишкомъ тяжело его видѣть... Пока я доведу его въ своемъ шарабанѣ сюда, я весь истерзался... Когда увидишь, сама поймешь... Ну, иди же, мой другъ.

Георгій Дмитріевичъ проводилъ жену до дверей и, послѣ ея ухода, принялся задумчиво шагать изъ угла въ уголъ, мягко и осторожно ступая по ковру.

Качаловъ лежалъ въ комнатѣ, носившей названіе кабинета, но которую справедливѣе было бы назвать просто-на-просто берлогой, такъ она была грязна, завалена всякимъ хламомъ, обросла паутиной и ко всему этому темна... Воздухъ въ комнатѣ былъ нестерпимо тяжелъ, несмотря на открытую форточку... Пахло плѣсенью, кровью, сырими тряпками, лѣкарствами, заношеннымъ бѣльемъ и сквернымъ керосинкомъ. Тускло горѣвшая лампа, подъ зеленымъ абажуромъ, стояла на ободранномъ письменномъ столѣ, среди невообразимаго хаоса нагроможденныхъ вещей самаго разнообразнаго вида. Тутъ были книги въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ, ящики съ гвоздями, какіе-то мѣдные обломки, толстыя папки, съ обгрызанными углами, туго набитыя газетами и бумагами, конская уздечка, пустыя бутылки и между ними фотографическія карточки, въ деревянныхъ, поломанныхъ рамкахъ вокругъ исковерканной и залитой чернилами чернильницы.

Непривычная къ такой грязи и беспорядку, Елизавета Львовна, войдя въ комнату, въ первую минуту съ ужасомъ и отвращеніемъ отшатнулась было назадъ, и ей надо было сдѣлать надъ собой немалое усиліе, чтобы рѣшиться подойти къ отцу, лежавшему на большомъ кожаномъ диванѣ, съ высокой, прямой спинкой, обыкновенно служившемъ ему постелью.

Левъ Львовичъ лежалъ на спинѣ, весь забинтованный, съ положенными на темя пузырями со льдомъ и, повидимому, находился въ полубезпамятствѣ. У его изголовья, понуривъ голову, безмолвно и неподвижно, похожая на черный прятракъ, сидѣла Екатерина Петровна; за нею, скрываясь въ по-

лумракъ неосвѣщеннаго угла, въ глубокомъ, мягкомъ креслѣ полулежала Леля. Глаза ея были закрыты и со стороны ея можно было принять за спящую.

Въ сторонѣ, у письменнаго стола, облокотясь на руку, въ терпѣливой позѣ человѣка, привыкшаго къ дежурствамъ, сидѣлъ докторъ, еще молодой человѣкъ, бѣлокурый, въ формѣ полковаго врача.

— Достойный конецъ пьяницы и негодяя,—лѣниво размышлялъ докторъ, щурясь на огонекъ лампы. Въ своемъ воображеніи онъ живо представлялъ себѣ картину избиенія. Воображаю, какъ это было ужасно по своему безобразію и жестокости... Кучка негодяевъ, вооруженныхъ дрекольями, избивающая на смерть безоружнаго, хилаго, больного старика... Онъ, должно быть, хрипло и жалобно кричалъ, какъ кричить заяцъ въ зубахъ разсвирѣпѣвшихъ псовъ... Они его били по головѣ, а онъ, защищаясь отъ ударовъ, подымалъ вверхъ руки, закрывая ими темя, пока злодѣи не перебили эти руки и онъ безпомощно повисли по плечамъ... Тогда-то, должно быть, и добили его и, думая, что онъ мертвъ, бросили посреди дороги, истекающаго кровью... Несчастный старикъ, хотя, можетъ быть, онъ самъ вызвалъ такую страшную ненависть къ себѣ... Но чѣмъ? Вотъ что было бы интересно узнать! А впрочемъ, не все ли равно?

Докторъ отвелъ глаза отъ лампы и, обернувшись, увидѣлъ тихо и осторожно входившую Елизавету Львовну, съ которой былъ немного знакомъ, и потому поспѣшилъ встать и почтительно поклониться ей.

— Какая красавица,—мелькнуло у него въ головѣ, — а младшая еще лучше... Странно, у такого отца и такія дочери... Одна лучше другой...

Елизавета Львовна, едва касаясь пола, граціозной, легкой походкой подошла къ дивану и устремила на отца пристальный, но совершенно равнодушный взглядъ, въ которомъ было гораздо больше любопытства, чѣмъ жалости.

Левъ Львовичъ былъ въ забытѣ... Онъ тяжело дышалъ, хрипя и задыхаясь, при чемъ его костлявая, заросшая сѣдыми волосами грудь высоко выпячивалась изъ прорѣхи заношенной рубахи...

Онъ тихо стоналъ и этотъ стонъ, жалобный, монотонный, ни на минуту не смолкавшій, какъ бы наполнялъ комнату, усиливая царившій въ ней ужасъ.

Свистящее дыханіе, вылетавшее сквозь стиснутые зубы, становилось все рѣже и отрывистѣе... По временамъ, что-то

закипало въ горлѣ и начинало клокотать, переливаясь, какъ вода... Мелкія судороги пробѣгали по тѣлу...

— Должно быть, агонія началась, — подумала Елизавета Львовна и даже въ эту минуту въ ея душѣ не проснулось никакого хорошаго чувства къ умирающему отцу.

— Какъ я равнодушна къ его смерти, — размышляла про себя г-жа Нускатъ, — но что дѣлать, я въ этомъ не виновата... Онъ не сумѣлъ внушить къ себѣ ни любви, ни уваженія... Его смерть не можетъ огорчить, напротивъ, избавить всѣхъ насъ отъ большихъ неприятностей и вѣчнаго опасенія какого-нибудь скандала.

Словно проникнувъ въ ея мысли, умирающій вдругъ неожиданно открылъ глаза и пристально взглянулъ въ наклоненное лицо дочери.

— А, дщерь дорогая! — заговорилъ онъ не то насмѣшливо, не то съ раздраженіемъ. — Насилу-то пожаловала.. А я ужъ думалъ, не пріѣдешь... Долго, небось, пришлось Лелѣ уламывать тебя, гордячка, фырр-баронесса...

— Если вы, отецъ, вызвали меня для того только, чтобы извить, то мнѣ будетъ лучше уѣхать, — холодно произнесла Елизавета Львовна, сдѣлавъ движеніе назадъ. Но старикъ остановилъ ее.

— Ужъ и обидѣлась... Смотри, какая недотрога, — угрюмо проворчалъ онъ, съ трудомъ перевелъ духъ и, морщась отъ боли, заговорилъ тяжело и отрывисто, ежеминутно останавливаясь и усиленъ воли заглушая свои стоны. — Умираю. Ну что еще вамъ?.. Рады... особенно ты... Черти тоже рады... поди... ждуть меня... пріятели... Въ дѣтствѣ Богу молился... а вошелъ въ года, чертямъ кланялся... не помогли ни Богъ, ни черти... Нищимъ былъ... нищимъ умираю... Всю жизнь разбогатѣть хотѣлъ, душу чорту готовъ былъ заложить за золото... Спросишь — къ чему? а чортъ его знаетъ къ чему... Самъ не знаю... Просто хотѣлось посмотрѣть, какъ люди будутъ кувиркаться, когда увидятъ въ моихъ рукахъ золото... Силу свою испытать... Немногаго и хотѣлъ-то... сорокъ тысячъ... Непремѣнно сорокъ тысячъ... ни больше, ни меньше... Мнѣ казалось, съ сорока тысячами я въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаюсь миллионеромъ... Не удалось... Все къ чорту и самъ я теперь иду къ чорту... Нищій... помру, похоронить не на что... Тебя и позвать... ты изъ всѣхъ насъ одна богатая... Умоляю, похорони меня, какъ будто я при жизни былъ богатъ... Пусть душой черти тѣшатся, а ты все таки сдѣлай, какъ я прошу... Памятникъ поставь, рѣшетку кругомъ... Когданибудь, когда

все забудется и самъ я забудусь, какой-нибудь дуракъ пройдетъ и позавидуетъ... Скажетъ: „должно богатый былъ при жизни человѣкъ“... Я тоже такъ не разъ бродилъ по кладбищу и завидовалъ... Покойникамъ завидовалъ, за то, что при жизни они богатыми были... О матери не прошу, знаю—не покинешь, дура она, а все таки ѣсть ей надо... Возьми къ себѣ въ домъ—спрячь гдѣ-нибудь въ углу, пусть живетъ... Она тихая... голоса не услышишь... Ну, а Лельку, какъ знаешь, хочешь поддержать — поддержи, а не хочешь—не надо... Съ ея рожей да умомъ и сама не сгинетъ... Смотри еще, твоего же мужа у тебя отобьетъ... Ничего, что онъ тихоня и все про совѣсть толкуетъ... Такихъ то совѣстливыхъ и ловятъ... Отъ совѣсти и самъ въ петлю ползаетъ и другого удавить... Ну да это не мое дѣло... Ты смотри, похорони меня, какъ я прошу... Желѣзную рѣшетку, мраморный памятникъ... Не крестъ, а настоящій памятникъ. Не исполнишь—по ночамъ являться буду... такъ и знай... Авось у чертей кратковременными отпусками пользоваться буду... по пріятельству... Ну, прощай... За этимъ только и звалъ... Благословилъ бы тебя, да проклятые цыгане руки перебили, не могу шевельнуть... Впрочемъ мое благословеніе едва-ли бы и на пользу было... Что чортъ хвостомъ, то и я... Охъ, не могу больше... умираю...

Старикъ закатилъ глаза, лицо его задергалось. Онъ весь забился на своемъ диванѣ и дико завылъ отъ боли. Екатерина Петровна, какъ бы очнувшись отъ охватившей ее апатіи, поспѣшно наклонилась къ нему.

— Лева, голубчикъ,—торопливо забормотала она,—еще можетъ быть не поздно, позволь ради Бога позвать священника... Кончи жизнь христіаниномъ...

— Къ чорту, пошла къ чорту,—коснѣющимъ языкомъ прохрипѣлъ умирающій... Всю жизнь прожилъ... не хотѣлъ Богъ меня знать... Не надо... и теперь не надо... Все равно, или въ адъ, или никуда... Поздно...—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія и это слово „поздно“ онъ нѣсколько разъ повторилъ все тише, тише и закончилъ.

Началась агонія...

Прошло нѣсколько минутъ. Въ мертвой тишинѣ, царившей въ комнатѣ, только слышны были хрипы умирающаго... постепенно ослабѣвавшіе... Вдругъ гдѣ-то за стѣной зашипѣли часы и послѣ минутнаго шипѣнья и скрипа хрипло забели... разъ, два, три... При двѣнадцатомъ ударѣ Качаловъ широко открылъ глаза и воззрился ими въ закопченный потолокъ комнаты.

— Такъ вотъ это что такое,—произнесъ онъ странно-удивленнымъ голосомъ и вытянулся... По лицу побѣжала тѣнь... Глаза начали постепенно тускнѣть, нижняя челюсть отвисла... Онъ еще разъ потянулся всѣмъ тѣломъ и замеръ... Докторъ быстро всталъ. Подошель и заглянулъ ему въ лицо.

— Конечно,—произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія. Въ отвѣтъ ему послышался одинъ общій вздохъ всѣхъ трехъ женщинъ, матери и обѣихъ дочерей. Но это не былъ вздохъ печали, а скорѣй всѣхъ облегченія... Смерть такого мужа и отца, какъ Левъ Львовичъ, не могла огорчать.

ХІІ.

Елизавета Львовна добросовѣстно исполнила предсмертную волю отца, и когда три дня спустя состоялись его похороны, городъ былъ удивленъ той пышностью и роскошью, съ которой онѣ были устроены.

Любопытство провинціальныхъ кумушекъ и всякаго рода праздно живущихъ было возбуждено до крайности, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше можно было ожидать такого вниманія со стороны Нускаты къ памяти стараго капитана, котораго при жизни они не хотѣли знать.

Толкамъ и пересудамъ не было конца. Безъ всякаго основанія и повода создавались сплетни, основой и канвой которымъ служила главнымъ образомъ загадочная смерть капитана. Говорили о какомъ-то слѣдствіи, о десяткѣ сыщиковъ, получившихъ приказаніе розыскать убійцъ стараго Качалова, таинственномъ доносѣ, полученномъ губернаторомъ... Приплетали фамиліи первыхъ городскихъ богачей, Шульмеера и Афанасопуло... Однимъ словомъ, чего-чего только не говорили и не рассказывали по городу досужіе языки.

Благодаря всѣмъ этимъ вѣстямъ и слухамъ, въ день похоронъ Льва Львовича за его гробомъ собралась большая толпа всякаго празднаго и любопытствующаго народа.

Если бы туристъ, пріѣхавшій въ этотъ день въ К. случайно присутствовалъ при этихъ похоронахъ, онъ навѣрно подумалъ бы, что хоронятъ какого-нибудь популярнаго общественнаго дѣятеля, принесшаго городу много пользы и добра.

Особенное любопытство всѣхъ знавшихъ отношенія обѣихъ сестеръ возбудило то обстоятельство, что послѣ похоронъ Елизавета Львовна взяла къ себѣ въ коляску Лелю и вмѣстѣ съ матерью повезла въ свой домъ.

— Помирились, помирились,—шепотомъ пронеслось по толпѣ и вотъ, не выходя изъ кладбищенской ограды, родилась новая легенда.

Разсказывали за достовѣрное, приводя собственныя слова всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, будто бы капитанъ передъ смертью позвалъ Елизавету Нускаты и, угрожая ей проклятіемъ, заставилъ примириться съ Лелей, которая въ свою очередь дала клятву на евангеліи быть примѣрной сестрой...

Прибавляли даже, что при этомъ случаѣ Леля встала на колѣни и въ ноги поклонилась сестрѣ, чѣмъ чрезвычайно ее разстроила... Эта послѣдняя подробность особенно умилила многихъ, хотя люди, знакомые ближе съ Лелей, недовѣрчиво покачивали головами, слушая эту басню.

— Ну, Елена Львовна, смѣю васъ завѣрить, не изъ такихъ, которыя въ ноги кланяются,—первый высказалъ свое сомнѣніе Бобровъ, бывший, какъ и Денисьевъ, тоже въ числѣ зрителей.

— Ахъ, что вы, помилуйте,—замахала на Боброва руками одна изъ дамъ.—Передъ умирающимъ отцомъ... Ахъ, нѣтъ, не говорите... Леля вовсе ужъ не такая безсердечная, какъ о ней говорятъ...

— Мужчины всегда готовы злословить на насъ, женщинъ,—томно подхватила другая дама.—Это уже ихъ обыкновеніе...

Бобровъ пожалъ плечами и, чтобы не затѣвать безконечныхъ преній, дернулъ Денисьева за рукавъ и, отведя его въ сторону, шепнулъ.

— Все брехня, тутъ совсѣмъ не то... Это не миръ, а перемиріе.

Въ теченіе трехъ дней, пока тѣло Качалова стояло въ домѣ, Елизавета Львовна аккуратно являлись два раза въ день на панихиды, но по окончаніи ихъ тотчасъ же исчезала.

За все это время между ею и Еленой не было сказано ни одного слова. Онѣ какъ бы не замѣчали другъ друга... Тоже было и въ день погребенія... И только въ ту минуту, когда гробъ начали медленно спускать въ могилу, Елизавета Львовна вдругъ почувствовала, какъ что-то кольнуло ее въ грудь... Образъ стараго капитана, грязнаго, растерзаннаго, насквозь пропитаннаго запахомъ водки и дешеваго табаку, стушевался и изъ-за него выступилъ другой, симпатичный и нѣкогда столь близкій сердцу... Елизавета Львовна вспомнила себя ребенкомъ, на рукахъ красиваго, веселаго и добраго отца... Вспомнила шелковистые усы, которыми онъ любилъ щекотать ея шею, его звучный голосъ, напѣвавшій смѣшную сказку про сѣренькаго козлика...

Вспомнился Елизаветъ Львовнѣ тѣнистый садъ за ихъ домомъ, давно теперь вырубленный на дрова, и косматая собаченка Пуцкъ, такъ уморительно прыгавшая на своихъ кривыхъ лапкахъ, когда Левъ Львовичъ трясъ Лизу за платье, вытряхивая изъ нея капризь. Это былъ способъ унимать Лизу. Когда она расплатется, онъ начиналъ теревить ее за подолъ юбочки и кричать: „Пуцкъ, Пуцкъ, съѣшь капризь, Лизинъ капризь съѣшь“.

При этомъ призывѣ Пуцкъ, какъ сумашедшій, начиналъ кидаться на дѣвочку, визжать и лаять, пока она не размѣется и не забудетъ свое огорченіе...

Подавленная внезапно нахлынувшими воспоминаніями, Елизавета Львовна пристально смотрѣла на крышку гроба, блестящаго золотой парчей подъ ея ногами, и тоскливое чувство отъ сознанія утраты въ первый разъ за всѣ эти дни сдавило ея сердце. Она какъ бы только сейчасъ поняла, что въ этомъ гробу лежитъ ея отецъ, съ которымъ она навсегда разсталась. Нѣсколько замаховъ послушныхъ лопатъ и земля навѣки скроетъ всѣ слѣды его существованія... Останутся одни воспоминанія... Останется имя, какъ пустой звукъ... Былъ и нѣтъ...

Елизавета Львовна растерянно оглянулась... Въ двухъ шагахъ отъ нея, вся въ черномъ, строгая и изящная стояла Леля. Слегка нахмурясь, она пристально смотрѣла на крышку гроба и въ ея глазахъ Елизавета Львовна прочла тѣ-же мысли, какія бродили и въ ея головѣ... Эта общность мысли напомнила Елизаветѣ Львовнѣ, что вѣдь это ея сестра; родная тоже, когда-то горячо любимая... И опять въ ея мозгу одна за другой поплыли воспоминанія далекаго дѣтства... Ихъ совмѣстныя игры, шалости... дѣтская дружба, за которую когда то всѣ ихъ такъ хвалили... Елизавета Львовна еще разъ искоса взглянула на Лелю и глубокая жалость внезапно охватила ее. „Я богата—думала она,—у меня мужъ, общество, а она теперь совсѣмъ одинока, безъ связей, безъ поддержки, почти нищая... И я еще такъ безсердечна, что хочу оттолкнуть ее!“...

Въ эту минуту Елизавета Львовна искренно забыла всю свою вражду къ Лелѣ и душа ея наполнилась однимъ желаніемъ поскорѣе приласкать ее, привлечь къ себѣ, заставить вновь полюбить... Воскресить тѣ свѣтло-радостные дни, когда онѣ сидѣли, крѣпко обнявшись между собой, и шепотомъ довѣряли другъ другу сначала свои дѣтскія впечатлѣнія, а потомъ дѣвичьи грезы... Ярko всплываетъ въ памяти Елизаветѣ:

Львовны одинъ вечеръ. Она, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, испуганная, оскорбленная, горько рыдаетъ, забившись въ уголъ сада.... Ей кажется, все погибло... Исторія со старикомъ Нускатомъ стала достояніемъ города и теперь она трепещетъ при одной мысли выйти на улицу, гдѣ ее ожидаютъ двусмысленныя улыбки и подозрительныя взгляды... Отецъ, котораго она любила, оказался негодяемъ... Мать потеряла голову... Она одна, одна въ цѣломъ мірѣ... Ей хочется умереть... будущее темно, какъ ночь... Чьи-то тонкія, нѣжныя руки обвиваютъ ея шею, а мокрая отъ слезъ щеки любовно прижимаются къ ея щекамъ... Лиза порывисто обхватываетъ сестру, разыскавшую ее въ ея уединеніи, и даетъ волю своимъ слезамъ... Онѣ обѣ плачутъ и слезы ихъ смѣшиваются. Одиннадцатилѣтняя Леля плохо понимаетъ причину горести своей шестнадцатилѣтней сестры, но чуткимъ дѣтскимъ, любящимъ сердцемъ чувствуетъ, что ей тяжело и, какъ умѣетъ, старается утѣшить ее...

Глухо застучали комья жирнаго чернозема о крышку гроба и этотъ тупой стукъ болѣзненно отозвался въ душѣ Елизаветы Львовны и подъ этимъ впечатлѣніемъ она вдругъ, неожиданно даже для самой себя, обернулась къ Лелѣ и шепотомъ произнесла.

— Леля, милая, прошу тебя—послѣ похоронъ поѣдемъ прямо ко мнѣ. Мнѣ необходимо поговорить съ тобой о многомъ... о многомъ.

Оторванная отъ своихъ мыслей, Елена Львовна съ изумленіемъ взглянула на блѣдное, разстроенное лицо сестры.

— Что это съ ней случилось?—подумала она, съ холодной недовѣрчивостью.—Откуда такая нѣжность?.. Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь затаенной мысли? Странно, очень странно...

Леля еще внимательнѣй оглядѣла сестру, продолжавшую смотрѣть на нее съ какой-то непонятной восторженностью, и вдругъ смутное подозрѣніе замелькало въ ея мозгу.

— А понимаю, въ чемъ дѣло—подумала она про себя.—Сестрицу, очевидно, опять прежніе страхи обуяли... Боятся потерять свое сокровище и изъ боязни готовы идти на мировую... Посмотримъ, что-то вы мнѣ предложите, чѣмъ захотите задобрить... Интересно будетъ послушать.

— Ну что-жъ, Леля—кратко и ласково переспросила Елизавета Львовна.—Согласна на мою просьбу?

— Хорошо,—небрежно отвѣтила Елена Львовна.—Если неиремѣнно хочешь, я согласна поѣхать къ тебѣ... Надѣюсь только, что ты не будешь устраивать мнѣ никакихъ сценъ.

— Ахъ, Леля, Леля,—грустно вздохнула Елизавета Львовна, уязвленная недоброжелательнымъ и грубымъ тономъ сестры, и съ горечью подумала:

— „Она не довѣряетъ мнѣ,—а между тѣмъ, кто больше заслужилъ недовѣрія?“..

Елизавета Львовна машинально опустилаь на колѣни и начала молиться... Она не была богомольна, но сегодня на нее словно что-то нашло. — „Господи,—мысленно говорила она,—ты видишь мою душу, ты видишь, какъ искренно хочу я загладить все... Помоги мнѣ... защити меня... не допусти совершиться злему дѣлу... Я вѣдь немногаго прошу... Я прошу только, чтобы Ты не отнималъ у меня того, что Самъ же далъ мнѣ... Не отнимай у меня любви моего Георгія... Ты, всемогущій, знаешь, какъ я люблю его... какъ онъ дорогъ мнѣ... Неужели-же Ты будешь такъ жестокъ и лишишь меня моего счастья?.. За что? Что я сдѣлала?.. Ты видишь, я искренно прощаю сестрѣ все, что она дурного сдѣлала противъ меня. Но пусть она опомнится... Вразуми ее... Останови... на дурномъ пути и огради мое счастье, мою любовь... Молю тебя объ этомъ у могилы моего отца... Неужели Ты меня не услышишь?“

Не будучи въ силахъ совладать съ своимъ волненіемъ, Елизавета Львовна тихо заплакала.

Стоявшій невдалекѣ отъ нея Денисьевъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на ея вздрагивающія отъ рыданій плечи и толкнулъ локтемъ Боброва.

— Вотъ уже не ожидалъ—шепнулъ онъ ему,—чтобы Елизавета Львовна оказалась такой комедіанткой! Смотри, какъ искусно плачетъ... Спрашивается, кого она думаетъ обмануть? При жизни она терпѣть не могла отца, да и не за что его было и любить, а теперь плачетъ... По моему, Елена Львовна куда благороднѣе поступаетъ.—По крайней мѣрѣ безъ всякаго притворства... Не огорчена, такъ и не огорчена... Стоитъ себѣ спокойно... и не хочетъ показывать людямъ того, чего нѣтъ въ душѣ...

— Что ты понимаешь? — свирѣпо окрысился Бобровъ.— Елизавета Львовна никогда комедіанткой не была и не будетъ. Если плачетъ, то видно и впрямь тяжело у нея на душѣ...

Всю дорогу отъ кладбища до дома Нускатовъ всѣ трое—Елизавета Львовна, Леля и Екатерина Петровна не проронили ни одного слова. Елизавета Львовна напряженно обдумывала все то, что собиралась сказать сестрѣ, а та, предчувствуя неизбежность объясненій, нарочно молчала, рѣшивъ предоставить первой высказаться сестрѣ.

Когда онѣ пріѣхали, ихъ встрѣтилъ Георгій Дмитріевичъ. Онъ былъ второй день боленъ и докторъ запретилъ ему выходить изъ дому. Болѣзнь помѣшала ему быть даже на похоронахъ тестя, чему въ душѣ онъ былъ радъ. Онъ зналъ, что будетъ много праздныхъ зѣвакъ, и это стѣсняло его.

Увидя жену, входившую рядомъ съ Еленой, Георгій Дмитріевичъ очень обрадовался.

— Ахъ, какъ хорошо, что онѣ помирились — подумалъ онъ, — Давно пора... Какъ бы былъ я радъ, если бы между ними снова установились прежнія дружелюбныя отношенія. Леля тогда могла опять жить у насъ... Впрочемъ, объ этомъ нечего и думать... Моя жена слишкомъ подозрительна и ревнива, чтобы разрѣшить сестрѣ переселиться къ намъ... А настаивать—только еще больше возбудить въ ней ея подозрѣнія... Какъ все это досадно и тяжело,—заключилъ Георгій Дмитріевичъ свои размышленія тяжелымъ вздохомъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ мыслей онъ торопливо подошелъ къ Лелѣ и дружески пожалъ ей руку, причемъ пожатіе это вышло помимо желанія какъ-то особенно тепло.

Слѣдившая за нимъ Елизавета Львовна замѣтила это и сердце ея болѣзненно сжалось. Но она сдѣлала надъ собой усиліе и спокойнымъ, почти веселымъ голосомъ сказала, обращаясь къ мужу.

— Георгій, прости, голубчикъ, но мы попросимъ тебя уйти.. Намъ надо переговорить вдвоемъ о нашемъ дѣлѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей.

— Давно ли я сталъ для тебя посторонній свидѣтель?—возразилъ Георгій Дмитріевичъ, маскируя шутливостью тона закравшееся въ немъ безпокойство. Ему почему-то вдругъ пришло въ голову, не скрывается ли въ желаніи жены удалить его какой-нибудь опасности для Елены...

— Ей можетъ придти мысль,—подумалъ онъ,—уговорить Елену уѣхать отсюда... Въ своемъ эгоизмѣ она не подумаетъ, какъ опасно для молодой дѣвушки, еще неопытной и къ тому же такой красивой, пускаться одной въ бѣлый свѣтъ... Жена моя прекрасная женщина, но ревность ослѣпляетъ ее и дѣлаетъ эгоисткой.

Однако онъ не захотѣлъ пока ни во что вѣриваться и, не возражая, пошелъ изъ комнаты, провожаемый долгимъ, пристальнымъ взглядомъ Елены.

Взглядъ этотъ не ускользнулъ отъ вниманія Елизаветы Львовны и вторично въ ея душѣ шевельнулось чувство обиды. но какъ и нѣсколько минутъ тому назадъ, при встрѣчѣ Лели съ ея мужемъ, она собрала всю силу своей воли и не дала разгорѣться вспыхнувшему было въ ней раздраженію.

— Можетъ быть, я дѣйствительно черезчуръ преувеличиваю, — постаралась она успокоить себя и, чтобы заглушить свои тревожныя думы, обратилась поскорѣй къ Лелѣ дружескими тономъ.

— Леля, прошу тебя, выслушай меня и постарайся понять... Я просила тебя пріѣхать, чтобы переговорить съ тобой откровенно, по родственному... Сегодня, стоя у могилы отца, я о многомъ передумала и пришла къ убѣжденію, что такъ жить нельзя... Я не хочу считать тебя своимъ врагомъ... Что было, то было... Не станемъ разбирать, кто изъ насъ виноватъ больше, кто меньше... Обѣ мы виноваты и самое лучшее, если мы искренно простимъ другъ друга и забудемъ все прошлое... Видишь ли, тогда ты была очень молода, неопытна, многого не понимала, теперь ты уже вполне взрослая дѣвушка, знаешь жизнь... отношенія людей... Словомъ, должна понимать свою роль по отношенію къ Георгію Дмитриевичу и я хочу вѣрить, что ты давно опомнилась и забыла всѣ свои глупости... Не правда ли?

Елизавета Львовна на минуту замолкла и исподлобья мелькомъ взглянула на сестру, сидѣвшую противъ нея въ качалкѣ, въ лѣнливой позѣ, съ равнодушнымъ выраженіемъ красиваго лица.

На вопросъ Елизаветы Львовны Леля ничего не отвѣтила и продолжала смотрѣть прямо передъ собой какимъ-то особеннымъ, загадочнымъ взглядомъ.

Не дождавшись отвѣта, Елизавета Львовна нервно повела плечомъ и продолжала, видимо сдерживая свое волненіе.

— Ну хорошо... Объ этомъ мы уже больше говорить не будемъ... Я и сказала то такъ, къ слову... чтобы начать... А теперь вотъ, что я хочу предложить тебѣ.—Переѣзжай къ намъ опять... Я тебѣ уступлю двѣ комнаты, знаешь, тѣ, что выходятъ въ садъ... Одну твою, прежнюю, гдѣ ты жила, а другую рядомъ съ нею, маленькую... Ты будешь жить у насъ, какъ жила у себя дома. Я ни въ чемъ не буду стѣснять тебя... Впрочемъ—улыбнулась Елизавета Львовна, я убѣждена, долго ты

у насъ не заживешься и выйдешь замужъ... При жизни отца, трудно было рассчитывать на хорошую партію. Едва ли кому могло придти желаніе породниться съ нимъ. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. У насъ въ домъ часто бываетъ молодежь, особенно офицеры, и я убѣждена, у тебя будетъ цѣлый рой поклонниковъ... Только выбирай... Въ остальномъ не беспокойся... Я охотно помогу тебѣ... Приданое тамъ, все прочее... Реверсъ въ полкъ, если женихъ будетъ офицеръ, все это я беру на себя... Однимъ словомъ, Леличка, а все, все устрою для тебя... Вѣдь и то сказать, послѣ мужа ты для меня ближе всѣхъ... Дѣтей у насъ нѣтъ... мы одни... вотъ мама еще... Но мама уже старая, больная... Помнишь, Леля, какъ мы любили другъ друга, когда были маленькія... Отчего намъ не быть опять такими же друзьями?.. Подумай, какъ это было бы хорошо... Не правду ли я говорю?.. Что-жъ ты все молчишь? Скажи же наконецъ что-нибудь... Вѣдь ты, разумѣется, согласна?

— Нѣтъ,—отрывисто и рѣзко отвѣтила Елена,—не согласна.

— Какъ нѣтъ? Что такое нѣтъ? Я тебя не совсѣмъ понимаю—похолодѣла Елизавета Львовна, растерянно глядя на сестру.—Въ чемъ ты несогласна?

— Несогласна жить у тебя,—такъ же рѣзко заговорила Елена.—Не въ моемъ характерѣ возвращаться туда, откуда меня выгнали. Я это не въ упрекъ тебѣ говорю, ей Богу нѣтъ, а какъ фактъ... Кромѣ того, простите меня, Елизавета Львовна, я не вѣрю вамъ, не вѣрю, чтобы у васъ хватило надолго расположенія ко мнѣ... Сегодня вы почему-то въ особенномъ настроеніи. Очевидно на васъ, противъ ожиданія, сильно подѣйствовали похороны, но пройдетъ день, два и къ вамъ вернуться всѣ ваши подозрѣнія... Вы снова начнете ревновать меня, дѣлать сцены... Вы говорите, я теперь уже не дѣвочка. Совершенно вѣрно и вотъ потому-то, что я взрослая, все понимающая дѣвушка, почти женщина, я и не могу согласиться вновь переживать тотъ адъ, который я уже разъ пережила.. Нѣтъ, нѣтъ,—оживилась она,—это невысказано... Я слишкомъ люблю свободу, чтобы жить хотя бы даже въ золотой клѣткѣ... Бобровъ или кто тамъ другой, дали мнѣ кличку копчика. Ну, а копчикъ въ клѣткѣ не уживется... Вы, Елизавета Львовна, соблазните меня надеждой на замужество, великодушно общаете выдать за какого-нибудь офицера, дать приданое, внести реверсъ... Очень, очень вамъ благодарна, но мнѣ ничего этого не нужно... Замужество не прельщаетъ меня, я не гожусь для мѣщанской идилліи. Стряпать вдвоемъ съ дѣнщи

комъ, штопать мужу чулки, бѣгать на базарь—роль не моего амплуа... Если я когда-нибудь и выйду замужъ, то за миллионера, чтобы быть царицей, а не кухаркой... Васъ очень удивить, но я откровенно скажу вамъ, я не примирилась бы съ такимъ состояніемъ и положеніемъ, какъ ваше... Вы богаты, имѣете вѣсь и значеніе, но по масштабу города К. Стоитъ вамъ переѣхать въ Петербургъ, Москву и вы ступаетесь въ общей толпѣ. На любомъ балу найдется по крайней мѣрѣ третья часть дамъ въ такихъ туалетахъ, по сравненію съ которыми ваши будутъ казаться жалкими тряпочками... Ваши рысаки, приводящіе въ восхищеніе вашихъ здѣланныхъ знакомыхъ, на Невскомъ не обратили бы ничего вниманія. Тамъ у извозчиковъ встрѣчаются лучше... Словомъ, вы львица здѣсь, но въ столицѣ вы были бы заурядная барынька „со средствами“... Мнѣ этого мало... Я хочу, чтобы и въ столицѣ, и за границей, если я поѣду туда, я была бы изъ первыхъ... Чтобы мои наряды возбуждали шепотъ удивленія и зависти, чтобы, когда я буду выѣзжать на прогулку, знатоки и любители замирали отъ восторга, завидя моихъ лошадей... Словомъ, я хочу роскоши, настоящей роскоши, безумной, чудовищной и я добьюсь этого... Путемъ ли выхода замужъ, инымъ ли какимъ, я не знаю, но я буду на вершинѣ, или... или умру.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, лицо ея оживлялось все больше и больше, глаза разгорѣлись, она выпрямилась и приняла горделивую позу, дѣлавшую ее еще очаровательнѣй,

— Но помилуй, Леля,—изумилась Елизавета Львовна,—какъ какими путями ты думаешь достигнуть такого сказочнаго благополучія... Вѣдь это просто безумный бредъ какой-то... Ты забываешь, вѣдь ты почти нищая...

— Замолчи—нетерпѣливо перебила ее Леля.—Все, что ты мнѣ скажешь, я знаю напередъ... Да, я нищая, но все же не совсѣмъ... У меня есть планы и идеи, о которыхъ я пока умолчу... Кстати, я хочу продать нашъ домъ, надѣюсь, ты ничего не имѣешь противъ и согласишься взять къ себѣ мамашу?

— Ну за домъ ты много не получишь,—онъ почти совсѣмъ развалился.

— Посмотримъ,—загадочно усмѣхнулась Леля.

— Да тутъ, душа моя, и смотрѣть нечего, онъ и новый то стоилъ пять тысячъ... Въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ теперь, тебѣ и двухъ не дадутъ. При томъ не забудь, онъ заложень и перезаложень...

— Я все это прекрасно знаю. Знаю, домъ ничего почти

не стоит, но не въ домѣ дѣло, а въ землѣ. Ты забываешь, что за двадцать лѣтъ цѣна на землю возросла въ десять разъ... Съ будущаго года начнутъ строить вторую желѣзнодорожную вѣтвь... Городъ нашъ оживетъ... Явятся разные предприниматели, проведутъ конно-желѣзныя дороги, соорудятъ новыя зданія... Черезъ три-четыре года ты не узнаешь нашей улицы. Она изъ захолустной сдѣлается чуть ли не центральной... Откроется гостинница, лучшая въ городѣ, со всѣми усовершенствованіями, вполне европейская... Со множествомъ номеровъ и съ огромнымъ заломъ, гдѣ будутъ давать концерты и театральныя представленія...

— Но откуда ты все это взяла? Въ городѣ ни о чемъ подобномъ не говорятъ.

— Кому же говорить? Чиновникамъ? Но чиновники наши ничего не знаютъ и знать не хотятъ... Всѣ ихъ интересы въ Петербургѣ, въ департаментахъ.. Они слѣдятъ только за повышеніями по службѣ, переводами, назначеніями и пасхальными наградами. До здѣшняго края имъ дѣла нѣтъ. Оттого имъ ничего и не извѣстно, а если что случайно и извѣстно, то объ этомъ они упорно молчатъ, играя въ канцелярскую тайну. Еще меньше знаютъ и даже совсѣмъ ничего ваши молдаванскіе дворяне-помѣщики. Они какъ разинули рты съ незапамятныхъ временъ, такъ съ разинутыми ртами и ходятъ, ничего не видя, не замѣчая, ничѣмъ не интересуясь, кромѣ картъ, сплетенъ и любовныхъ походовъ... Не мудрено, что они такъ все *провороняютъ*. Скоро вся Бессарабія у нихъ мимо носа уплыветъ въ жидовскія руки...

— А, теперь я догадываюсь, кто сообщилъ тебѣ всѣ эти новости... Жиды. Ты отъ нихъ слышала. Но только это все вздоръ, увѣряю тебя... Они нарочно распускаютъ всѣ эти слухи, чтобы будоражить народъ, раздуть цѣну на землю и вообще для разныхъ своихъ мошенническихъ соображеній... Лучшіе изъ нихъ сами даже сознаются въ этомъ... Вотъ хоть бы Шульмееръ. Недавно въ одномъ обществѣ кто-то спросилъ его, правда ли, будто ожидается поднятіе цѣнъ на землю и онъ откровенно сказалъ, что все это пустые разговоры мелкихъ факторовъ, ганделюющихъ на покупкѣ и продажѣ домовъ и городскихъ участковъ..

— Что-жь, можетъ быть, — лукаво прищурилась Леля. — Если Шульмееръ такъ сказалъ, то значить правда. Но домъ я все таки продамъ, хотя бы уже потому, что послѣ смерти отца мнѣ нестерпимо жутко тамъ жить... Я даже сегодня, думаю, переберусь въ гостинницу...

— Твое дѣло, хотя не понимаю, зачѣмъ тебѣ переѣзжать, въ гостинницу, когда ты можешь поселиться у насъ?

— Такъ мнѣ удобнѣе и не все ли равно, когда переѣхать, сегодня ли, завтра-ли, черезъ недѣлю? Разъ я рѣшила жить въ гостинницѣ.

— А, ты рѣшила жить въ гостинницѣ? Странное желаніе. Изъ этого можно заключить, что ты рассчитываешь скоро со-всѣмъ покинуть К. Куда-же ты намѣрена переѣхать, въ Петербургъ, въ Москву? Или, можетъ быть, за границу?

Послѣднюю фразу Елизавета Львовна произнесла полушутливымъ тономъ, но въ то-же время съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Помимо ея воли въ душѣ ея снова закопошились тревожныя подозрѣнія. Изъ объясненія съ сестрой она видѣла, что та затѣваетъ какую-то игру, о которой не хочетъ говорить вполнѣ откровенно. Эта таинственность пугала Елизавету Львовну, порождая смутныя опасенія. Она пытливо посмотрѣла въ лицо Лелѣ и послѣ долгаго колебанія, нерѣшительно, какъ бы конфузясь и срываясь съ тона, заговорила въ полъ-голоса, боязливо оглядываясь на дверь, словно боясь быть подслушанной.

— Ну отлично... дѣлай, какъ знаешь... Хочешь жить самостоятельно—живи... Препятствовать тебѣ я не могу, ты не ребенокъ... Въ продажу дома я не вмѣшиваюсь, онъ твой,—поступай съ нимъ, какъ найдешь лучше, мать я беру на свое попеченіе и въ этомъ отношеніи ты можешь считать себя свободной отъ всякихъ заботъ и обязанностей... Мало того, если понадобятся тебѣ деньги—скажи, я готова помочь тебѣ всѣмъ, чѣмъ могу... Нашъ домъ, разумѣется, всегда открытъ для тебя. Во всякое время, днемъ и ночью ты здѣсь дорогая гостья и сестра... Но объ одномъ прошу тебя, милая, дорогая Лелечка, будь великодушна... Я готова на колѣняхъ просить тебя... Видишь, я старшая сестра, передъ которой ты однажды была такъ виновата... Ну, прости, прости, не хмурься, это я просто такъ, къ слову... Я, старшая сестра, готова унижаться передъ тобой... умолять... Неужели ты будешь такъ безсердечна и захочешь причинить мнѣ зло, зло ужасное, непоправимое?

— Я васъ плохо понимаю, Елизавета Львовна — прервала ее Леля.—О чемъ вы меня просите? Ужъ не о томъ ли, чтобы я „не охотилась“ на вашего мужа, не вѣшалась ему на шею? Припомните, это все ваши выраженія? Если объ этомъ, то я могу только одно сказать вамъ—въ чувствахъ своихъ чело-вѣкъ не воленъ и въ вопросахъ сердца не всегда бываетъ

такъ, какъ бы мы желали... Многое случается на зло намъ... Нарочно идешь налѣво, чтобы избѣжать опасности справа и, какъ слѣпой, наталкиваешься на то именно, чего опасешься... Это какъ въ солдатской игрѣ въ „стрекача“. Не знаю, видѣла ли ты? Вбиваютъ въ землю колышекъ и къ нему на двухъ длинныхъ веревкахъ привязываютъ за поясъ двухъ солдатъ... Обоимъ завязываютъ глаза... Одному въ руки даютъ деревянную трещотку, а другому жгутъ. Игра состоитъ въ томъ, что солдатъ со жгутомъ въ рукѣ преслѣдуетъ другого съ трещоткой, который старается увильнуть отъ преслѣдователя, ловящаго его на слухъ по стуку трещотки... Главный интересъ игры бываетъ тогда, когда преслѣдуемый вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ своего врага, не видя его, идетъ ему на встрѣчу... Идетъ осторожно, чуть ступая, прислушиваясь, и вдругъ съ размаха попадаетъ въ его объятья, подъ удары жгута. Я очень люблю эту игру... Она напоминаетъ мнѣ жизнь, гдѣ мы тоже бродимъ, какъ незрячіе и, убѣгая отъ чего-нибудь, иногда совершенно неожиданно для самихъ себя налетаемъ на жгутъ...

— Что же ты хочешь всѣмъ этимъ сказать?—поблѣднѣла Елизавета Львовна.—Я не понимаю, я боюсь понять тебя! Говори яснѣе. Какіе замыслы таишь ты, чѣмъ угрожаешь?

— Никакихъ замысловъ у меня нѣтъ и тѣмъ менѣе я думаю о какихъ бы то ни было угрозахъ... Я только предупреждаю, что не могу ничего обѣщать... Никакихъ обязательствъ на себя не принимаю, такъ какъ трудно знать сегодня, что можетъ случиться завтра... Повторяю, я не вольна въ своихъ чувствахъ, какъ и никто не воленъ въ нихъ... Разсуди сама и будь логична: сегодня твой мужъ любить тебя и совершенно равнодушенъ ко мнѣ и, что бы я ни дѣлала, какъ бы ни „охотилась за нимъ“, онъ будетъ любить тебя, а не меня, но завтра почему-либо его чувства измѣнятся. Онъ разлюбитъ тебя и придетъ ко мнѣ... Неужели ты думаешь, если я оттолкну его, онъ вернется къ тебѣ?.. Отнюдь нѣтъ... Онъ или останется у моихъ ногъ, изнывая отъ безнадежной любви, или пойдетъ отъ меня къ другой, но во всякомъ случаѣ не къ тебѣ... Поймите, Елизавета Львовна, ту истину, что человѣкъ не можетъ—любя одну, въ одно и то же время полюбить другую... Это невозможно въ одинъ и тотъ же мигъ быть въ двухъ мѣстахъ... Сначала надо разлюбить того, кого любилъ, освободить свое сердце, какъ освобождаютъ квартиру, и тогда уже полюбить другого. Поселить въ пустующее жилище новое любимое существо... Женщины, а въ особенности

какъ то плохо это понимаютъ, а между тѣмъ, не можетъ быть ничего яснѣе. Снова и снова увѣряю васъ, Елизавета Львовна, пока Георгій Дмитріевичъ любитъ васъ, онъ не придетъ ко мнѣ, а когда разлюбитъ, то для васъ должно быть безразлично: придетъ ли онъ ко мнѣ или къ иной какой женщинѣ, для васъ онъ все равно потерянтъ... Ваша забота не потерять его любовь, вотъ что главное, а не то, кого онъ полюбитъ послѣ васъ... Кстати, примите еще дружескій совѣтъ: меньше ревнуйте. Ничѣмъ такъ не легко оттолкнуть отъ себя мужа, какъ безпричинной ревностью... Прежде всего, ревнуя, вы этимъ самымъ какъ бы сознаете въ глазахъ мужа превосходство вашей соперницы, какъ бы сами подсказываете мужу: „Вотъ, молъ, смотри, какъ я боюсь ея, боюсь, чтобы ты не разглядѣлъ, насколько она лучше, красивѣе, моложе меня“. И, повинувшись вашему внушенію, мужъ будетъ думать: „А дѣйствительно она лучше жены“. Если я когда-нибудь выйду замужъ,—я никогда не буду ревновать... Если я замѣчу, что мужъ увлекается другой женщиной, я не только не буду дѣлать ему сценъ и тѣмъ только еще больше отталкивать отъ себя, а, напротивъ, удвою свою любезность, ласковость, покажу, какой у меня прекрасный характеръ и какъ я далека отъ мысли, будто на свѣтѣ могутъ существовать женщины лучше и привлекательнѣй, чѣмъ я... Вотъ въ чемъ истинное женское самолюбіе: не допускать даже мысли о возможности соперницы... Поступая такъ, я и мужу внушу такія же мысли и онъ, видя во мнѣ отсутствіе страха передъ соперницей, невольно начнетъ находить въ ней недостатки. Значитъ, она уже не такъ хороша, если жена не считаетъ ее опасной для себя. Вотъ какъ должны поступать умныя жены, совѣтую тебѣ запомнить мои слова...

При послѣднихъ словахъ Лели, Елизавета Львовна поднялась съ кресла, на которомъ сидѣла. Она была блѣдна и тяжело, прерывисто дышала, и по всему ея тѣлу пробѣгала мелкая дрожь, отъ съ трудомъ сдерживаемаго негодованія.

— Довольно, Елена Львовна,—заговорила она звонкимъ, металлическимъ голосомъ.—Приберегите ваши совѣты для другихъ, я въ нихъ не нуждаюсь... Я сама знаю, какъ мнѣ держаться съ моимъ мужемъ, чѣмъ и какъ сохранить его любовь, въ которой пока еще не сомнѣваюсь... Изъ вашихъ словъ я поняла ясно, что вы не оставили вашихъ подлыхъ намѣреній и думаете продолжать охоту на Георгія Дмитріевича. Видите, я не боюсь повторить сказанное уже мною вамъ однажды. Ну что-жь? Это ваше дѣло... Я предлагала вамъ свое гостепріим-

ство, мою дружбу, готова была дѣлиться съ вами своими средствами... Словомъ, быть по отношенію къ вамъ настоящей, любящей сестрой. Вы оттолкнули меня... Вы хотите стать моимъ врагомъ... Отлично, я согласна и на это. Но помните, Елена Львовна, что отъ этой минуты между нами все кончено разъ и навсегда и что, если вы осмѣлитесь стать на моемъ пути, я буду безпощадна... Помните, за меня общество, законъ и кромѣ того средства, а ваши милліоны, о которыхъ вы тутъ говорили, пока еще въ вашемъ воображеніи...

— Вотъ такъ-то лучше,—звонко разсмѣялась Елена Львовна.— Вотъ это я люблю... Теперь я узнаю свою сестрицу... Давно бы такъ, а то прикидывались какимъ-то агнцемъ, угнетенной невинностью и думали обмануть меня... Напрасно... Я уже не прежняя наивная дѣвочка... Ошибаетесь... Еще тамъ, на кладбищѣ, при первыхъ вашихъ любезностяхъ я уже догадалась, въ чемъ дѣло. Вы просто струсили, Елизавета Львовна. Со-знайтесь, и хотѣли купить меня своимъ великодушіемъ... Похвальная предусмотрительность. Пока вы еще хороши, не спорю. Но пройдетъ еще три-четыре года и вы замѣтно посѣдете, появятся морщины... Вспомните, какая красавица была наша мать, много лучше насъ обѣихъ, а теперь, когда она идетъ по улицѣ, мальчишки бѣгутъ и кричатъ: „колдунья, колдунья...“ То-то-же...

— Вонъ!—хриплымъ голосомъ, задыхаясь и указывая рукою на дверь, крикнула Елизавета Львовна.—Вонъ, наглая интриганка. Съ этой минуты между нами все кончено... Забудь, что ты мнѣ сестра, какъ и я забываю...

— Охотно исполню твое желаніе—презрительно улыбнулась Леля и, поправивъ на головѣ шляпу, не торопясь, натравилась къ двери. Но, дойдя до порога, она обернулась и, многозначительно играя глазами, угрожающе произнесла:

— И такъ, война объявлена. Въ добрый часъ. Я очень этому рада. Не знаю, будешь ли ты радоваться?

Скаавъ это, Леля быстро исчезла за дверями, оставя Елизавету Львовну, стоящей посреди комнаты, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ и съ болѣзненно бьющимся сердцемъ. Въ этой позѣ засталъ ее вышедшій изъ кабинета Георгій Дмитріевичъ.

XV.

Нускать не слышалъ ни слова изъ разговора сестеръ между собой, какъ какъ дверь къ нему была заперта и притомъ онъ былъ погруженъ въ свои думы, не покидавшія его со дня смерти капитана. Ему казалось, что теперь, когда Качаловъ умеръ, обязанность заботиться о Лелѣ всецѣло перешла къ нимъ,—къ нему и къ женѣ.

— Она такая молодая, увлекающаяся, и на бѣду такая красавица,—размышлялъ Георгій Дмитріевичъ.—Да, на бѣду... Для бѣдной дѣвушки красота часто пагубна... Самое лучшее было бы, если бы она снова поселилась у насъ. Но боюсь, что Лиза, изъ-за своей безумной ревности, ни за что на это не согласится. Настаивать и уговаривать ее было бы бесполезно. напротивъ—тѣмъ настойчивѣй я буду въ своемъ желаніи пригласить къ намъ Лелю, тѣмъ упорнѣй жена не будетъ соглашаться... Съ этимъ ничего не подѣлаешь... несчастье, когда жена ревнива... Трудно найти женскій порокъ хуже ревности. Изъ-за ревности умная женщина превращается въ безумную, справедливая дѣлается несправедливой, добрая становится злой...

Георгій Дмитріевичъ вздохнулъ, поднялся съ своего кресла и прошелся по комнатѣ... Вдругъ ему послышался громкій, негодующій голосъ жены и онъ ясно уловилъ, рѣзко произнесенное слово: вонъ.

— Что тамъ у нихъ такое?—съ болѣзненнымъ раздраженіемъ подумалъ Нускать и поспѣшилъ въ гостиную.

Онъ вошелъ въ ту самую минуту, когда Леля, произнеся свою скрытую угрозу, исчезла за дверями... Георгій Дмитріевичъ не слышалъ ея словъ, но по лицу жены понялъ, что между сестрами произошла крупная ссора...

— Я такъ и зналъ—воскликнулъ онъ, укоризненно взглянувъ на жену.—Ахъ, Лиза, Лиза... И, не дожидаясь возраженій, Георгій Дмитріевичъ бросился вслѣдъ ушедшей Лелѣ.

Онъ догналъ ее въ швейцарской и остановилъ.

— Послушайте, Елена Львовна, что у васъ тамъ опять съ женой? Кажется, поссорились?

— Ваша жена выгнала меня вонъ, какъ горничную—холодно отвѣтила Леля.—Это уже второй разъ. Въ третій разъ, надѣюсь, подобнаго не случится, такъ какъ я уже больше никогда ни подъ какимъ видомъ, пока она жива, не переступлю порога вашего дома. Я и сегодня пріѣхала по ея приглашенію, никакъ не ожидая, что, пригласивъ, она потомъ сама же будетъ

выгонять... Признайтесь, довольно своеобразная система гостеприимства.

— Ну ужь и выгнала!—усумнился Нускать.—Как вы любите преувеличивать...

— Если крикнуть: „вонъ“ и при этомъ топнуть ногой, а пальцемъ указать на дверь—не значитъ выгнать, то я бы хотѣла, чтобы вы мнѣ объяснили, какимъ же способомъ надо выгонять,—столкнуть съ лѣстницы, или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— А развѣ Лиза,—смутился Нускать,—поступила именно такъ, какъ говорите?

— Точно такъ... Крикнула „вонъ“, топнула ногой и указала на дверь... Однимъ словомъ, по всѣмъ правиламъ мелодраматическаго искусства...

— Гм... удивительно,—покачалъ головой Нускать. Я право никакъ не ожидалъ...

— Еще бы вамъ ожидать?—насмѣшливо протянула Леля. Вѣдь въ вашихъ глазахъ Елизавета Львовна ангель кротости... У меня, къ сожалѣнію, инѣе мнѣніе...

— И очень жаль... Я не оправдываю Лизу, но и вы слишкомъ предубѣждены противъ нея... Она прекрасный человекъ и сердечный. Не улыбайтесь такъ язвительно, да—сердечный... Я сто разъ готовъ повторить это... Одно несчастье ревность... На этой почвѣ съ ней невозможны никакіе компромиссы... Мнѣ самому крайне неприятна такая черта ея характера, но противъ природы ничего не подѣлаешь... Какъ ни грустно, а приходится сознаться въ полномъ своемъ безсиліи... И такъ, мои планы рушились... Я думалъ предложить вамъ снова поселиться у насъ... Теперь, когда вы сдѣлались совершенно одиноки, вамъ, по моему мнѣнію, было бы лучше всего жить въ домѣ сестры... Но, оказывается, это невозможно... Грустно, очень, очень грустно...

— Спасибо вамъ, Георгій Дмитриевичъ, за вашу заботу—переходя въ другой, болѣе дружескій и задушевный тонъ, отвѣтила Леля.—Не кручиньтесь очень о моей судьбѣ. Я не изъ такихъ, которыя легко пропадаютъ... Вотъ вы увидите, какъ я хорошо устрою свою жизнь, сама, безъ чьего-либо великодушнаго вмѣшательства... Вы только возьмите на свое попеченіе маму, снимите съ нея заботу о ней и тогда я буду вольный казакъ... Ничьего покровительства, ничьей помощи мнѣ не надо... До свиданья.

— Пойдите, еще одно слово. Скажите, если не секретъ,

что вы намѣрены предпринять на первыхъ порахъ и какъ устроить свою жизнь?

— А вамъ очень хочется знать? Ну, такъ и быть, вамъ скажу, но только подъ большимъ секретомъ. Прежде всего я хочу совершить набѣгъ на Шульмеера и выгодно продать ему нашъ домъ... Задача, какъ вы сами можете себѣ представить, не легкая, тѣмъ болѣе, что я хочу получить съ него не меньше десяти тысячъ.

— Десять тысячъ!—воскликнулъ Георгій Дмитріевичъ.—Да вы смѣтаете? Онъ и пяти не дастъ.

— Будемъ посматривать, какъ говорятъ жида—загадочно усмѣхнулась Леля.—Вы говорите—не дастъ, а можетъ быть, дастъ и пятнадцать... Жида народъ особенный и иногда хорошо платятъ. Надо только сѹмѣть заставить ихъ раскошиться.

— А рассчитываете сѹмѣть?—недовѣрчиво спросилъ Нускатъ.—Помогай вамъ Богъ, хотя я, признаться, не понимаю, зачѣмъ вамъ связываться съ жидомъ, когда вы могли бы взять у меня... Прикажите и я вамъ, завтра же привезу десять, а если нужно пятнадцать тысячъ, а Шульмеера вы лучше оставьте въ покоѣ. Шульмееръ опасенъ.

— Нисколько,—самоувѣренно засмѣялась Леля.—Мнѣ нѣтъ никакихъ основаній его бояться... Въ худшемъ случаѣ, что можетъ произойти, это то, что онъ мнѣ откажетъ, хотя не думаю... Во всякомъ случаѣ, продажа дома Шульмееру будетъ моя первая проба, первый подвигъ на томъ пути, который я себѣ намѣтила и чѣмъ труднѣе побѣда, тѣмъ лучше... Послѣ трудной задачи легче справляться съ менѣе сложными.

— Но отчего вамъ не взять у меня?—настаивалъ Нускатъ.— Не все ли равно для васъ, кто купить вашъ домъ, я или Шульмееръ...

— Нѣтъ, не все равно. Покупая у меня за 15000 домъ, вы дѣлаете мнѣ просто-на-просто подарокъ, а подарокъ я не хочу... Я хочу взять свое съ бою, чтобы не быть никому ни въ чемъ обязанной... Хочу борьбы и, какъ слѣдствіе ея,—хочу побѣды... Поняли?..—Сказавъ это, Леля весело и беззаботно разсмѣялась.

— Вы, мнѣ кажется, черезчуръ самоувѣренны, Елена Львовна,—серьезнымъ тономъ проговорилъ Нускатъ.—Признаться, меня это не очень радуетъ... Боюсь я за васъ, право, боюсь. Вы такая еще молодая, неопытная, а ужъ собираетесь объявить войну жизни. Смотрите, какъ бы она не смяла васъ...

— Не сомнеть... Не даромъ я интриганка, какъ назвала меня Лиза. А интриганки никогда не пропадаютъ... Однако будетъ болтать... Идите, идите къ женѣ, а то она, чего добраго, выскочитъ и еще побьетъ меня... Я боюсь,—сказавъ это, Леля кокетливо улыбнулась, шутливо сдѣлала глубокій реверансъ и выпорхнула на улицу такъ скоро, что Георгій Дмитриевичъ не успѣлъ даже, какъ слѣдуетъ, проститься съ нею.

Вернувшись въ гостиную, Георгій Дмитриевичъ засталъ жену сидящей на диванѣ, съ скрещенными на груди руками и мрачнымъ, какъ бы окаменѣлымъ лицомъ.

— Лиза,—спросилъ онъ, подходя къ ней.—Правда ли, что ты выгнала твою сестру? Крикнула ей „вонъ“ и указала рукой на дверь?

— Да, правда. Я выгнала сестру, крикнула „вонъ“, указала на дверь, и прибавъ къ этому, топнула ногой... Что-жъ дальше?

— Ничего. Но признаюсь, меня это глубоко огорчило. Я желѣялъ мысль предложить Лелѣ переѣхать къ намъ... Но не успѣлъ предупредить тебя объ этомъ. Теперь, разумѣется, все разстроилось... Сказать по совѣсти, не ожидалъ отъ тебя подобной выходки. Въмѣсто того, чтобы пріютить сестру, ты ее гонишь и—когда-же?

— Чась спустя послѣ похоронъ отца—совершенно спокойнымъ и даже какъ бы немного усталымъ голосомъ прервала мужа Елизавета Львовна.—Я это уже слышала отъ тебя. Но что-же дѣлать, когда я такая „необузданная“? У всякаго свой характеръ... Леля—ангелъ, кстати она бѣлокурая, а я демонъ... Этого ничѣмъ не измѣнишь... Если можешь примириться—примиришься, не можешь, ступай за Лелей. Она въ гостиницу переѣзжаетъ, переѣзжай и ты, и наслаждайтесь взаимной добротой... Впрочемъ, зачѣмъ тебѣ уѣзжать изъ своего дома... Прикажи, я уѣду, а вы поселяйтесь здѣсь...

Сказавъ это, Елизавета Львовна встала съ дивана и, не оглядываясь, пошла въ свою спальню. Придя туда, она заперла дверь на ключъ и, не раздѣваясь, бросилась на постель, въ припадкѣ глубокаго отчаянія и тоски.

Сердце ея ныло, въ головѣ бродили тяжелныя, неуклюжія мысли.

Лежа лицомъ внизъ, она думала, что съ ея стороны было бы благоразумнѣе сообщить мужу весь свой разговоръ съ Лелей, рассказать ему ея великодушный порывъ и о томъ, какъ онъ былъ встрѣченъ сестрою. Но ее словно что-то удерживало.

жало... Она чувствовала себя обиженной и несправедливо обиженной. Ей казалось, что рассказывать теперь о своемъ добромъ поступкѣ, значить хотѣть оправдаться въ глазахъ мужа, а это было бы слишкомъ унижительно для нея. Если бы онъ самъ поинтересовался узнать подробно причину ихъ ссоры и спросить ее, она бы, конечно, рассказала ему... Онъ сразу взялъ съ ней тонъ обвинителя... Пошелъ вслѣдъ за Лелей, выслушалъ ея жалобы и, вернувшись, приступилъ къ допросу, очевидно считая ее виновной... При такомъ оборотѣ дѣла Елизавета Львовна считала унижительнымъ жаловаться и разубѣждать мужа... Вдругъ онъ не повѣритъ... Усумнится, заподозритъ ее въ преувеличеніи... Тогда нанесенная ей обида покажется ей еще несноснѣе, еще больнѣе... Нѣтъ, уже лучше молчать... Рано или поздно правда выйдетъ наружу и онъ самъ увидитъ, какъ глубоко неправъ передъ нею...

Георгій Дмитріевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Скверно было у него на душѣ.

Вотъ уже три года, какъ въ его семейной жизни чувствуется разладъ. Какъ машина, послѣ поломки, утрачиваетъ стройность своихъ движеній, такъ и его жизнь не идетъ теперь такъ спокойно и ровно, какъ шла раньше... Сломалась какая-то пружина, вывинтилась гайка и колеса, крутившіеся такъ мягко и плавно, безъ всякаго шума, теперь то и дѣло срываются, взвизгиваютъ, подпрыгиваютъ и своими неровными толчками заставляютъ болѣзненно содрогаться весь механизмъ. Георгію Дмитріевичу было тѣмъ тяжелѣе, что онъ не чувствовалъ себя ни въ чемъ виноватымъ, а между тѣмъ что-то похожее на обвиненіе тяготѣло надъ нимъ и, сознавая себя правымъ, онъ долженъ былъ въ то-же время признать право обвинителя... Словомъ, это былъ какой-то нелѣпный кошмаръ, отравившій его существованіе и отъ котораго онъ не предвидѣлъ никакой возможности избавиться... Какъ это все произошло, гдѣ начало всей этой нелѣпицы—сказать было мудрено... Все вышло само собой, незамѣтно вытекая одно изъ другого, пополняя, подобно тому, какъ изъ крошечнаго желудя вырастаетъ огромный дубъ... Постепенно, незамѣтно для глазъ... по верхкамъ...

Ровно десять лѣтъ тому назадъ Георгій Дмитріевичъ прямо съ юга Франціи пріѣхалъ въ К., обуреваемый страстной мечтой какъ можно скорѣй приняться за хозяйство. Живя за границей, онъ много учился, много читалъ, еще больше того

передумаль и ему казалось, что онъ достаточно подготовлень, чтобы приступить къ выполнению задачи, о которой онъ такъ страстно мечталъ. Задача эта была—устройство хозяйства по европейскому образцу, хозяйства культурнаго, разумнаго, не висающаго на волоскѣ и трепещущаго передъ каждой неблагоприятной переменной погоды. Георгію Дмитріевичу казалось выполнение задачи возможнымъ.

Климать Бессарабіи—разсуждалъ онъ,—не уступаетъ климату Франціи, а земля еще лучше, рабочія руки дешевле... Конкуренціи почти нѣтъ... Можно работать на свободѣ... Народъ нашъ отъ природы смышленъ, хоть, правда, немного лѣнивъ. Онъ не любитъ новшествъ и туго поддается на всякое измѣненіе въ установившемся обычаѣ, но когда воочію убѣдится въ пользѣ моихъ хозяйственныхъ реформъ, то разумѣется, начнетъ подражать... Сначала осторожно, съ недовѣрчивой улыбкой на губахъ, но затѣмъ, ободренный первыми удачами, все смѣлѣй и смѣлѣй, все съ большей и большей довѣрчивостью. Убаюканный этими свѣтлыми мечтами, Георгій Дмитріевичъ уже рисовалъ въ своемъ воображеніи свою будущую усадьбу, которая не будетъ походить на тѣ, какія видны у другихъ помѣщиковъ. Полуразоренныя, неряшливыя, управляемыя едва грамотными ватавами, съ примитивными способами обработки земли, съ жалкими кляченками, малоподвижными волами и постоянно болѣющими овцами грубой породы... Это представлялось Георгію Дмитріевичу какимъ-то дикимъ, болѣзненнымъ явленіемъ, золотухой земледѣлія.

Его усадьба будетъ не такова.

Вмѣсто жалкихъ клячъ—рослые, сильные и красивые першероны, тонкорунные, плодовые меринсы. Вмѣсто обыкновенныхъ молдаванскихъ овецъ, на смѣну невзрачныхъ коровенокъ явятся высококультурныя тирольки и андалузки... Но не о себѣ одномъ думалъ молодой Нускатъ. Онъ мечталъ приносить пользу всему краю.

— Я буду охотно помогать своимъ сосѣдямъ крестьянамъ,—разсуждалъ Георгій Дмитріевичъ,—и совѣтомъ и всѣмъ, чѣмъ могу... Мои лошади и мой скотъ улучшатъ породу ихъ скота и лошадей... Заимствуясь отъ меня моими выводками птичьими разведутъ у себя такихъ же прекрасныхъ гусей, куръ, утокъ... Я научу ихъ рациональнымъ посѣвамъ, разумному, уходу за виноградниками и мало-по-малу вокругъ моей усадьбы создадутся богатые крестьянскія владѣнія, ничуть, не хуже тѣхъ, какія я видѣлъ въ Германіи... Конечно, безъ

борьбы, безъ тяжелаго труда, безъ неудачъ дѣло не обойдется.. Вначалѣ, можетъ статься, меня не поймутъ, сочтутъ за фантазера, будутъ смѣяться и даже мѣшать. Но современнымъ энергія и добрыя желанія побѣдятъ и чѣмъ дальше пойдетъ дѣло, тѣмъ лучше и полнѣе будутъ результаты.

Обсуждая всѣ подробности своей будущей дѣятельности, Георгій Дмитриевичъ благоразумно предусмотрѣлъ могущія быть бѣдствія—засухи, дожди, даже саранчу и филлоксеру и противъ всѣхъ этихъ несчастій—у него были выработаны планы борьбы, весьма остроумные, обѣщавшіе несомнѣнный успѣхъ... Все завѣсилъ, все рассчиталъ Нускатъ, одно только обстоятельство было имъ упущено изъ виду... Онъ не принялъ во вниманіе—жида. Проживя три года въ Москвѣ, и затѣмъ столько же за границей, Нускатъ забылъ о жидѣ. Когда же случайно вспомнилъ, то не придавалъ ему особаго значенія. Въ его памяти еврей представлялся въ видѣ бѣднаго фактора, всегда немного комичнаго, полуголоднаго, услужливаго, забитаго и угнетеннаго. Рисую въ своемъ умѣ фигуру подобнаго типа, Нускатъ, живя во Франціи, нерѣдко въ душѣ посылалъ упреки своей далекой родинѣ, за чрезмѣрныя строгости, граничащія съ гоненіемъ, по отношенію къ несчастнымъ сынамъ Израиля... Ему казались глубокой несправедливостью всѣ эти ограниченія и стѣсненія, какими опутаны евреи въ Россіи и онъ искренно вѣрилъ баснѣ, будто евреевъ въ Россіи гонять по подстрекательству православнаго духовенства.

Съ этой басней въ головѣ и съ снисходительнымъ доброжелательствомъ къ „угнетенному народу“ въ сердцѣ, Нускатъ вернулся на родину. Но тутъ его ждало разочарованіе... Съ нимъ повторилось то-же, что съ нѣкимъ французомъ-туристомъ, остановившимся на ночлегъ въ одной изъ „русскихъ“ гостинницъ... Повидимому, все обстояло благополучно... Французъ плотно поужиналъ, съ самоотверженностью выпилъ два стакана чаю, выкурилъ сигару и, наконецъ, разоблачившись, съ наслажденіемъ растянулся во всю длину усталаго тѣла на мягкой перинѣ... Онъ былъ утомленъ и, закрывая глаза, съ наслажденіемъ думалъ о томъ, какъ онъ хорошо выспится... Но... но... что это такое? Что случилось? Гдѣ онъ? Какія силы ада вдругъ низринулись на него? Чьи это невидимыя руки беспощадно сѣкутъ его пучками жгучей крапивы, вонзаютъ тысячи булавокъ и медленно раздираютъ кожу?... Ошеломленный французъ, какъ мячикъ, вскакиваетъ съ постели, съ молниеносной быстротой зажигаетъ свѣчу... смотреть... О, ужась! Вся простыня и подушки кишатъ маленькими круг-

лыми насѣкомыми, красненькими на видъ и весьма мерзко пахнущими... Они, не торопясь, прогуливаются взадъ и впередъ, терпѣливо ожидая возвращенія не дожденнаго ими француза, который межъ тѣмъ въ паническомъ ужасѣ, водѣвъ руки, шепчетъ побѣлѣвшими губами:

— Oh voilà ces fameux klopy russes!

Да, скоро, очень скоро и на собственной кожѣ, понялъ Нускатъ весь ужасъ еврейскаго вопроса въ Бессарабіи, понялъ, какая сатанинская, ничѣмъ непреодолимая сила, таится въ столь хиломъ съ виду и тщедушномъ тѣлѣ фактора Гершко. Объ эту темную, неуловимую силу, какъ о подводную скалу, неукоснительно разбивались всѣ благія начинанія Нуската. Понадобилось не больше года, чтобы Георгій Дмитріевичъ ясно созналъ, что Бессарабія не рай земной, не житница, каковою она ему казалась изъ его прекраснаго далека, а трупъ, кишачій червями, жадно его пожирающими.. Какъ нѣкогда Костюшко, увидавъ сверкающія подъ польскими батареями казачьи пики, съ горестью отбросилъ шпагу и воскликнулъ: *finis Poloniae*, такъ и Нускатъ скоро долженъ былъ прекратить всякую борьбу и, глядя на снующіе всюду еврейскіе лапсердаки, печально сказать самому себѣ: *finis Bessarabiae!*

Впрочемъ, Нускатъ сдѣлся не сразу. Цѣлыхъ пять лѣтъ боролся онъ, пытаясь осуществить свои завѣтныя мечты и только послѣ ряда неудачъ, онъ долженъ былъ признать, что ни культурныя овцы, ни породистыя лошади, ни усовершенствованныя машины, ни выписываемыя прямо изъ Франціи грозидни на іоту не могутъ улучшить земледѣлія Бессарабіи, пока будетъ царить во всей своей неприкосновенности факторъ Гершко...

Можетъ быть, Георгій Дмитріевичъ, по врожденному молдаванамъ упрямству, и дольше пяти лѣтъ велъ бы неравную борьбу съ Гершкой, если бы не жена, которая съумѣла уговорить его перестать бить стѣну лбомъ, доказавъ всю бесполезность такого занятія.

XVI.

Женился Нускатъ почти сряду по возвращеніи на родину и при обстоятельствахъ, не вполне обыденныхъ.

Какъ разъ передъ его пріѣздомъ, въ городѣ разыгралась исторія съ дочерью капитана Качалова, и о ней рассказывали во всѣхъ домахъ. Съ провинціальной безцеремонностью, люди, мало даже знакомые Георгію Дмитріевичу, заговаривали съ

нимъ, спрашивали и допытывались, правда ли, будто его отецъ хотѣлъ купить Лизу Качалову за сорокъ тысячъ? При всѣхъ этихъ вопросахъ, Нуската больше всего поражалъ шутиво-добродушный тонъ, съ которымъ большинство говорило объ этомъ грустномъ происшествіи, при чемъ не только никто не обвинялъ старика Нуската, но всѣ даже какъ будто хвалили его.

— Вотъ, молъ, молодецъ старикъ, какую штуку выкинул!

Молодую дѣвушку никто не жалѣлъ, напротивъ, о ней говорили съ веселой развязностью и подхихкиваньемъ... Для всѣхъ этотъ случай являлся забавой и, очевидно, никому и въ голову не приходило подумать серьезно о той драмѣ, которую переживала Лиза, одинокая, оскорбленная, безпомощная.

Прислушиваясь ко всѣмъ толкамъ и пересудамъ, молодой Нускатъ чувствовалъ себя въ состояніи человѣка, присутствовавшего при совершеніи преступленія, но не могущаго чѣмъ-либо помочь жертвѣ.

Съ отцомъ говорить объ этомъ молодой Нускатъ не рѣшался, изъ особаго рода деликатности, не позволявшей ему брать на себя роль судьи, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какъ старику самому непріятны всѣ эти толки. Старикъ явно стыдился и чувствовалъ себя виноватымъ; этимъ онъ совсѣмъ обезкураживалъ Георгія Дмитріевича и тотъ не рѣшался возобновлять щекотливаго разговора. Въ то-же время молодой Нускатъ всѣмъ своимъ молодымъ, неиспорченнымъ сердцемъ глубоко чувствовалъ необходимость что-либо предпринять, чтобъ искупить отцовскій грѣхъ и исправить зло, причиненное молодой дѣвушкѣ. Онъ долго ломалъ голову надъ этимъ вопросомъ, пока случай не пришелъ къ нему на помощь.

Однажды вечеромъ онъ сидѣлъ въ гостинницѣ въ общемъ залѣ за отдѣльнымъ столикомъ и ужиналъ. Неподалеку отъ него сидѣли два господина,—одинъ пріѣхавшій изъ Одессы адвокатъ, другой—членъ мѣстнаго суда. Оба громко разговаривали, и о чемъ-то горячо спорили. Сначала Георгій Дмитріевичъ не обращалъ на нихъ вниманія, но, случайно услыжавъ нѣсколько разъ упомянутую собесѣдникомъ фамилію Качалова и Нускатъ, невольно насторожился. Вслушавшись, Георгій Дмитріевичъ скоро понялъ, что говорили все о той же исторіи съ Лизой Качаловой. Онъ поморщился, но продолжалъ слушать.

Членъ суда, пожилой господинъ, съ честнымъ, открытымъ чисто-русскимъ лицомъ, горячо доназывалъ, что, по его мнѣнію, Нускатъ и Качаловъ-отецъ совершили преступленіе, мало

чѣмъ отличающееся отъ убійства. Адвокатъ, курчавый брнетъ, смахивающій на еврея, посмѣиваясь и покачивая головой, опровергалъ его и, многозначительно подымая брови, повторялъ, немного нараспѣвъ.

— Ну, батенька, это вы уже того, черезчурь...

— Нѣтъ, не черезчурь,—настаивалъ членъ суда,—вы молодцы, семьи у васъ нѣтъ, вы и не понимаете всего, какъ слѣдуетъ... А у меня у самого дочь шестнадцати лѣтъ, такъ я лучше вашего понимаю, каково теперь Лизѣ... Подумайте, что можетъ быть для дѣвушки дороже честнаго имени? Особенно для бѣдной? Жизньъ, и та, пожалуй, не дороже... Если прозамужнюю женщину пойдутъ сплетни,—скверно, очень скверно. Но тамъ есть заступникъ—мужъ, къ тому-же замужняя женщина—человѣкъ, уже сдѣлавшій себѣ карьеру... Да, да, не улыбайтесь такъ ехидно... Мое святое убѣжденіе, что для всякой дѣвушки замужество должно являться вѣнцомъ всѣхъ ея желаній... Семья—вотъ истинное призваніе женщины... Исходя изъ этой точки зрѣнія, разсудите сами, можетъ ли теперь Лиза Качалова разсчитывать на хорошую партію? По моему, едва-ли. Будь она богачка, ну тогда еще польза бѣды, но когда единственнымъ ея приданымъ является плохая молва—тогда совсѣмъ плохо...

— Но вѣдь съ ней ничего же не случилось. Вы говорите,—перебилъ адвокатъ,—сдѣлка не состоялась.

— Сдѣлка не состоялась, но слава уже пущена... Пройдетъ года два—три... Подробности забудутся, останется только воспоминаніе о какой-то грязи, о чемъ-то скандальномъ!... Стоить будетъ какому-нибудь молодому человѣку, заинтересованному ея красотой, спросить, кто эта особа, и въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста, ему навѣрно отвѣтятъ съ двусмысленной улыбкой: „Ахъ, эта? Это интересная особа, съ ней въ жизни произошелъ цѣлый романъ, ее продавали въ любовницы одному старичку... Преппикантная исторія“. Скажите сами, какими глазами начинаетъ послѣ этого смотрѣть молодой человѣкъ на ни въ чемъ неповинную дѣвушку? И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... Репутація утвердится, окрѣпнетъ и повиснетъ на шеѣ несчастной дѣвушки, какъ тачка на поясѣ каторжанина. Развѣ мало примѣровъ видимъ мы подобнаго созиданія дурной репутаціи, отъ которой человѣкъ на всю жизнь, какъ плитой, придавить...

Георгій Дмитріевичъ едва дождался окончанія рѣчи старика и какъ только тотъ умолкъ, поспѣшилъ встать, торопливо расплатился и въ сильномъ волненіи вышелъ изъ гос-

тинницы. Смутныя мысли бродили въ его мозгу, пока еще не вполне ясныя, но постепенно все сильнѣе и сильнѣе проникавшія въ сознание. Долго думалъ Нускатъ, лежа ночью на своей постели и устремивъ глаза на большой портретъ покойницы - матери, какъ бы спрашивая ея совѣта. Только передъ самымъ разсвѣтомъ, когда онъ принялъ наконецъ твердое намѣреніе, Георгій заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ человѣка, честно разрѣшившаго задачу, долго его угнетавшую.

На другой день утромъ онъ поѣхалъ къ Качалову.

Самого капитана не было дома. Онъ еще не возвращался съ занятій въ ротъ. Нуската встрѣтила Екатерина Петровна, показавшаяся ему весьма странной. На вопросъ—не можетъ ли онъ видѣться съ ея дочерью, Елизаветой Львовной, Качалова махнула рукой въ садъ и, ничего не отвѣтивъ, ушла обратно въ домъ.

Нускатъ въ недоумѣніи постоялъ съ минуту на одномъ мѣстѣ и послѣ небольшихъ колебаній отправился наугадъ разыскивать Лизу.

Впрочемъ, садъ былъ очень невеликъ, и, пройдя всего нѣсколько шаговъ, Нускатъ увидѣлъ небольшую бесѣдку, изъ дикаго винограда, а въ ней на скамейкѣ двухъ дѣвушекъ—одну лѣтъ 16, а другую не старше десяти.

Обѣ сидѣли, крѣпко обнявшись, при чемъ младшая, склонивъ голову на плечо старшей, глядѣла ей въ лицо пристальнымъ, печальнымъ взглядомъ.

Георгій Дмитріевичъ невольно остановился.

Съ самаго перваго дня своего пріѣзда въ К. онъ очень много слышалъ о красотѣ Лизы Качаловой, и когда шелъ, то заранѣе готовился увидѣть существо, достойное *особаго вниманія*. Но дѣйствительность превзошла всѣ его ожиданія. Онъ былъ пораженъ и стоялъ въ нѣмомъ восхищеніи, любуясь молодой дѣвушкой, которая въ своей задумчивости не замѣчала его.

Стройная, немного худощавая, съ не вполне еще развитой грудью и плечами, съ нѣжной кожей, съ лицомъ, напоминающимъ лица ангеловъ и невиннымъ, грустнымъ выраженіемъ огромныхъ черныхъ глазъ, Лиза показалась Георгію Дмитріевичу какимъ-то неземнымъ существомъ... Онъ готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни и молиться ей, какъ божеству...

Пока Нускатъ, не будучи въ силахъ оторвать отъ молодой дѣвушки своего восхищеннаго взора, стоялъ въ нерѣшимости,

Лиза случайно подняла голову и, увидѣвъ его, слабо вскрикнула отъ неожиданности.

Георгій Дмитріевичъ смутился.

— Простите, ради Бога, я кажется васъ испугалъ,—въ сильномъ волненіи заговорилъ онъ, быстро подходя къ дѣвущкѣ и протягивая ей руку,—позвольте отрекомендоваться. Георгій Дмитріевичъ Нускатъ.

При этомъ имени Лиза порывисто вскочила и въ ужасѣ отшатнулась отъ него... Въ ея красивомъ лицѣ мелькнуло выраженіе отвращенія и она инстинктивно подняла руки, какъ бы защищаясь отъ удара...

При этомъ движеніи трогательной безпомощности Нускатъ почувствовалъ приступъ неизъяснимой жалости... Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и заговорилъ, сильно волнуясь.

Что онъ говорилъ тогда, въ то памятное утро, Нускатъ впоследствии никогда не могъ припомнить... Все послѣдующее, какъ въ туманѣ... Въ его памяти осталось только впечатлѣніе сцены съ отцемъ, какъ онъ пришелъ къ нему и въ горячихъ, восторженныхъ выраженіяхъ объявилъ старику свое непоколебимое желаніе—жениться на Лизѣ Качаловой... Старикъ Нускатъ, молча, внимательно выслушалъ его, на нѣсколько минутъ задумчиво поникъ головой. Георгій Дмитріевичъ ждалъ, заранѣе готовый на какую угодно борьбу... Никакія силы не были бы въ состояніи помѣшать его твердому намѣренію... Но отецъ не сталъ спорить.

— Дѣлай, какъ знаешь, Георгій,—тихо произнесъ онъ, все еще не подымая глазъ.—Я съ своей стороны могу только сказать одно: насколько самъ Качаловъ мерзавецъ, настолько его дочь прекрасная дѣвушка... Про мать не упоминаю, она -- ничто, индюшка.

Услыхавъ этотъ неожиданный отзывъ о дѣвущкѣ, которую онъ уже успѣлъ полюбить, Георгій Дмитріевичъ восторженно бросился къ отцу и крѣпко обнялъ и принялся горячо цѣловать его.

— Отецъ, какъ я счастливъ,—восклидалъ онъ, до боли сжимаемая жирныя, дряблыя плечи отца.—Какъ я счастливъ и благодаренъ тебѣ за то, что ты не сталъ противиться моему желанію... Я все равно не уступилъ бы тебѣ, откровенно признаюсь въ этомъ, но мнѣ было бы нестерпимо тяжело потерять тебя... Своимъ согласіемъ ты, какъ бы, вернулъ мнѣ себя... Теперь до конца жизни ничто не можетъ поссорить насъ.

Растроганный старикъ Нускатъ вмѣсто отвѣта въ свою очередь крѣпко прижалъ голову сына къ груди и молча поцѣ-

ловаль его въ лобъ, какъ бы запечатлѣвая этимъ поцѣлуемъ ихъ вѣчный союзъ.

Послѣ свадьбы молодые поселились въ имѣніи и Георгій Дмитріевичъ ревностно принялся за устройство хозяйства по задуманному имъ плану. Старикъ-отецъ, передавшій ему всѣ дѣла, ни во что не вмѣшивался и предоставилъ сыну поступать, какъ онъ хочетъ... Онъ не порицалъ, но и не одобрялъ его новшества, изрѣдка только ласково подсмѣивался, полупуштя, полусерьезно пугая молодого хозяина призракомъ фактора Гершки, сдѣлавшагося въ ихъ бесѣдѣ понятіемъ собирательнымъ, подъ которымъ отецъ и сынъ подразумѣвали все бессарабское еврейство.

Ровно годъ прожилъ старикъ Нускатъ послѣ свадьбы сына и умеръ почти внезапно, сраженный быстро слѣдовавшими одинъ за другимъ ударами. Послѣднимъ его словомъ передъ кончиной была неизмѣнявшая ему фраза.

— Георгій, бойся прозорливости саранчи, еще того больше бойся женской красоты, а больше всего бойся жидовской услужливости: въ ней наша помѣщичья смерть. Помни это.

По смерти отца, Георгій Дмитріевичъ продолжалъ управлять имѣніемъ и вести начатую имъ, почти съ первыхъ дней своего владѣнія, ожесточенную борьбу съ евреями, систематически разорявшими крестьянъ. Съ болью въ душѣ и безсильной яростью въ сердцѣ замѣчалъ Нускатъ, какъ всѣ его благія начинанія на пользу крестьянъ въ корнѣ подрывались евреями, искусно во всемъ ему вредившими. Чѣмъ выгоднѣй и полезнѣй для крестьянъ были его начинанія, тѣмъ ожесточеннѣе было противодѣйствіе, при чемъ противодѣйствіе это шло главнымъ образомъ со стороны самихъ крестьянъ, къ очевидному для нихъ ущербу. Долго не могъ понять Георгій Дмитріевичъ причины такой неразумной слѣпоты крестьянъ, но наконецъ прозрѣлъ и съ горечью увидѣлъ за ихъ спиной ловко скрывающееся, пронырливое, длинноносое лицо фактора Гершки. Мало-по-малу Нускату стало все ясно... Онъ понималъ, почему крестьяне отказывались брать въ аренду его землю, а нанимали ее вдвое дороже у сосѣдняго поссессора, почему они не шли къ нему на работу за хорошую плату, а нанимались на сосѣднія поселенія, гдѣ имъ платили въ половину меньше. Не менѣе понятнымъ стало для Георгія Дмитріевича, отчего никто изъ крестьянъ не хотѣлъ брать его жеребцовъ и улучшать ими породу своихъ лошадей, не покупалъ племенныхъ тонкорунныхъ барановъ, несмотря на ихъ баснословно дешевую цѣну... Многое понялъ Нускатъ и больно

сжалось его сердце за несчастный народъ, отданный на съѣденіе ненавистному Гершкѣ и его многочисленному потомству. Приемы Гершки въ его борьбѣ съ помѣщикомъ-демократомъ были очень просты и въ своей простотѣ — неотразимы, какъ сама судьба.

Стбило какому - нибудь крестьянину уступить уговорамъ Нуската и, воспользовавшись помѣщичьимъ жеребцомъ, завести въ своемъ хозяйствѣ улучшенную лошадь, какъ ее у него тотчасъ же уворовывали цыгане-конокрады, тайно подерживаемые тѣмъ же Гершкой, въ число своихъ разнообразныхъ профессій включавшимъ пристанодержательство воровъ и скупку наворованнаго. Съ овцами было нѣчто подобное. За шерсть съ улучшенныхъ овецъ Гершка платилъ дешевле, чѣмъ за простую, увѣряя крестьянъ, будто она хуже и меньше требуется. И такъ во всемъ. Долго и безуспѣшно боролся Нускатъ съ своимъ врагомъ, факторомъ Гершко, и наконецъ принужденъ былъ уступить. Борьба оказывалась не подъ силу. Вся трудность и безнадежность ея заключалась въ томъ, что хитрый врагъ Гершко велъ войну подъ непроницаемымъ забраломъ, или вѣрнѣе сказать, будучи прикрытъ шапкой невидимкой. Наноса удары, онъ самъ всегда оставался въ сторонѣ и благодаря этому былъ неуязвимъ. Горѣли-ли у Нускатовъ запасы хлѣба и кукурузы, поджигателями являлись крестьяне, какіе-то несчастные нищѣ, которыхъ было даже жаль преслѣдовать судомъ; исчезали-ли изъ табуна лошади, виновными оказывались одни лишь цыгане-конокрады, начинали ли дохнуть отъ повальной болѣзни овцы, разслѣдованіе выясняло, что причиной несчастія былъ недосмотръ со стороны пастуховъ, допустившихъ въ свои отары чьихъ-то постороннихъ овецъ, которые оказались впоследствии чумными... Словомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ виновники были на лицо и, казалось, не могло быть мѣста никакимъ сомнѣніямъ, а между тѣмъ Георгій Дмитріевичъ ясно чувствовалъ за всѣми этими, по большей части тупыми, темными личностями чью-то искусную руку, которая, подобно фатуму древнихъ грековъ, ловко дергаетъ хитро скрытыя пружины чудовищнаго механизма. Нускатъ зналъ эту руку, — но такъ же хорошо зналъ всю невозможность поймать еврея съ поличнымъ. Наконецъ, убѣдившись, что изъ всѣхъ его стараній ничего путнаго не выходитъ и что вести хозяйство можно только, идя рука объ руку съ Гершкой, безропотно отдавая ему львиную долю барышей, Георгій Дмитріевичъ рѣшилъ распродать большинство своихъ угодій и, оставивъ одну усадьбу, какъ лѣт-

нюю резиденцію, перебрался въ городъ. Не успѣвъ принести пользы родному краю трудомъ практическимъ, онъ задумалъ служить ему инымъ путемъ. Онъ рѣшилъ издать обширное, популярное сочиненіе о Бессарабіи, въ которомъ среди разбираемыхъ вопросовъ, касающихся ея экономическаго быта, хотѣлъ указать и на ту роль, какую играютъ евреи, обратить вниманіе русскаго общества на страшную опасность, грозящую Бессарабіи отъ наводнившаго ее Израиля, а затѣмъ изложить приемы, какіе, по его мнѣнію, слѣдовало бы принять въ борьбѣ съ усиливавшейся изъ дня въ день еврейской эксплуатаціей. Понимая всю важность принятой на себя задачи, рѣшивъ выполнить ее, какъ можно добросовѣстнѣй, Нускатъ горячо отдался всестороннему изученію края, вникалъ во всѣ подробности его быта, внимательно всматривался въ жизнь его народа. Чтобы не быть голословнымъ въ своихъ выводахъ, онъ принялся за изученіе еврейскаго языка, надѣясь такимъ путемъ глубже изучить міросозерцаніе еврейскаго народа, являшагося во всѣ времена и эпохи злымъ гениемъ тѣхъ племенъ, среди которыхъ онъ жилъ.

Развязавшись съ имѣніемъ и черезъ то избавившись отъ непосредственнаго соприкосновенія съ факторомъ Гершко. Георгій Дмитріевичъ сталъ гораздо спокойнѣе духомъ, пересталъ волноваться и былъ почти счастливъ. Но это блаженное состояніе продолжалось не долго, въ послѣдніе три года у Георгія Дмитріевича снова явилась забота... Начался тотъ душевный разладъ, который, постепенно усиливаясь, мало-помалу нарушилъ все его душевное равновѣсіе...

Причиной этого разлада—была сестра жены.

Послѣ выхода замужъ сестры, Леля не долго оставалась въ домѣ отца и, какъ только онъ былъ уволенъ въ отставку, переселилась къ Нускатамъ...

Лиза, у которой своихъ дѣтей не было, ревностно принялась за воспитаніе сестры. Она первая открыла въ ней талантъ къ пѣнію и, рѣшивъ, что изъ Лели современемъ должна выйти знаменитость, пригласила къ ней учительницу.

Учительница эта, исполнявшая вмѣстѣ съ тѣмъ и должность гувернантки, бывшая актриса, француженка по происхожденію, имѣла громадное вліяніе на Лелю и съумѣла очень скоро совершенно перевоспитать ее, отучить отъ дурныхъ манеръ и превратить въ настоящую свѣтскую барышню...

Когда Леля вошла въ домъ сестры, ей было уже двѣнадцать лѣтъ и, глядя на нее, трудно было предугадать будущую красавицу. Не по лѣтамъ высокая ростомъ, костлявая, съ длин-

ной, тонкой шеей, она по сравненію съ сестрой казалась дурнушкой. Почти бѣлые, напоминавшіе ленъ, волосы, прямыми прядями падали на плечи, а съ бѣлаго продолговатаго личика съ острымъ подбородкомъ смотрѣли, точно взятые на прокатъ съ другого лица, большіе темно-сѣрые глаза, казавшіеся благодаря чернымъ, длиннымъ, густымъ рѣсницамъ и чернымъ бровямъ, почти черными. Первое время своего пребыванія въ домѣ сестры, Леля была очень застѣнчива и дика. Пугливо прижимаясь къ Елизаветѣ Львовнѣ, она недоувѣрчиво поглядывала на всѣхъ въ домѣ, какъ бы ожидая съ ихъ стороны какой-нибудь неожиданной непріятности себѣ. Особенный страхъ внушалъ ей Георгій Дмитріевичъ. Она инстинктивно боялась его, хотя онъ былъ всегда съ нею очень ласковъ и предупредителенъ. Дѣвочку, очевидно, пугала серьезность Георгія Дмитріевича и выраженіе озабоченной задумчивости, почти никогда не сходявшее съ его лица. Не меньше, чѣмъ Нускатъ, Леля первое время боялась и не любила свою гувернантку. Чутьемъ ребенка она какъ бы угадывала въ ней что-то такое особенное, не симпатичное, не внушающее довѣрія. Георгію Дмитріевичу француженка тоже не особенно нравилась. Онъ находилъ, что она черезчуръ ужъ напоминаетъ отставную кокотку; но въ такомъ захолюстѣ, какъ К., и такая гувернантка была кладъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ она не только съумѣла побороть антипатію Лели къ своей особѣ, но даже внушить ей любовь и стремленіе къ подражанію. Подражаніе это, со стороны Лели, было такъ замѣтно, что Георгій Дмитріевичъ не разъ полусушутя, полусерьезно говорилъ женѣ.

— Смотри, Лиза, твоя сестра современемъ, чего добраго, превратится въ Клару, и поступитъ во французскій театръ. Она, по моему мнѣнію, уже черезчуръ удачно ее копируетъ.

На эти слова Елизавета Львовна только пожимала плечами.

— Гдѣ я ей достану другую гувернантку? У Клары хорошія манеры и прекрасная школа пѣнія... У самой у нея голоса нѣтъ, но преподаетъ она очень хорошо и я увѣрена, что подъ ея руководствомъ изъ Лели современемъ выйдетъ серьезная пѣвица, а за это можно многое простить.

Время шло и незамѣтно на глазахъ у всѣхъ изъ неуклюжей, некрасивой дѣвочки Леля, какъ бы по волшебству, превратилась въ дивную шестнадцатилѣтнюю красавицу, по мнѣнію многихъ, еще болѣе красивую и изящную, чѣмъ была въ ея годы Лиза. Бѣлобрысые волосы потемнѣли и получили золотистый оттѣнокъ, плечи и грудь округлились, отчего талія

стала еще тоньше и стройнѣй, глаза, сдѣлавшіеся совершенно черными, загорѣлись внутреннимъ пламенемъ, подбородокъ округлился и все лицо приняло изящное, законченное очертаніе классически правильныхъ линій. Движенія и жесты стали плавны и граціозны и по всему молодому, гибкому тѣлу какъ бы разлилась скрытая нѣга и томность. Она въ совершенствѣ научилась владѣть своимъ лицомъ и глазами, играя ими, какъ опытная, умная кокетка. Въ этомъ какъ нельзя лучше и полнѣе выразилось вліяніе Клары, но ученица превзошла учительницу.

Если бы Елизавета Львовна была болѣе опытна въ дѣлѣ воспитанія, ее навѣрно бы смутили проявленія скрытой страстности въ молодой дѣвушкѣ, но она ничего не замѣчала и, искренно любя Лелю, неумѣренно восхищалась ея красотой и кокетствомъ.

Въ этомъ случаѣ даже ушедшій въ свои книги Георгій Дмитріевичъ былъ дальновиднѣй и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ присматривался къ своей красивой belle-soeur, находя ее черезчуръ и не по лѣтамъ физически развитой и женственной.

Онъ пробовалъ даже заговаривать объ этомъ съ женою, но Елизавета Львовна какъ-то плохо понимала его намеки, сердилась, требовала болѣе ясныхъ объясненій, которыхъ Георгій Дмитріевичъ однако не могъ ей дать, хорошенько и самъ не понимая, что именно ему не нравится въ Лелѣ.

На всѣ разспросы жены, онъ повторялъ только одно:

— Она черезчуръ стала „клариста“; даже въ ней, пожалуй, больше Клары, чѣмъ въ самой Кларѣ.

— Что за чепуха,—съ неудовольствіемъ возражала Лиза и этимъ оканчивались ихъ разговоры.

Несмотря на серьезность характера, Георгій Дмитріевичъ любилъ общество и въ домѣ Нускатовъ часто давались шумные и оживленные вечера, особенно интересные тѣмъ, что хозяйками этихъ вечеровъ были двѣ красавицы-сестры, одна лучше другой. Вокругъ обѣихъ всегда группировался цѣнный рой поклонниковъ и въ то-же время, когда Елизавета Львовна относилась къ своимъ воздыхателямъ съ добродушной снисходительностью, Леля, напротивъ, держала себя надменно, была дерзка на языкъ и далеко не любезна.

Присматриваясь къ этому странному отношенію дѣвушки къ молодымъ людямъ, Нускатъ нерѣдко терялся въ недоумѣніи. Минутами ему казалось, будто она просто-на-просто ненавидитъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей, изъ коихъ многіе го-

товы были сдѣлать ей предложеніе, но не рѣшались изъ боязни ея колкихъ насмѣшекъ и рѣзкаго, почти грубаго отказа.

Такое странное поведеніе Лели было для Георгія Дмитріевича тѣмъ менѣе понятнымъ, что, по природѣ своей, она была далеко не серьезна, ничѣмъ, кромѣ туалетовъ и своей наружности, не интересовалась, почти ничего не читала и, казалось, самой судьбой была предназначена быть только свѣтской дамой...

— Чего она ждетъ, чего хочетъ?—спрашивалъ иногда самъ себя Георгій Дмитріевичъ, издали слѣдя за Лелей, окруженной молодыми людьми.—Почему при всякой попыткѣ кого-либо изъ возможныхъ жениховъ сблизиться съ нею, она съ такой явной враждебностью, такъ стремительно отталкиваетъ его... Положимъ, она не можетъ влюбиться въ каждаго, кто вздумаетъ ея увлечься, но для чего такъ уже черезчуръ явно и рѣзко показывать свое отвращеніе... Она держится такъ, какъ будто считаетъ кровнымъ для себя оскорбленіемъ одно только пожеланіе взять ее въ жены... Странно, очень странно.

Елизавету Львовну тоже удивляло поведеніе сестры, но на всѣ ея разпросы Леля отвѣчала ей одной и той-же неизмѣнной фразой:

— Ахъ, они всѣ такіе противные, точно маріонетки.

— А Бобровъ?—спрашивала, смѣясь, Елизавета Львовна.

— Бобровъ немного лучше другихъ, но онъ безъ ума влюбленъ въ тебя и на другихъ не обращаетъ вниманія... Я удивляюсь, какъ ты не сжалишься надъ нимъ... По моему, тебѣ бы слѣдовало уже изъ одного человѣколюбія раздѣлить его страсть, хотя бы на мѣсяць, тѣмъ болѣе, что за множествомъ занятій твой ученый мужъ едва-ли что замѣтитъ.

— Ахъ, Леля, какія глупости ты говоришь,—вспыхивала Елизавета Львовна и укоризненно качала головой, въ отвѣтъ на что Леля только презрительно посмѣивалась.

— Ты черезчуръ пуританка, Лиза, это глупо,—небрежно бросала она въ лицо старшей сестры, нѣсколько озадаченной такою безцеремонностью.

— Дѣйствительно, она, кажется черезчуръ „окларилась“, какъ говоритъ мужъ,—размышляла про себя Елизавета Львовна.—Хорошо-ли это?

XVII.

Въ дѣтствѣ Леля боялась Георгія Дмитріевича. Превратившись въ барышню, она стала, съ нимъ холодно-равнодушна и только иногда по временамъ онъ подмѣчалъ въ ней какую-то особенную, не свойственную ея характеру предупредительность и любезность по отношенію къ нему... Она точно хотѣла что-то загладить, произвести хорошее впечатлѣніе, обратить на себя его вниманіе. Въ такія минуты она была особенно мила и очаровательна; краснѣла, конфузилась и видимо волновалась, если замѣчала, что онъ любитъ ея; надувалась и сердилась, когда видѣла его полное равнодушіе.

Впрочемъ подобныя „пароксизмы родственной любезности“, какъ шутя говорилъ Нускатъ, бывали не часто.

Они усилились послѣ того, когда Клара, получившая приглашеніе въ другое семейство, покинула Нускатовъ. Послѣ ея отъѣзда между Лелей и Георгіемъ Дмитріевичемъ какъ-то само собой установилось что-то похожее на дружбу, какая то неуловимая близость.

Нускатъ объяснялъ это одиночествомъ Лели, потерявшей въ лицѣ Клары свою подругу, а Елизавета Львовна никакъ не объясняла, потому что ничего не замѣчала.

Быль теплый, весенній вечеръ, или вѣрнѣе ночь, такъ какъ чай уже былъ поданъ и убранъ, что обыкновенно дѣлалось въ домѣ Нускатовъ не раньше 10 часовъ. Георгій Дмитріевичъ и Леля сидѣли на верандѣ, выходившей огромными стеклянными дверями прямо въ садъ, откуда несся одуряющій аромат сирени, абрикосовыхъ и айвовыхъ деревьевъ, въ полномъ цвѣту. Гдѣ-то въ глубинѣ сада неувѣренно, какъ бы пробуя свои силы, пѣлъ соловей и въ то-же время, словно вторя ему, чей-то красивый мужской голосъ мелодично напѣвалъ какую-то пѣсню. Словъ разобрать было нельзя, но мотивъ былъ очень музыкаленъ и своими грустными нотами невольно трогалъ сердце.

— Это, должно быть, Атанасъ поетъ, другому некому, — сказалъ Георгій Дмитріевичъ, прислушиваясь къ пѣнію. — Ему бы не въ кучерахъ служить, а въ оперѣ, — не правда-ли?

— Будь онъ итальянецъ, такъ бы и случилось — отвѣтила Леля, полулежа въ качалкѣ, лицомъ къ растворенной настежь двери, откуда на нее широкой волной лился лунный свѣтъ. — Для итальянца всегда бы нашелся антрепренеръ, который под-

держалъ бы и вывелъ его на артистическую дорогу. Но кому какое дѣло до бѣднаго мужика-молдаванина?..

— Вы ошибаетесь, Леля,—слегка обиженнымъ тономъ замѣтилъ Нускатъ.—Я нѣсколько разъ предлагалъ Атанасу бросить лошадей и заняться своимъ голосомъ, но онъ и слышать не хочетъ. Ему страшно дѣлается при мысли о необходимости долго и упорно учиться... Что дѣлать! Не даромъ говорятъ, будто за годъ до рожденія каждаго молдаванина родится его лѣнь.

— Да, въ этомъ вы правы,—задумчиво произнесла Леля, слегка покачиваясь на качалкѣ и глядя прямо передъ собой, въ глубину благоухающаго сада, залитаго лучами мѣсяца.—Молдаванине всѣ очень лѣнны. Къ сожалѣнію, вы тоже молдаванинъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—улыбнулся Нускатъ, невольно любясь ея красивымъ профилемъ и стройной фигурой въ бѣломъ платьѣ, казавшейся при лунномъ сіяніи какъ бы серебряной.—Ужъ не считаете ли вы меня тоже лѣнтяемъ? Но во-первыхъ, я не совсѣмъ молдаванинъ, какъ и вы. У васъ мать румынка, а отецъ русскій, у меня наоборотъ — отецъ румынъ, а мать русская. Это разъ,—а второе, я вовсе не лѣнивъ... Вѣдь вы прекрасно сами знаете, я большую часть дня провожу за книгами...

— Что-жъ изъ того? А все таки вы лѣнтяй... Не оправдывайтесь,—заговорила Леля съ неожиданной горячностью.—Все, что вы дѣлаете—вадоръ, пустая трата времени... Вы пишете книгу, которую прежде всего никто и читать-то не будетъ... Меня удивляетъ, какъ вы, человѣкъ уже солидный, серьезный, не понимаете того, что вполне понятно мнѣ, по сравненію съ вами, глупой дѣвченкѣ. Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, будто книгой можно что-либо измѣнить, пересоздать, направить на новый путь? Не вѣрю, чтобы вы, умный человѣкъ, могли думать такую глупость... Прежде всего вашу книгу не купятъ и она заглохнетъ во всеобщемъ равнодушіи, какъ глохнетъ звукъ въ пустомъ подвалѣ...

— Почему вы такъ думаете?—изумился Нускатъ.—Признаюсь, вы меня озадачили и съ чего это вамъ вздумалось заговорить сегодня о моей книгѣ?

— Если вамъ обидно, я замолчу!

— Не обидно, но какъ-то странно... Я никогда не предполагалъ до сихъ поръ, чтобы васъ могли интересовать подобныя вещи.

— Не моя вина, если вы считаете меня дурочкой. Въ от

местку за это я снова повторю: не вѣрю, чтобы не только ваша книга, а даже написанная величайшимъ философомъ міра, могла принести какую-нибудь пользу нашей Бессарабіи, въ смыслѣ улучшенія быта крестьянъ и помѣщиковъ... По моему убѣжденію, самый обыкновенный губернаторскій циркуляръ сдѣлалъ бы гораздо больше пользы, чѣмъ цѣлая библиотека подобныхъ книгъ, такъ какъ строй жизни въ государствѣ устраивается не по рецепту философовъ, а согласно начальственнымъ распоряженіямъ.

— Положимъ, это не новость. Иначе и не можетъ быть,—возразилъ Нускатъ, незамѣтно увлекаясь споромъ и въ то-же время, продолжая смутно изумляться на Лелю, представившуюся ему сегодня со стороны, съ какой онъ ее еще не зналъ.—Законы и всѣ распорядки издаются властью, но дѣло тѣхъ, кого вы называете не совсѣмъ впрочемъ правильно философами, указывать ей, на что слѣдуетъ обратить вниманіе...

— И вы воображаете, она такъ-таки и обратитъ... Возьмите хотя бы нашего губернатора. Вы навѣрно приподнесете ему вашу книгу въ роскошномъ переплетѣ. Вы думаете, онъ прочтетъ хоть строчку? И не подумаетъ... Какое ему дѣло до вашей книги? Его дѣло слѣпо исполнять предписанія изъ Петербурга, въ которыхъ, разумѣется, ничего не найдется изъ вашей книги, такъ какъ составители этихъ всѣхъ предписаній—столоначальники, ничего, кромѣ столичной газетки, не читаютъ... Еще императоръ Николай I сказалъ: Россія управляется столоначальниками... И это истинная правда: столоначальники избобрѣтаютъ всѣ тѣ распоряженія, которыя потомъ идутъ за подписью высшихъ сановниковъ сюда къ намъ и здѣсь исполняются тоже столоначальниками... Такъ и идетъ, какъ бѣличье колесо, отъ столоначальника къ столоначальнику и обратно, не соображаясь съ жизнью и вашими философскими теоріями...

— А вѣдь признайтесь, Елена Львовна, это все не ваше,—добродушно разсмѣялся Нускатъ.—Голову даю на отрѣзъ, что всѣ эти разсужденія о столоначальникахъ и всемъ прочемъ вамъ навѣяны кѣмъ-нибудь изъ вашихъ поклонниковъ, какимъ-нибудь всероссійскимъ пижономъ изъ ярко-красныхъ.. Интересно бы знать только—кѣмъ.

— Второй разъ вы выдаете мнѣ аттестатъ дурочки, воображая, будто даже такія простыя истины недоступны моему уму. Это не очень любезно съ вашей стороны, но все равно, воображайте, что вамъ угодно, а я скажу слѣдующее: если вы дѣй-

ствительно желаете принести пользу своей странѣ, то бросьте ваши книги въ печку, а сами поступайте на службу. При вашемъ богатствѣ легко заручиться хорошими связями, а при хорошихъ связяхъ, образованіи и умѣ, которымъ васъ Богъ не обидѣлъ, вы легко можете достигнуть высокаго положенія и тогда ваши циркуляры и предписанія будутъ дѣйствительно спасеніемъ для края. Но вы тоже боитесь работы, какъ Атанасъ, и предпочитаете сидѣть за книгами, какъ и онъ предпочитаетъ распѣвать у себя на конюшнѣ вмѣсто того, чтобы идти учиться въ консерваторію?..

— Благодарю за сравненіе, — засмѣялся Георгій Дмитріевичъ. — Но меня удивляетъ ваше желаніе сплавить меня въ канцелярію... Откуда оно у васъ?..

— Мужчины очень часто бываютъ слѣпы и удивляются тамъ, гдѣ, казалось бы, удивляться нечему, — отвѣтила Елена Львовна и затѣмъ, неожиданно обернувшись лицомъ къ Нускату, заговорила горячо и волнуясь. — Вы спрашиваете, почему я заговорила о канцеляріи? Очень просто почему. Мнѣ противно, жалко и больно смотрѣть, какъ вы, такой умный, такой образованный, съ такой прекрасной душой, сидите здѣсь въ этой проклятой норѣ, гдѣ, вмѣсто людей, бродягъ какіе-то мастодонты, у которыхъ на умѣ только карты, вино и еще кое что, похуже... Развѣ вамъ мѣсто здѣсь? Вы должны жить въ столицѣ, тамъ, гдѣ жизнь кипитъ ключемъ, гдѣ вы можете выдвинуться и занять подобающее вамъ мѣсто... Я удивляюсь на Лизу, какъ у нея нѣтъ никакого самолюбія, какъ она можетъ мириться съ такой жизнью?.. Ну, скажите, что вы оба изображаете изъ себя? Богатые бессарабскіе помѣщики, землевладѣльцы и домовладѣльцы — и больше ничего. Въ какомъ обществѣ вы вращаетесь? Кто ваши друзья и знакомые? Въ большинствѣ случаевъ недоучившіеся молдаванскіе помѣщики, для которыхъ поѣздка въ Букарестъ или въ Яссы — вѣнецъ мечтаній, а Одесса представляется городомъ высшей цивилизаціи, и армейскіе офицеры, лошадики и пустозвоны. Подумаешь, какое общество... А здѣшнія дамы? Ни одна изъ нихъ даже одѣваться не умѣетъ, какъ слѣдуетъ. Объ остальномъ я уже и не говорю... О, если бы я была на мѣстѣ Лизы! Я бы дня не оставалась здѣсь... Первымъ дѣломъ я выбросила бы въ печь всѣ ваши книги и рукописи, а затѣмъ усадила бы васъ въ вагонъ и увезла бы въ Петербургъ, заставила бы поступить на службу, открыла бы свой салонъ, гдѣ у меня собирались бы всѣ умные, интересные люди столицы...

— Какъ всё?—съ шутливымъ ужасомъ комически всплеснулъ руками Георгій Дмитріевичъ.—Но какой же залъ тогда долженъ быть, чтобы вмѣстить всѣхъ?..

— Обыкновенныхъ размѣровъ,—спокойно возразила Леля.— Не пугайтесь, я думаю, что и въ столицѣ умныхъ и интересныхъ людей не такъ уже много, но тамъ они все таки есть, а здѣсь ни одного.

— Допустимъ. Но что же дальше? — полюбопытствовала Георгій Дмитріевичъ.—Интересно послушать ваши мечтанія.

— Дальше? Дальше я бы устроила свой кружокъ... Ко мнѣ бы пріѣзжали артисты, литераторы, ученые, политики... Вели бы умные разговоры, у меня въ домѣ зарождались бы идеи, которыя впоследствии, осуществляясь, проникали бы въ высшія сферы... Я, видите, не могу вполне ясно выразить словами свою мысль, но вы, я думаю, меня понимаете... Да, вотъ что еще,—какъ бы спохватилась она,—я бы постаралась сдѣлаться законодательницей модъ... Появляясь на балахъ и въ театрахъ, я бы поражала оригинальностью своихъ туалетовъ; они бы были такъ изящны, такъ восхитительны и въ то же время просты, что всѣ невольно бы начали подражать мнѣ...

— Въ томъ, что вы сейчасъ говорите, я узналъ рассказъ Клары о салонахъ знаменитыхъ французскихъ фаворитокъ, приправленные впечатлѣніемъ отъ чтенія дневника Башкирцевой... Я, кажется, еще недавно видѣлъ у васъ въ рукахъ эту книгу...

— И да, и нѣтъ... Клара дѣйствительно часто и много рассказывала мнѣ о знаменитыхъ французскихъ женщинахъ, игравшихъ политическую роль, больше всего про Монтеспань, Помпадуръ и Ментенонъ, къ которымъ она питала почему-то особенное почтеніе. Но не думаю, чтобы эти рассказы имѣли рѣшающее вліяніе на мой образъ мыслей. Что же касается Башкирцевой, то, увѣряю васъ, въ ея дневникъ я прочла лишь то, о чемъ сама думала... Я только не умѣла выразить это, какъ слѣдуетъ... Когда я читала дневникъ Башкирцевой, мнѣ казалось, будто я читаю мои собственныя мысли, ясно и опредѣленно выраженныя другимъ человѣкомъ. Для меня Башкирцева является осуществленіемъ моихъ завѣтныхъ мечтаній.

— Стало быть, вы бы хотѣли быть второю Башкирцевой?—продолжалъ улыбаться Нускатъ, которому весь сегодняшний разговоръ казался странной неожиданностью.

Леля слегка нахмурилась.

— Быть къмъ нибудъ я вовсе не имѣю желаній. Я хочу быть прежде всего сама собой... Хочу быть не нулемъ, поставленнымъ къ единицѣ, какъ большинство женщинъ, состоящихъ при мужчинахъ—отцахъ, мужьяхъ, братьяхъ и любовникахъ, а этою самою единицею... Поэтому-то мнѣ такъ и противна жизнь, какую ведетъ моя сестра... Повторяю, на ея мѣстѣ я бы настояла на томъ, чтобы вы заняли видный постъ, и дѣятельно помогала бы вамъ въ вашей карьерѣ... Я, вѣдь, отлично знаю, какъ много можетъ сдѣлать красивая, умная и ловкая женщина...

— А вы считаете себя красивой, ловкой и умной?— пошутилъ Георгій Дмитриевичъ.— Не очень ли это само-надѣянно?

— Нисколько, — съ спокойной откровенностью отвѣтила Леля.— Я себя цѣну знаю... Наконецъ, теперь я говорю не про себя, а про Лизу... Что бы она могла сдѣлать, если бы захотѣла...

— Слава Богу, что она не хочетъ.

— Почему?

— Мнѣ вовсе не улыбается жизнь, какую вы хотѣли бы мнѣ навязать...

— Значить, вамъ болѣе по сердцу жить въ К—ѣ, ничего не дѣлать и постепенно оплывать жиромъ... На подобный подвигъ способенъ всякій индюкъ и, чтобы достигнуть такого блаженства, вовсе не нужно родиться человѣкомъ.

— Развѣ я ужъ такъ жиренъ? — отшутился Георгій Дмитриевичъ.— Мнѣ, напротивъ, кажется, я слишкомъ худощавъ.

— Я не про этотъ жиръ говорю... Нѣтъ, нѣтъ, Лиза не права, глубоко не права. Ей бы слѣдовало повліять на васъ, вселить въ васъ энергію, пробудить дѣятельность, а она удовольствовалась ролью добродѣтельной Пенелопы и успокоилась на ней... Не такую вамъ надо было жену, не кукону, а...

— А кого-же?

— А хоть бы такую, какъ я, — съ вызывающимъ видомъ, смѣло и прямо посмотрѣла Леля въ глаза Нуската, ожигая его загорѣвшимся взглядомъ.— Да, такую, какъ я, продолжала она съ горячей самоувѣренностью.— Я не меньше ея любила бы васъ... Даже гораздо больше, хотя признаюсь, не особенно заботилась бы о вашемъ пищевареніи. Зато подъ моимъ влияніемъ вы бы сдѣлались тѣмъ, чѣмъ должны быть и чѣмъ

вы и были бы, если бы не женились чуть-чуть не мальчигомъ.

— Однако, странные разговоры ведемъ мы сегодня съ вами,— съ отбѣнкомъ неудовольствія въ голосъ произнесъ Георгій Дмитріевичъ, и добавилъ серьезнымъ, наставительнымъ тономъ.— Вы, Леля, еще почти ребенокъ, и всѣ ваши мечты,— мечты дѣтскія... Въ своемъ ребяческомъ увлеченіи вамъ кажется, будто такъ легко достигнуть высокаго положенія въ свѣтѣ... Заблуждаетесь... Для этого надо родиться особымъ человѣкомъ и въ особыхъ условіяхъ... Въ тридцать пять лѣтъ карьеру создавать поздно... Тѣ господа, въ чинѣ которыхъ вы желали бы меня видѣть, начинаютъ свою карьеру съ шестнадцати лѣтъ... Еще будучи пажами, лицейстами, правовѣдами, они, танцуя на балахъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, отчасти инстинктивно, по собственному влеченію, отчасти по указанію старшихъ начинаютъ постепенно дѣлать первые шаги, завязываютъ необходимыя знакомства, снискиваютъ сильныя покровительства, стараются блеснуть своими талантами и, такъ или иначе, тѣмъ или инымъ путемъ выдвинуться изъ общей толпы... Такимъ образомъ, когда, окончивъ образованіе, они поступаютъ на службу, то чувствуютъ себя уже во всеоружіи, готовыми на приступъ... Поддерживаемые явно и тайно цѣлымъ синклитомъ тетушекъ и дядюшекъ, хорошо вышколенные и выдержанные въ школѣ житейскаго опыта, они смѣло и прямо идутъ къ намѣченной цѣли, сталкивая съ пути людей-бревна, попадающіяся имъ подъ ноги... Если человѣкъ - бревно тяжело и имъ не подъ силу, на подмогу тотчасъ-же являются родственники и общими усилиями сбрасываютъ упрямое бревно... Такимъ бревномъ между прочимъ оказался бы и я, если бы вздумалъ сунуться въ этотъ водоворотъ карьеризма. Повѣрьте, меня бы тотчасъ же выбросили-бы вонъ, какъ волна выбрасываетъ обратно на берегъ брошенную въ нее щепку...

— А, быть можетъ, и не выбросили-бы—упрямо повторила Леля.—Одинъ, пожалуй, и я согласна, вы многого не достигли бы. Но при помощи умной жены, да вдобавокъ такой красавицы, какъ Лиза, борьба была бы куда легче... По крайней мѣрѣ я сдумала бы достигнуть своего и доказать, на что способна женщина...

— Ваши слова доказываютъ только, насколько вы большая фантазерка,—перебилъ Лелю Георгій Дмитріевичъ,—и къ этому еще совсѣмъ дитя...

— Кто дитя? Я дитя? А вы посмотрите-ка повнимательнѣй, развѣ бываютъ такія дѣти?

Сказавъ это, Леля неожиданно встала, выпрямилась во весь ростъ и, повернувшись грудью къ продолжавшему сидѣть въ замѣшательствѣ Георгію Дмитріевичу, устремила на него долгій, загадочный взглядъ.

— Ну, что-же вы молчите?—продолжала она съ вызывающей, странной улыбкой.—Отвѣчайте-же, похожа я на ребенка?

— Что это съ ней сегодня?—подумаль Нускаты, почти съ испугомъ всматриваясь въ лицо дѣвушки, показавшееся ему вдругъ совершенно незнакомымъ...

И пока онъ недоумѣвалъ и терялся въ догадкахъ, Леля продолжала стоять передъ нимъ, вся трепещущая, охваченная страстнымъ порывомъ, отражавшимся на ея лихорадочно-разрумянившемся лицѣ и вспыхивавшихъ тусклымъ огонькомъ глазахъ.

Прошло нѣсколько мгновѣній... Вдругъ, словно что толкнуло Лелю. Она стремительно шагнула къ Георгію Дмитріевичу, торопливо опустила на его плечи свои руки и, какъ въ бреду, заговорила то и дѣло срывающимся голосомъ:

— Слушайте, что я вамъ скажу, Георгій Дмитріевичъ. Васъ это, конечно, удивить... Вы будете поражены... возмущены, пожалуй. Но все равно я должна сказать... Я давно собиралась, увѣряю васъ, очень давно, но все не хватало духа... Я бы и сегодня не сказала... Но эта ночь... Этотъ воздухъ... Онъ опьянилъ меня... Я вся точно въ огнѣ... Я брежу... Но бредъ мой—правда... И этой правдѣ вы обязаны вѣрить... Я люблю васъ... Люблю давно... Очень давно... Еще дѣвочкой вы мнѣ нравились... Мнѣ было какъ-то особенно пріятно, когда вы говорили со мной... Напротивъ, когда вы не обращали на меня вниманія,—я тосковала... Мнѣ было нестерпимо грустно и я уходила куда-нибудь подальше въ садъ, въ дальнюю комнату, наверхъ въ башенку и тамъ плакала... Плакала горько и долго... Тогда я, конечно, не понимала себя... Впрочемъ, еще сравнительно недавно, я не могла опредѣлить своихъ чувствъ къ вамъ и только всего какихъ нибудь полгода тому назадъ я уразумѣла, что люблю васъ, люблю не такъ, какъ ваша добродѣтельная жена Елизавета Львовна, а безумно, страстно, до потери разсудка и воли надъ собой...

Не вѣря своимъ ушамъ, ошеломленный и потерянный, смотрѣлъ Георгій Дмитріевичъ на молодую дѣвушку... Въ первую минуту ему пришло на умъ — не бредъ-ли это, послѣдствіе

какой нибудь внезапной болѣзни... Онъ вскочилъ, готовый позвать прислугу и гнать скорѣй за докторомъ, но, всматриваясь пристальнѣй въ выраженіе лица Лели, понять, что бреда тутъ не было... Онъ вдрогнулъ всѣмъ тѣломъ, быстро вскочилъ со стула и, стремительно отстранивъ отъ себя дѣвушку, воскликнулъ голосомъ, въ которомъ слились въ одинъ аккордъ ужасъ, отвращеніе и глубокая жалость.

— Елена Львовна, опомнитесь. Вы больны или шутите... Я не понимаю васъ, не понимаю вашего поведенія... Что это значитъ?

— Это значитъ, что я самая несчастная женщина на свѣтѣ,— съ глубокимъ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнула Леля.

Лицо ея приняло страдальческое выраженіе, она пошатнулась и, точно отъ удара въ грудь, упала на качалку, закрывая глаза руками...

— Да, самая несчастная,— черезъ силу повторила Леля и разрыдалась... Задыхаясь отъ рыданій, она билась головой о спинку качалки, судорожно извивалась, кусала пальцы рукъ и глухо стонала, какъ отъ нестерпимой физической боли...

Пораженный ея отчаяніемъ, Георгій Дмитріевичъ стоялъ надъ Лелей, потрясенный, растерянный... Гнѣвъ его разомъ испарился и теперь онъ думалъ только о томъ, чтобы чѣмъ нибудь успокоить, утѣшить ее...

Не сознавая хорошенько того, что говорить, движимый однимъ чувствомъ жалости, онъ, какъ ребенка, уговаривалъ Лелю, стараясь придать своему голосу какъ можно больше ласковости. При видѣ ея горя, онъ больше не осуждалъ ее и только умолялъ успокоиться, не разстраивать себя.

— Елена Львовна, Леля—шепталъ онъ, въ тревогѣ склоняясь надъ нею.—Успокойтесь, не плачьте... Мнѣ кажется, вы просто больны... Позвольте, я за докторомъ пошлю... Ну ради-же Бога, успокойтесь, подумайте сами. Каждую минуту можетъ пріѣхать Лиза. Что она подумаетъ, увидя васъ въ такомъ состояніи?.. Вѣдь изъ этого, Богъ знаетъ, какая можетъ произойти непріятность.

Въ своемъ волненіи и растерянности, не зная, что дѣлать, чтобы хоть чѣмъ-нибудь успокоить Лелю, Георгій Дмитріевичъ наклонился къ ней и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ голову, какъ цѣлуютъ расплакавшихся, нервныхъ...

— Ну полноте, Лелюшка, перестаньте, не плачьте,— утѣшалъ онъ ее.—Забудьте... Очевидно, это недоразумѣніе... Вѣдь я васъ тоже люблю... Люблю, какъ сестру, какъ дочь... Мнѣ

Больно видѣть такое отчаяніе съ вашей стороны... И, главное дѣло, по пустякамъ... Повторяю, мы, очевидно, не поняли другъ друга... Я, кажется, васъ оскорбилъ, мнѣ показалось, и я принялъ одно чувство за другое... Простите великодушно и станемъ опять друзьями, я не понялъ васъ...

— Нѣтъ, вы поняли такъ, какъ и слѣдовало понять, — упрямо отозвалась Леля, продолжая плакать. — Я васъ люблю... Понимаете ли? Люблю... Люблю, какъ могла бы любить своего жениха... Мужа...

— Да нѣтъ же, вы ошибаетесь, — горячо возразилъ Георгій Дмитріевичъ. — Не могу даже допустить такой нелѣпости... Вы сами не понимаете, что говорите... Но если допустить такой абсурдъ, будто вы влюблены въ меня, чему я, повторяю, не вѣрю, не могу вѣрить, то тогда... Тогда я долженъ откровенно сказать вамъ, вы поступаете дурно... Мнѣ, конечно, очень лестно, что такая прекрасная дѣвушка, какъ вы, любила меня... Не будь я женатъ, ваша любовь составила бы мое счастье... Но вы забываете, я женатъ, женатъ на вашей сестрѣ, я люблю ее... Да и кромѣ того, если бы даже не любилъ, во всякомъ случаѣ, какъ женатый, я не могу отвѣчать вамъ на ваше чувство... Я прекрасно сознаю, какъ оскорбительны должны быть вамъ мои слова, мнѣ отъ всего сердца жаль васъ, но я не могу сказать вамъ ничего другого, кромѣ того, что вы должны выкинуть изъ головы надежду на взаимность... Вы мнѣ сестра и сестрой останетесь... Я люблю васъ, но не той любовью, какую вы ждете отъ меня...

— Довольно, Георгій Дмитріевичъ, — вдругъ разомъ переставъ плакать, отвѣтила Леля. — Не утѣшайте, сознаюсь, я дѣйствительно сумасшедшая... Простите и постарайтесь быть снисходительнымъ, хотя бы за то, что я такъ долго умѣла скрывать чувства, такъ сильно васъ испугавшія. Пребывайте въ вашей добродѣтели... Она послужитъ вамъ въ утѣшеніе, когда вы услышите, что я... Впрочемъ, довольно, не будемъ говорить объ этомъ... Простите сумасшедшій мой порывъ, онъ больше не повторится...

Она хотѣла еще что-то сказать, но въ эту минуту среди мертвой ночной тишины уснувшей, пустынной улицы раздался топотъ быстро бѣгущихъ рысаковъ и грохотъ колесъ быстро несущагося экипажа. Подлѣ дома Нуската, стукъ и грохотъ разомъ затихли.

— Лиза, — торопливо прошептала Леля. — Скажите ей, что у меня немного разболѣлась голова и я ушла спать... Я

хотя не боюсь ея, но мнѣ не охота встрѣтиться съ ней теперь... Съ такимъ заплаканнымъ лицомъ... Прощайте.—Она кивнула ему головой и быстро пошла изъ комнаты, но на порогъ еще разъ оглянулась и произнесла рѣзко и отрывисто.

— Надѣюсь, благоразуміе у васъ побѣдитъ добродѣтельность и вы сочтете за лучшее промолчать... Говорю такъ не изъ личнаго страха, а ради вашего спокойствія... Если же вы находите нужнымъ быть откровеннымъ, то это ваше дѣло. Мнѣ же безразлично.

Сказавъ это, Леля быстро исчезла за дверями.

Ө. Ө. Тютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Государство и революція.

I.

Освобожденіе! Горькой насмѣшкой стало это слово даже и для тѣхъ русскихъ людей, которые еще годъ тому назадъ вѣрили и ожидали пришествія этого обѣщаннаго „освобожденія“. Нынѣ всѣмъ стало очевидно, что въ Россіи образовалось государство въ государствѣ и правительство въ правительствѣ. Но это новое правительство, обѣщавшее намъ „освобожденіе“ отъ всякихъ золь, произвола и гнета, на дѣлѣ оказалось мрачной, злой, беспощадной и безумной, разрушительной силой. А старое, законное правительство долгое время оставалось почти въ параличномъ состояніи и какъ бы загнипнотизированное блестящей идеей „освобожденія“. Оно почти извинялось за свое существованіе, отступало и уступало, не находя властнаго слова, не способное къ властному дѣянію.

Образовалось новое правительство и государство въ государствѣ... Нѣтъ, образовалось нѣсколько правительствъ и взаимное ихъ противо-дѣйствіе только и придавало хоть какое-нибудь значеніе правительству законному и привело къ тому, что, не смотря на грандіозныя усилія, революція и по сей еще день не можетъ считать себя овладѣвшей государственной цитаделью. Сколько разъ ворота русской державной Бастиліи были открыты настежь и законная власть готова была съ низкимъ поклономъ и хлѣбомъ-солью встрѣтить идущую ей на смѣну революціонную власть! И эта власть не вошла и не соединилась съ той частью гарнизона русской Бастиліи, который подготовилъ такую ей пріятную встрѣчу. Революція оставалась на улицѣ. А законная власть, на время опомнившись, захлопывала ворота, опускала подъемный мостъ и выставяла стражу. Отчего революціонныя власти пропустили всѣ удобные моменты?

Потому, что онѣ ссорились и оттаскивали отъ входа другъ друга.

Впереди шли либералы-конституціоналисты, буржуазные земцы, думцы, адвокаты, профессора, либераль-купцы и либераль-бюрократы.

Собственно, на своихъ „товарищей“ по выступленію они смотрѣли съ тайнымъ презрѣніемъ и считали ихъ лишь орудіемъ, лишь тараномъ для разгроменія стѣнъ и вратъ Бастиліи. Войдя въ нее, они думали моментально захлопнуть за собою ворота и со стѣнъ, если нужно, то и картечью угостить „товарищей“, поручивъ это „реакціонной“ фракціи правительства. Но ихъ скрытая тактика, ихъ тайныя мысли были отлично извѣстны „товарищамъ“, которые слѣдили за ихъ каждымъ движеніемъ и провожали „освобожденцевъ“, приставивъ къ ихъ затылкамъ дула „браунинговъ“. И въ тотъ моментъ, когда завѣтныя врата отворялись и распахи-вались настежь, между „освобожденцами“ и „товарищами“ началась свара и борьба взаимнаго недоувѣрія. Они взаимно стремились войти первыми и отпихивали, и отталкивали другъ друга. И благоприятный моментъ проходилъ. Красное знамя, выставленное на стѣнахъ Бастиліи „прогрессивной“ частью законнаго правительства, смѣнялось „черносотеннымъ“ трехцвѣтнымъ, поднятымъ „ретроградной“ его „фракціей“.

„Демократы“ шли за „либералами“; за „демократами“ двигались „сепаратисты“; а шествіе замыкалось еврейскимъ кагаломъ, и бандой „анархистовъ“. Поэтому борьба передъ вратами цитадели была еще сложнѣе, чѣмъ мы ее изобразили. Непрочный союзъ этихъ взаимоисключающихъ партій мгновенно смѣнялся взаимной свалкой, едва дѣло подходило къ развязкѣ. Именно у цѣли, почти касаясь рукой завѣтнаго золотого руна власти, участники „выступленія“, полные взаимнаго недоувѣрія и ненависти, хватили другъ друга за шиворотъ и, забоченѣвъ, шагу не могли ступить.

Законная правительственная власть каждый разъ имѣла полную возможность оцѣпить и увести за крѣпкіе затворы всю эту разномастную компанію, продѣлывающую своеобразную пантомиму предъ входомъ въ цитадель. Но она этого не дѣлала. Она тоже упускала моментъ. Почему? Между „прогрессистами“ и „ретроградными“ законнаго правительства начиналась такая-же борьба въ самой цитадели. „Прогрессисты“ полагали всѣ силы, чтобы помѣшать „ретроградкамъ“ сдѣлать вылазку и, оцѣпивъ всю революціонную компанію, лишить ее навсегда возможности какихъ-либо „выступленій“.

Тѣмъ временемъ сдѣлавшіеся соперники, видя, что моментъ упущенъ, взаимно „освобождали“ другъ друга и пускались на утекъ. На крѣпости даже и настоящаго „черносотеннаго“ флага не появилось, а двуличневый, „шанжанъ“ матеріи, отливавшій заразъ кон-

«ституціей и абсолютизмомъ. Изъ воротъ, наконецъ, появилась и погоня, но уже тогда, когда всё, сколько-нибудь значительные, вожаки либерально-конституціонно-соціально-федеративно-анархической революціи успѣли улизнуть. Попадались только рядовые; только „пушечное мясо“ расплачивалось за все.

Сколько разъ уже происходила передъ нами эта кровавая и позорная трагикомедія?

9 января 1905 г. революція шла къ Зимнему дворцу, но... не могла дойти.

27 апрѣля 1906 г. революція была приглашена и присутствовала подъ видомъ лучшихъ, излюбленныхъ, выборныхъ людей земли русской...

Мы имѣемъ полное право это сказать, потому что эти „излюбленные“ показали себя въ Государственной Думѣ, а затѣмъ и въ Выборгѣ, раскрывъ вполнѣ, какого они духа. И вотъ, несмотря на то, что русская революція, въ лицѣ своихъ излюбленныхъ людей, побывала-таки въ Зимнемъ дворцѣ, ей и до сего дня не удалось еще овладѣть властью и кормиломъ государственнаго корабля!

Да, то были излюбленные выборные не русскаго народа, какъ они заявляли, но несомнѣнно излюбленные выборные люди революціи!

Анархисты, сепаратисты, соціалисты и либералы объединились подъ девизомъ „освободительнаго движенія“, сойдясь на одномъ— всё они написали на знамени слова: „Долой Самодержавіе“.

Долой!... Но что замѣнить разрушенное, низвергнутое?

Вотъ тутъ-то союзъ и распадается, и начинается взаимная потасовка. Анархисты отрицаютъ всякое государство, отрицаютъ самую идею права.

Кличъ— „Долой Самодержавіе“— для анархистовъ означаетъ не только разрушеніе существующей въ Россіи формы правленія, но разрушеніе полное—замѣну самодержавія полной безгосударственностью и безправіемъ, аморализмомъ и распыленіемъ чело-вѣческаго общества на самодовлѣющія единицы самохваловъ, самолюбовъ и самовольниковъ.

Соціалисты отрицаютъ всё существующія формы монархій и республикъ, основанныя на институтѣ частной собственности и семейномъ союзѣ.

Кличъ— „Долой Самодержавіе“— для соціалистовъ означаетъ уничтоженіе государства настоящаго и замѣну его государствомъ будущаго, гдѣ частная собственность замѣнится государственной и все чело-вѣчество раздѣлится только на два класса: заботниковъ и работниковъ. Заботники-чиновники будутъ распоряжаться государственной собственностью, а работники казенный паекъ возмѣщать порціей восьмичасовой работы.

*

Соціалисты и анархисты—антиподы.

Соціализмъ есть полное поглощеніе личности государствомъ; анархизмъ же cadaго превращаетъ въ государство на двухъ ногахъ. Химера полнаго рабства и химера абсолютнаго произвола, замѣняющія законѣрную свободу. Явно, что эти химеры не могутъ долго уживаться вмѣстѣ.

Соціалисты говорятъ анархистамъ: „Разрушайте!“

А про себя думаютъ: „Когда-же вы разрушите, строить уже мы будемъ. И если вы намъ осмѣлитесь помѣшать, мы васъ пере-вѣшаемъ!“

Анархисты отвѣчаютъ соціалистамъ: „хорошо, мы вамъ поможемъ разрушить!“ Про себя же думаютъ: „Но когда разрушимъ, при малѣйшей вашей попыткѣ строить разорвемъ васъ въ клочки бомбами!“ При этомъ и соціалисты, и анархисты не могутъ удовольствоваться только временной и мѣстной революціей. Цѣли ихъ всемірны и для достиженія этихъ цѣлей нужна непрерывная и всемірная революція. И это при русскомъ темпераментѣ, требующемъ всего или ничего, во всемъ доходящемъ до крайности, до послѣднихъ выводовъ, „до пропастанъ витающемъ“, какъ замѣтилъ еще Крижаничъ.

Такую же антитезу представляютъ либералы и сепаратисты.

Первые—централисты, космополиты и всечеловѣки, чужды идеи націи и отечества, безрелигиозны. Вторые—автономисты, націоналисты и патриоты, вождями ихъ являются жрецы. Согласовать безличный, бездушный, безцерковный, безнациональный конституціонализмъ и парламентаризмъ либеральныхъ доктринеровъ, этихъ политическихъ скопцовъ, съ страстнымъ, на исторической и церковной основѣ націонализмомъ сепаратистовъ—невозможно.

Либералы не хотятъ и не могутъ хотѣть раздѣла Россіи, потому что это партія буржуазная, партія капиталистовъ-промышленниковъ, для которыхъ средневѣковый націонализмъ разныхъ народностей Россіи—торговая помѣха. Польская, финляндская, армянская, украинская, и даже сіонистская національная романтика для купца и фабриканта—вздоръ и очень вредный для его сдѣлокъ вздоръ. Замѣтимъ при этомъ, что для возстановленія раздѣленной между тремя государствами Польши необходимо разрушить эти три государства: Германію, Россію и Австрію. Орудіемъ разрушенія польскіе патриоты взяли социаль-демократовъ, полагая, что выступленіе пролетаріата въ Россіи заставитъ присоединиться къ движенію и западныхъ товарищей. Пока ожиданія не оправдались. Ни всевропейской стачки и забастовки, ни тѣмъ менѣе всевропейскаго вооруженнаго выступленія пролетаріата—мы пока еще не видали. Западные „товарищи“ выразили сочувствіе русскимъ „товарищамъ“

лишь... единовременнымъ громкимъ хлопаньемъ крышками пивныхъ кружекъ во всѣхъ кнейпахъ Германіи и Австріи...

II.

Сложность и противорѣчивость началъ по существу взаимопротивоположныхъ и взаимоисключающихъ, которыя прикрыты общимъ наименованіемъ „освободительной идеи“, объясняется необыкновеннымъ состояніемъ умовъ въ Россіи и процентнымъ составомъ населенія страны въ партійномъ отношеніи. Въ противоположность западу, либералы-конституціоналисты чистаго буржуазнаго типа у насъ составляютъ ничтожное меньшинство и чуть-ли не исчерпываются кружкомъ почтенныхъ „педровъ“, объединенныхъ въ редакціи древняго „Вѣстника Европы“ и „Страны“. Либераль, въ западномъ смыслѣ по самому темпераменту, умѣренности и аккуратности, есть культурный типъ, весьма рѣдкій въ необузданномъ и малокультурномъ русскомъ обществѣ. Вотъ почему правительство наше глубоко ошибается, полагая возможнымъ опереться на „благоразумное большинство“ и представляя это „большинство“ въ видѣ подтянутаго, умѣреннаго, осторожнаго и благовоспитаннаго либерала-конституціоналиста. Въ Россіи какъ разъ обратное наблюдается—именно „неблагонадежное большинство“. Прежде всего мы, не должны забывать могучій станъ автономистовъ-сепаратистовъ.

„Послуживъ главнымъ путемъ великаго переселенія народовъ, Россія содержитъ осѣвшіе на мѣстѣ ихъ остатки“ (Менделѣевъ). Въ Россіи изъ четырехъ человекъ — одинъ инородецъ. Страшное явленіе—шестимилліонная масса еврейства. Это ядъ, разливающийся по всему организму народа и отравляющій его, отъ головы начиная. Еврейство владѣетъ банками, кредитомъ. Еврейство захватило печать. Множество евреевъ въ администраціи.

А въ войскахъ, хотя они и нижними чинами, но достаточно вредоносны. И при равноправіи окажутся офицерами, генералами, наполнять штабъ... Вопросъ инородческой есть не только внутренний, но и международный. Таковы вопросы—финляндскій, балтійскій, польскій, кавказскій, средне-азиатскій, восточно-сибирскій.

Автономія всѣхъ этихъ частей будетъ моментомъ, когда тяготѣніе къ центру страны исчезнетъ. Но въ слѣдующій-же моментъ надъ этими областями возобладаетъ сила тяготѣнія сосѣднихъ государственныхъ тѣлъ. И онѣ сольются съ этими тѣлами.

Федерация автономныхъ частей Россіи — химера. Невозможно объединеніе такой колоссальной имперіи на парламентарномъ договорѣ. Только абсолютная, наследственная власть можетъ

сдерживать цѣлость такой громады. Рѣшеніе окраинныхъ вопросовъ возможно лишь въ двухъ формахъ: обрусеніе окраинъ или распаденіе Россіи и присоединеніе окраинъ къ сосѣднимъ державамъ.

Мы не видимъ никакого центростремленія въ дѣятельности правительства. Оно предоставило окраины въ добычу анархіи. Евреямъ оно ослабляетъ и, вѣроятно, надѣлитъ ихъ равноправіемъ. Это вызоветъ страшный взрывъ народнаго гнѣва и мести.

Мстительный, фанатическій и слѣпой націонализмъ инородцевъ и окраинъ—стоятъ во главѣ „освободительнаго движенія“, которое есть, поэтому, по отношенію русскаго народа—поработительное.

Гораздо лучше автономіи поработить русскій народъ и, пользуясь его упадкомъ, захватить на дно, превратить его въ илота инородцевъ, въ каріатиду инородческаго могущества. Изгнавъ русскихъ людей съ окраинъ, а въ центральныхъ учрежденіяхъ имперіи замѣстивъ ихъ на всѣхъ отвѣтственныхъ постахъ, можно получить нѣчто болѣе сладкое, чѣмъ автономія окраинъ — всю имперію въ свои руки забрать.

Однако, этотъ планъ, издавна осуществляемый, имѣетъ въ себѣ и разлагающія начала. Инородцевъ и въ особенности евреевъ слишкомъ много, чтобы всѣхъ ихъ сдѣлать чиновниками и захребетниками русскаго народа.

Поэтому всегда изъ инородческой массы будутъ выходить толпы недовольныхъ и бунтовать. Наконецъ, и русскіе люди — ослабли, но не умерли.

Когда въ нихъ пробудится національное самосознаніе, они объединятся въ союзы.

А въ единеніи, какъ извѣстно, сила.

Но, оставляя въ сторонѣ инородцевъ-сепаратистовъ и обращаясь къ русскому обществу и народу, мы должны сказать, что въ его средѣ владѣютъ умами прежде всего анархическія идеи, затѣмъ социалистическія, а идеи конституціонализма находятъ всего меньше adeptовъ. Для западныхъ людей со стороны это особенно отчетливо видно. Но и для всякаго, кто внимательно слѣдитъ за происходящимъ—станетъ очевидно. Русскій человекъ нынѣ прежде всего анархистъ, затѣмъ социалистъ и уже послѣ всего либераль.

Анархизмъ особенно близокъ славянской и русской душѣ. Онъ и созданъ тремя родовитыми москвичами — Бакунинымъ, княземъ Крапоткинымъ и графомъ Львомъ Толстымъ. Затѣмъ босаяческій анархизмъ созданъ Максимомъ Горькимъ, а нравственный анархизмъ цѣлой „плеядой“ писателей. Въ народѣ анархизмъ питаетъ стихійное чувство разрушенія, удали, бунта и всесокрушенія. Въ логическомъ процессѣ мышленія русскій умъ съ необойчайной быстротой и легкостью доходитъ до послѣднихъ предѣловъ отрицанія

и духу его несомны всѣ ограниченія, которыя имъ и приписываются какому-то внѣшнему насилію со стороны „нѣмцевъ“, „правительства“ или „господъ“. Мужикъ даже насчетъ портковъ полагаетъ, что ихъ „паны выдумали“, а что безъ портокъ куда легче... Это стихійно-анархическое основаніе русскаго духа отчасти воспитано безпредѣльной евроазиатской равниной, отчасти лежитъ въ свойствахъ славянской расы, преимущественно чувственно-самовольной и свободу понимающей, какъ безграничный прямо произволь.

Затѣмъ, первобытный коммунизмъ народныхъ массъ, несомнѣнно, является превосходной почвой для проповѣди социалистическихъ доктринъ. Русскій народъ, не воспитанный въ строгихъ нормахъ римскаго права, въ сущности почти совершенно лишенъ правосознанія.

Только церковно-теократическія тысячелѣтнія идеи еще могутъ имѣть власть надъ народомъ. Но петербургскіе бюрократы-либералы, отвергая церковно-теократическую государственную идею, думаютъ опереться на идею конституціонную, рассчитывая найти „большинство“, преданное этой идеѣ въ обществѣ и народѣ.

Этимъ либералы-бюрократы показываютъ глубокое незнаніе народнаго характера. Идеи буржуазнаго либерализма, конституціонно-парламентскій строй всего меньше могутъ быть поняты и симпатичны русскому духу. Симпатію большинства въ Россіи, когда разрушена традиціонная церковно-теократическая, русская государственная идея, могутъ приобрѣсти только крайнія социалистическія или анархическія идеи. „Освобожденный“ отъ традицій русскій человѣкъ стихійно не конституціоненъ.

Всѣ „свободы“ у насъ понимаются не конституціонно, а социалистически и анархически. Самое „освободительное движеніе“ понимается, какъ полное освобожденіе отъ всякихъ ограниченій, какъ нравственный нигилизмъ и личный произволь или какъ коммунистическое подведеніе всѣхъ подъ одинъ уровень.

Конституціонное ограниченіе власти у насъ не понято и влечетъ къ самовластию необузданной личности. Конституціонное ограниченіе свободы, съ цѣлію дать ее всѣмъ, кажется покушеніемъ „реакціи“ на личныя права. Русскій народъ по стихіи своего духа не конституціоненъ.

Разъ традиція въ немъ разрушена, онъ становится анархистомъ и коммунистомъ и погружается въ безысходную анархію. Вотъ отчего усилія правительства ввести въ Россію конституцію встрѣчаютъ такія неожиданныя препятствія. Конституціи нѣтъ въ нравахъ и въ стихіи народнаго духа. Разъ церковно-теократическая идея въ народѣ разрушена, выступаетъ и овладѣваетъ народомъ анархическая и коммунистическая идея, начинается всеобщее „равненіе“ и всеобщее на всѣ лады озорство.

III.

„Конституція“ не въ русскихъ нравахъ. Но въ нравахъ-ли она инородцевъ?

Нѣтъ. Теократическая идея господствуетъ и въ мусульманскихъ массахъ, и въ польскомъ народѣ, и въ армяно-грузинскомъ населеніи Кавказа, и въ милліонахъ простого еврейства. Востокъ широко захватилъ территорію Россіи, а именно востокъ есть родина теократической идеи верховнаго державства.

Мусульмане Россіи глубоко монархичны. Кавказъ всегда былъ подъ властью неограниченныхъ властелиновъ и, населенный свыше сорока разноязычными племенами, какъ можетъ онъ управляться конституціонно - парламентскимъ договоромъ? Наконецъ, Польша всей исторіей своей доказала неспособность къ конституціи. Всѣ инородцы Россіи при этомъ отличаются пламеннымъ, необузданнымъ темпераментомъ. Въ Россіи, повторяемъ, слишкомъ много Востока и юга, чтобы возможно было согласить всѣхъ.

Никакого парламентскаго и конституціоннаго договора въ Россіи не могутъ создать и на этомъ пути насъ постигаютъ неперестающія свары и междоусобія. Въ Россіи возможна или анархія, или монархія. Средняго, именно, никакъ и не установить. И усилія правительства насадить конституцію видимо приводятъ къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ.

Невозможность конституціоннаго строя въ Россіи доказать не трудно, поставивъ вопросъ объ областныхъ парламентахъ. Возможно-ли открыть парламентъ въ Варшавѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ, Ташкентѣ, Томскѣ? Отвѣтъ можетъ быть лишь отрицательный. Но что невозможно для части, очевидно, еще невозможно для цѣлаго. Имперскій парламентъ для 140 милліоновъ, для 25 народностей, для всей евроазіатской равнины, для всѣхъ климатовъ—опытъ еще невиданный.

Раздѣленіе *верховой* власти по самой ея сущности—невозможно. Возможно хотя говорить о раздѣленіи *абсолютной* власти.

„Монархія истинная, то-есть представляющая верховную власть нравственнаго идеала,—неограничена, но не абсолютна. Она имѣетъ свои обязательныя для нея начала нравственно-религіознаго характера, во имя которыхъ только и получаетъ свою законно-неограниченную власть. Она имѣетъ власть не въ самой себѣ, а потому и не абсолютна. Властью абсолютной обладаетъ только та сила, которая ни стъ чего, кромѣ самой себя, не зависитъ, истекаетъ изъ самой себя. Таковой является власть демократическая, которая есть выраженіе народной воли, властной по тому самому

факту, что она есть воля народа, власть сама из себя происходящая, и тѣмъ самымъ абсолютная". (Левъ Тихомировъ).

Очевидно, власть верховную, полученную Монархомъ отъ Церкви чрезъ миропомазаніе, онъ не можетъ передать никому. Передача возможна лишь по отношенію къ власти абсолютной. Но въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано все возможное. Суды судятъ по указу Императора и имъ октроирована Монархомъ достаточная власть. Администрація организована для осуществленія управленія. Совѣтъ и Дума, какъ сотрудники Монарха въ дѣлѣ обсужденія законовъ, могутъ быть весьма полезными учрежденіями. Но всѣмъ этимъ ни социалисты, ни сепаратисты, ни анархисты не могутъ быть удовлетворены. Социалисты требуютъ „диктатуры пролетаріата“—нелѣпой передачи абсолютной власти одному классу. Сепаратисты требуютъ раздѣла державной власти съ народностями, то-есть раздѣла Россіи. Анархисты требуютъ распыленія этой власти въ человѣческихъ толпахъ. А удовлетворятся-ли наши конституціоналисты? Можетъ быть, но ихъ такъ мало, что ихъ согласіе или несогласіе никакого вѣса имѣть не можетъ. Конечно, необычайная трудность конституціи въ Россіи правительствомъ сознается. Но сказать это прямо и громко оно не рѣшается и думаетъ, или, сохранивъ вещь, пустить въ обращеніе только наименованіе, или обратно, сохранивъ наименованіе, уничтожить вещь. И это проводится одновременно. Сохранимъ абсолютизмъ, но поставимъ бумажную конституцію! Сохранимъ слово „самодержавіе“, но говорить о его неограниченности не будемъ! Этой тактикой добиваются такого положенія страны, при которомъ въ ней не окажется ни самодержавія, ни конституціи. А что-же будетъ? Гражданская война.

Дѣло доходитъ до того, что терминъ „самодержавіе“ совершенно извращается. Придумываютъ какое-то „ограниченное самодержавіе“! Горячій ледъ! Деревянное желѣзо!

Это прекрасно разъяснено... въ № 9 „Полярной Звѣзды“ отъ 10-го февраля 1906 г., подъ редакціей г. Петра Струве, въ статьѣ г. Влад. Гессена „Самодержавіе и манифестъ 17-го октября“ (стр. 626, 627 и 629). Здѣсь приведены цитаты, разрѣшающія вопросъ совершенно.

Въ своемъ „Руководствѣ къ познанію законовъ“ гр. Сперанскій пишетъ:

„Слово „самодержавіе“ имѣетъ два разные смысла. *Когда оно прилагается къ государству*, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Въ семъ смыслѣ всѣ государства независимыя могутъ быть названы государствами самодержавными. *Когда оно прилагается къ особѣ Государя*, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей пол-

нотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія. Посему всѣ государи въ чистыхъ (т. е. абсолютныхъ) монархіяхъ могли-бы именоваться „самодержцами“.

„Для того, отъ себя говоритъ г. Гессенъ, чтобы опредѣлить точнѣе, что именно понимаетъ подъ самодержавною властью ст. 1 нашихъ основныхъ законовъ, необходимо обратиться къ источникамъ, цитируемымъ въ самомъ сводѣ подъ этой статьей“.

„Источники эти неопровержимо доказываютъ, что существеннымъ моментомъ въ понятіи самодержавія является именно неограниченность или абсолютизмъ монархической власти. Въ этомъ смыслѣ классическую характеристику самодержавія даютъ воинскіе артикулы Петра Великаго (арт. 20), на которые ссылается и 1-я статья основныхъ законовъ: „Ибо Его Величество есть *самовластный* монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомыслию управлять“.

„Нѣмецкій текстъ арт. 20, напечатанный въ полномъ собраніи законовъ, параллельно съ русскимъ, гласитъ: „Denn Seine Majestät sind ein souveräner Monarch, der Niemanden auf Erden von Seinen Verrichtungen Rede und Antwort geben darf, sondern Macht und Gewalt haben, Dero Reich und Länder als ein christlicher Potentat nach eigenem Willen und Gutdünken zu regieren (I-е. II. С. З. т. V, № 3006)“.

„Что понятіе „неограниченный“ ничего новаго къ понятію „самодержавный“ не прибавляетъ, можно видѣть, хотя-бы, изъ сопоставленія первой статьи осн. зак. со второй. Последняя гласитъ: „Та-же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и Императрицѣ, когда наслѣдство престола въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго пола“. Само собою разумѣется, что власть Императрицы въ указанномъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ власти Императора: это—та-же власть. Между тѣмъ, въ характеристикѣ этой власти моментъ „неограниченности“ отсутствуетъ вовсе,—очевидно, потому, что на ряду съ моментомъ самодержавія, онъ представляется излишнимъ“.

Въ Россіи конституціи еще не было и пока нѣтъ. Почему? Потому что какъ русскій народъ, такъ и главныя народности, у насъ живущія, по природѣ не конституціонны. Конституціи не на что опереться, ибо она не лежитъ въ нравахъ.

На всемъ пространствѣ евро-азиатской равнины властвуетъ идея теократическаго державства.

Паденіе въ умахъ этой идеи даетъ торжество анархіи и коммуѣ. Конституція—этотъ ловкій синтезъ изъ тезиса и антитезиса, не дается въ Россіи даже и чиновникамъ министерства внутрен-

нихъ дѣль. Какова польская „золотая свобода“, мы знаемъ изъ исторіи. Однако, поляки хорошіе католики. Они умѣютъ повиноваться теократической власти намѣстника Петра, облеченнаго всякой властью и вѣнчаннаго тремя коронами. Армяне отлично умѣютъ повиноваться автократу и теократу католикосу...

IV.

Мы сказали, что уловить конституцію даже и чиновники министерства внутреннихъ дѣль не могутъ, а правительственные сообщенія ни разу этого слова „конституція“ и не употребили. Правительство, правда, рекомендовало администраціи различать „освободительное движеніе“ отъ революціи, само однако не опредѣливъ эти два термина, и не выяснивъ, по какимъ признакамъ отличать ихъ другъ отъ друга?

По основнымъ законамъ „единеніе“ (сотрудничество Совѣта и Думы съ Монархомъ и „одобреніе“ Совѣтомъ и Думой законопроектовъ) исчерпываетъ то новое, что привзошло послѣ 17-го октября въ строй русскаго государства. Очевидно, что это не конституція, ибо при Самодержцахъ съ такими функціями въ XVI и XVII столѣтіи дѣйствовали Боярская Дума и Земскій Соборъ. Но, повторяемъ, русскіе конституціоналисты сами не уловили еще конституцію. Раздѣлъ власти! Но съ кѣмъ? Съ выборными народа. А сколько среди этого народа безграмотныхъ? 80%. Кто будетъ писать законы и властвовать? Очевидно, это дѣло надо дѣлать умѣючи. Что первая Дума была совершенно не конституціонна, спорить никто не станетъ. Но попробуйте создать конституціонную Думу! Кажется, она будетъ или анархическая, или монархическая.

Быть можетъ скажутъ, что „освободительное движеніе“, будучи по содержанію тождественно съ революціей, различается въ средствахъ. Революція дѣйствуетъ принужденіемъ, насиліемъ, терроромъ, вооруженной рукой, бомбами, браунингами, киежалами. А „освободительное движеніе“ мирными средствами проповѣди въ печати и словомъ—пропагандой, банкетами, резолюціями, митингами, и самое большее, „пассивнымъ сопротивленіемъ“—забастовками. Такъ, повидимому, смотритъ на это правительство. Взглядъ его тотъ, что 17-го октября 1905 г., извѣстнымъ манифестомъ и приложеннымъ къ нему докладомъ С. Ю. Вите „освободительное движеніе“ легализовано, узаконено, „освободительная идея“ вошла въ программу правительства и оно само съ этого времени стало органомъ освободительнаго движенія, законнымъ орудіемъ проведенія въ жизнь „освободительной идеи“. Такимъ образомъ, ни

охрану этой идеи уже направлены всѣ силы государства и противодействие „освободительной идеи“ есть противодействие государству, а потому составляет дѣяніе противоправительственное, преступное, прямо революціонное... Такъ толковали и нѣкоторыя конституціонныя партіи, прямо называя крайнихъ правыхъ—революціонерами справа.

Принявъ въ свою программу 17-го октября „освободительную идею“, правительство ожидало, что тѣмъ самымъ достигнетъ умиротворенія и прекращенія революціи, по его мнѣнію, совершаемой ради торжества „освободительной идеи“. Въ самомъ дѣлѣ, чего-же еще добиваться, если эта „идея“ „принята къ руководству“ министрами и главноуправляющими?

Мы знаемъ, однако, что революція не только не ослабѣла послѣ актовъ 17-го октября, но получила могучее развитіе и шла, все усиливаясь и разыгрываясь до сего дня. Очевидно, значитъ, правительство не разобралось въ содержаніи освободительнаго движенія и революціи и не установило правильнаго взгляда на нихъ. Ни изданіе пересмотрѣнныхъ основныхъ законовъ, ни созывъ Государственной Думы революціи остановить и даже ослабить не могли.

Итакъ, или „принятое къ руководству“ 17-го октября не есть „освободительная идея“, или революція не только въ средствахъ, но и по идейному содержанію отличается отъ „освободительной идеи“.

Что это за идея? Въ чемъ ея суть? Въ принятомъ къ руководству докладѣ графа С. Ю. Витте „волненіе, охватившее разнообразныя слои русскаго общества“ объяснялось тѣмъ, что „нарушено равновѣсіе между идейными стремленіями мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни“. „Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы“. „Въ уровень съ одушевляющей *благоразумное большинство общества идеей* должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни“. Видимъ, что Россія отождествлена съ „интеллигенціей“, „мыслящимъ обществомъ“, съ „благоразумнымъ большинствомъ“ этого общества, его идея провозглашается идеей всей Россіи, возводится въ государственное, имперское достоинство и внѣшнія формы русской жизни, ея учрежденія должны быть согласованы съ идеей интеллигенціи.

Тутъ видимъ предпосылку, остающуюся недоказанной и принимаемую докладомъ за истину самоочевидную. „Большинство“ мыслящаго русскаго общества признано „благоразумнымъ“. А что, если благоразумно только ничтожное меньшинство?

„Идея“ описана такъ въ докладѣ. Основные элементы правового строя—свобода печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личная неприкосновенность; уравненіе передъ закономъ всѣхъ, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Установленіе такихъ учреждений и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соответствовали-бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы.

„Политическая идея“, „освободительная идея“, „революціонная идея“!

Напомнимъ теперь десять положеній, провозглашенныхъ 15 іюня 1905 г. въ Москвѣ, на совѣщаніи 117 представителей отъ 92 русскихъ городовъ.

Признать:

- 1) Свободу совѣсти, мысли и слова—неотъемлемымъ призваніемъ *разумно-нравственнаго существа*—человѣка.
- 2) Свободу вѣроисповѣданій и богослуженій, общественныхъ собраній и союзовъ—необходимымъ условіемъ *религіозной и общественной жизни*.
- 3) Неприкосновенность личности, частнаго жилища и переписки, свободу передвиженій, независимость и самостоятельность суда—необходимыми условіями *гражданской жизни*.
- 4) Равенство личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ гражданъ Россійской имперіи и активное участіе народнаго представительства, какъ особо избраннаго учрежденія, въ законодательствѣ—необходимымъ условіемъ *государственной жизни*.
- 5) Необходимость организаціи народнаго представительства на началахъ всеобщности и равенства и безусловную неотложность созыва свободно избранныхъ народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Монархомъ устройства земли.
- 6) Необходимость постановки на первую очередь коренныхъ экономическихъ реформъ, направленныхъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса и къ улучшенію положенія рабочаго класса.
- 7) Необходимость введенія всеобщаго бесплатнаго начальнаго обученія коренной реформы средней школы и полной академической свободы для высшихъ учебныхъ заведеній.
- 8) Необходимость реорганизаціи городского общественнаго самоуправления въ связи съ земскимъ на наиболѣе широкихъ началахъ самостоятельности, согласованныхъ съ общегосударственнымъ устройствомъ.
- 9) Безусловно необходимымъ освобожденіе православной церкви отъ государственнаго закрѣпленія, дѣло церковнаго самоустроенія:

на свободныхъ соборныхъ началахъ признать неотъемлемой принадлежностью церкви.

10) Необходимость немедленной отмѣны законовъ, учреждений, постановленій и распоряженій, противныхъ началамъ свободы личности, свободы духа и жизни, и необходимость возстановленія въ правахъ всѣхъ лицъ, пострадавшихъ за религиозныя и политическія убѣжденія.

Вотъ опредѣленіе содержанія „освободительной идеи“. Но мы еще приведемъ опредѣленіе проф. Гредескула, по которому содержаніе освободительной идеи „сводится къ признанію того, что настоящая, достойная человѣка культурная жизнь несовмѣстима съ традиціоннымъ строемъ русской жизни“, что послѣдній „сталъ тормазомъ ко всякому дальнѣйшему движенію впередъ“.

Но вотъ „традиціонный строй“ разрушенъ. Гдѣ-же „движеніе впередъ“? Гдѣ „достойная человѣка культурная жизнь“? Страна дичаетъ съ каждымъ днемъ. Молодежь, юноши, дѣвушки и даже подростки не учатся, занимаются активной и пассивной политикой. Промышленность разоряютъ забастовки. Культурныя имѣнія разгромлены. Исчезла простая личная и имущественная безопасность. Убіеніе стало только „жестомъ“, не болѣе. Хулиганская, бездарная и грязная печать задавила литературу. Гдѣ-же и въ чемъ „движеніе впередъ“ и „достойная человѣка культурная жизнь“? Или еще мало „конституціи“? Не достааетъ „всеобщей, равной, прямой, тайной“? Всю страну приходится поставить на военное положеніе. Конституція уже дважды провалилась—послѣ 17 октября и послѣ 27 апрѣля. Положимъ, что провалится и въ третій разъ, а какъ тогда выбирать придется или анархію или монархію, то развязкой „освободительнаго движенія“ будетъ или военная диктатура, или гражданская война „черносотенцевъ“ съ „красногряшниками“.

V.

Революція намъ обѣщаетъ свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу печати, союзовъ и собраній, автономію высшей школы, народное представительство, неприкосновенность личности. Кто противъ революціи, тотъ будто бы противъ и перечисленныхъ благъ. Но кто же можетъ быть противъ ихъ? Глупецъ или своекорыстный ретроградъ. Итакъ, всѣхъ, не желающихъ служить торжеству революціи, именуютъ ретроgrадами, невѣждами, „черносотенцами“.

Кто-же, однако, не понимаетъ значенія политическихъ правъ и гражданской свободы? Только гдѣ же эти права и гдѣ свобода?

Какъ на западѣ, такъ и у насъ революція принесла народу лишь произволь, насиліе и самое несносное угнетеніе. Свобода вѣроисповѣданія! И уже православные крестные ходы отмѣняются. Ругаются надъ святынями. Похищаютъ чтимыя иконы. Въ университетахъ упраздняютъ кафедру богословія. И можемъ ли мы повѣрить, что религія наша будетъ свободной, зная, какъ во Франціи изъ школъ изгнана религія, изъ судовъ вынесено распятіе, церкви отписаны въ казну! Можемъ ли мы повѣрить „освободителямъ“, когда впереди революціи идутъ инородцы съ фанатическими ксендзами, раввинами, муллами и ламами! Мы знаемъ духъ этихъ жрецовъ. Нѣтъ насилія, предъ которымъ они остановились-бы для униженія православія и возвеличенія своей вѣры. Можемъ ли мы повѣрить терпимости фанатиковъ революціи! Вѣдь мы знаемъ, что они хотятъ совершенно отдѣлить русское государство отъ освящающей его церкви православной, государственную власть отъ подчиненія христіанской нравственности, церковь православную лишить не только господствующаго положенія, но и всякой поддержки государства. Что же получить наша церковь? Автономію и равноправіе. То-есть она не будетъ уже имѣть голоса въ государственныхъ дѣлахъ, какъ непререкаемый нравственный авторитетъ, и съ православнымъ іерархомъ будетъ „равноправенъ“ и ксендзъ, и мулла, и раввинъ, и лама, и даже всякій мастеръ масонской ложи! Обѣщанія революціи дать свободу исповѣданія—ложь. Но если русская [православная церковь и имѣетъ юридическое право вѣроисповѣдной свободы, то фактически она меньше всѣхъ остальныхъ церквей можетъ осуществлять и охранять свою свободу. Организанія православной церкви, какъ учрежденія, частью омертвѣла, частью разрушена, авторитетъ религіи палъ въ сознаніи русскаго общества, разрушается и въ народѣ. Такимъ образомъ, русскую церковь ожидаютъ тяжкія испытанія, гоненія, порабощеніе. И мы именно во имя свободы православія возстаемъ противъ лицемѣровъ „освободительнаго движенія“! Нѣтъ, ксендзъ, мулла, раввинъ, лама, масонъ и атеистъ, ставъ равноправными съ православнымъ іерархомъ, это равноправіе употребить лишь на то, чтобы православнаго іерарха и паству его сдѣлать безправными.

Свобода печати! Но едва „пролетаріи“ получаютъ власть, они сейчасъ пытаются установить строжайшую цензуру. Мы отлично знаемъ, что „черносотенныя“ изданія всячески бойкотируютъ; наборщикамъ запрещаютъ набирать, типографамъ угрожаютъ испортить ихъ машины, а то и ломаютъ ихъ; на почтѣ „сознательные“ чиновники задерживаютъ и „теряютъ“ номера и т. д. Мы отлично знаемъ, что торжество „освободительнаго движенія“ приведетъ къ учрежденію безпощадной цензуры всего, въ чемъ отражается рели-

гіозная и національная жизнь русскаго народа. А главное, какъ воспользуется русскій народъ юридическимъ правомъ свободы печати, когда у него печати нѣтъ или почти нѣтъ, когда всѣ почти значительные органы, журналы и газеты въ рукахъ евреевъ? Русскій народъ лишень орудій печати и поэтому не можетъ осуществитъ юридическое право. Завладѣвъ печатью, евреи подвергаютъ гоненіямъ, обливая потоками лжи и клеветы, всякій независимый и честный талантъ, который не хочетъ служить кагалнымъ интересамъ и оплевывать русскую исторію, все славное и святое въ ней и разрушать идеалы русскаго народа. И такому преслѣдованію подвергается независимый талантъ въ области всѣхъ искусствъ, разъ только онъ избираетъ національныя темы, одушевленъ патріотизмомъ. Творческій духъ русскаго народа подавленъ, затемненъ, угнетенъ и лишень орудій для проявленія, для дѣйствія на массы.

А намъ лицемѣрно сулятъ свободу духа, слова, печати!

Свобода союзовъ и собраній! Но у русскаго народа есть союзъ союзовъ и собраніе собраній,—это русское государство, созданное его тысячелѣтними трудами, кровью и слезами. И этотъ союзъ хотятъ разрушить, это собраніе—раздѣлить! Хотятъ лишить русскій народъ его положенія хозяина въ странѣ своей. На окраинахъ хозяевами будутъ инородцы, а русскихъ людей тамъ лишатъ всѣхъ правъ, даже совершенно ихъ изгонятъ съ окраинъ. Въ центрѣ же г. г. инородцы будутъ съ русскими людьми „равноправными“ то есть такими же хозяевами.

Русскій народъ въ своей странѣ оказался въ положеніи политической партіи и партіи еще не сьорганизованной. Созданный русскимъ народомъ великій государственннй союзъ переходитъ въ руки революціонной власти, въ руки международной компаніи банкировъ, въ руки Верховнаго Совѣта масоновъ, въ еврейскія и во всякія хищныя, цѣпкія, грязныя и преступныя руки. И русскимъ людямъ приходится начинать основаніе союза, объединяться. Они совершенно разсѣяны, разбрелись, отчуждены другъ отъ друга и только что начинаютъ пробуждаться, только начинаютъ организаціонную работу.

Автономія высшей школы! Но мы видимъ, что уже седьмой годъ университеты „бастуютъ“ и студенты заняты единственно „наукой революціи“. Политика отравляетъ сердца не только юношей и дѣвушекъ, но подростковъ и дѣтей. Она проникла въ среднія и низшія школы. Политикой занимаются и народные учителя. Растутъ поколѣнія развращенныхъ смутой невѣждъ. Кафедры въ рубашъ революціонеровъ и наука обезличена обезпложена, извращена, лишена національнаго содержанія. Наука должна быть служанкой революціи. А намъ говорятъ о свободѣ науки! Сулятъ намъ и на-

родное представительство, но вѣдь высшіе классы, интеллигенція, сословія и, наконецъ, церковная и государственная власти представляютъ именно исторически-сложившееся представительство каждаго народа.

Между тѣмъ интеллигенція наша совершенно возненавидѣла всѣ національныя святыни и устои, вполне денационализована и чужда тому творческому духу, который Россію создалъ. Затѣмъ, искусно посягнувъ глубокой раздоръ между крестьянствомъ и аристократіей и вообще земельной, культурной и состоятельной частью населенія.

Эта часть погромами изгоняется изъ деревни и изъ страны. Народъ самъ лишаетъ себя богатѣйшей и культурнѣйшей части своей, съ нимъ исторически связанной. Народъ самъ себя гиліотинируетъ!.. А ограничивая церковную власть и державство государственное русскаго народа, лишаютъ его исторически-сложившагося представительства.

Что же даютъ взамѣнъ? Парламентъ. Кто туда вошли? Крайнія партіи. Тамъ верховодили инородцы, евреи. Русскимъ національнымъ духомъ въ Государственной Думѣ и не пахло. Это орудіе и слуга международнаго кагала и треста капиталистовъ. Чтобы только получить нѣсколько мѣстъ въ этомъ парламентѣ, русскому народу предстоитъ долгая и упорная борьба. А сдѣлать его русскимъ — мечты далекаго будущаго! И послѣ всего этого намъ говорятъ о достоинствѣ личности, о неприкосновенности личности! Мы уже видѣли, какъ вообще революція охраняетъ личность. Въ странѣ не стало простой личной и имущественной безопасности. Грабятъ, жгутъ, убиваютъ и разрываютъ на части бомбами даже женщинъ и дѣтей! А достоинство національной личности и ея неприкосновенность! Нація стирается, развращается, угнетается, и всѣ средства пущены въ дѣло, чтобы обезличить русскій народъ, обезплодить духъ его, убить творчество, осквернить и разрушить въ немъ устои и святыни, вытравить изъ русской души все русское, совершенно русскаго человѣка превратить въ международнаго босняка!

Освобожденіе Россіи отъ власти международнаго треста капиталистовъ, отъ власти инородческихъ кагаловъ отъ десяти-миллиарднаго долга! Господство и свобода православной церкви! Свобода и мощный, богатый расцвѣтъ русской національной, патриотической печати! Свобода и господство русскаго церковнаго и государственнаго союза и, какъ основаніе, широкое развитіе національныхъ, патриотическихъ союзовъ и собраній по всей странѣ, въ каждомъ городѣ, въ каждой волости! Автономія и свобода, и развитіе русской творческой національной мысли и науки и національной низшей, средней и высшей школы.

Истинное народное представительство, во-первыхъ въ лицѣ Монарха, преданнаго національнымъ русскимъ интересамъ, потомъ администраціи и суда, тѣмъ же интересамъ преданныхъ, наконецъ, представительство историческихъ сословій и христолюбиваго войска и наконецъ истинно русская Дума, преданная націи, церкви, истинно земскій Соборъ! Развитие, просвѣтленіе самосознаніемъ, творческимъ, живымъ патриотизмомъ и охраненіе неприкосновенности національной личности русскаго человѣка и русскаго народа! Вотъ принципы національнаго возрожденія и освобожденія Русскаго народа!

Н. Э.

П а д ш а я.

Татьяна была проститутка низкаго сорта. Ей было близъ 30 лѣтъ. Она имѣла некрасивое лицо, изрытое оспой, вѣчно заспанное, опухшее, съ маленькими, сѣрыми, заплавленными жиромъ глазами и крошечнымъ, нахально вздернутымъ носомъ. Грязная, вонючая, постоянно растрепанная, она могла служить лишь слабой приманкой для пьяныхъ извозчиковъ, дворниковъ, мастеровыхъ и босяковъ, которые въ трезвомъ видѣ смотрѣли на нее съ отвращеніемъ.

Съ своей маленькой сестренкой-подросткомъ, Липкой, худой, тощей, но смазливой дѣвчонкой лѣтъ 14, она жила въ глухой окраинной улицѣ города, изобиловавшей фабричнымъ и мастеровымъ людомъ, проститутками, котами и хулиганами. Въ этой улицѣ, въ старомъ, полуразвалившемся домишкѣ вдовы-мѣщанки Аладьевой, она снимала за два рубля въ мѣсяцъ крошечную комнату-чуланъ, со всѣми атрибутами бѣднаго и жалкаго мѣщанскаго жилья,—темную, холодную и сырую, съ грязными и ободранными шпалерами, съ клопами и тараканами. За шпалерами, на чердакѣ и подъ поломъ днемъ и ночью шмыгали и отвратительно верезжали крысы и мыши, по угламъ огромные хищные пауки свили себѣ множество гнѣздъ, которыя Татьяна боялась разорять.

Улица была шумная и буйная. Вѣчно гулялъ по ней гулъ пьяныхъ, задорныхъ голосовъ, раздавались дикія, нестройныя мелодіи развратныхъ и бравурныхъ пѣсень, рѣзала слухъ отборная площадная брань, слышался глухой воющій шумъ драки и отчаянные крики „караулъ!“ Всѣ эти безпокойные звуки дерзко врываются въ дырявые пазы и въ щели разбитыхъ оконъ убогаго жилища Татьяны, и въ этомъ безобразномъ хаосѣ терзающихъ душу звуковъ жила Татьяна уже пятый годъ.

Какъ она попала сюда, какимъ образомъ спустилась до такого низкаго, грязнаго и подлаго существованія,—она даже и не помнитъ хорошо. Вѣчное, безпробудное пьянство, вѣчная гнетущая боязнь помереть съ голоду, тоска, одиночество и безсонныя ночи сожгли и вытравили у нея всю память, и она даже не удержала въ ней яснаго и отчетливаго воспоминанія о томъ великомъ и скорбномъ актѣ въ жизни женщины, который называется „падениемъ“.

Только смутно и то съ упорнымъ напряженіемъ слабыхъ остатковъ своей памяти она въ состояніи вспомнить ту роковую минуту, когда она такъ глупо и мерзко пала... Вспоминается онъ, ея оболъститель, дрянной, мусорный, какъ говорится, мужиченко, торговецъ разнаго старья на рынкѣ. Вспоминается та пьяная оргія, когда она, опьянѣвъ, повѣсилась ему на шею и потомъ пала... И потомъ пошло дальше и больше, ниже и омерзительнѣе... И всего обиднѣе для нея было то, что она пала и разбила всю свою жизнь такъ легко, быстро и пошло. Точно ничтожный комокъ грязи, раздавили ее и не обтерли даже сапога: грязь куда-то исчезла, стерлась и стусевалась въ общей массѣ земли, а сапогъ остался чистъ...

Мать Татьяны, умирая, позвала ее къ себѣ и сказала:

— Вотъ я, кажется, помираю, Танька!.. Ты смотри—береги Липку и не давай ей потачки. Будь ей вмѣсто матери... Что случится съ ней—ты будешь отвѣчать передъ Богомъ.

И Татьяна стала Липкѣ вмѣсто матери. Кормила ее, одѣвала, какъ могла, а когда сама пала, то строго стала слѣдить, чтобы не случилось этого и съ Липкой. Она думала отдать ее въ услуженіе или на фабрику, но боялась, что Липка тамъ развратится, и держала ее при себѣ. И чѣмъ ниже и грязнѣе опускалась она сама, тѣмъ строже и заботливѣе слѣдила за Липкой, удаляя ее отъ всѣхъ соблазновъ своего безпечного веселаго съ виду, но подлаго и осточертѣвшаго ей существованія. И дѣлала она это совсѣмъ не потому, что объ этомъ, умирая, просила ее мать, а ради того, чтобы около нея, развратной, грязной и одинокой, находилось чистое, невинное существо, видя которое, она испытывала какую-то тихую, спокойную радость. Какъ-то легче и свѣтлѣе становилось у нея на душѣ. Въ пять лѣтъ своей „погибельной“ жизни, какъ она сама въ минуты остраго отчаянія называла свою жизнь, она видѣла только одну грязь, пакость и мерзость; всѣ люди, которымъ она за безцѣнокъ продавала свое тѣло, были грязные, грубые, развратные и похотливые скоты,—и Татьянѣ

дорого было то единственное чистое существо около нея, которое въ трудныя минуты ея жизни однимъ своимъ присутствіемъ успокаивало ея истерзанную душу и такимъ чистымъ, яснымъ свѣтомъ освѣщало ея тяжелый и мрачный путь жизни...

Когда она уходила по вечерамъ изъ дому, то обыкновенно запирала Липку на замокъ. Липка до поздней ночи сидѣла въ комнатѣ, ковыряла что-нибудь иглой, или читала грошевую книжку, разбирая слова по складамъ. Иногда она надоѣдала старухѣ Аладьевой своимъ монотоннымъ гудѣньемъ и та черезъ стѣну кричала ей:

— Будетъ тебѣ, лѣшева долбешка! Ложись спать, дрыхни!.. Полночь ужъ скоро...

Липка вздрагивала, бросала книжку и, повернувъ лампу, ложилась въ постель. Мыши скреблись на полу, шуршали разорванными шпалерами клопы и тараканы, а она, согнувшись въ калачъ подъ одѣяломъ, думала:

— Какая тоска!.. Скоро-ли сестра придетъ?..

Татьяна, наконецъ, являлась,—по обыкновенію пьяная. Она машинально и какъ-то съ сердцемъ сбрасывала съ себя полинялую жакетченку, садилась на постель и спрашивала у Липки:

— Липка! Ты спишь?

— Нѣтъ,—тихонько откликнулась Липка и медленно спускала съ головы одѣяло. Она знала, что Татьяна пьяная и сейчасъ будетъ „дурить“, т. е. ласкать ее и говорить вздоръ, а ей надоѣло и то, и другое.

— Умница, Липка! Всегда не спишь, пока я не приду,—говорила Татьяна коснѣющимъ языкомъ.—Словно ты знаешь, что мнѣ нужно тебя видѣть... Послѣ этого... Что-жь дѣлать, дурашка! Надо и тебѣ, и мнѣ терпѣть... Я одна... Кто меня будетъ встрѣчать?.. Эхъ, Липка! Если-бы ты знала... Какъ мнѣ... тяжело!.. Какъ мнѣ горько, Липка!..

Татьяна начинала всхлипывать. Липка молча и не шевелась лежала въ постели. Глаза ея моргали, какъ-бы готовясь заплакать, глядя на сестру, но слезы изъ нихъ, однако, не выступали.

— Липка,—говорила Татьяна вздрагивающимъ голосомъ.— Ты у меня смотри... Не балуйся... Не бери примѣръ съ меня... Охъ, я тебя убью, кажись, ежели ты... вадумаешь оскверниться. Такъ и помни это: убью!

Липка испуганно смотрѣла ей въ глаза и не понимала

хорошенько, о чемъ она говоритъ, не смотря на свои 14 лѣтъ.

— Моя жизнь, Липка... подлая, пакостная жизнь!.. продолжала всхлипывать Татьяна.—Грязь и мерзость во мнѣ... и около меня... Но ты... не смотри на это... не заражайся... Ты у меня чистая... и я горжусь тобой... и люблю видѣть тебя... Смотри-же!

Затѣмъ Татьяна раздѣвалась, ложилась вмѣстѣ съ Липкой и, обнявши ее, ласково шептала ей на ухо:

— Спи, спи, Липенокъ мой! А я вотъ тебя обйму и тоже усну... Некого мнѣ кромѣ тебя обнять—чистаго и свѣжаго... Всѣ грязные, протухлые, какъ и...

Она хотѣла сказать „какъ и я“, но боялась, что Липка возмутится этимъ и ускользнетъ изъ ея объятій, и поэтому сказала:

— Какъ и всѣ!..

На другой сторонѣ улицы, какъ разъ почти противъ дома старухи Аладьевой, была мелочная лавка мѣщанина Оголтѣлова. Это былъ низенькій и толстый человѣкъ, лѣтъ сорока, съ рыжей щетинистой бородой и жирнымъ лоснящимся лицомъ, усѣянномъ веснушками.

Его крѣпечная и невзрачная лавчонка, съ аляповатой и безграмотной вывѣской подъ крышей, набита была той дрянью, которая въ ходу у бѣдныхъ жителей захолустныхъ улицъ города: селедками, капустой, огурцами, чернымъ хлѣбомъ, извѣденнымъ тараканами, махоркой, спичками и т. п. Всего товару въ лавченкѣ было не болѣе, какъ на четвертной билетъ, но Оголтѣловъ богатѣлъ не отъ лавки, не она интересовала его, а другія, болѣе выгодныя дѣла,—лавчонка-же была только прикрытіемъ этихъ дѣлъ. Подъ стойкой у него постоянно лежала груда разнаго хлама,—одежда, обувь, самовары и разная домашняя утварь: это бѣдный людъ захолустной улицы тащилъ ему заклады подъ денежныя ссуды съ жидовскими процентами. Наконецъ, улица изобиловала публичными домами и проститутками-одиночками; посѣщавшіе ихъ люди, въ безуміи пьянаго разгула, тащили Оголтѣлову дешевые часы, кольца, лаковые сапоги и все, что только можно было тащить. Оголтѣловъ давалъ имъ мало, а бралъ много. Вся улица знала его, какъ ростовщика, ненавидѣла его въ глубинѣ души, но наружно почитала его, какъ своего благодѣтеля. Проститутки называли его „папашей“ и, встрѣчаясь

приглашали къ себѣ „даромъ“, зная, что онъ всегда пригодится имъ. Оголтѣловъ перебивалъ за эту цѣну у всѣхъ, но заглянувъ однажды къ Татьянѣ, онъ увидѣлъ Липку и съ той поры зачастилъ къ нимъ.

— Ты у меня, рыжая борода, смотри... Не тронь дѣвчонку... Не соблазняй ее,—предупреждала его Татьяна. Хочешь, бери меня... Надругайся надъ моимъ тѣломъ, какъ тебѣ угодно, а ее не тронь. Боже упаси! Всю твою рыжую паклю выдеру... Всѣ бѣльма выцарапаю! Попробуй только!..

Оголтѣловъ самодовольно улыбался, думая, что Татьяна ревнуетъ его къ Липкѣ, дорожа имъ, какъ денежнымъ лицомъ, хотя онъ давалъ ей, ради Липки, лишь жалкіе гроши. Татьяну онъ, однако, рѣдко трогалъ и то приневоливалъ себя къ этому, а на смазливую Липку смотрѣлъ масляными глазами, какъ котъ смотритъ на душистый кусокъ мяса, носилъ ей изъ лавки грошовеяе пряники и порой, когда не видѣла Татьяна, заигрывалъ съ ней. Но Татьяна отнимала у нея пряники и бросала ихъ въ окно къ лавкѣ Оголтѣлова, а когда онъ уходилъ, она принималась читать Липкѣ нотации:

— Ты, Липка, плюнь ему въ рожу, когда онъ полѣзетъ къ тебѣ съ этой дрянью,—говорила она ей.—Ты еще ребенокъ и тебѣ рано якшаться съ этими мерзавцами. Смотри—оплошаешь, не поправишь бѣды... Какъ по маслу все пойдетъ... А потомъ и запоешь Лазаря... Я тебя замужъ за честнаго чело-вѣка пристрою... Всю душу положу за тебя, а ты... слушайся меня... Помни, что я говорю... Будешь?

— Я слушаюсь тебя, Таня,—успокаивала ее Липка.

— То-то... Я добра тебѣ хочу, а тамъ твое дѣло, ежели ты сама не хочешь его.

Однажды къ Татьянѣ, уже позднимъ вечеромъ, явился пьяный гость. Татьяна и сама напилась черезъ мѣру и не могла войти изъ комнаты.

— Липка!—крикнула она сестрѣ, сидѣвшей со старухой въ кухнѣ.—На тебѣ на конфеты... Погуляй на улицѣ часикъ, потомъ... Васса крикнетъ тебя...

Липка ушла. Выйдя на глухую и темную улицу, по которой бродили какіе-то подозрительные субъекты и нахально осматривали Липку, она робко прижалась къ калиткѣ, не зная, что дѣлать, куда идти. Первый разъ еще случилось такъ, что Татьяна осталась съ гостемъ дома,—она постоянно куда-то уходила съ ними, запирая ее въ комнатѣ на замокъ. На улицѣ было холодно,—Липка скоро озябла.

Изъ лавки Оголтѣлова привѣтливо мелькалъ огонекъ. Мо-

талась черезъ стекло его рыжая борода, слышалось хлопанье счетовъ.

— Пойти, развѣ?... Купить конфетъ... да погрѣться... соблазнилась Липка и, не раздумывая долго, перешла дорогу и вошла въ лавочку.

— Имѣю честь кланяться, Олимпиада Захаровна!—привѣтливо встрѣтилъ ее Оголтѣловъ и его масляные глазки похотливо уставились на Липку. И тотчасъ-же бросилъ онъ счеты, и вышелъ изъ-за прилавка.

Липка прижалась къ дверямъ и смотрѣла на полки, гдѣ стояли двѣ-три банки съ конфетами и цвѣтными пряниками.

— Конфетъ мнѣ позвольте... на пять копѣекъ,—спросила она.

— На пять копѣекъ?—переспросилъ Оголтѣловъ.—Что вы, Липочка! Я вамъ даромъ подарю хоть цѣлую банку... Ахъ, ты!.. Цыпленокъ этакій... Черноглазенькій...

Онъ схватилъ ее толстыми и жесткими пальцами за подбородокъ и придвинулся къ ней почти вплотную, отвратительно нагло заглядывая ей въ глаза.

— Аи!.. Что вы... не троньте...—замотала головой Липка.—Отвѣсьте конфетъ... я пойду.

— Нѣтъ... право, Липочка!..—говорилъ Оголтѣловъ. Я вамъ подарю конфетъ, а вы мнѣ сдѣлаете маленькую услугу.

— Какую?

— Вы знаете, Липунчикъ, я человѣкъ вдовый, одинокій. У меня отъ бекеша оторвались всѣ пуговицы и некому ихъ пришить. Пришейте мнѣ хоть пару пуговицъ и вы получите даромъ четвертку конфетъ...

Липка стояла и раздумывала: пойти или нѣтъ?

— Не стѣсняйтесь, Липочка, пойдете,—настойчиво звалъ ее Оголтѣловъ, и, схвативъ ее за руки, онъ повлекъ ее въ заднюю часть лавки, въ свою конуру. Липка чувствовала, какъ дрожать руки у этого похотливаго мужиченка, крѣпко вцѣпившіяся въ нее, какъ весь дрожить онъ самъ и плотоядно горять его крошечные, сѣрые глаза.

Въ конурѣ пыхтѣлъ грязный самоваръ. Оголтѣловъ силой усадилъ Липку за столъ, потомъ опять нырнулъ въ лавку, неслышно заперъ ее изнутри, а лампу принесъ съ собой.

— Ну, Липочка, выкушайте сначала чашечку чайку. —предложилъ онъ желанной гостьѣ, юля передъ нею мелкимъ бѣсомъ. —Впрочемъ, что-жь я! Съ ромкомъ надо васъ угостить... Вы у меня дорогая гостья... Ахъ, Липочка! Я одинокій и сиротливый человѣкъ, не грѣхъ вамъ и посидѣть у меня... Извольте, я сейчасъ!..

Онъ наклонился подъ столъ и вытащилъ оттуда бутылку съ какой-то красноватой жидкостью. Давнымъ-давно добывался онъ этого „снадобья“, когда задумалъ овладѣть Липкой, и наконецъ пьяница-фельдшеръ съ сосѣдняго бѣлильнаго завода за цѣлковый снабдилъ его имъ. Онъ разбавилъ это снадобье сладкой наливкой и оно теперь и вкусомъ, и ароматомъ походило на вино. Онъ налилъ рюмку и, протянувъ ее Липкѣ, сказалъ:

— Ну-ка, Липочка, отгадайте, что это за штука! Я самъ никакъ не разберу... Не бойтесь, она сладенькая...

Липка сначала пригубила, потомъ вытянула полрюмки.

— Это вино... сладкое,—сказала она.—Татьяна иной разъ пьетъ такое...

— Такъ допивайте рюмочку. Я вамъ налью еще и въ чай для скуса прибавлю.

Липка, морщась, допила рюмку.

— Какая я пьяница,—пожурила она себя.—Татьяна узнаетъ—попадетъ мнѣ. Ой, голова закружилась! Не надо больше, не буду... Давайте скорѣе бекешъ, пришью вамъ пуговицы и домой пойду.

Но Оголтѣловъ не трогался съ мѣста и слѣдилъ за Липкой. А Липка посидѣла еще минутъ пять и стала клевать носомъ. Потомъ она хотѣла подняться съ стула, но опять, вся разслабленная, опустилась на него.

— Ой! Спать хочу! Проводите меня на улицу... Я... не могу сама...

— Что вы, Липочка! Что съ вами? Прилягте на постель, отдохните. Потомъ я васъ провожу домой!..

И Оголтѣловъ, подскочивъ къ ней, схватилъ ее, какъ ребенка, на руки и положилъ на постель.

— Не надо... не надо... пустите меня!.. Ой... Господи!..—лепетала Липка косящимъ языкомъ, но не могла ни пошевелиться, ни открыть глазъ...

Оголтѣловъ наклонился къ ея лицу и сталъ цѣловать ее въ губы. И въ эту ночь Липка пала...

А въ два часа ночи Оголтѣловъ, истерзавъ маленькое тѣло подростка, заднимъ ходомъ вытащилъ его на улицу, отыскалъ извозчика, далъ ему рубль и велѣлъ отвезти Липку въ одинъ изъ публичныхъ домовъ улицы. Извозчикъ, держа ее почти на рукахъ, отвезъ ее туда и на рукахъ-же втащилъ въ домъ. Толстая, заспанная хозяйка спросила,—кто это.

— Новобрачная-съ... такъ велѣли передать,—ехидно осклабился извозчикъ — Примите-съ... мамаша выгнала ее изъ

дому... Хорошая дѣвчонка... Опосля благодарить будете...
Спать она, потому пьяная...

Липка была оставлена.

Татьяна съ гостемъ, перепившись до потери созанія, очнулись только подъ утро. Вырвавшись изъ грубыхъ объятий своего любовника, она вскочила съ постели и выбѣжала въ кухню.

— Гдѣ Липка? Спать что-ли гдѣ?—злбно набросилась она на старуху, уже поднявшуюся съ постели.

— Липка? Почему я знаю! Я не мать твоей Липкѣ... Прахъ ее возьми! — угрюмо проворчала та, скребя обѣими руками въ полусѣдой и взлохмаченной головѣ.

— А-а!.. Ты не мать!.. Ты не знаешь, гдѣ она!.. Тебѣ лѣнь присмотрѣть за ребенкомъ, когда у меня... Проклятая ты кievская вѣдьма! Продала ты, что-ли, ее какому-нибудь мерзавцу Оголтѣлову?.. Саванъ, что-ли, себѣ заработала? Говори! задущу, подлюю! Бѣльма всѣ выцарапаю!

— Уймись... уймись, бѣшенная сука! Не то, сейчасъ за квартальнымъ сбѣгаю... Ояъ те покажетъ, какъ надругаться надъ старухой...

— Ухъ, ты... анафема!—сверкнувъ глазами, сквозь зубы прошипѣла Татьяна и, не сказавъ больше ни слова, бросилась въ свою комнату.

— Уходи ты... къ чорту! Слышь—уйди, говорю!—потацила она съ постели гостя.—Мнѣ некогда... уйду я сейчасъ...

Гость сталъ умолять оставить его, но Татьяна была непреклонна. Полчаса спустя, она вышла на улицу, разспросила всѣхъ сосѣдей, избѣгала почти всю улицу, но Липки не нашла.

Черезъ два дня она явилась—блѣдная, испуганная и растерянная. Она тихонько отворила дверь въ комнату сестры, которая въ это время сидѣла за столомъ передъ сороковкой водки.

— А! Явилась, наконецъ,—сказала ей Татьяна, силясь, по-видимому, удержать въ себѣ бушевавшую злобу на Липку и на весь міръ.—Ну что? Готова, что-ли? Испеклась? Говори, не мучь меня...

Липка подошла къ ней и поклонилась ей въ ноги.

— Таня! Прости меня!.. Я не сама... Меня силой... принудили.

— Такъ правда, значить? Угадала я? Да неужели это Липка, правда? Не вѣрится мнѣ...

— Ей-Богу, Таня, я не сама!—дрожала вся Липка.—Дурману мнѣ дали... я уснула...

— Кто? Кто тебѣ далъ?

— Оголтѣловъ... Зазвалъ меня къ себѣ и въ чай чего-то подлилъ... Я какъ выпила, такъ и повалилась на столъ...

— Оголтѣловъ?... Онъ... Поллая... паршивая собака! Добился, таки своего!.. Взялъ у меня послѣднее сокровище... опоганилъ чистое тѣло... Ухъ проклятый, проклятый! Не прощу я тебѣ этого.

Татьяна изо всей силы ударила кулакомъ по столу, потомъ залпомъ выпила двѣ рюмки водки. Липка тупымъ взглядомъ смотрѣла въ окно и дрожала.

— Ну, Липка, теперь я буду держать тебя на привязи! Ни на шагъ не отпущу отъ себя! Днемъ и ночью буду запирать въ комнатѣ... Уже ежели нарвалась ты теперь, то будетъ тебя тянуть къ этому, какъ блудливую кошку тянеть къ молоку. А Оголтѣлова я доканаю за тебя... Охъ, я ему!.. Садись, пей чай... А я уйду. Къ человѣку одному схожу... Скоро я...

Торопливо одѣвшись, Татьяна ушла, а черезъ часъ возвратилась обратно, приведя съ собой человѣка,—высокаго, здоровеннаго парня, съ угрюмымъ, скуластымъ лицомъ. До поздняго вечера они распивали водку и пиво и о чемъ-то таинственномъ шептались. Около десяти часовъ Татьяна съ парнемъ ушли, заперевъ Липку на замокъ.

Въ полночь она возвратилась, страшно возбужденная и совсѣмъ почти трезвая. Быстро и молча раздѣвшись, она легла въ постель, обняла Липку какимъ-то нервнымъ, судорожнымъ объятіемъ и, задыхаясь отъ волненія, стала шептать ей:

— Отомстила... Успокоила свою душу... Ухъ, посмотрѣла бы... какъ я его... душила!.. давила!.. Глаза выпарапала... Страшные такіе стали... И бороду рыжую... поганую... всю почти вырвала... Пыхтѣлъ онъ... задыхался... умолялъ меня.. А я говорю: „Нѣтъ, нѣтъ, подлая тварь! Нельзя простить за это!..“ Смотри, Липочка! Милая моя... чистая дѣвочка... Да, да... ты еще чистая у меня... Ты не по своей охотѣ... Тебя вѣдь силой... Это ничего... Только смотри: сама-то не желай этого... мерзости этой... Послѣ будешь проклинать всю жизнь свою... Я-то ужъ падшая... Не исправиться мнѣ... А тебѣ только начинать не надо... Смотри-же Липочка! Не начинай... ради Бога... не начинай!.. Я не знаю... что тогда сдѣлаю съ тобой... А Оголтѣлова... я доканала... теперь, навѣрно, ужъ кончился... Туда ему и дорога, мерзавцу! Молчи-же объ этомъ... Ни гу-гу!..

По утру, дѣйствительно, Оголтѣлова нашли въ его конурѣ задушеннымъ, а лавчонку—разграбленной.

Съ этого времени Татьяна, съ какимъ-то болѣзненнымъ упорствомъ, стала досаждать Липкѣ своей суровой и надоѣдливой заботливостью, порою доходившей до жестокаго тиранства. Она держала ее, какъ невольницу, на замкѣ, а когда была дома, то ни на шагъ не отпускала отъ себя. Липкѣ это показалось, наконецъ, неудобнымъ и несправедливымъ. Она стала выражать свое неудовольствіе передъ старухой Аладьевой, а та твердила только одно:

— Убѣги отъ нея, отъ бѣшеной дуры! Тебѣ дорога не заказана... Не мать она тебѣ... Заведи себѣ молодца какого ни то и живи на слободѣ... Все равно, не миновать тебѣ этого... Я ужъ знаю.

— Боюсь, она убьетъ меня,—говорила Липка.

— Ну... не убьетъ!.. Ишь, чево выдумала! Рази можетъ она убить тебя? Права на то не имѣеть...

Какъ-то Татьяна, напившись до зѣла, упала на улицѣ и расшиблась. Ее увезли въ участокъ, а изъ участка отправили въ больницу. Липка, получивъ отъ нея записку и ключъ черезъ больничнаго служителя, пошла къ ней и просидѣла у нея съ часъ. Татьяна сказала ей, что въ больницу она пролежитъ два дня. Она рвалась домой, но ее не отпускали.

Возвращаясь обратно, Липка проходила мимо того публичнаго дома, куда ее бросилъ Оголтѣловъ въ ночь ея паденія. Ее увидала хозяйка и зазвала къ себѣ.

— Ты что-же, Олимпіяда... не приходишь къ намъ?—привѣтливо заговорила она съ ней.

— Боюсь... Татьяна ругаетъ,—сказала Липка.

— Вотъ важность! Какое дѣло до тебя Танькѣ? Не мать она тебѣ... и сама дѣвка разгульнаго поведенія. Только съ пути собьетъ дѣвчонку, и ни рыбы, ни мяса изъ тебя не выйдетъ, и время хорошее уйдетъ. Строжить она тебя?

— Ой, какъ! Надоѣло мнѣ даже...

— Такъ вотъ что: оставайся пока у меня. Потомъ я тебя пристрою къ хорошему и богатому человѣку... Меня просилъ тутъ одинъ... Будешь жить на волѣ, въ своей комнатѣ... ѣсть и пить сладко, хорошо одѣваться. Лучшаго тебѣ въ своей жизни не найти... Онъ человѣкъ честный, а у тебя мордочка смазливая... Можетъ, полюбишься—замужъ возьметъ... Онъ

холостой, хотя и не молодъ ужъ. Оставайся... наплюй на Таньку!

И Липка, подумавъ немного, осталась.

Татьяна возвратилась изъ больницы. Увидѣвъ замокъ на двери своей комнаты, она грубо спросила старуху:

— Гдѣ Липка? Отчего она не приходила въ больницу?

— Лѣшій ее знаетъ, гдѣ она! Чево ты пристаешь ко мнѣ со своей Липкой? Чай, я не сторожъ ей... Два дня ужъ ея нѣтъ... Убѣгла, поди, опять... Вонъ ключъ-отъ, на двери...

Татьяна свирѣпо посмотрѣла на нее и, войдя въ свою комнату, все стала рвать и метать. Потомъ опять бросилась искать Липку, искала ее, позабывъ всѣ свои личныя дѣла и заботы, нѣсколько дней и не нашла. Двѣ недѣли о Липкѣ не было ни слуху, ни духу,—она какъ въ воду канула. Татьяна, наконецъ, поняла, что Липка для нея болѣе не существуетъ, что она для нея погибла. Липку, грязную, развратную Липку, павшую окончательно и безвозвратно—ей не надо. Страшная тоска, одиночество и тупая, спертая въ сердцѣ злоба на нее и на весь свѣтъ обуяли ее, и она ходила мрачная, убитая и порою свирѣпая, какъ разъяренный звѣрь.

А черезъ двѣ недѣли Липка оказалась.

Какъ-то утромъ Татьяна сидѣла въ своей комнатѣ и опохмѣлялась. Она теперь безобразно много стала пить и когда была пьяная, то ей было какъ-то легче, или по крайней мѣрѣ, помутившійся рассудокъ отказывался сосредоточиваться на мысли о тяжелой утратѣ.

Кто-то вошелъ въ кухню и тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ спросилъ старуху Аладьеву:

— Дома Татьяна Свирѣлина?

— Ступай вонъ... въ эту комнату,—былъ суровый отвѣтъ со стороны „киевской вѣдьмы“.

Въ комнату Татьяны робко вошла дѣвочка лѣтъ десяти, съ письмомъ въ рукахъ. Татьяна встрепенулась.

— Отъ Липки, что-ли?

— Да.

— Гдѣ она?

— У насъ... Въ комнатѣ живетъ... Вотъ письмо отъ нея...

Татьяна порывисто вскочила съ мѣста, нетвердыми шагами приблизилась къ дѣвочкѣ и вырвала у нея письмо.

— Кто къ ней... ходитъ? Знаешь?

— Не знаю... Дяденька какой-то... богатый...

— А-а!.. простонала Татьяна.—Значить, такъ... вѣрно... Пропала душа... Зацѣпилась за смерть... У-у!.. Подлые!..

Нервными и порывистыми движеніями пальцевъ она разорвала конвертъ на мелкія части и съ трудомъ разобрала неуклюжія и безграмотныя Липкины каракули.

„Милая сестричка моя Таня. Целую тебя и прошу прощенья. Я боюсь приходить къ тебе, приходи ты ко мне. Я угощу тебя кофею съ конфетами, у меня ихъ много. Я живу на Ивановской улицѣ в доме соколова вверху в мезонине. Любящая тебя Липка“.

— Ладно, я приду... Скажи, что приду, сказала Татьяна, грузно опускаясь на стулъ.—Постой! Ты куда? Не уходи... подойди ко мнѣ!..

Дѣвочка робко приблизилась къ ней и трусливо смотрѣла ей въ глаза. Татьяна притянула ее къ себѣ, посадила на колѣни и крѣпко стиснула ее въ своихъ сильныхъ мускулистыхъ рукахъ. Потомъ наклонила къ ней свою голову, прижалась щекой къ ея маленькой и худенькой щечкѣ и какимъ-то глухимъ, сдавленнымъ и рыдающимъ шопотомъ, какъ въ бреду, заговорила:

— Чистая... Свѣжая моя дѣвочка... Ангелочекъ мой... И Липка моя... такая-же была... Липка... Липка... Липка моя..! А теперь она... грязная... поганая... скверная... такая-же, какъ и я... Да, да... Это я заразила ее своимъ ядомъ... своей грязью... зловоніемъ... Тьфу, гадость! Уходи отъ меня скорѣе! Я и тебя опоганю... заражу этимъ ядомъ... Липка... Липка... Липочка... Ну, прочь!.. прочь иди отъ меня... Я сейчасъ иду къ ней... къ Липкѣ. Скажи ей, что я... Чортъ! Плевать на все! Я сама... сама все скажу... Иди!..

И она съ силой оттолкнула отъ себя дѣвочку, и та, напугавшись ея, бѣгомъ выбѣжала изъ дому.

Татьяна быстро одѣлась и пошла къ Липкѣ. Вотъ Ивановская улица, вотъ домъ Соколова... Она подняла голову вверхъ—тамъ мезонинъ въ три окна. Татьяна поднялась въ него. Какая-то дѣвица, грязная и растрепанная, встрѣтила ее на лестницѣ.

— Олимпиада Свирѣлина здѣсь?—спросила ее Татьяна.

— Здѣсь. Идите сюа.

Потомъ выбѣжала сама Липка и пропустила ее первой въ свою комнату. Комната была большая, чистая, уютно обставленная, и Липка была одѣта какъ куколка. Татьяна остановилась среди комнаты и смотрѣла на сестру-подростка какимъ-то тупымъ, бессмысленнымъ взглядомъ.

— Видишь,—сказала она, наконецъ, тихимъ и подавленнымъ

голосомъ.— Въ тебѣ ужъ все стало не то... Липка, да не та... И глаза такіе нехорошіе, не чистые... и лицо истаскалось въ двѣ недѣли... Ты ужъ не Липка... Нѣтъ... совсѣмъ не то... Не та душа глядитъ изъ глазъ... Ты теперь стала... маленькая сученка... Грязная и скверная...

Липка оробѣла, замѣтивъ въ глазахъ Татьяны какой-то зловѣщій огонекъ. Но Татьяна пока сдерживала себя.

— Кто это съ тобой... Въ другой комнатѣ? спросила она.

— Подруга моя... Маня... А что?

— Пошли ее за виномъ. Спрыснемъ твое новоселье.

— Вино у меня есть. Я сейчасъ принесу.

— Ну... за апельсинами. Я апельсиновъ хочу... съ похмѣльемъ... Угости сестру...

— Я рада, Таня!.. Сейчасъ... сію минуту... Только далеко... въ городъ...

— Ничего, пошли.

Липка взяла деньги и вышла изъ комнаты. Черезъ пять минутъ хлопнула дверь на лѣстницу, и Липка возвратилась къ Татьянѣ съ бутылкой вина въ рукахъ.

— Ушла, что-ли?—спросила Татьяна.

— Ушла. Вотъ вино,— выпьемъ для встрѣчи.

— Ты и вино ужъ пьешь?

— А какъ же!.. Все равно ужъ теперь... Онъ потчуетъ меня... говорить, что отъ вина я здоровѣе буду. А лицо и все тѣло велитъ молокомъ натирать...

— Охъ, черти!—сквозь зубы выругалась Татьяна. Испакостятъ чужое тѣло, а потомъ чистить его велятъ. Нѣтъ, Липка, эту грязь ничѣмъ не отмоешь, потому тутъ не столько тѣло грязнится, сколько душа... А кто онъ-то? Молодой или старый?

— Сорокъ пять лѣтъ ему... Но здоровый еще...

— Фу, пакость! Съ какимъ связалась... Наливай-ка вина-то... вотъ прямо въ чашку... Это вѣдь не водка...

Почти подрядъ Татьяна выпила двѣ чашки вина и охмѣлѣла.

— Ты, значить, совсѣмъ, Липка... въ настоящую?—заговорила она заплетающимся языкомъ, смотря на Липку угрюмымъ и сердитымъ взглядомъ.—И помнишь, что я говорила тебѣ, когда тебя силой взялъ Оголтѣловъ... Будь онъ проклятъ, анафема, на томъ свѣтѣ!.. Ты тогда еще осталась чистой... потому не по своей охотѣ загрязнилась... А теперь ничего въ тебѣ не осталось для меня отъ прежней Липки... Все ты потеряла для меня... и душу и тѣло... И противно мнѣ

теперь смотрѣть на тебя... И злоба горитъ во мнѣ... Чортъ съ тобой!.. И во мнѣ ничего послѣ тебя не осталось... Все ты вытщила у меня изъ души. Пустота одна... и тоска... и жизнь осточертѣла мнѣ!.. Иди сюда!.. Обойму тебя въ послѣдній разъ... и кончено... навсегда... Иди, что-ли, не бойсь!

Липка нерѣшительно придвинулась къ ней. Татьяна схватила ее за руку и грубо привлекла ее къ себѣ.

— Ну.. садись на колѣни... дурашка этакая... вотъ такъ... вотъ... Чезо ломаешься!.. Не гнись...

Она до боли сдавила въ своихъ судорожныхъ объятіяхъ слабенькое и тщедушное тѣло Липки, загнула ее голову и положила одну руку на ее тонкую, прозрачно-синюю шею. Потомъ другую руку протянула къ горлу и крѣпко стиснула его.

— Ой!.. Таня!.. Что ты... пусти... Больно мнѣ... Дышать нельзя...—взмолилась Липка и, широко раскрывъ глаза, полные ужаса, она смотрѣла на Татьяну.

— Ничего... не бойсь... Такъ лучше будетъ... Чище и тѣло и душа останутся... говорила Татьяна, все сильнѣе, и сильнѣе сдавливая ее горло.—Лучше, [лучше... и мнѣ, и тебѣ лучше... Хоть буду знать, что тебя нѣтъ на свѣтѣ... Грязной и пакостной... Была Липка чистая... и ее не стало... Глупая была... Не по себѣ пала, а чужимъ ядомъ заразилась... Моимъ ядомъ...такъ я и... убью тебя! Легче тебѣ будетъ тамъ... на томъ свѣтѣ... Тамъ не любятъ грязь... Вѣдь говорила я тебѣ... учила... Ну, ну!.. не корчись... умирай смѣлѣе... Вѣдь надо-же тебѣ умирать... пойми ты это... надо!.. надо!..

— Та...а...ня...я, пу...у...сти...ой!..—успѣла еще разъ взмолиться ей Липка, извиваясь въ предсмертныхъ судорогахъ и царапая ее руки.

— Не пуцу... нѣтъ... нѣтъ... такъ лучше... Кончено... все для тебя кончено!..

Липка захрипѣла и глаза ее вытѣзли изъ орбитъ и сдѣлались ужасными.

— Все... что-ли?.. Готово?—задала Татьяна вопросъ самой себѣ и разжала пальцы, глубоко впившіеся въ шею Липки.

Липка была мертва. На посинѣвшемъ и обезображенномъ лицѣ ее застылъ ужасъ мучительной смерти, маленькіе бѣлые зубы до крови стиснули кончикъ языка...

— Все... готово,—проговорила Татьяна и какъ-то тупо мрачно усмѣхнулась.—Прочь теперь... отъ меня!.. Была и не стало... Какъ совсѣмъ не было.

Она оттолкнула отъ себя мертвое тѣло Липки и оно, какъ большая деревянная кукла, съ шумомъ грохнулось на полъ.

Татьяна схватила бутылку съ виномъ, вылила остатки въ стаканъ и залпомъ осушила его. Потомъ, шатаясь, направилась къ двери, но запнулась за тѣло Липки, упала на него и не могла уже подняться...

Михаиль Нестеровъ.

Б о р ъ.

Вѣтеръ, поднявшійся надъ боромъ,
 Сосны качаетъ.
 Вѣтру встревоженнымъ хоромъ
 Боръ отвѣчаетъ:

— „Здравствуй! Откуда дорога?
 Что разыгрался?
 Съ кѣмъ у лѣсного порога
 Спорить собрался?“

Вѣтеръ порывисто рвется,
 Боръ наклоняя...
 — „Быль я, гдѣ небо смѣется,
 Краски мѣняя;

Свѣжей прохладой вѣяль
 Въ маревѣ знойномъ;
 Парусъ усталый лелѣяль
 Въ морѣ спокойномъ;

Хляби глубокія роя
 Въ водномъ просторѣ,
 Вторилъ раскатамъ прибоя
 Въ бѣшенномъ хорѣ;

Буйнымъ летѣль ураганомъ
Въ жаркой пустынь;
Падалъ дождемъ и туманомъ
Въ горной тѣснинѣ; ♦

Грозныя, дымныя тучи
Гналь по ущелью;
Путника сбрасывалъ съ кручи
Снѣжной метелью;

Гнулъ, какъ былинки, порывомъ
Сосны и ели;
Плакалъ въ поляхъ переливомъ
Чуткой свирѣли.

Тѣсно мнѣ въ вольномъ эфирѣ, —
Тѣсно и душно:
Видно не все въ этомъ мірѣ
Вѣтру послушно!“ —

— „Гей!“—расходился, какъ море,
Борь вѣковѣчный:
— Горе съ тобою мнѣ, горе,
Вѣтеръ безпечный!

Что ты мнѣ вѣтви ломаешь,
Буйный и шумный!
Глуби моей ты не знаешь,
Вѣтеръ безумный!

Слышишь?—Встревожились птицы
Въ чащѣ глубокой.
Видишь?—Сверкаютъ зарницы
Въ тучѣ далекой.

Дождикъ пройдетъ полосою,—
Ведро настанетъ,
Въ небѣ горячей красою
Солнышко глянетъ.

Бури пройдутъ, какъ проходятъ;
Вновь пронесутся;
Тучи, что по небу бродятъ,
Снова прольются.

Мнѣ-то, суровому бору,
Бури знакомы
Въ холодъ и въ знойную пору
Лѣтней истомы.

Спорить съ тобою до вѣка
Боръ перестанетъ,
Если отъ рукъ человѣка
Бора не станетъ!..“—

Вѣтеръ стихаетъ, стихаетъ,—
Шепчетъ: „не буду!!..“
Сумрачный день потухаетъ...
Тихо повсюду...

К. Гребенской.

ПОДЪ ЗНАКОМЪ СОЛНЦА.

Р О М А Н Ъ.

XLII.

Отвѣтъ Фалицаты Кривской барону Фабіану.

(Съ приложеніемъ письма Люси).

Боже мой, дорогой, уважаемый баронъ, какъ я наказана за мою лѣнь! Я совсѣмъ забыла о вашей балтійской щепетильности и не отвѣчала вамъ просто „такъ“. Вы знакомы съ этимъ русскимъ „такъ“? Всѣ мы ужасно лѣнны на письма. Впрочемъ, я медлила съ отвѣтомъ и изъ мести. Вы знаете, я вамъ говорила, какъ не люблю, какъ прямо терпѣть не могу дожидаться. А вы меня заставили дожидаться. Это было. Ну, вотъ и я хотѣла васъ помучить чувствомъ ожиданія. А вы вообразили, Богъ знаетъ, что! Мнѣ и разрѣшеній мамы никакихъ не надо, чтобы писать къ вамъ. Откуда вы это придумали? Въ какомъ вѣкѣ вы живете?

За то и письмо мое будетъ длинное, длинное. Я къ вамъ приѣду непременно и вы меня отвезете на море, на валунъ и я тамъ, если вы пожелаете, буду пѣть вамъ, сколько хотите. Я же такъ люблю пѣть на водѣ. Теперь мы часто катаемся по нашему озеру и поемъ хоромъ, или меня высаживаютъ на островокъ и я тамъ пою, а другіе катаются. Мы живемъ весело. А вамъ, очевидно, прескучно въ старой башнѣ за рѣшеткой? Вѣдь въ окнахъ вашей башни рѣшетки, не правда ли? Мнѣ Петрушечка читалъ ваше письмо. Я тоже хочу видѣть

1) См. „Русск. Вѣстн.“ сентябрь 1906 г.

вашу ненаписанную картину. Если буду долго смотрѣть, то, навѣрное, ее увижу. Я и теперь, представьте, когда вечеромъ изъ окна моей комнаты смотрю на проходящія облака, всегда вспоминаю васъ и вижу, вмѣсто стада барановъ, какъ раньше, полеть въ Валгаллу богатырей, вѣдьмъ и карликовъ. А въ институтѣ я отличалась способностью видѣть тысячи ангельчиковъ и уродцевъ на бѣлыхъ стѣнахъ дортуара. Бывало, ночью не сплю, и при свѣтѣ ночника, смотрю на стѣну, и всѣ ея трещинки и бугорки оживляются и, мало по малу, вся она покрывается самыми прелестными и самыми уродливыми фигурками. Вѣроятно, во мнѣ погубленъ великій живописецъ. Не даромъ же я сестра моего знаменитаго брата. Вѣдь Петрушечка знаменитъ, не правда ли? Онъ мнѣ давалъ альбомъ вырѣзокъ на всѣхъ языкахъ изъ газетъ и журналовъ. Тамъ его не только зовутъ „знаменитымъ“, но даже „маститымъ“. Петрушечка... и „маститый“! Вамъ скорѣе это подходитъ.

Мой „маститый“ пріятель, я, такъ-же, какъ и Люси, письмо которой прилагаю, васъ отлично помню. Да у меня и нѣтъ никакого „чердака воспоминаній“. Я человекъ или помню и душой, и умомъ, и всемъ сердцемъ, или забуду въ одну минуту. Но васъ всѣ въ Княжихъ Межахъ помнятъ, уважаютъ и любятъ. Дядюшка Кривскій особенно восхищается тѣмъ, что вы, какъ онъ выражается, человекъ „правильный“. Полковникъ Беркутъ, который въ данную минуту играетъ въ шахматы съ папой, тоже о васъ самаго отличнаго мнѣнія. Вы хотите знать, что я дѣлаю, что чувствую, о чемъ думаю. Чувствую себя покойно. Ни о чемъ не думаю. И ровно ничего не дѣлаю. Собираюсь, по обыкновенію что-то дѣлать зимою, въ Петербургъ, куда мы ѣдемъ. Но, конечно, и тамъ будетъ тоже. Это ужасно! „Осуетилась головушка“,—какъ выражается моя старая няня. Впрочемъ, мы играемъ съ Лизой „въ четыре руки“ серьезныхъ композиторовъ. Дядюшка Прокопъ Иванычъ не выносить этой „въ четыре руки“ и увѣряетъ, что сколько разъ ни приходилось ему слышать дамъ и дѣвицъ, играющихъ „въ четыре руки“, всегда всѣ сбивались. Мы съ Лизой, дѣйствительно, тоже сбиваемся. Ахъ, какъ не хочется мнѣ кончать письмо! Сейчасъ придется подписаться моимъ ужаснымъ именемъ „изъ птичника“. Но такъ ужъ и быть!

Фелицата Кривская.

Р. С. Третьяго мы ѣдемъ въ Петербургъ.

Приложеніе:

Милый баронъ, вы бранили Филиньку за то, что она вамъ не писала. Она очень лѣнивая. А мнѣ вы не написали. Я не обидилась. Я пишу вамъ первая. Я знаю, вы отвѣтите. Вы писали Петрушечкѣ о ежахъ. Мой ежикъ все спитъ. Ваши ежи, что дѣлаютъ они? Они пьютъ молочко? Они купаются въ морѣ? Они танцуютъ подъ флейту? Дядюшка Прокопъ Иванычъ говоритъ: танцуютъ. А вы играете на флейтѣ въ башнѣ? Мы ѣдемъ въ Петербургъ. Онъ очень противный. Цвѣточки отцвѣтаютъ. Листья желтѣютъ. Мы пріѣдемъ къ вамъ. Высокая башня очень интересна. Море очень интересно. Я буду собирать камешки, играть ими. Но я не возьму ихъ съ собою на память. Нельзя брать камни на память. Это къ несчастью. Умереть близкій. Я помню Шурика. И никогда не забуду. Я очень васъ уважаю. И вы меня тоже уважаете.

Люси.

Отвѣтъ барона Фабіана—Фелицатѣ.

(Съ приложеніемъ письма Люси).

Въ окнахъ старой башни Шналленштейна нѣтъ рѣшетокъ, но въ дни, предшествовавшіе вашему письму, Фелицата, казалось мнѣ, что не только рѣшетки, но желѣзныя ставни закрыли эти стрѣльчатые окна отъ всего радостнаго на свѣтѣ! Жестокая въ безопасности своей! Вы заставили меня пережить часы медленныхъ пытокъ душевныхъ, и я не простилъ-бы ихъ вамъ никогда, если-бы не отдохнулъ душою, не возродился, читая милыя, задушевные, привѣтливые строки ваши теперь.

Какъ мрачно, пусто и холодно было въ эти дни ожиданій, когда я переходилъ одновременно отъ надежды къ отчаянію! Казалось, сама природа сочувствовала мнѣ. Дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Море позеленѣло и безконечными бѣлыми полосами шло по немъ пѣна. Съ ревомъ, бѣшено кидалось оно на камни и на берегъ, далеко заливая его. Въ трещинахъ старой башни на разные голоса вопилъ вѣтеръ, точно толпа духовъ терзалась тамъ.

А сегодня—письмо ваше въ моихъ рукахъ. И все улыбается. Небо безоблачно. Солнце сіяетъ. Щебечутъ птички. Море заштилѣло, ушло и разливается вольной гладью, сверкая бриллиантовыми огоньками.

Фелицата—счастливица! Вы озаряете міръ радостью. Цвѣтите въ немъ, прелестная и сіяющая, и не возбраняйте вѣсѣмъ согрѣваться лучами вашей красоты, издали благословляя и обожая васъ. Красота дана отъ Бога, чтобы путь земной, плачевный и тернистый, скрашивался улыбкой радости. Вспомните иногда чудака-барона, вашего эстляндскаго однофамильца, и да благословитъ васъ Богъ!

Фабіанъ.

P. S. Вы пишете, что ѣдете въ Петербургъ „третьяго“, но не означаете мѣсяца. Вѣроятно—третьяго сентября? Или октября?

Бар. Ф. ф.-Ш.

Приложеніе.

1 сентября 190*. Замокъ Шналленштейнъ.

Моя дорогая, маленькая пріятельница Люси! Спасибо за милое письмо ваше. Оно доставило мнѣ большую радость. Пріѣзжайте къ намъ, Люси, и я покажу вамъ все—и море, и высокую башню, и птичьи гнѣзда подъ ея черепичной кровлей, и бѣлыхъ чаекъ на камняхъ, и ежей, и бѣлочекъ. Бѣлочекъ у насъ множество. Онѣ лущатъ свѣжія еловыя шишки. Подъ елями всюду набросаны розовыя чешуйки. Это бѣлочки лущатъ шишки, доставая вкусныя, смолистыя зернышки. Сколько у насъ брусники! Она цѣлыми кистями багровѣетъ въ сѣрыхъ мхахъ. Около моей башни, въ хижинѣ живетъ старыи рыбакъ, Гендрихъ Утто. Онъ вдовъ и у него двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка—Эйно и Эльза. Они то-же знаютъ, что пріѣдетъ маленькая русская барышня, Люси, и ждутъ ее, и приготовили ей подарокъ. Это—бутылка. А въ ней оснащенный парусами корабль. Какъ вѣрно и точно все сдѣлано! Удивительно!

Я не играю на флейтѣ. Но въ моей башнѣ стоитъ пѣвучіи органъ. И вотъ на немъ я играю. Только я не замѣчалъ, чтобы ежи плясали подъ эту музыку. Тѣмъ болѣе, что она очень не удобна для танцевъ. Но въ углу комнаты живетъ маленькая мышка. Она всегда выходитъ изъ своей норки, когда я играю ночью, при лунномъ свѣтѣ: садится и слушаетъ. Она одна только меня слушаетъ. Да еще старыя сосны заглядываютъ въ окна и киваютъ мнѣ головами. До свиданія, моя дорогая Люси. Съ большимъ нетерпѣніемъ ждетъ васъ уважающій и преданныи другъ

Баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ.

XLIII.

Сентябрьскіе дни.

Баронъ Фабіанъ не получилъ отвѣта на послѣднее письмо Фелицатъ. И Петрушечка не извѣщала его о днѣ пріѣзда въ Петербургъ. Онъ только получилъ открытое письмо, разрисованное живописцемъ. Тамъ, въ искусныхъ миниатюрахъ, была изображена Люси, поющая ежа въ аллеѣ молокомъ; дядюшка Кривскій, съ недопитой рюмочкой миллифольной въ рукѣ, и самъ баронъ сидящимъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ, у окна съ рѣшеткой, въ старой башнѣ, и играющимъ на флейтѣ. Кругомъ танцовали мыши, ежи и бѣлки. На письмѣ каракулями было только выведено: „Отъ Люси и Петрушечки“.

Въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца баронъ прочелъ въ русской газетѣ, въ хроникѣ, въ спискахъ пріѣхавшихъ въ Петербургъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ имя „безполезнаго директора никому не нужнаго департамента“ князя Дольскаго. Онъ вспомнилъ, что князь усиленно приглашалъ его къ себѣ, и именно въ первой половинѣ сентября, говоря, что по средамъ у него обычно собираются отъ 9 до 11 часовъ вечера, люди „доброй воли и добраго совѣта“, а въ эту осень особливо интересны въ эти дни и часы будутъ собранія кружка друзей „возрожденія“ Россіи.

— Васъ, баронъ, съ вашими патріотическими убѣжденіями особенно прошу быть,—говорилъ князь,—и особенно на первыхъ собраніяхъ. Такіе люди, какъ вы, намъ нужны, очень нужны! Мы не такъ называемые „квасные патріоты“. Мы—западники. Но представитель терпимаго, гуманнаго и просвѣщеннаго націонализма въ нашей средѣ—желанный гость. Поспоримъ, быть можетъ. Но... *du choque des opinions jaillit la lumière.*

Вспомнивъ о приглашеніи князя, баронъ Фабіанъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ надѣялся собрать свѣдѣнія у него о Кривскихъ.

Да и Петрушечку надѣялся застать на его холостой квартирѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись въ гостинницѣ, баронъ Фабіанъ сейчасъ-же и отправился на эту холостую квартиру Петрушечки, на Васильевскомъ островѣ, по близости Академіи Художествъ. Но тамъ ему сказали, что Кривскій не бывалъ съ весны.

Посѣтивъ нѣкоторыхъ знакомыхъ художниковъ, баронъ Фабіанъ отъ нихъ узналъ, что, появившись въ Петербургѣ, Петрушечка сейчасъ же уѣхалъ куда-то за границу, поручивъ устройство осенней выставки привезенныхъ „штучекъ“, одному яркому человѣку. Это извѣстіе чрезвычайно огорчило барона Фабіана. Не тѣмъ даже, что пріятель не заѣхалъ къ нему, передъ отъѣздомъ, не простился и на письмѣ,—онъ зналъ безопасное непостоянство Петрушечки, а тѣмъ, что этотъ внезапный отъѣздъ за границу быть можетъ Петрушечка предпринялъ не одинъ, а со всей семьей. И барону не придется видѣть у себя Фелицату и маленькую Люси. Положимъ, обѣщаніе пріѣхать Фелицата дала даже въ письмѣ. Но... русское „такъ“! Она могла и сказать, и написать это обѣщаніе „такъ“! Она могла уѣхать за границу тоже „такъ“, совсѣмъ забывъ эти свои обѣщанія.

Слабая надежда оставалась еще на князя Дольского. Зайдя въ два часа, онъ не засталъ князя и оставилъ карточку.

На другой же день онъ удостоился визита „безполезнаго директора никому не нужнаго департамента“.

Князь много, долго и краснорѣчиво распространялся о союзѣ людей „доброй воли и доброй мысли“, и просилъ убѣдительно барона быть у него въ ближайшую среду. Баронъ обѣщалъ. Но на вопросъ его о Кривскихъ, князь ничего не могъ ему сказать. Онъ слышалъ только, что они собирались въ началѣ сентября уже пріѣхать въ Петербургъ. Впрочемъ князь обязательно обѣщалъ навести справки въ домъ замужней старшей дочери Натальи Платоновны, гдѣ она всегда останавливалась во время пріѣздовъ въ столицу.

Баронъ самъ-бы могъ тамъ справиться, хотя-бы у швейцара. Но ему почему-то было непріятно спрашивать даже адресъ у князя.

— Такъ я на васъ рассчитываю, баронъ,—говорилъ тотъ, шлепая губами и сюсюкая, и нагрѣвая руку барона Фабіана въ своей.—Приходите. Вы увидите кружокъ симпатичныхъ... Э... э... э... искреннихъ и благожелательныхъ людей, въ наши смутные дни, оставшихся вѣрными лучшимъ прогрессивнымъ идеаламъ свѣтлаго прошлаго, не утративъ вѣры среди хаоса современнаго упадочничества и въ свѣтлое грядущее.

И князь заглядывалъ въ глаза барону Фабіану. До среды оставалось еще нѣсколько дней, и баронъ ихъ провелъ въ бездѣйствіи, бродя по Петербургу.

Странныя, противорѣчивыя чувства и мысли волновали его. Какъ всегда, этотъ холодный, величественный и одно-

образный городъ, со своими улицами-корридорами, настраивалъ мечтательно и сумрачно барона. Онъ любилъ думать, безцѣльно проходя улицу за улицей. Мысль его летѣла впередъ, увлекаемая неподвижной идеей.

То поднимались передъ нимъ его художественные замыслы, то жажда общественной дѣятельности, но черезъ всѣ эти идеалистическія стремленія, постоянно озаряя свѣтомъ его одинокую душу, выступалъ прекрасный образъ Фелицаты и жгучее юношеское желаніе увидѣть ее, услышать ея голосъ, пожать руку и проститься съ нею навсегда.

XLIV.

Умирающая гостиняя.

Длинный покой съ готическими полукруглыми окнами огромной, богатой квартиры князя Дольскаго былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ и наполненъ „мужами довѣрія, доброй воли и передовой мысли“, когда въ назначенную среду баронъ Фабианъ входилъ въ него.

У камина съ горкой красно-пламеннаго кокса, украшеннаго громадными черными часами въ видѣ какого-то саркофага, въ креслахъ дремали наиболѣе маститые изъ „мужей довѣрія“. Это все были глубокіе старики. Самому молодому изъ нихъ было 68 лѣтъ, и остальные всегда находили, что это „завидные года“.

То былъ кружокъ прогрессивныхъ „шестидесятниковъ“, доблестно „стоявшихъ на посту“, хранителей святыхъ завѣтовъ эпохи великихъ реформъ.

Тутъ былъ редакторъ прогрессивнаго журнала, уже справившаго тридцатипятилѣтіе своего существованія; извѣстный адвокатъ „перваго призыва“; еврейскій баронъ, достигшій эноховыхъ лѣтъ и почти впавшій въ дѣтство, но когда-то видный концессионеръ, покровитель талантовъ избраннаго племени; армянскій князь и публицистъ въ клѣтчатыхъ штанахъ и съ двумя горбами спереди и сзади; извѣстный критикъ искусствъ, восьмидесятилѣтній громадный старецъ, похожій на облеченный въ современный костюмъ косякъ допотопнаго гиганта, съ мясистой головой, съ чертами лица, точно обляпанными скульпторомъ Паоло Трубецкимъ, съ громаднымъ сизымъ, грушевиднымъ носомъ; ученый академикъ и славасть, похожій на моль, присѣвшую на обивку кресла; ученый экономистъ, похожій на влохмаченную сову; маленькій, розовый старичекъ—медикъ и редакторъ „Архива нервозо-патолого-клинико-нейрастенико-физиолого-психическихъ раз-

стройствъ“; извѣстный думскій дѣятель, съ англійской, чопорной складкой, съ самаго перваго дня введенія городского самоуправления въ Россіи неизмѣнно сидѣвшій на „крайней лѣвой“ и молчавшій. Въ томъ-же избранномъ кружкѣ сидѣло нѣсколько провинціальныхъ дѣятелей, специально вызванныхъ въ Петербургъ для совѣщанія,—тоже земскихъ древнихъ старцевъ. Наконецъ, опершись о каминъ, стоялъ картинный старецъ, маститый поэтъ—гражданинъ.

Всѣ они сидѣли на опредѣленныхъ мѣстахъ на креслахъ, обивка которыхъ не перемѣнялась съ самыхъ „шестидесятыхъ“ годовъ, такъ что они успѣли выдавить на ней горельефъ своихъ выдающихся частей тѣла, протереть ворсъ и промазать верхъ спинки и ручки. Такъ-же коверъ подъ креслами протерся и прохудился. Ихъ голоса, жесты и произносимыя слова были давно уже разъ навсегда введены въ своего рода ритуаль.

Три—четыре кресла были не заняты. Члены кружка, на нихъ засѣдавшіе еще такъ недавно,—умерли. Сами себя однако старцы любили сравнивать съ „безсмертными“ французской академіи. Однако, одинъ бойкій фельетонистъ, сперва было подававшій надежды и даже допущенный разъ въ святилище „мужей довѣрія“, написалъ гнусный пасквиль на старцевъ въ распространенной газетѣ, назвавъ салонъ безсмертныхъ—„умирающей гостиной“. Старцы отвѣтили на эту инсинуацію презрѣніемъ.

Кромѣ старцевъ, у камина сидѣли и три—четыре „шестидесятницы“, необыкновенно пестро и молодежavo одѣтыхъ: одна благотворительница и патронесса; докторъ математики и санскритологіи; жена богатѣйшаго золотопромышленника и наконецъ, дѣвственная племянница поэта-гражданина, занимавшая скульптурой и лѣпившая бюсты знаменитаго дяди уже не одинъ годъ.

Прочіе гости, менѣе почетные и болѣе молодые и даже совсѣмъ юные, стояли или прохаживались, въ полголоса разговаривая между собою. Попасть въ салонъ „мужей довѣрія“ было до чрезвычайности трудно и самъ по себѣ одинъ фактъ посѣщенія салона являлся крупнымъ шагомъ и литературной, и общественной, и бюрократической карьеры. Старцы „дѣлали погоду“ во многихъ канцеляріяхъ, комиссіяхъ, редакціяхъ, биржевыхъ учрежденіяхъ столицы.

Тутъ толпились съ благородной независимостью и пожилые чиновники и пожилые литераторы; тутъ много было еврейскихъ, армянскихъ, балтійскихъ и польскихъ отпрысковъ; тутъ

и хорошенькія дамочки вертѣлись, стараясь обратить тусклые взоры „безсмертныхъ“ на свои туалеты.

Всѣ онѣ были сильно декольтированы; мужчины были во фракахъ и смокингахъ. Самъ князь Дольской похаживалъ между гостями, знакомилъ ихъ другъ съ другомъ или, взявъ какого-нибудь счастливца за рукавъ, подводилъ къ возсѣдавшему „мужамъ довѣрія“, въ то время какъ завистливые взгляды сопровождали представляемаго.

— Такой-то авторъ стихотворенія „Ты взойдешь, моя заря“, или авторъ записки „О централизаціи децентрализаціи“, или устроитель образцовой умывальной для босяковъ, или просто—такой-то, безъ лести преданъ свѣтлымъ началамъ возрожденія.

Представляемый низко кланялся, благоговѣйно пожималъ руки старцевъ и старался сказать что-нибудь изъ старыхъ передовыхъ статей „шестидесятыхъ“ годовъ. Старцы окидывали его мертвыми, но пронзительными взглядами гражданскихъ очей своихъ и протягивали два пальца съ большей снисходительностью, чѣмъ святѣйшій отецъ папа, выставляющій туфли для лобызанія.

Кромѣ представленія „мужамъ довѣрія“ князь то и дѣло отводилъ по одному, попарно, и по трое для особливыхъ разговоровъ въ разные салоны своей квартиры, которые были погружены въ непроницаемый мракъ. Передъ нимъ при этомъ семенялъ старецъ-лакей, съ осанкой и внѣшностью директора департамента, и, повертывая кнопки, освѣщалъ и погружалъ въ мракъ поочередно проходимыя комнаты. Разсидивъ по разнымъ отдѣленіямъ тѣхъ изъ гостей, которымъ предстояло договориться о какихъ-либо начинаніяхъ между собою, князь успокаивался и, закуривъ сигару, становился по другую сторону камина, а поэтъ-гражданинъ обыкновенно прочитывалъ, стоя у другого его бока, новое стихотвореніе.

Потомъ начиналось чтеніе, декламированіе, музыка и пѣніе. по заранѣе подготовленной программѣ, всѣ нумера которой проникнуты были злобой дня и прогрессивной тенденціей.

Читали часто и особенно яркую статью „охранительнаго“ лагеря. При чемъ стоявшіе хоромъ ругались:

— Подлость! Доносъ! Шпіонъ! Кретинъ! Какая образцовая пошлость и мерзость! и т. д. и т. д. А старцы въ креслахъ злобно посмѣивались и шипѣли. Бѣшенство клекотало въ ихъ горлѣ и глаза загорались инквизиторскимъ неумолимымъ огонькомъ.

Они были до крайности мстительны и не разбирали

средствъ, если желали доканать кого-либо изъ „несогласно мыслящихъ“ или осмѣливавшихся противодѣйствовать ихъ планамъ.

Когда баронъ Фабіанъ появился въ „умирающей гостиной“, маститый поэтъ-гражданинъ и тайный совѣтникъ оканчивалъ чтеніе идейнаго стихотворенія. Читалъ онъ наизусть, вдохновенно откинувъ голову и прижимая къ груди сжатые въ кулакъ пальцы, украшенные драгоцѣнными перстнями.

Я—старецъ и поэтъ, поэтъ и либераль,
 Незыблемой стѣной стою за идеаль
 Свободы гражданъ всѣхъ, стою за равноправность,
 Семь разъ ужъ доблестно переживая давность,
 Въ ценаурныхъ андалахъ, терзаемъ и гонимъ
 Врагами знанія врагами обновленья,
 Твердъ на посту своемъ, и отвѣчаю имъ
 Сатиры язвами и холодомъ преарѣнья.

Громовые апплодисменты потрясли залу.

Одинъ изъ старцевъ, до послѣдней дряхлости маститый, но жирный, колеблющійся, какъ студень, въ почтенивѣйшихъ сѣдинахъ, поднялся и, простирая руки надъ собраніемъ, словно благословляя его, рыдающимъ голосомъ прошамкалъ:

— Свобода и равноправность! Равноправность и свобода!
 Свобода для всѣхъ! Равноправность для всѣхъ!

И упалъ опять въ кресло, изнеможенный крайнимъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

— Это Іоаннъ на островѣ Патмосѣ!—громко произнесъ въ толпѣ госей молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго съ наружностью Фердинанда Лассала.

— Равноправность для всѣхъ! Свобода для всѣхъ! — закричали босячко-русскія и еврейскія, армянскія, балтійскія, чухонскія, черемисскія, мордовскія, украинскія, польскія національныя фракціи „умирающей гостиной“.

Замѣтивъ появленіе барона Фабіана, князь поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и, привѣтливо поздоровавшись, сейчасъ-же повелъ къ кресламъ „безсмертныхъ“.

Баронъ шелъ спокойно и не подозрѣвая, какая высокая и рѣдкая честь ему оказывается. Величайшая рѣдкость была, чтобы такой молодой человѣкъ въ первый-же разъ, появившись въ „умирающей гостиной“, былъ подведенъ къ „очагу прогресса“.

Всѣ гости съ благоговѣніемъ слѣдили за необыкновеннымъ явленіемъ:

— Вотъ молодой баронъ, э... э... э... промямлилъ князь, подведя барона къ маститому поэту съ видомъ фокусника, собирающагося произвести сейчасъ удивительный кунштюкъ. Молодой баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ изъ Эстляндіи, Руссистъ... э... э... э... Націоналистъ и... э... э... нашъ врагъ.

Предупрежденные заранѣе старцы стали смѣяться, одни тонко, другіе неслышно, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ. Одинъ только восьмидесятилѣтній критикъ искусствъ загоготалъ, какъ изъ бочки: хо! хо! хо!

— Націоналистъ? Руссистъ? Нашъ врагъ?—повторила аудитория, недоумѣвая и въ то-же время на разные манеры улыбаясь. То, какъ приняли это заявленіе князя „безсмертные“, сбивало ихъ съ толку.

— Есть націонализмъ и „націонализмъ“, — прошамкалъ маститый поэтъ-гражданинъ, пожимая руку барону. Я слышалъ о васъ, баронъ. Взгляды ваши, конечно, отличаются отъ нашихъ, но вы—просвѣщенный націоналистъ, для котораго все-же нѣсть эллина, ни іудея? Не такъ-ли?

Князь Дольской собирался самъ отвѣтить за барона. Но тотъ предупредилъ его и съ сокрушительной отчетливостью сказать:

— О, нѣтъ! Для меня есть и эллинъ, и іудей!

XLV.

Равноправность и свобода.

Если-бы внезапно часть потолка въ залѣ обрушилась, то, кажется, это-бы произвело меньшее впечатленіе, чѣмъ отвѣтъ барона Фабіана.

Князь Дольской, растерянно улыбаясь, крѣпко схватилъ барона за локоть, словно пытаясь удержать его на краю бездны, въ которую тотъ низвергался. Старцы приняли различно это отчетливое „человѣконенавистническое“ заявленіе. Болѣе глухіе изъ нихъ, не дослышавъ, продолжали улыбаться и, автоматически кивая головами, бормотали:

— Ни эллина, ни іудея! Свобода для всѣхъ! Равноправность для всѣхъ!

Но болѣе чуткіе и ближе сидѣвшіе прямо подскочили отъ изумленія и негодованія.

Плѣши и апоплексическіе затылки ихъ побагровѣли. Они оставили запыхавшія гнѣвомъ очи на барона. Потомъ съ вопросительнымъ укоромъ перевели ихъ на князя Дольскаго.

Поэтъ-гражданинъ отступилъ и, скрестивъ руки на груди по-наполеоновски, надменно мѣрилъ взоромъ барона съ ногъ до головы.

— Но какъ-же, баронъ... э... э... замямлилъ „безполезный директоръ никому не нужнаго департамента“, но какъ-же... Вы-же сами говорили, соглашались... э... э... что просвѣщенный націонализмъ чуждъ шовинизма, кваснаго патріотизма... э... э... челоѡвѡконенавистнической исключительности... э... э... что онъ терпимъ, широко терпимъ... Вы развивали... Вы говорили... Помните наши задушевные бесѣды въ Княжихъ Межахъ?

— Я ничего не говорилъ, ничего не развивалъ и ни съ чѣмъ не соглашался,—отчетливо отвѣчалъ баронъ Фабианъ, это вы сами говорили и развивали, а я только слушалъ.

— Какое недоразумѣніе! Какое недоразумѣніе!—сказалъ надменно поэтъ-гражданинъ. Значить, вы не признаете равноправности?

— Что вы называете равноправностью?—спросилъ баронъ.

— А вотъ этотъ самый великій апостольскій завѣтъ — ни эллина, ни іудея!—весь дрожа и трепеща, какъ студень, прошамкалъ жирный старецъ, игравшій роль Іоанна на Патмосѣ.

— Это невѣроятно! Это что-то непостижимое! Кого привелъ къ намъ князь? Что съ нимъ сдѣлалось! Такая неосторожность! Такая неопрятность!—шептали между собою прочіе старцы.

Волненіе охватило и стоявшихъ „смертныхъ“.

Слышались вопросы:

— Кто это? Откуда? Какой-то баронъ! Онъ не признаетъ равноправности! Значить, онъ не изъ нашихъ? Врагъ прогресса? Врагъ возрожденія? Какъ ввелъ его князь къ намъ? Это возмутительно! Господа, выгоняйте его вонъ!

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго, похожіи на Фердинанда Лассалья, движимой ревностью прогрессивности, вытянувъ шею, пронзительно крикнулъ:

— Можетъ быть, вы не христіанинъ, баронъ, что не разделяете свѣтлаго апостольскаго принципа?

При этомъ остромъ вопросѣ старцы одобрительно захихикали, заблеяли, затряслись, потирая руки, маститый критикъ искусствъ загрохоталъ, какъ изъ бочки. За „безсмертными“ принялась хохотать и вся зала.

— Гимнъ! гимнъ!—закричали затѣмъ голоса.

— Необходимо очистить воздухъ отъ ретроградства и челоѡвѡконенавистничества! Гимнъ!—неистово завопилъ адвокатъ похожіи на Лассалья.

До крайности декольтированная дама сѣла къ роялю. Старцы поднялись и вся зала стройно запѣла:

Равноправность и свобода
Для еврейскаго народа!
Для цыгана, армянина
Равноправность гражданина!
Для Финляндіи, для Польши
Равноправности побольше!

— Дорогой баронъ,—сказалъ сладко князь Дольской, подхватывая подъ руку гостя, въ которомъ такъ непростительно ошибся.—Пройдите въ кабинетъ. Выкурите сигару. Онъ увлекъ барона изъ залы.

Старичекъ лакей побѣждалъ передъ ними и освѣтилъ громадный, величественный, истинно министерскій кабинетъ.

— Я не предупредилъ васъ, баронъ,—усаживая гостя и садясь самъ, продолжалъ князь,—что наше собраніе нѣсколько ревниво въ отношеніи стройности и цѣльности направленія. Тѣмъ болѣе, что въ эти боевые дни, когда повѣяло весной, всѣ такъ нервно настроены ожиданіемъ... э... э... и я думалъ, что вы насъ пощадите, что вы не станете такъ рѣзко, такъ прямо... э... э...

— Но что-же я сказалъ такого?—искренно изумился баронъ.

— Но вы сказали, что для васъ есть эллинъ и есть іудей

— Ну, такъ что-же? Не могу-же я признать равноправность хотя-бы евреевъ, племя паразитное, съ кореннымъ русскимъ населеніемъ!

— Но это все, баронъ. Этимъ все сказано. Это и есть основной признакъ возрѣвній, который мы считаемъ, простите, баронъ, ретрограднымъ.

— Я не понимаю безусловной равноправности и свободы,—сказалъ баронъ Фабианъ.—Свобода для всѣхъ—что это значитъ? Я желаю правъ и свободы для русскаго народа и для прочихъ народностей, поскольку онѣ вѣрны Россіи и полезны ей.

— Возрѣвнія странныя для балтійца и нѣмца, баронъ!—довольно злобно блестя глазками, сказалъ князь.—И... вамъ лучше не возвращаться въ залу. Собраніе слишкомъ возмущено и возбуждено вашимъ заявленіемъ.

— Князь, вы меня сами пригласили,—отвѣтилъ баронъ, поднимаясь.

— Баронъ, простите меня,—замямлилъ князь, вскакивая, и принимаясь нагрѣвать руку барона Фабиана въ своихъ.—Я

всегда радъ видѣть васъ, но эти собранія... Это для однихъ посвященныхъ... э... э... Я безконечно виноватъ передъ вами. Я хотѣлъ сдѣлать маленькій опытъ... Разсчитывалъ на большую терпимость... Но страсти такъ возбуждены... и... и вы такъ прямо... обухомъ по темени... хе... хе... И эллинъ, и іудей!.. Я боялся, чтобы съ моими старичками удара не сдѣлалось. Ну, конечно, и для меня есть разница между жидомъ и русскимъ. Противное племя, я согласенъ. Но все-же принципъ равноправности есть устой... э... э... устой прогрессивнаго міросозерцанія, и громко, при всѣхъ я, конечно, не сдѣлаю того признанія, которое вы отъ меня сейчасъ услышали.

Баронъ Фабианъ молча выслушалъ князя Дольского и опустил глаза.

— Ахъ, я и забылъ вамъ передать, дорогой баронъ,—спохватился князь.—Наталья Платоновна съ Фелицатой Петровной пріѣхали. Я былъ у нихъ и мы говорили о васъ. Онѣ васъ ждуть. Зайдите завтра утромъ. Вы знаете адресъ? Я вамъ запишу. Вотъ!

Баронъ молча принялъ листокъ изъ блокъ-нота съ адресомъ.

— Еще разъ прошу васъ извинить меня, баронъ. Примите во вниманіе маститость и заслуженность моихъ старичковъ... Иные и въ дѣтство впадать стали. Надо быть снисходительнымъ. Пожалуйте скда, корридоромъ.

Длиннымъ корридоромъ князь провелъ барона въ переднюю и самъ помогъ ему одѣться, самъ отворилъ ему дверь на лѣстницу.

— До свиданія, баронъ!—крикнулъ онъ.

Изъ отворенной двери на лѣстницу донесся повторяемый гимнъ:

Для Финляндіи, для Польши
Равноправности побольше!

— Странная равноправность и удивительная свобода,—подумалъ баронъ Фабианъ, спускаясь по великолѣпной лѣстницѣ, если даже не могутъ перенести малѣйшаго противорѣчія себѣ.

Впрочемъ, онъ сейчасъ-же забылъ объ „умирающей гостиной“, едва вышелъ на улицу. Свѣжая, сентябрьская, сухая ночь вливала бодрость въ его грудь. Онъ прошелъ къ Невскому, сверкавшему огнями и запруженному пѣшеходами и экипажами. Движеніе толпы веселило его. А мысль летѣла къ одному маяющему, прекрасному видѣнію. Онъ завтра увидитъ Фелицату. Увидитъ, чтобы проститься съ ней.

Сладкая, томящая нѣга и грусть наполнили сердце молодого человѣка. Онъ шелъ, полный юношескихъ грезъ и невольно, минуя улицу за улицей, сталъ приближаться къ дому, гдѣ остановилась Фелицата съ матушкой. Напротивъ былъ скверъ, съ полуоблетѣвшими деревьями. Онъ былъ въ эту вечернюю часть запертъ. Баронъ Фабианъ прислонился къ рѣшеткѣ и стоялъ подъ развѣсистыми деревьями, простирившими надъ нимъ вѣтви. Вѣтеръ, налетѣвъ, сорвалъ нѣсколько желтыхъ листьевъ и бросилъ въ барона ими, потомъ погналъ мимо него насадавшія листья. Они летѣли, шурша. Большой, пятиэтажный домъ напротивъ весь сверкалъ окошками. За арабесками тюля двигались тѣни. Въ нѣкоторыхъ окнахъ откинута драпировка позволяла видѣть лампу съ зеленымъ абажуромъ и склоненную надъ письменнымъ столомъ голову, или внутренность покоя. Гдѣ, какія окна скрываютъ Фелицату, баронъ не зналъ. Но ему хотѣлось стоять здѣсь, въ тѣни подъ деревьями и глядѣть на домъ, гдѣ была она.

Потомъ онъ медленно пошелъ по улицамъ и переулкамъ и наконецъ достигъ невской набережной. Нева дышала холодомъ и неизмѣримо казалось въ ночномъ сумракѣ ея темное лоно. Могучее племя могло только овладѣть такой рѣкой и создать этотъ городъ. Граниты набережной блестяли отъ изморози. Волны били въ берега и звенѣли.

Далеко передъ нимъ была пустая набережная. Выпуская черные клубы дыма, прошелъ пароходъ.

„Фелицата! — прошепталъ баронъ Фабианъ. — Фелицата — счастливица, прости, прости на вѣкъ!“

Сердце его разрывалось отъ скорби. Слезы накали въ немъ и подступили къ горлу. Съ изумленіемъ почувствовалъ баронъ Фабианъ, какъ сильно любилъ онъ эту дѣвушку, безотчетно, юношеской, дѣвственной страстью.

А между тѣмъ онъ зналъ, что она принадлежитъ другому, что она любитъ и любима, что ему надо бѣжать отъ нея, забыть, задушить эту безнадежную страсть.

Зачѣмъ онъ хочетъ видѣть Фелицату? И этого мало.

Онъ хочетъ, чтобы она посѣтила его „маіоратъ“, старую башню Шналленштейна.

Онъ хочетъ, чтобы она сѣла на прибрежныхъ сѣрыхъ камняхъ и далеко огласила морскую глѣдь и печальный, пустынный берегъ, съ его соснами и вересками, своей пѣсней!

Онъ хочетъ, чтобы она спѣла тамъ, на морѣ, какъ пѣла въ чудномъ сновидѣніи, пѣснь любви и счастья и потомъ ушла навсегда. А онъ останется въ своей башнѣ. И тѣнь ея бу-

дѣть рѣять надъ вересками, камнями и моремъ. И отзвукъ пѣсни будетъ жить вѣчно въ пустынь. И онъ вѣчно будетъ любить недоступную.

Вотъ любовь барона Фабиана!

„Фелицата—счастливица!“—опять прошепталь онъ съ безнадёжной тоской надъ пространствомъ водной массы, надъ глухо звенящими въ гранитѣ набережной волнами.

XLVI.

У статуи Психеи.

Баронъ Фабианъ держаль ручку маленькой Люси, стоявшей передъ нимъ, и разговариваль съ нею, какъ со взрослой.

Люси значительно поправилась и порозовѣла въ деревнѣ.

Ея нѣжное личико уже не было такъ странно для ребенка неподвижно. Но большіе глаза все были печальны. И серьезность смыкала ея ротикъ. Она выросла; тоненькая шейка ея, какъ стебелекъ цвѣтка, поддерживала милую головку и пепельные волосы нѣжными волнами окружали эту головку.

— Я получила ваше письмо и хотѣла отвѣчать,—говорила Люси.—Но мы собирались въ Петербургъ. И я не успѣла. Только Петрушечка нарисоваль смѣшныя картинки, и мы послали ихъ вамъ.

— Какъ-же, я получилъ,—отвѣчалъ баронъ.

— Вамъ онѣ понравились? Тамъ такъ смѣшно нарисовано, какъ пляшутъ ежи и мыши.

— Люси, милая Люси, мой маленькій другъ, я скучаль безъ васъ. Приѣдете-ли вы ко мнѣ?—спрашиваль баронъ Фабианъ.

— Непремѣнно приѣду, неpremѣнно,—отвѣчала дѣвочка съ неизмѣнной серьезностью.

Они были въ большомъ, прекрасно убранномъ покоѣ. Сентябрьское холодное солнце лилось въ окна черезъ арабески тюля, играло на блеклыхъ цвѣтахъ ковра, на золотисто-зеленой обивкѣ мебели, на бронзѣ и рамахъ картинъ.

Окруженная цвѣтами и пальмами мраморная статуя, изображавшая Психею, казалась живою. Подъ этой статуей и стояли Люси и баронъ.

— Мама и бабушка сейчасъ выйдутъ,—сказала дѣвочка и занимала теперь большого красиваго гостя.

И мраморная Психея, съ мотылькомъ на пальцѣ, склонялась надъ ними.

— Какъ поживаетъ вашъ ежикъ, Люси?—спросилъ баронъ.

— Ахъ, я выпустила его на волю, уѣзжая,—сказала Люси. Онъ очень былъ доволенъ.

Драпировка на двери заколыхалась и, откинутаая, тихо зашепестѣла. Въ гостиную вошла Наталья Платоновна, а за ней мать Люси. Это была вся закутанная въ кружева, стройная, какъ пальма, молодая женщина съ обликомъ аристократки эпохи великой французской революціи. Какъ и въ очахъ ея маленькой дочки, во всѣхъ чертахъ ея изящнаго лица, разлита была мягкая грусть. Она смыкала и эти задумчивыя уста. Она лежала въ глубинѣ ея внимательнаго взгляда.

— Здравствуйте, милый баронъ,—сказала Наталья Платоновна, съ материнской нѣжностью цѣлуя его лобъ, когда онъ склонился къ рукъ владѣтельницы Княжихъ Межъ.—Какъ мы васъ вспоминали! Какое прекрасное впечатлѣніе вы оставили у насъ! А вотъ и другая моя дочь—Полина.

— И мнѣ о васъ рассказывала не мало моя Люси, баронъ,—сказала Полина Петровна. Грудной, тихій и болѣзненно-нѣжный голосъ ея точно духъ провѣялъ въ озаренномъ солнцемъ покоѣ.

Всѣ дамы сѣли въ кресла, а маленькая Люси стала между ними и взявъ руку матери и руку бабушки, поочередно склоняла пепельную головку, нѣжной щечкой то прижимаясь къ материнской рукѣ, то къ бабушкиной. А большіе, печальные глаза ея, не отрываясь, смотрѣли на барона.

— Мы большими пріятелями стали съ вашей дочкой,—сказалъ баронъ Фабіанъ.—И я даже взялъ съ Люси обѣщаніе посѣтить старую башню Шналленштейна. Вы позволите, неправда-ли?

— Конечно,—отвѣчала Полина Петровна.—Она пріѣдетъ къ вамъ съ Филенькой. Филенька мнѣ уже говорила.

На нѣсколько мгновеній наступило молчаніе. Баронъ задумался. Или, вѣрнѣе, онъ не думалъ ни о чемъ. Онъ отдыхалъ. Обѣ женщины и дѣвочка между ними были ему родственно близки. Весь покой съ ласковыми блеклыми тонами драпировокъ такъ успокаивающе дѣйствовалъ на его приподнятые нервы.

Даже имя Фелицаты не вывело его изъ этого мирно-счастливаго состоянія. Странно! Онъ такъ жадно желалъ еще недавно ее видѣть. Теперь-же ждалъ этого свиданья совер-

ценно спокойно. Правда, въ сердцѣ его отозвалось сладкой болью упоминаніе о дѣвущкѣ.

А онъ не рѣшился спросить, дома-ли она.

Наталья Платоновна передала барону поклонъ изъ Княжихъ Межъ и отъ Петрушечки, который вдругъ уѣхалъ за границу, не объяснивъ, что его туда влечетъ.

А Полина Петровна завела съ нимъ разговоръ объ искусствѣ, о литературѣ. Мало-по-малу баронъ увлекся этой бесѣдой. Наталья Платоновна достала между тѣмъ шитье изъ стоявшей на столѣ корзинки. А Люси принялась по своему играть. Она обходила всѣ вещи, стоявшія въ гостиной. Садилась въ разныхъ уголкахъ. Разговаривала потихоньку съ цвѣтами и статуей, все время не выпуская изъ виду свою мать и барона Фабиана.

Полина Петровна рассказывала о путешествіи съ мужемъ за границу, о впечатлѣніи, которое произвели на нее тамъ картины и статуи въ музеяхъ. Сужденія ея были тонки и глубоки. Все изящество ея ума и сердца, повидимому утопченнаго чрезвычайно широкимъ образованіемъ, выказалось въ этихъ сужденіяхъ. Она не видѣла, однако, выставки барона.

— А я думала, что вамъ не были-бы чужды тѣ образы, которые меня занимаютъ,—сказалъ баронъ.

— Особенно сильное впечатлѣніе на меня произвела Мадонна Гольбейна,—сказала Полина Петровна.—Какъ нѣжно прижала къ груди своей больного ребенка Матерь Божія! И какъ довѣрчиво обнимаетъ ее рученками болѣзненный мальчикъ! Я купила большую прекрасную фотографію съ этой картины, но... я не могу ее видѣть часто.

Молодая женщина отвернулась. Печальный взоръ ея овлажили слезы.

Люси неслышно подбѣжала къ матери и, охвативъ ее рученками, принялась цѣловать ея глаза, нѣжно прижиматься щеками къ ея щекамъ. Потомъ она повернулась къ барону и, вытянувъ тонкую щечку, прошептала на ухо ему:

— Мама потому не можетъ часто смотрѣть на картину, что мальчикъ на ней похожъ на покойнаго Шурика!

Какъ ни беззвучно прошептали это имя уста дѣвочки, мать его услышала. Мгновенно потоки слезъ хлынули изъ ея глазъ. Она не утирала ихъ, даже не подняла къ лицу рукъ. Онѣ покоились неподвижно, бессильно брошенныя. Слезы легко, одна за другой, катились изъ глазъ прекрасной матери, не искажая конвульсіями ея лица.

— Мама! мама! Милая мамочка! Не плачь! О, не плачь, не

терзай мое сердце!—бросаясь къ матери съ воплемъ, вскричала Люси. И бросившись въ ея объятія, замерла на ея груди. Мама, милая мама,—зашептала она, ты знаешь—Шуренька живъ. Онъ у Бога, въ раю, играетъ пѣвоточками. Мама, мама, не плачь! Ему слышно это, мама! Ему больно, скучно, тяжело. Молись, мама, молись Богу! Или прочти свои стихи. Прочти, прочти стихи.

И тихій, болѣзненно-скорбный голосъ Полины началъ проносить эти стихи:

Усни, ненаглядный мой мальчикъ,
Усни, дорогой;
Сіянье дрожить голубое
Сквозь сумракъ ночной;
То ангель—хранитель небесный
Стоитъ надъ тобой.
Поетъ онъ неслышныя пѣсни
Звучнѣе земныхъ;
Крыломъ осѣнилъ облоснѣжнмъ,
Чтобы мальчикъ затихъ;
Коснулся рукою незримой
Онъ глазокъ твоихъ.
Увидѣлъ ты райскія двери
Небесныхъ садовъ;
Бѣгутъ твои быстрыя ножки
И въ домикъ Христовъ;
Тотъ домикъ среди лилій душистыхъ
Родимый твой кровъ.

Она умолкла. Слезы изсыкли. Успокоеніе разлилось въ ея чертахъ. Люси все обнимала мать и гладила ея лицо и руки. Наталья Платоновна ничего не говорила, склонившись надъ шитьемъ. Баронъ Фабіанъ заговорилъ медленно и словно для самого себя:

— Неужели можно думать, что жизнь кончается вмѣстѣ съ этой земной? Развѣ есть удовлетворяющій смыслъ въ этомъ существованіи? Оно полно лжи, страданій, неознагражденныхъ траданій и не отомщеннаго зла. Есть жизнь иная и есть Богъ. Душа слишкомъ страстно жаждетъ безсмертія, чтобы не обрѣсти его. Эта жажда свойственна лишь тому, что нѣкогда накопило въ горнемъ мірѣ и изгнано сюда, въ юдоль скорбей.

Опять настало молчаніе. Мраморная Психея держала на прозрачномъ пальцѣ мраморнаго мотылька. Съ улицы доносился смягченный высотой и драпировками шумъ. Баронъ видѣлъ въ окна желтыя вершины того сквера, подъ сѣнью котораго стоялъ прошлой ночью, глядя на домъ, полный юно-

шескихъ мечтаній. Но какъ сильно разнилось отъ того настроеніе, теперь испытываемое имъ!

Люси опять стала играть въ свою таинственную игру. Въ ней видимо принимали участіе всѣ вещи въ комнатѣ, и что-то говорили перебѣгавшей между ними дѣвочкѣ. Печальная мать, успокоясь, погрузилась въ размышленія. Наталья Платоновна работала.

— Что горевать?—сказала она.—Человѣческое горе не на вѣкъ. Человѣческое сердце забывчиво. Такой могилы нѣтъ, чтобы травой не заросла. И горя такого нѣтъ, чтобы жизнью его не затянуло. Все пройдетъ. Утѣшишься.

Но и Полина, и Люси, и баронъ Фабианъ, видимо, съ сомнѣніемъ встрѣтили эти слова опытной старухи и не повѣрили имъ ни мало.

Внезапно драпировка двери съ рѣзкимъ свистомъ распахнулась и улыбающаяся, блистающая прелестью и весельемъ, вошла Фелицата.

Баронъ всталъ. Она протягивала ему издали руку. И слова старой помѣщицы оправдались. По крайней мѣрѣ чужое горе баронъ Фабианъ забылъ мгновенно. Сердце его наполнилось восторгомъ. Ему показалось, что въ гостиную ворвался свѣтъ, смѣхъ, счастье, жизнь.

Молча сжималъ онъ протянутую руку дѣвушки, которая дружественно не отнимала ее у барона.

XLVII.

Фабианъ и Фелицата.

Наталья Платоновна удалилась распорядиться завтракомъ. Затѣмъ ушла съ Люси и Полина Петровна. Баронъ Фабианъ остался наединѣ съ Фелицатой.

Послѣ первыхъ привѣтствій, они замолкли и, улыбаясь, сидѣли въ довольно близкомъ разстояніи.

Наконецъ баронъ сказалъ:

— Ну, вотъ я и олять вижу васъ, Фелицата!

Я скакалъ во время ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать,
Пожелать на новоселье
Много лѣтъ ей и веселья
И потомъ—на вѣкъ бѣжать.

— Зачѣмъ-же?—сказала Фелицата, я еще буду у васъ въ Шналленштейнѣ непременно. Это обѣщано и рѣшено. А не стыдно-ли было вамъ вообразить Богъ знаетъ что, когда я долго не отвѣчала на ваше письмо?

Баронъ Фабианъ улыбнулся, вспоминая свое отчаяніе, когда отвѣта такъ долго не было на его задушевные строки.

— Отчего такъ много искусственныхъ преградъ стоитъ между людьми?—сказала Фелицата.—Зачѣмъ это недовѣріе, эта натянутость и чопорность? Мы всѣ расположены къ вамъ, баронъ. Вы оставили самый свѣтлый слѣдъ въ нашей деревенской жизни. Вѣрьте, что мы всѣ будемъ всегда питать къ вамъ самое искреннее, самое дружественное чувство.

— Благодарю васъ, Фелицата Петровна,—отвѣчала баронъ Фабианъ.—Я вѣрю въ искренность вашихъ словъ. Я пережилъ тяжелыя минуты, когда думалъ, что оскорбилъ васъ навязчивостью. Теперь все это прошло и забыто. Я вновь васъ вижу. Съ меня этого довольно. Съ меня этого довольно—задумчиво повторилъ баронъ Фабианъ. Я чувствую, что въ моей жизни наступаетъ какой-то переломъ, что все то, о чемъ я думалъ, чего желалъ, на что надѣялся, осуществится. Не знаю, какъ это будетъ, но чувство, внутреннее чувство говоритъ мнѣ это. И встрѣча съ вами имѣетъ для меня какъ-бы символическое значеніе. Вы—символь для меня, символъ Россіи и славянства. И ваша симпатія ко мнѣ, чужому, какъ-бы благословеніе мнѣ въ моей дѣйствительности.

— Вы странный человѣкъ! Вы самый удивительный человѣкъ!—сказала Фелицата.

Она съ мягкой и деликатной улыбкой выслушала необыкновенное заявленіе барона Фабиана.

— Такъ я только символъ для васъ!—продолжала она.—Безъ плоти и крови! Ахъ, если-бы вы знали, какъ я прозаична и какъ мало гожусь въ идеальные символы.

— Въ вашей улыбкѣ, въ вашей простой рѣчи, въ цвѣтущей юности вашей, славянская роза, для меня воплощается та мечта, которая свѣтитъ мнѣ и меня ведетъ. Мой путь еле обозначается въ одинокомъ сумракѣ моей печальной жизни. Вы были яркимъ, горячимъ солнечнымъ лучемъ, который озарилъ этотъ кремнистый и тернистый путь. Это не тотъ путь, по которому шли мои предки, доблестно служа Россіи и проливая за нее кровь на поляхъ брани, но чуждые ея вѣрѣ, ея исторіи, ея великому предназначенію. Я даже не знаю, какъ я буду дѣйствовать. Какъ буддистъ я могу только произнести: Омъ мани падме хумъ.

— Что это значить?—спросила Фелицата.

— Это значить: капля сливается съ океаномъ. Я хочу раствориться въ русскомъ океанѣ. Хочу быть русскимъ.

— Хочу быть русскимъ!?—повторила Фелицата, какъ бы стараясь проникнуть въ смыслъ этого желанія.—Какъ странно это слышать! Все равно, какъ если-бы вы сказали, что хотите дышать. Кто мѣшаетъ этому? Дышите полной грудью.

— Если-бы вы взглядылись въ русское общество, то именно замѣтили-бы, что на груди его лежитъ могильный камень, что оно не въ силахъ вдохнуть. Васъ удивляетъ, что я, балтійскій баронъ, сказалъ вамъ: хочу быть русскимъ! Но я всюду вокругъ себя вижу русскихъ иностранцевъ, чуждыхъ Россіи и ея великому предназначенію, которые дорого бы дали, чтобы быть нѣмцами. Чѣмъ угодно хотимъ мы быть, говорятъ они, только не русскими. Среди этой маскарадной толпы, я страненъ со своимъ желаніемъ. И я уйду изъ этой толпы. Не въ ея средѣ я буду жить и дѣйствовать.

— Куда же вы отъ насъ уѣдете и гдѣ будете жить?—спросила Фелицата.

Но баронъ не слыхалъ ея вопроса. Онъ даже словно забылъ о ней, отдаваясь своимъ задушевному мечтамъ.

— Какъ-то въ Новгородской губерніи я былъ въ праздникъ въ селѣ, которое нѣкогда принадлежало къ числу аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Народъ здѣсь все,—такъ мой ямщикъ сказалъ,—какъ хлѣбъ пеклеваннй, ни бѣлый, ни чернй; ни православнй, ни иновѣръ, ни безвѣръ. Старики держатся древняго благочестія. Въ деревняхъ есть самодѣльные молельни. Парни въ пиджакахъ, съ скрипучими гармоніями въ рукахъ, и въ сапогахъ съ „гармоніями“ и со „скрипомъ“; все низкорослый, большею частью выродившіяся типъ. Ко всему относятся „скеп-ти-ти-тически“. Такъ мнѣ одинъ внушительно объяснилъ.

Но каменная старинная церковь полна была.

Священникъ древній, трепещетъ весь и служить безъ діакона. На хорахъ парни поютъ. И довольно складно. Но все же оконфузили старца—священника.

Пѣли что-то, пѣли, сбились и стали неприлично фыркать. Старецъ и главой поникъ.

Среди молящихся тоже не замѣчалось обычнаго благочестія. Многіе не молились, а только глядѣли, шептались, переталкивались, входили и уходили и опять входили. Разновѣрство сказывалось.

И трепещущій отъ старости священникъ поникалъ съдо

головой, безсильный справиться съ паствою, частью разномысленной, а частью и безсмысленной.

Но въ первыхъ рядахъ меня поразила фигура одѣтаго почти въ рубище, но не русскаго покроя, молодого человѣка, съ длинными льняными волосами, голубыми глазами и „лютеранскимъ“ лицомъ. Онъ не молился. Онъ тоже пришелъ, видимо, послушать и посмотреть. Но какое выраженіе восторга разлито было въ чертахъ его!

Старый храмъ, хотя и обветшалый, все еще былъ великолѣпенъ. Золотой иконостасъ уходилъ подъ куполь.

Бѣдный человѣкъ съ голубыми глазами видимо отдыхалъ душою, и всѣ чувства его ласкало и пѣніе, и еиміамъ кадила, и живопись, и таинственная тишина Божьяго алтаря. „Кто это?“—спросилъ я.—А это нашъ латышъ. Тоже лютеранинъ, а любить,—съ улыбкой отвѣчали мнѣ.

А лютеранская душа молилась, не словами, не жестами, а молилась въ православномъ храмѣ, заброшенномъ его паствою. Она восторженно молилась сама про себя и сама для себя. Что же это? И кто же это передо мной?—подумалъ я. И не ему ли, этому латышу въ рубищѣ, будетъ отверзтъ сіяющій и курящійся алтарь? А не для него ли служить трепещущимъ голосомъ, воздѣвая трепещущія руки, этотъ трепещущій старецъ-священникъ?

А парни на хорахъ опять сбились, зафальшивили, остановились и слышалось ихъ непристойное фуканье въ кулакъ и фырканье.

Баронъ Фабіанъ умолкъ. Фелицата смотрѣла на него съ глубокимъ чувствомъ.

— Встрѣча съ вами не пройдетъ для меня безслѣдно,— сказала она.—Я никогда не думала и не чувствовала такъ, какъ вы учите меня чувствовать и думать. Я, какъ мольеровскій буржуа, не знала, что говорю прозой. Я не отдавала себѣ отчета въ томъ, русская ли я или нѣтъ. И я не думала, что надо въ этомъ давать себѣ отчетъ. Вы, дорогой баронъ, меня заставили оглядѣться кругомъ. Я еще не понимаю много въ вашихъ взглядахъ. Я еще очень легкомысленна. Но я стану, непременно стану глубокомысленной.

Баронъ Фабіанъ поднялъ на нее строгій взглядъ.

— Въ наши дни русская женщина не можетъ жить инстинктивно. Она должна отдать себѣ отчетъ въ той опасности, которая грозитъ ей народности. Во всякомъ народѣ женщина—хранительница національныхъ традицій. Русская женщина должна поддерживать святой огонь своего народа.

— Ахъ, вы опять зовете меня въ Валгаллу, къ валкиріямъ!— поднимая руки и какъ бы защищаясь, сказала Фелицата.— Я васъ уважаю. Я люблю васъ, какъ родственника. Но вы потрясаете мою душу. Ахъ, вы опять завлекли меня въ магическій кругъ! Вы опять сплели вокругъ меня свою паутину! Вы, какъ лукавый іезуитъ, взяли въ свои руки мое сердце! Я простая, не хитрая русская дѣвушка. Я не гожусь въ жрицы и не мнѣ поддерживать священные огни алтарей. Дайте мнѣ жить просто на бѣломъ свѣтѣ. Что за цѣпи, что за иго хотите вы наложить на меня! Я хочу быть свободной, какъ солнечный лучъ!

— Вы назвали меня іезуитомъ,—сказалъ баронъ Фабіанъ. Вы упрекаете меня. Но я не плету никакихъ сѣтей. Если серьезность моего настроенія захватываетъ васъ, то вѣдь жизнь—вещь серьезная. И особенно въ наши дни. Но простите меня. Я больше не буду поднимать этихъ, утомительныхъ для васъ вопросовъ. И если я дѣйствую на васъ, то и вы для меня останетесь самымъ могучимъ воспоминаніемъ. Я только хочу еще разъ видѣть васъ у себя тамъ, на морѣ, въ старой рыцарской башнѣ моихъ предковъ! И затѣмъ вы пойдете своей дорогой. И дай Богъ, чтобы накатное солнце, подъ знакомъ котораго вы родились, озаряло и заливало своимъ сіяніемъ побѣдное шествіе ваше. Вамъ—счастье. Мнѣ—долгъ. Вамъ—свободная безпечность. Мнѣ—скорбь. Да будетъ благословеніе Божіе надъ вами! Пусть Онъ освѣтитъ васъ и защититъ въ жизни! Пусть всѣ ваши упованія исполнятся и однѣ розы сыплются на васъ!

XLVIII.

Нѣмецъ, какихъ русскихъ мало.

Пронзены послѣднія слова, баронъ Фабіанъ поднялся и съ глубокимъ поклономъ направился къ двери гостиной.

Но она открылась и вошелъ полковникъ Беркутъ.

Искренняя радость изобразилась въ энергичныхъ чертахъ и честномъ, открытомъ взглядѣ полковника.

— Какъ я радъ видѣть васъ, баронъ,—сказалъ онъ, протягивая ему руку.—А вы, кажется, уже уходите? Я не отпущу васъ. Фелицата, удержи его!—обратился онъ къ дѣвушкѣ.

— Баронъ, не уходите!—сказала Фелицата.

Она подошла къ полковнику и съ нѣжностью взявъ его подъ руку, сказала:

— Мы женихъ и невѣста. Поздравьте насъ, дорогой баронъ.

— Отъ всеі души,—мужественно отвѣчалъ баронъ Фабианъ.

Мгновеніе длилось молчаніе. Полковникъ спокойно улыбался. Фелицита, опустивъ длинныя рѣсницы, умѣряла ими пламя нѣжности, струившееся изъ ея очей въ эту минуту близости къ любимому человѣку. Баронъ Фабианъ стоялъ нѣсколько блѣдный. Но выраженіе лица его не обличало той борьбы, которая происходила въ его груди. Мгновенно въ его сознаніи раздался громкій, предостерегающій голосъ.

„Баронъ Фабианъ! Ты не долженъ завидовать чужому счастью. Ты долженъ пройти мимо и благословить его“.

— Садитесь-же, баронъ,—продолжалъ полковникъ Беркутъ.—Подвинулась ли впередъ ваша картина?

Баронъ Фабианъ сказалъ, что приготовилъ нѣсколько этюдовъ отдѣльныхъ фигуръ для картины.

— Я слышалъ, что вы въ ней хотите изобразить и русскихъ, и скандинавскихъ богатырей и воплотить сліяніе германскаго и славянскаго началъ, которымъ открылась русская исторія?

— Да, это моя мысль,—отвѣчалъ баронъ.

— А знаете ли вы, чтъ въ штабѣ есть портретъ генерала изъ чистокровныхъ нѣмцевъ, подъ которымъ стоитъ подпись: „Нѣмецъ, какихъ русскихъ мало“? Но вотъ слова этого самаго нѣмца-генерала, когда онъ принялъ православіе. „Пока я не понималъ русской молитвы, я не понималъ русскаго солдата и солдатъ меня не понималъ“. Я полагаю, что кровь не играетъ большой роли. Главное основаніе народности—вѣра.

— Я совершенно съ вами согласенъ,—сказалъ баронъ Фабианъ.

— На томъ священномъ стягѣ,—продолжалъ, одушевляясь, полковникъ Беркутъ,—на томъ священномъ стягѣ, подъ сѣнію котораго собралась, окрѣпла, достигла процвѣтанія и мощи Россія, начертанъ три слова: Православіе, Народность, Самодержавіе. Православіе одухотворяетъ Народность, Самодержавіе ее охраняетъ. Но примите Народность и Православіе останется безъ паствы, Самодержавіе безъ подданныхъ. Такъ въ этой тріединой формулѣ русскаго національно-историческаго самосознанія одно поддерживаетъ другое, одно связано съ другимъ. А кровь сама по себѣ еще не составляетъ народно-

сти. Тѣмъ болѣе, что Церковь обладаетъ благодатными, сверхъестественными силами, которыя преобразуютъ природу и возрождаютъ, и перерождаютъ человѣка. Я вижу васъ только второй разъ въ жизни, но вы мнѣ безконечно симпатичны и я чувствую, что вы тоже—„нѣмецъ, какихъ русскихъ мало“!

— Благодарю васъ, полковникъ,—отвѣчалъ баронъ Фабианъ просто,—за симпатію. И если оставить въ сторонѣ собственно нравственныя качества, если посмотрѣть на тѣ взгляды, которыми нынѣ живетъ наше общество, то и вы, полковникъ, съ такою твердостью и опредѣленностью сейчасъ исповѣдавшій русскія начала, являетесь „русскимъ, какихъ нынѣ мало“. Та гибельная безнародность, которая обезличиваетъ нынѣ Россію, не только высшіе классы ея, но идетъ и въ среднее сословіе, проникаетъ даже въ народъ,—это безнародность и есть врагъ, противъ котораго я ополчаюсь. Я самъ не знаю, какъ буду дѣйствовать. Но разъ встрѣтивъ васъ и заслуживъ ваше довѣріе, я протягиваю вамъ руку! Пойдемте вмѣстѣ, полковникъ!

— Вотъ моя рука, бароны!—отвѣчалъ полковникъ Беркутъ.—Но какъ и чѣмъ вы хотите бороться съ безнародностью? Какъ и чѣмъ вы думаете побѣдить этотъ тлетворный духъ холопства, проѣвшаго наше общество?

— Необходимъ союзъ сильныхъ духомъ и убѣжденныхъ людей. А такіе люди есть. Пусть они соединятся подъ стягомъ русскихъ началъ. Пусть всѣ, въ комъ еще не угасъ огонь патріотизма и любви къ своей странѣ, подадутъ другъ другу руки.

— Ваша мысль превосходна! Фелицата, разними наши руки,—сказалъ полковникъ Беркутъ.

— Разнимите наши руки, Фелицата Петровна,—сказалъ и баронъ Фабианъ.—Будьте свидѣтельницей этого союза. Пусть это будетъ первымъ камнемъ зданія. Пусть еще многіе и многіе присоединятся къ намъ.

— Баронъ, ваша кровь пойдетъ на пользу новому союзу,—смѣясь, сказалъ полковникъ Беркутъ.—Вы внесете духъ системы, которая намъ, русскимъ людямъ, плохо дается.

— Баронъ, вы конечно, останетесь у насъ завтракать?—сказала Наталья Платоновна, появляясь въ гостиной. За ней вышла Полина и маленькая Люси.

— Непремѣнно, непременно останется!—подхватилъ полковникъ.—Мы выпьемъ за основанный нами Союзъ русскихъ людей.

— Что это за союзъ?—спросила Полина.

— Пока онъ состоитъ всего только изъ насъ двухъ. Но со временемъ разростетъ и покроетъ своими вѣтвями всю Россію. Я серьезно говорю,—перемѣняя тонъ, продолжалъ полковникъ.—Время основанія такого союза наступило.

— Какія же цѣли этого союза?—опять спросила Полина.

— Цѣли? Стоять за русскую народность. Но если завтракъ на столѣ, пойдѣте.

Полковникъ подалъ руку Полинѣ. Фелицата взяла руку барона Фабіана. Наталья Платоновна съ Люси замѣкала шествіе.

Каминъ весело пылалъ въ просторной, прекрасно убранный столовой. Хрусталь сверкалъ. Электрическая лампа бросала потокъ свѣта на бѣлоснѣжную скатерть. Почтенный слуга прислуживалъ неслышно.

Наливая вина себѣ и барону, полковникъ Беркутъ сказалъ:

— Пью за наше дружеское общеніе, за довѣріе, за союзъ подъ стягомъ строгихъ русскихъ началъ!

Они состукинули рюмки.

Баронъ Фабіанъ чувствовалъ приливъ силъ, бодрости и надежды. Теперь онъ не былъ одинъ.

XLIX.

Русскій союзъ.

Полковникъ Беркутъ не даромъ получилъ наименованіе „электрическаго“ полковника.

Онъ не любилъ медлить. Отъ словъ сразу переходилъ къ дѣлу.

Ему понравилась мысль Русскаго Союза и онъ сейчасъ же приступилъ къ практическому осуществленію.

Послѣ завтрака, онъ долго бесѣдовалъ съ барономъ Фабіаномъ и набросалъ планъ первыхъ статей устава, а также намѣтилъ лицъ, на сочувствіе которыхъ можно было рассчитывать.

На другой день, баронъ Фабіанъ получилъ приглашеніе на первое предварительное собраніе учредителей Русскаго Союза. Оно должно было состояться въ квартирѣ извѣстнаго поэта и публициста русскаго направленія Максима Феодоровича Украйнова. Баронъ зналъ Украйнова, встрѣчался съ нимъ въ художественныхъ кружкахъ Петербурга. То былъ

высокорослый, молчаливый человекъ, съ длинными и волнистыми, точно съдое крыло духа, усами; бороды онъ не носилъ. Умъ и энергія свѣтились въ его большихъ глазахъ. Но выраженіе губъ показывало мягкую, кроткую и оскорбленную душу.

Онъ какъ-то разговорился съ барономъ Фабианомъ на художническомъ „четвергѣ“. И они съ полуслова понимали другъ друга.

Теперь Украиновъ написалъ барону, что мысль его о созданіи союза русскихъ людей, который бы отстаивалъ русскія начала народности, разрабатывалъ и проповѣдывалъ эти начала, переданная полковникомъ Беркутомъ ему, Украинову, сейчасъ же нашла отзвѣвъ во многихъ русскихъ людяхъ. Сейчасъ же, сама собой, сложилась группа лицъ, которая и соберется вечеромъ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ барона, какъ инициатора дѣла.

Въ девятомъ часу вечера, баронъ Фабианъ поднимался по безконечной и достаточно крутой лѣстницѣ колоссальнаго дома въ одной изъ центральныхъ улицъ Петербурга, на пятый этажъ, гдѣ ютился Максимъ Федоровичъ. Его небольшая квартирка, съ низкими потолками, со стѣнами, сплошь уставленными полками съ книгами и увѣшанными портретами русскихъ писателей, музыкантовъ и художниковъ, была уже полна народа. Хозяинъ представилъ барона Фабиана собравшемуся обществу.

Тутъ были три-четыре писателя, извѣстный художникъ, молодой музыкантъ, тонкій, какъ хлыстикъ, юноша, съ мягкими волнами волосъ около красивой головы, съ мечтательной улыбкой, точно прислушивающійся къ гармоническимъ звукамъ своей пѣвучей души, было нѣсколько военныхъ и между ними старый, боевой генералъ, былъ редакторъ-издатель газеты русскаго направленія, былъ ученый профессоръ, историкъ, напоминавшій своей четырехугольной, приземистой фигурой толстый фоліантъ; наконецъ, кидалась въ глаза ряса молодого, популярнаго діакона, было двое купцовъ—старый, весь серебряный, „древляго благочестія“, и молодой, одѣтый у лучшаго московскаго портного, съ глазками васильковаго цвѣта и обритый, какъ актеръ; наконецъ, еще нѣсколько лицъ дополняли собравшееся общество. Дамъ не было совсѣмъ. Барона Фабиана, видимо, ждали. Бесѣда пока велась о разныхъ предметахъ.

Едва баронъ познакомился съ собравшимися, полковникъ Беркутъ заявилъ, что теперь всѣ въ сборѣ и должно присту-

пить къ цѣли засѣданія, но, прежде всего, для порядка въ преніяхъ, надо избрать предсѣдателя.

Единодушно таковымъ былъ избранъ самъ полковникъ Беркутъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—мысль о необходимости сплотиться тѣмъ русскимъ людямъ, которые еще не поддались духу тлетворной безнародности, вѣрять въ свою страну и вѣрны началамъ ея великаго историческаго прошлаго, возникла впервые не у меня и не у нашего хозяина Максима Федоровича. Она принадлежит барону. Мы всѣ откликнулись на его призывъ. Пусть же онъ прежде всѣхъ насъ изложитъ прекрасную мысль свою.

Глаза всего собранія устремились на барона Фабіана.

Онъ всталъ и, поклонившись, началъ:

— Господа! Я чужой вамъ по крови и по вѣрѣ. А между тѣмъ, по странной игрѣ случая, мнѣ выпало предъ вами проповѣдывать простую мысль, которая, казалось бы, давно должна придти въ голову русскимъ людямъ. Въ то время, какъ враги Россіи объединены, русскіе люди сидятъ по угламъ и чужды другъ другу. Я люблю Россію. Я въ нее одну вѣрю. И думаю, что эта вѣра сильнѣе моей германской крови. Эта вѣра непоколебимая. И если есть во мнѣ что-либо германское, то это старая тевтонская вѣрность. Я — вѣрнень. Вотъ одно, что я могу принести возникающему союзу. А развить идею его я предоставляю вамъ, господа.

Баронъ Фабіанъ умолкъ и сѣлъ въ уголъ дивана.

Тогда попросилъ слова Украиновъ.

Поэтъ былъ глубоко взволнованъ.

— Мнѣ трудно передать, что въ эту минуту кипитъ въ моемъ сердцѣ,—сказалъ онъ.—Мысли толпятся въ мозгу и не знаю, съ чего начать. Слишкомъ долго мы, русскіе люди, сидѣли по угламъ и сами про себя думу думали. Кругомъ шла вакханалія самооплеванія. Поносились родная страна и всѣ ея тысячелѣтніе успѣхи. Чтобы прослыть передовымъ либераломъ, прогрессистомъ, европейцемъ, надо было краснѣть при словѣ „отечество“, презирать его, топтать, ругаться надъ нимъ. Вышло такъ, что въ представленіи русскихъ интеллигентныхъ людей, западъ и лба не перекрестить, не знаетъ ни идеи отечества, ни государственности, ни законовъ, и оправдываетъ своимъ учено-культурнымъ авторитетомъ нашъ доморощенный „аморализмъ“. Западъ, говорятъ, это свобода и равноправность. Свобода для всѣхъ. Равноправность для всѣхъ. И того не видятъ, что если даже за-

падный человекъ и свободомыслящій скептикъ, то для него религіей является его отечество. Настоящій, домовитый, гражданственный и патриотическій, трудовой Западъ у насъ какъ-то совсѣмъ заслоняется „интернаціоналкой“ во всѣхъ видахъ и вкусахъ.

Къ намъ ввозили чаще всего Европу фальсифицированную, и когда русскій человекъ, когда русская молодежь попадаетъ на Западъ, она положительно теряется при видѣ настоящей Европы.

Она встрѣчаетъ западъ семейный, трудолюбивый, благочестивый, патриархальный, патриотическій, и совсѣмъ не видитъ той необузданной вольности, которая сливалась въ ея воображеніи съ представленіемъ о западной Европѣ.

Культура, знаніе, образованіе—все это великія, творческія и благодѣтельная силы, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ служили пробужденію и укрѣпленію національнаго самосознанія народа, уяснили ему историческое призваніе его, пробудили чувство національнаго достоинства, научили его служить своему національному дѣлу въ прочныхъ церковно-государственныхъ предѣлахъ и сословно-земскихъ глубокихъ традиціяхъ. Но образованность, но культурность, но школа, которыя разрушаютъ національную личность народа, приготовляютъ безвольнаго, неврастеническаго „всечеловѣка“, истиннаго умственнаго и нравственнаго „босняка“, ничтожное существо, стыдящееся самыхъ словъ „отечество“, „нація“, „историческое прошлое“,—достигаютъ обратной цѣли и таятъ начала разложенія. „Культурность“, ведущая къ всесторонней „денационализаци“, ничего общаго не имѣетъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ. И распространители ея воспитаютъ народъ не для побѣдъ, а для позорныхъ пораженій. Еще Стефанъ Яворскій говорилъ: „Рыба отъ головы гнить начинается“.

Та мнимая „культурность“, которая выражается въ брезгливомъ презрѣніи къ накопленіямъ тысячелѣтней мудрости и правды народной, проѣдаетъ мало-по-малу и толщу народную и вездѣ въ разныхъ слояхъ и состояніяхъ, къ городамъ и селамъ появляется щеголеватый „интеллигентъ-босякъ“, который ко всему родному „относится скептически“, и вся мнимая „европеизація“ его выражается въ томъ, что онъ съ утра до ночи плюется. Этотъ, хлебнувшій знанія, натасканный на двѣ-три популярныя статейки или квяжечки, „интеллигентъ-босякъ“ прежде всего искренно отрекся отъ всего прошлаго своего народа. Да онъ и не знакомъ съ этимъ прошлымъ. Онъ начинаетъ міръ собою самимъ. Столь же искренно,

съ рвеніемъ варвара, исповѣдуетъ онъ какую-то фантастическую, безнаціональную, безрелигіозную, безгосударственную Европу. Онъ совершенно убѣжденъ, что „европеизмъ“ заключается въ „босаяческой философіи“.

Его еврей обучилъ, что надо быть „все-человѣкомъ“ и что патріотами и націоналистами могутъ быть одни только тупые ретрограды, да мерзавцы.

И бѣдный дикарь увѣровалъ свято въ коварную проповѣдь еврея, который къ тому же объяснилъ ему, что въ Россіи „господствующей“, т. е. православно-русской, націи гнусно утверждать въ себѣ свою національность, стоять за свои историческія права. Русскіе люди, какъ представители „угнетателей“, должны смиренно разоружиться, проникнуться ученіемъ „непротивленія“ и, закатывая глаза, какъ баранъ на вывѣскѣ мясника, чуть не говорить: „Да когда же вы изволите меня скушать!“

Націонализмъ, объяснилъ еврей русскому Митрофанушкѣ, созданъ только для „угнетенныхъ“ народностей.

Одушевленные аплодисменты всего собранія покрыли послѣднія слова поэта.

Онъ продолжалъ:

— Національная идея — это соль, все осоляющая и оздоравливающая. Единственная причина, почему великій, молодой, гениальный народъ русскій недомогаетъ,—это недостатокъ въ немъ историческаго самосознанія, смутное пониманіе имъ церковно-государственныхъ преданій и путей жизни.

Національная идея—дыханіе жизни. Она одна въ силахъ излечить наши общественные и народныя недуги. Жить, не зная цѣли и смысла своего существованія, нельзя. Національная идея открываетъ смыслъ, ставить цѣль.

А намъ необходимо *credo*, намъ нуженъ общій планъ жизни.

L.

Господинъ Крокодиловъ.

Рѣчь Украинова воодушевила собраніе и произвела чрезвычайное глубокое впечатлѣніе.

Чувствовалось въ ней живое, выстраданное убѣжденіе.

Чувствовалось, что все сказанное Украиновымъ давно въ немъ зрѣло и только ждало минуты, чтобы выразиться.

Онъ нашель формулу для единодушнаго чувства всѣхъ собравшихся.

Однако, сейчасъ же оказался среди нихъ и „понятливый“ русскій человѣкъ.

Господинъ очень невысокаго роста, но плотненькій и жирненькій, съ лицомъ евнуха, поднялся и пискливымъ голоскомъ попросилъ слова.

То былъ Аввакумъ Вукловичъ Крокодиловъ, педагогъ и редакторъ-издатель журнала шарадъ, ребусовъ, шахматныхъ задачъ и логогрифовъ, подъ заглавіемъ „Занимательно-развлекательная смѣсь“. Въ скобкахъ подъ этимъ заглавіемъ стояло другое на французскомъ діалектѣ: „Mélanges“.

— Можетъ быть, то, что я сейчасъ скажу,—запищалъ господинъ Крокодиловъ,—не придется по уровню развитія и пониманія присутствующихъ здѣсь. Но во всякомъ случаѣ, я огражду себя авторитетомъ Пушкина. Великій поэтъ, кажется, достаточно русскій человѣкъ! Вѣдь да? Вѣдь да? Вѣдь да?—прямо проскрипѣлъ, какъ неподмазанная дверная петля, господинъ Крокодиловъ.

— Ну, да!—недоумѣвая, подтвердилъ Украиновъ.

Господина Крокодилова, такъ же какъ и бритаго купчика ввелъ въ собраніе, не предупредивъ хозяина, модный проповѣдникъ, отецъ Гавріиль Младенцевъ. Подъ сѣнью его и сидѣли оба. А Младенцева пригласилъ Украиновъ, желая на первомъ засѣданіи союза русскихъ націоналистовъ видѣть и представителя родной церкви.

Отца Младенцева впрочемъ Украиновъ зналъ лишь по газетнымъ отчетамъ. Онъ прославился, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ петербургскихъ „предмѣстій“, говорилъ въ чайныхъ и ночлежкахъ босякамъ и „спиридонамъ-поворотамъ“. Газеты увѣряли, что дѣйствіе рѣчей о. Младенцева было поразительное, нравственно-оздоровляющее. Правда, нѣсколько удивлялись способу говорить его съ босяками. Рѣчи его представляли потоки цитатъ и ссылокъ на Золя, Мопассана, Польде-Кока, Шопенгауэра, Понсонъ-дю-Терайля, Ницше, Дюма—отца и сына, Флобера, Массильона, Вольтера, Бурдалу, Адама Смита, Парни, Захеръ-Мазоха, Сафира, Лассаля, Вл. Стасова, Конфуція, Льва Толстого, Сарду, Дюкре-Дюмениля, Гизо, Гегеля, Оому Аквинскаго, Блаженнаго Августина, Катюла Мендеса, Марціала, Армана Сильвестра, Иву Эдесскаго, Θεодорита Тирскаго, Θεодора Мепсуэтскаго, Венгерова, Словимскаго, Мережковскаго, Розанова, Дягилева, Валерія Брюсова, Мартина Лютера, Кальвина, протопопа Аввакума, Петра Могила, Оскара

Уайльда, Бодлера, иже во святыхъ отцовъ нашихъ Исидора Пелусіота и Теодора Студита, на кодексъ Наполеона, Наказъ Екатерины и Сборникъ отъзвовъ и мнѣній Филарета, митрополита Московскаго. И весь этотъ ошеломляющій потокъ цитатъ направлялъ проповѣдникъ на несовершеннолѣтнихъ питомцевъ колоніи для исправленія преступниковъ, на гостей ночлежнаго дома Макокина, на призрѣваемыхъ несчастныхъ дѣвиць и переутомленныхъ жоржъ-зандизмомъ интеллигентныхъ женщинъ и т. д. и т. д.

Не понравилось Украинову, что о. Младенцевъ подкрѣпилъ себя купчикомъ и издателемъ журнала „Mélanges“. Не понравилась и развязно-свѣтская манера себя держать. О. Младенцевъ сидѣлъ, подвернувъ подъ себя ногу и распахнувъ фіолетово-изумрудную рясу „шанжанъ“. Другая нога его, въ высокомъ „болотномъ“ сапогѣ и заправленныхъ въ сапогъ брюкахъ выставлялась на созерцаніе общества. Въ рукахъ о. Младенцевъ держалъ невысокій цилиндръ свой съ завернутыми полями и игралъ имъ. На широкомъ, заросшемъ золотымъ пушкомъ и усыпанномъ веснушками, совсѣмъ юномъ лицѣ его бродила масляная самодовольная улыбка. Волосы еще не успѣли, какъ слѣдуетъ, отрости. Онъ годъ всего, какъ кончилъ курсъ богословскихъ наукъ и защитилъ диссертацию „о гомилетическихъ глоссаріяхъ XV-го столѣтія въ королевствѣ Сардинскомъ въ связи съ вопросомъ о высотѣ Хеопсовой пирамиды, культомъ Ормузда и Аримана и современными теченіями въ области спиритизма, оккультизма, садизма и оргазма“.

— Итакъ, Пушкинъ, по вашему общему признанію, господа, русскій человѣкъ?—пропищилъ евнухоподобный господинъ Крокодиловъ.

— Ну, русскій! Да русскій!—послышались голоса.—Чего это онъ такъ настаиваетъ?

Господинъ Крокодиловъ склонилъ голову на бочекъ и пропищаль:

— А между тѣмъ этотъ самый Пушкинъ, котораго вы всѣ признаете несомнѣнно русскимъ человѣкомъ, сказалъ: „чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ“. Вотъ что сказалъ Пушкинъ!

Господинъ Крокодиловъ обвелъ взглядомъ узенькихъ глазокъ своихъ всѣхъ присутствующихъ.

— Это-съ сказалъ-съ Александръ Сергѣевичъ-съ Пушкинъ-съ!—подтвердилъ фасонистый купчикъ.

— Пу-у-ушкинъ! То-то и оно-то!—залившись неслышнымъ

смѣхомъ, скрѣпилъ отецъ Гавріиль Младенцевъ. И поднявъ свой цилиндръ, онъ въ восторгѣ ударилъ костяшками пальцевъ въ его дно, какъ въ бубень.

— Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ! Это сказала гениальный русскій поэтъ Пушкинъ,—повторилъ скрипучимъ голосомъ господинъ Крокодиловъ и еще:—„Я, конечно, презираю отечество мое съ ногъ до головы“. И это сказала вашъ Пушкинъ!—съ наслажденіемъ проскрипѣлъ господинъ Крокодиловъ.

— То-то и оно-то. Пу-у-ушкинъ!—подхватилъ о. Младенцевъ.

— Александръ-съ Сергѣевичъ-съ довольно полно для себя-съ!—поддержалъ куччикъ.

— Что же вы хотите сказать вашей цитатой?—нетерпѣливо спросилъ Украиновъ.

— Я надѣюсь, что мнѣ здѣсь обезпечать академическую свободу слова,—поспѣшно заскрипѣлъ господинъ Крокодиловъ,—впрочемъ наши охранители и распротріоты чѣмъ другимъ, а терпимостью не блещутъ!

— Вамъ никто, кажется, и не мѣшаетъ здѣсь говорить, господинъ... господинъ...—затруднился полковникъ Беркутъ.

— Крокодиловъ,—пискнулъ Крокодиловъ.

— Крокодиловъ-съ,—поддержалъ фасонистый куччикъ.

— Кро-ко-ди-и-иловъ,—подхватилъ о. Гавріиль и, залившись смѣхомъ, треснулъ цилиндромъ по заросшему рыжимъ пухомъ увѣсистому бурсацкому кулаку своему.

— Пусть говоритъ! Только поскорѣе!—послышались голоса.

— Да, господинъ Крокодиловъ,—сказалъ полковникъ Беркутъ,—выскажите кратко свою мысль. Потому что мы дорожимъ временемъ. Мы вѣдь собрались не для споровъ, а для объединенія. Всѣ мы обладаемъ давно сложившимися взглядами, всѣ одного духа.

— Вы, однако, не можете запретить мысли свободно проявляться и развиваться,—заскрипѣлъ господинъ Крокодиловъ.—И я опять спрошу васъ: историографъ Карамзинъ по вашему русскій человѣкъ? Вѣдь—да? Вѣдь—да? Вѣдь—да?

— Ну, да, да!—подтвердили, недоумѣвая, Украиновъ и полковникъ Беркутъ.

— А между тѣмъ, онъ сказалъ: „Если скверно быть сыномъ презрѣннаго отца, то еще гнуснѣе быть сыномъ презрѣннаго отечества“. Вотъ что сказалъ Карамзинъ, котораго вы признаете русскимъ человѣкомъ.

— Да-съ, это-съ именно оказалъ-съ Николай-съ Михайловичъ Карамзинъ-съ!—подчеркнулъ купчикъ.

А о. Младенцевъ и говорить не могъ отъ душившего его смѣха.

Онъ досталъ изъ своей шелковой рясы „шанжанъ“ истрепанную и засаленную книжку безъ переплета и, высоко поднявъ ее, пробасилъ:

— Вотъ тутъ все русскіе люди! Ихъ мнѣнія!

— Что это за книжка?—освѣдомился полковникъ Беркутъ.

— Извѣстнаго русскаго писателя Скальковскаго.

— Константина-съ Аполлоновича-съ,—поддержалъ купчикъ.

— „Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ о себѣ самихъ“. Вотъ какая книга,—опять пробасилъ Младенцевъ.

— Я знаю эту книгу. Что же общаго между нашими воззрѣніями и этой книгой?—сказалъ Украиновъ.—Въ ней собраны исключительно желчныя и одностороннія бутады различныхъ русскихъ людей и писателей.

— Желчи-то намъ и надо! Желчи-то намъ и подавай!—возразилъ Младенцевъ.

— И я не могу понять, почему это собраніе мнѣній одностороннихъ?—заскрипѣлъ господинъ Крокодиловъ.—Я полагаю, что собраніе мнѣній множества русскихъ людей достаточно авторитетно. Не менѣе, а поболѣе мнѣній здѣсь собравшихся, но пока ничѣмъ себя не заявившихъ господъ. А эти мнѣнія всѣ сводятся къ тому, что презрѣніе къ своему отечеству и обличеніе его язвъ и есть истинный патріотизмъ.

— Язвы-то намъ и подай! Язвы-то и ковырай!—поддержалъ Младенцевъ.

Купчикъ вскочилъ и, ручкой дѣлая успокоительные жесты по направленію собранія, начинавшаго приходить въ волненіе, проговорилъ:

— Не такъ чтобъ очень сильно крѣпко...

— Что такое? Это еще что такое? Что онъ говорить?

— Но довольно просто мило и благородно вамъ объяснилъ Аввакумъ-съ Вуколовичъ-съ по книжкѣ господина-съ Скальковскаго-съ, Константина-съ Аполлоновича-съ! Сходственно съ тѣмъ я долженъ что-либо имѣть и получить права-съ, если съ меня деруть-съ и налоги-съ, и на благотворительность. Не такъ чтобъ очень сильно крѣпко... Но представительство тамъ, медаль или камергерскій мундиръ и засѣданіе въ государственномъ-съ что ли-съ совѣтѣ-съ, тогда мы съ полнымъ удовольствіемъ готовы-съ полюбить-съ отечество-съ. А такъ-съ

въ сухомятку-съ не гораздо... Не гораздо... Не такъ чтобъ очень сильно крѣпко...

— Что это такое? Откуда онъ взялся? Что онъ говоритъ?

— Но довольно просто-съ, мило-съ и-и-и благородно-съ! Стараго воробья на мякинѣ не проведешь-съ, а откуда взялись? Изъ самое Москвы-съ златоглавой-съ, съ Живодерки-съ. Домъ въ послѣднемъ вкусѣ стиль нуво-съ. Были въ Лондонѣ и Парижѣ-съ... На патоку только однѣ мухи-съ падки-съ. Не такъ чтобъ очень сильно крѣпко...

LI.

Почетный членъ Омона.

Купчика дернулъ за смокингъ отецъ Гавріиль Младенцевъ и онъ шлепнулся на стулъ и смолкъ. Собраніе и негодовало, и смѣялось.

Старый, сѣдой купецъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на фасонистаго купчика и сказалъ сквозъ зубы:

— Залетѣла ворона не въ свои хоромы. Что ты врешь-то, стиль нуво? А я твоего тятеньку знавалъ. Былъ настоящий купецъ. Ну, былъ ты въ Лондонѣ и Парижѣ. Поѣхалъ туда поросенкомъ, вернулся цѣлой свиньей. Лба не перекрестишь. Сидишь у Омона. А тоже захотѣлъ въ Государственный Совѣтъ. Такъ тебя и пустили туда, неприличный ты человекъ!

Эта строгая рѣчь чрезвычайно переконфузила купчика „стиль нуво“. Онъ заерзалъ на стулѣ, пряча свои васильковые глазки отъ прозвительнаго взгляда стариннаго уклада „папаши“.

— Не такъ чтобъ очень сильно крѣпко... — пробормоталъ онъ.

— Почетный билетъ на входъ къ Омону имѣешь?—спросилъ его въ упоръ старый купецъ.

— Имѣю-съ,—приподнимаясь почтительно на стулѣ, отвѣчала купчикъ.—Довольно просто, мило и аккуратно...

— Ну, и будь доволенъ. Какихъ еще тебѣ правовъ-оть?!

Отецъ Гавріиль Младенцевъ поднялся. За нимъ вскочили купчикъ и Крокодиловъ.

— Иже во святыхъ отецъ нашъ Исидоръ Пелусіотъ выразился: Капля состраданія цѣлитъ раны злостраждущаго паче лѣкарственнаго зеля, повязокъ и всякихъ ухищреній врачевства. А современный французскій писатель Мопассанъ гово-

рить: интересное положеніе навсегда портитъ фигуру женщины, слѣдовательно, материнство есть самоотверженіе. А у Кальвина читаемъ: Безвольность подчинившаго себя Высшей волѣ есть наивысшее проявленіе человѣческой воли. Наконецъ, и преосвященнѣйшій Филаретъ многократно отзывался въ смыслѣ подобномъ, хотя и не равнозначномъ. Что же можно къ сему прибавить? Валерій Брюсовъ въ вдохновенной строфѣ выразился: И нѣмота коснѣнія глаголовъ есть громъ неслышннй пророковъ глухонѣмыхъ! Наконецъ, Бодлеръ указывалъ: Я—желчный, говорить, узелъ цвѣтовъ зла и преступленья, расцвѣтшій въ испареніяхъ клоаки мерзостной сукровицы. Упомяну еще слова знаменитаго проповѣдника Лакордера. Онъ говоритъ: Порокъ, несомнѣнно, сладокъ, но добродѣтель еще слаще. И все заключу вѣщимъ афоризмомъ гениальнаго русскаго мыслителя Василія Васильевича Розанова: Безполое не прилипаетъ и не прилипаетъ, а лицо, увлажненное позолотой миквъ юдаизма—вывороченный на изнанку полъ. Тутъ уголки, тутъ уголочки. Тутъ и дѣточки и могилки. И прилипаетъ, и прилипаетъ! Вотъ все, что я могу сказать здѣсь собравшимся. А теперь поспѣшимъ на собесѣдованіе въ ночлежный пріютъ Макокина! Мое почтеніе, господа!

Младенцевъ махнулъ своимъ цилиндромъ и широкими шагами болотныхъ сапогъ двинулся вонъ изъ комнаты, такъ что ряска его „шанжанъ“ разлетѣлась во всѣ стороны и произвела вѣтеръ, свистя шелкомъ.

За нимъ двинулись, не прощаясь, купчикъ и Крокодиловъ.

Хозяинъ ихъ не провожалъ и черезъ минуту дверь на лѣстницу за ними шумно захлопнулась.

ЛII.

Боль заявлена.

— Каррикатурные господа,—сказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

— А между тѣмъ, ихъ теперь тысячи,—отвѣчала Украинновъ.—Всѣ homonovus'ы у насъ представляютъ изъ себя подобныя каррикатуры. Вотъ вамъ купчикъ, бурсакъ и крестьянскій сынъ, этотъ издатель „Mélanges“, Крокодиловъ. И ничего въ нихъ нѣтъ! Никакихъ устоевъ! Только стремленіе плеваться.

Скоро, впрочемъ, необыкновенный выходъ трехъ представителей „сыромятной“ русскаго силы былъ забытъ.

Говорили много, съ жаромъ искренняго увлеченія, что на-
кипѣло на сердцахъ.

Хозяинъ пригласилъ за скромный ужинъ. Дешевое крас-
ное вино наполнило стаканы и рѣчи, тосты полились рѣкой.

Баронъ слушалъ и отдыхалъ душою. Какъ много силъ
живыхъ, бодрыхъ, чистыхъ и свѣжихъ таится въ русскомъ
обществѣ!

Ихъ надо только соединить вокругъ священнаго стяга
исконныхъ русскихъ началъ.

Русь не шелохнется,
Русь, какъ убитая,
А загорится въ ней
Искра сокрытая—
Встануть не бужены!

Но нѣтъ! Надо будить! Надо быть колоколомъ національ-
наго возрожденія Россіи!

Vivos vos! Mortuos plango! Fulgura frango!

Теперь, вокругъ скромной трапезы, въ тѣсной квартиркѣ
пятого этажа, собралась небольшая группа людей, которые до
того сидѣли по разнымъ угламъ да мурьямъ и копили мысли,
скорбныя, неотвязчиво-мучительныя.

Какъ вышло, что на перекресткѣ петербургскихъ дорогъ
эти люди „сошлись и заспорили“? Трудно сказать.

Впрочемъ, споровъ почти не слышно было, такъ, словно
части какого-то предуставленнаго цѣлага, сложились отдѣль-
ныя мысли этихъ людей въ нѣкоторое опредѣленное испо-
вѣданіе.

Среди ужина полковникъ Беркутъ поднялся со стаканомъ
въ рукѣ.

Все стихло. Полковникъ заговорилъ:

— Поднимается въ русскомъ обществѣ голосъ историче-
скаго призванія, голосъ національнаго чувства, поднимается
приливомъ медленнымъ, но неудержимымъ.

Да и какъ можетъ быть иначе!

За послѣдніе годы мы были свидѣтелями такихъ необы-
чайныхъ событій, что спячка общества не могла продол-
жаться.

Запухшія вѣки приподнялись!

Глаза открываются широко!

Такъ вот оно что! Мы спали, а пока мы спали, глядя,
какая пучина разверзлась, какія трещины, глубоко проникаю-
щія до самой сердцевины, пошли въ русской жизни!

Вдругъ выросъ новый классъ, хищный, наглый, не стѣсняющійся въ средствахъ, и съ цѣлями, ничего общаго не имѣющими съ завѣтами намъ родными, классъ инородческой буржуазіи, захватывающій скопомъ русскую землю, ея богатства, раскинувшій сѣтъ широкую, подчинившій себѣ и печать, и школу, и общественное мнѣніе.

Мы—представители русской націоналистической мысли, сторонники народнаго міросозерцанія съ его завѣтами правды и справедливости, мы—боль общественная.

Что-бы ни было и къ чему-бы мы ни пришли, но боль заявлена.

И спрятать, и скрыть этого нельзя.

Правда вышла, да на весь честной народъ и крикнула.

За правду, господа! За истинную правду!

— За правду! За гонимую правду!—одушевленнымъ крикомъ отвѣчало все собраніе.

Стаканы сосуткнулись. Полковникъ Беркутъ продолжалъ:

— Боль заявлена. Боль отъ новыхъ цѣпей и колодокъ, которыя инородческая буржуазія наша, вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ, порванныхъ невѣроятными усиліями лучшихъ русскихъ умовъ, долгой ихъ работой, многими ихъ жертвами, накладываетъ и на русское крестьянство, да и на пролетаріатъ нашихъ окраинъ, и на пролетаріатъ своихъ-же народностей.

Боль нестерпимая отъ той цензуры, которую наложила инородческая буржуазія почти на всю русскую печать, а черезъ нее и на общественное мнѣніе!

Да, что я говорю! До того дошло, что изъ-за широкихъ спинъ могучихъ, но добродушныхъ и сонныхъ русскихъ людей протягивается еврейская рука съ крючковатыми пальцами и хочетъ грязной, смрадной ермолкой своей накрыть шапку Мономаха!

А мы по этой наглой и хищной лапѣ и щелкнемъ такъ, чтобы впредь было неповадно.

— Bravo, полковникъ, bravo!

Дружный смѣхъ отвѣчалъ на картинное сравненіе полковника Беркута.

— Гдѣ, когда въ исторіи былъ народъ, который огуломъ бы почелъ все свое прошлое „фантомомъ“, сошелъ со своихъ историческихъ путей, и не погибъ-бы, а внѣ національной идеи, внѣ церковно-государственныхъ преданій своихъ обрѣлъ счастье и свободу?

Такого народа не было никогда.

„Пробуждаться“ къ сознательной жизни значитъ познавать

смыслъ своего историческаго бытія и допрашивать скрытаго въ немъ глубоко духа жизни.

„Развиваться“, идти впередъ значить продолжать дѣло предковъ и выполнять тотъ урокъ, который заданъ исторіей.

Только то, что является выводомъ глубоко сознанныаго прошлаго, есть развитіе.

Но оно становится прямо невозможно, если мы столкнемъ это прошлое съ пути своего, какъ застилающій свѣтъ „фантомъ“.

И если историческія и церковно-государственныя преданія всѣ сплошь суть ничтожныя, какъ фантомъ, призракъ, обманъ и ложь, то во имя чего жилъ, работалъ, страдалъ, вѣрилъ, проливалъ потъ и кровь цѣлое тысячелѣтіе народъ?

Не значить-ли это признать его полное банкротство?

Наконецъ, вотъ наши „интеллигенты“ выбросили изъ своей жизни всѣ „фантомы“ прошлаго.

Что-же, стали они отъ этого свободными и счастливыми? Не проходитъ-ли жизнь русскихъ интеллигентныхъ космополитовъ въ жалкомъ прозябаніи?

Съ отвращеніемъ отбывая какую-нибудь „должность“, остальное время они томятся скукою, прожигая жизнь за адюльтерами, виномъ, картами.

И во всемъ мірѣ такъ.

Всякое общество, порвавшее съ историческимъ прошлымъ и согнавшее съ пути своего національную идею, какъ „фантомъ“, погружается въ жалкое служеніе исключительно „обжорнымъ“ благамъ; томится маразмомъ неудовлетворенности, пошлѣветъ, тупѣветъ, творческій духъ оставляетъ его и оно погибаетъ жалкой смертью.

Наше прошлое есть прошлое народа великаго.

Національная идея наша—христіанская и свѣтлая.

Намъ есть чѣмъ жить!

Внѣ національной идеи нѣтъ спасенія, нѣтъ возрожденія.

Она одна обладаетъ организаціонной силой, способной остановить распаденіе общества и народа.

Прошлое, сознательно воспринятое, уясненное, понятое, прошлое Руси и славянства одно въ силахъ дать огонь и жизнь гаснущему нашему духу, поднять нашу упавшую самодѣтельность, укрѣпить нашу ослабѣвшую волю.

LIII.

Ночное раздумье.

Возвратившись въ свой гостиничный номеръ, полный пережитыми впечатлѣніями, баронъ Фабіанъ не могъ уснуть.

Окно его номера выходило на обширный пустырь, заваленный дровами, съ навѣсами, маленькими домишками. За этимъ дворомъ развѣртывалась широкая панорама. Кресты и купола нѣсколькихъ церквей блестяли при свѣтѣ яркой луны, изъ-за крышъ и вершинъ деревьевъ скверовъ. Не зажигая огня, баронъ Фабіанъ присѣлъ на подоконникъ и смотрѣлъ въ сверкающую огнями ночь. Луна плыла въ мириадахъ прозрачныхъ волоконъ облачной мглы. Огни въ окнахъ загадочно теплились.

Ночная жизнь гигантской столицы глухо и дремотно шла въ этихъ тысячеглазыхъ фасадахъ.

Баронъ Фабіанъ былъ полонъ чувствъ противорѣчивыхъ. Образъ, манящій, милый, прелестный образъ недоступной дѣвушки тихо рѣялъ въ его воображеніи.

Сердце ныло, замирало, плакало.

Потомъ вдругъ голова начинала усиленно работать. Въ ухахъ звучали задумчивыя, убѣжденныя рѣчи его новыхъ товарищей по общему дѣлу.

Духъ его окрылялся. Наступила давно жданная минута.

Стояло дѣло, дѣло цѣлой жизни передъ нимъ.

Но жажда личнаго счастья боролась въ немъ съ чувствомъ духовнаго удовлетворенія.

И глядя на сверкавшее во мракѣ чудовище, на этотъ полуспящій городъ, глядя на безстрастный ликъ луны, пробиравшейся въ облачной мглѣ, баронъ Фабіанъ тосковалъ, и сердце его учащенно билось, и духъ его колебался, какъ пламя свѣчи, выставленной на вѣтеръ.

Ему представлялся благородный и мужественный образъ всѣхъ привлекавшаго къ себѣ полковника Беркута объ руку съ Фелицатой, опустившей длинныя рѣсницы, чтобы скрыть пламень нѣжности, струящейся изъ очей ея.

Какъ хороша была эта пара!

И та идея, которая озаряла путь полковника Беркута, которой онъ служилъ, была святыней и для барона Фабіана.

И все-же лукавое искушеніе шептало ему: почему онъ такъ несчастенъ? Почему не ему довелось идти къ великой цѣли объ руку со этой дѣвушкой?..

Ему стало душно въ номерѣ.

Онъ одѣлся и вышелъ въ длинный, тихій корридоръ. Спустился по лѣстницѣ и вышелъ на улицу.

Было уже слишкомъ поздно и движеніе стихло. Улицу за улицей, пустынная, странная, съ потухшими окнами темныхъ домовъ, проходилъ баронъ и самъ не зналъ, куда его ведутъ мысли и чувство, и весь тотъ хаосъ противорѣчій, который вращался въ груди его.

Онъ пробродилъ такъ всю ночь, до полнаго утра и когда возвратился въ свой номеръ, багровое солнце въ кровавыхъ облакахъ поднялось надъ домами, и заливало его комнату розовымъ свѣтомъ.

Онъ спустилъ толстыя драпировки, раздѣлся, бросился въ постель и тяжелый сонъ оковалъ его.

Онъ проснулся поздно, но бодрымъ и веселымъ. Ни слѣда ночныхъ ощущеній въ немъ не осталось.

Этотъ день онъ провелъ въ различныхъ мелкихъ хлопотахъ, исполняя хозяйственныя порученія своей матушки въ магазинахъ. Зайдя въ магазинъ художественныхъ принадлежностей за красками, онъ встрѣтилъ юркаго человѣчка, устроителя выставокъ.

Всѣ звали его почему-то Жоржемъ. Еврейскій типъ лица не мѣшалъ ему выдавать себя за поляка.

Этотъ смуглый и черноволосый „Жоржъ“ сказалъ барону Фабиану, что, уѣзжая, Петрушечка поручилъ ему организовать выставку его новыхъ этюдовъ, рисунковъ и „штучекъ“. Жоржъ просилъ барона помочь ему при составленіи каталога.

— Я знаю, что вы большой другъ нашего милаго Петрушечки. И вы мнѣ поможете, — говорилъ Жоржъ.

Баронъ Фабианъ не отказался.

Всю остальную часть дня онъ помогалъ Жоржу въ составленіи каталога произведеній Петрушечки.

Вечеромъ онъ уже сидѣлъ въ купе вагона. Мимо проходили печальныя низины петербургскихъ окрестностей. Болотца, кусточки, чахоточные лѣски.

Но баронъ съ веселой душой смотрѣлъ на эти печальные виды.

Онъ былъ спокоенъ.

Внутренній разладъ закончилъ въ немъ свою работу. Сердце его билось ровно. Путь жизни лежалъ передъ нимъ, прямой и ясный. Чувство долга возобладало въ немъ надъ всѣми другими чувствами и какъ-бы оледенило ихъ.

LIV.

Замокъ Шналленштейнъ.

Фелицата въ срединѣ сентября извѣстила телеграммой барона Фабіана о прїѣздѣ съ Люси. На станцію желѣзной дороги, по распоряженію старой баронессы—матушки его, была послана карета, съ гербами бароновъ Шналленштейнъ и дворянъ Моргенфру-Саломонъ-офъ-Гемаръ-офъ-Ловисъ-Саломоніусъ, осыяненными общей короной. Карета была запряжена четверкой черныхъ лошадей. На первой парѣ сидѣлъ грумъ. Лакей висѣлъ сзади кареты.

— У насъ такъ только архирей теперь ѣздитъ,—подумала Фелицата, садясь съ маленькой Люси въ карету, озарявшую вечернія сумерки фонарями.

Кучеръ, лакей, фореиторъ показались ей не то бритыми „иностранцами“, не то заговорщиками, увозящими ее въ тайное судилище, вродѣ того, которое описано въ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ Гете. Такъ холодны, строги и бездушно-злобѣщи показались ей слуги скандинавско-балтійской баронессы.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда карета выѣхала въ совершенно бесплодную, песчаную мѣстность, поросшую еловымъ и сосновымъ лѣсомъ, заваленную камнями и затянутую мхами и вересками. Эта мѣстность широкими уступами спускалась къ морю, которое чуть мелькало въ сумеркахъ. Небо загромождали облака.

Изъ нихъ сталъ моросить тонкіѣ дождь. Дулъ холодный вѣтеръ. Какія-то лачуги чернѣли направо, на краю уступа, и тамъ сверкалъ огонекъ. По гладкой, какъ скатерть, каменной дорогѣ, треща гравіемъ, карета стала спускаться внизъ, точно въ преисподнюю, въ темную, мрачную котловину, уходящую въ море.

Изъ-за вершинъ деревьевъ показались острыя крыши со шпильями и еще дальше зубчатый верхъ клуглой башни.

Очевидно, это и были—старый и новый Шналленштейны. Проѣхавъ большія чугуныя ворота въ готическомъ вкусѣ съ башенками, карета поѣхала мрачнымъ, темнымъ и сырнымъ паркомъ, изъ колоссальныхъ хвойныхъ деревьевъ—елей, пихтъ, лиственницъ и сосенъ. Ихъ хвоя казалась черной. Мощные стволы тѣснились другъ къ другу и аллеи между ними казались корридорами. Мѣстами въ паркѣ открывались зеленныя поляны и широкія просѣки; но онѣ были изрѣзаны

глубочайшими канавами, полными черной, желѣзистой воды, и туманъ клубился надъ ними.

— Какъ страшно здѣсь, какъ скучно,—думала Фелицата.

Новыя ворота съ гербами пересѣкли шоссе. За ними открывался обширный, усыпанный пескомъ дворъ и зданія новаго Шналленштейна, о которомъ въ архитектурномъ отношеніи можно было только сказать, что тамъ были окна и двери. Длинное, казарменное кирпичное трехэтажное зданіе съ красными стѣнами и черными украшеніями по карнизу и вокругъ оконъ, съ черепичатой крышей, флюгерами и башней, на которой трепеталъ флагъ, сверкало во тьмѣ надвинувшагося вечера.

У калитки воротъ стояли двѣ фигуры: дамы, одѣтой въ непромокаемый плащъ съ капюшономъ, надвинутымъ на глаза, и высокаго мужчины, тоже въ непромокаемомъ плащѣ. Но только капюшонъ его былъ спущенъ.

То была сама скандинавская баронесса и баронъ Фабіанъ.

Баронесса, хотя до крайности недовольная приглашеніемъ въ свой замокъ русской барышни, все-же пожелала, ради сына, съ которымъ хотѣла возстановить постоянно нарушавшіяся дружескія отношенія и ради фамильныхъ воспоминаній объ общности родовъ ливонскихъ и бѣлорусскихъ Шналленштейновъ въ лицѣ пращура, обитавшаго въ старой башнѣ на морѣ, оказать высочайшую честь гостѣмъ: она сама съ сыномъ вышла къ воротамъ замка встрѣтить ее.

Около стоялъ старый слуга въ полуфрактѣ и въ штіблетяхъ, похожій на пастора, и держалъ маленькій фонарикъ, слабый свѣтъ котораго еле боролся со мглой. Когда карета остановилась у воротъ, этотъ служитель открылъ дверцу.

Баронъ Фабіанъ подошелъ и привѣтствовалъ Фелицату, протягивая ей руку, чтобы помочь выйти изъ кареты.

Фелицата, въ сумракѣ, совсѣмъ не узнала барона Фабіана. Даже голосъ его показался ей совсѣмъ чужимъ. Старыя деревья глухо роптали надъ дорогой. Изъ всѣхъ угловъ и закоулковъ зіяла мгла. Мрачное зданіе зловѣще сверкало окнами. Дождь моросилъ. Тучи шли низко по небу. Вѣтеръ дулъ порывисто, срывая съ опущенныхъ хвой крупныя капли и бросаая ихъ въ лицо людямъ. Старая баронесса въ капюшонѣ стояла недвижно и огромная тѣнь ея падала на стѣну кротегуса.

— Это вы, баронъ?—робко спросила Фелицата, не рѣшаясь протянуть ему руку.

— Да, это я. Прошу васъ выйти изъ кареты. Позвольте

вась представить моей матушкѣ. Фелицата вышла изъ кареты. Служитель поклонился ей чуть не до земли.

— А гдѣ моя маленькая пріятельница Люси? — спросилъ баронъ Фабианъ.

— Я здѣсь! Я здѣсь! — раздался испуганный голосокъ и Люси ухватилась за протянутыя руки барона.

Онъ вынулъ дѣвочку изъ кареты и поставилъ на мокрый гравій дороги.

Затѣмъ онъ поспѣшилъ представить старой баронессѣ Фелицату.

Она только кивнула головой и изъ подъ капюшона раздался рѣзкій, съ сильнымъ акцентомъ вопросъ:

— Вы совершенно одиѣ? Васъ не сопровождаетъ никто изъ вашихъ родственниковъ? Какъ это странно! Впрочемъ, — баронесса помолчала и кончила, какъ бы сама съ собой разговаривая, — у русскихъ все странно.

Старый служитель съ фонарикомъ прошелъ въ калитку и, освѣщая имъ путь, быстро двинулся по боковой дорожкѣ, между двумя стѣнами облетѣвшаго кротегуса, только кое-гдѣ сохранившаго багровые листки, казавшіеся кровью на громадныхъ, торчавшихъ шипахъ живой изгороди.

За служителемъ пошла баронесса. За нею смущенная Фелицата, въ довольно легкомъ синемъ, съ сѣрыми отдѣлками, очень шедшемъ къ ней пальто, и маленькая Люси. Шестіе замыкалъ баронъ Фабианъ, взволнованный и разсерженный.

Вопросъ баронессы не предвѣщалъ ничего добраго, и онъ уже раскаивался, что пригласилъ Фелицату.

А онъ такъ ждалъ сладкой минуты свиданія съ ней, здѣсь, на землѣ ихъ общихъ предковъ! Эта минута представлялась ему сіяющей, какъ небесная звѣзда. Онъ упрекалъ себя, что уступилъ настоянію матери и не поѣхалъ встрѣтить Фелицату на станцію желѣзной дороги. Тогда ему можно было бы провести съ ней цѣлый часъ въ каретѣ, поговорить наединѣ, и приготовить къ предстоящему знакомству съ его матушкой. Сильный споръ наканунѣ у него былъ съ матушкой и по вопросу о языкѣ, на которомъ объясняться съ гостьей. Баронесса желала говорить по-нѣмецки. Но баронъ Фабианъ потребовалъ, чтобы даже французскій языкъ не былъ употребленъ, но единственно одинъ русскій. И на этомъ настоялъ.

Баронесса шла чрезвычайно быстро. Она иначе не двигалась. Фелицата съ трудомъ поспѣвала за ней, а Люси совсѣмъ пришлось бѣжать. Тѣни отъ всѣхъ ихъ тоже бѣжали по живой изгороди. Боковая дорожка эта обходила кругомъ всего

двора и приводила къ боковому крыльцу замка. Въ незнакомѣ мѣстѣ, въ ночной тишинѣ, въ молчаніи, это шествіе показалось Фелицатѣ безконечнымъ.

Наконецъ они достигли крыльца и вошли въ обширную переднюю. Въ ней было холодно, сыро и пусто. Непромокаемый плащъ баронессы снялъ слугитель и изъ-подъ капюшона явилась характерная, величественная голова, съ соколинымъ профилемъ, съ сѣдыми буклями и вся, облеченная въ черное платье, прямая и гордая фигура баронессы Эрики-Беаты-Доротей-Ингеборгъ фонъ-Шналленштейнъ, рожденной фонъ-Моргенфру-Саломонъ-офъ-Гемаръ-офъ-Ловисъ-Саломонусъ.

Фелицата чувствовала себя такъ, словно она вновь попала въ институтъ и стоитъ передъ строгой маман-начальницей.

Подобіе улыбки изобразилось на сжатыхъ губахъ баронессы.

— Прошу покорно за мною, фрейлейнъ Фелицатъ,—сказала она.—Я покажу вамъ комнату, гдѣ вы можете привести въ порядокъ вашъ туалетъ.

Она пошла вверхъ, по деревянной, дубовой, рѣзной лѣстницѣ, блестящей лакомъ. Фелицата съ Люси двинулись за ней.

Они прошли рядъ комнатъ, убранныхъ съ холоднымъ великолѣпіемъ. Портреты въ средневѣковыхъ костюмахъ и въ рыцарскихъ латахъ провожали строгими глазами гостью и маленькую дѣвочку, частые шаги которой четко отдавались подъ высокими потолками. Чистота, чинный порядокъ, пустота и скука царили въ этихъ покояхъ.

Для Фелицаты и Люси были приготовлены двѣ комнаты, напоминавшія, по чистотѣ и немногочисленности мебели, опять-таки институтскіе дортуары. Въ нихъ было очень свѣжо. Вся мебель — полисандроваго дерева. Большое зеркало, кровать съ ослѣпительной бѣлизны бѣльемъ, огромный мраморный умывальникъ. Полъ былъ покрытъ линолеумомъ съ рисунками, изображавшими грифоновъ, почему-то напоминавшихъ самую баронессу.

Пожилая горничная въ чепчикѣ поклонилась гостямъ, видимо ожидая ихъ и готовая къ услугамъ.

— Я надѣюсь, что вамъ здѣсь будетъ покойно,—сказала баронесса.

— О, благодарю васъ,—смущенно опуская глаза подъ пронзительнымъ взглядомъ скандинавки, отвѣчала Фелицата.

Однако, когда баронесса ушла, она подумала:

— Съ чего это я такъ смущаюсь передъ этимъ грифономъ? Такъ вотъ какова матушка у барона Фабиана! Бѣдный баронъ!

Дѣвушка улыбнулась и подошла къ большому зеркалу, отразившему ее прелестнѣе, чѣмъ когда-либо. Фелицата опять улыбнулась и потомъ сказала горничной, что ей ничего не нужно. Горничная отвѣчала что-то на неизвѣстномъ языкѣ и продолжала стоять неподвижно. Она не понимала по-русски. Въ дверь комнаты раздался осторожный стукъ. Горничная вопросительно посмотрѣла на Фелицату. И когда та кивнула головой, отворила дверь. Старичекъ-служитель съ пасторской физиономіей, крихтя, внесъ чемоданчикъ гости.

Фелицата спросила Люси, нравится-ли здѣсь ей.

— Ахъ, здѣсь такъ холодно и страшно!—отвѣчала дѣвочка. И мама барона такая строгая и сердитая. Почему это она такая сердитая?

— Молчи, Люси. Насъ могутъ услышать.

— А мы долго здѣсь будемъ?—спросила Люси.

— Нѣтъ, не долго,—отвѣчала Фелицата.

— Уѣдемъ завтра и увеземъ барона,—предложила Люси.

— Ты глупенькая, Люси. Мамаша не позволитъ ему съ нами уѣхать.

— А что это такъ гремитъ?—спросила дѣвочка.⁶

— Гремитъ?!—Фелицата прислушалась.

Однообразный, неумолкаемый, протяжный громъ и ревъ слышался изъ ночной тьмы. Къ нему присоединялся еще вой вѣтра въ трубѣ.

— Ахъ, это вѣрно море шумить!—догадалась Фелицата и обратилась съ нѣмецкимъ вопросомъ къ такъ-же неподвижно въ каменномъ бѣломъ чепчикѣ стоявшей горничной.

Та отвѣчала на незнакомомъ языкѣ. Она не понимала и по-нѣмецки.

Горничная говорила только по-эстонски и знала нѣсколько шведскихъ фразъ, съ которыми обращалась къ ней старая баронесса.

Фелицата спросила старичка, поставившаго чемоданчикъ, и собиравшагося было уходить, понимаетъ-ли онъ по-нѣмецки.

Бритое лицо служителя озарилось улыбкой такого сорта, словно онъ понюхалъ укусу.

Онъ понималъ и на вопросы Фелицаты объяснилъ, что это дѣйствительно шумить море. Если фрейлейнъ что-либо нужно будетъ, то вотъ пуговки звонка—одна къ нему, другая къ горничной, объяснилъ онъ дальше и съ низкими поклонами удалился.

Фелицата занялась туалетами—своимъ и маленькой Люси. Разговоръ со старикомъ ее успокоилъ. Она посматривала на грифоновъ линолеума и лукаво улыбалась.

LV.

Готическій ужинъ.

Черезъ полчаса баронесса появилась въ комнатѣ русской гостыи и все съ тѣмъ же выраженіемъ грифона пригласила ее къ ужину.

При этомъ она спросила, говорить-ли Фелицата по нѣмецки? И когда оказалось, что говорить, и превосходно, значительно смягчилась.

Она стала спрашивать Фелицату о ея родителяхъ и о фамилии бѣлорусскихъ Швалленштейновъ; затѣмъ похвалила ея туалетъ; потрепала по щечкѣ Люси и повела обѣихъ въ столовую.

То была обширная комната. Стѣны и потолокъ ея были убраны рѣзнымъ дубомъ. Громадный каминъ въ готическомъ стилѣ пылалъ и трещалъ, распространяя тѣмъ болѣе пріятную теплоту, что въ остальныхъ покояхъ замка было прехолодно.

Баронъ Фабіанъ, услыша нѣмецкій разговоръ матери съ Фелицатой нахмурился. Это было нарушеніемъ условія. И онъ сейчасъ-же по-русски сказалъ это баронессѣ, сѣвшей въ монументальное кресло.

Баронесса нахмурилась тоже. Въ эту минуту и мать и сынъ напомнили Фелицатѣ двухъ разсерженныхъ грифоновъ.

Наступила напряженная тишина.

Фелицата и Люси по обычаю, заведенному у нихъ въ домѣ, перекрестились, садясь за столъ.

Баронесса, баронъ Фабіанъ, старый слуга, имъ прислуживавшій и молодой, бѣлобрысый, толстый лакей, всѣ сложили руки и поникли головами, читая про себя молитву.

— Мой сынъ требовалъ, чтобы я непременно говорила съ вами по-русски, хотя я плохо знаю этотъ языкъ и съ большимъ трудомъ могу выговаривать правильно,—сказала затѣмъ баронесса.

— Вы отлично знаете по-русски, матушка,—съ нетерпѣніемъ въ голосъ произнесъ баронъ Фабіанъ.

— Нѣтъ, я говорю не граматикально, Фабіанъ,—возразила настойчиво баронесса, потому что этотъ языкъ — мнѣ чужой.

— Какъ можетъ быть чужимъ языкъ отечества?—сказалъ баронъ Фабіанъ.

Баронесса не отвѣчала. Лицо ея окаменѣло въ выраженіи достоинства и презрѣнія.

Пламя бушевало и свистѣло въ каминѣ. Изъ тьмы ночной неся грохотъ и ревъ моря. Въ столовой было пустынно и сумрачно, несмотря на канделябры, горѣвшіе на столѣ. Фелицата почувствовала, что кусокъ не идетъ ей въ горло. Но стараясь разогнать томительное уныніе и натянутость, заговорила съ барономъ Фабианомъ о Княжихъ Межахъ. Эти воспоминанія оживили хмураго барона. Онъ увлекся и сталъ веселъ, шутливъ. Въ то-же время матушка его, какъ-бы обратно пропорціонально веселости сына, становилась все мрачнѣе и презрительнѣе.

Фелицата, казалось, не замѣчала этого. Она болтала, смѣялась, говорила, что озябла и просила налить себѣ вина. Когда же вино было налито, стала чокаться съ барономъ. Никогда еще онъ не видѣлъ Фелицату такой кокетливой. Ея смѣлый, искристый взглядъ даже смущалъ его. Но взглянувъ въ блиставшую въ глубинѣ ея глазъ насмѣшку, онъ понялъ намѣренія прокаанницы.

Баронесса нѣсколько разъ приподнималась, двигала своимъ треномъ, наливала себѣ воды и пила ее. Лицо ея покрылось красными пятнами. Фелицата вдругъ умолкла, съ дѣланнымъ испугомъ оглянулась на баронессу и, скромно опустивъ глаза, стала чопорно кушать котлетку.

Баронъ Фабианъ улыбался на эти школьническія продѣлки.

Онъ угощалъ Люси, которая хранила обычную серьезность.

— Фабианъ, слышишь-ли ты, какъ шумитъ сегодня море?— вдругъ спросила трагическимъ голосомъ старая баронесса.

— Конечно, слышу, матушка,—отозвался сынъ.

— Такъ-же оно шумѣло пять лѣтъ тому назадъ въ ночь кончины твоего отца,—зловѣще продолжала баронесса.—Мнѣ кажется, что свѣчи тускло горятъ, продолжала баронесса. Или это мой обычный приливъ крови, ослабляющій зрѣніе? Я чувствую себя сегодня особенно дурно, какъ никогда. Можетъ быть, придется послать за докторомъ, Фабианъ.

— Но вы такъ съ утра хорошо себя чувствовали, матушка,—возразилъ сынъ.

— Въ мои годы здоровье неустойчиво. Можетъ быть, ты скоро меня увидишь въ гробу, Фабианъ.

— Къ чему такія мрачныя мысли, матушка?

— Религія предписываетъ намъ помнить о смерти, мой сынъ.

— Зачѣмъ-же? Она и такъ о себѣ слишкомъ часто напоминаетъ. Державинъ сказалъ недаромъ:

Не зримъ-ли каждый день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?

— Вотъ видишь. Даже русскіе, при всемъ ихъ легкомыслии, такъ говорятъ. Юность безопасна. Но старости не къ лицу безопасность.

— Въ вашемъ роду, матушка, не умираютъ моложе 85 лѣтъ. Вамъ еще предстоитъ долгая жизнь!

— Хотя-бы и такъ. Пусть долгая. Но какая печальная! Какая одинокая!

Баронесса глубоко вздохнула и принялась пить воду.

Сынъ сидѣлъ съ разстроеннымъ лицомъ.

Фелицата дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Мой сынъ,—начала немного погодя съ драматическимъ тремоло въ голосѣ старая баронесса,—слышишь-ли, какъ шумитъ сегодня море?

Баронъ Фабианъ не отвѣчалъ и тоже принялся пить воду.

— Мнѣ кажется, что каминъ тухнетъ. Пламя его меня не грѣетъ. Мнѣ холодно. Положительно, я больна. И некому обо мнѣ подумать, позаботиться.

— Вы знаете, матушка,—дрожащимъ голосомъ отозвался баронъ Фабианъ,—что я постоянно забочусь о васъ. Я былъ всегда вѣрнымъ сыномъ.

— Вѣрными! Вѣрности больше въ мѣръ нѣтъ. Вѣрны были твои предки, тѣ, чьи портреты смотрятъ на насъ. Ихъ вѣрность закопана съ ними въ могилахъ. И жива только въ этой больной груди!

Баронесса указала на свою грудь.

— Чему-же я не вѣренъ, матушка?—тихо, но угрюмо спросилъ баронъ Фабианъ.

Старая баронесса пожала плечами.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Мы очевидно перестали понимать другъ друга. Телеграфъ испорченъ. Занимай лучше свою молоденькую гостью, веселую русскую барышню. Не то ей будетъ скучно у насъ. Русскіе все пляшутъ и поютъ и живутъ весело, какъ въ цыганскомъ таборѣ. Ха! ха!

Баронесса деревянно засмѣялась.

— Ахъ, какъ шумитъ море!—опять повторила она. Оно всегда такъ шумитъ передъ несчастьемъ и передъ тѣмъ, какъ выкинуть утопленника.

— Не слишкомъ веселый разговоръ для ужина, матушка,—угрюмо сказалъ сынъ.—Простите, Фелицата Петровна. Вамъ дѣйствительно тоскливо будетъ у насъ.

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ пресвело!—отвѣчала Фелицата, и такъ улыбнулась, что озарила всю угрюмую готическую столовую.

Баронъ Фабианъ невольно залюбовался ею.

Лицо старой баронессы опять покрылось красными пятнами.

— Нѣтъ, веселой русской барышнѣ будетъ скучно у насъ, въ старомъ ливонскомъ Шналленштейнѣ,—сказала баронесса съ нескрываемымъ презрѣніемъ.—Тутъ жили твердые и вѣрные рыцари, которые смотрѣли на жизнь, какъ на исполненіе суроваго долга предъ своею совѣстью и честью, а не какъ на безпечный праздникъ. Ихъ духъ живетъ въ этихъ стѣнахъ. Что общаго можетъ быть у русскихъ съ этимъ рыцарскимъ духомъ?

Дѣвушка перестала улыбаться и лицо ея приняло выраженіе, котораго еще не видалъ баронъ Фабианъ. Величавое достоинство отпечатлѣлось въ каждой чертѣ прелестнаго лица Фелицаты Кривской. Она посмотрѣла на баронессу съ уничтожающей снисходительностью. Кровь Шналленштейновъ вдругъ сказала въ ней подѣ влияніемъ оскорбленія.

— Баронесса, вы, вѣроятно, правы, выразивъ предположеніе о своемъ неадоровьи и обычномъ приливѣ крови къ головѣ,—сказала она.—Только ваши преклонныя лѣта и нездоровье и даютъ мнѣ возможность извинить то оскорбленіе, которое вы наносите мнѣ, вашей гостьѣ, и моему семейству, и моей фамиліи, и родинѣ. Я не знаю, какъ вы понимаете рыцарскія чувства. Но въ вашемъ обращеніи со мною нѣтъ ничего рыцарскаго. Я пріѣхала сюда съ Люси по усиленнымъ приглашеніямъ вашего сына, который пользовался гостепримствомъ въ нашемъ помѣстьи. Вы съ первыхъ словъ выразили удивленіе, что меня не сопровождаетъ никто изъ родственниковъ. По вашему отношенію со мной я вижу, что я сдѣлала большую ошибку, пріѣхавъ, и что во всякомъ случаѣ, мнѣ, дѣйствительно, слѣдовало не одной пріѣхать. Тогда былъ-бы свидѣтель всего того, что вы позволили себѣ сказать.

Фелицата поднялась. Лицо ея пылало гнѣвомъ и глаза сверкали.

— Я не останусь здѣсь больше ни одной минуты. Еще не поздно. Есть поѣздъ, къ которому мы поспѣемъ. Баронъ, прикажите заперчь мнѣ лошадей и довести меня до станціи.

Баронесса сидѣла недвижно. Поперемѣнно, выраженіе удивленія, потомъ смущенія и, наконецъ, почтенія выразилось въ ея величественныхъ чертахъ.

— Старый грифонъ!—подумала про себя Фелицата, сама удивляясь внезапному порыву пробудившейся гордости.

При словахъ ея о лошадяхъ, баронесса съ живостью устремила ревнивый взглядъ на сына, и затаивъ дыханіе, видимо ждала, что онъ скажетъ.

На мгновеніе лицо барона Фабіана выразило чрезвычайное смущеніе и борьбу. Но затѣмъ оно окаменѣло въ спокойной рѣшимости. Только мраморная блѣдность разлилась по лицу его. Онъ тоже поднялся.

— Фрейленъ Фелицата,—сказалъ онъ.—Я не могу допустить, чтобы вы поѣхали въ обратный путь ночью и въ такую ненастную погоду, когда вѣтеръ крѣпнеть съ каждой минутой и усиливается дождь. Вспомните, что я васъ пригласилъ и вы моя гостыя. И пригласилъ я васъ въ мой майоратъ, въ *старый* Шналленштейнъ. Вы же находитесь въ *новомъ* Шналленштейнѣ, въ замкѣ моей почтенной матушки. Итакъ, фрейленъ, если вы находите почему-либо себя оскорбленной, то я, какъ сынъ, обязанный неколебимымъ почтеніемъ по отношенію родителей, не имѣю права судить мою матушку. Если ей угодно было сказать вамъ то, что она сказала, это ея дѣло. Какъ сынъ, я безмолвствую. Но, какъ хозяинъ...—баронъ Фабіанъ помолчалъ.

Старая баронесса, не отрывая глазъ, смотрѣла ему въ лицо и ждала, что онъ скажетъ.

— Какъ хозяинъ, я покорнѣйше прошу васъ пожаловать въ мой майоратъ, подъ мою кровлю, въ *старый* Шналленштейнъ, воздвигнутый нашими общими предками. Домъ мой не великъ. Это всего одна башня, съ небольшою пристройкой. Однако приспособленъ къ обитанію. Тамъ найдется для васъ покойная, теплая комната. Старыя стѣны достаточно толсты, чтобы сопротивляться непогодѣ. Вамъ только придется съ моей маленькой Люси пройти до стараго Шналленштейна аллеей парка. Но я велю позвать моихъ людей. Они освѣтятъ путь. Люси я самъ возьму на руки. Вѣдь вы не побойтесь, Люси, да? Конечно. Я это зналъ. Вы обѣ хорошенько закутаетесь. Тѣмъ болѣе, что вѣтеръ разогналъ тучи. Смотрите,—подходя къ окну и отдергивая драпировку, продолжалъ баронъ Фабіанъ, — дождь пересталъ, небо прояснилось, сіяетъ луна, вѣтеръ стихаетъ и море не такъ ужъ грохочетъ и реветъ. Видите—вонъ сверкаетъ огонекъ! Это—*старый* Шналленштейнъ! Идемте же!

Сказавъ это, баронъ Фабіанъ съ вызовомъ посмотрѣлъ на свою мать, съ которой избѣгалъ до этой минуты встрѣчаться взглядомъ. Оба, поблѣднѣвшіе, строгіе, надменные, вытянувшіеся, они мѣрили другъ друга глазами и этотъ безмолвный поединокъ матери съ сыномъ продолжался довольно долго. Потомъ оба посмотрѣли на Фелицату, ожидая ея рѣшенія.

Но взрывъ оскорбленной гордости уже излился въ энер-

гичномъ протестѣ молодой дѣвушки. Благодушная кровь Кривскихъ стала успокаивать внезапно взволновавшуюся и выступившую кровь Шналленштейновъ. При внезапномъ удивительномъ предложеніи „молодого грифона“ и послѣдовавшемъ затѣмъ трагическомъ, но безмолвномъ состязаніи его съ „старымъ грифономъ“, Фелицатѣ стало ужасно смѣшно. Комическая сторона ссоры представилась ей. И когда мать и сынъ, съ перевернутыми лицами, обратили къ ней вопросительно-выжидательные взгляды, она вдругъ улыбнулась имъ обоимъ своей прелестной, кроткой и примирительной улыбкой.

Эта улыбка произвела волшебное дѣйствіе.

„Старый грифонъ“ вдругъ потерялъ всю свою надменность. Слезы сверкнули въ глазахъ баронессы. Черты лица ея сложились тоже въ добродушно-старушечье, нѣмецкое выраженіе.

— Дитя мое!—дрожащимъ отъ волненія и умиленнымъ голосомъ произнесла старая баронесса, — моя милая, дорогая дѣвушка! Простите одинокую, больную и усталую сердцемъ старуху, вся радость которой въ ея сынѣ. Вы — благородная дѣвушка! О, какая вы дѣвушка! Въ васъ жива старая кровь Шналленштейновъ! Вы никуда не поѣдете и не пойдете—ни на станцію, ни въ майоратъ моего сына. Вы такая же моя гостыя, какъ и гостыя моего сына, и домъ мой—вашъ домъ. Ну, подойдите ко мнѣ и поцѣлуйте меня!

Фелицата, тронутая до глубины души, подошла къ баронессѣ, обняла и поцѣловала ее. Старуха дрожащими руками взяла ея прелестную головку и долго, внимательно вглядывалась въ ея черты, отыскивая кровь, „болѣе цѣнную“, германскую кровь. Но передъ ней сіяла красотой и молодостью и искрилась задушевной, веселою беззаботностью одна только польская кровь Кривскихъ.

— Да благословитъ васъ небо, дитя мое!—сказала торжественно старая скандинавская баронесса.—А теперь,—совсѣмъ другимъ, ледянымъ тономъ прибавила она, когда Фелицата отошла отъ нея, а теперь скажите моему сыну, что вы остаетесь.

Баронесса не смотрѣла на сына и тонъ ея говорилъ:

— Съ гостей я помирилась, это правда. А съ тобою, дружокъ, разговоръ будетъ особый!

— Я остаюсь, баронъ,—просто сказала Фелицата.

Баронъ молча поклонился.

— А теперь пора и отдохнуть, — поднимаясь, продолжала баронесса. — Вѣтеръ, дѣйствительно, стихаетъ и море успокаивается. Позвольте мнѣ пожелать вамъ мирнаго и пріятнаго сна въ *новомъ* Шналленштейнѣ. Пойдемте, я проведу васъ въ вашу комнату. Прощай, Фабианъ!

Баронъ подошелъ и почтительно поцѣловалъ протянутую руку матери.

Николай Энгельгардтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гончаровъ-цензоръ.

Неизданные матеріалы для его біографіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ жизни И. А. Гончарова есть одна сторона, оставшаяся до сихъ поръ безъ освѣщенія въ критической литературѣ — это его служба въ цензурномъ вѣдомствѣ и въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Современному русскому человѣку, особенно въ переживаемый періодъ острой политической борьбы, когда идетъ строгая оцѣнка дѣятельности каждаго и рѣзко разграничиваются „лагери“, трудно, почти невозможно, понять это совмѣстительство свободнаго литературнаго творчества со службой, такъ или иначе направленной къ ограниченію свободнаго слова. Для Гончарова такое совмѣстительство кажется тѣмъ болѣе невозможнымъ, что онъ не былъ подобно Щербинѣ (тоже служившему по цензурѣ) пѣвцомъ эллинской красоты, не былъ подобно другимъ цензорамъ поэтомъ историкомъ или изслѣдователемъ русской старины, т.-е. не занимался той литературной дѣятельностью, которая по существу своему далека отъ современной дѣйствительности и позволяетъ человѣку разграничить свою жизнь на двѣ умственные области: служебную дѣятельность цензора и дѣятельность литератора, историка, поэта. Литературное творчество Гончарова не только не отвлекало его отъ современности, но напротивъ того, въ этой современности онъ находилъ и черпалъ и образы и мысли. Онъ проникалъ въ

тайники русской жизни и подвергалъ тончайшему психологическому анализу современные ему русскіе типы.

Оставляя пока въ сторонѣ разборъ служебныхъ донесеній, рисующихъ намъ Гончарова, какъ цензора, мы сначала постараемся найти объясненіе страннаго по первому взгляду совмѣстительства цензора и литератора, въ свойствахъ самой духовной природы писателя. Прежде всего является вопросъ: почему Гончаровъ вообще поступилъ на государственную службу, когда онъ повидимому могъ бы съ матеріальной стороны устроиться иначе, да и едва ли особенно нуждался въ денежныхъ средствахъ? На этотъ вопросъ Гончаровъ вѣроятно затруднился бы отвѣтить, так же какъ и родственникъ ему по духу Илья Обломовъ. Конечно уже, Гончаровъ не мечталъ о служебной карьерѣ, о чинахъ, о почетахъ, о власти. Просто каждый русскій человѣкъ того времени думалъ, что необходимо имѣть какое-нибудь общественное положеніе, что-нибудь дѣлать, къ чему-нибудь пристроиться, а это значило въ то время поступить на службу. Человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій былъ подозрительнымъ равно въ глазахъ правительства и общества. Цехъ вольныхъ профессій, литературной, художественной и ученой—только что нарождался и не пользовался общественнымъ уваженіемъ. Каждый долженъ быть при своемъ дѣлѣ: купецъ пусть торгуетъ, крестьянинъ—пахетъ, дворянинъ, если не занимается хозяйствомъ,—служить. Таковъ непоколебимый укладъ русской жизни Николаевскихъ временъ, въ значительной степени сохранившійся и въ царствованіе Александра II и даже въ послѣдующую эпоху. Русская жизнь была чужда понятій: „литераторъ“, „писатель“, а болѣе широкое понятіе „человѣкъ“ приурочила къ ресторанному человѣку—гарсону. На вопросъ: кто ты? требовался въ то время опредѣленный, ясный отвѣтъ.—„Дворянинъ, матушка“—отвѣчаетъ Чичиковъ на тревожный вопросъ прислуги помѣщицы Коробочки, когда ночью, въ дождь и грозу, онъ стучится въ ворота помѣщицкой усадьбы,—и ворота передъ нимъ открываются гостеприимно. Въ гостиницѣ тотъ же Чичиковъ прописывается „отставнымъ коллежскимъ совѣтникомъ“, ѣдущимъ „по собственной надобности“. Не трудно представить себѣ, какъ встрѣтили бы „уважаемаго Павла Ивановича“ губернской Олимпъ, Маниловъ, Собакевичъ, та же Коробочка, если бы онъ рекомендовался или писателемъ, или, какъ тогда говорили, „сочинителемъ“. Вотъ почему большинство писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ и ихъ предшественники служили, „состояли“ или „числились при“ и рѣдкій изъ нихъ такъ или иначе не вдохнулъ пыльнаго воздуха тогдашнихъ канцелярій. Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Тургеневъ, Достоевскій, Салтыковъ, Майковъ, Полонскій—все они служили.

Такимъ образомъ, искать особаго объясненія, почему Гонча-

ровъ поступилъ на государственную службу, а не остался свободнымъ мыслителемъ или художникомъ—нѣтъ никакой надобности: служилъ потому, что всѣ почти люди его общества служили. Надо впрочемъ замѣтить, что Гончаровъ поступилъ на службу прямо съ университетской скамьи и гораздо позже открылъ въ самомъ себѣ живой источникъ творческой силы. Прочитывая формуляръ автора „Обломова“, мы видимъ въ немъ обычное *sigillum vitae* образованнаго русскаго человѣка 40-хъ годовъ. Аттестатъ объ успѣшномъ прохожденіи университетской науки и о добропорядочномъ поведеніи, поступленіе чиновникомъ особыхъ порученій къ сямбирскому губернатору, переходъ на службу въ Петербургъ въ департаментъ-внѣшней торговли столоначальникомъ и переводчикомъ и наконецъ въ 1858 году переходъ, по собственному желанію, въ цензурное вѣдомство. Въ 1862 году отмѣчается фактъ редактированія Гончаровымъ официальной газеты „Сѣверная Почта“, а въ 1873 году онъ подаетъ въ отставку и окончательно прощается съ служебной карьерой.

Для критики важнѣе всего, конечно, цензурная дѣятельность Гончарова, а не вообще его государственная служба. Почему избралъ онъ именно это вѣдомство? Думается, лишь потому, что считалъ эту дѣятельность болѣе спокойною и не вносящею въ мысли писателя стороннихъ, чуждыхъ ему, понятій о различныхъ отрасляхъ государственнаго механизма. Въ цензурномъ дѣлѣ все-таки предметомъ служебной дѣятельности является печать, литература—дѣло близкое, родное, хорошо ему знакомое. Наконецъ, такая служба обеспечивала покой комфортабельнаго одиночества, которое выше всего цѣнилъ Гончаровъ, и не обременяла служебными отношеніями въ сферахъ, совершенно чуждыхъ ему по духу.

Гончаровъ никогда не принадлежалъ и не пытался принадлежать къ литературнымъ кружкамъ и новымъ теченіямъ общественной мысли, отразившіяся и въ литературѣ, только способствовали тому, что онъ еще больше ушелъ въ самого себя, замкнулся и создалъ то одинокое существованіе писателя, которому мы не находимъ другого примѣра въ русской жизни.

Просматривая отчеты и донесенія Гончарова, можно придти къ заключенію, что онъ былъ цензоромъ снисходительнымъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ открыто выступалъ въ борьбу съ тѣми общественными теченіями, которыя по видимому искренно считалъ вредными. Общее же впечатлѣніе отъ донесеній Гончарова таково, что это былъ цензоръ просвѣщенный, гуманный, всегда старавшійся найти способы мягкаго воздѣйствія на авторовъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Въ многихъ случаяхъ Гончаровъ видимо направляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы спасти литературное произведеніе, предла-

гаетъ легкія измѣненія текста и воздерживается отъ суроваго осужденія. Иной разъ кажется, что это пишетъ не цензоръ-каратель, отзывы котораго звучатъ суровымъ приговоромъ Торквемады цензурнаго вѣдомства, а благосклонный критикъ, заботящійся о чистотѣ и отдѣлкѣ литературнаго произведенія. Словомъ, въ отчетахъ Гончарова не могла не сказаться его несомнѣнно крупная личность и на ряду съ Гончаровымъ-цензоромъ невольно чувствуется другой Гончаровъ—писатель и мыслитель.

Печатаемые ниже матеріалы, относящіеся къ 1865 году, могутъ быть раздѣлены, сообразно ихъ содержанію, на три категоріи: 1) Отзывъ Гончарова объ октябрьской книжкѣ журнала „Русское Слово“, 2) Девять отзывовъ о статьяхъ и направленіи газеты „День“ и 3) Отзывы о драматическихъ произведеніяхъ: 1) Марковъ. „Прогрессистъ-самозванецъ“, ком., 2) Миллеръ. „Проклятіе Галлидея“ др. въ 5 дѣйств., 3) Соколовъ. „Мазепа“ др. въ 5 дѣйств., 4) Чаевъ. „Дмитрій Самозванецъ“ др. въ 5 д., 5) Соколовъ. „Богданъ Хмѣльницкій“ др. въ 5 д., 6) „Les mémoires de Mimi-Bamboche“, пьеса въ 5 актахъ. 7) Мей. „Псковитянка“ и 8) Столыпинъ. „Софья“ др.

Въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Слова“ три статьи обратили на себя вниманіе цензуры, особенно же статья Писарева подъ заглавіемъ „Новый типъ“, представляющая изъ себя обширную рецензію на только что появившійся въ то время романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?“. Отзывъ объ этой статьѣ имѣетъ особенное значеніе, какъ выраженіе дѣйствительныхъ взглядовъ Гончарова. Здѣсь онъ становится лицомъ къ лицу именно съ тѣмъ направленіемъ, которое ему было глубоко несимпатично и которое онъ беспощадно осудилъ въ „Обрывѣ“ въ лицѣ Марка Волохова. Крайнія, часто уродливыя проявленія нигилизма „новыхъ людей“ кажутся Гончарову нарушеніемъ исконнаго священнаго порядка, который является необходимымъ условіемъ человѣческой жизни, человѣческаго прогресса. Вотъ почему, создавъ типъ Марка Волохова, котораго, по собственному его выраженію, онъ писалъ „холодной кистью“, всѣ его симпатіи остались на сторонѣ той жизни, того уклада, въ которомъ изящны и красивы даже ошибки и увлеченія. Онъ остался жить въ золотыхъ снахъ Обломова, въ мечтательныхъ порывахъ Райскаго. Все минется—какъ будто говоритъ Гончаровъ—но останется патриархальный укладъ стараго строя, останется и чудная деревенская усадьба со старой моралисткой-бабушкой, полной благородствомъ и нѣжной любви, съ прелестной Марейнькой, съ увлекающей Вѣрой, сумѣвшей подняться изъ обрыва и спастись отъ бездны груди бабушки, олицетворяющей собою нравственную мощь и лучіе старой Россіи.

Просматривая этотъ отзывъ Гончарова, съ увѣренностью можно сказать, что это не простое цензорское донесеніе, но настоящій критическій этюдъ литературной дѣятельности Чернышевскаго, Писарева и всего лагеря „Русскаго Слова“. Цензоръ здѣсь слился съ писателемъ и официальный характеръ литературной критики даетъ лишь особенный оттѣнокъ этому отзыву, выражающему истинный взглядъ Гончарова, а не простую, канцелярскую отписку, въ которой не участвуютъ умъ и сердце.

Цензурные отзывы о направленіи Аксаковскаго „Дня“ представляютъ громадный интересъ для критика, историка и публициста. Первый увидитъ въ этихъ отзывахъ отношеніе Гончарова къ славянофиламъ и славянофильству, какъ политическому ученію; послѣдніе найдутъ богатый матеріалъ въ видѣ подробнаго изложенія статей, самое содержаніе которыхъ уже говоритъ за себя. Это цѣлый рядъ передовыхъ статей, посвященныхъ такимъ вопросамъ, интересъ къ которымъ не изсякъ и до сихъ поръ. Въ нихъ говорится о монашествѣ и необходимости кореннаго преобразованія нашего духовенства, объ антагонизмѣ русской и нѣмецкой національностей въ Прибалтійскомъ краѣ, о печальномъ положеніи латышей въ Курляндіи и Лифляндіи и отношеніи къ нимъ балтійскаго дворянства, о значеніи и правахъ земства, о смертной казни и т. д. и т. д.

Газета „День“, не смотря на принципиальную свою лояльность, помѣщала крайне рѣзкія статьи, въ которыхъ открыто осуждала дѣйствія правительства, проводила широко идею земскихъ учреждений, требовала обновленія церкви и въ частности рѣзко критиковала монашество и монастыри. Доставалось, между прочимъ, и остзейскимъ баронамъ и своимъ дворянамъ. Для исторіи нашей цензуры отзывы о газетѣ „День“ представляли также значительный интересъ, указывая на исключительно снисходительное отношеніе къ этому органу министра внутреннихъ дѣлъ. Для обузданія особенно рѣзкаго направленія газеты, Гончаровъ предлагаетъ особую мѣру, не получившую впрочемъ впоследствии широкаго примѣненія. Въ то время (1865 г.) при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издавался официальный органъ „Сѣверная Почта“, замѣненный впоследствии строго казеннымъ „Правительственнымъ Вѣстникомъ“. И вотъ для воздѣйствія на „День“ Гончаровъ предлагаетъ способъ болѣе мягкій, нежели предостереженіе—сдѣлать сообщеніе или, какъ онъ называетъ его, „communiqué“ въ официальной газетѣ, родъ предупрежденія, что нарушеніе газетой цензурнаго устава терпимо болѣе быть не можетъ. Примѣнялся ли этотъ мягкій цензурный способъ на дѣлѣ и какія имѣлъ послѣдствія, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Остается наконецъ сказать нѣсколько словъ объ отзывахъ Гончарова о драматическихъ произведеніяхъ.

Здѣсь писатель-художникъ является наиболѣе снисходительнымъ цензоромъ и явно защищаетъ авторовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе цензоры запрещали къ постановкѣ пьесы. Даже комедію „Прогрессистъ-Самозванецъ“, признаваемую имъ неудобною къ представленію на сценѣ, онъ предлагаетъ автору измѣнить и передѣлать.

Высоко цѣня сценическое искусство, Гончаровъ беретъ драматурговъ подъ свое покровительство и цензурно защищаетъ ихъ съ нескрываемою симпатіей. Правда, выборъ пьесъ преимущественно историческихъ не даетъ намъ возможности судить, какъ бы отнесся тотъ же Гончаровъ къ пьесамъ бытовымъ и особенно тенденціознымъ. Зато эта часть документовъ знакомитъ насъ со взглядомъ Гончарова на національный вопросъ—малороссійскій и польскій.

Благодаря польскому мятежу 1863 года попало подъ подозрѣніе и украинофильство, а потому повидимому возникли въ цензурномъ вѣдомствѣ сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, особенно пьесъ, въ которыхъ воспѣвалась казачья воля и возрождалась малороссійская старина. Гончаровъ открыто возстаетъ противъ такого взгляда и считаетъ обвиненіе украинофиловъ въ сепаратистскихъ стремленіяхъ неосновательнымъ и даже смѣшнымъ. Цензурные запреты всего малороссійскаго кажутся ему большимъ ущербомъ для отечественнаго театра, такъ какъ исторія Малороссіи даетъ много темъ для эффектныхъ драматическихъ положеній.

Иначе относился Гончаровъ къ польскому вопросу. Онъ видимо раздѣлялъ отрицательное отношеніе къ полякамъ, которое впрочемъ въ то время охватило значительную часть русскаго общества, не говоря уже о сферахъ правительственныхъ; но онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія мирнаго обрусенія Польши и особенно Сѣверо-Западнаго края. Власти были особенно озабочены Литвою и укрѣпленіемъ въ ней русскаго вліянія для созданія противовѣса польщизнѣ.

Одно обстоятельство вызвало подробное изложеніе взгляда Гончарова на польскій вопросъ и на обрусительное значеніе русскаго театра въ Вильнѣ. Обстоятельство это было повидимому весьма щекотливымъ для цензуры. Одинъ изъ высшихъ представителей русской власти въ краѣ, генераль С—нъ, написалъ обрусительную драму „Софія“, главною основою которой служитъ заговоръ поляковъ съ цѣлью вовлечь Сѣверо-Западный край въ возстаніе. Героиня Софія, дочь одного изъ пановъ, узнавъ о заговорѣ, даетъ знать обо всемъ своему жениху, русскому офицеру и замыселъ поляковъ не удастся. Все польское изображено въ самыхъ мрачныхъ краскахъ—все русское сіяетъ благородствомъ и добродѣтелью. Помимо всякихъ другихъ соображеній пьеса видимо была слаба въ

художественномъ отношеніи и Гончаровъ называлъ ее прямо мелодрамой. Несомнѣнно также, что постановка подобной тенденціозной драмы на подмосткахъ Виленскаго театра была бы едва ли тактична и совершенно не достигала бы цѣли въ смыслѣ русскаго культуртрегерства. Гончаровъ это прекрасно понималъ, но положеніе его, какъ цензора, было въ высшей степени затруднительно. Съ цензурной точки зрѣнія пьеса была самая благонамѣренная, патриотическая, да къ тому же авторомъ ея являлось вліятельное лицо въ краѣ, которое поддерживалъ самъ генералъ-губернаторъ.—Цензурѣ оставалось повидимому только благословить. Но Гончаровъ, какъ мы уже сказали раньше, менѣе всего является бюрократомъ въ отзывѣхъ о драматическихъ произведеніяхъ и беретъ близко къ сердцу интересы русскаго театра. Но какъ проплыть между Сциллой и Харибдой, не обидѣть отзывомъ автора и, чего добраго, не вызвать еще подозрѣнія въ сочувствіи полякамъ, а съ другой стороны удержать и высшую администрацію Вильны отъ ложнаго и опаснаго шага.

Отзывъ о драмѣ „Софія“—шедевръ дипломатическаго такта цензора. Одобривъ въ принципѣ мелодраму, Гончаровъ заканчиваетъ свой отзывъ подробнымъ разсужденіемъ о значеніи русскаго театра въ Вильнѣ: „Театръ,—говоритъ Гончаровъ,—наравнѣ съ другими могущественными средствами, т.-е. оружіемъ, искусною администраціей, проповѣдью, школами, органами печати и проч. и проч., можетъ съ своей стороны способствовать исподволь и постепенно къ усиленію развитія одной національности на счетъ другой, но только въ совокупности съ прочими мѣрами, а не самъ собою, и притомъ не прямыми, а косвенными и незамѣтными путями“. Къ такимъ слишкомъ прямымъ путямъ Гончаровъ относитъ и пьесу „Софія“, которая, благодаря своей крайней тенденціозности и нѣсколько карикатурному изображенію всего не-русскаго, можетъ породить недовѣріе и подорвать кредитъ подобныхъ изображеній, а слѣдовательно повредить и успѣху русскаго вліянія. Вообще, по мнѣнію Гончарова, необходимо избѣгать въ пьесахъ, даваемыхъ на русской сценѣ въ Вильнѣ, всякой политической неловкости, разумѣя подъ нею карикатурное (съ точки зрѣнія кваснаго, т.-е. грубаго патриотизма) изображеніе поляковъ. „Да не приметъ авторъ пьесы“—добавляетъ онъ—„худо этихъ замѣчаній: они истекають изъ увлеченія рукоплескать цѣли его и всячески ей содѣйствовать“.

По мнѣнію Гончарова, виленскій театръ долженъ давать талантливыя произведенія русскихъ авторовъ, рисующія русскую жизнь, русскій бытъ, долженъ знакомить съ русскою музыкой и болѣе всего съ русскою рѣчью—все это невольнo и незамѣтно, въ заманчивомъ видѣ удовольствія введетъ своимъ и особымъ путемъ рус-

скій элементъ въ общество и породить вкусъ къ русскимъ зрѣлищамъ“. Что касается самаго выбора драматическихъ произведеній, то, по мнѣнію Гончарова, представленіе на русской сценѣ Сѣверо-Западнаго края пьесъ изъ русскаго быта, изображающихъ наши нравы въ каррикатурномъ, нерѣдко позорномъ видѣ, не только бесполезно въ смыслѣ карающей сатиры тамъ, гдѣ карать некого, но и положительно вредно, потому, что такія произведенія не могутъ внушить отвращенія къ грязнымъ—не общечеловѣческимъ, а болѣею частью національнымъ и сословнымъ порокамъ и уродливостямъ. Съ этой точки зрѣнія Гончаровъ находитъ, что нѣкоторыя обличительнаго характера пьесы Гоголя и Островскаго въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ кругу населенія на половину не-русскаго, совершенно неумѣстны.

Печатаемые документы ¹⁾ рисуютъ Гончарова совершенно съ новой стороны, въ роли цензора, связующаго и разрѣшающаго литературу на землѣ. Изъ этихъ новыхъ данныхъ о личности писателя, занимающаго заслуженное и почетное мѣсто въ плеядѣ великихъ литературныхъ именъ, мы можемъ сдѣлать лишь одинъ выводъ: судить о цензорской дѣятельности Гончарова можно лишь, принимая во вниманіе условія времени и взгляды тогдашняго общества на службу, главное же, не забывая ни на минуту особенностей личности писателя, жившаго какъ бы внѣ современной ему эпохи и чуждаго совершенно новыхъ вѣяній, внесенныхъ въ русскую жизнь новыми реформами. Не могла также остаться безъ вліянія и продолжительная, почти 40-лѣтняя служебная его дѣятельность, которой онъ посвятилъ себя съ самой школьной скамьи. Можно только изумляться этой поразительной двойственности духовной жизни писателя и тому, что никакая канцелярія не убила въ Гончаровѣ источника чистаго, блистательнаго творчества, бывшаго ключемъ въ его произведеніяхъ. Личность Гончарова доказываетъ какъ нельзя лучше, насколько вообще еложена человѣческая натура и какъ опрометчиво произносить прямолинейныя и одностороннія сужденія о поступкахъ человѣческихъ...

К. Военскій.

¹⁾ Настоящіе документы, представляющіе копіи съ подлинныхъ рапортовъ Гончарова, принадлежать собранію П. Я. Дашкова, любезно предоставившаго ихъ въ наше распоряженіе. Всѣ копіи написаны рукою Гончарова.

По докладу С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 16 декабря, № 919, о трехъ статьяхъ X книги (за октябрь 1865 г.) журнала „Русское Слово“.

По разсмотрѣннн мнѣнн Цензурнаго Комитета по тремъ статьямъ означенной книжки „Русскаго Слова“, а также кромѣ трехъ указанныхъ, еще нѣкоторыхъ другихъ статей, я нахожу, что въ этихъ статьяхъ повторяются тѣ же нарушенн правилъ печати, за которыя даны были предостереженн журналу „Современникъ“, чѣмъ самымъ карательная цензура поставлена въ необходимость примѣнить ту же мѣру строгости и въ отношенн къ журналу „Русское Слово“, направленн котораго, какъ извѣстно, тождественно съ направлениемъ „Современника“—и потому не имѣетъ за собою ничего, что давало бы ему право на изъятн отъ заслуженной отвѣтственности, кромѣ развѣ меньшаго, сравнительно съ „Современникомъ“ значенн и слѣдовательно меньшаго влннн на читателей.

Наиболѣе обращающая на себя вниманн цензуры въ разсматриваемой книгѣ статья—„Новый типъ“ г. Писарева представляетъ поразительный образецъ крайняго злоупотребленн ума и дарованн. Она бы, конечно, вызвала громовое опроверженн здравой критики, если бѣ парадоксы и софизмы Писарева оказались хоть нѣсколько состоятельными передъ судомъ зрѣлаго анализа, а увлеченн его не носили бы слишкомъ явнаго отпечатка школьнаго либерализма.

Не стоило бы и карательной цензурѣ относиться строго къ этому буйно-младенческому лепету: но въ большинствѣ публики найдется, конечно, немало молодыхъ мечтателей, которые не отнесутся такъ легко къ увлеченнмъ Писарева и, пожалуй, примутъ ихъ на вѣру, и притомъ статья „Новый типъ“ принимается цензурой не отдѣльно сама по себѣ, а въ совокупности съ общимъ направлениемъ всего журнала, въ которомъ она составляетъ яркую характеристическую черту.

Статья „Новый типъ“ есть ничто иное, какъ огромная рецензн романа Чернышевскаго „Что дѣлать?“, исполненная страстнаго увлеченн и глубокаго уваженн и къ автору, и къ его произведенн.

Поэтому г. цензоръ разсматриваетъ статью совокупно съ романомъ: такое воззрѣнн было бы рационально во всякомъ другомъ случаѣ, но съ цензурной точки зрѣнн оно имѣетъ то неудобство, что препятствуютъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ нарушенн правилъ печати не Чернышевскимъ, въ романѣ „Что дѣлать?“, а собственно г. Писаревымъ въ статьѣ „Новый типъ“.

Такъ, напримѣръ, г. цензоръ говоритъ, что „семья, по ихъ (т. е. автора и критика) ученн, должна быть замѣнена коммуной, въ видѣ мастерской, гдѣ живутъ вмѣстѣ мужчины и

женщины безъ всякаго ограниченія какимъ бы то ни было нравственнымъ принципомъ“.

Я не читаль романа „Что дѣлать?“, а потому не знаю, есть ли этотъ выводъ тамъ, но въ статьѣ Писарева я его не нашель. Онъ восхищается устройствомъ „швейной мастерской“ и объявляетъ (на стр. 24—25), „что цѣль устройства та, чтобы прибыль дѣлилась поровну между работницами и расходовалась экономическимъ образомъ, чтобы вмѣсто маленькихъ квартиръ нанималась одна большая, чтобы съѣстные припасы покупались не по мелочамъ, а оптомъ“ (стр. 25).

Вотъ почти все, что сказалъ Писаревъ о швейныхъ мастерскихъ; о сожительствѣ же женщинъ съ мужчинами въ коммунѣ онъ не говорилъ ни слова. Очевидно, что, говоря о рабочихъ мастерскихъ, онъ увлекается теоріями ассоціацій Лясаля и Шульца Делича и потому говорить о нихъ открыто. Собственно же въ коммунистическихъ воззрѣніяхъ обвинить его на основаніи этой статьи нельзя, а можно только подозревать, что онъ имъ сочувствуетъ, по тону уваженія, съ которымъ онъ, на стр. 16 и 26, отзывается о Робертѣ Оуэнѣ (R. Owen) и Фурье.

Точно также авторъ ловко замаскировалъ, въ приводимой г. цензоромъ выпискѣ, на стр. 22—23, свою выходку противъ всего, что не покоряется личному уму новаго человѣка, разумія конечно тутъ и религію, но объ этомъ можно только догадываться по нѣкоторымъ намекамъ, но не настолько опредѣленнымъ, чтобы ихъ можно было формулировать въ предостереженіе, какъ намеки на полное беззвѣріе, по выраженію г. цензора.

Но оставляя въ сторонѣ коммунизмъ и беззвѣріе, я нахожу въ статьѣ „Новый типъ“, согласно съ мнѣніемъ г. цензора, и другіе, указываемые имъ случаи нарушенія правилъ печати.

Авторъ статьи дѣлитъ современное общество на двѣ группы: „ветхихъ людей и новыхъ людей“. Новыми людьми онъ называетъ воплощеніе идеаловъ Чернышевскаго по его роману „Что дѣлать?“, а ветхими всѣхъ остальныхъ. Въ новымъ людямъ онъ причисляетъ пока только тѣхъ немногихъ людей, которые исповѣдуютъ начала общественнаго порядка, нравственности, семейныхъ отношеній и проч., развиваемыхъ въ романѣ „Что дѣлать?“ и называетъ этихъ людей (стр. 25), „лучшею частью общества“, а потомъ, съ юношескою наивностью, рисуетъ уже будущихъ поколѣній, воспитанныхъ въ духѣ началъ Чернышевскаго. Идеаль людей—любовь къ труду и истекающая изъ того всеобщая честность, всеобщая любовь другъ къ другу, потому что эксплуатация исчезнетъ, одинъ не будетъ стараться поживиться на счетъ другого, докторъ будетъ посѣщать больного не для собиранія денегъ, а для помощи больному и для рѣшенія вопроса науки у его изголовья, и будетъ его любить, а тотъ, зная это, съ своей стороны проникнется любовью къ нему и т. д. (стр. 14 и 15).

Новый человѣкъ проникнуть такимъ самоуваженіемъ, что если сдѣлаетъ „гадость, которая произведетъ въ немъ разладъ“, то онъ сойдетъ съ ума, или рѣшится на самоубійство

и что это самоуваженіе крѣпче тѣхъ периль, которыя отдѣляютъ старыхъ людей отъ разныхъ мерзостей (стр. 18). „Вѣтхіе люди“, говоритъ авторъ на ст. 23, только и дѣлаютъ, что „грѣшатъ или каются: и неизвѣстно, когда грѣшатъ или когда каются“.

Г. цензоръ уже показалъ, какъ относится авторъ къ господствующему понятію о „трудѣ и вознагражденіи“, которые, по мнѣнію Писарева, находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу: т. е. чѣмъ меньше труда, тѣмъ больше вознагражденія, что на одномъ концѣ лѣстницы сидитъ праздность, а на другомъ бѣдность (стр. 8 и 9) и что отъ этого происходитъ весь разладъ и неурядица въ мірѣ, т. е. раздоры, развратъ, пресыщеніе и всѣ матеріальныя и моральныя страданія.

Въ мнѣніи цензурнаго комитета приведено также и оригинальное заключеніе автора о филантропіи, которая, по его словамъ, развращаетъ и благотворителя, и благотворимаго (стр. 10). Вслѣдствіе этого, говоритъ онъ, не богадѣльня, а мастерская должна обновить человѣчество. Самая лучшая палата можетъ только сберечь доходы страны, а хорошія мастерскія могутъ удесятерить этотъ доходъ, увеличить богатство, образованность и вообще благоденствіе. Прѣжніе люди искали карьеры, положенія, а новые ищутъ прежде всего труда по душѣ и по силамъ, и нашедши, трудятся съ страстью, наслаждаются всѣми благами и „когда всѣ на земномъ шарѣ будутъ любить свое дѣло, тогда всѣ будутъ новыми людьми, тогда не будетъ ни бѣдныхъ, ни праздныхъ, ни филантроповъ, тогда дѣйствительно потекутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ“ (стр. 11 и 12).

Эта юношеская идиллія стоила бы, конечно, улыбки, а не карательной мѣры, еслибъ она была единственнымъ выводомъ юнаго и не созрѣвшаго писателя. Но кромѣ того, что онъ подходитъ къ этому выводу, затрогивая, какъ показано въ докладѣ Цензурнаго Комитета, неосторожно, по слѣдамъ Чернышевскаго, своего учителя, новыя соціальныя доктрины, онъ наконецъ рукоплещетъ ниспроверженію Чернышевскимъ господствующихъ основъ—нравственности и семейныхъ началъ. Онъ привѣтствуетъ, какъ зарю новыхъ семейныхъ, свободныхъ отношеній, такую продѣлку, послужившую сюжетомъ романа „Что дѣлать?“ (какъ видно изъ статьи Писарева), за которую, по уголовнымъ законамъ, опредѣлены тяжелыя наказанія.

Герой романа, замѣчая, что не можетъ сдѣлать жену свою вполне счастливою, совершаетъ мнимое самоубійство, а жену передаетъ пріятелю, за котораго она и выходитъ замужъ; самъ же уѣзжаетъ въ Америку, женится тамъ на другой, является черезъ нѣсколько лѣтъ назадъ и живетъ съ прежней женой и съ мужемъ въ совершенномъ согласіи.

„Кто въ положеніи Лопухова (мужа), говоритъ Писаревъ, сдѣлаетъ меньше—тотъ перестанетъ быть честнымъ человѣкомъ“ (стр. 40).

Защищая ученіе Чернышевскаго, Писаревъ говоритъ на стр. 37: „Тутъ дѣло идетъ не о романѣ, не о г. Чернышевскомъ; тутъ надо отстоять отъ тупой и злонамѣренной кле-

веты тотъ типъ людей, который одинъ можетъ освѣжить жалкую рутину нашей безсмысленной жизни“.

Я ограничусь этими указаніями въ статьѣ, пропитанной всѣми тѣми возрѣніями, которыя здоровое большинство общества назоветъ нигилистическими.

Въ нижеслѣдующемъ проектѣ предостереженія я полагалъ бы нужнымъ привести мотивы въ наиболѣе общихъ выраженіяхъ, чтобы избѣгать по возможности сопоставленія статьи „Новый типъ“ съ романомъ Чернышевскаго, пропущеннымъ по какой-то неосмотрительности, бывшею предварительною цензурою; въ противномъ случаѣ, карая автора романа и критика вмѣстѣ, пришлось бы карать въ то же время и самую цензуру.

Во второй статьѣ, „О капиталѣ“, цензоръ указываетъ на мѣста, въ которыхъ выражается крайнее и пристрастное сочувствіе къ рабочимъ классамъ: и напротивъ того обнаруживается ярое озлобленіе противъ всѣхъ лихоимцевъ, т. е. капиталистовъ и вообще всѣхъ, не занимающихся матеріальными работами классовъ.

Этимъ неистовымъ гоненіемъ на высшіе и зажиточные классы общества пропитана вся статья; тонъ которой, вообще суровый до грубости, впадаетъ мѣстами въ рѣзкость.

Что касается до третьей приводимой въ докладѣ Цензурнаго Комитета статьи, „Библиографическій Листокъ“, то указанная изъ нея выписки заключаютъ довольно слабые намеки на матеріализмъ, по которымъ, а равно какъ изъ всей прочитанной мною статьи г. Зайцева о лекціяхъ Вундта и о книгѣ Абу „Прогрессъ“, нельзя, по моему мнѣнію, вывести положительнаго заключенія, чтобы авторъ особенно сочувственно выражался о матеріализмѣ, или онъ прикрываетъ свое сочувствіе такой искусной діалектикой, что статья едва ли можетъ обратить на себя вниманіе, и потому я полагалъ бы пройти о ней молчаніемъ.

Кромѣ указаннаго Цензурнымъ Комитетомъ, въ нѣкоторыхъ статьяхъ разбросаны отдѣльныя мысли и выраженія, замѣтно характеризующія общее, постепенно уклоняющееся отъ правилъ печати направленіе журнала „Русское Слово“.

Напримѣръ, въ повѣсти „Три семьи“, одинъ изъ любимыхъ героевъ автора (на стр. 113, 114 и 115) проповѣдуетъ необузданную свободу отдѣльной личности дѣлать все, „даже вредъ разнымъ подлецамъ и дуракамъ“.

Далѣе говорить, что надо проклинать не орудіе рѣзни, а тѣхъ субъектовъ, которые тѣснятъ своихъ ближнихъ, что они хватаются за ножъ. Пока существуютъ такіе субъекты, будетъ существовать и рѣзня“.

Подобныя двусмысленности и намеки въ другомъ журналѣ, можетъ быть, и не имѣли бы никакого значенія, но въ „Русскомъ Словѣ“, они со стороны читателей могутъ быть истолкованы въ весьма дурномъ смыслѣ.

Въ другой повѣсти, подъ заглавіемъ „Годъ жизни“, на стр. 224—225, одинъ циникъ рассуждаетъ такъ, что отъ женской чистоты и непорочности перемретъ весь родъ человѣче-

скій, и еще, что общество производит озлобленіемъ—изверговъ, доводитъ до идиотизма рабствомъ и подлостью—и потому должно кормить и поить изверговъ и подлецовъ, какъ родныхъ и т. п.

А на стр. 227 напечатано весьма неприличное выраженіе о крестѣ.

Наконецъ въ обличительной статьѣ „Кяхта“ авторъ изображаетъ все торгующее въ Кяхтѣ купечество, какъ сборище глупцовъ, невѣждъ, или плутовъ, приводитъ множество продѣлокъ незаконнаго торгова, злоупотребленій противъ правительства и самого общества и т. п.

Все это было бы извинительно и естественно въ обличительной статьѣ: авторъ воленъ брать одну дурную сторону, оставляя въ сторонѣ хорошую, и выставлять, съ благонамѣренной цѣлью, пороки цѣлаго общества. Но въ концѣ статьи авторъ вводитъ читателя, такъ сказать, въ кругъ личностей, упоминая, на примѣръ, о градоначальникѣ весьма неблаговидно и относя описываемыя имъ продѣлки къ недавнему времени, а именно около 1862 года.

Такъ, на стр. 189 и 190 онъ рассказываетъ, что въ гостинномъ дворѣ у купеческаго общества вдругъ непонятнымъ образомъ исчезло 28 тысячъ серебра и золота, хранившіяся въ обезпеченіе пошрины. И часовой былъ на мѣстѣ, и замки остались цѣлы. Купцы замаяли это темное дѣло и когда одинъ молодой купецъ потребовалъ слѣдствія, то на него напали не только купцы, но и самъ кяхтинскій градоначальникъ написалъ къ купцамъ оффиціальную бумагу, въ которой, изъяснивъ купцамъ сожалѣніе о случившемся, называлъ молодого купца образцомъ нравственной несостоятельности, за то, что выдалъ своихъ.

На стр. 182 подробно рассказывается о стачкѣ пограничныхъ таможенныхъ казаковъ съ контрабандистами, причемъ казачій командиръ положительно обвиняется въ воровствѣ. Узнавъ отъ своихъ казаковъ о намѣреніи купцовъ провезти контрабанду, онъ является на мѣсто, отбиваетъ товары и на пути въ таможеню большую часть ихъ воруетъ, а остальные представляетъ, какъ задержанную контрабанду.

Офицеры обвиняются въ явномъ потворствѣ тайнопровозителямъ, отъ чего такой-то баронъ ѣздитъ на отличныхъ лошадахъ, а другой, обозначенный буквами К—кій, вывезъ изъ Кяхты большое состояніе, чего, прибавляетъ авторъ, при 300 руб. жалованья достигнуть нельзя.

Составъ всего кяхтинскаго общества, особенно служащихъ тамъ лицъ, такъ невеликъ, что выводимыя авторомъ въ грязномъ видѣ фигуры на мѣстѣ дѣйствія будутъ приняты не за общіе типы: очевидно изъ всего рассказа, что авторъ имѣлъ въ виду не послѣдніе, а именно тѣ или другія личности.

Если Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати найдеть во всемъ, изложенномъ въ мнѣніи Цензурнаго Комитета, и моемъ, достаточные поводы къ тому, чтобы дать журналу „Русское Слово“, за октябрскую книжку, предостереженіе, то я имѣю честь представить на обсужденіе Совѣта проектъ предостереженія въ прилагаемой при семъ формѣ.

Критическіе этюды. М. П. Бибилова.

Въ первомъ изъ этюдовъ или статей, подъ заглавіемъ „Сентиментальная философія“, авторъ анализируетъ систему социализма Фурье и во многомъ обнаруживаетъ къ ней явное сочувствіе. Онъ искренно увлеченъ соблазнами фурьеризма, признаетъ Фурье великимъ реформаторомъ и вѣрить, что общество рано или поздно признаетъ силу и правду его проповѣди и современемъ вѣроятно приметъ многія его начала.

По правиламъ предварительной цензуры, эта статья, конечно, не была бы допущена въ печать уже по той одной причинѣ, что она знакомитъ массу публики съ системою самаго смѣлаго, можно сказать, отчаяннаго и сумасброднаго нововводителя социальнаго порядка.

Но какъ книга псѣявилась безъ предварительной цензуры, то остается рѣшить, представляетъ ли она достаточные поводы къ преслѣдованіямъ ея судебнымъ порядкомъ.

Разсмотрѣвъ представленіе С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, нѣкоторые изъ гг. членовъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати уже выразили мнѣніе, что авторъ нападаетъ на учрежденіе брака и потому, на основаніи новыхъ правилъ о печати, подлежитъ суду.

Дѣйствительно, въ вышеизложенной статьѣ, на стр. съ 74 по 77, и въ статьѣ „Ревность животныхъ“ (съ стр. 176 по 187), авторъ проводитъ и защищаетъ ту мысль, что, хотя моногамія и существуетъ, какъ методъ или способъ, установленный законодателемъ, но что *de facto* онъ непрерывно нарушается и замѣняется полигаміей или полиандріей (многоженствомъ и многожукіемъ), и изъ этого дѣлаетъ выводъ, что учрежденіе моногаміи или однобрачія несостоятельно.

Я съ своей стороны не отрицаю, что такого рода положеніе подаетъ поводъ предать автора суду, хотя я и не увѣренъ положительно въ исходъ послѣдняго, ибо авторъ старается держаться въ кругу научнаго разсматриванія вопроса и въ предѣлахъ общечеловѣческихъ нравственныхъ, семейныхъ и экономическихъ понятій, обходя христіанскія учрежденія и избѣгая даже названія бракъ. Прежде окончательнаго рѣшенія о преданіи автора суду, я имѣю честь представить вниманію Совѣта слѣдующее соображеніе: книга г. Бибилова своими внутренними достоинствами составляетъ весьма незначительное явленіе въ литературѣ и слѣдовательно не только неспособна поколебать въ обществѣ довѣріе къ тому или другому изъ принциповъ, на которые нападаетъ, но едва ли будетъ замѣчена. Между тѣмъ процессъ суда неминуемо придастъ ей гласность и незаслуженное значеніе; книга разоидется, возбудитъ общее любопытство и толки.

Поэтому не будетъ ли признано возможнымъ оставить ее безъ преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что, по моему мнѣнію, повторю, можно сомнѣваться, чтобы судъ придалъ надлежащій вѣсъ положенію автора о несостоятельности моногаміи, болѣе

или менѣ замаскированному нѣкоторыми научными приѣмами и выводами?

Впрочемъ я не настаиваю на своемъ мнѣніи и готовъ согласиться съ заключеніемъ тѣхъ гг. членовъ Совѣта, которые признаютъ нужнымъ предать автора суду, но въ заключеніе позволю только себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: впереди, безъ сомнѣнія, предвидится много случаевъ болѣе явнаго нарушенія правилъ печати и преслѣдованіе карательной цензуры окажется неизбѣжнымъ: поэтому казалось бы теперь пока, по возможности, нужнымъ оставлять не слишкомъ рѣзкіе случаи безъ преслѣдованія, чтобы съ одной стороны, не давать пищу разнорѣчивымъ толкамъ въ публикѣ, а съ другой, не обременять суды частыми и мелкими процессами.

Газета День, № № 31 и 32 — 1865 г.

Газета „День“, въ продолженіе всей своей дѣятельности, несмотря на строгость цензурнаго надзора, постоянно обращала общее вниманіе рѣзкой рѣчью, часто доходившей до звонкаго фразерства. Одно это не могло породить въ ея читателяхъ викакихъ опасныхъ стремленій и увлеченій, такъ какъ основнымъ направленіемъ газеты былъ—съ одной стороны пылкій патріотизмъ, а съ другой любимая, задушевная и неудобноисполнимая мечта—обратить Россію въ древнюю Русь. Это было всѣмъ извѣстно и не соблазняло ни публику, за исключеніемъ, можетъ быть, небольшого числа читателей, раздѣляющихъ воззрѣнія редакціи „Дня“, т.-е. такъ называемыхъ славянофиловъ, ни тревожило главнаго начальства цензуры, которое всегда имѣло средство обуздать излишнюю смѣлость рѣчи.

Можно было предвидѣть, что съ изъятіемъ газеты „День“ отъ цензуры, эта газета не будетъ стѣсняться въ смѣлости своей рѣчи: къ сожалѣнію, она превзошла ожиданія и на первыхъ шагахъ дарованной ей свободы обнаружила крайній недостатокъ такта и неспособность пользоваться умѣренно и разумно новымъ правомъ, съ которымъ обращается, какъ дитя съ огнемъ. Въ первыхъ же двухъ номерахъ по изъятіи отъ цензуры № №. 31 и 32 она оказывается явно виновною въ нарушеніи правилъ печати и невоздержностью выраженій, и самымъ содержаніемъ, проводя идеи, несогласныя съ духомъ государственнаго строя и правительственныхъ учрежденій.

Въ 31 №, въ передовой статьѣ, редакція газеты позволила себѣ употребить неприличныя, даже дерзкія выраженія и отзывы о цензурѣ, истощивъ надъ этимъ, еще существующимъ, правительственнымъ учрежденіемъ весь запасъ оскорбительныхъ эпитетовъ, сравненій и проч., что противно смыслу § 26 правилъ о внутренней цензурѣ. Въ той же статьѣ редакція издѣвается надъ государственными учрежденіями, называя ихъ призраками или подобіями (стр. 727): законы, правосудіе, муниципалитеты—по словамъ его суть только—подобіе, а не жи-

вое и не реальное. Словомъ, газета въ этихъ номерахъ успѣшила излить на правительственныя учрежденія всю желчь журнальнаго памфлета, не щадя выраженій и словъ.

Кромѣ того, независимо отъ формы выраженій, она коснулась весьма важныхъ сторонъ самаго государственнаго строя. Такъ въ 31 № редакція, въ той же передовой статьѣ, дозволила себѣ слѣдующее сближеніе: „Русской землѣ предстоитъ доказать, что свобода мнѣнія и выраженія его въ словъ совмѣстна съ полною свободою дѣйствій, предоставленной народомъ верховной власти“.

Этимъ сближеніемъ произвольно и превратно объясняются отношенія народа къ самодержавной власти, установленныя, какъ преданіемъ исторіи, такъ и духомъ нашего законодательства. Авторъ этого положенія не можетъ оправдать своего толкованія ни исторіей, ни законами, и потому, за неосторожную обмолвку, которую иначе назвать нельзя, подлежитъ строгому взысканію.

Въ 32 № газеты, также въ передовой статьѣ, авторъ, не щадя мѣстами рѣзкихъ выраженій, проводитъ мысль о необходимости отдѣленія управленія церкви отъ государственной и свѣтской власти, отъ соединенія которыхъ, по словамъ его, происходитъ ложь и лицемеріе въ обѣихъ сферахъ, т. е. церковной и государственной. Въ развитіи своей идеи авторъ не стѣсняется порицаніемъ существующаго порядка въ государственно-церковномъ управленіи и постоянно доказываетъ, что этимъ унижается достоинство и святость церкви.

Пока редакція газеты держалась въ предѣлахъ своей эксцентрической задачи, т. е. обратить Россію къ стариннымъ, отжившимъ формамъ общественнаго и домашняго быта, то эти стремленія, по несбыточности и непрактичности задачи, принимаемы были большинствомъ публики съ недоумѣніемъ и относимы были къ разряду юношескихъ утопій или *idées fixes* но въ послѣднихъ двухъ номерахъ своихъ газета неосторожно затронула, въ помянутыхъ двухъ пунктахъ, т. е. въ отношеніяхъ народа къ верховной власти и объ отдѣленіи церкви отъ нея, вопросы, интересные не для однихъ утопистовъ и могущіе возбудить въ современномъ обществѣ соблазнительныя мечтанія и толки.

Наконецъ, еслибъ газета „День“, по извѣстной всѣмъ эксцентричности направленія и способности увлекаться, не возымѣла бы сама собою непосредственно опаснаго вліянія на общественное мнѣніе, то она во всякомъ случаѣ подаетъ заразительный примѣръ смѣлости другимъ, не подлежащимъ цензурѣ, изданіямъ, которыя, можетъ быть, будутъ имѣть болѣе успѣха въ дѣлѣ опасной пропаганды.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, я полагаю бы, на основаніи 105 § правилъ о повременныхъ изданіяхъ, подвергнуть редакцію газеты „День“ ограниченію, указанному въ означенномъ параграфѣ, о чемъ и войти съ представленіемъ къ господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ такомъ только, впрочемъ, случаѣ, если Московскій Цензурный Комитетъ оставилъ означенныя статьи газеты „День“ безъ вниманія.

Газета „День“ № 34.

Въ передовой статьѣ авторъ ея вновь обращается къ тѣмъ же важнымъ вопросамъ, которые затронулъ въ статьѣ № 31-го, возбудившей общее и громкое вниманіе. Судя по духу и тону статьи № 34-го, можно догадываться, что до редакціи газеты „День“ дошли слухи о повсемѣстномъ впечатлѣніи, произведенномъ какъ смѣлостію его положеній, такъ и невоздержностью его рѣчи, потому что въ настоящей статьѣ онъ не только сдерживаетъ замѣтнымъ образомъ языкъ, но старается точно и подробно разъяснить смыслъ употребленнаго имъ неловкаго или неточнаго выраженія о правахъ или „о свободѣ дѣйствій, предоставленной народомъ Верховной власти“, выраженія, надѣлавшаго шума и подавшаго поводъ къ разнообразнымъ толкамъ. Авторъ объясняетъ или замѣняетъ выраженіе „народъ предоставилъ свободу дѣйствій власти“ выраженіемъ: „народъ призналъ за государствомъ, въ лицѣ Царя, полнѣйшую свободу правительственнаго дѣйствія“. Цѣль всей его настоящей статьи клонится къ тому, чтобъ доказать, что для непогрѣшимаго отправленія этой свободы для власти не только необходима полная свобода слова и печати, но что ограниченіе послѣдней „унизило бы самодержавіе“ (стр. 799).

Уклоненіе или проступки въ дѣлахъ печати онъ предлагаетъ преслѣдовать никакимъ другимъ способомъ, какъ судомъ, и находитъ „отвратительнымъ отношеніе къ печати у французской власти, поручившей контроль печати министерству внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобъ оно давало направленіе литературѣ“.

Между прочимъ и въ этой статьѣ авторъ не упустилъ случая коснуться любимаго своего идеала: именно, онъ опять, какъ и прежде, напоминаетъ образъ отправленія дѣйствій верховной власти совмѣстно съ земскимъ соборомъ, сохранявшимъ за первую неограниченную свободу (793) и къ этому образу дѣйствій собора старается примѣнить свободу печатнаго слова.

Авторъ этихъ статей часто сходитъ съ пьедестала публициста и позируетъ передъ публикой въ роли трибуна, смѣло касаясь вопросовъ первой важности политическихъ, и особенно внутреннихъ государственныхъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ значенія и образа отправленія функций верховной власти.

Предусматривать и предпрѣшать подобнаго рода вопросы никогда и никому, кромѣ самой верховной власти, у насъ права не предоставлялось, тѣмъ менѣе разсуждать о нихъ въ печати во всеуслышаніе, за чѣмъ неусыпно наблюдала предварительная цензура. Но, не смотря на то, въ пользу газеты „День“ отчасти дѣлалось и при цензурѣ, и дѣлается теперь, внѣ цензуры, какое-то исключеніе. Редакторъ передовыхъ статей открыто разсуждаетъ о томъ, о чемъ, можетъ быть, другимъ публицистамъ говорить свободно не было бы дозволено. Причина этому заключается, конечно, какъ въ патріотическомъ

и честномъ направленіи газеты, такъ и въ отсутствіи особенной силы и яркаго дарованія въ перѣ публициста и, слѣдовательно, особеннаго вліянія на публику, наконецъ, также въ отдаленности, непрактичности и отчасти эксцентричности его идеаловъ и надеждъ. Такъ, кажется, смотритъ на него правительство, такъ понимаетъ его и большинство публики, которое, сколько можно замѣтить, относится къ его юношескимъ мечтаніямъ съ снисходительною улыбкой, какъ къ лепету ребенка.

Поэтому, кажется, и къ нынѣшней его статьѣ можно Совѣту Главнаго Управленія по дѣламъ печати, принимая въ соображеніе смыслъ резолюціи министра внутреннихъ дѣлъ, положенной на рѣшеніи Совѣта предать редактора газеты „День“ суду, отнести съ болѣшимъ равнодушіемъ, нежели къ двумъ статьямъ №№ 31 и 32, и оставить ее безъ вниманія, выжидая, какимъ образомъ и въ какой степени обнаружитъ редакція далѣе умѣнье пользоваться дарованнымъ правомъ печати.

Для наблюденія по дѣламъ печати можетъ возникнуть затрудненіе въ такомъ только случаѣ, когда редакторы другихъ изданій, увлекшись смѣлостью редакціи „Дня“, воспользуются ея примѣромъ, и въ случаѣ преслѣдованія ихъ закономъ, будутъ ссылаться въ свое оправданіе на снисхожденіе и терпимость, оказываемыя означенной газетѣ.

Въ томъ же № 34 есть еще статья, въ которой довольно неблагоприятно, по тону статьи, разсказано о томъ, какъ Императоръ Александръ I сдѣлалъ „подарокъ“ прусскому королю изъ 30 человекъ русскихъ пѣсенниковъ, которые и поселены были въ особой слободѣ близъ Берлина.

Предварительная цензура не разрѣшила бы въ печать этой статьи, а для карательной не представляется довольно повода подвергнуть автора отвѣтственности, и потому и эта статья, какъ продуктъ свободы печати, оставаясь безъ преслѣдованія, должна быть только принята къ свѣдѣнію при опредѣленіи общаго направленія газеты.

Газета „День“ №№ 35 и 36.

Въ 35 № помѣщена замѣтка г. Громачевскаго, подъ заглавіемъ „Церковно-юридическій вопросъ“, въ которомъ сказано, что два священника отказались совершить панихиду по казненномъ преступникѣ. Авторъ осуждаетъ поступокъ священниковъ и изъявляетъ сомнѣніе, чтобы существовало такое постановленіе, которое бы лишало церковь права молиться за преступниковъ.

Эта замѣтка подала поводъ редакціи газеты „День“ выразить мысль свою (въ передовой статьѣ) о смертной казни вообще и о совершающихся въ настоящее время казняхъ въ Россіи въ особенности. Авторъ, сославшись на отмѣну смертной казни въ Россіи императрицею Елисаветою, выражаетъ упрекъ правительству, какъ за возобновленіе казни въ 1846 г. за важныя преступленія, такъ и за совершеніе казней въ настоящее время чутъ ли не въ каждомъ углу Россіи, сопро-

вождая этотъ упрекъ ироніей. Въ заключеніе статьи авторъ обращается съ воззваніемъ къ благодушію правительства и къ обществу, выражая желаніе, чтобы смертная казнь, какъ торгъ неграми, была уничтожена по взаимному соглашенію державъ и чтобы инициативу въ этомъ вопросѣ и христіанскомъ дѣлѣ взяла на себя Россія.

По мнѣнію московскаго цензурнаго комитета (10 октября сего года, за № 446), статья эта не подлежитъ ни судебному, ни административному преслѣдованію и комитетъ нашель только нужнымъ довести о ней до свѣдѣнія Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Я, съ своей стороны, нахожу это мнѣніе Комитета совершенно правильнымъ, во-1-хъ, потому, что и эта статья, какъ всѣ статьи редакціи газеты „День“, въ основной своей идеѣ проникнута высокимъ и патріотическимъ стремленіемъ возбудить въ правительствѣ и обществѣ мысль уничтоженія смертной казни и стяжанія Россіей себѣ славы начинанія въ этомъ вопросѣ, и во-2-хъ, иронической тонъ начала статьи менѣе рѣзокъ, нежели въ предыдущихъ статьяхъ той же редакціи, которыя, по резолюціи г. министра внутреннихъ дѣлъ, положенной на журналѣ Совѣта Главнаго Управленія, оставлены безъ преслѣдованія.

Впрочемъ, я полагаю бы не предавать совершенному забвенію эту статью: какъ бы ни были блатонамѣренны цѣли автора, какихъ бы высокихъ и патріотическихъ стремленій ни были исполнены его статьи, но и самое честное и доброе на правленіе не можетъ оправдать вполне редакціи, если она къ выраженію этихъ стремленій не найдетъ лучшаго способа, какъ необузданную, желчную, иногда дерзкую рѣчь, которая можетъ въ глазахъ публики бросить странную тѣнь на терпимость правительства.

Въ случаѣ, еслибы редакція газеты „День“, не понимая сама необходимости измѣнить тонъ своихъ горячихъ памфлетовъ, превзошла мѣру терпѣнія со стороны правительства и навлекла на себя справедливую отвѣтственность, то къ опредѣленію степени ея виновности можетъ быть принята, относительно ироніи, съ которою авторъ относится къ мѣрамъ правительства, и настоящая статья № 35.

Кромѣ этой статьи, въ двухъ №№ (35 и 36) той же газеты обращаютъ на себя вниманіе еще двѣ слѣдующія статьи: 1) „Вѣсти съ хутора“ г-жи Кохановской и передовая статья редакціи по тому же предмету (№ 35) и 2) „Связь современнаго положенія у насъ монашества съ вопросомъ о преобразованіи быта православнаго духовенства“.

Первая изъ этихъ статей, „Вѣсти съ хутора“, производитъ глубокое впечатлѣніе и на публику: ее вездѣ читаютъ и газета переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ ней подробно описывается раскрытіе въ изюмскомъ уѣздѣ поддѣлки серій цѣлюшайкою, въ которой замѣшаны нѣкоторые мѣстные дворяне.

Участіе дворянъ есть уже достаточная причина къ тому, чтобы статья возбудила особенное любопытство публики; но всеобщій интересъ возбужденъ всего болѣе, кажется, тѣмъ,

что г-жа Кохановская одного изъ участниковъ преступленія назвала по имени и по должности, имъ занимаемой.

Такъ какъ по этому дѣлу не только не состоялось никакого судебного рѣшенія, но еще не приведено къ окончанію и преследующееся слѣдствіе, то на оглашеніе передъ публикою именъ и званій лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, г-жа Кохановская не имѣла никакого права.

Въ изданіи, подлежащемъ цензурѣ, такое преждевременное оглашеніе именъ и званій, до объявленія судебного приговора, конечно, не было бы допущено въ печать. Съ изъятіемъ же изданія отъ цензуры предварительной, виновники оглашенія могутъ быть подвергнуты отвѣтственности по закону, если со стороны преданныхъ оглашенію и оправданныхъ судомъ поступитъ въ судъ жалоба на диффамацию.

Редакція газеты „День“, въ передовой статьѣ того же 36 №, объясняетъ возможность такого преступленія, какъ поддѣлка государственныхъ бумагъ, въ дворянской средѣ общимъ упадкомъ общественной нравственности, недостаткомъ воспитанія и честности (стр. 847), которая, по словамъ редакціи, есть у насъ личная заслуга, а не плодъ воспитанія и нравовъ.

Здѣсь, ни въ мысляхъ, ни въ формѣ выраженій я не нахожу ничего, что могло бы подать поводъ къ особенному вниманію карательной цензуры: общіе пороки, общественные недуги — такая широкая и обширная арена, на которой можно предоставить полную свободу публицисту и сатирику, безъ опасенія нанести оскорбленіе лицу или мѣсту. Въ выраженіи своей гражданской скорби редакція на этотъ разъ является скромнѣе и сдержаннѣе, нежели въ первыхъ статьяхъ.

Впрочемъ, я воздерживаюсь отъ окончательнаго заключенія по этимъ статьямъ, въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, по нимъ представлено будетъ въ Совѣтъ Главнаго Управленія мнѣніе московскаго цензурнаго комитета.

Что касается до двухъ статей, подъ заглавіемъ: „Связь современнаго положенія у насъ монашества съ вопросомъ о преобразованіи духовенства“ (№№ 35 и 36), о которыхъ упомянуто выше, то я считаю долгомъ довести о нихъ до свѣдѣнія Совѣта Главнаго Управленія только по причинѣ крайней важности вопроса, который онѣ затрогиваютъ. Относительно же цѣли, идеи и способа изложенія, нельзя довольно похвалиться благонамѣренностію, которою проникнута статья въ основной идеѣ, и спокойствіемъ, сдержанностію и вообще всѣми достоинствами изложенія, какихъ только можно пожелать отъ добросовѣстнаго, пишущаго съ убѣжденіемъ пера.

Авторъ, бросивъ историческій взглядъ на происхожденіе монашества въ первые вѣка христіанства, потомъ на учрежденіе его въ Россіи, 1) доказываетъ, что оно постепенно удалялось отъ первобытнаго своего значенія и въ настоящее время мало отвѣчаетъ духу и цѣлямъ своего назначенія; 2) проводить мысль, что монашество не должно стоять во главѣ духовенства, не только бѣлаго, но и въ самыхъ монастыряхъ не занимать высшихъ іерархическихъ долж-

ностей, которыя (т. е. должности настоятелей) могли бы быть занимаемы по выборамъ монаховъ между собой и на время, такъ какъ должность старшаго, по духу монашескаго устава, не есть почетъ, а бремя — служить болѣе и смиреннѣе всей братіи; 3) авторъ возстаетъ противъ образовавшагося въ черномъ духовенствѣ сословія ученыхъ монаховъ и сопряженныхъ съ тѣмъ отличій и подаетъ мысль о коренномъ преобразованіи монашескихъ обителей въ такія братства, которыхъ назначеніе въ настоящее время можетъ и должно быть исключительно посвящено благотворительности и распространенію въ народѣ грамотности.

Авторъ, между прочимъ, доказываетъ ненормальность пышности монастырей, парадности монастырскаго служенія, роскоши настоятелей, окружающихъ себя атрибутами архіерейскаго служенія. Сравнивая экономическое состояніе богатыхъ монастырей съ упадкомъ бѣдныхъ, онъ предлагаетъ равномерное, по возможности, распределеніе средствъ на содержаніе послѣднихъ. Словомъ, онъ рисуетъ широкую и, какъ кажется, вѣрную картину состоянія монашескаго сословія въ настоящемъ его видѣ и проводитъ параллель того, чѣмъ бы оно должно быть.

Въ заключеніе повторяю, что статья это обращаетъ на себя вниманіе только важностью самаго вопроса, котораго касается, разработка же его, какъ по благонамѣренности идеи, убѣдительности доводовъ, искренности въ стремленіи къ полезнымъ цѣлямъ, наконецъ, по спокойствію и достоинству тона и языка—безукоризненны.

По поводу этой статьи остается сказать, что было уже сказано по поводу нѣкоторыхъ, появившихся съ 1 сентября статей и что придется повторять часто, т. е. что предварительная цензура не сочла бы, вѣроятно, удобнымъ отдать на судъ общественнаго мнѣнія рѣшеніе такого вопроса, какъ вопросъ о значеніи монашества сословія, а еще менѣе дозволила бы дѣлать планы и предположенія частнаго лица объ измѣненіи духа и формы монашескихъ уставовъ. Но Высочайшій указъ 6 апрѣля снялъ это запрещеніе, и настоящую статью въ частностяхъ смысла новыхъ пензурныхъ правилъ слѣдуетъ отнести къ произведеніямъ, исходящимъ изъ Всемиловѣйше дарованнаго расширенія правъ свободы печати.

Газета День, № 39.

Я получаю эту газету недѣлей позже ея выхода въ свѣтъ, когда она прочтена уже всей публикой, и поэтому лишаюсь возможности своевременно представлять мои замѣчанія въ Совѣтъ Гл. Управ. по дѣламъ печати. И теперь, по случаю поздняго полученія № 39, я могу только заявить въ нѣсколькихъ словахъ, не входя въ болѣе точное и подробное разсмотрѣніе, стихи, помѣщенные въ этомъ №, подъ заглавіемъ „Наканунъ казни“.

Если редакція газеты „День“, въ одномъ изъ предшествовавшихъ №№, рассматривая вопросъ о смертной казни, отнеслась съ горькой ироніей къ современнымъ случаямъ казни въ Россіи, то въ оправданіе ея можно привести то единственное смягчающее обстоятельство, что къ укоризнамъ, обращеннымъ въ статьѣ къ правительству за эти казни, авторъ ея какъ бы пришелъ естественнымъ путемъ многосторонняго анализа самаго вопроса и потому укоризны, не составляя главной цѣли статьи, не способны возбудить въ читателѣ того непріязненнаго и раздражительнаго впечатлѣнія, какое производятъ стихи „Наканунъ казни“.

Авторъ ихъ прямо бьетъ на эту цѣль. Онъ беретъ самыя яркія подробности казни, изображаетъ, какъ палачъ вьетъ веревку, шьетъ колпаки и давитъ преступника. Такая картина, производя мрачное и быстрое впечатлѣніе, разжигаетъ въ читателѣ одно чувство негодованія, не смягченное никакимъ анализомъ, никакимъ оправданіемъ необходимости, приведенной правительству къ строгимъ мѣрамъ. Бросить камень, нанести мѣткій ударъ, возбудить сильный протестъ противъ современныхъ распоряженій правительства, вотъ цѣль подобныхъ стиховъ, за недопущеніемъ которыхъ въ печать такъ строго слѣдила предварительная цензура. Благоразуміе должно бы было внушать самимъ редакціямъ нѣкоторую осторожность относительно подобныхъ стиховъ разжигающаго свойства.

По моему мнѣнію, стихи „Наканунъ казни“ неудобнѣе для печати всего того, что появлялось рѣзкаго въ передовыхъ статьяхъ газеты „День“, въ которыхъ, какъ я объяснилъ, рѣзкія выходки могутъ быть болѣе или менѣе оправданы многосторонностью и добросовѣстностью анализа и добрыми цѣлями.

Помѣщеніе такихъ стиховъ, особенно въ газетѣ, заслуживало бы со стороны карательной цензуры административнаго взысканія: но какъ газета, говорятъ, прекращаетъ къ 1 января свое существованіе, то я полагалъ бы возможнымъ оставить этотъ случай безъ послѣдствій, въ надеждѣ, что редакція газеты, на новомъ поприщѣ издавія въ другой формѣ, приметъ въ соображеніе и оцѣнитъ оказываемое ей снисхожденіе.

Газета „День“ № № 42, 43 и 44.

(Представленіе Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 18 ноября, за № 528).

Въ № № 42, 43 и 44 обратили на себя вниманіе Московскаго Цензурнаго Комитета три статьи г. профессора Лешкова, подъ заглавіемъ „Опытъ теоріи земства и его земскихъ учрежденій по Положенію 1864 г.“.

Эти три статьи составляютъ ученый трудъ, разбирающій и разъясняющій „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“, сначала теоретически, потомъ въ примѣненіи къ практикѣ, по

главамъ и пунктамъ. Авторъ дѣлаетъ очеркъ болѣе либеральнаго и широкаго значенія правъ земства, нежели какое предоставлено „Положеніемъ“, и расходится съ послѣднимъ, какъ въ главной формѣ земства (обнимая въ своемъ понятіи о земствѣ села, волости, города и ихъ соединеніе въ уѣздныхъ и губернскихъ обществахъ), такъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ существенныхъ пунктахъ, на которыхъ довольно подробно останавливается цензоръ Рахманиновъ.

Авторъ, хотя и сознается откровенно (№ 43 — стр. 1016) самъ, что „его понятіе о земствѣ болѣе широко, нежели указанное, и что оно, расходясь съ буквою закона, сходится съ его духомъ и направленіемъ“, но это сознаніе касается только вышеупомянутаго разногласія съ главной формой земскихъ учреждений по „Положенію“, между тѣмъ въ частностяхъ авторъ во многихъ случаяхъ впадаетъ въ ошибочныя преувеличенія земскихъ правъ, дарованныхъ Положеніемъ, приписывая имъ свой собственный взглядъ и цѣли, что и доводитъ его до тѣхъ „рѣзкихъ выводовъ“, на которые намекаетъ г. цензоръ.

Таково, напримѣръ, правильное истолкованіе имущественнаго или, какъ авторъ называетъ, вещественнаго ценза: право этого ценза, т. е. право владѣнія землей на участіе въ земскихъ учрежденіяхъ, онъ замѣняетъ произвольно „энергіей личной дѣятельности на пользу общественныхъ интересовъ“ (стр. 1019—№ 43). Въ подтвержденіе своей идеи, онъ ссылается на самое „Положеніе“, исключющее изъ вещественнаго ценза церковныя земли и земли, принадлежащія иностранцамъ, не допущеннымъ къ участію въ земскихъ учрежденіяхъ.

Замѣчательно также и опредѣленіе земства (стр. 1017—№ 43), по понятію автора, къ которому относится—все общественное, народное благосостояніе или все народное благоустройство. За этимъ, по его мнѣнію, остается уже одинъ вопросъ: „о правахъ всероссійскаго—не земства, а сомкнутаго въ одну идею народа, съ его прямымъ отношеніемъ къ государству и съ его государственнымъ или политическимъ правомъ участія въ дѣлахъ государственнаго управленія“.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ указываетъ на несовершенную самостоятельность земскихъ учреждений: разбирая 93 ст. „Положенія“ (стр. 1041—№ 44), онъ указываетъ на то, что всѣ постановленія земства немедленно сообщаются начальнику губерніи, а по статьямъ 90, 91 и 92 нѣкоторыя дѣла земства, послѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія земскихъ собраній, должны быть еще представлены на утвержденіе губернатора и даже министра внутреннихъ дѣлъ.

Это, по мнѣнію г. Лешкова, напоминаетъ новые законы о печати. Думать, писать и даже печатать о чемъ угодно, говорить о немъ, позволено, а довести до свѣдѣнія читателя безъ цензора—нельзя.

Подъ другимъ перомъ, и въ другомъ журналѣ, можетъ быть, подобный анализъ государственнаго учрежденія подалъ бы поводъ—или къ проведенію вредной тенденціи, или

къ лукавому и безусловному порицанію правительственныхъ мѣръ, что, конечно, могло бы вызвать какую нибудь мѣру со стороны карательной цензуры.

Въ статьяхъ г. Лешкова, какъ въ содержаніи, такъ и въ тонѣ, отличающемся замѣчательнымъ спокойствіемъ и умѣренностью, я не замѣтилъ ничего, что клонилось бы къ прямому и умышленному поколебанію довѣрія къ земскимъ учрежденіямъ по „Положенію“.

Онъ скорѣе тономъ и приемами ученаго, нежели путемъ журнальной полемики, разсматриваетъ дѣло со всѣхъ сторонъ, часто ошибается, впадаетъ въ преувеличенія, дѣлаетъ болѣе широкіе и либеральныя, противъ „Положенія“, выводы, но нигдѣ не впадаетъ въ тонъ возбужденія или рѣзкаго нетерпимаго порицанія. Онъ очевидно выражаетъ желаніе большихъ правъ, нежели какія дарованы „Положеніемъ“: но не старается поджигать читателя, не навязываетъ ему съ журнальной запальчивостью своихъ возрѣній, а разсуждаетъ спокойно и съ достоинствомъ.

Согласно мнѣнію г. цензора, я полагалъ бы, что статьи г. Лешкова не вызываютъ преслѣдованія карательной цензуры. Но по важности предмета вообще, и тѣхъ вопросовъ, которые затронуты въ указанныхъ г. цензоромъ мѣстахъ, я считаю нелишнимъ довести объ этихъ статьяхъ, черезъ журналъ Совѣта, до свѣдѣнія его высокопревосходительства г. министра, а также сообщить всѣ три статьи въ оригиналь, съ замѣчаніями цензора, для соображенія, въ департаментъ общихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточены дѣла земства.

Газета „День“, №№ 47 и 48—1865 г.

Въ письмѣ г. предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 27 ноября указаны нѣкоторыя страницы означенныхъ №№, особенно въ передовой статьѣ, подлежащія, по его мнѣнію, взысканію карательной цензуры.

Не рѣшаясь, однако, въ видахъ осторожности, на немедленное принятіе какой-либо мѣры установленнымъ порядкомъ черезъ цензурный комитетъ, г. Мансуровъ счелъ нужнымъ испросить по этому предмету точныхъ указаній, такъ какъ въ передовой статьѣ горячо затронутъ весьма щекотливый вопросъ объ антагонизмѣ русской и нѣмецкой національностей въ Остзейскомъ краѣ, подающемъ поводъ къ жаркой полемикѣ между московскими журналами и остзейскою прессою.

По прочтеніи передовой статьи, я нахожу, что редакция газеты, движимая, какъ всегда, неподдѣльнымъ русскимъ чувствомъ, впадаетъ и здѣсь въ тотъ патріотическій пафосъ, который уже неоднократно ставилъ карательную цензуру въ серьезное затрудненіе.

Патріотическое настойчивое желаніе обрусить всѣхъ ино-родныхъ подданныхъ Россіи, между прочимъ и въ остзейскомъ

краѣ, сдѣлать ихъ участниками дарованныхъ кореннымъ русскимъ подданнымъ благъ, т. е. свободы и надѣла землею, негодование на препятствія къ этому со стороны нѣмецкаго населенія—все это высказывается въ такой бурной и раздражительной рѣчи, что поневолѣ увлекаетъ автора, относительно выраженія, за предѣлы дозволенной цензурными правилами свободы печати.

Если оставить въ сторонѣ общую благонамѣренную цѣль автора и примѣнить буквально смыслъ 9 пункт. Главы IV указа 6 апрѣля сего года къ передовой статьѣ № 47 газеты „День“, то можно найти не одинъ поводъ къ преданію редакціи суду. Напримѣръ, его горькіе упреки, которыми онъ будитъ русское общество отъ дремоты и равнодушія „къ состоянію православной церкви въ западномъ краѣ, къ оскорбленіямъ и притѣсненіямъ, которымъ подвергаются русскіе жители остзейскихъ городовъ со стороны нѣмцевъ, къ жалобамъ крестьянскаго населенія, которыми оглашается чаще и чаще наша журналистика“, и далѣе бурное „негодование по поводу жалкаго положенія крестьянъ, угнетаемыхъ помѣщиками, не надѣленныхъ землею и выкупающихъ послѣднюю на разорительныхъ для нихъ, крестьянъ, условіяхъ“ (стр. 1109, 1110)—и многое тому подобное въ статьѣ можетъ быть отнесено „къ возбужденію вражды въ одномъ сословіи противъ другого, или одной части населенія Имперіи противъ другой“.

Далѣе представляются поводы къ обвиненію редакціи „въ порицаніи дѣйствующихъ законовъ, мѣръ правительства и самого правительства“—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ рѣзкія обращенія къ существующимъ въ остзейскомъ краѣ особымъ привилегіямъ, которыя авторъ статьи называетъ остатками „феодальной старины, привилегіями рыцарства“, а прибалтійскія провинціи вообще—„музеемъ историческихъ рѣдкостей соціальнаго и общественнаго порядка, соціальныхъ и общественныхъ неправдъ, которыя вездѣ пали и сохранились только подъ сѣнію Россіи, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ“ (стр. 1111).

Авторъ вообще во всей статьѣ желчно относится къ правительственной системѣ дѣйствій въ остзейскомъ краѣ и между прочимъ подрываетъ довѣріе къ учрежденной въ Ригѣ комиссіи для улучшенія быта крестьянъ, говоря, что (по полученнымъ редакціею свѣдѣніямъ) „всѣ проектируемыя дѣйствія дѣлаются для вида, не съ искреннею цѣлью улучшить бытъ, а съ тѣмъ, чтобы отвести напирющую грозу и новою формою замаскировать сохраненіе прежнихъ помѣщичьихъ правъ“ (стр. 1110).

Наконецъ, авторъ клеймитъ остзейскихъ нѣмцевъ презрѣніемъ за ихъ притѣснительныя отношенія къ латышамъ и эстонцамъ, выражаетъ явное удивленіе къ такой „аномаліи“ отношеній русскаго правительства къ остзейскому краю, говоря, что она не можетъ не оскорблять русскаго національнаго самолюбія (стр. 1110), и предсказываетъ, что „пренебреженіе къ законнымъ и естественнымъ требованіямъ кореннаго населенія остзейскаго края, исключеніе его изъ общихъ благъ,

дарованныхъ прочимъ подданнымъ, насильственное онѣмеченіе — все это неминуемо послужитъ источникомъ смуты, безпокойствъ, волненій, беспорядковъ и опасныхъ столкновений, какъ между классами и народностями прибалтійскихъ провинцій, такъ и между нѣмецкимъ элементомъ края и русскимъ народнымъ государственнымъ элементомъ“.

Я ограничусь этими указаніями самыхъ яркихъ мѣстъ статьи и обращаюсь къ вопросу о преданіи автора суду.

Я раздѣляю опасенія, высказанныя г. Мансуровымъ относительно примѣненія къ настоящему случаю карательной мѣры, которая, по его мнѣнію, можетъ быть принята сторонниками „Дня“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ за предпочтеніе, оказанное правительствомъ нѣмецкому населенію остзейскаго края.

Прибавлю къ этому съ своей стороны, что мѣра этого рода, какъ преданіе органа русской журналистики суду, будетъ принята нѣмецкимъ населеніемъ остзейскаго края съ большимъ торжествомъ, которое неминуемо громко отразится и въ тамошней прессѣ, а это вызоветъ новое раздраженіе и новый сильный протестъ со стороны московскихъ журналовъ, вовлечетъ опять обѣ стороны въ дальнѣйшую раздражительную полемику, слѣдовательно породитъ новыя и болѣе сложныя затрудненія для цензурной администраціи.

Другая карательная мѣра—„предостереженіе“, кромѣ того, что могла бы неосторожно затронуть сущность щекотливаго вопроса о русскомъ и нѣмецкомъ антагонизмѣ и возбудить раздраженіе и вызовъ къ протесту—неудобопримѣнима еще и потому, что газета „День“ уже заявила о своемъ прекращеніи въ истекающемъ году.

Я вообще не обольщаю себя надеждою, чтобы полемика, возникшая въ московской и остзейской прессѣ по вопросу такой глубокой важности, какъ антагонизмъ русскаго и нѣмецкаго элементовъ, въ основаніи котораго лежитъ и племенной антагонизмъ славянской и нѣмецкой расъ и случайное политическое столкновеніе двухъ національностей подъ одной державой, могла бы быть успокоена тѣми или другими цензурными мѣрами, какъ бы онѣ рѣшительны и строги ни были. Примиреніе или успокоеніе обѣихъ прессъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, можетъ совершиться только подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ примирительныхъ мѣръ, какія угодно будетъ высшему правительству принять къ устроенію самаго положенія дѣлъ въ остзейскомъ краѣ.

Въ видахъ возможнаго, однако, предупрежденія дальнѣйшаго раздраженія въ тонѣ московской журналистики, я полагаю удобнымъ сдѣлать заявленіе или communiqué въ „Сѣверной Почтѣ“.

Газета „День“, № 49.

Въ № 49 газеты „День“ помѣщена статья Владимира Ломанскаго, подъ заглавіемъ „Г. Безбардисъ и нѣмцы“, въ которой авторъ полемизируетъ съ статьей „Рижской Нѣмецкой Газеты“, № 261, по дѣлу о томъ же г. Безбардисѣ.

Въ статьѣ г. Ломанскаго помѣщено все то, о чемъ уже говорилось и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Днѣ“ и, если не ошибаюсь, и въ „Голосѣ“, т. е. приводятся выписки изъ всеподданнѣйшаго адреса латышей, объясняется настоящій смыслъ и значеніе этого адреса, извращенные, по словамъ автора, „Рижскою Газетою“, которая видитъ въ адресѣ воззваніе къ нарушенію существующаго порядка въ Остзейскомъ краѣ и подводитъ составителей его подъ ст. 1205 Уложенія о наказаніяхъ. Г. Ломанскій возстановляетъ ту часть текста адреса, къ которой относится комментарий „Рижской Газеты“, и вполне опровергаетъ ея невѣрное истолкованіе.

Затѣмъ онъ обращается къ другому обвиненію, вводимому „Рижскою Газетою“ на г. Безбардиса, и именно будто бы надъ послѣднимъ произведено было слѣдствіе, независимо отъ адреса, еще за то, что у него найдены были бумаги, состоявшія въ прямой связи съ возбужденіемъ латышскихъ крестьянъ въ имѣніяхъ Лагофѣ (Лифляндіи) и Гренцгофѣ (Курляндіи). Г. Ломанскій, объяснивъ, что г. Безбардисъ не сочинялъ, а только переписывалъ прошеніе гренцгофскихъ крестьянъ, сочиненное другимъ православнымъ латышемъ, описываетъ, какъ поступила, въ іюнѣ 1863 г., прибывшая въ Гренцгофъ комиссія, состоявшая изъ трехъ членовъ: барона Сакена, Медема и г. Баха. Крестьяне, просившіе защиты, не только не были удовлетворены, но имъ отвѣчено было, что „сколько бы они прошеній ни подавали, ни Государь, ни министръ туда не придутъ, что все поручено имъ, что утраченная земля и имущество возвращены не будутъ, разграбленное мызное имущество, за смертью волостного писаря, невозвратимо и что крестьяне по прежнему должны повиноваться помѣщикамъ и назначеннымъ отъ послѣднихъ волостнымъ чиновникамъ“ (стр. 1170).

Черезъ день послѣ того народъ былъ собранъ на мызу и послѣ новаго допроса означенные три чиновника велѣли заковать волостного предсѣдателя въ кандалы, и когда тотъ позвалъ на помощь старшаго своего брата, то призвана была рота Митавскаго гарнизона и семь человекъ крестьянъ получили по 100 розогъ (стр. 1170).

По словамъ г. Ломанскаго, латыши просили неоднократно о защитѣ, объ удовлетвореніи своихъ правъ, о доставленіи имъ способовъ къ пропитанію и жаловались на крайнюю нужду и притѣсненія, терпимыя отъ помѣщиковъ. Просители прибавляли, что враги ихъ стараются представить дѣло ихъ въ ложномъ свѣтѣ, какъ описано было происшествіе въ Гренцгофѣ въ № 176 „Рижской Газеты“.

Какъ латыши, такъ и эсты, замѣчаетъ г. Ломанскій, просить о введеніи русскихъ порядковъ—и съ этой цѣлью эстонцы, независимо отъ латышей, подписали, въ числѣ 250 человекъ, отъ 24 крестьянскихъ обществъ, прошеніе, въ которомъ въ 14 пунктахъ изъясняютъ свои нужды и желанія, направленные преимущественно къ уравнию ихъ правъ съ правами русскихъ крестьянъ и къ освобожденію отъ произвола нѣмецкаго вліянія (стр. 1171—1172).

Далѣе авторъ говоритъ, что нѣмецкое свѣтское начальство строго осудило адресъ латышей, а напротивъ того русское духовное начальство въ Ригѣ совершенно подтвердило справедливость излагаемыхъ въ адресѣ жалобъ.

Авторъ, приводя разныя свѣдѣнія по дѣлу латышскаго адреса, указываетъ на источники—„Московскія Вѣдомости“, „День“, „Православное Обозрѣніе“ и „Труды Московскаго Общества древностей“, но онъ не обозначаетъ однако, откуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія о происшествіи въ Гренцгофѣ.

Въ заключеніе г. Ломанскій выражаетъ полную увѣренность—во 1-хъ, въ томъ, что огромное большинство русскаго дворянства, всегда относившееся благодушнѣе къ крѣпостнымъ людямъ, нежели гордые нѣмецкіе рыцари къ латышамъ и эстамъ, не можетъ питать сочувствія къ узкимъ, эгонстическимъ воззрѣніямъ нѣмцевъ на какое-то особенное значеніе и привилегированное мѣсто Прибалтійскихъ провинцій въ нашемъ государствѣ, и 2-е, что въ Россіи, не только не возможны времена Бирановъ и Адамовъ Чарторійскихъ, но что не повторяются прежнія и недавнія наши ошибки въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи, равно какъ и важныя вины въ Прибалтійскихъ губерніяхъ при Паленахъ и Бенкендорфахъ, и что наконецъ, въ 3-хъ, по предмету Прибалтійскихъ губерній отнынѣ не будутъ возможны никакія сомнѣнія, колебанія и проволочки, что въ правительствѣ нашемъ преобладаютъ въ этомъ отношеніи не нѣмецкія, а русскія воззрѣнія и т. д. (стр. 1172—1173).

Обо всемъ этомъ говорилось, какъ извѣстно, въ нѣсколькихъ органахъ нашей печати и вопросъ затрогивался гораздо сильнѣе и рѣзче: крутыхъ мѣръ со стороны карательной цензуры принято не было, тѣмъ менѣе настояла бы надобность въ принятіи какой-либо мѣры противъ настоящей, сравнительно мягкой статьи.

Но имѣя въ виду, что на статьи подобнаго содержанія въ послѣднее время уже обращено было строгое вниманіе главнаго управленія по дѣламъ печати, и именно по поводу передовой статьи № 47 и 48 газеты „День“, а равно и то, что въ настоящей статьѣ г. Ломанскаго приводится распоряженіе слѣдственной комиссіи по Гренцгофскому дѣлу (оглашенному впрочемъ въ „Рижской Газетѣ“—но въ другомъ видѣ) по неизвѣстнымъ источникамъ, я полагаю бы нужнымъ, въ видахъ нѣкотораго ограниченія невоздержной полемики въ московскихъ журчалахъ противъ остзейской прессы, напечатать въ „Сѣверной Почтѣ“ то заявленіе, или communiqué, которое было предложено по поводу вышеозначенной передовой статьи

№№ 47 и 48 газеты „День“, въ нижеслѣдующей формѣ, которую имѣю честь представить на общее обсужденіе совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ этомъ заявленіи я полагаю бы, не касаясь остзейскаго вопроса, указать только на неприличный тонъ и дерзкія обращенія къ правительству и правительственнымъ учрежденіямъ и мѣрамъ.

Форма заявленія.

„Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ постоянно появляются статьи по важнымъ вопросамъ, писанныя въ запальчивомъ тонѣ и въ рѣзкихъ, нарушающихъ достоинство печати выраженіяхъ, не рѣдко направленныхъ противъ правительства, правительственныхъ учрежденій и распоряженій, а также противъ цѣлыхъ сословій Имперіи.

Сужденія эти, часто основанныя на однихъ невѣрныхъ слухахъ и выражаемыя въ раздражительномъ, пристрастномъ тонѣ, могутъ ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе, какъ относительно самаго положенія дѣлъ въ томъ или другомъ вопросѣ, въ томъ или другомъ краю имперіи, такъ относительно и правительственныхъ дѣйствій и распоряженій.

Продолженіе подобныхъ полемическихъ статей раздражительнаго свойства, выходящихъ изъ предѣловъ дозволенной Высочайшимъ указомъ 6-го апрѣля свободы печати, терпимо быть не можетъ“.

Что касается до прочихъ, указываемыхъ г. Мансуровымъ статей 47 и 48 №№ газеты, то изъ нихъ только одна, по моему мнѣнію, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, но не подлежитъ преслѣдованію—это статья о „Земскомъ дѣлѣ въ Россіи“, гдѣ авторъ (на стр. 1147), говоря о дарованномъ земству правѣ обсуждения и ходатайства по законодательнымъ вопросамъ, не предсказываетъ успѣха этому праву, ссылаясь на то, что и дворянству дано было тоже право, но дворяне также не имѣли успѣха, потому что представленія ихъ, встрѣчая противодѣйствія со стороны министерствъ или завѣдующихъ послѣдними лицъ, потому что противорѣчили ихъ видамъ, умножали только министерскіе архивы. Затѣмъ авторъ предлагаетъ учредить въ Петербургѣ комитетъ собственно для разсмотрѣнія проектовъ и заявленій губернскихъ земскихъ собраній, съ правомъ вносить ихъ, при мнѣніи отъ себя, въ Государственный Совѣтъ комитета министровъ.

Газета „День“, № № 50 и 51.

Почти нѣтъ надобности излагать содержаніе передовой статьи № № 50 и 51 газеты „День“: о ней, какъ и всякой передовой статьѣ этой газеты, говорилось въ публикѣ, и также въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Напомню только, что авторъ статьи находитъ неестественнымъ „выкупъ государственнымъ крестьянами у государства земли, на которой они

сидятъ испоконъ вѣка, на которой, такъ сказать, застала ихъ формація государства“.

По сравненію его—„это все равно, еслибъ заставить дубъ выкупать землю, на которой онъ выросъ“.

Далѣе онъ входитъ въ юридическое и историческое разсмотрѣніе отношеній государственныхъ крестьянъ къ государству и къ землѣ, находя совершенно различіе между этими отношеніями и отношеніями помѣщичьихъ крестьянъ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, и изъ этого сравненія дѣлаетъ тотъ выводъ, что если государственные крестьяне будутъ выкупать землю, „то это значило бы, что земля выкупала бы сама у себя свою собственную формацію“ (стр. 1184).

Далѣе, проводя различіе между помѣщичьими и государственными крестьянами и напоминая, что „прежде помѣщикъ имѣлъ право отнять у крестьянина землю“, авторъ заключаетъ, что „нельзя допустить, чтобы государство, какъ помѣщикъ, имѣло право согнать 20 милліоновъ крестьянскаго населенія съ земли: это значило бы, говорить онъ, что сама Россія, сама Русская земля, которой государство есть только внѣшнее, политическое выраженіе, сама подвергается сомнѣнію свое право на землю“.

Въ выписанныхъ строкахъ заключается главная мысль и образъ и тонъ изложенія всей статьи, впрочемъ уже не новый и въ настоящей статьѣ менѣе, нежели въ предъидущихъ, поражающій своей рѣзкостью.

Но здѣсь дѣло не столько въ тонѣ, сколько въ основной идеѣ самой статьи. Цѣль ея очевидно клонится къ тому, чтобы предупредить намѣренія правительства, или отклонить его отъ тѣхъ мѣръ, о которыхъ, повидимому, дошли до автора слухи, и которыя противорѣчатъ его взгляду на этотъ предметъ.

Но какъ правительство, сколько извѣстно изъ официальныхъ органовъ печати, еще не выражало своихъ намѣреній относительно выкупа государственными крестьянами земли, то авторъ въ статьѣ своей или распространяетъ ложные о мѣрахъ правительства слухи, или же—если правительство дѣйствительно имѣетъ въ виду постановленіе о выкупѣ государственными крестьянами земли, онъ строгими порицаніями такой мѣры колеблетъ заблаговременно довѣріе публики къ ней.

Авторъ положительно говоритъ на первой страницѣ своей статьи, что „этотъ вопросъ существуетъ, въ ходу во всѣхъ нашихъ административныхъ сферахъ“.

Я отнюдь не думаю, чтобы статья газеты „День“ могла серьезно „поколебать довѣріе“ къ намѣреніямъ правительства, или породить враждебное расположеніе въ публикѣ къ той или другой его мѣрѣ, но однако же настойчивая запальчивость, съ которою авторъ статьи спѣшитъ высказать перedy власть преждевременныя порицанія предлагаемой имъ мѣры—нарушаетъ приличія, въ предѣлахъ которыхъ всякое частное лицо обязано держаться въ отношеніи къ правительству, и кромѣ того подають соблазнительный примѣръ прессы, искажающей терпѣніе цензурной администраціи.

Въ новыхъ правилахъ о печати по указу 6-го апрѣля сего года не постановлено никакихъ мѣръ ни противъ распространенія ложныхъ или вредныхъ слуховъ путемъ печатныхъ органовъ, ни по поводу осужденія или порицанія еще несостоявшихся и не обнародованныхъ мѣръ правительства; и настоящій, также какъ и бывшій, а равно безъ сомнѣнія и будущіе случаи распространенія подобныхъ слуховъ подтверждаютъ только необходимость предложеннаго господиномъ министромъ совѣту разъясненія или дополненія закона относительно проступковъ этого рода.

Поэтому, о преданіи автора разсматриваемой статьи суду не можетъ быть и рѣчи.

Самую удобопримѣнимою мѣрою въ настоящемъ случаѣ было бы предостереженіе, которому подлежала бы также и помѣщенная въ томъ же № „Дня“, на стр. 1225, „Оговорка“, тѣмъ, по поводу даннаго журналу „Современникъ“ второго предостереженія, сказано, что административныя мѣры этого рода, т. е. предостереженія, „мѣшаютъ лжи высказываться свободно, до полноты абсурда, спасаютъ ее, ложь, отъ поразенія и самоубійства и мѣшаютъ бороться съ ней явнымъ оружіемъ ея противникамъ“. Однимъ словомъ, характеръ и цѣль законной мѣры объясняется превратно и вполне опровергается.

Но все это или подобное этому злоупотребленіе печатной гласности повторялось въ газетѣ „День“ не однажды и болѣе рѣзко, нежели теперь; и карательная цензура находила особня уваженія и поводы къ пощадѣ редакціи этого журнала. Къ тѣмъ уваженіямъ и поводамъ въ настоящемъ случаѣ прибавляется еще одинъ, по которому предостереженіе не достигало бы своей цѣли—именно: что газета переживаетъ послѣднія минуты своего существованія и что карательная мѣра могла бы произвести несвоевременностью своею странное впечатлѣніе и на редакцію, и на публику.

По поводу прошенія г. Эвальда о разрѣшеніи газеты: „Всемирный Телеграфъ“.

При рѣшеніи предложеннаго господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати вопроса о томъ, „не слѣдуетъ ли на первое время ограничить спекуляціи изданій, посвящаемыхъ однимъ только объявленіямъ (промышленнымъ, торговымъ и т. п.), въ видахъ интересовъ другихъ изданій“, можно бы, по моему мнѣнію, руководствоваться слѣдующими соображеніями:

1. Нѣтъ сомнѣнія, что изданія, подобныя „Всемирному Телеграфу“ и посвященныя однимъ только объявленіямъ, предпринимаются съ спекулятивною цѣлію: но едва ли это заслуживаетъ порицанія, такъ какъ дѣло печати имѣетъ также свою коммерческую сторону и порождаетъ конкуренцію, отъ которой выигрываетъ большинство, т. е. публика, потому что

конкуренція ведетъ за собою пониженіе цѣнъ и улучшеніе изданій. Кромѣ того, торговныя и промышленныя объявленія не могутъ не способствовать въ нѣкоторой степени болѣе живому движенію самой торговли, иначе объявленія и рекламы не были бы въ такомъ ходу за границею.

2. Едва ли можно предполагать, чтобы дешевый, стоящій всего 1 руб. 20 коп. въ годъ листокъ могъ конкурировать съ другими, серьезными періодическими изданіями, въ ущербъ послѣднимъ, которыя въ глазахъ публики будутъ всегда имѣть неоспоримый перевѣсъ полнотой всесторонняго литературнаго содержанія и въ составъ которыхъ объявленія входятъ, только какъ прибавленіе и также—какъ спекуляція.

3. Появленіе всякаго новаго листа газеты, мелкаго и дешеваго изданія способствуетъ развитію и усовершенствованію печатнаго дѣла которое, надо сознаться, находится у насъ на степени крайне грубаго и младенческаго состоянія. Въ публикѣ постоянно слышатся справедливыя жалобы на недостатокъ у насъ указателей, гидовъ, извѣстій объявленій и всякаго рода печатныхъ пособій и дешевыхъ изданій, включая сюда и изданія для народа, для дѣтей, причемъ обыкновенно ссылаются на обиліе этого рода средствъ за границею, гдѣ всѣ такія изданія достигли баснословныхъ размѣровъ по количеству, качеству и дешевизнѣ. Одно только распространеніе потребленій произведеній всякаго рода печати въ массѣ публики и народа и громадный и постоянный запросъ на нихъ можетъ повести къ развитію и усовершенствованію печатнаго дѣла: въ этомъ смыслѣ всякія спекуляціи и конкуренціи принесутъ огромную пользу. Поэтому желательно бы было предоставить какъ можно болѣе льготъ всякимъ предпріятіямъ по дѣлу печати, ограждая лишь интересы общества отъ вреда въ цензурномъ отношеніи.

По всѣмъ симъ соображеніямъ казалось бы возможнымъ разрѣшить нынѣ же изданіе „Всемирнаго Телеграфа“ и съ просимымъ текстомъ статей отъ редакціи, тѣмъ болѣе, что вреда отъ этого никакого не предвидится, ибо издатель въ прошеніи своемъ изъявилъ желаніе оставить изданіе подъ наблюденіемъ цензуры. Желательно бы было также распространить разрѣшеніе и на всѣ подобныя изданія, если поступить о томъ прошенія, такъ какъ къ отказу въ этомъ издателямъ трудно будетъ привести основательную причину.

Прогрессистъ-самозванецъ. Комедія, соч. г. Маркова.

Въ отзывѣхъ князя Долгорукова къ графу Адлербергу о комедіи „Прогрессистъ-самозванецъ“ (содержаніе которой уже извѣстно совѣту главнаго управленія по дѣламъ печати изъ доклада г. цензора драматическихъ сочиненій), а также и въ этомъ самомъ докладѣ упоминается, что въ комедіи „нѣтъ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ“, но между тѣмъ и прежняя, и нынѣшняя театральная цензура не находятъ удобнымъ допустить піесу на сцену. Это кажущееся противо-

рѣчіе становится понятнымъ только по прочтеніи вполнѣ самой пьесы. Въ ней два представителя старшихъ поколѣній рвутся изо всѣхъ силъ доказать ложь и вредъ новыхъ стремленій и началъ представителя новаго поколѣнія, грубаго, безнравственнаго и весьма недалекаго господина, и оба успѣваютъ такъ плохо, что совсѣмъ уронили бы дѣло, если бы оно нуждалось въ такой защитѣ.

Напротивъ, старый представитель Палаты, дядя героя, защищая вообще слабо, грубо и вяло старыя начала, убѣжденія и старыхъ писателей, договаривается до того, что упрекаетъ молодое поколѣніе въ неуваженіи чиновъ и орденовъ, и чѣмъ же защищаетъ послѣдніе? Вовсе не тѣмъ, что они свидѣтельствуютъ о той или другой заслугѣ, а просто потому, что они, какъ изъ словъ его видно, служатъ какой-то игрушкой для стариковъ:

Тамъ что ни говори, все будетъ трудъ напрасный
И все захочется намъ синей послѣ красной (ленты) (стр. 105)
А послѣ синей, красной вновь,
Но мира все не дастъ душѣ судьбина злая:
Все будетъ умъ сверлить и сниться голубая!

Такъ же искусно онъ защищаетъ и всѣ старыя начала и порядки: подобная защита породить, конечно, улыбку, но не въ пользу стараго.

Другой защитникъ стараго, генераль, дѣлаетъ еще хуже. Тотъ наивно сознается, что „густыхъ эполетъ нельзя носить“ (стр. 41), что офицеръ, встрѣтя его въ мундирѣ и лентѣ „чуть не толкнулъ его и не сказалъ дурака“, что это подаетъ дурной примѣръ и ведетъ къ заключенію, что „начальникъ—колпакъ“. Далѣе представляетъ (стр. 45, 48, 49), что офицеры одѣваются „разгильдяями“, съ презрѣніемъ обращаются къ начальству и проч. и проч.; воспоминаетъ примѣрную дисциплину при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и двѣнадцатый годъ и наконецъ упоминаетъ даже имя царствующаго Государя (стр. 49).

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Гончаровъ находитъ, что авторъ тяжелыми и неловкими упреками отсутствію дисциплины, во 1-хъ, открываетъ зрителю глаза на то неизвѣстное всѣмъ въ обществѣ явленіе, что офицеры не оказываютъ должнаго уваженія генераламъ, одѣваются разгильдяями и съ презрѣніемъ обращаются къ начальству, а во 2-хъ, даетъ публикѣ право спросить: да кто-жъ виноватъ въ этомъ отсутствіи дисциплины: слабость или неспособность начальства? Молодежь, если уже распущенность нравовъ въ крайнихъ молодыхъ людяхъ дошло до того, что коснулася и военнаго быта, то зрители легко поймутъ, что не сатира и не комедія, притомъ такая плохая, помогутъ упрочить надлежащій духъ и дисциплину въ войскѣ и что поэтому военное званіе затронуту напрасно.

Такъ какъ этихъ, бросающихся въ глаза, мѣстъ немного, то ихъ можно бы было исключить, но тогда возникаетъ вопросъ: почему авторъ избралъ въ герои военнаго? За тѣмъ ли,

чтобы онъ напился пьянъ, игралъ съ шуллеромъ въ карты и искалъ жениться ради только богатаго приданого?

Этого бы конечно не спросили, если бы авторъ снялъ типически вѣрный и художественный снимокъ съ представителя военнаго званія нашего времени, какъ сдѣлалъ въ свое время Грибоѣдовъ въ Скалозубъ: но у автора нѣтъ такого таланта и оттого нехудожественныя изображенія дурныхъ поступковъ выведеннаго имъ офицера покажутся всякому преувеличенными, даже ложью и клеветой,—и зрителю, носящему военный мундиръ, будетъ неловко присутствовать въ театрѣ. Кроме вышесказаннаго въ пьесѣ противнаго цензурнымъ правиламъ ничего нѣтъ.

Комедія написана бойкимъ стихомъ и въ ней есть нѣсколько живыхъ сценъ: если авторъ дорожитъ постановкой своей пьесы на сцену, то, кажется, ему есть одно средство провести ее—это измѣнить мундиръ героя на фракъ, подъ которымъ кроется вся необъятная масса людей, не носящихъ мундира, слѣдовательно и не предстоить опасности лично задѣть то или другое званіе или сословіе въ обществѣ.

Мнѣ кажется, это болѣе обобщило бы и цѣль комедіи, ибо инициатива ложнаго прогресса принадлежитъ фракному міру, въ которомъ разнообразно и обильно разыгрываются всѣ его жалкія и комическія проявленія. На военномъ званіи они отразились слабо и односторонне: безпорядокъ въ одеждѣ и упадокъ дисциплины—вотъ все, что авторъ нашелъ для всей характеристики военнаго псевдо-прогрессиста. Больше ничего и нельзя найти, ибо во всемъ прочемъ военный ничѣмъ не будетъ отличаться отъ не-военнаго: къ чему же тутъ мундиръ?

Въ томъ же видѣ, какъ комедія написана, теперь, я полагаю, согласно съ мнѣніемъ г. цензора драматическихъ сочиненій, она для представленія на сценѣ неудобна.

Der Fluch des Galilei.

Trauerspiel in 5 Aufzügen von Arthur Müller.

Дѣйствіе происходитъ въ Римѣ въ 1633 г. Надъ Галилеемъ назначено папою Урбаномъ VIII верховное инквизиціонное судилище, состоящее изъ кардиналовъ и другихъ духовныхъ лицъ, которое предлагаетъ ему отречься отъ его воззрѣнія на міросозданіе, какъ ошибочнаго и противнаго священному писанію. Галилей старается доказать судьямъ своимъ истину своего ученія, но семидесятилѣтняго старца подвергаютъ пыткамъ, послѣ чего онъ, изъ слабости, дѣйствительно отрекается отъ сдѣланныхъ имъ открытій. Приведенный затѣмъ вновь въ судъ, Галилей, одушевленный присутствіемъ одного изъ своихъ учениковъ, доминиканца Бруно, торжественно произноситъ знаменитыя свои слова: „и она (земля) все таки движется!“ и на проклятіе своихъ судей отвѣчаетъ такимъ же проклятіемъ ихъ самихъ и всякой лжи и неправды. Дальнѣйшая судьба Галилея остается неизвѣстною, такъ какъ интересъ

драмы затѣмъ сосредоточивается въ другомъ лицѣ, именно въ томъ доминиканцѣ Бруно, который отказывается отъ любви молодой дѣвицы и отъ свободы, чтобы содѣйствовать торжеству новаго ученія Галилея и наконецъ, не дорожа жизнью, самъ принимаетъ ядъ.

Авторъ этой драмы хочетъ доказать несостоятельность папизма и католицизма и ихъ вредное вліяніе на просвѣщеніе. Къ тому же дѣйствующія лица почти исключительно духовныя, и одинъ изъ главныхъ героевъ пьесы, монахъ Бруно, имѣетъ любовную связь съ кузиною своей.

По всему этому цензура находитъ одобреніе этой драмы невозможнымъ.

Проклятiе Галилея.

Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ А. Миллера. Переводъ съ нѣмецкаго.

Изъ приложенной къ этой трагедіи записки прежней театральной цензуры видно, что пьеса не допущена была къ представленію на нѣмецкомъ языкѣ потому, что авторъ будто-бы „хочетъ доказать несостоятельность папизма и католицизма и ихъ вредное вліяніе на просвѣщеніе“.

По прочтеніи пьесы, я нахожу, что не вслѣдствіе старанія автора, а изъ самаго событія суда и обвиненія Галилея обнаруживается несостоятельность только инквизиціи, за которую, конечно, никто, не исключая и папистовъ, не станетъ вступаться вообще, а въ дѣлѣ Галилея въ особенности. Въ одномъ только мѣстѣ (между 31 и 32 стр.), говоря устами Бруно объ аскетизмѣ, авторъ намекаетъ на ненормальность безбрачнаго состоянія монаховъ, но это мѣсто съ нѣкоторыми другими (на стр. 11, 12, 13, 19, 22—23, 26—28—31—32) предназначено къ исключенію. Затѣмъ повсюду въ трагедіи на первомъ планѣ является драматическая сторона громкаго историческаго событія, ходомъ и послѣдствіями котораго, а не стараніями автора, подтверждается то, что давно всѣмъ извѣстно, т. е. ложь и жестокость инквизиціонныхъ судовъ, обратившіяся давно въ легенды и преданія и послужившія въ западныхъ литературахъ обильною пищею для романовъ и драмъ. Въ самыхъ католическихъ государствахъ, всего болѣе во Франціи, являются на сценѣ кардиналы и другія духовныя лица и никто этимъ не смущается: почему у насъ въ Россіи слѣдуетъ быть въ этомъ отношеніи строже, нежели у самихъ католиковъ?

Необходимо, конечно, соблюсти нѣкоторую осторожность въ цензурномъ отношеніи тамъ, гдѣ дѣло касается понятій, общихъ обѣимъ религіямъ, напримѣръ, въ понятіи о значеніи монашества, поэтому желательно бы было, чтобы въ разсматриваемой трагедіи, если нельзя совсѣмъ избѣжать, то какъ можно рѣже упоминать о монашескомъ санѣ Бруно, увлекаемаго страстью къ своей двоюродной сестрѣ и объясняющагося по временамъ слишкомъ пылко.

Затѣмъ, съ исключеніемъ или поправкою мѣстъ, указанныхъ на вышеприведенныхъ страницахъ, по моему мнѣнію, нѣтъ препятствія къ допущенію трагедіи на сцену.

О заглавіи можно замѣтить, что слово проклятіе—слишкомъ въско и знаменательно: для большей осторожности его можно бы замѣнить словомъ „судъ“, какъ было, кажется, предположено въ послѣднемъ засѣданіи совѣта по дѣламъ книгопечатанія.

Мазепа. Драма въ 5 дѣйствіяхъ А. Соколова.

Драма „Мазепа“ не встрѣтила бы со стороны цензуры никакого препятствія къ появленію въ печати, но относительно постановки ея на сцену въ настоящее время, въ такомъ видѣ, какъ она есть, встрѣчаются нѣкоторыя сомнѣнія. Я очень желалъ бы, чтобы послѣднія были устранены, или объяснены удовлетворительно, потому что драма, хотя и не имѣетъ высокихъ художественныхъ достоинствъ, но при бѣдности нашего репертуара, составила бы эффектное явленіе на сценѣ, потому что въ ней много движенія и мѣстами слышится бойкій, живой стихъ. Успѣху можетъ содѣйствовать также драматичность самаго событія и личность Мазепы, какъ характеръ.

Главное сомнѣніе къ разрѣшенію поставить драму на сценѣ состоитъ въ томъ, что весь внѣшній ходъ пьесы основанъ на намѣнѣ Мазепы Петру и на „стремленіи его отдѣлать Украйну отъ Россіи и сдѣлать ее независимымъ государствомъ“. Объ этомъ постоянно идетъ рѣчь между дѣйствующими лицами въ прологѣ, потомъ въ первомъ актѣ и въ другихъ мѣстахъ пьесы, на страницахъ 14—15—21, 26, 34, 39, 40, 41 и 42 и 43.

У насъ еще недавно, какъ извѣстно, происходила въ литературѣ полемика, въ которой, хотя глухо и косвенно, но однако же вразумительно для публики, нѣкоторые органы журналистики обличали и преслѣдовали стремленія партіи украйнофиловъ къ отдѣленію интересовъ Малороссіи отъ интересовъ Великороссіи, если не въ смыслѣ политическаго сепаратизма, то въ смыслѣ преувеличеннаго сочувствія къ малороссійской національности. Предварительной цензурѣ въ обѣихъ столицахъ стоило, конечно, не малаго труда удерживать противныя стороны въ границахъ умѣренности, чтобы полемика не приняла неудобнаго въ печати оборота.

Приведенныя страницы драмы заключаютъ въ себѣ сцены и рѣчи, вѣрныя съ исторіей, отнюдь не направленные къ какому-нибудь сумасброднымъ возбужденіямъ, и представляютъ въ цензурномъ отношеніи только то неудобство, что живо напоминаютъ и будятъ глухія, полувывсказавшіяся въ полемикѣ и, по моему мнѣнію, несправедливыя подозрѣнія противъ украйнофиловъ въ какомъ-то немислимомъ сепаратизмѣ. Всѣ подобныя толки о сепаратизмѣ, о той и другой національности, всѣ разсужденія и подозрѣнія вызваны были польскимъ во-

просомъ. Но польскій мятежъ, а съ нимъ и всѣ толки прекратились: звучныя тирады въ I-мъ актѣ пьесы неосторожно будятъ едва остывшія, неприятныя впечатлѣнія и воспоминанія, между прочимъ вскользь упоминается (на стр. 46, 49 и 51) и объ обладаніи Польшею Западнымъ краемъ. Кромѣ того, можетъ быть, не совсѣмъ удобна покажется на сценѣ рѣчь (въ прологѣ) о слишкомъ безцеремонномъ распоряженіи Россійскимъ Престоломъ, который Мазапа обѣщаетъ отнять у Царей и отдать князю Голицыну, если послѣдній поможетъ ему сдѣлаться гетманомъ.

Послѣднія мѣста, т. е. намекъ на Польшу и слишкомъ открытое обѣщаніе отдать Престоль Голицыну могутъ быть исключены или смягчены, особенно послѣднее, безъ всякаго вреда для драмы. Но мѣстъ, относящихся собственно до Малороссіи, довольно много и исключеніе ихъ поколебало бы ходъ и цѣлость всей драмы и значительно ослабило бы завязку.

Если совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати найдеть мои сомнѣнія на этотъ счетъ основательными, то не признано ли будетъ удобнымъ сообщить о нихъ, словесно черезъ г. цензора драматическихъ произведеній, автору: можетъ быть, онъ изыщетъ средство выйти изъ нихъ побѣдителемъ и придумаетъ другую, болѣе удобную въ цензурномъ смыслѣ замѣну.

Для цензуры драма кончается очень благопріятно: измѣна открыта, преступники получаютъ должное воздаяніе, а раскаявшіеся прощеніе, и господство Руси признано всѣми справедливымъ и законнымъ.

Прочія цензурныя сомнѣнія менѣе важны, и именно: появленіе въ пьесѣ Петра Великаго подъ строгимъ инкогнито и еще двухъ лицъ, имена которыхъ носятъ ихъ многочисленныя потомки, наши современники, князья Голицыны и Кочубей.

Петръ Великій выведенъ подъ названіемъ Главнаго Полководца и является только въ послѣднихъ сценахъ торжествующій, въ полномъ блескѣ и славѣ. Имени его между дѣйствующими лицами нѣтъ и о немъ упоминается (въ гостѣ за здравіе Петра) въ третьемъ лицѣ, хотя зрителю легко догадаться, что главный полководецъ и герой Полтавской битвы—никто иной, какъ самъ Петръ.

Мнѣ кажется, такое замаскированное появленіе царствовавшего лица въ драмѣ, безъ упоминовенія даже имени, съ соблюденіемъ должнаго къ нему уваженія, и безъ искаженія исторіи, совершенно согласуется со смысломъ Высочайшаго повелѣнія императора Николая I-го, разрѣшившаго выводить на сцену лица Царскаго рода подъ послѣдними двумя условіями, однакожь, только до лицъ Царствующаго Дома.

Впрочемъ, если совѣтъ не разрѣшитъ самъ собою этого сомнѣнія, то не признано ли будетъ полезнымъ войти съ представленіемъ къ господину министру, по поводу разбираемой драмы, для окончательнаго разрѣшенія вопроса о вы-

водимыхъ на сцену лицахъ царскаго рода, чѣмъ облегчились бы часто возникающія затрудненія въ этомъ отношеніи, какъ у писателей, такъ и у цензуры.

Дмитрій Самозванецъ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. Чаева.

Въ интересахъ развитія отечественной драматургіи, предварительная цензура могла бы значительно облегчить нашихъ писателей, разрѣшивъ имъ свободно почерпать изъ эпизода о Дмитріи Самозванцѣ, представляющаго чуть ли не единственный въ русской исторіи источникъ, богатый драматическими элементами. Разумныхъ поводовъ къ какимъ-нибудь ограниченіямъ нѣтъ, такъ какъ событіе отстоитъ отъ насъ на два съ половиною вѣка; между кривами, понятіями, всею жизнію той и нашей эпохи лежитъ цѣлая бездна и никакой намекъ, никакое примѣненіе и сближеніе съ настоящимъ временемъ невозможно. Тогдашніе замѣны, заговоры, перевороты въ государственномъ правленіи, правительственная власть и личности, ее составлявшія,—все это получило теперь почти легендарный колоритъ, все имѣетъ такое—законченное и опредѣленное значеніе, что обратилось почти въ сказку.

Г-нъ Чаевъ не сдѣлалъ драмы, какъ до сихъ поръ, изъ этого событія, но онъ изъ общихъ мѣстъ исторіи группировалъ наиболѣе яркія и представилъ рядъ довольно живыхъ сценъ, не чуждыхъ внѣшняго интереса.

Препятствій къ допущенію пьесы на сцену никакихъ нѣтъ, даже и въ томъ отношеніи, въ какомъ цензура иногда стѣснялась разрѣшать на сценѣ пьесы изъ русской исторіи, находя неудобнымъ допускать представленіе на театральныхъ подмосткахъ личностей царей съ атрибутами и обстановкой царскаго сана. Высочайшимъ повелѣніемъ Императора Николая Павловича это запрещеніе снято (впрочемъ до Царствующаго дома Романовыхъ), но, сколько мнѣ помнится, никто изъ писателей этимъ не воспользовался и г-нъ Чаевъ первый выводитъ на сцену лицо съ нѣкоторыми атрибутами царской власти: съ вѣнцомъ, скипетромъ и трономъ въ Грановитой палатѣ. Послѣдніе, т.-е. тронъ и вѣнецъ, я полагалъ бы нужнымъ исключить или замѣнить, потому что означеннымъ повелѣніемъ не разрѣшено вульгаризовать на сценѣ корону и бармы Мономаха, вѣроятно потому, что эти атрибуты употребляются до нынѣ въ прежнемъ видѣ. По этой же причинѣ можно исключить въ сценѣ представленія польскихъ пословъ самозванцу нѣсколько словъ изъ царскаго титула, присвоеннаго себѣ Дмитріемъ, входящихъ въ титулъ Царей, далѣе сниманіе и надѣваніе вѣнца (стр.: 29, 34, 57, 59, 60, 61, 62, 64, 66, 70) и проч. Есть еще нѣсколько неудобныхъ на сценѣ намековъ, относящихся ко всѣмъ временамъ, напримеръ о причащеніи некрещеной Марины (стр. 45), о длиннополой рясѣ и о патріархѣ (стр. 29); о насилуваніи инокинь (81); объ избраніи Богомъ царей (38); неудобно также появ-

леніе плахи и палача на сценѣ (40, 41); этого, сколько мнѣ помнится, т.-е. зрѣлищъ и атрибутовъ казни, остерегались всѣ писатели и всѣ сцены. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство относится болѣе къ эстетической критикѣ, нежели къ цензурѣ, и потому допущеніе или недопущеніе плахи и палача на сценѣ можетъ быть предоставлено автору или дирекціи театровъ.

Затѣмъ никакихъ болѣе препятствій къ разрѣшенію пьесы „Дмитрій Самозванецъ“ на сценѣ я съ своей стороны не нахожу.

Исключеніе или измѣненіе выше показанныхъ мѣстъ не только не повредитъ пьесѣ, ни въ цѣлости, ни въ подробностяхъ, но даже будетъ незамѣтно. Между прочимъ, однако же есть одно эффектное мѣсто, гдѣ Самозванецъ бросаетъ въ дерагаго посла скипетръ: исключить или измѣнить эту крупную и яркую подробность нельзя—безъ существеннаго измѣненія и самаго дѣйствія въ драмѣ и историческаго факта, а потому я полагаю бы возможнымъ сохранить скипетръ, тѣмъ болѣе, что послѣдній служитъ символомъ верховной власти не въ одной только Россіи, а въ цѣломъ мірѣ, начиная съ древнихъ временъ.

Зиновій и Богданъ Хмѣльницкій, освободитель Малороссіи.
Историческое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Соколова.

Упорная борьба Малороссіи съ Польшей, освобожденіе первой и присоединеніе ея къ Россіи— вотъ главная задача пьесы, гдѣ первая роль принадлежитъ герою Украины—Богдану Хмѣльницкому. О подробностяхъ содержанія г. цензоръ драматическихъ произведеній довелъ до свѣдѣнія Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, который не нашелъ препятствій къ допущенію пьесы на сцену. По прочтеніи драмы вслѣдствіе порученія его превосходительства г. предсѣдателя Совѣта, мнѣ остается подтвердить тоже самое, т.-е. что драма можетъ быть допущена къ сценическому представленію, за исключеніемъ бросившихся мнѣ рѣзко въ глаза нѣсколькихъ стиховъ въ прологѣ (о томъ, какъ поступали жида съ отданными имъ на аренду православными церквами и священными сосудами). Драма отъ исключенія нѣсколькихъ стиховъ не потеряетъ ничего.

Но по поводу этой драмы я вновь позволю себѣ представить вниманію Совѣта нѣкоторыя соображенія вообще о пьесахъ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ исторіи Малороссіи, для окончательнаго, по возможности, разъясненія вопроса о томъ, какъ должна относиться предварительная цензура къ сценическимъ произведеніямъ подобнаго содержанія. Напомню при этомъ, что вопросъ объ этомъ предметѣ былъ возбужденъ мною по поводу драмы того же автора, подъ заглавіемъ „Мазепа“.

И драмѣ „Богданъ Хмѣльницкій“, какъ и въ драмѣ „Мазепа“,

хотя слабѣе и рѣже, проходить все одинъ и тотъ-же мотивъ, на которомъ держится вся исторія Малороссіи, т.-е. о вольныхъ правахъ казачества, о томъ, что казакъ съ неволей незнакомъ; постоянно выражается ненависть къ критъсителямъ, угроза (напримѣръ, въ прологѣ) всѣмъ врагамъ свободы и проч. и проч.—съ тою существенною разницею, что въ „Мазепѣ“ ненависть направлена къ Россіи, а въ „Богданъ Хмѣльницкомъ“ исключительно къ одной Польшѣ. Авторъ даже ставитъ патриотическимъ вопросомъ стремленіе казачества присоединиться къ Россіи. Піеса пропитана ненавистью, угрозами и преарривіемъ къ полякамъ и польской національности до такой степени, что нѣсколько времени тому назадъ, въ разгаръ Польскаго возстанія, она могла бы способствовать патриотическому раздраженію въ массѣ публики. Теперь, когда мятежъ подавленъ и страсти утихаютъ, можно, въ видахъ приличія и осторожности пожелать нѣкоторой умѣренности въ отзывѣхъ преарривіи къ полякамъ и желчной брани ксендзовъ, такъ какъ подобныя мѣста выйдутъ очень рельефны на сценѣ и вѣроятно возбуждаютъ сильный эффектъ.

Но пусть будетъ такъ, какъ выражено въ драмѣ, по отношенію къ полякамъ: недавнее прошедшее еще свѣжо и оправдываетъ ненависть, энергически выказываемую въ піесѣ козаками. Но и на наши добрыя, семейныя отношенія къ самой Малороссіи (какъ я уже объяснялъ въ мнѣніи о драмѣ „Мазепа“) въ послѣднее время брошена тѣнь какого-то сомнѣнія, къ счастью, только литературно-журнальнаго. Я разумѣю полемику, въ которой высказалось преувеличенное, учено-историческое сочувствіе къ малороссійской національности. Въ этомъ сочувствіи нѣкоторые видѣли или подозрѣвали мечту о малороссійскомъ сепаратизмѣ или федераціи.

Въ этомъ смыслѣ, въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта, одинъ изъ г.г. членовъ (А. Г. Петровъ) выразилъ опасеніе, что даже самое патриотическое усердіе автора драмы „Богданъ Хмѣльницкій“ представитъ горячее стремленіе казачества къ присоединенію къ Россіи, по поводу сдѣланой авторомъ исторической невѣрности въ эпилогѣ піесы, способно возбудитъ нѣкоторое оппозиціонное движеніе въ театрѣ со стороны черезчуръ горячихъ поклонниковъ малороссійской національности.

Авторъ, узнавъ объ этомъ опасеніи, измѣнилъ, какъ извѣщаетъ меня г. цензоръ Фридбергъ, или вовсе уничтожилъ эпилогъ, давъ окончанію драмы другой, устраняющій означенное опасеніе оборотъ.

Изъ вышеупомянутыхъ двухъ обстоятельствъ, т.-е. изъ бывшей въ журналистикѣ полемики о малороссійской національности и изъ сомнѣнія, выраженного почтеннымъ членомъ Совѣта и, можетъ быть, раздѣляемаго другими г. г. членами, истекаетъ вопросъ: какія мѣры могутъ быть приняты предварительною театральною цензурою къ предупрежденію какихъ нибудь неблаговидныхъ протестовъ со стороны малороссійскихъ утопистовъ? Какой бы сюжетъ ни былъ взятъ для піесы изъ исторіи Малороссіи, неминуемо зайдетъ рѣчь о правахъ казачества, о вольности, о жаждѣ независимости и о ненависти

къ притѣснителямъ, слѣдовательно всегда будетъ представляться поводъ утопистамъ къ неблагопріятнымъ намекамъ и сближеніямъ; поэтому пришло бы принять общую мѣру недопущенія на сцену никакихъ піесъ изъ исторіи Малороссіи. Такая мѣра осторожности, смѣю думать, была бы не совсѣмъ политична и совмѣстна съ достоинствомъ Правительства въ такомъ маловажномъ обстоятельстве, какъ мечтанія утопистовъ призрачнаго свойства. Ни журнальная полемика о малороссійской національности, благодаря бдительности предварительной и карательной цензуры, еще менѣе протестъ въ театрѣ—не могутъ приобрѣсти никакого политическаго оттѣнка; особенно трудно предположить, чтобы въ массѣ зрителей, не только не раздѣляющихъ, но даже не подозревающихъ никакихъ малороссійскихъ утопій, нѣсколько единицъ отважились на какое-нибудь шальное заявленіе политическаго свойства.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагалъ бы возможнымъ не допускать къ представленію на сценѣ только тѣ піесы съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ исторіи Малороссіи, въ которыхъ прямо, или же косвенно, посредствомъ натяжекъ и намековъ, всегда замѣтныхъ, будутъ обнаруживаться вышеупомянутыя мечты и тенденціи утопистовъ; чего, впрочемъ, по моему убѣжденію, по крайней непрактичности такихъ тенденцій, опасаться нельзя. Затѣмъ же, всѣ прочія безпристрастныя и вѣрныя съ исторіей представленія событій допускать на сценѣ безпрепятственно, между прочимъ и піесу „Богданъ Хмѣльницкій“, написаную въ строго патріотическомъ тонѣ, гдѣ Малороссія, по выраженію (въ эпилогѣ) Хмѣльницкаго, какъ младшая дочь Великой Россіи, съ любовію присоединяется къ своей матери.

Противъ этого можетъ быть сдѣлано возраженіе, что одинъ наплывъ піесъ изъ исторіи Малороссіи, безъ замѣтныхъ тенденцій, самъ собою можетъ послужить или къ выраженію, или къ возбужденію въ мечтателяхъ о малороссійской независимости разныхъ протестацій, журнальныхъ споровъ, толковъ и т. п. На этотъ счетъ, кажется, можно быть покойнымъ: трудно предположить наплывъ на сцену піесъ, выдержавшихъ испытаніе въ художественномъ, театральномъ и въ цензурномъ комитетахъ: драматическое искусство скупѣ другихъ на таланты; а еслибы это и случилось, то въ свое время можетъ быть принята мѣра осторожности, какую укажутъ обстоятельства.

Les Mémoires de Mimi-Bamboche.

(Для представленія на сценѣ Михайловскаго театра).

Въ 5 актахъ или главахъ

(chapitres).

Модистка Мими, чтобъ отмстить за невѣрность своему жениху, вступаетъ притворно въ кругъ женщинъ легкаго поведенія, называющихся *biches*, *cocottes* и т. п., окружаетъ себя всею обстановкою, свойственною этому кругу, принимаетъ къ себѣ много мужчинъ, дурачить волокитъ, и потомъ, наказавъ невѣрнаго, выходитъ за него замужъ.

Вся эта интрига служить слабую, едва примѣтную нитью, на которую нанизанъ рядъ комическихъ, мѣстами пошлыхъ сценъ, составляющихъ цѣлую вакханалію распущенныхъ нравовъ парижской жизни. Пьесу читать почти невозможно: только зритель можетъ быть увлеченъ этою оргіею веселости и смѣха, чему, конечно, болѣе могутъ содѣйствовать не авторы, а актеры.

Неуваженіе французовъ къ брачнымъ узамъ служить неизякаемымъ источникомъ для драматическихъ писателей. И въ разбираемой пьесѣ авторъ выводитъ на сцену рядъ мужей, изъ которыхъ каждый спѣшитъ отдѣлаться отъ жены, не исключая и самаго скромнаго, и летитъ къ своей *biche* — и наконецъ всѣ охотятся въ публичномъ саду, который и представляетъ на сценѣ весь разгулъ веселья, между прочимъ и танцы, гдѣ героиня пьесы отличается такимъ па, что производитъ фуроръ и становится царицею бала и первою изъ *biches*.

Она же потомъ принимаетъ одного за другимъ мужчинъ, дурачить ихъ, прячетъ въ шкапы, гдѣ ихъ и находятъ жены.

Нанявшійся къ ней въ услуженіе лакей, получая отъ cadaго изъ мужчинъ по луидору за впускъ, безпрестанно твердить о томъ, какъ скучно служить въ *maisons honnêtes* и напротивъ какъ выгодно „chez ces demoiselles“. Вотъ краткій и вѣрный очеркъ того, что должно происходить на сценѣ. Въ Парижѣ есть не одинъ уголь или театръ, назначенный собственно для такихъ нравовъ (*bouffes parisiens*, *théâtre du Palais Royal*, *Gaité etc.*): туда и ходитъ публика посмѣяться надъ распущенностью общественной и семейной жизни и полюбоваться игривыми картинами веселаго житья-бытья. Но тамъ есть *Théâtre Français* и другіе, куда путь подобнымъ пьесамъ недоступенъ. У насъ одна французская сцена и для Мольера и Расина и для *Tr. Grangé* и *Thiboust*, авторовъ *Mimi-Bamboche*; публика неминуемо раздѣлится на два лагеря — одинъ будетъ „за“, другой „противъ“ подобныхъ пьесъ, но послѣднее только въ такомъ случаѣ, если пьесы, подобныя *Mimi-Bamboche*, по количеству своему, получатъ на сценѣ замѣтное преобладаніе.

По вышеизложенному очерку, казалось бы, пьесу *Mimi-*

Bambosche, къ представленію въ Михайловскомъ театрѣ допускать не слѣдовало. Но именно, по той самой причинѣ, что у насъ одна французская сцена, и нельзя относиться къ подобнымъ піесамъ съ безусловною строгостью, чтобъ не лишить эту сцену характера веселости, которая служитъ главною основою современнаго сценическаго искусства.

Піеса Mimi-Bambosche не откроетъ никакихъ новыхъ тайнъ изъ demimond'a и жизни камелій публикѣ Михайловскаго театра, которая видитъ на этой сценѣ La vie de Bohême, Les diables roses, изъ которыхъ въ первой гризетки на сценѣ приготовляются провести ночь съ любовниками, а во второй передъ зрителемъ проходитъ вся жизнь легкиѣхъ женщинъ во всемъ ея веселомъ безобразіи.

Въ одной изъ резолюцій, положенной г. министромъ на журналѣ Совѣта (по поводу драматическихъ піесъ), замѣчено, что при допущеніи піесъ на франц. Михайловскую сцену, надо имѣть въ виду „приличіе“, наблюденіе за „направленіемъ“ и т. п. должно быть отнесено, по смыслу резолюціи, преимущественно къ сценамъ другихъ театровъ, посѣщаемыхъ публикою, сравнительно менѣе развитою. Что же касается собственно до внѣшняго приличія, то въ піесѣ Mimi-Bambosche оно не нарушается, кромѣ, можетъ быть, одного слова на стр. 6—въ эпитетѣ „renversantes“, отнесенномъ къ легкимъ женщинамъ. Но едва ли есть одна веселая піеса, въ которыхъ не было бы подобной двусмысленной игры словъ. Впрочемъ, это слово можетъ быть исключено нечувствительнымъ для піесы образомъ.

Поэтому, имѣя въ виду, что на сценѣ постоянно даются а Vie de Bohême, Les Diables roses и другія, подобнаго содержанія піесы, не возбуждающія повидимому никакого неблагопріятнаго или соблазнительнаго для нравовъ вліянія въ публикѣ Михайловскаго театра, я полагаю бы возможнымъ допустить на сцену и Mimi-Bambosche, предоставивъ дирекціи Импер. театровъ озаботиться, чтобы танцы въ публичномъ саду Chateau des fleurs не вышли изъ предѣловъ „приличія“.

Впрочемъ, за мнѣніе свое, если-бы совѣту главнаго управленія по дѣламъ печати угодно было рѣшить иначе, я горой стоять не стану.

Псковитянка, драма въ пяти дѣйствіяхъ Л. Мей.

Главнымъ драматическимъ мотивомъ этой пьесы служитъ слѣдующее обстоятельство: жена боярина Шелюги, находящаяся въ походѣ, въ отсутствіе его заблудилась въ лѣсу и встрѣтилась съ неизвѣстнымъ охотникомъ и его свитою, который принялъ ее въ свою палатку и потомъ проводилъ домой. Послѣдствіемъ этой встрѣчи была дочь Ольга, которую сестра боярина, дѣвица, помолвленная за князя Токмакова, псковскаго намѣстника, чтобъ отвратить отъ сестры своей гнѣвъ мужа, признаетъ своею дочерью.

Настоящій отецъ, хотя не названъ по имени, но по яв-

нымъ намекамъ и по смыслу развязки, есть никто иной, какъ Іоаннъ Грозный, который въ концѣ драмы почти открыто признаетъ Ольгу своей дочерью, въ память ея матери, отмѣняетъ кару Пскова и собирается увезти ее въ Москву, но она, узнавъ о смерти своего жениха, наноситъ себѣ смертельный ударъ ножомъ.

Въ обстановку вѣшняго движенія пьесы входитъ между прочимъ Псковское вѣче. По вѣчевому колоколу, народъ сходится на площадь рѣшать: покоряться ли Іоанну, покаравшему кознями Новгородъ, и ждать его съ покорностью, какъ совѣтуетъ намѣстникъ князь Токмаковъ и другой бояринъ, принять ли его съ оружіемъ, или же наконецъ уйти всѣмъ подъ „Сибирскій камень“, какъ настаиваютъ молодые псковичи, не надѣющіеся отстоять вольность Пскова.

Однако же Псковъ принимаетъ царя, который шадить Псковъ, а молодая партія большею частью погибаетъ въ стычкѣ съ царскими опричниками.

Въ этомъ вся основа драмы. Между тѣмъ она, какъ видно изъ надписи на заглавномъ листѣ, была „запрещена въ 1861 году, по распоряженію генерала Тимашева“.

Мнѣ не извѣстно, что было поводомъ къ запрещенію: появленіе ли на сценѣ царя, то ли, что авторъ выставляетъ его отцомъ незаконной дочери, или наконецъ постановка на сцену псковскаго вѣча.

Въ настоящее время, ни одна изъ всѣхъ трехъ причинъ, по моему мнѣнію, не можетъ служить къ запрещенію на сценѣ этой, замѣчательной и въ литературномъ отношеніи пьесы; повелѣніемъ Императора Николая Павловича разрѣшено выводить въ драмахъ особы царей до дома Романовыхъ—съ нѣкоторыми условіями и между прочимъ съ соблюденіемъ приличія: царь Іоаннъ не названъ отцомъ незаконной дочери, хотя зрителю и трудно не понять, что дочь принадлежитъ ему. Но и въ такомъ случаѣ, еслибъ это было явно высказано въ драмѣ—я не могу подвести, да и никто, полагаю, — не подведетъ, такого рода поступка—какъ рожденіе ребенка внѣ брака—подъ условіе неприличія. Такого рода „неприличіе“ очень часто служило и служить драматическимъ мотивомъ многимъ писателямъ во всѣхъ литературахъ.

Остается еще одна предполагаемая причина: что постановка „вѣча“ на сценѣ; но ее, кажется, послѣднюю можно принимать въ соображеніе. Трудно даже мотивировать отказъ къ разрѣшенію пьесы по этой причинѣ. „Вѣче“ — это историческая окаменѣлость, которую можно и должно показывать любопытнымъ, какъ младенческую форму стараго быта. Совѣстно предположить, чтобы „вѣче“ могло навести самаго неугоднаго либерала и незрѣлаго юношу на какой-нибудь намекъ, сближеніе или примѣненіе къ современному порядку вещей.

Если къ запрещенію пьесы нѣтъ другихъ причинъ, кромѣ предполагаемыхъ мною, то я полагаю бы возможнымъ драму „Псковитянка“ разрѣшить къ представленію на сцену, за ис-

ключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ (отчеркнутыхъ краснымъ карандашомъ и между прочимъ двустипіа:

И волкъ жалѣлъ кобылу,
Оставилъ хвостъ да гриву.

относимыхъ къ Іоанну, не пощадившему Новгорода), которые могутъ вызвать бурныя рукоплесканія нѣкоторой, слишкомъ молодой и незрѣлой части публики.

Софія, мелодрама въ 3 дѣйствіяхъ.

При докладѣ объ этой пьесѣ въ прошлое засѣданіе совѣта было заявлено, что авторъ ея—одинъ изъ начальствующихъ лицъ въ сѣверо-западномъ краѣ и что самъ главный начальникъ края находитъ полезнымъ поставить ее на сценѣ виленайскаго театра, для котораго и предназначается.

Главною основою пьесы служитъ тайная интрига поляковъ, съ цѣлю вовлечь сѣверо-западный край въ возстаніе противъ Россіи.

Тутъ обнаружены всѣ тѣ средства, которыя пускали въ ходъ мятежники: подговоръ, лживыя извѣстія, подкупъ, пожары и насиліе.

Дочь одного изъ пановъ, Софія, узнавъ о заговорѣ, даетъ знать обо всемъ своему жениху, командиру гусарскаго эскадрона и замыселъ Сѣкиры и другихъ доудцевъ не удастся; разбитые повстанцы бѣгутъ, одни обнаруживая трусость, низость, другіе клянуть, что ихъ обманули. Софію, какъ измѣнницу, поляки хотятъ повѣсить, ей уже накинута петля на шею, но ее спасаетъ женихъ.

Противнаго цензурнымъ правиламъ въ пьесѣ ничего нѣтъ, а если авторъ ея и самъ г. начальникъ сѣверо-западнаго края убѣждены, что чисто русскій взглядъ, служащій основаніемъ драмѣ, и русское патріотическое чувство, которымъ освѣщены лица и характеръ польскаго мятежа, могутъ быть раздѣлены и приняты на вѣру въ средѣ польскаго населенія и что представленіе пьесы произведетъ благопріятное впечатлѣніе въ смыслѣ русскихъ интересовъ, тогда совѣту главнаго управления по дѣламъ печати остается только, исполнивъ цензурную формальность, т. е. разрѣшивъ пьесу къ представленію, возвратитъ ее автору.

Но если бы это было и такъ, еслибъ разсматриваемая пьеса вполне удовлетворяла тѣмъ ожиданіямъ, которыя на нее возлагаются, то во всякомъ случаѣ благотворное впечатлѣніе, произведенное такою одною пьесою, не могло бы удовлетворить тѣмъ широкимъ и глубоко-справедливымъ цѣлямъ, которыя авторъ ея и генераль Кауфманъ основательно приписываютъ вліанію русскаго театра въ массѣ польско-русскаго населенія.

Изъ предисловія, написаннаго въ пьесѣ, видно, что глобальная задача могущественной помощи русскаго театра, какъ сильнаго средства къ распространенію и укорененію русскаго

духа, русскихъ нравовъ, языка и вообще русскихъ началъ, постигнута вполне.

Поэтому, да позволено будетъ, не съ цензурной, не съ административной и вообще не съ какой официальной точки зрѣнія, а въ видахъ только глубочайшаго и живѣйшаго сочувствія, выраженнаго г. председателемъ и всѣми г.г. членами совѣта и цензорами драматическихъ произведеній, къ идеѣ генераловъ Кауфмана и Столыпина относительно театра въ Вильнѣ, высказать нѣсколько соображеній, какъ по поводу мелодрамы „Софья“, такъ и вообще о томъ, какой репертуаръ долженъ быть сформированъ для виленакаго театра, чтобы можно было рассчитывать на успѣхъ его вліянія.

Да не приметъ авторъ пьесы худо этихъ замѣчаній: они истекаютъ изъ увлеченія рукоплескать цѣли его и всячески ей содѣйствовать.

Пьеса написана очень умно и могла бы съ успѣхомъ игратья на столичныхъ театрахъ. Если исключить изъ нея нѣсколько стиховъ въ началѣ и въ концѣ, то и не останется никакого сходства съ французскими мелодрамами. Это драматическое изложеніе трогательнаго событія изъ недавняго минувшаго, гдѣ на долю женщины выпадаетъ прекрасная роль освѣтить ложь и распутать узелъ интриги, основанной на низости и продажности, глупости или мелкомъ самолюбіи другихъ—прикрывающихся любовью будто бы къ „ойчизнѣ“.

Авторъ, въ своемъ превосходномъ предисловіи, указываетъ на необходимость избѣгать въ пьесахъ „политической неловкости“, разумѣя подъ неловкостью всякое каррикатурное (съ точки зрѣнія „кваснаго“, т. е. грубаго патріотизма) изображеніе поляковъ.

Конечно, это могло бы породить недовѣріе и подорвать кредитъ подобныхъ изображеній, слѣдовательно повредить и успѣху русскаго вліянія.

Но въ пьесѣ генерала Столыпина—не говоря о томъ, что одно лицо (какъ Зданишевскій и жена его) представлены отчасти также каррикатурно—и прочія лица, почти всѣ, носятъ характеръ трусовъ, глупцовъ или продажныхъ негодяевъ, за исключеніемъ самой героини полякующей „Софьи“, уже совершенно добродѣтельной, не терпящей лжи, коварства и преданной русскимъ интересамъ, немного жалѣющей отца съ матерью, но зато презирающей все польское.

Дѣйствительно, намъ, русскимъ, трудно, да и не хочется представлять поляковъ иначе, какъ такими, какими они представлены въ драмѣ „Софья“: но это нашъ, русскій патріотическій взглядъ, взглядъ побѣдителей, и притомъ убѣжденных въ правотѣ своего дѣла. Эта пьеса, повторяю, имѣла бы успѣхъ у насъ, между русскихъ зрителей, убѣжденіе и сердце которыхъ исполнено тѣхъ же чувствъ и которые не хотятъ и видѣть, и знать поляковъ иными, какъ они представлены въ пьесѣ. Наконецъ эта драма, въ русскомъ кругу, способна бы была изгладить и послѣднюю тѣнь сомнѣнія, если бы такое еще гнѣздилося въ какой нибудь-русской головѣ—относительности нелѣпости польскихъ притязаній.

Но въ краю, гдѣ населеніе смѣшанное, гдѣ численностью преобладаютъ поляки, потомъ еврей, гдѣ русскіе составляютъ меньшинство и гдѣ наконецъ разыгрывалось самое событіе мятежа, зрители изъ поляковъ, а можетъ быть и не изъ поляковъ, во всякомъ случаѣ участники или свидѣтели происшествій, въ такомъ изображеніи событія и въ такихъ характерахъ, какіе выведены въ драмѣ—неминуемо найдутъ—лукаво или нѣтъ—невѣрности, преувеличенія, укажутъ противъ одного примѣра Софьи, преданной русскимъ интересамъ, сотни примѣровъ фанатизма, и съ ихъ точки зрѣнія—героизма женщинъ противъ жадныхъ и продажныхъ доудцъ—приведутъ примѣры вѣшателей и убійцъ, звѣрски-фанатическихъ, погибшихъ позорною, а съ ихъ точки зрѣнія—геройскою смертію, укажутъ множество людей, обманутыхъ и увлеченныхъ, но отдавшихъ все состояніе на возстаніе, приведутъ примѣры отчаянной отваги безумной и довѣрчивой мелodeжи—и такимъ образомъ опрокинутъ добрую цѣль пьесы, представивъ ее умышленнымъ сокрытіемъ истины, или одностороннимъ, случайно взятымъ исключеніемъ.

Можетъ быть, я ошибаюсь и польская сторона не поколеблетъ взгляда русскаго населенія края и не подорветъ кредита къ драмѣ или драмамъ подобнаго содержанія. Въ виду такого важнаго дѣла, какъ упроченіе русскихъ интересовъ, я не могъ однако же не высказать своего сомнѣнія: тѣмъ болѣе, что безошибочное разрѣшеніе его зависитъ отъ воли г. главнаго начальника края, лучшаго судьи въ этомъ дѣлѣ.

И если оно, т. е. мое сомнѣніе, признано будетъ невѣрнымъ, то я не только не упорствую въ немъ, но, содѣйствуя воззрѣнію генераловъ Кауфмана и Столыпина относительно постановки на виленскую сцену пьесъ подобнаго содержанія, укажу еще на одну такую же, гдѣ ловко схвачены нѣкоторыя черты польскаго характера, глубоко освѣщена бездна коварства, фанатизма, насилія и т. п. и именно драму „Разладъ“ Полонскаго, къ сожалѣнію не приспособленную къ сценѣ и требующую значительныхъ для этой цѣли передѣлокъ.

Затѣмъ перехожу къ общему вопросу о репертуарѣ для виленской сцены, котораго одна или двѣ пьесы составить не могутъ.

Въ предисловіи къ драмѣ „Софья“ весьма справедливо замѣчено, что представленіе на сценѣ сѣверо-западнаго края пьесъ изъ русскаго быта, изображающихъ наши нравы въ карикатурно-позорномъ видѣ, не только бесполезно, въ смыслѣ карающей сатиры тамъ, гдѣ карать некого, но и положительно вредно. потому что такія произведенія не могутъ не внушить отвращенія къ грязнымъ—не обще-человѣческимъ, а большею частью національнымъ сословнымъ порокамъ и уродливостямъ: и хотя я не согласенъ съ приведенной генераломъ Столыпинымъ цитатою изъ французскаго писателя, подозрѣвающаго писателей въ нелюбви къ своей родинѣ, за то, что они смѣхомъ караютъ распушенность національныхъ пороковъ, но тѣмъ не менѣе я нахожу, что дѣйствительно пьесы Гоголя и

Островскаго въ кругу населенія наполовину не-русскаго, совершенно неумѣстны.

Слѣдовательно, чтобы создать пригодный для желаемой цѣли репертуаръ виленскаго театра, надо обратиться къ пьесамъ другого рода, минуя, какъ справедливо полагаетъ г. Столыпинъ, можетъ быть, лучшихъ нашихъ новѣйшихъ писателей ультра-отрицательнаго направленія.

Прежде, нежели остановиться на тѣхъ или другихъ пьесахъ, нужно нѣсколько точнѣе опредѣлить то вліяніе, которое ожидается отъ театра и которое можетъ укоренить преобладаніе русскаго духа и обычая надъ не-русскимъ.

Какъ преувеличено старое и общее, кѣмъ то сдѣланное опредѣленіе, что будто бы театръ есть „школа нравовъ“, такъ невѣрно и преувеличено бы было ожиданіе, что театръ, въ устройство котораго между прочимъ входитъ отчасти политическая цѣль, можетъ перевоспитать цѣлое народонаселеніе, искоренить, измѣнить его скрытыя политическія и неполитическія убѣжденія, навязать, посредствомъ драмъ и комедій, другія опредѣленныя идеи и понятія и т. п. Этого конечно отъ театра никто не ожидаетъ. Театръ, наравнѣ съ другими могущественными средствами, т. е. оружіемъ, искусною администраціею, проповѣдью, школами, органами печати и проч. и проч., можетъ съ своей стороны способствовать исподволь и постепенно къ усиленію развитія одной національности на счетъ другой, но только въ совокупности съ прочими мѣрами, а не самъ собою, и при томъ не прямыми, а косвенными и незамѣтными путями.

Поэтому, не прибѣгая къ прямымъ указаніямъ и урокамъ, которыя въ драмъ или комедій оказались бы безсильны передъ огромной задачей непосредственнаго вліянія на враждебныя намъ убѣжденія и которыя, кромѣ того, могли бы быть угаданы и превратно и лукаво истолкованы противниками русскаго вліянія—можно бы было составить репертуаръ изъ пьесъ безразличнаго содержанія—драмъ, комедій, водевилей, оперъ—„но исключительно русскихъ“ или на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ русскаго. Такихъ пьесъ найдется не мало, если взять русскій репертуаръ за много лѣтъ, начиная съ Шаховскаго, Полевого, Загоскина, Хмѣльницкаго, водевилей Писарева, Ленскаго, оперъ Верстовскаго и Глинки.

Въ дѣлѣ устройства театра въ сѣверо-западномъ краѣ, важнее не строгій выборъ тѣхъ или другихъ сюжетовъ для пьесъ, а важно прежде всего устройство „русскаго“ театра, господство русскаго языка, картинъ изъ русскаго быта, русскіхъ нравовъ и русской исторіи. Наконецъ, даже пьесы Шекспира, Гете, Шиллера, и другихъ, если до нихъ дойдетъ очередь, должны быть играны не иначе, какъ въ русскомъ переводѣ.

Хорошо устроенный и изящно убранный театръ, снабженный достаточными средствами къ тщательной постановкѣ пьесъ, исправный оркестръ и нѣсколько талантливыхъ артистовъ—все это невольно должно привлечьъ ежедневно толпу

зрителей въ краю, небогатомъ общественными удовольствіями.

Затѣмъ русская драма (не избѣгая и историческихъ, напримѣръ Кукольника, Полевого, напр. „Дѣдушка русскаго флота“, „Царская невѣста“ и др.), русская комедія, т. е. русскій бытъ и русскіе нравы, русская музыка съ русскими словами—и болѣе всего русская рѣчь—все это невольно и незамѣтно—въ заманчивомъ видѣ удовольствія—введетъ своимъ особымъ путемъ русскій элементъ въ общество, породитъ или усилитъ вкусъ къ русскимъ зрѣлищамъ: этимъ и ограничивается скромное участіе театра въ дѣлѣ развитія русской національности въ томъ краѣ. Но и этого, кажется, довольно—и для такой цѣли стоитъ обратить серьезное вниманіе на этотъ предметъ.

Тогда, среди пьесъ безразличнаго содержанія, могутъ и должны найти мѣсто и пьесы съ тенденціями такого свойства, какъ драма „Софія“ г. Столыпина и „Разладъ“ Полонскаго. Онѣ явятся „своимъ чередомъ“, не въ видѣ урока и упрека, и займутъ почетное мѣсто въ ряду прочихъ пьесъ.

Можетъ быть, кому нибудь—конечно не г. предсѣдателю и членамъ совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати, выразившимъ живое участіе къ изложенному здѣсь вопросу, покажутся съ перваго взгляда эти соображенія выходящими изъ предѣловъ цензурныхъ возрѣній и обязанностей. Едва ли это такъ: тѣ пѣли и соображенія, которыя имѣютъ въ виду г. главный начальникъ сѣверо-западнаго края и генераль Столыпинъ при устройствѣ виленскаго театра—не могутъ быть чужды, даже, можетъ быть, прямо входятъ въ кругъ обязанностей высшей цензурной администраціи.

Впрочемъ, если это изложеніе мое, написанное мною, такъ сказать, по порученію г. предсѣдателя и членовъ совѣта, будетъ представлено вниманію господина министра, то его высокопревосходительство изволитъ безошибочно рѣшить, удобно ли и умѣстно ли вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ драмы „Софья“, сообщать на благоусмотрѣніе генерала Кауфмана и эти соображенія, какъ доказательство сочувствія главнаго управленія по дѣламъ печати къ его идеѣ относительно театра въ Вильнѣ, или же останутся въ виду совѣта до другого, болѣе удобнаго случая.

Паутина.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

XVIII¹⁾.

Пережитыя происшествія такъ сильно подѣйствовали на Милицу, что она занемогла и пролежала въ постели недѣли съ двѣ, а когда нѣсколько оправилась и встала, то врачи предписали ей пожить нѣсколько недѣль на берегу моря, въ полной тишинѣ.

Кромскій самъ хотѣлъ было съ ней поѣхать, но обстоятельства рѣшительно сложились противъ него; во-первыхъ, губернаторъ былъ боленъ и управление губерніей лежало на немъ, во-вторыхъ, начатыя имъ хлопоты о переводѣ не приводили пока къ желанному результату, и наконецъ, начатое слѣдствіе о взрывѣ требовало его присутствія, иначе грозило затянуться.

Супруги были поставлены въ затрудненіе, какъ быть, потому что Милица не соглашалась ѣхать одна; но письмо Деревнина вывело ихъ изъ затрудненія. Дмитрій Павловичъ писалъ, что жена плохо управляется послѣ родовъ и что доктора предписали ей полный покой и морскія купанья; потому онъ посылаетъ Китти съ дѣтьми къ баронессѣ Аппельдорнъ, гдѣ теперь живетъ и Матильда Фердинандовна.

Милица рѣшила взять Китти съ собой и завязавшаяся тотчасъ усиленная переписка между ней, Деревнинымъ и

¹⁾ См. «Русск. Вѣстн.» сентябрь 1906 г.

генеральшей окончательно выяснила вопросъ. Бабушка брала на свое попеченіе дѣтей на время отсутствія матери.

Китти прибыла къ Кромскимъ блѣдная и истощенная болѣзью, но обрадованная, что ѣдетъ съ Милицей. На общемъ совѣтѣ было рѣшено, что Ростиславъ возьметъ двухнедельный отпускъ и съѣздитъ во Всесвятское, куда безотлагательно его вызывалъ Деревнинъ по важнымъ дѣламъ.

Ѣхать на многолюдныя морскія купанья, вродѣ Трувиля или Біаррица, Милица не хотѣла; она слишкомъ переутомилась и жаждала полного покоя. По совѣту Китти, выбранъ былъ маленькій германскій курортъ на Балтійскомъ побережьѣ, гдѣ она не разъ бывала съ матерью.

Послѣднія приготовленія были наскоро закончены и дамы уѣхали, взявъ съ собою Юрія и бонну-француженку. Старая Марфа была больна послѣ всѣхъ перенесенныхъ волненій и Милица оставила ее отдыхать дома.

Курортъ очень понравился Милицѣ; пляжъ былъ отличный, сосновый лѣсъ придавалъ смолистую свѣжесть здоровому морскому воздуху, и не было сутолоки, потому что публики было немного. Жизнь была простая, здоровая, непринужденная. Зато все было предусмотрено для удобствъ и развлечения посѣтителей; порядокъ и щепетильная чистота проглядывали въ мелочахъ.

Милица съ Китти заняли небольшую дачку, окутанную зеленью, на самомъ берегу и первые дни обѣ сидѣли больше дома; затѣмъ Милица, любившая море, стала совершать ежедневныя прогулки въ лодкѣ и начала ванны. Наконецъ, онѣ рѣшили отправиться въ курзалъ слушать музыку и взяли съ собою Юрія. Мальчуганъ былъ прелестенъ въ своемъ пикейномъ костюмчикѣ, съ длинными бѣлокурыми локонами и большими голубыми глазами; восхищенные взгляды, улыбки и восторженные слова встрѣчали и провожали ребенка, къ великому удовольствію молодой мамыши.

У самага почти курзала изъ-за поворота аллеи имъ на встрѣчу попало катимое лакеемъ кресло и Милица остановилась, какъ вкопанная: въ сидѣвшемъ въ креслѣ старикѣ она узнала стараго графа Зигфрида, а красивый, статный господинъ, шедшій рядомъ съ больнымъ, оказался Эгономъ, въ сопровожденіи своего Вара. Собака, узнавъ прежнюю хозяйку, бросилась къ ней съ радостнымъ визгомъ стала, лизать руки и скакать вокругъ.

Милица была бѣла, какъ ея батистовое платье, и судорожно

сжимала ручку сына, жавшагося къ ней отъ собаки и заплакавшаго отъ испуга.

Оба Беренклау узнали Милицу съ Китти. Старый графъ, приподнявъ шляпу, холодно-вѣжливо съ ними раскланялся; Эгонъ тоже поблѣднѣлъ и хмуро взглянулъ на мать и ребенка.

Но волненіе его длилось недолго, и когда онъ подошелъ поздороваться съ Китти, то уже овладѣлъ собой и казался спокойнымъ. Затѣмъ онъ остановился передъ Милицей и, отвѣсивъ глубокій поклонъ, сказалъ:

— *J'espère, madame, que vous me permettrez d'embrasser mon fils et de le montrer à mon père* 1).

Юрій такъ привыкъ къ всеобщему восхищенію, что нисколько не смутился, когда красивый господинъ поднялъ его на руки и покрылъ поцѣлуями; также благосклонно онъ сидѣлъ на колѣняхъ стараго графа и давалъ себя ласкать. Но послѣ этой церемоніи мальчуганъ протянулъ ручки къ Вару и заявилъ:

— Я хочу играть съ собакой.

Взволнованная Милица стояла поодаль и машинально гладила шелковистую голову ласкавшагося къ ней нью-фаундленда. Въ эту минуту Беренклау привелъ ей обратно сына, и, раскланявшись съ нею, оба графа продолжали прогулку.

Милица повернула назадъ и пошла домой. Отославъ Юрія съ бонной въ садъ, она ушла въ свой будуаръ, куда за ней послѣдовала и Китти.

Милица все еще не могла успокоиться и упала въ кресло.

— Я завтра же уѣзжаю,—взволнованнымъ голосомъ произнесла она.

— Милица, дорогая, прими капель и сообрази, что ты собираешься дѣлать. Твой отъѣздъ послужилъ бы указаніемъ на твою слабость, которая очень обрадовала бы графа и могла бы навести на разныя мысли. Вотъ тебѣ лекарство, пей и успокойся; у тебя руки совсѣмъ холодныя. Но Эгону отдай должную справедливость: онъ выказалъ тактъ и сдержанность истинно порядочнаго человѣка. А что, увидавъ Юрія, ему захотѣлось его поцѣловать—вполнѣ законное и естественное желаніе: вѣдь это же—его сынъ, притомъ единственный и котораго онъ видитъ впервые. Повѣрь мнѣ, ты должна выказать графу равнодушіе, если не хочешь себя скомпрометировать, потому что онъ себя не выдалъ. Или этотъ сталь-

1) Надѣюсь, сударыня, что вы позволите мнѣ поцѣловать сына и показать его моему отцу.

ной человѣкъ тебя забылъ, или искусно скрываетъ свои чувства.

Въ тотъ же вечеръ Милица отправила мужу письмо, въ которомъ описала свою встрѣчу съ Беренклау и упомянула о своемъ намѣреніи уѣхать, не удержи ее Китти.

„Это самое неприятное, что могло со мной случиться,—добавила она. — Увидѣвъ Юрія, графъ можетъ потребовать къ себѣ ребенка. А мнѣ эта встрѣча испортила леченіе; все мнѣ здѣсь опротивѣло и я браню себя, что сюда пріѣхала“.

Милица не спала цѣлую ночь. Встрѣча съ графомъ пробудила прошлое и многія сцены ихъ совмѣстной жизни, со дня свадьбы вплоть до страшной ночи ея отъѣзда изъ Креницы, вставали въ ея памяти. Въ его мрачномъ, холодномъ взглядѣ она словно прочла сегодня не то обвиненіе, не то презрѣніе; а въ сущности, онъ можетъ быть и правъ: она натолкнула его на самоубійство, затѣмъ бросила умирающимъ, безъ слова сожалѣнія, вышла замужъ за другого и отняла у него даже ребенка, на котораго онъ имѣлъ одинаковыя съ нею права.

Съ какимъ-то ожесточеніемъ разбирала Милица прошедшую жизнь, изслѣдовала и взвѣшивала причины, вызвавшія разрывъ. Конечно, она имѣла право бѣжать отъ сыпавшихся на нее обиды и оскорбленій; но хорошо ли она сдѣлала, доведя до отчаянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до самоубійства человѣка котораго она поклялась передъ Богомъ любить до гроба?

Однако, эти укоры совѣсти растаяли въ смутномъ чувствѣ обиды. Она, все это время, представляла его себѣ, какъ человѣка, глубоко несчастнаго, сломленнаго разлукой съ любимой женщиной, ко всему равнодушнаго, даже къ ребенку, и замкнувшася отъ людей. Но тотъ, кого она видѣла сегодня, совершенно не соотвѣтствовалъ этимъ ея представленіямъ: спокойный, крѣпкій и, по прежнему, энергичный, графъ какъ будто сталъ даже еще красивѣе, а гордая осанка дѣлала его вовсе не похожимъ на человѣка съ разбитой жизнью. Съ неудовольствіемъ вспомнила Милица, что сама она поблѣднѣла и похудѣла за это время, а графъ, пожалуй, вообразить, что она несчастлива съ Ростиславомъ. Последнее предположеніе такъ ее возмутило, что она не могла заснуть до разсвѣта, но даже и во снѣ волновавшія ее противорѣчивыя чувства приняли видъ яростной ссоры съ графомъ.

На слѣдующее утро посыльный доставилъ на дачу большой ящикъ съ игрушками для маленькаго графа и письмо на имя Китти, которая по прочтеніи передала его Милицѣ.

„Дорогая Китти,—писалъ графъ.—Вспоминая дружбу, ко-

торую вы неизмѣнно мнѣ выказывали, обращаюсь къ вамъ съ двойной просьбой. Первая — передать моему сыну прилагаемыя игрушки; а вторая — получить разрѣшеніе отпускать ребенка ежедневно на часъ ко мнѣ. Ужъ если судьба соединила насъ здѣсь, то я полагаю, что тоже имѣю право пользоваться обществомъ сына; а г-жа Кромская будетъ несомнѣнно достаточно справедлива, и не откажетъ въ моемъ скромномъ желаніи, послѣ всего причиненнаго ею мнѣ зла“.

Милица молча прочла письмо.

— Я считаю справедливымъ требованіе графа, — сказала она, подумавъ. — Но съ кѣмъ же я пошлю ребенка? Съ этой растеряхой, m-lle Терезой? Не имѣю ни малѣйшаго желанія.

— Ахъ, Боже мой! Да я сама отвезу Юрія; ты, по крайней мѣрѣ, будешь спокойна, а я повидаюсь съ бѣднымъ дядей Зигфридомъ; онъ должно быть совсѣмъ лишился ногъ, если ужъ его возять въ креслѣ. Я сейчасъ напишу два слова Эгону, чтобы узнать, когда онъ будетъ дома.

Милица съ особой заботливостью одѣла сына и въ пять часовъ пополудни Китти отправилась съ Юріемъ, но безъ бонны, на дачу, гдѣ жили оба графа; мальчикъ тащилъ за собой полученный утромъ велосипедикъ, съ которымъ ни за что не хотѣлъ расставаться.

Дача графа Беренклау стояла въ самомъ паркѣ, хотя у нея былъ и свой садикъ. У рѣшетки, взадъ и впередъ ходилъ Эгонъ въ такомъ нетерпѣннн, словно дожидался любовнаго свиданья. Лишь только подѣхали гости, какъ онъ поднялъ Юрія на руки и понесъ на террасу, гдѣ былъ приготовленъ кофе, пирожки и сласти; всѣ сѣли за столъ и графъ горячо поблагодарилъ Китти за исполненіе его просьбы. Но понятно, что все его вниманіе было поглощено мальчикомъ; его обычная сдержанность перешла въ страстную нѣжность; онъ не могъ имъ налюбоваться, цѣловалъ и угощалъ маленькаго человѣчка, съ аппетитомъ уписывавшаго за обѣ щеки предлагаемыя сласти.

— Мальчуганъ до смѣшнаго похожъ на васъ, Эгонъ, — улыбаясь, замѣтила Китти.

— Да, папа тоже находить, что сходство Юрія со мной, въ тѣ же годы, дѣйствительно поразительное. Это вѣроятно очень непріятно г-жѣ Кромской и облегчить ей разлуку съ нимъ.

— Что вы говорите, Эгонъ! Я и подумать не смѣю, переживетъ ли Милица разлуку съ сыномъ; она питаетъ къ Юрію какое-то чисто болѣзненное обожаніе, а плутишка, зная это.

теперь уже тиранить мать. Но, правда, этот медвѣженокъ ей дорого стоять; она чуть было не умерла изъ-за него.

Лицо графа слегка покраснѣло и, нагнувшись къ ребенку, расправлявшемуся въ эту минуту съ кускомъ торта, онъ спросилъ:

— А ты знаешь, какъ тебя зовутъ?

— Да, Юрій Эгоновичъ графъ фонъ-Беренклау,—важно отвѣтилъ мальчикъ.—А ты кто?—спросилъ онъ въ свой чередъ, поднимая на графа свои лазурные глазки.

— Я твой папа. Ты и зови меня папой.

— Ты папа? Значить, тотъ другой папа, который путешествуетъ, какъ говорила няня. Ахъ, я такъ радъ, что ты вернулся и привезъ мнѣ подарки.

Юрій обхватилъ рученками шею отца и поцѣловалъ.

— А теперь, пусти меня; я ужъ покушалъ и хочу поиграть съ собакой. Дай мнѣ бисквитовъ и кусочекъ ветчины угостить Вара.

Получивъ просимое и разрѣшеніе играть у террасы, мальчуганъ вмѣстѣ съ собакой спустился съ лѣстницы. Китти и графъ остались одни.

— Китти, общаете ли вы, какъ родственница и другъ, что нашъ разговоръ останется между нами,—вдругъ, понизивъ голосъ, спросилъ графъ.

— Даю вамъ мое слово, говорите откровенно,—отвѣтила та, протягивая ему руку.

— Скажите мнѣ, отчего такъ блѣдна Милица? Въ чемъ причина, что ея прежній, свѣжій цвѣтъ лица утраченъ и нашла ли она... съ другимъ то счастье, которое не стумѣлъ дать ей я?..

Онъ сжалъ до боли руку своей собесѣдницы и въ голосъ его послышалась такая душевная мука, что Китти вздрогнула; ей стало глубоко жаль его.

— Милый Эгонъ, я отвѣчу вамъ вполне откровенно,—сочувственно сказала она.—Милица несомнѣнно счастлива: Ростиславъ ее обожаетъ и предупреждаетъ малѣйшее ея желаніе, она тоже его любитъ и между ними полное согласіе. Однако, есть обстоятельства, мѣшающія полному счастью Милицы; не смотря на свое обаяніе, есть пунктъ, въ которомъ она безсильна: это—упрямое нежеланіе Кромскаго покинуть свое опасное служебное положеніе.

И Китти вкратцѣ рассказала бывшія непріятности, неблагоприятную борьбу Ростислава противъ злоупотребленій продажной администраціи, а въ концѣ описала разнаго рода покушенія и попытку взорвать самый домъ.

— Вы понимаете, что жить постоянно въ такомъ напряженномъ состояніи, дрожать за мужа всякій разъ, какъ онъ выѣзжаетъ изъ дому, никогда не знать, увидитъ ли она его живымъ, либо изувѣченнымъ или ей принесутъ его окравленный трупъ, и быть готовой къ крушенію крыши надъ головой, — не можетъ быть полезно для здоровья. Милица не разъ умоляла Ростислава выйти въ отставку, а тотъ ничего не хочетъ слышать и все твердитъ, что только трусъ бѣжить съ своего поста въ подобныя минуты; я же, моль, остаюсь и исполняю свой долгъ, а на все прочее да будетъ воля Божія. Должно быть, политикъ суждено играть въ судьбѣ Милицы роль подводнаго камня; вотъ этотъ-то патріотическій конфликтъ несть причина нездоровья и блѣдности Милицы,—со вздохомъ отвѣтила Китти.

Появленіе стараго графа, возставшаго отъ послѣбобѣденнаго сна, положило конецъ разговору. Сперва говорили о его болѣзни, а потомъ онъ занялся Юріемъ, очень удивленнымъ, что у него оказался еще и дѣдушка.

Замѣтивъ, что визитъ продолжался больше полутора часа, Китти простилась, обѣщая пріѣхать завтра.

Графъ Эгонъ отправился ихъ провожать и, проходя мимо фотографа, попросилъ зайти и снялъ Юрія въ цѣломъ рядѣ позъ, а на двухъ фотографіяхъ самъ снялся съ нимъ: на одной неся сына на рукахъ, на другой посадивъ его на колѣни.

— По крайней мѣрѣ, я увезу съ собою хоть образъ моего мальчика и его видъ будетъ развлекать меня въ одиночествѣ,—сказалъ графъ, когда они покидали фотографію.

— Вы давно могли бы имѣть его портретъ; Милицу даже обидѣло ваше равнодушіе въ отношеніи сына,—отвѣтила Китти.

— Ужъ если кто имѣетъ право обижаться, такъ это я, и г-жа Кромская была обязана прислать мнѣ портретъ моего ребенка. Но ея ненависть ко мнѣ—неистошима,—хмурясь, сказала графъ.

Съ этой поры Китти съ Юріемъ ежедневно бывали на часъ или на два у Беренклау; но Эгона Милица видѣла за это время только разъ, да и то издали; онъ, видимо, избѣгалъ ея.

Отвѣтъ мужа ее успокоилъ; Ростиславъ вполне одобрилъ ея намѣреніе не уѣзжать.

„Бѣжать отъ этого человѣка было бы для насъ предосудительно, а на морскихъ купаньяхъ можетъ быть всякій: что же касается желанія графа видѣть Юрія, то оно настолько есте-

«стменно и законно, что никто не имѣеть права ему въ томъ отказать»,—пояснялъ Кромскій.

Жизнь на морскомъ купаньѣ шла тихо и Милица могла бы даже забыть о присутствіи графа, если бы не Юрій, безпрестанно напоминавшій ей объ этомъ своими разказами о папѣ и дѣдушкѣ, съ которыми состоялъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ; за послѣдніе дни онъ возвращался даже въ сопровожденіи Вара. Привязанность собаки къ своей бывшей хозяйкѣ не измѣнилась и она часто оставалась у нихъ, пока Юрія не укладывали въ постель.

Это положеніе своею странностью и постоянными, хотя и не прямыми, сношеніями съ бывшимъ мужемъ тяготили Милицу и она, чтобы какъ-нибудь не встрѣтить Эгона въ паркѣ или курзалѣ, перестала тамъ показываться, а ежедневно каталась по морю съ Юріемъ; Китти, не любившая воду, рѣдко ѣздила съ ними. Невдалекѣ отъ берега былъ скалистый островъ, на которомъ стояло съ дюжину рыбацкихъ домиковъ. Этотъ островокъ и служилъ обыкновенно цѣлью прогулокъ Милицы. Она тамъ отдыхала и пила у рыбаковъ кофе или козье молоко.

Стоялъ удушливо знойный день. Изъ-за жары Милица рѣшила ѣхать позже обыкновеннаго и пошла на пристань послѣ обѣда; у Китти съ духоты разболѣлась голова и она осталась дома.

Къ разочарованію Милицы, старый морякъ, ѣздившій обыкновенно съ ней, былъ въ отсутствіи; но его сынъ, коренастый малый лѣтъ восемнадцати, предложилъ ей свои услуги. Нѣ совсѣмъ довѣряя молодому гребцу, Милица собралась отложить прогулку; но тутъ Юрій сталъ приставать, говоря, что хочетъ непременно видѣть козочку и она согласилась.

— Какъ бы бури не было,—замѣтила старуха-матроска.

— Ахъ, мать, не каркай ты пожалуйста,—сердито отвѣтилъ ей сынъ.—Небо ясно, море—какъ зеркало; если соберется буря, то не раньше ночи, а мы съ барыней черезъ два часа будемъ обратно.

Милицу этотъ разговоръ было встревожилъ; но взглянувъ на море, она успокоилась: не было ни вѣтерка, а отъ воды вѣяло пріятной прохладой. По правдѣ сказать, она любила одинокія прогулки потому, что легкая качка и журчанье воды подъ кормой ее успокаивали и освѣжали.

Въ первое время она брала съ собой бонну, но Юрій такъ мило держалъ себя въ лодкѣ и тихо игралъ со своимъ паяцомъ у ногъ матери, что она стала ѣздить одна; такъ и на

этотъ разъ Милица отпустила M-lle Терезу къ ея знакомой французенкѣ.

Лодка отошла отъ берега и Милица, по обыкновенію, задумалась, держа однако же сына за поясъ. Она не замѣтила, сколько прошло времени; но вотъ, случайно взглянувъ кругомъ, она съ ужасомъ замѣтила, что солнце скрылось, темныя облака застлали горизонтъ и быстро надвигались, вѣтеръ порывисто задулъ и развелъ волненіе.

— Скорѣй, скорѣй назадъ,—испуганно крикнула Милица.

— Мы далеко отошли, сударыня, намъ уже надо добратъся до острова,—отвѣтилъ гребецъ, налегая на весла.

Въ этѣ минуту вдали блеснула молнія и послышался первый ударъ грома.

На большой терасѣ курзала, выходящей на море, было довольно людно. За столомъ у периль сидѣлъ Эгонъ и читалъ; онъ такъ былъ занятъ чтеніемъ, что лишь когда подошелъ знакомый, онъ положилъ газету и оглянулся.

— Гм., какъ небо-то потемнѣло. Я думаю, будетъ буря.

— И порядочная! Смотрите, купальщики спасаются на берегъ, да вонъ и лодки спѣшаютъ укрыться въ гавань,—отвѣтилъ подошедшій, его бывшій товарищъ по военной школѣ.— А вотъ русской дамы съ ея прелестнымъ мальчуганомъ не видать,—продолжалъ онъ, смотря въ стоящую подлѣ подозрную трубу.

— Развѣ эта дама съ ребенкомъ находится въ морѣ?—спросилъ Беренклау, блѣднѣя.

— Я самъ видѣлъ, какъ она входила въ лодку. Да вонъ смотрите тамъ, въ сторону островка, видна ихъ лодка; но качка такая, что они каждую минуту могутъ пойти ко дну,—тревожно отвѣтилъ товарищъ.

Беренклау тоже взглянулъ въ трубу и затѣмъ, схвативъ шляпу, чуть не бѣгомъ бросился на берегъ.

У лѣстницы, гдѣ была на причалѣ лодка, стоялъ старый рыбакъ съ женой, родители гребца, повезшаго Милицу, и толковали, тревожно указывая на море.

— Вотъ, дама-то не хотѣла меня послушать, когда я говорила, что будетъ буря; а тутъ еще этотъ болванъ, Анзельмъ, который всегда все лучше другихъ знаетъ,—сердито кричала рыбацка.

— Это нашъ сынъ пошелъ въ море съ молодой дамой,—отвѣтилъ рыбакъ на вопросъ графа.

— Да вѣдь имъ грозитъ опасность въ такую бурю; развѣ вы не поѣдете спасти вашего сына и пассажировъ?—спросилъ Эгонъ.

— Я бы попытался, да никому не охота со мной ѣхать. Будетъ штормъ, а сосѣдъ Мартынъ не даетъ своего баркаса, самаго большого и крѣпкаго.

— Бѣгите нанимать и дайте ему, что онъ захочетъ. Плачу я и objaюсь возмѣстить цѣну баркаса, если онъ потерпитъ аварію. Только скорѣй! Я поѣду съ вами, а ему отдайте вотъ это,—торопилъ графъ, отрывая листокъ изъ записной книжки и набрасывая нѣсколько строкъ.

Минуть черезъ десять старый рыбакъ съ графомъ отходили отъ берега. Поставивъ парусъ, рыбакъ ваялся за весла и они пошли довольно быстро, но непогода усиливалась, вѣтеръ крѣпчалъ и сильно имъ мѣшалъ.

— Хоть вѣтеръ и сильный, а надо Бога благодарить, что дуетъ къ берегу, не то онъ угналъ бы Анзельма въ открытое море и тогда прощай,—замѣтилъ рыбакъ.

Беренклау молчалъ; онъ не замѣчалъ ни мочившаго его дождя, ни грозившей опасности. Глаза его были прикованы къ лодочкѣ, бросаемой пѣнистыми волнами, какъ орѣховая скорлупа, и могущей ежеминутно пойти ко дну.

Наконецъ, они стали подходить къ лодкѣ Милицы и графъ разсмотрѣлъ, что она стоитъ на колѣнѣяхъ на днѣ, прижавъ къ себѣ Юрія, бѣлокурая головка котораго выглядывала изъ-подъ ея рукъ. Анзельмъ потерялъ весло и безуспѣшно старался направить лодку къ островку, темныя очертанія котораго чуть вырисовывались въ туманѣ.

Минуть черезъ пять подошли къ лодкѣ Анзельма и старикъ багромъ зацѣпилъ за бортъ: теперь онъ съ сыномъ держали лодки, а графъ схватилъ сперва Юрія и посадилъ его къ себѣ въ колѣни, а потомъ поднялъ Милицу, какъ перышко, и перенесъ на дно баркаса, рядомъ съ ребенкомъ.

Послѣднимъ перешелъ Анзельмъ, бросивъ на произволь собственную лодку.

Имъ предстояло еще добратъся до островка, за то теперь у нихъ было подкрѣпленіе, въ видѣ пары здоровыхъ рукъ. Но вѣтеръ уже спадалъ и только хлесталъ дождь.

Онѣмѣвъ отъ ужаса, Юрій схватился ручонками за ногу отца, а Милица, закрывъ глаза, ничего, казалось, не видѣла и не слышала.

Наконецъ, стали подходить къ островку, но волненіе было настолько сильно, что пристать было невозможно, пока кто изъ жителей не увидалъ ихъ и не бросилъ имъ канатъ, которымъ и подтянули ихъ къ берегу. Беренклау выпрыгнулъ первымъ, съ Юріемъ на рукахъ, а за нимъ, съ помощью ры-

баковъ, вся намокшая, вышла Милица; едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ по песку, какъ у нея закружилась голова; она споткнулась и упала на колѣни, а потомъ лишилась чувствъ.

Провожавшій ихъ рыбакъ вскрикнулъ и графъ обернулся. Передавъ ребенка рыбаку, онъ самъ поднялъ Милицу и донесъ до первой рыбацкой хижины.

Какое-то неясное чувство просыпалось въ немъ и свистѣвшій вокругъ вѣтеръ, словно эхомъ, отзывался въ его душѣ. Прикосновеніе покоившейся на плечѣ головки и атласистой щеки волновало его и возмущало, при мысли, что онъ прижимаетъ къ груди свою жену, а что она принадлежитъ другому, и онъ ей чужой. Въ эту минуту въ сердцѣ шевельнулась ревность и мелькнуло сожалѣніе, что онъ не далъ ей погибнуть, вмѣсто того, чтобы спасти для другого; тутъ только графъ понялъ, насколько еще былъ онъ рабомъ чувства, отравившаго его жизнь. Но, чтобы ни было, Милица была ему дороже всего и онъ еще десять разъ рискнулъ бы своей жизнью, чтобы ее спасти.

Уложивъ Милицу на кровать, графъ приказалъ вскипятить воду и приготовить коньякъ, сахаръ и лимонъ, а пока молодая хозяйка исполняла его приказанія, онъ раздѣлъ дрожавшаго какъ въ лихорадкѣ Юрія и завернулъ его въ лежавшій подлѣ шерстяной платокъ. Затѣмъ, онъ вернулся къ Милицѣ и натеръ ей виски и руки водкой; черезъ нѣсколько минутъ она вздрогнула и открыла глаза.

Встрѣтивъ взглядъ нагнувшагося надъ ней графа, блѣдное, разстроенное лицо Милицы вспыхнуло; ей стало неловко, почему-то страшно и она снова закрыла глаза.

Беренклау, какъ будто, ничего не замѣтилъ.

— Выпейте, вы прозябли,—сказалъ онъ, приподнимая ее и поднося стаканъ горячаго грога.

Она покорно выпила и прошептала:

— А Юрій?

— Онъ здоровъ и невредимъ. Я сейчасъ вытру его коньякомъ и дамъ выпить немного грога, а вы перемѣните пока платье.

Но Милица не успокоилась, пока не убѣдилась, что ребенокъ вытертъ и тепло укутанъ. Затѣмъ она перешла въ кухню, сняла промокшее платье и надѣла сухое, которое ей дала жена рыбака.

Черезъ четверть часа мореплаватели собрались въ кухнѣ у очага затопленной печи, передъ которой сушились ихъ платья.

Большая корзина служила постелью Юрію, крѣпко уснувшему послѣ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ. Передъ очагомъ сидѣла Милица, очаровательная въ своемъ костюмѣ рыбачки, красной юбкѣ, черномъ корсажѣ и полотняной, съ короткими рукавами, рубашкѣ: она сушила распущенные, мокрые волосы и сидѣла въ задумчивой позѣ, опустивъ голову. У окна, въ пол-оборота, стоялъ графъ; выпивъ стаканъ коньяку, онъ тоже надѣлъ сухую матросскую куртку; остальное должно было само высохнуть.

Онъ задумчиво смотрѣлъ, какъ снаружи дождь хлесталъ волны, заволакивая сѣрой дымкой море. По временамъ, безпокойный, смущенный взглядъ Милицы скользилъ по его строгому, энергичному лицу, на которомъ видна была усталость, но отнюдь не волновавшія его чувства. Въ душѣ она проклинала случай, который привелъ ее сюда и налагалъ на нее долгъ признательности по отношенію къ этому человѣку. Она чувствовала, что ей слѣдовало бы сказать ему слово благодарности, и не могла.

Они были одни, хозяйева ушли по своимъ дѣламъ. Милица, наконецъ, рѣшилась и встала.

— Благодарю васъ, графъ, и признаю, что не заслужила такой самоотверженности, — сказала она нерѣшительно, глухимъ голосомъ и запнулась.—Простите за прошлое... Въ эту минуту, когда вы, рискуя жизнью, спасли Юрія и меня, мнѣ особенно больно сознаться, что во многомъ я была неправа и васъ не знала...

Беренклау обернулся и слушалъ, нахмуривъ брови. Какъ знакомы были ему и этотъ голосъ сирены, мелодичный и глубокой,—и ея дѣтски наивный взглядъ; онъ зналъ ихъ отлично, они когда-то поработили его, и даже въ эту минуту онъ чувствовалъ себя слабымъ и безоружнымъ передъ этими лучистыми глазами, смущенно и съ сожалѣніемъ смѣтрѣвшими на него. Сердце его заняло въ груди, но гордость воспрянула изъ опасенія выдать свою слабость передъ женщиной, навсегда для него потерянной и безжалостно его бросившей. Подъ влияніемъ этихъ чувствъ возмущенія, обиды и затаенной злобы, на его лицѣ появилась презрительная, горькая усмѣшка.

— Вамъ нечего меня благодарить, сударыня. Я рисковалъ жизнью, чтобы спасти моего сына, но повятно, что при случаѣ я спасъ мать Юрія. Или вы подумали, что я оставляю тонуть г-жу Кромскую; другими словами, вы считали меня способнымъ на убійство и теперь учтиво свидѣтельствуете, что я оказался не тѣмъ, за что вы меня принимали? Да, было время, когда

васъ такъ любилъ, что готовъ былъ покончить съ жизнью, теряя васъ; кто знаетъ, въ ту пору я, можетъ быть, и даль бы умереть любимой женщиной, лишь бы не уступить ее сопернику,—голосъ его чуть замѣтно дрогнулъ и глаза мрачно сверкнули.—Но вы сами убили это, поработившее меня, чувство, задушили его той самой бѣленькой ручкой, которую протягиваете теперь, пытаясь вѣжливостью отблагодарить за оказанную услугу, и прибавляете пустую фразу: „простите меня, я васъ не знала“. Позвольте же вамъ сказать, сударыня: то, что вы мнѣ сдѣлали, никогда не прощается. Когда-нибудь давали ли вы себѣ отчетъ въ горѣ и стыдѣ, которые обрушились на меня по вашей милости? Добровольно выйдя за меня замужъ, вы, въ теченіе двухъ лѣтъ, подъ маской капризницы, были чужой, ненавидѣвшей то, что было для меня свято; вы сдѣлали все, чтобы навлечь на меня осужденіе, бросить тѣнь на мою репутацію солдата и разбили мою военную карьеру. Оставаясь моей женой, отвѣчая на мою любовь и ласки, вы уже обдумывали планъ развестись со мной и выйти замужъ за другого; вѣдь вы знали, что Кромскій васъ любитъ, и потому учли это предстоявшее вамъ замужество. По отношенію ко мнѣ, это было измѣной, хотя и нравственной; но со стороны такой женщины, какъ вы, эта измѣна стоитъ настоящей. Когда разразился тягостный политическій конфликтъ, увѣнчавшій нашъ разрывъ, можетъ быть, я былъ и не правъ, становясь, подъ вліяніемъ нравственныхъ мукъ и ревности, слишкомъ строгимъ и наговоривъ вамъ несправедливыхъ вещей; за то вы, покидая меня, спокойно и жестоко, въ видѣ послѣдняго „прости“, кинули мнѣ въ лицо позоръ моей матери, а когда узнали, что довели меня до самоубійства, вы остались безучастны, у васъ не нашлось ни слова жалости или соболѣзнованія къ умирающему, который, вы знали,—отецъ вашего ребенка. Вы даже скрыли отъ меня, что готовитесь быть матерью, устраняя меня, какъ чужого, въ дѣлѣ, близко меня касающемся; или вы считали меня за бревно, не способное чувствовать боль, разомъ теряя мать и ребенка? Да что же я вамъ сдѣлалъ, что вы обращались со мной съ такой утонченной жестокостью и бросили, какъ старую перчатку, замѣстивъ меня другимъ? Нѣтъ, сударыня, такія вещи не забываются! Я люблю ребенка, какъ воспоминаніе о свѣтлой, развѣянной грезѣ; но васъ я больше не люблю, хотя ничего не забылъ и ничего не простилъ изъ прошлаго.

Говоря, Беренклау оживлялся все болѣе и болѣе. Все, что

за эти годы скопилось въ его душѣ горечи и злобы, вылилось вдругъ; голосъ звучалъ грозно и взглядъ былъ строгій.

Милица поблѣднѣла и слушала его молча; нервная дрожь пробѣгала по ея тѣлу. Стыдъ, жалость и тоска ясно отражались въ ея смущенныхъ глазахъ. Когда онъ кончилъ, она провела рукой по лицу и, отойдя къ ребенку, задумалась.

Каждое слово графа болѣзненно отзывалось въ ея душѣ, а совѣсть шептала, что онъ говорилъ правду и что она поступила съ нимъ жестоко.

Оба они молчали, пока рыбакъ не пришелъ сказать, что черезъ часъ, самое позднее, можно будетъ отправиться назадъ.

Графъ вышелъ съ нимъ и вернулся лишь черезъ часъ за своимъ платьемъ и Юріемъ; холодно-вѣжливо сказалъ онъ Милицѣ, что все готово. Сунувъ золотой въ руку радушно пріютившей ихъ хозяйки, она прошла за Беренклау, который занялъ затѣмъ мѣсто на рулѣ. Такъ, не говоря больше другъ съ другомъ, они отошли отъ островка.

На берегу собралась масса любопытныхъ, а у пристани ихъ ждала съ экипажемъ разстроенная и испуганная Китти.

Отъ страха и беспокойства за Милицу, ея мигрень совсѣмъ прошла и Китти уже съ часъ нетерпѣливо поджидала ихъ; обрадованная ихъ счастливымъ возвращеніемъ, она бросилась Милицѣ на шею, расцѣловала Юрія и благодарила Беренклау.

Вернувшись домой, Китти напоила Милицу горячимъ чаемъ, а когда уложили ребенка, она увела съ собой кухню, усадила на диванъ и обложила подушками.

— Отдохни теперъ,—заботливо сказала она,—послѣ всѣхъ волненій. Твой убитый видъ меня пугаетъ; не больна ли ты, или тебя мучитъ сознаніе, что именно онъ тебя спасъ?

— Разумѣется, мнѣ тяжело, что я и Юрій обязаны ему спасеніемъ,—вздыхая, отвѣтила Милица.—Но, кромѣ того, у меня съ нимъ была такая неприятная сцена...

Увидѣвъ невольное изумленіе на лицѣ Китти, она добавила:

— Видишь ли, я сочла своимъ долгомъ поблагодарить его за самоотверженіе и... конечно, въ сдержанныхъ выраженіяхъ дала понять, что вдвойнѣ цѣню его великодушіе, въ виду прошлаго, о которомъ я сожалею, и прошу не быть злопамятнымъ. На это графъ отвѣтилъ градомъ обвиненій, что я была съ нимъ фальшива, что, будучи женой, я завела интригу съ другимъ, что я разбила его карьеру и бросила умирающимъ,

доведя его до самоубійства; короче говоря, онъ объявилъ, что никогда не проститъ мнѣ мое безчестное поведеніе и что онъ спасалъ лишь своего сына, а для меня, понятно, онъ не побезпокоился бы. Я могла отвѣтить ему, что, конечно, вернулась бы въ Креницу, если бы была увѣдомлена о его попыткѣ покончить съ собой, а не узнала объ его ранѣ три недѣли спустя, и еслибы Вильма не написала Мэлли, что графъ запретилъ извѣщать о происшествіи и вообще допускать меня къ нему. О своей беременности я только что хотѣла ему сообщить, какъ получила предложеніе отъ его повѣреннаго начинать разводъ, и только потому не захотѣла ничего ему писать. Ты, Китти, знаешь, что все это — сущая правда; такъ скажи ему это, при случаѣ, а я не хочу оправдываться послѣ всѣхъ его любезностей.

Китти была поражена тѣмъ, что услышала.

— Я не могу понять, какъ могъ Эгонъ увлечься и рѣшиться на такую выходку. Или...—она остановилась въ недоумѣніи и пожала плечами,—онъ хотѣлъ доказать, что забылъ тебя? Но, въ такомъ случаѣ, я ему не совсѣмъ вѣрю: подобныя цѣльныя натуры, какъ его, упорны и трудно забываютъ кого-либо, онъ слишкомъ обожаетъ ребенка, чтобы окончательно вычеркнуть изъ сердца женщину, которую любилъ до самозабвенія. Поэтому не суди строго; его слова внушены можетъ быть, и ревностью.

Милица густо покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ,—живо отвѣтила она,—онъ меня больше не любитъ. А просто въ немъ еще не успокоилась затаенная противъ меня злоба. Во всякомъ случаѣ, я прощаю ему; въ его словахъ, отчасти, была и правда.

Коснувшись этой темы, кузины еще долго говорили о прошломъ и обмѣнивались воспоминаніями и впечатлѣніями.

Было поздно, когда Милица вернулась къ себѣ; но каковъ же былъ ея ужасъ, когда она, нагнувшись поцѣловать сына, увидала, что онъ горитъ, какъ въ огнѣ, и дышитъ съ трудомъ.

Она тотчасъ же послала за докторомъ и тотъ нашель, что у мальчика воспаленіе легкихъ, но что онъ боится осложненій.

Въ теченіе слѣдующаго дня, положеніе ребенка ухудшилось, а еще черезъ день докторъ объявилъ, что у Юрія обозначились признаки дифтерита. Милица потеряла голову отъ отчаянія и не отходила отъ постельки, на которой, въ жару, метался Юрій.

Китти увѣдомила графа о случившемся и тотъ вечеромъ явился спросить о здоровьи. Онъ былъ очень испуганъ болѣзною сына, но узнавъ, что у него дифтеритъ, пожелалъ во что бы то ни стало, его видѣть.

Когда Китти передала это желаніе графа Милицѣ, та лишь молча кивнула въ знакъ согласія; ей теперь было все равно, даже ея собственная жизнь, казалось, зависѣла отъ полуоткрытаго дѣтскаго ротика, изъ котораго вырывалось глухое свистящее дыханіе.

Беренклау въ свою очередь нагнулся надъ больнымъ, который лежалъ съ закрытыми глазками и никого не узнавалъ; прижавъ къ губамъ горѣвшую ручку сына, онъ тихо и взволновано произнесъ.

— Позвольте и мнѣ тоже за нимъ ухаживать; я не могу быть вдали отъ него, въ такую минуту. Обѣщаю вамъ уйти, какъ только минуетъ опасность.

— Оставайтесь. А вы полагаете, что онъ выживетъ?—спросила Милица и въ голосѣ ея слышалось такое отчаяніе, что сердце графа мучительно сжалось.

— Будемъ надѣяться на милосердіе Божіе.—также тихо отвѣтилъ Беренклау.

Тянулись долгіе, томительные часы. Графъ помогать поднимать ребенка и давалъ ему лекарства, а его спокойствіе и увѣренность успокоительно дѣйствовали на Милицу и поддерживали ее въ этомъ страшномъ испытаніи. Врачъ бывалъ каждые два часа и видъ его остановился все сумрачнѣе; въ свое послѣднее посѣщеніе, онъ шепнулъ графу, что черезъ часъ приведетъ своего коллегу и, по всей вѣроятности, требуется операція.

Мрачный, съ отчаяніемъ въ душѣ, вернулся Беренклау къ кроваткѣ сына, котораго теперь перенесли въ гостиную, гдѣ было больше воздуха.

Ребенокъ очень страдалъ; дышалось ему все труднѣе и труднѣе, личико синѣло и минутами онъ задыхался. Графъ тогда приподнималъ на подушки головку Юрія и бережно затѣмъ его укладывалъ, когда приступъ проходилъ. Милица на колѣняхъ стояла у кровати и, всякій разъ, какъ мальчикъ начиналъ задыхаться, она глухо стонала; но плакать она уже не могла, точно скала давила ей грудь.

Вдругъ Юрій слабо захохалъ; Милица подняла голову и глаза бывшихъ супруговъ встрѣтились. Во взглядѣ обоихъ видѣлась общая мука и страхъ, все остальное исчезло. Они обоюдно отказались другъ отъ друга, но ихъ соединило у постели

ихъ умиравшаго ребенка одно чувство, одна молитва о его спасеніи, обратившееся въ плоть и кровь дуновеніе ихъ любви сковало между ними болѣе прочную цѣпь, чѣмъ новый долгъ Милицы по отношенію къ Ростиславу; въ эту тяжелую минуту они чувствовали взаимную отвѣтственность, и чувство не то страха, не то раскаянія сжало сердце Милицы. Случайно взглянувъ на руку графа, оправлявшаго одѣяльце, она увидала блестящее на пальцѣ обручальное кольцо, которое прежде соединяло его съ ней, и въ ея возбужденномъ мозгу тотчасъ блеснула мысль: Богъ караетъ насъ за измѣну клятвѣ, данной нами передъ алтаремъ, все дѣлится и переноситъ сообща до самой смерти.

Какъ легкомысленно разстались они,—думала Милица,—отнявъ у ребенка его законное право на мать и отца. Вотъ теперь Господь судитъ ихъ и смертию разрѣшаетъ этотъ раздѣлъ; а передъ Богомъ виновнѣе она за свою эгоистичную, несправедливую мысль оставить ребенка у себя и никогда не отдавать его тому, у кого одинаковыя съ ней права на него.

Въ томъ ненормальномъ состояніи, въ которомъ находилась Милица, не только вслѣдствіе своего горя, но и вслѣдствіе страшнаго утомленія,—двое сутокъ она не спала и не ѣла,—мысль о наказаніи Божескомъ, казалось, сведеть ее съ ума.

Вдругъ ей почудилось, что наступаетъ смерть и ребенокъ перестаетъ дышать, а что лихорадочное безпокойство дѣтскихъ ручекъ является наступленіемъ агоніи.

— Эгоизмъ! — крикнула она въ ужасѣ.—Молитесь же, чтобы Богъ сжалился надъ нами, не каралъ за измѣну нашей клятвѣ и не отнималъ у насъ ребенка, котораго мы готовы вырвать другъ у друга. Я отдамъ его вамъ, клянусь, лишь бы онъ только жилъ.

Графъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Видя возбужденіе на лицѣ Милицы, онъ взялъ ея похолодѣвшую руку и крѣпко пожалъ; любовь и жалость слышались въ его голосѣ.

— Успокойтесь, Милица. Господь — милосердъ и не станетъ карать невиннаго ребенка за слабости родителей. Конечно, мы слишкомъ легко порвали наши обязательства, давъ жизнь существу, имѣющему полное право роста, согрѣтому домашнимъ очагомъ; но постараемся за то исправить, по мѣрѣ возможности, дружески подѣливъ Юрія. Ручаюсь, что съ моей стороны, никто не будетъ оспаривать у него мою привязанность, такъ какъ я никогда не женюсь...

Вошла Китти съ докторами, изъ которыхъ одинъ положилъ на столъ хирургическіе инструменты. Увидавъ это, Милица

вадрогнула и пошатнулась; тогда графъ быстро подошелъ къ ней.

— Пройдите въ свою комнату и молитесь,—тихо сказалъ онъ прекрасно ей знакомымъ, авторитетнымъ тономъ.—Вамъ будетъ тяжело оставаться здѣсь, если потребуется операція, но обещаю вамъ ни на секунду не оставлять Юрія и самоѹ его держать.

Поддерживаемая Китти, Милица ушла въ свою комнату и опустилась на колѣни передъ образомъ св. Серафима, привезеннымъ ею изъ Сарова; молилась она такъ, какъ никогда еще не малывалась, и брызнувшія слезы облегчили ее.

Вернулась Китти и позвала:

— Пойдемъ! Ему лучше и онъ легче дышетъ,—сказала она, помогая кузинѣ встать.

Милица сняла со стѣны образъ и унесла съ собой.

— Онъ будетъ жить, докторъ?—со страхомъ спросила она.

— Посмотримъ, что скажетъ утро. Мы вставили ему трубку, которая позволить ему дышать. Но такъ какъ пока опасности не предвидится, то я совѣтовалъ бы вамъ, сударыня, отдохнуть, а не то вы сами сляжете въ постель.

Милица отрицательно покачала головой, поставила образъ у изголовья сына и, придвинувъ табуретъ, сѣла.

— Я заѣду въ семь утра,—сказалъ докторъ, прощаясь съ графомъ.

Беренклау тоже сѣлъ у постельки Юрія.

Ребенокъ теперь дышалъ свободнѣе и не хрипѣлъ; посиѣвшее было личико было теперь прозрачно-блѣдно; мало-помалу, лихорадочное забытѣ переходило въ спокойный сонъ. Милица и графъ, держа каждый руку ребенка, боялись пошевелиться, чтобы его не разбудить.

Прошло около двухъ часовъ.

— Рука стала влажнѣй,—шепотомъ сказалъ Беренклау, — да и лобъ тоже, онъ вспотѣлъ, дыханіе ровнѣе и глубже. Я надѣюсь, теперь онъ будетъ жить.

Милица убѣдилась въ тѣхъ же благоприятныхъ симптомахъ. Она ожила и надежда вернулась.

— Богъ сотворилъ чудо,—съ улыбкой сказалъ поутру докторъ, осмотрѣвъ больного.—Улучшеніе значительное и я позволяю себѣ надѣяться, что ребенокъ внѣ опасности, если не будетъ никакихъ осложнений.

Милица благодарно пожала ему руку. Но натянутые нервы не выдержали прилива радости; она зашаталась и потеряла сознаніе. Ее отнесли въ ея комнату, но, придя въ себя, она

чувствовала себя нехорошо и была такъ слаба, что съ недѣлю провела въ постели.

Быль моментъ, когда докторъ боялся, что она сама заразилась дифтеритомъ, но опасенія его не оправдались и Милица, мало-по-малу, оправилась. Сознаніе, что Юрій выздоравливаетъ быстрѣе, чѣмъ можно было думать, способствовало возстановленію и ея собственныхъ силъ.

Все время, пока Милица была больна, Китти и графъ ухаживали за Юріемъ. Между отцомъ и сыномъ установились самыя трогательныя, пріятельскія отношенія. Беренклау терпѣливо игралъ съ нимъ, а не то рассказывалъ волшебныя сказки или укачивалъ маленькаго капризника, пока тотъ не засыпалъ у него на колѣняхъ, и ребенокъ страшно къ нему привязался.

Тѣмъ не менѣе, когда Милица встала съ постели, графъ сталъ являться рѣже и на короткое время, его прежняя желчь прошла, но онъ старательно избѣгалъ встрѣчъ съ Милицей, которая тоже держала себя крайне сдержанно и готовилась къ отъѣзду, какъ только доктора позволятъ Юрію тронуться въ путь.

Отъ Ростислава она получала письма, въ которыхъ тотъ умолялъ ее поскорѣе вернуться, выражалъ свое полное участіе и сожалѣніе, что не могъ быть подлѣ нея во время болѣзни ребенка, и просить извѣстить его телеграммой, чтобы онъ могъ встрѣтить ее на границѣ.

Въ день отъѣзда Милица и графъ свидѣлись въ послѣдній разъ. Беренклау пришелъ проститься съ сыномъ; но не смотря на великолѣпный пароходъ, полкъ оловянныхъ солдатиковъ, желѣзную дорогу и коробку съ конфетами, — прощальные подарки отца и дѣда, — мальчуганъ былъ въ отчаяніи. Съ воплями и слезами онъ уцѣпился за шею графа, требуя, чтобы онъ непременно ихъ провожалъ, и тотъ тщетно пытался его успокоить обѣщаніемъ пріѣхать скоро. Чтобы кончить тяжелую для Милицы и Беренклау сцену, Китти догадалась унести мальчугана.

Оставшись одни, бывшіе супруги молчали. Наконецъ графъ нарушилъ томительную тишину.

— Позвольте мнѣ проститься и поблагодарить васъ отъ души за то, что позволили мнѣ видѣть сына. Надѣюсь, что вы иногда дадите вѣсть о его здоровьѣ.

— Можете ли вы сомнѣваться? Вы лучше сами пріѣзжайте на Рождество, или лѣтомъ, и я буду присылать вамъ Юрія на цѣлый день.

— Благодарю васъ.

Онъ отвѣсилъ глубокой поклонъ и вышелъ, а Милица проводила его глазами и тоскливо задумалась.

XIX.

Возвращеніе домой послужило Милицѣ истиннымъ облегченіемъ. Радость Ростислава, его любовь и нѣжность къ ней и ребенку должны были возстановить душевное спокойствіе, нарушенное встрѣчей съ бывшимъ мужемъ и сближавшими ихъ тяжелыми обстоятельствами.

Ростиславъ замѣтилъ ея нервность, но приписалъ болѣзненному состоянію и встревожился.

— Ты слишкомъ настрадалась, дорогая,—нѣжно замѣтилъ онъ.

О встрѣчѣ съ Беренклау онъ не спрашивалъ изъ деликатности; любя жену, онъ понималъ, насколько тяжелъ былъ ей этотъ случай, и Милица тоже не вдавалась въ подробности. Она не могла рѣшиться рассказать мужу, какъ они вмѣстѣ съ графомъ ухаживали за больнымъ сыномъ, и только Юрій болталъ, какъ онъ любитъ папу-Эгона и какъ хочетъ поскорѣе увидать его съ дѣдушкой.

По пріѣздѣ Милица собрала коллекцію портретовъ сына, съ самаго его рожденія, и послала въ Креницу. Въ долгіе часы одиночества, во время отсутствія мужа, занятаго службой, она часто думала о Беренклау и невольно вспоминала, какъ онъ былъ добръ, преданъ и выдержанъ за время болѣзни Юрія—этой живой, нерасторжимой связи, соединяющей ее съ графомъ, не смотря даже на то что между ними все уже было порвано.

По временамъ, Милица страстно желала имѣть ребенка отъ Ростислава не только для того, чтобы создать такую-же неразрушимую связь между ней и мужемъ, но и для того, чтобы смягчить свою тоску въ будущемъ, когда настанетъ минута разлуки съ Юріемъ.

Этотъ душевный разладъ скоро однако былъ заглушенъ опасеніями, вызванными тревожныхъ настроеніемъ въ городѣ. Со всѣхъ сторонъ неслись вѣсти о политическихъ убійствахъ, аграрныхъ беспорядкахъ, о неслыханныхъ злоупотребленіяхъ въ арміи и во флотѣ; революціонная пропаганда становилась день ото дня настойчивѣе, а „Бундъ“ не считалъ даже нужнымъ скрывать свои антигосударственные происки.

Ростиславъ изъ всѣхъ силъ старался поддерживать порядокъ, строго преслѣдовалъ казни и взяточничество губернской администраціи, а въ донесеніяхъ своихъ не скрывалъ правды передъ министерствомъ, указывая на множившіеся ясные признаки надвигавшейся смуты; но высшее петербургское правительство бездѣйствовало, было и слѣпо и глухо, а его считало „неудобнымъ“, „безпокойнымъ“ человѣкомъ.

Въ городъ пронесся уже слухъ, что революціонный трибуналъ приговорилъ къ смерти вице-губернатора, а что члены „Бунда“, собравшись въ синагогѣ, утвердили приговоръ и жребіемъ избрали убійцу. При этомъ, одни говорили, что смертный приговоръ мотивировался, будто бы, тѣмъ, что Кромскій не давалъ потачки евреямъ и мѣшалъ подпольной работѣ анти-русской партіи; а другіе утверждали, что въ немъ ненавидѣли, главнымъ образомъ, „глухаго русскаго“, неподатливаго на подкупъ.

Эти разговоры и пересуды, конечно, не доходили до Милицы; но она сама инстинктивно чуяла носившуюся въ воздухѣ опасность и это постоянное чувство невѣдомой тревоги отнимало у нея покой.

Разъ, когда мужа не было дома, ей въ руки попало угрожающее письмо къ Ростиславу, въ которомъ его предупреждали, что онъ осужденъ на смерть, и что день казни назначенъ; посланіе заканчивалось цѣлымъ рядомъ обвиненій и грубыхъ оскорбленій. Милицу охватилъ смертельный ужасъ.

Мужъ не обѣдалъ въ этотъ день дома и долженъ былъ вернуться лишь вечеромъ; въ ожиданіи его, Милица сѣла въ кабинетъ у окна, съ лихорадочной тревогой высматривая на улицу, и эти томительные часы казались ей вѣчностью.

Кромскій вернулся уже поздно и повидимому усталый; увидя у себя въ кабинетъ жену, разстроенную и блѣдную, онъ перепугался, не случилось ли чего и не заболѣлъ ли Юрій. Милица дрожащей рукой протянула ему письмо.

— Какъ? Эта бумаженка тебя разстроила? Стыдись, милая, своей трусости. Клянусь тебѣ, что за время моего здѣсь пребыванія, я получилъ по крайней мѣрѣ дюжины три такихъ писемъ, а видишь, несмотря на всѣ эти смертные приговоры, чувствую себя, какъ нельзя лучше и, съ Божьей помощью, надѣюсь прожить долго. Такія угрозы кромѣ презрѣнія ничего не заслуживаютъ...

— Нѣтъ,—заволнованно, нетерпѣливо перебила его Милица,—я не могу такъ относиться, для этого слишкомъ много убійствъ было совершено. Но у меня нѣтъ больше и силъ

выносить подобное положеніе: это не жизнь, а каторга. Чувствовать надъ своей головой постоянно Дамокловъ мечъ, бояться каждый мигъ, что тебя принесутъ раненаго или разорваннаго бомбой? Нѣтъ, терпѣть это я не въ состояніи.

Она опустила на колѣни у кресла мужа, обняла его и слезы полились градомъ.

— Если ты меня любишь, Ротя, если хочешь, чтобы я жила, а не помѣшалась отъ страха, брось эту проклятую службу, гдѣ тебя ждетъ только опасность, неблагодарная работа и разочарованіе. Неужели ты не видишь, что весь твой трудъ сводится къ нулю и что ты ничѣмъ не можешь помочь русскому дѣлу, а въ результатъ всегда останешься неправымъ? Или ты забылъ, что твоя жизнь, какъ *русскаго* чело-вѣка, стоитъ меньше паршивой собаки и что любой негодяй можетъ безнаказанно избрать тебя мишенью для стрѣльбы?

Растроганный Ростиславъ обнялъ ее и отвелъ на диванъ.

— Чудная моя Милица! Приди въ себя и успокойся; посмотри, на кого ты стала похожа. Я не могу тебя видѣть въ такомъ состояніи и сдѣлаю все на свѣгъ, чтобы тебя успокоить.

— Такъ ты подашь въ оставку? Ради Бога, бѣжимъ изъ этого проклятаго мѣста. Мнѣ все кажется, что смерть сторожить каждый твой шагъ. Скажись больнымъ и не выходи до отъѣзда. Ну развѣ мы нуждаемся въ средствахъ, чтобы терпѣть этотъ адъ?—умоляюще говорила Милица, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты права. Я вижу, твое здоровье не выносить подобныхъ волненій; а такъ какъ ты мнѣ дороже жизни, то я брошу службу. Но, повторяю, что всѣ эти запугиванія и гнусныя письма не значать ничего; а просто у страха глаза велики. По правдѣ сказать, мнѣ и самому надобла эта нескончаемая борьба съ людскою подлостью, халатностью и явной недобросовѣстностью... На этихъ дняхъ я подамъ прошеніе...

— Я хочу завтра...

— Ну, хорошо, хорошо—завтра,—улыбнулся Ростиславъ.— У насъ сегодня—двадцатое, а десятаго будущаго мѣсяца мы уѣдемъ въ Петербургъ. Успокойся же, теперь ты можешь считать дни до нашего окончательнаго отъѣзда отсюда.

— Ахъ, еще двадцать дней муки, а въ эти двадцать дней, Богъ знаетъ, что можетъ случиться, когда въ городѣ уже, вѣроятно, извѣстно, что собираются тебя убить. Нѣтъ... нѣтъ, я хочу уѣхать послѣ завтра, у меня земля подъ ногами горить. Ну, выдумай какой-нибудь предлогъ...

Ростиславъ густо покраснѣлъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Никогда я не буду подлымъ трусомъ. Ужъ если я былъ въ состояніи пробыть здѣсь три года, то могу прожить еще лишнихъ двѣ или три недѣли.

— Какъ? Я должна мучиться еще три недѣли изъ-за какого-то вопроса самолюбія,—негодовала Милица. — Такъ ты меня вовсе не любишь, если осуждаешь на такія мученія. Пойми-же: вѣдь, каждый разъ, что ты выѣжаешь, я брожу какъ тѣнь; малѣйшій шумъ, крикъ или топотъ на улицѣ меня пугаютъ и мнѣ кажется, что съ тобой что-нибудь случилось. Положимъ, что я глупа и труслива, положимъ, что мой страхъ безуменъ и неоснователенъ, но коли ты любишь, можешь же ты принести мнѣ эту жертву и уѣхать немедленно?

— Нѣтъ, Милица, я не могу это сдѣлать, это не совмѣстимо съ моей честью. Будь я даже увѣренъ, что меня убьютъ, то и тогда я не подамъ примѣра трусости. Любой солдатъ, любой офицеръ безропотно рискуетъ жизнью на полѣ сраженія; а я—ничто иное, какъ *слуга* моей родины, и обязанъ послужить ей своими силами и даже жизнью. И то печально, что я, изъ любви къ тебѣ, покидаю свой постъ, который достанется, можетъ быть, какому-нибудь предателю; наша бѣдная Россія и гибнетъ потому, что каждый изъ насъ, въ своемъ эгоизмѣ, думаетъ только о своихъ дѣлахъ, собственной безопасности и бросаетъ дѣло служенія родинѣ. И я поддаюсь слабости и поступаю противъ совѣсти, выходя въ отставку ради твоего успокоенія; а ты хочешь еще, чтобы я публично заклеилъ себя позоромъ, убѣгая, какъ дезертиръ? Есть *вопросы долга*, въ которыхъ мужчина уступить не можетъ; вѣдь, Беренклау, въ свое время, тоже не сдался, а онъ любилъ тебя до самоубійства. Ну, будь же благоразумна, Милица, и не требуй отъ меня больше того, что я могу дать. Вѣрь мнѣ, что какъ только я сдамъ всѣ дѣла, мы уѣдемъ. Будь же терпливой, дорогая; а завтра надо будетъ послать за докторомъ, твои нервы ужъ слишкомъ развинчены за послѣднее время.

Милица слушала его, опутивъ голову; затѣмъ, не говоря ни слова, она отвернулась и вышла. Ростиславъ проводилъ ее грустнымъ взглядомъ.

Если бы только онъ могъ уѣхать, то разумѣется, бросилъ бы все, хотя для того, чтобы ее успокоить; подчасъ и его самого дѣвило какое-то смутное предчувствіе. Но, какъ ни былъ онъ разочарованъ въ своемъ дѣлѣ, а глубоко честная натура не допускала сдѣлокъ съ совѣстью; онъ возмущался при мысли, какъ станутъ торжествовать враги, что имъ наконецъ удалось выжить его отсюда.

Въ тяжеломъ раздумьѣ, съ заплаканнымъ лицомъ и тоской въ душѣ вернулась къ себѣ Милица; у образовъ она опустилась на колѣни и погрузилась въ молитву, прося Божественнаго заступника „труждающихся и обремененныхъ“ защитить ихъ въ теченіе тяжелыхъ недѣль, которыя осталось имъ провести въ этомъ проклятомъ городишкѣ.

Истомленная пережитымъ волненіемъ, она легла и скоро заснула тяжелымъ, лихорадочнымъ сномъ; но успокоеніе не приходило и ей снился страшный сонъ.

Она видѣла, что площадь и сосѣднія улицы были запружены плотной, разношерстной толпой мужчинъ и женщинъ, которая бѣжала, размахивая красными флагами и вопя во все горло марсельезу; по временамъ раздавались выстрѣлы, взрывы и дикіе окрики. А Милица съ мучительной тоской металась по пустымъ комнатамъ и то искала Юрія съ Ростиславомъ, то носила сына, не находя мужа. Вдругъ снаружи донесся точно шумъ бури: слышались ревъ толпы и трескъ взломанныхъ дверей; на площади построены были баррикады и валялись трупы, а вопящая, грязная, оборванная ватага, состоявшая преимущественно изъ жидовъ, нахлынула въ комнату и стала срывать со стѣнъ образа, разбивая ихъ и топчя ногами. Въ эту минуту она замѣтила, что другая остервенѣлая шайка волочила окровавленный трупъ Ростислава съ зіяющей раной въ груди и бросила его къ ея ногамъ съ крикомъ.

— Собакъ—собачья смерть! Гляди, не спасли его твои святые, а торжествуетъ *наши* Сатана. Поклонись ему, принеси жертву на алтарь его и будешь счастлива!..

Со всѣхъ сторонъ загремѣлъ дьявольскій хохотъ, но она уже ничего не слышала, а съ раздирающимъ крикомъ бросилась къ бездыханному мужу...

Этотъ крикъ, дѣйствительно вырвавшійся во снѣ у Милицы, разбудилъ ее и Ростислава, который испугался за жену, дрожащую, какъ въ лихорадкѣ, и покрытую холоднымъ потомъ. Она послушно приняла принесенныя имъ успокоительныя капли, а на настойчивые разспросы сухо отвѣтила, что видѣла дурной сонъ.

— Завтра надо будетъ непременно послать за докторомъ; ты гораздо серьезнѣе больна, чѣмъ я думалъ,—качая головой, замѣтилъ Кромскій.

Слѣдовавшее за этимъ время было очень тяжело. Кромскій, хотя и подалъ въ отставку, но продолжалъ временно исправлять свою должность; состояніе здоровья жены крайне его беспокоило и онъ съ нетерпѣніемъ дожидался сдачи дѣлъ своему преемнику.

Милица ни на что не жаловалась и, повидимому, спокойно обсуждала съ мужемъ вопросъ объ укладкѣ и приготовленіяхъ къ отъѣзду; а между тѣмъ, худѣла день ото дня, страдала безсонницей и потерей аппетита. Ее дѣйствительно мучило гнетущее безпокойство, вызванное непобѣдимымъ дурнымъ предчувствіемъ; словно камень давилъ грудь и Милица, какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе, жадно взирающій на виднѣющуюся вдали землю, считала дни и часы оставшіяся до отъѣзда.

Такъ прошло еще три дня.

— Сегодня мой послѣдній оффиціальный выѣздъ,—сказалъ Ростиславъ, нѣжно цѣлуя жену.—Я уже сдалъ дѣла моему преемнику, который завтра вступитъ въ должность, а нынче мнѣ остается только быть на обѣднѣ по случаю царскаго дня. За то, по возвращеніи изъ церкви, я буду принадлежать тебѣ одной и мы не замедлимъ отряхнуть прахъ отъ нашихъ ногъ,—смѣялся онъ.

— Ну, слава Богу—облегченно вздохнула Милица.

По обыкновенію, она помолилась, когда уѣхалъ мужъ, а затѣмъ сѣла въ кабинетъ у окна, выходившаго на площадь. Не смотря на радостное извѣстіе, сообщенное ей Ростиславомъ, на нее нахлынула мучительная тревога; сначала она не обращала на это вниманія, потому что уже въ теченіе многихъ недѣль жила въ возбужденномъ состояніи, но ея теперешнее безпокойство дошло наконецъ до небывалыхъ размѣровъ и сознаніе приближавшейся опасности было такъ ясно, что по тѣлу пробѣгала холодная дрожь, на лбу выступалъ холодный потъ, а руки холодѣли, что и замѣтилъ Юрій, прибѣжавшій посмотреть, не пріѣхалъ ли папа Ротя.

— Тебѣ холодно, мама? Я скажу нянѣ, чтобы она принесла тебѣ платокъ.

Милица отрицательно покачала головой и отослала сына играть въ дѣтскую.

Въ это время раздался колокольный звонъ, возвѣщавшій конецъ службы, и ее неудержимо потянуло взглянуть, какъ Ростиславъ будетъ выходить изъ собора; она пошла въ свою комнату за биноклемъ. Вдругъ, на возвратномъ пути, она услышала глухой звукъ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

Милица зашаталась и бессильно прислонилась къ стѣнѣ, а бинокль выпалъ изъ рукъ; но она собралась съ силами и кинулась къ окну.

На площади была суматоха: со всѣхъ сторонъ бѣжали люди, размахивая руками, у собора собиралась огромная толпа.

Но вотъ народъ раздался и въ просвѣтъ показалась ихъ коляска, а на подножкѣ стоялъ полиціймейстеръ; множество офицеровъ и чиновниковъ,—нѣкоторые безъ пальто и шапокъ,—оказались экипажъ.

Блѣдная, какъ смерть, съ широко раскрытыми глазами, глядѣла Милица на печальное шествіе, ухватившись за бархатныя занавѣси, чтобы не упасть. Предчувствіе не обмануло ее: мѣсяцами висѣвшій надъ нею Домокловъ мечъ обрушился наконецъ ей на голову.

Встряхнувъ скованное ее оцѣпенѣніе, она кинулась черезъ прихожую на лѣстницу и выбѣжала на крыльцо какъ разъ въ ту минуту, когда экипажъ остановился у подъѣзда и нѣсколько человекъ бережно поднимали Кромскаго, лежавшаго, повидимому, безъ чувствъ и залитаго кровью.

— Ростиславъ,—отчаянно крикнула Милица и ея болѣзненный крикъ искреннимъ сожалѣніемъ отозвался въ сердцахъ присутствовавшихъ.

Не чувствуя леденящаго, зимняго холода, въ одномъ платьѣ, бросилась она къ мужу, но кто-то изъ офицеровъ ее удержалъ.

— Не трогайте раненаго, вы можете ему повредить. Не отчаивайтесь, Милица Юрьевна, онъ въ забытьѣ; но, можетъ быть, рана и не опасна. Докторъ сейчасъ будетъ, — сказалъ онъ, поддерживая запатавшуюся Милицу.

Но Милица уже оправилась и отказавшись отъ посторонней помощи, прошла за несшими мужа въ его кабинетъ, гдѣ Кромскаго уложили на диванъ, обложивъ подушками; въ ожиданіи врача, кто-то распорядился, чтобы была готова горячая вода, губки и бинты.

Милица опустила на колѣни у дивана и взяла въ свои руки безжизненную, покрытую кровью руку Ростислава. Безмолвно, безъ слезъ, прижалась она головой къ подушкѣ; сердце подсказывало ей, что все кончено: не даромъ въ теченіе недѣль она чувствовала, какъ смерть предательски караулила его, и потому пережила ужъ душевную муку настоящей, тяжелой минуты.

Словно во снѣ слышала она, какъ въ комнату входили и выходили разные люди, и кто-то шепотомъ рассказывалъ, что поймали убійцу, оказавшуюся молодой еврейкой; даже прибытіе врача и наставшее затѣмъ мертвое молчаніе не вызвали Милицу изъ забытья.

Потомъ, въ этой зловѣщей тишинѣ глухо прозвучалъ озабоченный голосъ начальника жандармскаго управленія:

— Есть ли надежда, докторъ?

— Все кончено. Пуля прошла въ сердце; смерть была мгновенна,—такъ же тихо отвѣтилъ врачъ.

Милица все не двигалась. Ей не нуженъ былъ отвѣтъ доктора, она знала, что все кончено. Въ эту минуту она даже не страдала: ей казалось, что ея сердце и мозгъ точно изъ камня, мысли путались въ головѣ, голоса присутствовавшихъ терялись гдѣ-то вдали, а сама она катилась въ мрачную пропасть.

Пришла она въ себя уже на постели; около нея суетилась съ заплаканнымъ лицомъ Марѳа, растиравшая ей лобъ и виски уксуомъ и дававшая нюхать спиртъ.

Съ трудомъ приподнялась она и прошептала:

— Гдѣ Юрій?

— Я здѣсь, мама,—отозвался изъ-за кресла мальчикъ, съ плачемъ бросаясь на шею матери.

Милица судорожно прижала его къ груди и зарыдала. Обильныя слезы благотворно подѣйствовали и разрѣшили то страшное напряженіе, отъ котораго каменѣло все внутри. Мало-по-малу наступило нѣкоторое успокоеніе и Милица рѣшительно встала.

-- Присмотри за Юріемъ, Марѳа, я пройду къ *нему*, — голосъ ея дрогнулъ.

— Погоди малость, Милица Юрьевна; теперь одѣваютъ покойника. Я тебя доложу, когда его перенесутъ въ залу.

— Нѣтъ, я иду сейчасъ,—рѣшительно отвѣтила Милица.

Тѣло клали на катафалкъ, но, увидавъ молодую вдову, всѣ вышли. Для Милицы это была тяжелая и страшная минута, когда она преклонила колѣни передъ усопшимъ и затуманеннымъ слезами взоромъ взглянула на мужа и его красивое, неподвижное лицо, на которомъ застыло страдальческое выраженіе.

Ахъ, отчего онъ не внялъ ея мольбѣ и слезамъ и не бросилъ свое неблагодарное дѣло, которое защищалъ на свою погибель? Весь городъ зналъ, вѣдь, что въ синагогѣ его приговорили къ смерти; однако, власти бездѣйствовали и пальцемъ не пошевелили, чтобы предотвратить убійство. И вотъ жидовская наглость избираетъ мѣстомъ своего гнуснаго преступленія—порогъ храма. И небо это терпитъ?

Въ душѣ Милицы закипалъ ропотъ; она сомнѣвалась въ правосудіи Божескомъ и покровительствѣ святыхъ, которые не исполнили ея горячихъ молитвъ и, словно въ насмѣшку, дали погибнуть невинному въ послѣдній моментъ его слу-

жебной карьеры. Да, небо было глухо, а адъ издѣвался надъ нимъ и чуть не ежедневно справлялъ свои кровавыя тризны.

Она долго, съ тоской въ душѣ, стояла на колѣняхъ передъ усопшимъ; а потомъ поцѣловала его холодный лобъ и руку и ушла къ себѣ. Жизнь предъявляла свои права: ей нужно было подумать о траурѣ и приготовиться къ отъѣзду. Оставаться дольше въ этомъ проклятомъ городѣ ей было невыносимо.

Одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій, сочувствовавшій Кромскому и дружившій съ нимъ, вызвался помочь Милицѣ: уложить и отправить мебель и вещи, которыхъ та не брала съ собой, и телеграфировать въ Москву, чтобы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ родовомъ склепѣ Щепинъ-Кромскихъ, была готова могила; словомъ распорядился всѣмъ, что касалось похоронъ и перевозки тѣла.

Милица приняла лишь самыхъ близкихъ знакомыхъ, устранивъ всякіе официальные приемы; про убійцу она даже не спросила. Только полиціймейстеръ, явившійся, чтобы взять разные документы, хранившіеся въ письменномъ столѣ Ростислава, и похваливая распорядительность полиціи, рассказалъ, что народъ чуть было не разорвалъ преступницу, которую съ большимъ трудомъ удалось вырвать изъ рукъ разъяренной толпы.

На лицѣ Милицы мелькнуло презрительное выраженіе.

— Разумѣется, вы сдѣлали все, чтобы охранить эту... „героиню“ отъ народнаго самосуда; надо же ей предоставить возможность совершать дальнѣйшіе подвиги. Убить *русскаго*,— это даже похвально!..

Улицы были полны народомъ, когда похоронное шествіе тронулось на вокзалъ желѣзной дороги; а въ душѣ Милицы кипѣла злоба, при видѣ плотныхъ массъ, столпившихся по пути слѣдованія, и въ числѣ которыхъ преобладали типичныя, носатыя еврейскія фізіономіи; на нихъ, казалось ей, написано было дикое торжество.

„Вся проклятая жидовская банда собралась теперь, чтобы порадоваться виду сраженаго врага и посмѣяться надъ его безсилимъ“,—думала она съ дрожью ненависти.

Сомнѣніе—страшный демонъ, порожденье Сатаны, вонзило свои когти въ ея измученную душу. А въ головѣ снова шевелился мучительный вопросъ. А развѣ есть небесное правосудіе?

Глотая слезы, съ поникшей головой, шла она за гробомъ, уносившимъ ея счастье.

Когда свистнулъ паровозъ и поѣздъ тронулся, разбитая Ми-

лица откинула голову на подушку вагона. Вдругъ ей вспомнился ея отъѣздъ изъ Креницы: тогда закончилась первая глава ея жизни и человѣкъ, котораго она покидала, искалъ смерти; теперь тотъ, кого она предпочла Беренклау, отнять у нея преступной рукой и ея будущее уничтожено. Опустѣлая, ожидавшая ея жизнь представлялась ей мрачной, зіяющей бездной; какъ будетъ она влачить свое существованіе, когда у нея еще возьмутъ и Юрія? Съ глухимъ стономъ она закрыла лицо руками и зарыдала.

Въ Москвѣ ее встрѣтили пріѣхавшіе на похороны Китти съ мужемъ, и видъ Милицы ихъ даже испугалъ, настолько она видимо была убита и больна. Китти умоляла ее посоветоваться съ врачами, но та и слышать ничего не хотѣла.

— Мнѣ нуженъ отдыхъ и ничего больше, а потому я ѣду съ вами во Всевятское, — нетерпѣливо отвѣтила она и настояла на своемъ.

На другой же день послѣ похоронъ она уѣхала съ Деревниными и поселилась въ деревнѣ на неопредѣленное время.

Однако Милица слишкомъ понадѣялась на свои силы. Нервное возбужденіе въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, и страшный ударъ, увѣнчавшій всѣ эти волненія, распаталъ ея здоровье; скоро по пріѣздѣ, у нея обнаружилась нервная горячка и жизнь ея была въ опасности.

Благодаря заботливому уходу Китти и Марен, молодая натура одержала побѣду; но выздоровленіе было тяжелое и шло медленно, потому что потрясенная душа Милицы не могла найти равновѣсія и покой. Она чувствовала себя разбитой; окровавленный трупъ Ростислава неотступно стоялъ передъ глазами и она безъ мучительной тоски не могла думать ни о прошломъ, ни о будущемъ.

Къ Рождеству, изъ Германіи прибылъ ящикъ съ игрушками для Юрія; Милица догадалась, что Беренклау отъ Китти узналъ о ея пребываніи во Всевятскомъ, но не стала никого объ этомъ спрашивать и никогда даже не упоминала про графа.

Разразившаяся неожиданно русско-японская война отвлекла ея мысли; она принялась работать на раненыхъ, щедро жертвовала на лазареты и приходила на помощь семьямъ призванныхъ подъ знамена запасныхъ. Дѣлу благотворительности она отдалась со всѣмъ пыломъ своей любящей, великодушной природы.

А съ театра войны доходили, между тѣмъ, все непріятныя вѣсти, тревожившія ее, и для разъясненія своего мучитель-

наго сомнѣнія она обратилась къ Деревнину. Но мнѣніе Дмитрія Павловича еще больше ее смутило.

— Одинъ изъ товарищей, служащій въ Портъ-Артурѣ, писалъ мнѣ только что про наши дѣла на Дальнемъ Востокѣ такія вещи, отъ которыхъ волосы встаютъ дыбомъ. Ничто не готово, укрѣпленія существуютъ только на бумагѣ, а воровство и злоупотребленія всюду прямо невѣроятныя.

— Ну, а армія?—тревожно спросила Милица.

— Да что армія! Солдаты и офицеры, какъ всегда, геройски выполняютъ свой долгъ; за то высшее начальство не многого стоитъ: его военныя доблести очень сомнительны, а стратегію оно примѣняло больше на „зеленомъ полѣ“. Впрочемъ, все это вы прекрасно знаете по рассказамъ покойнаго Ростислава Ивановича. Такъ что же подѣлаетъ армія, когда ея будутъ плохо командовать? Но вѣдь возможна и измѣна!.. А продажность? Развѣ когда нибудь хищенія во флотъ и арміи достигали такихъ сказочныхъ размѣровъ? Сотни милліоновъ, назначенныя на вооруженіе, разошлись по карманамъ актрисъ и танцовщицъ.

Деревнинъ сердито махнулъ рукой. Милица молчала и уныло опустила голову.

Будь Милица менѣе поглощена своимъ внутреннимъ разладомъ и душевной усталостью, которая все еще гнала ее, она, конечно, замѣтила бы, какая странная и неблагоприятная перемена произошла въ настроеніи окрестнаго населенія: что то лукавое и враждебное вѣяло отъ крестьянъ, а среди заводскихъ рабочихъ появился деракій, глумливый тонъ по поводу поражений и несчастій, слѣдовавшихъ безъ перерыва на театрѣ военныхъ дѣйствій, и по адресу правительства сыпались оскорбительныя нападки. Настроеніе Деревнина становилось все озабоченнѣе и пасмурнѣе, но и это ускользнуло отъ ея вниманія.

Такъ прошло лѣто и часть осени. Наконецъ, навѣщавшій Милицу врачъ заговорилъ о необходимости перемены мѣста и развлеченій въ новой обстановкѣ, если Милица не желаетъ впасть въ полный маразмъ въ своемъ уединеніи; но она не желала слушать убѣжденій доктора и Деревнинныхъ, пока имъ не прибыло подкрѣпленіе въ лицѣ графини Юрасовой, пріѣхавшей отъ себя и отъ имени мужа,—бывшаго опекуна Милицы,—перевезти ее на зимній сезонъ въ Петербургъ.

— Ужь ты не собралась ли хоронить себя въ двадцать пять лѣтъ? Мы этого не допустимъ,—напала на нее графиня.—Трауръ твой оканчивается черезъ шесть-семь недѣль, ты по-

плакала, ну и довольно. Тебѣ необходимо разсѣяться и видѣть людей; а шить на раненыхъ ты можешь тамъ такъ же, какъ и здѣсь.

Милица наконецъ сдалась, перебралась въ ноябрѣ въ Петербургъ и, уступивъ просьбамъ Юрасовыхъ, поселилась у нихъ. Графъ занималъ громадную казенную квартиру и для Милицы было приготовлено особое помѣщеніе съ отдѣльнымъ входомъ, состоявшее изъ спальни, будуара, комнатъ Юрія съ Мареой и гардеробной, гдѣ спала горничная.

Съ самаго пріѣзда, графиня стала возить Милицу по выставкамъ, благотворительнымъ базарамъ и портнихамъ, найдя что платья Милицы старомодны и что ей необходимо запастись полу-траурными туалетными. И Милица была довольно послушна; однако, появляться на большихъ вечерахъ отказалась наотрѣзъ и бывала лишь въ интимныхъ кружкахъ близкихъ знакомыхъ.

На первыхъ же порахъ, Милицу поразило, что тонъ въ салонѣ графини Юрасовой былъ ужъ не тотъ, что прежде, и собиравшееся у нея общество оказалось до нельзя смѣшаннымъ.

У Юрасовыхъ были три сына и дочь, но кромѣ того, при нихъ жилъ родственникъ графа Алексѣя, студентъ. Старшій изъ сыновей учился въ политехникумѣ, второй въ гимназій, а младшій и дочь ходили въ модные пансіоны. Кромѣ того въ домѣ жили неизбѣжныя французенки и англичанки.

Графиня Марья была свѣтской женщиной, любившей веселиться, наряжаться и слѣдить за модой, не только въ туалетахъ, но и въ возрѣніяхъ. Добрая, любезная и гостепріимная, но вовсе лишенная здраваго смысла и силы характера, дающихъ независимость мнѣній, Юрасова поддавалась вліянію всякаго теченія, казавшагося ей интереснымъ и, главное, новымъ, особенно если оно не стѣсняло ее, не тревожило ея покой и не нарушало ея благодушія.

Въ настоящую минуту, въ Петербургѣ въ модѣ былъ „либерализмъ“—самый безтолковый. Отъ пивной до великосвѣтскаго салона, русскимъ „интеллигентнымъ“ людямъ было почти обязательно: осмѣивать армію, ругать правительство, отречься отъ вѣры и державныхъ правъ своего народа, и въ то же время, благоговѣть передъ истинно польскими, еврейскими, финскими и т. п. патриотами. Малѣйшее сомнѣніе въ пользѣ и осмысленности *такого* „освободительнаго“ движенія клеймилось отсталостью и ретроградствомъ.

Подъ вліяніемъ духа времени и окружающей среды, Марія

Львовна сдѣлалась *сверх*-либералкой, и стояла за равноправіе. Позабывъ прежнюю щепетильность и чопорность, она открыла двери своего дома самому разношерстному люду, приводимому племянникомъ студентомъ; а занятый службой графъ, когда бывалъ свободенъ, любилъ позабавиться винтомъ на своей половинѣ, давая полную свободу женѣ принимать кого ей угодно.

Какъ тонъ, такъ и предметы разговора этого общества въ высшей степени не понравились Милицѣ.

Воспитанная въ иныхъ убѣжденіяхъ, она болѣла душой за неудачи на Дальнемъ Востокѣ; каждый ударъ, нанесенный русскому оружію, оскорблялъ ея національное самолюбіе и она негодовала, слыша, какъ люди, считавшіе себя *русскими*, поносили свой народъ, радовались его поражению и превозносили побѣды японцевъ.

Затѣмъ настали грустные, кровавые январскіе дни 1905 г., съ сопровождавшими ихъ забастовками. Милица была глубоко огорчена общественнымъ разбродомъ; у нея самой даже было непріятное столкновеніе во время этихъ беспорядочныхъ дней.

Какъ-то на возвратномъ пути изъ Александро-Невской лавры, гдѣ схоронены были отецъ и дядя, ея экипажъ былъ остановленъ толпой, запрудившей во всю ширину улицы и состоявшей изъ студентовъ, гимназистовъ, дѣвицъ еврейскаго облика и простого народа; въ толпѣ развѣвались красныя тряпки, слышались крики и насмѣшки. Милица привстала въ коляскѣ, чтобы лучше видѣть происходившее, и возмутилась, замѣтивъ, какъ кучка молодежи стащила съ извозчика и падѣвается надъ какимъ-то старенькимъ отставнымъ военнымъ, чему неистово апплодировали остальные.

— Какъ вамъ не стыдно, негодяи, глумиться надъ старикомъ,—крикнула она своимъ звучнымъ голосомъ.

Къ счастью, что лишь стоявшіе вблизи разслышали ея слова, но и то съ десятокъ оборванцевъ окружили экипажъ, осыпали ее руганью, потрясали кулаками, а кто-то даже выстрѣлилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась бы вся эта исторія, если бы на сцену не появились казаки; кучеръ въ эту минуту воспользовался замѣшательствомъ въ толпѣ, повернулъ и погналъ лошадей. Тѣмъ же менѣе, какой-то мазурикъ успѣлъ всетаки вскочить на подножку, стянулъ съ Милицы соболій воротникъ и вырвалъ изъ рукъ мѣшочекъ.

Дома Милицу встрѣтили выговоромъ за то, что она вмѣшалась не въ свое дѣло, и пояснили, что благородные народные порывы переходятъ, естественно, въ крайности.

Милица, можетъ быть, и уѣхала бы отъ Юрасовыхъ, настолько ей все было противно въ ихъ домѣ, если бы ее не удерживала признательность за окружавшее ее радушное гостепріимство. Тѣмъ не менѣе, какъ-то послѣ одного вечера, когда приглашенные превзошли себя въ извращеніи разнаго рода понятій, національныхъ, общественныхъ и гуманитарныхъ,—она не выдержала.

— Твой салонъ, *chère Marie*, обратился теперь въ клубъ анархистовъ,—насмѣшливо замѣтила Милица.

— Ну, ты слишкомъ пристрастна и напичкана архаическимъ патріотизмомъ. Вѣдь правда же, что у насъ все ничего не стоитъ и если не вырвать теперь у правительства свободу, то бюрократія насъ окончательно задушитъ. Конечно, есть и горячія головы, но считать всю сочувствующую „освободительному“ движенію интеллигенцію за анархистовъ—не годится...

— Ты думаешь? Тогда за кого же прикажешь считать твоихъ гостей, за сумасшедшихъ или за предателей? Какой же *честный* русскій человекъ можетъ стремиться къ расчлененію, разоренію и униженію своей родины? Какая нужна духовная нищета, чтобы осмѣлиться рукоплескать безобразнымъ и жестокимъ убійствамъ, вродѣ убійства великаго князя Сергія Александровича и его несчастнаго кучера, напрімѣръ, не говоря про остальные избіенія, ежедневно заливающія кровью страну, которымъ явно или тайно сочувствуютъ твои новые знакомые? Вѣдь сегодня еще профессоръ Ракѣевъ провозглашалъ, что подобная „охота на людей“—извинительна, какъ политическая необходимость, и что надо лишь „использовать эту кровь для освободительнаго движенія“. Какое гуманистъ! Впрочемъ, такая дикость возрѣвній, съ его стороны, меня не удивляетъ; сей ученый мужъ, чѣмъ былъ, тѣмъ и остался: „*опрокинутымъ шкапомъ съ книгами*“, какъ справедливо называлъ его Ростиславъ. Ну, а твой *геніальный* Гордѣй Юльевичъ развѣ не доказывалъ, съ пѣной у рта, что залогъ процвѣтанія Россіи—въ равноправіи евреевъ, какъ лучшаго въ Россіи культурнаго элемента,—и въ переустройствѣ страны на федеративныхъ началахъ. Пойми, что это говорилъ не какой-нибудь недоучившійся студентикъ или завравшійся адвокатъ, а *самовникъ* въ нѣкоторомъ родѣ. Хорошъ, впрочемъ, и свихнувшійся „*рюриковичъ*“, требовавшій уничтоженія арміи и церкви, подъ тѣмъ предлогомъ, что обѣ эти силы содѣйствуютъ поддержанію въ человѣчествѣ такихъ вредныхъ „*обмановъ*“, по его мнѣнію, какъ *религія* и *патріотизмъ*, а сверхъ того, состоятъ на откупѣ у капитализма, чтобы держать въ рабствѣ проле-

тариать. Я положительно сочла себя среди умалишенныхъ, или во всякомъ случаѣ, людей, потерявшихъ *государственный* разумъ и позабывшихъ самый смыслъ „отечества“.

— Ахъ, *ma chère!* Всѣмъ ты возмущаешься, всегда у тебя какіе-то расовые или національные предрасудки, а я такъ не понимаю, почему всѣ народности не могутъ одинаково хозяйничать въ Россіи и отчего ты требуешь, чтобы остановили наплывъ иностранцевъ къ намъ, или даже захватъ ими нашей территоріи, разъ они вносятъ порядокъ и культуру въ нашу непроглядную дичь? Слава Богу, Россія достаточна велика и мѣста для всѣхъ хватитъ. Въ сущности, развѣ не все равно—будемъ ли мы имперіей, федераціей, или даже частью Германіи,—лишь бы всѣ были счастливы? А затѣмъ, твоя ненависть къ евреямъ; вѣдь, это—чувство противохристіанское, не культурное. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, возлагать отвѣтственность на цѣлый народъ изъ-за какой-то психопатки, убившей Ростислава Ивановича. Сумасброды и преступники вездѣ есть; въ массѣ же, несчастный, гонимый еврейскій народъ заслуживаетъ нашей полной симпатіи, а когда евреи получаютъ одинаковыя съ нами права, это будутъ самые дѣятельные, интеллигентные и честные люди.

— Я не могу возвыситься до подобнаго преступнаго безразличія въ вопросѣ о сохраненіи нашей національной самобытности. Напротивъ, я считаю подобное отношеніе величайшимъ предательствомъ родного народа, охрана правъ котораго лежитъ на обязанности просвѣщенныхъ классовъ, и думаю, что народъ можетъ требовать отъ образованнаго общества строгаго отчета, какъ соблюдались его интересы, а вы—„интеллигенты“ собрались продавать ихъ инородцамъ за чечевичную „освободительную“ похлебку. Тяжкій грѣхъ у русскаго общества передъ родиной! вмѣсто того, чтобы явиться *живой*, трезвой силой, оно утратило народное и государственное самочувствіе и способно только идти на помочахъ у жидовъ, ловящихъ рыбу въ мутной водѣ. Все истинно русское: вѣра, историческій и бытовой укладъ, высокіе, культурные идеалы и міровое призваніе своего народа—все чуждо нашей себялюбивой „интеллигенціи“. Посмотри, какъ она оторвана и стоитъ особнякомъ. Публика беззавѣтно пируетъ, веселится и наполняетъ театры, въ то время, когда на Дальнемъ Востокѣ льются рѣки русской крови, а слава и величіе родины гибнетъ... Даже извѣстіе о Мукденскомъ и Цусимскомъ бояхъ не образумило это равнодушное, пошлое стадо...

Откровенный смѣхъ собесѣдницы остановилъ ее.

— Дорогая Милица, ты—неисправима! Ну что общаго между театромъ и войной. Если наша негодная бюрократія подготовила намъ поражение, что-жъ мы-то можемъ подѣлать? Не жить же намъ крестинами, по этому случаю. Ты просто нервничаешь и видишь все въ мрачномъ свѣтѣ, потому что перенесла тяжелое горе, потерявъ мужа; но, надѣюсь, что все это скоро измѣнится,—съ многозначительнымъ видомъ закончила Марья Львовна.

На намекъ графини Милица даже не обратила вниманія, настолько она была разстроена впечатлѣніемъ минувшаго вечера, и ихъ разговоромъ. Возражать-же не стоило: онѣ говорили на разныхъ языкахъ, и Милица замолчала, съ горечью въ душѣ, думая, что Ростиславъ погибъ въ непосильной борьбѣ за безнадежное русское дѣло. Не былъ ли онъ донъ-Кихотомъ среди этой нищей духомъ толпы?

Нѣсколько дней спустя, у Юрасовыхъ снова были гости и Милица занимала, по просьбѣ хозяйки, какую-то сановную старушку; въ это время къ ней подошла графиня со словами:

— Милица, старый знакомый проситъ позволенія тебя приѣхать.

Та обернулась и съ удивленіемъ увидала передъ собой князя Игоря Загарина.

— А, это вы, князь,—равнодушно сказала она, протягивая ему руку.

Поговоривъ немного, Загаринъ отошелъ, но весь вечеръ не сводилъ съ Милицы глазъ и никогда не казалась она ему столь обаятельна, какъ въ эту минуту, хотя она вся была другая: ея красивые и веселые, прежде, глаза ужъ больше не смѣялись, а выраженіе рта очерчено было строгими, горькими складками.

Съ этого вечера Загаринъ зачастилъ къ Юрасовымъ, ни мало не скрывая, что притягивавшимъ его магнитомъ была Милица.

Графиня покровительствовала, какъ будто, ухаживанію князя и выхваляла его Милицѣ, рассказывая, что Игорь остепенился, состоитъ на отличномъ счету у начальства и что онъ до сихъ поръ оплакиваетъ свое пагубное увлеченіе Яниной, разбившей его счастье.

Похвалы эти однако не трогали Милицу; наоборотъ одинъ видъ князя уже будилъ тяжелыя воспоминанія, а его ясный планъ даже возмущалъ ее. Наружно она была съ Загаринимъ любезна, хотя очень холодна и сдержанна; но князь упорно продолжалъ ухаживать и видимо не отчаивался, за то графиня сгорала отъ нетерпѣнія.

— Послушай, — спросила какъ-то разъ Марья Львовна, оставшись вдвоемъ съ Милицей, — когда наконецъ кончится эта жестокая игра съ Игоремъ? Вѣдь на мученія бѣдняги жалко смотрѣть; а въ прочности его чувствъ ты не можешь сомнѣваться, потому что вотъ уже сколько лѣтъ прошло со времени вашего разрыва, а онъ все вѣренъ тебѣ и не женился. Раскаяніе, конечно, вполне искупило грѣхъ юности, а я не могу повѣрить, чтобы ты въ двадцать пять лѣтъ обрекла себя на вѣчное вдовство. Было бы безуміемъ вѣчно оплакивать Ростислава и, право, всего лучше для тебя выйти за князя. Молодая, красивая и богатая женщина нуждается въ защитникѣ, да и Юрію необходима твердая, мужская рука для воспитанія.

Милица презрительно улыбнулась и пожала плечами.

— Неужели Загаринъ настолько глупъ, чтобы думать, будто прошлое можетъ быть когда-нибудь забыто? Я не хочу сомнѣваться въ искренности его раскаянія, но довѣрія онъ мнѣ не внушаетъ. Человѣкъ, способный на то, что продѣлалъ онъ въ день нашей помолвки, можетъ всегда, при случаѣ, увлечься и надѣлать гадостей въ иномъ родѣ. Поэтому я не въ состояніи выйти замужъ за такого человѣка. Юрія же будетъ воспитывать родной отецъ, а ужъ онъ преподастъ ему хорошій примѣръ и сдѣлаетъ изъ него человѣка совсѣмъ иного закала, чѣмъ князь.

— Ого! Какой гимнъ Беренклау! Я начинаю подозрѣвать, что ты жалѣешь о разводѣ съ нимъ и что онъ остался твоимъ идеаломъ.

Милица улыбнулась.

Разумѣется, у графа больше основаній быть идеаломъ. Но оставимъ его въ покоѣ. Графъ — выше всякихъ насмѣшекъ и для меня онъ, прежде всего, отецъ Юрія.

Пребываніе у Юрасовыхъ день ото дня тяжелѣе становилось Милицѣ, не столько изъ-за настойчивыхъ преслѣдованій князя Загарина, порождавшихъ частыя размолвки съ графиней Маріей Львовной, — сколько, главнымъ образомъ, изъ-за Юрія.

Она испугалась того вреднаго вліянія, которое оказывало на ея сына общество младшихъ Юрасовыхъ, Зины и Коли, — первая девяти, а второй одиннадцати лѣтъ. Разъ вечеромъ Юрій отказался молиться.

— Ахъ, мамочка, да вѣдь Бога же нѣтъ; все это — глупый предрасудокъ, да и образа — только раскрашенный кусокъ дерева, не больше.

За такія рѣчи Юрій впервые былъ отшлепанъ матерью и тогда, заливаясь слезами, сознался, что заимствовалъ „новыя идеи“ отъ Коля и его пансіонскаго товарища Ильюши Винштока, который всегда насмѣхается надъ православною вѣрой и священниками, а что святыхъ нѣтъ и что они защитить себя не могутъ, онъ вбилъ гвозди въ глаза иконы св. Серафима. Возмущенная Милица запретила сыну выходить изъ своей комнаты, когда Коля будетъ приводить негоднаго жиденка.

За нѣсколько дней до приведеннаго разговора Милицы съ графиней Марьей Львовной, Юрій сталъ приставать къ матери, чтобы его отдали въ пансіонъ, гдѣ, по его словамъ, было очень весело. Недавно ученики ходили на сліяніе въ сосѣднюю гимназію, гдѣ бастовали гимназисты, и Коля съ восторгомъ рассказывалъ, какъ братъ его, Анатолий, учившійся въ этой самой гимназіи, помогалъ бить стекла и мебель и освистывать учителей. Затѣмъ они отправились помогать въ женскую гимназію, гдѣ такъ же буянили, рвали книги и тетради и устроили, сверхъ того, химическую обструкцію. Окончивъ свои подвиги „освободители“ торжественно, съ пѣніемъ марсельезы возвратились обратно. Юрій, которому не было еще шести лѣтъ, но по росту и умственному развитію казавшійся гораздо старше, настроился очень воинственно. Въ подтвержденіе своего „либеральнаго направленія“ и „оппозиціи установленному порядку“, онъ залилъ чернилами платье гувернантки и растрепалъ книгу басенъ подъ предлогомъ того, что Лафонтенъ—старый пошлякъ и что учить наизусть его басни не стоитъ, а m-lle Franchet—„преарѣнная бюрократка“, которой онъ учинить химическую обструкцію, если та посмѣетъ только жаловаться *tata*.

Юрасову этотъ эпизодъ размѣшилъ до слезъ, но Милица рѣшила уѣхать; она не могла допустить, чтобы заразили душу ея ребенка, а въ тоже время она освободится и отъ князя Загарина, который какъ будто сторожилъ случай сдѣлать ей формальное предложеніе.

Шла весна и Юрасовы стали поговаривать о деревнѣ; этимъ обстоятельствомъ воспользовалась Милица и въ одно прекрасное утро объявила, что ѣдетъ въ Москву, гдѣ въ одномъ изъ домовъ долженъ былъ производиться капитальный ремонтъ и ей необходимо на мѣстѣ провѣрить смѣту. Засимъ, она думала проѣхать въ Крымъ и провести полтора, два мѣсяца на своей дачѣ въ Ялтѣ, а оттуда, если все будетъ спокойно, — отправиться во Всесвятское.

Противъ послѣдняго пункта намѣченной программы возстали Юрасовы, находя, что поѣздка въ имѣнье сопряжена съ опасностью попасть на безпорядки; но Милица стояла на своемъ, говоря, что не ожидаетъ волнений среди своихъ крестьянъ и, вообще, не боится никакихъ съ ихъ стороны непріятностей. На зиму она обѣщала вернуться, но въ душѣ заранѣе уже твердо рѣшила этого обѣщанія не исполнять.

Наканунѣ ея отъѣзда, утромъ, совершенно неожиданно явился Загаринъ. Милица одна сидѣла въ маленькой гостиной.

— Вы уважаете, Милица Юрьевна?—растерянно спросилъ князь.

— Да, дѣла вызываютъ въ Москву,—холодно отвѣтила она.

Игорь вдругъ схватилъ ея руку и сталъ умолять ее забыть прошлое, простить и вернуть ему то счастье, которое онъ потерялъ по своему безразсудству; онъ клялся, что будетъ ея рабомъ и посвятить свою жизнь, чтобы сдѣлать ее счастливой.

Милицѣ эта сцена была очень непріятна; она волновалась, но старалась овладѣть собой.

— Нѣтъ, князь, я не могу быть вашей женой,—твердо отвѣтила она, отнимая руку, которую князь покрывалъ поцѣлуями.—Я не могу забыть той минуты, когда Осѣцкая стрѣляла въ васъ. Ваша измѣна сломала мою судьбу, толкнувъ меня совсѣмъ по иному пути, и была причиной многихъ тяжелыхъ въ моей жизни осложненій. Всѣ тѣ слезы, которыя я выплакала въ послѣдствіи, встаютъ теперь между нами. А, кромѣ того, я—не свободна: у меня есть сынъ, которому я права не имѣю давать новаго отчима.

— Возвратите его Беренклау. Богъ пошлетъ намъ еще дѣтей,—стремительно возразилъ Игорь.

Милица смѣрила его холоднымъ взглядомъ.

— Вы не подумали, князь, о томъ, что сказали. Я ужъ не та юная и наивная дѣвушка, какой вы меня знали, чтобы восторгаться такими сомнительными перспективами. Но вы вынуждаете меня откровенно сказать, что я никогда не выйду за васъ замужъ потому, что не люблю васъ и, простите,—не уважаю.

Загаринъ поблѣднѣлъ, молча всталъ и, не прощаясь, почти бѣгомъ бросился изъ комнаты; минуту спустя слышно было, какъ отъѣхалъ его экипажъ.

Милица облегченно вздохнула. Князь не внушалъ ей ничего иного, кромѣ презрѣнія и недовѣрія пополамъ съ старой противъ него злобой; она была рада, что теперь навсегда отъ него избавилась.

На слѣдующій день она уѣхала, послѣ довольно холоднаго прощанія съ графиней Марьей Львовной, видимо разсерженной неудачей своего двоюроднаго брата.

XX.

Проведя спокойно лѣто въ Крыму, Милица въ началѣ сентября отправились въ имѣнье и, проѣздомъ въ Всесвятское, прибыла въ Екатеринославъ. Ее очень беспокоило отсутствіе писемъ отъ Деревнина; а между тѣмъ, въ гостинницѣ она услышала, что въ губерніи неспокойно, а многія извѣстныя ей усадьбы, отдаленныя, впрочемъ, отъ Турова, были сожжены и разграблены. Милица рѣшила ѣхать въ Всесвятское пока одна, оставивъ Юрія на нѣсколько дней подъ присмотромъ Марфы; въ виду тревожнаго времени, было лучше, чтобы ребенокъ былъ въ безопасности. Пославъ телеграмму о высылкѣ ей на станцію экипажа, она уѣхала. Милица намѣревалась, между прочимъ, серьезно переговорить съ Дмитріемъ Павловичемъ о положеніи дѣлъ и, если онъ найдетъ нужнымъ, увезти съ собой Китти и дѣтей, а не то самой остаться въ деревнѣ на зиму и лѣто.

Прибывъ на мѣсто, заказаннаго экипажа Милица однако не нашла, что ее удивило; а полученныя свѣдѣнія, будто накануне въ ея имѣньи были крупныя беспорядки и вызывались войска, еще болѣе ее встревожили. Подробности пока еще не выяснились, но начальникъ станціи горячо отсовѣтывалъ ѣхать въ Турово, чтобы не попасть въ самый разгаръ мятежа.

Милица ничего не хотѣла слышать; въ ней пробудилась вся ея прежняя энергія: она должна была знать, сколько правды во всѣхъ этихъ розсказняхъ, а въ случаѣ, если слухи были вѣрны, то Деревнины подвергались опасности. Фабричныя, по ея соображеніямъ, еще могли буйствовать, но ей не вѣрилось, чтобы крестьяне поднялись и пошли противъ нея. Словомъ, ей необходимо было знать истину.

Нанявъ экипажъ и надежныхъ людей верхомъ, въ провожатые, она пустилась въ путь.

На первыхъ же порахъ Милица замѣтила, что ея возница нерѣдко забиралъ въ сторону, избѣгая селеній, что значительно удлиняло дорогу; кромѣ того, ей пришлось потерять много времени на наемъ экипажа и конвоя. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы прибыть въ имѣнье въ восемь-десять

часовъ вечера, она ѣхала всю ночь и уже занималса заря, когда она подъѣзжала къ Всесвятскому. По дорогѣ она нагнала полусотню казаковъ подъ начальствомъ офицера, возвращавшуюся изъ Турова, и, мучимая неизвѣстностью, приказала остановиться, чтобы освѣдомиться о происходившемъ.

Узнавъ, кто она, сотникъ отнесся къ ней съ участіемъ.

— Произошли ужасныя вещи и мы, къ сожалѣнію, явились слишкомъ поздно, чтобы предотвратить несчастье. Первый, посланный вашимъ управляющимъ гонецъ былъ убитъ, а второй тоже едва добрался, но запоздалъ. Позвольте все-таки, сударыня, сопровождать васъ до мѣста.

Тщетно искала глазами Милица обширныя и многочисленныя постройки Всесвятскаго: риги, конюшни, скотный дворъ и т. д. На ихъ мѣстѣ было дымившееся пожарище; стояли лишь однѣ почернѣвшія отъ огня каменныя стѣны господскаго дома, за то снаружи и внутри его все было разорено: окна и двери выбиты, полы и потолки обрушились. Среди развалинъ виднѣлись безобразныя кучи мусора, обломки мебели и статуи, лоскутья картинъ и обрывки драпировокъ.

Милица поблѣднѣла и съ содроганіемъ, молча смотрѣла на эту страшную картину разрушенія; но самое ужасное зрѣлище ждало ее впереди.

То былъ раздавленный и безпощадно изувѣченный скотъ валявшійся въ опустошенномъ паркѣ и сосѣднихъ съ нимъ поляхъ.

— Господи Боже мой! Да вѣдь это-же не люди! Надо быть дикимъ звѣремъ, чтобы продѣлывать такія мерзости, — глухо пробормотала Милица, берясь руками за голову. — Но что случилось съ Деревнинными? — спросила она у казачьяго офицера.

— Деревнинъ заперся въ Туровѣ съ вѣрными дворовыми и, какъ говорятъ, стойко защищался. Можетъ быть, ему и удалось бы отбиться отъ грабителей, не будь онъ опасно раненъ; хотя онъ все-таки спасся и находится съ семьей въ Шарлотенталѣ. А Турово, увы, выжжено до тла.

Милица хотѣла непременно видѣть все, ее охватило лихорадочное возбужденіе.

Отъ обоихъ заводовъ не осталось ничего: зданія, машины, матеріалы—все было исковеркано, растащено или уничтожено. Въ Туровѣ забавлялись, видимо, систематическимъ истребленіемъ имущества: обширная библіотека Валеріана Петровича представляла на дворѣ дымившійся костеръ, а великолѣпная коллекція древней керамики была разбита въ дребезги; но самое омерзительное, какъ и во Всесвятскомъ, представляли

утопленныя и передушенныя овцы, изуродованныя коровы съ распоротымъ брюхомъ и заживо ободранныя и сожженныя лошади.

Здѣсь она нашла одного изъ помощниковъ управляющаго и отъ его разсказа волосы вставали дыбомъ.

— Это все—дѣло рукъ Кукермана, да попа Агафангела; оба эти негодяя подготовили и натравляли фабричныхъ, а тѣ уже подняли крестьянъ. Все было пьяно-распьяно; они разграбили погреба, а что не могли выпить, разливали на землю; многіе живьемъ сгорѣли, такъ были пьяны.

Затѣмъ онъ описалъ отчаянную оборону Дмитрія Павловича, которому только случай помогъ спастись съ семьей.

— По наущенію смутьяновъ, мужики и говорятъ: „Нонѣ, моль, *ограбное* движеніе. Какъ мы, значить, дочиста усадьбу всю пообчистили, теперь барыня продастъ землю дешево; ужъ здѣсь ей болѣе дѣлать нечего, потому на голой землѣ ей не сидѣть. А намъ только это и требовалось“.

Милица ничего не отвѣтила; у нея слова не шли съ языка отъ охватившаго ее чувства гадливости и отвращенія при видѣ тупой, животной злобы этихъ *дикарей*, которые, мало того, что отплатили чудовищнымъ произволомъ за ея ласку и благодѣянія, но и сами лишились заработка въ имѣньи и на заводахъ, а главное, звѣрски бессмысленно замучивали и избивали несчастныхъ животныхъ.

Наконецъ томительный объѣздъ Милицы закончился и ея тарантасъ остановился у дома колониста, гдѣ укрылись Деревнины. Шарлотенталь былъ не тронуть и видъ его царившаго спокойствія и благоустройства, послѣ только что видѣннаго разгрома, тоскливо отозвался въ ея сердцѣ.

Въ первой комнатѣ, у окна, забились дѣти, не оправившіеся отъ испуга, и радостными криками встрѣтили Милицу; въ ту же минуту въ дверяхъ показалась Китти и съ рыданьемъ бросилась ей на шею. Бѣдная женщина постарѣла въ нѣсколько дней; платье было перемято, волосы въ беспорядкѣ и вся она казалась тѣнью прежней, жизнерадостной Китти.

Милица утѣшала ее, какъ могла, но сама не пролила ни слезинки; она все дѣлала, какъ во снѣ, и лишь сильное возбужденіе поддерживало ее на ногахъ. На вопросъ о здоровьѣ мужа, Китти отвѣтила, что докторъ подаетъ надежду, но что выздоровленіе пойдетъ медленно и что ранѣе мѣсяца раненаго перевозить будетъ нельзя.

— Да и куда ѣхать? У насъ все сгорѣло или разграблено, и остались мы въ томъ, что на насъ было, безъ бѣлья, безъ платья... О, Господи!—и она снова зарыдала.

— Не тревожься! Я же не покину тебя въ несчастіѣ; благодаря Бога, что мужъ живъ остался. Только бы онъ выздоровѣлъ; я поручу ему управленіе моими домами въ Москвѣ и дамъ хорошенькую квартиру.

Она навѣстила раненаго, бывшаго въ полномъ сознаніи, хотя крайне слабаго. Обѣщаніе Милицы устроить ихъ дальнѣйшую судьбу очень обрадовало Дмитрія Павловича. Китти она дала, на первое время, триста рублей, — потому что не захватила съ собой больше, надѣясь получить въ Туровѣ значительную сумму, оказавшуюся потерянной.

Милица чувствовала себя разбитой и была не въ силахъ тотчасъ же вѣхать обратно, а потому рѣшила устроиться на ночь кое-какъ въ тарантасѣ; но пришелъ пасторъ и любезно пригласилъ переночевать къ себѣ въ домъ, гдѣ его жена приготовила уже для нея комнату.

Милица съ благодарностью приняла приглашеніе и съ облегченнымъ сердцемъ вошла въ уютный, гостепріимный домъ пастора.

За чайнымъ столомъ разговоръ зашелъ о безпорядкахъ во Всесвятскомъ и вообще объ анархіи, охватившей страну.

— Да, тяжелое время мы переживаемъ. Вѣдь вы потеряли, по крайней мѣрѣ съ полъ-милліона. Жестокій ударъ! — со вздохомъ замѣтилъ пасторъ и затѣмъ продолжалъ: — Вы всегда были нашей противницей, сударыня; насъ со всѣхъ сторонъ ругаютъ и всѣ кричатъ, будто мы угнетаемъ бѣдное крестьянство. Предположимъ, что это такъ; но отчего же тогда вы, г. Деревнинъ и другіе *патріоты*, терпите подобное явленіе въ собственной странѣ, а не прощели вмѣсто кажущагося „угнетенія“ допустить естественное превосходство *культуры*? Вы всѣ несомнѣнно желаете блага вашей родинѣ. Но, во первыхъ, одного *желанія* мало; весь адъ, говорятъ, вымощенъ добрыми намѣреніями; а во вторыхъ, много ли васъ? Тогда въ чемъ же наша сила? А я вамъ скажу: мы пришли къ ясному сознанію необходимости *единенія*, а ваше общество — нѣтъ, и потому вы работаете въ разбродъ, чуждые своему народу; затѣмъ, у васъ нѣтъ *порядка, нравственной дисциплины и настойчивости въ трудѣ*. Согласитесь, что во времена Либермана, — хоть онъ былъ и мошенникъ, — а ничего подобнаго во Всесвятскомъ не могло бы быть; онъ умѣлъ держать порядокъ и кулакъ у него былъ для этого желѣзный.

— Что вы говорите, г-нъ пасторъ? Либерманъ погибъ жертвой возмущенія, вызваннаго его же злоупотребленіями.

— Нѣтъ. Либермана сдѣлала мошенникомъ легкость на-

живы; у насъ онъ такимъ бы не былъ. Теперь же вы отворили клѣтку, и дикій звѣрь пожралъ сперва своихъ стражей, а потомъ и освободителей. Это грустная истина: вашъ темный и дикій, — не по своей, правда, винѣ, — народъ не дозрѣлъ до свободы, у него даже нѣтъ полного представленія о правѣ и справедливости; а между тѣмъ, революціонеры сбиваютъ его съ толку, дразнятъ подачками и подбиваютъ на преступленія. Вотъ онъ и вообразилъ себѣ, что, продѣлывая безчинства, творить, будто, правосудіе.

Слова пастора глубоко запали въ правдивую душу Милицы.

На слѣдующій день Милица уѣхала. Ей было невыразимо тяжело, когда она въ раздумьи просталась съ развалинами стараго, семейнаго гнѣзда, полного для нея дорогихъ воспоминаній. По дорогѣ на станцію, ей попались на встрѣчу нѣсколько человѣкъ крестьянъ и тѣ какъ-то стыдливо отвѣщивали ей поклоны, но Милица даже не кивнула имъ въ отвѣтъ, — такое они ей внушали отвращеніе.

Выславъ изъ Екатеринослава Деревнинимъ деньги, бѣлье, и платье, Милица проѣхала въ Петербургъ, гдѣ и поселилась временно въ меблированной квартирѣ. Юрасовы проводили лѣто въ своемъ воронежскомъ имѣннѣ, а Матильда Фердинандовна устроилась окончательно близъ Митавы, у Аппельдорновъ.

Милица жила уединенно и въ апатично подавленномъ настроеніи; даже вѣрная Марфа не въ состояніи была ее утѣшить; потому что все еще не могла оправиться послѣ потрясенія, вызваннаго извѣстіемъ о разрушеніи Всесвятскаго и Турова, — извѣстіемъ, стоившимъ ей перваго въ жизни обморока.

Политическій горизонтъ заволакивался тучами. Стачки, забастовки, кровавыя столкновенія и убійства шли другъ за другомъ безъ перерыва; воцарялась дикая анархія, готовая все уничтожить, все смести и сравнять съ лицомъ земли.

Обнаглѣвшая „освободительная“ пресса не знала предѣла своему безстыдству, въ буквальномъ смыслѣ *освобождая* своихъ читателей отъ понятій объ истинной свободѣ и произволѣ, гражданскомъ долгѣ, чести родины и ея насущныхъ нуждахъ. Трусоватое безвольное правительство, казалось, само себя упразднило и слухи, самыя чудовищныя, носились въ обществѣ, держа въ страхѣ мирную, но малодушную часть населенія.

Ходившіе по городу рассказы и толки достигали Милицы и вызывали опасеніе за остальную часть ея состоянія. Если она лишится капитала, лежащаго на храненіи въ банкѣ, если

сожгутъ или начнутъ бомбардировать дома, ей грозила нищета и не ей одной; Юрій тоже лишень будетъ состоянія, на которое имѣеть право.

Она не знала, что дѣлать и у кого спросить совѣта; а ея тревожное настроеніе и постоянные переходы отъ возбужденія къ тоскѣ и апатіи убивали въ ней послѣднюю энергію. Приступы меланхоліи росли день ото дня пополамъ съ ненавистью къ людямъ, даже видъ Юрія ее мучилъ.

Мальчугану минуло уже шесть лѣтъ и отецъ могъ потребовать его каждую минуту. Графъ не писалъ и ни разу не пріѣхалъ, но аккуратно, къ каждому празднику, присылалъ подарки сыну и Милица знала, что Китти съ нимъ переписывалась и давала вѣсти о здоровьи Юрія.

Беренклау все чаще и чаще вспоминался ей. Пріѣдетъ ли онъ самъ за Юріемъ, или кого-нибудь пришлетъ? А можетъ быть, изъ жалости, онъ оставитъ ей еще на нѣсколько лѣтъ ея единственное сокровище?

Эта неопредѣленность томила ее, а иногда мелькала мысль, что и жить не стоитъ послѣ разлуки съ сыномъ.

Въ инныя минуты, впрочемъ, Милица ясно сознавала, какъ необходима ему твердая, мужская рука. Ребенокъ былъ умный, гораздо развитѣе своихъ лѣтъ, но характера страстного, и до крайности своевольнаго.

Его сходство съ отцомъ еще увеличилось: тѣ же голубые глаза,—ясные и вдумчивые, какъ и у Беренклау—удыбались ей въ добрую минуту и принимали стальной отливъ въ минуту гнѣва; также хмурился лобъ, когда Юрій чѣмъ-нибудь бывалъ недоволенъ и даже гордость, а, подчасъ и спесь Беренклау отражалась на его розовомъ личикѣ; словомъ, онъ ежеминутно представлялъ для Милицы *memento mori*.

Но даже въ такія минуты, когда у Милицы являлась слабая надежда, что графъ оставитъ ей сына, она со страхомъ задавала себѣ вопросъ: какъ и гдѣ она будетъ его воспитывать? У нея не только не хватало характера справиться съ мальчикомъ, но она даже не знала, въ какое заведеніе можно рискнуть его отдать.

Школьная вакханалія была въ полномъ разгарѣ: изъ университета выгнали науку, въ гимназіяхъ рвались бомбы, собирались митинги, мальчишки устраивали забастовки. И Милица спрашивала себя, кто больше заслуживалъ презрѣнія: слѣпые родители, терпѣвшіе тунеядство и отупѣніе своихъ недорослей, или благодушная бездарность школьнаго начальства, смѣшного въ своей подлой безпомощности возстановить

порядокъ среди учащихся, которые нагло издѣвались надъ нимъ, видя, что то идетъ на переговоры и кушаетъ оскорбленія, поджавъ хвостъ, словно побитая собака.

Довѣрять Юрія такому развращенному гнѣзду, гдѣ подъ видомъ ученія внушалось презрѣніе къ вѣрѣ, родинѣ, порядку и нравственности, — значило навѣрняка сдѣлать изъ него одного изъ тѣхъ дегенератовъ, которые бѣгали по улицамъ съ красными флагами, готовые ad majorem libertatis gloriam ¹⁾ либо убить несчастнаго городского, либо ограбить кассу магазина... Одна мысль, что сынъ войдетъ въ соприкосновеніе съ подобными элементами, приводила ее въ ужасъ.

Наконецъ любовь матери дала ей силу на рѣшительный шагъ, окончательно ломавшій ея собственную жизнь и осуждавшій на полное одиночество, но за то обезпечивавшій Юрію разумное, трезвое воспитаніе.

Это, стоившее ей долгихъ часовъ внутренней борьбы, рѣшеніе было — отдать Юрія отцу. Тамъ, въ Германіи онъ найдеть здоровую атмосферу и будущіе товарищи не заразятъ его душу циничной грязью, подобно какому-нибудь Коко Юрасову, для котораго уже не было никакихъ тайнъ въ жизни...

Она сочла себя не въ правѣ, изъ личнаго эгоизма, уродовать воспитаніе Юрія и рисковать его будущностью...

XXI.

Послѣ встрѣчи съ Милицей на морскихъ купаньяхъ, Беренклау вернулся въ Креницу еще болѣе несчастнымъ.

То мнимое равнодушіе, которое ему съ такимъ трудомъ удалось себѣ усвоить, рушилось за время тяжелыхъ часовъ, проведенныхъ у кровати Юрія. А теперь у него не осталось даже основаній считать Милицу виноватой относительно себя, чтобы хотя изъ этого сознанія черпать презрѣніе и неудовольствіе: Китти разъяснила ему, что Милица, не колеблясь ни минуты, вернулась бы къ нему, еслибы отъ нея не скрывали въ теченіе трехъ недѣль его покушеніе на самоубійство, а Вильма не придумала обиднаго обстоятельства, будто онъ запретилъ женѣ переступать порогъ своего дома.

Злость и отчаяніе кипѣли въ немъ, при мысли, что злополучное чувство не давало себя побѣдить и, какъ каторжника къ тачкѣ, приковало его къ женщинѣ безвозвратно для него потерянной.

1) Къ вяшей славѣ *свободы*.

Съ присущей ему силой воли искалъ онъ въ трудѣ и дѣятельности лекарство противъ душевной муки и лично слѣдилъ за всѣми подробностями какъ управленія Креницы, такъ и ихъ родового имѣнья Беренбурга, которымъ старый графъ не могъ заниматься, будучи разбитъ параличемъ. Лишь по вечерамъ, вернувшись усталымъ съ работы, онъ посвящалъ часть, другой своей неизлечимой страсти: окружалъ себя портретами Юрія, думалъ о прошломъ и мечталъ о томъ счастье, которое могло бы быть...

Какъ-то разъ, вернувшись ранѣе обыкновеннаго, Беренклау перелистывалъ, за чаемъ, привезенные съ почты журналы и газеты. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и № газеты чуть не вывалился у него изъ рукъ.

А прочелъ онъ слѣдующее: „Изъ К. намъ сообщаютъ о новомъ политическомъ убійствѣ: мѣстный вице-губернаторъ, полковникъ Щепинъ - Кромскій, былъ убитъ 6-го декабря, на паперти собора, по выходѣ отъ обѣдни. Молодая еврейка сдѣлала въ него нѣсколько выстрѣловъ, изъ которыхъ одинъ былъ прямо въ сердце; смерть была мгновенная. Безъ вмѣшательства полиціи, убійца была бы растерзана народомъ. Слѣдствие выяснитъ несомнѣнно всѣ подробности этого гнуснаго преступленія“.

Графъ еще разъ перечелъ короткую и сухую замѣтку о такомъ важномъ для него фактѣ.

„Милица свободна... она овдовѣла“... — было его первой мыслью и кровь бросилась ему въ голову.

„Бѣдная!“ — подумалъ онъ тотчасъ-же и теплое, искреннее сочувствіе проснулось въ немъ къ жестоко пораженной судьбой Милицѣ.

Тѣмъ не менѣе, съ этого дня мысль, что Милица свободна, неотступно преслѣдовала его и будила воспоминаніе о предсказаніи старой цыганки, которую онъ встрѣтилъ когда-то въ лѣсу:

— „Ты богаче, чѣмъ думаешь, и найдешь со временемъ все, что потерялъ“, — сказала ему она.

Однако первая часть предсказанія немедленно исполнилась: онъ тогда же узналъ, что у него есть сынъ. Ужели возможно, что и вторая половина тоже будетъ вѣрна?

Мало-по-малу онъ успокоился, а съ успокоеніемъ проснулось и сомнѣніе.

„Я, кажется, схожу съ ума и начинаю грезить о невозможномъ. Слава Богу, что я не могу упрекнуть себя въ желаніи смерти этому человѣку“.

Переписываясь изрѣдка съ Китти, онъ зналъ про бо-

лѣзнь Милицы, ея отчаяніе по смерти мужа и отъѣздъ ея въ Петербургъ.

За это время смерть отца отвлекла его мысли. Графъ Зигфридъ скончался послѣ долгой и тяжелой болѣзни. Хлопоты по наслѣдству и приведенію въ порядокъ довольно запутанныхъ дѣлъ покойнаго дали работы Беренклау на нѣсколько мѣсяцевъ. Когда все было устроено, онъ вернулся въ Каролиненгофъ.

Теперь онъ былъ совсѣмъ одинокъ и всей душой жаждалъ повидать сына. Юрію минуло уже шесть лѣтъ и наступало его право взять мальчика къ себѣ; при одной мысли, что игры и серебристый смѣхъ ребенка оживятъ его тоскливый, осиротѣлый домъ, сердце радостно билось. А все таки онъ не могъ рѣшиться написать Милицѣ и потребовать сына: вѣдь онъ отнялъ бы у нея послѣднюю радость въ жизни, единственное утѣшеніе въ горѣ...

Разбирая однажды полученную корреспонденцію, ему бросилось въ глаза письмо съ русскимъ штемпелемъ, почеркъ котораго его сильно взволновалъ. Онъ нетерпѣливо сорвалъ конвертъ и прочелъ:

„Графъ.

„Печальныя, роковыя событія, происходящія на моей родинѣ, затронули денежный и иные вопросы, касающіеся будущности Юрія, и для устройства которыхъ мнѣ хотѣлось бы прибѣгнуть къ вашему совѣту; надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ личной по этому поводу бесѣдѣ.

„Соблаговолите извѣстить, гдѣ и когда я могу васъ видѣть, если согласны уважить мою просьбу.

„Примите“ и пр.

Беренклау немедленно телеграфировалъ о своей готовности прибыть для переговоровъ въ Петербургъ и назначилъ для этого день, а самъ сталъ торопливо укладываться въ дорогу.

„Милица зоветъ. Что бы это значило?“—съ тревогой и любопытствомъ думалъ онъ.—„Случилось что-то неожиданное... Не собирается-ли она его просить оставить у нея мальчика? Или... можетъ быть, собирается замужъ,—вѣдь она вдовѣтъ около двухъ лѣтъ,—и предварительно, хочетъ устроить финансовый вопросъ относительно Юрія“...

Послѣднее предположеніе разбудило въ немъ ревнивую злобу; но онъ тотчасъ же подавилъ это чувство: онъ скоро узнаетъ, въ чемъ дѣло, а гадательно рассуждать заранѣе ни къ чему не вело.

Отправивъ письмо, Милица жила, какъ въ лихорадкѣ.

И такъ, всему конецъ черезъ нѣсколько дней. Она лишилась Юрія и останется одна... одна...

При этой мысли, холодная дрожь пробѣгала по тѣлу, а будущее представлялось ей мрачной бездной. Въ двадцать шесть лѣтъ ея жизнь была кончена, безъ цѣли, а впереди—пустыня. „Господи, какъ я буду жить?“ — съ мучительной тоской спрашивала она себя.

Бывали минуты, когда голосъ Юрія и его ласки причиняли ей почти физическую боль.

Послѣ получения отвѣтной депеши, ея душевное состояніе ухудшилось и, въ какихъ-нибудь нѣсколько дней, она поху-дѣла, точно послѣ тяжелой болѣзни.

Назначенный графомъ для пріѣзда день Милица провела большею частью у окна, выходявшаго на улицу, съ тревогой высматривая прибытіе Беренклау; но когда настала вечеръ, а графа не было, она успокоилась до завтра и, сѣвъ у камина, задумалась, убаюкиваемая веселымъ смѣхомъ и болтовней Юрія, игравшаго съ гувернанткой въ гостиной.

Быль уже девятый часъ, какъ въ передней раздался звонокъ, а вслѣдъ за симъ донесся хорошо знакомый ей, звучный голосъ и радостные крики Юрія. Вскорѣ на порогъ будуара показался мальчуганъ, таща за собой графа и крича во все горло:

— Мама, мама! Папа пріѣхалъ и какую кучу подарковъ мнѣ навезъ!

У Милицы вся кровь прилила къ сердцу и она поблѣднѣла, но встала и машинально протянула руку поспѣшившему на встрѣчу графу.

— Простите, что я являюсь въ неурочное время, вслѣдствіе запозданія поѣзда,—сказалъ онъ, прижимая къ губамъ ея похолодѣвшую ручку.—Но я рассчитывалъ на ваше снискожденіе, будучи увѣренъ, что вы поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ мнѣ хотѣлось увидать поскорѣе Юрія.

— Мнѣ надо благодарить васъ за спѣшное исполненіе моей просьбы,—неувѣреннымъ голосомъ отвѣтила Милица.

— Мама, можно мнѣ пойти разбирать игрушки?—спросилъ прыгавшій отъ радости Юрій.

— Да, да, мой мальчикъ, иди,—отвѣтилъ ему Беренклау, ласково глядя кудрявую головку сына.

Когда Юрій убѣжалъ, Милица перешла къ столу и пригласила графа сѣсть.

Теперь только, при яркомъ свѣтѣ лампы графъ съ тре-

вогой замѣтила, какъ она страшно переѣбилась, поблѣднѣла и осунулась; большіе глаза смотрѣли тоскливо и мрачно: что-то горькое, страдальческое залегло въ складкахъ рта; ея простое, черное платье придавало ей строгій, почти суровый видъ.

Какая буря пронеслась надъ этимъ молодымъ существомъ, чтобы такъ измѣнить и сломить его? Доброе, горячее сочувствіе и любовь поднялись въ душѣ графа.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказала Беренклау, нарушая молчаніе, потому что Милица боролась видимо съ охватившимъ ее волненіемъ и не могла овладѣть собой.

— Я позволила себѣ васъ вызвать, графъ, чтобы выяснить нѣкоторые вопросы относительно состоянія, которое съ моей стороны приходится Юрію,—съ трудомъ проговорила она.—Дѣло идетъ, во первыхъ, о хранящемся здѣсь въ банкѣ капиталѣ въ 800.000 рублей, изъ котораго я оставляю себѣ четвертую часть, а остальное хочу положить на имя Юрія. Какое ваше мнѣніе: можно ли оставить такую сумму здѣсь, или лучше перевести ее въ Берлинъ? Теперь здѣсь паника, говорятъ о финансовомъ крахѣ; а вы, какъ иностранецъ, несомнѣнно больше, чѣмъ мы, въ курсѣ того, что у насъ происходитъ.

— Если васъ не останавливаетъ, вообще, переходъ этихъ денегъ изъ страны, то я бы предложилъ Берлинъ,—съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ графъ.

— Въ такомъ случаѣ это—рѣшено, потому что я не желаю, въ избыткѣ патриотизма, лишать моего ребенка остатковъ моего состоянія. Перейдемъ къ слѣдующему вопросу, о Туровѣ и Всесвятскомъ. Такъ какъ они потеряли свою цѣнность, то не лучше-ли будетъ ихъ продать?

— Продать? Да почему же они потеряли свою цѣнность?

— Ахъ да, вы вѣдь не знаете, что оба имѣнья разорены крестьянами. Все сожжено, разграблено и уничтожено; заводы, дома и другія постройки болѣе не существуютъ и остались только развалины и кучи мусора. Словомъ, Турово и Всесвятское обращены въ пустыню.

Она кратко описала подробности своей поѣздки и несчастье Китти.

— Но самое ужасное, это—озвѣрѣлая жестокость этихъ людей. Свою слѣпую, тупую ненависть они излили на несчастный скотъ, который замучивали до смерти. Видъ изувѣченныхъ бѣдныхъ животныхъ до сихъ поръ преслѣдуетъ меня, какъ

кошмарь. Вы помните нашихъ кабардинцевъ Джанимъ и Терекъ? Да? Такъ я нашла обоихъ коней удушенными, а предварительно, имъ выкололи глаза и вырвали языки...

Она вадрогнула и закрыла глаза.

— Отстраивать заводы мнѣ не улыбается, а ждать наступленія „золотого вѣка“ въ Россіи было бы немножко долго. Тѣмъ не менѣе, скажите, что вы думаете: надо-ли продавать землю, или оставить ее за собой?

Графъ подумалъ и отвѣтилъ:

— По моему мнѣнію, продавать не слѣдуетъ. Имѣнья—превосходныя и приобретутъ свою цѣну. Если вы довѣрите дѣло мнѣ...

— Разумѣется, я предоставляю вамъ полное право распоряжаться состояніемъ вашего сына и убѣждена, что оно будетъ въ надежныхъ рукахъ. Но что вы намѣрены дѣлать?

— Благодарю васъ за довѣріе и постараюсь оправдать его. А дѣлать я намѣреваюсь вотъ что: возьму скромнаго управляющаго, безъ всякихъ претензій, которому выстроить незатѣйливый домикъ, и онъ займется присмотромъ за полевымъ хозяйствомъ. Со временемъ, можно будетъ заняться посадкой свекловицы и устроить сахарный заводъ, или сыроварню и маслобойню. Въ случаѣ, если вы не пожелаете рискнуть капиталомъ, то это сдѣлаю я и...

Его прервалъ Юрій, прибѣжавшій сказать, что поданъ чай, и графъ сталъ было прощаться. Но Милица упростила его, краснѣя, выпить чашку чаю и у графа не хватило мужества отказаться. Былое очарованіе, какъ волна, снова нахлынуло и никогда она не казалась ему такъ очаровательна, какъ въ эту минуту: хрупкая, нѣжная и застѣнчивая, какъ молодая дѣвушка.

Чай прошелъ веселѣе, чѣмъ можно было думать; графъ рассказывалъ случай на пути, задержавшій его поѣздъ, а Юрій болталъ безъ умолку и разсмѣшилъ даже Милицу. Но когда мальчуганъ рѣшительно заявилъ, что теперь ни за что не отпустить больше своего папу, потому что хочетъ, чтобы и у него были папа и мама, какъ у всѣхъ,—между бывшими супругами настало неловкое молчаніе.

Послѣ чаю Юрій не хотѣлъ идти спать и сталъ капризничать; тогда графъ спокойно приказалъ ему проститься и идти. Почувствовавъ въ тонѣ отца авторитетъ, мальчикъ присмирѣлъ и послушался, не прекословя больше.

— Видно, что Юрію необходимо быть руководимымъ женщиной,—со вздохомъ сказала Милица, когда они остались од-

ни. Это и составляет главную причину нашего свиданія и подкрѣпляет мое рѣшеніе отдать вамъ его теперь же.

Графъ собирался откланяться, но при послѣднихъ словахъ ея вдрогнулъ.

— Вы хотите отдать мнѣ Юрія?

— Да,—съ трудомъ, но настойчиво отвѣтила Милица,—ему нужна иная среда. Я слишкомъ слабая мать и черезчуръ его люблю, а ему нужна не только любовь. Юрій—очень живой и развитой мальчикъ, онъ—вспыльчивъ и чрезвычайно настойчивъ; словомъ я не могу съ нимъ справиться. А главное я не хочу, чтобы онъ росъ среди нашего извращеннаго и жалкаго юношества. И такъ, графъ, возьмите его и ведите любящей, но твердой рукой; сдѣлайте изъ него человѣка.. какъ вы сами: дѣятельнаго, разсудительнаго и энергичнаго, котораго житейскія бури не застанутъ безоружнымъ.

Голосъ ея становился все неувѣреннѣе и подъ конецъ, словно охваченная слабостью, она опустила въ кресло.

Послѣднія слова Милицы глубоко взволновали графа и чувства его отражались на его лицѣ.

— Но, если я возьму Юрія, что же вы будете дѣлать?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Я поселюсь въ Италіи. А здѣсь, — гдѣ не знаешь, не фабрикуются ли въ сосѣдней квартирѣ бомбы, могущія взорвать домъ и изувѣчить, гдѣ нельзя поручиться ни за свою жизнь, ни за имущество, гдѣ убили Ростислава и выпустили убійцу, — я ни за что не останусь. Нѣтъ, нѣтъ! Я куплю или найму себѣ виллу Влареджіо или С.-Ремо и буду доживать свой вѣкъ, поджидая Юрія, котораго вы будете присылать мнѣ на три лѣтнихъ мѣсяца. Не правда ли?

— Но вы-то какъ будете жить одна, въ чужомъ краю, среди чужихъ?

Глубокое сочувствіе прозвучало въ его взволнованномъ голосѣ.

— Боже мой, не мучайте меня, графъ. Какъ же мнѣ иначе поступить? Я слишкомъ люблю сына, чтобы принести его въ жертву моему эгоизму; да и ваши права на него столь же неоспоримы, какъ и мои. Не все ли равно, наконецъ, что будетъ со мной: я сломлена житейской борьбой, моя душа получила неизлечимыя раны. Развѣ вы не видите, что прежняя Милица мертва: я сама иду на встрѣчу всякимъ условіямъ, я не противлюсь, чтобы вы сдѣлали изъ моего сына *настоящаго* вѣнца, врага моей несчастной родины, которая, со временемъ, пожалѣетъ корку хлѣба голодному русскому крестьянину и

засыплеть золотомъ своихъ *будущихъ* германскихъ заправиль.

Она вдругъ выпрямилась и въ тонѣ ея зазвучала злость и горечь.

— Все, что меня окружаетъ, мнѣ отвратительно. Все омертвѣло, покрыто ложью и заражено гангрой; въ какую сторону я ни повернусь, меня преслѣдуетъ крикъ: „горе побѣжденнымъ“! Но самое ужасное—во мнѣ поколеблена вѣра въ величіе, высокіе, культурные идеалы и міровое призваніе моей родины, гордиться которой меня учили отецъ и дядя. Счастливы мертвые, не дожившіе до этого разложенія и позора, когда родную страну терзають, поносятъ и срамятъ не *чужіе* какіе-нибудь, а собственные выродившіеся сыны ея, которые открыто, чуть не съ публичнаго торго, продають ея, кричатъ о ея расчлененіи, пресмыкаются передъ каждымъ инородцемъ и сами даже не сознають, до какой степени они подлы. Въ самомъ дѣлѣ, что стоитъ общество, потерявшее *честь* и *состыть*, поднимающее кощунственную руку на родину-мать и безропотно сносящее избіеніе лучшихъ сыновъ своихъ, напримеръ, такого государственнаго человѣка, какъ Бобриковъ, не говоря про сотни остальныхъ, скромныхъ мучениковъ долга? *Русскаго* гонять отовсюду, онъ изгнанникъ въ собственной странѣ... Развѣ такое оскудѣніе національнаго сознанія и самолюбія не ужасно? Даже простой, *животный* инстинктъ само-сохраненія не отрезвляеть и не сплачиваетъ русскихъ людей. Повторяю, эта толпа сознательныхъ и безсознательныхъ предателей и убійць мнѣ невыразимо отвратительна и я не могу съ ней жить. Мнѣ гадко, тошно, страшно...

Голосъ ея упалъ, она остановилась и тяжело вздохнула.

— А развѣ ничего не осталось, ни отечества, ни семьи, развѣ смерть скосила все, что было мнѣ дорого, а долгъ велить разстаться даже съ роднымъ сыномъ,—я бѣгу отсюда, гдѣ нельзя выйти на улицу, не рискуя наткнуться на шайку висѣльниковъ. Тамъ, въ Италіи, я какъ-нибудь проживу, — сколько Господь укажетъ,—но, по крайней мѣрѣ, спокойно и мирно...

Она смолкла и изъ глазъ скатились слезы.

Графъ слушалъ ее и не прерывалъ; видимо, ея слова страшно его взволновали. Онъ прошелся по комнатѣ и остановился передъ Милицей, мрачно и безучастно сидѣвшей, задумчиво смотря въ пространство. Онъ, видимо, колебался и боролся съ собой, но, наконецъ, рѣшившись, взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

Когда онъ заговорилъ, то въ голосѣ его слышалось сдержанное волненіе.

— Милица! Есть мѣсто, гдѣ вы будете не изгнанницей, а царицей, пріютъ, всегда для васъ открытый, который васъ защититъ и успокоитъ, и куда вы можете вернуться, не краснѣя. Это убѣжище—сердце, домъ и родина вашего мужа. Передъ Богомъ и совѣстью я никогда не переставалъ имъ быть и считаю, что Божественное Провидѣніе, даровавъ намъ сына въ моментъ нашего разрыва и затѣмъ отнявъ у васъ все, — указываетъ тихую пристань, гдѣ мы сообща могли бы воспитывать нашего Юрія. Скажите же, хотите ли вы стать тѣмъ, чѣмъ вы были—обожасмой женой,—и вернуть мнѣ право любить и беречь васъ?

Милица выпрямилась; она то краснѣла, то блѣднѣла, слушая его.

— Егон, вы просите, чтобы я стала вашей женой, послѣ всего того зла, которое я вамъ причинила, притомъ теперь, когда вы меня больше не любите, какъ сами о томъ сказали, когда спасли насъ съ Юріемъ?—недовѣрчиво и смущенно пробормотала она.

Графъ опустился на колѣни около кресла и привлекъ ее къ себѣ. Вся, наполнявшая его душу глубокая любовь блестяла въ его глазахъ, а на устахъ блуждала прежняя чарующая улыбка.

— Я нагло солгалъ тогда. Никогда, ни на одинъ день, не переставалъ я тебя любить и ты не можешь усумниться въ искренности моего чувства, такъ какъ моя любовь закалена огнемъ; она все вынесла и все простила. Я понимаю, какое жестокое испытаніе ты перенесла, и потому не прошу даже любви; я хочу лишь имѣть право беречь тебя, создать тебѣ мирный пріютъ и здоровую обстановку, въ которой ты отдохнешь душой. А затѣмъ, я надѣюсь, что въ твоемъ великодушномъ сердцѣ найдется немножко привязанности къ человѣку, котораго прежде ты, можешь быть, и любила. Память твоего покойнаго мужа не страдаетъ отъ нашего примиренія; если онъ тебя дѣйствительно любилъ, его душа возрадуется, видя, что ты избавлена отъ гнетущей тоски полнаго одиночества и разлуки съ твоимъ ребенкомъ. И такъ, дорогая, принимаешь ли ты сердце, безраздѣльно принадлежащее тебѣ?

Милица слишкомъ настрадалась при мысли о предстоящей разлукѣ съ сыномъ, чтобы не обрадоваться такому избавленію и не ухватиться за возможность не покидать Юрія; кромѣ того, она была слишкомъ сердечная женщина и такая любовь ее тронула. Какъ, значить, дорога она ему, если онъ, — гордый, самолюбивый и настойчивый,—послѣ всего, что между ними

произошло, снова предлагаетъ ей свое вѣрное сердце, и смиренно, какъ милостыню, выпрашиваетъ чуточку привязанности.

Горячее чувство благодарности охватило Милицу и, положивъ голову на плечо графа, она дрогнувшимъ голосомъ прошептала:

— Съ признательностью принимаю предложенную тобою тихую пристань и постараюсь исправить свою прошлую вину. Но смогу ли я еще дать тебѣ счастье, теперь, когда измучена душа и вся я—разбитая и больная?

Графъ улыбнулся и поцѣловалъ ее.

— Юрій и я, мы вылечимъ тебя нашей любовью и впредь никогда не допустимъ политическихъ вопросовъ въ нашу жизнь. Не правда ли? Будемъ тѣмъ, чѣмъ мы должны быть, мужемъ и женой, объединенными общей любовью къ ихъ ребенку и стремящимися выполнить священный завѣтъ—воспитать довѣренное имъ Господомъ существо. Не все ли равно, въ степяхъ Россіи или на германской землѣ будетъ нашъ очагъ. Вѣдь это люди враждуютъ между собой, раздѣленные братоубійственной ненавистью или расовымъ антагонизмомъ, а Богъ далъ имъ сердце, чтобы любить, а не для того, чтобы ненавидѣть.

Завязался дружескій, задушевный разговоръ. Чувство свѣтлаго, глубокаго успокоенія, мало-по-малу, нисходило на душу Милицы, и этотъ благотворный покой утишалъ ея возбужденные нервы. Давившее ее сознание одиночества было навсегда отодвинуто; ее ждала мирная, семейная жизнь, она чувствовала себя любимой и защищенной.

Графъ упомянулъ про свадьбу, которую хотѣлъ поторопить.

— Вотъ, что я тебѣ предложу,—прибавилъ онъ.—Я пробуду здѣсь нѣсколько дней и устрою все, что нужно; затѣмъ проѣду во Всесвятское, чтобы лично убѣдиться, въ какомъ положеніи находятся имѣнія и рѣшить необходимыя мѣры. На обратномъ пути я перевезу Китти съ мужемъ и дѣтьми въ Москву; это будетъ большимъ облегченіемъ для бѣдной женщины, да и для раненаго, надѣюсь, тоже. А потомъ я отправлюсь въ Германію и приготовлю все для нашей свадьбы, которую думаю справить въ Берлинѣ, куда къ этому времени пріѣдешь и ты. Покончивъ затѣмъ со всѣми скучными формальностями, мы вернемся, наконецъ, къ себѣ.

— Въ Креницу?.. А... Вильма? Гдѣ она? — тревожно спросила Милица.

Графъ отъ души посмѣялся.

— Вижу, что жизнь въ Креницѣ тебя не соблазняетъ, а еще менѣе встрѣча съ Вильмой. Но я тебя успокою: Вильма вышла замужъ за офицера, живетъ въ Эльзасѣ и теперь—мать троихъ дѣтей; а такъ какъ Лудольфъ и тетка умерли, то ее ничто не привлекаетъ въ наши мѣста, тѣмъ болѣе, что я даже купилъ Каролиненгофъ. Но я никогда не прощу ея гнусныя противъ тебя интриги, которыя мнѣ такъ дорого стоили.—Онъ нахмурилъ брови.—Въ Креницу я тебя не повезу, дорогая; я понимаю, что она вызываетъ въ тебѣ тяжелыя воспоминанія. Мы будемъ жить въ Вестфалии, въ Беренбургѣ, которымъ мой родъ владѣетъ болѣе шестисотъ лѣтъ. Тамъ для тебя все будетъ ново и я рассчитываю, что ты себя отлично будешь чувствовать въ нашемъ родовомъ замкѣ. Тамъ-то мы и заживемъ съ нашимъ медвѣжонкомъ, для самихъ себя; а тѣмъ временемъ, ты, Богъ дастъ, окончательно оправившись и, можетъ быть, пожелаешь развлечься и куда-нибудь поѣхать.

— Ну, это будетъ не такъ скоро. Ты не можешь себя представить, до какой степени я жажду покоя и какъ мнѣ противны люди. Съ Юриемъ и съ тобой я буду совершенно счастлива. Ахъ, какъ я тебѣ благодарна, что ты не везешь меня въ Креницу, — улыбнулась Милица, крѣпко пожимая ему руку.

Быль чудный майскій вечеръ. На большой терассѣ Беренбургскаго замка накрывали чай, а внизу, на площадкѣ, Юрій игралъ съ сыномъ управляющаго,—славнымъ мальчуганомъ, однихъ съ нимъ лѣтъ. Отъ терассы тянулись цвѣтники, вплоть до каменныхъ перилъ, огибавшихъ въ этомъ мѣстѣ садъ, такъ какъ замокъ стоялъ на высокомъ холмѣ, довольно обрывистомъ съ этой стороны.

На скамьѣ у балюстрады задумчиво сидѣла Милица. Она все еще была блѣдна и, повидимому, не совсѣмъ оправилась; но тревожное, испуганное выраженіе лица и лихорадочный взглядъ исчезли.

Спокойнымъ, задумчивымъ взоромъ любовалась она разстланной у ея ногъ картиной. Внизу зеленымъ ковромъ раскинулись и уходили въ даль поля, окаймленныя на горизонтѣ поросшимъ лѣсомъ горнымъ кряжемъ; изъ-за лѣса торчали, словно копыя, заводскія трубы, а на склонѣ горы, изъ зелени цвѣтущихъ садовъ, выглядывали бѣлыя, чистенькіе домики, съ красной крышей, и высокая, остроконечная сельская церковь.

Изъ груди Милицы вырвался вздохъ и она судорожно скомкала письмо, которое держала въ рукахъ. Письмо было отъ Китти и оно напоминало ей тяжелыя событія, сопровождавшія отъѣздъ ея изъ Россіи.

Это было въ декабрѣ, когда революціонный разгулъ разразился забастовкой желѣзныхъ дорогъ. Она даже вздрогнула, вспоминая теперь остановку поѣзда на маленькой станціи и дѣйствительно безвыходное положеніе несчастныхъ путешественниковъ, загнанныхъ, какъ скотина, въ эдание, которое не могло ихъ вмѣстить, безъ пищи, съ разграбленнымъ на половину багажемъ, брошеннымъ на произволъ разнузданной, циничной и наглой шайки грабителей.

Мучительны были дни и ночи, которые она провела, сидя на своихъ сундукахъ и узлахъ, питаясь съ Юріемъ и Марфой печенемъ, на счастье, оставшимся въ ея мѣшкѣ, и чернымъ хлѣбомъ, съ желтоватой водицей, называвшейся чаемъ, который приходилось добывать чуть не на вѣсъ золота.

Трагическія, отчаянныя сцены происходили передъ ея глазами. Милица была положительно безъ силъ, когда явилось освобожденіе, въ видѣ воинскаго поѣзда. Командовавшій отрядомъ офицеръ принялъ въ ней участіе и, съ его помощью, она добралась, наконецъ, до отстоявшей недалеко границы.

Съ первой же германской станціи она послала телеграмму Беренклау и пріѣхала съ сыномъ въ Берлинъ, оба больные и простуженные.

Уже четыре мѣсяца, какъ она спокойно живетъ въ Беренбургѣ, и вотъ Киттино письмо пробудило въ ней тяжелыя воспоминанія и мысли.

„Послѣ несчастной, истерзанной Россіи, потерявшей даже способность сознательно работать,—думалось Милицѣ,—передъ ней чудная картина недремлющей, созидательной человѣческой мысли и энергіи, гармоничная, благословенная страна труда... Какая во всемъ любовь къ жизни, способность разумно устроиться и толково использовать каждый клочекъ земли!.. Какая чувствуется огромная *объединенная* народная воля и разумъ, какая трезвость общественнаго мышленія... Здѣсь, среди воздѣланной упорнымъ трудомъ природы и зрѣлаго *государственнаго самосознанія*, ярче выступала, едва прикрытая жалкимъ, позорнымъ убожествомъ мысли, вся гнусность „подвиговъ“ разбойничьяго сброда „освободителей“, влекущихъ родную страну на путь гибели и обнищанія, матеріальнаго и духовнаго... И это полоумное „звѣрье“ сулило Россіи будто бы что-то *новое*? Между тѣмъ, въ нихъ *ничего* не было, кромѣ по-

стыдной смѣси невѣжества, предательства, тупого фанатизма, наглого хвастовства, кровожадности и подлѣйшаго самоутѣшенія, что они яко бы служатъ родинѣ!.. Какое глумленіе и извращеніе этого священнаго понятія!..“

Она провела рукой по лицу, точно хотѣла смахнуть осаждавшія ее мрачныя, тоскливыя думы.

Тутъ она взглянула на старый замокъ, съ его зубчатыми, окутанными плющемъ, башнями. Стройный и мощный, онъ выглядѣлъ богатыремъ, который благодушно любитъ лежавшей у его подножія, веселой и мирной долиной.

Древній исполинъ точно хотѣлъ сказать новому народившемуся вокругъ него поколѣнію:

— Каждому свое. Было время, когда на мигъ лежалъ священный долгъ блюсти спокойствіе родной страны; теперь же преемственно насталь вашъ чередъ—дружно работать надъ процвѣтаніемъ и благополучіемъ дорогой намъ родины.

Горечь, негодованіе и зависть къ благоустроенной Германіи, по сравненію съ злополучной Россіей, на мигъ сжала ея сердце; но пробудившаяся себялюбивая жажда покоя заговорила собою все.

„Да, здѣсь несомнѣнно царить порядокъ и миръ, — продолжала думать Милица.—Тутъ, по крайней мѣрѣ, она можетъ жить спокойно, не боясь быть разбуженной воплями шайки „сознательныхъ“ негодяевъ и не рискуя стать свидѣтельницей звѣрскаго убійства кого-нибудь изъ близкихъ...“

Это чувство покоя и тишина казались ей даже чѣмъ то осязательнымъ: словно что-то обволакивало все ея существо, проникало вовнутрь и цѣлѣбно на нее дѣйствовало...

Милица тоскливо вздохнула и взглядъ ея съ любовью остановился на маленькомъ Юріи.

Въ эту минуту, на терасѣ показался Беренклау и сошелъ внизъ. Проходя мимо сына, онъ поднялъ его на руки и поцѣловалъ, а потомъ подошелъ къ Милицѣ и сѣлъ съ ней рядомъ.

На лицѣ графа сіяло тихое счастье.

— Ты получила письмо отъ Китти? Когда же она пріѣзжаетъ? Но ты, кажется, разстроена? Случилось опять какое нибудь несчастье?—спрашивалъ онъ, участливо заглядывая въ глаза жены.

— Нѣтъ, ничега, славу Богу. Только Китти описываетъ новыя подробности разрушенія замка Аппельдорновъ и бѣдствія несчастной семьи, которую бунтовщики таскали въ морозъ трое сутокъ по лѣсу; послѣ чего бабушка заболѣла и

умерла. Китти со своими теперь въ Дембовкѣ, гдѣ временно укрылись и Мелли съ мужемъ и дѣтьми... Ея письмо ожидало мои собственныя воспоминанія...

— Это совершенно лишнее, дорогая. Старайся думать о будущемъ, а не о прошломъ.

Милица молча кивнула головой.

— Черезъ двѣ недѣли они будутъ здѣсь и мы ихъ оставимъ у себя подольше, не правда-ли? Бѣдный Дмитрій Павловичъ очень нуждается въ отдыхѣ; московское возмущеніе совсѣмъ подорвало его силы.

— Конечно, мы не отпустимъ ихъ раньше конца осени. Деревнинъ мнѣ очень симпатиченъ и я жалѣю, что не могу оставить ему управленіе Всесвятскимъ и Туровымъ; когда я побывалъ на мѣстѣ, то убѣдился, что онъ не только безукоризненно честный, но прекрасный и знающій работникъ.

— Да о возвращеніи туда Китти и слышать не хочетъ. Одно воспоминаніе про Турово бросаетъ ее въ дрожь,—улыбнулась Милица.

— Знаю и признаю это вполне естественнымъ. Однако, свѣжѣть, а ты еще покашливаешь. Надѣнь это,—и онъ сталъ укутывать жену въ мягкій шерстяной платокъ, который принесъ съ собой.

— Ты меня балуешь, Егон.

— Я берегу мое счастье, дорогой цѣной добытое и чудесно найденное вновь.

— А если я, выздоровѣвъ, вдругъ сдѣлаюсь снова капризной, упрямой и ультра-патріоткой?—спросила Милица и прежняя, лукавая усмѣшка мелькнула на ея лицѣ.

— Въ каждомъ такомъ случаѣ я буду посылать Юрія вести переговоры о мирѣ,—смѣясь, отвѣчалъ графъ. — Будемъ надѣяться, что ему не часто придется примѣнять свои дипломатическія дарованія. Я вѣдь тоже сталъ болѣе миролюбивымъ и уступчивымъ и, въ доказательство моихъ добрыхъ намѣреній, обѣщаю, что какъ только въ Россіи возстановится порядокъ, мы отстроимъ домъ во Всесвятскомъ и будемъ тамъ ежегодно проводить по нѣскольку мѣсяцевъ. А теперь, пойдемъ, чай готовъ. Вотъ и Юрій бѣжить за нами.

В. КРЫЖАНОВСКАЯ
(РОЧЕСТЕРЬ).

Конецъ.

* * *

Надо мною небосклонъ лучистый,
Полный мѣсяцъ льетъ свой мягкій свѣтъ,
Запахъ сосенъ нѣжный и смолистый
Проникаетъ въ грудь... Вдали разсвѣтъ

Брежетъ чуть замѣтной полосой...
Скоро ночь минуетъ!.. А пока
Звѣзды еще ярки надо мною,
Мѣсяцъ еще свѣтитъ съ-высока...

Но ужъ чую приближенье утра
Въ робкомъ трепетѣ почныхъ тѣней,
Вонь и въ свѣтлой дымкѣ перламутра
Ужъ востокъ глядитъ изъ-за вѣтвей...

Еще часъ, другой—и въ морѣ свѣта
Солнце, поднимаясь надъ землей,
Ласковой улыбкою привѣта
Заблеститъ въ лазури голубой...

В. Глинка-

Забытый поэтъ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

За послѣднее десятилѣтіе у насъ появилось не мало поэтовъ всякаго жанра, и они стараются наводнить книжный рынокъ своими сборниками, нерѣдко въ очень роскошныхъ переплетахъ, съ красивыми виньетками и, конечно, красивыми съ точки зрѣнія декадентской. Обиліе стихотворныхъ сборниковъ, явившихся въ продажѣ, даетъ поводъ думать, что въ обществѣ пробудилась вновь любовь къ поэзіи, или же просто къ печатнымъ произведеніямъ, изложеннымъ въ стихотворной формѣ. Ничуть не бывало. Просто нынѣшніе поэты сами себя ублажаютъ и сами собой восхищаются. Книги ихъ преспокойно лежатъ на полкахъ магазиновъ, лишь загромождая ихъ. Въ спросѣ только старые поэты, но и ихъ книги раскупаются не молодежью, а людьми въ большинствѣ уже отживающаго поколѣнія.

Въ былое время въ различнаго рода кружкахъ всякое новое произведеніе мало-мальски выдающагося поэта прочитывалось вслухъ, обсуждалось, выучивалось наизусть и переходило, такъ сказать, изъ устъ въ уста, прежде чѣмъ оно появлялось въ отдѣльномъ изданіи. Теперь въ кружкахъ поэзіей не занимаются, стиховъ прямо не любятъ, а о чтеніи ихъ сообща даже не помышляютъ. Во время русско-японской войны какъ будто и проснулась эта любовь къ поэзіи, появилось нѣсколько яркихъ произведеній на событія дня, облетѣвшихъ буквально всю Россію, положенныхъ даже на музыку, но... Наши пораженія на Дальнемъ Востока были такъ велики, такъ неожиданны для насъ, что они убили нашъ подъемъ духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убили возрождавшуюся было поэзію...

Наступило революціонное время... Такое время, говорятъ, также рождаетъ поэтовъ. Но такъ какъ наша революція со-всѣмъ особенная, непохожая вовсе на бывшія, какъ это утверждають знатоки революціонныхъ движеній, то намъ не суждено увидѣть и поэтовъ, умѣющихъ передать въ такое тревожное время чувства и настроенія, волнующія народъ. Поэты-революціонеры занялись пѣніемъ чужихъ пѣсенъ, и надо замѣтить, крайне неумѣло и прескверно, а не-революціонеры поэты не умѣютъ вдохновиться народными желаніями и не умѣютъ высказать своихъ. Да и смѣлости у нихъ нѣтъ...

Впрочемъ не о нихъ и рѣчь. Мнѣ хочется напомнить объ одномъ поэтѣ, нынѣ забытомъ, но умѣвшемъ передать сущность народной поэзіи, желаній народа. Онъ умѣлъ говорить красивымъ русскимъ складомъ, не прибѣгая къ поддѣлкѣ подъ народную рѣчь. И несмотря на всѣ эти его достоинства, его произведенія, разбросанныя по разнаго рода журналамъ, до сихъ поръ никѣмъ не собраны и не нашли издателя, тогда какъ разныя бездарности, вродѣ П. Я., Ратгаузовъ, Бѣлыхъ и Черныхъ и друг., издаются съ особенной тщательностью.

Кто же этотъ забытый поэтъ? Прошло почти 23 года со дня его смерти. Онъ умеръ въ декабрѣ 1883 года. Это былъ пѣвецъ Волги и ея народныхъ героевъ. Вотъ его обращеніе къ любимой рѣкѣ.

Тебѣ несу стихи, рѣка моя родная,—
 Они навѣяны и созданы тобой—
 Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
 Какъ рыбки вольныя сверкають чешуей.
 Просторъ песковъ, лѣсовъ живыя краски,
 Раазливы вешніе ликующей воды
 И темныхъ Жигулей преданія и сказки
 На нихъ оставили замѣтные слѣды.
 Я выросъ близъ тебя, среди твоей природы
 На берегахъ твоихъ я рѣчь свою ковалъ
 Въ затишьи вечеровъ и въ шумѣ непогоды,
 Когда—сердитая—ты разгоняла вальъ...
 ...И я не позабылъ, живя съ тобой въ разлукѣ,
 Разбѣга мощнаго твоей живой волны
 И вотъ несу тебѣ мятежныхъ пѣсенъ звуки,—
 Ты навѣвала ихъ, тобой они полны!..

Имя пѣвца великой рѣки—Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ. На могилѣ его раздавались такія рѣчи.

...Въ его пѣсняхъ, сказкахъ и легендахъ—духъ русскаго народа, его вѣчно живые образы воскресали во всей своей свѣтлой печали, со всѣмъ своимъ мрачнымъ юморомъ... По-

теря его для насъ тяжела теперь; потеря для народа сознается послѣ“...

...„Въ тайникахъ души его прекрасной былъ ключемъ поэзіи родникъ“!..

...„Смерть похитила у насъ молодого поэта съ крупными задатками настоящаго поэтическаго таланта, который, казалось, способенъ былъ воскресить лучшія традиціи русской поэзіи“...

...„Родись онъ на французской или англійской почвѣ, талантъ и имя его давно уже горѣли бы яркой звѣздой“... 1).

Теперь слова эти забыты, какъ даже забыта и могила поэта. Цѣль настоящаго небольшого очерка не оцѣнка произведеній поэта, а желаніе воскресить въ памяти его бывшихъ друзей образъ Дмитрія Николаевича Садовникова. Быть можетъ, они соберутся съ силами и найдутъ возможность хоть къ двадцатипятилѣтію со дня его смерти издать сборникъ его произведеній.

I.

Познакомился я съ Дмитріемъ Николаевичемъ въ 1878 году въ домѣ художника-иллюстратора—тоже нынѣ покойнаго—Ивана Степановича Панова. Дмитрій Николаевичъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Петербургъ съ Волги въ среднихъ числахъ октября, какъ онъ говорилъ, „продавать свои лѣтніе труды“, и покидалъ столицу въ первыхъ числахъ мая или тотчасъ послѣ Пасхи, какъ только начнутся правильные пароходные рейсы по Волгѣ.

Съ перваго же дня нашей встрѣчи меня сильно потянуло къ этому человѣку. Въ его внѣшности не было ничего такого, чтобы биловъ глаза, но онъ останавливалъ на себѣ сразу вниманіе. Онъ не былъ красавцемъ, но и дурнымъ его назвать нельзя было. Острый профиль, высокій лобъ, густые рыжеватые усы, небольшая бородка клиномъ, розоватое лицо съ сильнымъ загаромъ... И большіе, добрые, почти всегда искрящіеся веселостью и живымъ умомъ глаза. Когда онъ говорилъ, его рѣчь доставляла удовольствіе своей мягкой интонаціей, образностью и спокойствіемъ. Впослѣдствіи я часто замѣчалъ, что въ какомъ бы гадкомъ настроеніи я ни встрѣтился съ нимъ, послѣ получасоваго разговора я успокаивался и мелкія невзгоды быстро забывались, горе унималось, злоба проходила. Такъ

1) Изъ книги: Аполлонъ Коринфскій. „Садовниковъ и его поэзія“.

впрочемъ онъ дѣйствовалъ не на одного меня, а на всѣхъ знавшихъ его. А главное то, что дѣлалось это съ его стороны безъ всякой предвзятой мысли, безъ пошлыхъ шаблонныхъ словъ утѣшенія или какихъ-либо совѣтовъ. Онъ могъ съ вами вовсе и не заговорить о томъ, что васъ огорчало, и все таки вы уходили отъ него всегда утѣшеннымъ, ободреннымъ и жизнерадостнымъ.

Когда Пановъ познакомилъ меня съ Садовниковымъ, я не зналъ, что онъ писатель, или вѣрнѣе не подозрѣвалъ, что это авторъ стихотворенія „Попутный вѣтеръ“, напечатаннаго въ 1876 году въ „Вѣстникъ Европы“, сильно понравившагося мнѣ еще въ провинціи. Въ первое свиданіе мы не говорили вовсе о литературѣ, а больше о текущихъ событіяхъ. Да оно къ тому же и было кратковременно.

По уходѣ его отъ Панова, Иванъ Степановичъ сказалъ мнѣ:

— Это собиратель загадокъ и поговорокъ. Ты видѣлъ его книжку?

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— Такъ вотъ, возьми, почитай,—и Ив. Ст. подалъ мнѣ довольно большую книгу „Загадки и поговорки русскаго народа“.

Я тутъ же вспомнилъ его „Попутный вѣтеръ“ и съ восторгомъ началъ говорить о немъ. Иванъ Степановичъ и самъ пописывалъ стихи и самъ хорошо зналъ толкъ въ народной поэзіи, но онъ тоже немало восхищался этимъ произведеніемъ, полнымъ эпической прелести и чудныхъ народныхъ образовъ.

Народная сказка повѣствуетъ о томъ, какъ бѣдная старушка, купивъ на полтину муки, несла ее домой. Стояла тихая, безвѣтренная погода. Да погода та не съ руки купцамъ, водящимъ караваны по Волгѣ. Стали они просить попутнаго вѣтра. Разыгрался вѣтеръ, разорилъ старуху: выдулъ ея муку изъ ночевокъ. Разгоревалась старуха и, по совѣту солдата, отправилась въ Москву къ царю съ челобитной. Добралась старуха и до царя.

Высоки, и свѣтлы, и богаты
Красовались царицы палаты.
Всюду била въ глаза позолота,
Дорогая рѣзная работа,—
Залита была въ золото даже
Въ переходахъ стоявшая стража...

Привели передъ грозныя очи:
Царь сидѣлъ многотумнѣ ночи
На рѣзномъ золоченомъ сидѣньи.

Рядомъ—сынъ, а кругомъ въ отдаленнѣ—
Холодна и недвижно угрюма
Засѣдаетъ боярская дума...
—Что вамъ надо?—спросили сурово.
Началось челобитное слово...

Вся дума поставлена въ тупикъ, да и царю невдомекъ, какъ разсудить „никому, кромѣ Бога, не подсудное дѣло“. Да выручилъ царевъ „сыннокъ молодой, ясноокій соколъ, всталъ, отцу своему рѣчь такую повелъ: „Мѣсто царское мнѣ уступите на срокъ: я могу разрѣшить, что суду невдомекъ! Мнѣ невѣдомъ законъ, и какой я судья,—но найду, укажу виноватаго я!“ Царь уступилъ мѣсто сыну, а тотъ разослалъ гонцовъ въ городскіе концы къ купцамъ, у кого есть на Волгѣ суда.

Передъ очи царевы купцовъ привели;
У нихъ бороды густы, туги кошели,
На румяныхъ щекахъ горя нѣтъ и слѣда:
Не видали они, что такое нужда...
И опять раздался голосокъ молодой:
—Когда ваши суда шли низовой водой,
Вы молили о чемъ: о здоровьи семей,
Барышахъ ли большихъ? Говорите смѣлѣй!
...Отвѣчали купцы:—Вѣкъ свой хлѣбъ продаемъ
Такъ молили тогда мы извѣстно о чемъ:
Какъ бы съ низу задуть по пути вѣтерокъ
Да тяжелую кладь довести намъ помогъ...
Внялъ моленью Господь... Въ срокъ поспѣли суда...
—Отъ моленнаго гостя случилась бѣда:
Вѣтеръ въ полъ муку у старухи разнесъ,
Набѣдилъ и пропаль... Кто заплатитъ? Вопросъ!..
За покражу теперъ и несите отвѣтъ:
Быль онъ на руку вамъ, да другому-то нѣтъ!..
Виноватые вотъ! Заплатите съ лихвой!..
...И съ деньгами пошла старушонка домой.

„У царя на Москвѣ
Сынъ-надежа растеть“!..
По торгамъ площадямъ
Загуторилъ народъ.

Я не могъ воздержаться, чтобы не провести хоть въ извлеченіи это стихотвореніе покойнаго Садовникова. Оно было первымъ его произведеніемъ, съ которымъ я познакомился. Не привелъ я описательныхъ красотъ его, но и этого достаточно, чтобы сказать, что стихи Садовникова высокой чеканки, что рѣчь его непринужденна, мѣтка, народна и безъ всякой поддѣлки.

Таковъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ наиболѣе красивыми считаются его пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Я ихъ здѣсь не стану касаться, но любопытствующіе могутъ найти ихъ въ журналѣ „Огонекъ“ изданія Гоппе за 1879 и послѣдующіе годы.

II.

Скоро послѣ перваго знакомства мы сошлись съ Д. Н. Садовниковымъ довольно близко. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ островѣ въ 4-ой линіи вмѣстѣ съ Владиміромъ Петровичемъ Михайловымъ, профессорскимъ стипендіатомъ, тоже поэтомъ (писалъ подъ псевдонимомъ Мартовъ), его землякомъ. Они были очень дружны между собой и какъ бы дополняли другъ друга, повѣряя одинъ другому свои новыя произведенія и всесторонне ихъ обсуждая. Михайловъ былъ настоящимъ западникомъ, увлекался очень Гейне и итальянскими поэтами, любилъ Бодлера. За привязанность къ Гейне Д. Н. часто журилъ Михайлова и говорилъ ему: „да бросьте вы этого жида, онъ остроумень, но въ его произведеніяхъ искренность и не ночевала“.

Замѣчательно, я рѣдко видѣлъ болѣе тѣсную дружбу, чѣмъ была между этими двумя людьми, но я никогда не слышалъ, чтобы они обращались другъ къ другу на „ты“.

Часто я заставалъ ихъ за чтеніемъ какого-либо изъ старыхъ или новыхъ писателей. Нерѣдко они расходились въ мнѣніяхъ, что давало имъ поводъ порой острить другъ надъ другомъ, но все это было мягко, сдержанно.

Надо замѣтить, что Д. Н. прекрасно владѣлъ англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, В. П. зналъ два послѣднихъ, но по-французски объяснялся плохо, читалъ впрочемъ массу. Тогда въ модѣ былъ Ришпенъ, котораго особенно часто переводили Барыковъ и С. Бердяевъ. Оба друга относились къ Ришпену отрицательно, но тѣмъ не менѣе приобрѣтали каждую новую его книжку стиховъ и рассказовъ.

Переводили и они Ришпена, но переводы свои въ печать не назначали, находя самый оригиналь слишкомъ вульгарнымъ.

Не могу не упомянуть здѣсь объ отношеніяхъ друзей къ Гюго. Михайловъ, такъ сказать, принималъ его всего пѣликомъ, какъ прозаика и поэта, т. е. стихотворца. Садовниковъ высоко ставилъ Гюго, какъ романиста, но стихи его называлъ только красивыми.

— Его стихи,—говорилъ онъ,—меня не трогаютъ, не со-
грѣваютъ. Читая его, надо надѣть шубу, тогда только со-
грѣешься. Одна реторика!

Изъ каждой своей поѣздкѣ на Волгу, на родину, Д. Н. при-
возилъ какую-нибудь новую сказку, переслушанную у народа,
новую пѣсню, загадку или просто какое-либо новое слово. И
надо было послушать его, какъ онъ говорилъ объ этихъ на-
родныхъ произведеніяхъ, съ какой любовью относился къ
нимъ. Въ то же время Садовниковъ никогда не работѣпство-
валъ передъ народомъ, но любилъ его со всѣми недостатками
и достоинствами, умѣя извинять первые.

Какъ-то зашелъ разговоръ о томъ, насколько русскій на-
родъ религіозенъ.

— Я не вѣрю въ религіозность нашего народа,—говорилъ
Михайловъ.—Его религіозность не болѣе, какъ привычка. Онъ
молится по привычкѣ и часто не понимаетъ смысла читаемой
молитвы. Вы помните, что даже Пушкинъ говорилъ, что рус-
скій народъ въ массѣ атеистъ.

— Пушкинъ судилъ по двумъ-тремъ фактамъ, да и то онъ
въ этомъ увѣренъ не былъ,—возражалъ Д. Н.—Вѣра народная
безхитростная, но чистая. Онъ не прочь ко многому отнести-
критически. Но вѣра въ Бога въ немъ непоколебима.

— А что же говорить ваша новая сказка, которую вы вы-
везли изъ Жигулей?—сказалъ Михайловъ.

— Эта сказка лишь обнаруживаетъ пессимизмъ народный
и его покорность передъ смертью, которая всѣхъ равняетъ.

Я заинтересовался, что это за сказка. Я не стану здѣсь пе-
редавать ее въ подробностяхъ, она напечатана среди другихъ
сказокъ въ изданіи Географическаго общества, не выпущеннаго
въ обращеніе въ публику, но смыслъ ея тотъ, что и святые
не приводятъ жизнь въ порядокъ, недоступно это и Богу, въ-
смыслѣ равенія людей, а только одна смерть уравниваетъ
всѣхъ.

Садовниковъ записалъ ее со словъ семидесятилѣтняго ста-
рика подлинными его словами. Она производитъ очень сильное
впечатлѣніе. На эту тему впослѣдствіи было много разгово-
ровъ и у В. В. Чуйко, у котораго мы нерѣдко собирались, и
сказка вызвала не мало разнорѣчивыхъ толковъ, но на всѣхъ
производила глубокое впечатлѣніе.

III.

Д. Н. любилъ очень дѣтей. У него и своихъ было двое: мальчикъ и дѣвочка. Они жили въ Симбирскѣ. Дѣти, сколько помню, были еще маленькіе: дочь лѣтъ девяти, сынъ лѣтъ семи. Они часто переписывались съ отцомъ. Онъ любилъ получать отъ нихъ письма и часто говорилъ:

— Вотъ, подите же, у мальчика мысленки лучше играютъ, чѣмъ у дѣвочки. Онъ нѣтъ-нѣтъ, да и подарить меня какимъ-нибудь описаніемъ, а то и переслушанную сказку расскажетъ, а дѣвочка только о дѣлахъ семейныхъ и пишетъ.

Все, что онъ печаталъ въ дѣтскихъ журналахъ, онъ сначала перечитывалъ своимъ дѣтямъ. Это, такъ сказать, были его цензора и критики. Къ стихотвореніямъ, написаннымъ для дѣтей, онъ относился съ большою строгостью и съ особенною тщательностью отдѣлывалъ ихъ, заботясь о томъ, чтобы каждое слово было употреблено въ его точномъ значеніи, чтобы рима была безупречна. И дѣйствительно, его стихи для дѣтей безукоризненны, картинны и легко запоминаются. Напомню его „Весеннюю сказку“ о Морозѣ, задумавшемъ жениться на Веснѣ.

Начинается сказка такимъ вступленіемъ:

Дѣти, весна на дворѣ!
Льдинка на мерзломъ окнѣ
Сказку о милой Веснѣ
Утромъ напомнила мнѣ...

И далѣе идетъ описаніе зимы.

Въ царствѣ суровой Зимы
Нѣтъ суеты никакой,
Только жестокой Морозъ
Ходитъ съ своею клюкой,
Смотритъ,—надеженъ ли ледъ,
Плотенъ ли выпавшій снѣгъ,
Сыты ли волки въ лѣсу,
Живъ ли въ избѣ дровосѣкъ.
Всѣ отъ Мороза ушли,
Всѣ,—кому жизнь дорога,—
Только деревья стоятъ:
Ихъ придавили снѣга...
Некуда лѣсу уйти:
Въ землю корнями онъ вросъ,
Ходитъ по немъ и стучитъ
Палкою бѣлый Морозъ.

Это ли не чудное описаніе зимы, вполне понятное ребенку и изложенное въ звучныхъ приемахъ, которыя такъ и хочется усвоить и запомнить.

Много разъ потомъ я давалъ выучивать дѣтямъ и эту сказку, и „Полутный вѣтеръ“, и дѣти съ удовольствіемъ относились къ этому. Да и не однѣ его сказки выучивались ими съ удовольствіемъ и не одними дѣтьми.

Въ 1879 и 1880 году мы часто собирались у С. М. Лободы, извѣстной дѣтской писательницы Крапивиной. Тамъ бывало много молодежи: студентовъ, гимназистовъ старшихъ классовъ. Изъ писателей бывали тамъ, кромѣ Михайлова и Садовникова, И. С. Пановъ, А. В. Кругловъ, А. В. Арсеньевъ, В. Д. Сиповскій, В. П. Острогорскій и др., только что начинавшіе выступать въ литературѣ. Изъ всѣхъ бывавшихъ въ этомъ кружкѣ среди молодежи особенными симпатіями пользовался Садовниковъ. Его произведенія любили, часто просили его прочитать что-либо, но онъ рѣдко выполнялъ эту просьбу, всегда какъ-то такъ отказывался, что на него никто за это не обижался. Среди молодежи бывали два недурныхъ чтеца А. Червинскій и Н. Дорошенко. Послѣдній самъ пописывалъ подъ именемъ Гридина, и его стихи нерѣдко очень хвалили Садовниковъ. Гдѣ теперь Гридинъ, не знаю. Но это лишь къ слову.

Я этимъ только хотѣлъ подчеркнуть разницу въ современной молодежи и молодежи конца 70-хъ годовъ, когда ее захватывали не исключительно политическіе піиты, но дѣйствительные поэты красоты...

IV.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Д. Н. Садовниковымъ въ 1883 году въ мартѣ мѣсяцѣ, великимъ постомъ. Онъ жилъ тогда по-семейному, гдѣ-то въ Поварскомъ переулкѣ, кажется. Я пріѣхалъ изъ далекой провинціи на нѣсколько дней по земскимъ дѣламъ. И, конечно, прежде всего повидался съ Михайловымъ и Садовниковымъ.

Дмитрій Николаевичъ былъ полонъ силъ и такимъ жизнерадостнымъ, какимъ я его не видѣлъ никогда. Онъ много говорилъ о томъ, что въ будущую зиму собирается выпустить отдѣльнымъ изданіемъ свои произведенія, отдѣливъ оригиналы отъ переводовъ. Говорили и о возможности издать сказки, находившіяся еще подъ запретомъ... Надеждамъ не

было конца... Но всему этому не суждено было исполниться И никто изъ насъ не могъ предвидѣть такого скорого конца.

Помню, у него мы много смѣялись по поводу его литературныхъ шуточныхъ обоарѣній, печатавшихся въ „Стрекозѣ“ и „Будильникѣ“ за подписью Пеонъ 2-ой (Садовниковъ). Отъ Пеона доставалось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, но особенно много К. К. Случевскому, Минскому, Л. Е. Оболенскому.

— Нѣтъ, скажите мнѣ,—говорилъ Д. Н.,—зачѣмъ Оболенскій стихи пишеть? Занимался бы онъ своимъ Спенсеромъ. Изъ-за него у насъ теперь новый глаголъ появился „спенсерить“. Ну и спенсерилъ бы себѣ...

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, Дмитрій Николаевичъ зашелъ ко мнѣ. Я попросилъ его написать мнѣ что-либо въ тетрадь на память.

— Вы знаете, я экспромптовъ не пишу, хотя и грѣшу иногда ими. Да и не люблю ихъ. Если хотите, я напишу вамъ отрывокъ изъ незаконченной еще поэмы. Да я ее еще при васъ началъ: „Рахъ разбойникъ“.

— Помню, былъ такой разговоръ.

— Она еще не кончена. Хотите?

— Очень попрошу.

Дмитрій Николаевичъ подселъ къ столу и минутъ черезъ десять въ моей тетради появилось слѣдующее произведение.

КЛАДЪ

(Отрывокъ изъ поэмы „Рахъ разбойникъ“).

Много всякихъ чудесъ
Затаилъ въ себѣ лѣсъ,
Если вѣрить окрестному люду.
Жемчуги, серебро
И другое добро
Въ немъ кладами зарыто повсюду.

Но разбойничій кладъ
Крѣпкимъ словомъ заклать.
И не всякому дастся онъ въ руки.
Есть одинъ изъ кладовъ
Тамъ на много годовъ:
Ни отцы не добудутъ, ни внуки.

И одни говорятъ,—
Будто „воля тотъ кладъ,
Что горячей рудой поливають“,

А другіе твердятъ:
„Что за воля. Наврядъ!
Это зря только люди болтають“.

Д. Садовниковъ.

Мы разошлись, обѣщая свидѣться въ будущую зиму, но свиданію этому не пришлось состояться. Въ декабрѣ я не могъ попасть въ Петербургъ и написалъ ему, что буду лишь въ мартѣ слѣдующаго года. Не знаю, получилъ ли онъ это письмо, но вскорѣ послѣ его отправки я прочелъ некрологъ о смерти Д. Н. Садовникова въ одной изъ петербургскихъ больницъ.

Приготовленныя къ изданію произведенія поэта такъ и не увидѣли свѣта, а поэма „Рахъ разбойникъ“, какъ говорятъ, совсѣмъ исчезла изъ его бумагъ.

Друзья покойнаго, откликнитесь, повторяю, хоть ко дню двадцатипятилѣтія его кончины.

В. Пинчукъ.

Журнальное и литературное обозрѣніе.

(Тѣни утра. М. Арцыбашева. „Журналъ для всѣхъ“ 1905. № 12).

I.

Культь младенческаго безумія, грязной пошлости и принципиальной безчестности—вотъ та „идейность“, которую изъ книжки въ книжку подносятъ своимъ малолѣтнимъ читателямъ—безтолковымъ, но почему-то сознательнымъ гимназистамъ, идейнымъ, но любопытнымъ и податливымъ гимназисткамъ и студентамъ, по ихъ собственному сознанію, „ничего не понимающимъ“,—въ 12 мѣсячныхъ книжкахъ за рубль въ годъ „Журналъ для всѣхъ“.

Въ общемъ это нѣчто не поддающееся ни описанію, ни вѣроятію. Можно допустить, что какой-то революціонный неврозь или психозъ основательно перетряхнеть взбаломученные мозги малолѣтняго интеллигента, заполнить красными призраками неопытныя и скудоумныя мечты, въ крови и грязи увидить идеалы вѣлтуры и свободы, безжалостно перевереть исторію, исказить и исковеркаетъ всякую теорію, отринеть здравый смыслъ и наплюетъ на логику. Это возможно. И не только возможно, но случается сплошь и рядомъ.

Но, когда молодые люди почти публично предаются неприкровенному разврату, сами сознають, что ничего не понимаютъ, сами томятся своимъ безсиліемъ и ничтожествомъ, не знаютъ ни грамматики, ни ариметики, побили рекордъ всякаго невѣжества и превратились въ кровожадныхъ и бессмысленныхъ скотовъ,—когда журналъ уличныхъ скомороховъ, почти утратившихъ способность членораздѣльной рѣчи, безграмотныхъ самою удручающею безграмотностью, безцарныхъ, какъ копыто хромого барана, вѣнчаетъ вѣнками подвиги дешеваго разврата, бессмысленнаго убійства и дѣтски безпомощной и беззащитной логики и психологіи,—надо признаться, что идетъ не революція, не массовая политическая забастовка, не вооруженное

возстаніе, даже не терроръ, а идутъ Бедламъ и люпанаръ, идутъ подъ именемъ идейныхъ и культурныхъ людей звѣри, хищные, но дикіе и ничтожные,—все впередъ и все выше идутъ разбойники и воры, мошенники и плуты, худшія отстой уличной черни, сгнившей въ навозѣ.

Было бы утѣшительно, если бы и здѣсь негодованіе преувеличивало горечь и злобу сатиры. Нѣтъ, здѣсь ничего преувеличить нельзя. Дѣйствительность злѣе и ужаснѣе всякой сатиры. Мы на двѣ умственного, нравственного и физическаго паденія и разложенія. Общественные нервы уже не реагируютъ на глупость, порочность и преступность бандитовъ, растлителей и поножовщиковъ освободительнаго движенія. Нервы притупились: чего-чего они не перенесли за это время? Нѣтъ той гадости и мерзости, которая-бы не колола глазъ, которую можно было бы святымъ и всеочищающимъ огнемъ возмущенія и гадливости уничтожить и устранить, какъ болотную гадину.

II.

Въ мало-мальски культурной странѣ такой журналъ, какъ „Журналъ для всѣхъ“, просто не могъ бы существовать. Онъ не нашелъ бы читателей. Вѣдь нужна очень своеобразная аудиторія, чтобы переносить величаніе воровъ и убійць, разврата молодежи и безумія подъ лживымъ покровомъ науки. Только безднами общественнаго паденія и растлѣнія живутъ эти сомнительныя вершины, эти вонючіе притоны идейной грязи, вертепы скотскихъ инстинктовъ и похотей.

Мерзко и даже непристойно говорить объ этой идейной вакханалии: слишкомъ уже она грязна и вонюча. Но мы должны видѣть тѣ границы, до которыхъ мы доходимъ теперь и за которыми оканчивается всякое достоинство и приличіе жизни, меркнетъ разумъ умираетъ совѣсть и начинается пустыня полнаго одичанія и первобытнаго хаоса.

Но пусть за насъ говорятъ факты. Мы отмѣтимъ главныя черты крайне характернаго разсказа г. Арцыбашева „Тѣни утра“, этой пестрой смѣси бытовой правды, наивности и полной импотенціи въ вопросахъ философскаго мышленія.

Пусть онъ самъ за себя отвѣчаетъ. Онъ видитъ жестокость, скотоподобіе и болтливость скороспѣлыхъ халифовъ на часъ, но преклоняется или дѣлаетъ видъ, что преклоняется передъ похотями, излишествами и невѣжествомъ зеленой молодежи. Его слово по мѣстамъ льстиво и лукаво. По существу—это злая сатира. По формѣ изложенія хвалебный гимнъ и панегирикъ. Мысль—какъ будто

скользить, слово обрывается и падаетъ въ трясину и вмѣсто искомаго величія получается мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ.

III.

У плетня между двумя садами разговариваютъ — Паша Афанасьевъ, гимназистъ восьмого класса, освобожденный отъ экзаменовъ по болѣзни, и гимназистка, Лиза Чумакова.

Афанасьевъ предлагаетъ Чумаковой ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ—учиться.

— Тамъ вѣдь жизнь какая!.. Тамъ все движется, живетъ... Съ работы на сходку, со сходки въ театръ, или бібліотеку... Вотъ это я понимаю, это жизнь настоящая; а то что-жъ это? Я какъ подумалъ, что двадцать лѣтъ просидѣть въ этой дырѣ проклятой,—такъ...

— Эхъ, заживемъ мы тамъ съ вами!.. Работать будемъ такъ, что только держись... Время-то теперь горячее, рабочее, — люди нужны. Кружокъ будетъ у насъ свой, хорошій... Будемъ искать людей дѣла, — басомъ прибавилъ Паша Афанасьевъ. — Мы съ вами вѣдь еще и сами не знаемъ, какое ощущеніе окунуться въ самую гущу жизни... Когда идешь и чувствуешь, что тутъ рядомъ, плечо въ плечо, шагаютъ такіе-же люди, рабочіе, сильные... смѣлые...

— А то читаешь, какъ люди живутъ, борются, себѣ счастье куютъ... иной разъ духъ захватываетъ, такъ, кажется, и побѣжалъ бы впереди всѣхъ, а... только изъ книжки, сидя за чаемъ съ вареньемъ, и узнаешь, что есть какая-то иная жизнь, непохожая на твое куриное прозябаніе.

Какъ доходить „до жизни такой“ наши восьмиклассники, — дѣло давно знакомое. Непремѣнно по книжкѣ и непремѣнно за чаемъ съ вареньемъ. Слащавая сантиментальность юнаго разгильдяя легко переходитъ въ побѣдные громы борьбы и создаетъ атмосферу крови и убійства.

Паша—какой-то бобыль, сирота. Его родителей нигдѣ не видно. Онъ самъ неопытный и единственный кузнецъ своего счастья, скорѣе идеалистъ, чѣмъ убѣжденный бомбометатель и взрывчатыхъ дѣлъ мастеръ.

Но Лиза росла въ дружной и хорошей семьѣ. Окружающая среда ее не заѣдала, а кормила до отвала. Любовь и согласіе царили въ домѣ. У Лизы уже сложились кое-какіе очень хорошіе задатки. Казалось-бы, что ея взгляды просты и ясны, какъ проста и ясна вся ея жизнь. Что-то слишкомъ легко она поддается искушеніямъ восторженнаго, но явно плохо подкованнаго трибуна.

Какой жизни ждалъ и жаждалъ Паша Афанасьевъ, что онъ счи-

таетъ и называетъ жизнью, Лиза Чумакова скоро увидитъ своими глазами и пойметъ, такъ сказать, на своей шкурѣ.

Но не по душѣ приплась ей эта тупая, подлая и пошлая „жизнь“. Она ея не вынесла и погибла. Отчего же молчалъ въ эти минуты ея умный, здоровый и чистый инстинктъ? Что показалось ей убѣдительнымъ въ легкомысленной болтовнѣ скороспѣлаго нигилиста? Почему на этотъ оплывшій сальный огарокъ по вечерамъ летятъ всѣ глупенькія бабочки провинціального захолустья? Казалось бы, слишкомъ ужъ тривиальны и дешевы бумажные розы и восковые херувимы съ вербнаго торго, которыми соблазняетъ красивую дѣвочку гостиннодворскій ловеласъ. И этого довольно для торжества Амура и популярной книжки?

— Попутчица для васъ уже есть: Дора Варшавская,—сообщилъ запасливый Паша.—Тоже на курсы ѣдетъ... Она изъ Сумской гимназіи...

— Жидовка?—спросила Лиза издали.

— Жидовка... т.-е. еврейка! — огорчился Паша Афанасьевъ. — Какъ вамъ не стыдно, Лиза, ей Богу?.. Я думалъ, вы выше этого!..

Умный инстинктъ,—а онъ, какъ видно, у нея былъ,—предостерегалъ Лизу. Но чрезмѣрно вѣротерпимый Паша безсознательно толкалъ ее на свиданье съ безсердечной и честолюбивой дѣвушкой, завистливой и бездарной, жестокой безъ цѣли и вѣроломной по привычкѣ, которая и довела Лизу до конечной гибели.

Паша былъ говорливѣе и либеральнѣе Лизы, но у Лизы было тораздо больше такта и чуткаго инстинкта, чѣмъ у него. У мальчишка, кромѣ теоретической окрошки, за душой не было ничего. У дѣвочки были живые и зоркіе глаза. Почему же она вдругъ ослѣпла?

IV.

За Лизой очень ухаживаетъ корнетъ Савиновъ, который считается даже ея женихомъ. Повидимому, юноша милый и славный, хотя, можетъ быть, звѣздъ съ неба и не хватаетъ.

Уничтожить соперника—для Паши сущій пустякъ.

Лиза съ Савиновымъ пошли „на бульваръ“.

„На дворѣ они встрѣтили мамку квартирантовъ съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ таращилъ глупые водянистые глазки и тянулся къ Лизѣ.“

„Лиза бросила корнета и взяла ребенка на руки. Она высоко подкинула его вверхъ, потомъ прижала щечкой къ своей щекѣ и посмотрѣла на корнета.“

— Г-мъ!.. хмыкнулъ ребенокъ и счастливо засмѣялся, размахивая короткими-обрубками ручонками и пуская пузыри.

„Лиза вдругъ сконфузилась, отдала ребенка и чинно пошла впередъ. На лицѣ у корнета было написано такое счастье, что оно стало блаженнымъ“. При Пашѣ Лиза этого не сдѣлала-бы: онъ идейный.

„На бульварѣ ихъ встрѣтилъ Паша Афанасьевъ, гулявшій съ маленькой, сухенькой барышней, у которой была большая голова съ сухими черными волосами, еврейскіе миндалевидные глаза и мелкія торопливыя движенія“.

Это-то и была знаменитая Цора Абрамовна Варшавская. ▽

Кавалеры пошли вмѣстѣ и перебрасывались отдѣльными замѣчаніями. Паша давилъ корнета своимъ превосходствомъ и сразу-же сталъ выше среды.

Онъ не любилъ военной музыки, которая играла на бульварѣ.

— И звуки какіе-то пошлые и мотивы ваши капельмейстеры выбираютъ... какіе-то, чортъ ихъ знаетъ!.. Скажите, пожалуйста, вѣдь есть же (!) хорошая музыка!.. А впрочемъ, у нихъ въ каждомъ звукѣ слышится, что до музыки собственно нѣтъ никакого дѣла, а просто надо увеселять обывателей,—ну и увеселяютъ.

— Что-жъ?—задумчиво возразилъ корнетъ.—Все-таки пріятно, знаете, въ такой чудный вечеръ послушать хорошенькій мотивчикъ.

Паша Афанасьевъ посмотрѣлъ на него съ уничтожающимъ презрѣніемъ и закусилъ себѣ губу.

— Вотъ,—съ удовольствіемъ прислушиваясь, сказалъ корнетъ:—оч-чень хорошо... Это изъ „Гейши“...—съ еще большимъ удовольствіемъ пояснилъ онъ и слегка прихлопнулъ въ тактъ пальцами.

„Паша Афанасьевъ, окончательно искрививъ губы, посмотрѣлъ на него и хмыкнулъ носомъ. Лиза повернула голову и серьезно посмотрѣла на корнета“.

Ну, за что же такая немилость? Вѣдь Паша, говоря между нами, несъ идейную чепуху, а мотивы „Гейши“ дѣйствительно хороши. Что же давить и насилуетъ здравый смыслъ и вкусъ Лизы? Правда, остротой и блескомъ ума она никогда не отличалась. Думала медленно и туго. Но въ тяжелыя минуты умѣла назвать все своимъ настоящимъ именемъ. Откуда же снова эта буриная слѣпота?

Корнетъ узналъ невеселую для него вѣсть, что Лиза уѣзжаетъ въ Петербургъ на курсы. На какіе? Конечно, на медицинскіе.

— Что такое,—вопрошалъ передовой Паша,—при теперешнихъ условіяхъ педагогическіе курсы?—Чепуха!.. Учить тому, чему вамъ хотѣлось бы, не позволять, а вдалбливать азбуку... слуга покорный!.. То ли дѣло медикъ! Въ его дѣло вмѣшаться трудно... А какое, въ

сущности, счастье хоть одного человѣка спасти страданій. Глядишь, совсѣмъ прошла жизнь и въ только понять надо.

„Добрые, большіе глаза Паши отъ волненія по — Да и при томъ это самое нужное теперь и въ носъ отозвалась Дора“.

Да, правъ Шекспиръ: глупость, какъ солнце, бр Паша глупо дерзить корнету. Почему же въ это умно?

Съ восьмиклассника, конечно, нельзя много и пить себѣ направо и налево съ кондачка. Но, ка не такова была натура Лизы, чтобы слѣпо вѣрить замъ. Ей-то уже не къ лицу такое преклоненіе пе лѣпностью.

— Ахъ, когда я подумаю, что еще два-три мѣ далеко отъ всѣхъ этихъ сѣренькихъ, сытенькихъ, людишекъ, отъ всѣхъ этихъ мелкихъ интересиковъ даже въ груди что-то замретъ!

„Корнетъ издалъ катой-то неопредѣленный дрожа — Что?—строго спросила Лиза.

Корнетъ промолчалъ“.

Тамъ наказуется порокъ,

Тамъ добродѣтель торжествуетъ

Глупые и смѣшные мальчуганы. И молоко еще сохло, а пробуютъ—басить...

Лиза-то могла бы понять, что со стороны Паши ская дерзость, нахальная и глупая. Нахаловъ—и въ оболочкѣ—она потомъ понимала.

V.

Лиза и Дора уѣхали въ Петербургъ. Паша т Но онъ былъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Онъ у хотки и въ своемъ кружкѣ освобождалъ свое мѣ роимъ. Передъ смертью онъ много говорилъ,—болъ чепухи, конечно.

Прочиталъ какую-то книжонку.

— Я когда прочелъ это,—слабымъ и прерыви похожимъ на скрипъ останавливающейся небольшоѣ ворилъ Паша Афанасьевъ и постукивалъ по книгѣ цами,—мнѣ показалось, будто въ моей комнатѣ окн и освѣтлѣло все вокругъ! Все это сѣрый, безрадост

онъ душу выѣдаетъ у человѣка!... А теперь... молодецъ!... Какимъ торжествующимъ аккордомъ онъ заканчивается!... Видъ это какъ посмотрѣть: вѣдь это не простой рассказъ о томъ, что вотъ, моль-была дѣвушка, да и поѣхала учиться... это символъ глубокаго значенія!

Прежде надъ такимъ студентомъ всѣ бы посмѣялись. Больно ужъ просто и глупъ. Съ такимъ узкимъ черепомъ нельзя было переступить порогъ высшей науки. Теперь туда идутъ съ логикою и психологіею целенокъ. Незрѣющее поколѣніе! Какое-то непобѣдимое скудоуміе! Слишкомъ маленькій герой слишкомъ простодушной и тупоумной черни!

— Надо будить,—съ просонковъ лепечеть слабоумный рахитикъ,— надо звать... надо рассказать всѣмъ, что нѣтъ жизни тамъ, гдѣ нѣтъ могучаго, напряженнаго труда! Главное, надо, чтобы исчезъ свой уголь, свои интересы, свои люди, чтобы были *все* люди, *все* кипѣло, чтобы *все* міръ былъ открытъ человѣку.

Присутствующіе не плакали надъ болѣзненнымъ размягченіемъ рахитическаго мозга.

Онъ и теперь былъ выше ихъ,—онъ, безтолково повторявшій чужія слова. Они удивлялись, ждали новаго слова и думали, что можно понять явный вздоръ и сумбуръ. Они, конечно, не могли себѣ представить, что выйдетъ изъ того общества, у котораго пропадутъ всѣ свои люди и всѣ свои интересы и все закипитъ: юность неопытна и мечтательна.

Несувѣтима галиматья принимаетъ въ глазахъ простодушныхъ дикарей таинственныя очертанія то истины, то науки. Мозгъ воспринимаетъ всякую дрянь и процессъ мышленія проникается миазмами засаленной и потрепанной книжки.

Въ Петербургѣ, на первыхъ порахъ, до великаго испытанія и урока, и Лиза совсѣмъ поглупѣла: вѣрила всякой ерундѣ, когда ей говорили свысока и съ апломбомъ.

И умеръ Паша, герой дѣтскаго безвременья, безъ горя и радости для другихъ, какъ вянетъ осенью никому не нужный лопухъ у забора на обрывѣ канавы. Студенты и курсистки его провожали и пробовали поставить его много выше толпы, на чердакъ несуществующаго строя.

— Въ ногу, господа, въ ногу идите!—все время съ состраданіемъ въ голосъ приговаривалъ одинъ изъ несшихъ студентовъ, съ котораго угломъ гроба все сбивало фуражку и рѣзало плечо.

— Ларіоновъ, рѣчь... скажи!—подталкивалъ одинъ другого, и по его вспотѣвшему и красному отъ усилій лицу, было видно, что ему странно уйти отсюда такъ, просто, какъ онъ уходилъ отъ всякаго другого вполне законченнаго дѣла.

— Нѣтъ... что-жь?... дергалъ плечомъ Ларионовъ.

„Молоденькій, красивый студентъ, съ восторженнымъ и неумнымъ лицомъ, вдругъ выступилъ однимъ плечомъ впередъ, взмахнулъ фуражкой надъ своей курчавой головой, и глядя поверхъ крестовъ и памятниковъ, нутрянымъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

„Даромъ ничто не дается... Судьба жертвъ искупительныхъ просить!..“

„И, весь, налившись кровью, торжественно и скромно замолчалъ“.

Что же это значить? И почему сіе важно? Развѣ студентъ „съ неумнымъ лицомъ“ не могъ-бы замолчать такъ-же торжественно и скромно, если-бы надъ гробомъ своего товарища съ должнымъ пафосомъ и энтузіазмомъ прочелъ знаменитый идейный стишокъ:

Ante, apud, ad, adversus,
Circum, circa, citra, cis?..

Бѣдная мошкара въ лѣтнемъ сумракѣ надъ болотомъ! Чего она шумить? Что ей надо? О чемъ она безтолково, хотя и торжественно говорить и молчить?

Сколько ихъ? Куда ихъ гонять?

Что такъ жалобно поютъ?

Домового-ли хоронять?

Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Сбивчивъ и теменъ языкъ идейнаго хаоса!

А въ мучительной драмѣ Лизы, образъ Паши совсѣмъ не понятенъ... Онъ — довольно безтолковый болтунъ, но, повидимому, любилъ Лизу и уважалъ ее.

А она какъ-то совсѣмъ растерялась. Подчинилась влиянію Доры Варшавской и съ умиленіемъ слушала студентовъ съ неумными лицами, пока судьба не ударила ее обухомъ по головѣ и не привела ея настоящія мысли въ порядокъ.

VI.

Глухими и пошлыми разговорами помянули въ этотъ день Пашу его друзья и пріятели. Да и обстановка была самая удручающая. Лиза по дорогѣ зашла къ Дорѣ.

„Онѣ вошли въ ворота, прошли наискось, похожіи на обледевшую помойную яму, дворикъ и по лѣстницѣ, на которой скверно пахло помоями и котами, полѣзли на четвертый этажъ.

„У Доры по обыкновенію сильно билось сердце и стучало во вспотѣвшихъ вискахъ. Въ тѣсной, темной передней, гдѣ еще хуже пахло,—жаренымъ лукомъ и мокрыми тряпками, онѣ раздѣлись и вошли одна за другою въ комнату Доры“.

— Самоваръ подавать?—хрипло и угрюмо спросила ихъ изъ-за двери хозяйка.

„Дора вздохнула. Лиза отвѣтила дѣловитымъ тономъ:

— Подавайте.

„Толстая и грязная мѣщанка, ненавидѣвшая курсистокъ за то, что онѣ жили лучшею (?) жизнью, чѣмъ она, а она должна была за пятнадцать рублей терпѣть ихъ въ своей квартирѣ, хмуро внесла грязный посинѣвшій самоваръ съ кривой камфоркой.

— Булокъ надо?—съ озлобленнымъ презрѣніемъ спросила она, ни на кого не глядя.

— Нѣтъ!—торопливо отвѣтила Дора.

„И Лиза, и Дора всегда стѣснялись и боялись ея, хотя и не признавались въ этомъ и самимъ себѣ. Имъ было страшно и больно отъ этой бессмысленной, холодной злобы этого чужого человѣка, къ которой онѣ не были приспособлены, съ которой не умѣли бороться. Въ ея присутствіи имъ было тяжело и трудно, и когда онѣ встрѣчались съ нею въ коридорѣ, всегда старались незамѣтно проскользнуть. Это было унижительно и непонятно, чуждо ихъ молодымъ, дѣломудренно-простымъ (!) душамъ, бессознательно тянущимся только къ любви, къ ласкѣ и всеобщей привѣтливости.

„Хозяйка зорко и съ явнымъ желаніемъ придраться оглядѣла комнату, сердито схватила тазъ, въ которомъ было чуть-чуть грязной воды и какимъ-то рывкомъ вынесла его вонъ, что-то ворча и хлопая дверью“.

Черта характерная! Дѣвушки никакъ не могутъ приладиться къ существующему строю и осѣсть бѣдно и просто, но прилично. Для Доры это еще понятно. Но Лиза жила въ хорошей семьѣ и могла научиться сносному отношенію къ прислугѣ.

Пришли два студента, Ларіоновъ и Андреевъ. Ларіоновъ болталъ и болтался, какъ вѣтряная мельница.

— По моему, это былъ какой-то совсѣмъ особенный, чудный человѣкъ, — говорилъ онъ про покойнаго Пашу.—Въ немъ была какая-то (?) огромная сила (?)... и какъ-то не вѣрится, что она могла такъ легко умереть... И, главное, была у него способность на другихъ дѣйствовать... Мнѣ кажется, что теперь наше дѣло должно само собой прекратиться...

— Дѣлецъ-то онъ былъ плохой... Но онъ умѣлъ какъ-то зажигать... И вѣдь вотъ какая штука: я очень хорошо всегда знаю, что все это не такъ ужъ великолѣпно, и что спроси самаго Афанасьева, что собственно надо дѣлать, онъ и самъ не отвѣтилъ бы... Или отвѣтилъ бы фразой; но въ немъ самомъ всегда что-то горѣло... и это увлекало... Понимаете?.. И видишь, что все это не такъ, а тянеть... а?“

А вѣдь этому олуху самое меньшее лѣтъ двадцать! Не такъ, а тянетъ,—горько что-то, что никому не извѣстно, — увлекало, но куда и къ чему?

Не говорю уже про десятилѣтняго мальчика изъ деревни; уличный мальчикъ этого возраста въ сто разъ лучше знаетъ, что такое жизнь и гдѣ правда жизни, чѣмъ этотъ дюжій и скудоумный паренъ въ студенческомъ мундирѣ. Имѣеть, надо полагать, аттестатъ зрѣлости, а до сихъ поръ не знаетъ, надо ли учиться и не лучше ли подъ видомъ науки просто убивать неприятныхъ ему людей? И какъ это не надоѣдало хозяйкамъ-курсисткамъ?

— Вѣдь дѣло-то не въ самомъ же ученіи? Вѣдь не собираюсь я посвятить всю жизнь наукѣ.. какъ таковой... Дѣло въ томъ, для чего все это дѣлается,—такъ? Ну, вотъ, я и спрашиваю себя, для чего? У меня никакого отвѣта не получается...

— ...Знаете, я даже старался придумать... то-есть, просто надуть себя: но ничего не придумалъ...

— ...Я, знаете, говорю себѣ такъ: для служенія народу... Хорошшо-о, такъ... Это говорить всегда увѣренно и громко... Это очень легко сказать... Но возможно ли вообще служить народу,—этого въ сущности никто не знаетъ!.. Вотъ, видите ли, какая штука: я, напримеръ, медикъ и, слѣдовательно, долженъ быть докторомъ и лѣчить больныхъ!..

— ...Хорошо... Многихъ я вылѣчу, многихъ не вылѣчу—и главнымъ образомъ не потому, что болѣзнь сильнѣе науки, а потому, что много болѣзней происходитъ отъ такихъ причинъ, которыя вообще... Какъ это называется?..

— Ну, да пусть!.. Такъ вотъ видите, какая штука: буду я лѣчить одного, другого, третьяго, сотаго, безъ конца... Всю жизнь буду лѣчить всякихъ людей, и хорошихъ, которымъ искренно, положимъ (?), желаю добра, и тѣхъ, которыхъ считаю вредными... Сволочь всякую... Я не могу ихъ не лѣчить, потому что и они страдаютъ и имѣютъ право на помощь... Вотъ такая штука.

— ...Значить, надо безразлично смотрѣть на больныхъ, только какъ на больныхъ... Такъ?.. Знаете, казалось бы, что это очень хорошо; а на самомъ дѣлѣ въ этомъ—отсутствіе живой сознательной любви и только“.

Всѣ эти благоглупости пришли очень по душѣ конспиративной еврейкѣ.

— Да,—оживленно отозвалась Дора, радуясь, что ей пришла въ голову удачная (?) мысль.—Я сама думала объ этомъ: выходитъ же такъ, что я лѣчу потому, что жизнь устроена скверно, а сама же вылѣчиваю тѣхъ, которые создали и поддерживаютъ это зло“..

Все это, понятно, очень идейно, освободительно и оппозиционно..

Мысль Доры Варшавской объ организаціи планомѣрнаго и методическаго медицинскаго убійства по проскрипціоннымъ спискамъ эс-дековъ и эсь-зровъ—положительно недурна. Точно слушаешь рѣчь Родичева, Набокова или Аладьина или читаешь передовыя статьи Милокова, Струве и тяжело дышащаго Максима Ковалевскаго.

Но какъ понять г. Арцыбашева? Что онъ пишетъ? Гимнъ ли лиро-эпическій или сатиру? Если гимнъ, то онъ слишкомъ наивенъ. Если сатира, то она слишкомъ зла.

Если дѣйствительно есть такіе студенты и курсистки, то почему г. Бехтеревъ, гуманный и просвѣщенный психіатръ, не хлопочетъ о помѣщеніи ихъ въ камерѣ для адептовъ буйнаго помѣшательства? Вѣдь эта философія для всякаго благоустроеннаго общества, при всей его халатности, опасна...

Глупость глупостью, но и призывъ къ врачебному истребленію одной части населенія сознательными врачами не можетъ не быть предметомъ заботы для законныхъ представителей сильной власти.

— Потомъ, я какъ-то чуть не попалъ въ заговоръ—разсказывалъ будущій террористъ, какъ мы ниже увидимъ.—Мнѣ уже даже револьверъ дали. Браунингъ, что-ли... черный такой, тяжелый!.. Ну, я, было, и подумалъ: вотъ оно!.. начинается настоящее дѣло!.. А потомъ вижу, что и это не то—надо убивать, а потомъ и тебя самого повѣсятъ... Значить, такая штука: я убью, скажемъ, человѣка, которому хочется жить; потомъ убьютъ меня,—мнѣ тоже хочется жить!.. И то, и другое, совсѣмъ непріятно: смерть, а не жизнь. Форменное несчастье и только!“

Ну, это уже совсѣмъ невѣроятно.

Даже и здѣсь дуракъ. Совсѣмъ забылъ про амнистію, про полную безответственность политическаго убійства. Террористы и рѣшаютъ именно эту задачу: убивать другихъ и жить самимъ.

Но даже и на этомъ глупость Ларионова не останавливается.

— Тутъ,—говорить безпомощный и безкостный идейный болтунъ,—у меня въ душѣ пошла такая разладица, что я чуть не удавился!.. Съ одной стороны, дѣло большое, несомнѣнно важное, а съ другой стороны, съ какой стати? Кто смѣетъ требовать отъ меня моей жизни и... чтобы я сдѣлался убійцей?.. И... и... я, понятно, скоро совсѣмъ перестану понимать, въ чемъ тутъ дѣло!.. Вотъ, вѣдь, какая штука... Что хорошаго ни придумаешь, для всего требуется, либо самопожертвованіе!.. И .. и... вообще... Я не могу объяснить всего, но... когда я началъ, то думалъ, что легко высказаться; а теперь вижу, что не выходитъ... Ну, да вы поймете“...

Кто пойметъ эту жалкую оерошку идейнаго занки, это идиотское: „и... и... вообще“... кромѣ такихъ же обиженныхъ словомъ

и разумомъ уродовъ, утратившихъ людское обличье и функціи человѣческаго организма?

И слушатели—поклонились ему.

„Лиза сидѣла на кровати, и ея не было ни слышно, ни видно. Ей было до слезъ жаль Ларіонова и хотѣлось приласкать его, какъ мальчика, и утѣшить; но она не умѣла ничего сказать и молчала“.

Г. Арцыбашевъ влюбленъ въ Дору Варшавскую и поэтому всегда несправедливъ къ Лизѣ. Въ темнотѣ онъ не рассмотрѣлъ выраженія ея глазъ и губъ. Лиза добрая и сердечная дѣвушка. Думаетъ туго, но сердце скорое и отзывчивое. Ей было жаль и дома деревенскаго дурачка, который ходитъ въ кусочки и кормится міромъ. Богъ отнялъ у человѣка разумъ, но это не мѣшаетъ проявленію жалости и состраданія. Она втихомолку „жалѣла“ Ларіонова.

VII.

Впослѣдствіи Ларіоновъ не пригодился даже въ подмастерья обдуманнаго и организованнаго политическаго убійства. Онъ щенокъ по сравненію съ Андреевымъ. Вотъ хищникъ и убійца по убѣжденію и по темпераменту. Онъ идетъ своей дорогой и никакихъ иллюзій не дѣлаетъ. Есть и у него своя бессознательность, темное пятно, пятно въ мозгу, свой провалъ въ адъ. Но этой распущенности, распоясанности и апатичнаго равнодушія у него нѣтъ.

У него хватило цинизма настолько, чтобы вѣкоторыя слова назвать своими именами и, держась своего курса, не пугаться клейма подлости и преступленія на своей жизненной „владимірѣ“. Онъ имѣетъ достаточно цинизма, чтобы открыто носить полъ бритой головы и бубноваго туза на спинѣ и гордиться этими отмѣтинами. Это преступникъ по выбору и убѣжденію, но не убійца изъ чувства гуманности, не воръ по предположеніямъ о безответственности, не слабовольный негодяй изъ сентиментализма. Онъ золъ и смѣлъ и такъ же плюетъ на логику, какъ и на философію. Онъ не нуждается въ оправданіи, потому что не признаетъ надъ собой никакого суда. Онъ будто бы уже потому выше толпы, что презираетъ толпу. А средній интеллигентъ боится толпы и среды, хотя мучительно пыжится жаждою подняться на вершокъ выше толпы и среды—и чувствуетъ, что до этого онъ можетъ только долгаться. И онъ лжетъ,—старается лгать красиво и „подъ логику“, но такъ же беспомощенъ въ логикѣ, какъ и въ ярости своего безсилія. Онъ, какъ нищій, выпрашиваетъ у правительства права.

на безнаказанность убійства и угроза наказанія омрачаетъ его жизненную и оптимистическую жажду проливать кровь. Андреевъ убиваетъ, не дожидаясь амнистіи, потому что, какъ всякій хищникъ, любитъ теплую кровь, какъ кровь, и, зачюявъ ее, ни о чемъ не разсуждаетъ. Здѣсь, въ этомъ кружкѣ дурочекъ и дурачковъ, онъ говорилъ вяло и блѣдно. Но скоро мы увидимъ его и за дѣломъ.

— Вы привыкли,—презрительно говорилъ онъ сырофкамъ и мухоморамъ революціи,—съ раняго дѣтства считать одну жизнь хорошей и глупой, а другую скверной и печальной. Быть писателемъ, артистомъ или, положимъ, политическимъ дѣятелемъ—это прекрасно, а быть, на примѣръ, деревенскимъ учителемъ, мужикомъ, рабочимъ—унизительно!..

— ...Я правду говорю. Вы вѣдь порядочные іезуиты: вы всегда готовы преклониться передъ святымъ трудомъ учителя, рабочаго, крестьянина и прочее, а если васъ завтра судьба заставитъ выгребныя ямы чистить, каменья да глину драть (?), ребятишекъ сопливыхъ учить азбукѣ, такъ вы въ такую меланхолію впадете, что вамъ свѣтъ съ овчинку покажется и стыдно будетъ со знакомымъ встрѣчаться!... А почему? Потому что въ васъ гордости нѣтъ, нѣтъ любви и уваженія къ самому себѣ... Вы не можете вѣрить въ то, что не жизнь краситъ васъ, а вы жизнь! Что всякая жизнь интересна и важна для васъ, только постольку, поскольку она ваша...“

На минуту перебьемъ новаго оратора. Если вы всмотритесь въ отдѣльныя слова и обороты рѣчи, вы увидите, что имѣете дѣло съ человекомъ необразованнымъ и малосвѣдущимъ. Чтобы говорить объ „антимоніяхъ“, надо съ безграмотной чернью перевернуть Канта. Это языкъ улицы и идейной корчмы. Логика часто ускользаетъ отъ автора, попадая подъ то темное пятно въ его сознаниі, которое отмѣчаетъ источникъ преступности для его слова и мысли.

Онъ, со словъ Бебеля и другихъ социалистическихъ болтуновъ, псевдимоу, хочетъ поднять на вершины общественной трудоспособности ремесло толстовскаго Акима. Здѣсь не онъ первый и не онъ послѣдній. Но онъ противорѣчитъ себѣ. На самомъ дѣлѣ онъ аристократъ до мозга костей. Онъ аристократъ по праву преступной рѣшимости. Онъ считаетъ себя патриціемъ духа, только потому, что онъ „дерзнулъ“.

И по своему онъ правъ, когда коритъ идейныхъ пиголицъ обоего пола, не знающихъ ни признаковъ, ни объема своей идеи. Это тоже бѣлоручки. Нищенствуя въ убогой комнатѣ сердитой мѣщанки, наивная дѣва думаетъ, будто хозяйка завидуетъ своимъ квартиранткамъ, потому что онѣ богаче своей мѣщанки. Забавный обманъ зрѣнія! Гордость капиталиста у голоднаго пролетарія! На самомъ

дѣлѣ онѣ презирають свою хозяйку за то, что она не брезгуетъ физическимъ трудомъ, а имѣ—это не по душѣ и не по нраву.

— Я мужикъ,—громовымъ голосомъ кричалъ Андреевъ, любясь своими словами и ихъ выраженіемъ и сжимая кулакъ.—Я съ дѣтства жилъ самъ, своимъ трудомъ и жизнь видѣлъ не въ книжкахъ только!.. Я всю жизнь (?) своимъ горбомъ хлѣбъ зарабатывалъ и привыкъ думать, что для меня я самъ—все... что мнѣ все равно, какое я мѣсто занимаю въ рядахъ другихъ людей, чортъ съ ними со всѣми, когда мнѣ сытно и весело!.. И потому я люблю себя и знаю, что мнѣ нужно... дѣлаю только то, что мнѣ нравится. А вы присматриваетесь къ чужимъ взглядамъ, къ чужимъ способностямъ и... сами не знаете, что вамъ нужно, что вы можете! Ты вотъ рассказывалъ такъ: я „чуть“ въ заговоръ не попалъ... мнѣ „дали“ револьверъ!!—передразнивалъ Андреевъ.—И въ заговоръ вы попадаете случайно, потому что другіе попадаютъ, а въ жизнь идете только потому, что другіе говорятъ, что это хорошо! Нѣтъ, если я въ заговоръ пойду, такъ потому, что мнѣ это нужно и приятно будетъ—мнѣ самому! Я тогда и умру безъ сомнѣній и другого убью,—не морщусь!.. Вотъ!..“

Андреевъ такой же мужикъ, какъ извѣстный рыцарь печальнаго образа, Донъ-Кихоть Ламанчскій. Не надо быть мужикомъ, чтобы „своимъ горбомъ зарабатывать хлѣбъ“. И психологія Андреева не мужика, а сверхъ-человѣка, которому все дозволено. И онъ лжетъ, когда говоритъ, что сдѣлаетъ только то, что ему нравится. На преступленіе, какъ мы увидимъ ниже, не онъ послалъ, а его послали. Онъ былъ рабомъ чужой воли и дѣлалъ только то, что ему приказывали. И онъ работалъ изъ-подъ палки, потому что не смѣлъ отказаться. Тамъ, гдѣ партійная дисциплина и организація суровы, нѣтъ мѣста личности. Это кучка рабовъ подъ плетью тюремныхъ надзирателей. По своему, это кружковая похвальба, т. е. щегольство болѣе модной фразеологіей.

Реальная особенность Андреева сравнительно съ другими въ томъ, что пучекъ темныхъ лучей въ его сознаніи, фокусъ преступленія и убійства, дѣйствуетъ на него съ энергіею освободительной силы, пробудившагося и окрѣпшаго инстинкта, сокровенной долго таймой похоти, выполняющей на край бездны... Фурии перестали бояться Немезиды, дѣйствуютъ на свой страхъ и временно забыли, что возмездіе—неизбѣжно...

Это не кадетъ, какъ Ларіоновъ, потому что онъ готовъ убить, если ему гарантируютъ безопасность. Это трудовикъ, сорвавшійся съ обрыва, какъ камень, который будетъ убивать, потому что подъ влияніемъ фурій—призналъ за собою право на убійство.

„...Въ томъ-то и горе ваше, что вы дѣти того времени, когда

человѣкъ былъ такъ глупъ и жалокъ, что тяготился своей простой и красивой жизнью, и думалъ, что его долгъ уважать и любить все, что угодно, кромѣ самаго себя. Эхъ, вы путанные люди!.. Пугали вы, пугали и запугались окончательно... Чего вы только не придумали, чего только не намудрили надъ собою!.. Тутъ у васъ и Христось, и родина, и человѣчество, и ближній, и дальній.. идеализмъ, и марксизмъ, и прочее... Съ одной стороны все это прекрасно а съ другой—гдѣ же вы сами? Гдѣ же ваша собственная индивидуальная жизнь?.. Мѣста вамъ какъ будто бы и не осталось... т. е. осталось, но какое... чисто жертвенное..."

Или и до сихъ поръ вамъ не видны имена тѣхъ темныхъ богговъ Аида, которымъ среди новичковъ и непосвященныхъ одинъ Андреевъ по ритуалу приноситъ жертвеннаго чернаго козла? Онъ одинъ знаетъ тайну мистеріи. „Все дозволено“. Это еще по Нитцше. „Все дозволено вплоть до убійства“. Это черная месса Андреева и его единомышленниковъ.

Мрачные и закопѣлые своды темнаго Аида—треснули. Сквозь отдушныны поднимается запахъ мѣфитическихъ испареній. Кровь ударяетъ въ голову. Вырвалась на просторъ подъ голубое небо стая демоновъ съ мнимымъ правомъ уничтожить все.

А это азазель, козель отпущенія, надъ которымъ первосвященникъ приноситъ покаяніе въ грѣхахъ народа и котораго потомъ изгоняють въ пустыню къ духамъ ночи, злобы и отчаянія... На немъ уже печать великаго возмездія.

Что же значить по Андрееву любить себя?

— Любить свое существованіе, свое тѣло, свои наслажденія, свою самостоятельность, свое настоящее, не фальшивое, подкрашенное и подстроенное міропониманіе... Вотъ!"

Ларіоновъ просилъ дальнѣйшихъ поясненій.

— Ничего я тебѣ не скажу... пошелъ ты къ чорту, дурья голова! Если не понимаешь самъ, такъ этого не втолкуешь! Все равно будешь пичкаться всю жизнь всякой трухой!.."

Но Андреевъ ошибся: Ларіоновъ понялъ и привнесъ клятву. Заключила себя и Дора Варшавская. Не дошла до кумира только Лиза Чумакова. Ея гибель была проще, безъ претензій, но она ушла къ мрачнымъ обителямъ Орка въ пятнахъ своей, а не чужой крови.

VIII.

Лиза ѣздила на родину. Вспомнилось старое. Не остыла отъ времени слѣпая, не разсуждающая любовь корнета. Дрогнуло и сердце Лизы. Но пришло безграмотное и гнусное письмо отъ Доры.

Оно снова отшибло отъ Лизы совѣсть и разумъ. Она сдѣлала корнету глупую и бессмысленную сцену и снова вернулась въ Петербургъ.

Бездна ее тянула—и затянула сразу, мертвой петлей. Она пала сразу же вульгарно, пошло и глупо. Въ ея сердцѣ въ нужную минуту не нашлось никакой силы, которая удержала бы ее отъ бессмысленнаго разврата и полового рабства цѣною униженія личности. Душа еще не сгорѣла до тла, но покрылась перегорѣвшею корою постоянной пошлости и дурныхъ примѣровъ.

До сихъ поръ мы имѣли иногда дѣло съ человѣческими чертами и побужденіями. Теперь—черта. Человѣка нѣтъ. Есть безвольная самка, не сознающая своего позора, не стыдящаяся своего паденія. У нея своя тайна, которую она таитъ отъ всѣхъ, но которая пригнула въ грязь ея красивую голову. Ей надо было пройти овой искусь, чтобы сбросить иго безумія и порока.

Для черной мессы непристойности обязательны. Это составная часть ритуала. Комментировать ее нечего, но знать надо, чтобы понять тайны новаго культа.

Пусть эта страница тяжелымъ камнемъ ляжетъ на выносливую совѣсть г. Арцыбашева.

„Лиза и студентъ Кореневъ, высокій, черноволосый и смуглый человѣкъ, со жгучими черными глазами и горбатымъ носомъ, шли къ нему на квартиру. На Кореневѣ была студенческая шинель на распахку, шапка сидѣла у него на самомъ курчавомъ затылкѣ, и крѣпкій, звучный голосъ заглушалъ стукъ колесъ и шумъ воды, бѣжавшей черезъ тротуары изъ трубъ.

— Я не понимаю васъ, Лиза... говорилъ Кореневъ, сверкая глазами, какъ злое хищное животное.—Если вы любите меня, а я знаю, что любите, то какой смыслъ уродовать свое счастье и вамъ, и мнѣ?.. Надо брать отъ жизни все, что она можетъ дать!.. Я не люблю трусости, половинчатости и нерѣшительности!..

„Лиза молча смотрѣла себѣ подъ ноги и чувствовала, какъ странно, сладко и страшно дрожать у нея ноги и руки и какъ щемить въ груди. То ухо, которое видѣлъ Кореневъ, маленькое и красивое, алѣло у нея, какъ нѣжный густо-розовый цвѣтокъ.

„Въ комнатѣ Коренева она не раздѣвалась и стояла у стола, распространяя отъ своей черной, гладкой кофточки запахъ свѣжести и холода, пока хозяйка Коренева не внесла самоваръ и не ушла, любопытно оглядѣвъ ее съ ногъ до головы.

„Кореневъ, видимо, былъ возбужденъ, и глаза у него горѣли темнымъ, рѣшительнымъ блескомъ. Онъ былъ очень красивъ, и всѣ движенія его приобрѣли властный и дерзкій оттѣнокъ.

— Раздѣвайтесь же, Лиза!—сказалъ онъ, заперевъ дверь, и подошелъ къ ней.

„Лиза быстро взглянула на него, и тотъ страхъ безотчетный, полудѣтскій, который она всегда испытывала передъ нимъ съ самаго начала знакомства, отразился на ея поблѣднѣвшемъ, по прежнему серьезномъ лицѣ.

— Ну, раздѣвайтесь же! — повторилъ Кореневъ и, протянувъ вздрагивающія руки, самъ сталъ разстегивать ея кофточку.

— Я сама... тихо проговорила Лиза. Она отколола шапочку и сбѣла къ столу.

— Нѣтъ, что же вы?.. раздѣвайтесь!—возразилъ Кореневъ.

„Она послушно встала и начала снимать кофточку. Кореневъ сталъ ей помогать и быстро и грубо обнялъ ее, швырнулъ кофточку на полъ и, поднявъ Лизу на воздухъ, однимъ движеніемъ повернулъ, такъ что коса его мягко ударила по лицу, и опустилъ на кровать.

„У Лизы закружилась голова, страхъ и отчаяніе, какъ при паденіи во снѣ въ страшную пропасть, охватили ее, она сдѣлала слабое усиліе вырваться, изогнулася на подушкѣ, и вдругъ затихла и закрыла глаза. И все поплыло вокругъ въ жгучемъ и страстномъ хаосѣ страданія и наслажденія.

„Она встала тихо и, не глядя на Коренева, прекрасная и жалкая въ своемъ сбромъ, измятомъ платьѣ, съ рассыпавшимися волосами и опущенной головой. Кореневъ дышалъ тяжело и рѣдко. Глаза у него блестѣли и ноздри раздувались восторгомъ и силой. Станный, теплый запахъ окутывалъ ихъ и вся комната, казалось, тонула въ какомъ-то горячемъ сладострастномъ туманѣ.

„Лиза ушла поздно. Въ коридорѣ было темно и она старалась пройти его неслышно и незамѣтно. Но отъ двери хозяйки падала полоса свѣта, и тощая, худая чиновница вышла на порогъ.

— Затворяйте, пожалуйста, дверь!—скрипучимъ голосомъ, въ которомъ слышалось презрѣніе и насмѣшка, сказала она.

„На лѣстницѣ Лиза остановилась, упала грудью на перила, твердые и холодные, и замерла, закрывъ глаза. Перила вдавливались въ небольшую упругую грудь... Было холодно и пусто. Кто-то хлопнулъ внизу дверью, и стукъ гулко пронесся по всѣмъ этажамъ. И представилось Лизѣ, какая она маленькая; маленькая, несчастная и униженная, и что во всемъ свѣтѣ она одна. Въ головѣ ея мелькнулъ образъ Коренева, странно свѣтлый и яркій, точно въ какомъ-то ореолѣ, и погасъ безсильно въ ея потемнѣвшей и опустѣвшей душѣ“.

IX.

Жаль бѣдную Лизу. Какъ когда-то Гаральдъ Свенгольмъ, она была
Самъ себя погубитель и врагъ.

Но не оттого она погибла, отъ чѣго погибъ благородный и изящ-
ный скандинавскій викингъ.

Его голосъ звучалъ, какъ морская волна,---

Мраченъ взоръ былъ грозящихъ очей...

И была его длань, какъ погибель, сильна...

Сердце—зыблемой трости слабѣй...

Струны мощныя арфы Гаральдъ напрягалъ,

Струны сердца порвалися въ немъ...

О, нѣтъ, не такой кристально чистой, благородной и свѣт-
лой была маленькая душа запутавшейся Лизы! Она слишкомъ
долго не знала высокихъ порывовъ. Въ числѣ другихъ, которыхъ
много и безъ нея, которыя несутся въ освободительномъ движеніи,
„какъ обезсмысленныя щепки давно разбитыхъ кораблей“, она
мелькнула въ мутной и грязной пѣнѣ отхлынувшего потока и не-
чѣмъ вспомнить ей пустую, праздную и безтолковую жизнь оди-
чавшей и опустившейся курсистки.

Съ вѣшной стороны это одинъ изъ многочисленныхъ женскихъ
нулей къ ничтожной единицѣ героя освободительнаго движенія,
грубаго, какъ первобытный дикарь, сладострастнаго, какъ павіантъ,
ухаживающаго, какъ дюжій конюхъ съ серебряною серьгой въ лѣ-
вомъ ухѣ. Дешево достался ему миртовый вѣнокъ слишкомъ доступ-
ной и податливой Венеры.

Онъ, какъ дикій аланъ, послѣ порыва грубой чувственности
свирѣпо и безжалостно вышвырнулъ ее за дверь, не захотѣлъ ее
проводить, чтобы защитить и оборонить по возможности ея пору-
ганную честь отъ лишнихъ и ненужныхъ оскорбленій и обидныхъ
насмѣшекъ.

Вотъ чего стоила ея любовь и ея красота! О, никогда бы такъ
не поступилъ корнетъ Савиновъ, для нея рыцарь безъ пятна и
укора, который умѣлъ цѣнить въ женщинѣ личность и изъ-за не-
чистой любви не забывалъ уваженія. Глупенькій Паша Афанасьевъ
еще не проникся до такой степени идейнымъ цинизмомъ, чтобы
видѣть въ Лизѣ только самку, только мимолетный порывъ набѣжав-
шей чувственности.

Да,—отгорѣли огни, облетѣли цвѣты.

Грубый, нахальный самецъ сорвалъ чистую лилію и бросилъ
въ грязь.

Не Лизы—жаль. Съ Дорой Варшавской другой дороги ей и не
было. Жаль чистой дѣвушки, любовь и ласка которой принимается

съ такимъ высокоумнымъ презрѣніемъ, съ такой сытою и глухою снисходительностью развлекающагося восточнаго деспота.

Для такой героини—ужь нѣтъ драмы, нѣтъ романа, нѣтъ поэзіи. Идеальный циникъ и свою квартиру превратилъ въ какой-то публичный люпанаръ и не считалъ нужнымъ скрывать даже слѣды откровенной и безшабашной оргіи.

Современная идейность—это какой-то вонючій налетъ злокачественной парши и наследственной коросты. Несомнѣнно, что наши идейныя барышни темны и невѣжественны, поражаютъ своею безграмотностью и обскурантизмомъ.

Что, если бы этой обезьянкѣ попался изящный томикъ „Amores“ Овидія? О, Коринна была только либертинка, гетера, вольноотпущеница. Она не изъ дома славныхъ старыхъ патриціевъ. Но какъ нѣжно и льстиво было жалобное слово одного изъ величайшихъ поэтовъ Рима, какимъ бѣшеннымъ остроуміемъ онъ умѣлъ вызывать улыбку на миломъ лицѣ, какимъ сверкающимъ вдохновеніемъ платилъ за мимолетную ласку!

А если бы она умѣла прочитать и понять прозу и стихи „Vita Nuova“, гдѣ суровый тосканскій поэтъ падаетъ въ обморокъ при видѣ божественной Беатриче, гдѣ самъ великій Данте въ терцинахъ „Божественной комедіи“ молитвенно склоняетъ колѣна, при встрѣчѣ съ монной Биче? Но онѣ не будутъ читать могучихъ стансовъ пѣвца суровой справедливости, потому что не для нихъ лучшіе идеалы женственной красоты.

А „Canzoniere“ Петрарки? Молось волшебницѣ-Фортунѣ, чтобы она не давала этой чудной книжки въ руки русской идейной женщины! Что она пойметъ въ тонкой ажурной работѣ величайшаго виртуоза-ювелира, который съ такимъ гениальнымъ блескомъ могъ замѣнить въ жемчужныхъ созвучіяхъ сонета тѣнкій и граціозный комплиментъ до смерти любимой Лаурѣ?

Не для нихъ и Фіамметта Боккаччіо! О, мессеръ Джіованни отнюдь не дамскій кавалеръ. Когда онъ разсердится, онъ ругается, какъ сапожникъ. Но, когда онъ любитъ и проситъ любви, задорнымъ и искательнымъ юморомъ блещетъ его вѣрачивый и ласкающій стихъ, страстью и вдохновеніемъ блещетъ и искрится пѣна искрометнаго бокала, ласка и поцѣлуй становятся цѣлью жизни и лучшимъ трофеемъ побѣды.

Вспоминать ли величавыя тѣни Клеопатры, Офеліи, Дездемоны, Порціи и гетевской Маргариты? Вспоминать ли на путивльскои стѣнѣ скорбную Ярославну, которая со всею землею томится объ участи плѣннаго Игоря, степному ковылю и вѣтру довѣряетъ свою тоску и свои тревоги въ разлукѣ и въ вѣкахъ становится идеаломъ вѣрной жены и вѣрной подруги?

Было. Нѣтъ. *Другія tempora et mores.*

*Andre Zeiten, Andre Vögel,
Andre Vögel, Andre Lieder.*

Жаль не Лизы, а жаль бѣдной русской идейной женщины. Теперь это не человѣкъ, а какая-то „волчья сыть, травяной мѣшокъ“. Хохлячки-полонянки своею красотой плѣняли сумрачныхъ членовъ венеціанскаго державнаго совѣта и полновластными хозяйками входили въ державныя *Palazzo* на *Canal Grande* или на *Riva dei Schiavoni*.

Вы не читали этихъ любопытныхъ документовъ у Мольменти? Если вамъ будетъ стыдно за современную идейную русскую женщину, прочитайте эти жалобы въ Сенатъ венеціанскихъ патриціановъ на красоту и властолюбіе плѣнныхъ славянокъ.

Въ освободительной грязи топчется женская честь и женская гордость. Кореневъ, вліятельный членъ летучей революціонной организаціи, какъ перчатки, мѣняетъ своихъ разноплеменныхъ одалисокъ. У сартовъ въ Туркестанѣ и у нищихъ бедуиновъ въ аравійской пустынѣ положеніе женщины выше и благороднѣе, чѣмъ у этихъ капраловъ идейной казармы, которые за ласки платятъ тумаками и спускаютъ съ лѣстницы.

Привѣтствуйте же, кто въ силахъ, новую лирику пролетарской любви и морали!

X.

Теперь о Лизѣ, какъ женщинѣ и дѣвушкѣ, говорить уже нечего. Теперь это только пушечное мясо въ обозѣ для мародеровъ революціи и терроризма. Ея протестъ идетъ своею чередою. На первомъ планѣ создается апогеозъ крови и убійства. И здѣсь такое же право на вниманіе имѣетъ уродливая Дора Варшавская, какъ и красивая Лиза Чумакова. И даже Дора имѣетъ огромное преимущество передъ Лизой по утонченной наглости, подлости и вѣроломству въ своихъ инстинктахъ.

Лизѣ приходится умирать отъ обжоговъ своего собственнаго нечистаго огня. Дора, перешагнувъ черезъ ея трупъ, подымъ обманомъ устранивъ ее съ дороги, идетъ отъ славы къ славѣ и добивается довѣрія организаторовъ сенсаціоннаго политическаго убійства.

Въ спертой и удушливой комнатѣ Доры Варшавской зрѣютъ сѣмена новаго преступленія. Мало-по-малу оно выходитъ изъ тумана.

„Почти каждый день къ Дорѣ и Лизѣ, жившимъ теперь въ

одной комнатѣ, приходили Ларіоновъ и Андреевъ и цѣлыми вечерами постоянно спорили объ одномъ и томъ-же.

— Я понимаю теперь,—разводя руками, вскакивая и глядя поверхъ пенснэ, говорилъ толстый, бѣлобрысый Ларіоновъ.—Теперь время борьбы для борьбы,—вотъ какая штука!.. Прежде на борьбу смотрѣли, какъ на долгъ или какъ на печальную необходимость,—понимаете?.. А теперь находятъ наслажденіе въ самомъ фактѣ борьбы... наслажденіе чисто животное, эгоистическое, для самого себя—вотъ въ чемъ штука!

— Вѣрно,—одобрительно соглашался Андреевъ.

— Ну, да... Только это очень просто... такъ всякій обратится въ звѣря!..

— Нѣтъ, братъ, врешь! — усмѣхался Андреевъ. — Это надо умбючи... Звѣремъ, какъ ты говоришь, такимъ звѣремъ, какъ я понимаю, надо или родиться, или съ дѣтства воспитаться!.. А тебѣ будешь просто скотиной и больше ничего!

„Лиза внимательно слушала ихъ, сидя въ углу кровати, и представляла себѣ Коренева такимъ, какимъ не разъ послѣ того вечера онъ приходилъ къ ней въ отсутствіе Доры. Въ первый разъ она почувствовала къ нему какую-то нѣжную жалость и хотѣла приласкать его, прижаться къ нему и сказать что-то хорошее, нѣжное, со слезами на глазахъ. Но онъ былъ требователенъ, веселъ и жестокъ, смѣялся и ласкалъ ее такъ, что послѣ его ухода у нея болѣло все тѣло и цѣлый день она была слаба и нездорова. Вѣяло отъ него силой и холодомъ, и Лиза стала бояться его по прежнему и даже больше. То, что онъ дѣлалъ съ ней, было противно и стыдно. Но она не смѣла ему противиться и подчинялась покорно и робко. И теперь, слушая Андреева, она представляла Коренева именно тѣмъ звѣремъ, о которомъ онъ говорилъ; и ей было стыдно, больно и страшно, чтобы никто не узналъ объ ея ужасѣ, униженіи и страданіи“.

Всмотритесь въ эту бѣдную и грязную комнату русской курсистки. Вслушайтесь въ тѣ разговоры, которые ведутъ между собою постоянные гости. Вникните въ психологію каждаго въ отдельности и потомъ объедините ихъ общими чертами.

Развѣ это жилище человѣка? Развѣ здѣсь есть высокіе помыслы и честныя думы? Есть великая жажда мысли и знанія, неутомимое алканіе истины, чуткое вниманіе къ голосу прошлаго, къ завѣтамъ исторіи, къ историческому смыслу жизни? Развѣ здѣсь есть характеры съ твердою и опредѣленною волею, съ ясно сознанною цѣлью, съ энергіей въ ея достиженіи, съ честнымъ и достойнымъ подвигомъ жизни? Есть-ли хоть отрасли, которыя не даютъ истиннаго величія въ жизни, но только призракъ величія и, захватывая

человѣка цѣликомъ, до краевъ наполняютъ кипящую чашу его хмеля? Есть-ли хоть темпераментъ съ дикою стремительностью непобѣдимыхъ инстинктовъ, съ вакхическою жаждой новой красоты и новыхъ искушеній, когда кровь горячо приливаетъ къ пылающему мозгу и все заливаютъ волной опьяненія и порыва?

Ничего, чѣмъ красна и пестра жизнь, что помогаетъ зрѣлости мозга, что учитъ и дисциплинируетъ сердце, что отлагается въ драгоценныхъ жемчужинахъ опыта и совѣсти. Все мимолетно, случайно, беспочвенно и фантастично. У cadaго изъ нихъ „мысли—разсѣяны, какъ листья послѣ бури“. Человѣка больше нѣтъ. Идеинный человѣкъ, убѣжденный въ своемъ происхожденіи отъ обезьяны, форменнымъ образомъ превратился снова въ обезьяну, утратилъ запасы наслѣдственнаго опыта, отрекся отъ истинной культуры и науки и, какъ Адамъ въ раю, снова смотритъ на формы животнаго и растительнаго міра, путая давно забытыя имена и названія.

Посмотрите, о чемъ спорятъ эти юные мандрилы въ студенческихъ мундирахъ Андреевы и Ларионовы. Надо быть звѣремъ. Въ этомъ всѣ согласны. Но не надо быть скотиной, вносить поправку Андреевъ. Глупая поправка. Что звѣрь, что скотина—все одно. Разница только въ отношеніи человѣка къ животному, а не въ родовыхъ признакахъ. По этой терминологіи можно было бы сказать, что въ современномъ обществѣ идеинный мужчина относится къ мужчинѣ, какъ звѣрь,—а къ женщинѣ, какъ скотина.

Они звѣри, потому что по-человѣчески ничего не понимаютъ и не чувствуютъ. Вотъ рядомъ съ ними жалуется и тоскуетъ маленькое сердце простой дѣвушки. Ее со школьной скамьи обманули лисьи рѣчи шакаловъ идеинности. Родители по лѣности и нерадіию просмотрѣли опасность. Молодые самцы изъ будущихъ звѣрей, обманывая и себя, узорной, но глупой рѣчью, убили инстинкты чести и совѣсти, достоинства и приличія. Они говорили золотые сны о золотомъ вѣкѣ. И повѣрилъ имъ дикій и невѣжественный звѣрекъ изъ темнаго провинціального захолустья, погасъ его разумъ, растлилась воля, заснула совѣсть.

Настало время и пришлось тяжело расплатиться—за чужія ошибки. Дѣвушка—это жертва на алтарѣ юношескаго студенческаго разврата, та anima vilis, которая усаждаетъ безконечные досуги неучащейся молодежи и устилаетъ имъ дорогу черезъ постоянную грязь истинно-свинской жизни.

Было время, когда Шелгуновъ обращался въ провинцію съ воззваніемъ къ идеиннымъ женщинамъ—ѣхать въ столицу, утѣшать и усаждать передовыхъ борцовъ за идею, внести женственность и поэзію въ ихъ писательскій, хорошо оплачиваемый трудъ Это было. Это фактъ. Онъ не постыдился приглашать провинціаль-

ныхъ матронъ въ ряды литературной богемы, на ложе гетеръ передовой прессы. И этотъ поэтъ люпанара считалъ себя вождемъ чело-вѣчества! Наши революціонеры — дѣти этихъ отцовъ. Грязь, нечистоплотность и половая распущенность — у нихъ въ крови. Это уже наследственное.

XI.

Въ черствой, жесткой и завистливой душѣ Доры Варшавской зрѣеть новая драма, — или, точнѣе, новая мерзость.

„Дора была молчалива и сосредоточенна. Она почти не слушала спорящихъ и вся жила мыслью о томъ, что по ночамъ писала, пряча даже отъ Лизы. Ей казалось теперь, что наконецъ она нашла то, что ей было нужно, и когда ночью иногда въ жгучемъ волненіи вставала она и начинала тихо, чтобы не разбудить Лизу, ходить по комнатѣ, голова у ней горѣла, глаза расширились, необъяснимое волненіе, сладкое и мучительное, тѣснило грудь. Она проводила рукой по сухому, горячему лбу и что-то свѣтлое, славное и громадное рисовалось ей впереди.

„Но въ одинъ сѣрый и холодный день, въ пустой и холодной комнатѣ редакціи ей вернули ея рукопись, холодно и равнодушно“.

Разберемся въ этомъ фактѣ. Честолюбивой еврейкѣ захотѣлось литературной славы. Что-же? Дѣло доброе. Слава завидная. Это работа, на которую можно безъ колебаній отдать всю свою жизнь. Пусть дорога будетъ трудна и опасна, но каждый подъемъ на высоты сторицей вознаградитъ за всѣ лишенія и всѣ усилія.

Правда, лавры литературы далеко не одинаковы. Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ и звѣзды бо различаютъ между собою во славы.

Съ этимъ надо мириться. Не всѣмъ пить изъ золотого кубка воду Кастальскаго ключа. Не для всѣхъ шумитъ источникъ Ипокрены. Есть небольшой, скромный, но полезный литературный трудъ. И онъ даетъ свой хлѣбъ, и онъ нуженъ людямъ.

Если передъ славолюбивой мечтательницей „загорѣлось впереди что-то свѣтлое, славное и громадное“, — знакъ добрый. Было надъ чѣмъ поработать, чему придать форму, голосъ и жизнь.

Но дѣло — не выгорѣло. Значитъ, ничего и не загоралось. Если бы загоралось, то такъ или иначе, позже или раньше, оно бы и загорѣлось. Значитъ, было желаніе литературной славы вообще, а не великихъ утѣшеній литературнаго призванія и труда. Значитъ, это былъ только мыльный пузырь, которому не суждено красоваться долго

Потекъ—и ослабѣлъ. Напрягся—изнемогъ. Дѣло не новое.

Но какъ-же освирипѣла и овлилась бездарная и притязательная еврейка при этой первой неудачѣ! По дорогѣ на встрѣчу ей попались двѣ курсистки, болтушки, какъ всегда, съ своими курсовыми новостями и сплетнями.

— Какъ мало имъ нужно, чтобы жить, — глубокомысленно замѣчаетъ новый Киѳа Мокіевичъ въ юбкѣ, макая перо въ разумъ.— Какая пошлость! Какая пошлость!... Господи, хоть-бы умереть-же!“

Да, Фаятонъ когда-то дерзаль на великое. Онъ погибъ, сорвавшись съ небесной высоты. Но онъ дерзаль и на высотѣ былъ. Какое-же право на высшее человѣческое призваніе имѣетъ эта простая и грубая глина съ наскоро стяпанными членами благороднаго человѣческаго тѣла? Чего пыжится эта лягушка и раздуваетъ свое мягкое и дряблѣе жабы горло?

Какой высокій помрачился умъ!

Какое сердце биться перестало!

Да, ничуть не бывало. Въ подлунной все обстоитъ благополучно. Состряпала невѣжественная и полуграмотная курсистка-еврейка бездарную и скучную повѣстуху. На ней редакторъ сдѣлалъ надпись: „въ возврату“. И ничего больше. Такихъ трагедій хоть прудъ пруди. Но бездарность часто бываетъ завистлива, высокомерна и подла. Такою именно и была она у Доры Варшавской.

„Ею овладѣла страшная злоба. Ей захотѣлось пронзительно крикнуть, ударить кого-нибудь, броситься ничкомъ въ грязный, талый снѣгъ, биться въ немъ, царапать его руками, грызть и кого-то проклинать; проклинать такъ отчаянно и злобно, какъ когда-то при ней худая, заморенная еврейка, съ безумными глазами, проклинала Бога и людей надъ трупомъ погибшаго во время погрома сына“.

Но Дора Варшавская не имѣетъ никакого права сравнивать себя съ несчастной еврейкой: у той сына убили, а у нея—рукопись возвратили изъ редакціи, хотя во всякомъ случаѣ мстительность—это общая черта племеннаго темперамента.

Кого-же грызть? Кого царапать? Кого и за что проклинать?

Это скотская ненависть и злоба бездарности, возмечтавшей о дешевыхъ лаврахъ.

О, нѣтъ,—не вспоминайте Моцарта и Сальери. У Сальери были свои заслуги. Сальери понималъ и по достоинству цѣнилъ геній Моцарта. Онъ виноватъ, онъ тяжело грѣшенъ, ему нѣтъ прощенія. Онъ злодѣй. Но никто не назоветъ его идиотомъ. Злобствующая ярость расходившейся еврейки съ искусствомъ ничего общаго не имѣетъ.

Но, теперь это ядовитая почва, на которой вырастает цикута. Погибнетъ, конечно, не Сократъ. [Погибнетъ маленькій и слабый человѣкъ. Но подлая Дора на комъ пришлось сорветъ свою злобу и утолить свою месть. Преступленіе будетъ бессмысленнымъ и безцѣльнымъ, но она уйдетъ сладострастіемъ созерцанія чужихъ страданій.

Довѣрчивая Лиза не понимала, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло.

„Это было такое острое и мучительное чувство, что ей самой страшно и тяжело.

— Да что въ самомъ дѣлѣ случилось?—пыталась она спросить себя.—Ну, и пусть у меня нѣтъ таланта... что-жъ изъ этого?

— Не таланта,—отвѣчала она сама себѣ.—У меня ничего нѣтъ... На сходкахъ я только молчу, учиться мнѣ только скучно... я заурядная, ничтожная... Но это не можетъ быть!... Тогда лучше не жить!...

„Дома она впала въ тяжелую и безнадежную апатію, и Лиза не могла вывести ее изъ напряженнаго, тупого молчанія.

— Дорочка, милая... да что съ тобой?—спрашивала она тихо и трогательно.—Вѣдь ничего не случилось...

„И почему-то Дорѣ казалось обиднымъ это предположеніе Лизы; хотѣлось открыть передъ нею какую-то мрачную и унылую бездну, и освѣтить себя трагическимъ свѣтомъ.

„Ночью Дора вдругъ встала съ кровати, босая и въ одной рубашкѣ, маленькая и тоненькая, съ растрепанными, сухими черными волосами, подошла къ Лизѣ и сѣла къ ней на кровать.

— Лиза,—изступленно зашептала она, ломая сухенькія, смуглыя руки,—я говорю тебѣ, что я больше не могу!... У меня была одна надежда подняться надъ толпой... Я не знаю, что теперь дѣлать съ собой и чего желать!... Все кажется безнадежнымъ, сѣрымъ... И это жинань!... Если-бы ты знала, что я передумала и почувствовала за это лѣто въ этой проклятой конторѣ, гдѣ на меня смотрѣли, какъ на какое-то ничтожество... И каждый контролеръ смотрѣлъ на меня сверху!...

— Дорочка, это пройдетъ...

— Что пройдетъ?—почти крикнула Дора, съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ прислушиваясь къ собственнымъ рѣзкимъ и мрачнымъ словамъ.—Я не ребенокъ, чтобы впасть въ отчаяніе отъ случайной неудачи... Нѣтъ, я чувствую, что у меня въ душѣ нѣтъ того, что даетъ людямъ возможность жить. Я не какъ глупа, чтобы утѣшаться какими-то игрушками... Я могла бы жить, если-бы чувствовала себя наверху... надъ всѣми... большой, смѣлой, гордой!... А такъ, учиться, ѣхать одною изъ тысячъ, въ глушь какую-нибудь, лѣчить всю жизнь какихъ-то идіотовъ, состариться и уме-

реть такъ-же незамѣтно, какъ жила... Неужели ты не понимаешь, какой это ужасъ!... Пойми, плѣтую жизнь! Лучше смерть!—страстно выкрикнула Дора, трагически вытягивая голыя смуглыя руки.

„Лиза смотрѣла на нее большими, серьезными и строгими глазами и лежала неподвижно. Слышно было, какъ на хозяйской половницѣ что-то скрипнуло, точно тамъ качали деревенскую люльку.

„Дора молчала и смотрѣла прямо передъ собою, широко открывъ черныя, миндалевидныя глаза. И ей казалось, что въ этихъ глазахъ Лиза видитъ сейчасъ что-то роковое, трагически-прекрасное. Случайно высказанная мысль, казалось ей, освѣтила ее ужаснымъ и красивымъ свѣтомъ. И Дора подумала, что ничего нѣтъ красивѣе, величественнѣе и легче, какъ убить себя.

— Лучше смерть!—повторила она, сжавъ брови и прислушиваясь къ своимъ словамъ.

„Лиза поднялась на локтѣ и серьезно кивнула головой.

— Я уже думала объ этомъ... просто, но съ какою-то зловѣщею серьезностью сказала она.

„Дора долго молчала и думала. Ей показались странными слова и тонъ Лизы, но долго останавливаться на нихъ она не могла. Ей хотѣлось думать о себѣ“.

XII.

Въ эту ночь въ маленькомъ и гнусномъ сердцѣ Доры Варшавской до дна обнажается неприхотливая тайна всей русской политической свободы и всего русскаго террора. Въ малой и грязной каплѣ воды отразилась лазурная плѣсень гниющей идейности. Завѣса упала. Тайны больше нѣтъ. И свѣтъ упалъ на сцену совсѣмъ не съ той стороны, съ которой ожидали.

Не одна Дора, всѣ кадеты и трудовики, большевики и меньшевики, террористы и анархисты—когда-то снесли свою полуграматную статью „въ пустую и холодную комнату“ редакціи и въ свое время прочли роковую надпись: „къ возврату“. Всѣ они, встрѣчая на дорогѣ знакомыхъ, которые въ эту минуту не думали объ этомъ міровомъ катаклизмѣ, про себя говорили: „какъ мало имъ нужно, чтобы жить“. Ими овладѣвала бѣшеная злоба. Имъ хотѣлось пронзительно крикнуть, ударить, грызть, царапать, проклинать кого-нибудь. Они убѣждались, что у нихъ не таланта нѣтъ, а „ничего нѣтъ“, что учиться имъ скучно, что они „заурядны, ничтожны“. У нихъ нѣтъ ни одной надежды подняться надъ толпой. За какое-бы практическое дѣло они ни взялись, они оказываются бездарностью, посредственностью, ничтожествомъ. Каждый контролеръ

смотреть на нихъ—и съ полнымъ правомъ—свысока. А имъ хотѣлось-бы жить ,наверху, надъ всѣми быть большими, смѣлыми, гордыми. Состариться и умереть учителемъ или врачомъ—не по ихъ аппетиту. Заработокъ у нихъ маленькій, а лакомства много.

И вотъ бездарные уличные гистріоны поднимаются на трагическія котурны и бросаютъ фальшфейеры пошлой идейности. Такъ—жить нельзя! Лучше смерть!

Лучше смерть!

Но это слово большое, а идейный языкъ лукавъ. Нѣтъ-ли здѣсь какого подвоха?

Конечно, есть,—грубый и пошлый, какъ всегда.

Лучше смерть! Смерть *мнѣ*, поняла Лиза, опоганенная и обезчещенная идейнымъ студентомъ, голымъ террористомъ, по воспитанію и манерамъ маркеромъ изъ трактира низшаго разбора.

Лучше смерть! Смерть—*другимъ*, думала Дора Варшавская, высказывая общую думу, общую логику и психологію всего русскаго освободительнаго движенія, всѣхъ политическихъ убійцъ и террористовъ.

Скоро мы на фактахъ увидимъ, что это было именно такъ, что именно такъ лукавая и подлая Дора понимала эффектную фразу: лучше смерть,—когда придумывала злодѣйское дѣло надъ Лизой. Но пока отмѣтимъ смыслъ и теорію этихъ бездарностей и неудачниковъ.

Ни въ одной отрасли полезнаго и честнаго труда по своей безграмотности, безтолковости и лѣности они не могутъ пристроиться скольконибудь сносно. Учиться и работать—не хотятъ и не умѣютъ. А жизни хотятъ широкой, сладкой, безпутной и разгульной. Да и неловко вездѣ являться съ кличкою: лѣнтяй и бездѣльникъ. Даже для маленькаго дѣла—или по своей природной глупости, или въ недобрый часъ благопріобрѣтенной идейности—они не способны. Въ виду своей всесторонней непригодности и негодности, они начинаютъ думать, что именно они созданы для „нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ, нечеловѣчески-великаго страданья“.

Такихъ дѣлъ, какъ извѣстно всякому здравомысленному человеку, нѣтъ ни въ природѣ, ни въ исторіи. Это только въ мифологіи гигантъ Энкеладъ исполнялъ физическія функціи вулкана, а Фатонъ пробовалъ загорѣться новымъ солнцемъ. О вулканахъ и солнцахъ говорятъ всѣ, самые малоуспѣшные гимназисты и студенты повышеннаго поведенія, но озарять вселенную и изрыгать кипящую лаву научились сравнительно очень немногіе изъ самыхъ незрѣлыхъ и беззаботныхъ къ логикѣ. Что-же дѣлать гордой и свободолюбивой породѣ безграмотныхъ молокососовъ при отсутствіи

спроса отъ нихъ на космическую энергію, на нечеловѣческіе подвиги и на сверхъ-человѣческое поведеніе?

Къ средѣ приспособиться никакой возможности нѣтъ: заѣсть. Существующій міръ ни къ чорту не годится. Несуществующій міръ—не существуетъ.

Что-же остается дѣлать каждому идейному недоноску и недооску?

Убивать. Только убивать. Убивать—и ничего больше. Преступленію можно придать видъ величія или, по крайней мѣрѣ, серьезности. Посредствомъ преступленія любой дурачекъ становится выше толпы, считаетъ себя славнымъ и гордымъ. Только тогда и прогремятъ отъ края и до края его зазорное и непристойное имя. Для мыслящей молодежи становится аксіомой, что убивать положительно необходимо, потому что иначе совѣмъ нечего дѣлать, такъ какъ всякое другое дѣло давно уже потеряло для нихъ всякій смыслъ.

Итакъ, лучше смерть! Другимъ, конечно, а не себѣ.

А бѣдная Лиза поняла эту софистику серьезно и для себя сказала: „лучше смерть“. Впрочемъ, ее подло надувала живая еврейка, которая такъ торжественно клялась: „смерть и—вмѣстѣ“.

XIII.

Отмѣтимъ эти отвратительныя и крайне нечистоплотныя подробности.

„Съ этого дня жизнь двухъ дѣвушекъ пошла странно и тяжело. Стоило имъ остаться однѣмъ, и Дора начинала говорить все о томъ, точно кто, сильнѣе ея, толкалъ ее. Ей было страшно и интересно говорить и думать, что она дѣйствительно можетъ сдѣлать такъ. Лиза смотрѣла на нее жалкими и покорными глазами и казалась Дорѣ жалкой и подчиненной. И Дорѣ доставляло почти сладострастное наслажденіе мучить ее своими рѣчами. Мучить и страдать отъ ея страданій самой.

„Въ душной атмосферѣ постоянныхъ разговоровъ о смерти становилось душно и невыносимо, и начинала вставать грозная необходимость найти тотъ или другой выходъ.

„И чѣмъ ближе приближалась Дора къ этой необходимости, тѣмъ острѣе было какое-то странное наслажденіе. Временами ей казалось, что она все ближе и ближе наклоняется надъ пропастью и, хотя въ глубинѣ души она не вѣрила возможности упасть, ей хотѣлось вѣрить и заставить повѣрить и Лизу. И, когда ей удавалось, Дора чувствовала себя сильной, красивой и наслаждалась этимъ. Временами, когда ей становилось почему-либо весело и

легко, Дора стыдилась своего веселья, точно оно снова дѣлало ее маленькой и обыкновенной, и насильно опускалась въ мрачное и рѣшительное отчаяніе. И то, что Лиза постоянно была грустна и блѣдна, часто плакала и слушала ее серьезно и печально, — помогало Дорѣ настраиваться и вѣрить въ свое рѣшеніе.

„Въ одну напряженную тяжелую минуту, когда разговоръ принялъ уже невыносимо острый, мучительный характеръ, Дора назначила день, и въ этотъ день Лиза пошла къ Кореневу.

— Ты подожди меня!—серьезно сказала она Дорѣ... Мнѣ надо... тутъ...

„Дора подозрительно посмотрѣла на ея вдругъ покраснѣвшее лицо, но ничего не сказала. Ей показалось, что Лиза боится и бѣжитъ, и въ самой темной глубинѣ ея души шевельнулось что-то робкое и таинственное, какъ нехорошая надежда, въ которой нельзя признаться самому себѣ.

„Студентъ былъ дома и при видѣ Лизы вскочилъ и обрадовался.

— А, Лиза! — яркимъ голосомъ вскрикнулъ онъ. — Вотъ не ждалъ!

„Лиза молча вошла и, не раздѣваясь, сѣла у стола.

„Кореневъ насильно сталъ раздѣвать ее и, уже раздѣтая, стаскивая узкую кофточку съ полныхъ и круглыхъ плечъ подъ натянутымъ, сѣрымъ платьемъ, сталъ возбуждаться, блестя глазами и раздувать тонкія ноздри.

„Лиза опять сѣла у стола, но Кореневъ поднялъ ее за руки, сѣлъ на кровать и посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Лиза сидѣла покорно и какъ-то слабо.

— Что это значитъ?—спрашивалъ Кореневъ.—Чѣмъ мы обязаны честию?

— Я скоро умру,—вдругъ проговорила Лиза, и въ ея всегда спокойныхъ глазахъ появилось на мгновеніе что-то жалкое и молящее.

— Ухъ!.. Не можетъ быть!.. засмѣялся Кореневъ.—Да, не можетъ того быть!—повторилъ онъ, сдавливая ея мягкія, теплыя ноги колѣнями и чувствуя, какъ все его тѣло дрожить и напрягается.

„Лиза подняла на него печальные глаза, посмотрѣла и промолчала.

„Кореневъ вдругъ повалилъ ее черезъ колѣно на кровать и сталъ цѣловать ее въ шею и сѣрое, жесткое платье на мягкой груди. Лиза не сопротивлялась и отдалась ему такъ же покорно и безотвѣтно, какъ всегда. Потомъ строго и серьезно посмотрѣла ему въ глаза, какъ будто надѣясь что-то увидѣть, и задумалась.

— Ну, что-же?.. Будемъ теперь чай пить?—спрашивалъ Кореневъ, немного вспотѣвшій, разгоряченный и счастливый.

— Я пойду... тихо сказала Лиза.

— Чего ради?

— Такъ... грустно отвѣтила Лиза и вдругъ робко и трогательно нѣжно взяла его за руку.

„Кореневъ пожалъ плечами.

— Странная ты какая-то... сказалъ онъ.—Ну, какъ хочешь.

„Лиза тихо выпустила его руку, подумала, глядя въ полъ, потомъ встала и одѣлась. Въ дверяхъ она остановилась и посмотрѣла на Коренева.

— Спасибо, что пришла... почему-то сказалъ Кореневъ.

„Лиза вздохнула и затворила дверь. Кореневъ слышалъ, какъ хозяйка въ передней проворчала ей въ слѣдъ:

— Шляется... а еще барышня, курсиства!“

XIV.

Въ психологіи Доры авторъ ради узорности и витѣватости пустился въ какія-то тонкости,—въ сущности ни къ селу, ни къ городу. Сейчасъ мы увидимъ факты и событія, которые разорвутъ это тонкое кружево, какъ паутину. Грубѣе, вульгарнѣе, понятнѣе и проще была эта безстыдная, жесткая, эгоистическая и по инстинкту преступная натура. Зачѣмъ *стараться* заставить себя страдать, когда она такъ счастлива и пьяна чужими страданіями?

Психологія Лизы вогнана внутрь. Ея простое и безысходное горе, ея великая обида, ея ничѣмъ невообразимый позоръ чувствуются въ ея жестахъ и поступкахъ, но она не изливаетъ ихъ въ теоретическихъ отвлеченностяхъ и тонкостяхъ. Это слишкомъ просто и естественно для автора, который любитъ затѣйливья, а порой и фальшивья фіоритуря. Дора сочиняетъ свою психологію; думаетъ, что такъ будетъ красиво. А настоящая психологія у нея безобразна и омерзительна. Лиза ничего не скрываетъ. Она вся на ладони. Не видѣтъ ее могутъ только тѣ циники-эгоисты, у которыхъ идейность закрыла глаза на весь міръ Божій, на всю окружающую среду, на всѣхъ людей, честью и жизнью которыхъ они играютъ по своему барскому капризу.

Уже предсмертныя тѣни ложились на лицѣ измученной и глубоко-оскорбленной дѣвушки, чуть тлѣла, слабо вспыхивая, догорающая искра разбитой и опостылѣвшей жизни, уже глядѣла она не назадъ, а впередъ, въ неразгаданный туманъ иного міра и другой жизни, когда она переходила порогъ любимаго юноши, которому должна была бы отдать и свою честь, и свое имя,—но дрянной негодяй, охваченной только скотскими вождельніями и животной

похотью, смотрѣлъ жадными, налившимися кровью глазами плоти и не видѣлъ скорбной и строгой тайны, осѣнившей когда-то по-мраченное сознание опозоренной дѣвушки.

Все человѣческое, чистое, свѣтлое—угасло въ этой растоптанной, какъ ядовитая змѣя, душѣ, погруженной въ дикій психозъ: убивать людей, только потому, что ничего другого этотъ Каинъ сдѣлать не умѣетъ. У него были свои дѣла и онъ наскоро рвалъ цвѣты наслажденія на нивѣ смерти, уже заносившей свою звенящую косу.

И кажется, что въ эти таинственные и строгія минуты онъ былъ еще пошлѣе, еще нахальнѣе, еще циничнѣе, чѣмъ прежде, хотя онъ никогда не былъ рыцаремъ своей дамы, а относился къ ней съ оскорбительнымъ высокомеріемъ зазнавагоса лакея и грубой порывистостью пьянаго аллана.

Въ воздухѣ неслышно и незримо чувствовалось приближеніе Немезиды. Возмездіе—съ неподвижнымъ застывшимъ лицомъ—вставало изъ тумана. Смерть готовила погребальныя пелены для молодой жизни. А эти потныя тѣлеса, обтянутыя сѣрой тужуркой, этотъ сальный жиръ, затопившій разумъ и совѣсть, эта заплывшая идейная свинья—бросала подлую и оскорбительную фразу: „спасибо, что пришла...“

И еще, и снова съ грустью и болью, со стыдомъ и униженіемъ вспоминалось умное и вѣрное слово Хризиппа.

„Что есть въ свиньѣ, кромѣ свинины? Ей и душа-то дана только вмѣсто соли, чтобы она не сгнила заживо“.

XV.

„Когда Лиза пришла домой, Дора ничкомъ лежала на кровати. Услышавъ стукъ, она быстро, какъ отъ толчка, приподнялась и устала на Лизу горящими, воспаленными глазами.“

— А это ты—проговорила она звенящимъ, невѣрнымъ голосомъ.—Какъ ты меня испугала!..

„Лиза машинально раздѣлась, зажгла лампу и увидѣла на столѣ листъ бумаги, исписанный Дорой, и черный, уродливый револьверъ, смутно поблескивающій холоднымъ, металлическимъ блескомъ.“

„Дора встала и подошла.“

— Смотри, что я написала—какимъ-то неестественнымъ голосомъ проговорила она. Ей было неловко и стыдно чего-то, хотя она и старалась увѣрить себя, что все въ ея поступкахъ и словахъ—красиво и мрачно.

„Лиза облокотилась однимъ локтемъ на столъ и молча прочла:

„Въ смерти нашей, конечно, просимъ никого не винить. Мы умираемъ отъ того, что жизнь вообще не стоитъ того, чтобы жить“.

— Я думаю, что этого достаточно?—вздрагивающимъ голосомъ проговорила Дора, мучительно чувствуя, что все выходитъ какъ-то наивно и глупо, и оттого стыдясь взглянуть Лизѣ въ глаза.

„Лиза молчала и стояла въ неудобной позѣ, облокотившись однимъ локтемъ на столъ. Коса свѣсилась у нея черезъ плечо и свернулась на столѣ. Лизѣ вдругъ захотѣлось взять перо и написать что-то другое, самое главное для нея, что наполняло ея грудь и сжимало сердце. Но она только вздохнула и медленно выпрямилась. Потомъ тронула револьверъ пальцемъ и оставила.

— Да, чтожъ... мнѣ все равно,—тихо проговорила она.

„Наступило тяжелое и мучительное для Доры молчаніе. „Надо же что-нибудь дѣлать... Какъ все глупо выходитъ...“ мелькало у нея въ головѣ.

— Надо запереть дверь... сказала она нерѣшительно и краснѣя.

„Лиза тихо прошла и заперла дверь... Опять наступило подавленное молчаніе, и становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Лиза стояла у двери, а Дора у стола. Что-то огромное, невыносимо страшное и нелѣпое выползло изъ всѣхъ угловъ и наполняло комнату. Дорѣ показалось, что лампа начинаетъ тухнуть.

— Да что же такое?—хотѣла крикнуть она, но вмѣсто того спросила:—Гдѣ ты была?—такимъ страннымъ голосомъ, точно у нея что-то сидѣло въ горлѣ.

„Лиза тоскливо повела на нее глазами и не отвѣтила.

— Ну, что-жъ... надо к...кончать... съ усиленіемъ ворочая косицею—щимъ языкомъ, будто какой невѣроятной тяжестью, сказала Дора.

„Лиза глухо отвѣтила:

— Да...

„Дора протянула руку и, не вѣря себѣ, взяла револьверъ. Холодъ и дрожь пробѣжали у нея по всему тѣлу. Ее стала бить лихорадка, мучительная и страшная. Всѣ звуки стали вдругъ глухи и какъ бы слышались издалека. Казалось, что какой-то туманъ поднимается съ пола и становится кругомъ, отдѣляя ее отъ всего міра. Когда она приложила револьверъ къ виску и холодъ, желѣзный и острый, мгновенно пронизалъ ея черепъ, лицо Доры страшно исказилось, какъ будто въ безсиьной смертельной борьбѣ.

„Это все такъ... чепуха!“—вертѣлось у нея въ мозгу въ ту секунду, когда она чувствовала, что нажимала спускъ конвульсивно сжимающимся пальцемъ. Какъ сквозь стѣну она услышала, какъ Лиза что-то сказала, и быстро опустила револьверъ. Невыразимо сладкое облегченіе и страшную слабость почувствовала Дора и опустила на стулъ.

— Я... сначала,—сказала Лиза, съ непонятнымъ печальнымъ состраданіемъ и тоской.

„Дора молчала и смотрѣла на нее безумно выпученными глазами. Зубы у нея стучали.

— Потомъ ты... добавила Лиза строго.

„Она подошла къ столу, взяла револьверъ изъ ослабѣвшихъ пальцевъ Доры и спокойно и аккуратно приложила его къ лѣвой сторонѣ груди, слегка прижавъ мягкое тѣло.

„Дора видѣла ея серьезные, немного выпуклые, сѣрые глаза и лицо въ тѣни, и ей все болѣе и яснѣе казалось, что все это какая-то странная, скверная шутка, неизвѣстно чья и надъ кѣмъ. Въ слѣдующій моментъ лицо Лизы отчетливо и страшно измѣнилось въ выраженіе невыразимой тоски и отчаянія, оглушительный грохотъ ахнулъ у Доры въ ухахъ и почему-то послышался рѣзкій звонъ разбитаго стекла. Лиза покачнулася, коротко взмахнула рукой и, страшно широко раскрывъ глаза, цѣпляясь за столъ и, опрокидывая на себя стаканъ съ холоднымъ чаемъ, во весь ростъ повалилася на спину. Стулъ опрокинулся и съ грохотомъ отбѣгился на середину комнаты.

— Ай!... ужасающимъ голосомъ, острымъ, какъ ножъ, пронзительно закричала Дора, обѣими руками хватаясь за голову.. Лиза!..

„Какой-то кровавый кошмаръ наполнилъ ея голову, все закружилось вокругъ въ невѣроятномъ вихрѣ и Дора съ размаху ударилась о дверь.

— А... а... а-а... а!...—долгимъ, равномернo ужаснымъ и пронзительнымъ крикомъ кричала она, въ изступленіи царапаясь въ запертую дверь, которая уже дрожала и рвалась отъ ударовъ снаружи“.

XVI.

Sit tibi terra levis,—бѣдная, обманутая русская дѣвушка, тагъ смѣло, мужественно и спокойно похоронившая свои обманутыя надежды, свои развѣянныя мечты!

Дорого заплатила она за ошибку молодости, за тотъ роковой фантомъ, который скопилъ многіе ряды молодежи. Улица, рынокъ, толпа, какое-то заразительное всеобщее легкомысліе, утрата чувства исторической и бытовой правды, безпринципная, уступчивая и податливая семья, формальная, деспотическая и безтолковая школа—создали для нея тѣ нездоровыя условія жизни, при кото-

рыхъ нужны слишкомъ исключительныя силы, чтобы не сбиться съ пути и найти дорогу. Въ ея совѣсти дремали чистыя и высокія побужденія. Своею смертію она это доказала. Но эти живые источники правды были завалены мусоромъ жизни, наплывомъ необозримаго и непроницаемаго невѣжества подъ именемъ идейности и науки, душнымъ и пестрымъ морокомъ мечтателей и утопистовъ.

Въ годы молодой неопытности она не могла дать смѣлаго и мужественнаго отпора тому умственному и нравственному растлѣнію, которое черезъ университетъ и гимназію расплодилось сверху, пользовалась общепризнаннымъ авторитетомъ, всѣми правами вліянія и принудительности. Теряла голову и летѣли въ бездны и люди зрѣлаго возраста, юродствовали старцы. И трудно было дѣвчкѣ-подростку, безъ всякой честной и крѣпкой опоры, безъ твердой почвы подъ ногами, устоять на краю бездны и найти дорогу въ удушливомъ туманѣ.

Но въ этомъ и ея вина. Бевотвѣтственности въ жизни нѣтъ. Каждый самъ своего счастья кузнецъ. Неотразимое вліяніе среды—сказки плутовъ и мошенниковъ. Незрѣлая мысль была слишкомъ самонадѣянна и безсильна. Вопросы, которые она бралась рѣшить, были не по силамъ ни ей, ни ея безусымъ вождямъ. Они ничего не знали и всему вѣрили. Они ничего не понимали и поэтому считали себя въ правѣ быть судьями и учителями жизни.

Безмысленнымъ призракомъ стояло надъ сознаніемъ смутное и сбивчивое понятіе о какой-то средѣ, которая ее заѣдаетъ и засасываетъ. Хорошенькую дѣвочку старались увѣрить, что она выше среды и „призвана“ на какую-то головокружительную и небывалую высоту. Революціонные агенты—сознательные и несознательные—нуждались въ пушечномъ мясѣ и вербовали рядовую толпу. Тутъ и хорошенькое личико—на счету. И она повѣрила. Грубая лестъ вскружила ей голову.

И въ Петербургѣ было время, когда она слѣпо вѣрила лжи и обману. Рѣчи студентовъ, которые сами постоянно твердили, что они ничего не понимаютъ, казались лучами новаго солнца. Проповѣдь крови и убійства считалась подвигомъ культуры и научности. Невѣжды и неучи въ полномъ смыслѣ этого слова, съ чужого голоса повторяли чужія, глупыя рѣчи и увѣряли, что они и только они служатъ „всему человѣчеству“. И *этому* она вѣрила. И въ этомъ ея вина и ея ошибка. Все общество, которое ее окружало, было тупо и невѣжественно. Послушайте эти дѣтски-безмысленныя рѣчи Паши Афанасьева, Доры Варшавской, Ларионова, Андреева... Да это Бедамъ, споры и диспуты недорослей, мораль и логика дикарей. Ни одной живой мысли, ни одного честнаго и умнаго слова. Нѣтъ признаковъ человѣческаго разума. Мгновенныя вспышки ка-

кихъ-то бенгальскихъ огней, чужія чугунины фразы, слова, слова и слова.

Никто не помнитъ, что у него на плечахъ есть своя голова, значить, есть и своя логика. Никто не помнитъ, что онъ живой человѣкъ и, значить, у него есть своя психологія. Всѣ они не знаютъ самихъ себя и въ себя глядѣть не умѣютъ. Вотъ Дора Варшавская до револьвера и съ револьверомъ. Надъ ея волей и рѣшеніемъ—чужія слова, чужія думы. До послѣдней минуты она не знаетъ, чего хочетъ, и то, что она считала и считаетъ своею психологіею, только книжный миражъ, отраженіе стороннихъ внушеній. Своего, собственнаго, завитнаго, устойчиваго—ничего. Куда угодно по первому вѣтру. Къ любой перемѣнѣ фронта можно подыскать новую логику. Теоріи и ложь—разнообразны и на всѣ вкусы.

А у Лизы была своя душа и она долю этого не знала. Нужна была роковая ошибка, нужно было паденіе до позора и жгучей обиды, чтобы она проснулась. Нужно было убѣжденный и отъявленный негодяй Кореневъ, чтобы втоптать въ вонючую грязь ея молодую душу.

Тогда она поняла, но было слишкомъ уже поздно. Крутомъ кривлялись пружинныя марионетки, Доры, Ларионовы, Андреевы, Кореневы, которые помочь ей не могли. Дорога къ прошлому была отрѣзана. Въ туманѣ не было видно честнаго и разумнаго выхода.

— Лучше смерть,—говорила жалкая кривляка, заводная кукла вѣчная лгунья Дора, которая искала сильныхъ впечатлѣній, чтобы позолотить свое убожество и свою пустоту.

Все же и это выходъ. И Лиза рѣшилась. Въ сердцѣ проснулась прежняя честность и прямота. Смерть, такъ смерть. Ни тѣни лжи и обмана, игры и позы. Въ ея рукѣ не дрогнулъ револьверъ, который плясалъ, какъ пьяный, въ рукахъ подлой трусихи Доры. Еврейка надрывается, какъ скверная актриса уличнаго балагана. Кореневъ блещетъ всѣмъ своимъ скотоподобіемъ. Пусть. Она знаетъ свою дорогу. У нея есть *своя* психологія,—есть вѣрность слову, есть серьезность и достоинство рѣшенія. И головою выше она становится этой пошлой идейной черни, фразеровъ и скомороховъ, подлецовъ и идиотовъ. И эти уроды, горбатые гномы, равнодушно и безучастно пройдутъ мимо ея могилы надъ новой, далеко не послѣдней жертвой умственнаго растлѣнія и нравственнаго одичанія поколѣнія, утратившаго человѣчскій образъ.

У Лизы мало въ дѣйствіи и въ осуществленіи, но много въ зародышѣ, въ возможности, про запасъ. Но не довелось пожить: мртвецы одолѣли.

XVII.

Вотъ Дора Варшавская сдѣлака совѣсьмъ изъ другого тѣста.

— Это все чепуха,—говорить она, подготавливая сценическій эффектъ самоубійства, отнюдь не думая убивать себя, а только подталкивая къ самоубійству Лизу.

— Въ *нашей* смерти—никого не винить... *Мы* умираемъ... чернымъ по бѣлому пишетъ она въ своемъ живомъ заявленіи.

— Я сначала... Потомъ ты... сказала Лиза, дѣйствительно готовая къ смерти.

Но со стороны Доры это было только подлое вѣроломство. Она лгала и знала, что лгала. Она обманывала и прятала слѣды обмана. Она играла роль и слѣдила за эффектомъ. Это стоило жизни Лизѣ, но для нея всегда было только чепуха.

Потомъ, въ минуты своего мнимаго величія и торжества, она вспоминала эти роковыя минуты.

„Стала опять сверлить вѣчная мысль о томъ, что она не сумѣла умереть такъ просто и хорошо, какъ Лиза. Въ сотый разъ она попыталась объяснить себѣ это случайностью и въ сотый разъ повѣрила, но въ самой глубинѣ души, въ темномъ, никому невѣдомомъ уголкѣ, снова заняла болѣзненная кровоточащая ранка.

„Стало и страшно, и стыдно, и одиноко, и тяжело, какъ никогда“.

Ну, это вздоръ. Варшавскимъ стыдно не бываетъ. Въ потайныхъ ящичкахъ ихъ сундучной души мѣста для совѣсти нѣтъ. Тамъ вещи спонуживѣе и попрacticнѣе.

Она *никогда* не думала о самоубійствѣ. Она домогалась только самоубійства Лизы.

Зачѣмъ? Для чего? Утилитарныхъ, эгоистическихъ пружинъ—не видно. Но низость и подлость натуры—никакой логики и не требуютъ. Она, бездарная, ничтожная, играетъ такую эффектную роль! О, это чего-нибудь да стоитъ! Развѣ низостью вѣроломства и преступленія она не поднимается надъ толпой?

Спи, бѣдная Лиза! Не будетъ мирнымъ и спокойнымъ твой послѣдній сонъ, но все-же ты умерла во-время. Тебѣ не пришлось переживать худшаго оскорбленія,—кроваваго и мнимаго торжества Доры и Коренева.

Жаль только, что въ ряду этихъ русскихъ могилъ твоя могила не послѣдняя... Въ туманѣ, какъ тѣни ночи, роютъ и роютъ ихъ Доры и Кореневы „съ черными глазами и горбатымъ носомъ“.

XVIII.

На зарѣ жизни угасла Лиза. Она нашла все, чего искала, и погибла подъ бременемъ позора и безумія. Всего добилась, чего хотѣла, нечистоплотная и непрехотливая Дора, которой такъ мало было надо отъ жизни.

Многихъ храбрыхъ жизнь поблекла,
Многихъ низкихъ рокъ хранить:
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.

Ей показалось, что она поднялась надъ толпою. Она чувствовала себя „вверху... надъ всѣми... большой, смѣлой, гордой“. Блескъ террора заплатилъ за темныя муки отвергнутой рукописи въ редакціи. Она ликовала... Но порой чувствовала, что „все это чепуха“. Такова обычная двойственность идейности.

У Доры—конспиративная квартира. У нея соберутся герои и подвижники террора, чтобы отъ нея съ бомбами „выступить“ противъ намѣченной жертвы. Она ждетъ великихъ гостей.

„Въ душѣ ея по прежнему жило что-то безпокойное, что жгло ее сознаниемъ своей незначительности, неодолимо толкало на поиски великаго, красиваго и сильнаго, въ одинъ годъ протащило ее черезъ всю Россію, сквозь тысячи опасностей и втокнуло, наконецъ, въ эту пустую, зловѣщую квартиру, въ которой зародился и выросъ обширный террористическій заговоръ.

„Было страшно холодно и невыносимо тяжело думать о томъ, что должно было произойти завтра, но все-таки Дора знала, что пойдетъ и сдѣлаетъ все, и душа ея наполнилась наивнымъ тайнымъ восторгомъ, что именно ей поручена отвѣтственная и опасная роль. Огромное, кошмарное (!) дѣло политическаго заговора какъ-то расплывалось, не укладывалось въ сознание, и Дора видѣла только себя, съ замираніемъ сердца представляла себѣ свое спокойное и гордое лицо среди какого-то кроваваго хаоса.

„Она лежала тихо и смиренно, и только глаза у нея блестѣли въ темнотѣ, какъ у спрятавшейся мыши“.

Словомъ, все то же, что и въ фарсѣ самоубійства. Да и на дѣлѣ также неустойка, что и въ первомъ случаѣ. Представлять себя спокойной—легко; быть дѣйствительно спокойной—много труднѣе.

Стали собираться завтрашніе убійцы. Пришелъ Андреевъ. Ждали Коренева и Незнамова, величайшаго изъ великихъ. Дора съ обычной неосторожностью спросила Андреева, кто такой Незнамовъ?

„Андреевъ внезапно остановился предъ нею, пересталъ дергать усы и улыбнулся.

— Я не могу сказать этого даже и вамъ... Да это все равно... Хорошій человѣкъ... настоящій... это самое главное... Ну, впрочемъ, скажу, что онъ студентъ.

„Андреевъ опять сталъ ходить по комнатѣ и кусать усы.

— Не знаю, чѣмъ все это кончится... говорилъ онъ задумчиво.— Но если они пропадутъ, то будетъ скверно... Намъ такихъ людей скоро не нажить. Да... Въ другой странѣ они сдѣлали бы великія (?) дѣла, а тутъ, чего добраго, пропадутъ ни за грошъ.

— Ну же... Гдѣ же ни за грошъ!—протянула Дора.

— А вы думаете, что я бы ихъ отдалъ за какую-то старую сановную обезьяну?

„Дора улыбнулась.

— Вы такъ говорите, точно сами не рискуете... сказала она съ невольной легкой лестью.

„Андреевъ махнулъ рукой

— Нѣтъ, я что... моя роль самое большее „шлиссельбургская“... А ихъ прямо на висѣлицу... А жаль. Я ихъ обоихъ хорошо знаю вѣдь... И оба мнѣ дороги такъ, что я, пожалуй, спокойнѣе самъ-бы пошелъ.

— Почему же вы и не пошли?

— Нельзя-же всѣмъ сразу... улыбнулся Андреевъ.— Придетъ и мой чередъ.

— Такъ вы Незнамова знаете?

— Да, я его давно знаю... Сложная, богатая натура... Кореневъ—это борецъ по природѣ... по темпераменту... Онъ потому только и взялся за дѣло, что въ настоящее время нѣтъ выше и отчаяннѣе борьбы, какъ революціонная... Только въ борьбѣ за свободу, когда всѣ силы человѣческія напрягаются для того, чтобы или разорвать цѣпь, или самому погибнуть,—возможно такое высокое напряженіе... Кореневъ, въ сущности, жестокій человѣкъ... Да. А Незнамовъ только ожесточенный... Онъ вѣдь удивительно добрый и нѣжный... Всѣ настоящіе анархисты, должно быть, такіе же добрые, чуткіе люди; та огромная масса зла, грубости и несправедливости, которая наполняетъ міръ и которая для насъ только печальный фактъ,—для него настоящій ужасъ!

„Андреевъ остановился и сталъ задумчиво жевать кончикъ лѣваго уса. Глаза у него стали мягкими и задумчивыми.

— Есть такія натуры,—опять говорилъ онъ,—которыя поднимаютъ (?) на себя все зло міра и переживаютъ его въ глубинѣ своей уединенной души отъ начала до конца... и душа у нихъ окровавленная... да. Имъ становится непереносимо и невозможно только

сострадать и возмущаться, потому-то всеобщее страданіе становится ихъ собственнымъ страданіемъ. Наступаетъ тотъ моментъ, когда у нихъ душевная боль достигаетъ такого невыносимаго напряженія, что... надо уже или самому умереть, или вступить въ активный бой. И тогда эти мягкія, нѣжныя, музыкальныя души становятся неподвижно напряженными, ожесточаются... А душа у Незнамова чистая, святая... Жаль, если онъ пропадетъ!..

„Андреевъ махнулъ рукою и запагалъ по комнатамъ. Опять слышно стало, какъ тихо и монотонно тикають часы. Дора сидѣла понурившись, и неясная, тайная для нея самой мысль, что у нея душа тоже какая-то особенная,—пріятно и стыдливо пронеслась у нея въ головѣ“.

Остановимся мимоходомъ на этой любопытной психологической чертѣ. У Доры душа особенная. У Незнамова всеконечно. У Коренева—само собою разумѣется. За компанію и у Андреева тоже. И на эту тему Андрееву врать и глумить легко, льстя такой дремучей аудиторіи, какъ *Dora sola*, которая тоже за льстивымъ словомъ въ карманъ не подѣзаетъ.

И кого только онъ хочетъ одурачить? Андреевъ—и душа! Давно-ли наши позитивисты, материалисты и нигилисты стали отдѣлять душу отъ физиологическихъ функцій? Давно-ли они стали на почву положительной религіи и философскаго идеализма? И Андреевъ, атеистъ и нигилистъ по должности и ремеслу для убѣжденія невѣрующей еврейки говорить библейскими текстами и аргументируетъ чуть не изъ Апокалипсиса? И для него есть понятіе святости? Значить, и для него есть понятіе о грѣхѣ? Что за вздоръ! Кто повѣритъ этой фарисейской и лицемерной софистикѣ съ девизомъ: лупи въ хвостъ и въ гриву. Душу отъ тѣла и святость отъ грѣха безграмотный начетчикъ отдѣляетъ, какъ тонкій схоластикъ-діалектикъ, который во славу бестѣлеснаго духа посылаетъ на костеръ немощную плоть.

Къ лицу-ли это Андрееву и Дорѣ? Мы хорошо знаемъ „душу“ Коренева и Варшавской „съ горбатымъ носомъ“. Кого-же они хотятъ обмануть, когда говорятъ объ апельсинахъ? Вотъ партійная полемика, въ которой пробуетъ свои незрѣлыя силы г. Арцыбашевъ. Не по себѣ онъ дерево клонить. Въ логикѣ и психологіи, въ философіи и теологіи, въ вопросахъ совѣсти и чести—онъ совершенный невѣжда и неучъ, на каждомъ шагу путаетъ святость съ распутствомъ, душу съ финикійскимъ фаллусомъ и свинью съ героемъ.

Это по какому катихизису говорить невѣжественный мыслитель объ ангельской нѣжности и христіанской добротѣ? Нельзя, будучи теоретикомъ и человѣкомъ партійнымъ, всякую философію и всякую мораль тащить въ свою подпечку. Если уже г. Арцыбашевъ такъ

дѣйствию безпороченъ въ философской области, то пусть онъ пишетъ беллетристику, даже идейную, но оставитъ область общихъ вопросовъ знанія. Тутъ для него неразрушимыхъ семь печатей.

Нѣтъ, г. Арцыбашевъ, это не такъ. Что бы ни болталъ взбаломученный Андреевъ, въ глубинѣ души онъ каждую минуту чувствуетъ и сознаетъ, что „все это чепуха“.

А вотъ про Дору вы пишете вѣрно: для нея получить дипломъ на „душу особенную“ — значитъ сразу же придти въ телячій восторгъ.

А что душа у нея особенная, тому порукой служатъ ея новыя обязанности.

— Да!.. Такъ-то, Дора Абрамовна!—проговорилъ Андреевъ.— Помните же: вы будете стоять на углу, такъ чтобы вамъ было видно и съ вокзала, и отъ переулка. Когда поѣздъ придетъ и князь выйдетъ изъ вагона, акушерка выйдетъ на крыльцо и махнетъ рукой извозчику. Въ это время вы должны обмахнуться платкомъ, точно вамъ жарко, а этотъ сигналъ передадутъ до кофейни; а жогда князь сядетъ въ карету, вы повторите сигналъ. По второму сигналу Незнамовъ и Кореневъ выйдутъ навстрѣчу... Вотъ...“

„Вотъ“, по поговоркѣ Андреева скажемъ и мы, какъ мало науки и знанія нужно для того, чтобы приобрести „особенную душу“, — стать „выше толпы“, почувствовать себя „большою, славною и гордою“. Махнулъ платочкомъ, повторилъ сигналъ—и сталъ могучъ, и силенъ, и славенъ, и даже чорту не братъ. Дешевое величіе, дешевые лавры!

А честолюбивая еврейка, позабывъ про печальный инцидентъ съ возвращеніемъ рукописи изъ редакціи,—плаваетъ въ маслѣ восторга.

Въ ея квартирѣ будетъ ночевать Незнамовъ, самый великій Незнамовъ.

„У нея было странное, смѣшанное чувство: и впервые вошедшаго ей въ голову сознанія безповоротности рѣшенія, и смутной дѣвической неловкости (?), и наивной, гордой радости, что она остается одна въ послѣдній вечеръ съ человѣкомъ, имя котораго завтра пронесется по всей Россіи и заставитъ задрожать ужасомъ самыя каменные сердца недоступныхъ и властныхъ людей!“

Ну, расчетъ легкомысленный. Еще какъ „дѣло“ сойдетъ. Да матери Митрофаніи и Юханцевы въ свое время „гремѣли по всей Россіи“ не меньше, — правда за воровство, а не за убійство.

XIX.

Всѣ, какъ покойный Н. К. Михайловскій, заняли свои мѣста на своемъ „славномъ посту“. Позируетъ въ первый разъ, если не великая, то гордая Дора.

Дадимъ эту послѣднюю картину террористической фееріи пѣликомъ.

„Дорѣ казалось, что она всегда стоитъ тутъ и всегда смотритъ на эти часы, на сверкающіе на солнцѣ бѣлые фартуки носильщиковъ, на широкія каменные ступени. Старое, давно знакомое зданіе вокзала какъ будто отдѣлилось отъ всего міра и стояло тяжелое и зловѣщее. И если бы Дора даже захотѣла, она не могла бы уже оторвать отъ него своихъ воспаленныхъ и напряженныхъ до боли глазъ.

„Тупая тревога все росла и росла въ груди. Было жарко, но подъ сердцемъ стоялъ холодъ и колѣни дрожали мелкой, мучительной дрожью. Это было незамѣтно, но Дорѣ казалось, что эта дрожь должна кидаться всѣмъ въ глаза, какъ уродливая судорога. Вокругъ нея дробились, путались и звенѣли тысячи разнообразныхъ, яркихъ звуковъ, то поднимаясь, то падая, какъ волны; но они незамѣтно, блѣдно входили въ сознаніе Доры, а каждый тихій, непонятный звукъ предостерегающе ярко врѣзался въ мозгъ, вызывая острѣе толчки въ сердцѣ и липкій холодный потъ на раскаленныхъ вискахъ.

„Иногда это было такъ мучительно, что ей хотѣлось опрометью убѣжать отсюда на край свѣта, броситься на кровать лицомъ къ стѣнѣ въ тихой, какъ норка, комнатѣ и долгіе часы, всю жизнь видѣть передъ собою только простенькіе, пестренькіе обои.

„Если это такъ мучительно, такъ кто же меня заставляетъ?..“ мелькало у нея въ мозгу удивленно и просто, такъ просто, что временами хотѣлось пожать плечами, повернуться и тихо съ улыбкой уйти. Но Дора дѣлала надъ собой мучительное усиліе, крѣпко сжимала въ себѣ что-то дрожащее и больное, и въ неестественно обостренномъ сознаніи у нея билась мысль:

„Неужели же я такъ боюсь?..“

„И эта мысль о маленькой, жалкой трусости вызывала въ ней блѣдный, далекій образъ Незнамова и становилась такъ невыносимо ужасна, что на мгновеніе ей даже становилось легче: робость исчезла, ноги стояли тверже и въ глазахъ смягчалось болѣзненно-жгучее напряженіе.

„Мимо нея, легко и ровно ступая, прошелъ высокій человѣкъ съ тонкимъ лицомъ и подстриженными въ скобку черными, кур-

чавыми волосами, въ поддевкѣ и высокихъ сапогахъ. Дора мелькомъ взглянула на него и, какъ сотни людей, проходившихъ мимо, онъ уже почти ушелъ изъ ея глазъ, но вдругъ что-то знакомое кольнуло ее, и Дора узнала Коренева. У него было спокойное и даже какъ будто веселое лицо, но оно было какъ-то странно неподвижно, какъ каменное.

„Кореневъ прошелъ быстро, не останавливаясь, но на ходу, подъ грохотъ экипажей и шумъ шаговъ, глядя не на Дору, а прямо передъ собой,—проговорилъ:

— Смотрите... теперь скоро...

„Послѣднее слово Дора не услышала, а почувствовала. Онъ прошелъ и скрылся въ толпѣ, а въ ухахъ Доры остались эти быстрыя мгновенныя слова.

„По пятамъ за нимъ прошелъ какой-то толстый господинъ въ цилиндрѣ, съ бритымъ чиновничьимъ лицомъ. Дора быстро взглянула и ему въ глаза; но это было совершенно чужое, плоское и гемморoidalное лицо.

„Время шло... А Дорѣ казалось, что оно остановилось. Она еле держалась на ногахъ; каждый нервъ казался обнаженнымъ и держалъ все тѣло мучительной судорогой, и иногда ей хотѣлось сѣсть подъ стѣной, прислониться къ ней усталой головой и закрыть глаза.

„Господи, хоть бы уже скорѣй... хоть бы скорѣй...“ смутно мелькало у нея въ головѣ, и по временамъ наступало тупое равнодушіе, отъ котораго она мгновенно пробуждалась съ ужасомъ и болью и опять смотрѣла на тяжелый, зловѣщій вокзалъ.

„На улицѣ продолжалась своя пестрая и обыкновенная жизнь. По прежнему шли и ѣхали изъ стороны въ сторону люди и лошади, и казалось, что все это одни и тѣ же. Небо дымилось и свергало на солнцѣ.

— Чего сталъ? — съ озлобленіемъ крикнулъ молодой, рыжій дворникъ, недалеко отъ Доры отворачивающій водопроводный кранъ.—Провъжай ты... лѣшій чортъ!

„Извозчикъ испуганно вадрогнулъ и, неловко задержавъ возжами, проѣхалъ дальше. Но Дора уже узнала Ларіонова, и его близорукіе глаза и безцвѣтная бородка, такіе странные надъ чужимъ синимъ армякомъ, мелькнули для Доры чѣмъ-то невообразимо близкимъ и милымъ.

„Что онъ дѣлаетъ!.. Ему не тамъ стоять!“ — со страшнымъ испугомъ подумала она, и ей припомнилось, какъ Кореневъ съ озлобленіемъ говорилъ:

— Всѣ берутся, а какъ до дѣла дойдетъ, и перепутаютъ все со страху.

„Тогда Дора почувствовала обиду и ненависть къ Кореневу, но въ эту минуту въ ней вдругъ выросла прямая и ужасная увѣренность, что она испугается, забудетъ что-нибудь и все перепутаетъ, губя себя и всѣхъ. И эта увѣренность уже не покидала ее, наполняя душу растерянностью и ужасомъ.

„По всему тѣлу Доры выступилъ холодный потъ. Со страшными усилиями, путаясь отъ этихъ усилій и обмирая отъ страха, она стала припоминать всѣ подробности, и все казалось ей, что что-то, самое главное, она забыла.

„Когда на подъѣздъ выйдетъ эта... акушерка Трудъ... Какое странное имя!.. Не въ томъ дѣло... Да, когда она выйдетъ и позоветъ извозчика... тогда надо... тогда надо... тогда надо... ну, да... да...“—безобразно скомканно и разорванно вертѣлось въ больномъ мозгу Доры и, теряя нить, она вдругъ поймала на себѣ чей-то странно-пристальный взглядъ.

„Прошелъ мимо мѣщанинъ въ чуйкѣ и еще издали пристально и какъ будто украдкой посмотрѣлъ Дорѣ въ лицо, а когда она поймала его взглядъ, быстро отвернулся и перешелъ на другую сторону, мелькая между движущимися экипажами и лошадьми.

„Сыщикъ... открыли!“—со зловѣщей и холодной ясностью произошло въ мозгу Доры.

„Все было по прежнему, но за этой шумной и пестрой, стремящейся толпой вдругъ ясно почувствовалось что-то тайное, молчаливо и страшно подползающее, невидимое и неизбежное. Какъ будто чьи-то невидимыя, нечеловѣческія руки, тихо и лукаво раздвигая толпу, стали медленно и неуклонно приближаться къ ней.

„И сознавая, что находится во власти кошмара, Дора сѣпила зубы и сдѣлала невѣроятное усиліе удержать прыгающую челоусть.

„Глупости... чего ради... давно бы уже схватили!“ — скачками прыгала жалкая, оборванная мысль. Дора стала судорожно двигаться изъ стороны въ сторону и оглядываться, какъ пойманный звѣрекъ.

„И какъ разъ въ эту минуту, на широкія каменные ступени вокзала тихо и спокойно, въ строгомъ, черномъ платьѣ, вышла акушерка Трудъ и махнула рукой ближайшему извозчику.

„Что-то ударило въ голову Доры, въ глазахъ у нея все перекосилось и помутнѣло.

„Вотъ...“—слабо подумала она.

„И неестественно порывисто, сознавая, что дѣлаетъ не такъ, какъ нужно, Дора выхватила изъ кармана платокъ. Бѣлый клочокъ мелькнулъ на солнцѣ растерянно и ярко. Мелькомъ она успѣла еще

увидѣть, что къ вокзальному подъѣзду медленно и важно подкатываетъ большая, черная карета.

„Тотъ самый бритый толстякъ въ цилиндрѣ откуда-то сбоку быстро подвинулся къ Дорѣ и неестественнымъ, страшнымъ голосомъ спросилъ:

— Что вы тутъ дѣлаете?

„Дора круто повернулась къ нему, ея мертвенно-блѣдное лицо освѣтилось огромными, выпученными отъ ужаса глазами, и ничего не понимая, но въ то же время сознавая, что дѣлаетъ что-то нелѣпое, губельное, Дора выхватила изъ кармана револьверъ и, почти ткнувъ его во что-то мягкое, выстрѣлила. Короткій, негромкій звукъ родился въ грохотѣ экипажей. Бритый толстякъ встряхнулся всѣмъ жирнымъ и толстымъ тѣломъ, цилиндръ сразу съѣхалъ ему на глаза, падающимъ шагомъ онъ попытался назадъ, на середину улицы и грузно осѣлъ прямо подъ ноги извозничьей лошади, съ трескомъ и звономъ дернувшейся въ сторону.

„Все смѣшалось на этомъ мѣстѣ, и Дора увидѣла только черный цилиндръ, выкатившійся изъ-подъ ногъ вихремъ взметнувшейся толпы. Нестройный, многоголосый крикъ повисъ въ воздухѣ.

„Пропала! — мелькнула короткая, безцѣльная мысль, и Дора, расталкивая толпу, стремительно бросилась за уголь, споткнулась на резиновый рукавъ трубы, лежавшей поперекъ тротуара, и чувствуя, какъ ее хватаютъ и бьютъ по головѣ страшной, тупой тяжестью, закрыла глаза и упала на руки, больно шлепнувъ ими о твердые, жесткія плиты.

— Кончено! — какъ будто сказалъ надъ нею какой-то глухой, тяжелый голосъ, наполнившій ужасомъ весь міръ, и она потеряла сознание.

„Когда что-то опять прояснилось въ ея глазахъ, ее сажали на извозчика и двое городскихъ, съ желтыми шнурами и озлобленными, искаженными лицами, толкали и дергали ее съ обѣихъ сторонъ, втискиваясь за Дорой въ пролетку. Голова у нея стремительно шла кругомъ, неудержимо увлекаемая всею вокругъ въ хаотическомъ круженіи, что-то невыносимо рѣзало високъ и по губамъ текла густая и теплая кровь.

„На серединѣ улицы ей врѣзалось въ глаза дикое, совершенно безумное лицо Ларіонова. Лошадь его держали подъ уздцы, какъ будто цѣлые десятки вытянутыхъ, напряженныхъ рукъ. Цѣпкіе, искривленные пальцы впивались въ его армякъ, но Ларіоновъ, съ выпученными, нечеловѣческими глазами, очевидно, уже ничего не понимая, неистово рвалъ возжи и со свистомъ хлесталъ лошадь. А она подымалась на дыбы и билась на мѣстѣ, высоко задравъ голову, съ ощеренными, мертвенно-бѣлыми зубами.

— Держи! Стой!..—нестройно, со страшной силой кричали со всѣхъ сторонъ, казалось, и люди, и стѣны домовъ, и грохотъ экипажей, и яркій свѣтъ.

„Доръ показалось, что это страшный сонъ.

„Когда извозчикъ тронулся и Дору, опять потерявшюю сознание, провезли мимо вокзала, на широкихъ ступеняхъ его стояли какіе-то важные и толстые люди, въ формѣ и строгихъ пальто, а за ними, у колонны, спокойно прислонилась высокая, черная акушерка съ презрительнымъ и злымъ лицомъ“.

XX.

Пока свѣтитъ солнце съ высокаго неба, пока его живительные лучи грѣютъ живую кровь въ жилахъ человѣка и животнаго и повторяются въ вѣковыхъ формахъ растительнаго міра, пока къ экватору не подступаютъ полярные морозы послѣдней земной ночи, пока человѣкъ не потерялъ міроваго наслѣдства, не обросъ шерстью, не поползъ на четверенькахъ и не затаился въ пещерахъ и берлогахъ,—хаосъ не будетъ знать дня побѣды.

Онъ всему грозитъ гибелью, но пока стоитъ міръ, самъ гибнетъ каждый разъ, когда, змѣногій и зыблющійся, подниметъ свою безформенную голову изъ жидкаго, предательскаго болота. Дитя взволнованной трясины, онъ безслѣдно гибнетъ въ трясинѣ, оставляя по себѣ смутную и тревожную память, минутные образы болѣзненно разстроенаго воображенія, уродливыя потуги на творчество темныхъ и немощныхъ боговъ ночи и бездны.

Онъ долженъ погибнуть, потому что у него нѣтъ цѣли. Долженъ погибнуть и потому, что у него нѣтъ точки приложенія. И, главнымъ образомъ, потому, что онъ въ себя не вѣритъ и вѣрить не можетъ.

Когда сами боги съ Олимпа дивятся неожиданной мощи его нестройныхъ, случайныхъ и ни на что не рассчитанныхъ движеній, когда въ беспорядочной грудѣ, терзая свои собственные члены, мечется и томится исполинскій гадъ и горы трясутся отъ его стремительности и неожиданныхъ порывовъ,—онъ самъ, въ сознаниіи своего полнаго ничтожества, своей безцѣльности и ненужности, своего безсилія и безволія, съ затаеннымъ отчаяніемъ и стыдомъ, чуть видя будущее, шепчетъ въ своей трясинѣ: „все это чепуха“.

И въ свое время встанутъ громовержцы и стрѣловержцы,— клубясь, подохнутъ огнемъ дышашіе Пиеоны, подъ тяжелой Этной застонутъ Энкелады, въ безднахъ хаоса и ночи пропадутъ, какъ туманъ, призраки общей гибели и смерти боговъ. Не померкнетъ

божественный разумъ челоѣка и отъ зоркихъ глазъ отойдутъ тѣни Аида и гарпій!

Такъ было. Такъ будетъ.

Тогда что-же скажете вы, жрецы бѣсовскаго болота, пѣвцы и поэты Лысой горы, герои распутнаго Брокена, пьяные учителя пьяной жизни, нечистоплотные властители нечистоплотныхъ думъ, непризванные вожди несущаго челоѣчества?

Вы въ побѣдныхъ вѣнкахъ, когда творческій трудъ поколѣній разбитъ и уничтоженъ послушными вамъ гномами и пигмеями. Но вамъ нѣтъ мѣста подъ солнцемъ, когда оно еще свѣтитъ на небѣ.

Ваша побѣда—ваша гибель.

Ваша оргія неистовствуетъ и ликуеть. Вашей вакханалии нѣтъ будто бы и конца. Пьяные голоса звучатъ увѣренно и громко. Вездѣ могилы и трупы поверженныхъ рыцарей свѣта и разума. Вы торжествуете. Но дни ваши сочтены.

Жаль павшихъ честныхъ и благородныхъ бойцовъ. Они бились въ первомъ ряду и до конца стояли. Слава ихъ загорится не теперь, а потомъ. Они своего дня дождутся.

Но и тамъ, въ вашихъ рядахъ, есть наши могилы, мимо которыхъ мы не можемъ пройти безъ скорби и сожалѣнія.

Скажите же, гдѣ могила Лизы Чумаковой? За что вы опозорили и измучили эту честную и простую дѣвушку? За что ваши идейные проституты такъ нагло и цинично затоптали въ грязь ея дѣвичій стыдъ, ея честное имя, ея вѣру въ людей и правду?

Что вы скажете, когда она потребуеть отъ васъ оправданія и отвѣта?

Или и тамъ, на послѣднемъ судѣ, вы попытаете организовать совѣтъ рабочихъ депутатовъ и комитеты революціоннаго крестьянства, декретируете массовую политическую забастовку и вооруженное возстаніе, чтобы „потребовать“ отъ Высшей Справедливости всеобщей амнистіи и изъ всѣхъ круговъ дантовскаго ада выпустить всѣхъ злодѣевъ и изверговъ, при имени которыхъ содрогались вѣка и вереницы поколѣній?

Вѣрите ли вы тому, что одинъ голосъ невинно пролитой крови всегда и непремѣнно дойдетъ до Того, Кто одинъ могъ сказать: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“?...

Н. Скифъ.

Современная лѣтопись.

Да будетъ вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволя или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослупниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ.

Высочайшій манифестъ 9 іюля 1906 г.

Отъ васъ требуется самое рѣшительное, безъ всякихъ колебаній руководство подчиненными вамъ органами въ дѣлѣ быстрого, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка.

Циркулярная телеграмма председателя Совета Министровъ П. А. Столыпина генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ и для отдѣльных наместника на Кавказѣ.

«Маленькая статистика».—Полторы тысячи жизней въ жертву «освобожденію».—Взрывъ бомбы на свадебномъ вечерѣ.—«Скальпированіе» въ Сосницѣ.—«Харакири» въ Москвѣ.—Какъ велика армія «Бунда»?—Конкуренція союзовъ анархистовъ.—Резолюція комитета с. д и «Бунда» противъ «экспроприации» частныхъ имуществъ.—Переполненіе университетовъ.—Борьба совѣтовъ профессоровъ съ совѣтами студенческихъ старостъ.—Резолюціи сходокъ.—Резолюція академическаго союза и ея неуспѣхъ.—Пріемъ евреевъ.—Прарительственное сообщеніе 24 іюля.—Изъ лѣтописи «отдѣльныхъ террористическихъ актовъ», которые «знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи».—Событія въ г. Сѣдлецѣ и въ г. Камышинѣ.—Положеніе Балтійскихъ губерній.—Финляндія—убѣжище революціи.—Анархія на Кавказѣ.—Вопросъ о безработныхъ.—Совершенное оскудѣніе земскихъ кассъ.—Сто шестьдесятъ милліоновъ ссуды неурожайнымъ губерніямъ.—Ликвидация помѣстного хозяйства крестьянскимъ банкомъ.—Передача крестьянству двѣнадцати милліоновъ десятинъ.—Синдикатъ иностранцевъ для ссуды подъ эти земли.—«Наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ».—«Неизбѣжное политическое давленіе» на продавцовъ и покупателей.—Конституція и «предупредительныя связи».—«Трансакція» русскихъ финансовъ.—Проектъ «омоложенія» арміи—Берлинскіе синдикаты для скупки Сибири.—Поддержка забастовочнаго движенія въ Польшѣ.—Ученая классификація пятнадцати русскихъ партій.—Публичные письма кн. Евг. Н. Трубецкаго, А. И. Гучкова, проф. В. И. Герье и Дм. Н. Шипова.

I.

Въ „кадетскомъ“ органѣ „Рѣчь“, подъ рубрикой „Маленькая статистика“, приведены были свѣдѣнія о дѣятельности нашихъ „освободителей“, въ противность бывшимъ разбойникамъ большихъ дорогъ, которые предоставляли путнику на выборъ—кошелекъ или жизнь, нынѣ по всей странѣ забирающихъ у обывателя и кошелекъ, и жизнь. Свѣдѣнія въ свою очередь заимствованы изъ газеты „Черн. Дн.“ и обнимаютъ всего только двѣ недѣли съ 16-го августа по 1-е сентября:

Аргарное движеніе.

Разгромлено и произведено поджоговъ въ 95 имѣніяхъ.

Случаевъ уничтоженія огнемъ плодовъ урожая . . .	13
Сгорѣло усадебъ	540
Грабежей	12
Убийствъ крупныхъ землевладѣльцевъ	4
Убито крестьянъ	15
Ранено крестьянъ	150

Свѣдѣнія эти собраны исключительно изъ газетныхъ извѣстій.

Революціонное движеніе.

	Убито.	Ранено.
Стражниковъ	8	6
Городовыхъ	10	12
Околоточныхъ	3	4
Жандармовъ	2	2
Урядниковъ	2	2
Приставовъ	2	2
Жандармскихъ офицеровъ	2	—
Солдатъ	6	12
Офицеровъ	2	3
Слѣдователей	—	1
Предсѣдателей судовъ	1	—
Брошено бомбъ	—	15

Аресты.

Арестовано членовъ Государственной Думы . . .	10
Агитаторовъ	315
Рабочихъ	—
Типографій и революціонныхъ лабораторій . . .	9
Бомбъ	25
Ружей	25
Револьверовъ	65
Патроновъ	4325

Казнено.	
Революціонеровъ	7
Приговорено къ смертной казни	17
Забастовки.	
Отдѣльныхъ забастовокъ	16
Окончились выигрышемъ рабочихъ	6
Приступлено къ работамъ на прежнихъ условіяхъ.	4
Свобода печати.	
Закрѣто и пріостановлено газетъ	18
Ограбленія.	
Частныхъ лицъ—70 (на сумму около 100,000 руб.).	
Магазиновъ и конторъ—42 (на сумму 375 т. р.).	
Церквей—12 (около 80 т. руб.).	
Монастырей	2
Жельзнодорожныхъ кассъ	5
Волостныхъ правленій	8
Винныхъ лавокъ	36
Сборщиковъ—7 (около 40 тыс. руб.).	
Повоздовъ	4
Почтъ	16
Задержано грабителей	59
Убито при ограбленіяхъ	35
Ранено при ограбленіяхъ	22

Эту статистику газета „Рѣчь“ называетъ „маленькой“. Отсюда легко себѣ составить понятіе, какова будетъ „большая“! Въ Россіи еще только „маленькій“ терроръ. А вотъ немного еще проживемъ, то и до „большого“ дойдемъ!

Въ „Голосѣ Правды“ была дана такая сравнительная таблица, показывающая на страшное усиленіе террора послѣ роспуска Думы:

1) Покушеній на жизнь

Съ 1 по 15 іюля было	143	покуш.
Изъ нихъ неудачныхъ	12	„
При этомъ убитыхъ	65	челов.
„ „ ранено	66	„
Съ 1 по 15 августа	470	покуш.
Изъ нихъ неудачныхъ	26	„
При этомъ убитыхъ	179	челов.
„ „ ранено	265	„

2) Грабежей было

Съ по 1 по 15 іюля	115
Неудачныхъ	8
Удачныхъ—тридцать на сумму	151.319 руб.
„ 78 на неизвѣстн. сумму.	

Съ 1 по 15 августа	164
Неудачныхъ	23
Удачныхъ <i>девятою</i> на сумму	340.893 руб.
„ 51 на неизвѣстн. сумму.	

Однако, статистическія данныя за мѣсяцы до сессіи Думы и во время этой сессіи, приведенныя „Нов. Врем.“, показываютъ, что Дума не успокоила страны. „Нов. Время“ говоритъ:

„Характерно, между прочимъ, что за время первой сессіи кадетской Думы, не пожелавшей выразить порицаніе *политическимъ убійствамъ*, количество ихъ сильно возросло, какъ это доказывается слѣдующими цифрами, полученными отъ подсчета ежедневныхъ случаевъ, сообщаемыхъ телеграфомъ за первую половину года:

До Г. Д.	}	Январь	80
		Февраль	64
		Мартъ	50
		Апрѣль	56
Воврем. сессія.	}	Май	122
		Іюнь	127

„Вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества преступленій, которыя, такъ сказать, демократизировались, переставъ быть дѣломъ исключительно революціонныхъ организацій и вызвавъ добровольцевъ, качество „дѣятельности“ сильно упало. Главнымъ признакомъ такихъ террористическихъ актовъ явилось ужасающее изобиліе ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, какъ на примѣръ при послѣднихъ покушеніяхъ въ Одессѣ и Петербургѣ“.

Въ „Практ. Врачѣ“ дается статистика убитыхъ и тяжело раненыхъ террористовъ съ февраля 1905 по май 1906 года.

Генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ	34
Полиціймейстеровъ и ихъ помощниковъ	38
Исправниковъ, приставовъ и околоточныхъ	204
Городовыхъ	206
Урядниковъ и стражниковъ	184
Офицеровъ охраннаго отдѣленія и жандармскихъ	17
Нижнихъ жандармскихъ чиновъ	51
Агентовъ охранной полиціи	56
Армейскихъ офицеровъ	61
Нижнихъ чиновъ арміи	164
Чиновниковъ гражданскихъ вѣдомствъ	178
Духовныхъ лицъ	31
Сельскихъ властей	20

Землевладельцевъ	49
Фабрикантовъ и ихъ высшихъ служащихъ	64
Банкировъ и крупныхъ торговцевъ	64

Итого 1,421 чел.

Этихъ полутора тысячъ жертвъ бывшей Г. Думѣ показалось „мало“, чтобы осудить ихъ убійцъ.

За июль, по словамъ „Варшавскаго Дневника“, въ Варшавѣ было совершено 229 кражъ на сумму 54,486 руб. Въ теченіе полугодія (январь—июль) совершено 62 нападенія на казенныя винныя лавки. Въ теченіе іюля было 83 нападенія. По другимъ даннымъ, за три мѣсяца въ Варшавѣ было убито 45 городскихъ, жандармовъ и солдатъ и ранено 55.

Ежедневно со всей Россіи приходятъ телеграммы о грабежахъ и убійствахъ и мы изъ всей ихъ массы за время съ 15 августа по 15 сентября приведемъ лишь слѣдующія.

1) Юзовка, 18 августа. (СПА). Сообщаютъ слѣдующія подробности *о взрывѣ бомбы во время свадебнаго вечера*. Во время танцевъ вошли три парня. Одинъ изъ нихъ, воскликнувъ: „Поиграемъ“, бросилъ бомбу. Взрывомъ тяжело ранены невеста, ея мать, два брата и дядя, кромѣ того двѣ дѣвочки-сестры, четырехмѣсячный ребенокъ и 11^{чел.} гостей. Взрывомъ выбило стекла и повредило потолокъ; въ полу образовалось углубленіе въ 4 вершка. Бросившій бомбу окровавленный бѣжалъ изъ полиціи въ 3 часа ночи, но былъ задержанъ и помѣщенъ въ больницу Новороссійскаго общества. Тамъ же помѣщены 11 раненыхъ гостей, остальные раненые размѣщены по домамъ.

2) Сосница. Шайка злоумышленниковъ напала на хуторъ землевладельца Кваска и убила его. Другой землевладелецъ притворился мертвымъ. Чтобы удостовѣриться въ его смерти, злоумышленники *скальпировали* его, но онъ выдержалъ испытаніе и остался въ живыхъ. (Спб).

3) Въ Москвѣ, на Александровской улицѣ, на воспитанника воспитательнаго дома, Туманова, напали нѣсколько человекъ и сдѣлали ему *харакири!* Тумановъ умеръ по доставленіи въ больницу.

Какъ велика армія пресловутаго „Бунда“, члены котораго являются неизмѣнно замѣшанными во всѣхъ почти террористическихъ дѣяніяхъ вотъ уже много лѣтъ? На это даетъ отвѣтъ слѣдующая замѣтка въ „Варш. Дн.“.

Въ іюлѣ состоялся, по словамъ варшавскихъ газетъ, первый съѣздъ представителей еврейской революціонной организаціи „Бундъ“ отъ польскаго края. Въ съѣздѣ принимало участіе 17 делегатовъ отъ болѣе значительныхъ городовъ. На совѣщаніяхъ, продолжавшихся четыре дня (гдѣ — неизвѣстно), было констатировано, что хотя „польскіе“ евреи по своему умственному развитію стоятъ много ниже „русскихъ“ (такъ называемыхъ „литвоковъ“), тѣмъ не менѣе организація „Бундъ“ обладаетъ своими отдѣленіями въ 80 городахъ и мѣстечкахъ здѣшняго края, насчитывая до 40,000 приверженцевъ изъ числа еврейской учащейся молодежи и еврейскихъ рабочихъ. Остальныя еврейскія революціонныя организаціи не могутъ конкурировать съ „Бундомъ“,—изъ нихъ самой сильной является социаль-сіонистская партія.

Терроръ вызвалъ обиліе добровольцевъ и конкурирующихъ между собою организацій, такъ что начинается споръ о „революціонныхъ полномочіяхъ“, какъ это видно изъ слѣдующаго объявленія бакинскій партіи анархистовъ - коммунистовъ, напечатаннаго въ газетѣ „Каспій“:

„Въ послѣднее время въ Баку появилась масса шантажистовъ, дѣйствующихъ иногда, прикрываясь флагомъ анархистовъ-коммунистовъ.

Это самая низкая узурпація нашего имени, нашихъ идеаловъ, совершенно непонятныхъ разнымъ шантажистамъ. Поэтому мы заявляемъ: всякій шантажистъ, дѣйствующій отъ нашего имени анархистовъ-коммунистовъ, будетъ нами безжалостно убитъ.

И сегодня рабочими-анархистами уже убиты двое изъ шайки такихъ шантажистовъ: Григорій Теръ-Аванесянцъ и Артемъ Товмасьянцъ.

Пусть это знаютъ всѣ интернаціональныя шайки шантажистовъ и оставляютъ насъ въ покоѣ.

Одновременно, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, заявляемъ здѣсь работаютъ только слѣдующія группы анархистовъ-коммунистовъ—„Анархія“, „Борьба“ и „Бундъ“.

Бакинская группа анархистовъ-коммунистовъ „Анархія“. (Красная печать группы). Баку, 30 августа 1906 г.“

Социаль-демократы и „Бундъ“ даже начинаютъ постановлять протесты противъ широко развившагося въ странѣ принудительнаго отчужденія.

Московскій комитетъ социаль-демократической рабочей партіи принялъ резолюцію противъ насильственныхъ экспропріацій. Въ этой резолюціи признается, что необходимо вести широкую агитацію письменно и устно противъ экспропріаціи частныхъ имуществъ; что необходимо указывать, что экспропріація даже казеннаго иму-

щества не допустима въ настоящее время; что противъ тѣхъ членовъ партіи, которые занимаются экспроприацией, должны быть приняты рѣшительныя мѣры. Московскій комитетъ никакихъ денегъ, полученныхъ путемъ экспроприации, не бралъ и впредь принимать не будетъ.

Послѣднему предлагается очевидно вѣрить на слово.

По вопросу объ экспроприации казенныхъ и частныхъ имуществъ состоялось и постановленіе „Бунда“, о чемъ получено сообщеніе въ Москвѣ: „Принимая во вниманіе, что во многихъ мѣстностяхъ брестъ-литовскаго района является стремленіе къ конфискаціи казенныхъ денегъ; что такая конфискація деморализуетъ массы, развивая въ нихъ съ одной стороны анархическія наклонности, а съ другой *индифферентизмъ къ партіи*; что тамъ, гдѣ происходитъ экспроприация, замѣчается дезорганизація рабочихъ,— „Бундъ“ предлагаетъ бороться всѣми средствами съ этимъ явленіемъ“.

Очевидно, это пока лишь „районное“ постановленіе. Что такое „индифферентизмъ къ партіи“? Думать надо, грабители, начавшіе отчуждательную дѣятельность во славу „Бунда“, скоро соскучились сдавать награбленное въ кассу этой почтенной организаціи, прониклись преступнымъ „индифферентизмомъ“ къ задачамъ партіи и просто кладутъ награбленное въ карманъ! Это, очевидно, и побудило „Бундъ“ издать постановленіе. И „с.-д.“, и „Бундъ“ заявляютъ: „недопустимо“ „должны быть приняты рѣшительныя мѣры“, „предлагаемъ бороться всѣми средствами“ и т. д. Очевидно, они тоже, какъ и правительство, циркулярно требуютъ „возстановленія порядка“. Будетъ-ли однако революціонное правительство счастливѣе въ достиженіи этой задачи правительства законнаго?..

II.

Университеты у насъ—барометры революціи. Ихъ состояніе поэтому даетъ важный матеріалъ для характеристики момента.

Въ настоящее время въ С-Петербурскомъ и Московскомъ университетахъ замѣчается, во-первыхъ, двоевластіе—совѣтъ профессоровъ и совѣтъ студенческихъ старостъ, а во-вторыхъ, переполненіе слушателями, вольно-слушателями, дамами. Число студентовъ удвоилось и достигаетъ 8—9 тысячъ.

Въ Московскомъ университетѣ вывѣшено слѣдующее объявленіе: „Отъ ректора Московскаго университета объявляется, что приемъ какъ вновь поступающихъ студентовъ, такъ и переводящихся изъ другихъ университетовъ, не исключая и бывшихъ сту-

дентовъ Московскаго университета, окончательно прекращенъ".
Общее число студентовъ Московскаго университета 8,940, распре-
дѣляющееся слѣдующимъ образомъ: историко-филологическій факуль-
тетъ 929, математическое отдѣленіе 981, естественное отдѣленіе
1,229, юридическій факультетъ 3,215 и медицинскій 1986.

Вопросъ объ открытіи университетовъ сперва рѣшенъ былъ не
въ министерствѣ, не профессорами, не студентами, а на состоявшемся
частномъ совѣщаніи... делегатовъ социаль-революціонной партіи по
вопросу объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній. Четыре го-
лоса высказались за положительное рѣшеніе вопроса, три противъ.
Кто сіи семь делегатовъ? Какъ ихъ зовутъ? Но имъ, очевидно,
подчинены всѣ высшія учебныя заведенія имперіи. Однако вопросъ
было постановлено передать на предварительное обсужденіе район-
ныхъ организацій.

На засѣданіи центральныхъ комитетовъ *университетскихъ пар-
тій социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ* по вопросу объ
открытіи университета были вынесены резолюціи за желательность
открытія университета въ настоящемъ учебномъ году безъ допу-
щенія народныхъ митинговъ въ виду того, что въ устройствѣ по-
слѣднихъ теперь нѣтъ особенно острой нужды. Открытіе универси-
тета необходимо и изъ тактическихъ соображеній этихъ партій.
А въ № 10955 „Нов. Вр.“ отъ 12 сентября нѣкто г. Евгений По-
летаевъ удостовѣрилъ, что совѣтъ старость—родное дитя с.-д. пар-
тіи, флейта, на которой ц. к. с.-д. п. играетъ вполне увѣренно. Это
легко удастся, когда изъ 22 человекъ—16 вашихъ.

21 августа въ с-петербургскомъ университетѣ состоялось засѣ-
даніе совѣтской профессорской комиссіи совместно съ представите-
лями бюро студенческихъ старость.

По мнѣнію членовъ совѣтской комиссіи, совѣтъ профессоровъ
навѣрное выскажется за открытіе университета въ ближайшемъ
будущемъ, въ первыхъ числахъ сентября. Представители совѣта
старость съ своей стороны констатировали, что среди студентовъ
преобладаетъ настроеніе въ пользу открытія университета.

Канцелярія университета объявила, что отсрочка видовъ на
жительство можетъ быть дана только послѣ взноса платы за ве-
сенній семестръ. По этому поводу состоялось засѣданіе совѣта ста-
рость, рѣшившаго добиваться выдачи студентамъ видовъ на жи-
тельство независимо отъ взноса платы за слушаніе лекцій.

А министерство народнаго просвѣщенія впредь до разрѣшенія об-
щаго еврейскаго вопроса въ законодательномъ порядкѣ, рѣшило въ
нынѣшнемъ учебномъ году допускать въ число студентовъ и вольнослу-
шателей евреевъ, удовлетворяющихъ по своему образованію вновь
изданнымъ правиламъ, сверхъ ограничительной нормы.

26 августа въ газетахъ появилось отъ петербургскаго университета слѣдующее извѣщеніе: „Совѣтъ профессоровъ университета постановилъ назначить на 31-ое августа молебень, на 1-ое сентября запись на лекціи и на 7-ое сентября возобновленіе занятій“.

Совѣтъ студенческихъ старостъ собирался два раза, 24 и 25 августа, въ помѣщеніи по студенческимъ дѣламъ. Въ первомъ засѣданіи въ теченіе трехъ часовъ совѣтъ обсуждалъ резолюцію, вынесенную студенческой группой социаль-демократовъ, при чемъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе:

„Совѣтъ старостъ спб. университета присоединяется къ резолюціи, вынесенной студенческой группой социаль-демократовъ, и со своей стороны вноситъ ее на обсужденіе общестуденческой сходки“.

Такимъ образомъ, совѣтъ старостъ, очевидно, находится всецѣло въ рукахъ одной изъ политическихъ группъ и безусловно ей подчиняется, не справляясь съ мнѣніемъ остальныхъ группъ и не справившись о томъ, нѣтъ ли и у послѣднихъ какихъ-либо резолюцій.

Къ какой же резолюціи присоединился совѣтъ старостъ и что предлагаетъ онъ на обсужденіе своихъ избирателей? А вотъ что:

„Принимая во вниманіе, что студенческая забастовка, какъ форма пассивнаго протеста, не соотвѣтствуетъ достигнутой ступени развитія россійской революціи, что открытый университетъ, какъ показалъ прошлый годъ, играетъ крупную положительную роль въ дальнѣйшемъ развитіи революціонной борьбы, что интересы общереволюціоннаго движенія требуютъ концентраціи студенчества въ большихъ городахъ и мобилизациі его, какъ одного изъ отрядовъ революціонной демократіи, общестуденческая сходка постановляетъ считать спб. университетъ открытымъ“.

Изъ этой предлагаемой общестуденческой сходки резолюціи явствуетъ, что зданіе университета по прежнему избирается одной изъ группъ, главнымъ образомъ, для цѣлей революціонныхъ; высшія учебныя заведенія должны, по ея мнѣнію, играть лишь роль мобилизационныхъ пунктовъ, для цѣлей революціи.

Въ засѣданіи 25 августа, посвященномъ разработкѣ организационныхъ вопросовъ, касающихся общестуденческой сходки, назначенной на 1 сентября, совѣтъ старостъ рѣшилъ *принять на себя* руководство сходкой и *предложить* президіумъ изъ трехъ членовъ (два радикала и одинъ безпартійный). При этомъ совѣтъ старостъ постановилъ:

„Совѣтъ старостъ *предлагаетъ* совѣту профессоровъ признать, какъ общій принципъ, что вольнослушателямъ, какъ особой категоріи учащихся въ университетѣ, *должна быть гарантирована воз-*

возможность окончанія университета наравнѣ со студентами. Въ виду того, что части вольнослушателей грозитъ отбываніе воинской повинности, а другой части (евреямъ) высылка изъ Петербурга, совѣтъ старость *предлагаетъ* совѣту профессоровъ *гарантировать* имъ *пробываніе* въ университетѣ тѣмъ способомъ, какой совѣтъ профессоровъ найдетъ наилучшимъ. Совѣтъ старость указываетъ, что такими способами могутъ, на примѣръ, быть: соответствующее ходатайство въ министерство, перечисленіе этой части вольнослушателей или всѣхъ ихъ въ студенты *условно, впродолженіе до выдержанія* ими необходимыхъ экзаменовъ, назначеніе немедленныхъ экзаменовъ для вольнослушателей по невыдержаннымъ предметамъ“.

Изъ резолюціи этой ясно, о чемъ были рѣчи въ совѣтѣ. Болѣе всего старосты были озабочены вопросомъ о вольнослушателяхъ, въ числѣ которыхъ немало евреевъ. Резолюція, какъ можетъ судить читатель, есть не что иное, какъ категорическій приказъ со стороны совѣта старость совѣту профессоровъ.

Послѣдній принялъ евреевъ 460 ч., лицъ женскаго пола—150 (изъ 720 желавшихъ), а всего „зачислилъ“ пока 1700 человекъ.

Въ число вольнослушателей принимаются всѣ реалисты и будутъ зачислены въ число дѣйствительныхъ студентовъ по выдержаніи ими испытанія по латинскому языку въ продолженіе курса университетскихъ наукъ, при чемъ время пребыванія въ университетѣ къ качеству вольнослушателей имъ будетъ зачтено наравнѣ съ прочими студентами.

Однако, въ университетѣ есть и „черносотенцы“. Такъ, многіе студенты получали такіе листки:

„Мы, студенты, принадлежащіе къ единственному возможному съ здравой точки зрѣнія партіямъ правыхъ, объявляемъ нашимъ товарищамъ, что мы ни въ какомъ случаѣ не будемъ бастовать въ настоящемъ году. Если же на студенческихъ сходкахъ будутъ снова рѣшены забастовки, то мы твердо рѣшили всѣми мѣрами противодействовать имъ и не покидать институтскихъ занятій“.

1 сентября въ актовомъ залѣ университета состоялась первая въ этомъ году студенческая, общеуниверситетская сходка.

Собралось всего студентовъ и вольнослушателей около 2,000. Постороннихъ лицъ на сходкѣ не было.

Порядокъ дня выработанъ былъ слѣдующій: во 1-хъ—вопросъ объ открытіи университета въ связи съ ролью студенчества въ общественномъ движеніи; во 2-хъ—возможность устройства митинговъ и академическихъ занятій. До перерыва обсуждался первый вопросъ. Высказалось около 15 ораторовъ.

Послѣ перерыва предложены были на разсмотрѣніе сходки три

резолюціи: отъ с.-демократовъ и совѣта старость, отъ студенческой группы трудовиковъ, отъ безпартійнаго лица.

Голованіе производилось выходомъ въ двери.

Резолюція совѣта старость получила 1,203 голоса. Резолюція трудовиковъ 141, безпартійнаго—114. Воздержалось отъ голосованія 115.

Итакъ, сходка рѣшила открыть университетъ ради того, что „революціонное движеніе требуетъ концентраціи студенчества въ большихъ городахъ и мобилизаціи его, какъ одного изъ отрядовъ революціонной демократіи“.

По вопросу о допущеніи митинговъ въ университетѣ большинствомъ противъ 17 принята революція въ томъ смыслѣ, что вопросъ этотъ пока преждевременный, но „сходка выражаетъ увѣренность, что революціонныя традиціи студенчества заставятъ его предоставить университетскія зданія для народныхъ митинговъ, когда этого потребуютъ интересы революціонной борьбы“.

„Академисты“ выработали свою резолюцію, но она не была принята во вниманіе комитетомъ „старость“, ее не пожелали выслушать и на сходкѣ. Вотъ она:

„Комитетъ академическаго союза студентовъ заявляетъ первой студенческой сходкѣ 1906 года:

„Согласно утвержденію совѣта старость, актовъ залъ абсолютно не можетъ вмѣстить болѣе трехъ тысячъ человекъ.“

„Между тѣмъ, въ университетѣ, по одновременному заявленію совѣта старость, насчитывается болѣе восьми тысячъ студентовъ.“

„Такимъ образомъ, настоящая сходка ни въ коемъ случаѣ не представляетъ собою большинства студентовъ петербургскаго университета.“

„Поэтому комитетъ академическаго союза напоминаетъ товарищамъ, что рѣшенія настоящей сходки не могутъ быть обязательными для оставшагося за стѣнами этого зала большинства студентовъ.“

„Союзъ предполагаетъ, что академическіе старосты нравственно обязаны немедленно озаботиться организаціей факультетскихъ сходокъ, на которыхъ академическіе вопросы студенческой жизни могли бы обсуждаться однородными, по академическимъ интересамъ, группами слушателей университета.“

„Наконецъ, союзъ студентовъ, какъ академическая организація, участвовавшая въ избраніи старость, считаетъ необходимымъ настаивать, чтобы, въ порядкѣ дня, первымъ вопросомъ настоящей сходки былъ поставленъ подробный отчетъ о дѣятельности старость за время забастовки, причемъ студенческимъ организаціямъ, группамъ и каждому студенту въ частности должно быть дано право вно-

силье запросы по отдѣльнымъ пунктамъ дѣятельности студенческихъ выборныхъ“.

3 сентября сходка въ технологическомъ институтѣ постановила: „Въ виду того, что послѣ бурнаго революціоннаго подъема, освѣтившаго жизнь Россіи свободными гражданскими проявленіями, мы переживаемъ въ настоящій моментъ періодъ революціоннаго затишья (?) и временнаго торжества реакціи (?) и т. д., мы, студенты технологи, заявляемъ, что, открывая институтъ, по первому требованію революціоннаго народа, мы предоставимъ ему стѣны нашего (?) зданія“.

„Освѣднительное бюро“ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ опубликовало такое оффиціозное разъясненіе:

„Въ нѣкоторыхъ газетахъ помѣщена всеподданнѣйшая телеграмма отдѣла русскаго собранія изъ Кишинева, въ которой министръ народнаго просвѣщенія обвиняется въ нарушеніи закона и Высочайшей воли относительно приѣма евреевъ въ высшія учебныя заведенія. Высочайше утвержденными 5 декабря 1886 г. и 26 июня 1887 г. положеніями комитета министровъ установленіе ограничительныхъ нормъ для приѣма евреевъ въ учебныя заведенія представлено усмотрѣнію министровъ. Согласно сему, въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и личныхъ взглядовъ министровъ нормы эти колебались. Нынѣ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ высшей школы, министръ народнаго просвѣщенія призналъ справедливымъ на текущій годъ сообразовать приѣмъ евреевъ въ высшія учебныя заведенія съ усиленнымъ наплывомъ желающихъ получить высшее образованіе и единогласными заключеніями совѣщаній изъ выборныхъ отъ всѣхъ профессорскихъ коллегій, собиравшихся въ минувшемъ учебномъ году подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, о допущеніи въ высшія учебныя заведенія молодыхъ людей безъ различія исповѣданій. Въ коронныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, въ виду крайняго недостатка въ нихъ и неравномѣрности распредѣленія евреевъ по мѣстностямъ, министръ народнаго просвѣщенія призналъ увеличеніе приѣмной нормы евреевъ сверхъ установленнаго процента невозможнымъ.“

„Общій вопросъ о правахъ евреевъ будетъ подлежать обсужденію Государственной Думы, и такъ какъ это вопросъ народной совѣсти, то Государственная Дума и должна высказаться, какъ ея рѣшить.“

III.

Черезъ двѣ недѣли послѣ адскаго покушенія на Аптекарьскомъ островѣ появилось замѣчательное произведеніе — правительственное сообщеніе.

Начинается это краткимъ исчисленіемъ послѣднихъ дѣяній террористовъ.

А это доказало совѣту министровъ, что „революціонныя организаціи напрягли всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работѣ правительства, разстроить его ряды и примѣненіемъ грубаго насилія прекратить всякую возможность созидательной жизни государства“.

Изволите видѣть, какія злокозненныя эти „революціонныя организаціи“!

Грабятъ, убиваютъ, жгутъ и все это, чтобы помѣшать чиновникамъ министерства въ ихъ „спокойной работѣ“, чтобы прекратить „всякую работу мысли“ г.г. министровъ, занятыхъ писаніемъ „конституцій“!

Сообщается далѣе, что ещѣ во время сессіи Г. Думы „революціонные круги“ дѣятельно готовили „вооруженное возстаніе при помощи арміи и флота и всеобщее аграрное движеніе“.

„Революціонный натискъ долженъ былъ быть поддержанъ проникшими въ Государственную Думу представителями крайнихъ партій, стремившихся къ захвату исполнительной власти и превращенію Думы въ учредительное собраніе. Успѣхъ дѣла въ народѣ обезпечивался, по мнѣнію революціонеровъ, объѣздами сельскихъ мѣстностей и устною проповѣдью неприкосновенныхъ членовъ Думы, изъ сочувствовавшихъ ихъ ученію. Въ то же время имѣлось въ виду путемъ всеобщей забастовки пріостановить всю экономическую жизнь страны“.

Послѣ роспуска Г. Думы, „крайнія революціонныя группы (есть, значитъ, и „умѣренныя“?! Ник. Э.), желая ослабить впечатлѣніе неудачи ихъ замысловъ и не допускать творческой работы правительства“, принялись за „уничтоженіе высшихъ должностныхъ лицъ“. Хотя, по мнѣнію правительства, „такіе отдѣльные террористическіе акты знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи,“ однако „располагаютъ общество къ смятенію“. Въ самомъ дѣлѣ, глупая публика, когда ее разрываютъ на части, крошатъ женщинъ и дѣтей, когда жгутъ дома, грабятъ имущества, „отчуждаютъ“ деньги и это изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяць съ возрастающимъ безчеловѣчьемъ и успѣхомъ, не понимаетъ, что все это лишь „отдѣльные террористическіе акты“, что

они знаменуютъ „безсиліе революціи“! Публика не понимаетъ что это хотять помѣшать „творческой и спокойной работѣ“ г.г. министровъ прекратить „работу мысли“ г.г. министровъ, по части „конституцій“ и—такая глупая!—расположена „къ смятенію“... „Встревоженное“ по своему неразумію общество „обращаетъ взоры“ къ правительству и ждетъ „авторитетнаго заявленія“ — „какъ о причинахъ угнетающихъ общественное сознание злодѣяній, такъ и объ отношеніи къ нимъ государственной власти“.

И „правительственное сообщеніе“ 24 августа ставитъ вопросъ: „Въ чемъ при такихъ обстоятельствахъ должна заключаться обязанность правительства и что оно должно предпринять?“

Казалось-бы, на сей вопросъ имѣются точные отвѣты въ гражданскихъ и военныхъ законахъ. Но это опять неразуміе публики.

„Отвѣтъ на это—говорить сообщеніе, — можетъ быть одинъ“.

Вотъ какой отвѣтъ: „Цѣль и задачи правительства не могутъ мѣняться въ зависимости отъ злого умысла преступниковъ: можно убить отдѣльное лицо, но нельзя убить идеи, которою одушевлено правительство.“

Итакъ, „встревоженные“ обыватели могутъ оставить свое „расположеніе къ смятенію“. По прежнему грабятъ и убиваютъ ежедневно, но вѣдь это, съ одной стороны, доказываетъ—не безсиліе правительства, нѣтъ!—безсиліе революціи, а съ другой стороны, что изъ того, что обывателя или его жену и дѣтей разорвутъ на куски бомбой?

Будетъ убито только „отдѣльное лицо“, а идея останется, ее убить нельзя. Къ чему-же „смятеніе“?!

Что эта за идея, которою одушевлено правительства? Не сказано. Итакъ населеніе можетъ быть спокойно. Правительство твердо рѣшило неуклонно заниматься „конституціями“, какъ и до сего дня занималось. По прежнему правительство будетъ преслѣдовать „достиженіе конечной цѣли“, „но такъ какъ эта цѣль не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ явленій случайныхъ, то здравый государственный разумъ указываетъ на необходимость устранить препятствіе, напрячь всѣ силы и идти впередъ къ рѣшенію намѣченной задачи.“

Итакъ, правительство одушевлено „идеей, которую нельзя убить“, имѣетъ „конечную цѣль, независимую отъ явленій случайныхъ“. Что это за идея? Что это за цѣль? Неизвѣстно. Но если правительство прибѣгнетъ къ репрессіямъ, то не ради какихъ-то преходящихъ земныхъ вещей, а ради „идеи“ и „конечной цѣли“.

„Изъ этого ясно, — продолжаетъ „сообщеніе“, — что злодѣйства должны пресѣкаться безъ колебаній, что если государство не дастъ имъ отпоръ, то теряется самый смыслъ государственности“. И далѣе: „Правительство, не колеблясь, противопоставитъ насилію силу“, „мѣстнымъ властямъ даны самыя опредѣленные указанія“, „остановить проповѣдь насилія и проявленія ея на дѣлѣ“, „аграрные беспорядки будутъ остановлены вооруженною силою“, „обыкновенное судебное производство не даетъ достаточно быстрой репрессіи“, „поэтому признано необходимымъ издать временныя правила о военно-полевомъ судѣ для сужденія обвиняемыхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны“, „въ виду пропаганды въ войскахъ изданы правила объ усиленіи наказуемости за этого рода преступленія“.

Давно-бы такъ!

— Наконецъ

Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа!

Однимъ словомъ, правительство петербургскихъ бюрократовъ хочетъ „спасти аппараты“. „Крайнія“ революціонныя партіи терроромъ желаютъ помѣшати правительству быть либеральнымъ и писать „конституціи“. Но оно не испугается и по прежнему будетъ либерально! И если оно прибѣгнетъ къ репрессіямъ, то вовсе не изъ-за сочувствія населенію, которое грабятъ и убиваютъ, и не во исполненіе законовъ... Какъ-бы не такъ! Оно прибѣгнетъ къ репрессіямъ во имя „идеи, которой нельзя убить“, и „конечной цѣли, которая независима отъ явленій случайныхъ“. А что это за цѣль и что за идея, объ этомъ можно навести справки въ „освѣдительномъ бюро“.

Обыватель глупъ. Его грабятъ и убиваютъ — онъ кричитъ, дурень, просто „караулы!“ Онъ не понимаетъ, что его убиваютъ, дабы заставить гг. министровъ запачкать свою либеральную репутацію, принудивъ ихъ вѣшать и разстрѣливать грабителей и убійцъ! Обывателю одно важно — сохранить жизнь и имущество! О „вѣчныхъ идеяхъ“ и „конечныхъ цѣляхъ“ этотъ низменный субъектъ и думать забытъ!

Обыватель не понимаетъ, что „всѣ мѣропріятія, необходимыя для обезпеченія свободы жить и трудиться — лишь средство, а не цѣль!“ Обыватель не понимаетъ, „что было-бы величайшею ошибкою видѣть въ огражденіи государства отъ преступныхъ покушеній единственную задачу государственной власти!“ Да, обыватель по глупости своей полагалъ, что если бы власть оградила государство отъ покушеній Японіи и разбила ее на голову, то и совер-

шила бы всю задачу внѣшней охраны. Мудрости правительства, заключившаго позорный Портсмутскій миръ и договоръ, ради „ндеи и цѣли“, о которыхъ можно навести справки въ „освѣдомительномъ бюро“, обыватель никакъ понять не можетъ. Думаетъ онъ въ своей простотѣ, что и теперь нельзя идти на позорную капитуляцію революціи, учиненной евреями и инородцами, и что если правительство раздавить эту революцію, обезпечить свободу жить и трудиться, то и совершить весь свой долгъ. Ничего-то не понимаетъ глупый обыватель!

„Правительство не можетъ, какъ того требуютъ нѣкоторыя общественныя группы, приостановить всѣ преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу съ крамолой, сосредоточившись на проявленіяхъ зла и не углубляясь въ его существо“. Не можетъ оно и „обратиться исключительно къ проведенію въ жизнь освободительныхъ реформъ, разсчитывая на то, что крамола въ этомъ случаѣ сама собою прекратится, потерявъ всякій свой смыслъ“. „Революція борется не изъ-за реформъ, проведеніе которыхъ почитаетъ своею обязанностью и правительство, а изъ-за разрушенія самой государственности—крушенія Монархіи и введенія социалистическаго строя“. Новое откровеніе! Правительство будетъ проводить „освободительныя реформы“ и для него неприемлемы лишь требованія социаль-демократовъ.

Итакъ, 24 августа правительство официально заявило, что становится во главѣ „умѣренной революціи“, принимаетъ программу „кадетовъ“. Только крайнихъ социалистовъ оно считаетъ своими врагами. Такимъ образомъ, какъ Портсмутскій договоръ былъ капитуляціей передъ внѣшнимъ врагомъ, такъ „правительственное сообщеніе“ 24 августа,—капитуляція правительства передъ внутренними врагами. И тамъ, и здѣсь—уступка „поль-Сахалина“. Правительство обязуется исполнить всѣ требованія революціи до с.-д.

До „с.-д.“, и не далѣе!—это выражено въ сообщеніи такъ:

„Такимъ образомъ, *путь правительства ясенъ*: оградить порядокъ и рѣшительными мѣрами охранить населеніе отъ революціонныхъ проявленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напряженіемъ всей силы государственной идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядокъ, зиждущійся на законности и разумно понятой истинной свободѣ“.

Да, путь правительства ясенъ! Далѣе видимъ и ту „половину Сахалина“, которую оно отдаетъ революціи. Это «неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія». „Въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ рассмотрѣно, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раз-

драженіе и явно отжившія, могутъ быть отмѣнены немедленно и какія, какъ касающіяся существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію, являются дѣломъ народной совѣсти, почему предрѣшеніе ихъ стѣснило бы послѣдующую работу законодательныхъ учреждений“.

Вотъ она—„половина Сахалина“!

Далѣе идетъ перечень разрабатываемыхъ „законопроектовъ“. Надо-же дать пищу департаментскимъ перьямъ! Списокъ внушительный:

- 1) о свободѣ вѣроисповѣданія;
- 2) о неприкосновенности личности и о гражданскомъ равноправіи, въ смыслѣ устраниенія ограниченій и стѣсненій отдѣльныхъ группъ населенія;
- 3) объ улучшеніи крестьянскаго землевладѣнія;
- 4) объ улучшеніи быта рабочихъ и, въ частности, о государственномъ ихъ страхованіи;
- 5) о реформѣ мѣстнаго управленія, которое предполагается организовать такимъ образомъ, чтобы губернскія и уѣздныя административныя учрежденія были поставлены въ непосредственную связь съ преобразованными органами самоуправленія, включающими и мелкую земскую единицу;
- 6) о введеніи земскаго самоуправленія въ Прибалтійскомъ, а также Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ;
- 7) о введеніи земскаго и городского самоуправленія въ губерніяхъ Царства Польскаго;
- 8) о преобразованіи мѣстныхъ судовъ;
- 9) о реформѣ средней и высшей школы;
- 10) о подоходномъ налогѣ;
- 11) о полицейской реформѣ, направленной, между прочимъ, къ сліянію общей и жандармской полицій;
- 12) о мѣрахъ исключительной охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, съ объединеніемъ нынѣшнихъ различныхъ видовъ исключительной охраны въ одномъ законѣ.

Наконецъ, рядомъ съ этимъ, *дѣятельно продолжаются* подготовительныя работы по предстоящему, согласно Высочайшему повелѣнію, созыву всероссійскаго помѣстнаго церковнаго собора.

Насколько правильно послѣднее утвержденіе „сообщенія“, можно видѣть изъ слѣдующей статьи А. А. Папкова, помѣщенной имъ въ „Новомъ Времени“.

„Еще весной 1905 года появилось, какъ извѣстно, знаменательное синодальное постановленіе, изъ котораго видно, что св. Синодъ единогласно призналъ, что наше церковное управленіе настолько уклонилось отъ церковныхъ каноновъ, что оно настоятельно тре-

буетъ кореннаго обновленія и что это обновленіе можетъ быть успѣшно осуществлено лишь трудами всероссійскаго церковнаго собора. Также всѣмъ памятно, что Государю Императору благоугодно было призывать 17 декабря того же года въ Царское Село высшихъ іерарховъ для непосредственнаго преподанія указаній къ предстоящему созванію этого собора и повелѣть приложить особое стараніе къ исполненію всего, что требуется для созванія собора въ ближайшее по возможности время.

„Согласно сей Высочайшей волѣ, въ январѣ текущаго года было образовано особое предсоборное присутствіе, которому и ввѣрена была подготовительная работа по созыву собора. Только въ мартѣ мѣсяцѣ это присутствіе приступило къ своимъ занятіямъ, но въ самый разгаръ своей дѣятельности, несмотря на протестъ нѣкоторыхъ членовъ этого присутствія, оно было 15 минувшаго іюня закрыто по причинѣ наступленія лѣтнихъ каникулъ, и персоналу этого присутствія было объявлено, что при благопріятныхъ условіяхъ оно будетъ, можетъ быть, собрано уже осенью текущаго года.

„Такой продолжительный перерывъ занятій этого присутствія никоимъ образомъ не обнаруживаетъ со стороны синодальной власти того особаго старанія, которое требуется отъ нея для скорѣйшаго выполненія подготовительныхъ работъ по созыву церковнаго собора. Какъ извѣстно изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, опубликованныхъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, въ текущемъ году весьма много серьезныхъ вопросовъ по церковной реформѣ, подлежащихъ разработкѣ въ отдѣлахъ предсоборнаго присутствія, осталось еще безъ обсужденія, а общее собраніе сего присутствія, долженствующее объединять работы сихъ отдѣловъ, находится еще въ первоначальной стадіи своихъ занятій.

„Въ виду этихъ данныхъ представляется совершенно непонятнымъ и вызывающимъ серьезное недоразумѣніе вышеприведенное заявленіе правительства о *длительномъ* продолженіи подготовительныхъ работъ по предстоящему созыву всероссійскаго помѣстнаго церковнаго собора. Между тѣмъ печальная дѣйствительность настоятельно требуетъ самага дѣятельнаго отношенія къ такой великой задачѣ, какой является созывъ собора. Высшимъ правительственнымъ сферамъ необходимо въ самомъ скоромъ времени рѣшить вопросъ о томъ, долженъ ли соборъ предшествовать новой Думѣ, или же, наоборотъ, созывъ Думы долженъ опередить созывъ собора. Съ этимъ вопросомъ несомнѣнно связанъ другой вопросъ, а именно вопросъ о порядкѣ выборовъ въ новую Думу, и если соборъ долженъ предшествовать Думѣ, то не надлежитъ ли и выборы въ Думу произвести по *приходамъ*, какъ на то указываютъ нѣкоторыя политическія партіи патріотическаго направленія“.

IV.

Перейдемъ къ лѣтописи „отдѣльныхъ террористическихъ актовъ“, которые, по мнѣнію правительственнаго сообщенія, „знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи“.

Начнемъ съ событій въ г. Сѣдлецѣ.

Это опаснѣйшее революціонное гнѣздо, какъ можно заключить изъ „свѣдѣній о чинахъ земской стражи и жандармеріи Сѣдлецкой губ., пострадавшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей“. Вотъ этотъ мартирологъ „отдѣльныхъ актовъ“, „знаменующихъ скорѣе безсиліе революціи“.

1905 г. 22 марта убитъ возлѣ собора изъ револьвера въ спину стражникъ Влад. Чаквинъ; жена и 4 дѣтей; 10 апрѣля стражникъ Даниль Ольшевскій убитъ револьвернымъ выстрѣломъ въ голову; 11 мая въ полиціймейстера гор. Сѣдлеца Д. Н. Шедевре была брошена бомба; раненъ опасно, покинулъ службу; 4 іюня стражникъ Брониславъ Коустъ раненъ въ шею ножомъ; 9 іюля убитъ на улицѣ стражникъ Артемъ Мушицъ изъ револьвера сзади; 16 іюля убитъ жандармскій вахмистръ Ник. Пихалевскій пулей изъ толпы; 7 августа старшій стражникъ Вас. Титовъ убитъ у синагоги: вдова и 7 дѣтей; 9 августа земскій стражникъ Троф. Максимукъ раненъ ножомъ въ голову; 5 декабря убитъ старшій жандармскій унтеръ-офицеръ Клим. Бородіуекъ; беременная вдова и 7 дѣтей.

1906 г. 20 апрѣля въ 6 ч. в. брошена бомба на лѣстницѣ въ квартирѣ жандармскаго ротм. Пѣтухова; 19 апрѣля брошена бомба около зданія земскаго кредитнаго общества; 7 мая ранены ножомъ 2 земскихъ стражника Ѡ. Пастушукъ и В. Якимовичъ; 20 мая убитъ земскій стражникъ Леванчукъ-Лавничукъ; 28 мая ранены выстрѣлами изъ револьвера президентъ гор. Сѣдлеца отст. полк. Мировичъ, правитель канцеляріи губернатора Хвощенко и дѣлопроизводитель полиціймейстера Муровскій; Мировичъ скончался. 30 іюня смертельно раненъ старшій земскій стражникъ Голубъ; 27 іюля ранены стражники Михальчукъ и Якушинъ; 14 іюля убитъ старшій стражникъ Гринке; 3 августа раненъ пятью выстрѣлами стражникъ Балюкъ. И наконецъ, 8 августа бомбой, брошенной на Пенкной улицѣ, убитъ полиціймейстеръ гор. Сѣдлеца капитанъ А. И. Гольцевъ.

Въ Сѣдлецѣ было *объявлено* военное положеніе, но оно не приводилось въ исполненіе, какъ и во *многихъ* городахъ, для которыхъ военное положеніе *числится лишь на бумагѣ*. Въ Сѣдлецѣ полицейскія функціи исполнялъ лишь полиціймейстеръ и 22 стражника,

изъ которыхъ 12 были всегда заняты на разныхъ постахъ; ни приставовъ, ни околоточныхъ въ этомъ городѣ не было. Послѣ убійства полиціймейстера бомбой, унесшей 8 августа въ могилу всего 9 жертвъ (между прочимъ, лучшаго врача города, г. Савицкаго, тяжело ранили), фактически городъ остался на охранѣ 10 стражниковъ; въ городѣ 36,000 жителей—евреевъ-ремесленниковъ и поляковъ; есть русскіе чиновники; русскихъ обывателей нѣтъ; жандармовъ въ Сѣдлецѣ 18 человѣкъ; имъ столько работы на станціи, что въ городѣ ихъ почти не видно. Но здѣсь квартируетъ драгунскій полкъ, три пѣхотныхъ и артиллерія. Въ Сѣдлецѣ и слѣдовало ожидать того, что случилось 26, 27, 28 и 29 августа и въ сущности не прекращается.

Что-же произошло въ городѣ Сѣдлецѣ?

Солдаты были измучены тяжелою службою среди враждебнаго еврейскаго населенія; имъ приходилось отбывать охрану черезъ ночь въ теченіе цѣлаго мѣсяца, т. е. провести 15 ночей, не досылая и не добдая; отъ усталости они дошли до послѣдней степени жервнаго напряженія. 26 августа былъ мѣстный католическій праздникъ, пришедшійся на субботу, день еврейскаго праздника. Около 9 ч. вечера часовой на гаупвахтѣ подвергся обстрѣливанію изъ домовъ напротивъ. Вызвали караулъ. Его евреи стали обстрѣливать съ трехъ сторонъ. Караулъ отвѣчалъ залпами, обстрѣливая тѣ дома; изъ которыхъ показывались огоньки револьверныхъ выстрѣловъ. На каланчѣ подняли сигналъ войсковой тревоги. Войска оцѣнили городъ. Перестрѣлка шла всю ночь и 27 августа почти по всему городу.

Начальникъ войсковой охраны гор. Сѣдльца просилъ распоряженія временнаго губернатора объ усиленіи гарнизона города, и около 1 часа пополудни 27 августа прибыли батарея резервной артиллеріи, шедшей походомъ въ гор. Радомъ, и два батальона Дубенскаго пѣхотнаго полка.

Утромъ 27 августа пустили въ ходъ артиллерійскій огонь. Привезены были 4 пушки и сдѣлано 7 выстрѣловъ по домамъ, гдѣ засѣли революціонеры. Эффектъ былъ достигнутъ. Евреи въ ужасѣ выбѣжали изъ этихъ домовъ и 50 чел. было арестовано. Къ вечеру 28 августа массовая стрѣльба прекратилась и городъ успокоился, хотя и на другой день слышались одиночные выстрѣлы. Подонки города воспользовались случаемъ и погромили лавки. На улицахъ Аллейной, Огородной, Варшавской, Ятковой двинулась буйная толпа, разбивавшая все на своемъ пути. Загорѣлся базаръ; его подожгла толпа хулигановъ, очевидно послѣ разгромленія. Всѣ казенныя и общественныя учрежденія прекратили дѣятельность. Въ числѣ революціонеровъ было немало гастролеровъ изъ Бра

и Варшавы—это свидѣлствуютъ и сами евреи. Сколько было убитыхъ? Цифры сбивчивы. Евреи хоронили своихъ убитыхъ съ большою поспѣшностью и зарегистрировать ихъ было почти невозможно. Официально принято, что изъ числа жителей города убито 26 чел., раненыхъ до 100 чел. Изъ нижнихъ чиновъ 3 человекъ ранено, контуженъ одинъ въ голову; одна драгунская лошадь убита и одна ранена.

Отсутствіе потерь въ войскахъ объясняется двумя обстоятельствоми: во-первыхъ тѣмъ, что большею частью стрѣльба по нимъ производилась ночью, наугадъ, а во-вторыхъ анархисты, въ видахъ безопасности стрѣляли почти исключительно изъ слуховыхъ оконъ чердачныхъ помѣщеній, вслѣдствіе чего на улицахъ образовывалось много мертвыхъ, т. е. не обстрѣливаемыхъ пространствъ; *стрѣляли изъ слуховыхъ оконъ à l'aveugle, т. е. высовывались руки и производили рядъ выстрѣловъ; кромѣ рукъ ничего не было видно, и эти руки подъ конецъ совершенно остервенили солдатъ.*

Войдите на минуту въ психологію этого тамбовскаго или рязанскаго мужика въ мундиръ (весь Нарвскій полкъ и Лубенскій сплошь состоятъ изъ солдатъ центральной Россіи), на котораго сыплется градъ пуль сверху; стрѣляетъ невидимый врагъ.

По полицейскимъ свѣдѣніямъ за 28, 29 и 30 августа изъ города Сѣдльца выѣхало до 3000 человекъ изъ числа постоянныхъ жителей, почти исключительно все евреи.

Кто виноватъ въ томъ, что Сѣдлецу приходится пережить эти тревожные дни? Евреи обвиняютъ всѣхъ, и больше всего войско, всѣ обвиняютъ обнагльвшихъ евреевъ, и только немногіе пытаются защищать ихъ.

Положеніе вещей въ Царствѣ Польскомъ вообще характеризуется слѣдующая корреспонденція „Новаго Времени“ изъ Лодзи, отъ 28 августа:

„Усердствующіе не по разуму представители польскихъ партій социалистовъ и крайнихъ „народовцевъ“ изъ невѣжественной рабочей среды и неучащейся, совершенно разнузданной молодежи устроили на улицахъ города облаву на дѣтвора, учащуюся въ мѣстныхъ правительственныхъ школахъ. Они ловили ученицъ гимназій и силою возвращали ихъ домой, угрожая имъ въ случаѣ послушанія побоями. Нѣсколькими днями раньше эти же господа ворвались во время перемѣны во дворъ городского 4-кл. Александровскаго училища и силою заставили покинуть школу почти всѣхъ католиковъ-учениковъ старшихъ классовъ. Это одинъ изъ приѣмовъ бойкота „москальскихъ“ школъ, для которыхъ у этихъ „патріотовъ“ нѣтъ иныхъ названій, какъ „позоръ крулевства польскаго“, „русификаторскія ямы“ и т. п. Другимъ гнуснымъ приѣмомъ бойкота рус-

скихъ школъ со стороны этой банды совершенно ошалѣлыхъ колонизаторовъ „краевой школы“ является разсыланіе анонимныхъ требованій учителямъ-полякамъ покинуть „москальскія“ школы съ угрозами расправою и убійствомъ слушникамъ. Подъ вліяніемъ этого изъ здѣшнихъ гимназій и мануфактурно-промышленнаго училища учителя-поляки ушли, и ученики лишены возможности изучать польскій языкъ и литературу—поистинѣ медвѣжья услуга „патріотовъ“ самой идеѣ колонизаціи.

Переходимъ къ другимъ „отдѣльнымъ террористическимъ актамъ“, которые „знаменуютъ скорѣе слабость революціи“.

V.

Революціонное движеніе въ слободѣ Николаевской отразилось на сосѣднихъ мѣстностяхъ и перебросилось за Волгу, въ Камышинъ. 25 авг. изъ Камышина въ слободу были отправлены почти всѣ солдаты, а здѣсь осталось нѣсколько десятковъ конныхъ стражниковъ, казаковъ и солдатъ конвойной команды.

Утромъ 27 августа со станціи желѣзной дороги вели партію политическихъ. На базарной площади толпа напала на конвой, съ дѣлюю освобожденія арестантовъ. Былъ данъ залпъ. Упали раненые и одинъ убитый. Черезъ нѣсколько минутъ тревожный гулъ набата неся по городу. Собралась тысячная толпа. Явилось до 60 дружинниковъ, *вооруженныхъ похищенными еще прошлой зимой солдатскими винтовками*, револьверами и др. оружіемъ. Саженьяхъ въ 200 отъ толпы, поперекъ улицы, выстроилось человекъ 20 конныхъ стражниковъ и казаковъ, въ полной боевой готовности. Мятежники овладѣли оружейнымъ магазиномъ; откуда похитили тридцать револьверовъ; напали на полицейское управленіе и управленіе воинскаго начальника, возвели баррикады, прервавъ телеграфное и телефонное сообщеніе; часть мятежниковъ на захваченномъ паровозѣ отправилась на станцію „Авилово“, испортивъ тамъ рельсы. Было воздвигнуто до 11 баррикадъ, на которыхъ расположились дружинники. Пошли въ ходъ на постройку баррикадъ сельскохозяйственныя орудія: вѣялки, плуги, косилки, камни, молотилки и проч., появились пилы и топоры, и одинъ за другимъ стали падать телеграфные столбы, которые служили основой баррикадъ, а проволока загражденіемъ.

До семи часовъ вечера команда воинскаго начальника и отъ стражниковъ вели перестрѣлку съ нападавшими, изъ которыхъ шестеро убито и около сорока ранено; изъ стражниковъ убитъ и двое ранено. Дружинники выбрали изъ своей срѣ-

ламентера для веденія мирныхъ переговоровъ съ властями. Поднявъ вверхъ саблю съ привязанными бѣлыми платками, онъ, по словамъ „Нар. Газ.“, отправился къ приставу и предложилъ ему отъ имени революціоннаго народа сдаться и выдать оружіе.

Приставъ не согласился на такое предложеніе. Парламентарь сталъ вести переговоры съ самими стражниками и казаками. Тѣ тоже не согласились выдать оружіе.

Тогда дружинники пошли въ обходъ стражникамъ и казакамъ, но подверглись обстрѣлу залпами со стороны солдатъ-конвойныхъ, казаковъ и стражниковъ. Дружинники сначала было разсѣялись, но потомъ, собравшись группами, стали отвѣчать изъ-за угловъ и съ баррикадъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся около 4 часовъ. Стражники вынуждены были отступить и заперлись въ зданіе полицейскаго управленія, а исправникъ выѣхалъ въ Николаевку. Толпою были порваны телеграфные и телефонные провода, разобраны машины на перевозномъ пароходѣ. Съ Николаевкой, гдѣ были войска, сообщеніе было прервано. Мятежники произвели обыски въ квартирахъ приставовъ и конфисковали тамъ 15 револьверовъ, 6 винтовокъ и много патроновъ.

Одному стражнику, высунувшемуся въ двери полицейскаго управленія, какимъ-то снарядомъ сорвало полъ-черепа.

Дружинники командировали одинъ отрядъ къ начальнику движенія ряз.-ур. ж. д. съ предписаніемъ революціоннаго комитета немедленно же выдать для его надобностей 1 паровозъ. Начальникъ было противился этому и *попросилъ у дружинниковъ документъ, который удостовѣрилъ бы, что они, действительно, посланы комитетомъ.* Но одинъ изъ нихъ, вынувъ изъ кармана браунингъ, приставилъ его къ лицу перепуганнаго начальника и, держа въ рукѣ открытые часы, сказалъ: *„Вотъ мой документъ. Даю вамъ на размышленіе пять минутъ“.*

Поѣздъ былъ данъ.

На слѣдующій день въ Камышинъ прибыли солдаты, казаки, и власти съ пулеметами. Начались аресты участниковъ возстанія, но главари, по слухамъ, успѣли выѣхать изъ Камышина. Къ 29-му августа „порядокъ“ въ городѣ былъ „возстановленъ“. Арестовано... одиннадцать мятежниковъ.

Что происходило за время съ 15 августа по 15 сентября въ Прибалтійскомъ краѣ? Въ телеграмѣ изъ Митавы отъ 18 августа сообщалось, что Рига представляла собою за прожитую недѣлю настоящее террористическое пекло по обилію и бестіальности проявленій анархической злобы. Полиціи удалось обнаружить гнѣздо, гдѣ шла фабрикація бомбъ. Домъ этотъ пришлось подвергнуть форменной осадѣ, длившейся десять часовъ. Волостные учителя Лиф-

ляндіи, дерзнувшіе занять мѣста уволенныхъ и высланныхъ, получаютъ отъ *второго правительства* угрозы быть убитыми. И предпочитаютъ повиноваться послѣднему. Учитель Ливинъ въ Венденскомъ уѣздѣ былъ израненъ 20-ю выстрѣлами, напавшихъ на него 15-ти революціонеровъ. Только за то, что зажиточный крестьянинъ Пургаилъ въ Венденскомъ уѣздѣ, по мнѣнію мѣстныхъ революціонеровъ, былъ реакціонеръ, на этой недѣлѣ сожгли и сравняли съ землей его домъ, убили жену, разстрѣляли его 15-лѣтняго сына и возвратившемуся домой Пургаилу осталось только взять страннической посохъ.

Прибитыя къ пожарищу прокламаціи содержатъ угрозы въ отношеніи поименно указанныхъ другихъ дворохозяевъ за ихъ консервативное направленіе.

Развитіе анархизма въ Либавѣ не встрѣчаетъ отпора, при неорганизованности полицейской власти, раздробленной здѣсь между тремя различными органами; на всю сыскную часть здѣсь ассигнуется 20 рублей въ годъ. Но у приставовъ по 12 и 15 тысячъ исходящихъ бумагъ ежегодно. Городъ кишитъ скверно настроенной еврейской молодежью, устремляющейся сюда изъ Литвы и широко работающей для Бунда среди многочисленныхъ желѣзнодорожныхъ, портовыхъ и фабричныхъ рабочихъ, а также войсковыхъ частей. 21 августа въ Рижскомъ уѣздѣ убитъ вечеромъ около своего дома оберъ-пасторъ Циммерманъ. Выбѣжавшая на крики его жена тоже убита. Въ квартирѣ Циммермана найдено объявленіе, что онъ приговоренъ былъ къ смерти за осужденіе революціи. Раньше появились прокламаціи, что пасторы, *осуждающіе въ проповѣдяхъ* революцію, подлежатъ разстрѣлу. 25 августа въ виду участившихся случаевъ убійства свидѣтелей, генераль-губернаторъ Бекманъ объявляетъ, что этимъ нисколько не достигнется ослабленіе обвиненія, а наоборотъ, участь обвиняемыхъ, въ интересахъ которыхъ производятся подобныя омерзительныя дѣйствія, почувствуютъ въ гораздо большей степени силу безошадной военно-судебной расправы.

Вслѣдствіе забастовки служащихъ рижскаго электрическаго трамвая нанята былъ новый составъ, съ которымъ трамвай и сталъ работать. Анархистскіе вожаки сказали, что рижскій трамвай долженъ прекратить движеніе и 22 августа бросили въ трамвай бомбу. Убитъ молодой купецъ Вейде наканунѣ своей свадьбы, раненъ гимназистъ, оглохли двое. Ежедневно швыряютъ въ вагоны петарды. Движеніе происходитъ подъ охраной казаковъ военно-полицейскихъ чиновъ и съ наступленіемъ темноты прекращается. А что-же власти? Трудятся. Привлекли къ судебной отвѣтственности за напечатаніе извлеченія изъ ноябрьскаго рабочаго манифеста консервативнѣйшую „Duena Zeitung“, ежедневно мечущую громы противъ всякой рево-

люция и единственную консервативную „Латышскую Газету“, ведущую тяжкую работу въ интересахъ порядка. Въ то же время уже давно въ Литвѣ издается, *неуловимая для администраціи, подпольная латышская газета „Цина“*, органъ мѣстной социаль-демократической партіи, объявляющей въ послѣднемъ номерѣ о соединеніи своемъ съ русской рабочей партіей. Любопытно, что *каждый номеръ газеты этой, печатающейся, говорятъ, въ 30 тыс. экземпляровъ и неведомыми путями разсылаемой во все углы латышскаго края, заключаетъ на первомъ мѣстѣ оффиціальныи стдѣль (sic!),* изъ котораго узнаемъ распоряженія втораго, и надо констатировать, *весьма грознаго правительства, ибо декреты ея неукоснительно исполняются смертельно запуганнымъ населеніемъ.* Для достиженія этого эффекта въ газетѣ печатаются списки такъ называемыхъ *штіоновъ, которыми считаются все осмѣливающіеся противодѣйствовать или даже нитнуть что-либо противъ единоспасаемой социаль-демократіи.* Надъ такими смѣльчаками виситъ Дамокловъ мечъ, и попасть въ списокъ считается крупнѣйшимъ несчастіемъ, отъ котораго спасаются населеніемъ. *Декреты излагаются по формуль: кто не исполнитъ того-то, тотъ штіонъ, котораго уничтожитъ обязанность каждого честнаго челоуѣка (sic!).*

Послѣдній списокъ поименовываетъ: 12 управляющихъ, 1 латышскаго землевладѣльца, 1 пастора, 2 лѣсниковъ, 3 урядниковъ, 6 волостныхъ старшинъ, купца, мельника и 3 женщинъ.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ послѣдняго номера объявляется, что при центральномъ комитетѣ въ Ригѣ учреждается техническая исполнительная комиссія въ составѣ трехъ членовъ милиціи, заведующаго транспортами, представителя военной организаціи и представителя центрального комитета съ правомъ veto. На комиссію возлагается добываніе оружія, приемка оружейныхъ транспортовъ, вооруженіе агентовъ и обученіе обращенію съ оружіемъ, использованіе новѣйшихъ техническихъ средствъ и завѣдываніе складами. Изъ напечатанныхъ отчетовъ мѣстныхъ отдѣленій видно, что либавское отдѣленіе препроводило 5,600 р. на оружіе, добытыхъ путемъ экспроприаціи, по нашему—грабежами.

Имѣются суммы, поступившія изъ-за границы. Очень подробныя, до 3 коп. включительно, бюджетныя свѣдѣнія партіи наполняютъ цѣлыя столбцы. Отсюда узнаемъ, что *за послѣдній годъ приходъ былъ 48,000 руб., въ томъ числѣ отъ какого-то комитета 21,000 руб.* Остальное выручено отъ продажи оружія, брошюръ, а также отъ заграничныхъ поступленій. *Расходоуъ было 46 тыс. Тутъ приводятся: выдача жалованья, содержаніе типографіи, сельская организація, оружіе, боевая организація. Партія иметъ 11,000 сознательныхъ товарищей, на 4,000 менѣе конца прошлаго года, вслѣдствіе дѣятель-*

жести карательныхъ отрядовъ и вынужденнаго бѣгства. Констатируется, что крестьяне-собственники относятся холодно, даже враждебно къ партіи. *Рига имѣетъ 6,000, товарищей, Либава—1,500, Митава—400.*

Восточные уѣзды Лифляндіи образуютъ особый районъ, имѣющій 1,200 сознательныхъ и издающій безупречно отпечатанные, очевидно въ настоящей типографіи, листки на всѣ событія дня.

Какковы въ балтійскомъ краѣ „отдѣльные террористическіе акты“, которые „скорѣе знаменуютъ слабость революціи“, видно по слѣдующимъ: въ Рижскомъ уѣздѣ въ корчму являются вооруженные и предъявляютъ приказъ втораго правительства съ печатью социаль-демократическаго комитета о немедленномъ прекращеніи торговли и уплатѣ 200 рублей штрафа. Послѣ усиленныхъ просьбъ довольствуются 100 рублями и разрѣшаютъ торговать еще мѣсяць, но тогда рѣшеніе подлежитъ безповоротному исполненію. Въ томъ же уѣздѣ въ усадьбу фермера являются четверо, требуютъ денегъ и выдачи оружія; получивъ 14 рублей, удаляются, но черезъ нѣсколько минутъ являются снова и убиваютъ фермера наповаль, отсюда идутъ въ школу, ломаютъ стекла и двери и требуютъ впустить и, когда дрожащая отъ смертельнаго страха жена учителя впускаетъ, бандиты приказываютъ учительской четѣ повернуться спиной, поднять руки вверхъ и разстрѣливаютъ мужа и жену; когда пришли люди, то нашли два бездыханныхъ, плавающихъ въ крови, трупа, окруженныхъ нѣсколькими осиротѣвшими дѣтишками, изъ которыхъ старшему 11 лѣтъ. Въ томъ же уѣздѣ къ фермера Кякуру явились вооруженные, спрашивая, отчего онъ не исполнилъ приказа объ уплатѣ 300 рублей для революціи; Кякуръ просилъ отсрочки, имѣя только 139 р., которые и вручилъ; разбойники, взявъ деньги, тутъ же убили Кякура.

Судя по многочисленнымъ подобнымъ случаямъ, жителей въ школиваютъ безпрекословно исполненію приказовъ и извѣстно, что многіе старательнѣе выплачиваютъ революціонныя подати, чѣмъ инныя. Въ томъ же уѣздѣ распространяется проскрипціонный слухъ подлежащихъ умерщвленію 30 жителей, изъ которыхъ дворохозяина Авенъ уже застрѣленъ, впрочемъ ошибочно, и что по проскрипціи подлежалъ убійству его братъ.

Телеграмма „Нов. Вр.“ изъ Митавы отъ 7 сентября сос

Истекшая недѣля выдѣлилась кровавыми атаками на электрической трамвай, который закидали бомбами и пу сопровождалось гибелью и искалѣченіемъ многихъ людей.

VI.

Въ свеаборгскомъ бунтѣ участвовало не менѣе 300—350 финновъ, какъ это выясняется теперь изъ слѣдствія. Не успѣли своевременно бѣжать и были задержаны при сдачѣ мятежниковъ 65 человекъ. Другая значительная группа красныхъ гвардейцевъ 18-го іюля участвовала въ мятежѣ матросовъ въ Гельсингфорсѣ, на Скагуденѣ.

О тѣсной же связи въ дѣйствіяхъ между возставшими войсками и красной гвардіей говорить не приходится: стоитъ только вспомнить воззваніе капитана Кока, попытку разрушить желѣзную дорогу въ дни мятежа и тѣмъ помѣшать перевозкѣ русскихъ войскъ изъ Вильманстранда, а также постоянные митинги красной гвардіи въ Гельсингфорсѣ, на которыхъ присутствующіе русскіе солдаты призывались къ возстанію, и ея дѣятельную агитацію въ русскихъ войскахъ.

Не смотря на грянувшій громъ, въ Финляндіи *все продолжаетъ оставаться по старому, и русскіе революціонеры находятъ себѣ тамъ вполне безопасное убѣжище, ведя по прежнему, совместно съ номинально распущенной красной гвардіей, усиленную агитацію въ войскахъ. Какъ и раньше, въ Гельсингфорсѣ, на всѣхъ перекресткахъ, нижніе чины снабжаются прокламаціями, а издававшаяся тамъ, еще задолго до свеаборгскихъ событій, революціонная газета „Вѣстникъ казармы“ процвѣтаетъ и донынѣ.* Неужели и теперь, послѣ всего совершившагося, финляндскій генераль-губернаторъ не предприметъ никакихъ мѣръ для обузданія дѣятелей революціонной агитаціи среди войскъ? Военное начальство, безъ содѣйствія гражданскихъ властей, прекратить ее бессильно; нельзя же держать нижнихъ чиновъ на привязи въ казармахъ: стоитъ же имъ выйти на улицу, какъ агитаторы начинаютъ устраивать на нихъ правильную облаву.

Полагаемъ, что даже основные законы края даютъ генераль-губернатору право потребовать отъ финской полиціи активнаго участія въ борьбѣ съ революціонной агитаціей, тѣмъ болѣе, что свеаборгскій мятежъ и подвиги красной гвардіи прежде всего угрожали спокойствію мѣстнаго населенія.

Но, вѣроятно, г. Герардъ раздѣляетъ мнѣніе правительства, что въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ имѣли мѣсто „отдѣльные террористическія акты“, которые „знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи“. А потому и беспокоиться нечего.

Мы видѣли, что творится въ Польшѣ, въ Балтійскомъ краѣ,

въ Поволожьѣ, въ Финляндіи. Тамъ... все остается по старому. Тоже и на Кавказѣ.

Въ Кутаисской губерніи начинается повтореніе того, что творилось въ недавнія времена пресловутой „кутаисской революціи“. Агитаторы кишмя кишатъ, „митинги“ устраиваются чаще, чѣмъ когда-либо, полиція фактически бездѣйствуетъ, сельскія правленія въ большинствѣ закрыты, со старшинъ давно уже сорвали должностныя цѣпи. Трудящійся народъ обложенъ непомерными денежными поборами на „освободительное движеніе“. Помѣщики, не будучи въ силахъ уплатить требуемую революціоннымъ комитетомъ сумму, бѣгутъ въ губернской городъ, а иногда просто куда глаза глядятъ. Разбоями же, грабежами и насиліемъ, а также такъ называемыми „политическими убійствами“, какъ явленіями обычными, теперь въ несчастной губерніи никого не поразить.

Революціонеръ-разбойникъ Апраксіонъ Мерквиладзе выдерживаетъ атаку легальной вооруженной силы; встрѣчая гостепріимный приемъ у „сочувствующихъ“, Мерквиладзе сдѣлался какимъ-то неуловимымъ легендарнымъ героемъ. Многіе кутаисцы утверждаютъ, что „освобожденцы“, нападавшіе во время послѣднихъ забастовокъ на мирное населеніе съ цѣлью отобранія оружія, остались неприкосновенными, а многіе изъ нихъ, оставаясь на службѣ, продолжаютъ по прежнему исправно получать каждое двадцатое число весьма приличное содержаніе отъ казны.

Почему до сихъ поръ не понесли заслуженной кары убійцы подполковника Ходецкого, смотрителя духовнаго училища Грекова, агента Кузнецова и многихъ другихъ? Развѣ они канули въ воду, что ли? О, нѣтъ! Они преспокойно разгуливаютъ, будучи увѣренными, что никто ихъ пальцемъ не тронетъ.

Убійца помѣщика Мельмана и нѣсколькихъ казаковъ и стражниковъ нѣкій Хартвелишвили, во время одного изъ совершенныхъ имъ убійствъ, самъ былъ раненъ въ шею, но лечился преспокойно у себя на дому; его навѣщали знакомые, друзья; объ этомъ всѣ открыто говорили... и все-таки мѣстная администрація не сочла нужнымъ его арестовать.

Мѣстный генераль-губернаторъ не разъ говорилъ, что у него полиціи нѣтъ; съ этимъ нельзя не согласиться, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что можно держать на службѣ такихъ агентовъ полиціи, которые своею бездѣятельностью способствуютъ дерзости и смѣлости мятежниковъ и убійцъ. „Конфликтъ“ (о немъ всѣ говорятъ) между командующимъ войсками въ губерніи и генераль-губернаторомъ является сильнымъ тормозомъ къ умиротворенію несчастной губерніи и восстановленію хотя бы относительнаго пор-

Въ Кахетіи (часть Тифлисской губерніи) не лучше, чѣ

Грузіи, Имеретіи и Мингреліи (части Кутаисской губерніи). Разбойничьи шайки подчинили себѣ не только терроризованное населеніе, но и администрацію. На границѣ Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ оперируетъ шайка изъ полусотни прекрасно вооруженныхъ молодцовъ, предводительствуемая тоже своего рода легендарнымъ героемъ Жгенти.

Воры, грабители, убійцы и разбойники нынѣ въ Россіи пользуются полною „неприкосновенностью личности“ наравнѣ съ „выборгскими“ членами Государственной Думы.

VII.

„Освободительное движеніе“ привело къ самымъ неожиданнымъ результатамъ городское и земское самоуправленіе. Такъ, петербургская дума, истративъ совершенно безцѣльно сотни тысячъ городскихъ денегъ, окончательно признала себя неспособной своими силами и средствами разрѣшить вопросъ „организации общественныхъ работъ и помощи безработнымъ“. 19 августа петербургскій городской голова Н. А. Рѣзцовъ обратился отъ имени думы къ предсѣдателю Совѣта Министровъ съ ходатайствомъ, въ которомъ проситъ правительство взять на себя заботу о безработныхъ. Мотивировка ходатайства такова:

Событія, пережитыя Россіей въ минувшемъ 1905 и настоящемъ 1906 гг., отразились главнымъ образомъ на экономической жизни страны и имѣли своимъ послѣдствіемъ съ одной стороны значительное ослабленіе промышленной ея дѣятельности и закрытіе фабрикъ и заводовъ, а съ другой—*объединіе рабочихъ массъ*, оставшихся безъ заработка. Хотя означенныя обстоятельства наблюдались почти по всей Россіи, но едвали не наибольшее проявленіе матеріальная нужда рабочихъ имѣла въ Петербургѣ, гдѣ весьма много крупныхъ механическихъ, литейныхъ и строительныхъ заводовъ, въ томъ числѣ и казенныхъ, или совсѣмъ прекратили, или значительно уменьшили свою дѣятельность.

С.-Петербургское городское общественное управленіе нашло необходимымъ напрячь всѣ свои силы въ борьбѣ съ надвигающимся бѣдствіемъ и принять экстренныя мѣры помощи бѣднѣйшей части городского населенія, оставшагося безъ заработка. Съ этой цѣлью городская дума выступила съ мѣропріятіями двоякаго рода: 1) съ непосредственной *благотворительной помощью* голодающимъ, для чего и сдѣлала рядъ крупныхъ ассигнованій въ суммѣ 615,000 руб. независимо отъ 80,000 руб., отпущенныхъ на ту же надобность въ распоряженіе города министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и 2) съ

Организацію общественныхъ работъ, для чего отпустила полмилліона рублей на нѣкоторыя городскія работы, веденіе которыхъ дума поручила особой исполнительною комисіи.

Изъ этихъ работъ ничего не вышло. Нынѣ,—„городская дума, признавая, что въ оказанной области ею сдѣлано все возможное въ предѣлахъ имѣющихся у нея средствъ и что дальнѣйшія жертвы ея на помощь безработнымъ невозможны за отсутствіемъ соотвѣствующихъ денежныхъ суммъ, постановила: поручить городскому головѣ войти съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ о принятіи на счетъ казны дальнѣйшихъ расходовъ какъ по обезпеченію *безработныхъ работою*, такъ и по удовлетворенію ихъ продовольственныхъ, квартирныхъ и ломбардныхъ нуждъ.“

Земское хозяйство переживаетъ тяжкій кризисъ. Земскія кассы пусты. Населеніе не платитъ повинностей и налоговъ. Не платятъ не только крестьяне, мелкіе землевладѣльцы, но и крупныя помѣщики. Земствамъ приходится прямо ликвидировать большую или меньшую часть своего хозяйства, въ зависимости отъ имѣющихся въ ихъ распоряженіи капиталовъ.

Недоимки по частновладѣльческимъ землямъ достигли къ первому января этого года весьма почтенной суммы—37.312,136 рублей и только съ помощью полицейскихъ мѣръ, описей и продажъ имущества недоимщиковъ удалось къ 1 іюля собрать 7.582,155 рублей, т. е. всего 20 процентовъ окладной суммы.

Для пополненія своихъ средствъ, необходимыхъ на веденіе обширнаго хозяйства, земства обратились къ правительству съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ долговременныхъ ссудъ.

Для этой цѣли при министерствѣ финансовъ организовано особое совѣщаніе. Собранныя имъ матеріалы рисуютъ печальную картину. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не платитъ земскихъ сборовъ вошло въ обычай.

Такъ по саратовскому земству числится недоимокъ за плательщиками на 2½ милліона рублей, причемъ одинъ городъ Саратовъ ухитрился накопить земской недоимки милліонъ рублей. Последствіемъ этого было то, что саратовское земство прекратило платежи по страховымъ операціямъ. Тоже самое наблюдается въ Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерніяхъ. По Владимирской губерніи, гдѣ общая сумма земскихъ недоимокъ не превышаетъ 800 тысячъ рублей, населеніе внесло 56 процентовъ и это считается одной изъ самыхъ крупныхъ уплатъ, тогда какъ на 1.900,000 рублей недоимокъ новгородское земство получило всего лишь 8 процентовъ; довольно слабо идутъ уплаты по Петербургской и Уфимской губерніямъ, стоящимъ въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ,—и тамъ, и тутъ уплачено всего по 15 процентовъ.

Въ распоряженіе особаго совѣщанія передано всего 4.940,000 р. осталось изъ нихъ всего 395,000 руб. А земства просятъ десятки милліоновъ рублей. Но государственное казначейство не располагаетъ свободными суммами. Поэтому земствамъ предложено отложить всѣ строительныя, агрономическія, статистическія, дорожныя работы и т. д. Калужское земство просило 509,000 руб. Ему дали 5,000. Тверское—хотѣло получить 2:365,000 р., дали 92,000 руб. и т. д. Удовлетворяются, по возможности, и уѣздныя земства; нѣкоторымъ деньги выдавались по нѣскольکو разъ, и тѣмъ не менѣе земства требуютъ новыхъ ассигнованій.

Не поступаютъ окладные сборы съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

На 1 января 1901 г. недоимокъ за крестьянами всѣхъ губерній числилось 20 милліоновъ рублей, къ 1-му же января 1896 г. сумма эта возросла до 36 милліоновъ рублей. Крестьянство относится весьма индифферентно къ своимъ долгамъ земству и государству: окладъ на 1906 г. назначенъ въ 35,846,000 руб., за первое же полугодіе внесено въ казначейство всего 8.047,000 р. тогда какъ въ 1904 г. за первое полугодіе поступило ровно половина всего оклада — 15.723.000 р., а въ 1905 г., когда окладъ былъ исчисленъ въ 32 милліона рублей слишкомъ, населеніе къ 1-му іюля внесло уже 15.796,000 руб.

Не малую долю въ уклоненіи отъ уплаты законныхъ повинностей оказала и агитаторская дѣятельность представителей лѣвыхъ партій, задавшихъ цѣлью подорвать финансовое положеніе страны: хотя крестьяне и не вѣрятъ агитаторамъ, но, тѣмъ не менѣе, очень охотно соглашаются съ ихъ доводами, разъ они касаются денежной стороны дѣла. Были случаи, когда крестьяне не платили налоговъ, ожидая, что скажетъ Государственная Дума, такъ какъ были увѣрены, что она призвана сложить съ нихъ это бремя. Изъ какихъ же источниковъ будетъ пополняться государственная касса, и на кого будетъ возложена та часть налога, которая снимается съ нихъ, крестьяне этого вопроса не касались. Въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что земства очутились безъ денегъ, такъ какъ сельское населеніе прекратило платить именно земскія повинности, казнѣ же налоги платятся, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, какъ это определено смѣтами.

Населеніе не платитъ земствамъ, можетъ быть, потому, что знаетъ, что деньги пойдутъ не на нужды мѣстныхъ, а на „освободительное движеніе“.

Города просятъ содержать „безработныхъ“. Земства просятъ о ссудахъ. И въ тоже время государство ассигнуетъ громадныя суммы для помощи неурожайныхъ губерній.

Въ засѣданіи 2 сентября особое совѣщаніе, подъ предѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. І. Гурко, выяснило, что для организаціи побочныхъ видовъ помощи необходимо ассигнованіе слѣдующихъ суммъ:

Для Пензенской губерніи:

На благотворительную помощь	800,000 р.
„ прокормленіе скота	1.850,000 „
„ организацію продажи хлѣба и топлива	500,000 „
„ организацію общественныхъ работъ	600,000 „
Итого	<u>3.250,000 р.</u>

Для Симбирской губерніи:

На организацію общественныхъ работъ	1.100,000 р.
„ организацію продажи хлѣба	500,000 „
„ прокормъ лошадей	980,000 „
Итого	<u>2.580,000 р.</u>

Для Тамбовской губерніи:

На организацію общественныхъ работъ	1.514,000 р.
„ прокормъ скота	2.400,000 „
„ благотворительную помощь	600,000 „
Итого	<u>4.514,000 р.</u>

Для Нижегородской губерніи:

На организацію общественныхъ работъ	100,000 р.
„ организацію продажи хлѣба	50,000 „
„ благотворительную помощь	700,000 „
Итого	<u>850,000 р.</u>

Для Уфимской губерніи:

На организацію общественныхъ работъ	350,000 р.
„ прокормъ скота	3.763,000 „
Итого	<u>4.113,000 р.</u>

Для Орловской губерніи:

На организацію продажи хлѣба	350,000 р.
„ организацію продажи топлива	60,000 „
„ организацію общественныхъ работъ	128,000 „
„ благотворительную помощь	70,000 „
Итого	<u>608,000 р.</u>

Для Воронежской губерніи:

На организацію общественныхъ работъ	800,000 р.
„ организацію продажи хлѣба	500,000 „
„ прокормъ скота	700,000 „
„ благотворительную помощь	300,000 „
Итого	<u>2.300,000 р.</u>

Для Тульской губерніи:

На организацію общественныхъ работъ	1.384,000 р-
„ организацію продажи хлѣба	299,000 „
„ организацію продажи топлива	20,000 „
„ благотворительную помощь	441,000 „
„ прокормъ скота	376,000 „
„ операціи съ казеннымъ лѣсомъ ,	132,580 „
Итого	2.652,580 „

Для Рязанской губерніи:

На благотворительную помощь	100,000 „
Итого	100,000 „

Для Калужской губерніи:

На организацію продажи хлѣба	200,000 „
„ благотворительную помощь :	200,000 „
Итого	400,000 р-

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, потребныхъ для организаціи побочныхъ видовъ помощи въ неурожайныхъ губерніяхъ, опредѣляется въ 42.717,580 р., и вмѣстѣ со 120.000,000 руб., потребными для приобрѣтенія продовольственнаго и сѣменнаго хлѣба, составляетъ 162,717,580 рублей.

VIII.

Извѣстный публицистъ Д. О. Шарановъ издалъ „Открытое письмо къ П. А. Столыпину о правительственномъ сообщеніи и программѣ“.

Сказано здѣсь много дѣльнаго; мы приведемъ мнѣніе г. Шаранова по аграрной программѣ правительства.

„На первомъ мѣстѣ, въ числѣ неотложныхъ задачъ, разрѣшаемыхъ вами до Думы и помимо нея, вы ставите вопросъ „земельный и землеустроительный“.

„Вопросъ этотъ въ реальной жизни представляется въ такомъ видѣ. Всѣ виды земледѣлія у насъ гибнутъ. Крестьянство, одинаково, какъ многоземельное, такъ и малоземельное, измученное голодовками, неурожаями и нищетой, возбужденное скверной агитаціей, требуетъ или только мечтаетъ о прибавкѣ земли, совершенно не разсуждая ни о томъ, гдѣ ее взять, ни о томъ, какъ ее эксплуатировать. Сущность всего вопроса—бѣдность, нищета, отчаянно низкій уровень культуры, недостатокъ оборотныхъ средствъ. *Какъ частный случай*, сюда же входитъ и дѣйствительное малоземелье, нищенскіе надѣлы и пр.“

„А что гласить по этому вопросу ваша программа?

„Вы ее почти цѣликомъ взяли у кадетъ, кромѣ, слава Богу, одного пункта—принудительнаго отчужденія. По ихъ вздорной теоріи, вопросъ о малоземельи расширяется въ *общій вопросъ* и лѣчится путемъ уничтоженія частнаго землевладѣнія и перевода земель въ крестьянскія руки. Малоземелье оказывается всюду, даже тамъ, гдѣ чуть не половина земель пустоуетъ. Лѣкарство отъ низкой культуры представляется въ видѣ расширения и усиленія этой самой низкой культуры. О подъемѣ хозяйства, о народномъ кредитѣ нѣтъ ни слова. Лозунгъ одинъ: *земля и воля*.

„И вотъ за этимъ лозунгомъ бросаетесь и вы. Удѣльные земли отданы, отданы совершенно понапрасну. Казенныя готовятся къ передачѣ, а за ними, быть можетъ, монастырскія и церковныя. Частные владѣльцы панически бѣгутъ, сдавая земли по чемъ попало Крестьянскому банку, который ихъ закупаетъ на сотни милліоновъ рублей. Культура страны въ большой и непосредственной опасности...

„Для кадетъ это былъ явно преступный, мерзкій по своей безнравственности, но очень дѣйствительный *агитаціонный пріемъ*. На немъ они проѣхали въ Думу. Въ качествѣ агитаціоннаго же пріема кадетскую постановку аграрнаго вопроса цѣликомъ приняла теперь и партія мирнаго обновленія, которая на немъ тоже рассчитываетъ пробраться въ Думу. Все это совершенно понятно, хотя и достаточно подло.

„Но почему этотъ вопросъ въ той же самой формѣ кромѣ, повторяю, принудительнаго отчужденія, поставило правительство, это является совершенно непонятнымъ. Вѣдь вы же не можете вѣрить, что Россія процвѣтетъ, если всѣ земли перейдутъ къ мужику и будутъ ковыряться имъ такъ же скверно, какъ его нынѣшнія земли? Вѣдь вы же не можете не знать, какую роль играетъ частное землевладѣніе не только для государственныхъ цѣлей, но для тѣхъ же самыхъ крестьянъ? Чѣмъ же объяснить, что въ вашей программѣ нѣтъ ни слова ни о подъемѣ хозяйства, ни о народномъ кредитѣ, ни о широкой организаціи переселеній, а только повтореніе избитыхъ кадетскихъ фразъ о землѣ мужику во что бы то ни стало?

„Объясненіе единственное—*политика*. Вы ею такъ же болѣете, какъ и ваши противники. Вы желаете, чтобы крестьянство бросило кадетъ, бросило умѣренныхъ и дало сильную правительственную партію въ Думѣ. Вамъ приходится дѣлать ваше правительство партіей и угождать избирателямъ. Это-ли роль, достойная Русскаго правительства? Это-ли то творчество, которое вы объщаете“?

Ликвидация помѣстнаго хозяйства, дѣйствительно, совершается

весьма успѣшно. За недѣлю съ 21 по 26 августа общимъ присутствіемъ совѣтовъ крестьянскаго поземельнаго и дворянскаго банковъ разрѣшена покупка 51 имѣнія въ 59,584 дес., въ 24 губерніяхъ; продавцы просятъ 10.357,188 руб., т.-е. по 173,8 руб., за десятину; банкомъ предложено 7.207,100 р. то-есть, по 129,9 р. за дес. Всего съ 3 ноября 1905 г. разрѣшена покупка 1433 имѣній, съ площадью 1.927,751 дес., за 242.307,693 р.

За то же время съ 26 августа, ссудъ на покупку и подъ залогъ крестьянами 125 имѣній съ площадью 17,370 дес., въ 32 губерніяхъ, разрѣшено выдать 1.496,870 руб., т.-е. по 86 руб. на дес. (Продажная цѣна—1.825,101 р. т.-е. по 105 р. за дес.). Эти земли приобрѣтаются 3,443 домохозяевами съ семьями—всего 11,035 душъ муж. пола.

Всего съ 3 ноября 1905 г. разрѣшены ссуды на покупку и подъ залогъ 2,936 имѣній съ площадью въ 517,798 дес., покупная цѣна—67.927,477 р. и разрѣшены ссуды въ суммѣ 52.584,784 р. Въ этихъ сдѣлкахъ участвуетъ 93,161 домохозяевъ, въ семьяхъ которыхъ 307, 424 души муж. пола.

Особыя совѣщанія для обсужденія мѣръ къ наилучшему использованию государственнаго земельного фонда въ интересахъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ нашли огромную площадь изъ состава казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Найдено для сего 3,052 лѣсныхъ дачи, площадью въ 3.591.949 десятинъ, стоимостью въ 177.029,992 р. Наибольшія лѣсныя площади даютъ сѣверныя губерніи—Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская и Новгородская—2.748,000 дес. На всѣ остальные 40 губерній приходится только около 843,000 дес.

Изъ удѣльнаго вѣдомства крестьянскому банку передается часть удѣльныхъ земель, до 1.980,000 десятинъ, по пониженной цѣнѣ. Однако предстоитъ за нихъ внести въ удѣлы на 100.000.000 рублей закладныхъ листовъ земельного банка.

Подсчитывая всѣ эти земли, видимъ, что крестьянамъ будетъ продано, принимая еще во вниманіе, цифры, сообщенныя Главнымъ управленіемъ землеустройства, до семи милліоновъ десятинъ, казенной земли, изъ которыхъ болѣе половины подъ пашней и лугами, остальная часть подъ лѣсомъ и выгономъ, до двухъ милліоновъ десятинъ удѣльныхъ земель, такое же количество земли предложено частными землевладѣльцами крестьянскому банку для покупки и перепродажи крестьянамъ и наконецъ, сами крестьяне ежегодно покупаютъ у помѣщиковъ до одного милліона десятинъ, съ доплатами къ ссудѣ крестьянскаго банка. Такимъ образомъ уже до весны будущаго года до 12 милліоновъ десятинъ земли могутъ перейти въ собственность крестьянъ.

Какую сумму потребно для совершения этой грандіозной ликвидаціи удѣльнаго, казеннаго и частновладѣльческаго хозяйства? Отъ 600 милліоновъ до милліарда. Этой колоссальной суммой ссудятъ крестьянство за хорошіе проценты международные банкиры.

О сущности этой операціи одна петербургская газета говорить слѣдующее:

„Такъ: нынѣ приступлено къ надѣленію малоземельныхъ крестьянъ землею, путемъ покупки при посредствѣ крестьянскаго банка удѣльныхъ и частновладѣльческихъ имѣній и казенныхъ земель; при этомъ, за отсутствіемъ у правительства нужнаго количества денежныхъ знаковъ, уплата за землю ея прежнимъ владѣльцамъ производится не наличными деньгами, а закладными пятипроцентными листами означеннаго банка, или шестипроцентными именными свидѣтельствами. Въ виду того, что курсъ этихъ бумагъ около тридцати процентовъ ниже нарицательной ихъ стоимости, онѣ на самомъ дѣлѣ будутъ приносить до восьми процентовъ въ годъ ихъ держателямъ, каковыми, въ концѣ концовъ, явятся, преимущественно, иностранные капиталисты, уже нынѣ образовавшіе синдикаты (представительство Кроненблейхъ въ Москвѣ) для скупки означенныхъ бумагъ у ихъ русскихъ владѣльцевъ, нуждающихся въ деньгахъ. Такимъ образомъ, земельная реформа, проводимая нынѣ правительствомъ и сущность которой заключается исключительно въ передачѣ русской земли болѣе крупными русскими землевладѣльцами въ руки болѣе мелкихъ русскихъ же землевладѣльцевъ, будетъ имѣть, благодаря существующей финансовой системѣ, своимъ конечнымъ результатомъ: обложеніе восьмипроцентнымъ сборомъ всѣхъ земель, переходящихъ въ руки крестьянъ—въ пользу международнаго капитала, т.-е. иными словами распродажу Россіи чуть-ли не съ молотка. Очевидно, это поведетъ только къ прямому и притомъ непоправимому ущербу Россіи“.

„Затѣмъ: нынѣ стоитъ на очереди вопросъ о сооруженіи нѣсколькихъ крупныхъ желѣзныхъ дорогъ, изъ коихъ немедленная постройка Амурской линіи является совершенно необходимой по соображеніямъ государственной обороны; недостатокъ же денежныхъ знаковъ въ странѣ заставляетъ правительство передать концессию на эту дорогу иностранному капиталу, почему, благодаря существующей финансовой системѣ, для того, чтобы выстроить дорогу на русской землѣ, русскими рабочими руками и изъ русскаго матеріала, Россія въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ должна платить огромную дань международнымъ торговцамъ деньгами“.

„Очевидно, при продолженіи подобнаго порядка вещей, не только невысказано никакое поднятіе благосостоянія страны, но будетъ лишь дальнѣйшее обремененіе ея долгами, что поведетъ не къ прекра-

пенію, а къ усиленію царящей нынѣ смуты, основанной на почвѣ всеобщаго недовольства своими экономическими условіями“.

Что совершаемая цѣною закабаленія Россіи иностраннымъ капиталамъ аграрная реформа благосостоянія крестьянства не увеличитъ, доказываетъ цифрами въ „Новомъ Времени“ г. Д. Пестржецкій.

Въ промежутокъ времени съ 1885 по 1903 годъ земельный фондъ крестьянскаго населенія увеличился на 28—30 милліоновъ десятинъ, занятыхъ переселенцами въ Сибири. Въ Европейской Россіи крестьяне за истекшія 45 лѣтъ прикупили до 23¹/₂ милліоновъ десятинъ частновладѣльческой земли. Но поступили-ли эти 51¹/₂—53¹/₂ милліоновъ десятинъ въ руки дѣйствительно малоземельныхъ крестьянъ? Нѣтъ. Главный контингентъ переселенцевъ состоялъ не изъ помѣщичьихъ крестьянъ, а изъ бывшихъ государственныхъ, обезпеченныхъ землею почти вдвое лучше, чѣмъ крестьяне бывшіе крѣпостные.

Согласно Высочайше утвержденному 20 мая 1881 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта признано было необходимымъ организовать ипотечный кредитъ „для расширенія землевладѣнія крестьянъ, получившихъ недостаточные надѣлы“.

Между тѣмъ, согласно обзору дѣятельности Крестьянскаго банка за 1883—1904 гг., среди кліентовъ банка состоитъ имѣвшихъ до покупки: до 1¹/₂ дес. на душу мужского пола надѣльной земли—18,749 лицъ, отъ 1¹/₂ до 3 дес.—215,414 лицъ и свыше 3 дес. на наличную душу мужского пола—181,336 лицъ.

Такимъ образомъ *содѣйствіемъ Крестьянскаго банка воспользовались преимущественно крестьяне средняго и хорошаго достатка*, которые и безъ покупки земли могли улучшить свое положеніе, если бы имъ былъ данъ необходимый толчокъ для замѣны, смотря по мѣстности, безнавознаго парового хозяйства навознымъ трехпольемъ (напримѣръ въ Полтавской, Екатеринославской губ.), или гдѣ назрѣло введеніе травосѣянія,—къ замѣнѣ навознаго трехполя многопольнымъ сѣвооборотомъ.

Не смотря на огромные надѣлы въ 45—60 десятинъ и болѣе на семью, процентъ безлошадныхъ и беспосѣвныхъ хозяйствъ среди переселенцевъ въ Сибири огроменъ. Всѣ сибирскія губерніи и области чуть-ли не каждый годъ требуютъ продовольственной помощи изъ губернскаго и императорскаго продовольственнаго капиталовъ.

Не блестящимъ представляется также и положеніе большинства крестьянъ, прикупившихъ землю при содѣйствіи Крестьянскаго банка. Недоимки въ періодъ времени съ 1892 по 1903 гг. колебались между 25,8% и 49,2% къ годовому окладу. Кліенты Крестьянскаго банка въ неурожайные годы въ равной мѣрѣ съ крестьянами, имѣющими только надѣльную землю, не могутъ обогдаться безъ продовольственныхъ ссудъ.

Такимъ образомъ, казалось бы, можно констатировать, что огромный 50-милліонный фондъ поступилъ не въ пользу наиболее нуждающихся въ землѣ крестьянъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ крестьяне средняго и хорошаго достатка, воспользовавшіеся землею изъ этого фонда, въ большинствѣ случаевъ, не улучшили сколько-нибудь значительно своею экономическаго положенія.

Замѣчательно, что во время сессіи Г. Думы, представители правительства выступили съ прекрасными докладами, противъ разорительныхъ для страны аграрныхъ проектовъ „кадетовъ“ и „трудовиковъ“. И сейчасъ же послѣ роспуска Думы, правительство кинулось исполнять проектъ „кадетовъ“, а проектъ „трудовиковъ“ выполнять непрекращающійся въ странѣ терроръ и анархія.

16 сентября вышелъ огромный (115 обширныхъ статей) „наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ“, имѣющимъ задачей сперва ликвидировать удѣльное, казенное и частно-владѣльческое хозяйство и сосредоточить, обремененныя милліардами долга иностраннымъ капиталистамъ, временно въ фиктивной собственности крестьянства. Затѣмъ, когда съ одной стороны евреи получаютъ равноправіе, а крестьяне будутъ освобождены отъ общинной опеки и охраны исключительными законами, начнется распродажа ими земель и онѣ поступятъ въ руки истинныхъ хозяевъ держателей бумагъ, этими землями обезпеченныхъ. Такъ совершится „освобожденіе“ русскаго народа „отъ земли“—одинъ изъ основныхъ пунктовъ освободительной партіи.

По поводу выхода „Наказа“ въ передовой „Нов. Времени“ № 10960) сказано довольно ясно:

„Посредничество государства, принимающаго на себя общее руководство и главнымъ образомъ устройство всей финансовой части этихъ сдѣлокъ, служить порукою, что дѣло увеличенія и улучшенія землевладѣнія крестьянъ будетъ поставлено широко и будетъ приведено въ исполненіе безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. При всемъ томъ и продавцы земель, и покупщики поступятъ благоразумно, если заранѣе будутъ считаться съ неизбежнымъ политическимъ давленіемъ на нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ неговорчивость будетъ угрожать внутреннему миру, въ которомъ Россія нуждается прежде всего“.

Итакъ, принудительнаго отчужденія не будетъ, а только „неизбѣжное политическое давленіе“ г.г. министерскихъ землеустроителей съ приправой „отдѣльныхъ террористическихъ актовъ“, которые „знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи“.

IX.

Такъ называемое „освободительное движеніе“ есть грандіознѣйшее въ мірѣ мошенничество, объектомъ котораго является цѣлая страна, цѣлый народъ, стоящій во главѣ славянства.

Сопоставимъ слухи и факты только изъ двухъ номеровъ газетъ отъ 15 и 17 сентября.

Совѣтъ Министровъ рѣшаетъ дать право полиціи и стражѣ при сопровожденіи арестантовъ внѣ мѣста ихъ заключенія, право налагать на послѣднихъ предупредительныя связи, типъ которыхъ позаимствовать изъ иностранныхъ государствъ, гдѣ онѣ въ повсемѣстномъ употребленіи.

Да здравствуетъ свобода и конституція! Вивать, „европеизація“ Россіи! До освободительнаго движенія мы обходились безъ „предупредительныхъ связокъ“, нынѣ же даже и въ горячечныхъ рубрахъ чувствуемъ нужду крайнюю!

Изъ Лондона телеграфируютъ отъ 12 сент. „Русскому Слову“:

„Несмотря на правительственныя опроверженія, получено согласіе иностранныхъ банкировъ на проектъ превращенія государственнаго банка въ акціонерное предпріятіе. Эта *транзакція* дастъ русскому правительству 600 милліоновъ руб. и удовлетворитъ настоящую нужду. Министръ Кокковцовъ, однако, противится этому и подастъ въ отставку въ случаѣ успѣха этой идеи“.

Въ Парижѣ находятся финансовыя агенты, которымъ поручено позондировать почву насчетъ учрежденія *международнаго синдиката* для образованія спеціальнаго поземельнаго фонда. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи въ Англіи и Германіи, пока не дали никакихъ результатовъ. Теперь стараются заинтересовать финансовыя сферы Брюсселя и Парижа. Утверждаютъ, что предлагаемыя условія очень соблазнительны.

А вотъ и еще маленькое извѣстіе.

„Въ цѣляхъ *омоложенія* арміи по военному вѣдомству предложено главноначальствующимъ лицамъ способствовать всѣмъ достаточно потрудившимся на военномъ поприщѣ къ оставленію службы, озоботаясь обезпеченіемъ вполнѣ заслуженнаго ими отдыха“.

Э... да вѣдь это тотъ самый законъ о „предѣльномъ возрастѣ“, который погубилъ нашъ флотъ!.. „Международный синдикатъ“, „транзакція“, „омоложеніе“, покупка и продажа земель при „неизбѣжномъ политическомъ давленіи“... Погодите! Еще мы увидимъ и режимъ „палочниковъ“, причемъ къ избирательной урнѣ поведутъ „гражданина“ двое подъ руки, а третій въ шею будетъ накладывать.

Такой режимъ даже въ Австріи относительно славянъ-селяковъ примѣняется.

Еще факты.

Въ Берлинѣ образовался союзъ капиталистовъ, который будетъ скупать наши промышленныя предпріятія, разоренныя постоянными забастовками рабочихъ и смутами въ обществѣ. По Сибири и нашимъ дальневосточнымъ владѣніямъ разбѣзжаютъ иностранные капиталисты, осматриваютъ рудники и скупаютъ ихъ отъ обдѣвѣвшихъ русскихъ.

Дальневосточныя газеты пишутъ: „бойтесь, русскіе, японцевъ; ихъ купцы завалятъ манчжурскіе рынки своими товарами, ихъ работники своимъ трудолюбіемъ оставятъ васъ безъ куска хлѣба. Мы уйдемъ отсюда. А потомъ здѣсь начнутъ разрабатывать петропутья нами богатства; насадятъ ту или другую промышленность; выростутъ города и намъ при воспоминаніи о нашей теперешней сѣрой, скучной и безнадежной жизни, станетъ завидно и больно“.

Что-жь, это старый планъ, нынѣ наэрѣвшій къ осуществленію! Въ „Запискахъ революціонера“ Крапоткина (переводъ Діонео. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1906 г.) на стр. 151-й читаемъ:

„Въ 1862 году... постъ генералъ-губернатора восточной Сибири занималъ уже нѣсколько лѣтъ замѣчательный человекъ, графъ Н. Н. Муравьевъ, присоединившій Амурскій край... Муравьевъ придерживался крайнихъ мнѣній, и демократическая республика не вполне бы удовлетворила его... Онъ окружилъ себя большею частью, молодыми честными офицерами, изъ которыхъ многіе имѣли такіа-же благія намѣренія (Sic!), какъ и самъ онъ.

Въ его собственномъ кабинетѣ молодые люди, вмѣстѣ съ сосланнымъ Бакунинымъ (онъ бѣжалъ изъ Восточной Сибири въ августѣ 1861 года), обсуждали возможность созданія Сибирскихъ Соединенныхъ Штатовъ, вступающихъ въ федеративный союзъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами“...

Еще изъ фактовъ нашихъ дней:

Среди германскихъ промышленниковъ существуетъ цѣлая организація, которая поставила себѣ цѣлью поддерживать забастовочное движеніе въ Польшѣ. Участники этой организаціи уже болѣе года платятъ постоянные взносы, которые идутъ на поддержаніе забастовокъ. Цѣль германскихъ коммерсантовъ та, что они хотятъ убить нашу промышленность и расширить такимъ путемъ рынокъ для своихъ товаровъ. И дѣйствительно, сбытъ нѣмецкихъ товаровъ дошелъ въ Польшѣ до небывалыхъ размѣровъ. Мало того, организаторы этого дѣла стремились придать движенію въ Польшѣ и политическій характеръ. Чѣмъ глубже погружался край въ анархію,

тѣмъ лучше было не только для нѣмецкихъ товаровъ, но и для нѣмецкаго дѣла вообще. Вотъ поэтому упомянутая организація наша въ Германіи вліятельныхъ, но скрытыхъ покровителей, безъ позволенія которыхъ дѣла этого нельзя было бы и устроить.

А что дѣлаютъ наши „партіи“? Плодятся и множатся, задавая задачу ученымъ классификаторамъ. Въ „Колоколѣ“ классификацію партій даетъ г. Левъ Тихамировъ:

Передъ первою Думою товариществъ и союзовъ народилось сразу очень много. Разнообразіе партій приведено проф. В. Мышцинымъ въ книжкѣ: „Политическія партіи и ихъ идеалы“. Онъ ихъ насчитываетъ 15. Для краткости мы соединимъ всѣ эти 15 въ три отдѣла, при чемъ мѣриломъ для подраздѣленія будутъ намъ служить взгляды каждаго кружка на три главные основы народно-государственной жизни: 1) на вѣру и церковь, 2) на Верховую власть и государственное домостроительство, и 3) на цѣльность страны и ея инородческія составныя части (особливо на евреевъ). Остальные 5 вопросовъ, отмѣченныхъ проф. Мышцинымъ не могутъ считаться коренными, какъ-то вопросы: земельный, рабочій, хозяйственный и т. д., кои разрѣшаются различно въ разныя времена и на разныхъ мѣстахъ. Устававливаемые нами, по даннымъ проф. Мышцина, слѣдующіе три разряда:

Союзы и братства, признающіе господство въ Россіи *Святой православной церкви, Самодержавіе Царя и нераздѣльность и цѣльность всей Россіи* и требующіе *ограниченія правъ еврейства*. Къ нимъ принадлежатъ: 1) монархическіе союзы, 2) „Союзъ землевладѣльцевъ“, 3) Соборный союзъ „Русскаго собранія“, къ которому примыкаютъ „союзы русскаго народа“, „союзы русскихъ людей“ и другіе, имъ родственные, 3) „Отечественный союзъ“ (отчасти), и наконецъ, пропущенные 4) „Царисты“, хотя близкіе къ послѣднимъ, но отступаютъ своимъ заморскимъ конституціонализмомъ: они составляютъ какъ-бы переходную ступень.

II. *Конституціонныя партіи, желающія водворить въ Россіи иностранное государственное устройство при единствѣ и нераздѣльности Россіи, но не высказывающія своихъ взглядовъ относительно церкви, а также, умалчивающія объ еврействѣ* (партіи промежуточные). Къ нимъ принадлежатъ: 6) „Партія правового порядка“, 7) „17-го октября“. 8) „Торгово-промышленная“. 9) „Прогрессивно-экономическая“, 10) Умѣренно-прогрессивная и мирнаго обновленія.

Наконецъ III. *Товарищества, требующія отдѣленія церкви отъ государства, республиканскій или конституціонный парламентъ и раздѣлъ Россіи*

Во главѣ этихъ партій стоитъ еврейство и еврействующіе, за-

кабаленные еврействомъ. Къ нимъ принадлежать: 11) „кадеты“, 12) „партія свободомыслящихъ“, 13) „радикальная“, 14) социаль-демократическая и 15) социаль-революціонная.

Это тройственное распредѣленіе отчасти совпадаетъ съ укладомъ графа Олсуфьева, о которомъ Л. Тихомировъ сообщаетъ слѣдующее:

„Въ одной изъ прошлыхъ выборныхъ рѣчей одинъ ораторъ, графъ Олсуфьевъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта отъ Саратова), раздѣлялъ русскія партіи на три существенные отдѣлы. Это, во-первыхъ—партія національная, имѣющая влеченіе ко всему русскому, историческому, куда относятся всѣхъ оттѣнковъ монархисты. Другая партія—западническая, отрицательно относящаяся ко всему русскому и старающаяся построить Россію по западнымъ образцамъ. Третья партія заимствуетъ у національнаго направленія его отрицаніе западнаго буржуазнаго строя, а у второй партіи отрицаніе къ русскимъ національнымъ основамъ.“

Можно, однако, яснѣе изобразить партійное раздѣленіе Россіи:

I) „Черная сотня“, русскій народъ, попавшій въ положеніе „партіи“ въ своей странѣ. Представителей въ Г. Думѣ и въ правительствахъ не имѣетъ.

Стѣять за него безсильная горсть «монархистовъ», сторонниковъ національнаго освобожденія и возрожденія Россіи.

II) „Октябристы“: партія политическихъ скопцовъ и нулей; ни Богу—свѣчка, ни чорту—бочерга.

Къ этой партіи принадлежитъ правительство. Въ Г. Думѣ—по-малчивали и голосовали съ лѣвыми.

I) „Красная сотня“, они-же „шабесгой“. Подъ видомъ „освобожденія“ служатъ гибели Россіи. Имъ принадлежала Г. Дума.

Вотъ и все. Безъ „ученой“ классификаціи.

Въ чьихъ рукахъ будетъ вторая Дума? Вожди „октябристовъ“, кн. Евг. Трубецкой, А. И. Гучковъ, проф. В. И. Герье и Д. Н. Шиповъ обмѣнялись въ печати письмами, характерными для ихъ „промежуточной“ партіи.

Основные положенія проф. В. И. Герье достаточно консервативны и даютъ почву для сильнѣйшаго уклоненія вправо.

„Конституціонный порядокъ управленія страной,—заявляетъ храбро профессоръ,—вошелъ въ основные законы Имперіи“. (Едва ли даже это такъ! Если въ основныхъ законахъ и введена доза конституціонализма, то *sui generis*! Ник. Э.).

Но вошелъ ли этотъ порядокъ въ жизнь?

„Первая въ Россіи попытка приложить къ дѣлу новую конституцію оказалась неудачною“.

Итакъ: въ основные законы вошло, но къ дѣлу не приложено.

Главная причина неудачи, по проф. Герье,—Дума „протянула руку къ власти“. Такъ! Проф. Герье, значить, допускаетъ лишь такую своеобразную „конституцію“, которая совсѣмъ похожа на самодержавіе и при коей представительство держитъ руки по швамъ, а къ власти ихъ не протягиваетъ?

Повидимому, такъ выходитъ изъ дальнѣйшихъ положеній ученаго профессора.

Онъ спрашиваетъ: „Развѣ существуетъ абсолютное конституціонное право, обязательное для всѣхъ странъ и временъ?“

„Насколько Россія представляетъ собою самобытныя, отличающія ее отъ Западной Европы, формы, настолько она должна избѣгать въ своихъ политическихъ учрежденіяхъ рабскаго подражанія какому-либо изъ сложившихся на Западѣ по мѣстнымъ условіямъ политическихъ типовъ. Россія по своей исторической формации и преданіямъ, по своей географической обширности и по своему этнографическому составу, включая въ себѣ народности ей враждебныя и народности мало культурныя, нуждается въ послѣдовательной твердой внутренней политикѣ, независимой отъ рѣчей случайныхъ ораторовъ, отъ сдѣлокъ въ „кулуарахъ“, отъ случайнаго блока партій.

„Всякое партійное правительство только ухудшило бы дѣло; въ рукахъ крайнихъ партій оно повело бы даже невольню къ поощренію иллюзіи, къ еще большому разгару страстей и содѣйствовало бы всеобщему разложенію; въ рукахъ же искреннихъ либераловъ оно оказалось бы безсильнымъ или впало бы въ противорѣчіе со своими принципами“.

Признанія замѣчательныя! Россія имѣетъ „самобытныя формы“, „нуждается въ послѣдовательной твердой-внутренней политикѣ“, „партійное“ правительство въ ней невозможно. Договорите же, что Россія нуждается въ самодержавіи и въ правительствѣ, опирающемся на историческую, теократическую, церковно-государственную идею.

Но нѣтъ, проф. Герье не скажетъ этого! Постоявъ у дверей истины, онъ отходить, не войдя, и что-то бормочетъ про „либеральный принципъ, въ основаніи котораго лежитъ умѣнье различить свободу отъ своевластія; про „замѣну стараго порядка самодержавіемъ и тиранніей властолюбивой партіи“.

Въ письмѣ А. И. Гучкова къ князю Е. Н. Трубецкому находимъ точку зрѣнія „правительственнаго сообщенія“ и „освѣдомительнаго бюро“.

А. И. Гучковъ „считаетъ политику репрессій“ „совмѣстимой съ вполнѣ либеральной и даже радикальной общей политикой“. „Революція, а не правительство является помѣхой къ обновленію нашего отечества“. „Только подавленіе террора создастъ тѣ нормальныя условія, при которыхъ возможно широкое выполненіе либераль-

ной программы“, но „единственнымъ оправданіемъ мѣръ подавленія революціоннаго движенія можетъ служить лишь безповоротная рѣшимость правительства укрѣпить у насъ конституціонный строй и провести цѣлую систему демократическихъ реформъ“.

А. И. Гучковъ, какъ и правительство, не замѣчаетъ, что попадаетъ въ безвыходный *circus vitiosus*. Попытки ввести „конституціонный строй“ и „цѣлую систему демократическихъ реформъ“ приводятъ къ торжеству революціи, къ террору и анархіи; ихъ предполагается подавлять репрессіями для того, чтобы... ввести „конституціонный строй“ и „систему демократическихъ реформъ“, производящихъ и анархію, и терроръ!..“

А. И. Гучковъ говоритъ: „участіе народнаго представительства въ осуществленіи государственной власти я считаю благотворнымъ и настолько прочнымъ приобрѣтеніемъ, что никакая человеческая воля (!??) не въ состояніи вычеркнуть его изъ нашей политической жизни“.

Итакъ, А. И. Гучковъ идетъ гораздо лѣвѣе проф. Герье, который не допускаетъ представительства, протягивающаго руку къ власти, т. е. въ сущности, стоитъ за самодержавіе.

Но вотъ народное представительство собралось и работало 72 дня съ 26 апрѣля по 9 іюля. Что же было слѣдствіемъ? „Революціонная смута,—говоритъ А. И. Гучковъ,—въ новыхъ, болѣе свободныхъ условіяхъ русской жизни быстро выбилась наружу и заняла господствующее положеніе“. „То, что принесло это (т. е. революціонное) движеніе отрицательнаго, это все то, что мы съ тѣхъ поръ пережили и что поставило наше отечество буквально на край гибели“. „То моральное одичаніе, тотъ духъ анархіи, который охватилъ нашъ народный организмъ, проникая въ мельчайшія его ячейки,—это можетъ цѣликомъ быть поставлено въ вину революціи“. „Теперь несомнѣнно, что торжество революціи или даже новое обостреніе революціоннаго кризиса похоронитъ и нашу молодую политическую свободу и остатки нашей культуры и благосостоянія“.

Если „новыя, болѣе свободныя условія“, т. е. попытка ввести конституцію, породили „моральное одичаніе“, всепроникающій „духъ анархіи“, поставили Россію „на край гибели“, давъ революціонной смутѣ „быстро выбиться наружу“, грозятъ „похоронить“ культуру и благосостояніе Россіи, то необходима, очевидно, такъ называемая „приостановка конституціонныхъ гарантій“, безъ которой немислимо и проведеніе желаемыхъ А. И. Гучковымъ репрессій. Вѣдь это азбука. Пусть почтенный А. И. Гучковъ заглянетъ хотя бы въ Градовскаго. Онъ тамъ узнаетъ, что гарантіи, устанавливаемыя конституціонными актами, не суть требованія, абсолютно обязательныя для государственной власти. „Въ жизни cadaго го-

сударства бываютъ моменты важныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій, когда сила событій ставитъ вопросъ о самомъ существованіи государства, или даннаго государственнаго порядка.

„Въ эти моменты для правительственной власти, на которой лежитъ и юридическая, и нравственная отвѣтственность за цѣлость страны и ея политическаго строя, возникаетъ обязанность дѣйствовать *по праву государственной необходимости* (Staatsnothrecht). Въ этихъ случаяхъ она получаетъ возможность стать выше формальныхъ ограниченій своихъ правъ, приостановить дѣйствіе иныхъ гарантій и личной и общественной свободы, установить особый порядокъ управленія (осадное положеніе) и т. д.“. (Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Томъ второй, ч. I. Отд. I. Гл. VI. Приостановка конституціонныхъ гарантій. Стр. 58. Изд. 1902 г. Слб. Собр. соч. т. V).

А. И. Гучковъ признаетъ, что событія поставили вопросъ о самомъ существованіи государства; онъ признаетъ, что причиной тому „новыя, болѣе свободныя условія“, онъ признаетъ необходимость репрессій, даже военно-полевыхъ судовъ, т. е. обязанность правительства дѣйствовать по праву государственной необходимости; но не дѣлаетъ отсюда логическаго вывода — приостановку конституціонныхъ гарантій, безъ чего „осадное“ (военное и чрезвычайное положенія по русской терминологіи) положеніе будетъ только на бумагѣ.

Напротивъ, А. И. Гучковъ думаетъ, вмѣстѣ съ правительствомъ, что вводя правой рукой „осадное“ положеніе, лѣвой возможно „укрѣплять конституціонный строй и проводить систему демократическихъ реформъ“. Онъ полагаетъ, что возможно „разобщить прогрессивное движеніе отъ революціоннаго“, что „если общество отречется отъ союза съ революціей, изолируетъ революцію, отниметъ у нея иллюзію общественныхъ симпатій, разсѣетъ миражъ возможнаго успѣха, то революція побѣждена“. Иллюзія! Революція организована на международныя средства, сепаратистами, социалистами, анархистами и евреями. Лишь приостановивъ конституціонныя гарантіи и разрушивъ ихъ организаціи, можно ихъ лишить возможности дѣйствовать и разрушать Россію.

Письмо г. Гучкова переположило Д. Н. Шипова и онъ прислалъ въ комитетъ союза 17 октября заявленіе о своемъ выходѣ изъ этой партіи. Д. Н. Шиповъ заявляетъ, что „помимо нравственнаго возрожденія страны нѣтъ выхода изъ переживаемаго положенія“, „но не военно-полевые суды могутъ обновить нравственный обликъ земли Русской“; „министерство П. А. Столыпина есть министерство роспуска Думы“, „поэтому политика настоящаго кабинета можетъ быть только реакціонной“. Союзъ 17 октября солидаренъ

Быть съ правительствомъ не можетъ. А. И. Гучковъ, между тѣмъ, „не только (о, ужасъ!) оправдываетъ установленіе военно-полевыхъ судовъ, но и высказываетъ сочувствіе министерской деклараціи“.

Поэтому онъ, Д. Н. Шиповъ, дорожа своей либеральной репутаціей, уходитъ, уходитъ и уходитъ!.. Куда?.. Надо думать, въ партію „мирнаго обновленія“.

Политическая карьера Д. Н. Шипова характерна для многихъ. Онъ постоянно имѣлъ передъ собою дилемму—сохранить убѣжденія или популярность. И ради сохраненія популярности, изъ паническаго страха ее потерять (гдѣ? у кого? передъ кѣмъ?!), жегъ и жегъ свои убѣжденія. Началь съ самодержавія и самобытности, перешель къ „октябризму“, а теперь уже тонетъ въ сумракахъ „лѣвой“, и, надо думать, послѣдовательно продѣлаетъ курсъ „кадета“, потомъ „трудовика“ и кончить... анархизмомъ! И такъ—90% російскихъ консервативныхъ либераловъ! „Популярность или убѣжденія“?

И они жгутъ убѣжденія, ради популярности у „неуважаемой молодежи“, у революціонной улицы. И кончаютъ тѣмъ, что не остается у нихъ ни убѣжденій, ни популярности.

Николай Энгельгардтъ.

18 сентября 1906 г. Спб.

Обзоръ вышнихъ событій.

Македонія.

I.

Въ началѣ декабря прошлаго 1905 года въ Софіи собралась болгарская конференція по македонскимъ дѣламъ, въ которой принимало участіе 296 делегатовъ, избранныхъ отъ всей Болгаріи. Въ программу конференціи входило обсужденіе дальнейшей дѣятельности въ Македоніи и изысканіе способовъ для удовлетворенія культурныхъ нуждъ страны. Заключительная резолюція конференціи гласила: „Въ виду того, что автономія Македоніи и адрианопольскаго вилайета является единственнымъ практическимъ разрѣшеніемъ вопроса, которое можетъ привести къ успокоенію балканскихъ государствъ, конференція заявляетъ, что болгарская нація готова принести всѣ жертвы для достиженія этой цѣли. Являясь выразительницею глубокаго негодованія болгарскаго народа по поводу звѣрствъ, совершаемыхъ греческими и сербскими четами, подъ охраной турецкихъ властей, надъ болгарами, борющимися за автономію Македоніи, конференція приглашаетъ болгарское правительство принять соотвѣтствующія обстоятельствамъ мѣры. Конференція выражаетъ благодарность всѣмъ лицамъ и корпораціямъ всѣхъ націй, работающимъ съ цѣлью добиться человѣческихъ правъ для своихъ братьевъ въ Македоніи и Адрианополѣ. Поричая междоусобную борьбу между вождями македонскаго движенія, конференція совѣтуетъ имъ сплотиться на благо угнетенной страны“.

Среди делегатовъ обнаружилось сильное желаніе, чтобы всѣ партіи принимали участіе въ контролѣ македонскихъ организацій; для осуществленія этого желанія была создана но-

вая всемакедонская организація, подъ названіемъ „Благодѣтельный союзъ“, въ составъ центрального комитета которой вошли 15 человекъ—по 2 отъ семи существующихъ организацій и одинъ социалистъ. Комитетъ будетъ собирать въ Болгаріи денежныя суммы и обращать ихъ въ пользу македонцевъ съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы революціонеры дѣйствовали солидарно и отказались отъ денежныхъ вымогательствъ и формированія четь.

Сосредоточеніе освободительнаго дѣла въ однѣхъ рукахъ давало поводъ предполагать, что болгары развернуть отнынѣ въ Македоніи болѣе широкую дѣятельность, на самомъ же дѣлѣ, на первый планъ выступили совсѣмъ другіе элементы, тогда какъ Болгарія приняла скорѣе сдержанное положеніе, быть можетъ, въ сознаніи опасности предпринять что-либо рѣшительное въ настоящій моментъ, когда естественная ея покровительница—Россія волею судебъ временно лишена свободы дѣйствій.

Въ 1903 году выдвинулось впередъ аѳинское общество „Эллинизмъ“, во главѣ котораго стоитъ профессоръ Казазисъ. Онъ неутомимо читалъ рядъ лекцій о Фракіи и Македоніи и, опираясь на историческіе моменты, а также на услужливую статистику національности ихъ жителей, изображалъ ихъ, какъ преимущественно греческія, на которыя греки имѣютъ законное притязаніе, какъ на греческую долю наслѣдства отъ разлагающейся будто бы оттоманской имперіи. Цикль своихъ лекцій о правахъ грековъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Македоніи въ частности Казазисъ заключилъ рѣчью, полною раздраженія и презрительныхъ выраженій по адресу болгаръ: „этихъ коварныхъ убійцъ, поджигателей, потомковъ татаръ и монголовъ“. Онъ энергично выступилъ противъ идеи автономной Македоніи; Македонія, по его увѣреніямъ, принадлежитъ не македонцамъ, а преобладающему тамъ, какъ и вездѣ на востокѣ, греческому элементу.

Пропаганда общества „Эллинизмъ“ не замедлила принести плоды. Македонскій капитанъ Аркудасъ, пробывшій въ Аѳинахъ нѣсколько мѣсяцевъ, мало-по-малу собралъ вокругъ себя значительный отрядъ добровольцевъ, которые къ веснѣ должны были быть готовы, чтобы вооруженной силой противодѣйствовать „болгарскимъ насиліямъ и ужасамъ“ въ Македоніи. Въ тѣхъ же видахъ былъ затѣмъ сформированъ специальный критскій отрядъ.

Захирѣвшія было подъ вліяніемъ плачевнаго исхода греко-турецкой войны вождельнія греческихъ политикановъ стали

постепенно передаваться и въ болѣе широкія массы. Послѣдній толчокъ къ возбужденному настроенію греческаго народа дала опубликованная тогда французская Желтая книга. Греки находили, что полное пренебреженіе эллинскихъ стремленій со стороны французской дипломатіи и ея заботливость о болгарскихъ и сербскихъ интересахъ заключали въ себѣ предостереженіе греческому народу и указывали, что близка опасность окончательной утраты Македоніи.

Въ началѣ 1904 года въ Афинахъ образовался тайный македонскій комитетъ: огромный притокъ въ него пожертвованій позволилъ ему организовать свои отдѣленія во всѣхъ городахъ восточной и южной Македоніи, развившія среди мѣстнаго греческаго населенія лихорадочную дѣятельность. Съ наступленіемъ весны въ Македонію стали прибывать изъ Греціи одна за другою вооруженныя шайки, начавшія свои неистовства надъ мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ славянскаго происхожденія. Еще, вѣроятно, свѣжо въ памяти у всѣхъ воспоминаніе о рѣзнѣ въ деревнѣ Загоричанахъ, гдѣ консульскимъ слѣдствіемъ обнаружено было 60 труповъ—иные звѣрски изуродованныхъ — беззащитныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Въ 1905 году вышла Красная книга, названная „Fin d'année rouge“ и заключающая въ себѣ болгаро-македонскій мартирологъ за 1904—5 г.г. На стр. 20—78 перечислено 1.039 болгаръ, убитыхъ за этотъ періодъ времени. Относительно каждой жертвы указано совершенно точно имя, мѣсто и день убійства; поэтому, заподозрить Красную книгу въ преувеличеніи невозможно. Увеличеніе числа болгарскихъ жертвъ ставится въ ней въ прямую связь съ усиленіемъ греческой пропаганды огнемъ и мечемъ, въ подтвержденіе чего Красная книга приводитъ нѣкоторые документы. Такъ она воспроизводитъ найденный на одномъ изъ убитыхъ, около Водены, крестьянъ циркуляръ за № 160 такъ называемой „Эллино-македонской защиты“. Этотъ документъ гласилъ: „Если вы, крестьяне села Пожарска, не отправитесь къ епископу Воденскому въ теченіе 48 часовъ и не заявите ему письменно, что вы отказываетесь отъ болгарской схизмы и возвращаетесь въ лоно православно-греческой церкви, то я немедленно казню тѣхъ десятирхъ заложниковъ, которыхъ я захватилъ въ вашемъ селѣ, а затѣмъ приду въ ваше село, въ сопровожденіи сотни товарищей, только что прибывшихъ изъ Греціи, и не оставлю въ немъ живымъ не только что человѣка, а кошки“.

Другой документъ аналогичнаго характера подписанъ начальникомъ банды Костой Акритасомъ (псевдонимъ извѣст-

наго поручика греческой жандармской службы Спирос Милио) и обращенъ уже не къ болгарамъ, а къ главѣ румынской общины въ Верии, Апостолу Хаджи-Гогу, и предписываетъ этому послѣднему, въ пятидневный срокъ, подѣ страхомъ смертной казни: 1) закрыть немедленно всѣ румынскія школы въ Верии, Каливе и Доляне, 2) присоединиться къ греческой церкви и 3) публично сжечь всѣ богослужебныя и школьныя книги на румынскомъ языкѣ.

Эти данныя подтверждались равнымъ образомъ и изъ такихъ греческихъ источниковъ, которые уже никакъ нельзя заподозрить въ намѣреніи очернить грековъ. Такъ напримѣръ аѣинская газета „Проя“ отъ 23 февраля, въ статьѣ „Борьба въ Македоніи“ писала: „Борьба противъ болгаръ должна быть проведена наступающей весной вплоть до окончательнаго истребленія всѣхъ македонскихъ болгаръ; это для насъ вопросъ національной чести; иначе болгары назовутъ насъ трусами и прогонятъ изъ Македоніи“. Другая аѣинская газета, описывая гнусное убійство одного престарѣлаго болгарскаго священника въ Касторіи, изображала это злодѣяніе въ такихъ выраженіяхъ: „...Тогда къ нему пришелъ одинъ *храбрецъ*—грекъ и собственноручно казнилъ его въ собственномъ домѣ“.

Послѣ бандъ, находившихся подѣ командою запасныхъ офицеровъ греческой арміи, вскорѣ образовались организованныя и прекрасно вооруженныя шайки подѣ предводительствомъ греческихъ офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Столкновеніе минувшей весной одной изъ такихъ шайекъ съ турецкими регулярными войсками произвело огромную сенсацию, такъ какъ убитый въ стычкѣ предводитель четниковъ оказался Павломъ Меласомъ, двоюроднымъ братомъ греческаго министра-президента, братомъ депутата парламента и виднымъ лицомъ аѣинскаго общества. Правительство при такихъ обстоятельствахъ могло лишь платонически отрицать свое участіе въ революціонномъ движеніи въ Македоніи.

Положеніе болгаръ въ Македоніи было незавидно: всевозможныя притѣсненія со стороны властей, грабежъ со стороны войскъ, аресты учителей, закрытіе школъ, принужденіе при народной переписи записываться греками, запрещеніе перехода подѣ духовную власть экзархата—все это подавляло ихъ національное чувство, лишало свободы вѣроисповѣданія и образованія. Затѣмъ, постоянная опасность отъ греческихъ бандъ препятствовала свободѣ труда и передвиженій и подрывала въ конецъ благосостояніе. Загоричане, Зеленичево, Луковецъ,

и множество отдѣльныхъ убійствъ окутали въ трауръ и слѣлали нищими сотни болгарскихъ семействъ.

Подъ вліаніемъ представленій державъ, Порты нѣсколько измѣнила свою политику и турецкія войска стали преслѣдовать греческія банды болѣе настойчиво, въ результатъ явилось нѣсколько стычекъ: нѣсколько десятковъ „героевъ“ было убито, остальные рѣшили измѣнить тактику.

Признавая опаснымъ и бесполезнымъ бороться съ турецкими войсками, они нашли болѣе удобнымъ оставить дѣйствія бандами и перейти къ системѣ отдѣльныхъ убійствъ—„скрыть греческій героизмъ (какъ выразился одинъ изъ греческихъ журналистовъ) подъ маской тайнаго убійцы и безъ шума терроризировать и подавлять оболгарившіяся націи и принудить ихъ оставаться спокойными“. Въ тоже время высшее греческое духовенство и греческіе консула въ Македоніи открыто поддерживали дѣйствующія въ краѣ греческія четы и хранили для нихъ въ своихъ помѣщеніяхъ оружіе и воинскіе припасы.

II.

Взаимно противоположные интересы болгаръ, турокъ, грековъ и сербовъ создавали въ Македоніи на рѣдкость подобранный фонъ, на которомъ рѣзкими чертами была набросана картина яростнаго соперничества между всѣми этими національностями. Судьбѣ было угодно усилить еще болѣе сложность мѣстнаго положенія, введя въ него одинъ лишній поводъ къ раздору въ видѣ куцо-влахскаго элемента въ Македоніи и Эпирѣ, слабого численно—куцо-влаховъ не болѣе 60,000 чел.—но за спиною котораго стоитъ Румынія, поддерживаемая имперією Гогенцоллерновъ.

Усилія нѣкоторыхъ энергичныхъ агитаторовъ—вродѣ извѣстнаго Апостола Маргарити—содѣйствовали пробужденію у куцо-влаховъ національнаго самосознанія первымъ послѣдствіемъ чего явилось желаніе пользоваться въ своихъ церквахъ румынскимъ языкомъ и на томъ же языкѣ вести преподаваніе въ своихъ школахъ. Вселенская патріархія, вмѣсто разумной уступчивости такому желанію, вполне естественному для всякой народности, признала нужнымъ отлучать отъ Церкви тѣхъ священниковъ, которые, уступая просьбамъ своихъ прихожанъ, начали служить литургію на румынскомъ языкѣ. Когда же мюрцштегская программа реформъ признала куцо-

влахскій элементъ въ качествѣ четвертой христіанской народности Македоніи, румыны выработали проектъ церковнаго обособленія куцо-влаховъ.

Въ одной изъ моихъ предъидущихъ статей—„Международная морская демонстрація противъ Турціи“—я подробно говорилъ, какимъ образомъ румынское правительство добилось обнародованія султанскаго ираде, признававшего за живущими въ оттоманской имперіи куцо-влагами ихъ собственную національность и предоставившаго имъ гражданскія права, какими пользуются прочія немусульманскія народности, а именно: употреблять свой языкъ въ школахъ, совершать на томъ же языкѣ богослуженіе, имѣть мухтаровъ въ своихъ общинахъ и представителей въ административныхъ совѣтахъ вилайетовъ.

Велико было возбужденіе грековъ, когда состоялось это султанское распоряженіе, а вселенскій патріархъ прямо протестовалъ противъ ираде, заявивъ, что куцо-влахской общины или румынскаго вопроса въ Македоніи никогда не существовало.

Въ дѣлѣ полученія султанскаго ираде Россія оказала свою поддержку румынскому правительству.

Въ былыя времена, когда для насъ были ясны задачи наши на Ближнемъ Востокѣ и когда русская дипломатія не отягощала себя соглашениями съ державами, преслѣдующими тамъ цѣли, діаметрально противоположныя русскимъ, Россія вела ряда войнъ и на костяхъ своихъ солдатъ утверждала самостоятельность Молдавіи и Валахіи,—во времена послѣдующія она значительно удалилась отъ первоначальнаго пути.

Обращаясь къ исторіи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Румыніей, мы, оставаясь безпристрастными, не можемъ не видѣть, что сами виноваты въ томъ, что румынскіе политическіе дѣятели въ большинствѣ проявляли мало склонности искать тѣснаго сближенія съ Россією. Причиною тому были не однѣ дипломатическія интриги и старанія Европы, или личныя симпатіи нынѣ царствующей въ Румыніи прусской династіи, а мы сами, потому что многократно и настойчиво проявляли явное нежеланіе оказывать нашу поддержку національнымъ стремленіямъ румынъ.

Всякій разъ, когда интересы Румыніи и Австріи приходили въ столкновеніе, какъ напр. въ вопросѣ о судоходствѣ по Дунаю, мы поддерживали Австрію. Мы не желали пользоваться тѣмъ естественнымъ антагонизмомъ, который вызы-

*

вается положеніемъ этихъ государствъ, и толкали Румынію въ объятія Австріи.

Въ Трансильваніи и Банатѣ проживаетъ свыше трехъ миліоновъ румынъ, громко и рѣшительно протестующихъ противъ захватовъ мадьяризма и твердо отстаивающихъ свою народность. Но мы очень мало обращали вниманія на вспышки національныхъ стремленій румынъ въ этомъ направленіи и вообще мало интересовались положеніемъ дѣлъ въ Румыніи.

Извѣстный меморандумъ 14 мая 1881 года, подписанный 153 румынскими депутатами Трансильваніи и Венгріи, вызвалъ ожесточенную полемику между мадьярскою и румынскою печатью. Въ Вѣнѣ были сильно встревожены тѣмъ горячимъ сочувствіемъ, съ которымъ независимые румыны отнеслись къ этому меморандуму.

Національная борьба и антагонизмъ между румынами и мадьярами удостовѣряются всѣми безпристрастными наблюдателями и даже такими сочувствующими Австріи публицистами, какъ Лавелэ.

Дѣйствительно, чего можетъ ожидать Румынія отъ Австріи, тѣснящей ее на Дунаѣ и навязывающей ей свою экономическую эксплоатацію. Румыны не могутъ этого не понимать и несмотря на все желаніе румынскаго правительства жить въ ладу съ Австріею, это теченіе официальной политики далеко не сочувственно народу, который живо интересуется судьбой своихъ соплеменниковъ въ Трансильваніи и Банатѣ.

Въ апрѣлѣ 1884 года, когда австрійскій наслѣдникъ престола посѣтилъ Бухарестъ, официальные любезности приѣма не могли скрыть холоднаго отношенія къ гостю самого населенія.

По случаю этого посѣщенія, одинъ изъ румынскихъ публицистовъ („*Quinze mois de régime liberal en Roumanie*“) писалъ: „Король Карль обмѣнивается дружескими тостами и обнимается съ австрійскимъ принцемъ, но эти официальные поцѣлуи не изгладятъ въ румынскихъ сердцахъ тяжелаго чувства, вызываемаго въ нихъ австрійскою политикою въ отношеніи Румыніи“.

Распоряженіе бухарестской полиціи, требовавшей по случаю приѣзда высокаго гостя, чтобы двери и окна домовъ города были украшены австрійскими флагами, вызвало уличныя демонстраціи и беспорядки среди студентовъ, протестовавшихъ противъ выставки австрійскихъ флаговъ.

Официальная политика ступшеывала и всячески замазывала такія проявленія національнаго чувства. Но уничтожить,

вытравить его она не могла, какъ усердно надъ этой задачей ни работали европейскіе дипломаты.

Особенно, и не безъ успѣха, агитировала противъ Россіи въ Бухарестѣ Англія, представители которой пугали румынскихъ политиковъ призракомъ панславизма.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Молдавія искала спасенія и подданства Россіи; въ Тильзитѣ Наполеонъ предлагалъ намъ Дунайскія княжества. Россія не желала ихъ присоединенія и создала постепенно изъ Молдавіи и Валахіи Румынію. Онѣ соединились въ 1859 году, не смотря на протесты Англіи. Благодаря же нашей послѣдней войнѣ съ Турціей, Румынія, сражавшаяся рядомъ съ нами подъ Плевной, обратилась въ независимое королевство.

Чувство благодарности въ политикѣ конечно, играетъ весьма скромную роль—взаимные интересы прочнѣе всякаго рода иныхъ побужденій соединяютъ народы. Такіе именно реальные интересы и связываютъ насъ съ румынами. Если же эти послѣдніе нѣсколько и отшатывались затѣмъ отъ насъ, то это отчасти происходило отъ готовности нашей всѣмъ жертвовать ради соглашенія съ Австріей. Пора намъ понять, что всякое такое соглашеніе только подрываетъ наше вліяніе и положеніе на Балканскомъ полуостровѣ и что, ради сомнительной дружбы съ Австріей, мы не должны отказывать въ поддержкѣ національнымъ стремленіямъ всѣхъ балканскихъ народовъ, сумѣвъ найти тѣ рамки, въ которыхъ они могли бы, не мѣшая другъ другу, развивать свою національную дѣятельность.

Если бы наша дипломатія была проникнута не космополитическимъ, а русскимъ народнымъ духомъ, она, вѣроятно, такъ и поступала бы. Къ сожалѣнію, дѣйствительность показываетъ иное. Дипломатическое наше вѣдомство, и при новомъ руководителѣ, обнаруживаетъ общую, увы, русскимъ теоретикамъ склонность стремиться къ осуществленію, прежде всего, не болѣе близкихъ, непосредственныхъ идеаловъ, а наиболѣе отдаленныхъ. Такъ, судя по зловѣщимъ слухамъ, уже появившимся въ печати, оно носится теперь съ идеею соглашенія съ Англіей, этимъ, въ сущности, нашимъ непримиримымъ врагомъ, причинившимъ намъ столько горя, стоявшимъ намъ повсюду поперекъ дороги, искусно завлекшимъ насъ въ имъ же подготовленную японскую западню, раздувавшимъ у насъ пламя внутренней революціи и почти въ концѣ насъ разорившимъ. Неуклонно преслѣдуя свои собствѣнные интересы, не останавливаясь ни передъ какими этиче

скими соображеніями, Англіи всегда удавалось находить иностранных дипломатовъ, которые поддавались ея гипнозу, что лишній разъ доказываетъ, что, какъ человѣкъ, умѣющій хотѣть, подчиняетъ себѣ человѣка съ расплывчатымъ характеромъ, такъ и держава съ ясно опредѣленной политической программой и твердой волей осуществить ее во что бы то ни стало, всегда заставитъ плясать подъ свою дудку иностранныхъ дѣятелей, постоянно колеблющихся и увлекающихся туманными цѣлями всемірнаго блага и несуществующаго братства народовъ. Достигнувъ неслыханнаго умаленія своего политическаго соперника, оказавшагося не по временамъ благодушнымъ, Великобританія, безъ сомнѣнія, добивается теперь соглашенія съ нимъ, но по ей свойственному фасону,—какъ плющъ, который обвивается вокругъ могучаго нѣкогда дуба, чтобы высосать послѣдніе остающіеся въ немъ соки. Едва ли, потому, скажетъ русскій народъ спасибо тому русскому дипломату, который, поддаваясь личнымъ своимъ симпатіямъ, скрѣпитъ своею подписью актъ, подтверждающій такое соглашеніе и сулящій Россіи новыя узы, вдобавокъ къ тѣмъ, какія и безъ того опутываютъ тѣло, хотя и поверженнаго, но все еще внашающаго страхъ богатыря.

III.

Счастлирое отступленіе отъ обычной политики по отношенію къ румынамъ было сдѣлано еще при предшественникѣ г. Извольскаго, графѣ Ламадорфѣ и выразилось въ давленіи, оказанномъ русскимъ представителемъ въ Константинополѣ съ цѣлью сдѣлать Порту болѣе сговорчивою по отношенію къ румынскимъ домогательствамъ въ Македоніи. Затѣмъ, оно проявилось и въ русскомъ посредничествѣ по долго тянувшемуся греко-румынскому конфликту.

Изъ документовъ, опубликованныхъ въ греческой Бѣлой книгѣ видно, что для разрѣшенія конфликта съ Румыніею греческое правительство послѣдовательно обращалось къ посредничеству Австро-Венгрии, Франціи и Россіи. Посредничество гр. Голуховскаго оказалось, однако, безрезультатнымъ. Франція, въ виду того, что со стороны Румыніи не поступило заявленія о желательности посредничества третьей державы, совершенно отказалась исполнить просьбу Греціи, русское же посредничество постигла участь австрійскаго.

Греческій министръ иностранныхъ дѣлъ, Скузесъ, въ письмѣ

греческому посланнику въ Парижѣ, Деліанису, писалъ: „Въ октябрь мѣсяцѣ русскій посланникъ посѣтилъ моего предшественника Ралли и сообщилъ ему, что онъ уполномоченъ графомъ Ламздорфомъ предложить ему, на основаніи ст. 3-ей гаагской конференціи о международныхъ пререканіяхъ, чтобы греческое правительство уполномочило своего посланника въ Петербургѣ Аргиропуло принять участіе въ совѣщаніяхъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Ламздорфа и съ участіемъ румынскаго посланника въ Петербургѣ, для обмѣна мыслей объ окончательномъ улаженіи греко-румынскаго спора.“

Далѣе, въ этомъ письмѣ говорится, что Ралли заявилъ русскому посланнику, что прежде, чѣмъ отвѣтить на его предложеніе, онъ желалъ бы знать, насколько Румынія склонна придерживаться болѣе или менѣе примирительнаго образа дѣйствій и дать ли она Греціи удовлетвореніе за случившіяся въ Румыніи происшествія. Вопросъ оставался открытымъ до возвращенія въ Аѣины уѣхавшаго въ отпускъ русскаго посланника, сообщившаго по своемъ возвращеніи греческому министру иностранныхъ дѣлъ, что изъ полученнаго отвѣта румынскаго министерства иностранныхъ дѣлъ видно, что не настала еще благопріятный моментъ для разрѣшенія спора, такъ какъ Румынія продолжаетъ придерживаться прежняго образа дѣйствій. Не находя возможнымъ входить въ оцѣнку политики румынскаго правительства по этому вопросу и, съ другой стороны, считаясь съ фактомъ, что Румынія отклонила предложеніе дружескаго посредничества, русское правительство—заявилъ посланникъ—считаетъ свою миссію оконченной.

Такъ закончилась первая попытка посредничества Россіи въ греко-румынскомъ конфликтѣ, позднѣе была сдѣлана вторая: министръ Лаговари увѣдомилъ русское правительство, что Румынія готова примириться съ Греціей на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: во первыхъ, чтобы Греція приняла серьезныя мѣры противъ разбойничьихъ шаекъ, которыя формируются на ея территоріи, потомъ переходятъ границу, появляясь въ Македоніи, а во вторыхъ, чтобы Греція повліяла на вселенскаго патріарха въ смыслѣ признанія имъ султанскаго ираде относительно живущихъ въ Македоніи куцо-влаховъ. Въѣ этихъ двухъ условій примиреніе абсолютно невозможно.

Греція не приняла румынскихъ условій и дипломатическія сношенія были прерваны: греческіе подданные, проживающіе въ Румыніи, были поставлены подъ покровительство русской миссіи въ Бухарестѣ, румынскіе подданные, проживающіе въ Греціи—подъ защиту итальянской миссіи въ Аѣинахъ.

Въ началѣ текущаго года румынская миссія въ Константинополь, поддерживаемая въ своихъ настояніяхъ посольствами нѣкоторыхъ великихъ державъ, добилась отъ Порты отправления въ Эпиръ спеціальной комиссіи, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать основательность румынскихъ жалобъ на эфирскихъ грековъ.

Румынское правительство заявляло: 1) что греческія банды угрозами и насиліями терроризировали румынское мѣстное населеніе и 2) что одна греческая банда сожгла румынскую школу въ Вовузи и разрушила другую въ Палеосильонѣ. Судя по удивительному результату разслѣдованія, добытому комиссією по первому пункту, причѣмъ комиссія завѣряетъ, что нигдѣ въ Эпирѣ не нашла куцо-влахскихъ поселеній, а встрѣтила лишь нѣсколькихъ румынъ, переселившихся изъ Бухареста, можно отнестись съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ къ заключенію столь правдивой комиссіи и по второму пункту. Заключение это гласило, что школы въ обѣихъ деревняхъ были уничтожены самими румынами, одна потому, что грозила рухнуть, а другая сожжена нарочно, чтобы произвести во что бы то ни стало скандалъ и имѣть законный предлогъ не производить въ ней занятій, такъ какъ съ начала нынѣшняго учебнаго года въ школѣ будто бы былъ только одинъ ученикъ и учитель принужденъ былъ бросить занятія и уѣхать въ Янину.

Греція сдѣлала попытку непосредственно столкнуться съ Румыніей. Греческій генеральный консулъ въ Филиппополь былъ уполномоченъ своимъ правительствомъ начать переговоры съ правительствомъ румынскимъ о мирномъ разрѣшеніи давняго конфликта между обоими королевствами, уже приведшаго, какъ сказано выше, къ разрыву между ними дипломатическихъ сношеній. Для этой цѣли генеральный консулъ прибылъ въ Бухарестъ. На первые его шаги румынское правительство отвѣтило ему слѣдующими условіями, заявивъ, что если они будутъ приняты греческимъ правительствомъ, то Румынія готова возобновить прерванныя дипломатическія отношенія съ Греціей:

1) Удаленіе всѣхъ греческихъ четъ изъ Македоніи и формальное обязательство греческаго правительства ни подъ какимъ видомъ не допускать впредь перехода такихъ четъ изъ Греціи въ Македонію.

2) Признаніе со стороны константинопольскаго патріарха султанскаго ираде, официально признавашаго румынскую народность въ Македоніи, а также признаніе со стороны грече-

ской церкви румынскихъ священниковъ въ Македоніи, служащихъ въ церквахъ румынскихъ общинъ на румынскомъ языкѣ.

3) Предоставленіе румынамъ полной свободы для открытія румынскихъ школъ въ Македоніи.

Эти условія бухарестскій кабинетъ сообщилъ всѣмъ европейскимъ великимъ державамъ.

Дипломатическіе переговоры не повели, однако, ни къ чему: аѳинскій кабинетъ уклонился отъ прямого отвѣта за византийскимъ объясненіемъ, что вселенскій патріархъ лицо независимое и повліять на него кабинетъ не въ силахъ. По первому же пункту условій греческое правительство ссылалось на то, что Македонія—турецкая территория, а не греческая, и, слѣдовательно, за чѣтами должно наблюдать турецкое правительство, которое и отвѣтственно за порядокъ въ своей странѣ, а отнюдь не греческое, которое не имѣетъ никакой физической возможности брать на себя отвѣтственность за порядки въ Македоніи.

Въ тоже время греческая печать разразилась угрозами не только по адресу болгаръ и македонскихъ куцовлаховъ, но предостерегала даже „бухарестскіе романизованные международные отбросы“, что и Румынія не гарантируетъ имъ безопасности и что за оскорбленія, наносимыя грекамъ, ихъ всюду можетъ найти кинжалъ или пуля.

Отвѣтомъ на такіе планы лицъ, присвоившихъ себѣ наименованіе „македонскихъ мстителей“, былъ королевскій декретъ въ Румыніи отъ 8-го іюля: декретомъ предписывалось прекратить торговныя сношенія съ Греціей; кромѣ того, греческіе подданные въ предѣлахъ королевства облагаются двойнымъ налогомъ на имущество, а торговые и ремесленные патенты увеличиваются для нихъ въ три раза.

Вообще, можно сказать, что на нашихъ глазахъ совершилась на Балканскомъ полуостровѣ полная перемѣна декорацій.

Исконный врагъ мусульманъ, Греція, до своей послѣдней войны съ Турціею лишь теоретически претендовала на Македонію, бывшую составную часть царства Александра Македонскаго; послѣ же войны она рѣшила направить государственную ладью совсѣмъ въ другое русло, дабы дружбою съ своимъ прежнимъ заклятымъ врагомъ развязать себѣ руки на Балканскомъ полуостровѣ.

Султанъ очень охотно сблизился съ Греціей, видя въ ней полезный противовѣсъ, ослабляющій для Турціи славянскую опасность. Въ 1904 году ихъ отношенія были настолько близки

и интимны, что въ константинопольскихъ дипломатическихъ кругахъ были убѣждены въ существованіи союзнаго договора между двумя государствами.

Отвращеніе султана къ писаннымъ конвенціямъ дѣлало слухъ этотъ маловѣроятнымъ, но факты ясно доказывали, что обѣ стороны были тѣсно связаны. Официальные и офиціозные представители грековъ пользовались свободнымъ доступомъ въ Ильдизъ-кіоскъ, гдѣ они всегда были желанными гостями.

Члены королевской греческой семьи, до тѣхъ поръ постоянно воздерживавшіеся отъ посѣщенія турецкой столицы, прибыли въ Константинополь и султанъ устроилъ имъ горячій пріемъ.

Возросло также вліяніе вселенскаго патріарха и, если вѣрить корреспонденту агентства „Information“, изъ патріархіи, съ молчаливаго согласія султана и великаго визиря, шла организація греческаго движенія въ Македоніи и отъ нея митрополиты этой страны получали точныя инструкціи по поводу оказанія помощи—матеріальной и нравственной—греческимъ шайкамъ, которыя находили въ греческихъ монастыряхъ пріютъ и убѣжище въ случаѣ нужды. Такъ была, по словамъ корреспондента, организована истребительная война противъ куцо-влаховъ и болгаръ. Турецкіе же власти и солдаты не только равнодушно смотрѣли на все, что продѣлывали греческія четы, но весьма часто открыто принимали ихъ сторону.

Не довольствуясь содѣйствіемъ своего бывшаго врага, Греція, повидимому, приобрѣла себѣ еще новую союзницу. По крайней мѣрѣ, изъ римскихъ источниковъ сообщали въ концѣ нынѣшняго года, что между императоромъ Францомъ-Іосифомъ и королемъ Эллиновъ состоялось тайное соглашеніе, въ силу котораго Австрія согласна признать будто бы весь битольскій вилайетъ входящимъ въ сферу вліянія Греціи; Греція же признаетъ такія же права за Австріей на скутарійскій вилайетъ и на Македонію до Салоникъ. Быть можетъ, извѣстіе это въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и грѣшитъ противъ точности; остается несомнѣннымъ фактъ постепеннаго движенія Австріи на юго-востокъ и съ каждымъ днемъ становится все болѣе очевиднымъ то, что съ самаго начала было ясно всѣмъ, сколько нибудь знакомымъ съ восточнымъ вопросомъ, что мюрцштегкимъ соглашеніемъ, равно какъ и предыдущимъ соглашеніемъ 1897 года о соблюденіи status quo были связаны руки только намъ, Австрія же широко развила свою наступательную политику, и не то важно, что Австрія наступала

(она наступала бы и безъ мюрцштегскаго соглашенія), а важно то, что она наступала съ нашего молчаливаго благословенія; южные славяне никогда не простятъ намъ соглашенія къ исконнымъ врагомъ славянства.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія появившаяся въ софійскомъ дворцовомъ органѣ „Вечерна Пошта“ статья главнаго редактора Радева, посвященная рѣзкой критикѣ австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ. На заявленіе графа Голуховскаго, что Австрія будто бы „чужда всякаго эгоизма и не имѣетъ намѣренія расширять свою территорію“, Радевъ возражаетъ:

„Есть ли эгоизмъ болѣе суровый, болѣе тираннической, болѣе недостойный великой культурной державы, чѣмъ тотъ, который Австрія проявила по отношенію къ братскому намъ сербскому народу, стремясь навязать ему убійственную вассальность, посредствомъ шантажа своихъ тайныхъ агентовъ и таможеннаго террора? Не была ли въ послѣднее время возмущена вся Европа циничной алчностью австрійской дипломатіи, которая хочетъ заставить сербовъ купить никуда не годныя пушки завода Шкода, которому само австрійское военное министерство не рѣшается давать своихъ заказовъ?“

„Что касается безкорыстія Австріи въ дѣлѣ введенія реформъ въ Македоніи, столь торжественно провозглашеннаго графомъ Голуховскимъ, то мы не можемъ не отнестись къ нему съ полнымъ недовѣріемъ. Это недовѣріе къ Австріи—не только стихійное чувство, общее всѣмъ южнымъ славянамъ, которые инстинктивно пришли къ вѣрному заключенію, отвѣчающему многочисленнымъ историческимъ фактамъ прошлаго, это недовѣріе есть еще и результатъ нынѣшняго образа ея дѣйствій въ Македоніи.

„И дѣйствительно, если Австрія не преслѣдуетъ корыстныхъ цѣлей въ Македоніи, если она не имѣетъ завоевательныхъ плановъ, то чѣмъ объяснить, что она настояла на томъ, чтобы Македоніи были даны лишь ничтожныя февральскія реформы, что она противится всѣмъ предложеніямъ о расширеніи этихъ реформъ, разжигаетъ пламя вражды между народностями, что она поощряетъ турокъ къ совершенію насилій, что, наконецъ, она—источникъ всѣхъ клеветъ на македонское населеніе и всѣхъ ложныхъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи дѣлъ въ областяхъ, гдѣ вводятся реформы?“

„Австрійскіе дипломаты постоянно обижаются на насъ за то, что мы съ подозрѣніемъ относимся къ ихъ дѣйствіямъ. Да, мы считаемъ ихъ врагами, самыми жестокими, самыми

опасными, самыми коварными врагами! Но, если наши опасенія невѣрны, почему Австрія не опровергнетъ ихъ своими поступками? Развѣ съ тѣхъ поръ какъ Австрія впиалась въ Македонію и добилась могущественнѣйшаго вліянія на турецкія власти, ей все еще не представлялось возможности доказать намъ, что она насъ не преслѣдуетъ, не вредитъ намъ, что она не интригуетъ противъ насъ? Да мало ли было случаевъ за три года, когда Австрія могла бы убѣдить насъ, что мы несправедливо и неосновательно подозрѣваемъ ее? Такихъ случаевъ было много, но Австрія не захотѣла воспользоваться ими. Напротивъ, ея образъ дѣйствій съ каждымъ днемъ усиливается и дѣлаетъ непоколебимѣе и страстнѣе наши подозрѣнія по отношенію къ ней. Передъ нами—неоспоримый фактъ; съ того дня какъ Австрія сдѣлалась всеильною въ Македоніи, т. е. съ самаго начала введенія реформъ, болгарскому населенію въ Македоніи наносятся самые тяжкіе удары. Дѣло реформъ—грозная, убійственная машина, направленная противъ болгарскаго культурнаго дѣла, противъ болгарскаго духа, даже противъ нашего физическаго существованія въ Македоніи. Это достигается при помощи турокъ и грековъ, но Австрія—ихъ вдохновительница, руководительница и покровительница, Австрія—интеллектуальный убійца болгарскаго народа въ Македоніи... и если мы не въ силахъ сказать Австріи „руки прочь!“, то мы громко, передъ Европой,—передъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ восклицаемъ, что народная совѣсть болгаръ обвиняетъ ее во всѣхъ несчастіяхъ Македоніи!“

 IV.

Борьба, начатая греками съ болгарскимъ и куцо-влахскимъ населеніемъ Македоніи ознаменовалась самыми возмутительными убійствами и разбоями, достойными столь препрославленныхъ въ свое время башибузуковъ. Приведу лишь два примѣра. Десять куцо-влахскихъ семей, отправлявшихся подъ защитою сорока турецкихъ солдатъ на ярмарку, подверглись около Гревены нападению греческой шайки, состоящей изъ 200 человѣкъ и бывшей подъ командою двухъ офицеровъ эллинской арміи Геннадія и Кокиноса. 60 куцо-влаховъ съ женщинами и дѣтьми были разстрѣляны, остальные подвергнуты разнымъ истязаніямъ; оставшіяся въ живыхъ женщины были обезчещены, трупы осквернены. Изъ защищавшей куцо-влаховъ турецкой полуроты убиты 7 солдатъ и тяжело ранены 1 офицеръ и 8 солдатъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого злодѣянія греческая чета изъ 40 человекъ, въ сопровожденіи трехъ турокъ, вторглась въ болгарское село Крепешино, флоринской казы, и схватила мѣстнаго болгарскаго священника о. Янчо и его сына Христо. Греки вырвали священнику бороду, затѣмъ отрѣзали руки, носъ, языкъ и только послѣ этого отрубили ему голову; покончивъ съ отцемъ, греки принялись за сына, которому нанесли кинжалами девять глубокихъ и смертельныхъ ранъ.

Такіе приемы эллинской пропаганды были заклеяены даже сочувствующимъ грекамъ англійскимъ парламентомъ. Характерно, что одинъ изъ ораторовъ уклонился отъ сообщенія подробностей о греческихъ подвигахъ въ Македоніи, „такъ какъ для этого потребовалось бы закрытое засѣданіе“.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе производили въ Болгаріи извѣстія о греческихъ неистовствахъ въ Македоніи въ связи съ общимъ положеніемъ дѣла въ этой странѣ, съ которою Болгарію соединяетъ столько интересовъ. Негодующее возбужденіе болгаръ, постепенно разгораясь, разразилось сначала анти-греческими демонстраціями, а потомъ кровавыми столкновеніями между греками и болгарами.

Анти-греческія демонстраціи приняли наиболѣе крупныя размѣры въ Филиппополѣ; съ утра до вечера по городу ходили толпы подъ предводительствомъ агитаторовъ изъ македонскихъ патриотовъ, взывавшихъ къ мести за истребленіе болгаръ въ Македоніи греческими четами. Всѣ пять греческихъ церквей, находящіяся въ городѣ, были насильственнымъ образомъ заняты болгарами, въ домахъ греческаго квартала перебиты стекла. Болѣе 60 лавокъ, принадлежавшихъ грекамъ, были разгромлены, а товары уничтожены. Толпа захватила двѣ школы и разграбила клубъ и нѣкоторыя другія греческія учрежденія. Греческое генеральное консульство уцѣлѣло лишь потому, что охранялось войсками. Подобныя же беспорядки происходили въ Бургасѣ и Станимахѣ и сопровождались точно также разгромомъ греческихъ церквей, клубовъ, школъ, причѣмъ дѣло не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

23-го іюля въ Софіи состоялся грандіозный анти-греческій митингъ, въ которомъ участвовали до 20,000 человекъ. Въ принятой собранными резолюціи было постановлено требовать, чтобы правительство: 1) прервало дипломатическія сношенія съ Греціей, 2) уволило всѣхъ грековъ, состоящихъ на службѣ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, а также въ войскахъ, 3) изгнало греческихъ епископовъ и преподавателей, сѣящихъ смуту и вражду къ болгарамъ, 4) послало великимъ

державамъ ноту, въ которой показало бы имъ, что вандализмъ грековъ переходитъ всякія границы и что болгарскій народъ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за роковыя послѣдствія.

Собраніе постановило также предложить болгарскому народу бойкотировать греческую торговлю.

Послѣ митинга, толпа произвела внушительную манифестацию. Небольшая кучка манифестантовъ направилась къ зданію греческаго дипломатическаго агентства. Ведущія къ послѣднему улицы было заняты отрядами кавалеріи и жандармовъ. Войска, послѣ предложенія остановиться, сдѣлали залпъ на воздухъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ столкновеніи толпы съ патрулями, три манифестанта были легко ранены сабельными ударами, одинъ жандармъ—каменемъ. Послѣ сочувственныхъ манифестаций предъ помѣщеніемъ представителей Россіи, Англіи, Франціи, Румыніи, толпа мирно разошлась. Греческое дипломатическое агентство и греческая церковь охранялись сильными отрядами войска.

Въ Станимахѣ, анти-греческій митингъ сопровождался беспорядками, въ продолженіе которыхъ нѣсколько человекъ было ранено.

День ото дня движеніе противъ грековъ принимало все болѣе тревожный характеръ. Въ Рушукѣ и Карнабатѣ состоялись многочисленные митинги, во время которыхъ отдѣльныя группы болгаръ бросали камни въ греческіе дома.

Погромы грековъ произошли также въ Варнѣ, Филиппополь, Бургасѣ, Пещерѣ, Татарь-Базарджикѣ, Каварнѣ, Бальчикѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Болгарское правительство принимало энергичныя мѣры къ подавленію беспорядковъ, но положеніе его становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, такъ какъ болгары повсюду заявляли, что будутъ продолжать устраивать манифестации, пока Европа не прекратитъ безчинства греческихъ четниковъ въ Македоніи.

Апогеемъ беспорядковъ было то, что произошло въ Анхіялѣ, городкѣ, расположенномъ на берегу Чернаго моря.

За послѣднее время, жители приморскихъ городовъ Анхіяля, Созополя и Мессембрии, большинство населенія которыхъ составляютъ греки, постановили дѣйствовать противъ болгаръ оружіемъ, въ случаѣ какихъ-либо враждебныхъ демонстрацій съ ихъ стороны. Неизвѣстно, какимъ путемъ и откуда греки добыли большое количество оружія и боевыхъ припасовъ; полагаютъ, что все это было доставлено греческими парусными

судами. Близъ Анхіалѣ находится монастырь, св. Георгія, по поводу котораго между греками и болгарами идетъ споръ; въ недавнее время греки обратили его въ громаднѣйшій складъ оружія и военныхъ припасовъ. Правительство узнало о томъ и небольшой отрядъ, занявъ монастырь, конфисковалъ складъ. Выѣстъ съ тѣмъ, болгарскимъ духовнымъ властямъ было поручено временное управленіе монастыремъ, впредь до окончательнаго разрѣшенія принципиальнаго спора. Крестьяне изъ окрестныхъ болгарскихъ деревень, которымъ греки до тѣхъ поръ запрещали паломничество въ названный монастырь, пожелали воспользоваться настоящимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы поклониться монастырскимъ святынямъ. Греки изъ Анхіалѣ стали тогда устраивать на дорогѣ засады, чтобы не допустить крестьянъ въ монастырь, при чемъ стрѣляли въ нихъ изъ ружей, что возмутило крестьянъ и подготовило послѣдующій взрывъ болгарскаго недовольства.

30 іюля былъ созванъ въ Анхіалѣ митингъ, къ участию въ которомъ были приглашены болгары изъ окрестныхъ селеній; между тѣмъ, вооруженные греки заняли городскія окрестности съ цѣлью воспрепятствовать болгарамъ проникнуть въ городъ. И вотъ, когда на разсвѣтѣ болгары нѣсколькихъ деревень направлялись на митингъ, греки открыли по нимъ стрѣльбу, ранивъ двухъ человекъ. Болгары вынуждены были удалиться, но вскорѣ возвратились уже съ оружіемъ и у входа въ Анхіалѣ началось настоящее сраженіе, окончившееся отступленіемъ грековъ въ городъ, гдѣ они и скрылись въ нѣсколькихъ зданіяхъ, особенно въ церкви, въ которой у нихъ было сложено въ большомъ количествѣ оружіе и военные припасы и гдѣ они забаррикадировались. Скоро на улицахъ Анхіалѣ началась страшная перестрѣлка. Небольшому жандармскому отряду удалось разсѣять лишь часть нападавшихъ, такъ какъ пальба нѣсколько разъ заставляла его отступать. Бой длился до 8 часовъ вечера. Губернаторъ тщетно приглашалъ грековъ прекратить стрѣльбу съ церковной колокольни и съ крышъ другихъ аданій и сдаться. На каждое обращеніе губернатора греки отвѣчали залпами. Тѣмъ временемъ въ одномъ изъ домовъ возникъ пожаръ. Дулъ сильный вѣтеръ и, благодаря тому, что большинство анхіальскихъ домовъ построено изъ дерева, пожаръ распространился съ страшной быстротой и охватилъ почти весь городъ. Губернаторъ снова сталъ просить укрывшихся въ церкви грековъ прекратить стрѣльбу и дать возможность приступить къ тушенію пожара и спасанію имущества, но греки отвѣчали лишь

выстрѣлами,—сдались же они только тогда, когда израсходовали свои патроны и когда прибылъ изъ Карнабата значительный отрядъ бургасскаго гарнизона. Пожаръ удалось потушить лишь на слѣдующій день. Жертвами огня стали домъ губернатора, телеграфная станція, три правительственныхъ зданія, съ архивами, греческая школа, греческая и болгарская церкви и мечеть. Изъ 1147 домовъ, составлявшихъ Анхіаль, сгорѣло 816: около 6000 жителей лишились всего имущества. Греческій епископъ Василій, котораго греки открыто обвиняли въ подстрекательствѣ къ беспорядкамъ, былъ извлеченъ еще живымъ изъ-подъ обломковъ одного изъ сгорѣвшихъ зданій. Убитыхъ всего насчитывалось 12 человекъ.

Болгарскій совѣтъ министровъ рѣшилъ немедленно принять строжайшія мѣры для наказанія виновныхъ и предупрежденія дальнѣйшихъ анти-греческихъ беспорядковъ.

Австрійскія газеты воспользовались анхіальскими беспорядками, чтобы завопить противъ болгарскаго правительства и обвинить его и военныя власти въ томъ, что онѣ оказываютъ активную и пассивную поддержку погромщикамъ. „Wiener Allgemeine Zeitung“ требовала коллективнаго шага всѣхъ державъ въ Болгаріи съ цѣлью напомнить правительству послѣдней, что дальнѣйшія неистовства подобнаго рода долѣе не будутъ терпимы. Газета не смущалась тѣмъ, что молчала, когда неистовства въ Македоніи учиняли милые ея сердцу греки, и заговорила, когда греки сдѣлались жертвою беспорядковъ, вызванныхъ, какъ то неопровержимо доказало слѣдствіе, ими самими. Другая газета, стоящая близко къ австрійскому министерству иностранныхъ дѣлъ, „Fremdenblatt“, вопіяла въ томъ же тонѣ, прибавивъ лишь ядовитое, хотя и совершенно необоснованное и несправедливое замѣчаніе о томъ, что греческіе погромы показываютъ, чего можно ожидать въ будущемъ, если Македонія будетъ отдана Болгаріи.

Подъ впечатлѣніемъ анхіальскихъ событій въ Филиппополѣ состоялся 6 августа колоссальный митингъ, на которомъ присутствовало 1900 представителей македонскихъ и другихъ ассоціацій отъ различныхъ мѣстностей Болгаріи и 20.000 гражданъ города Филиппополя и его окрестностей. На немъ была принята слѣдующая резолюція:

1) Предложить болгарскому правительству использовать всѣ средства, коими располагаетъ нація, для неуклоннаго примѣненія ст. XXIII берлинскаго трактата, прервать дипломатическія сношенія съ Греціей и примѣнить по отношенію къ

греческимъ подданнымъ тѣ репрессаліи, какія допускаются международнымъ правомъ.

2) Признать недѣйствительность мюрцштегской программы.

3) Выразить сожалѣніе по поводу актовъ насилія, допущенныхъ нѣкоторыми болгарами по отношенію къ грекамъ и вызванныхъ греческою провокаціей, не смотря на всю терпимость, отличающую болгаръ со времени самостоятельнаго политическаго существованія Болгаріи.

4) Пригласить болгарскій народъ принести всѣ матеріальныя жертвы, чтобы добиться исполненія ст. XXIII берлинскаго договора.

Копіи резолюціи были отнесены выбраннымъ комитетомъ за которымъ слѣдовала внушительная процессія изъ присутствовавшихъ на митингъ, въ консульства русское, французское и англійское. Въ консульства же греческое и сосѣднее съ нимъ итальянское, комитетъ доставилъ копіи резолюціи одинъ, безъ сопровожденія присутствовавшихъ на митингъ, такъ какъ власти, боясь дѣйствій толпы по отношенію къ греческому консульству, предупредили, что войска будутъ стрѣлять, если толпа приблизится къ зданію консульства. Какъ бы то ни было, порядокъ нарушенъ не былъ.

Не лишены интереса заявленія, сдѣланныя по поводу всѣхъ этихъ событій румынскимъ министромъ Александромъ Лагавари одному нѣмецкому журналисту: „Греки, открыто бравидуя своимъ панэллинизмомъ, оскорбляющимъ чувства другихъ народовъ, создаютъ себѣ враговъ въ Румыніи и Болгаріи. Въ ихъ интересахъ было бы дорожить Румыніей и Болгаріей, такъ какъ многіе греки,—большинство которыхъ уроженцы Македоніи и Турціи,—поселились въ этихъ государствахъ и нажили тамъ себѣ большія богатства или достигли высокаго общественнаго положенія. Но греки, подстрекаемые аѳинскими агентами, проявляютъ столь вызывающій задоръ эллинизма, что становится понятнымъ, почему румыны и болгары такъ сильно возмущаются противъ нихъ. Самымъ опаснымъ и самымъ отвратительнымъ агентомъ панэллинской пропаганды является греческое духовенство, которое зависитъ отъ константинопольской патріархіи. Я не намѣренъ пѣть дифирамбы болгарамъ, но, сравнивъ образъ дѣйствій вселенскаго патріарха съ образомъ дѣйствій болгарскаго экзарха, нельзя не признать, до какой степени безразсудны греки и какъ умѣренны болгары... Нынѣ болгары, пожалуй, взяли нѣсколько черезъ край въ своихъ демонстраціяхъ—болгарское правительство, впрочемъ, уже распорядилось о наказаніи виновныхъ.— но надо

имѣть въ виду, что въ Болгаріи существуетъ общая ненависть къ грекамъ и ихъ духовенству, которое совершенно открыто поощряетъ греческія четы въ Македоніи. Болгарскія четы формируются изъ болгаръ—македонскихъ уроженцевъ и проживающихъ въ этой странѣ; греческія же четы составляются изъ наемниковъ, пришедшихъ изъ Греціи, и они, подъ покровительствомъ греческаго духовенства, разоряютъ Македонію.

„Болгарское правительство сдержало слово: съ 1904 года болгарская граница закрыта для македонскихъ четь. Образъ дѣйствій аѳинскаго правительства совсѣмъ иной; въ Аѳинахъ командуютъ уличныя толпы и ихъ непомѣрныя требованія совершенно не по силамъ и не по средствамъ, имѣющимся въ распоряженіи греческаго королевства, у котораго нѣтъ организованной арміи и финансы котораго въ самомъ плачевномъ состояніи.

„Съ тѣхъ поръ какъ греки, несмотря на понесенное ими пораженіе, вступили на островъ Критъ, кажется, что Европа рѣшила относиться къ нимъ, какъ къ невмѣняемымъ дѣтямъ, которыхъ надо ласкать, чтобы утѣшить въ постигшемъ ихъ горѣ. Между тѣмъ, Европа должна заставить ихъ почувствовать, что ихъ безразсудство и легкомысліе не могутъ оставаться безнаказанными. Австрія и Россія связали по рукамъ Турцію; теперь очередь за Европой связать руки вселенскому патріарху и запретить ему вмѣшиваться въ нецерковныя дѣла. Надъ епископами и агентами панэллинизма необходимо учредить международный контроль—этотъ своего рода европейскій надзоръ. Во всѣхъ тѣхъ городахъ Македоніи, гдѣ существуютъ греческія епископскія каѳедры, охраненіе порядка надо поручить европейскимъ консуламъ, чтобы воспрепятствовать духовенству вмѣшиваться въ политику. Порядокъ въ Македоніи можетъ быть водворенъ лишь тогда, когда будетъ парализована дѣятельность эллинизма, который, пользуясь покровительствомъ Турціи, наноситъ вредъ другимъ македонскимъ народностямъ“.

Дѣйствительно, въ то время какъ болгарское правительство обратилось ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ съ циркуляромъ, въ которомъ, подтверждая полную свободу собраній, предписываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять самыя строгія мѣры противъ могущихъ произойти безпорядковъ, отвѣтственность за которые падетъ на руководителей митинговъ, греко-македонскій комитетъ не выказалъ ни малѣйшаго намѣренія прекратить или хотя бы ослабить свою дѣятельность. Въ надеждѣ,

что народъ достаточно уже устрaшенъ практикуемыми надъ нимъ въ продолженіе двухъ лѣтъ жестокостями, комитетъ нашель, наоборотъ, своевременнымъ обратиться съ циркулярнымъ воззваніемъ къ признающимъ духовную власть болгарскаго экзарха жителямъ сель южной Македоніи, приглашая ихъ вернуться въ лоно вселенской патріархіи. Содержаніе этого воззванія слѣдующее:

„Братья! Именемъ Божиимъ повелѣваемъ вамъ возвратиться на путь истины. Мы не желаемъ вамъ зла. Болгарскій комитетъ уничтоженъ. Поднимитесь, жители всѣхъ сель, и окажите помощь греческому комитету, который основался здѣсь, чтобы окончательно истребить болгарскій комитетъ и тѣмъ принести вамъ счастье и спокойствіе. Даемъ вамъ десять дней срока. Раздумайте хорошенько. Книги всего свѣта показываютъ, что вы греки. Чего же добиваются въ Македоніи болгары? И зачѣмъ вы имъ помогаете? Теперь опасность миновала. Во имя Бога и святой Троицы приказываемъ вамъ вернуться въ старую вѣру и народность, потому что наступило время освобожденія отъ безчестныхъ убійць. Если вы не повинуетесь, то ваше село постигнетъ большое несчастіе. Да просвѣтитъ васъ Богъ. Аминь“.

Къ воззванію приложена печать „Греко-Македонскаго комитета въ Македоніи“.

V.

Турція и Болгарія обмѣнялись довольно рѣзкими нотами по поводу греко-болгарскаго столкновенія въ Анхіалѣ. Въ то же время Порта разослала своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ циркуляръ, въ которомъ напоминала державамъ, что Восточная Румелія (гдѣ расположенъ Анхіалъ) все еще находится въ зависимости отъ Турціи, и просила ихъ сдѣлать представленія въ Софіи, чтобы никакихъ притѣсненій грекамъ въ Восточной Румелии чинимо не было.

Софійское правительство отвѣтило Турціи, что прежде чѣмъ заботиться о порядкѣ въ Восточной Румелии, ей слѣдовало бы подумать о Македоніи.

Циркуляръ Порты былъ, повидимому, вызванъ протестомъ, съ которымъ обратился къ ней по случаю событій въ Филиппополѣ, Анхіалѣ и другихъ мѣстахъ вселенскій патріархъ Іоакимъ, сообщившій одновременно свой меморандумъ представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ.

Въ самомъ началѣ меморандума его святѣйшество сообщаетъ иностраннымъ посламъ о необходимости, въ которую онъ былъ поставленъ гоненіями на грековъ и ихъ духовенство въ Болгаріи и Восточной Румелии, обратиться „съ новымъ протестомъ къ Блистательной Портѣ и просить ея законнаго и властнаго вмѣшательства для получения полного удовлетворенія за вредъ, нанесенный вселенской Церкви и православнымъ грекамъ“.

Людемъ, слѣдившимъ, какъ развертывались событія на Ближнемъ Востокѣ ясно, какъ фальшиво звучатъ всѣ эти обвиненія, направленные не по тому адресу, куда слѣдовало бы; ясно, что и Анхіаль, и другія мѣстности, ознаменованныя дикими сценами погромовъ,—все это грустныя послѣдствія греко-славянскаго ненавистничества и даже активнаго содѣйствія разбойничеству со стороны аѳинскаго правительства и константинопольской патріархіи.

Патріархъ посылалъ протестующую телеграмму и непосредственно князю Фердинанду, отвѣтъ котораго былъ переданъ святѣйшему Іоакиму III болгарской миссіей въ Константинополь и былъ, какъ оттуда сообщаютъ, составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ виду того, что телеграмма патріарха полна лжи и клеветъ, она не заслуживаетъ отвѣта“.

Созданное событіями послѣдняго времени запутанное положеніе „Schlesische Zeitung“ связывала съ англійскою интригою, причемъ утверждала, что лондонскій кабинетъ будто бы предложилъ державамъ предоставить Македоніи самоуправленіе, подобное автономіи Крита. Точно также и по словамъ „Deutsches Volksblatt“, англійскій (король при свиданіи въ Фридрихсгофѣ, въ виду несомнѣнной неудачи мюрцштегской программы, пытался, съ вѣдома Италіи, заручиться согласіемъ германскаго императора на слѣдующую комбинацію: Македонія и Старая Сербія получаютъ автономное управленіе, во главѣ котораго будетъ находиться губернаторъ изъ христіанъ. Губернаторомъ намѣченъ черногорскій княжичъ Мирко. Германія будто бы заявила по этому поводу, что она поддержитъ всѣ мѣропріятія, которыми можно будетъ возстановить спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ. Судя же по извѣстіямъ, идущимъ изъ Македоніи, приписываемая Англии программа, въ дѣйствительности, значительно умѣреннѣе и сводится къ проекту расширенія предпринятыхъ въ странѣ этой реформъ, а именно предполагаетъ подчинить европейскому контролю судъ. уменьшить количество пребывающихъ въ Македоніи турец-

нихъ войскъ и расширить права иностранныхъ офицеровъ, преобразовывающихъ жандармерию.

Противъ проекта автономіи для Македоніи, съ княжичемъ Мирко во главѣ, счелъ нужнымъ возвысить свой голосъ нѣкій докторъ Иероянисъ, президентъ центральной македонской ассоціаціи и помощникъ Казазиса, о которомъ сказано выше. Этотъ эллинъ возвѣщаетъ Европѣ, что „македонцы никогда и ни въ какомъ случаѣ не согласятся, чтобы нога иностраннаго принца ступила на священную землю эллинской родины“ и что „горячее и непреклонное желаніе ихъ, македонцевъ, слиться въ единеніи съ матерью—Греціей“.

Нужно, конечно, обладать большимъ мужествомъ, чтобы такъ храбро говорить отъ имени всей Македоніи, въ населеніи которой грекамъ принадлежатъ лишь незначительный процентъ. Для доказательства достаточно ознакомиться съ данными, приводимыми „Post“, офиціознымъ германскимъ органомъ, который врядъ ли можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи къ славянамъ.

По его подсчету, на Балканскомъ полуостровѣ числится 4.650.000 болгаръ, изъ которыхъ 2.350.000 приходится на Болгарію, 50.000 на Добруджу, 250.000 на Сербію и 2.000.000 на европейскую Турцію.

На 4.330.00 сербовъ—1.370.000 приходится на собственно Сербію, 2.430.000 живутъ въ австро-венгерскихъ областяхъ, 150.000 въ Черногоріи и 170.000 въ Турціи.

Изъ 2.800.000 грековъ—1.910.000 приходится на Грецію, 60.000 на Болгарію и 830.000 на Турцію. Если изъ этой послѣдней цифры вычесть число грековъ, живущихъ въ Константинополѣ, въ адрианопольскомъ вилайетѣ, въ Восточной Румелии, на Аеонѣ и въ Эпирѣ, то на долю Македоніи останется не болѣе трехсотъ пятидесяти тысячъ грековъ противъ подавляющаго большинства населенія славянскаго происхожденія.

Въ составленной мною этнографической таблицѣ салоникскаго и битольскаго вилайетовъ, число населяющихъ ихъ грековъ я опредѣлялъ въ 348.845 чел. *).

Несмотря на краснорѣчивый языкъ цифръ, греки продолжаютъ упорно отстаивать свои мнимыя права на Македонію и четыре ихъ стараются, поскольку это отъ нихъ зависитъ, уменьшить число живущихъ тамъ славянъ.

Рѣзня, произведенная греческою шайкой въ деревнѣ Сми-

*) „Турецкія реформы въ связи съ вопросомъ о Македоніи и Старой Сербіи“. „Русскій Вѣстникъ“, февраль и мартъ 1903 г.

левѣ, гдѣ, по официальнымъ сообщеніямъ, было убито 40 женщинъ и дѣтей, вызвала новый взрывъ негодования въ Болгаріи и болгарское правительство рѣшило, между прочимъ, уступить требованію общественнаго мнѣнія и закрыть греческія народныя школы. Рѣшеніе это будетъ осуществлено путемъ строгаго примѣненія закона 1892 года о школахъ, требующаго, чтобы дѣти болгарскихъ подданныхъ получали школьное образованіе на болгарскомъ языкѣ. Не смотря на существованіе этого закона, болгарское правительство терпѣло до сихъ поръ греческія народныя училища. Какъ только будетъ приступлено къ примѣненію закона въ полной мѣрѣ, соотвѣтственно рѣшенію совѣта министровъ 14-го сентября нынѣшняго года школы эти совершенно исчезнутъ. Тѣмъ же рѣшеніемъ совѣта министровъ предписано ввести болѣе строгій государственный контроль надъ учебной системой и учебниками въ греческихъ гимназіяхъ. Затѣмъ, какъ кажется, имѣется въ виду передать греческія церковныя имущества въ вѣдѣніе болгарскаго правительства.

Такъ какъ возбужденное всѣмъ происходящимъ болгарское общественное мнѣніе винило турецкое правительство въ открытой или тайной поддержкѣ греческихъ посягательствъ, то Турція стала приготовляться ко всякимъ случайностямъ и принимать мѣры, чтобы предупредить всякую неожиданность со стороны болгаръ. По словамъ „Local Anzeiger“, турки воздвигаютъ вдоль болгарской границы цѣлую цѣпь блокгаузовъ, соединенныхъ между собою телеграфомъ, а всѣ передовыя посты—гелиографомъ. 120 блокгаузовъ должны быть окончены въ теченіе этого года, а остальные въ будущемъ году. Кромѣ того, приняты мѣры по исправленію и сооруженію новыхъ военныхъ дорогъ, а также сосредоточенію войскъ, орудій и боевыхъ припасовъ, въ Адрианополь и Салоникахъ. Въ Адрианополь отправляются цѣлыя военныя поѣзда съ лошадьми; туда же экстренно доставлено 800 орудій.

Въ виду того, что Болгарія и Турція принимаютъ одинаковыя мѣры на случай войны, возникновеніе послѣдней стало казаться вѣроятнымъ, въ особенности послѣ циркуляра, разсланнаго Портою своимъ представителямъ при великихъ державахъ. Цѣль этого циркуляра—подготовить державы къ серьезнымъ военнымъ мѣрамъ, предпринимаемымъ нынѣ Портою. Турецкое правительство заявило при этомъ, что не намѣрено долѣе терпѣть приготовленій къ войнѣ со стороны Болгаріи и рѣшило, поэтому, отвѣтить такими же мѣрами.

Судя по телеграммѣ изъ Софіи, напечатанной въ „Neue

Freie Presse“, греческій посланикъ въ Константинополь предложилъ султану заключить наступательный союзъ противъ Болгаріи.

Турція должна будетъ занять Восточную Румелію, въ то время, какъ греческій флотъ нападетъ на Варну и Бургасъ. Обѣ союзницы потребуютъ отъ Болгаріи, при заключеніи мира, пятьсотъ милліоновъ военнаго вознагражденія, которое и подѣлятъ между собой.

Восточная Румелія снова станетъ турецкою областью, Греція получитъ Критъ, а болгарскій экархъ будетъ высланъ изъ Константинополя.

Всѣ великія державы, къ которымъ Порты обратилась съ циркулярной нотой по поводу положенія, занятаго Болгаріей, отвѣтили въ успокоительномъ духѣ и въ самомъ дѣлѣ надо думать, что война *пока* не разразится — султану воевать нѣтъ расчета, а Болгарія еще не готова, но если опасность эта устранена на сегодня, можно ли съ увѣренностью сказать, что она не настанетъ завтра, если не будутъ устранены обстоятельства, подъ влияніемъ которыхъ непрерывно накапливается электричество въ политической атмосферѣ Ближняго Востока? Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, насколько пристало культурной Европѣ присутствовать съ спокойнымъ сердцемъ при зрѣлищѣ братоубійственной борьбы и самыхъ варварскихъ проявленій взаимной вражды, обагряющихъ Балканскій полуостровъ кровью христіанскихъ народовъ, но можетъ ли Европа въ своихъ собственныхъ интересахъ смотрѣть хладнокровно на догорающій фитиль, который долженъ передать огонь въ пороховой складъ, организованный отчасти взаимнымъ же соперничествомъ державъ между собою?

Довольно закрывать глаза на основную вину Европы, взявшей за дѣло Ближняго Востока, требовавшей довѣрія къ своей дѣятельности и не оправдавшей его; нынѣ настала пора положить предѣлъ дряблости доселѣ бывшаго воздѣйствія и начать созидательную работу, плоды которой дадутъ вздохнуть христіанскому міру и которая, какъ я неоднократно повторялъ, рано или поздно должна привести къ насажденію въ Македоніи автономіи съ христіанскимъ генераль-губернаторомъ во главѣ.

В. Тепловъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ТОМА ТРИСТА ПЯТАГО.

Книга IX. Сентябрь.

	СТР.
1. Злаяснла. I—IX. <i>Θ. Θ. Тютчева</i>	3
2. Манчжурскій вопросъ. <i>Семеновова</i>	81
3. Подъ знакомъ солнца. Романъ. XXXI—XLІ. <i>Николая Энгельгардта</i>	108
4. Болванъ Гоголя. Д-ра <i>Каченовскаго</i>	157
5. Разрытый курганъ. Стихотвореніе <i>К. Гребенскаго</i>	192
6. Подъ натискомъ революціи. Повѣсть <i>Путника (Н. Н. Лендера)</i>	195
7. 1. Ко мнѣ въ баракъ, въ открытое окошко... — 2. Ночь пришла, подобралась тайкомъ... Стихотворенія <i>В. Глинки</i>	232
8. Паутина. Романъ. Ч. II. XIV—XVII. <i>В. Крыжановской (Рочестеръ)</i>	234
9. Хаосъ и свѣтъ. Проф. <i>Вл. Никольскаго</i>	278
10. Журнальное и литературное обозрѣніе. <i>Н. Скифа</i>	308
11. Современная лѣтопись. Приведены ли слушники закона къ подчиненію „всею силою государственной мощи“?—Возстановленъ ли „быстро, твердо и неизменно“ порядокъ?—Итоги грабежей по имперіи за истекшій съ 9 іюля мѣсяць.—Итоги убійствъ и бунтовъ за тотъ же срокъ.—Военные бунты въ Полтавѣ и Красноводскѣ.—Возстаніе въ Свеаборгской крѣпости, въ Кронштадтѣ и на крейсерѣ „Память Азова“ близъ Ревеля.—Подвиги „красной гвардіи“ и капитана Кока.—Звѣрство матросовъ.—Убійство бывшаго члена Г. Думы М. Я. Герценштейна.—Убійство самарскаго губернатора.—Убійство генерала Маркграфскаго.—Избѣненіе полицейскихъ и солдатъ въ Польшѣ 2 августа.—Покушеніе на жизнь генерала Скалона и убійство Воллярлярскаго.—Покушеніе на жизнь предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина 12 августа.—Жертвы взрыва.—Убійство командира семеновскаго полка генерала Мина 13-го августа.—„Максималисты“.—Распространеніе „Выборгскаго воззванія“.—Слѣдствіе по обвиненію бывшихъ членовъ Думы по 129 ст.—„Требованія“ партіи „кадетовъ.“—Воззваніе Союза 17 октября и партіи Мирнаго Обновленія.—Программа правительства въ оффиціозной „Россіи“.—Возможно ли „законопроектами“ удовлетворить анархистовъ, социалистовъ, кадетовъ и сепаратистовъ?—Единственный выходъ. <i>Н. А. Энгельгардта</i>	345
12. Обзоръ вѣншихъ событій. — Марокко и алжезиравская конференція. <i>В. А. Теплова</i>	382

Книга X. Октябрь.

	СТР.
1. Злая билля. X—XVII. <i>Θ. Θ. Тютчева.</i>	408
2. Государство и революция. <i>Н. Э.</i>	481
3. Падшая. <i>М. Нестерова.</i>	499
4. Борь. Стихотворение <i>К. Гребенского.</i>	514
5. Подъ знакомъ солнца. Романъ. XLII—LV. <i>Николая Энгельгардта.</i>	517
6. Гончаровъ-цензоръ. Невзданные матеріалы для его биографіи.	571
7. Паутина. Романъ. Часть III. XVIII—XXI. <i>В. Крыжановской (Рочестеръ).</i>	620
8. Надо мною небосклонъ лучистый... Стихотворение <i>В. Глинки.</i>	678
9. Забытый поэтъ. (Изъ моихъ воспоминаній). <i>В. Пинчука.</i>	679
10. Журнальное и литературное обозрѣніе. <i>Н. Скифа.</i>	690
11. Современная лѣтопись. „Маленькая статистика“—Полторы тысячи жизней въ жертву „освобожденія“.—Варывъ бомбы на свадебномъ вечерѣ.—„Скальпированіе“ въ Сосницѣ.—„Харакири“ въ Москвѣ.—Какъ велика армія „Бунда“?—Конкуренція союзовъ анархистовъ.—Резолюція комитета с. д. и Бунда противъ экспроприаціи частныхъ имуществъ.—Переполненіе университетовъ.—Борьба совѣтовъ профессоровъ съ совѣтами студенческихъ старостъ.—Революція сходокъ.—Революція академическаго союза и ея неуспѣхъ.—Приемъ евреевъ.—Правительственное сообщеніе 24 іюля.—Изъ лѣтописи „отдѣльныхъ террористическихъ актовъ“, которые „знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи“.—Событія въ г. Сѣдлецѣ и въ г. Камышинѣ.—Положеніе Балтійскихъ губерній.—Финляндія—убѣжище революціи.—Анархія на Кавказѣ.—Вопросъ о безработныхъ.—Совершенное оскуднѣніе земскихъ кассъ.—Ликвидація помѣстнаго хозяйства крестьянскимъ банкомъ.—Передача крестьянству двѣнадцати милліоновъ десятинъ.—Синдикатъ иностранцевъ для ссуды подѣ эти земли.—„Наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ“.—Неизбѣжное политическое давленіе на продавцовъ и покупателей.—Конституція и предупредительныя связи.—Трансакція русскихъ финансовъ.—Проектъ омоложенія арміи.—Берлинскіе синдикаты для скупки Сибири.—Ученая классификація пятнадцати русскихъ партій.—Публичные письма кн. Евг. Н. Трубецкаго, А. И. Гучкова, проф. В. И. Герье и Дм. Н. Шипова. <i>Н. А. Энгельгардта.</i>	786
12. Обзоръ вѣдшихъ событій.—Македонія. <i>В. А. Теплова.</i>	782

Условія пріема объявленій въ «Русскомъ Вѣстникѣ»:

1) За объявленіе, напечатанное въ началѣ книжки и занимающее цѣлую страницу, взимается 30 р., за занимающее половину страницы—15 р. за одинъ разъ; за объявленіе, напечатанное въ концѣ книжки на цѣлой страницѣ—20 р., на половинѣ страницы—10 р. за одинъ разъ.

2) Чтобъ объявленіе могло быть напечатано или приложено къ книжкѣ журнала, выходящаго ежемѣсячно, 1-го числа, объявленіе должно быть доставлено въ контору журнала не позже 20-го числа текущаго мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ отдѣльныхъ приложений для разсылки ихъ при журналѣ взимается: за 1000 экземпляровъ приложений въсѣмъ не болѣе 1 лота каждое, по 7 р. 50 к., въсѣмъ отъ 1 до 2 лотовъ—10 руб., отъ 2 до 3 лотовъ—12 р. 50 к., отъ 3 до 4 лотовъ—15 р. и т. д.

4) Объявленія печатаются въ журналѣ или раасылаются при немъ не иначе, какъ по полученіи въ конторѣ журнала причитающейся зато платы.

М. Н. КАТКОВЪ.

Полное собраніе передовыхъ статей

„Московскихъ Вѣдомостей“ 1863—1887.

Изданіе С. П. Катковой.

Изданіе состоитъ изъ 25 томовъ, отъ 85 до 60 листовъ въ каждомъ. Цѣна безъ пересылки 62 р. 50 к.; съ пересылкою 75 р. Съ требованіями обращаться въ контору «Владимира Чичерина» въ Москвѣ, Малая Лу-блянка, домъ Страховаго Общества „Россія“.

В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ (Рочеветеръ).

Свѣточи Чехіи.

Истор. ром. изъ эпохи пробужденія чешскаго народнаго самосознанія.

ПРОДАЕТСЯ: въ книж. магаа. «Новаго Времени» (СПБ., Москва, Харьковъ, Саратовъ, Ростовъ-на-Дону и Одесса) и проч. значительныхъ книготорговляхъ.

Цѣна 1 р. 80 к.

Выписывающіе отъ автора (СПБ., Невскій, 158) за пересылку не платятъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣлено допустить книгу въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія переводныя и самостоятельныя произведенія **Н. М. Соколова.**

I. *Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи.* 1904 г. 2 р. II. *Стихотворенія.* 1899 г. Ц. 1 р. III. *Второй сборникъ стихотвореній.* 1905 г. 1 р. 50 к. IV. *Русскіе святые и русская интеллигенція.* 1904 г. 50 к. V. *Лирика Я. П. Полонскаго.* 1899 г. 50 к. VI. *О снахъ.* 1900 г. 50 к. VII. *Россія и Западъ* (глава изъ книги Юс. Голечка). 1900 г. 75 к. VIII. *Иллюзіи политическаго творчества. Эпосъ и лирика гр. А. К. Толстого.* 1890 г. 2 р. XI. *Русско-японская война. Пародіи и рифмы.* 1904 г. 40 к. X. *Н. Софистъ.* Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей. 1902 г. 50 к.

Иммануиль Кантъ. I. *Критика чистаго разума.* Второе изд. 1902 г. 3 р. 50 к. II. *Критика практическаго разума.* 1897 г. 1 р. 25 к. III. *Критика способности сужденія.* 1898 г. 2 р. 50 к. IV. *Антропология.* 1900 г. 1 р. 50 к. Артуръ Шопенгауэръ. *Міръ, какъ воля и представленіе.* Т. II. 1893 г. 4 р. Люцій Апулей. *Золотой оселъ.* Второе изд. 1899 г. 1 р. 50 к. А. фонъ Шаккъ. *Исторія скандинавовъ въ Сициліи* 1896 г. 2 р. 50 к. Лихтенбергъ. *Афоризмы.* 1899 г. 1 р. 50 к. А. Манцони. *Графъ Карманьола.* Трагедія. Переводъ (въ стихахъ) съ итальянскаго. 1888 г. 1 р.

534-

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1906 г.,

издаваемый В. В. Комаровымъ.
(годъ изданія пятьдесятъ первый).

«Русскій Вѣстникъ» въ 1906 году выходить будетъ по прежней программѣ, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

1 Января 1906 года «Русскій Вѣстникъ» закончилъ первое пятидесятилѣтіе и вступилъ въ пятьдесятъ первый годъ своего изданія.

Кромѣ обширныхъ отдѣловъ беллетристики и журналистики, «Русскій Вѣстникъ» въ 1906 г. будетъ специально разрабатывать государственные вопросы, вызываемые къ жизни освободительнымъ движеніемъ и Высочайшимъ Манифестомъ, опредѣляющимъ бытіе Государственной Думы.

Подписна цѣна на годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: съ доставкою въ С.-Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 16 р., а за границу 20 р.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ 8 р., на 3 мѣсяца 4 р. съ пересылкою и доставкою.

Книжные магазины пользуются уступкою по 50 коп. съ годового экземпляра.

Подписка на сроки меньше года принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Редакторъ-Издатель **В. В. Комаровъ**.

М.И.ЧЕРТКОВЪ

M.TCHERTKOFF, 41

3.1.41

